

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07856183 8

*GCF
Vernin

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ I. — ТОМЪ XXXII. — 1/11 МАРТА, 1886.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1886

- 5293 -

БЕЗЪ ЛЮБВИ

РОМАНЪ.

„Жизнь прожить — не поле перейти“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Гостиная по всѣмъ правиламъ послѣдней моды. Модные фасоны миниатюрной, легкой мебели, блѣдныя, грязноватыя краски и изящные узоры нарядной и непрочной обивки. Матерія на дверяхъ и окнахъ не виситъ солидными прямыми складками добраго стараго времени, а топорщится и морщится затѣйливыми фестонами, составляющими цвѣтъ обойнаго мастерства и гласящими громогласно о собственной миомлетности. На стѣнахъ — сомнительныя олеографіи въ блестящихъ рамахъ; у оконъ — чашечные цвѣты въ красивыхъ майоликахъ. Стереотипная гостиная столичныхъ квартиръ средней руки, гдѣ все до послѣдней пары подсвѣчниковъ ново, но въ то же время не внушаетъ ни малѣйшаго довѣрія къ своей солидности. Все недавно съ фабрики, только-что изъ мастерской и магазина — ни у чего нѣтъ прошлаго. Нѣтъ исторіи поколѣній, воссѣдавшихъ на однихъ и тѣхъ же подушкахъ, созерцавшихъ въ горѣ и въ радости все ту же рѣзьбу потемнѣвшаго дерева, все тѣ же узоры неизносимыхъ тканей, осѣнявшихъ покровительственно преходящія людскія головы — узоры, гдѣ какое-нибудь пятно имѣло свою исторію, разомъ

*) См. выше: февраль, 469 стр.

воскрешало въ памяти цѣлый эпизодъ далекаго дѣтства; вызывало внезапно полузабытые образы; озаряло ласковой старческой улыбкой или оглушало повелительнымъ голосомъ, отъ котораго когда-то подобострастно трепетало сердце.

Модная квартира безъ традицій, безъ всякой личной физиономіи, безъ прошлаго и безъ будущаго, равнодушная къ своимъ случайнымъ обитателямъ и гдѣ царить побѣдоносно принципъ промышленнаго вѣка: принципъ возможно частаго оборота производствъ. Что за бѣда, если все это ломается, ломается и разсыхается, прежде чѣмъ успѣетъ обдержаться; тѣмъ лучше, если блестящія матеріи выгораютъ и расползаются, не успѣвъ износиться, если все это трещить, коробится, линяетъ и съ изумительной быстротою превращается въ хламъ. Машины и фабрики изготовляютъ несмѣтныя массы продуктовъ, требующихъ сбыта, и работа людей все больше и больше приближается къ спѣшной и шаблонной работѣ машинъ.

Но такъ какъ человекъ, тѣмъ болѣе семья, не живетъ безъ того, чтобы не сообщить окружающей обстановкѣ хотя слабаго отпечатка собственнаго характера, то опытный наблюдатель, попавшій случайно въ эту петербургскую квартиру, все же могъ бы вывести кое-какія заключенія. Во-первыхъ, онъ сразу понялъ бы, что при всемъ видимомъ шикѣ эта обстановка цѣликомъ съ рынка; что, устроиваясь, заботились гораздо больше о наружномъ блескѣ, нежели о солидности и удобствахъ. Во-вторыхъ, онъ легко уловилъ бы отпечатокъ беспорядочности—не неряшества, потому что квартира убиралась съ обычнымъ искусствомъ столичной прислуги,—но равнодушія и безучастности, оставившей растенія медленно умирать въ темныхъ углахъ, не догадывавшейся оживить какъ-нибудь шаблонную разстановку вещей, наполнить уныло пустующіе углы, перевѣсить картину, испорченную неправильнымъ освѣщеніемъ... При всей нарядности, это была скучная комната, говорящая о скучной жизни, о разсѣянныхъ и равнодушныхъ людяхъ.

Она была скупо освѣщена одной лампой и та свѣтила довольно тускло сквозь красивый матовый тюльпанъ. Но среди всѣхъ этихъ красивыхъ вещей раздавались въ эту минуту свѣжіе молодые голоса, чередуясь въ горячемъ спорѣ. Гармоническій дѣвичій голосъ звучалъ увѣренно и задорно, съ полнымъ сознаніемъ своей власти. Голосъ мальчика, неустановившійся, мѣстами крикливый, то разомъ срывался, то забирался неожиданно въ высь, выдавая свою крайнюю юность.

— Шахъ королю.

— Какъ бы не такъ! этотъ ходъ я пресновойно отставляю.

— Не имѣешь права, не имѣешь права! Надя, это не по правиламъ!

— О, ты еще не знаешь—для женщинъ законъ не писанъ!..

— Въ игрѣ не бываетъ женщинъ! Эдакъ лучше не играть вовсе.

Мальчикъ отодвинулъ свой стулъ, дѣлая видъ, что бросаетъ игру, тогда какъ глаза его жадно пожирали доску. Она посмѣивалась, примостившись, точно птичка, на ручкѣ кресла и болтая въ воздухѣ узкими ножками.

Она была очаровательна, Надя Кубанская, въ свои двадцать лѣтъ. Она сдержала все, что обѣщала красавецъ-ребенокъ, но съ тѣмъ поэтическимъ очарованіемъ юности, котораго никогда нельзя ни угадать, ни предсказать напередъ, потому что никто не скажетъ, въ чемъ именно оно заключается. Это были всѣ черты Анатолія Петровича, смягченные и утонченные въ женскомъ лицѣ; даже страстные, немного наглые глаза красавца сохранили тотъ же характеръ, дѣлая его поражающимъ и неотразимымъ въ невинномъ взорѣ дѣвушки. Всякій понималъ, что такіе глаза созданы не для слезъ. Блестящіе черные волосы слегка вились, какъ у отца, и раскиданные небрежно по плечамъ, придавали этой блестящей красотѣ капризный характеръ, который удивительно шелъ къ ней. Она смѣялась, открывая зубы длинные и узкіе, какъ миндалины, голубовато-бѣлые точно перламутръ, и это было единственное, что Надя взяла у матери. Перетянутая въ корсетъ, въ блестящей золотистой матеріи, опутывавшей тонкую фигурку пышными буфами и причудливыми складками, съ обнаженными по локоть нѣжными ручками, съ пышнымъ кружевнымъ рюшемъ вокругъ полуоткрытой шейки, она смотрѣла восхитительной модной картинкой.

Слегка перегибаясь, чтобы сохранить равновѣсіе на ручкѣ кресла, дѣвушка быстро и увѣренно двигала фигурами, не обращая никакого вниманія на негодованіе своего партнера.

— Вотъ этого коня мы возьмемъ-съ. Изволили прозвѣвать, Александръ Анатоліевичъ...

— Хорошо, хорошо! я вѣдь не дѣвочка, пощады просить не стану. Я еще не оставилъ ни одного хода.

— Тѣмъ лучше. Это не измѣнить дѣла, когда ты проиграешь.

— Нѣтъ-съ, измѣнить! Впрочемъ, дѣвчонки всегда берутъ хитростью, а потомъ сами же важничаютъ.

— Какая же хитрость, коли ты самъ презираешь отставки? Вѣдь я тебѣ не мѣшаю?—поддразнивала Надя.—Оно и видно, мой другъ, что въ вашемъ классѣ еще не изучаютъ логики.

— А дѣвочекъ вовсе нельзя выучить логикѣ!

— Это ты гдѣ подслушала? Шахъ королевѣ!

— Прекрасно, прекрасно! Туру, значить, мы можемъ взять...

— А-а!.. Ни за что! я не замѣтила, Саша!!

Произошла короткая, но серьезная борьба. Надя не давала фигуры, но Саша вырвалъ ее изъ-подъ ея пальцевъ, съ грубостью мальчика, не останавливающагося передъ тѣмъ, что онъ кому-нибудь сдѣлаетъ больно. Тогда дѣвушка спрыгнула на полъ, быстрымъ движеніемъ смѣшала на доскѣ всѣ шахматы и принялась молча, но выразительно дуть на свои пальцы.

Саша, весь красный, съ злымъ и упрямымъ выраженіемъ на своей красивой рожицѣ яркаго брюнетика, сердито швырялъ шахматы въ ящикъ. На немъ былъ разстегнутый гимназическій мундирчикъ: на видъ онъ казался значительно старше своихъ шестнадцати лѣтъ.

— Ты оттого и смѣшала, что эту партію ты все равно проиграла,—не утерпѣлъ онъ, шумно задвигая ящикъ стола.

— Сдѣлай одолженіе, считай хоть десять партій, если тебя это утѣшаетъ! только, пожалуйста, никогда ужъ больше не проси меня играть съ тобою.

— И не нужно! Пріятно играть по настоящему, а тебѣ только и можно играть съ твоимъ Ханойскимъ, ты ему дѣлаешь глазки и подставляешь ручки, а онъ нарочно поддаетъ тебѣ фигуры... Это называется играть въ шахматы!

— Саша?!—выпрямилась Надя:—ты рѣшительно забываешься!

— А-а, не нравится? Ты думаешь, что никто не замѣчаетъ?

— Ступай учить свои уроки, или я пожалуюсь мамашѣ.

— Сдѣлай милость, жалуйся! Я ужъ встати расскажу ей, какъ вы съ нимъ шепчетесь въ то время, какъ папа ходитъ по комнатѣ и громко разговариваетъ совсѣмъ одинъ... Ха, ха, ха, его никто и не слушаетъ, а мамаша воображаетъ...

Конецъ фразы пропалъ подъ столомъ, куда мальчикъ проворно спрятался, спасая свои уши отъ взбѣшенной сестры.

— Ну... за это ты будешь наказанъ!.. будешь наказанъ!—твердила Надя, не желая, однако-же, мать своего наряда и продолжая борьбу подъ столомъ.

Голова Саши высунулась съ другой стороны изъ-подъ тяжелой рипсовой салфетки, съ злорадной гримасой испорченнаго ребенка, которому извѣстны слабыя стороны взрослыхъ и который при случаѣ съ истиннымъ наслажденіемъ бросаетъ ихъ прямо въ лицо. Онъ лукаво наблюдаетъ, какъ сестра передъ зеркаломъ приводитъ въ порядокъ прическу, вся красная отъ негодованія.

— А ту большую книгу въ зеленомъ переплетѣ три раза носили взадъ и впередъ, потому что ты прятала въ нее свои записочки!—раздалось за ея спиной.

Въ глубинѣ зеркала блестяла на самомъ полу пара черныхъ глазъ, точно яркіе зрачки злого звѣрька. Надя обернулась, какъ ужасенная, и быстро взглянула на затворенную дверь въ соседнюю комнату.

— Ты лжешь! Еслибъ я это даже и дѣлала, то ужъ, конечно, не на глазахъ такого отвратительнаго мальчишки!

— А я подсматрѣлъ!

Дѣвунка подошла ближе къ столу.

— Ну!.. я даю тебѣ честное слово,—ты это понимаешь? на parole d'honneur!—что тебя еще нынче весною отдадутъ въ лицей.

Она выговорила это медленно и выразительно, какъ угрозу, смыслъ которой ему долженъ быть вполне понятенъ.

— О-о?... это мы еще посмотримъ! погоди пока распоряжаться моею судьбой... Ты лучше свои-то дѣлшки благополучно распутай сначала. Небось трусишь! Не на того напала, да жаль, увидала-то это слишкомъ поздно...

— Сашка!.. Замолчишь ли ты, наконецъ, сегодня? Какъ ты смѣешь мѣшаться въ дѣла взрослыхъ? У тебя есть своя комната и твои уроки; кажется, въ шестнадцать лѣтъ можно ужъ, наконецъ, рѣшиться учить ихъ.

Этой фразой закончилась перебранка. Саша не стѣлъ нужнымъ прибавить еще что-нибудь. Онъ поднялся съ ковра и побрелъ изъ гостиной, лѣниво волоча по коврику свои несоразмѣрно большія ноги подростка.

II.

Чтобы выпроводить Сашу изъ какой-нибудь комнаты, было совершенно достаточно упомянуть раза два объ его урокахъ. Онъ самъ не думалъ, но одно сознаніе, что всѣ другіе каждую минуту могутъ напомнить ему объ нихъ, неизмѣнно приводило его въ раздраженное состояніе духа съ той самой минуты, какъ вставали изъ-за обѣденнаго стола. Онъ упрямился, надѣдалъ, дразнилъ и грубилъ, дѣлался положительно несноснымъ мальчишкой, тогда какъ бывалъ несравненно милѣе до обѣда. Изъ цѣлаго дня Саша любилъ только коротенькій промежутокъ между классами и обѣдомъ, когда никто не могъ призвать его къ его обязанностямъ;

мало-по-малу въ его дѣтской жизни эти два часа времени принимали совсѣмъ фантастическіе размѣры. Все свое любимое и завѣтное Сапа откладывалъ до своего милого „передъ обѣдомъ“, и надо было удивляться, сколько онъ успѣвалъ! Онъ бывалъ проворенъ, веселъ и дѣтственъ и всегда насвистывалъ себѣ что-нибудь подъ носъ, пачкался въ краскахъ, въ клеѣ, стругая, пиля и мастера на всѣ лады или же обучая разнымъ замысловатымъ штучкамъ дрянную маленькую собаченку, приставшую къ нему случайно на улицѣ и которую ему удалось упротить мать оставить у себя. Послѣ обѣда Сапа хмурился и волочилъ ноги, сложивъ изъ комнаты въ комнату, чтобы улизнуть отъ ненавистныхъ напоминаній и дотянуть какъ-нибудь до той минуты, когда раздавался звонокъ и приходилъ его репетиторъ.

Это была одна изъ тѣхъ особенностей дѣтской жизни, которая такъ легко ускользаетъ отъ вниманія старшихъ. Только маленькая сестра Жени простымъ опытомъ познала все значеніе „передъ обѣдомъ“ и инстинктивно принаравливала къ этому времени всѣ свои маленькія просьбы.

Когда Сапа сгоряча показывалъ Надѣ, матери или отцу какую-нибудь замысловатую штучку своего издѣлья—его разсѣянно хвалили, но тутъ же непремѣнно попрекали, что онъ тратитъ время на глупости; если онъ получалъ дурную отмѣтку—ему грозили выбросить собаченку, съ которой онъ возился вмѣсто того, чтобы сидѣть надъ латынью. Быть можетъ, мальчикъ легче одолевалъ бы свою науку, еслибы окружающіе не дѣлали изъ нея вѣчной горькой приправы ко всему его существованію. Завѣтные два часа самобытной жизни спасались единственно тѣмъ, что всѣмъ другимъ они казались слишкомъ ничтожнымъ промежуткомъ времени; а между тѣмъ, изъ этихъ ничтожныхъ промежутковъ слагалась цѣлая жизнь, полная смысла и значенія, гдѣ мальчикъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и когда онъ, благодаря случайнымъ встрѣчамъ и сближеніямъ, осмыслилъ мало-по-малу собственные вкусы и наклонности... Но это была пока Сапина тайна; для всѣхъ онъ былъ только неисправимый отпѣтый лѣнтяй, судьба котораго всѣхъ заботила и тревожила.

До шестнадцатаго года Сапѣ пришлось пережѣнить нѣсколько учебныхъ заведеній не столько потому, что онъ скверно учился и не могъ осилить благополучно ни одного экзамена, сколько оттого, что школьное начальство съ первыхъ шаговъ принималось систематически выживать отъ себя „вредный элементъ“. Его называли „дикимъ“ ребенкомъ и съ навыкомъ педагоговъ, пропустившихъ черезъ руки послѣдовательные ряды юныхъ поколѣ-

ній, сразу угадывали въ угрюмомъ и строптивомъ мальчикѣ тотъ „вредный духъ“, который не поддается никакой дисциплинѣ и быстро приобретаетъ опасное вліяніе надъ дѣтскою средой. По особымъ обстоятельствамъ семьи, Сапа былъ посаженъ слишкомъ поздно за систематическую науку и значительно отсталъ въ ученіи, въ то время какъ въ развитіи онъ далеко обогналъ своихъ одноклассниковъ; понятно, что для переросшаго подростка, пользовавшагося въ дѣтствѣ большою свободою и привыкшаго къ разнообразію впечатлѣній, благодаря тому, что семья Кубанскихъ вынуждена была нѣсколько лѣтъ въ ряду прожить за границей, понятно, что для него школьная лямка младшихъ классовъ гимназій показалась нестерпимой. Онъ шелъ туда не учиться, а забавляться мелкими, но тѣмъ не менѣе захватывающими перипетіями неравной борьбы между „послѣднимъ ученикомъ“ и школою. Онъ изощрялъ на этомъ свою изобрѣтательность и остроуміе, пока какой-нибудь скандалъ не вынуждалъ Кубанскихъ убрать его скорѣе изъ заведенія.

Никто не могъ бы сказать, когда именно мальчикъ получилъ свое непобѣдимое отвращеніе къ ученію; онъ не былъ неспособнымъ ребенкомъ и былъ даже чрезвычайно наблюдателенъ и любознателенъ, но только за предѣлами книжной мудрости, которая представлялась ему какою-то бездонной пучиною трудностей, сухихъ, безцѣльныхъ и которыми не предвидится конца. Первые педагогическіе опыты надъ нимъ, едва пятилѣтнимъ ребенкомъ, производила сама Лизавета Игнатьевна, возмѣшная-было надежду этими занятіями отвлечься сколько-нибудь отъ своей всегдашней гнетущей тоски. Но она оказалась совсѣмъ плохимъ педагогомъ; промучивъ года два себя и дѣтей, она вынуждена была признать, что у нея не хватаетъ самаго необходимаго качества: терпѣнія. Съ этимъ открытіемъ Кубанская долго не могла помириться; она готова была отказать себѣ во всѣхъ достоинствахъ, но именно на терпѣніе свое полагалась всегда, какъ на каменную гору. Развѣ она не доказывала его каждымъ новымъ днемъ, который встрѣчала тяжелымъ вдохомъ и проводила съ облегченіемъ? Разумѣется, она одна могла быть судьей въ этомъ вопросѣ, но несомнѣнно и то, что большой или малый—весь запасъ ея терпѣнія уходилъ на эту обязанность выносить жизнь... Для живого, житейскаго дѣла хозяйки и матери семьи его оставалось все меньше и меньше...

Докторъ, лечившій Кубанскую въ С... во время ея второй беременности, первый сказалъ ей, что она больна, что у нея потрясена вся нервная система и начало сердечнаго страданія,

которое можетъ привести къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ. Опытный и образованный медикъ потратилъ много доводовъ, чтобы предостеречь во время молодую пациентку и заставить ее благоразумно исполнять его совѣты... Когда нѣсколько лѣтъ позднѣе тотъ же докторъ присутствовалъ при появленіи на свѣтъ Жени, онъ нѣсколько времени серьезно отчаявался въ выздоровленіи матери, а въ своемъ кругу неосторожно высказалъ надежду, что хилый и жалкій ребенокъ не останется бременить землю. Но это гуманное желаніе не исполнилось: Женья уцѣлѣла, благодаря систематическому леченію и неуныннымъ, страстнымъ заботамъ матери. На долгое время вся жизнь Лизаветы Игнатьевны сосредоточилась на одномъ усилии отстоять у смерти крошечное существо, которое такъ медленно, такъ нехота, съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ входило въ жизнь...

Это созданіе, обреченное и вѣчно страдающее, надрывало душу мучительной жалостью, а для человѣка, въ такой мѣрѣ подавленнаго несчастіемъ, что всѣ его ощущенія какъ бы застывали въ холодѣ безотраднaго отчаянія,—для такого человѣка жалость оказалась единственнымъ видомъ чувства, который еще могъ пересиливать этотъ подавляющій гнетъ... Знакомые Лизаветы Игнатьевны удивлялись и осуждали ее за такое безразсудное обожаніе больной, некрасивой и неспособной дѣвочки въ ущербъ двумъ здоровымъ красавцамъ, способнымъ удовлетворить самое взыскательное родительское тщеславіе.

Уѣхавъ изъ N... и устроиваясь на новомъ мѣстѣ, Лиза была всецѣло поглощена осуществленіемъ одного безповоротнаго рѣшенія: создать, во что бы то ни стало, семью одной силой собственного мужества, заставить восторжествовать въ концѣ концовъ свой чистый идеалъ женскаго существованія... Для этого нашелся одинъ только путь—путь постоянныхъ уступокъ, безпощадная ломка своего нравственнаго я въ усилии поддержать искусственную гармонию, держаться насильно въ уровнѣ запросовъ и вкусовъ гораздо болѣе низкаго разбора, чѣмъ ея собственные. Разнь была слишкомъ велика: одному изъ двухъ приходилось ступеваться, чтобы не погубить шаткаго мира въ хаосѣ столкновенія двухъ натуръ, въ такой степени противоположныхъ, міросозерцаній въ такой мѣрѣ различныхъ! Ступевался тотъ, въ комъ было самоотверженіе развитого существа, кѣмъ руководила идея, замѣстившая всякій другой интересъ къ жизни.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы и Анатолій Петровичъ былъ очень счастливъ... но, во всякомъ случаѣ, онъ благоденствовалъ. Все устранивалось такъ, какъ онъ желалъ и любилъ. Отертый

образъ жизни Кубанскихъ превышалъ ихъ средства и былъ совершенно не по вкусу и не по силамъ женѣ; но мужъ не понималъ другой жизни и, чтобы удерживать его на стезѣ порядочности, приходилось удовлетворять его требованіямъ. Послѣ первыхъ тяжелыхъ лѣтъ, ожесточеннаго разлада и страстной борьбы, это было все-таки благополучіе, на которое трудно ужъ было и рассчитывать. Анатолій Петровичъ только наслаждался результатами; вся трудность созиданія этого семейнаго мира, во что бы ни стало, падала всецѣло на Лизу.

Миръ—коротенькое, односложное слово... Слагался онъ изъ грубыхъ насилій надъ собой, изъ ежечасной измѣны себя... Изъ оскорбленій, выносимыхъ молча, потому что заявлять объ нихъ было бы оскорбленіемъ еще большимъ... Изъ глухого стыда униженій добровольныхъ и сознательныхъ...

Анатолій Петровичъ, со своей стороны, вносилъ въ этотъ миръ только одно: добродушіе своего характера и нетребовательность собственной безалаберности. Послѣ мучительныхъ столкновений, которыя затрогивали самыя сокровенныя струны души; послѣ послѣднихъ уступокъ, оскорблявшихъ святыню ея недавней любви, мновившихъ стыдомъ молодую голову, Лиза видѣла своего мужа все такимъ же неуязвимымъ, беззаботнымъ и искренно недоумѣвающимъ передъ ея неумѣніемъ жить на бѣломъ свѣтѣ... Выплакивая глаза въ первыхъ взрывахъ возмущенія своей женской природы, она могла быть увѣрена, что онъ не утратилъ ни на юту аппетита передъ безмолвной картиной чужого отчаянія.

Появленіе на свѣтъ сына застало Лизу измученною и изломанною этой первой и самой тяжелой фазой ихъ примиреннаго существованія. Мать ожидала его съ ужасомъ, какъ усталый странникъ новую пошу на свои плечи, какъ заключенный новую цѣпь, приковывающую его въ тюрьмѣ... Когда благочестивая Палагеюшка, испуганная бурнымъ отчаяніемъ своей барыни, пыталась пристыдить ее или растрогать тѣми словами и образами, которыми такъ легко добраться до женскаго сердца, Лиза выслушивала ее совершенно холодно и думала, что настоящій стыдъ въ томъ, что этотъ ребенокъ является на свѣтъ.

И онъ такъ и явился живымъ залогомъ стыда женщины, почувствовавшей себя восточной невольницей въ христіанскомъ бракѣ. Въ этомъ стыдѣ былъ первый зародышъ ненависти, которой до сихъ поръ она все-таки еще не чувствовала въ своему мужу, какъ ни было велико отчужденіе. Странно, что всѣ сильныя чувства этой женщины, все, что переворачивало такъ или

иначе ея существованіе, всегда рождалось изъ стыда... Этого ощущенія она не переживала даромъ.

Надѣ шель въ это время пятый годъ. Всѣ считали, что Кубанская боготворить свою красавицу-дочку. Она сама была въ этомъ долго увѣрена. Четыре года жизни ребенка для матери промелькнули въ страстной борьбѣ. Жизнь изжита — пѣсенка спѣта. Когда, въ какой моментъ сверхъестественнаго напряженія всѣхъ силъ остыла и эта нѣжность?.. Погибло такъ многое, что было бы, пожалуй, гораздо болѣе удивительно, еслибъ, хоть одно чувство вышло свѣжимъ и непомятымъ изъ такой ломки. Лизавета Игнатьевна долго не сознавала этого. Во время скарлатины, испугавшись возможности потерять дочь, она дала всѣ свои обѣты. Она начертала весь планъ дальнѣйшей жизни, съ горячностью идеалиста, ужаснувагося призракъ существованія безъ цѣли, со всей отвагой молодости, которая только живя познаетъ жизнь. Ни передъ чѣмъ она не отступила.

Есть положенія, совсѣмъ готовые и которые каждымъ принимаются на вѣру, по крайней рѣдкости уклоненій. Уже конечно материнская любовь по праву занимаетъ между ними первое мѣсто. Въ дѣйствительности, такъ ли исключительны эти уклоненія, какъ кажется?.. Какъ бы то ни было, ни одна женщина не сомнѣвается въ томъ, что она обожаетъ своихъ дѣтей и ей не представляется ни малѣйшаго труда увѣрить въ этомъ цѣлый свѣтъ.

О, разумѣется, Лизавета Игнатьевна жила для Нади. Только эта привязанность не была для нея источникомъ счастья, неизсякаемыхъ радостей, своеобразнаго наслажденія жить въ другомъ существѣ, не была новымъ, очаровательнымъ видоизмѣненіемъ любви, какою она бываетъ для всѣхъ счастливыхъ матерей. Ребенокъ, останавливавшій на себѣ всеобщее вниманіе своей рѣдкой прелестью, черезъ-чуръ уже дорого обошелся своей матери и онъ слишкомъ живо напоминалъ собою отца. Сходство проглядывало даже въ манерахъ маленькаго созданія, въ томъ, какъ она нетерпѣливо морщила свой атласный лобикъ или лукаво подмигивала уголками глазъ. Надя наполняла цѣлый домъ своимъ серебристымъ смѣхомъ, своими мимолетными желаніями, своей тирадией балованнаго кумира, твердо увѣреннаго, что самъ Богъ соображается съ ея расположеніемъ духа, посыластъ солнце ради ея именинъ или дождь въ наказаніе за ея капризы. Видя свою мать печальною, въ слезахъ, дѣвочка въ тотъ же мигъ поворачивала спину и беззаботно летѣла въ отцу.

Для Анатоля Петровича баловать Надю, наряжать ее, ще-

голять ею передъ цѣлымъ городомъ, заставлять ее продѣлывать свои граціозныя лютчики маленькой дѣвчонки, красотою которой громко восхищаются, для него все это было самой свѣтлой стороной тяжелой семейной жизни. Играть ею какъ мичкомъ, мять, кормить и подкалывать гибкую фигурку, было здоровой гимнастикой, наполнявшей движеньемъ, вивгомъ и смѣхомъ печальный домъ. Для отца Надя была именно источникомъ наслажденія и несомнѣнно, что это была любовь ненормальная, въ которой никакой роли не играли ни принципы, ни чувство долга. Было одно эгоистическое торжество счастливой натуры, наслаждение очаровательной живою игрушкой... Не забавно ли, когда гдѣ-то едва надъ землею вамъ улыбается пара вашихъ собственныхъ плечъ, всё ваши черты до самыхъ мелкихъ недостатковъ! По мѣрѣ того, какъ дѣвчонка росла и вымѣнялось сходство не только физическое, росла также слѣпая привязанность отца, не пережившаго въ своей жизни ни одной минуты недомолства собственной особой. Анатолю Петровичу случалось думать: „и е-то хотѣли отнять у меня!..“ Ему дѣлалось даже смѣшно, какъ человѣку, котораго стали бы увѣрять, что его можно раздѣлить надвое.

Лизавета Игнатьевна заболѣла и не могла сама выкормить Сашу. Отданный на руки кормилицѣ, мальчикъ росъ здоровый и красивый, лицомъ похожій на сестру, но нравомъ гораздо болѣе упорный и горячій. Отецъ не умѣлъ съ нимъ ладить и прозвалъ „дутиномъ“ за его обидчивость и чувствительность. Мать тщетно ускакивалась изгладить изъ своего сердца онустошительные слѣды той бури, какою встрѣтила она необходимость имѣть второго ребенка... Если материнская любовь есть инстинктъ, то не менѣе необходимый инстинктъ и тѣ различные оттѣнки чувства, изъ которыхъ слагаются интимныя отношенія семей. Жизнь—дѣтя любви, и когда искусственныя и сложныя условія челоѣческаго существованія деспотически извращаютъ простой и прекрасный планъ мировой гармоніи, ея поправные законы всегда встать за себя не тѣмъ, такъ инымъ путемъ...

Мальчикъ росъ среди равнодушія и придиорокъ отца, котораго онъ раздражалъ вмѣсто того, чтобы забавлять; среди своеправной тиракн другого ребенка и внимательныхъ, но холодныхъ пошечений матери; хотѣвшей, во что бы то ни стало, быть справедливой. Правда, Анатолій Петровичъ былъ челоѣкъ мягкій и совершенно неспособный къ жестокости; онъ имѣлъ только маленькую страстишку дразнить и издѣваться,—страстишку, иногда нонятную въ этомъ веселомъ и остроумномъ челоѣкѣ, но одну изъ

самыхъ тяжелыхъ для чуткаго дѣтскаго чувства... Несомнѣнно, что на деспотизмъ Нади управа была всегда подъ рукою въ авторитетъ Лизаветы Игнатьевны, не допускавшей несправедливостей... Поэтому никому и не приходило въ голову видѣть въ этомъ мальчикѣ жертву семейной драмы. Онъ самъ выносилъ безотчетно условія своей жизни, но быстро превращался въ упрямаго, придирчиваго и докучливаго ребенка, вѣчно носившагося съ жалобами и претензіями, которыя подъ конецъ всѣмъ надоѣдало разбирать. Даже добрый Палагеюшка, обожающая Саню груднымъ ребенкомъ, все чаще и чаще отдавала предпочтеніе капризницѣ Надѣ, всегда веселой и веселопамятной.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Лизавета Игнатьевна ожидала третьяго ребенка и ожидала на этотъ разъ совсѣмъ иначе. Несомнѣнно, что она была теперь еще болѣзненнѣе, нервнѣе и раздражительнѣе, но года брали свое! Являлась поборность усталости... Равнодушіе болѣе хладнокровнаго возраста, неспособнаго уже такъ сумасбродно и такъ страстно расточать душу въ ежеминутномъ отстаиваніи своего достоинства. Являлся самый вѣрный и надежный помощникъ людей, привычка... Теперь это была не прежняя мучительная ломка, а простая уступчивость челоуѣка, махнуваго на себя рукой.

Лизавета Игнатьевна назвала дѣвочку когда-то дорогимъ именемъ своего друга и съ первой минуты, отъ одного взгляда на жалкій организмъ, въ которомъ жизнь едва теплилась, ея сердце, казалось, такъ безвозвратно остывшее, загорѣлось жалостью, никогда прежде не испытанной... Вся нѣжность, искусственно подавленная въ этой женской душѣ, вся потребность заботиться на чемъ-нибудь, такая понятная, но такъ трудно достижимая для людей, отданныхъ на жертву самому тяжелому и безотрадному эгоизму: эгоизму несчастья, — все это слилось въ одно страстное желаніе выходить и взлѣгать жалкое ничтожество, за которымъ нигдѣ, кромѣ нея, не хотѣлъ признавать правъ на жизнь.

Близкіе знакомые, соблазнувъ матери, позволяли себѣ говорить, въ видѣ утѣшенія, что для дѣтей, въ такой мѣрѣ болѣзненныхъ, самое большое счастье покончить, какъ можно раньше, съ безотраднымъ существованіемъ. Доктора лечили нехотѣ. Жалость родного отца невольно принимала безгліивый оттѣнокъ; со всѣмъ чистосердечіемъ натуры, чуждой всякихъ утонченностей, Анатолій Петровичъ соглашался съ посторонними людьми и только плечами пожималъ на безчисленныхъ, разорительныхъ вонсилѣумахъ, которые осыпала его жена. Сама благочестивая Палагеюшка желала, чтобы ужъ лучше „Богъ прибралъ“, и постоянно твердила

объ этомъ матери, приготовляя ее къ потерѣ, казавшейся неизбежной.

Среди этого единодушнаго гуманнаго заговора, одна мать сопротивлялась съ ошесточеннымъ упорствомъ, съ неизсякаемой вѣрой, съ подозрительнымъ недоверіемъ къ окружающимъ; ея терпѣніе только ищощеся и совершенствовалось, но мѣръ того, какъ обязанности сидѣлки растянывались на цѣлыя годы. Въ этомъ было что-то животное... Загадочный фокусъ природы, слѣпая мощь инстинкта, издающаяся надъ свѣтлымъ человѣческимъ разумомъ...

Вся семья почувствовала на себѣ новый переломъ въ жизни Лизаветы Игнатьевны. Для Анатоля Петровича это былъ рѣзкій переходъ отъ придирчиваго контроля женщины, не умѣвшей примириться со своей долей, къ равнодушію человѣка, совершенно поглощеннаго чѣмъ-нибудь однимъ, и потому предоставляющаго другимъ полную свободу. Двумъ старшимъ дѣтямъ оставалась только та доля заботливости, которая не поглощалась безчисленными и ежеминутными требованіями больного ребенка. Цѣлому дому здоровыхъ людей приходилось привыкаться къ потребностямъ искалѣченнаго существованія, танувшагося искусственно, на зло здоровой логикѣ вещей, на зло наукѣ, авторитетно назначавшей различныя сроки смерти дѣвочки. Маленькая Женья продолжала жить, обезображенная рахитомъ, страдающая тяжелыми нервными припадками, грозившими одно время разрѣшиться полнымъ идиотизмомъ.

Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Кубанскіе странствовали по всевозможнымъ цѣлебнымъ водамъ, грязямъ и купаньямъ русскимъ и заграничнымъ. Жизнь проходила въ утомительной суматохѣ перѣздовъ въ погоню за вѣчнымъ лѣтомъ; среди нѣкогда вполне не распаковывавшихся сундуковъ и чемодановъ, въ неудобствахъ бивуака, въ неувѣренности за завтрашній день, когда новое колебаніе въ сложномъ страданіи или требованіе новаго свѣтила медицины переворачивало неожиданно вверхъ дномъ всѣ планы и расчеты.

Дѣти никогда не тяготятся цыганскимъ образомъ жизни, но подобная жизнь неизбежно прививаетъ имъ свои привычки неряшества и лѣни, пресыщаетъ быстро смѣняющимися впечатлѣніями, создаетъ вредную атмосферу случайностей и приключеній. Въ эгоистической и поверхностной натурѣ Нади все это оставляло яркій слѣдъ, нѣчто въ родѣ безпечной увѣренности, что отъ всякой бѣды, отъ всякой докучи въ жизни можно спастись, уложивъ свои чемоданы...

Наконецъ и Лизавета Игнатьевна, при всей разсѣянности человека, вѣчно озабоченнаго, начала поражаться отвагой Надиныхъ сужденій и поступковъ. Съ изумительной быстротой и ловкостью дѣвочка умѣла создавать себѣ новую-то самостоятельную жизнь, пріобрѣтать всюду друзей и знакомыхъ, прежде чѣмъ ее мать успѣвала оглядѣться. Для Кубанской новизна среды, красоты природы, прелести климата, всѣ заманчивыя стороны путешествій, пропадали почти всецѣло, оставляя одинъ смутный слѣдъ усталости и сложныхъ заботъ, наводящихъ цѣликомъ на одного человека. Анатолій Петровичъ былъ плохимъ и опаснымъ помощникомъ съ его широкими привычками барства, со способностью въ мгновенномъ увлеченіи какимъ-нибудь яркимъ позабывать совершенно, что цѣлая семья осталась въ вонзѣ ждать его распоряженій. Испытавъ это разъ, другой, да поплачавшись слишкомъ чувствительно карманомъ, жена предпочитала оставить за нимъ только роль беззаботнаго фланера и любознательнаго путешественника съ утонченными вкусами. Къ тому же дѣла Кубанскихъ запутывались все больше съ каждымъ годомъ. Она была всегда поглощена прискиваніемъ недорогихъ пансіоновъ или отелей, консультаціями съ докторами, ваннами, прогулками и кормленіями по часамъ, всѣмъ оглушающимъ напряженіемъ существованія, прикованнаго къ часовой стрѣлкѣ. Естественно, что отбывъ съ горемъ пополамъ свои занятія съ случайными учителями или въ вѣчно смѣнявшихся пансіонахъ, дѣти направляли всю свою ловкость на то, чтобы улізнуть изъ тяжелой атмосферы. Очаровательная дѣвочка, выступавшая на прогулкахъ рядомъ съ красавцемъ отцомъ, вездѣ приговывала къ себѣ ввормы; съ лукавой скромностью она потушала свои огненные глазки передъ восторженными восклицаніями, летѣвшими ей вслѣдъ на всѣхъ нарѣчійхъ, а при случаѣ игриво раскланивалась и пересмѣивалась черезъ заборы или съ высоты балконовъ со своими случайными знакомцами. Въ четырнадцать лѣтъ Нада бѣжала въ школу, высматривая поклонниковъ, которые поджидали ее на пути, предлагая свои услуги донести ее книжки, забавляясь кокетствомъ полу-дѣвочки, полу-ребенка.

Въ одинъ прекрасный день мать застала ее на балконѣ хохочущую до истеріи; неестественные перепады этого смѣха вызвали, наконецъ, Лизавету Игнатьевну изъ спальни, Нада сидѣла на чугунномъ диванчикѣ подъ колеблющейся сѣткою вьющихся розъ и, разложивъ на колыняхъ листокъ розовой почтовой бумаги, заливалась неудержимымъ восторженнымъ смѣхомъ. Красавецъ итальянецъ формально объяснился ей въ любви!.. Давно ужъ онъ

всюду упорно преслѣдовать юную русскую красавицу и кончить тѣмъ, что съ горячностью своего южнаго темперамента считать достаточно взрослою эту нивольницу въ ея полудлинномъ платьѣ, съ едва обозначившимися формами тоненькой фигурки—но съ цѣлой пучиной воблѣливаго задора въ лукавыхъ взглядахъ. Торжеству Нади не было предѣловъ. Она захлебывалась отъ восторга. Весь ужасъ Лизаветы Игнатьевны, вся буря ея гнѣва не могли ослабить ни на іоту побѣдоноснаго впечатлѣнія этого приключенія.

Анатолій Петровичъ, по настоянію жены, отправился прочесть мораль безумцу—но въ сущности ему гораздо больше хотѣлось смѣяться и торжествовать вмѣстѣ съ дочерью надъ такимъ блистательнымъ пораженіемъ красавца-атлета, съ пластической граціей античныхъ гладіаторовъ подъ безцвѣтной одеждой современнаго франта.

Черезъ недѣлю послѣ этого происшествія Кубанскіе внезапно вернулись въ Россію. Это было одно изъ радикальныхъ рѣшеній, какія Лизавета Игнатьевна принимала во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни.

Такова правдивая исторія этой женской жизни, рѣзко разграниченной надвое кровавой драмой, которая разыгралась въ городѣ N***. Такъ были сложны и такъ неожиданны невольные результаты благороднаго рѣшенія женщины не сворачивать съ пути добродѣтели и остаться вѣрной, наперекоръ всему, самымъ строгимъ идеаламъ семейнаго долга.

Вѣроятно, сама Евгенія Васильевна Неврова—еслибъ она могла заглянуть въ тайники чужого существованія, какъ мы, прочесть эти страницы—при всей страстной ревности въ памяти брата, вѣроятно, даже и она не имѣла бы духа встрѣтить злораднымъ смѣхомъ случайно долѣтѣвшую до нея вѣсть объ этой „кучѣ дѣтей отъ ненавистнаго человѣка“...

III.

Надя взглянула на каминные часы и поспѣшно вышла въ ту же дверь, куда исчезъ Сапа.

Она вела въ узкую проходную комнату, одну изъ тѣхъ, какія имѣются для счета во всѣхъ петербургскихъ квартирахъ и для которыхъ невозможно придумать сколько-нибудь осмысленнаго назначенія. Въ глубинѣ помѣщалась кушетка—наискось, за невозможностью установить ее вдоль стѣны—и на ней лежалъ, рас-

танувшись на животѣ, гимназистъ; онъ пощелкивалъ въ воздухѣ каблучками и утѣнулся лицомъ въ шитую шерстью подушку.

У стѣны, на небольшомъ дамскомъ столикѣ горѣла лампа, подъ темнымъ абажуромъ; вся высокая узкая комната оставалась въ уныломъ полумракѣ—яркій свѣтъ сосредоточивался на разложенныхъ по столу ученическихъ тетрадкахъ и на согнувшейся надъ ними миниатюрной фигуркѣ Жени. Маленькая ручка, костлявая и желтая, точно изъ воска, медленно и старательно выводила одну строку за другой. Прозрачное, художавое лицо то же участвовало въ работѣ всѣми своими старообразными чертами: дѣвочка наклоняла голову то направо, то налѣво, морщила брови, закусывала губу или высовывала кончикъ языка и водила имъ вслѣдъ за перомъ. Очевидно, это былъ трудъ тяжелый для ея уродливой фигуры съ укороченной шеей, державшей голову откинутаю назадъ, съ грудной костью, выдававшейся острымъ угломъ и мѣшавшей свободно наклоняться. Длинная фланелевая блуза скрывала привизну ногъ; на правой рукѣ обомло кисти краснѣла „симпатія“—намотанная три раза пунсовая шерстинка. Въ комнатѣ пахло какой-то спиртуозной мазью.

Надя вошла изъ гостиной и прослѣдовала дальше, не останавливаясь; только мелькомъ смѣрнула съ головы до ногъ валищагося гимназиста. Онъ не шевелясь покосился на нее однимъ глазомъ.

Женя положила перо, вздохнула и выпрямилась на стулѣ.

— Онъ поѣдутъ въ театръ? — спросила она тихо. — Саша, мама съ Надей въ театръ ѣдутъ? — повторила громче, не дождавшись отвѣта.

— Сама знаешь, такъ чего спрашиваешь? — пробурчалъ онъ въ подушку.

— На дворѣ вьюга... Няня говорить, такъ глаза и затѣмнѣютъ! Саша молчалъ.

— Мама опять простудится...

— Тебѣ вѣчно кажется, что всѣ должны простужаться и болѣть, оттого что сама не можешь носа высунуть, чтобы не раскиснуть!

Мальчикъ засмѣялся, впрочемъ, довольно добродушно. Женя не обратила на это никакого вниманія.

— Я ужъ цѣлую недѣлю не выходила! — проговорила она задумчиво и повернула къ окну глаза, большіе и выразительные, подъ длинными темными бровями—все, что было красиваго въ ея лицѣ. Но и въ этихъ прекрасныхъ глазахъ было что-то тяжелое; по крайней мѣрѣ, никто не любилъ встрѣчаться съ ихъ серьезнымъ

выглядомъ... Они были какъ будто черезъ-чуръ выразительны для ребенка или въ нихъ сквозилъ безмолвный укоръ всему и всѣмъ?..

— Саша! очень весело въ театрѣ?..—спросила дѣвочка, помолчавъ, и какая-то робкая потка дрогнула въ ея голосѣ.

Гимназистъ поднялъ встрепанную голову и нахмурился.

— Ты былъ много разъ... разскажи мнѣ!

Онъ спустилъ ноги на полъ, сѣлъ и нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на маленькую горбуню.

— Затѣй тебѣ?..—спросилъ онъ серьезно.—Ты все равно въ театрѣ ѣздить не будешь, когда и вырастешь. Тебя такъ паять и нѣжать, что ты умрешь отъ перваго сквозняка.

Онъ всталъ, потянулся и зѣвнулъ протяжно на всю комнату, съ кислой и нервнительной миной человѣка, который не предвидитъ для себя впереди ничего пріятнаго.

— Я окрыпну, когда вырасту,—произнесла Женья медленно и внушительно фразу, которая съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ, всегда говорила ей въ утѣшеніе.

— Ну, вотъ ты и жди!

Саша побрелъ къ себѣ въ маленькую комнатку около прихожей, которую въ дурномъ расположеніи духа онъ всегда величалъ „чуланомъ“.

Женья тоже слѣзла со стула не безъ труда, потому что ея короткія ноги не доставали до полу; она вышла въ гостиную, осторожно оглядываясь, точно не довѣряя, дѣйствительно ли она одна. Неуклюжей переваливающейся походкой дѣвочка добралась до зеркала, передъ которымъ только-что безпечно вертѣлась красавица Надя, и, опустивъ руки, замерла въ безмолвномъ, угрюмомъ созерцаніи.

Саша, между тѣмъ, зажегъ у себя лампу, не торопясь разложить на столѣ книги и тетради и продолжительно, въ нѣсколько пріемовъ, усаживался къ столу передъ раскрытымъ задачникъ. Когда въ прихожей раздался звонокъ—мальчикъ разомъ успокоился и принялся за дѣло, какъ человѣкъ, поставленный въ безвыходное положеніе.

За стѣнной шаркали галошами, стряхивали снѣгъ, сморкались.

— А! вотъ это кто! Нѣтъ, пожалуйста, не подходите — я нанесъ холоду. Простудитесь...

Саша не разслышалъ отвѣта, а вопедшій разсмѣялся хорошо знакомымъ ему, ласковымъ и снисходительнымъ, смѣхомъ, какой всегда имѣлся у него для Жени—только для одной Жени.

Лѣтний гимназистъ былъ очень наблюдателенъ. Онъ давно зналъ, что въ лицѣ его репетитора, вовсе некрасивомъ лицѣ,

имѣется нѣсколько отдѣльных фizioномій, съ соотвѣствующими интонаціями и съ различными осанками. Сапа очень любила подмѣчать это.

— Да?.. Очень радъ, очень радъ, Женичка! умные люди давно сказали, что во всемъ на свѣтѣ „лиха бѣда—начало!“—съ одушевленіемъ ободряла свою собесѣдницу Давидъ Семеновъ Штаркъ.

Сапа не могъ долѣе усидѣть надъ задачникѣмъ; онъ притворилъ дверь и, не выходя изъ комнаты, старался разсмотрѣть, что дѣлалось въ залѣ.

Учитель оставался на порогѣ. Онъ прислонился къ косяку и заложилъ за спину покрасѣвшія отъ холода руки, въ которыхъ бѣлѣло хорошо знакомый и крайне антипатичный для Сапы свертокъ. Его профиль съ горбатымъ носомъ, широкимъ массивнымъ лбомъ и густой темнорыжей бородой—рисовался рѣзкими линіями на фонѣ освѣщенной залы. Жена пряталась за трельяжемъ, съ давно облетѣвшимъ плюшемъ, на которомъ кое-гдѣ болтались чахлые, больные листья. Одно лицо ея смутно бѣлѣло въ тѣни. Она что-то говорила, но ея слабый голосъ не долеталъ до Сапы, въ его немалой досадѣ.

— А-а... нѣтъ! вотъ это ужъ мнѣ не нравится! — потрясъ отрицательно головой учитель. — Я врагъ всякихъ тайнъ, тѣмъ болѣе съ такой матерью, какъ ваша—не могу, Женичка, лучше и не просите! Я рѣшительно противъ этого.

— Я васъ прошу!.. Я васъ прошу!..—вырвалось отчетливѣе умоляющее восклицаніе дѣвочки.

Сапа налегъ на дверь, сгорая отъ любопытства уловить смыслъ такого страннаго разговора—но петли предательски скрипнули и Штаркъ поспѣшно оглянулся.

— А-а, это вы? дверь-то слѣдовало подмазывать салыцемъ.

Гимназистъ покраснѣлъ и грубо распахнулъ ее во всю ширину.

— Восьмой часъ!.. Будемъ, что ли, заниматься?

— Само собой. Вотъ-съ, полюбознѣствуйте просмотрѣть предварительно.

Штаркъ, не торопясь, развернулъ свой свертокъ и отдалъ ему пару тетрадей.

— Мы съ вами въ другой разъ обсудимъ все это хорошенько, Женичка,—прибавилъ онъ громко и авторитетно въ сторону трельяжа.

Но дѣвочка совсѣмъ спряталась въ глубь комнаты и не отымалась. Давидъ Семеновъ напрасно подождалъ нѣсколько секундъ и отвернулся уже, чтобы уйти—но въ тотъ самый моментъ дверь

въ корридоръ стремительно распахнулась, ударила его въ плечо и заставила прижаться къ самой стѣнѣ.

Въ прихожую влетѣла Надя, за нею горничная со свѣчкою и съ цѣлою грудой платковъ и накидокъ. Въ одну минуту тѣсная комната наполнилась мягкимъ шелестомъ юбокъ, запахомъ духовъ, повелительными восклицаніями, всей одушевленной суетой стѣнныхъ и веселыхъ сборовъ. Стройная дѣвушка въ золотистомъ платьѣ затопила ее всю блескомъ своей лучезарной красоты. Въ ея черныхъ локонкахъ краснѣли теперь двѣ яркія розы, на полуобнаженныхъ рукахъ звенѣли браслеты, когда она вскидывала ихъ кверху, поправляла прическу, или внезапно вся пригибалась къ землѣ, помогая горничной подобрать ее платье отъ сѣга.

Вдругъ Надя вскрикнула и выронила изъ рукъ вѣеръ. Въ двухъ шагахъ отъ нея словно изъ земли выросла сумрачная, темная фигура.

— Имѣю честь кланяться—даже нѣко не видались, Надежда Анатоліевна...

— Вы?! откуда?.. Вы спрятались?..

— Я въ плѣну, видите, мнѣ невозможно выбраться, если вы не пожелаете освободить меня!

Въ его словахъ звучала задорная, многозначительная иронія и вмѣстѣ глухая, затаенная горечь.

Дѣвушка сдвинула брови, взмахнула великолѣпными рѣсницами и надменно выдержала его взглядъ—подозрительный и мрачный.

— О, вы не можете нуждаться ни въ чьей помощи, всего менѣе въ моей!

— Вы въ этомъ увѣрены? Я чрезвычайно радъ этому.

Теперь Штаркъ могъ-бы выбраться изъ своей засады, никого не потревоживъ, но, повидимому, онъ вовсе не думалъ объ этомъ. Въ выраженіи его лица, въ его голосѣ не было ничего похожаго на радость. Онъ былъ блѣденъ; темные глаза напряженно горѣли подъ густыми, характерными бровями.

Надя поспѣшно закутала голову въ шелковый платокъ и вернулась въ мѣховую ротонду. Горничная пошла узнать, скоро ли выйдетъ Лизавета Игнатьевна. Они остались одни въ прихожей. За стѣной была комната Саши.

— Вы прочли мое письмо? — спросилъ Штаркъ такъ тихо, что она не могла бы слышать, еслибъ не ждала этого вопроса. Она медленно кивнула головой.

— Вы не имѣли времени или не хотѣли отвѣтить мнѣ?..

— Я не хотѣла, — отвѣтила Надя.

Онъ порывисто метнулся въ своемъ углу, но сейчасъ же уда-

рился рукою о дверь и принялъ прежнюю позу. Точь-въ-точь — звѣрь въ клеткѣ.

— Хорошо. Я подожду... Вы мнѣ отвѣтите! — прибавилъ онъ не вопросомъ, а угрозой.

Она молчала.

Въ корридорѣ раздались быстрые шаги, вошла Кубанская. По наружности нелегко было бы угадать лѣта этой женщины. Волосы, наполовину сѣдые, были еще пышны и волнисты и придавали что-то граціозное и молодежавое очертаніямъ головы. Безцвѣтныя, поблекшія губы приобрѣли ту особую высовомѣрную складку, которая является у людей, привыкшихъ одерживать побѣды надъ собою, — но за ними блеснули свѣжіе, бѣлые зубы. Глубокія морщины бороздили лобъ; темные глаза глубоко запали и утратили чистоту и свѣжесть красокъ, но въ нихъ свѣтились напряженная дума, вспыхивала безпкойная энергія нервнаго существа. Закутанная по-старушечьи во все темное и безформенное, сухая тонкая фигура легко сгибалась и выпрямлялась, двигалась быстро и плавно. Ей можно было дать тридцать лѣтъ или пятьдесятъ — смотря по минутѣ и по обстоятельствамъ. Въ дѣйствительности, минуло сорокъ; случилось, что Лизавета Игнатьевна сама съ трудомъ вѣрнула этому.

— Вотъ тутъ кто! Здравствуйте, здравствуйте, измѣнникъ.

— Охъ... какое слово нехорошее!

— Чего ужъ хуже, Давидъ Семенычъ?.. и произносить вѣдь его не сладко.

Быстрый, пронизательный взглядъ скользнулъ по его лицу и горькая складочка рѣзче обозначилась около ея губъ.

— Повинную голову — мечъ не счѣтетъ. Вы вѣдь все-таки позволите прійти къ вамъ?

Она только пожала плечами и укоризненно покачала головой. Надя стояла у самой выходной двери.

— Я хотѣлъ... — началъ было Штаркъ, но его глаза нечаянно встрѣтились съ глазами дѣвушки и онъ только махнулъ рукою съ блѣдною усмѣшкой.

— Прощайте! — заторопилась Лизавета Игнатьевна.

— До свиданья, — произнесла съ своего мѣста Надя.

Штаркъ поклонился ей издали. Онъ заперъ за ними дверь, вернулся до середины комнаты — и вдругъ порывисто занесъ обѣ руки надъ головою и запустилъ ихъ глубоко въ свои густые волосы. Было что-то надломленное и вмѣстѣ злобное и протестующее въ этомъ отчаянномъ жестѣ. Вся его невысокая фигура подалась впередъ, точно готова была рухнуть на землю.

За перегородкой, въ комнатѣ Саши, что-то стукнуло и прогрелъсѣя двинутый ступь.

Давидъ Семеновъ опустилъ руки, встряхнулся и вошелъ къ своему ученику.

А въ пустой гостиной, слабо освѣщенной одной стѣнной лампой, въ самомъ дальнемъ углу, долго слышались чьи-то заглушенные, жалобныя рыданія...

IV.

Не напрасно маленькая Женя была озабочена вьюгой. Столбы снѣжной пыли, крутятся, несутся по воздуху, точно погоняемые ударами невидимыхъ вѣтровъ, свистящихъ во всѣхъ направленіяхъ. Нельзя понять, поднимаются ли съ земли, сыплются ли съ неба ледяныя хлопья, мгновенно заплывающіе глаза, забивающіеся въ ротъ, въ уши, во всѣ щели, складки и углубленія. Все смѣшалось и спуталось въ смятенномъ воздухѣ, потрясаемомъ новыми и новыми взрывами вѣтра, наполняемомъ снова и снова несмѣтными бѣлыми полчищами, появляющимися беззвучно и неуловимо изъ непрогляднаго ненастнаго неба... Пламя газовыхъ рожковъ то-и-дѣло содрогается и меркнетъ въ своихъ стеклянныхъ темницахъ. На санкахъ, жалкія фигуры сѣдоковъ корчатся закутанныя и засыпанныя снѣгомъ. На тротуарахъ, рѣдкіе прохожіе снѣжать, скользятъ, выбиваются изъ силъ въ борьбѣ съ расходящимся врагомъ, то сорвавшимъ шапку съ головы, то вѣпившимся въ полу шубы, въ складки платья, чтобы принудить неожиданно повернуть въ противоположную сторону, или заставить почтеннаго человѣка игриво пробѣжать въ припрыжку нѣсколько шаговъ по скользкимъ плитамъ.

Ни одно живое существо не остается ненастигнутымъ и безучастнымъ — ни одно, кромѣ всевыносящихъ извожичьихъ влать. Уныло понуривъ голову, онѣ такъ же безстрастно, какъ всегда, выстаиваютъ часами на одномъ мѣстѣ, занесенныя снѣгомъ, пока несчастный возница отогрѣвается въ трактирѣ; онѣ такъ же покорно сѣменятъ съ одного на другой конецъ столицы, обливаясь потомъ подъ леденящими ударами вьюги.

Лизавета Игнатьевна попробовала выйти на подъѣздъ и съ ужасомъ понялась назадъ. Она велѣла швейцару нанять извожика въ большой театръ, но онъ объявилъ, что съ часъ тому назадъ прислана карета господина Ханайскаго.

Подъ платкомъ, надвинутымъ до самыхъ глазъ, не было видно,

какъ Надя покраснѣла. Кубанская нахмурилась и нагнулась на швейцара, затѣмъ онъ сейчасъ-же не дополнилъ объ этомъ. Она достала изъ портмоне двѣ рублевныя бумажки и вышла на улицу.

У подъѣзда стояла щегольская двухъ-мѣстная карета. Прекрасная вороная пара подъ мохнатыми попонами то пятилась, то дергала впередъ, нетерпѣливо мотая породистыми головами. Видный толстякъ-кучеръ похаживалъ вокругъ лошадей, поглаживая и уговаривая, не рѣшаясь ни на минуту отойти подъ прикрытіе подъѣзда. Завидѣвъ дамъ, онъ сталъ снимать попоны; но прежде чѣмъ Надя успѣла понять, въ чемъ дѣло—Лизавета Игнатьевна отдала ему деньги и велѣла ѣхать домой. Не слушая его протестовъ, Кубанская поспѣшно дошла до угла и успѣлась въ первыя попавшіяся извозничьи сани.

Лошадь засѣменила маленьки шажками; сани задергало со скоростью хорошаго пѣшехода. Слезы выступили на глазахъ Нади. Ей было жарко отъ душившейся ея досады.

Мать и дочь молчали.

Толстякъ-кучеръ спряталъ попоны, на бѣгу постучалъ кнутомъ въ стекло подъѣзда и вообразился на козлы.

Швейцаръ вышелъ на подъѣздъ.

— А что, Алеша, самъ баринъ-то ихній дома или нѣтъ?

— Нѣту.

— Такъ-съ. Думалъ, коли дома, такъ за-одно ужъ подвезу куда ни на есть. Ишь — на рысакѣ помчали!.. Амбиція!.. Не впервой катать раскрасавицу-то вашу. Сама-то видно характерная?

— Есть таки... И чего подумаетъ, отъ эдакой благодати — да на ванькѣ!

— Видно, какую ни то да свою линію гнетъ, — замѣтилъ кучеръ глубокомысленно. — Экъ вѣдь промерзъ зря! Ну, прощенья просимъ, Алексѣй Иванычъ, за безпокойство!

Карета уѣхала. Швейцаръ скрылся въ подъѣздѣ.

У ближайшей биржи Кубанская отпустила извозчика и наняла карету. Извозчикъ еле тащился — кучеръ возился, снимая торбы, заправляя фонари.

— Интересно знать, въ которомъ часу мы, наконецъ, приѣдемъ! Навѣрное пропустимъ весь первый актъ! — не выдержала, наконецъ, Надя.

— Въ такую погоду разумныхъ людей неволи развѣ выгнать изъ дому.

— Сами же вы не хотѣли... И не опоздали бы и погоды бы не замѣтили.

Лизавета Игнатьевна быстро повернулась къ ней всѣмъ лицомъ.

— Въ чужой каретѣ?..

— Ахъ, Боже мой—вотъ важность! Эрастъ Степаннчъ такъ былъ благодаренъ, что вы согласились поѣхать въ театръ... Естественно, не можемъ же мы мерзнуть въ такую погоду! Вотъ теперь опоздаемъ—лучше вышло!

Она чуть не плакала. Мать все смотрѣла на нее и молча слушала.

— Такая даль!.. ну, вотъ, кажется, одна лошадь хромаетъ... только этого еще не доставало!

Дѣвушка съ отчаяніемъ откинулась въ глубь кареты.

— Теперь бы ужъ скоро тамъ были!..—не могла она унять ся.

— Ты знала, что Ханайскій пришлетъ карету? — спросила неожиданно Кубанская. — Онъ сказалъ тебѣ объ этомъ утромъ?

Надя сдѣлала видъ, что не разслушала, но мать настойчивѣе повторила вопросъ.

— Не помню, право... Можетъ быть, — должно быть, говорилъ...

— И тебѣ это показалось въ такой мѣрѣ естественнымъ? ты, вонъ, забыла даже!.. Да, скажи на милость — чего добраго ты когда-нибудь ужъ и ѣздила въ его каретѣ съ отцомъ?

Ну, да! она вовсе не намѣрена лгать. Разъ изъ театра вернулись... Раза два въ большихъ саняхъ по островамъ катались... вѣрно это преступленіе? вѣдь не одна-жъ она, съ отцомъ!

Лизавета Игнатьевна всплеснула руками. Ну, да: она мать — но вѣдь всему не научишь! думать, поступать, чувствовать. Если все, все въ этомъ существѣ слагалось иначе, отражалось не такъ, какъ на ней. Ею овладѣло бурное негодованіе, одинъ изъ тѣхъ порывовъ, которыми она не умѣла управлять. Она готова простить, она хочетъ извинять — но только не тамъ, не въ тѣхъ мелочахъ, гдѣ сказывается неволью сама натура — матеріальная, мелко-эгоистическая, безпринципная... Съ тѣмъ упрощеннымъ взглядомъ на жизнь и человѣческія отношенія, который всю жизнь тяготѣлъ надъ существованіемъ матери.

— Рысаки!.. кареты!.. какое блаженство и въ самомъ дѣлѣ!.. вонъ, вонъ ихъ сколько катитъ по улицамъ — смотри, завидуй!! Доставъ этому мѣшку съ золотомъ, этому бессмысленному фату, этому развратнику — доставъ ему возможность ошастливить тебя, бѣдненькую, на своихъ рыскахъ покатать,.. а потомъ передъ пріятелями похвастать, что вотъ-де какая красавица съ нимъ катается!.. Чужіе не знаютъ, подумаютъ, твое все это, позавидуютъ, пожалуй. Ну, а знакомые встрѣтятся?.. Они что скажутъ — подумала ты объ этомъ?

— Они скажутъ, — перебила Надя вѣ себя, — что я ѣду съ

отцомъ и, стало быть, тотъ человѣкъ, который съ нами, другъ нашъ, а не развратникъ, не жъпокъ съ золотомъ!—порядочный человѣкъ, котораго нельзя оскорблять, пока онъ не заслужилъ этого! Вотъ что скажутъ чужіе, безпристрастные. Но вы всегда противъ всего, что намъ пріятно, что меня радуетъ!.. вы готовы оскорбить за всякую мелочь... вы ненавидите всѣхъ, кто насъ любитъ...

— О, да, я ненавижу всѣмъ сердцемъ то, что мизерно, пусто, ничтожно, всѣхъ надутыхъ и чванныхъ, въ комъ искры нѣтъ истиннаго человѣческаго достоинства. Ни ума, ни сердца, ни правилъ—ничего, что бы не было куплено на деньги! Я ненавижу—да ты-то, Надя?.. ты?..

— О комъ вы это говорите? объ Эрастѣ Степанычѣ?.. Это, наконецъ, грѣшно такъ оскорблять ни за что!

Настала длинная пауза.

Надя отвернулась къ окну. Лизавета Игнатьевна спрашивала себя, какъ показать другому то, что можно только понять и почувствовать самому? Какъ вселить отвращеніе къ тому, что правится? Пусто... мизерно... ничтожно... но если это забавно и весело! Человѣческое достоинство? Но когда его съ успѣхомъ замѣняютъ приличныя манеры и французскій языкъ! Сердце?—кто увѣритъ молоденькую дѣвушку, что его нѣтъ у человѣка, который влюбленъ въ нее?..

Ей сдѣлалось страшно. Въ первый разъ передъ нею всталъ призракъ того, чѣмъ можетъ кончиться ухаживаніе богача Ханайскаго за ея дочерью. Въ первый разъ,—а кто ей скажетъ, какъ далеко зашло дѣло?!

Лизавета Игнатьевна стояла въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала знакомства она не считала нужнымъ скрывать своего пренебреженія къ пріятелю и собутельнику своего мужа, къ пошлomu молодящемуся сорокалѣтнему франту, убѣжденному, что его богатство открываетъ ему всѣ двери. И правъ! пришелъ и водворился на пріятельской ногѣ, игнорируя холодность хозяйки и избѣгая ее по возможности; онъ настойчиво и навязчиво ухаживалъ за дочерью и на всѣ лады ублажалъ, веселилъ и угощалъ отца. Анатолій Петровичъ въ немъ души не чаялъ; они давно были на „ты“.

Надя весело болтала съ нимъ, гордилась его ухаживаніемъ, принимала его роскошныя букеты при всякомъ позволительномъ случаѣ, всѣ его галантныя услуги—мелкія и ничтожныя и противъ которыхъ такъ трудно возставать, не становясь мелочной педанткой! но тѣмъ не менѣе эти услуги создаютъ права—неуловимыя,

пока ихъ не хотятъ выдвигать на сцену; образуютъ связь — нечувствительную, пока ее не пытаются порвать...

Все это сдѣлалось быстро и неудержимо. Неудовольствіе и протесты матери только сблизили еще больше Надю съ отцомъ и увеличили отчужденіе между ними. Анатолій Петровичъ сопровождалъ дочь на прогулкахъ, выѣзжалъ съ нею въ театръ, къ знакомымъ. Во всемъ ихъ вкусы сходились. Это было естественно, законно — какъ могла она помѣшать этому? Кто могъ стать между отцомъ и дочерью, которые любятъ другъ друга?

Лизавета Игнатьевна все-таки боролась — безъ всякихъ правъ на такую борьбу, безъ возможности сказать отцу, что онъ не заслуживаетъ быть руководителемъ родной дочери, безъ рѣшимости явно отрицать его авторитетъ въ ея глазахъ. Она всегда проигрывала въ этой борьбѣ и всегда начинала ее уже безъ надежды на успѣхъ — отъ простой невозможности отступить и умыть руки, отъ невозможности оставаться совсѣмъ пассивной, видя, какъ дочери прививаются ненавистныя ей понятія, укореняются дурныя привычки, вадорныя вкусы...

Только теперь Кубанская поняла, что напрасно она слишкомъ презирала Ханайскаго, что она не измѣрила всей глубины опасности. Да и когда же, какой идеалистъ знаетъ настоящую цѣну ничтожества, рутины и пошлости! Когда ему не кажется, что все это разсыплется прахомъ передъ истиннымъ достоинствомъ? Когда онъ не думаетъ, что состязаться — унизительно, что бороться равнымъ оружіемъ — значить поступаться своимъ достоинствомъ, что подозревать — недостойно, бояться — оскорбительно! Когда, какой идеалистъ не витаетъ безбоязненно въ своей чистой атмосферѣ надъ смрадомъ и чадомъ, надъ запутанными махинаціями, невидимыми подлопами, наглыми приемами — надо всѣмъ, что въ концѣ концовъ съ торжествомъ повергнетъ его въ прахъ!

Лизавета Игнатьевна никогда не считала Ханайскаго опаснымъ. Она просто возмущалась подобнымъ знакомствомъ, сознавала вредъ неподходящаго общества, грубой лести и пошлаго ухаживанія для такой легкомысленной и тщеславной дѣвушки, какъ Надя. Ничто другое никогда даже и на умъ ей не приходило.

Защитительная фраза, такъ горячо, съ такой обидой вырвавшаяся изъ устъ дѣвушки, ударила ее по сердцу. Она силилась припомнить какія-нибудь мелочи, все, что невольно бросается въ глаза. Ея дочь никогда, ни съ чѣмъ интимнымъ не приходила къ ней. Она заявляла свои желанія, просила содѣйствія или разрѣшенія, если нельзя было обойтись безъ нихъ, спрашивала

совѣта—въ вещахъ практическихъ. Съ отцомъ они часто шептались о чемъ-то, рассказывая, обнявшись, по комнатѣ или объяснялись намеками въ ея присутствіи. Лизавета Игнатьевна давно привыкла къ этому и стала равнодушна. Какъ человѣкъ сосредоточенный въ себѣ, она не была ни любопытна, ни наблюдательна. Какія средства были у нея теперь, чтобы узнать истинныя чувства и мысли Нади?

Никогда неиспытанное, жгучее раскаяніе охватило душу матери...

Въ ея жизни бывали минуты, когда она говорила себѣ, что она не любитъ своей дочери. Это были отдѣльные, короткія мгновенія, когда она страстно и мучительно отставала нравственные интересы семьи—и видѣла съ ужасомъ, съ отвращеніемъ, какъ та добровольно переходитъ на сторону ея противника... Это случалось и въ минуты особеннаго торжества красавицы-дѣвушки, когда все и вся преклонялось передъ ея очарованіемъ, а въ глаза матери, какъ нарочно, особенно отчетливо выдѣлись черты несокрушимаго эгоизма и самодовольной пустоты... Лизаветѣ Игнатьевнѣ казалось, что она давно свела этотъ счетъ съ собственной совѣстью.

Что, если Ханайскій осмѣлится сдѣлать предложеніе дочери своего пріятеля? Что, если Надя пожелаетъ выйти за него замужъ?

Эта мысль внезапно наполнила душу—не негодованіемъ, не возмущеніемъ—негодовать и возмущаться можетъ всякій изъ толгала принципа—нѣтъ, она наполнила ее живой болью, какой не испытываютъ за чужого; трепетнымъ страхомъ, который охватываетъ только передъ опасностью, угрожающею тому, что составляетъ часть насъ самихъ.

Что рѣшаетъ эта прелестная, своенравная головка, такъ враждебно отвернувшаяся отъ родной матери? Какія надежды легаетъ неопытное, тщеславное сердечко? Что думаетъ Надя въ эту минуту, прижавшись къ намерзшему стеклу?...

Если когда-нибудь еще Лизавета Игнатьевна чувствовала такую же горячую, растроганную нѣжность, такой же мучительный испугъ—то это было очень, очень давно!.. Это было, когда дѣвочка умирала въ скарлатинѣ и мать, не задумавшись, отреклась отъ себя самой. Раньше, она принесла въ жертву свою любовь. Тогда, она отдала послѣднее, что у нея оставалось: свое достоинство. Она добровольно сошлась съ человѣкомъ, котораго презирала и ненавидѣла, которому поклонялась—что они на вѣкъ чужіе.

И теперь, двадцатилѣтняя дѣвушка матери опять представ-

илась ребенкомъ... безпомощнымъ, безсознательнымъ, заведеннымъ на скользкую дорогу роднымъ отцомъ.

И она допустила это! Она не выгнала изъ своего дома презрѣнное существо, когда оно осмѣлилось приблизиться къ ея ребенку! Она подчинялась рутинѣ, приличіямъ, избѣгала скандала... Она шла на компромиссы—о! цѣлую жизнь, цѣлую жизнь одни компромиссы, одно мучительное и бессмысленное усиліе примирить непримиримое, служить разомъ двумъ богамъ!

Довольно. Теперь она ничего не побоится, ни передъ чѣмъ не остановится, никого не пощадить. Она не допуститъ погубить Надю на ея глазахъ.

Карета остановилась у театра. Мать и дочь вышли изъ нея, не проронивъ ни слова.

V.

Хатайскій безпокойно прохаживался по пустымъ театральнымъ сѣнямъ и поглядывалъ на входныя двери, теряясь въ догадкахъ. Онъ прозябъ въ тонкомъ фракѣ съ открытой грудью и былъ возбужденъ такимъ неудачнымъ началомъ столь знаменательнаго вечера: это былъ день его рожденія и онъ рѣшилъ закончить сегодня съ непріятной задачей сватовства.

Такъ какъ человѣкъ неодаренный умомъ всегда и во всѣхъ случаяхъ можетъ быть только самимъ собою, то Эрастъ Степанычъ не придумалъ ничего лучше, какъ уговорить Кубанскихъ поѣхать всей семьей въ оперу, объясниться во время антрактовъ съ Надей, а потомъ, подъ предлогомъ рожденія, поѣхать ужинать къ Борелю и тамъ общими силами атаковать Лизавету Игнатьевну. Анатолій Петровичъ нашелъ этотъ планъ превосходнымъ, только сомнѣвался нѣсколько насчетъ Бореля; впрочемъ, онъ не хотѣлъ обезкураживать своего будущаго сына и ужинъ былъ заказанъ. Оба они смутно рассчитывали на вліяніе музыки, парадной обстановки, толпы... Въ публикѣ не такъ-то удобно сопротивляться и устоять одной противъ трехъ; въ театрѣ при всемъ желаніи не сдѣлаешь сцены, а ужъ тамъ... Эрастъ Степанычъ былъ глубоко убѣжденъ, что на свѣтѣ нѣтъ того сердца, которое бы не смягчилось хотя сколько-нибудь подъ вліяніемъ тонкаго ужина и дорогихъ винъ.

Но до сихъ поръ все складывалось неудачно. Съ трехъ часовъ поднималась вьюга и стоило неимоверныхъ усилій сладить съ нежеланіемъ Кубанской танциться въ такую погоду въ театрѣ по

его просьбѣ. Хорошо еще, что въ этотъ день шла въ первый разъ новая опера съ знаменитой гѣвницей и она принуждена была уступить неотступнымъ просьбамъ Нади. Что могло задержать ихъ?

Первый актъ кончался. Въ сѣняхъ и въ корридорѣ не было ни души, кромѣ капельдинеровъ. Чего добраго, Кубанская опять передумала или заболѣла мигренью, какъ это съ ней часто случалось? Но въ такомъ случаѣ кучеръ долженъ бы извѣстить его.

— Наконецъ-то! — вынулъ Эрость Степанычъ на встрѣчу дамамъ. — Что случилось, скажите ради Бога? Сію минуту кончится первый актъ—какая жалость!.. Увертюра безподобна.

— Простить себѣ не могу, что не вернулась съ подъѣзда!.. Помилуйте, да это разумъ потерять надо, чтобы тащиться такую даль въ эту вьюгу!

Не столько самыя слова, сколько тонъ Лизаветы Игнатьевны подѣйствовалъ на него угнетающе.

— Ну, Лизавета Игнатьевна... въ кои-то вѣки разъ! Надежда Анатольевна, вы какъ будто озябли?.. Надѣюсь, Филиппъ ѣхалъ хорошо и не опоздалъ?.. Я приказалъ къ шести часамъ.

Они стояли передъ своей ложей.

— Да-а!—подхватила Кубанская,—позвольте васъ спросить, Эрость Степанычъ, по какому странному недоразумѣнію ваша карета очутилась у нашего подъѣзда?

Онъ смѣшался.

— Утромъ я не могъ... Я такъ недолго имѣлъ удовольствіе видѣть васъ—я не успѣлъ просить вашего позволенія! Въ эту погоду, извозчики такъ нестерпимо тащатся...

— Не знаю, какихъ дамъ вы привыкли катать въ своихъ экипажахъ, но, увѣряю васъ, что со мною никогда еще не случилось ничего подобнаго. Я считаю непростительнымъ, что вашъ кучеръ могъ, хотя бы и напрасно, получить подобное приказаніе—позвольте вамъ сказать, что вы достаточно уже пережили на свѣтѣ, чтобы понимать подобныя вещи!

Голосъ Лизаветы Игнатьевны громко раздался по корридору; въ немъ звучало все негодованіе, накопившееся у нея на сердцѣ. Въ сосѣдней ложѣ пріотворили дверь.

— Сударыня, позвольте васъ попросить говорить потише! вы мѣшаете публикѣ слушать.

Ханайскій кусалъ губы.

— Прошу извинить мою необдуманность... я считалъ себя настолько близкимъ знакомымъ... моя преданность всему вашему семейству...

— Между преданностью и вашей каретой нѣтъ рѣшительно никакой связи!—протворила она презрительно и вошла въ ложу, чтобы воздержаться отъ искушенія продолжать.

Въ этомъ глупомъ положеніи распушеннаго школьника, Эрастъ Степанычъ не рѣшился даже шепнуть Надѣ своего привѣтствія подѣ шумъ разразившихся аплодисментовъ. Онъ молча пропустилъ ее мимо себя.

Анатолій Петровичъ у барьера лорнировалъ ложи.

— Ну, матушка!.. судили, рядили, рѣшались, а пріѣхать все-таки не могли по-человѣчески? люди, какъ счастья, добывались получить сегодня билетъ, а вы цѣлый актъ пропустили! Право, людей совѣстно...

Онъ безразлично поднялся съ мѣста и побрелъ въ фойѣ.

— Расскажите мнѣ, пожалуйста, содержаніе перваго акта,—обратилась Надя къ Ханайскому и пошла съ нимъ по корридору.

Кубанская осталась въ ложѣ одна.

— Мнѣ очень досадно, что этотъ глупый случай съ каретой рассердилъ такъ сильно вашу матушку. Вообще, она такъ... такъ неспасходительно смотритъ на вещи!..

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, Эрастъ Степанычъ—вѣдь вы знаете, что мама на все смотритъ по своему.

Надя улыбнулась, давая понять, что эти взгляды ни для кого не обязательны.

— Quelle idée!.. стану ли я обижаться!.. Только сегодня это какъ нельзя болѣе некстати.

Дѣвушка повесилась на него уголками глазъ и сейчасъ же отвернулась въ противоположную сторону.

Ханайскій полюбовался красными розами въ блестящихъ черныхъ локонахъ и рѣшилъ, что его женой она будетъ носить только живые цвѣты.

— Васъ не интересуетъ узнать, почему это некстати именно сегодня?.. спросилъ онъ съ кокетствомъ стараго волокиты передъ молоденькой дѣвушкой.

— Я увѣрена, что это во всякое время одинаково непріятно!—вышла Надя изъ затруднительнаго положенія.

— О, нѣтъ! Сегодня, Надежда Антоновна, день моего рожденія. Я выбралъ этотъ день...

— Извините, я васъ перебую... Всѣ уходить, должно быть, начался уже второй актъ...

Надя скользнула въ ложу.

Одинъ Анатолій Петровичъ съ чувствомъ и съ толкомъ слушалъ въ этотъ вечеръ новую оперу. При всемъ пристрастіи Нади

въ удовольствіяхъ и въ особенности въ итальянской оперѣ, въ модной пѣвицѣ, въ новинкѣ, при всей поверхностности и легкомыслии, она не могла отрѣшиться такъ легко отъ впечатлѣнія непріятнаго разговора въ каретѣ. Намеки Хавайскаго еще больше смутили ее. Неужели онъ именно сегодня собирается сдѣлать ей предложеніе?

Она ждала этого со дня на день. Съ отцомъ они давно обсудили всѣ преимущества этой партіи: богатство, мужъ, который будетъ обожать ее и носить на рукахъ, человѣкъ, умѣющий чудесно пожить, съ пріятнымъ, легкимъ характеромъ. Послѣ жизни дома, полной разлада и стѣсненій, это будущее рисовалось ей одной непрерывной цѣпью баловства и успѣховъ. Чего только нельзя ожидать, когда такая красавица, какъ она, появится въ свѣтѣ, разряженная въ пухъ и прахъ!

Рисую дочери это будущее яркими красками, Анатолій Петровичъ каждый разъ говорилъ о ихъ собственномъ разореніи, о необходимости измѣнить совершенно образъ жизни, переселиться въ провинцію, быть можетъ, даже въ деревню — ему на старости лѣтъ искать службы, работы... Нада любить отца и будетъ рада помочь ему — Эрастъ Степанычъ такъ добръ!..

Нада знала, какимъ ударомъ будетъ такое замужество для Лизаветы Игнатьевны; знала, что придется поступить прямо противъ ея воли, что предстоить цѣлая бездна семейныхъ непріятностей... Что-жъ дѣлать? Не можетъ же она, въ самомъ дѣлѣ, въ угоду матери выйти замужъ за Штарка — за еврея, за суроваго, рѣзкаго грубіяна, который, желая объясниться въ любви, пишетъ оскорбительныя письма и предъявляетъ на нее какія-то права, потому что въ восемнадцать лѣтъ она вообразила себѣ, что влюблена въ него! и... и одинъ разъ позволила ему поцѣловать себя въ темной комнатѣ... Только такіе невоспитанные чудачки могутъ придавать значеніе подобнымъ ребячествамъ, и ужъ коли на то пошло, развѣ во всемъ этомъ онъ не виноватъ гораздо больше, чѣмъ она?

Ни въ чемъ этомъ Нада не сомнѣвалась и злополучный поцѣлуй совсѣмъ не тяготѣлъ на ея совѣсти.

Сопротивленіе матери тоже казалось зломъ неизбежнымъ, потому что никогда, разумѣется, ея женихъ не будетъ во вкусѣ Лизаветы Игнатьевны. Анатолій Петровичъ такъ увѣрилъ ее въ этомъ, что для Нади это былъ вопросъ рѣшенный разъ навсегда. И тѣмъ не менѣе... дѣвушка разсѣяннo смотрѣла на сцену, слушала изъ пятого въ десятое прелестную диву и какъ-то странно щурила глазки каждый разъ, когда на сценѣ появлялся молодой

красивый теноръ. Одинъ разъ Надя порывисто оглянулась и посмотрѣла на Ханайскаго. Онъ въ ту минуту наводилъ бинокль на ложу ярусомъ выше, почти надъ ними и неловко изогнулся на стулѣ своей порядочно уже отяжелѣвшей фигурой. Старательно расчесанные остатки волосъ плохо скрывали значительную лысину; мелкія, безцвѣтныя черты—плоскія и банальныя; сѣрые глаза, окруженные мелкими морщинками и всегда какъ будто улыбавшіеся, небольшіе закрученные темные усы—подкрашенные, по увѣренію Саши, ничто, рѣшительно ничто въ этой внѣшности не могло тронуть двадцатилѣтнее сердце, внести хоть искру поэзіи въ предстоявшее объясненіе!.. Даже въ сумрачной фигурѣ Штарка съ его горбатымъ носомъ и рыжей головой была своеобразная красота—сила, молодость. Его темные глаза горѣли какъ уголья на матовомъ лицѣ... Одно воспоминаніе о томъ „ребячествѣ“ туманило прелестное личико Нади, щевелило что-то и поднимало въ ея холодномъ сердцѣ...

Она предпочла бы, чтобы у нея не было этихъ воспоминаній, чтобы она не могла дѣлать никакихъ сравненій.

Во второй антрактъ Лизавета Игнатьевна все время гуляла по корридору вмѣстѣ съ дочерью и Ханайскій занималъ ихъ описаніемъ рысистыхъ бѣговъ на семеновскомъ плацу и уговаривалъ съ неподдѣльнымъ жаромъ испробовать этого, еще не испытаннаго, удовольствія.

Третій актъ оперы былъ такъ хорошъ, что вся зала прослушала его, затаивъ дыханіе и позабывъ о собственной судьбѣ.

Въ новый антрактъ Кубанскій искуснымъ маневромъ задержалъ жену на нѣсколько минутъ въ ложѣ и далъ своему пріятелю возможность увести Надю въ фойѣ; потомъ, чтобы успокоить Лизавету Игнатьевну, онъ обязательно взялся помочь ей отыскать ихъ и увелъ ее въ противоположную сторону.

Съ неожиданнымъ для нея самой малодушіемъ, Надя всячески уклонялась отъ приближавшейся рѣшительной минуты. Она проявляла то никогда небывалую наивную непонятливость, то крайне неумѣстную игривость. Ей хотѣлось, чтобы это не было сегодня. Ей ужъ казалось, что это удастся, и она мысленно рѣшала ни подъ какимъ предлогомъ не выходить больше изъ ложи—когда въ нѣмъ подошелъ Анатолій Петровичъ и испортилъ все дѣло.

Кубанскій явился прямо изъ буфета, съ сильнымъ букетомъ fine-champagne'a и съ великолѣпной грушей, которую онъ поднесъ дочери. Поймавъ на лету нѣсколько многозначительныхъ словъ изъ туманнаго разговора, которому Надя упорно придавала

видъ отвлеченныхъ умствованій, обрадованный папенька вообразилъ, что все уже кончено.

— Вижу, вижу, моя милочка, что этотъ злодѣй успѣлъ какъ нельзя лучше воспользоваться тѣмъ, что мы съ мамой немножко поспорили не въ-время... Отъ судьбы не уйдешь!.. Ну, я радъ, мой милѣйшій Эрастъ Степанычъ, что ваши трансъ наконецъ кончатся—вѣдь ужъ вы просто на себя стали непохожи!.. Ты знаешь, моя радость, какъ я боготворю тебя—но, увы!—наши дочери созданы для того, чтобы рано ли, поздно ли, своими собственными руками отдать ихъ другому... Чужому!.. Вы поймете, мой милѣйшій, чувство отца!—вы видите, я въ эту минуту не могу даже говорить вамъ по-прежнему „ты“. Вы у меня отнимаете такое сокровище!

Отъ fine'ли champagne'a, отъ радости ли, или отъ искренняго чувства—но Анатолій Петровичъ смахнулъ неподдѣльную слезу съ своихъ красивыхъ глазъ. Они стояли въ отдаленномъ углу залы и своими фигурами защищали дѣвушку отъ любопытныхъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе, эта группа начинала привлекать вниманіе; одни и тѣ-же личности прохаживались мимо, прислушиваясь и стараясь разглядѣть красавицу съ красными розами.

— Папа! Что съ вами?! Папа, да перестаньте же, я васъ прошу!

— Надежда Анатольевна!—подхватилъ торжественно Ханайскій,—я, конечно, имѣлъ желаніе высказать вамъ самъ... но разъ что Анатолій Петровичъ пришелъ уже мнѣ на помощь, я васъ прошу не мѣшать болѣе этому объясненію. Мои чувства вамъ давно извѣстны. Прежде чѣмъ говорить съ вами, я счелъ своей обязанностью просить руки вашей у вашего отца.

Свершилось. Стереотипная фраза прозвучала въ ушахъ Нади—въ фойѣ театра, среди публики, гдѣ приходилось торопиться и нельзя было обнаруживать неумѣстнаго волненія.

Анатолій Петровичъ очень правдоподобно смутился и пробормоталъ свои извиненія, что нѣсколько поторопился.

— Я надѣюсь, душа моя, что ты избавишь насъ отъ этой рутины и не станешь отълаживать своего отвѣта?.. Эрастъ Степанычъ совершенно правъ: тебѣ давно извѣстны его чувства, ты имѣла время обдумать этотъ вопросъ и если дѣло дошло до настоящаго объясненія—то стало быть... стало быть, нашъ другъ имѣетъ полное основаніе рассчитывать, я хотѣлъ сказать, надѣяться на твое согласіе.

Кубанскій слегка обнялъ дочь и поцѣловалъ ее въ лобъ, по-видимому, позабывъ о публикѣ. Впрочемъ, она спѣшила уже на

свои мѣста и только три, четыре фигуры медлили, заинтригованныя необыкновенной сценой.

Даже и согласіе Нади не было высказано ея собственными устами — но, повидимому, никто не замѣтилъ этого, кромѣ нея самой. Анатолій Петровичъ выразительно стиснулъ руку своему желанному зятю и скромно отступилъ назадъ, считая, что теперь можно уже безопасно уступить первенствующую роль героямъ событія. Все это было нелѣпо въ опустѣвшей залѣ, подѣ любопытное перешептываніе упорствовавшихъ зѣваекъ, подѣ шумъ какого-то спора — чуть не перебранки — завязывавшагося у буфета.

Въ душѣ Нади поднималось странное ощущеніе: — безвыходности... неизбежности всего, что совершалось. И когда Ханайскій попросилъ поцѣловать ея ручку, въ знакъ того, что все дѣйствительно кончено и онъ въ правѣ считать себя счастливымъ изъ смертныхъ — дѣвушка поспѣшно протянула ее ему, чтобы положить конецъ зрѣлищу.

Не произнеся ни одного слова, Надя вернулась въ ложу невѣстой. Четвертый актъ давно начался. Сосѣди недовольно оглядывались на запоздалый шумъ. Лизавета Игнатьевна сидѣла взволнованная и взволновалась еще больше, когда дочь усѣлась около нея съ такимъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ, какого она никогда еще не видала у нея. За ея спиной раздавался оживленный шопотъ кавалеровъ, что-то горячо обсуждавшихъ, стоя въ глубинѣ; но, наконецъ, въ сосѣдней ложѣ недовольно шикнули и тогда они вышли въ корридоръ.

Всего два часа тому назадъ, подъѣзжая къ театру, Лизавета Игнатьевна догадалась впервые, въ чемъ могло быть дѣло. Неужели же ее намѣренно заманили сюда, чтобы присутствовать при развязкѣ? Она инстинктивно чувствовала вокругъ себя заговоръ, видѣла, что что-то совершалось, что она играетъ безсознательно свою роль по чужому росписанію... Затѣмъ она спорила съ Анатоліемъ Петровичемъ о томъ, что дама въ третьемъ ярусѣ не Евгенія Васильевна Неврова и даже ничуть непохожа на нее! Какое ей дѣло до этого, до Анатолія Петровича, до чего бы то ни было на свѣтѣ; какъ могла она позволить Надѣ скрыться изъ глазъ и потомъ съ глупой, близорукой довѣрчивостью искать ее тамъ, куда онъ повелъ ее!.. Она поняла это теперь, когда они вернулись всѣ втроемъ, пропустивъ полъ-акта и сами на себя непохожіе...

— Скажи на милость, гдѣ ты была? какія объясненія у тебя сегодня съ Ханайскимъ? для чего ты пріѣхала въ театръ?!

Надя упорно смотрѣла въ бинокль. Они были въ фойѣ и все

ждали, что и Лизавета Игнатьевна придетъ туда же... Они не слышали звонка и не знали, что уже началось. Она хотѣла бы, чтобы теперь ей не мѣшали слушать... „Для чего предлагать такіе вопросы?.. Зачѣмъ вынуждать лгать!“ — съ горечью упрекнула себя мать.

Ужинъ у Бореля не состоялся и Кубанскіе не дослушали оперы, которая привела въ восторгъ всю залу, за исключеніемъ одной безпокойной ложи, поглощенной собственными дѣлами.

Въ началѣ антракта, кавалеры вернулись къ дамамъ и осторожно приступили къ опасному вопросу. Упомянувъ очень ловко о днѣ рожденія „ихъ добраго друга“, Анатолій Петровичъ внезапно возымѣлъ счастливую мысль отъужинать гдѣ-нибудь съ нимъ вмѣстѣ.

— Это-же такая рѣдкость, Лиза, чтобы мы такъ вотъ, всѣ вмѣстѣ, собрались въ театр! Я увѣренъ, ты не захочешь испортить намъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что навѣрное и сама проголодалась такъ же, какъ и всѣ мы, — просилъ онъ необыкновенно вкрадчиво и дружелюбно.

Лизавета Игнатьевна нисколько не проголодалась. Никто не мѣшалъ Анатолію Петровичу праздновать гдѣ угодно рожденіе его друга. Она, онъ знаетъ это, терпѣть не можетъ ѣздить по трактирамъ и находить это вполнѣ неумѣстнымъ для молоденькой дѣвушки.

Анатолій Петровичъ по прежнему добродушно находилъ, что когда-нибудь не грѣхъ сдѣлать и исключеніе. Онъ увѣренъ, что самой Надѣ очень хочется поѣсть устрицъ и выпить бокалъ вина за здоровье своего преданнаго поклонника въ его праздникъ.

Лизавета Игнатьевна охотно предоставила дочери высказаться самой на эту тему и Надя поняла все значеніе ея молчанія. Она поздравляла уже Эраста Степаныча и надѣется, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что она отъ души желаетъ ему всего хорошаго; но она должна сознаться, что не имѣетъ ничего противъ вкуснаго ужина!.. тѣмъ болѣе, что сегодня эта несносная вьюга отняла у нея аппетитъ за обѣдомъ: такъ она боялась, что не попадетъ въ оперу!

— Которую ты, однако же, совсѣмъ не слушаешь, — вставила язвительно Кубанская.

Надя вспыхнула. Она была своенравна и упорна, а въ этотъ вечеръ необыкновенно дурно настроена. Въ сущности, она предпочла бы поскорѣе уединиться въ свою комнату, чтобы обдумать на свободѣ все, что случилось и что угрожало ей впереди, но возраженія матери раздражали ее. Она быстро сообразила, что

отецъ правъ: что бы ни предстояло дальше, первый ударъ лучше нанести теперь же и общими силами встрѣтить отпоръ. Чѣмъ сумрачнѣе становилось лицо матери, тѣмъ замѣтнѣе проступала ея тревога, тѣмъ болѣе дочь теряла охоту вѣдаться со всѣмъ этимъ глазъ-на-глазъ, въ тяжелой домашней сценѣ, гдѣ не будетъ никакихъ преградъ взаимной запальчивости.

— Это правда!—отвѣтила она смѣло.—Я очень дурно слушала сегодня музыку... Я непременно еще разъ поѣду въ эту оперу. Мнѣ очень жаль; но для этого существуютъ очень важныя причины.

Не одна Кубанская, всѣ вздрогнули отъ неожиданности. Лизавета Игнатьевна медленно поднялась съ своего мѣста.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Въ такомъ случаѣ самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это разѣхаться теперь же по домамъ. Хотя нашимъ сосѣдямъ дать возможность дослушать спокойно послѣдній актъ!..

Это тоже было неожиданно и всѣ невольно поднялись и дали ей дорогу.

— А вы увѣрены, мама, что у насъ въ буфетѣ найдется что-нибудь для меня?..

Лизавета Игнатьевна остановилась. Какъ могла Надя такъ издѣваться надъ нею, надъ ея тревогой, надъ ея негодованіемъ! Какъ хватало у нея духу смотрѣть ей въ лицо этими блестящими, недружелюбными глазами?.. Откуда эта дѣвочка брала дерзость улыбаться и высоко держать голову, зная все, что раздирало сердце ея матери?..

Лизавета Игнатьевна ошибалась. То, что раздирало ей сердце, на языкѣ Нади называлось предубѣжденіемъ, несправедливостью, деспотизмомъ... желаніемъ втиснуть молодую жизнь дочери въ узкія и мрачныя рамки собственныхъ аскетическихъ привычекъ, своихъ безотрадныхъ и суровыхъ взглядовъ... Надя была увѣрена, что, сопротивляясь, она защищаетъ свои законныя права на веселье, на радость, на счастье... Все, что она отстаивала, получало удесатеренную цѣну отъ этой борьбы. Она переглянулась съ Ханайскимъ и бросила ему мимолетную ободряющую улыбку, первую въ этотъ вечеръ...

Таково роковое свойство всякаго разлада, всякой борьбы! И это тѣмъ немѣлнѣе, тѣмъ разладъ этотъ неестественнѣе, тѣмъ права несомнѣннѣе, тѣмъ авторитетъ законнѣе, тѣмъ связь тѣснѣе!..

Анатолій Петровичъ успѣшилъ ослабить черезъ-чуръ натянутыя струны.

— Послушай, Лизавета Игнатьевна, — заговорилъ онъ со своей

неподражаемой способностью игнорировать что угодно и не придавать значенія ничему на свѣтѣ:—насъ здѣсь четверо; во всѣхъ спорахъ, гдѣ замѣнаны общіе интересы, меньшинство всегда подчиняется рѣшенію большинства; не правда ли, Эрастъ Степанычъ? Это только справедливо! Мнѣ право интересно, какъ ты станешь отрицать это!..

Анатолій Петровичъ сіялъ и улыбался, дѣлая видъ, что рѣшительно ничего не случилось. Эрастъ Степанычъ все больше и больше проникался антипатіей къ этой непріятной женщинѣ и соображалъ, что до свадьбы, которая, наконецъ, развяжетъ ему руки, въ его положеніи влюбленнаго жениха и почтительнаго зятя будетъ много сторонъ непріятныхъ до послѣдней степени. И, въ сущности, онъ самъ виноватъ: совсѣмъ не стоило столько церемониться, разъ онъ принялъ главное рѣшеніе... „Почтенная семья“, какъ приглядѣться, вся врозь. До красавицы Нади преспокойно можно было добратся гораздо скорѣе и гораздо проще, благодаря столь покладливому папенькѣ, а для дѣвочки можно было бы изобрѣсти какой-нибудь романическій эффектъ въ ихнемъ вкусѣ... Ему не приходится вѣдь ни гордиться женитьбой на м-ше Кубанской, ни тѣмъ менѣе дѣлать изъ этого черевъ-чуръ замѣтное событіе... Кабы съ самаго начала повести дѣло иначе, можно было бы въ одинъ прекрасный день умчать барышню за городъ и обвѣнчаться въ любой деревушкѣ; это, что называется, заднимъ умомъ крѣпокъ! Не понялъ и считъ необходимымъ весь домотопный ритуалъ этихъ бабьихъ выдумокъ и китайскихъ церемоній, которыя называются сватовствомъ... Теперь ужъ назвался груздемъ, такъ погѣзай въ кузовъ!.. Ханайскій былъ до послѣдней степени золъ на самого себя за все: и за свою, какъ ему казалось, оплошность и за глупое, школьническое объясненіе при помощи папеньки, и за напрасныя ухаживанія за „сварливой бабой“, за всю скуку вотъ этого препирательства, которое очевидно ни къ чему не приведетъ, и за всю вообще „тоску и канитель“, которая начнется послѣ формальнаго объявленія его женихомъ. Онъ мысленно рѣшилъ, грубо и безцеремонно, что благо онъ свое дѣло сдѣлалъ, а ужъ теперь, какъ имъ самимъ угодно! пусть уламываютъ, какъ знаютъ, свою фурию, онъ готовъ, пожалуй, и совсѣмъ никогда ее въ глаза не видѣть!..

— Я ничего не стану отрицать,—раздался, наконецъ, беззвучный голосъ Лизаветы Игнатьевны.—Если я не могу вамъ помѣшать, то и вы не можете меня заставить. Я уѣзжаю. Коли ты, Надя, такъ необыкновенно голодна сегодня, можешь остаться съ отцомъ или поѣзжай со мною, какъ тебѣ угодно.

— Ну, что-жъ дѣлать, и на томъ спасибо!—воскликнулъ съ облегченіемъ Анатолій Петровичъ.

Ханайскій, молча, холодно поклонился.

Первымъ движеніемъ Нади было поспѣдовать за матерью. Ей какъ-будто стыдно стало, когда она одна пошла изъ ложи... Да и зачѣмъ теперь оставаться? этимъ ничего не выигрывалось...

— Ты съ ума сошла!.. для чего ты поѣдешь?..—остановить ее отецъ.

— Не дослушавъ даже оперы?.. да, ужъ этого я не ожидать!..

Въ тонѣ жениха было столько обиды и неудовольствія, такъ краснорѣчиво на его лицѣ отпечатались всѣ досадныя мысли, что на минуту Нада смутилась. Но она сейчасъ же вспомнила, что законы бы ни были ея соврѣнные чувства, въ глазахъ всѣхъ она будетъ права.

— Извините, Эрастъ Степановичъ, мнѣ очень жаль васъ огорчить, но безъ мамы я ни въ какомъ случаѣ остаться не могу!

Лизавета Игнатьевна была увѣрена, что Нада осталась. Она одѣвалась медленно, съ трудомъ, ошеломленная всѣмъ, что произошло, такъ неожиданно и такъ быстро... И когда ея дѣвочка подошла запыхавшись и тоже начала, молча, поспѣшно одѣваться, на глазахъ матери выступили слезы...

— Гдѣ глаза у тебя?.. чѣмъ тебя ослѣпили?! что съ тобой сдѣлали?!!

Нада сумрачно отбивала ногою тактъ по паркету и кусала кончикъ длиннаго ловона. Насворо зажженныхъ свѣчи двоялись въ зеркалѣ. Лизавета Игнатьевна, какъ была, въ нарядномъ платьѣ, съ теплымъ платкомъ, соскользнувшимъ съ головы на плечи, опустилась на первый попавшійся стулъ въ ея комнатѣ.

— Нада!.. этотъ, постѣ Штарка?

— Я боюсь вашего Штарка!—вырвалось у Нади съ внезапной искренностью.—Онъ такой... суровый, неснисходительный... Право, онъ видитъ во мнѣ одни только недостатки! за что ему любить меня постѣ этого?!

— За что, это его дѣло. Ты спроси саму себя, свое сердце...

Нада нетерпѣливо перемѣнила позу.

— Онъ потребуетъ всего, на что я неспособна... Я... я не могу отъ всего отказаться!.. довольствоваться... Мама! вѣдь это была бы бѣдность, вѣчная нужда!.. гдѣ же счастье?.. Это мнѣ

не по силамъ... я... я знаю, что это стыдно!..—прибавила она, покраснѣвъ до слезъ подъ пристальнымъ взглядомъ матери...

— Ну, можетъ быть, и не такая ужъ бѣдность, что называть нуждой! Тебѣ вбили въ голову, что нельзя быть счастливой безъ роскоши. Тебя учатъ пробавляться забавами да развлеченіями, видѣть въ жизни какой-то нескончаемый праздникъ... Надя!.. праздникъ проходитъ быстро, надѣдается скоро. Жизнь, трудъ, обязанность, однимъ легкая, другимъ едва посильная... Счастье въ томъ, чтобы облегчить ее себѣ, сдѣлать милой!

На Надю находила тоска, какъ всегда, отъ безотрадныхъ и суровыхъ поученій матери.

— Экипажи... брилліанты... бархаты, притягиваютъ тебѣ! Вѣчные балы и забавы наскучать! Все имѣть, это почти всегда ничего не желать... На землѣ только одно счастье, и нѣтъ другого несчастія, равнаго тому, что ты избираешь добровольно: быть женой человѣка, не любя!..

Лизавета Игнатьевна была блѣдна, какъ сватерть. Грудь тяжело и рѣдко колыхалась, глаза горѣли.

— Онъ очень добрый, веселый... съ нимъ такъ легко!.. Онъ будетъ обожать меня, не какъ вашъ Штаркъ!..—проговорила дѣвушка, отворачиваясь.

— Мой?! Оставимъ Штарка,—сдержалась мать.—Я тебѣ не навязываю его. Какая тебѣ крайность непременно выйти за-мужъ нынче?.. тебѣ всего двадцать лѣтъ!

— Чего же ждать? пока мы должны будемъ уѣхать изъ Петербурга, поселиться въ деревнѣ?.. выйти тамъ за-мужъ за помѣщика?.. вѣкъ свой жить въ глуши?.. Неужели это лучше?!

Лизавета Игнатьевна узнавала, чьи это угрозы, какъ будто слышала голосъ мужа. Она мрачно качала головой въ тактъ нетерпѣливымъ и строптивымъ вопросамъ дѣвушки.

— Вѣдь, говоря правду, гдѣ же эти женихи?..—продолжала Надя оживленно, довольная, что разговоръ перешелъ на болѣе легкую почву.—Надо имѣть изъ чего выбирать, а для этого нужно имѣть не наши средства и жить не такъ, какъ мы живемъ... И я думаю... я думаю, что вообще сильная любовь большая рѣдкость... И вѣдь въ ней часто обманываются такъ же, какъ и во всемъ остальномъ!

— Любовь, рѣдкость... Это тебѣ кажется въ двадцать лѣтъ!—Мать провела рукой по лбу, какъ бы стараясь уяснить себѣ, и смотрѣла на дѣвочку, съ такой увѣренностью повторяющую чужія слова...

„Чужія... да! но они не возмущаютъ этой дѣвочки“. Краска вдругъ ударила въ лицо Лизаветѣ Игнатьевнѣ...

— Обманываются? о, да! Женщины выходятъ за-мужъ, когда онѣ еще не понимаютъ ни жизни, ни людей. Можно извинить ошибку, если онѣ не заставляютъ расплачиваться за нее другихъ, если онѣ несутъ долгъ свой до конца, какой бы онѣ ни былъ... Но ты идешь съ открытыми глазами. При всемъ желаніи, ты не можешь сказать мнѣ, что ты любишь Ханайскаго... И ты не ребенокъ, ты увлекалась Штаркомъ, ты, разумѣется, предпочла бы его, еслибъ онъ былъ не бѣдный еврей, а богатый баринъ.

Это возвращеніе черезъ каждую фразу къ Штарку производило совсѣмъ неожиданное впечатлѣніе на дѣвушку: оно какъ будто приписывало ей упорство, желаніе настоять на своемъ и отречься поскорѣе отъ этого прошлаго, которое она никогда еще не ощущала въ себѣ такъ живо, какъ именно въ этотъ вечеръ, когда порвала съ нимъ навсегда...

— О, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула она, краснѣя:—я не го-жусь!.. Я не претендую на тѣ совершенства, какія нужны Штарку!.. Я хочу, чтобы меня любили, а не мучитовали, чтобы не читали мнѣ нотаций на каждомъ шагѣ... Я могла бы показать вамъ письмо; можетъ быть, и есть дѣвушки, которымъ нравится подобный тонъ, я... я хочу, чтобы меня больше любили!..

„Любили... Надя думаетъ, что Ханайскій любитъ ее, а Штаркъ нѣтъ. О, что же сдѣлать, когда дѣти глупы? когда неопытные сердца отзываются лишь на знакомые звуки? когда лесть и ласка плѣняютъ, а суровая правда отталкиваетъ!.. Что дѣлать, когда искусный суфлеръ подсказываетъ готовые афоризмы и играетъ, какъ на инструментѣ, на юномъ тщеславіи?! Но неужели же у нея нѣтъ силъ противъ этого? нѣтъ словъ, въ которыхъ бы вылился ея горестный жизненный опытъ?!“

— Нельзя впередъ угадать жизни,—начала Кубанская, какъ будто въ раздумьи.—Ханайскій богатъ, а Штаркъ бѣденъ... Ханайскій старъ и ничтоженъ, а тотъ силенъ и молодъ... Нельзя разсчитать, какія бѣды грозятъ человѣку, какія удачи ждутъ его впереди... Всему на свѣтѣ можно пойти на встрѣчу, закрывши глаза, если рядомъ вѣрный другъ и надежный товарищъ!.. Отъ всего легко отказаться, когда дома ежеминутное счастье, миръ и ладъ... Любовь, рѣдкость... О, да простить Богъ тому, кто осквернилъ твой умъ такой клеветой!..

Лизавета Игнатьевна шагнула ближе къ Надѣ, и ея глаза заблестали молодой силой.

— Жить нельзя безъ любви, слышишь ты?—Я говорю тебѣ

это, твоя мать, старая, разбитая женщина, которая прожила свою жизнь безъ этой любви!.. Она придетъ рано или поздно... И когда ты найдешь ее, связанная, не своя, когда тебѣ придется отталкивать ее собственными руками... о, какъ ты проклянешь то, что теперь дѣлаешь!.. какъ ты возненавидишь себя, какъ тебѣ постыла будетъ твоя жизнь!

О комъ говорить она, о себѣ или объ этой черноглазой красавицѣ, вглядывавшейся въ нее съ изумленіемъ? Отталкивать любовь... Проклинать свою жизнь... Неужели, доживъ до сѣдыхъ волосъ, она все еще думаетъ, что всѣ борются, какъ боролась она, что всѣ сердца разбиваются... Что всѣ несутъ черезъ жизнь свои понятія, какъ священный сосудъ, не замѣчая, когда, въ концѣ концовъ никому отъ этого ни легче, ни лучше, ни краше...

— Долгъ, тяжелая ноша... Кто живетъ имъ свой вѣкъ, тотъ прожилъ не одну, а десять жизней, и ты, ты легкомысленная, тщеславная, избалованная, ты, какъ на грѣхъ, такая красавица, ты хочешь начинать съ него! О, мой Создатель!.. да о чемъ же ты думаешь? на что ты надѣешься?.. гдѣ возьмешь ты силы отстоять себя?..

Надя чувствовала одно: что ее оплакиваютъ, причитаютъ и убиваются, когда ей самой впереди мерещилось что-то ослѣпительно блестящее и увлекательное...

— О чемъ вы говорите?.. я не понимаю, — отвѣтила она съ отчаяніемъ. — Всѣ живутъ, а не мучаются... Право, вы сами дѣлаете изъ всего несчастіе!

Лизавета Игнатьевна долго смотрѣла на нее молча, и презрительная усмѣшка медленно проступала на губахъ.

— О, да!.. Ты проживешь легко, какъ твой отецъ.

Дочь думала, что въ этомъ вся задача. Кому нужны чужія терзанія?.. Она знаетъ, легко ли приходилось отъ нихъ семьѣ ея матери.

— Вы хотѣли бы лучше, чтобы и я когда-нибудь проклянула свою жизнь, какъ вы?..

— Да!

— А-а-а!.. О-о-о!.. — разсмѣялась Надя сквозь слезы.

— Да! да! да!.. — твердила Лизавета Игнатьевна внѣ себя... — Пусть лучше ты проклянешь ее, если сдѣлаешь теперь этотъ безумный шагъ... Пусть ты поймешь хоть когда-нибудь, какой позоръ продать себя, какъ низко отречься добровольно отъ всего высокаго и чистаго, чему должна поклоняться честная юность!.. Какой стыдъ развѣнять свою душу на гроши, на пестрые лоскуты, на глупыя потѣхи!.. Пусть ты когда-нибудь образумишься

и искупишь это, всякой цѣной! Да, я желаю тебѣ несчастья лучше, чѣмъ поворота. Я хочу лучше оплакивать тебя, чѣмъ презирать!

Надя стояла вся блѣдная, слезы струились по ея лицу. Ей было страшно. Все ея существо возмущалось противъ такой жестокости.

Мать схватила въ обѣ руки свою голову и долго, долго всѣми силами боролась съ тяжелымъ волненіемъ. Нѣтъ! ничего этого не будетъ. Ея зловѣщія желанія не исполнятся: ничего эта красавица искупать не будетъ, ни отъ чего не станетъ отставать себя... Вся будущая жизнь Нади промелькнула въ ея разгоряченной фантазій, и даже она съ высоты своего застарѣлаго идеализма, своего незнанія жизни, которая такъ много интересовала ее, даже она видѣла ее всѣмъ поступившеюся, все предавшею, все принесшею въ жертву жаждѣ счастья и наслажденій... Нѣтъ! она будетъ счастлива, обманывая, измѣняя, никого не щадя... О, неужели же для этого ей надо было прожить ея ужасную жизнь? Неужели для этого раскрылась добровольная могила передъ лучшимъ изъ людей? Что они сдѣлали?! что такое жизнь?..

Надя съ ужасомъ услышала, что Лизавета Игнатьевна смѣется страшнымъ истерическимъ смѣхомъ, отъ котораго все сильнѣе и сильнѣе сотрясалось ея худощавое тѣло...

VI.

Давидъ Семенычъ Штаркъ получилъ отъ Кубанской записку, въ которой она просила его прійти къ ней, какъ можетъ скорѣе. Это было такъ странно и такъ неожиданно, что онъ не пошелъ вовсе въ тотъ день на уроки, а сейчасъ же отправился къ ней.

Онъ засталъ ее въ ея комнатѣ, гдѣ были спущены шторы, потому что она второй день уже страдала своей мучительной мигренью и не могла выносить свѣта.

— Ахъ, Боже мой... Зачѣмъ же вы утромъ?.. дѣла всѣ бросилъ?.. Простите, другъ мой!.. позвала я васъ... Никому больше дѣла до этого нѣтъ,—а вы...

Лизавета Игнатьевна напрасно старалась совладать со своимъ голосомъ. Штаркъ ждалъ. Съ каждой минутой молчанія въ уныломъ полумракѣ, какъ будто сгущалось и напрягалось то, что сейчасъ должно обрушиться на его молодую голову... Онъ долго ждалъ. Она плакала, прижавшись лбомъ къ спинкѣ кресла, не вытирая слезъ, хлынувшихъ потоками изъ глазъ.

Сколько ужасныхъ сценъ разыгралось у Кубанскихъ съ той первой ночи, когда мать и дочь вернулись изъ театра. Сколько бурныхъ объясненій, криковъ и споровъ, уворовъ и напоминаній... Сколько отчаянныхъ усилій и быстрыхъ переходовъ отъ просьбъ къ угрозамъ, отъ нѣжности къ враждѣ, отъ сожалѣній къ оскорбленіямъ...

Лизавета Игнатьевна лежала въ крестѣ больная, еле живая и обезсиленная... Но плакала она теперь въ первый разъ—передъ этимъ чужимъ человѣкомъ, котораго часто, долго она считала тѣмъ спасителемъ, который совершить чудо: зажжетъ святую искру въ пустомъ сердцѣ, разбудить спящую душу, къ которой не нашла пути родная мать...

Она рыдала передъ этимъ юношей, котораго она всячески поддерживала въ его ослѣпленіи, въ его благородной жадѣ пересоздать то, что не создается человѣческими руками, исправить, что другіе ежеминутно и всячески портили... Передъ своимъ „юнымъ другомъ“, котораго она не уговаривала и не удерживала, какъ стала бы навѣрное и отговаривать, и удерживать своего собственного сына!.. Она не говорила ему, что его благородное сердце, что его горячее чувство стоятъ лучшаго, что онъ безумно уклоняется съ прямого пути, стремясь навязать тяжелые путы на свои плечи честнаго труженика. Нѣтъ, она не гнала его отъ обольстительнаго искушенія. Не учила съ опытностью человѣка, доживающаго жизнь, что легче во сто кратъ перенести минуту самаго горькаго отчаянія, чѣмъ стать на ложный путь... Что нѣтъ горя, которое не забылось бы, если ты сберегъ самого себя, свою душу, остался вѣренъ своимъ богамъ. Она ли всего этого не знала?..

Когда же лгала она? когда поддерживала въ немъ безумную надежду на любовь Нади и принимала—или притворялась, что принимаетъ—за истинное чувство мимолетную и бессознательную игру просыпающихся страстей? Или тогда, когда воображала, что этотъ сильный и честный не найдетъ въ жизни цѣли достойнѣе, счастья надежнѣе!

О, хуже—гораздо хуже! Ничему этому, въ сущности, она и не вѣрила... Ничего подобнаго даже и не воображала! Она просто приносила чужое въ жертву своему, рисковала чужимъ повоемъ, судьбой—кто скажетъ, чѣмъ еще и въ какой мѣрѣ?—ради бесполезной и безнадёжной попытки спасти свое. Она—его другъ! Она, преисполненная къ нему самой горячей симпатіей, пропавшая тѣмъ, что есть самаго цѣннаго въ жизни и чего ей

никогда не дасть и никогда не дасть никто изъ ея близкихъ: — преисполненная вѣрой въ него.

Рыданія Лизаветы Игнатьевны все усиливались, дѣлались мучительнѣе и судорожнѣе. Она металась и билась головой о спинку стула, не пытаясь больше совладать съ ними.

Страданія знакомыя. Не жертва, вырывающая сердце изъ груди, гасящая всякій свѣтъ въ жизни, убивающая самую возможность надежды, безъ которой не умѣть, не хотеть жить бѣдное дитя земли!.. Не потеря, оставляющая на развалинахъ всего, что воздвигалось долго и медленно, съ тѣмъ срались всѣми фибрами живого существа; потеря, внезапно сбрасывающая съ вершины счастья въ безотрадную, леденящую пустыню одиночества.

Жертвы забываются — рано ли, поздно ли. Потери замѣщаются — худо ли, хорошо ли. Но никогда и ничѣмъ не забывается та, ни съ чѣмъ несравнимая мука, которая заставляетъ метаться по землѣ подъ ударами возставшей совѣсти. Нѣтъ силы, которая могла бы спасти отъ власти собственнаго сознанія, кинувшаго мгновенный, неумолимый свѣтъ на совокупность всего сокровеннаго, неназваннаго, полусознаннаго... На все, отъ чего отворачиваются, на что закрываютъ глаза, отъ чего спасаются милліонами средствъ и путей, имѣющихся у жизни!

Кто способенъ почувствовать это, тотъ навѣрное не можетъ забыть.

Два раза въ жизни Лизаветѣ Игнатьевнѣ пришлось испытать стыдъ передъ самой собою, передъ свѣтомъ божіимъ, который одинъ только можетъ уличить; и каждый разъ она становилась другимъ человѣкомъ. Въ первый разъ — она полюбила, отдала свою душу безповоротно и безвозвратно тому, кто открылъ ей глаза. Во второй — она возненавидѣла человѣка, заставившаго ее пережить это. Теперь пострадавшимъ лицомъ не была она сама, какъ тогда, — ей предстояло взглянуть со стыдомъ и раскаяніемъ въ чужіе глаза...

Штарнъ не могъ понять, что съ ней дѣлается. Онъ ждалъ сначала терпѣливо, ломая голову, что могло огорчить ее до такой степени? Потомъ встревожился и пытался помочь ей; принеся воды, розыскавъ на туалетѣ успокоительныя капли, укусъ, намочилъ ей голову.

Но когда, наконецъ, Кубанская заговорила — онъ долго еще не могъ понять, въ чемъ дѣло: такъ страстно, такъ необычайно и съ такой мукой она говорила о себѣ и о немъ, о ихъ дружбѣ, которой сама она добивалась... о своихъ годахъ, о своей опыт-

ности, которая обижаетъ, объ обязанностяхъ и чести человеческой, которыя должны быть выше родительскихъ...

И еслибъ еще ею руководила сѣмая любовь, то затѣніе разума, которое заставляетъ находить черное бѣлымъ—разъ это мое... Это было бы недостойно, но, по крайней мѣрѣ, постижимо—люди преступленія совершаютъ изъ неразумнаго обожанія и ихъ оправдываютъ!.. Нѣтъ. Она никогда не была слѣпа. Никогда дурное ей не было мило—она давно не называетъ даже любовью того, что уцѣлѣло въ ея сердцѣ... Но назовите же тогда, что это такое?! изъ-за чего пошла она на предательство, на несправедливость, этогизмъ, которые всегда считала и, пока жива, будетъ считать постыдными? Зачѣмъ она бьется, спасая отъ гибели, которой добиваются и считаютъ счастьемъ? Отчего она не можетъ отступить, когда только этого и хотятъ, и просятъ?—Какая безсознательная, роковая сила приковываетъ ее къ этому чуждому всѣмъ ея понятіямъ, ея уму, ея совѣсти?.. Отчего малѣйшій ударъ отзывается въ ея собственномъ сердцѣ, когда, Богъ свидѣтель, въ немъ нѣтъ ничего кромѣ осужденія!.. И почему же именно это достойно и свято, только это добродѣтель, передъ которой преклонился міръ!.. О! не вѣрьте никогда, не вѣрьте никому, что эти жертвы всегда чисты и благородны... не вѣрьте никому, что мать всегда права!

Штаркъ не въ силахъ былъ выносить этого дольше:

— Лизавета Игнатьевна!.. Пожалуйте же меня, наконецъ! скажите прямо, что случилось? Я ничего не понимаю. При чемъ тутъ я?.. Отчего вы говорите такъ много обо мнѣ и о нашей дружбѣ?..

Но Лизавета Игнатьевна не слушала. Она все задавала свои вопросы одинъ другого мучительнѣе и ужаснѣе. Слова лились неудержимо, бурно и краснорѣчиво въ этой раздирающей борьбѣ человека, возставшаго противъ самого себя, въ смятеніи, въ ужасѣ, на половину безсознательно выговаривающаго то, что немногіе не всегда рѣшаются подумать, заглянувшаго въ тѣ глубины, которымъ суждено оставаться нетронутыми и недосигаемыми.

А онъ—ея другъ, молодой и горячій, способный все понять, готовый всѣмъ проникнуться—онъ чувствовалъ странную холодность передъ этими мученіями, сильнѣе и искреннѣе которыхъ онъ навѣрное никогда не видѣлъ. Его юному мужскому сердцу они ничего не говорили. Онъ не могъ услѣдить за быстрыми переходами, отбѣгавшими отдѣльные ступени, роковыя грани, давно пройденныя, давно отжитыя этой сѣдой женщиной, этой матерью...

Есть страданія, для которыхъ нѣтъ и не должно быть свидѣтелей.

Что съ ней дѣлается?.. Эвзальтація или вступленіе; бредъ или безуміе?.. Все равно—онъ не хотѣлъ больше ждать и оставлять себя на жертву смутному, безотчетному волненію, которое овладѣвало имъ все сильнѣе.

Штаркъ схватилъ Ливавету Игнатъевну за руки, грубо, повелительно, и прокричалъ ей въ упоръ свой вопросъ, который уже три раза онъ предлагалъ напрасно:

— Что случилось?.. что случилось?.. скажите ли вы мнѣ когда-нибудь, что случилось?!

И то, что случилось, ему не показалось ничтожнымъ передъ этимъ безмѣрнымъ отчаяніемъ. Больше онъ уже не называлъ его ни эвзальтаціей, ни безуміемъ, какъ только произнесено было заветное имя, какъ только ударъ попалъ въ его собственное сердце...

Вотъ онъ—вѣчный и единственный масштабъ всѣхъ человеческихъ сужденій, секретъ всѣхъ приговоровъ, произнесенныхъ такъ безапелляціонно надъ чужими радостями или слезами!..

Ханайскій, Эрастъ Степанычъ, тотъ самый?.. да, да, онъ знаетъ, конечно! Пріятель мужа, въ отцы годится... ха, ха, ха!.. Витертая салонная кузла! гаденькій селадонъ, потрепанный въ кутежахъ и дебошахъ!.. а! еще былъ богатъ... Землевладѣлецъ!.. Домъ собственный. Шансы слишкомъ неравны; кто же можетъ это оспаривать! Но вѣдь не въ одну же минуту дѣлаются такіа вещи — когда это свернули?.. когда? Зачѣмъ она скрывала отъ него?.. Не съ неба же свалился этотъ богатъ—можно вывести на свѣжую воду такого франта... Показать его въ настоящемъ свѣтѣ, коли ужъ собственное чувство ничего не подсказываетъ, не отталкиваетъ! Онъ знаетъ даже, у кого можно узнать про него всю подноготную, кабы на умъ то могло прійти раньше! Помнится, даже рассказывали при немъ что-то, да мимо ушей пропустилъ, не интересовался таюй дрянью и вотъ... а!.. какъ могла она, какъ могла она скрывать отъ него?!

О, нѣтъ, не въ этомъ она повинна передъ нимъ. Она не скрывала, сама едва могла повѣрить. Оба проглядѣли, какъ проглядѣтъ бы всякій другой на ихъ мѣстѣ. Ея вина не въ этомъ: въ томъ, что она хотѣла видѣть Надю его женой. Мечтала, что истинное чувство преобразитъ и очиститъ тщеславную душу. Считала, что онъ именно тотъ человѣкъ, который сумѣетъ взять верхъ и удержать свой авторитетъ, тотъ надежный руководитель, безъ котораго нѣтъ спасенія такимъ натурамъ. Она виновата,

когда надѣялась, что дочь Анатолия Петровича способна полюбить! Такъ нельзя ошибаться. Она знаетъ слишкомъ хорошо—какъ же могла она надѣяться? какъ смѣла вѣрить въ такіа химеры?! Нѣтъ, она просто тѣшила себя и ради этого толкала его и поощряла, какъ могла...

— Безъ надежды... понимаете вы это? даже безъ надежды!—твердила Кубанская, задыхаясь и сжимая его руку въ своихъ обѣихъ рукахъ.

Но Штаркъ отнесся къ этому холодно. Ему было не до того, чтобы призывать кого бы то ни было къ отвѣту. Онъ не справлялся съ ея желаніями и не ждалъ ея поощреній, чтобы полюбить всей душой прелестную ученицу, которую послала ему злая судьба. И теперь онъ думалъ не о своемъ горѣ, не о возмутительности такого брака, даже не о винѣ Нади—онъ думалъ о томъ, что она еще не обвинена и, слѣдовательно, этому надо помѣшать, этого нельзя позволить.

— Помѣшать!!—повторила Кубанская съ горечью. —Повѣрьте, если я скажу вамъ, что не осталось больше словъ, которыя бы не были произнесены мною, которыя не могли не испугать, не могли не пристыдить, не перевернуть сердца, у кого есть оно!.. Кто можетъ не позволить двадцатилѣтней дѣвушкѣ, которой покровительствуетъ родной отецъ?.. Мое рѣшеніе... мое благословеніе... вѣжесъ, ужъ и романовъ-то такихъ не осталось, гдѣ бы это благословеніе „созидало дома чадамъ!“..

Штаркъ остановился передъ нею и вскинулъ плечами съ невыразимой досадою.

— Развѣ объ этомъ я говорю?.. О родительскомъ благословеніи, о позволеніяхъ, запрещеніяхъ или просьбахъ?.. Лизавета Игнатьевна, слова не дѣйствуютъ на ослѣпленныхъ и люди не исполняютъ ничьихъ просьбъ, когда дѣло идетъ о ихъ собственной участи.

— Какъ же по вашему помѣшать этому? Бѣжать, увести ее—куда? Кто помѣшаетъ ему размыслить ее гдѣ угодно?.. Какъ спасти человѣка, который самъ рѣшился погубить себя!..

— Спасаютъ,—произнесъ онъ севозъ зубовъ.—Самоубійца тоже самъ рѣшаетъ, но вы его схватите за шиворотъ, коли нельзя иначе.

Она только безнадежно вдохнула. И тѣмъ не менѣе его твердость уже начинала дѣйствовать на нее. Она внимательно слѣдила за тѣмъ, какъ онъ молча метался по комнатамъ. Открывъ дверь въ корридоръ и постоявъ на порогѣ, точно ему душно было въ большой, свѣжей комнатѣ. Потомъ прошелъ на кухню

и вышилъ изъ-подъ крана ковши воды. Его густыя брови были такъ близко сдвинуты, что издали казались сросшимися надъ крупнымъ, горбатымъ носомъ; это очень старило его и придавало суровое выраженіе и безъ того рѣзкому лицу.

Кубанская любила это лицо, привыкла къ нему. Она предпочитала его красивымъ и изящнымъ безмятежнымъ лицамъ, которыхъ было такъ много вокругъ нея. Она находила въ немъ своеобразную, благородную красоту.

— Вы сказали: все кончено. Но вѣдь не такъ же быстро это совершается?.. Свадьба-то не назначена еще?

Онъ спросилъ это съ самаго дальняго конца комнаты, словно давая собственными словами.

Лизавета Игнатьевна ничего не знала. Какъ рѣшать, какъ захотать; мудро не вліять на то, въ чемъ не хочешь участвовать.

Штаркъ сосредоточенно обдумывалъ что-то. Она, по-женски, думала иначе. Было время, когда Надя была влюблена въ него. Пусть эта случайная искра потухла—не она возьметъ на душу грѣхъ называть любовью то, отъ чего можно въ двадцать лѣтъ добровольно отречься! Но какъ знать, совсѣмъ ли утрачена его власть надъ нею?.. Гдѣ безсильны всѣ доводы и убѣжденія, тамъ можетъ побѣдить одно страстное слово, одно нѣжное воспоминаніе... одинъ взглядъ, власть имѣющій. Какихъ грѣховъ не искупаетъ молодость? какіе контрасты не уживаются въ женскомъ сердцѣ!..

И передъ мелькнувшимъ проблескомъ надежды мать вдругъ забыла все, что раздирало ей душу сейчасъ, только-что! Пусть онъ еще разъ броситъ къ ея ногамъ свою любовь, чтобы помѣшать ей перешагнуть въ бездну. Пусть отвергнутый и обманутый спасаетъ, когда имѣетъ право судить. Пусть попытается плѣнить ту, которую нельзя образумить, пусть обнажитъ передъ нею свое уязвленное сердце, чтобы она захотѣла взять его. Пусть отуманитъ страстью, заставитъ молчать всѣ другіе голоса передъ единственной властью, которая существуетъ надъ безнравственнымъ сердцемъ. Кто же другой сдѣлаетъ это, если ему дана эта власть!

И женщина, которая только-что каялась въ эгоизмъ и предательствѣ, она тутъ же, не задумываясь, дѣлала новый шагъ на своемъ роковомъ пути!.. Лизавета Игнатьевна встала и подошла къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ въ своей любимой позѣ, закинувъ руки за спину.

— Не знаю, что вы рѣшаете, какъ считаете вы возможнымъ помѣшать... Я ничего больше не могу. Но еслибъ вы попробо-

вали?.. Неужели вы вовсе не захотите поговорить с нею?..

Штаркъ продолжалъ смотрѣть куда-то внизъ, кристально изподъ сдвинутыхъ бровей.

— Да... вѣроятно, я поговорю съ нею.

— Доводы безсильны... Упреки только раздражаютъ... О, Боже мой! да и много ли найдется такихъ, которые способны смиренно выслушивать горькія истины? Кто, скажите, не хочетъ быть правымъ во что бы то ни стало?! Но въ какой же мѣрѣ надо быть черствой, бездушнѣй, чтобы ничего не почувствовать передъ тѣмъ, кого сама любила—ну, хоть мимолетно, хоть когда-нибудь? Сила любви!.. Нѣтъ другой такой силы въ мірѣ!

Штаркъ поднялъ голову и сталъ внимательно смотрѣть ей въ лицо. Она не глядѣла на него.

— Я въ такихъ случаяхъ не умѣю—сколько ужъ разъ сознавала это!.. Не могу совладать со своимъ возмущеніемъ, теряю голову отъ негодованія и чѣмъ ближе мнѣ человекъ, тѣмъ меньше я способна щадить его. Это преступленіе въ матери—въ человѣкѣ, обязанномъ руководить и вліять. Не блюсти чистоту собственныхъ принциповъ, не добиваться торжества отвлеченныхъ истинъ, а добиваться результатовъ, все равно какъ! хоть обманомъ... хоть хитростью... хоть насиліемъ—да только вывести на правый путь! Вы видите, даже собственное пониманіе ни къ чему не служитъ мнѣ... Не улыбайтесь такъ, мой другъ, до этого доходить не сразу и путемъ не сладкимъ, повѣрьте мнѣ!..

Онъ улыбнулся совсѣмъ не этому. Ему вспомнились ея слезы, вся раздирающая сцена, все, что она вылакивала такъ мучительно полчаса тому назадъ.

„Женщины!“—подумалъ Штаркъ.

— Вы желаете, чтобы я поговорилъ съ нею? Чтобы при этомъ я не выказывалъ негодованія и старался не раздражать ее?.. Я васъ такъ понимаю?

Онъ отошелъ отъ стѣны съ порывистымъ, рѣзкимъ жестомъ.

— Что-жъ!.. я не пропаду отъ этого, могу васъ заверить! Пусть лишній разъ мотопчутъ мнѣ сердце, тѣмъ скорѣе оно излечится отъ своего безумія. На все, съ чѣмъ борешься, всегда выгодно взглянуть какъ можно ближе, тогда будетъ хоть какой-нибудь конецъ. Разстояніе слишкомъ многое мѣняетъ и скрадываетъ и ужъ тѣмъ болѣе, когда имѣешь дѣло съ существомъ другой породы! Да-съ, Лизавета Игнатьевна, я не себя берегу!

— Я этого не говорила,—отвѣтила она съ недоумѣніемъ.

— Я не избѣгалъ объясненія съ Надеждой Анатольевной,—

продолжалъ онъ глумя:—Я написалъ ей письмо съ недѣлю тому назадъ. Она мнѣ не отвѣтила. Теперь это ужъ и лишнее, ея помолвка—отвѣтъ краснорѣчивый и лабоническій!

— Разговоръ не письмо, — всгавила Кубанская осторожно.

— Да, разумѣется, разговоръ много тягостнѣе, — повернулъ Штаръ къ своему.

Онъ пришлось разъ-другой по помнать; потомъ нашелъ свою шапку и опять подошелъ къ ней.

— Я скажу такъ же, какъ и вы, Лизавета Игнатьевна: въ такіе минуты, какъ эта, надо добиваться результатовъ всякими путями. Но такъ какъ время дорого, то выбирать пути гадательные черезъ-чуръ опасно. „Сила любви“ — союзникъ черезъ-чуръ таинственный! Женское сердце, извините, опора слишкомъ шаткая! Съ такой опорой самъ Архимедъ отказался бы приподнять земной шаръ своимъ рычагомъ!..

— Я не удивляюсь, что вы говорите это... Если вы надѣетесь найти другую!..—отвѣтила она печально.—Да и кто въ правѣ будетъ удивляться, если вы и вовсе отступитесь?

— Кто? вслѣдъ! вы первая! Сейчасъ мнѣ еще нечего сказать вамъ, я самъ не знаю, что я сдѣлаю... Но отступить мы всегда успеваемъ и позоръ тому, кто съ этого начинается!..

Онъ ушелъ съ этимъ энергичнымъ восклицаніемъ. Быть можетъ, только для того, чтобы утѣшить ее или поддержать собственную бодрость?—подумала уныло Кубанская.

Она по-прежнему считала, что существуетъ только одна попытка стоящая, только одна слабая надежда,—та, которую онъ отвергъ такъ презрительно. Остановился передъ тѣмъ, надъ чѣмъ никогда не задумывается ни одна любящая женщина и черезъ что всегда одинаково трудно заставить перешагнуть мужчину: передъ собственной уязвленной гордостью.

Для нея это было слишкомъ ясно.

VII.

Самъ Кубанскій окончательно бросилъ учиться. Дома этого никто не замѣтилъ, да и едва ли кто-нибудь въ это время помнилъ объ его существованіи. Оба враждебные лагеря подозрительно высматривали другъ друга и относились равно безучастно ко всему, что не имѣло прямой связи съ событиями.

Послѣ разговора съ Лизаветой Игнатьевной, Штаръ прислалъ письмо, которымъ извѣщалъ своего ученика о непредвидѣнной,

необходимой отлучкѣ изъ Петербурга и выражалъ увѣренность, что шестнадцатилѣтній юноша окажется на высотѣ положенія и справится одними собственными силами.

Обыкновенно Давидъ Семеновъ достигалъ подобными приемами самыхъ лучшихъ результатовъ. Онъ вступилъ въ свои обязанности репетитора послѣ цѣлаго ряда педагоговъ, приходившихъ въ отчаяніе и въ благородное негодованіе отъ феноменальной лѣни мальчика и, наконецъ, отказывавшихся отъ него съ шумомъ и скандаломъ, перепробовавъ безъ пользы всѣ виды просьбъ и уговоровъ, жалобъ и наказаній — несмѣсныхъ классныхъ сценъ съ выступающимъ на сцену родительскимъ авторитетомъ и съ самыми баснословными устрашающими перспективами; послѣ того, какъ всѣ сгесендо были неравсчитливо нущены въ ходъ, всѣ заряды выпущены на воздухъ и злополучный гимназистъ давно обреченъ безбоязненнымъ краснорѣчіемъ своего отца на самые ужасные виды человѣческой гибели...

Штаркъ сразу выбилъ Сапу изъ колеи тѣмъ, что онъ вполне игнорировалъ его бурное прошлое. Онъ дѣлалъ это съ такой выдержкой, что мальчику случалось самымъ искреннимъ образомъ спрашивать самого себя: да, полно, знаетъ ли ужъ онъ все? можетъ ли быть, чтобы и этого не предупредили, не „зарядили“ его, какъ выражался гимназистъ?

Въ такомъ случаѣ, учитель совершенно пропустилъ мимо ушей всѣ скорбные листы неизлечимой хронической лѣни. Онъ не обнаружилъ ни тѣни подозрительности и приступилъ къ дѣлу съ спокойной вѣрой въ Сапину прилежаніе, а главное, съ полнымъ довѣріемъ къ его правдивости. Онъ обращался съ нимъ, какъ со взрослымъ человекомъ, рассказывая при случаѣ, какъ самъ онъ съ четырнадцати лѣтъ жилъ самостоятельно и своими уроками содержалъ больного отца; онъ очень многое предоставлялъ на собственное усмотрѣніе мальчика и за два года ни разу не пожаловался на него родителямъ.

Сапа началъ учиться. Въ началѣ не безъ искренняго рвенія, съ невольнымъ побужденіемъ оправдать ничѣмъ незаслуженное довѣріе, но потомъ... потомъ онъ привыкъ весьма скоро къ пріятнымъ сторонамъ своего положенія; благодарность, какъ вещество быстро испаряющееся, уступила мѣсто равнодушію и прежнее неодолимое отвращеніе мало-по-малу вступало въ свои права... Правда, Сапа не пускался на прежнія выходы — считалъ, напрымѣрь, неприличнымъ въ свои годы лгать, — но онъ тянулъ гимназическую лампу, какъ слабосильная лошадь тянетъ грузный возъ,

и обязанности Штарка становились тяжелѣе и непріятнѣе съ каждымъ днемъ.

Въ крайнихъ случаяхъ Давидъ Семеновичъ задавалъ ученику только одинъ вопросъ: „быть можетъ, Александръ Анатоліевичъ (онъ всегда звалъ его не иначе, какъ полнымъ именемъ, и трудно передать, въ какой мѣрѣ это imponировало мальчику)—быть можетъ, Александръ Анатоліевичъ любить разнообразіе и переимѣна репетитора оживила бы его?“ Новая личность всегда представляла долю интереса, хотя на нѣкоторое время! Въ этомъ саркастическомъ вопросѣ мальчику всегда слышалась такая глубина презрѣнія, что онъ боялся и ненавидѣлъ его всѣмъ сердцемъ.

Но на этотъ разъ воззваніе къ собственному достоинству ученика не возымѣло желаннаго дѣйствія: Саша разсѣянно отложилъ въ сторону письмо Штарка. Онъ былъ погруженъ всецѣло въ высшей степени важныя и серьезныя соображенія, по поводу предстоящаго замужества Нади; объ этомъ событіи ему объявилъ съ торжествомъ и, сіяя гордостью, отецъ. О немъ плакала, не осушая глазъ, Лизавета Игнатьевна.

Обыкновенно Сашу приводилъ въ восторгъ малѣйшій намекъ на какую бы то ни было переимѣну въ жизни семьи. Даже если отецъ и мать препирались по поводу неблагоразумныхъ расходовъ и рѣчь заходила объ ихъ разстроенныхъ дѣлахъ, объ обезцѣненномъ имѣніи, о долгахъ, о необходимости положить этому конецъ — уѣхать въ провинцію или даже на время поселиться въ деревнѣ, даже и тогда сынъ не испытывалъ ничего вродѣ радостнаго оживленія и смутной надежды, что „наконецъ-то у нихъ все пойдетъ иначе!“...

Блестательная партія, которую дѣлала Нада, мѣняла положеніе совсѣмъ въ другую сторону. Разумѣется, теперь Кубанскіе не уѣдутъ изъ Петербурга и Сашѣ не предстоитъ ничего больше, какъ дотягивать еще четыре класса гимназіи — если только ему не предстояло нѣчто гораздо худшее...

Дѣло въ томъ, что помолвка Нади была торжествомъ личнаго врага ея, брата. Съ самаго начала знакомства, Саша и Ханайскій — гимназистъ младшихъ классовъ и одноклассникъ его отца — какимъ-то образомъ очутились сразу во враждебныхъ отношеніяхъ; въ тѣхъ нелѣпыхъ отношеніяхъ, прослѣдить развитіе которыхъ крайне трудно, потому что въ нихъ все видится на злобной наблюдательности, на мѣткомъ вышучиваніи, на смѣлыхъ дерзостяхъ съ одной стороны — и на уязвленномъ высокомѣріи и близорукой бестактности — съ другой. Эрастъ Степановичъ не умѣлъ ни поставить авторитетно мальчику на его мѣсто, ни стать самому выше

серьезнаго состязанія съ нимъ. Гимназистъ сразу почувствовать, что съ нимъ должны считаться. Въ немъ заговорилъ весь задоръ строптивой и ожесточенной природы — природы, которую съ самаго появленія на свѣтъ всѣ условія, всѣ вліянія развивали и складывали именно въ этомъ направленіи...

Эрастъ Степаннчъ въ годы Саши былъ настоящимъ маленькимъ *petit maître* — носилъ прическу à l'anglais, на домашнихъ вечерахъ танцовалъ со взрослыми барышнями, критиковалъ тономъ знатока всѣхъ танцовщицъ и зналъ по именамъ всѣхъ наѣздницъ; понятно, что онъ не переваривалъ дерзкаго, утромаго гимназиста, который изподлобья высмѣживалъ въ каждомъ слабій стороны и ловилъ съ злорадствомъ малѣйшій поводъ вывести ихъ на свѣтъ божій.

Ханайскій сталъ отличивать тѣмъ, что въ его присутствіи принимался доказывать Анатолію Петровичу, насколько важно въ нашемъ обществѣ свѣтское образованіе, и приводилъ разительные примѣры, сколь блестящія карьеры создавались единственно благодаря прекраснымъ манерамъ и хорошему французскому выговору. На мѣстѣ своего пріятеля, Эрастъ Степаннчъ воспользовался бы тѣмъ, что сынъ провелъ почти все дѣтство за границей и знаетъ иностранные языки; онъ отдалъ бы его въ лицей или въ школу правовѣдѣнія, а потомъ пустилъ бы его по дипломатической дорогѣ.

Саша — дипломатъ! Нечаянно ли, или съ злымъ инстинктомъ, какіе обладаютъ иногда неумные люди, но Ханайскій не могъ попасть удачѣе, найти струну болѣе отзывчивую для преслѣдованія своего маленькаго противника. Изъ безцѣльныхъ уволговъ и случайной пикировки развивалась мало-по-малу цѣлая угроза, оовсімъ уже нешуточная...

Анатолій Петровичъ всей душой сочувствовалъ убѣжденіямъ своего друга. Свѣтскій молодой человѣкъ — благовоспитанный, веселый, любезный и покладливый, всегда былъ для него идеаломъ человѣка, безразлично, на какомъ гражданскомъ поприщѣ. Если по прискорбному положенію вещей этотъ молодой человѣкъ лишенъ возможности довольствоваться безобиднымъ поприщемъ балныхъ залъ и гостинныхъ, а вынужденъ нѣкоторымъ образомъ снискивать себѣ пропитаніе — то, безъ сомнѣній, тѣмъ будетъ это поприще благообразнѣе и благороднѣе, тѣмъ пріятнѣе для отцовскаго самолюбія. Анатолій Петровичъ всегда не долбилъ сына. Онъ, впрочемъ, относился довольно индифферентно, пока тотъ бѣгалъ маленькимъ мальчуганомъ, дикимъ и непокладливымъ, но нечасто и попадавшимъ на глаза отцу. Теперь, когда гимназистъ под-

накся чуть не съ него ростомъ, Кубанскій понялъ, что, помимо любви или равнодушія, существуетъ еще родительское самолюбіе и что его сынъ какъ бы нарочно созданъ для того, чтобы всачески терзать самолюбіе такого отца, какъ онъ.

Дипломатическая карьера! Это, конечно, легко сказать и объ этомъ сладостно пометтать, но онъ сильно сомнѣвался, чтобы изъ его лѣнтя и грубіяна, при всемъ его знаніи французскаго языка, какая-нибудь сила могла создать такой *fin de fleur* культуры, какъ *attaché* посольства. Подъ влияніемъ этихъ мечтаній, Анатолю Петровичу начинало казаться, что это было всегда его собственнымъ призваніемъ, *sa vocation manquée*, и что онъ навѣрное пошелъ бы далеко при своемъ остроуміи и обходительности. Правда, что въ дипломатіи требуется подчасъ также молчаливость, сдержанность, серьезность—гмъ, пожалуй, даже, что и нѣкоторая доза угрюмости не помѣшаетъ, для большей внушительности?—но вѣдь все въ мѣру и при условіи пониманія собственной пользы, при готовности когда-нибудь образумиться!

Сапа не обнаруживалъ ни тѣни чего-нибудь подобнаго. Одно слово „дипломатъ“ производило на него впечатлѣніе удара бича на упрямую лошадь. Онъ не зналъ ни удержу, ни мѣры въ своихъ усиліяхъ доказать отцу и этому „безмозглому хлыщу“, что не бывать этому никогда! его нельзя заставить! онъ не маленький мальчишка, котораго можно запугать, онъ надѣлаетъ такихъ скандаловъ при первой попыткѣ, на первомъ же экзаменѣ, что они и сами рады не будутъ!

Если такіа стычки происходили въ присутствіи Лизаветы Игнатьевны, то она не допускала до крайностей; она спокойно брала сторону сына и блистательно—по крайней мѣрѣ въ глазахъ Сапы—побивала союзниковъ. Но если мальчикъ бывалъ одинъ противъ двухъ и даже трехъ взрослыхъ (Надя, конечно, была на ихъ сторонѣ), тогда онъ походилъ въ концѣ-концовъ на затравленнаго злого звѣрька, который съ бѣшенствомъ выдается на что попало. Ему и въ голову не приходило справиться по-точнѣе, насколько подобный планъ осуществимъ практически. Эрастъ Степановичъ общалъ свою протекцію, обнадеживалъ своими связями, называлъ фамиліи. Сапа переживалъ всѣ оттѣнки злобы и отчаянія слабаго существа передъ хладнокровнымъ рѣшеніемъ посторонней силы по-своему распорядиться его судьбой. Онъ видѣлъ, что имъ стоитъ только серьезно захотѣть... Его увѣрили, что на сопротивленіе его „тамъ“ не посмотреть, послѣ того какъ Эрастъ Степановичъ предупредитъ и попроситъ кого слѣдуетъ. Очевидно, что „всякое начальство возьметъ сторону отца.

Сапа жилъ подъ этимъ страхомъ. Онъ возлагалъ смутныя надежды на заступничество матери, на то, что Ханайскій только дразнить его, а въ сущности, не захочетъ путаться въ чужія дѣла — ужъ онъ брался сдѣлать такую задачу и не легкой и не заманчивой! — но, на всякій случай, мальчикъ старался держать по возможности въ порядкѣ свои гимназическія дѣла и лишній разъ заглядывалъ въ учебникъ, „чтобы не подавать повода“. Онъ пошелъ еще дальше и сталъ избѣгать сильнаго противника; пересталъ задирать его, угрюмо отмалчивался на его вызовы. Эрастъ Степанычъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ онъ краснѣлъ и безмолвно кусалъ себѣ губы, какъ злобный огонекъ вспыхивалъ въ его черныхъ глазахъ.

Ханайскій — женихъ Нади.

Когда Сапа узналъ объ этомъ, когда онъ увидѣлъ безмѣрное отчаяніе Лизаветы Игнатьевны, онъ понялъ въ первый разъ, какъ велико безсиліе его матери направить жизнь семьи по своему желанію. Теперь она не можетъ запретить дочери выйти замужъ за ненавистнаго ей человѣка: что, если потомъ она такъ же не сможетъ помѣшать Анатолію Петровичу распорядиться судьбой сына? Очевидно, что теперь Ханайскій уже съ полнымъ правомъ вмѣшается въ дѣла семьи, что Надя добьется этого, чтобы преобразить своего братца въ „приличнаго молодого человѣка“.

Ему надѣяться не на кого. Но такъ какъ, слава Богу, онъ не баба, то и защититъ себя самъ. Онъ попытается теперь же жить на свой страхъ.

Сапа не спалъ цѣлую ночь — первую въ его жизни. Мысли необыкновенно ясно и смѣло складывались въ его мозгу, сердце то билось полными, сильными ударами, то замирало новымъ, незнакомымъ страхомъ. Жизнь ломилась на-двое. Цѣлая половина ея уходила въ прошлое со своей дѣтской безпечностью, съ вѣрой въ другихъ, въ то, что невѣдомая благотворительная сила бережетъ и охраняетъ. Мальчикъ не понималъ, но почувствовалъ, какъ въ концѣ концовъ каждый одинокъ. Вдругъ онъ больше ни въ кого кругомъ себя не вѣрилъ. Онъ пожалѣлъ мать — пожалѣлъ сознательно въ первый разъ, но жалость была въ эту минуту линнымъ бременемъ и онъ не останавливался на ней, отыскивая ту силу, за которую можно ухватиться. Онъ зналъ, что она есть, только не въ его семьѣ.

Надо искать ее въ другомъ мѣстѣ, тамъ гдѣ живутъ другіе — живутъ лучше, довольные собою. Штаркъ — сила, но не о немъ думалъ Сапа. Въ немъ было что-то высочайшее, враждебное, несмотря на всю безукоризненность отношенія его къ своему

дѣлу. Чувствовался въ этомъ отношеніи холодный принципъ и понималось инстинктивно, что тутъ нѣтъ мѣста для него лично — для Саши Кубанскаго, для злополучнаго маленькаго дѣтца, котораго никто не любилъ въ его собственной семьѣ, который, самъ не зная какъ, самъ не понимая почему, стоялъ совсѣмъ одинъ, имѣлъ задорный, непріятный нравъ, выносилъ, какъ пытку, монотонную швейную жизнь, состязался, какъ съ личнымъ врагомъ, съ безжизненной школьной наукой.

На другой день Саша поднялся бодрый и совсѣмъ неутомленный, хотя только модъ-утро забылся тяжелымъ сномъ. Онъ старательно пересчиталъ два раза все, что заключалось въ его старенькомъ портмоне — около рубля серебромъ и мѣдью — и долго, упрямо размысливалъ мѣдный пятакъ, который, онъ помнилъ, что засунулъ наканунѣ въ карманы брюкъ.

Въ столовой Саша проглотилъ наскоро стаканъ чаю и побранился со старушкой Палагеюнкой, отбояриваясь отъ завтрака, который она, по обыкновенію, приготовила для него. Онъ нацѣпилъ на плечи пустой ранецъ и вышелъ изъ дому, напутствуемый увѣреніями старухи, что онъ опоздалъ и будетъ сегодня непременно оставленъ. Мальчикъ подумалъ не безъ лукавства, что это какъ нельзя болѣе кстати и не сталъ разувѣрять ее. Въ швейцарской онъ снялъ ранецъ и поручилъ спрятать его до тѣхъ поръ, пока онъ не спроситъ. Потомъ стѣшной и озабоченной походкой Саша дошелъ до конки и поѣхалъ въ противоположную сторону отъ той улицы, гдѣ находилась его гимназія.

VIII.

Въ конкѣ Саша доѣхалъ до конца; потомъ пересѣлъ въ другую, бросилъ ее на половинѣ пути и прошелъ еще порядочный конецъ пѣшкомъ, прежде чѣмъ остановился передъ громаднымъ пятиэтажнымъ домомъ, занимающимъ полъ квартала; передъ одною изъ тѣхъ каменныхъ твердынь со множествомъ подъѣздовъ, съ нѣсколькими воротами, дворами и сквозными выходами на другія улицы, которыя вмѣщаютъ въ себя населеніе маленькаго городка и могутъ представить образчики всѣхъ возможныхъ видовъ ремесла и торговли.

Надъ одними воротами врасовалась большая, чистенькая вывеска: Столярная мастерская И. Зандера. Tischler Johann Sander.

Бѣлая стрѣлка на черномъ полѣ упиралась въ самый подъѣздъ, тутъ же подъ воротами.

Въ глубинѣ двора видѣлся микроскопическій круглый скверикъ и надъ нимъ нарисованный прямо на стѣнѣ черный сапогъ таинхъ почтенныхъ разбѣровъ, что онъ бросался въ глаза съ противоположнаго тротуара. Двѣ дѣвицы въ желтомъ и въ красномъ платьяхъ гладили бѣлье на доскахъ, изображенныхъ почти вертикально, и безъ лишнихъ словъ, одними своими улыбками, приглашали населеніе столицы въ опрѣтности. Ярко-красныя кастрюли таинственно прятались одна въ другую, а разбросанные вокругъ нихъ огненные самовары, свовороды, ерюки и щипцы — напоминали скорѣе загадочныя орудія пытки, нежели атрибуты мирнаго кулинарнаго мастерства. Дама въ зеленой амазонкѣ и невеста въ бѣломъ толѣ дрожали на жоравъ бока-о-бока съ туркомъ въ красныхъ шараварахъ и синей чалмѣ, потягивавшимъ безопасно свой кальянъ. Настоящіе миниатюрные китайцы держали въ рукахъ настоящіе вѣсы съ настоящимъ чаемъ и не обращали никакого вниманія на разъяреннаго быка, готоваго разнести въ дребезги цѣльныя зеркальныя стекла. Дѣвица съ голыми локтями доила корову и, отвернувшись, дѣлала глазки публикѣ, не замѣчая, что ея машка направляетъ свои стопы прямехонько въ эlegantный будуаръ, драпированный розовыми гардинами, съ самооднѣйшими пуфами „капитоне“. Глазированныя свинныя головы и толстыя фаршированныя пулярки лежали совсѣмъ готовыя на тарелкахъ среди разнороднѣйшихъ колбасъ и жирныхъ окороковъ, разжигая немилосердно аппетитъ и возбуждая жажду, которую, впрочемъ, стоило только пожелать утолить изъ безчисленныхъ разноцвѣтныхъ бутылокъ, сгруппированныхъ затѣйливыми, душу веселящими, пирамидами. Однакожъ, людей, черезъ-чуръ невольныхъ, гуманно предостерегалъ отъ увлеченія, призывая въ благоразумію, великолѣпный лиловый бархатный гробъ съ золотыми позументами и блестящими пышными кистями.

Разнороднѣйшія челоувѣческія потребности наглядно смѣняли одна другую и описывали прихотливымъ пестрымъ вольцомъ домъ купца второй гильдіи, который и самъ пріютился тутъ же, въ угловомъ трактирѣ, олицетворенномъ двумя краснощеими мужиками, передъ столомъ, накрытымъ бѣлоснѣжной скатертью, съ чайными блюдами на двухъ пальцахъ, надъ которыми паръ поднимался сълюшными бѣлыми клубами.

Второй этажъ проявлялъ больше солидности и полагался единственно на грамотность и просвѣщеніе столичныхъ жителей. Буквы золотыя, буквы бѣлыя, буквы черныя, буквы большія и маленькія, буквы русскія и иностранныя рябили въ глазахъ и сами собою, навязчиво слагались въ слова и фразы заманчивыя,

соблазнительныя и успокоительныя — обнадеживая существо, затерявшееся среди чужой, миллионной толпы, что всё его нужды, желанія и прихоти будутъ удовлетворены немедленно, всё немощи излечены, всё затрудненія устранены, само собой разумѣется, съ тѣмъ небольшимъ условіемъ, что онъ не настолько наивенъ, чтобы явиться сюда съ пустыми карманами!..

Сапа Кубанскій завернулъ въ ворота, поднялся на двѣ ступеньки и открылъ дверь, на которую указывала бѣлая стрѣлка. Она открывалась съ пронзительнымъ звономъ прямо въ столярную мастерскую.

Небольшое пространство у самой двери, отгороженное дубовымъ прилавкомъ для публича — смотрѣло тѣсной коробкой въ огромной комнатѣ, назавшейся еще больше отъ того, что вся верхняя часть ея была отдѣлена грубо сколоченными антресолями и завалена брусками, досками, планками и прочимъ матеріаломъ всѣхъ возможныхъ сортовъ дерева. Оставшееся пространство, какъ-разъ въ высоту человѣка средняго роста, казалось потому непропорціонально длиннымъ, вытянувшимся на протяженіи четырехъ оконъ. Середину потолка подпирала пара грубыхъ кирпичныхъ колоннъ, вокругъ которыхъ устроены были лары для храненія инструментовъ. Кирпичный-же полъ краснѣлся подъ легкимъ слоемъ опилокъ и стружекъ.

Въ воздухѣ стоялъ терпкій запахъ свѣжаго дерева, лаковъ и клея; въ сосѣдней комнатѣ пронзительно свистѣла пила, лязгали рубанокъ — гдѣ-то еще дальше стучали въ перебой два молотка.

Сапа снялъ фуражку и безсознательно улыбался, прислушиваясь къ этимъ бодрящимъ звукамъ, втягивая въ себя знакомый запахъ, который онъ предпочиталъ всѣмъ духамъ на свѣтѣ.

Изъ-подъ одного изъ станковъ, размѣщенныхъ вдоль оконъ, вырвалась маленькая собаченка и съ пронзительнымъ лаемъ кинулась въ прилавокъ.

— Цыцъ!.. Топорикъ!.. Топорочка!.. Топочка!.. цыцъ, милый!.. Здравствуй, здравствуй, шельмецъ ты эдакій!..

Гимназистъ и кудлатая дворняшка, любимый питомецъ мастерской, прозванный Топоромъ и вскормленный всей рабочей семьей на мягкихъ душистыхъ опилкахъ — обнимались за прилавкомъ съ самой чистосердечной радостью. Топоръ упирался передними лапами въ плечи Саши, оставляя бѣлые слѣды на его сѣромъ пальто и самымъ нѣжнымъ образомъ лизалъ его прямо въ губы.

— Ну?! что это еще означаетъ? отчего вы здѣсь? — слышался изъ глубины комнаты добродушно сердитый вопросъ.

У станка выпрямилась, не поднимаясь на ноги, массивная

фигура въ темной блузѣ. Красивое лицо, красное и вспотѣвшее, съ тонкой деревянной пылью въ мягкой бородѣ, завивавшейся шелковистыми колечками, начиная отъ самыхъ висковъ — оглянулось на гимназиста съ быстрымъ и проникательнымъ взглядомъ изъ-подъ пушистыхъ бровей.

— Здравствуйте, Негг Sander! — распаркался мальчикъ не особенно такъ развязно.

Негг Sander переложилъ коротенькую трубочку изъ одного угла рта въ другой, прищурилъ лѣвый глазъ и заглянулъ въ окно на тѣнь, которую отбрасывалъ черезъ дворъ боковой флигель.

Эта тѣнь исполняла у него роль солнечныхъ часовъ, если ему не хотѣлось отрываться отъ работы и лѣзть въ карманъ.

— Павлуша ушелъ въ гимназію два часа назадъ. Вы опоздали, — замѣтилъ онъ флегматически и уже приготовился снова пустить въ ходъ станокъ, когда его остановилъ отвѣтъ Саши:

— Я не пойду сегодня въ гимназію, Негг Sander... Я пришелъ собственно къ вамъ... по дѣлу.

Нѣмецъ отложилъ въ сторону небольшую точеную волоку, которую собирался доканчивать и съ неудовольствіемъ двинулъ своимъ кожаннымъ табуретомъ.

— Ну, ну!.. не знаю, какія такія дѣла у васъ до меня въ рабочее время!..

— Да, въ самомъ дѣлѣ!.. я не зналъ... то-есть, вздоръ — я знаю, разумѣется, что вы теперь заняты... но вы, пожалуйста, Негг Sander... Я не буду вамъ мѣшать!.. вы только позвольте мнѣ изложить вамъ...

Саша покраснѣлъ, какъ ранъ, и смѣялся, какъ институтеа. Онъ пропихнулъ изъ-за прилавка хорошо знакомой ему узенькой подземной дверью около самой стѣны, постѣпно стаялъ съ себя пальто и уложилъ въ уголку, примостивъ сверху фуражку, стараясь, чтобы все это какъ можно меньше бросалось въ глаза, помня твердо, что хозяинъ любитъ аккуратность. Въ одномъ поношенномъ мундирчикѣ, высекій и худенькій, съ лицомъ, поблѣднѣвшимъ отъ внутренняго волненія, съ маленькой рѣзательной морщинкой, трепетавшей между бровей — онъ смотрѣлъ совсѣмъ другимъ, на себя непохожимъ, среди этой большой благоустроенной мастерской, гдѣ на всемъ лежала печать солидности, порядка и прилежнаго, неустаннаго труда. Какъ будто и слѣда не осталось отъ всегдашней безцѣльной строптивости, отъ угрюмой вялости лѣниваго, скучающаго Саши... Онъ зорко поглядывалъ вокругъ себя и съ заискивающей робостью косился на стараго столара.

— Ого, Herr Sander, нани́ знаменитый швафникъ подходитъ, кажется, къ концу? да когда-жъ это вы успѣли?.. Чудо!.. вотъ великолѣпнѣе-то!.. ausgezeichnet, Herr Sander!

Саша распахнулъ всѣ дверцы и въ каждую по-очереди засунулъ голову, ощупывая и разглядывая, даже нюхая съ азартомъ если не знатока, то самаго рынаго любителя.

— Непостижимо!.. вѣдь для цѣлаго бога рѣзьба и начата даже не была въ послѣдній разъ. И сколько еще всякихъ другихъ заказовъ!.. Когда вы постѣли?.. Ахъ, вотъ чудесно-то! это вторая колонна туда, внизъ, не правда ли?.. Вы это послѣ придумали? На чертежѣ не было колоннъ, я отлично помню.

Онъ вертѣлся теперь около станка, стараясь разглядѣть колонку и быстро оглядываясь, чтобы слѣдить ее съ той, которая стояла на полу, прислоненная къ швафику.

— Это Максъ мнѣ далъ совѣтъ. У него очень хорошій вкусъ въ нашемъ дѣлѣ,—проговорилъ съ спокойной важностью столяръ.

— Развѣ... развѣ Максимъ вернулся? — переспросилъ Саша изменившимся голосомъ, и краска вспыхнула на его щекахъ.

— О, да! онъ пришелъ три дня назадъ. Но слушайте, какое же ваше дѣло? Я не могу столько болтать, вы знаете.

Herr Sander протяжно свиснулъ. Изъ сосѣдней комнаты тотчасъ же ворвался, какъ бомба, одинъ изъ младшихъ учениковъ — маленький, коренастый мальчуганъ въ длинномъ, немилосердно выпачканомъ парусинномъ фартукѣ и съ руками до того черными и лоснящимися отъ насохшаго на нихъ лака, что можно было держать пари, что на нихъ надѣты лайковые перчатки. Онъ весело переглянулся съ Сашей и остановился передъ хозяиномъ на вытяжкѣ, безстрастно вздернувъ вверхъ плутоватую рожицу съ круглымъ носомъ и бѣлыми зубами.

Старый вѣмецъ поморщился.

— Не тебя нужно. Сколько разъ я сказалъ, чтобы такимъ поросенкамъ не показываться на мои глаза? Маршъ за работу! Пришли ко мнѣ Ивана.

Мальчуганъ пятился задомъ къ двери и подмигивалъ гимназисту, выдѣлывая за спиной хозяина какіе-то кабаллистическіе знаки своими черными пальцами. Но, къ его удивленію, тотъ отъвернулся отъ него съ неудовольствіемъ.

Вмѣсто него явился юноша лѣтъ двадцати, благообразный и степенный, съ ремешкомъ на лбу, придерживавшимъ пышныя русые волосы и съ едва обозначавшеюся растительностью на продолговатомъ серьезномъ лицѣ. Его опрятная блуза и кожаный фартукъ ловко сидѣли на сухощавой фигурѣ, а въ тихомъ голосѣ

было что-то важное, совсѣмъ неожиданное въ рабочемъ. Онъ издали покровительственно кивнулъ головой гимназисту и, подойдя ближе, первый протянулъ ему руку.

— Меня спрашивали?— осведомился онъ, не слыша, у хозяина.

Нетт Сафогъ поднялся съ мѣста и отвелъ его въ противоположной стѣнѣ; тамъ они принялись вдвоемъ обсуждать что-то надъ старой, покрытой великолѣпною рѣзбой дубовой дверцей, распростертой на двухъ низенькихъ ескахъ.

Сапа, на свободѣ, съ жадностью накидывался и переворачивалъ все, что ему казалось новымъ и еще невидѣннымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ не былъ въ мастерской. Съ какимъ восторгомъ проводилъ бы онъ здѣсь все свободное время, еслибъ не опасался слишкомъ явнаго неудовольствія хозяевъ!

Не одно то, что посторонній человѣкъ болтается зря среди людей, занятыхъ каждый своимъ дѣломъ, заставляло стараго нѣмца строго хмурить пушистыя, сѣдыя брови каждый разъ, когда тщедушная фигура гимназиста неуверенно и несмѣло заглядывала въ дверь... Онъ смотрѣлъ на это гораздо глубокомысленнѣе:— онъ считалъ, что не должно необдуманно отвлекать мальчика— ein Sohn des edlen Hauses—отъ его среды и отъ того общества, въ которомъ ему придется жить. Такія мысли невольно приходили въ его разсудительную голову, при видѣ все возраставшаго энтузіазма, какой проявлялъ въ его мастерству этотъ балаваанный барченочъ, между тѣмъ, какъ его собственный Павлуша пропалъ надъ книгами и съ увлеченіемъ скрипѣлъ перомъ за своей досчатой перегородкой долго, долго послѣ того, какъ всѣ обитатели мастерской оглашали воздухъ здоровымъ рабочимъ храпомъ.

Первый ученикъ гимназіи—бѣлый, розовый, упитанный и благодушный—Павлуша говорилъ съ утра до ночи объ учителяхъ и школьныхъ порядкахъ, объ отмыткахъ и экзаменахъ, бредилъ университетомъ и презрительно швырялъ ногами „негодный хламъ“, будь то самый драгоценный осколокъ работъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ, самый несомнѣнный шедевръ стиля Renaissance или Henri Quatre. Онъ получалъ высшій балъ за головки мадоннъ и сельскіе пейзажи съ коровами, отпечатанные на желтоватомъ картонѣ, но не могъ сдѣлать правильно ни одного чертежа, который поручалъ ему отецъ. Павлуша зналъ и признавалъ только то, чему учили въ гимназіи, и притомъ непремѣнно такъ именно и въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія употреблялъ тотъ учитель, который ставилъ пятерки благонаправленному первому ученику.

Сближеніе стараго столяра съ товарищемъ сына съ того и

началось, что случайный гость съ увлеченіемъ предложилъ докончить чертежъ, надъ которымъ старый нѣмецъ слѣпилъ глаза, желая представить наглядно безтолковому заказчику все то, что носилось въ его творческой фантазіи. Негг Sander былъ художникъ гораздо болѣе, чѣмъ подозрѣвалъ онъ самъ или кто-нибудь изъ окружающихъ. Мастерская работала на нѣсколько извѣстныхъ фирмъ и старому нѣмцу поручали всѣ тѣ заказы, гдѣ требовалось реставрировать со всевозможной осторожностью драгоценную старинку или придѣлать какую-нибудь новую мебель, примѣняясь къ стилю и вкусу стараго мастера.

Равнодушіе и невѣжество сына очень огорчали старика и огорчали бы еще несравненно сильнѣе, еслибъ ему не мерещилась въ отдаленномъ будущемъ блестящая и почетная карьера человѣка просвѣщеннаго.

Съ наивностью людей темныхъ, по неодолимому инстинкту, толкающему человѣка карабкаться выше и выше, залетать въ своихъ мечтаніяхъ непрямою дальше своей сферы, старый Зандеръ и его почтенная супруга умилялись до глубины души надъ успѣхами младшаго сына.

Они помирились разъ навсегда съ мыслию, что и его также они никогда не увидятъ надъ дѣдовскимъ станкомъ въ скромной блузѣ темнаго, но честнаго и свободнаго работника. Такимъ образомъ, волей-неволей продолженіе фамиліныхъ традицій возлагалось уже на третьяго члена семьи—на маленькую Катю или Кетхенъ, какъ звалъ ее отецъ. Съ самаго опредѣленія въ гимназію втораго сына, честный нѣмецъ, не понимавшій жизни на авось, безъ строго-опредѣленной программы, порѣшилъ отдать дочь въ жены лучшему изъ своихъ учениковъ, и подмастерье Иванъ постепенно, но систематически, выдвигался на первый планъ. Вся мастерская привыкла видѣть въ немъ будущаго члена семьи и самъ юноша проникался сознаниемъ, что будущность заведенія зависитъ отъ его успѣховъ въ дѣлѣ и отъ того, насколько оправдастъ онъ возлагаемыя на него упованія.

Надъ будущностью же Павлуши носился таинственный и лучезарный туманъ, на который не должно посягать преждевременно близорукими человѣческими разсчетами. Благочестивые супруги даже другъ отъ друга скрывали тщательно все, что рисовалось подчасъ въ ихъ фантазіи, благодаря великолѣпнымъ балламъ, похвальнымъ листамъ и наградамъ, сыпавшимся на счастливаго мальчика. Онъ самъ наивно и добродушно вѣрилъ въ то, что его дѣтскіе тѣмфы—лишь первыя ступени блестящей лѣстницы, которая вознесетъ его, быть можетъ, на вершины человѣческихъ

успѣховъ и подниматься по которой будетъ всегда одинаково легко и пріятно для того, кто незнакомъ съ лѣнью, любить родителей и почитаетъ своихъ наставниковъ и начальниковъ.

Какимъ образомъ этотъ первый ученикъ, этотъ прилежный и благоправный мальчикъ, безмятежный и нѣсколько туповатый, могъ подружиться съ Сашей Кубанскимъ, съ вѣчно щетинившимся и воевавшимъ съ цѣлымъ сонмомъ школьныхъ властей? Это было одно изъ случайныхъ и мимолетныхъ школьныхъ сближеній, изъ котораго, разумѣется, ничего и не вышло бы, еслибы оно не завело Сашу въ мастерскую.

Саша не зналъ, можно ли имѣть призваніе въ столярному мастерству—но онъ зналъ твердо, что ненавидитъ все сильнѣе и сильнѣе ту жизнь, которою жила его семья и которую роковымъ образомъ она навязывала и ему, жизнь, гдѣ не было ни интереса, ни счастья, ни единодушія, ни даже простого довѣрія; не было ни преданныхъ вѣрныхъ друзей, ни опредѣленного общественнаго круга—ничего, что не зависѣло бы отъ взбалмошныхъ и случайныхъ фантазій Анатоля Петровича, что не вызывало бы бесплодныхъ протестовъ и глухой борьбы матери.

Столярная мастерская нѣмца Зандера была единственнымъ новымъ міромъ случайно доступнымъ ему—и мальчикъ прильнулъ къ этому новому міру всей душой. Онъ полюбилъ въ немъ все—и людей, до послѣдняго замазаннаго мальчугана, не успѣшнаго подвинуться дальше растиранія красокъ и разогрѣванія клея, и каждую вещь, создававшуюся на его глазахъ или гласящую понятно и увлекательно объ отжитыхъ вѣкахъ, объ отжившихъ свою череду людяхъ, наложившихъ на нее печать своихъ вкусовъ и требованій,—гласящую о томъ самомъ, о чемъ такъ скучно и сухо трактовалось въ ненавистныхъ ему учебникахъ! Къ старику Зандеру Саша питалъ сыновнюю нѣжность, почиталъ, уважалъ и считалъ его чуть что не гениемъ. Добродушная Марья Лувьяновна, богомольная и трудолюбивая дочка купца третьей гильдіи, проникнутая раболѣпнымъ благоговѣніемъ къ своему мужу, представлялась ему идеаломъ доброты, хотя ей и случалось не разъ на его глазахъ пребольно отодрать за уши провинившагося ученика. Маленькая Кетхенъ, тупая и пугливая, но довольно милостивая, не шла ни въ какое сравненіе съ красавицей Надей, а подмастерье Иванъ былъ тотъ человѣкъ, которому Саша завидовалъ одному въ цѣломъ мірѣ. Не задумавшись, онъ помѣнялся бы съ нимъ судьбою—даже еслибы для этого самому ему приходилось начинать съ клея и красокъ, съ подметанья половъ и предоставленія своихъ ушей въ распоряженіе хозяйки.

Но, однако, кто же въ душѣ не знаетъ себя цѣнны? Сапа слишкомъ часто проявлялъ свои способности, свою понятливость, находчивость, свою страстную любовь къ дѣлу—его безъ, сомнѣнія, не заставили бы долго толочь охру, когда ему необходима только самая маленькая практика для того, чтобы не ударить въ грязь лицомъ не хуже другихъ.

Когда у мальчика начинали совсѣмъ уже нестерпимо зудѣть руки, онъ отправлялся въ заднюю мастерскую, гдѣ совершалась вся предварительная, черная работа и выхватывалъ рубанокъ у какого-нибудь мальчугана, незамѣтно сунувъ ему въ руку пару папиросъ. Счастливецъ спасался заднимъ ходомъ, а сынъ изящнаго Анатолія Петровича, кандидатъ на дипломатическую карьеру, принимался съ наслажденіемъ стругать доску, косаясь по сторонамъ и прислушиваясь къ звукамъ другихъ рубанковъ.

Наконецъ, старикъ Зандеръ вернулся къ своему станку.

Подмастерье Иванъ принесъ инструменты и опустился на колѣни передъ драгоценной дверкой. Сапа только-что собирался взглянуть поближе на его работу, когда старикъ неожиданно удержалъ его за плечо.

— Nun, mein Kind... когда же вы будете рассказать мнѣ ваше дѣло? Для чего вы опять пропустили такъ много классовъ? Вотъ увидимъ, что вамъ будетъ говорить за это мой Павлуша!

Сапа ни въ грошъ не ставилъ мнѣнія своего пріятеля, но старый нѣмецъ питалъ инстинктивное благоговѣніе темнаго чловека и врожденное уваженіе своей націи ко всему, что такъ или иначе соприкасалось съ наукой.

Неожиданный вопросъ смутилъ мальчика. Онъ развлекся и въ эту минуту вовсе не думалъ о той заботѣ, которая привела его сюда въ неурочный часъ. Приходилось внезапно, безъ всякихъ приготовленій, приступить къ объясненію, о которомъ даже и подумать нельзя было безъ трепета.

Онъ хорошо совнавалъ всю невѣроятность успѣха, понималъ всю необычайность, всю несообразность своихъ желаній съ точки зрѣнія другихъ—этого почтеннаго отца семейства, добивавшагося для собственныхъ сыновей какъ разъ того самаго, отъ чего онъ отрезался... Не безуміе ли надѣяться хотя одну минуту, чтобы онъ согласился содѣйствовать подобному сумасбродству, захотѣлъ бы взять сторону сына противъ отца и матери!.. Все это въ такой мѣрѣ показалось Сапѣ невѣроятнымъ, онъ такъ испугался возможности быть выпровоженнымъ безъ дальнихъ разсужденій за двери обожаемой мастерской, съ запрещеніемъ переступать

завѣтный порогъ, что у него буквально языкъ прилипъ къ гор-
тани и слова стали поперекъ горла.

„Am Ende, sollt'er noch lügen?“ — пришло невольно въ голову
нѣмцу, и его открытое лицо затуманилось.

Онъ слегка отодвигалъ отъ себя мальчика, стараясь прочесть
на его лицѣ причину такого сильного смущенія.

Вдругъ Саша протяжно вдохнулъ и едва не вскрикнулъ отъ
облегченія: счастливая мысль блеснула у него въ головѣ и—
какъ это случается иногда въ затруднительныя минуты—онъ въ
тотъ же мигъ сообразилъ всѣ многостороннія выгоды своей на-
ходки.

— Ахъ, вѣдь я совсѣмъ и позабылъ, Herr Sander! — загово-
рилъ онъ ужъ съ жаромъ. — У меня къ вамъ просьба, т.-е., я
хочу попросить васъ сдѣлать... т.-е. заказать вамъ одну вещь!
Моя сестра выходитъ замужъ и я хочу сдѣлать ей подарокъ.

Саша погѣлъ въ карманъ, а столаръ съ интересомъ слѣдилъ
за его руками. Ни одно знаменательное событіе, ни одна памят-
ная годовщина въ истинно нѣмецкой семьѣ не можетъ обойтись
безъ вещественныхъ доказательствъ симпатіи и вниманія близкихъ,
а потому каждый нѣмецъ всегда готовъ сочувствовать человѣку,
собирающемуся сдѣлать подарокъ.

Саша вытащилъ изъ кармана сложенный вчетверо и изрядно
помятый листъ бумаги; Зандеръ помогъ разгладить его на соб-
ственномъ колѣнѣ съ благодушной улыбкой человѣка, любопыт-
ство котораго будетъ сейчасъ удовлетворено. На листѣ оказался
небольшой чертежъ, внизу котораго былъ помѣщенъ миниатюрный
масштабъ.

— Ну! — что у васъ тутъ? Ящикъ?

— Шкатулка, Herr Sander. Знаете, эдакая дамская шкату-
лочка, въ которой очень много ящичковъ. Здѣсь — зеркало... вотъ
видите — оно поднимается. Подушечки для булавокъ, бархатныя..
А съ этой стороны, Herr Sander (Саша стремительно перевер-
нулъ листъ другимъ концомъ) вотъ тутъ — секретный ящикъ съ
пружинкой. Только она должна быть изъ отличнаго, изъ самаго
лучшаго дерева! какое самое лучшее, Herr Sander, розовое?
На крышкѣ — выпуклыя буквы и ключиковъ два; вотъ видите,
тутъ еще одинъ замочекъ — очень маленькіе, крохотные и какой-
нибудь особенной формы...

Шкатулка произвела эффектъ. Старикъ долго вертѣлъ въ рукахъ
чертежъ, поворачивая его въ разныя стороны и заглядывая въ
пояснительныя выноски, которыя Саша крупными буквами вывелъ
съ одного боку. Онъ улыбался и покачивалъ головой.

— Все самъ выдумалъ! — произнесъ онъ съ убѣжденіемъ, пощипывая пальцемъ по бумагѣ съ такимъ довольнымъ видомъ, какъ если-бы это было первое изобрѣтеніе его собственнаго сына.

— Только вотъ секретный ящикъ... никакъ не могу сладить! — отозвался скромно Сапа. — Вы ужъ сами, пожалуйста — только чтобы совсѣмъ, совсѣмъ не было замѣтно!.. Здѣсь только мѣсто показано.

— Гм... очень маленькій, — замѣтилъ серьезно Зандеръ, внимательно обходя полкомъ уголокъ, отведенный Сапой для дамскихъ секретовъ.

— Ничего. Это вѣдь такъ! спрятать что-нибудь... Письма.

— Хорошо для денегъ, только надо по-больше.

— Нѣтъ, не для денегъ — для писемъ! — съ жаромъ стоялъ на своемъ мальчикъ. — Деньги унесутъ и со шкатулкой.

— Хорошо, хорошо; пусть сестрица ваша сама ужъ разсудитъ! Ну, вотъ я что вамъ теперь скажу: шкатулка хорошая, не стыдно подарить невѣстѣ, но только работы очень много... А вы молодецъ мальчикъ и надо, чтобы мой Павлуша посмотрѣлъ на это!

— А—а! такъ вотъ онъ какой, вотъ Сапа Кубанскій? Очень, очень радъ, что вижу васъ, наконецъ! А какая же это сестрица ваша выходитъ за-мужъ! не та ли красавица, въ которую влюбленъ Давидъ Штаркъ? Это ея секретамъ вы собираетесь покровительствовать, мой невинный пленецъ!

Человѣкъ, проговорившій все это громко и весело, давно уже стоялъ на порогѣ сосѣдней комнаты, прислушиваясь и разглядывая съ любопытствомъ маленькаго гостя. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести — чрезвычайно красивый, какъ бывають иногда красивы молодые нѣмцы: въ его лицѣ была неуловимая поэзія... въ мечтательномъ взглядѣ голубыхъ глазъ, въ раскѣненной улыбкѣ совершенно розовыхъ губъ, въ живописномъ безпорядкѣ каштановыхъ длинныхъ волосъ. Женственно-нѣжное лицо отбѣлѣла очень короткая курчавая борода, ни одна морщинка не бороздила высонаго, бѣлоснѣжнаго лба.

— А—а! Максъ! — ну вотъ и отлично. Поди, поди сюда поближе, посмотри, на-милость, какой чертежъ составилъ этотъ ребенокъ безъ всякой помощи? Вотъ и скажи, правъ ли я, когда повторю, что у него очень большія способности!

Старикъ Зандеръ поднялся съ своего мѣста на встрѣчу сыну и торжественно растянулъ передъ нимъ измятый Сапинъ чертежъ.

Самъ „ребенокъ“ взялъ въ сторону и, закусивъ губу, наморщивъ брови, удивленно и подозрительно разглядывалъ жено-

подобнаго красавца въ щегольской темной блузѣ, съ узенькими блоснѣжимъ воротничкомъ и съ тончайшей золотой цѣпочкой отъ часовъ, надѣтой по-женски черезъ голову...

И это—Максимъ?

IX.

— Да, да, безъ сомнѣнія, очень хорошо... отлично! только для чего же собственно предназначается эта дребедень?

— Ну, ну! это совсѣмъ не... дребедень... будетъ очень миленькая вещица, если я имѣю время заняться ею. Вѣдь не правда ли, mein Kind—это еще не такъ очень скоро нужно? А впрочемъ... halt pip!—у меня сейчасъ одна мысль въ головѣ.

Старикъ оставилъ чертежъ въ рукахъ сына и носивъ въ изобиліи на антресоли по крутой, узенькой лѣсенкѣ въ дальнемъ углу мастерской. Онъ забылъ о недоконченной витой колоннѣ, валиющейся на станѣ, забылъ обо всѣхъ текущихъ дѣлахъ, въ приливъ того увлекательнаго интереса, который знакомъ всѣмъ истиннымъ мастерамъ своего дѣла. Старога работника до глубины души трогала эта первая самостоятельная дѣтская выдумка, въ которой сказалось такъ много соображенія, вкуса и всего пуще-страстной охоты къ дѣлу. Это бессознательная работа способностей, инстинктивно ищущихъ для себя выхода. Онъ былъ весь сосредоточенъ въ эту минуту на желаніи помочь, сдѣлать что-нибудь дѣйствительно недурное изъ свадебнаго подарка Саши.

Максъ и гимназистъ остались одни. Молодой человѣкъ бросалъ небрежные, быстрые взгляды на рисунокъ и останавливалъ ихъ по долгу, внимательно, на мальчикѣ.

Эти взгляды, что дальше, то больше раздражали Саню. Иныхъ севозила какъ будто насмѣшка, и улыбались они, и точно подмигивали: знаю, молъ, про тебя все, что нужно!..

Какое право имѣлъ онъ смотрѣть такимъ образомъ на чужого человѣка, хотя бы этому человѣку и было не болѣе шестнадцати лѣтъ? Если онъ и зналъ что-нибудь о Санѣ и объ его не-благополучной гимназической карьерѣ, то что-же слѣдуетъ изъ этого?.. Саша и самъ зналъ о немъ достаточно! Онъ зналъ, что этотъ сынъ столяра перебивалъ и въ русскихъ университетахъ и въ заграничныхъ политехническихъ школахъ, перевелъ не мало отцовскихъ заработковъ на покупку книгъ, инструментовъ, на устройство аппаратовъ и тому подобныя ученыя затѣи—и, однакоже, вотъ и до сихъ поръ онъ болтается по свѣту безъ дѣла и безъ ученаго диплома въ карманѣ!..

Собственно Саша рѣшительно ничего не имѣлъ противъ этого послѣдняго обстоятельства и всегда съ новымъ удовольствіемъ убѣждался, что оно нѣкому не мѣшало считать молодого Зандера человекомъ недюжинныхъ способностей и солиднаго образованія. Отъ того, что можно быть образованнымъ безъ диплома — Саша приходилъ даже въ рѣшительное восхищеніе, и слышать такіе отзывы не отъ кого другого, какъ отъ самого ученаго и строгаго Штарна — было для него истиннымъ наслажденіемъ...

По этому самому, нѣкогда еще не видѣвши Максима, гимназистъ уже питалъ въ нему самую нѣжную симпатію. Всѣ говорили объ его умѣ, остроуміи, великодушіи, веселости. Онъ слышалъ о какихъ-то сочиненіяхъ, о философскихъ статьяхъ, которыя печатались гдѣ-то въ нѣмецкихъ журналахъ... Но въ то же время всѣ жалѣли его почему-то, всѣ какъ будто оплакивали что-то въ его судьбѣ... Тихая грусть разливалась по лицу старика Зандера, когда рѣчь заходила объ его старшемъ сынѣ, хотя онъ и гордился имъ нисколько не меньше, чѣмъ благополучнымъ Павлушей... Марья Луэльяновна смутно проговаривалась о несбывшихся надеждахъ, о бессонныхъ ночахъ, о страхахъ и опасеніяхъ, которые они должны скрывать...

Вся эта таинственность до послѣдней степени интриговала мальчика. Саша съ жадностью ловилъ каждое слово, но не могъ связать во что-нибудь цѣльное случайныхъ и отрывочныхъ намековъ. Павлуша зналъ не больше его, но и не донимался — потому что это до него не касалось. „Выросту — и узнаю, зачѣмъ теперь я буду напрасно ломать себѣ голову?“ — отвѣтилъ онъ разъ на приставање товарища и привелъ того въ настоящее бѣшенство этимъ отвѣтомъ. Онъ не могъ объяснить ему, куда исчезалъ его братъ — всегда на-легкѣ, безъ всякаго багажа, откуда онъ появлялся внезапно и для всѣхъ неожиданно.

И вотъ, Саша увидалъ, наконецъ, таинственнаго героя своей фантазіи — этого всѣми любимаго, всегда желаннаго Макса, который жилъ „какъ самъ хотѣлъ“, безъ всякой опредѣленной карьеры, который не былъ ни чѣмъ, ни столяромъ, ни чиновникомъ, ни офицеромъ, ни ученымъ, а только Максимомъ Зандеромъ, и его тѣмъ не менѣе никто не презиралъ за это. Саша всегда былъ увѣренъ, что это самое необходимое и самое полезное знакомство, какое только онъ могъ сдѣлать.

Но теперь, онъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ. Женноподобный рюкзакъ съ мечтательнымъ голубымъ вооромъ, съ розовыми устами и кантановыми кудрами былъ какой-то насмѣшкой надъ всѣми его ожиданіями и представленіями... Его щегольстая блуза,

рядомъ съ настоящей, пропитанной рабочимъ потомъ, блузой стараго столара, смотрѣла такой же претензіей, какъ пастушескій нарядъ свѣтской красавицы, задумавшей экцентрическимъ маскарадомъ разнообразить свою красоту...

Максъ бросилъ чертежъ на станокъ.

— Ну-съ, юный изобрѣтатель! Очень вы гордитесь, что вамъ удалось столь блистательно доказать... свои столярныя способности?

— Я ничего не доказывалъ! Я просто пришелъ заказать вещь, которая мнѣ нужна,—отвѣтилъ мальчикъ, весь вспыхнувъ.

— За кого выходить замужъ ваша сестра?—освѣдомился Максъ неожиданно.

Сапа отвѣтилъ не сразу.

— Вы вѣдь ее не знаете? — проговорилъ онъ сухо, вмѣсто того: „что вамъ за дѣло?“ которое вертѣлось у него на языкѣ и которое онъ сказалъ бы непременно, если-бъ собесѣдникъ его не былъ Максимъ.

— Ну, нѣтъ, вы ошибаетесь, я имѣю о ней нѣкоторое представление!—Да, кстати, скажите мнѣ, куда скрылся Штаркъ?

— Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней. Я не знаю, куда именно.

— Что за жалость! Я только отъ васъ и рассчитывалъ узнать это... Эхъ, право же! ну и что бы вамъ спросить у него?—прибавилъ онъ съ чисто дѣтской досадою.

— Я не видалъ его передъ отъѣздомъ,—совершенно невольно оправдывался Сапа.

— Вотъ какъ, онъ уѣхалъ внезапно? Ваша сестра давно невеста?

— Не больше недѣли.

— Гм... Это вы сообщили Штарку сію интересную новость?

— Нѣтъ, не я... Вы очень странно меня допрашиваете!—возмущился гимназистъ.

— Я?... Нисколько!—удивился Максъ.

У него была странная манера задумываться между фразами; собесѣднику всегда казалось, что онъ не слушаетъ отвѣтовъ и занятъ собственными мыслями.

— Ваша сестра дѣлаетъ блестящую партію, не правда ли?

— Откуда вы это знаете?

— Я не знаю, но угадываю. Я очень радъ... за Штарка, само собой 'разумѣется!..—прибавилъ онъ, улыбнувшись тому, что его можно понять иначе.

Сапѣ даже и въ голову никогда не приходило, чтобы Надя могла выйти замужъ за Штарка, за „рыжаго жидка“, какъ называлъ презрительно, не переносившій его, Анатолий Петровичъ.

Ему было извѣстнѣ романъ сестры и покровительство, какое вслѣдствіе оказывала ему мать, но для него это было то, что въ семьѣ Кубанскихъ называлось „идеями Лизаветы Игнатьевны“, нѣчто, жившее только въ ея мечтахъ и желаніяхъ, безсильное воплотиться въ дѣйствительности...

Теперь его задѣло, что посторонній человѣкъ здѣсь, въ столярной мастерской, безцеремонно дѣлаетъ такое сближеніе и ставить рядомъ ихъ имена... Въ шестнадцать лѣтъ Саша чрезвычайно часто употреблялъ слово „предразсудокъ“, но примѣнялъ его по преимуществу къ тому, что ему самому не нравилось. Онъ ненавидѣлъ Ханайскаго всѣмъ сердцемъ и понималъ, что сестра польстилась единственно на его богатство, но даже и это удивляло его несравненно меньше, чѣмъ то, что молодой Зандеръ привѣтствовалъ помолвку Нади, какъ избавленіе отъ опасности, угрожавшей его пріятелю!..

Максъ растянулся на ларѣ у кирпичной колонны и глубоко задумался, уронивъ голову на руку... Когда же онъ снова поднялъ голову, мальчикъ пораженъ былъ переменною въ выраженіи его лица: блоснѣжный лобъ весь собрался мелкими складками, нервная судорога подергивала сжатые губы...

— А за сколько именно продаетъ себя ваша прелестная сестрица?—произнесъ онъ медленно, презрительно сощуривъ глаза, въ которыхъ свѣтились двѣ яркія точки.

Саша остоленѣлъ.

— Не пугайтесь! вѣдь всѣ люди продаютъ себя за что-нибудь. Стоитъ привыкнуть къ этой простой истинѣ и разъ навсегда рѣшить самому въ себѣ, кто болѣе достоинъ презрѣнія? Тотъ ли, кто запрашиваетъ за свою особу брилліантовые копи, или же тотъ, кто безъ разбора швыряетъ самого себя ни за грошъ!..

— Ну, ну! ты ужъ началъ свою философію и не думаешь, что она совсѣмъ не нужна такому мальчику?—раздался недвольный голосъ стараго Зандера.

Онъ разыскалъ-таки на антресоляхъ нужную ему старинную шкатулочку.

Саша разсѣянно слушалъ то, что онъ принялся объяснять ему. Во-первыхъ, цѣлый день пропалъ даромъ и его дѣла не подвинулись ни на шагъ... Во-вторыхъ, и это несравненно важнѣе, имъ все болѣе овладѣвало уныніе внезапнаго разочарованія... Максъ, котораго онъ надѣлилъ всѣми совершенствами своего идеала; чѣмъ совѣтамъ и примѣрамъ онъ готовился свято слѣдовать, съ непреодолимой потребностью юнаго сердца повѣ-

рять, наконецъ, въ кого-нибудь слѣпо и жарко, съ потребностью удесѣтеренной горячаго ребенка, выросшаго безъ любви, ожесточеннаго въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, а не врожденной сухости сердца, этотъ Максъ въ дѣйствительности ничѣмъ не напоминалъ отважнаго героя, котораго создаю наивное воображеніе воинствующаго гимназиста. Сама не чувствовалъ рѣшительно никакой симпатіи къ нѣжному красавцу съ дамскими цѣпочками, къ этому небрежному, разсѣянному, насмѣшливому умнику...

И вмѣстѣ съ этимъ померли такъ же внезапно всѣ его мечты и планы. Сама возлюбленная мастерская смотрѣла теперь скучно и уныло; свистъ пилы рѣзалъ уши, назойливые молотки какъ будто били въ голову его собственные безотрадныя мысли... Завѣтная мечта жить здѣсь когда-нибудь вдругъ показалась не недостигаемой, а не стоящей!.. Мальчикъ содрогнулся отъ нервнаго озноба, пробѣжавшаго по тѣлу, и подумалъ вяло и равнодушно, что ему пора идти домой.

Но въ ту самую минуту, когда онъ направился къ прилавку за своимъ пальто, дверь со звономъ распахнулась и появилась маленькая, сіяющая фигура Павлины.

Пышныя щеки горѣли, какъ крымскія яблоки; глаза блестящи, яркія губы улыбались. Гимназическая форма, та же, что и на Сапѣ, сидѣла такъ красиво и щеголевато, какъ она сидитъ только на тѣхъ мальчикахъ, которые носятъ ее съ гордостью и любовью.

Разумѣется, Павлина не швырнулъ своего пальто вомомъ, какъ его пріятель, а бережно страхнулъ и повѣсилъ на гвоздикъ; положилъ ранецъ на прилавокъ и мимоходомъ любовно пригладилъ рукою, чтобы не дать ему обсохнуть взерошенному. Въ то же время онъ шумно выражалъ свое изумленіе и негодованіе, по поводу такой неожиданной встрѣчи.

Онъ рѣшительно не понимаетъ, какъ можетъ явиться фантазія слоняться гдѣ-нибудь въ классное время? Что касается до него, то онъ просыпаетъ половину всѣхъ праздничныхъ дней и не знаетъ, куда дѣвать себя отъ скуки къ концу всѣхъ длинныхъ каникулъ! Знаменитый чертежъ шкатулочки съ секретомъ не произвелъ никакого эффекта на хладнокровнаго перваго ученика: не во сто ли разъ умнѣе было бы вмѣсто этого перечертить на чисто тетрадь съ географическими картами, за которую Кубанскому давно уже угрожаютъ единицею?

Максимъ нетерпѣливо сбросилъ ноги съ лавы, весь подался впередъ и внимательно разглядывалъ брата, пока тотъ презри-

тельно размахивал бумажкой, доказывая безразсудство товарища; онъ авторитетно подчеркивалъ слова и завершалъ фразы энергичными жестами.

Саша угрюмо молчалъ.

— И, я не понимаю! какъ это всегда они забываютъ, что въ такихъ случаяхъ обыкновенно никому не везетъ, это фактъ! Какъ нарочно вызовутъ, или на дежурство назначать, или попечитель прѣдетъ, или новое правило объясняютъ... Вотъ и сегодня: Волкъ тебя вызвалъ и поставилъ въ своей книжечкѣ нотабене, а Михаилъ Ивановичъ объяснялъ новыя теоремы! Разумѣется, тебѣ-то все равно, я покажу, но только очень трудныя! Не знаю, ужъ какъ справятся всѣ наши голубчики, которые, когда учитель объясняетъ, считаютъ „неприличнымъ“ слушать и точно по обязанности занимаются всякими глупостями, ей Богу!

— Да другіе-то на что? ты вонъ, примѣрный, ты вѣдь за десятерыхъ слушаешь? вотъ ты и просвѣти ихъ во время!..

— Что-жъ намъ, слѣдить за цѣлымъ классомъ? Прикажете нанять этихъ дитенекъ, кто изъ нихъ сколько проморгаетъ? то сочиненье выправь, то задачу рѣши, то урокъ расскажи въ перемѣну, потому что ему, видите ли, неудобно учебника раскрыть дома!.. Нѣтъ-съ, благодарю покорно, у насъ и про себя работы достаточно... Мнѣ ужъ это надоѣло... Другое дѣло, Кубанскій, я съ нимъ дружелъ.

— Удивляюсь! ты бы ужъ и подружился съ такимъ же, примѣрнымъ. Сѣли бы рядомъ, да и зубрили взапуски!

— Учиться всего лучше одному. Я, когда выучилъ, не отказываюсь, пожалуй, объяснить, коли время есть, но ужъ этихъ чтеній вслухъ, благодарю покорно, терпѣть не могу!.. По моему, учиться, такъ учиться!..

— Въ засосъ! ты все еще уши зажимаешь и раскатываешься, точно жидъ на молитвѣ?

— Lass ihn ruhig, Max!..—замѣтилъ примирительно старый Зандеръ.

— Нѣтъ, вѣдь это-жъ возмутительно! въ пятнадцать лѣтъ все такой же зубрила, какимъ былъ девятилѣтнимъ карапузомъ!

— Кромѣ господина Макса, меня еще никто никогда не называлъ зубрилой! Вотъ-съ, рекомендую!—махнулъ онъ рукой въ сторону Саши:—отъ роду, я думаю, половины странички наизусть не выучилъ!

— Позвольте пожать вамъ руку въ знакъ моего уваженія! — расшаркался передъ Сашей Максимъ.

Кубанскій очнулся и снова потянулся къ своему пальто.

— Нѣстой же, смѣшной ты человѣкъ! — схватить его за рукавъ пріятель. — Завтрашніе-то уроки съини, по крайней мѣрѣ.

— Оставь! не нужно...

— Что не нужно-то?

— Не пойду завтра.

— Какъ... въ гимназію? и завтра тоже?..

Павлуша крѣпче уцѣпился за рукавъ. Сапа сильно махнулъ его локтемъ въ грудь; вся кровь ударила ему въ голову.

— Да, да, не пойду! отвяжись ты наконецъ, благодѣтель!!

— Вотъ тебѣ и на!.. ну а дальше-то какъ же?..

— Дальше и вовсе прощайте! Кончилъ гимназію твою возлюбленную!.. плевать хочу на всѣхъ васъ!..

Оттого ли, что онъ съ утра не ѣлъ ничего, кромѣ стакана постнаго чая, оттого ли, что не спалъ до разсвѣта, или отъ той тяжести, которой давили ему сердце его рухнувшія надежды, но только Сапа не могъ владѣть собой дольше: онъ не слышалъ больше ни молотковъ, ни пилы, видѣлъ смутно колеблющіеся предметы и не признавалъ, что именно говорилъ онъ, размахивая руками, крича и задыхаясь...

— Ну, конечно, конечно, исключать! только этого ему и надо!.. Онъ такое письмецо накатаетъ, или, еще лучше, этому подлецу инспектору при цѣлой гимназіи, на молитвѣ, такую правду матку отмочить, что его не только-что исключать, а со скандаломъ во всѣ учебныя заведенія по всей Россіи знать дадутъ! Вотъ пусть-ка тогда господинъ Ханайскій свою протекцію окажетъ, опредѣлитъ его въ лицей!! Онъ имъ покажетъ какимъ онъ будетъ превосходнымъ дипломатомъ!.. Понялъ, злая скотина, чѣмъ добхать можно... о, погоди, еще они сосчитаются когда-нибудь! Пусть не воображаетъ, что это пройдетъ ему даромъ... Не всегда же онъ будетъ мальчишкой, а, пока живъ, не забудетъ, сколько онъ вытерпѣлъ изъ-за него!...

Никто не понималъ смысла этихъ проклятій. Павлуша оторопѣлъ и растерянно моргалъ круглыми глазами; онъ въ первый разъ слышалъ объ опасности, которая цѣлый годъ уже висѣла надъ душой его пріятеля. Старикъ Зандеръ сидѣлъ на своемъ кожаномъ табуретѣ, уронивъ руки въ колѣни, понутивъ голову и слушалъ съ такимъ прискорбнымъ видомъ, какъ будто это не было для него неожиданностью, точно онъ давно ждалъ какой-нибудь подобной выходки отъ страннаго мальчика, котораго онъ мысленно никогда не звалъ иначе, какъ „агнесъ Kind“...

Максъ выждалъ, когда Сапа перевелъ духъ, и спокойно взялъ его за обѣ руки.

— Ну, само собой разумеется, вы не пойдете больше в гимназію! Въ школы не водятъ на арканъ и для этого никакого скандала поднимать не стоитъ. Не выходите такъ изъ себя... Пойдемте отсюда, смотрите, что-то припелъ къ отцу... Мы здѣсь мѣшаемъ.

Сапа далъ увести себя въ комнату. Марья Луэльяновны и здѣсь тихо, почти равнодушно, отвѣтилъ на всѣ вопросы молодого человѣка. Кажется, на него дѣйствовало всего успокоительнѣе то безстрастіе, съ какимъ Максимъ предлагалъ ихъ, ничему не удивляясь и ничѣмъ не возмущаясь, какъ будто ничего не могло быть обыкновеннѣе желанія бросить ученіе, уйти изъ родного дома и поступить ученикомъ въ столярную мастерскую. Мальчикъ все стоялъ на своемъ: учинить такой скандалъ, чтобы послѣ этого нельзя ужъ было отдать его ни въ какое учебное заведеніе.

— Экъ вѣдь заладилъ одно!—вспылилъ, наконецъ, Зандеръ: — ну не въ заведеніе, такъ въ солдаты отдадутъ, въ вольноопредѣляющіеся! а не то въ чиновники, дисцомъ куда-нибудь, по протекціи того же Ханайскаго!

— Что же, стало быть?.. по вашему-то?!—вдругъ весь поблѣднѣлъ Сапа и приподнялся съ своего мѣста. — Отчего же самито вы не остались дома, когда всѣ объ этомъ упрасивали? вы взяли да въ ученость пустились, о которой никогда и не слыхивали въ вашей мастерской! Отчего же вы ничего не боялись и никого не жалѣли? О, я вѣдь отлично знаю все это! Вы съ факультета на факультетъ переходили... изъ-за границы въ Россію перекатывали, а тамъ взяли, да и вовсе все бросили!.. Вашъ отецъ на все соглашался... за все своими трудовыми деньгами платилъ... Они души въ васъ не чаютъ, ничего что изъ карьеры вашей не вышло того, чего они ожидали! Вамъ легко, такъ вы думаете, что и всѣмъ такъ? Вы думаете, можетъ быть, что всѣ отцы похожи на вашего?.. За что васъ прославляютъ, я не знаю. И что я-то былъ за дуракъ, когда ждалъ васъ какъ спасителя!.. думалъ: этотъ поможетъ... этотъ научитъ, коли самъ все могъ... все смѣлъ. Нѣтъ-съ, вамъ просто давалось даромъ, вотъ всѣ и подвиги! а какъ до совѣта другому дошло, такъ и вы одно только знаете: „добиваться согласія“, „просить позволенія“!..

Яркая краска разлилась по красивому лицу Максима. Онъ не обидѣлся, не разсердился, но странно и неожиданно почувствовалъ, что съ каждаго можно спросить не только его собственные поступки, а и тѣ опасные примѣры, тѣ несбыточные надежды, тѣ незаслуженныя упованія, которыя можетъ возлагать на него

кто-нибудь со стороны, безъ его вѣдома и желанія... Да, ему было легко. Теперь онъ испытывалъ невольное смущеніе счастливица передъ чужимъ, грубымъ, возмущеннымъ мальчикомъ, который на порогѣ своей жизни озлобленно рвался на волю и, словно по праву, требовалъ совѣта и поддержки отъ тѣхъ, кто боролся раньше, кто вышелъ побѣдителемъ...

— Я надѣюсь все-таки, что меня никто не „прославлялъ“ вамъ и не говорилъ о моихъ „подвигахъ“, — отвѣтилъ онъ очень сдержанно. — Если вы ждали отъ меня совѣта, то, во всякомъ случаѣ, вы усумнились во мнѣ раньше даже, чѣмъ спросили его у меня.

— Вы совѣтуете, о чемъ не можете судить! — отвѣтилъ Саша запальчиво.

— У васъ прекрасная мать, я это знаю. Просили вы ее поддержки?

Нѣтъ, онъ не просилъ и теперь въ первый разъ, передъ чужимъ человекомъ, ему пришлось отвѣтить, почему это такъ.

— Что-жъ, по вашему? сказать матери: не хочу больше учиться, въ столяры пустите!.. Что, вы думаете, она отвѣтитъ?

— Для перваго раза, конечно, скажетъ, что вы съ ума сошли. Ну, а потомъ разсудить, можетъ быть, что лучше не насиловать, коли такая ужъ у васъ ненависть къ просвѣщенію.

— У меня нѣтъ ненависти къ просвѣщенію, ошибаетесь! Учили только не тому, къ чему я годенъ... развѣ это моя вина?..

— Вотъ вы бы и сказали это самое вашей матери? Она умна, ее Штаркъ всегда „возвышенной женщиной“ называетъ.

— Это можетъ быть; только, какъ мать, она скажетъ: учись какъ другіе учатся... У тебя нѣтъ состоянія, стало быть, надо о карьерѣ подумать, ничего другого никто не скажетъ!

— Да вѣдь вы не пробовали? Вонъ вы, въ шестнадцать лѣтъ, лѣнитесь! Неужели же никогда ваша мать не пробовала спросить васъ, какъ большого ужъ мальчика, отчего это происходитъ? Зачѣмъ вы вредите себѣ и огорчаете ее?..

Его просили, его стыдили, ему угрожали, его наказывали, но въ его душу неисправимаго лѣнтяя никто не заглядывалъ и онъ никогда не признавалъ дома того, что говорилъ теперь человеку, котораго видѣлъ въ первый разъ.

— Ничего такого не бываетъ, — отвѣтилъ онъ мрачно: — это у васъ только какія-то сантиментальности, все по-нѣмецки выходитъ! Дѣлаешь свое дѣло, всѣ рады и оставляютъ въ покоѣ... Получишь единичку, читаютъ нотации или бранятся... А вы какіе-

то разговоры по душѣ придумали! Вонъ Надя съ отцомъ, тѣ шепчутся, куда бы побѣхать, да какъ бы мать провести!

Максъ глядѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

— Не по-нѣмецки у насъ, а по-человѣчески. Мы всѣ другъ друга любимъ, вотъ въ чемъ весь секретъ. Хотя для нашей матери каждая книжонка Павлуши—пучина премудрости, а отецъ знаетъ только четыре правила арифметики, вы видите, мы живемъ душа въ душу и вѣримъ другъ другу на слово.

Всѣ черты мальчика нервно подергивались, черные глаза блестѣли иронически.

— И у насъ любить, отецъ въ Надѣ души не часть, они точно брать съ сестрой, и на отца-то даже не похоже... А мать за Женю каждаго на куски разорвать готова. Ну, вотъ видите, то же, да не то! Всѣ врозь... А для Жени хотъ свѣтъ вверхъ дномъ переверни, ее все равно счастливой не сдѣлаешь, потому что она уродъ и больная.

„Ну, а тебя-то эта возвышенная мать вовсе не любить, что-ли?“—думалъ Максимъ, не рѣшаясь выговорить.

— Тѣмъ лучше, если мать такъ привязана къ маленькой сестрѣ, ей не будетъ черезъ-чуръ тяжело отпустить васъ,—замѣтилъ онъ дипломатически.

На лицѣ Саши блуждала горькая усмѣшка. Ему вспомнилось, какъ разъ Лизавета Игнатьевна страстно обнимала и цѣловала его, когда онъ защитилъ Женю отъ сорвавшейся съ цѣпи собаки и своими искусанными руками дотащилъ сестренку въ обморогѣ до дому... Эта сцена оставила неизгладимый слѣдъ въ душѣ сына... Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, а ему и теперь жутко было вспомнить тѣ горячія, страстные ласки... Но онъ вовсе не собирался вдаваться въ чувствительность съ чужимъ человѣкомъ.

— Не въ томъ дѣло, что тяжело, а не по правиламъ, вотъ!.. сынъ—столяръ... Разумѣется, всякому страшно и стыдно, главное, стыдно; во всемъ всѣ прежде всего другихъ боятся, точно я этого не понимаю? А по моему мастеровой никогда съ голоду не умереть, а баринъ такъ даже и очѣнь, коли не повезетъ... Развѣ не правда?..

— Правда, сущая правда! Вы храбрый человѣкъ, Саша! (ему не хотѣлось назвать его мальчикомъ) съ умѣлыми руками никто не пропадетъ, а на свѣтѣ нѣтъ ничего чище и честнѣе труда...

Мальчикъ подозрительно косился на него: „самъ-то ты, братецъ, что же?“

— Только, вѣдь, скоро сказка сказывается,—продолжалъ Зандеръ дружески. — Мастерство изучить не легко, а нѣжныя, бар-

скія руки приучить къ работѣ и того трудѣе! Отъ старыхъ привычекъ отвыкать, не доѣсть, не доспать, всего доведется. Вы увлекаетесь по юности, а что, коли потомъ тяжело покажется... пожалѣете?

— Вотъ это самое они говорить будутъ, для чего же вы-то еще за нихъ стараетесь?..—отвѣтилъ Саша грубо.—Можетъ, и пожалѣю, такъ вѣдь не отъ вашихъ же словъ я почувствую это! Не попробовавши, не узнаешь.

„Да и не все ли равно о чемъ жалѣть?..“—мысленно философствовалъ Максимъ. — „Мнѣ ли о томъ, что я взлетѣлъ снизу вверхъ и заплатилъ безхитростной безмятежностью духа за тѣ эфемерныя преимущества, которыя манили меня, или этому озлобленному храбрецу пожалѣть когда-нибудь, что кинулся въ причину отупляющаго, бессмысленнаго физическаго труда?.. Всѣ счастливы только, пока добиваются. Онъ найдетъ долю счастья, какъ находилъ ее я, а жалѣть будетъ, конечно, меньше, хотя бы за недосугомъ!..“

— Это вы правы, конечно,—усмѣхнулся Максимъ меланхолически: узнаешь—только попробовавши, поймешь только—когда нельзя уже поправить!.. *C'est la vie*—говорятъ французы. Ну, я васъ обезкураживать не стану. Отца я умолю и урезоню; онъ васъ очень любитъ. Коли хотите, такъ, пожалуй, и къ матери вашей отправлюсь парламентаромъ.

— Нѣтъ... Къ матери лучше Штарка подошлите... вы... я... а бы не хотѣлъ просить его, — проговорилъ Саша, слегка покраснѣвъ, недоумѣвая самъ, почему ему гораздо легче и свободнѣе съ Максимомъ, нежели со Штаркомъ, который положилъ на него столько труда.—Но вѣдь, неправда-ли—отпустить меня безъ согласія отца она ни въ какомъ случаѣ не можетъ?

— Не можетъ. Отецъ всегда имѣетъ право потребовать васъ, если захочетъ. Да неужели же мать не имѣетъ на отца никакого вліянія?

Саша безнадежно махнулъ рукой.

— Они обо всемъ всегда думаютъ по разному—только теперь мать все больше молчитъ; я замѣтилъ, она гораздо рѣже споритъ. А бывало прежде, вотъ изъ себя выходила! Ну, онъ всегда одинаковый—веселый и безпечный.

— Такъ не будетъ ли ему, Богъ дастъ, все равно и до васъ?

— Что съ вами?.. а скандалъ-то какъ же? Нѣтъ-съ, ужъ это дудки!.. Его сынъ—мастеровой! Да это имъ съ Надей севозъ землю провалиться отъ стыда; особенно какъ ужъ они разлако-

милась: Ханайскій наобѣщалъ имъ, что онъ чуть-что не въ посланники выведетъ меня со временемъ. Если я умру сегодня, отцу будетъ совершенно все равно, я ни минуты не сомнѣваюсь въ этомъ—ну, а жить я долженъ такъ, чтобы ему было приятно...

Сапа разсѣялся короткимъ жесткимъ смѣшкомъ и его бѣлые зубы злобно блеснули въ стемнѣвшей комнатѣ.

— Въ иныхъ вещахъ всегда лучше сомнѣваться,—замѣтилъ Зандеръ съ неудовольствіемъ, но гимназистъ не обратилъ на это вниманія.

— Уходить пора...—проговорилъ онъ устало и поднялся съ мѣста въ смутномъ состояніи человѣка, который долго поглощенъ былъ чѣмъ-нибудь однимъ, важнымъ и рѣшительнымъ... Точно прошло, Богъ знаетъ, сколько времени и это время унесло, Богъ знаетъ, какъ далеко отъ всего, что было раньше...

Х.

У Палагеюшки былъ отдѣльный уголокъ въ корридорѣ около кухни—крохотная узкая комнатка въ одно окно, да и то всегда заставленное банками съ вареньемъ, жестянками отъ икры и сардинокъ, свертками сыра и колбасъ и прочими атрибутами столичнаго хозяйства.

У этого окна, загроможденнаго и упирающагося въ стѣну, свернувшись съ ногами на сундукѣ, покрытомъ старымъ ковромъ, примостилась маленькая Жень. Вся обложенная книгами и согнувшись въ три погибели, дѣвочка разыскивала рѣки и горы азіатскаго материка въ большомъ географическомъ атласѣ. Она заглядывала въ книгу, развернутую на уголѣхъ подоконника, громко прочитывала параграфъ и погружалась въ розыски, приподнявъ тяжелую тетрадь на согнутыхъ колѣняхъ къ самому носу.

— Гоонъ-Конгъ или Желтая рѣка, Янцикиангъ или Голубая—Гоонъ-Конгъ или Желтая...—выкрикивала дѣвочка съ увлеченіемъ.

По корридору шлепали мягкія туфли старой няньки, шмыгали сапоги проворнаго козачка-подростка, замѣнившаго у Кубанскихъ прежнихъ лакеевъ, за стѣной гремѣли кастрюлями, рубили котлеты, на дворѣ кричали разносчики. Разнообразные кухонные ароматы по-очередно проникали въ щели, соблазнительно раздражая обоняніе или заставляя чихать отъ терпкаго чада, заволакивали голубоватой дымкой душную комнату, разбѣдали глаза, покраснѣвшіе отъ напряженія въ тускломъ освѣщеніи.

Въ этотъ уголокъ никто не могъ забрести, кромѣ самой обитательницы, являвшейся за чѣмъ-нибудь въ импровизированную кладовую или пристраивавшуюся на столѣ съ утюгами разгладить собственноручно какой-нибудь старомодный воротничекъ, котораго она не довѣряла „безбожницамъ“ прачкамъ, и во вниманіе не бравшимъ, что это не какая-нибудь „машинная“, а настоящая ручная вышивка. Мало-по-малу, Женья перетаскала сюда множество Сашиныхъ учебниковъ, пользуясь тѣмъ, что владѣлецъ не скоро замѣчалъ ихъ исчезновеніе.

Доктора строго запрещали учить нервную дѣвочку. Съ нею занимались понемножку, ограничиваясь чтеніемъ и запоминаніемъ со словъ; Женья не позволяли напрягать памяти, не разрѣшали никакихъ письменныхъ занятій. Никто не подозрѣвалъ, что въ уголѣ около кухни, въ плохомъ освѣщеніи, въ дурномъ воздухѣ, въ неудобной позѣ, дѣвочка выбивалась изъ силъ надъ руководствами мужской классической гимназіи, заучивая все, что попадалось, напряженно и мучительно доходя до пониманія одними собственными усиліями, безъ помощи и указаній, трепеща и скрывая свою тайну.

Старая нянька, величавшая огуломъ всякую гигиену „лекарскими выдумками“, всячески покровительствовала Женьѣ. Коли „убогенькой“ далась наука, такъ надо Бога благодарить, а не препятствовать. Замужъ никто не возьметъ; состоянія батюшка родной не то чтобы припасти, а, гляди, послѣдскіе за свой вѣкъ проведетъ—надежды, стало быть, возлагать не на кого... Такъ рассуждала Палагеюшка и всячески поощряла маленькую „умницу“ и помогала отводить глаза Лизаветѣ Игнатьевнѣ.

Замысловатая, дорого стоящія игры и забавы, которыя мать выискивала и покупала, не жалѣя денегъ, давно перестали занимать больную; рисованіе, которому съ большимъ трудомъ разрѣшили ее учить, не давалось, у нея не было ни малѣйшаго дарованія... Маленькая горбунья обожала музыку, но доктора находили, что это для нея ядъ. Совсѣмъ маленькой дѣвочкой Женья пряталась за шкафы и комоды въ той комнатѣ, гдѣ занималась Надя, и гораздо раньше ея запоминала всѣ уроки, которые та учила въ ея присутствіи. Съ годами у нея развивалась настоящая страсть къ ученю—что пользы?.. Въ ея несчастной жизни царитъ только одинъ неумолимый законъ: послѣднихъ выводовъ медицины. Правда, медицина спасла ее для этой жизни, но только для того, чтобы весь вѣкъ дрожать надъ этимъ драгоценнымъ достояніемъ, чтобы не знать ничего, кромѣ большей или меньшей

степени недомоганій, чтобы пережить всё виды отреченія и лишеній.

Жизнь пестрая, разнообразная, шумная и радостная несется заманчивымъ потокомъ совсѣмъ близко, но подрастающая женщина присматривается къ ней не съ гордой увѣренностью, что настанетъ скоро и ея чередъ, не съ жутеимъ и благоговѣйнымъ предчувствіемъ грядущаго счастья, не съ естественнымъ, постепеннымъ подъемомъ накопившихся силъ: окрѣпшаго сознанія, сложившагося характера, опредѣлившихся вкусовъ — Женья давно выросла настолько, чтобы понять все значеніе слова „калъба“ въ человѣческой жизни, въ женской жизни. Она сама знаетъ, какъ знаютъ и всё другіе, что все, что зовется на землѣ счастьемъ — не для нея. У нея никогда не будетъ того, что „придетъ“ въ жизни каждой женщины и отведетъ ей ея мѣсто въ мірѣ на радость или на горе... У нея не будетъ также и ничего другого, что могло бы замѣнить счастье, поставить цѣль, придать смыслъ длинному ряду дней, мѣсяцевъ, годовъ... Ей предстоитъ одна только нескончаемая и неизмѣнная задача: лелѣять свой жалкій организмъ, остерегаться зорко всего, что можетъ поколебать шаткое равновѣсіе, не знать ни радостей, ни печалей, ни волненій, ни тревогъ, которыми живо человѣческое сердце: вѣдь этого не осилить нервамъ, которыми сама природа не дала силъ для жизни! Ей не знать удовлетворенія и наслажденій развитого ума, если этотъ умъ не въ силахъ вынести собственного роста!.. Не знать труда, облагораживающаго каждое существованіе, примиряющаго со всякой долей...

— Какъ же буду я жить, няня, если я ничему не выучусь? — спрашивала Женья, наивно уповавъ, что книжки готовятъ людей для жизни.

— И правда, умница моя, правда! — поддакивала старуха — нечего на нихъ смотрѣть... Имъ абы лекарства прописывать, да денежки загребать... А того не подумаютъ, что всякому чело-вѣку себя къ чему-нибудь да пристроить надобно... Противъ Бога не пойдешь — попустить, такъ ужъ ихней стряпней не спасешься... А коли Онъ разумѣніе даетъ, надо принимать съ благодарностью, а не малодушествовать.. Отъ Бога, родная, все на пользу... все на спасеніе...

Женья справлялась одна, съ грѣхомъ пополамъ, съ тѣмъ, что усваивается памятью, то-есть, она заучивала все, безъ разбора, терзая безъ всякой пощады свою несчастную голову; но ариѳметическія задачи не оставляли ей другого выхода, какъ прибѣг-

нута къ помощи брата. Сапа объяснялъ неохотно, посмѣиваясь и приговаривая: „Да гдѣ ужъ тебѣ! Ну, и на что это тебѣ?“

Однажды Штаркъ засталъ дѣвочку съ тетрадками въ комнатѣ своего ученика. Онъ сейчасъ же предложилъ свою помощь, но Штаркъ не согласился сдѣлаться участникомъ подобной тайны отъ матери.

Больныя дѣти могутъ не быть умны, но они всегда наблюдательнѣе и развитѣе здоровыхъ; сосредоточенныя на одномъ своемъ внутреннемъ мірѣ, они какъ бы забѣгаютъ впередъ, отживаютъ раньше срока то небольшое, чтó имъ доступно... Недаромъ Сапа изъ другой комнаты, по одному голосу своего репетитора узнавалъ, когда онъ говоритъ съ Женей. Изъ всѣхъ, кто жалѣлъ бѣдную дѣвочку—а кто же могъ не жалѣть ея?—изъ всѣхъ, не исключая людей самыхъ близкихъ, одинъ Штаркъ сочувствовалъ именно той сторонѣ ея положенія, которая угрожала ей впереди самымъ гнетущимъ недовольствомъ: безсмыслию и безцѣльности этого существованія безъ будущаго—этой жизни для жизни, безъ надежды сыграть въ ней какую-нибудь самонамалѣйшую роль... Въ тринадцать лѣтъ Женя тяготилась этимъ, хотъ и не вполне сознательно, но она со слезами умоляла мать отдать ее въ школу.

Лизавета Игнатьевна объѣздила всѣхъ специалистовъ и вернулась съ цѣлымъ запасомъ ученыхъ терминовъ, обрывковъ научныхъ понятій, статистическихъ цифръ и разнорѣчивѣйшихъ наблюдений. Знаменитости трактовали о кубическомъ содержаніи воздуха въ классныхъ помѣщеніяхъ; о колебаніяхъ утренней температуры въ петербургскомъ климатѣ; о вредѣ частыхъ подъемовъ на лѣстницы; о равно угнетающемъ вліяніи и презрительнаго и сострадательнаго отношенія къ горбунѣ ея маленькихъ товарошъ... Знаменитости все предвидѣли и отъ всего старались оградить, исходя изъ отправного пункта своей науки: что жизнь сама по себѣ есть неопѣненное благо, которое должно охранять всѣми средствами; благо, которое стоитъ купить всякой цѣной—даже и въ томъ случаѣ, если требованія гигиены отнимутъ ея послѣднюю радость, если выводы науки погасятъ всякую надежду; распишутъ напередъ по часамъ и минутамъ монотонную смѣну дней и ночей, которую дѣлаютъ достойной прекраснаго имени жизни только муки и радости, только побѣды и паденія, только подвиги и жертвы крохотнаго, но великаго человѣческаго сердца!..

Мать тоже считала эту жизнь благомъ. Женя жила—послѣ того, какъ она столько разъ видѣла ее умирающею! Это была ея цѣль—и она была достигнута; она готова была дать, позво-

ить, достать для нея все возможное, кромѣ того, что могло быть вредно для ея здоровья. Женя была кротка и послушна, за нею не водилось ни шалостей, ни капризовъ; Лизаветѣ Игнатьевнѣ и въ голову не приходило, чтобы дѣвочка стала добиваться того, въ чемъ ей отказывали изъ одной любви къ ней — добиваться собственными силами, украдкой, урывками; въ условіяхъ, неблагоприятныхъ до послѣдней степени; съ удешевленной затратой труда; съ безчисленными волненіями и вѣчнымъ страхомъ тайны, которая каждую минуту могла быть обнаружена.

Женя худѣла, блѣднѣла, ходила съ покраснѣвшими глазами и съ головной болью отъ слезъ, которыя она проливала по вечерамъ въ постелѣ. Ей казалось, что она никогда не выбьется изъ того хаоса, въ которомъ бредетъ одна, на-удачу, безъ надежды на чью-нибудь помощь... Она то считала себя глупой и безтолковой, послѣ безплодныхъ усилій усвоить какую-нибудь премудрость, то сознавала, что отвратительно зла и неблагодарна, если на сердцѣ противъ воли закипали укоры и упреки той самой самоотверженной матери, которая одна грудью отстояла ее у смерти...

„Ничего нельзя сдѣлать... ничего!.. Пусть бы лучше я умерла тогда, маленькая... Затѣмъ меня лечили, возили... денегъ сколько израсходовали! Чтобы я была такая несчастная?.. Уродъ... глупая, необразованная... Боже мой!.. Господи! Господи!.. прости меня, грѣшницу... Помилуй меня! Да будетъ во всемъ Твоя воля, Господи!..“

Несчастливая дѣвочка засыпала съ мокрымъ лицомъ, съ растерзаннымъ сердцемъ и на утро поднималась съ головой, какъ будто налитой свинцомъ.

— Женя, ты больна! дѣвочка моя, что съ тобой? — спрашивала тревожно мать.

Женя безпрекословно глотала порошки и пилюли; она привыкла къ физическимъ страданіямъ и терпѣть не могла, когда ее жалѣли по этому поводу.

— Вамъ должно быть ужасно скучно, Женичка? — спросилъ ее когда-то Штаркъ и завоевалъ ея сердце одной этой фразой.

Женя всегда вертѣлась около прихожей въ тѣ часы, когда приходилъ Сашинъ репетиторъ. Если Штаркъ оставался пить чай или являлся въ Кубанскимъ обѣдать по праздникамъ, дѣвочка не отходила отъ взрослыхъ; она ловила его каждое слово, преслѣдовала его своими большими выразительными глазами. Не будь она такъ проста и неиспорчена, какъ дѣвочка, выросшая подъ неотступнымъ надзоромъ матери, будь тѣмъ, чѣмъ была въ ея

годы красotka Надя, она непремѣнно увѣрила бы себя, что она влюблена въ Штарка. Теперь она во всеуслышаніе сознавалась безъ тѣни смущенія, что она любитъ его больше всѣхъ людей послѣ матери, потому что онъ всѣхъ умнѣе и всѣхъ справедливѣе.

Но все это было прежде. Правда, Штаркъ былъ все такъ же добръ и ласковъ съ Женей, но онъ давно уже не смѣялся искренно и увлекательно, рассказывая ей фантастическія восточныя сказки или поэтическія сѣверныя легенды. Онъ все рѣже и рѣже оставался у Кубанскихъ провести вечеръ и никогда больше не приходилъ обѣдать. Мимоходомъ, не присаживаясь, со шляпой въ рукахъ, онъ обмѣнивался съ Надей сухими и желчными фразами, провожалъ ее долгими, мрачными взглядами... Онъ постарѣлъ и сталъ еще некрасивѣе, „сталъ страшнѣе“, какъ выразился Анатолій Петровичъ, не встрѣчавшійся съ нимъ долгое время.

Ничто не ускользало отъ Жени; правда, что ничто болѣе и не было доступно наблюденіямъ зрителей. Дѣвочка инстинктомъ угадывала все, что скрывалось подъ этой перемѣной. Ея маленькое сердечко изнывало отъ ревниваго негодованія, отъ жалости, отъ чего-то еще болѣе тяжелаго и мучительнаго—отъ того, что было бы завистью, еслибъ бѣдная тринадцатилѣтняя горбуныя могла завидовать великолѣпной взрослой красавицѣ...

И всѣ свои разнородныя волненія Женя переживала одна, глухо и скрытно... Лизаветѣ Игнатьевнѣ было не до нея.

XI.

Ханайскій прислалъ Лизаветѣ Игнатьевнѣ письмо, въ которомъ почтительно, но весьма законически, просилъ у нея руки Надежды Анатолиевны, уже обѣщанной ему отцомъ и самой дѣвушкой.

Кубанская отвѣтила: въ виду того, что достаточно совершенно желанія одной невѣсты, достигшей двадцатилѣтняго возраста, господинъ Ханайскій могъ избавить и себя, и ее отъ безполезной комедіи просить ея согласія. Она не пойдетъ противъ собственной совѣсти и не приложитъ руки своей къ тому, что по чести считаетъ гибельной, роковой ошибкой, зная хорошо натуру дочери и принимая во вниманіе его возрастъ, его правила и направленіе.

Такого скандала не ожидалъ ни Ханайскій, ни Анатолій Петровичъ. Не рѣдкость, конечно, что выборъ дочери не нравится родителямъ, но обыкновенно у здравомыслящихъ людей хватаетъ

такта признавать совершившіеся факты, если нѣтъ власти измѣнить ихъ!.. Ханайскій оскорбился. Анатолій Петровичъ принялся всячески ублажать его и урезонивать не обращать вниманія на странности жены, которая всегда была болѣзненна и эксцентрична. Это было, конечно, плохимъ утѣшеніемъ для самодовольнаго богача. Какая-то г-жа Кубанская, разорившаяся помѣщица средней руки, осмѣливалась браковать, заикаться о его годахъ и о какомъ-то предосудительномъ „направленіи“!..

— Allez, mon cher!.. я повторяю вамъ, что это неслыхано, колоссально!.. Одно изъ двухъ: не угодно ли супругѣ вашей различать людей или, если ужъ она не въ здоровомъ умѣ, такъ и мѣсто ея въ заведеніи для душевно-больныхъ, а не во главѣ семьи, гдѣ есть взрослые дѣти!

Это въ свою очередь задѣло Анатолія Петровича.

— Ну!.. не черезъ-чуръ ли ужъ опасно будетъ, если каждый начнетъ объявлять сумасшедшимъ всякаго, кто ему не симпатизируетъ?.. Вы нѣсколько увлеклись и... но, во всякомъ случаѣ, повѣрьте, я въ совершенномъ отчаяніи отъ всего этого!

Послѣ столь непріятнаго объясненія, пріятели въ первый разъ разстались холодно. Ханайскій надулся и рѣшилъ, что „теперь его попросить“, а Кубанскій взбѣшенный полетѣлъ домой.

Однако, черезъ нѣсколько дней все благополучно уладилось. Невѣста написала любезную записочку, въ которой изъявила согласіе прокатиться вдвоемъ въ оранжерею ботаническаго сада, гдѣ цвѣли камеліи. Женихъ такъ давно ужъ мечталъ объ этой прогулкѣ вдвоемъ, что, разумѣется, въ ту же минуту забылъ о самомъ существованіи Лизаветы Игнатьевны. Мать узнала объ этомъ только когда Нада вернулась, разгорѣвшаяся отъ быстрой ѣзды, съ роскошнымъ букетомъ, стоимъ бѣшеныхъ денегъ.

— Ты не знаешь, что это неприлично, что невѣсты не разѣзжаются, Богъ знаетъ куда, вдвоемъ съ женихомъ?

— Я знаю. Но обыкновенно невѣсты могутъ принимать жениховъ у себя дома!

— Не угодно ли и тебѣ поступать такъ именно. Я въ жизни своей не лгала и не начну теперь, въ угоду тебѣ; но надѣюсь, что г-нъ Ханайскій не потребуетъ, чтобъ я выѣхала изъ собственной квартиры для того, чтобы избавить его отъ непріятности встрѣчаться со мною.

Это замѣчаніе было передано Ханайскому, какъ приглашеніе Лизаветы Игнатьевны, и онъ на другой же день явился съ визитомъ. Кубанская отвѣтила на его поклонъ—вотъ все, что можно сказать объ ея приѣмѣ; но такъ какъ она сейчасъ же ушла въ

свою комнату, то Эрасть Степанычъ рѣшилъ за благо не обращать на нее вниманія и не портить себѣ настроенія по ея милости.

Впрочемъ, онъ немного времени проводилъ у Кубанскихъ — они больше разъѣзжали вмѣстѣ по театрамъ, по концертамъ, по клубамъ, катались или гуляли пѣшкомъ. Лизавета Игнатьевна видѣла Надю всегда неестественно возбужденною и оживленною какими-нибудь сборами, приготовленіями; слышала отъ нея только восторженные рассказы о томъ, какъ она веселилась; ея смѣхъ, звонкій и напряженный, цѣлый день раздавался по дому; она вѣчно суежилась, торопилась, что-нибудь придумывала, чего-нибудь добивалась. Она казалась легкомысленнѣе и пустѣе, чѣмъ когда-нибудь, теперь, когда рѣшался роковой вопросъ ея жизни.

Разумѣется, подобный образъ жизни скоро далъ себя знать; дѣвушка похудѣла и поблѣднѣла, отчего ея великолѣпные глаза еще эффектнѣе горѣли, какъ два черныхъ брилліанта, на матовомъ лицѣ. Должно быть, у нея растроились также и нервы: однажды въ сумерки Анатолій Петровичъ засталъ ее за рыданіемъ въ слезахъ. Надя необыкновенно много смѣялась сама надъ собою по этому поводу. Отецъ тоже смѣялся и мягко пожурить за то, что она не бережетъ себя, и не соглашается отдохнуть отъ постоянныхъ выѣздовъ.

— Я не совѣтую тебѣ попасться такимъ образомъ на глаза матери, она непременно раздуетъ изъ этого какую-нибудь трагическую исторію! — замѣтилъ Кубанскій вскользь.

Нѣтъ, Надя не попадалась матери съ тѣмъ недоумѣвающимъ и утомленнымъ выраженіемъ, которое ложилось на прелестныя черты, когда она оставалась одна въ своей комнатѣ и бросалась на кушетку въ короткій промежутокъ передъ какимъ-нибудь переодѣваніемъ, или полурасдѣтая постѣ вечера, гдѣ кружилась безъ устали съ цѣлою толпою кавалеровъ, ожидавшихъ очереди, или высиживала у барьера ложи одинъ за другимъ длинные, душныя, утомительныя вечера, подъ перекрестнымъ огнемъ наведенныхъ на нее биноклей. Надя дѣйствительно устала и нуждалась въ отдыхѣ; но этотъ отдыхъ представлялся ей въ единственномъ неизбѣжномъ видѣ: въ видѣ сантиментальныхъ вечеровъ глазъ на глазъ съ Эрастомъ Степанычемъ. Она боялась длинныхъ, интимныхъ разговоровъ съ женихомъ, и чѣмъ больше Ханайскій входилъ въ свои права будущаго мужа, тѣмъ непріятнѣе было ей разрѣшать ему что бы то ни было. Онъ и раньше цѣловалъ ея ручки угадкой, когда былъ влюбленнымъ претендентомъ, и тогда ее забавляло дразнить его; теперь, когда онъ цѣловалъ ихъ по праву и старался подольше удержать въ своихъ рукахъ, теперь

Надя сопротивлялась строптиво и капризно, вздрагивая отъ каждаго прикосновенія. Его влюбленные взгляды, не такіе, какъ прежде, а настойчивые и властные, тотъ особенный шоноть, какимъ онъ напѣвалъ свои нѣжности — все это производило на невѣсту впечатлѣніе, совершенно для нея неожиданное: точно ее обступала со всѣхъ сторонъ какая-то враждебная сила, настигающая медленно, но неизбежно... Ее охватывало инстинктивное, необузданное желаніе бороться и сопротивляться. Показать этому чужому, этому не молодому, этому невзрачному господину, что она еще не его пока!.. Весь интересъ, который человѣкъ этотъ представлялъ изъ себя, какъ влюбленный обожатель, какъ блистательный женихъ — все разомъ пропало, кончилось, какъ торжество уже отошедшее, какъ побѣда уже одержанная, и только изумительно отчетливо выдѣлялся онъ самъ, его фигура, безъ всякаго скрашивающаго ореола...

Почему она могла прежде безъ скуки слушать его рассказы, безпрѣтные и безсодержательные?.. смѣяться снисходительно сомнительнымъ остротамъ, улыбаться поощрительно избыткомъ комплиментамъ?.. Отчего прежде ей не надобѣдало играть партію за партіей въ шахматы, чтобы ловить съ любопытствомъ тѣ намеки и словечки, которые ему удавалось вплетать въ разговоръ? Почему же теперь она нисколько не стремилась дослушать до конца все, что онъ могъ высказать ей уже вполне безпрепятственно?

Увы! никакіе вопросы не помогали Надѣ пересилить мучительнаго разочарованія, жуткаго страха, находившаго на нее отъ одной догадки, что выйти замужъ за человѣка, къ которому не чувствуешь никакой симпатіи — задача совсѣмъ не такая простая, какъ ей казалось... Отецъ шагъ за шагомъ укрѣплялъ ее въ этой философіи, проповѣдуя краснорѣчиво, что самая страстная любовь все равно неизбежно проходитъ, что залогъ семейнаго счастья — въ прочномъ матеріальномъ благосостояніи, безъ котораго въ жизни не можетъ быть ни радостей, ни наслажденій.

Надя соглашалась съ этимъ. Она всегда мечтала о томъ, чтобы блистать и одерживать побѣды, а вовсе не о томъ, чтобы быть безвѣстно любимой кѣмъ-нибудь однимъ. Она была такъ увѣрена въ своемъ могуществѣ, рѣдкая красота такъ безпокоила ее, такъ неотступно металась самой ей въ глаза, что казалось невыносимымъ отдать ее одному смертному, казалось дикимъ и несправедливымъ затеряться въ темной долѣ небогатой женщины, живущей для счастья мужа, для блага дѣтей... Рѣдкимъ красавицамъ обыкновенно кажется недостаточнымъ прожить только одну жизнь, удовольствоваться обычной женской долей, съ очаровательнымъ,

но короткимъ мигомъ владычества. Суровая пиколо подтисненія и самоотреченія — не для нихъ! не для тѣхъ, чей путь неизбежно усѣянъ соблазнами и искушеніями...

Культь семейнаго долга, въ которомъ выросла Лизавета Игнатьевна, не прививался вовсе къ дочери. Да и что могли сдѣлать самыя возвышенныя слова, когда рядомъ жизнь давала гораздо болѣе внушительные уроки?.. Что значили принципы, если живые примѣры тутъ же опровергали ихъ?.. Та жизнь, которою жила ея семья, никого бы не соблазнила; кромѣ разлада, вражды и неудовлетворенія она ничего не дала этимъ людямъ, когда-то сошедшимся по любви. Не было ли слишкомъ трудно проникнуться безкорыстной любовью къ долгу, имѣя съ колыбели передъ глазами такой печальный и отталкивающий образчикъ судьбы добродѣтельной женщины?.. На устахъ Лизаветы Игнатьевны всегда была какая-нибудь мораль возвышенная и безупречная, но мораль гораздо больше улаживаетъ того, кто ее проповѣдуетъ, выстрадавшую и выношенную въ собственномъ сердцѣ, нежели обращаетъ на путь истинный другихъ, для кого предназначается... Любить никогда не научить тотъ, въ чьемъ сердцѣ нѣтъ нѣжности, какъ не внушить святой вѣры скептикъ, искушенный сомнѣніями.

Въ Надѣ говорило до сихъ поръ одно тщесловіе, только наивное и радостное поклоненіе собственнымъ совершенствамъ, одно лихорадочное любопытство ринуться скорѣе на встрѣчу жизни. Женщина еще не просыпалась въ ней до этого перваго, рокового толчка. Надя рѣшила, что ей необходимо сдѣлать блестящую партію и, не задумываясь ни надъ чѣмъ, приводила въ исполненіе свои планы. Она не предвидѣла, что на первыхъ же шагахъ ей придется столкнуться съ самой собою! Что помимо взглядовъ, желаній и вкусовъ — въ душѣ зазвучитъ еще какой-то неподкупный голосъ, что ея собственная дѣйственная натура окажется чище и честнѣе обольщенной совѣсти. Дѣвушка не могла понять заранее, что значить для женщины отдать себя не сердцемъ, а только одной волею.

Надя не сдавалась. Она твердила себѣ, что все это „глупости“, что она привыкнетъ очень скоро. Чтобы не дать разыгратъ неожиданному разладу и, главное, не дать жениху случая подмѣтить ея внутренней борьбы, она закружилась въ вихрь удовольствій и выѣздовъ, не давая отдыха ни себѣ, ни другимъ. Эрастъ Степанычъ не разъ принужденъ бывалъ сознаться въ глубинѣ души, что онъ недостаточно уже молодъ для того, чтобы съ должной готовностью и одушевленіемъ исполнять всѣ фантазіи

своей очаровательной невѣсты; но ни за какія блага онъ не сознался бы въ чемъ-нибудь подобномъ передъ нею. Анатолий Петровичъ терялъ голову, гдѣ набраться денегъ, которыя такъ безразсудно тратила его любимица, и, однакожь, не рѣшался отказывать ей... Быть можетъ, одинъ изъ всѣхъ, отецъ смутно угадывалъ, что подъ этой безумной веселостію скрывается ежеминутная опасность для его завѣтныхъ плановъ и надеждъ. Онъ озабоченно соображалъ ближайшіе сроки, когда могла быть сыграна свадьба, и готовъ былъ сократить ихъ до послѣдней возможности, но къ несчастію у Ханайскаго были на этотъ счетъ собственныя соображенія; онъ просилъ назначить свадьбу весною, и Кубанскому изъ простаго приличія не приходилось торопить его.

„Неужели же въ самомъ дѣлѣ онъ вѣрить, что я люблю его?“ — спрашивала себя безпрестанно Надя, глядя въ самодовольное лицо своего жениха. Мало-по-малу она отдѣлалась отъ перваго низкаго страха выдать себя, быть постыдно уличенной въ обманъ; ей казалось, что Ханайскій увѣренъ въ ея любви, о которой онъ говорилъ совершенно свободно; во всякомъ случаѣ, онъ былъ доволенъ и, повидимому, его не посѣщали никакія сомнѣнія и колебанія.

Надя просто не понимала ни жизни, ни людей. Она не могла знать, что любовь господъ Ханайскихъ, что называется, и около не лежала того, что зовется любовью на языкѣ каждой молоденькой дѣвушки, прочитавшей нѣсколько порядочныхъ романовъ. Но зато Эрастъ Степанычъ зналъ слишкомъ твердо, что въ его годы и съ его данными нельзя внушить страсти и что въ юности женщины по большей части не знаютъ ея, а только позволяютъ взять себя, экзальтированныя романическими порывами. Онъ самъ — испорченный и развращенный съ дѣтскихъ лѣтъ — зналъ объ этихъ порывахъ только по наслышкѣ и для него романическая любовь въ которой-нибудь изъ женщинъ, переходившихъ черезъ его руки, могла быть только лишней обузой, съ которой онъ не зналъ бы, что ему дѣлать... помимо этого у Эраста Степаныча были еще другія важныя и озабочивающія соображенія, которыя заставляли его мириться со всѣмъ и не предъявлять неисполнимыхъ требованій. Очаровательная дѣвушка въ двадцать лѣтъ соглашалась сдѣлаться его женой — онъ не только зналъ, что ни на что другое ему претендовать невозможно, но просто не умѣлъ даже желать этого другого. Онъ находилъ восхитительнымъ кокетство Нади и вполне естественнымъ и не менѣе восхитительнымъ то оборонительное положеніе, которое она заняла сейчасъ же, какъ только сдѣлалась его невѣстой. Не вѣдая въ жизни ни смысла,

ни цѣлей, кромѣ наслажденій, болѣе грубыхъ или болѣе утонченныхъ, но всегда чисто матеріальныхъ, не зная мысли, которая бы не была въ концѣ концовъ циничной, обуреваемый весь вѣкъ разнузданными инстинктами, женихъ Нади такъ же понималъ ея побужденіе, какъ волею навѣрное понимаетъ сопротивление растерзаннаго ягненка.

Все это слагалось цѣликомъ внѣ наблюденій Лизаветы Игнатьевны. Она видѣла дочь всегда веселою, оживленною и разрыженною, засыпанною конфетами и букетами, валявшимися на всѣхъ столахъ. Эрастъ Степанычъ являлся въ ея присутствіи подобравшимся и чопорнымъ, съ внушительнымъ впечатлѣніемъ несправедливо уязвленнаго достоинства, передъ этой непріятной, рѣзкой особой...

Надѣясь задобрить сколько-нибудь свою будущую тещу, Ханайскій сталъ оказывать особенное вниманіе ея любимицѣ Жень; каждый разъ онъ привозилъ ей конфеты, фрукты или игрушки, не обращая вниманія на ея сопротивленіе. Напрасно дѣвочка чуть не со слезами увѣряла, что не играетъ больше въ игрушки и оставляла на первомъ попавшемся столѣ его приношенія.

— А-а!.. здравствуйте, здравствуйте, моя миленькая! — неизмѣнно привѣтствовать онъ ее самымъ медовымъ голосомъ, нагибаясь, чтобы пожать маленькую костлявую ручку.

Женя ненавидѣла эту фразу и придумывала все возможное, чтобы какъ можно рѣже попадаться ему на глаза. Въ новый годъ Ханайскій привезъ ей великолѣпную куклу въ половину ея собственнаго роста; маленькая больная наконецъ не выдержала и расплакалась передъ такимъ громоздкимъ подаркомъ.

— Я не хочу!.. Я не играю въ куклы... Я не маленькая... сколько разъ я просила васъ!..

— Боже мой, миленькая, развѣ-жъ кто-нибудь плачетъ изъ-за этого?.. право я хотѣлъ порадовать васъ, а не огорчать! Теперь ужъ дѣлать нечего, вы должны войти въ мое положеніе — не самому же мнѣ играть въ куклу? Ну, будьте же умница, перестаньте плакать, моя миленькая!..

— Не называйте меня такъ! Я горбатая; вы вовсе не думаете, что я миленькая — я не хочу чтобы меня такъ называли!

Женя убижала внѣ себя, захлебываясь отъ слезъ.

— Да! этого кто же могъ ожидать?.. Я полагалъ, что дѣти — вездѣ дѣти... Это Богъ знаетъ что такое!.. — развелъ руками взбѣшенный Ханайскій и едва удержался, чтобы не швырнуть ей вслѣдъ великолѣпную куклу, за которую только-что заплатилъ тридцать рублей во французскомъ магазинѣ.

— Вотъ-съ и неудобно ли съ подобными характерцами цѣлый-то вѣкъ! Лизавета Игнатьевна желаетъ, должно быть, сдѣлать изъ нея второй экземпляръ свой... Тринадцатилѣтняя дѣвчонка смѣетъ такъ принимать подобное вниманіе!.. Нѣтъ, ужъ это выходитъ, наконецъ, изъ всякихъ границъ, изъ всякихъ границъ!..

Анатолій Петровичъ готовъ былъ сейчасъ же пойти къ женѣ и добиться, во что бы то ни стало, строжайшаго наказанія Жени за ея неслыханную дерзость, такъ что Ханайскій, чтобы остановить его, вынужденъ былъ сознаться, что въ его расчеты отнюдь не входитъ возстановить еще болѣе противъ себя Лизавету Игнатьевну.

Такимъ образомъ изъ всей семьи Кубанскихъ счастливыхъ другихъ былъ все-таки Анатолій Петровичъ, хоть его и озабочивала подчасъ странная нервозность Нади и ея холодность съ женихомъ. Онъ все-таки рассчитывалъ на ея благоразуміе и надѣялся довести дѣло до благополучнаго конца, главнымъ образомъ благодаря тому, что женихъ не былъ сентиментальный и превысшренній юноша, а повидимому не особенно интересовался тѣмъ, что творится въ глубинѣ души его нареченой подруги жизни. Отецъ взялъ на себя мудрую роль регулятора, объясняя Ханайскому ея выходки въ возможно выгодномъ свѣтѣ и серьезно выговаривая дочери за ея легкомысліе.

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, папа, не увѣрай, будто онъ такъ ужъ безумно влюбленъ въ меня!—остановила его однажды очень нетерпѣливо Надя.

— Вотъ это неподобно! Онъ не влюбленъ въ тебя?!

— Ну да, вѣроятно, если хочетъ жениться на мнѣ! Только право же эта любовь довольно таки странная!..

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ничего. Только то, что онъ вовсе не нуждается въ твоей протекціи и ты гораздо больше подмѣчаешь всѣ мои „интонаціи“ и „мины“, какъ ты выражаешься...

— Тебѣ желательно дожидаться, чтобы и Эрастъ Степанычъ началъ замѣчать ихъ?

— О! у него было ужъ для этого достаточно времени! — отвѣтила она безпечно.

Въ первый разъ Анатолій Петровичъ серьезно разсердился на свою любимицу.

— Не совѣтую тебѣ бравировать такимъ образомъ—воскликнуть онъ гнѣвно:—какъ бы ты ни была хороша, но вѣдь и Ханайскій не какой-нибудь мальчишка!

По губамъ дѣвушки пробѣжала многозначительная улыбочка.

— Я начинаю приходить къ убѣжденію, что съ мужчинами немолодыми имѣть дѣло гораздо легче, нежели съ „мальчишками“!..
— отвѣтила она, раскачивая одной ножкой и не отрывая глазъ отъ распятаго носочка своей туфельки.

— Excusez du peu! вотъ ужъ какъ мы стали опыты нынче! Анатолій Петровичъ покраснѣлъ, задѣтый за живое какъ челобѣкъ, отнюдь еще не собиравшійся и самъ оставаться за штатомъ. Было чрезвычайно курьезно выслушать приговоръ мужчинамъ изъ устъ собственной дѣвочки.

— Да, безъ сомнѣнія, это прибавляетъ опытности, когда собираешься выходить замужъ, — нимало не смущалась его ученица.

— Надѣюсь все же, что не настолько еще, чтобы пренебрегать совѣтами отца, г-жа опытная женщина?

— Надѣюсь, что я и не пренебрегаю ими. Очень жаль, право, что до вѣсны еще такъ далеко! Я бы желала, чтобы все это было ужъ кончено...

Надя встала съ наморщенными бровями, съ сжатыми губками, и Анатолій Петровичъ въ первый разъ еще увидѣлъ такъ ясно, что блестящая партія, льстившая его тщеславію и обѣщавшая поправить нѣсколько его личныя дѣлишки, не вовсе ужъ даромъ давалась его двадцатилѣтней дочери.

Ольга Шапиръ.

ПУГАЧЕВЪ

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

—Н. Дубровинъ: „Пугачевъ и его сподвижники“. Эпизодъ изъ исторіи царствованія имп. Екатерины II. Т. I—III. Спб. 1884.

Съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинымъ была сдѣлана первая попытка изложенія исторіи Пугачевского бунта, прошло нѣсколько десятилѣтій. Въ продолженіе этого времени неоднократно Пугачевщина служила предметомъ специальныхъ изслѣдованій. Было издано множество новыхъ матеріаловъ, относящихся къ этому важному событію. Появились въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ современные рассказы объ ужасахъ этой эпохи. Печатались ученые труды замѣчательныхъ историковъ, изслѣдовавшихъ или нѣкоторыя явленія исторіи Пугачевщины или обхватывавшихъ бунтъ цѣликомъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

Къ монографическимъ трудамъ, не имѣвшимъ предметомъ всю Пугачевщину, останавливающимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ ея, можно отнести замѣчательныя работы Д. Анучина, Я. К. Грота и пр.; ко второй группѣ, т-е. къ сочиненіямъ, въ которыхъ изложена исторія бунта вообще, принадлежатъ труды Щербальскаго: „Начало и характеръ Пугачевщины“ (Москва, 1865), Мордовцева: „Пугачевщина“ (въ „Вѣстникѣ Европы“, 1866) и его же: „Самозванцы и понизовая вольница“ (въ двухъ томахъ. Петербургъ и Москва, 1867).

Нельзя отрицать, что появившійся нынѣ трудъ Н. Дубровина, и объемомъ, и подробностью изложенія, и богатствомъ матеріала, которымъ пользовался авторъ, превосходитъ всѣ прежнія сочиненія, относившіяся къ этому предмету. Хотя нѣкоторые предшест-

венники г. Дубровина и располагали уже весьма обильными архивными данными, авторъ новѣйшаго сочиненія о Пугачевщинѣ, при составленіи своего труда, имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо большія массы дѣловыхъ бумагъ; трудъ разбора столь громаднаго архивнаго матеріала, критическая разработка всѣхъ данныхъ, заключающихся въ этихъ источникахъ, группировка всѣхъ частныхъ, составленіе подробнаго и привлекательнаго разсказа,—все это должно считаться существенною услугою, оказанною г. Дубровинымъ наукѣ. Въ какой степени добросовѣстно авторъ относился къ историческому матеріалу вообще и къ своимъ предшественникамъ въ особенности, видно, между прочимъ, изъ предисловія къ первому тому, изъ множества ссылокъ и подстраничныхъ замѣчаній, изъ помѣщенного въ концѣ третьяго тома „библіографическаго указателя статей и книгъ, относящихся до Пугачевского бунта“ и пр.

Не смотря на обиліе печатнаго матеріала, которымъ могли пользоваться предшественники г. Дубровина, въ немъ недоставало многого для болѣе полной характеристики событій и хода возстанія. Эти пробѣлы пополняются въ сочиненіи г. Дубровина документами еще неизданными и, всего болѣе, слѣдственнымъ дѣломъ надъ Пугачевымъ и его сообщниками,—дѣломъ весьма обильнымъ, бывшимъ до сихъ поръ недоступнымъ для другихъ изслѣдователей. Получивши разрѣшеніе пользоваться этимъ дѣломъ, г. Дубровинъ, сверхъ того, собралъ громадное множество другихъ свѣденій, относящихся до Пугачевского бунта и хранящихся въ разныхъ архивахъ Петербурга и Москвы. Авторъ работалъ въ московскомъ и петербургскомъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ архивахъ сенатскомъ и синодальномъ, въ архивѣ главнаго штаба и пр.

Библіографическій указатель, помѣщенный авторомъ въ концѣ третьяго тома, включаетъ въ себѣ краткую оцѣнку достоинства или недостатковъ сочиненій и статей о Пугачевщинѣ. Почти всѣхъ своихъ предшественниковъ г. Дубровинъ упрекаетъ въ томъ, что они по недостатку матеріаловъ разсказывали нѣкоторые эпизоды невѣрно и что такіе пробѣлы въ источникахъ вовлекали авторовъ въ ложныя предположенія и заключенія. Таковы замѣчанія, относящіяся къ трудамъ Анучина (которые г. Дубровинъ, впрочемъ, считаетъ „лучшимъ изъ всего, что было написано о Пугачевскомъ бунтѣ“), Щебальскаго и пр. Особенно рѣзко г. Дубровинъ осуждаетъ трудъ г. Мордовцева, упрекая его въ томъ, что онъ пишетъ „широкой и бойкой, но невѣрной кистью“, что онъ, „пользуясь преимущественно иностранными источниками (!?), не

заботится о критической оцѣнкѣ“, что въ его сужденіяхъ о дѣятеляхъ и событіяхъ „нѣтъ безпристрастія историка“ и пр. Хотя строгій отзывъ г. Дубровина о г. Мордовцевѣ, котораго онъ не безъ причины упрекаетъ въ нѣкоторой идеализаціи Пугачева и въ стараніи набросить тѣнь на дѣятелей того времени, оказывается не безосновательнымъ, мы не можемъ считать оцѣнку трудовъ г. Мордовцева полною и справедливою, потому что тутъ совершенно умалчивается о весьма существенныхъ заслугахъ этого автора при собираніи многихъ частныхъ и при общей характеристикѣ бунта. И при оцѣнкѣ другихъ трудовъ, напр., монографіи г. Щебальскаго, недостаточно обращено вниманія на услуги, оказанныя наукѣ въ изданіи такихъ сочиненій. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Дубровинъ обширностью свѣденій, знакомствомъ съ частностями событийъ стоитъ выше Пушкина, Мордовцева, Щебальскаго, Анучина и пр.; что же касается до общихъ выводовъ, до общей характеристики всего этого событія, то труды нѣкоторыхъ предшественниковъ г. Дубровина, особенно же сочиненія Мордовцева и Щебальскаго, заслуживаютъ полнаго вниманія, права на которое они нисколько не лишаются съ появленіемъ въ свѣтъ полезной и важной книги г. Дубровина.

Непонятно, почему авторъ, затратившій столько труда при составленіи полной библіографіи предмета, ограничился указаніемъ только на русскіе матеріалы и сочиненія. Допуская, что выпшедшіе за границу труды, относящіеся къ этому предмету, не имѣютъ особеннаго значенія для изложенія частныхъ, мы полагаемъ, что вниманіе, которымъ пользовалась Пугачевщина со стороны иностранцевъ, не лишено нѣкотораго значенія. Такимъ образомъ въ библіографическомъ указателѣ г. Дубровина есть пробѣлы. Въ немъ не упомянуто, напр., о сочиненіи „Geschichte des russischen Staates, профессора Германа, который, между прочимъ, при составленіи главы о Пугачевѣ воспользовался рукописью Дрезденскаго архива: Description de l'origine des progrès et de la destruction du voleur, rebelle imposteur Emelka Pugatchoff“; не упомянуто о статьѣ „Zuverlässige Nachrichten von dem Aufrührer Emelian Pugatsheff und der von denselben angestifteten Empörung“, въ сборникѣ Бюшинга (Magazin für d. Gesch. u. Geogr., XVIII), и т. под. Мы не думаемъ, чтобы въ этихъ трудахъ, авторы которыхъ, впрочемъ, были современники Пугачева, можно было найти особенно важныя данныя о бунтѣ, — данныя, которыя могли бы измѣнить сущность разсказа г. Дубровина; однако, тутъ встрѣчаются кое-какія извѣстія, пополняющія свѣденія, почерпнутыя изъ русскихъ источниковъ. Далѣе г. Дубро-

винъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на сочиненіе Блюма: „Ein russischer Staatsmann“, въ которомъ встрѣчаются нѣкоторыя довольно важныя письма Екатерины въ Сиверсу о бунтѣ, разныя данныя объ отчаянномъ положеніи крестьянъ въ Россіи во время Пугачевщины и пр.

Авторъ могъ бы воспользоваться еще нѣкоторыми не-русскими памятниками, изданными въ Россіи. Такъ, напр., отъ его вниманія ускользнули письма императрицы Екатерины въ барону Гримму, изданныя Я. К. Гротомъ въ XXIII томѣ „Сборника Императорскаго Историческаго Общества“. Тутъ нѣсколько разъ говорится о Пугачевщинѣ, — и эти замѣчанія по своему значенію не уступаютъ даннымъ въ депешахъ англійскихъ дипломатовъ (XIX т. „Сборника“), которыми пользовался авторъ. Также и XXVII-й томъ „Сборника“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя данныя, относящіяся къ этому предмету, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра.

Въ третьемъ томѣ сочиненія г. Дубровина, на стр. 366, сказано о казни Пугачева: „По приговору, Пугачеву должны были отрубить сначала руки и ноги, а потомъ голову, но палачъ отрубилъ ему прежде всего голову и Богу уже извѣстно, какимъ образомъ это сдѣлалось!“ Въ выносѣ г. Дубровинъ прибавляетъ: „Пушкинъ говоритъ, что дано было тайное приказаніе сократить мученія преступниковъ; но на чемъ основаны эти слова, намъ неизвѣстно. Болотовъ же слышалъ, какъ экзекуторъ бранилъ за это палача“.

Намъ очень хорошо извѣстно, какимъ образомъ объясняется болѣе гуманное обращеніе съ Пугачевымъ на эшафотѣ. Въ газетахъ того времени говорили, что Пугачеву, по ошибкѣ палача, сначала отрубили голову, а потомъ его четвертовали. Г-жа Белье въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Екатеринѣ отъ 24 февраля 1775 года полагала, что это было сдѣлано, вѣроятно, по волѣ императрицы, а не по ошибкѣ палача: „Сказать вамъ правду, вы вѣрно отгадали относительно промаха палача при казни Пугачева; я думаю, что генераль-прокуроръ и оберъ-полицеймейстеръ помощи случится этому промаху, потому что, когда первый изъ нихъ уѣзжалъ изъ Петербурга для производства суда, я сказала ему нутя: „никогда больше не попадайтесь мнѣ на глаза, если вы допустите малѣйшее мѣшаніе, что заставили кого бы то ни было претерпѣть мученія, и я вижу, что онъ принялъ это къ сведенію“¹⁾.

¹⁾ „Сборн. Ист. Общ.“ XXVII, 32. Въ этомъ же изданіи письма Екатерины къ Вольтеру о Пугачевѣ, стр. 2 и 14.

Наконецъ, мы позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе, относящееся къ источниковѣдѣнію этого предмета. Между предшественниками г. Дубровина при разработкѣ исторіи Пугачевщины занимаетъ весьма видное мѣсто проф. В. С. Иконниковъ. Въ его не напечатанномъ изданіи: „Время Екатерины второй. Спеціальный курсъ, составленный по лекціямъ, читаемымъ въ университетѣ св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ“ (Кіевъ, 1882), изложеніе Пугачевского бунта занимаетъ около 250 страницъ. При свойственной этому ученому начитанности и добросовѣстности, сводъ матеріаловъ о Пугачевщинѣ, сдѣланный въ этомъ изданіи, представляетъ собою замѣчательную картину событій, оцѣнку дѣятельности представителей военной власти, указаніе на общія условія бунта, подробное изложеніе быта крестьянъ, инородцевъ и пр. Мы не знаемъ, насколько распространено изданіе г. Иконникова и потому не можемъ упрекнуть г. Дубровина въ необращеніи вниманія на эти лекціи.

Впрочемъ, такого рода пробѣлы въ матеріалѣ, которымъ пользовался г. Дубровинъ, оказываются ничтожными въ сравненіи съ неисчерпаемымъ богатствомъ архивныхъ дѣлъ, неизданныхъ источниковъ, находившихся въ распоряженіи автора. При чтеніи его книги на каждомъ шагѣ замѣтно изобиліе новыхъ данныхъ, доставлявшихъ автору возможность составить гораздо болѣе полную и несравненно болѣе точную картину событій Пугачевщины и указать въ разныхъ мѣстахъ на кое-какія ошибки, сдѣланныя историками, занимавшимися прежде этимъ предметомъ. Неправильно напечатанные допросы Пугачева во многихъ мѣстахъ требовали поправки; пропущены цѣлыя строки; переименованы собственные имена и названія мѣстностей; невѣрны цифры правительственныхъ войскъ; невѣрны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и показанія о числѣ мятежниковъ и пр. (см. I, 146). Дружининъ, содѣйствовавшій бѣгству Пугачева изъ Казани, не былъ раскольникомъ, какъ полагаютъ Щербальскій и другіе (I, 165). Разсказъ о странной смерти майора Харлова въ Нижне-Озерной крѣпости у Пушкина и другихъ авторовъ оказывается не лишеннымъ легендарнаго характера (II, 20); обвиненіе Д. Анучинымъ Рейнсдорпа, будто онъ не во-время сообщилъ о происшествіяхъ на Яикѣ, оказывается совершенно несправедливымъ (II, 21).

Нельзя отрицать, что важная роль, которую играютъ въ разсказѣ г. Дубровина документы, извлеченія изъ слѣдственныхъ дѣлъ, воспроизведеніе разговоровъ между мятежниками и другими лицами на основаніи архивныхъ данныхъ, придаетъ труду автора живой колоритъ. Мѣстами въ этомъ сочиненіи преобладаетъ ли-

тературно-художественный, беллетристическій характеръ. Вообще же рассказъ отличается трезвостью; мелочи военныхъ дѣйствій подъ-часъ становятся для читателя утомительными; обобщеній не встрѣчается почти вовсе; сужденія о лицахъ, характеристика фактовъ попадаютъ въ видъ самаго рѣдкаго исключенія.

Авторъ, какъ намъ кажется, не отдавъ себѣ должнаго отчета въ обще-историческомъ значеніи Пугачевщины; онъ не указываетъ на то мѣсто, которое занимаетъ этотъ бунтъ въ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. Нигдѣ не говорится о связи между этимъ явленіемъ и другими событіями этой эпохи. Нѣтъ ни введенія, ни заключенія. Вступая безъ всякихъ предварительныхъ замѣчаній „in medias res“, начиная свою книгу рассказомъ о казацкихъ смутахъ на Уралѣ въ шестидесятыхъ годахъ (т. I, стр. 1) и оканчивая ее изложеніемъ внѣшняго хода казни Пугачева, авторъ предоставилъ читателю весь трудъ подведенія итоговъ, философско-исторической оцѣнки того предмета, на изложеніе мелочей котораго потрачено авторомъ столько кропотливаго труда. Утопая въ частности, ограничиваясь почти исключительно формою рассказа, авторъ создалъ книгу, важную гораздо болѣе квантитативно, чѣмъ квалитативно. При всей важности точнаго опредѣленія подробностей происшествій, не должно въ подобныхъ случаяхъ упускать изъ виду той связи, которая существуетъ между частными фактами и общимъ ходомъ историческаго движенія. Въ этомъ отношеніи другіе писатели, занимавшіеся этимъ предметомъ, сдѣлали болѣе г. Дубровина.

Авторъ въ заглавіи своего сочиненія называетъ Пугачевщину „эпизодомъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II“. Это названіе не соотвѣтствуетъ дѣлу. Пугачевщина не имѣетъ эпизодическаго характера. Крестьянская война двадцатыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка въ Германіи не можетъ считаться „эпизодомъ изъ исторіи царствованія Карла V“. Варооломеевская ночь не можетъ быть названа „эпизодомъ изъ исторіи царствованія Карла IX“. Такого рода кризисы, охватывающіе значительную часть общественнаго организма, не имѣютъ эпизодическаго характера, а, напротивъ, должны считаться проявленіями болѣзненнаго состоянія соціальнаго и политическаго тѣла. Появленіе на исторической сценѣ какой-нибудь „княжны Таракановой“, пожалуй, было „эпизодомъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины“. Мнимая дочь Елизаветы, кончившая свою жизнь въ Петропавловской крѣпости, можетъ считаться какъ бы легкимъ припадкомъ острой болѣзни, постигшей царствованіе Екатерины. Не то слѣдуетъ сказать о Пугачевѣ, историческая роль

котораго была лишь однимъ изъ многихъ симптомовъ тяжелаго хроническаго недуга, которымъ Россія страдала въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; появленіе Степана Малаго въ Черногоріи, мнимой дочери Елизаветы въ Италіи занимаютъ въ исторіи царствованія Екатерины мѣсто случайныхъ эпизодовъ, побочныхъ историческихъ фактовъ. Случай съ „Таракановою“ интересенъ въ психологическомъ отношеніи; но въ общей драмѣ русской исторіи этотъ фактъ имѣетъ значеніе неважнаго „intermezzo“. Ни какой „таракановщины“ не было, тогда какъ „пугачевщина“ гораздо важнѣе Пугачева. Отношеніе искры—Пугачева—къ горючему матеріалу, накопившемуся въ Россіи въ продолженіе десятилѣтій и столѣтій, отчаянное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, раскольниковъ, инородцевъ и проч., придаетъ всему движенію такое громадное обще-историческое значеніе, что названіе этого факта „эпизодомъ“ оказывается крупнымъ недоразумѣніемъ. Случай съ такъ называемою княжною Таракановою принадлежитъ исключительно исторіи царствованія Екатерины, между тѣмъ какъ „Пугачевщина“ занимаетъ весьма видное мѣсто въ новой исторіи Россіи вообще. Пугачевщина нѣкоторымъ образомъ начинается при Борисѣ Годуновѣ и оканчивается 1861 годомъ. Такой фактъ имѣетъ не эпизодическій характеръ. Бунты при Алексѣѣ Михайловичѣ, Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ представляютъ собою нѣчто цѣлое. Стенька Разинъ, Булавинъ и Пугачевъ похожи другъ на друга.

Чума въ Москвѣ 1771 года, во время которой населеніе древней столицы играло главнымъ образомъ пассивную роль, въ исторіи царствованія Екатерины имѣетъ скорѣе значеніе „эпизода“; не то можно сказать о Пугачевщинѣ, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является населеніе всего юго-восточнаго края Россіи. Общественно-патологическое состояніе народа, породившее ужасную драму 1773—74 г., представляетъ собою самую сущность важнѣйшихъ вопросовъ, занимавшихъ Россію въ продолженіе вѣковъ. Внѣшній ходъ событій пугачевского бунта не можетъ считаться столь важнымъ предметомъ историческаго изслѣдованія, какъ тѣ общія условія, которыя неминуемо повели къ этимъ событіямъ. Токвилль, въ своемъ сочиненіи „L'ancien régime et la révolution“ изложившій, такъ сказать, патологическое состояніе Франціи до 1789 года, оказалъ наукѣ гораздо болѣе важную услугу, чѣмъ тѣ историки, которые изучали частности происшествій французской революціи. Эпизодическій и драматическій разсказъ внѣшняго хода событій не имѣетъ того научнаго значенія, какъ изложеніе, такъ сказать, стихійныхъ условій, при

которыхъ могли и должны были совершиться эти событія. Обращая главное вниманіе на фактическую сторону дѣла, г. Дубровинъ могъ назвать появленіе Пугачева и его сообщниковъ „эпизодомъ“, между тѣмъ какъ предметъ, которымъ занимался авторъ столь успѣшно, имѣеть гораздо большее значеніе.

Впрочемъ, нельзя сказать, что авторъ при изложеніи исторіи пугачевского бунта не обращалъ нивагого вниманія на тѣ общія условія, которыя содѣйствовали этому кризису. Этому предмету посвящены главы XIII—XVII первого тома труда г. Дубровина. Въ нихъ говорится о положеніи того края, въ которомъ явился Пугачевъ самозванцемъ, о характерѣ населенія, о недовольствѣ башкирцевъ и другихъ приверженцевъ ислама и пр.; далѣе сообщается краткая характеристика общества того времени, говорится о воспитаніи дѣтей, о паденіи семейнаго начала, о безнравственности, господствовавшей въ классѣ помѣщиковъ, своеволіи и самоуправствѣ господъ въ обращеніи съ крестьянами, о вѣроятничествѣ, о нравственномъ состояніи духовенства и пр. Эти очерки обнимаютъ около 150 страницъ и составляютъ весьма важную часть сочиненія Дубровина вообще.

Нельзя, однако, не удивляться тому, что авторъ помѣстилъ изложеніе общественнаго состоянія передъ пугачевскимъ бунтомъ не въ началѣ книги, а въ самой серединѣ ея. Это гораздо лучше могло бы служить фундаментомъ зданія, воздвигнутаго авторомъ. Разсказъ о казацкихъ смутахъ и біографія Пугачева вдругъ на 248-ой страницѣ первого тома прерываются безъ всякой видимой причины и продолжаются затѣмъ во второмъ томѣ. Такая архитектура предмета намъ кажется совершенно непонятною, ничѣмъ не мотивированною. Совершенно также возможно, но неумѣстно было бы помѣщеніе этихъ пяти главъ въ другихъ мѣстахъ труда. Изложеніе, такъ сказать, почвы, на которой выросла Пугачевщина, имѣеть смыслъ лишь въ началѣ книги; все это должно было служить введеніемъ въ разсказъ о Пугачевѣ и его сообщникахъ.

Вообще внѣшняя группировка предмета въ сочиненіи г. Дубровина оказывается какъ-то случайною, не систематическою. Раздѣленіе на три тома не обусловливается ничѣмъ инымъ какъ лишь объемомъ сочиненія. Нѣтъ въ сущности никакого раздѣленія на части; 57 главъ, на которыя дѣлится весь трудъ, не имѣютъ надписей; это обстоятельство характеризуетъ отсутствіе настоящей группировки предмета, отсутствіе классификаціи его. Утопая въ частности, онъ не считаетъ нужнымъ характеризовать отдѣльные фазисы предмета, обобщать разсказываемые имъ факты. Нѣво-

торныя главы отличаются нестротою содержанія. Такъ, напр., въ третьей главѣ второго тома говорится сначала о военныхъ дѣйствіяхъ въ томъ краѣ, гдѣ происходилъ бунтъ, затѣмъ о политическомъ положеніи Россіи вообще, о событіяхъ турецкой войны, о придворныхъ партіяхъ въ Петербургѣ. Очевидно, не было придумано авторомъ заранѣе плана изложенія предмета. Нѣкоторые вопросы, изложенные авторомъ, не относятся вовсе къ бунту. Вмѣсто того, чтобы ограничиться указаніемъ лишь на тѣ явленія, которыя имѣютъ связь съ Пугачевщиною или могутъ служить объясненіемъ бунта, авторъ останавливается на фактахъ, или вовсе не имѣющихъ значенія въ данномъ случаѣ, или развѣ уже слишкомъ косвенно относящихся къ Пугачевщинѣ. Такъ, напр., глава XIV въ первомъ томѣ значительною частью посвящена вопросу о воспитаніи дѣтей высшихъ слоевъ общества въ Россіи, во второй половинѣ XVIII вѣка. Авторъ не говоритъ о связи этого предмета съ Пугачевщиною. Допуская, что безнравственность владѣльцевъ крестьянъ сильно содѣйствовала раздраженію массы народа и что недостатки педагогики, въ свою очередь, повліяли на отсутствіе морали въ классѣ помѣщичьемъ, мы не понимаемъ, почему авторъ считалъ необходимымъ говорить столь подробно о школахъ, пансіонахъ, гувернерахъ и пр. Столь же мало объяснено значеніе паденія семейнаго начала въ дворянскомъ сословіи для Пугачевского бунта. Такихъ главъ о состояніи русскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка можно бы было написать множество; однако выборъ предметовъ для такихъ очерковъ нравственно-интеллектуальной статистики у г. Дубровина оказывается случайнымъ. О состояніи башкирцевъ говорится очень подробно, такъ что даже разсказаны событія XIV вѣка (между тѣмъ, какъ ни слова не сказано о довольно важныхъ бунтахъ башкирцевъ при Петрѣ Великомъ); за то расколу не посвящено ни одной строки, и т. под. Обстоятельства возвышенія Потемкина, подробности о Н. И. Панинѣ, Павлѣ Петровичѣ, Сальдернѣ и пр. (см., напр. II, 55) не имѣютъ никакого отношенія къ разбираемому авторомъ предмету.

Такого рода недостатки, разумѣется, не лишаютъ трудъ г. Дубровина весьма важнаго значенія въ литературѣ отечественной исторіи. Нельзя сказать, чтобы результаты изысканій г. Дубровина значительно измѣнили существовавшій въ послѣднее время взглядъ на Пугачева и его сообщниковъ, на характеръ бунта вообще, на образъ дѣйствій представителей власти и пр. Однако, и подтвержденіе прежнихъ результатовъ можетъ считаться заслугою, хотя, пожалуй, размѣры потраченныхъ авторомъ трудъ

и времени, какъ намъ кажется, не соотвѣтствуютъ достигнутой цѣли. Оцѣнка личности Пугачева на основаніи данныхъ, собранныхъ г. Дубровинимъ, совпадаетъ съ характеристикою самозванца въ сочиненіи г. Щербальскаго. То, что сказано г. Дубровинимъ въ защиту генераль-маіора Кара, въ сущности было сказано уже въ лекціяхъ проф. Иконникова и пр. Однако эти выводы у г. Дубровина обставлены гораздо большею массою фактовъ, основаны на гораздо болѣе полномъ изложеніи подробностей. Такимъ образомъ картина всѣхъ происшествій оказывается болѣе рельефною. Никогда еще столь подробно не говорилось объ отправленіи разныхъ депутацій яицкихъ воезовъ въ Петербургъ, о разныхъ злоупотребленіяхъ атамановъ и старшинъ, о вліяніи на эти дѣла антагонизма между Григоріемъ Орловымъ и Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ и т. п. Никогда еще не знали столь подробно объ инструкціяхъ, составляемыхъ въ столицѣ для представителей власти, отправляемыхъ на усмиреніе мятежа. Никогда столь отчетливо, какъ въ книгѣ г. Дубровина, не были изложены частности военныхъ дѣйствій при усмиреніи бунта. Къ первому тому приложена большая, тщательно составленная карта театра дѣйствій, на которой показаны движенія войскъ при первомъ появленіи Пугачева съ 18 сентября 1773 г. по 5 апрѣля 1774 г., дѣйствія сообщниковъ Пугачева и дѣйствія Пугачева при второмъ появленіи съ 5 мая по 14 сентября 1774 года. Какъ видно, военная исторія составляетъ спеціальность автора.

Пугачевъ и его сообщники оказываются типами той среды, которая была жертвою пороковъ администраціи и законодательства, тѣхъ элементовъ народа, которые были отданы на произволъ судьбы, притѣсняемы начальствомъ и помѣщиками, ниспихъ власовъ народа, коснѣвшихъ въ невѣжествѣ, не имѣвшихъ понятія о государствѣ, чуждыхъ идеаламъ, предававшихъ лишь порывамъ чувственности. Въ такихъ краскахъ рисуетъ намъ авторъ самозванца и окружавшую его толпу. Пьянство, буйный разгулъ занимаютъ самое видное мѣсто между характеристическими чертами этихъ противу-государственныхъ и противу-общественныхъ элементовъ, какъ выразался о нихъ при подобныхъ случаяхъ нашъ знаменитый историкъ, покойный С. М. Соловьевъ. Послѣ убіенія генераль-маіора Траубенберга, атамана Тамбовцева и нѣкоторыхъ старшинъ, казаки проводили время въ разгулѣ, пьянствѣ и въ самохвальствѣ, говоря, между прочимъ: „Богъ пособилъ намъ побѣдить противниковъ“ и т. д. (I, 72). Казакъ Вотомоловъ, „будучи безпѣрно пьянъ“, объявилъ себя императоромъ Петромъ III

(I, 106). Послѣ взятія Сакмарскаго городка, Пугачевъ „сытно пообѣдалъ“ (у Дмитрія Донскаго), и пьяный, конечно, велѣлъ повѣсить хозяина дома (II, 43). Каждая побѣда надъ правительственными войсками обыкновенно была празднована въ станѣ самозванца усиленнымъ пьянствомъ (см. напр. II, 104). Постоянно говорится о шумныхъ и пьяныхъ обѣдахъ (II, 110). Подѣлжавшіе къ стѣнамъ Оренбурга казаки обыкновенно находились въ полупьяномъ состояніи (II, 128). Брандтъ доносилъ „о всегдашнемъ пьянствѣ казаковъ“, осаждавшихъ Оренбургъ (II, 132). Г. Дубровинъ пишетъ: „Въ Бердинской слободѣ жили праздно и весело. Это былъ вертепъ разврата, пьянства и буйства всякаго рода. Пугачевъ имѣлъ пять наложницъ, въ числѣ коихъ и была жена покойнаго Харлова, вполнѣдствіи повѣшенная по приказанію самого же Пугачева. Остальныя—жены и дочери офицеровъ, захваченныя по крѣпостямъ, были отданы на поруганіе сообщникамъ самозванца. Почти ежедневныя казни составляли общественное зрѣлище, и трупами несчастныхъ были завалены всѣ овраги, гдѣ мертвыя тѣла валялись полураздѣтыми, нагими и незарытыми въ землю“ (II, 145). О пьянствѣ Перфильева, Зарубина (Чики или „графа Чернышева“) встрѣчаются многія данныя. Но попадаются показанія, что самъ Пугачевъ пилъ умѣреннѣе (II, 142), и иногда, видя, что толпа его сильно пьянствуетъ, приказывалъ рубить бочки и выпустить вино (напр. III, 118).

За то не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо, хотя бы сколько-нибудь выдающихся способностяхъ Пугачева. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ зависѣлъ отъ людей, его окружавшихъ. Товарищи его часто вѣшали людей противъ воли самозванца (II, 10 и 24). Постоянно онъ руководствовался совѣтами своихъ подчиненныхъ, обращаясь къ нимъ съ вопросами: „куда же мы отсюда пойдѣмъ?“ „что теперь дѣлать?“ и т. под. Приверженцы Пугачева, безъ его вѣдома и указаній, сами все шире и шире распространяли свою дѣятельность, принимали на себя званіе полковниковъ и атамановъ и пр. (II, 81). По показанію одного изъ этихъ сообщниковъ, Ивана Творогова, „злойѣй учредилъ военную коллегію для того, что ему наскучило давать самому указы,... разбирать жалобн“ и пр. Распоряженія этой „военной коллегіи“ приводились въ исполненіе по большей части безъ доклада и утвержденія Пугачева (II, 138 и 139). „Пугачевъ чучело,—говорилъ Бибиковъ,—которою воры, яцкіе казаки, играютъ“. Г. Дубровинъ пишетъ (II, 276): „Окруженный разнохарактерною толпою и будучи самъ далеко не самостоятельнаго характера, Пугачевъ легко поддавался постороннему вліянію и былъ игрушкой въ рукахъ

лицъ, преслѣдовавшихъ свои личныя и узко-корпоративныя цѣли. По совѣту такихъ лицъ, онъ задумалъ жениться на казачкѣ и пр. Понятно, что выдача Пугачева его же товарищами правительству не встрѣтила никакого препятствія.

Уже въ сочиненіи г. Щебальскаго было указано на отсутствіе плана въ дѣйствіяхъ Пугачева. Онъ самъ говорилъ, что „не думалъ къ правленію быть и владѣть всѣмъ російскимъ государствомъ, а шелъ на то, если удастся, чѣмъ поживиться или убиту быть на войнѣ“. „День мой—вѣкъ мой“, таковъ былъ девизъ Пугачева. У г. Дубровина воспроизведено множество рѣчей Пугачева къ народу; въ нихъ обнаруживается узкость кругозора самозванца, ничтожность его предначертаній, полнѣйшее отсутствіе политическихъ мыслей. То обстоятельство, что человѣкъ, совершенно лишенный способностей и образованія, могъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разыгрывать роль государя, заключаетъ въ себѣ самое главное доказательство грубости нравовъ и невѣжества толпы, его окружавшей. Легковѣріе массы народа доходило до крайнихъ предѣловъ. „Каждый царь, — говорил самозванецъ, — имѣетъ на себѣ тѣлесные знаки“, и казаки вѣрили ему. „Примѣчайте, друзья мои, — сказалъ однажды Пугачевъ, отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ, — какъ царей узнають“. Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи. „Это царскій гербъ“, объяснялъ обманщикъ, и на вопросъ казаковъ: „Всѣ ли цари съ такимъ знакомъ рождаются, или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается?“ отвѣчалъ: „Не ваше это дѣло, мои друзья, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ“. „Теперь вѣримъ, — говорили оробѣвшіе казаки, — и признаемъ въ васъ великаго государя Петра Ѳеодоровича“. Къ тому же на казаковъ подѣйствовали постоянно повторяемыя фразы о томъ, что Пугачевъ жалуетъ ихъ „деньгами, хлѣбомъ, рѣкою Яикомъ и всѣми притоками, рыбными ловлями, землею и угодами, сѣнными покосами, солью, бороною“ и пр. или при другомъ случаѣ — „морями, травами, свинцомъ, порохомъ и всею вольностью“.

Только неграмотность толпы, окружавшей самозванца, давала ему возможность скрывать свое незнаніе грамоты. Очень часто онъ показывалъ видъ, будто читаетъ, вертѣлъ бумаги предъ глазами, но никогда не хотѣлъ подписывать свое имя. „Нельзя мнѣ теперь подписывать“, говорилъ онъ при подобныхъ случаяхъ, „до тѣхъ поръ, пока не приму царства; ну, ежели я окажу свою руку, такъ вѣдь иногда и другой кто-нибудь, узнавъ, какъ я пишу, назовется царемъ, а легкомысленный народъ и повѣритъ, и будетъ какое ни есть злодѣйство“. Только по истеченіи нѣ-

сколькихъ мѣсяцевъ, послѣ перваго появленія самозванца въ толпѣ, окружавшей его, начали догадываться, что онъ грамотѣ не знаетъ (см. разговоръ между Твороговымъ, Чумаковымъ и Дубровскимъ, III, 216—217).

Басни о спасеніи въ 1762 году, о путешествіяхъ съ 1762 по 1773 годъ, рассказываемыя Пугачевымъ, отличались нелѣпостью, которой, однако, не замѣчали люди, окружавшіе его. „Я двѣнадцать лѣтъ шатался по свѣту и терпѣлъ много нужды“, объяснялъ онъ народу, „былъ холоденъ и голоденъ, и мало ли гдѣ я былъ: въ Царьградѣ, въ Іерусалимѣ, въ Некрасовщинѣ, въ Польшѣ и на Дону“ (I, 704). „Доселѣ отцы ваши“, говорилъ онъ Яицкимъ казакамъ, „въ Москву и Петербургъ къ монархамъ ѣзжали, а нынѣ монархъ къ вамъ самъ пріѣхалъ... По ненависти бояръ я лишенъ былъ царства, долго странствовалъ, а теперь хочу по прежнему вступить на престолъ“ (I, 705). При другомъ случаѣ: „Дѣдъ мой, покойный императоръ Петръ I въ чужихъ земляхъ странствовалъ семь лѣтъ, а меня Богъ привелъ пространствовать двѣнадцать“ (I, 211). „На меня вознегодовали государыня и бояре, оттого и я ушелъ“. „Если мало людей ко мнѣ пристанетъ, такъ я опять скроюсь; мнѣ не подлежало еще теперь явиться, да не могъ я вытерпѣть притѣсненія народнаго. Во всей Россіи чернь бѣдная терпитъ великія обиды и разоренія, для нея-то и хочу я теперь показаться, и она вся ко мнѣ пристанетъ. Самъ я царствовать уже не желаю, а возстановлю на царство государя цесаревича и во всѣхъ мѣстахъ поставлю новыхъ судей“, и пр. (I, 775). О Екатеринѣ Пугачевъ говорилъ: „Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то зашлю ее въ монастырь и пускай за грѣхи свои Богу молится. А у бояръ села и деревни отберу и буду жаловать ихъ деньгами; а которыми я лишенъ престола, тѣхъ безо всякой пощады перевѣшаю. Сынъ мой—человѣкъ молодой, такъ онъ меня и не узнаетъ“ и пр. (II, 16).

Когда Пугачевъ преступника Хлопушу, неоднократно наказаннаго кнутомъ и лишеннаго ноздрей, сдѣлалъ полковникомъ, Хлопуша сказалъ: „Я грамотѣ не знаю, а потому и управлять людьми неспособенъ“. „У насъ и дубина служить вмѣсто грамоты, — отвѣчалъ Пугачевъ, — вотъ если что угадаешь, то и за алтынъ удавлю“. Употреблять такія выраженія и въ то же время называть себя Петромъ III возможно было только въ средѣ, лишенной всякихъ понятій о государствѣ и обществѣ. Всыма наивными оказываются и замѣчанія Пугачева объ Оренбургѣ, когда оказалось невозможнымъ взять этотъ городъ; онъ увѣрялъ

своихъ сообщниковъ, что „сколько-де онъ городовъ ни прошелъ, сказывая, яко бы онъ бывалъ въ Іерусалимѣ, въ Царыградѣ и въ нѣмецкихъ городахъ, но столь крѣпкаго города, каковъ есть Оренбургъ, не видалъ“ (III, 177).

Пугачевъ полагалъ, что въ глазахъ толпы его значеніе, какъ государя, будетъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла и имѣть сношенія съ подданными. Онъ принималъ донесенія о происшествіяхъ съ важностью государя, о чемъ, конечно, не имѣлъ никакого понятія, а поступалъ такъ, какъ казалось ему должны поступать государи. Однажды, во время бомбардированія Оренбурга, находясь со своими сообщниками въ церкви св. Георгія Побѣдоносца, бывшей вблизи города въ форштадтѣ, самозванецъ сѣлъ на престолъ, желая убѣдить присутствующихъ, что онъ истинный государь. „Вотъ, дѣтушки, — говорилъ онъ, — двѣнадцать лѣтъ уже, какъ я не сиживалъ на престолѣ“. Хотя этотъ поступокъ и послужилъ для нѣкоторыхъ доказательствомъ, что Пугачевъ истинный государь, но были и такіе, которые говорили, что „еслибъ и подлинно онъ былъ царь, то не пригоже сидѣть ему въ церкви на престолѣ“. Такія лица должны были сохранять свое мнѣніе въ тайнѣ, потому что Пугачевъ не церемонился со своими сообщниками и вѣшалъ всѣхъ, въ коихъ видѣлъ сомнѣніе въ своей личности (II, 140). Во время пребыванія въ Бердѣ обыкновенно онъ принималъ сидя въ креслахъ, взятыхъ въ загородномъ домѣ оренбургскаго губернатора, и имѣя по бокамъ двухъ казаковъ, одного съ булавою, а другого съ топоромъ. Ходилъ онъ не иначе, какъ поддерживаемый подъ обѣ руки жившими у него дѣвками или татарками, прїѣзжавшими изъ Каргалинской слободы и бывшими его наложницами.

Въ парадныхъ случаяхъ къ столу приглашались члены „военной коллегіи“ и нѣкоторые изъ казаковъ. Первый тостъ Пугачевъ всегда провозглашалъ за свое здоровье, а затѣмъ обращался къ висѣвшему на стѣнѣ портрету и пилъ за здоровье цесаревича, причемъ высказывалъ всегда опасеніе за будущую судьбу Павла. Самозванецъ старался убѣдить толпу, что князь Григорій Орловъ ищетъ случая похитить цесаревича, хочетъ жениться на государынѣ и вступить на престолъ. Общій истребить всѣхъ Орловыхъ, Пугачевъ иногда, подъ пьяную руку, высказывалъ планы будущихъ своихъ дѣйствій. Планы и предположенія эти были весьма шатки, неопредѣленны и противорѣчивы: то онъ говорилъ, что царствовать не желаетъ и хлопочетъ только въ пользу Павла Петровича, то высказывалъ, что самъ вступить на престолъ и облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ. Такъ, напр., онъ обѣ-

щали уничтожить Петербургъ и сдѣлать Яицкій городокъ своею столицею; далѣе онъ говорилъ, что велить „держать всѣмъ старую вѣру“, запретить брить бороды и носить нѣмецкое платье, „и будутъ все ходитъ въ казачьемъ платьѣ“. Достойны вниманія рассказы Пугачева о событіяхъ 1762 года, о своемъ мнимомъ царствованіи. „Я, — говорилъ Пугачевъ, — съ церковей велѣлъ кресты снять тѣ, которые сдѣланы крыжемъ, какъ на виркахъ бываетъ, а вмѣсто ихъ поставить настоящіе кресты, какъ божественное писаніе повелѣваетъ, а бояры взвели на меня, будто я церкви обращалъ въ кирки, чего у меня и въ мысляхъ не бывало. Главная причина, вотъ чѣмъ я имъ былъ нелюбъ: многіе молодые люди изъ бояръ и середовичи (среднихъ лѣтъ) бывало еще при тетешѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а потомъ и при мнѣ, годные бы еще служить, взявъ чинъ, пойдутъ въ отставку, живутъ себѣ въ деревнѣ и разоряютъ бѣдныхъ крестьянъ. Я сталъ таковыхъ принуждать къ службѣ ¹⁾ и хотѣлъ отнять у нихъ деревни, чтобъ они служили на одномъ жалованьи, а судей, которые дѣла судятъ несправедливо и притѣсняютъ народъ, наказывалъ и смерти хотѣлъ предать. Вотъ за это и стали они копать подо мною яму и когда я поѣхалъ по Невѣ-рѣкѣ гулять въ шляпкѣ, то они тутъ меня и заарестовали, показали на меня небылицу и заставили меня странствовать по свѣту“ и пр. (II, 143—145). Довольно забавенъ слѣдующій рассказъ Пугачева о своихъ мнимыхъ походахъ: „я украденъ генераломъ Масловымъ, — говорилъ онъ, — и въ три дня въ Кіевѣ сталъ. Въ столь короткое время я загналъ 18 лошадей и заплатилъ за каждую по 10 или по 100 имперіаловъ — точно не упомяну, только великую сумму“. „Смотри-ка пожалуй“, шептались вполголоса находившіеся въ палаткѣ казаки, „по тысячѣ рублей давалъ за лошадей!“ (III, 233).

Нѣкоторые изъ казаковъ, окружавшихъ самозванца, хорошо знали о его происхожденіи. Другіе считали его государемъ, хотя въ его приемахъ и жизни на каждомъ шагѣ проглядывалъ обыкновенный казакъ. Послѣ занятія Пензы Пугачевъ устроилъ обѣдъ и, пригласивъ съ собою челоуѣкъ 20 ближайшихъ своихъ сообщниковъ, сѣлъ за столъ. „Пища его“, рассказывалъ позже очевидецъ, „состояла болѣе всего въ томъ, что велѣлъ принести толченого чесноку глубокую тарелку и наливъ въ оный уксусу и носоля ѣлъ, а онаго и другую такую же тарелку чесноку сожралъ же“ (III, 165). Въ Бердѣ, подъ Оренбургомъ, отъ не-

¹⁾ Извѣстно, что при Петрѣ III происходило совершенно противоположное тому, что говоритъ Пугачевъ. Петръ былъ сторонникомъ протестантизма, расширялъ права дворянъ, освобождалъ ихъ отъ обязанности находиться на службѣ и т. д.

чего дѣлать устраивались скачки, стрѣльба въ цѣль, или смотрѣли на пляску двухъ медвѣдей, приведенныхъ въ подарокъ самозванцу заводскими мужиками. Будучи хорошимъ стрѣлкомъ, Пугачевъ часто забавлялся стрѣльбой, пробивалъ вольчугу, набитую сѣномъ, или на всемъ скаку попадалъ въ шапку, поднятую на копьяхъ. Присутствуя на скачкахъ, самозванецъ высматривалъ лучшихъ скакуновъ, отбиралъ ихъ у своихъ сообщиниковъ и отправлялъ на свою конюшню, чтобъ имѣть въ запасъ на случай бѣгства. Мысль о возможности бѣгства не покидала самозванца, и онъ никогда не выѣзжалъ иначе, какъ имѣя за собою пять или шесть хорошихъ заводныхъ лошадей (II, 164).

Изъ всего этого видно, что Пугачевъ не былъ въ состояніи начертить какую-либо программу дѣйствій. Всѣ его рассказы о прошедшемъ и будущемъ смахиваютъ на бредни, пожалуй, нѣсколько лукаваго, но въ сущности совсѣмъ бездарнаго и глупаго мужика. Пустая болтовня его не прекращалась и въ то время, когда онъ долженъ былъ думать о спасеніи бѣгствомъ. Наканунѣ арестованія онъ говорилъ окружающимъ его казакамъ: „Пришедши на Яикъ, мы пойдемъ на Трухменскій кряжъ; тамъ у меня есть знакомые владѣльцы или старшины трухменскіе. Черезъ ихъ землю, хотя трудно, но пройдемъ въ Персію, тамъ у меня есть ханы знакомые и хотя они разорены, однакоже, мнѣ помогутъ“ (III, 258). Разумѣется, всѣ эти нелѣпыя выдумки со временемъ должны были потерять силу и значеніе. Въ началѣ своей карьеры онъ рассказывалъ казакамъ, что располагаетъ громадными денежными средствами: „у меня,—говорилъ онъ,—оставлено на границѣ товару на 200,000 рублей, которыми я яичное войско и коштовать буду. А какъ за границу мы перейдемъ, то встрѣтитъ насъ турецкій папа и дастъ еще до пяти милліоновъ рублей“ и пр. (I, 151).

Какъ видно, въ жалкомъ преступникѣ не было ни малѣйшихъ задатковъ для роли народнаго трибуна. Подробности о личности Пугачева, сдѣлавшіяся извѣстными черезъ трудъ г. Дубровина, окончательно лишаютъ историковъ и литераторовъ возможности идеализированія самозванца. И во время слѣдствія до самой казни Пугачевъ не думалъ о какомъ-либо нравственномъ достоинствѣ. Отсутствіе въ немъ воли и идей и при допросахъ производить чрезвычайно неблагоприятное впечатлѣніе.

Екатерина писала къ г-жѣ Бельке 9 апрѣля 1774 года о Пугачевѣ: „Предводитель, котораго талантъ такъ превозносили въ газетахъ и который, однакожъ, не болѣе какъ глупецъ и пьяница... убѣжалъ за рѣку Яикъ“ ¹⁾. Въ письмахъ къ барону

¹⁾ Сборн. Ист. Общ. XIII, 399.

Гриму императрица въ наслѣшку называла обманщика „le mag-quis Pougatcheff“ ¹⁾. Вотъ характеристика Пугачева въ письмѣ Екатерины къ Вольтеру: „Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, но это человѣкъ чрезвычайно смѣлый и рѣшительный. До сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго признака, чтобы онъ былъ орудіемъ какой-либо иностранной державы или сторонняго замысла, ни чтобы онъ слѣдовалъ чѣмъ-либо внушеніямъ, и надо полагать, что г. Пугачевъ разбойникъ-хозяинъ, а не слуга. Я думаю, что послѣ Тамерлана не было нивого, кто превзошелъ бы этого истребителя человѣческаго рода. Во-первыхъ, онъ вѣшалъ безъ пощады и безъ всякаго суда всѣхъ дворянъ безъ разбору: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣхъ офицеровъ и всѣхъ солдатъ, которые попадали въ его руки. Ни одно мѣсто, гдѣ проходилъ онъ самъ или его шайка, не избѣгало грабежа и опустошенія; даже тѣ, которые, чтобы спастись отъ его насилія, старались расположить его хорошимъ приѣмомъ, не избавлялись тѣмъ отъ грабежа и убійства; онъ самъ сознается, что его замыслы составлялись изъ дня въ день и смотря по его минутной прихоти. Но что ясно показываетъ, до чего человѣкъ можетъ обольщаться, это—надежда, которую онъ осмѣливается питать, что я могу его помиловать, такъ какъ, по его словамъ, онъ храбръ и можетъ своими будущими услугами загладить свои прежнія злодѣяства. Еслибы онъ оскорбилъ только меня, то его разсужденіе было бы справедливо и я бы его простила, но это дѣло не мое личное, а касается всей имперіи, которая имѣетъ свои законы“ ²⁾.

Графъ П. Панинъ, на дорогѣ въ Москву, въ Симбирскѣ велѣлъ привести въ свою комнату арестанта. „Здоровъ ли, Емелька?“ спросилъ графъ. „Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство“, отвѣчалъ Пугачевъ, стоя на колѣняхъ. — „Надѣйся на милосердіе государыни“, и пр. И дѣйствительно, Пугачевъ надѣялся на помилованіе. Когда князь Волконскій въ Москвѣ укорялъ его въ звѣрствѣ и въ безчеловѣчномъ преданіи многихъ смерти, онъ отвѣчалъ: „Мой грѣхъ; подбили меня люди, да ужъ теперь я виноватъ. Я и самъ былъ этому не радъ, да ящкіе казаки дѣлали, что хотѣли. Радъ заслужить вины свои ея императорскому величеству“ (III, 310, 329).

Понятно, что надежда Пугачева оказалась тщетною. Въ письмѣ Екатерины къ Вольтеру отъ 29 декабря 1774 года сказано: „Маркизь Пугачевъ жилъ какъ извергъ и умереть трусомъ. Онъ

¹⁾ Сборн. Ист. Общ. XXIII, 2, 6, 8.

²⁾ Сборн. Ист. Общ. XXVII, 3.

оказался до того робкимъ въ своей тюрьмѣ, что вынуждены были осторожно приготовить его къ приговору, изъ опасенія, чтобы онъ не умеръ вдругъ отъ испуга“¹⁾.

О впечатлѣніи, производимомъ Пугачевымъ при казни, рассказываетъ очевидецъ, Болотовъ: „Видъ и образъ его показался мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующимъ такимъ дѣяніямъ, какія производилъ сей извергъ. Онъ походилъ не столько на звѣрообразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, какъ на какого-либо жаркитантинку или харчевника плюгаваго. Борода небольшая, волосы всклооченные и весь видъ ничего незначащій“.

По самому характеру сочиненія г. Дубровина, оно главнымъ образомъ представляетъ собою біографію самозванца, хотя во всѣхъ томахъ нигдѣ не встрѣчается общей характеристики Пугачева, такъ что авторъ и тутъ предоставляетъ читателямъ самимъ составить себѣ понятіе объ его личности. Пугачевъ не имѣлъ и слѣдовъ истиннаго героя. Это обстоятельство весьма рельефно характеризуетъ ту среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ самозванецъ. Ничтожность личности Пугачева, отсутствіе въ немъ умственныхъ способностей и нравственныхъ идеаловъ даетъ возможность понять, кто была та толпа, которая въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ могла считать его государемъ. Казаки, башкирцы, бѣгле крестяне и пр., бунтовавшіе подъ знаменемъ мнимаго Петра III, не имѣли положительной программы, не могли составить себѣ точнаго понятія о будущемъ, не нуждались въ геніальномъ диктаторѣ, мудромъ законодателѣ и администраторѣ. Сила этихъ нисшихъ элементовъ въ народѣ заключалась въ отрицаніи государства, общественной организаціи, политическаго прогресса. Толпа, окружавшая Пугачева, мечтала развѣ только о превращеніи всей Россіи въ казакскій кругъ. Полудикое состояніе казакскаго житья-бытья соотвѣтствовало вкусу и потребностямъ населенія Россіи, находившагося подъ гнетомъ алчныхъ чиновниковъ и крѣпостнаго права.

Вопросъ объ общественно-патологическомъ состояніи Россіи во время Пугачевщины лишь затрогивается въ сочиненіи г. Дубровина. Тутъ, разумѣется, на каждомъ шагѣ встрѣчаются данныя для изслѣдованія вопросовъ о состояніи различныхъ группъ общества во время кризиса, однако, эти данныя остаются случайно разбросанными въ различныхъ частяхъ обширнаго труда. Нѣтъ научной группировки фактовъ, которою было бы рельефнѣе объяснить развитіе и ходъ Пугачевщины. Броженіе въ крестьянскомъ

¹⁾ Сборн. Ист. Общ. XXVII, 14.

словіи разсказано въ видѣ множества эпизодовъ, отдѣльныхъ случаевъ. Форма разсказа оказывается въ подобныхъ случаяхъ совершенно неудовлетворительнымъ приѣмомъ изложенія; поэтому все то, что относится къ движенію въ массахъ, выходитъ въ сочиненіи г. Дубровина какъ-то безцвѣтно, не особенно рельефно. Изображеніе внѣшняго хода событій, образа дѣйствій отдѣльныхъ лицъ удалось автору гораздо лучше, нежели указаніе на то, какъ во время возмущенія держали себя крестьяне или офицеры, или инородцы и пр.

Спеціалисты, разумѣется, въ трудѣ г. Дубровина найдутъ богатый матеріалъ для изслѣдованія вопросовъ, какимъ образомъ былъ вообще возможенъ бунтъ, почему прекращеніе его представляло столько затрудненій, насколько предводителями войскъ были сдѣланы ошибки, и пр. Однако, эти вопросы не изслѣдованы авторомъ; они разрѣшаются разбросанными въ разныхъ частяхъ книги данными, сопоставленіе которыхъ въ научномъ отношеніи было бы полезнѣе беллетристическаго разсказа, придерживающагося хронологическаго порядка. Будущіе изслѣдователи Пугачевского бунта не преминутъ воспользоваться трудомъ г. Дубровина какъ сборникомъ фактовъ, разъясняющихъ общій характеръ всего событія и отдѣльныхъ явленій его. Ученость, начитанность автора изумительны. Хотя онъ и не сумѣлъ разработать предметъ, такъ сказать, монографически, въ его сочиненіи разрѣшаются многіе вопросы, остававшіеся спорными. Многое сказано г. Дубровинымъ въ оправданіе генералъ-маіора Кара, губернатора Казани Бранта, оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа; печальный эпизодъ съ архіепископомъ Веніаминомъ разъясненъ совершенно; изложеніе роли Батырши въ башкирской смутѣ должно считаться весьма важнымъ прибавленіемъ къ запасу свѣденій объ этихъ безпорядкахъ вообще. О томъ, какъ держала себя имп. Екатерина, говорится сравнительно мало, однако и въ этомъ отношеніи автору удалось открыть новыя, неизданные матеріалы. Изъ всего этого видно, что трудъ г. Дубровина среди вышедшихъ въ послѣднее время книгъ по предмету отечественной исторіи занимаетъ весьма видное мѣсто.

А. БРИКНЕРЪ.

ВЪ ЗЕМЛЮ ОБЪТОВАННУЮ

„Покинь скорѣй родимые предѣлы,
И весь твой родъ, и домъ отцовъ твоихъ,
И какъ стрѣльцу его покорны стрѣлы —
Покорень будь глаголамъ устъ Моихъ.
Иди впередъ, о прежнемъ не тоскуя,
Иди впередъ, все прошлое забывъ,
И все иди, — доколь не уважу я,
Куда ведетъ любви Моей призывъ“.

Онъ съ ложа всталъ и въ трепетномъ смущеньи
Не могъ рѣшить, то истина, иль сонъ...
Вдругъ надъ головой промчалось дуновение
Нездѣшнее, — и снова слышать онъ:
„Отъ родныхъ многоводныхъ Халдейскихъ равнинъ,
Отъ нагорныхъ луговъ Арамейской земли,
Отъ Харрана, гдѣ дѣжилъ до позднихъ сѣдинъ,
И отъ Ура, гдѣ юные годы текли,
 Не на годъ лишь одинъ,
 Не на много годинъ,
А на вѣчные вѣки уйди“.

И онъ собралъ кибитку кочевую,
И по пути воскреснувшихъ лучей
Пустился въ даль туманно-голубую
На мощный зовъ таинственныхъ рѣчей.

„Вѣтъ прямо въ лицо теплый вѣтеръ морской:
Противъ вѣтра иди ты впередъ,

А когда небосклонъ далеко предъ тобой
Водъ великихъ всю ширь развернетъ, —
Ты на-лѣво тогда свороти
И впередъ поспѣшай
По прямому пути;
На пути отдыхай
И къ полудню на солнце гляди,
Въ сторонѣ-жъ будетъ градъ, или весь,
Мимо ты проходи,
И иди, все иди,
Пока самъ не скажу тебѣ: здѣсь,
Я на вѣки съ тобой.
Мой завѣтъ сохрани:
Чистымъ сердцемъ и крѣпкой душой
Будь Мнѣ вѣренъ въ ненастье и въ ясные дни,
Ты ходи предо Мной
И назадъ не гляди,
А что ждетъ впереди, —
То откроется вѣрой одной.
Се, Я клялся Собою,
Объщалъ Я, любя,
Что воздвигну всемірный Мой домъ изъ тебя,
Что прославятъ тебя всѣ земные края,
Что изъ рода потомковъ твоихъ
Выйдетъ миръ и спасенье народовъ земныхъ.

Владиміръ Соловьевъ.

ЕВРОПЕЙСКІЙ ВОСТОКЪ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

I.—НА РУБЕЖЪ.

Одесса—несомнѣнно хорошенькій городъ, Одесса—большой городъ, Одесса—городъ вполне европейскій. Но я, однако, никогда не былъ охотникомъ до Одессы. Я еще помню Одессу сухопутнымъ моремъ своего рода, моремъ пыли, стоящимъ на берегу водяного моря. Нѣсколько мѣсяцевъ — вихорь пыли, а остальные — пучина грязи... Вдобавокъ никакой воды, кромѣ соленой. Юноша Пушкинъ, въ своихъ невольныхъ странствованіяхъ по русскому югу, хорошо позналъ эти соблазны нашего доморощеннаго „европейскаго“ города, и помянулъ его своею веселою молодую сатирую, тщетно силившуюся хмуриться въ безнадежный байроновскій септицизмъ:

„Всѣ дома на аршинъ загрязнуть,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожжахъ вошь, рога склона,
Смѣняетъ хилаго коня“.

Конечно, у баловника-поэта въ то время было довольно поводовъ изливать свою желчь не только на мостовыя, но и на людей, и на судьбу...

Теперь Одесса ужъ не та, ужъ не Пушкинская Одесса, хотя она и приобрѣла не весьма давно Пушкинскую улицу. Теперь Одесса обута, одѣта, напоена и накормлена. Обута въ превосходную гранитную мостовую, которой долженъ завидовать и самъ

щегоольски прибранный августѣйшій Петербургъ, и законно прославившаяся своею древле-россійскою и воеславянскою неряшливостію „порфиноносная вдовушка“ — Москва. Одѣта Одесса такъ, какъ не одѣтъ ни одинъ изъ нашихъ городовъ, да врядъ ли и многіе изъ европейскихъ.

Ея широкія ровныя улицы, перекрещивающія другъ друга съ геометрическою правильностію, съ космополитическою безхарактерностію какаго-нибудь, великаго въ будущемъ, зарождающагося города Америки, далекія, какъ небо отъ земли, отъ вьющихся узенькихъ переулковъ нашей вонючей матушки Москвы, отъ всѣхъ этихъ Сивцевыхъ Вражковъ, Плющихъ и Вшивыхъ Горокъ, — обсажены всѣ сплошь тѣсными рядами тѣнистыхъ курчавыхъ акацій. Черезъ это весною городъ красуется и благоухаетъ, какъ корзина цвѣтовъ, а въ лѣтнее время злополучный горожанинъ можетъ пробѣгать безъ зонтика цѣлые десятки верстъ...

Эти пріютныя зеленныя аллеи, уходящія безконечными перспективами впередъ, назадъ, во всѣ стороны, — истинная прелесть, и наши русскіе губернскіе города, подрядъ застроенные двухъ-этажными кирпичными сундуками безъ стіля и вкуса, могли бы хоть сколько-нибудь смягчить и оживить свой безотрадный видъ, подражая своему приморскому собрату...

Водопроводъ теперь обильно напоилъ столько лѣтъ жаждавшую Одессу, и ужъ, конечно, желѣзная дорога и общество пароходства кормятъ ее теперь посмѣтѣе, чѣмъ даже кормилъ когда-то приснопамятный *porto-franco*, обогатившій столькожъ иностранцевъ. За то-жъ и разрослась, и распозалась въширь эта счастливая наслѣдница элинской и генуэзской торговли. Дачами, садами, подгородными деревнями своими она на далеко охватила берега моря, которые еще очень недавно смотрѣли пустынными глиняными обрывами...

Впрочемъ, Одессѣ такъ къ лицу быть именно *porto-franco* и ничѣмъ болѣе.

Какъ русскій, я радъ, конечно, что Одесса — русская, готовъ величать ее русскимъ городомъ.

Но въ сущности это, ей Богу, и до сихъ поръ *porto-franco*, если не въ торговомъ, то въ другомъ смыслѣ. Тутъ русскаго столько же, сколько греческаго, еврейскаго, итальянскаго или англійскаго. Всѣ и все имѣютъ тутъ полное право гражданства, и интересы Вѣны, Марсаля, Александріи, Константинополя врядъ ли тутъ менѣе живы, чѣмъ интересы Нижняго Новгорода и Тулы; точно также, какъ обычаи итальянца и англичанина господствуютъ здѣсь нисколько не менѣе московскихъ обычаевъ.

Посмотрите мимоходомъ на толпу. Вы не признаете въ ней подлинныхъ русскихъ людей, характернаго русскаго типа. Все черные, какъ смоль, волоса, черные страстные глаза, длинные горбатые носы жаркаго южнаго племени. Эта смуглота, блескъ, огонь—не наше русское, намъ почти чуждое... Тутъ сказывается кровь востока, солнце юга... Даже фамиліи русскихъ людей тутъ звучать не по-русски, даже русская рѣчь тутъ какая-то чудная, будто иностранцемъ исковерканная рѣчь. Не русскіе, а какіе-то русскосы живутъ здѣсь подъ именемъ русскихъ.

— Вы пріѣхали изъ Россіи, вы ѣдете въ Россію?—наивно спрашиваютъ они васъ.

Ибо они, дѣйствительно, чувствуютъ себя не во „въ самомъ-дѣльной Россіи“, а въ какомъ-то нейтральномъ, международномъ особнякѣ, гдѣ Россія—только одно изъ множества разнородныхъ вліяній, да и то, пожалуй, не изъ самыхъ сильныхъ...

Эта между-народная фізіономія вполнѣ подходитъ къ городу, который выросъ на развалинахъ древнихъ эллинскихъ колоній, изъ татарской деревни Хаджи-Бей, принадлежавшей турецкой имперіи, былъ заложенъ итальянцемъ Дерибасомъ, устроенъ французами Ришелье и Ланжерономъ, состоитъ подъ російской властью и населенъ евреями, греками, армянами, молдаванами, итальянцами, нѣмцами и всѣми языками вавилонскаго столпотворенія. Историческій формуляръ довольно-таки пестрый! Но онъ вполнѣ объясняетъ сладкія воспоминанія одесситовъ о томъ незабвенномъ времени ея процвѣтанія и славы, когда она была настѣжъ раскрытыми воротами всемірнаго рынка, когда въ ея лицахъ, институтахъ, коллегіумахъ, русское юношество было наставляемо въ правилахъ вѣры и поучаемо уроками исторіи преподобными отцами-іезуитами аббата Николы и его сотрудниковъ.

Бывало, я съ любопытствомъ вчитывался и всматривался въ типы левантинцевъ, столь характерные въ жизни западныхъ народовъ... Но до послѣдняго времени мнѣ какъ-то въ голову не приходило, что мы, русскіе, давно имѣемъ своихъ левантинцевъ въ жителяхъ всякихъ Одессѣ, Таганроговѣ, Керчей и пр.

Городъ-пристань, городъ-биржа не имѣетъ настоящихъ туземцевъ, прочныхъ гражданъ, къ нему привязанныхъ, имъ дорожащихъ. Все это болѣе или менѣе бродячее населеніе, плавающее и ныряющее во всѣхъ моряхъ, во всякомъ уголку берега, чтобы отыскать, гдѣ поглубже, гдѣ получше. Пріѣхаль, позилъ, сдѣлалъ дѣло, и опять навѣсилъ паруса, повернулъ носъ по вѣтру, опять куда-нибудь пытать и искать. Сегодня въ Одессѣ,

завтра въ Батумѣ, въ Смирнѣ, въ Бейрутѣ, въ Александріи. Сегодня русскій, завтра турокъ или египтянинъ. Оттого-то все левантинцы, и настоящіе, и наши доморощенные, говорятъ по-всѣчески, и по-французски, и по-итальянски, и по-русски, и по-гречески, и по-турецки, и на одномъ хуже другого. Этотъ вѣчно мѣняющійся, какъ морская волна, наѣзжій народъ не оставляетъ за собою никакихъ преданій, никакихъ корней.

Онъ носитъ на себѣ печать какого-то странствующаго космополитизма, безъ труда приспосабливается къ ежедневно-мѣняющимся условіямъ быта. Въ Азіи носитъ тюрбанъ и лежитъ на диванахъ, въ Россіи пьетъ чай изъ самовара и катается на тройкахъ. Но и въ немъ самомъ, однако, могучая всеуравнивающая и обобщающая сила...

Всѣ „общія мѣста“ европейской цивилизаціи нечувствительно врываються вмѣстѣ съ ними въ жизнь, совсѣмъ чуждую Европѣ и европейскому, и незамѣтно заражаютъ ее новыми вкусами, новыми требованіями, стирая мало-по-малу историческія особенности страны, подводя все и всѣхъ къ одному безцвѣтному общему знаменателю. Торговля, нажива—вотъ всемірное отечество левантинца. И если одинъ изъ нашихъ недавно рухнувшихъ тузовъ этого торговаго міра нисколько не стѣснялся продавать турецкой арміи русскіе тулупы въ самый разгаръ русско-турецкой войны, то онъ этимъ только ярче и рѣзче, чѣмъ кто-нибудь, исповѣдывалъ истинный символъ вѣры неподдѣльнаго левантинца 96-й пробы.

Война, національности, интересы государства, не все ли ему равно, если такая крупная партія товара можетъ быть сбыта съ такимъ крупнымъ барышомъ?.. Торговые идеалы, какъ деньги, запаха не имѣютъ. Въ атмосферѣ биржи и банка какъ-то не цвѣтутъ цвѣты науки и искусства.

Торговый людъ, бульварная толпа даютъ тонъ всей жизни. Ничего дѣйствительно интеллигентнаго, дѣйствительно художественнаго, ничего сердечнаго и теплаго не ищите въ этомъ мірѣ. Оттого-то университетъ какъ-то не прививается къ Одессѣ, хирѣетъ, тощаетъ, кафедры его постоянно пусты, студенты и профессора бѣгутъ изъ него куда могутъ. Университету—никакого сочувствія; университетъ—никакого вліянія. Словно онъ не нуженъ здѣсь, словно ему нѣтъ ни почвы, ни воздуха среди вѣчной суеты денежныхъ оборотовъ и алчныхъ чаяній, а такъ вотъ, взяли да выдумали его для приличія. Вездѣ, молъ, въ большихъ городахъ, есть университеты; давай, и мы свой университетъ заведемъ.

Комическая оперетка съ скабрзными куплетами да кружка

пива въ многолюдной кофейнѣ бульвара—вотъ самое популярное, всякому доступное, всякому желанное эстетическое наслажденіе толпы, для которой торговля—альфа и омега всей жизни. Торговля Одессы столько же русская, сколько иностранная; иностранные товары тутъ дешевле, чѣмъ гдѣ-нибудь у насъ, русскіе товары тутъ дороже, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Одесса завалена русскимъ сырьемъ, зерномъ, пенькою, кожами... Какъ при печерскомъ лѣтописцѣ, когда еще шель „путь изъ Варягъ въ Греки“, такъ и теперь наша православная Русь взамѣнъ всякихъ цѣнныхъ издѣлій „заморской хитрости“ суетъ Европѣ одно свое грубое сырье...

Вѣна здѣсь царствуетъ своимъ хрусталемъ, своими модными издѣліями, экипажами, фортепіанами, мебелью, Марсель и Марсала прямо сюда поставляютъ свое вино, вытѣсняя дешевизною даже крымское, даже бессарабское.

Смирна и Константинополь засыпаютъ Одессу цѣнными фруктами и раннею овощью...

„Изъ Руси же скоро, воскъ и медъ, и челядь“, можно до сихъ поръ повторять выразительныя слова лѣтописца... Въ этомъ городѣ-космополитѣ даже и море скорѣе иностранное, чѣмъ русское. Правда, старый лѣтописецъ увѣряетъ, будто „Днѣпръ течетъ въ Понетское море тремя жерелы, иже море словеть русское“, но, вѣроятно, оно слыло такъ только въ тѣ древніе дни, когда Аскольды, Олеги и Игоріи громили своими ладьями роскошную Византію. Теперь, что ни вымпелъ на кораблѣ, все иностранцы, все Италія, Англія, Франція. Своего брата—русскій корабль—розыщешь глазами среди этого международного пловучаго полчища, то какъ будто не вѣришь сразу, сердце радуется...

Ага!—думаешь.—И наши тоже есть, хоть одинъ, а есть...

Всѣ миллионы четвертей одесской пшеницы увозятъ на себѣ иностранцы, а на одинъ этотъ собственный нашъ громадный фрахтъ, можно бы, казалось, существовать цѣлому торговому флоту. Признаюсь, меня всегда удивляло, какъ это англичане съ французами рѣшились въ 50-хъ годахъ бомбардировать Одессу.

Еслибы сосчитать посерьезнѣе, сколько интересовъ Европы вложено въ предпріятія Одессы, то, пожалуй, грозной флотилии, когда-то ее настрашавшей громомъ своихъ ядеръ, было бы болѣе умістно защищать Одессу, чѣмъ храброму прапорщику Щеголеву.

Вотъ и одесскій портъ, прославившійся этою защитою... Теперь ужъ и онъ не тотъ! Безконечная галерея эстакады охва-

тываетъ его какъ руками, и какъ руки высовываетъ далеко въ море свои длинные пальцы...

По эстакадѣ этой бѣгаютъ паровозы и вагоны желѣзной дороги, чтобы встрѣчать, разгружать, нагружать пароходы.

Гавань, это совсѣмъ особый, мало мнѣ сродный, міръ. Сколько ни живешь въ приморскихъ городахъ, сколько ни присматриваешься къ суетѣ ихъ пристаней, никакъ не сживешься, не освоишься съ этою чуждою атмосферою. Сердцу какъ-то жутко и беспокойно среди этого непонятнаго хаоса движеній и звуковъ.

Цѣлая отдѣльная страна карантиновъ, таможенъ, доковъ, пакгаузовъ, агентствъ, конторъ...

Черезъ рельсы желѣзной дороги тянется обозъ малороссійскихъ чумаковъ, таможенная застава торчитъ рядомъ съ тюремной стѣной карантина, тюки товаровъ навалены около горъ каменнаго угля, камней, досокъ, кулей, неизвѣстно кѣмъ сложенныхъ, неизвѣстно кѣмъ охраняемыхъ; дымящій паровозъ неистово несется черезъ толпы спующаго повсюду народа... Кто это, куда, зачѣмъ?... Не знаешь, отъ кого сторониться, куда оглядываться, гдѣ пройти... Съ берега воздымаются черные силуэты громадныхъ крановъ, съ цѣпами, блоками, рычагами, громоздкіе и могучіе какъ стѣнобитныя орудія древнихъ...

Эти чудовищныя желѣзныя птицы по временамъ стибаютъ свои длинныя окоченѣвшія шеи и, вкюнувъ желѣзнымъ носомъ въ нутро подошедшаго корабля, будто соломинку вытягиваютъ и поднимаютъ оттуда громадные тюки... Съ жесткимъ лязгомъ, раздрающимъ душу, натягиваются вдругъ ихъ ржавыя цѣпи, и медленно повертывая въ сторону могущій клювъ, они осторожно выплевываютъ на землю свою добычу...

Опустошено крутореброе чрево корабля, смолкли звуки цѣпей, и желѣзное чудовище, вздернувъ высоко свой носъ, покоится неподвижно въ ожиданіи новой работы, вырѣзаясь на фонѣ яркаго солнечнаго неба какими-то зловѣщими силуэтами гигантской висьлицы...

Висьлица вспоминается по-неволѣ, когда толкаешься среди смурой нищенской толпы, что кипятъ въ безпріютной тѣсотѣ одесскаго порта, сама безпріютная, оборванная, голодная, словно одна изъ бродячихъ собачьихъ стай, копошащихся въ навозныхъ кучахъ городской окраины.

Посмотрите на эти отекашія, испытаныя лица, на эти потускнѣвшіе глаза, то съ равнодушнымъ безстыдствомъ, то съ какою-то мрачною враждебностью оглядывающіе васъ. Непривычному

человѣку чудится, что это прогоняютъ мимо толпу преступниковъ, работающихъ на галерахъ, а не свободный рабочій пролетаріатъ, ищущій выгоднаго заработка въ большомъ торговомъ портѣ.

И непривычный человѣкъ, по правдѣ сказать, мало чуть опинается: нынче работникъ, — завтра преступникъ, а еще чаще: вчера преступникъ, нынче работникъ...

Во всякомъ случаѣ ночью рѣдко кто отваживается въ эти дебри, гдѣ почуютъ цѣлыми сотнями безъ крова и пищи сѣрые „труженики моря“.

Вотъ мы пробираемся и къ своему пароходу.

Онъ высится своимъ острогрудымъ желѣзнымъ корпусомъ, сверху весь черный и лоснящійся какъ черепаха, обнажая изъ воды свое красное брюхо, среди цѣлой стаи такихъ же черныхъ и красныхъ водяныхъ чудовищъ, что приплыли сюда со всего свѣта и усаживаются теперь въ гавани, пыхтя, гремя, извиваясь, высматривая себѣ удобнаго мѣстечка...

Но глазъ мой любитъ не трубами пароходовъ, не живописнымъ лѣсомъ мачтъ, охватывающимъ весь берегъ...

Я пристылъ взглядомъ къ характерной фигурѣ греческаго шкипера, который важно стоитъ на палубѣ своего стараго некрашеннаго кораблика съ залатанными парусами и снимается теперь съ якоря... Художникъ не разстался бы ни за какія сокровища съ этою коренастою, плечистою фигурою въ мохнатой байковой курткѣ на короткихъ, негнущихся тумбахъ вмѣсто ногъ, вывернутыхъ внутрь, съ этимъ туго налитымъ саломъ рябымъ лицомъ ястреба на толстѣйшей короткой шеѣ, обмотанной въ нѣсколько разъ теплымъ гаруснымъ шарфомъ, не смотря на жаръ дня...

Онъ заложилъ свои руки-обрубки въ карманы ничѣмъ не сокрушимой куртки, выдавшей виды на своемъ вѣку, и покрываетъ отрывистою гортанною октавою, напоминающею жесткій клекоть ворона, привычную команду единственнымъ своимъ двумъ матросамъ. Сейчасъ видишь, что это смѣлая и опытная птица моря, котораго не смутятъ ни бури, ни скалы, ни темныя ночи... Обломаетъ ему осенній штормъ руль и мачты, оборветъ паруса, пробьетъ гдѣ-нибудь остриемъ камня его крутыя деревянные ребра, а онъ будетъ себѣ молча и упорно биться цѣлую длинную ночь втроемъ противъ океана, добиваясь къ огоньку маяка, вычерпывая ведрушкою водицу, затыкая тряпочками течь... Взглянуть на него — онъ нынче мирный шкиперъ, а завтра — морской разбойникъ, ожидающій въ какой-нибудь укромной бухточкѣ архипелага тяжело плетущійся купеческій корабль...

Я заѣввался, и вдругъ не то съ испугомъ, не то съ удивленіемъ замѣтилъ, что гранитный берегъ съ длинными желѣзными пакгаузами, съ разинувшею ротъ пестрою толпою, сталъ не слышно уходить отъ насъ, словно это былъ не берегъ, а какой-то исполинскій паромъ, вдругъ отчалившій отъ нашего неподвижнаго борта.

Шляпы и бѣлые платки и крики прощанья поднимались надъ плавно уходявшею толпою... Стало быть, пароходъ тронулся, стало быть, мы уходимъ!..

Ловко, легко и точно, какъ магнитная игла на своемъ остромъ гвоздикѣ, извивался громадный пароходъ, прокладывая себѣ путь въ морю мимо тѣсно обступавшихъ его, и двигавшихся ему навстрѣчу кораблей и пароходовъ... Вотъ уже онъ миновалъ низкую и длинную нить каменнаго бревватера, охватывающую рейдъ, мѣстами уже порядочно выуженную моремъ...

Пароходъ легонько приподняло съ носа, потомъ съ кормы, потомъ качнуло въ сторону... Глазъ невольно окинулъ синій просторъ моря, по которому уже бѣжали на встрѣчу намъ пока еще рѣдкіе бѣлые кудрявые „барашки“...

Кое-кто изъ дамъ заторопился въ каюты. — „Къ ночи покачасть!“ послышался чей-то голосъ снизу... Мы съ женой оставались у борта, молча пристывъ глазами къ быстро уходявшей отъ насъ Одессѣ...

Передъ нами рисовался теперь на огромномъ пространствѣ контуръ географической карты—вся ломанная линія южнаго берега Россіи...

Неизмѣримый родной материкъ теперь за нами,—и впереди цѣлыя недѣли воднаго странствованія по невѣдомымъ странамъ, среди чужихъ народовъ. Есть что-то глубоко торжественное и вмѣстѣ глубоко-трогательное въ томъ моментѣ, когда отрываешь себя отъ всего своего, давняго, близкаго, привычнаго, такъ сказать, отъ собственнаго своего тѣла и крови, и бросаешься въ заманчивую, но безпокойную волну далекаго, невѣдомаго... Кажется, что въ эту минуту озираешь самого себя съ какой-то ясно-объективной высоты, какъ посторонній предметъ, доступный наблюденію, и переполняешься такою здорово критикою самого себя, такими разумными и твердыми рѣшеніями.

Кажется, что кончилась теперь немного надоевшая предыдущая глава твоей житейской книги съ ея ошибками, неудачами, несовершенствами,—и вотъ начнется сейчасъ, съ этого самаго мгновенія, новая чистая страница этой книги, гораздо болѣе ин-

тересная, гораздо болѣе удачная, на которой уже не будетъ никакихъ чернильных пятенъ, никакихъ досадныхъ зачеркиваній...

И любовь къ тому, что любишь, дѣлается въ эту минуту словно чище и глубже, и то, съ чѣмъ враждовалъ, кажется достойнымъ большей жалости, большаго вниманія, словно ты дожилъ до второго исправленнаго изданія самого себя и готовишься насладиться этимъ повтореньемъ на-чисто избранныхъ дѣлъ и мыслей твоихъ, слишкомъ затерянныхъ въ неряшливыхъ наброскахъ первоначальнаго черноваго текста.

Міръ, въ которомъ ты жилъ, исчезъ, но ты все-таки живешь въ своего рода мірѣ...

Дѣйствительно, большой пароходъ это цѣлый особый міръ... Онъ скрываетъ въ своемъ желѣзномъ чревѣ цѣлые ярусы жилищъ, переходы, лѣстницы, подземелья, гораздо болѣе многочисленные и таинственные, чѣмъ любой вальтеръ-скоттовскій замокъ. Въ глубокомъ нутрѣ цѣлый гостинный дворъ товаровъ, цѣлые складные магазины разнаго провіанта. На верху у него перепутанный лѣсъ снастей, мачты, веревки, блоки, цѣпи; цѣлая маленькая флотилія шлюбокъ виситъ на его бортахъ, цѣлая стада скота наполняютъ его палубы и трюмы. Никакой ковчегъ Ноя не сравнится своею вмѣстимостью и своимъ удобствомъ съ этими дерзкими созданіями новѣйшаго человѣческаго генія. Онъ просто строитъ себѣ плывучіе населенные городки, которые на всѣхъ парахъ перебѣгаютъ океаны, являясь невѣдомо откуда, изъ Австраліи, изъ Южной Америки, отъ мыса Доброй Надежды, невѣдомо куда убѣгая, независимые отъ дня и ночи, отъ зимы и лѣта, отъ пыли и вѣтра, отъ всѣхъ обычныхъ условій человѣческой жизни на землѣ, быстрые и сильные, какъ стихія, разумные, какъ мыслящее существо.

И развѣ пароходъ не живое существо! Въ немъ кипитъ энергія мысли, въ немъ дышутъ могучія легкія и бьется жаркое сердце, онъ гребетъ своими сильными руками и разстилаетъ на верху свои воздушныя бѣлыя крылья...

Понятно, что матросъ привыкаетъ къ своему пароходу какъ къ живому другу, вѣритъ своею наивною душою въ его радости и страданія... Когда онъ говоритъ вамъ, указывая на далекую точку горизонта: „это идетъ Владиміръ“, „это идетъ Нахимовъ“, то поймите, что въ этомъ словѣ „Владиміръ“ или „Нахимовъ“ для него не одно только случайное названіе желѣзнаго помѣщенія, двигаемаго мертвою силою пара, а настоящее живое имя особаго живого существа, съ особыми свойствами и особенной фizioноміей..

II.—Босфоръ.

Уже одна мрачная ночь и два суровыхъ однообразныхъ дня пролетѣли надъ нами, а нашъ „Цесаревичъ“ все еще несется впередъ и впередъ по незримой геометрически-прямой линіи, словно по рельсамъ желѣзной дороги, распустивъ пары, смѣло врѣзая желѣзной грудью своей пучины „Негостепріимнаго Понта“, которыя угрюмо плещутся въ своей громадной круглой чашѣ, и этою чуть слышною качкою давно уже угнали въ каюты непривычныхъ пассажировъ...

Туманы и туманы сдвигаются отовсюду вокругъ насъ.

Мы разомъ тонемъ во мракѣ вечера и во мракѣ тумановъ... кажется, будто какой-то злой духъ, оберегающій входъ въ райскія сѣни юга, хочетъ застрашать насъ этимъ сѣдымъ лохматымъ маревомъ, пока мы еще не выбрались изъ мрачныхъ пустынь сѣвера. Капитанъ и всѣ офицеры его давно на-верху, хотя теперь безсильны ихъ подзорныя трубки, зеленые и красные огни поднимаемыхъ ими фонарей. Черезъ каждыя пять минутъ раздается рѣзкій предупредительный свистъ, пронизывающій пустынную мглу ночи, словно зловѣщій набатъ пожара... Однако, ни одного корабля, даже ни одной птицы не попадается намъ на-встрѣчу. Сквозь безпокойный сонъ сердце инстинктивно считаетъ эти частыя тревожныя взвизгиванія парохода, кричащаго въ испугѣ, будто живой человекъ, среди безотраднаго мрака ночи, и ждешь съ малодушнымъ замираніемъ, что вотъ-вотъ пароходъ вздрогнетъ отъ внезапнаго удара, и черныя хляби хлынутъ снизу въ его разсѣвшуюся утробу... И засыпаешь глубоко, какъ мертвый, въ этихъ смутныхъ ожиданіяхъ опасности, закачиваемый волною, убаюкиваемый свистками сигналовъ... И вдругъ, чувствуешь сквозъ сонъ, что стихли свистки, улеглась качка, что ты спишь покойно и недвижимо, какъ на кровати собственной спальни... И вотъ, опять будто бы двигаешься, хотя уже безъ качки и безъ свистковъ.

— Вставать пора! вошли въ Босфоръ!—раздается за дверью каюты осторожный голосъ.

Туманы, качка, суровое и долгое однообразіе черноморской пустыни совсѣмъ выбили изъ моей головы память о Босфорѣ. Торопливо набрасываю на себя платье, бужу на-лету жену и бѣгу на верхъ.

Взбѣжалъ, оглядѣлся, не понимаю со сна, что такое, гдѣ мы, гдѣ я?

Да и какъ понять, хотя бы и не со сна!..

Сонъ былъ здѣсь, на верху, вокругъ плавно бѣжавшаго парохода, а не тамъ, въ глубинѣ полутемной каюты...

Невѣроятный, волшебный сонъ стоялъ кругомъ, охватывая меня совсѣмъ съ головою, какъ прозрачная пучина тихаго моря.

Чья-то чародѣйская рука смела куда-то далеко прочь, въ туманы прошлаго, весь тотъ скудный и скучный міръ, который охватывалъ насъ до сихъ поръ, и перенесла насъ, словно на крыльяхъ птицы, въ теплые и яркіе горизонты рая.

Ласкающими струями плылъ на насъ и нѣжно дышалъ намъ въ лицо влажный воздухъ юга, полный солнца и аромата цвѣтовъ, и грудь радостно захлебывалась въ этой неизвѣданной еще ея бодрящей волнѣ...

А впереди, по сторонамъ, направо и налѣво,—грезы сновидѣнія... Фантастическіе замки, романтическія башни, идиллическіе городки и виллы по чуднымъ зеленымъ холмамъ, по декоративнымъ обрывамъ скалъ, на фонѣ темныхъ рощъ, надъ голубою скатертью водъ, бѣгущихъ, будто широкая рѣчка, изъ одного моря въ другое, огибая скалистые мыски, извиваясь въ тѣнистые заливчики.

И грезы эти строить передъ нами волшебникъ—солнце, этотъ богъ-художникъ, къ старому царству котораго мы теперь приближаемся...

Утро только-что загорается, прогоняя, какъ стадо проснувшихся овецъ—клубящіеся лиловые туманы съ холмовъ и заливовъ, на которыхъ они почивали... Первые лучи солнца, пробившіеся горячими потоками сквозь рыхлыя лохмотья облаковъ, съ чудной капризностью обливаютъ своимъ роковымъ огнемъ, какъ расплавленнымъ золотомъ, ближніе выступы перваго плана, рассыпаютъ яркій дождь своихъ искръ по мягкой зыби пролива, ударяютъ какъ мѣтло пущенною стрѣлою, Богъ знаетъ, въ какую даль, и тамъ вдругъ вырисовываютъ, среди синевы тумана, отчетливо и восхитительно, будто на стеклѣ камеръ-обскуры, какой-нибудь живописный мысокъ, краснѣющій среди голубыхъ водъ, съ бѣлою башенкою своего маяка и бѣленькими домиками чуть видной деревеньки...

Но раньше всѣхъ этихъ миловидныхъ мѣстечекъ и мирныхъ садиковъ, еще отъ „Каваковъ“, гдѣ пароходы обязаны остановиться и „взять практику“, то-есть свободный пропускъ, начинаютъ хмуриться своими мшистыми средневѣковыми бойницами когда-то грозные замки, замыкающіе Босфоръ... Они торчатъ

высоко на утесахъ, живописные, какъ декорація романтической оперы, переглядываясь съ берега на берегъ черезъ голубую стремнину водъ, черными дырами своихъ опустѣвшихъ амбразуръ. На всякомъ выдающемся мысу, при всякомъ замѣтномъ изгибѣ русла—стоятъ сторожевою цѣпью, по-парно, другъ противъ друга, эти неподвижные каменные часовые стараго Царя-Города, сначала Анадоли-Каваль и Румели-Каваль, въ концѣ еще болѣе эффектный Румели-Гисаръ, спускающійся своими стѣнами и башнями въ самому лону водъ, и его дружка—противоположнаго азіатскаго берега, Анадоли-Гисаръ.

Румели-Гисаръ — цѣлая крѣпость очень внушительнаго вида, уцѣлѣвшая еще отъ завоевателя Царяграда, Магомета II-го. Это была первая пядь греческой земли, на которой сталъ своею грозною ногою грозный азіатскій воитель, и откуда онъ осилилъ византійскія твердыни...

Сами же византійцы своими руками принуждены были соорудить этотъ неприступный замокъ, и мученическія восты ихъ, ихъ потъ и кровь, смѣшались съ камнями этой кровавой постройки...

Впрочемъ, и самъ дикій вождь османовъ съ своими пашами, беями и улемами не гнушался священной рукою падишаха копать рвы Румели-Гисара и выносить изъ нихъ землю.

Послѣ покоренія Византіи, Румели-Гисаръ обратился въ государственную тюрьму, въ тотъ пресловутый для христіанъ „Замокъ Забвенія“, котораго имя такъ долго наводило ужасъ на несчастныхъ „гяуровъ“, покоренныхъ мечомъ правовѣрныхъ.

Магометъ II не даромъ избралъ Румели-Гисаръ мѣстомъ своей переправы на европейскій берегъ. Ни одинъ изъ завоевателей древности, переходившихъ черезъ Босфоръ изъ одной части свѣта въ другую, не миновалъ этого удобнаго уголка. Еще Дарій персидскій, отправляясь въ походъ на скифовъ, перевелъ здѣсь свое семисотъ-тысячное полчище, своихъ слоновъ и верблюдовъ по исполинскому пятиверстному мосту, построенному Мандроклесомъ, хитрымъ самосскимъ искусникомъ. Здѣсь переправлялись въ Европу орды разныхъ варваровъ, здѣсь же въ послѣдствіи и крестоносцы переправлялись изъ Европы въ Азію.

Пятибашенный Анадоли-Гисаръ—старшій братъ своего европейскаго близнеца. Онъ построенъ еще Баязетомъ-Ильдеримомъ—„громомъ войны“, какъ первая отдаленная угроза тогда еще могучей Византіи. Императоръ Юстиніанъ, великій стѣно-строитель,

огородившій свою безпредѣльную имперію безпредѣльными стѣнами даже по дикимъ горамъ Крыма и Кавказа, думалъ, кромѣ того, оградить свою роскошную столицу крылами архистратига силъ небесныхъ. Четыре великолѣпныхъ храма воздвигнуты были имъ на берегахъ Босфора: два на азіатской, два на европейской сторонѣ, во имя Михаила-Архангела, покровителя Царяграда, но и эти духовныя твердыни не защитили отъ предстоявшей гибели дорогого ему города. Грозныя бойницы Анадолі-Гисара построены были оттоманскимъ завоевателемъ именно изъ камней разрушеннаго Юстиніанова храма во имя свят. Архистратига, и громадная срединная башня этого замка, до сихъ поръ сохранившая свое зловѣщее прозвище „Черной башни“ (кара-куле), поглотила въ своихъ нѣмыхъ подземельяхъ столько же христіанской крови, сколько и мрачный сосѣдь его на европейскомъ берегу...

Но теперь эти громадныя средневѣковыя твердыни также безпомощны и жалки, какъ былъ бы жалокъ и безпомощенъ рыцарь-крестоносецъ въ своей желѣзной одеждѣ, съ своимъ пудовымъ копьемъ, на полѣ современной битвы, гдѣ мальчишки-рекруты, набранные какихъ-нибудь два года назадъ, спокойно разстрѣливаютъ изъ своихъ земляныхъ норъ богатырей и героевъ, обдавая ихъ за три версты тучами невидимыхъ пуль.

Теперь гораздо безпокойнѣе озирается иноземный корабль на тѣ низенькія, неказистыя земляныя насыпи, пріодѣтыя, какъ волежъ, въ овечью шкуру, въ мирную зелень газона, что прилегла къ самому лицу воды у подножія мало страшныхъ теперь утесовъ, увѣнчанныхъ башнями.

Въ чуть замѣтныя вырѣзки зеленого газона глядятъ чуть замѣтныя черныя кружки, словно злые глаза молча притаившагося въ своей норѣ страшнаго звѣря...

Буюкъ-Дере — первый большой заливъ Босфора у европейскаго берега... Это мѣсто сохранило въ себѣ до сихъ поръ слѣды пребыванія крестоносцевъ; семь маститыхъ, сросшихся вмѣстѣ платановъ, которыхъ турки называютъ теперь „семь братьевъ“ и подъ которыми каждый вечеръ собираются для гулянья обитатели Буюкъ-Дере, — только уцѣлѣвшіе остатки знаменитыхъ „сорока платановъ Готфрида“, подъ которыми восемь вѣковъ тому назадъ былъ разбитъ, по народному преданію, лагерь первыхъ „божьихъ воиновъ“. Мѣстность эта прозывалась въ древности „включи Понта“, а теперь, въ видѣ ли соблазнительнаго историческаго пророчества, или только въ видѣ историческаго воспоминанія, вызываю-

щаго горькій вздохъ, называются у турокъ „Бабъ-эль-Московъ“ — „ворота русскихъ“. Оглянешься на берега и по неволѣ уѣдешь въ это названіе, несомнѣнно льстящее русскому самолюбію...

Направо весь берегъ въ глубинѣ залива дѣйствительно русский: русское правительство, еще при Екатеринѣ II, купило у одного англійскаго барина все это великолѣпное и обширное мѣсто, и устроило тамъ лѣтнюю резиденцію для нашего посольства. У подножія чуднаго горнаго парка, на темномъ фонѣ кипарисовъ и чинаръ, кое-гдѣ обнажающихъ живописные дорожки, мостики и павильоны, — возвышается у самаго берега моря, на просторномъ зеленомъ дворѣ, какъ истинная барская усадьба, красивый лѣтній дворецъ нашего посольства, игравшій, бывало, такую первенствующую роль въ совѣтахъ Оттоманской Порты, когда хозяевами этого посольства бывали люди цѣльнаго русскаго чувства и цѣльнаго русскаго характера...

На азіатскомъ берегу — другой слѣдъ русской силы. Въ тѣнистой рощѣ Хункиаръ-Келеси, укрывающей на берегу древняго Нимфея лѣтніе кіоски султановъ, а когда-то укрывавшей роскошные лѣтніе дворцы византійскихъ императоровъ, стоитъ до сихъ поръ обломокъ гранитной пирамиды, покрытый узорчатыми золотыми строками турецкой надписи...

На немъ есть и одна короткая русская строка: „25 іюня 1833 года“.

На этомъ мѣстѣ стоялъ нашъ отрядъ Муравьева, посланный спасать столицу оттомановъ отъ возставшаго турецкаго вассала, Мехмеда-Али-паши египетскаго; побѣдоносный Ибрагимъ-паша, сынъ Мехмеда, вынужденъ былъ остановить свою армію въ виду русскаго отряда и не двинулся дальше Брусы. Оттоманская Порта была, такимъ образомъ, спасена штыками русскихъ...

Событіе, которое мало кто помнитъ, и которое принесло Россіи такъ же мало пользы, какъ и неразумно великодушное спасеніе въ 1849 году коварной Австріи отъ побѣдоносныхъ войскъ Гѣргея, Дембинскаго и Бема...

Домъ австрійскаго посольства сбоку нашего, но далеко не имѣть того внушительнаго вида, который дѣлаетъ домъ русскаго посольства естественнымъ центромъ и господствующимъ пунктомъ всего Буюкъ-Дере. За Буюкъ-Дере оба берега Босфора обращаются въ сплошной городъ дачъ и садовъ... Тутъ всѣ лѣтнія резиденціи посольствъ германскаго, англійскаго, французскаго.

Суровый готическій замокъ англійскаго посольства, охваченный густымъ паркомъ, и сейчасъ же за нимъ совсѣмъ казенный, безвкусный домъ французскаго посольства — пріютились у подно-

жія гористаго „мыса черешень“ (Керечь-бурну), на самомъ берегу моря. За ними уже начинается Терапія, славившаяся издревле своею цѣлебною мѣстностію, давшею ей имя, издревле застроенная монастырями и дворцами богатыхъ византійцевъ...

Пароходъ двигается словно по оживленной улицѣ самаго красиваго и самаго цвѣтущаго города въ мірѣ. Никакая прогулка по узкимъ стоячимъ каналамъ Венеціи, въ тѣснотѣ ея замшившихся мраморныхъ палаццо, не можетъ сравниться съ этимъ игривымъ бѣгомъ парохода по вольному простору морского пролива, застроеннаго по обоимъ своимъ живописнымъ берегамъ, по всѣмъ лѣсистымъ холмамъ, свалистымъ мыскамъ и уютнымъ заливицамъ своимъ, на протяженіи какихъ-нибудь 12—15 верстъ, сплошными городками хорошенькихъ дачъ, великолѣпныхъ дворцовъ, тѣнистыхъ парковъ. Мы несемся съ какою-то удалой и радостной быстротою, словно по безконечной картинной галлерей живыхъ пейзажей, мимо всѣхъ этихъ Бебеки, Орта-Кіоевъ, Бешикъ-Ташей, и не знаешь уже, куда оглядываться, чѣмъ наслаждаться...

Въ Бешикъ-Ташѣ цѣлое гнѣздо султанскихъ дворцовъ, павильоновъ, мечетей и парковъ. Наверху этого крутого холма, густо-убраннаго зеленью садовъ, прячется трудно доступный Ильдызъ-Кіоскъ, любимая резиденція нынѣшняго султана; внизу у самаго моря, великолѣпная мраморная тюрьма Чараганскаго дворца, окруженная со всѣхъ сторонъ часовыми и караульными... Тамъ томится мнимо-безумный султанъ Мурадъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ своимъ восторжествовавшимъ соперникомъ, который сидитъ высоко надъ нимъ въ своемъ изыщномъ дворцѣ, не спуская съ него глазъ, какъ неусыпный тюремщикъ въ своей сторожевой башнѣ... Послѣ безжалостной казни ножницами, погубившей Абдулъ-Азиза, плѣнъ въ мраморной клѣткѣ, надъ голубыми струями Босфора, подъ сѣнью чуднаго парка, еще слишкомъ милостивъ для неудачнаго похитителя трона оттоманскаго...

Нѣсколько оконъ Чараганскаго дворца, выходящихъ на воду, были открыты при проходѣ нашего корабля, и низверженный султанъ очевидно прохлаждался подъ ними съ кѣмъ-то изъ своихъ близкихъ.

Отъ Чарагана до „Долма-Бахче“ разстояніе очень близкое. Долма-Бахче, т.-е. „Насыпной садъ“ — самый официальный и самый роскошный изъ дворцовъ султана. Это громадный бѣло-мраморный лабиринтъ въ 300 комнатъ, почти въ самыхъ вол-

нахъ моря, построенный еще при Абдуль-Меджидъ архитекторомъ Вальяномъ. Золотыя рѣшетки и золотая отдѣлка его эффектно вырѣзаются на свергающемъ фонѣ бѣлыхъ мраморовъ, какъ-разъ надъ голубымъ лономъ Босфора... А сзади эти бѣлые мраморы и это золото вырѣзаются въ свою очередь на зелени сада, у подножія холма, увѣнчаннаго огромными корпусами кавалерійскихъ казармъ и военно-медицинской академіи... Это ужъ послѣднее загородное мѣстечко, потому что сейчасъ за Долма-Бахче начинаются предмѣстья Константинополя—Фундукли и за нимъ Пера съ Галатой...

А на той сторонѣ пролива уже стелется, между тѣмъ, по всѣмъ уступамъ и скатамъ крутого берега азиатская половина Стамбула—Скутари, древній эллинскій Хризополь, „Городъ золота“, громадный самъ по себѣ городъ, съ цѣлою сотнею тысячъ жителей, подчиненный особому отъ Стамбула военному губернатору.

Это не только послѣдній громадный базаръ старой Азіи, къ которому, какъ къ центру, причаливаютъ всѣ торговые караваны, направляющіеся въ Европу, но и послѣдній поворотный пунктъ старой языческой исторіи. На поляхъ древняго Хризополя Константинъ сокрушилъ своего противника Лицинія и положилъ тѣмъ начало единой христіанской имперіи и столицѣ ея, городу Константина.

Подъ скатами скутарійскаго берега, на незримомъ островѣ-камушкѣ вырѣзается среди ярко-голубого моря, ярко-освѣщенная утреннимъ солнцемъ бѣлая башенка... Мы сразу отгадали въ ней „башню Леандра“, или вѣрнѣе, „башню Дѣвы“, Кызъ-Куле, какъ ее называютъ турки... У ногъ ея кончается Босфоръ, а за нею уже стелются широкія воды Пропонтиды...

Не знаю, дѣйствительно ли это та самая башня, гдѣ жила Геро поэтовъ? Греческія легенды говорятъ о Геллеспонтѣ, объ Абидосѣ...

Но интересъ въ самомъ преданіи, а не въ историческомъ или скептическомъ разслѣдованіи его.

Геро была юная весталка, но жрица не Весты, а Венеры—цѣломудренной... Увѣряютъ, будто было когда-то счастливое время, когда этотъ титулъ: *Venus pudica*, *Venus decens*, по праву принадлежалъ царицѣ любви...

На берегу Геллеспонта, посреди неприступныхъ стѣнъ города Сестоса, высился знаменитый храмъ, посвященный „матери любви“. Ежегодно весною толпы юношей и дѣвъ, отвергнутыхъ любовниками и повинутыхъ жертвѣ любви, стекались сюда праздновать

праздникъ богинѣ Афродитѣ и молить ея милостей... Пришелъ и молодой красавецъ Леандръ изъ Абидоса, поднести царичѣ юности сосудъ съ благовопіями и гнѣздо горлинокъ, посвященныхъ ей птицѣ любви...

Поднимаешь глаза и видишь у алтара живую Афродиту, цѣломудренную жрицу ея, Геро...

Леандръ прячется въ темныхъ сводахъ храма, и когда удаляется толпа, бросается на волѣни передъ найденной имъ богиней... Но Геро недоступна. Геро стережетъ вѣрная рабыня отца, которая послѣ жертвоприношенія сейчасъ же увозитъ ее въ пустынную башню на островъ... И вдругъ ночью, среди рева волнъ, Геро въ стѣнахъ своей башни слышитъ крикъ, взывающій о помощи... Рабыня вводитъ къ ней спасеннаго изъ волнъ красавца-героя. Боги Геро требуютъ гостепріимства къ страннику, ухода за утопающимъ... Каждую ночь повторяется тотъ же крикъ, та же сладкая встрѣча. Жрица богини любви имѣетъ священную силу соединять любящихъ. Они обвѣнчаны здѣсь, въ этой пустынной башнѣ, среди плеска волнъ. Каждую ночь фонарь на вершинѣ башни указываетъ удалому юношѣ зыбкій путь къ ожидающему его счастью. Но вотъ наступаетъ зима. Волны Босфора стали неукротимы. Геро умоляетъ своего друга подождать до весны, не довѣрять себя пучинамъ ночи... Съ горемъ уступаетъ Леандръ, и въ нѣмомъ страданіи томится на утесѣ противоположнаго берега...

Вдругъ знакомый огонь фонаря, по привычѣ поднятый забывчивою рукою, неожиданно пронизываетъ мракъ ночи.

Юноша забылъ все и, не раздумывая, бросается въ хляби разсвирѣпѣвшаго ночного моря, а Геро уже на скалахъ берега, въ отчаяніи, что возлюбленный ея уступилъ ея мольбамъ, что онъ теперь не съ нею, и сама чуть не бросается въ пучину, чтобы плыть въ его объятія... И вдругъ всплескъ волны... Бездыханный трупъ Леандра катится къ ногамъ жрицы... Онъ предупредилъ ее. Она падаетъ мертвая на дорогой трупъ, и утромъ народъ Сестоса хоронитъ у капища богини любви вѣрную любви пару...

Лордъ Байронъ, классическій любитель эксцентричностей всякаго рода, попробовалъ повторить подвигъ Леандра и переплыть проливъ, прибрѣта въ трофей вмѣсто объятій Геро пароксизмы лихорадки; но я не помню хорошо, переплылъ ли онъ Геллеспонтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ мѣсто Абидоса и Сестоса, или же Босфоръ у башни Леандра.

Моряки наши, впрочемъ, увѣряли меня, что никакія человѣ-

ческія силы не одолѣли бы могучихъ теченій Босфора, врывающихся то въ Пропонтиду, то изъ Пропонтиды, между башнею Леандра и берегами Константинополя... Ученымъ и книги въ руки...

Мы совсѣмъ подплываемъ теперь къ Константинополю. Безконечный городъ дачъ, охватывающій всѣ изгибы морской рѣки, обсыпавшій своими разноцвѣтными домиками-башнями, нагроможденными другъ на друга, цвѣтущіе холмистые берега ея, нечувствительно сливается съ предмѣстьями столицы...

Пароходъ бѣжитъ среди этихъ быстро-чередующихся страницъ чуднаго альбома, и онѣ свертываются за нимъ въ еще болѣе очаровательную постоянно мѣняющуюся перспективу, которая то и дѣло загораживаетъ сама себя частыми изломами берега. Кажется, будто чья-то невидимая рука безостановочно выдвигаетъ одну новую картину за другой, смѣняя старья, какъ стекла волшебнаго фонаря...

Въ то же время впереди эта узкая голубая лента Босфора вдругъ широко раздвигается въ какое-то ослѣпительное озеро нѣжной бирюзы, и по берегамъ его, направо, гдѣ Европа и нѣдѣво, гдѣ Азія, начинаютъ воздыматься все ближе, все выше, все неохватнѣе, историческіе холмы священной Византіи, надвигающаяся съ обѣихъ сторонъ громадными амфитеатрами своихъ пестрыхъ домовъ, мечетей, башенъ. Сначала цивилизованная Цера, ввоображающаяся своими богатыми европейскими домами, своими магазинами, школами, дворцами посольствъ, кипарисами своихъ кладбищъ, на самый высокій гребень горы; ниже ея, средневѣковая торговая Галата, толпящаяся у ногъ старинной и огромной Генуэзской башни, охватывающая своими агентствами, конторами и складами шумную корабельную пристань со всею ея гравією и сутоловою...

И потомъ, слегка отступя за серпъ Золотого Рога, самъ золотисто-туманный Стамбулъ, раскинувшій на своихъ семи классическихъ холмахъ цѣлый необозримый хаосъ бѣлыхъ и пестрыхъ домиковъ, уткнутыхъ другъ въ друга, насыпанныхъ на эти холмы и во впадины этихъ холмовъ, тѣсно и беспорядочно, какъ куски рубленого сахара въ ящикѣ, и среди этихъ мириадъ разноцвѣтныхъ домовъ, рѣзко выдѣляясь изъ ихъ мелкоты, жеманно бѣлая, среди яркой лазури неба, высово торча надъ ними, на всякой вершинѣ холма, на всякомъ сколько-нибудь видномъ мѣстечкѣ, сотнями поднимаются огромные круглые купола, безчисленные мелкіе купольчики и стройные бѣлые минареты стамбульскихъ мечетей... Эти громадные мечети старыхъ знаменитыхъ

султановъ, прежде всѣхъ Сулейманіе, самая высокая, самая эффектная, потомъ Айя - Софія, Баязетіе и множество другихъ, одѣвающихъ будто царственнымъ вѣнцомъ каждый холмикъ Стамбула, заканчиваютъ собою наверху съ удивительной художественной полнотою весь этотъ необозримый хаосъ крышъ и стѣнъ, кишащихъ у ихъ подножія, и придаютъ живописному силуэту громаднаго города, вырѣзающемуся на яркомъ небѣ, ту рѣзкую опредѣленность и характерность, которыя дѣлаютъ его единственнымъ въ мірѣ...

Глядя на него, сразу чувствуешь, что это дѣйствительно столица ислама, городъ грозныхъ завоевателей. Эти сотни минаретовъ на его холмахъ стоятъ высоко, прямо и торжественно подъ сводомъ голубого неба, какъ гитантскія бѣлыя свѣчи, воздвигнутыя Богу цѣлымъ народомъ, отражающія его своею священною тѣнью, предстательствующія за него въ тѣхъ высяхъ, куда подняты ихъ тонкія изящныя верхушечки... Недаромъ и въ мечетяхъ Стамбула всегда стоятъ около священной ниши мираба громадныя, поднимающіяся до самыхъ сводовъ, восковыя свѣчи.

Но минареты эти—не только свѣчи молищагося народа; это еще частый лѣсъ каменныхъ копій, побѣдоносно водруженныхъ исламомъ надъ покоренною столицею христіанства, и вонзающихся свои воздушныя острія въ небо Аллаха. Когда смотришь издали на холмы Стамбула, этотъ воинственный, вцѣпнившійся длинными бѣлыми стрѣлами характерный силуэтъ его поражаетъ прежде всего и уже никогда не изгладится изъ памяти...

Все ближе, все тише вплываемъ мы, между тѣмъ, въ царственный городъ, мимо тѣсныхъ полчищъ кораблей и судовъ со всего міра. Все выше, все шире надвигаются надъ нашею палубою, оцѣмѣвшіе теперь отъ изумленія и восторга, грандіозныя амфитеатры Перы и Стамбула, разъединенные далеко вдашеюся въ землю голубою косою Золотого Рога.

Прямо передъ нами гористый „мысъ Серала“, живописно врѣзавшійся въ море, отдѣляетъ своимъ каменнымъ горбомъ воды Золотого Рога отъ широкой глади Пропонтиды и причетъ въ заманчивой зелени своихъ кипарисовыхъ рощъ безчисленныя купели, башенки и вышки своихъ таинственныхъ бѣлыхъ теремовъ... Это „святая святыхъ“ Стамбула, мѣсто древнихъ „Золотыхъ палатъ“ роскошныхъ императоровъ Византіи, мѣсто дворцовъ и гаремовъ старыхъ султановъ-завоевателей...

А лѣвѣе черезъ сверкающую гладь моря-озера, кое-гдѣ

усѣяннаго свалистыми островками, тонуть въ нѣжныхъ туманахъ дали безконечныя перспективы азіатскаго берега, круто повернувшись отъ тѣсно застроенныхъ холмовъ Скутари, отъ громадныхъ черныхъ роцъ его мусульманскихъ кладбищъ...

Теперь передъ нами какъ на ладони, лицомъ къ лицу, во всей своей характерной красотѣ, историческій Царь-городъ, старый владыка міра, которому многовѣковая народная молва прочитъ владычество и надъ міромъ будущаго...

III.—Святая Софія.

Русскій лоцманъ, ловкій и смѣлый бородачъ, на своемъ крошечномъ самоварѣ-пароходикѣ благополучно провелъ наконецъ нашъ пароходъ къ нашей русской бочкѣ, какъ разъ противъ агентства; матросы въ ту же минуту завезли конецъ каната, и мы живо стали подтягиваться къ ней...

Съ оглушительнымъ жесткимъ лязгомъ стала развертываться неровными толчками съ парового ворота тяжелая желѣзная цѣпь, которую жадно глоталъ за собою въ глубину спущенный въ нее массивный якорь.

Пароходъ нашъ въ осадѣ со всѣхъ сторонъ... Воды ужъ не видно, вездѣ качаются, продвигаются, трутся другъ о друга, разукрашенные каюки, огромныя барки, окружившія свою добычу... По лѣстницамъ трапа, справа и слѣва, берутъ насъ на abordажъ, неистово крича, толкаясь, тузя другъ друга, перегѣвая другъ черезъ друга, усатыя мусульманскія рожи въ фескахъ, чалмахъ, платкахъ, босоногія, полуголыя...

Кажется, сейчасъ обломать они дрожація узенькія лѣсенки и вмѣстѣ съ ними рухнуть въ море.

Вотъ они попадали, кто какъ попалъ, черезъ бортъ, черезъ головы сосѣдей, на нашу палубу и наводнили ее какъ взятую приступомъ крѣпость...

Они хватаютъ и, теребя въ разныя стороны озадаченныхъ пассажировъ, вырываютъ у нихъ изъ рукъ багажъ и дерутся за нихъ между собою какъ за настоящихъ военныхъ плѣнниковъ; не успѣвъ бѣдный путешественникъ оглянуться, какъ уже невѣдомая властная рука, овладѣвшая его персоною, тянетъ его силою по трясущимся ступенямъ лѣсенки, на какую-нибудь качающуюся лодку, въ то время какъ другія многочисленныя, столь же невѣдомыя и столь же насильственные руки, съ крикомъ мести и бранными угрозами уносятъ на свои лодки, какъ трофей

побѣды, его злополучные мѣшки и чемоданы. Опытные мѣстные люди, впрочемъ, безъ всякой церемоніи колотятъ кулаками, зонтиками, палками направо и налѣво въ эту нападающую толпу, которая и не воображаетъ обижаться на столь естественныя мѣры защиты. А тутъ же, среди этой гогочущей и толпящейся толпы, громадные пароходные краны ворочаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свои длинные желѣзные клювы, гремя цѣпами, пыхтя и свистя струями пара, и выковыриваютъ изъ глубочайшихъ нѣдръ трюма легко и спокойно, какъ бирюльки крючкомъ, одного за однимъ цѣлыя сотни двадцати-пудовыхъ рогатыхъ воловъ и переносятъ ихъ, также легко и спокойно, на подплывшія барки, покачивая ихъ, изумленныхъ, растерянныхъ, на широкихъ ременныхъ подпругахъ, словно младенца на помочахъ, высоко надъ волнами моря...

Столпотвореніе вавилонское и здѣсь на палубѣ, гдѣ тащатъ тюки, гремятъ цѣпи, ползутъ и хлещутъ веревки, и въ каютахъ, откуда, толкаясь, выбираются пассажиры, и на водѣ, гдѣ безостановочно дышутъ, несутся, вдвигаются и выдвигаются, грузятся и разгружаются огромные иностранные пароходы и мелкіе прибрежные пароходики, гдѣ снуютъ и рѣютъ, перекрещивая другъ друга, какъ встревоженные птицы во своемъ полетѣ, обгоняя, сторонясь, увертываясь, всевозможныя парусныя суда, каюки, барки и шлюбки... Крикъ, брань, стукотня, визгъ, свистъ и хланье пароходныхъ трубъ—наполняютъ все кругомъ, и въ этомъ оглушающемъ хаосѣ движенія и звуковъ, забываешь даже любоваться чудными амфитеатрами надвинувшагося надъ головой Царягорода...

Жирный важный кавасъ русскаго посольства, расшитый съ головы до пятокъ золотыми шнурами и позументами, вооруженный какъ на войну дорогимъ оружіемъ, провожаетъ въ хорошенкій, убранный ковриками каюкъ нашего молодого спутника, прибывшаго изъ Питера на должность секретаря консульства въ Филиппополь.

Мы тоже отправляемся вслѣдъ за нимъ на берегъ, вмѣстѣ съ парюю нашихъ милыхъ спутниковъ, англичанъ, которые должны въ тотъ же день отъѣзжать на греческомъ пароходѣ изъ Константинополя въ Аѣины... Англичане эти преоригинальные субъекты. Худенькій постный старичокъ съ неимоверно огромнымъ и неимоверно рѣющимъ носомъ, одѣтый съ тою домашнею безцеремонностію, которую дозволяютъ себѣ только одни англичане; супруга его, высохшая въ мумію, съ ногъ до головы траурная леди, когда-то красавица собою, въ такомъ фантастическомъ

платье по нитки на своемъ безплатномъ свелетѣ, котораго, конечно, не придумала бы ни одна модистка Парижа.

Это—Ричардсоны, богатые владѣльцы пароходныхъ верфей въ Нью-Кестлѣ. Супругъ, инженеръ, зачѣмъ-то пронесся съ необыкновенною быстротою изъ Варшавы въ Крымъ, осмотрѣлъ Керчь, Ялту, Севастополь, побывалъ въ Одессѣ и теперь, при возрастающихъ слухахъ о войнѣ, стремится навадъ въ Англію съ такою поспѣшностію, что не захотѣлъ даже осмотрѣть нивогда имъ невиданнаго Константинополя, хотя принадлежитъ къ числу весьма образованныхъ и любознательныхъ людей... Мы насилу уговорили нашихъ интересныхъ спутниковъ присѣсть въ нашу коляску, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нами до отхода англійскаго парохода хотя одну Святую Софію. На пароходѣ мы наняли въ драгоманъ, по рекомендаціи капитана, Марко Митровича, славянина, говорящаго по-русски, а потому берущаго по 10 франковъ въ день вмѣсто 6, и вмѣстѣ съ нимъ и Ричардсонами полетѣли на легкомъ каюкѣ къ берегу Галаты цѣлою флотиліею обгонявшихъ другъ друга лодокъ.

Расфранченныя дамы и столичные кавалеры прекомично покачивались на развеселившихся волнахъ пролива, ухватившись въ малодушномъ страхѣ за борта быстро ныряющей лодки и жалобно поглядывая на волны; среди этого безцеремоннаго торговаго шума, запыленныхъ рогожныхъ тюновъ, закопченныхъ дымомъ ящиковъ, среди сѣрыхъ воловьихъ стадъ и сѣрой рабочей толпы,—тамъ-то страннымъ и неподходящимъ выдѣлялись ихъ лакированные сакъ-воязи и чемоданы, ихъ щегольскія шляпки въ цѣфтахъ и кружевахъ, только-что взятые изъ моднаго магазина.

Галата—старое итальянское предмѣстіе Константинополя, а итальянскій городокъ и грязью, и узкостію улицъ, и всѣмъ характеромъ своимъ мало разнится отъ восточнаго города...

Это—тотъ же Стамбулъ, въ которомъ нѣсколько больше европейскихъ лавченоевъ, и нѣсколько меньше азіатскихъ. Сейчасъ же за таможенъ насъ охватили узкіе вьющіеся по горамъ переулки, биткомъ набитые идущимъ, бѣгущимъ, сидящимъ и лежащимъ восточнымъ народомъ. На всякомъ шагу открытыя кухни; самокрутящіеся вертела жарятъ барановъ и козлятъ, на огромномъ деревянномъ блюдѣ турокъ-поваръ въ чалмѣ, съ засученными руками, проворно рубитъ широкимъ ножомъ аппетитно пахнущій блинъ-пирогъ...

Гдѣ ни кухня, тамъ кофейня; гдѣ ни кофейня—цирульня.

Толкотня въ самомъ маленькомъ переулкѣ такая, какую не всегда увидишь на бульварахъ Парижа. Крики, разговоръ, смѣхъ... Все и всѣ на улицѣ, никто ничѣмъ не стѣняется, все запружено взадъ и впередъ... Открытую коляску можно достать только наверху, въ Перѣ. Мусульмане возятъ своихъ дамъ только въ закрытыхъ каретахъ, поэтому въ Стамбулѣ нѣтъ колясокъ. Пришлось сѣсть на воздушную желѣзную дорогу, которая черезъ прорытый туннель сообщаетъ Галату съ главною улицею Перы...

Тамъ мы наняли за 20 франковъ въ день хорошенъкую „*panier de Nice*“, съ бравымъ кучеромъ мальтійцемъ, который звалъ иностранные языки и достопримѣчательности Константинополя гораздо лучше нашего драгомана Митровича.

Мы отправились изъ Перы черезъ нижній мостъ Золотого Рога, прямо въ Святую Софію. На мостахъ Золотого Рога за каждый проѣздъ берутъ 6 піастровъ и сколько-то за каждый проходъ; а такъ какъ эти мосты—единственные артеріи, соединяющіе Стамбулъ съ европейскою стороною, и на нихъ иногда не расходится взадъ и впередъ снующая толпа экипажей, всадниковъ, пѣшеходовъ, то нужно полагать, что собираются милліоны... Но такъ какъ они собираются очень патриархально, прямо въ горсть какихъ-то оборванцевъ, торчавшихъ посреди моста, то врядъ-ли муниципальный фискъ города Константинополя видитъ въ своихъ сундукахъ даже маленькую половину дѣйствительнаго сбора...

Святая Софія стоитъ на холмѣ Сераля, сейчасъ за знаменитой Портой Оттоманской. Съ Мраморнаго моря она первая поражаетъ путешественника своею высотой и громадностію своего купола; но отъ Босфора, отъ Перы, отъ Золотого Рога,—мечеть Сулеймана, вѣнчающая самый высокій изъ холмовъ берега, владычествуетъ надъ всѣмъ Стамбуломъ, и новичокъ, прибывающій изъ Россіи, непременно принимаетъ ее за Софію...

Вотъ мы, однако, и передъ нею. Никакой площади, никакого простора кругомъ, узенькіе переулки съ маленькими домиками, какъ и вездѣ. Она сама вся застроена пристроечками, придѣльчинами, примкнувшими къ ней стѣнами, домами, лавченками. Но въ этой грязной варварской обстановкахъ, изъ этого неопытнаго хаоса случайныхъ и глухихъ построекъ, передъ вами все-таки высятся нѣчто великое и чудное, высятся громада, стройность, смѣлость и красота, которымъ не даромъ удивлялись вѣка...

Необыятный центральный куполъ Айя-Софіи, нѣсколько сдвинутый сверху, опирается на цѣлую систему меньшихъ куполовъ,

полу-куполовъ и купольчиковъ, постепенно понижающихся въ наружи.

Четыре высокихъ минарета на углахъ придаютъ этой древней святынѣ христіанства воинствующую фیزیономію истой мусульманской мечети. Въ Святую Софію теперь уже спускаются какъ въ пещеру, по сѣверной грязной лѣстницѣ бокового входа, полной обломковъ и сора, возмущающихъ русскую душу.

Громадныя входныя двери прикрыты тяжелыми занавѣсами изъ полинявшаго и изодраннаго краснаго сукна, подбитаго кожею и украшеннаго вышитыми строками корана. Съ галлерей главнаго входа въ храмъ ведутъ девять такихъ наглухо завѣшанныхъ дверей... Лѣтописцы увѣряютъ, что въ древности въ Святой Софіи было 365 дверей и 365 престоловъ, по числу дней года...

Надъ дверями чуть видѣются, сквозя изъ-подъ слоя извести, неразрушимые узоры древнихъ мозаикъ. Мулла надѣлъ намъ поверхъ сапогъ истоптанныя кожаные бабуси и приподнял уголь тяжелаго кожаннаго занавѣса...

Одинъ за однимъ осторожно пригibались мы подъ него и входили во храмъ...

Насъ сразу охватила благоговѣйная таинственность святого мѣста. Мы словно потонули вдругъ въ его величавой громадной пустынности. Надъ нами стоялъ чудный сводъ каменнаго неба, тихо сіявшаго на насъ своимъ голубомъ свѣтомъ сквозь поддерживавшій его вѣнецъ полуокруглыхъ оконъ, а вокругъ стлалась цѣлая мраморная площадь, охваченная какъ стволами вѣкового лѣса двумя ярусами драгоценныхъ колоннъ зеленоватаго порфира, темнокрасной яшмы, сѣро-пестрыхъ и желто-голубыхъ мраморовъ изъ Ливіи, Мидіи, Фессаліи... Каждая колонна—историческая реликвія, когда-то исторгнутая изъ храма Ефесской Діаны, изъ Бальбека, изъ Трои, изъ Рима, Аѳинъ. Цѣлыя тысячелѣтія оставили здѣсь свои памятники и свои сокровища... Разноцвѣтные мраморы, такого же богатства, такой же красоты, одѣваютъ и стѣны этого колоссальнаго храма... Изъ мрамора вырѣзанъ и крытый павильонъ падишаха, и обширная галлерей для пѣвчихъ, и изящная, будто бы кружевная, лѣстница каеэдры, и усыпальница султановъ... Всѣ эти мраморныя постройки совсѣмъ не замѣтны въ громадномъ окватѣ храма. Самъ кажешься себѣ такимъ крошечнымъ, ничтожнымъ, подавленнымъ среди его колоссальныхъ размѣровъ... Голосъ человѣка словно боится нарушить торжественное безмолвіе этой священной пустыни, и мы двигаемся по ней, отъ одной дикой подробности къ другой, въ изумленіи созерцая ея чудную громаду, и не дерзая спугнуть

суетою своихъ рѣчей охватившаго насъ благоговѣйнаго настроенія. Какіе-то глухіе, не смолкавшіе звуки, словно назойливое жуужаніе насѣкомыхъ, впрочемъ неслись изъ далекихъ угловъ храма, нарушая его таинственное молчаніе. Когда мы приближались къ сѣковымъ мраморнымъ навѣсамъ, стоявшимъ около колоннъ, мы видѣли колѣнопреклоненныхъ молодыхъ софѣ, въ фанатическомъ забвеніи выкрикивавшихъ стихи корана. Блѣдныя, съ залепкившимися губами, съ разгорѣвшимися глазами, они раскачиваются и бьютъ головой въ землю на своихъ молитвенныхъ коврикахъ цѣлые часы сряду, обратясь лицомъ къ Меккѣ, забывъ обо всемъ мірѣ.

Они не оглядываются на насъ и не прекращаютъ своихъ унылыхъ причитаній...

Христіанскій алтарь вынуть, и священный „мирабъ“ мусульманъ, разукрашенный мраморомъ, передъ которымъ стоятъ прикованы желѣзомъ къ стѣнѣ исполнскія, какъ стволы дерева, расписныя и раззолоченыя восковыя свѣчи въ такихъ же гигантскихъ подсвѣчникахъ, передъ которыми висятъ лампы со страусовыми яйцами и пучками пшеничнаго колоса, повернуть нѣсколько наввось противъ большого алтаря, какъ-разъ на Каабу; доска краснаго мрамора указываетъ ея направленіе.

Турецкія мечети убираются просто. Никакихъ изображеній человѣка или чего-нибудь живого... Безцѣнная мозаиковая иконопись древней Софіи наглухо замазана густымъ слоемъ золотой краски, и только четыре громадныя мозаиковыя фигуры апокалипсическихъ шестикрылатыхъ серафимовъ, изображенныя на парусахъ четырехъ главныхъ пиластровъ, поддерживающихъ куполь, почему-то оставлены нетронутыми, хотя лица ихъ уничтожены варварскою рукою...

Взамѣнъ иконъ развѣшаны кое-гдѣ по стѣнамъ и аркамъ круглыя черныя щиты и длинныя зеленныя таблицы, исписанныя золотыми строками корана, да древніе ковры Мекки, расшитые шелками по зеленому фону, освященные привосновешіемъ съ камнемъ Каабы...

На одномъ изъ старыхъ полинявшихъ ковриковъ молился по турецкому преданію самъ пророкъ Магометъ, подлинный коранъ котораго, переписанный рукою его преемника Омара, хранится доселѣ въ недоступной таинственной библіотекѣ Святой Софіи. Множество желѣзныхъ прутьевъ и цѣпей опускаются сверху, и надъ всею обширною площадью храма, довольно низко надъ поломъ почти сплошь висятъ деревянныя трехъугольники, круги, многогранныя звѣзды, увѣшанные многими тысячами самыхъ не-

взрачныхъ, но за то безчисленныхъ лампадъ и шевалиновъ... Очень характерно, какъ неизмѣнный обычай мусульманской мечети, но оскорбительно до боли для глаза художника! Эта гнусная паутина турецкаго варварства, раскинувшая свои неуклюжія тенета по всему пространству художественной и исторической святыни, вездѣ торчащая надъ головою, вездѣ становящаяся между красотою храма и глазомъ, благоговѣнно созерцающимъ ее, все-таки не въ силахъ заслонить собою, какъ не въ силахъ заслонить всѣ эти нелѣпыя картонныя щиты и поношенныя ковры, той чудной гармоніи линий, той необъяснимой прелести геометрическихъ формъ, которыми дерзновенно воздымался надъ нами волосаль-ный воздушный куполь, освѣняющій собою цѣлую площадь, которыми смотрѣли на насъ со всѣхъ сторонъ строгія античныя колоннады, по-истинѣ достойныя чертоговъ Божьихъ, и свѣтлыя радующіе глазъ ряды изящныхъ оконъ...

Этотъ христіанскій храмъ средневѣковой Византіи—прямое наслѣдіе художественнаго генія древнихъ эллиновъ. „Когда Христосъ вошелъ въ этотъ домъ, Юпитеръ только-что вышелъ изъ него!“ прекрасно выразился о немъ одинъ тонкій французскій наблюдатель.

На одной изъ яшмовыхъ колоннъ намъ показали, высоко надъ поломъ, рѣзкій и глубокій надрубъ...

Это Магометъ Второй, завоеватель Византіи, разрубилъ каменный столбъ своею могучею саблею, вѣхавъ во храмъ Софіи верхомъ на конѣ по горамъ труповъ,—говоритъ легенда. Оттого такъ высоко и пришлось его ударъ. А вотъ немного дальше, на другой колоннѣ, кровавый слѣдъ его правой руки, облитой кровью изрубленныхъ имъ враговъ... Безпощадные сподвижники Магомета топтали своими конями и внизу, и на хорахъ храма, толпившихся тамъ дѣтей и женщинъ.

До сихъ поръ на эти хоры безъ труда можно вѣхать верхомъ по просторной и пологой спирали, вымощенной большими плитами, и вьющейся безъ ступеней на верхъ... На обширныхъ хорахъ еще больше запустѣнія. Мраморныя плиты потрескались и повыгнулись какъ волны моря; въ разбитыя окна свободно влетаютъ птицы, и галки, и голуби вьютъ свои гнѣзда подъ сводомъ купола... Въ византійскую старину эти хоры или „палаты“ назначались для женщинъ, которыя по обычаямъ востока были отдѣлены отъ мужчинъ и закрыты отъ глазъ ихъ... „И какъ это дивно и умно было устроено,—разсказываетъ одинъ изъ нашихъ старинныхъ паломниковъ нашихъ:—женщины стояли за прозрачными занавѣсками, ихъ лицъ и нарядовъ никто изъ на-

рода не могъ видѣть, а онѣ, стоя на наматахъ, видѣли все "... Тутъ же „пѣвчіе пѣли пѣніе пречудное и стройное и умъ превосходящее“, то дѣйствительно чудное пѣніе, которое когда-то пробрало даже грубую шкуру дикаря-славянина и заставило его забыть налюбленныхъ Купаль и Перуновъ.

Въ глухомъ углу хоръ мы наткнулись на гробовую плиту Генрико Дандоло, дожа венеціанскаго, почти столѣтняго слѣпца, который вѣроломно обратилъ силы христіанъ - крестоносцевъ на разрушеніе и расхищеніе христіанской имперіи. „Человѣкъ весьма мудрый и весьма сильный, хотя и слѣпой, но провидящій многое и во мракѣ глазами ума“, — выражается о немъ въ благоговѣйномъ ужасѣ греческій лѣтописецъ.

На хорахъ уцѣлѣло много мозаиковыхъ арокъ, очищенныхъ отъ той грубой золотой краски, которою покрыла ихъ безжалостная рука турецкаго фанатика. По этимъ удивительнымъ образцамъ можно судить о красотѣ, вкусѣ и роскоши во внутренней отдѣлкѣ древняго храма... Несокрушимыя тысячелѣтіями ковры изъ каменьева самоцвѣтныхъ, во всей волшебной пестротѣ и красотѣ своихъ красокъ, въ строгихъ художественныхъ линіяхъ своихъ фигуръ, одѣвали когда-то сплошнымъ драгоценнымъ уборомъ весь этотъ необъятный сводъ, всѣ эти купола, арки и ниши, столбы и стѣны...

Сторожа-турки, болѣе нечестивые, чѣмъ Омары, систематически ковыряютъ теперь изъ обнаженныхъ арокъ эти цвѣтные камушки, пережившіе народы и царства, и горстями продаютъ ихъ потихоньку посѣтителемъ-туристамъ. И я былъ настолько малодушенъ, что тоже протянулъ двухъ-франковикъ гнусному святотатцу въ обмѣнъ за пригоршню бесполезно награбленной святыни, вмѣсто того, чтобы схватить его за шиворотъ и сбросить внизъ головою съ хоръ.

Отъ настоящей древней Святой Софіи, можно сказать, уцѣлѣлъ только ея чудный каменный скелетъ. Первый разъ она основана была еще равноапостольнымъ Константиномъ въ IV вѣкѣ, но церковь была деревянная и сгорѣла во время одного изъ опустошительныхъ византійскихъ пожаровъ. Какова она была при Юстиніанѣ, вторично создавшемъ ее въ дни своей юной славы, повѣствуютъ намъ умиленные лѣтописцы. „Умъ человѣческій не можетъ ни сказать, ни вычесть, какъ она велика и прекрасна“, — говорили о ней наши старинные путешественники. „Императоръ соорудилъ великое и несравненное зданіе, которому

подобнаго не представляет исторія, соорудилъ церковь Святой Софіи, величайшую, великѣйшую, изящную, для описанія которой не найдешь и слова“, свидѣлствуетъ современный Юстиніану греческій историкъ.

Ея 365 престоловъ были окованы серебромъ и золотомъ, покрыты драгоценными камнями; ея безчисленныя двери были вылиты изъ позолоченной бронзы и мѣди; въ стѣны ея были проведены многочисленныя колодцы ключевой воды. Главный алтарь ея былъ украшенъ золотою трапевою, осѣненной золотымъ шатромъ, чудной чеканки и обвѣшанной драгоценными вѣнцами императоровъ на тройныхъ золотыхъ цѣпяхъ. Эту знаменитую во всемъ христіанскомъ мірѣ трапезу похитили во время 4-го крестоваго похода венеціанцы Дандоло, и преданіе говоритъ, будто бы ее и теперь можно видѣть въ тихую погоду на днѣ Мраморнаго моря, куда она погрузилась вмѣстѣ со всѣми награбленными венеціанцами сокровищами во время кораблекрушенія, постигнаго нечестивыхъ святотатцевъ. Характерно разсказываетъ объ этомъ ограбленіи христіанами христіанской святыни современный ему русскій лѣтописецъ.

„Внидоша во святую Софію и одраша двери и разсѣкоша амвонъ, окованъ бо быше весь серебромъ, и столпы серебряныя 12, а 4 кѣтные, и тѣло изсѣкоша, 12 креста, иже бяху надъ олтаремъ и межи ими шипки яко древо выше мужа, и преграды олтарныя межи столпы, а то все серебряно; и трапезу чудную одраша, драгій камень и великій жемчугъ, а самую невѣдомо камо дѣша, и 40 кубковъ великихъ, аже бяху предъ олтаремъ, и паникадила, и свѣтила, все то серебряно, яко не можемъ числа исповѣдати, со праздничными суды безцѣнными служебными, и евангелія же и кресты честныя, и иконы безцѣнныя, все одраша; и подъ трапезою сокровище найдоша, 40 кадей чистаго злата, а на полатѣхъ во стѣнахъ и судохранильници невѣдомо колѣво злата и безцѣнныхъ судъ, яко нѣсть числа“.

Тысяча клириковъ состояли при этомъ необыкновенномъ храмѣ, который по справедливости величался греками „великою Церковью“. Постройка его обошлась Юстиніану около 3¹/₂ миллионъ нашихъ рублей и продолжалась 6 лѣтъ, подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ зодчихъ того времени, Анѣмія Траллессаго, Исидора Милетскаго и Игнатія Магистра.

„Слава Господу, который сподобилъ меня свершить такое великое дѣло! Я превзошелъ тебя, Соломонъ!“ — горделиво воскликнулъ великій императоръ-строитель, когда патріархъ освятилъ нововосзданный имъ храмъ.

Слава Святой Софіи разнеслась по всему міру и вездѣ въ христіанскихъ странахъ востока, у насъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, точно такъ же, какъ въ Нивеѣ или Трапезунтѣ, стали воздвигать на подобіе ему храмы святой Софіи, премудрости Божіей...

Святая Софія стала самымъ полнымъ художественнымъ воплощеніемъ религіозной мысли восточнаго христіанина, чертогомъ божіимъ, изъ каменьева самоцвѣтныхъ неизобразимой красоты, необъятныхъ размѣровъ, чудесно покрытымъ сверху словно нерукотвореннымъ сводомъ неба, населеннымъ сіяющими, какъ солнце, ликами ангеловъ и святыхъ мужей; стала, однимъ словомъ, идеаломъ церковнаго зодчества для всего православія, „канонмъ церковной архитектуры“, какъ мѣтко выразился о ней одинъ духовный писатель... Нельзя сомнѣваться, что именно въ „Великой Софїѣ“, что строилъ Устиньянъ-Царь“, въ этомъ храмѣ храмовъ, были очарованы и плѣнены духомъ языческіе послы нашего Владиміра. „Видѣхомъ тамо неизглаголанную красоту церкви, и плѣнія, и одежды іерейскія ихъ... не вѣдающе, на землѣ или на небѣ быхомъ. И нѣсть таковыя красоты и славы нигдѣ же на землѣ“...

Передъ такою великою святынею христіанства не могли не благоговѣть даже суровые завоеватели... Магометъ II, омывъ рѣками крови мраморы христіанскаго храма, торжественно возсѣлъ на престолъ Святой Софіи, не выпуская изъ руки своей окровавленной сабли, и приказалъ возсылать молитвы Магомету.

Съ тѣхъ поръ Айя-Софія стала первымъ святилищемъ Стамбула, какъ была она до того первымъ святилищемъ Константинополя. Доходы ея сдѣлались громадны; говорятъ, самъ султанъ уплачиваетъ ей до сихъ поръ болѣе 1000 левовъ церковной подати, и на доходы эти содержатся при мечети множество духовныхъ школъ, больницъ, страннопріимныхъ домовъ, столовыхъ и пріютовъ для бѣдныхъ... Съ тѣхъ поръ и до сего дня, восходя для молитвы по высокой мраморной лѣстницѣ міраба, преемники Магомета всегда держатъ въ одной рукѣ книгу закона магометова, а въ другой обнаженную саблю, на память о той исторической саблѣ, которая взяла когда-то съ кроваваго боя столицу христіанскихъ императоровъ...

Одна поэтическая легенда связана въ Святой Софіи съ воспоминаніемъ о грозномъ часѣ плѣненія турецкаго... Когда азіатскіе варвары ворвались подъ мозаиковые своды святилища и стали съ изступленными кривами колотъ и рубить толпившійся народъ, священникъ, служившій обѣдню, взявъ чашу съ святыми

Дарами и спокойно направился съ нею къ боковому придѣлу храма...

Не успѣли турки занести на него свои окровавленные сабли, какъ разступилась стѣна храма и поглотила въ себѣ безстрашнаго служителя божія.

И греки, и сами турки вѣрятъ, что онъ до сихъ поръ читаетъ въ глубинѣ своей мраморной стѣны молитвы надъ святою чашею, иногда доступная благочестивому уху, и что наступитъ день—неизбѣжный день христіанскаго торжества и гибели невѣрныхъ, когда разверзнется вновь чудотворная стѣна, и изъ нея выйдетъ опять къ возстановленному престолу Софіи, премудрости Божіей, священникъ съ святыми Дарами...

IV. — ОВЛОМЕН ВІЗАНТІЙСКАГО ВЪИЧІЯ.

Ближайшія окрестности Святой Софіи полны интереса. Не даромъ она стоитъ на томъ древнемъ холмѣ Акрополиса, первомъ изъ византійскихъ холмовъ, который во всѣ вѣка былъ центромъ византійской власти и византійской роскоши... Площадь, застроенная теперь безобразными массами ея пристроекъ и конгрфоровъ, это — „Августеонъ“ Константина Великаго. Неподалеку отъ нея, высоко надъ волнами моря, тамъ, гдѣ теперь живописно бѣлѣютъ среди густыхъ пирамидъ кипариса, вышки и купола опустѣвшаго султанскаго сераля, откуда хмурятся теперь на насъ неказистый „Баъ-эль-Гаямъ“, кровавой памяти ворота „Высокой Порты оттоманской“, нѣкогда утыканныя головами казненныхъ сановниковъ и столько вѣковъ заставлявшія трепетать самыхъ безстрашныхъ людей, переступавшихъ ихъ порогъ, стояли въ дни Византіи „Золотыя палаты“ ея императоровъ. До сихъ поръ уцѣлѣла на площади церковь святой Ирины, построенная еще Константиномъ, основателемъ Царяграда. Эта типическая базилика строгаго византійскаго стиля, хотя и обращена теперь въ арсеналъ, недоступный публикѣ, но за то не обезображена пристройками и перестройками на турецкій манеръ. Вѣроятно, не моложе ея годами и не бѣднѣе историческими воспоминаніями растущій тутъ же почти до земли разсѣвшійся исполнскій платанъ тысячелѣтней древности, въ черномъ распахнутомъ чревѣ котораго легко могутъ помѣститься, какъ въ пещерѣ, нѣсколько человекъ; а по другую сторону Святой Софіи, словно въ насмѣшку надъ этою разрушающеюся древностію, сверкаетъ своимъ бѣлымъ мраморомъ, своими причудливыми золотыми іерогли-

фами по блѣдно-зеленому полю одинъ изъ красивѣйшихъ фонтановъ Стамбула, изящный арабскій фонтанъ Ахмета III. Недалеко отъ него высится огромное зданіе эфемернаго турецкаго парламента, а съ другой стороны славный когда-то „ипподромъ“ византійскихъ императоровъ, мѣсто состязаній, ненависти и жесточайшихъ междоусобныхъ браней... Теперь онъ называется Ат-Мейданъ и, по правдѣ сказать, ни чѣмъ не интересенъ... Правда, на немъ еще стоятъ удѣлѣвшія отъ безчисленныхъ погромовъ жалкіе остатки древнихъ украшеній его, обелискъ Θεодосія, „Змѣиная колонна“, и каменный „столбъ Константина Багрянороднаго“; но они производятъ среди этой неказистой и узенькой турецкой площади, застроенной деревянными домишками, не больше впечатлѣнія, какъ голая кость, вынутая изъ могилы какого-нибудь великаго человѣка. И обелискъ, и всѣ столбы уже глубоко сидятъ въ землѣ, такъ что подножія ихъ окружены погребями своего рода, заросшими травой и кустами. Новый Стамбулъ выросъ своею навозною корою на пѣлю сажень выше старыхъ мраморовъ Константинополя. Обелискъ, какъ всѣ египетскія каменные сооруженія, сохранилъ изумительную свѣжесть, точность и мѣткость рисунка. Старые египтяне умѣли обращаться съ гранитомъ, какъ съ кускомъ воска, и ихъ строгій геометрическій рѣзецъ не обмахивался на полъ-волоса, вынимая ровно и тонко слои крѣпкаго, какъ желѣзо, камня...

Массивное подножіе обелиска сплошь покрыто фигурами византійской скульптуры, изображающими исторію Θεодосія Великаго, воздвигнувшаго обелискъ послѣ землетрясенія.

„Змѣиная“ колонна“ свита изъ трехъ змѣй зеленой бронзы почти до-исторической древности... Она служила треножникомъ знаменитому делосскому оракулу Аполлона.

Теперь эти змѣи безъ головъ, какъ и оракулъ безъ голоса... Увѣряютъ, будто Магометъ Второй сбилъ побѣдоносной палицей эти головы, украшенные драгоцѣнными камнями, опасаясь скрытаго въ нихъ колдовства. Старинные русскіе путешественники тоже приписывали мистическую силу этому древнему языческому столбу, увѣренные, что въ немъ „скрытъ ядъ змѣиный“... Каменный столбъ, называвшійся у византійцевъ колоссомъ, обозначалъ предѣлъ конскаго ристалища, на которомъ императоры, принцы врови, высшіе сановники имперіи, увлеченно перегонялись на колесницахъ другъ съ другомъ и обращали эти партіи цирка, „голубыхъ“ и „зеленыхъ“, въ непримиримую политическую борьбу. Прежде столбъ былъ обитъ скульптированной и золоченою мѣдью, но венеціанцы ободрали мѣдь, принявъ ее за

золото, во время повального разграбленія Константинополя въ 1204 году, и теперь только турецкая безпечность может оставлять въ повоѣ этотъ совсѣмъ почти разрушившійся столбъ, грозящій ежеминутнымъ паденіемъ, и не представляющій ни малѣйшаго интереса... Въ прежнее время ипподромъ дѣйствительно былъ громаднымъ открытымъ циркомъ, украшеннымъ всеми чудесами тогдашняго міра. Кругомъ площади шли амфитеатромъ мраморныя сидѣнія, множество знаменитыхъ колоннъ и статуй стояло посреди его. Между прочимъ, на громадномъ подножіи въ 40 аршинъ возвышалась конная статуя императора Юстиніана, такъ поражавшая нашихъ древнихъ путешественниковъ: „Видимъ, стоитъ тутъ огромный столбъ, удивительный по толщинѣ, красотѣ и высотѣ, такъ что его видно издалека. На верху его стоитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, весьма чуденъ, какъ живой! Одѣтъ въ сарацинскій доспѣхъ, такъ что и смотрѣть страшно“ — рассказываетъ одинъ изъ этихъ наивныхъ паломниковъ. Колоссальная конная статуя Θεодосія Великаго была вылита изъ чистаго серебра и была потомъ переплавлена при постройкѣ Юстиніаномъ Софійскаго храма на тотъ серебряный шатеръ, или „кувуклій“, которымъ была осѣнена святая трапеза... Колонна Константина Великаго изъ краснаго мрамора стоитъ не на Ат-Мейданѣ, а нѣсколько дальше, среди Базара. Землетрясеніе разбило ее, и съ тѣхъ поръ она связана мѣдными кольцами, верхъ ея наддѣланъ простымъ камнемъ. Въ древности на ней стояла статуя Аполлона, Фидіасовой работы, и лучи этого лучезарнаго бога язычества были сдѣланы, какъ увѣряетъ преданіе, изъ гвоздей, которыми былъ пригвожденъ ко кресту Спаситель міра.

До какой степени основатель Царяграда дорожилъ этимъ заброшеннымъ теперь славнымъ памятникомъ, видно изъ простодушнаго разсказа нашей Воскресенской лѣтописи: „Постави же пречудный онъ столпъ багряный, его же изъ Рима принесе моремъ тремя лѣты до Царьграда, зане великъ зѣло и тяжекъ; отъ моря же до торгу лѣтомъ единымъ принесетъ бысть; и царю часто приходящу и злата много дающу людемъ береженія ради и положи основаніе дванадесять кошъ, ихже благослови Христось, и отъ древа честнаго и святыхъ мощей на утверженіе и сохраненіе предивнаго и единокаменнаго столпа. И постави на немъ кумирь, его же принесе отъ Солнечнаго града Фригійскаго, ямушаго на главѣ семь лучъ“.

Вообще по теперешнимъ засореннымъ площадямъ и драничнымъ домишкамъ Константинополя нельзя себѣ и вообразить ту роскошь и тѣ художественныя сокровища, которыя наполняли

когда-то столицу византийскихъ императоровъ, дѣлая се чудомъ свѣта своего времени.

Недаромъ греческіе лѣтописцы такъ восторженно славословили ее, величая „царицею городовъ, обширѣйшимъ городомъ міра, городомъ великаго царя, скиніею Всевышняго, гордостію и хвалою слугителей Его, утѣхою чужеземцевъ, повелительницею повелительницъ городовъ, пѣснью пѣсней, почестію почестей и рѣдкимъ зрѣлищемъ рѣдкостей“.

Какое обиліе древнихъ статуй было раскинуто по площадямъ и улицамъ этого „Новаго Рима“ и какими вообще богатствами кишѣлъ онъ еще въ средніе вѣка, лучше всего видно изъ безхитростнаго плача Никиты Хоніата, современника безсовѣстнаго ограбленія венеціанцами въ 4-й крестовый походъ.

Эти западные варвары, превосходившіе алчностью турокъ, вскрыли даже гробницы императоровъ въ храмѣ святыхъ Апостоловъ, содрали царскія одежды съ трупа Юстиніана, „и набили себѣ пазуху съ неслыханною дерзостію золотыми украшеніями, алмазами и чистѣйшими драгоцѣнными камнями“. Добыча, которую, они нашли во дворцахъ императоровъ и въ палатахъ вельможъ, „была такъ велика, что никто не въ состояніи былъ бы опредѣлить количества найденнаго золота, серебра, сосудовъ, драгоцѣнныхъ камней, бархату, шелковыхъ матерій, мѣховыхъ одеждъ и прочихъ предметов“; „въ теченіе многихъ вѣковъ никогда не находили столько добычи въ одномъ городѣ“.

Нечестивые латины не пощадили и храмовъ старой Византіи:

„О ужасъ!—вошеть лѣтописецъ. Святые образа безстыдно потоптаны! О, горе! мощи святыхъ мучениковъ заброшены въ мѣста всякой мерзости! Божественное Тѣло и Кровь Христовы были разлиты и разбросаны по землѣ. Нѣкоторые изъ нихъ разбивали драгоцѣнныя чаши, ихъ украшенія прятали за пазуху, а изъ нихъ пили, какъ изъ бокаловъ. Святые наои, затканные драгоцѣнностями и необыкновенной красоты, приводившей въ изумленіе, были разрублены на куски... Образами Спасителя и святыхъ пользовались, какъ столами и стульями“.

О разграбленіи главнаго храма Святой Софіи лѣтописецъ прибавляетъ: „Когда имъ нужно было вывезти изъ храма священные сосуды, предметы необыкновеннаго искусства и чрезвычайной рѣдкости, серебро и золото, которымъ были обложены каеэды, амвоны и врата, они ввели въ притворы храма муловъ и лошадей съ сѣдлами; животныя, пугаясь блестящаго пола, не хотѣли войти, но они били ихъ и, такимъ образомъ, оскверняли ихъ каломъ и кровью священный полъ храма“.

Понятно, что христіане, не остановившіеся даже передъ святынями христіанства, не остановились и передъ святынями древняго языческаго искусства. Никита Хониатъ подробно исчисляетъ всѣ знаменитости античнаго міра, украшавшія въ его время столицу Константина и уничтоженныя латинами. Они разбивали въ куски статуи великихъ мастеровъ древности и переливали ихъ для продажи на кѣсъ мѣди и бронзы. Такеъ погибла громадная статуя Юноны, одну голову которой едва могли перевезти четыре быка, погибла статуя Париса-Александра, Всадника, Геркулеса котораго одинъ палець былъ толщиною въ станъ вырослаго человѣка, а берцовая кость въ человѣческій ростъ, бронзовыя группы: осла, свиньи и волчицы, человѣка со львомъ, гиппопотама, слона, сфинксовъ, коня, орла, на крыльяхъ котораго были устроены солнечныя часы, Василиска и Аспидъ, статуя Елены, четверогранная пирамида и много другихъ знаменитыхъ памятниковъ ишподромъ и иныхъ площадей Византіи.

Еще живѣе переносить насъ въ роскошную цивилизацію средневѣковой Византіи, въ торжественный бытъ ея владыкъ подробное описаніе пребыванія въ Цареградѣ нашей княгини Ольги, оставленное Константиномъ Багрянороднымъ.

Дворецъ императоровъ, занимавшій теперешній мысъ Серала и почти весь первый холмъ Царяграда, былъ устроенъ, какъ святой храмъ, съ такимъ же расположеніемъ придѣловъ и притворовъ, съ такою же круглою формою его Святая Святыхъ, гдѣ помѣщались тронныя залы; стѣны его были изукрашены такою же сплошною мозаикою и золотомъ, какъ и стѣны знаменитыхъ храмовъ, въ родѣ Софійскаго, св. Апостоловъ и т. н., и мозаика эта изображала, какъ и въ храмахъ, громадныя лики Христа, Богоматери и сцены изъ священной исторіи. Самъ Софійскій храмъ былъ своего рода домовою церковью императорскаго дворца и помѣщался въ одномъ изъ угловъ его громаднаго двора, нынѣ обращеннаго въ площадь, соединяясь съ покоями императоровъ цѣлымъ лабиринтомъ мраморныхъ галлерей, сѣней и притворовъ. Дворецъ носилъ имя „священнаго, богохранимаго“, а парадныя одежды и церемоніи официальной жизни императоровъ были тѣ же священныя ризы изъ парчи, тѣ же митры, съ крестами, ушанныя драгоцѣнными камнями, тѣ же величественныя религіозныя процессіи съ преднесеніемъ посоховъ, рипидъ и хоругвей, съ предцѣвіемъ поющихъ клировъ и всякихъ придворныхъ чиновъ, какія впоследствии стали достояніемъ высшихъ сановниковъ церкви—патріарховъ и архіереевъ.

Самое знаменитое отдѣленіе дворца, гдѣ императоръ тор-

жественно принимать пословъ и чиновниковъ своихъ, всегда на золотомъ тронѣ, называлось „Золотая палата“.

Палата была круглая съ восемью выступами, въ родѣ раковины или звѣзды; въ нее вели двери изъ чистаго серебра. Своды и стѣны были покрыты золотой мозаикой, полъ — тоже драгоценной мраморной мозаики. Въ золотыхъ нишахъ выступовъ развѣшивались золотые царскіе вѣнцы, богатѣйшія одежды и порфиры... На хорахъ и на окнахъ разставлялось безчисленное множество большихъ серебряныхъ сосудовъ художественнаго чекана, блюда и чаши... Съ потолковъ висѣли серебряныя паникадила, на полу стояло 62 большихъ серебряныхъ свѣщниковъ, совершенно какъ въ любомъ соборѣ....

И такихъ золотыхъ палатъ была не одна.

Престолы въ нихъ стояли какъ бы въ особыхъ алтаряхъ, освѣщенные иконами, колоннами и занавѣсами, отодвигавшимися только въ необходимую минуту. Цари садились на свои престолы, повергаясь съ молитвою ницъ передъ образомъ Спасителя.

Такъ называемый „Соломоновъ престолъ“ Константина, устроенный по образцу библейскаго и стоявшій въ палатѣ „магнауръ“, былъ чудомъ богатства и искусства. Онъ былъ изъ золота и усыпанъ драгоценными камнями. На ступеняхъ, по обѣ стороны, лежали золотые львы. Сверху у трона сидѣли большія золотыя птицы. Ниже престола стояли золотыя же сѣдалища царскаго семейства, возлѣ престола — золотой, сіявшій алмазами, побѣдный крестъ Константина, а невдалекѣ золотое дерево, усаженное множествомъ золотыхъ птицъ, разукрашенныхъ цвѣтною эмалью. Огромный золотой органъ, также усыпанный драгоценными камнями, и два серебряныхъ возвышались въ разныхъ мѣстахъ палаты. Въ извѣстныя минуты торжественныхъ пріемовъ, органы начинали сами играть, золотые львы гордно поднимались со ступеней трона и рычали, птицы на тронѣ и на золотомъ деревѣ начинали вдругъ пѣть всевозможными голосами, какъ живыя...

Обѣдали въ этихъ золотыхъ палатахъ тоже за золотыми столами, на золотыхъ тарелкахъ и блюдахъ, осыпанныхъ дорогими камнями. На такихъ же золотыхъ, украшенныхъ камнями, блюдахъ подносили почетнымъ гостямъ въ подарокъ груди золотыхъ монетъ. Наша княгиня Ольга имѣла съ собою больше 100 человекъ свиты, и каждый разъ, обѣдая то у царя, то у царицы, получала въ даръ на каждого изъ своихъ придворныхъ золотыя блюда съ золотыми деньгами, смотря по значенію cadaго...

Скѣпно вспомнить про все это щедро лившееся и сыпавшееся золото старой Византіи, когда скитаешься теперь по мусору и пыли древнихъ стамбульскихъ улицъ, среди жалкихъ домовъ на куринныхъ ножкахъ, розыскивая убогіе обломки и чуть видныя слѣды бывлой роскоши, бывлого искусства...

Грандіозныя двухъ-ярусныя арки Валентова водопровода еще съ смѣлой граціей высятся кое-гдѣ надъ грубыми постройками азіатскихъ варваровъ, въ своей тысячелѣтней древности прочнѣе и красивѣе, чѣмъ эти утлыя созданія вчерашняго дня.

Въ залахъ и садикѣ Константинопольскаго музея собрана нѣкоторая часть мраморныхъ статуй и бюстовъ, когда-то украшавшихъ портики и галлерей византійскихъ дворцовъ, а теперь откопанныхъ въ мусорѣ, но почти всѣ они уже обезображены. Властительные лики императоровъ, увѣнчанныхъ лаврами, стоятъ надтреснутые и безносые, и могучіе торсы древнихъ героевъ расколоты, какъ куски сахара. Цѣлнѣ другихъ византійскихъ древностей сохранились колоссальныя подземельныя залы, прозываемыя теперь подземельями „1001 колонны“. Въ нихъ спускаешься по грязной и темной, почти отвѣсной лѣстницѣ. Размѣры подземелья циклопическіе. Кажется, вся Византія, въ случаѣ нужды, могла бы спрятаться въ эти безопасныя тайники. Колоннъ теперь видно далеко не 1000, а менѣе 400; остальные засыпаны землею. Но и та часть, которая еще доступна, производитъ поражающее впечатлѣніе, когда бродишь въ таинственной полутьмѣ у подножія цѣлаго лѣса гигантскихъ каменныхъ столбовъ. Каждый столбъ составленъ изъ трехъ большихъ мраморныхъ колоннъ, искусно утвержденныхъ одна на другой. На половину впрочемъ онѣ уже засыпаны мусоромъ и землею... Темницы какого-нибудь Шильонскаго замка кажутся дѣтской игрушкой передъ этою работою исполиновъ, вполне достойной древняго Рима. По всей вѣроятности, здѣсь была прежде громадная центральная цистерна для воды, на случай осады. Ее засыпали потому, говорить легенда, что какая-то стамбульская Тамара, жившая какъ разъ надъ цистерной, томила тутъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ, которыхъ она обирала послѣ ночныхъ оргій... Свѣтъ едва проникалъ въ глубокія нѣдра этихъ плутоновыхъ чертоговъ сквозь проломы свода, но корысть и нужда уже овладѣли и такимъ неприютнымъ мѣстомъ. Какая-то бродячая фабрика для размотки шелку преспокойно устроила въ этомъ никому не видномъ притонѣ свои станки и колеса, искрестивъ вдоль и поперекъ темныя колоннады своею желтою и красною паутиною, такъ что мы имѣли случай основательно познакомиться со всеми по-

дробностями этой нехитрой мѣстной фабрикаціи. Всевѣдающій драгоманъ нашъ увѣрялъ насъ, что общество константинопольскихъ водопроводовъ уже торгуетъ это колоссальное водохранилище у многочисленныхъ частныхъ владѣльцевъ, которымъ она сообща принадлежитъ, и намѣревается опять возстановить эту знаменитую древнюю цистерну Византіи...

У. — Улицы Константинополя.

Путешественники имѣютъ обычай уже слишкомъ вѣраживать грязью и вонью Цариграда, оттого, должно быть, чортъ показавъ намъ не такимъ страшнымъ, какъ его малюютъ. А кромѣ того, надо признаться, иное дѣло заглянуть въ Константинополь послѣ Вѣны, иное послѣ Москвы или Тифлиса. Родимая наша первопрестольная матушка, нечего грѣха таить, изрядно понахиваетъ Стамбуломъ кое-въ-какихъ не особенно парадныхъ мѣстечкахъ своихъ... Ну, а впрочемъ до турецкаго свинства всежъ-таки далеко не доходить...

Если хотите узнать Турцію и турокъ, ступайте бродить или поѣзжайте себѣ потихоньку по невыразимо-убійственной мостовой въ густо-населенные торговые кварталы Стамбула, въ его крытые базары, въ тѣ узенькія вьющіяся улочки, что ведутъ черезъ всю грязную и шумную суету города въ греческую патриархію Фанара.

Дома Стамбула — это вовсе не то, что дома европейскихъ столицъ или даже нашихъ большихъ городовъ. Нѣтъ, это міриады насыпанныхъ другъ на друга крошечныхъ домиковъ въ 2—3 окошечка, много въ 5—6, и непременно въ 2—3 этажа, частіе каменныхъ, но, большей частью, деревянныхъ, слѣпленныхъ на-скоро изъ кое-какихъ драночекъ, узенькихъ и высокихъ, въ родѣ башенокъ... Архитектура ихъ, однако, красива и характерна: на всякомъ шагѣ висятъ надъ улицей оригинальные фонарики, въ видѣ рѣзанныхъ шкафовъ, съ точеными рѣпоточками, съ задвижными и подъемными окошечками всякаго калибра такъ что ими любешься гораздо болѣе, чѣмъ самыми прекрасными европейскими зданіями обычнаго типа.

Домишки эти воткнуты другъ въ друга, прилѣплены другъ къ другу, стоятъ на головѣ другъ у друга и такъ тѣсно сходятся рядомъ, что изъ фонарниковъ двухъ противоположныхъ домовъ нерѣдко можно протянуть руку въ окно сосѣда.

Оттого въ Стамбулѣ пожаръ не бываетъ шуточнымъ, и каждый разъ погорѣлые дома считаются тысячами; по меньшей мѣрѣ

крупными сотнями. Еще хроникеръ среднихъ вѣковъ остроумно выражался про Константинополь, что въ немъ въ одинъ пожаръ истребляется „столько домовъ, сколько нѣтъ въ трехъ самыхъ большихъ городахъ Франціи“. О садахъ, о цвѣтникахъ, о скверахъ помину нѣтъ! Если протиснется гдѣ-нибудь во дворикѣ мечети или „тюрьбѣ“—группа черныхъ кипарисовъ или цвѣтущее миндальное дерево, то это ужъ большая рѣдкость. За то лавочникамъ, кофейнямъ, цигульнямъ, уличнымъ кухнямъ—нѣсть числа и предѣла!.. Константинополь—это одинъ сплошной базаръ, съ вѣчною базарною сутолокой, гамомъ и грязью базара. Ничего подобного этой толпѣ, этому безостановочному торговому движению нѣтъ даже на бульварахъ Парижа. Кажется, всѣ тутъ на улицѣ, все 800-тысячное населеніе, отъ дряхлой старухи до голаго мальчишки; и всѣ зачѣмъ-то куда-то спѣшать, ничего не дѣлая, на все глаза, вездѣ толкаясь. Точно и дѣла за ними никакого нѣтъ, въ этой счастливой столицѣ правовѣрнаго мусульманства, словно безъ работы ихъ все здѣсь сработается само собою, милостью Аллаха. Мнѣ въ голову не приходило, чтобы апатичные восточные челоѣвки, которые должны бы, собственно говоря, сидѣть неподвижно, поджавъ ноги, на своихъ коврикахъ и молча сосать свои длинныя трубки,—чтобы они столько бѣгали, кричали и волновались... И куда ни заглянете, вездѣ одно и тоже, въ самомъ, повидимому, глухомъ и дальнемъ закоулкѣ громаднаго города. Вездѣ кухни и кофейни сплошь набиты празднымъ народомъ. По узкимъ улочкамъ вездѣ разставлены кучи дешевенькихъ плетеныхъ стульевъ и скамеечекъ, а на нихъ важно воссѣдаетъ, куры свои стеклянныя наргиле, пестро одѣтая многочисленная публика. Всѣ потребляютъ, всѣ зѣваютъ, только не работаетъ никто.

Женщины Константинополя живутъ въ очень оригинальномъ заперти: у нихъ запертъ только ротъ да носъ какимъ-нибудь чернымъ или бѣлымъ платкомъ, подвязаннымъ до глазъ, а то они снуютъ по улицамъ нисколько не меньше мужчинъ. Нигдѣ я не видалъ такихъ противныхъ бабъ, какъ среди женщинъ сладострастнаго Стамбула, этого города одалискъ и гаремовъ. Куда ни выглянешь—все одни и тѣ же воротничогія, широкія и низенькія, какъ комоды, фигуры, съ трудомъ поворачивающія свои жирныя окорока, не идущія, а плывущія въ своихъ безобразныхъ черныхъ камотахъ по пятки, укутанныя съ головою въ такіе же безобразные и широкіе плащи съ грубыми голубыми или малиновыми полосками, а всего чаще черные. Иная не довольствуется

перевязкою одного носа, а завѣсить сплошь все лицо какимъ-нибудь яркимъ фуляромъ и двигается среди толпы, ни дать ни взять скрученное изъ тряпокъ огородное чучело. А какихъ и разглядишь, лучше бы не глядѣлъ! Желтыя, восковыя, словно опухлыя, съ птичьими клювами. Порядочный процентъ бабыю попадаетъ и совсѣмъ вороной масти, съ такими губами, что хоть студень изъ нихъ вари, какъ изъ любыхъ коровьихъ. Къ чему ужъ прикрываютъ свою красу отъ дерзкихъ взоровъ мужчины эти, самими Творцомъ отъ рожденія прикрытыя чернымъ флѣромъ, цѣломудренныя матроны — осталось для меня загадкою. Только женщины болѣе богатаго круга, очевидно, покупаемыя на сторонѣ, большею частью очень красивы. На улицѣ ихъ можно видѣть только въ каретахъ, такъ какъ коляски воспрещаются кодексомъ приличія мусульманскихъ барынь, и въ Стамбулѣ не найдешь ничего кромѣ закрытыхъ каретъ да верховыхъ лошадей. Только въ Перѣ можно добыть коляску. Но стамбульскія красавицы умѣютъ показать и въ окна каретъ свои прекрасныя черныя глаза и весь строгій обликъ своихъ восточныхъ лицъ, просвѣчивающій такъ кстати сквозь воздушныя покрывала.

Но еще несомнѣе стамбульскихъ женщинъ — стамбульскіе носильщики и стамбульскіе ослы! Господи, куда дѣться отъ нихъ, гдѣ только разминуться съ ними!.. кто больше подниметъ на свою терпѣную спину — турецкій маленькій осликъ, или турецкій огромный носильщикъ, не знаю...

Бѣда встрѣтиться и съ тѣмъ, и съ другимъ, двигаясь въ коляскѣ по безконечнымъ проулочкамъ Стамбула, въ сажень ширины...

Согнувшись совсѣмъ на-двое, мускулистый турокъ, съ покраснѣвшимъ отъ натуги лицомъ, взвалилъ на плоскую кожаную подушку, подвѣшенную къ плечамъ, громадное бревно или пару длинныхъ досокъ и двигается себѣ мѣрнымъ шагомъ съ горки на горку, никому, разумѣется, не сторонясь, прямо какъ паровозъ по рельсамъ. А вотъ цѣлыхъ четверо полуголыхъ атлетовъ съ бронзовыми икрами, передъ которыми окаменѣлъ бы отъ изумленія скульпторъ, несутъ на дрожинахъ тяжелѣйшую сороковою бочку, полную товара, ступая по командамъ въ тактъ, всѣ заразъ, и чуть не раздавливаемые своею ношею.

Иногда ихъ идетъ, одинъ за другимъ, цѣлая процессія, и вотъ изволь тогда увертываться, куда знаешь, отъ этихъ, въ разныя стороны торчащихъ, двигающихся тарановъ.

Того еще хуже, когда тѣсная улица, полная толкотни спящей взадъ и впередъ толпы, вдругъ запрудится обозомъ осликовъ или верблюдовъ, навьюченныхъ привязанными крестъ-на-крестъ досками и бревнами... Только подгоните ихъ дружище впередъ, и они въ 5 минутъ выметутъ вамъ на-чисто всю эту толпящуюся улицу. Чего-чего не возятъ на этихъ бѣдныхъ маленькихъ осликахъ! и горы кирпичей, и корзины угля, и бочки воды. Безъ осла пропасть бы лѣтний обитатель Стамбула. Но какъ ни неприятно и ни трудно двигаться по улицамъ султанской столицы, глазъ не отрывается отъ оригинальнаго зрѣлища характерной турецкой толпы, которая охватываетъ васъ кругомъ, сквозь которую вы проплываете въ своей европейской коляскѣ какъ сквозь живое море въ утлой ладѣ. Чалмы, чалмы кругомъ бѣлѣютъ и зеленѣютъ; красныя фески такъ и мелькаютъ въ глазахъ, обгоняя насъ, пробѣгая волнами на встрѣчу...

Типическіе старцы-патріархи, съ строгимъ взглядомъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей, съ величественными сѣдыми бородами, крупные, широкіе, высокіе, словно не изъ нашего дряблага вѣка, важно сидятъ у дверей лавочки, на диванахъ открытыхъ кофеенъ. въ своихъ живописныхъ азіатскихъ костюмахъ... Эти степенные мужи не спѣшатъ одѣваться въ легкомысленныя одежды лѣта и еще одѣты по зимнему, не смотря на апрѣльскій жаръ, въ мѣховыя короткія безрукавки и длинныя, мѣхомъ опушенныя халаты...

Красавцы анатолійцы, въ своихъ воинственно-театральныхъ нарядахъ, въ граціозныхъ шалевыхъ тюрбанахъ съ длинными концами, спущенными на одно плечо шелковистою бахромой, въ расшитыхъ золотомъ курточкахъ и широчайшихъ пестрыхъ поясахъ, сидятъ отдѣльными группами передъ кофейнями, яркіе и пестрые, съ удалскимъ видомъ посасывая свои наргиле и поглядывая на незнакомую суету столицы...

Намъ хотѣлось испробовать тѣхъ же уличныхъ впечатлѣній, какими жила эта толпа, и мы зашли въ одну изъ открытыхъ кухней-харчевенъ, немножко почище другихъ.

Драгоманъ съ мальтійцемъ тоже помѣстились на особомъ столикѣ, повидимому, проголодавшись еще болѣе насъ, и заказали себѣ кушанье по своему вкусу. А мы съ женою изъ благоразумной осторожности ограничились безопаснымъ шашлыкомъ, да чашкою кофе, не рискуя знакомиться съ другими соблазнами турецкой гастрономіи. Нечего говорить, что такого ароматическаго и сочнаго мяса, какъ горячій бараній шашлыкъ прямо съ желѣзной спицы, не съѣшь ни въ какомъ модномъ ресторанѣ Парижа или Петербурга, а стамбульскіе рестораны мы ужъ на-

столько попробовали, что потеряли охоту возвращаться въ нихъ, не смотря на ихъ „cuisine française“. Подеръжиться было необходимо передъ прогулкою по базарамъ, которая хоть у кого растрясетъ жиръ!

На цѣлыя версты тянутся эти базарныя улицы и переулочки, толпа тамъ почти запираетъ саму себя; кажется, что она стоитъ тамъ не расходясь и не рѣдѣя, съ утра до вечера, хотя на дѣлѣ она безостановочно течетъ неубывающею двойною волною сверху и снизу, на встрѣчу самой себѣ... Досыта насмотришься тутъ неподдѣльнаго востока, ощупаешь руками и ребрами самую подлинную Турцію. Глазѣешь направо и налево, торопливо любуясь этими мало еще знакомыми характерными типами, этою живописною одеждою и своеобразными житейскими обычаями базарной толпы, а тебя справа и слѣва толкаютъ и люди, и своты всякаго цвѣта и вида. Не глазѣть нельзя, и глазѣть невозможно, хотя апрѣль только въ началѣ, а уже всевозможные плоды и овощи кишатъ въ этой счастливой столицѣ юга. И красиво убранныя зеленую лавочки, полныя яркихъ фруктовъ, на каждомъ шагу разливаютъ свой аппетитный запахъ среди вони базара. Сотнями тянутся одна за одной крошечныя лавочки, обвѣшанныя однѣми глиняными трубками, одними сафьянными туфлями, или одними кофейными чашечками, заваленныя до потолка то тюфяками, то стегаными разноцвѣтными одеялами...

Но самое пекло базаровъ—это крытые „ряды“, неизбежные во всякомъ восточномъ городѣ, отъ Тифлиса до Каира. Цѣлые обширные кварталы прикрыты сотнями крутыхъ купольчиковъ самаго стариннаго восточнаго стиля и составляютъ любимѣйшее мѣсто толкотни и болтовни въ душные часы дневного жара для всѣхъ зѣвакъ и кумушекъ Константинополя. Въ общихъ чертахъ это нашъ московскій „гостиный дворъ“, съ его „сундучными“ и „суровскими“ линиями. Только здѣсь въ десять разъ больше суетлоки и шуму и въ десять разъ больше всякаго товару. Такихъ громаднхъ складовъ всевозможныхъ предметовъ продажи и такой поразительной дешевизны—врядъ ли встрѣтишь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но, конечно, найти тутъ что-нибудь и выгодно купить тутъ что-нибудь можетъ только опытный туземецъ, а ужъ никакъ не проѣзжій туристъ.

Выбраться изъ лабиринта этого гостинаго рада не послѣдняя задача; когда мы очутились, наконецъ, около громадной мечети Сулейманіе на вольномъ воздухѣ площади, то вздохнули отъ всей

души. Противъ обширнаго замка Серескириата или „Эски-сарая“, когда-то бывшаго дворцомъ первыхъ султановъ-завоевателей, стоитъ среди широкой площади, на которой обыкновенно производятся маневры войскъ, высочайшая сторожевая башня Сераскирита, зорко блюдущая за всѣми опасностями, грозящими турецкой столицѣ отъ огня, труса, потопа, нашествія иноплемennыхъ и междоусобной брани.

Мы сочли долгомъ добросовѣстныхъ туристовъ взобраться на высоту этой центральной каланчи, съ которой открывается единственный видъ на Константинополь и окрестности... Полицейскій, стоявшій у дверей, содралъ съ насъ почему-то двойной бакшишъ, противъ установленнаго обычая, и безъ того совсѣмъ не хотѣлъ пускать, сердито перебраниваясь съ нашимъ драгоманомъ. Подниматься по этимъ сотнямъ высокихъ и крутыхъ ступенекъ, кружащихся вокругъ самихъ себя, не особенно весело и порядкомъ утомительно. Но за то васъ вполне вознаграждаетъ за трудъ необъятная панорама этого живописнѣйшаго въ мѣрѣ города, который отсюда сверху вы можете изучать во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ его лучше, чѣмъ на самой подробной картѣ.

На верху башни—жилыя комнатки для караула и свѣтлая круглая галерея. Домовитый турецкій капраль, завѣдующій вышкою, сейчасъ же похлопоталъ, безъ нашего просу, сварить намъ въ одну минутку горячаго кофе, справедливо рассчитывая на великодушный бакшишъ иностранцевъ. Онъ тутъ же жарилъ въ своей маленькой кухонькѣ очень вкусно шигъвшую баранину, отъ которой мы, конечно, отказались послѣ доброй порціи шашлыковъ, поглощенныхъ на базарѣ... Но кофе мы пили съ такимъ удовольствіемъ, какое рѣдко испытываешь дома,—неспѣшно, отдыхая на диванчикѣ передъ открытымъ окномъ, въ которое виднѣлось намъ пестрое море константинопольскихъ кварталовъ. Глотокъ чернаго кофе дѣлался теперь и намъ, какъ туркамъ, положительно необходимъ среди жары и усталости,—и мы вполне стали понимать всю необходимость прекраснаго восточнаго обычая, предлагать крошечную чашечку этого возрождающаго напитка каждому приходящему, на всякомъ мѣстѣ и въ каждую минуту дня и ночи... Драгоманъ нашъ, опытный психологъ, сообразилъ, что капраль, получившій щедрый бакшишъ за угощеніе, не особенно сочувственно долженъ отнестись въ корыстному стражу, затруднявшему своею несправедливостію благороднымъ туристамъ путь на вышку къ капральскому кофе, и поэтому принесъ свою жалобу въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ. Потѣшило же насъ разъярившееся турецкое начальство! Онъ осыпалъ изъ своего

поднебесья несчастнаго стража, пресмыкавшагося на землѣ, потоками самой одушевленной брани, которую съ любопытствомъ остановились слушать всѣ досужіе прохожіе площади; не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ его на верхъ, и тутъ чуть не измолотилъ кудаками провинившагося подчиненнаго, который стоялъ передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ и, конечно, искренно жался теперь въ своемъ неблагоразумномъ увлеченіи лишнимъ шашромъ...

Даже въ перяшливомъ и неудобномъ Стамбулѣ нѣтъ ничего ужаснѣе по перяшеству и неудобствамъ всякаго рода, какъ улицы, ведущія въ Фанаръ. Недаромъ такъ чувствительно отмаливался отъ этой поѣздки нашъ бѣдный мальтіецъ, увѣряя, что мы проклянемъ свою жизнь отъ толчковъ и траски, и убѣждая насъ ѣхать въ Фанаръ на пароходѣ по Золотому Рогу. Намъ не хотѣлось возвращаться опять къ мосту и хлопотать о пароходѣ и потомъ брести пѣшкомъ по жарѣ черезъ пыльные кварталы...

„Нанялся, молъ, проданъ“, а потому вези—не умничай, малодушный мальтіецъ, все равно 30 франковъ за день сдерешь. И мальтіецъ повезъ! И мы бы готовы были дать уже не 30, а 40 франковъ, чтобы только онъ избавилъ насъ отъ этой чортовой толчи, которая называется здѣсь Константинопольской мостовой!.. Хорошъ султанскій Стамбулъ и въ центрѣ своемъ, около Софій и Сулейманій, но ужъ каковъ онъ въ глухихъ окраинахъ своихъ—это знаетъ только всевидящій Господь да наши грѣшные бока... За то вѣдь Константинополь можетъ справедливо сердиться, что въ немъ нѣтъ ни одного самаго пустыннаго переулочка, узенькаго какъ тесемка, который бы не былъ вымощенъ камнемъ. Съ холма на холмъ, мимо всякихъ развалинъ и историческаго мусора, мимо и посреди всякой нечистоты и всякаго неприбора, подъ нависшими надъ головой утлыми выступами верхнихъ этажей и чуть пригнѣвленныхъ рѣшотчатыхъ фонариковъ, тащили съ неимовернымъ усиліемъ, тяжело дыша и вода боками, бѣдныя, потомъ облитыя лошади нашу стонущую, поющую и вопіющую коляску, пересечитывавшую рѣзкими, душу обрывающими толчками, каждый камень беспорядочно навороченной и сто лѣтъ не поправлявшейся мостовой... Цѣлые часы мучительно двигались мы, подпрыгивая на своихъ „мягкихъ“ подушкахъ какъ преступники, везомые на позорную казнь на своей деревянной колесницѣ-эшафотѣ, и все никакъ выбраться не могли изъ этихъ безъ числа и мѣры танувшихся, другъ въ другу пригнѣвленныхъ избушекъ на курьихъ ножкахъ, изъ этого непрерывнаго ряда бѣдныхъ лавченокъ и

грязныхъ мастерскихъ, продвигавшихъ до самыхъ предѣловъ огромнаго города, какъ артеріи крови сердца, всю характерную сутолоку стамбульскихъ базаровъ.

Хорошъ, однако, я, если, говоря о базарахъ Стамбула, позабыть рассказать о самомъ главномъ и характерномъ украшеніи ихъ! Я говорилъ о людяхъ, объ ослахъ, о верблюдахъ, и не упомянулъ ни словомъ о настоящихъ хозяевахъ базара, объ истинныхъ туземцахъ, обитателяхъ его — константинопольскихъ собакахъ. Кто не видалъ ихъ на улицахъ Стамбула, тотъ не знаетъ востока, не знаетъ правовъ и образа жизни песьей породы. Въ Константинополѣ шагу ступить нельзя, чтобы не наткнуться на собаку. И это не какія-нибудь разнообразныя, неопредѣленные расы, а все одна строго характерная раса бродячей собаки стамбульскаго базара — неизмѣнно желтая, короткохвостая, съ гладкою чуть примѣтною шерстью, столько же похожая на шакала, сколько на собаку. Этихъ собакъ въ Константинополѣ миллионы. Они плодятся, растутъ, живутъ и умираютъ на улицахъ, прямо подъ колесами экипажей, подъ копытами лошадей и ословъ, среди давки толпы. Каждый кварталъ, каждая улочка имѣетъ свои стаи, которыя день и ночь валяются и бродятъ подъ ногами прохожихъ, не допуская въ свои предѣлы собакъ чужого квартала ревнивѣе, чѣмъ ихъ патроны-турки — къ своимъ мусульманскимъ святынямъ. Стоитъ только появиться на улицѣ неосторожному псу сосѣдняго прихода, какъ поднимается неразволочная свалка! Псы-сосѣди являються на помощь, и грызня, визгъ, лай, на цѣлые часы, наполняютъ собою переулокъ. Оттого на какую изъ нихъ ни помотришь, всякая носить на себѣ слѣды кровавыхъ подвиговъ: у одной выкушенъ слезащійся глазъ, у другой ухо словно ножомъ отхвачено, у третьей вмѣсто хвоста торчитъ жалкій огарочекъ; какая волочетъ опухшую ногу, какая не подниметъ своего искусаннаго брюха... На иныхъ глянуть скверно: одинъ сплошной смрадный струпъ... Издыхаютъ тутъ же, на глазахъ всѣхъ, загрызенныя, истощавшія отъ голода, раздавленныя колесомъ... Поразительно спокойствіе нервовъ у этихъ собакъ-горожанъ и ихъ дружелюбное довѣріе къ человѣку. Онѣ лежатъ себѣ свернувшись калачикомъ, иногда трогательно обложившись своими сосущими желтыми щенками, прямо среди улицы, никому ни сторонясь, ни о чемъ не заботясь, спокойныя словно подъ безопаснымъ кровомъ своихъ конуръ, и ноготкомъ не шевельнутъ, когда надъ ними съ грохотомъ проѣзжаетъ карета или нагруженная мажара, шагаютъ верблюды и лошади. И всѣ проходящіе и проѣзжающіе, скоты и люди, словно дѣйствительно считаютъ своею священною обязан-

ностью падать покой и безопасность этихъ безцеремонно распластанныхъ по мостовой дремлющихъ собачьихъ стай, и всякій тщательнo старается обойти и объѣхать ихъ. А ужъ уличные харчевники, мясники и кофеджи считаютъ долгомъ благочестиваго мусульманина наперерывъ другъ передъ другомъ бросать этимъ стражамъ улицы остатки всякихъ яствъ. Оттого-то и толпятся собачьи стаи преимущественно около мясныхъ и съѣстныхъ лавокъ, которыя они держатъ въ настоящей осадѣ, такъ что непривычному человѣку жутко бываетъ проходить мимо.

Оттого же, конечно, это звѣриное населеніе Царяграда, столь кроважадное къ своему брату-псу, относится къ человѣку какъ стадо кроткихъ агнцевъ, и никогда ни одна собака Константинополя не позволитъ себѣ не только укусить, но даже залаять на прохожаго, хотя бы онъ наступилъ ей прямо на голову.

Впрочемъ, съ такимъ же довѣрчивымъ и самонадѣяннымъ спокоевѣемъ, какъ ихъ уличные собаки, смотрятъ на кипучую толкотню базарныхъ улицъ и сами правовѣрные, что разсуживаютъ у входовъ безчисленныхъ кофейнъ, загородивъ до самой середины своими скамеечками и затѣйливыми стеклянными флаконами своихъ „наргиле“ безъ того узкую улочку, сквозь которую протискиваются исполинскіе мохнатые толкачи верблюдовъ и ихъ колыхающіеся грузные горбы, обвѣшанные тюками и ящиками.

А вонъ худая смуглая женщина, съ распущенными черными косами, съ горячими цыганскими глазами и въ цыганской откровенной наготѣ, разлеглась на своемъ коврижѣ, тоже прямо подъ копытами и колесами, прикрывая исхудалою рукою спящую у ней на колѣняхъ дѣвушку, укутанную чадрой. Это уличная гадалщица, въ которой то-и-дѣло подсаживаются на корточки, не обращая никакого вниманія на наѣзжающихъ и проѣзжающихъ, — любознательные охотники до тайнъ будущаго.

Въ самомъ Фанарѣ, ближе къ Патріархіи, постройки уже начинаютъ измѣняться и попадаютъ все чаще и чаще красивые каменные дома богатыхъ грековъ и армянъ. Изъ оконъ начинаютъ глядѣть, выѣстъ съ зеленью цвѣтовъ, хорошенькія румяныя гречаночки и большіе черные глаза ихъ матронъ.

Сама Патріархія окружена, какъ крѣпость, высокою стѣною. Оконъ мало, окна маленькія, и вездѣ желѣзныя рѣшотки. Вся суровая воинствующая греческая церковь рисуется вамъ сразу. Это — ковчегъ, окруженный волнами ислама. Церковь Патріархія внутри двора. Она отдѣлана заново безъ историческаго чутія и

безъ историческаго приличія. Все въ ней ново, сверкаетъ лакомъ, аляповато и безвкусно. Но въ ней есть отдѣльныя драгоцѣнныя рельефы исторіи, сохранившія на себѣ характерную печать древности. Иконостасъ церкви—весь изъ чернаго маслячнаго дерева, тонкой художественной работы. Одинъ изъ карнизовъ его—остатокъ отъ Софійскаго собора. Царскія двери, очень низенькія по греческому обычаю, увѣнчаны, какъ и весь иконостасъ, двуглавымъ императорскимъ орломъ патріарховъ. Вся живопись по золоту стараго строгаго типа. Двѣ большія иконы Христа и Божіей Матери—безцѣнныя мозаики глубокой древности, уже покоробленныя отъ времени. Около иконостаса, по правую руку увѣнчанныя отъ безчисленныхъ разгромовъ Константинополя мощи святыхъ; тутъ же крестъ, предносимый патріарху, тончайшей кипарисовой рѣзбы, исписанный золотомъ. Одна изъ главныхъ святынь этого храма—архіерейскій престолъ св. Іоанна Златоуста, изъ темнаго кипариса, съ изящною перламутровою инкрустаціей; впрочемъ, археологи сильно сомнѣваются въ его подлинности. Высокая каведра для архидіакона, напоминающая каведры турецкихъ мечетей, съ подобною же инкрустаціей, тоже считается большою древностію, увѣнчанною еще отъ храма святой Софіи, точно такъ же какъ и деревянная мозаиковая рака для плащаницы.

Вдоль обѣихъ колоннадъ церкви, ярко окрашенныхъ масляною краскою подъ зеленый мраморъ, стоятъ, рядомъ съ патріаршимъ престоломъ, рѣзные сидѣнья для синода греческой церкви, на подобіе монашескихъ сидѣній въ нашихъ большихъ монастыряхъ, а хоры на верху, по обычаю востока, слишемъ зараженнаго вліяніемъ господствующаго мусульманства, отдѣлены для женщинъ частою рѣшеткою.

Мы посѣтили и палаты патріарховъ, въ которыхъ, впрочемъ, они не живутъ, а только проводятъ часы своей оффиціальной церковно-политической дѣятельности. На стѣнахъ въ первой залѣ—прекрасные портреты константинопольскихъ патріарховъ послѣднихъ временъ, все величественные какъ иконы, почтенные старцы съ сѣдыми окладистыми бородами, съ разумомъ и крѣпкою волею въ строгихъ очахъ. Вторая зала,—для засѣданій синода, обвѣшана превосходными парижскими гравюрами Жерома, Оливье, Поля Делароша: первые востокосцы передъ Іерусалимомъ, Іисусъ на волнахъ Галилейскаго моря, Богоматерь, уснувшая на сфинксѣ, все сюжеты—изъ священнои церковной исторіи.

Тутъ же замѣчательныя византійскія иконы изъ Салоникъ и другихъ городовъ Греціи, 600-лѣтней древности. Кабинетъ патріарха убранъ съ монашескою простотою. Нѣсколько портретовъ

собратьевъ - патріарховъ на стѣнахъ, іерусалимскаго, антиохійскаго, александрійскаго, богача грека Зафиропуло, — нѣсколько книгъ и дѣлъ на скромномъ письменномъ столѣ, въ томъ числѣ и нашъ „Церковный Вѣстникъ“, — да закрытые шкафы, и больше ничего.

За то большая зала для парадныхъ приѣмовъ — съ великолѣпнымъ бѣлымъ ковромъ, съ роскошною мебелью и занавѣсами. Это жертвы добродѣтельныхъ благотворителей, собранныя въ теченіе двухъ лѣтъ бывшимъ патріархомъ Іоакимомъ, предприимчивымъ и энергическимъ правителемъ греческой церкви. Но самая интересная историческая реликвія патріархіи — это желѣзные ворота ея, выходящія изъ второго внутренняго двора, зеленѣющаго деревьями и пестрящего цвѣтами, на наружный дворъ. На воротахъ этихъ былъ повѣшенъ, по повелѣнію Махмуда Второго, суроваго сокрушителя янычаръ, злополучный патріархъ Григорій, признаваемый теперь святымъ православною церковью...

Онъ палъ жертвою безсильной мести турокъ за свободу, добытую себѣ греками. Хотя Григорій до послѣдней минуты своей жизни старался оставаться въ глазахъ турокъ вѣрнымъ подданнымъ султана, хотя онъ, по требованію Порты, провозгласилъ отлученіе отъ церкви Ипсиланти и другихъ вождей возстанія, однако Махмудъ хорошо зналъ, что во главѣ греческой гетеріи, руководившей возстаніемъ, давно уже стояли всѣ высшіе архипастыри церкви, по примѣру Германа, архіепископа патрасскаго, и что патріархъ, обуздывавшій умы фанариотовъ въ своихъ официальныхъ проповѣдяхъ, тайно посылалъ возставшимъ свое благословеніе, совѣты и помощь.

Грозный султанъ думалъ застрашать грековъ жестокостью казней. Онъ арестовалъ многихъ епископовъ при первомъ извѣстіи о возстаніи и отрубилъ головы нѣсколькимъ схваченнымъ на удачу грекамъ, безъ суда и уликъ, въ примѣръ прочимъ. Главный греческій сановникъ, драгоманъ Порты Мурузи, былъ торжественно обезглавленъ на площади, въ мундирѣ своего званія.

Но и этого показалось мало жестокому деспоту.

22 апрѣля 1821 года, въ субботу подѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе, когда во всѣхъ церквахъ Фанара готовились къ великой заутрени, патріархъ Григорій былъ внезапно схваченъ и привезенъ въ патріархію, гдѣ уже собрали весь синодъ. Драгоманъ прочиталъ фирманъ султана о сверженіи патріарха и избраніи новаго. Лишенный сана, Григорій былъ повѣшенъ тутъ же въ патріархіи, на желѣзныхъ воротахъ ея. Къ груди его была приволета султанская фетва, изрекавшая смертный приговоръ... Новый великій визирь Бендерли-паша, только-что провоз-

гласившій поголовное избиеніе христіанъ въ Турціи, явился вечеромъ пышною процессією въ Фанаръ полюбоваться на казненнаго главу гяуровъ; ему вынесли стулъ изъ патріархата, и онъ сѣдѣлъ передъ роковыми воротами, наслаждаясь радостнымъ для правовѣрнаго зрѣлищемъ. Въ тотъ же день были казнены три греческихъ митрополита: нивомидійскій, эфесскій и анхіальскій. Только черезъ нѣсколько дней сняли казненнаго патріарха и отдали его тѣло на поруганіе жидамъ. Они долго таскали его по улицамъ, всячески издѣваясь, и наконецъ утопили въ морѣ...

Волны прибили его къ Одессѣ, гдѣ его вынули съ великими почестями и сохраняли нѣсколько лѣтъ, пока по возстановленіи мира эти мученическіе останки не были возвращены въ древнюю столицу патріарховъ...

VI.—СУЛТАНСКІЯ МЕЧЕТИ.

Сегодня мы въ истой Турціи, съ головою погружены въ море мусульманства... Это уже не Айя-Софія, вся дышащая своимъ христіанскимъ прошлымъ, вся полная священныхъ тѣней Византии и окруженная ея развалинами.

Нѣтъ, теперь передъ нами и вокругъ насъ подлинныя созданія ислама, рукою ислама, въ честь ислама... Каждая великая мечеть Стамбула—имя великаго султана, памятная страница грозной турецкой исторіи... Мечети Турціи, по завѣту корана, строились не на скудные гроши вѣрнаго мослемина, а на обильныя даровыя сокровища, которыя добывала мечомъ и кровью, разоряя славные города христіанъ, разрушая могучія ихъ царства, побѣдоносная рука намѣстниковъ пророка. Мечеть Ахмета III спорить съ Софіей своимъ куполомъ, своими изящными разукрашенными минаретами, своимъ эффектнымъ положеніемъ прямо надъ берегомъ Мраморнаго моря. Она первая, раньше Софіи, бросается въ глаза кораблю, идущему изъ Дарданеллъ; оттого-то ее съ Софіей моряки и путешественники знаютъ лучше, чѣмъ всѣ другія знаменитыя мечети Стамбула... Султанъ Ахметъ, ея строитель, хотѣлъ создать изъ нея новую, но совсѣмъ уже мусульманскую Софію, не оскверненную культomъ нечестивыхъ гяуровъ; отъ идеальнаго купола великой христіанской церкви онъ не возмогъ отступить, но и не могъ, однако же, сравниться съ нимъ громадностью и красотою. За то онъ думалъ затмить Софію цѣлымъ лѣсомъ минаретовъ и окружилъ ими свою мечеть, какъ побѣдоносно воткнутыми копьями. Эти минареты возбудили въ свое время цѣлую религіозную войну. Великій шерифъ Мекки

грозило султану отлученіемъ за оскорбленіе святыни Каабы, которая одна только изъ всѣхъ мечетей мусульманства имѣла вокругъ себя шесть минаретовъ. Уже работы, сдѣланныя безчисленныхъ денегъ, были совсѣмъ пріостановлены, какъ вдругъ одинъ находчивый улемъ посовѣтовалъ султану построить у Каабы седьмой минаретъ, и такую уловкою ея неоспоримое первенство надъ святынями ислама было сохранено...

Внутри Ахметова мечеть вся сіяетъ весельемъ. Свѣту и блеску числа нѣтъ. Чудные бѣло-голубые изразцы яркой глазури одѣваютъ высокими панелями всѣ стѣны, а гдѣ не хватаетъ ихъ, своды росписаны подъ тотъ же бѣлоголубой затѣйливый арабескъ. Это, пожалуй, еще красивѣе, чѣмъ мраморъ, и ужъ совсѣмъ восточно. Но и мрамору тутъ обиліе! Идешь по сверкающимъ мраморамъ, окна изъ рѣзного мрамора, султанскій кіоскъ, высокій характерный „нимбаръ“ — одно мраморное кружево... Хороши ставни, закрывающіе отъ солнечнаго зноя громадныя окна: это драгоценныя перламутровыя инкрустации по драгоценному дереву стариннаго узора. Тяжелые мраморные камни на кольцахъ лежатъ на мраморныхъ подоконникахъ, чтобы придерживать эти огромныя ставни. Мусульманскій характеръ мечети рѣзко выступаетъ во всемъ. Еще больше яркой восточной пестроты въ стѣнахъ, еще больше простоты и скудости во внутреннемъ убранствѣ. Необытная и неуклюжая желѣзная рама съ висачими на ней дешевенькими шкаликами, фонариками, лампадеками, загромождастъ поперекъ все пространство мечети, совсѣмъ не гармонируя своимъ грубымъ кузнечнымъ видомъ съ тонкими узорами кафель и съ изящною рѣзбою мраморовъ. За то кусокъ чернаго камня Каабы, вставленный среди плитъ лапись-лазули, яшмы и драгоценныхъ пестрыхъ мраморовъ, въ священное углубленіе „мираба“, обращенное къ Меккѣ, дѣлаетъ мечеть Ахмета одною изъ популярнѣйшихъ святынь Стамбула...

Въ глубинѣ мечети, подъ мраморнымъ навѣсомъ сидѣла, поджавъ ноги на молитвенныхъ подушкахъ, одинокая группа.

Моложавый мулла, съ черною, какъ смоль, бородою, въ зеленой чалмѣ и богатой одеждѣ, строгій и смуглый красавецъ, важно отвалившись, вопрошалъ по корану двухъ тоже бородастыхъ учениковъ своихъ, которые, немилосердно расклевываясь взадъ и впередъ и ежеминутно стучая лбами въ землю, на всю мечеть распѣвали ему въ отвѣтъ священные стихи... На насъ, нечестивыхъ гяуровъ, неловко шмыргавшихъ по полированному мрамору надѣтыми поверхъ сапогъ туфлями безъ задковъ, — многоученные софты, погруженные въ свой экзаменъ, не удостоили даже покоситься однимъ глазомъ, и только важный учитель ихъ

сметка проводить насъ своимъ възыскательнымъ и недовольнымъ взглядомъ.

На холмѣ древняго Акрополиса, далеко виднаго съ моря, не одна только Ахметова мечеть. Но и на каждомъ изъ семи холмовъ Царяграда величественно высятся купола и минареты какой-нибудь мусульманской святыни.

Мимо изящнаго бѣломраморнаго Нуръ-Османія, украшеннаго колоннадою древняго пергамскаго дворца, проѣзжаете узкими старыми улицами къ одной изъ самыхъ старинныхъ и громадныхъ построекъ Стамбула, мечети Баязета. Она стоитъ почти на третьемъ холмѣ Стамбула и почти примыкаетъ съ запада къ тѣснымъ кварталамъ „Чарси“, большого крытаго турецкаго базара, точно такъ же какъ Нуръ-Османіе примыкаетъ къ нимъ съ востока. Это самое людное и самое характерное ядро стараго Стамбула... Любопытно и поучительно поплутаться по этимъ притонамъ истаго мусульманскаго населенія и истыхъ обычаевъ востока. Но никакая мечеть не характерна такъ въ этомъ отношеніи, какъ двѣ древнѣйшія мечети первыхъ султановъ пятнадцатаго столѣтія—Магомета II и Баязета.

Громадный дворъ, вымощенный мраморомъ и окруженный со всѣхъ сторонъ крытыми мраморными колоннадами, обращенъ не то въ базаръ, не то въ караванъ-сарай для прѣзжихъ. Вокругъ великолѣпнаго мраморнаго, золотомъ исписаннаго фонтана, широко спускающаго разуукрашенныя полы своей мавританской крыши, спокойно совершаютъ свое омовеніе толпы полуголыхъ, запыленныхъ, темныхъ какъ бронза странниковъ. Одинъ окатываетъ себя изъ врана холодными струями воды до снѣга бритую голову, другой поставилъ въ мраморный бассейнъ сушущавую темноворичневую ногу и старательно оттираетъ руками налипшій дорожной грязи. Никто не мѣшаетъ никому, у всякаго свой вранъ, свой бассейнъ, какъ въ публичной банѣ... Галлерей полны всякаго народа. Тутъ спятъ, тутъ завтракаютъ, тутъ разбираютъ и укладываютъ свои мѣшки и вороба. Это всѣмъ открытый даровой пестоялый дворъ. Въ него смѣло идетъ послѣдній нищій и располагается какъ въ собственномъ домѣ. Не только дворы мечетей, сами мечети обыкновенно наполнены по угламъ всякими узлами, ящиками, мѣшками. Прѣзжіе изъ деревень не знаютъ другого хранилища для своей клади и спокойно отправляются по своимъ дѣламъ на цѣлый день въ городъ, оставляя подъ священнымъ покровомъ излюбленной „Джаміе“ все принесенное богатство.

Трогательнъ этотъ честный и наивный обычай мусульманъ. Не бываетъ случая, чтобы въ мечети пропала магійшая бездѣ-

лица. Но дворъ мечети—вмѣстѣ съ тѣмъ и базаръ. Тутъ у подножья массивныхъ мраморныхъ колоннъ располагають свои скудные коврики, лотки и ящички всякіе продавцы мелочей и съѣстнаго. Тутъ, въ уютныхъ уголкахъ, недоступныхъ солнцу, пристроились своими походными станочками и верстачками разные искусники-мастера, жестяники, слесаря, рѣзчики печатей, башмачники и портные...

Грустные и серьезные патріархи-бородачи въ опрятныхъ и красивыхъ нарядахъ востока важно сидятъ, поджавъ ноги, на своихъ цареградскихъ коврикахъ надъ горсточкою грошевого товара или не спѣша постукиваютъ какимъ-нибудь крошечнымъ молоточкомъ по крошечному молотку, глубокомысленно уставивъ на него свои большіе круглые очки... Съ безмолвнымъ благоговѣніемъ слѣдитъ окружающая лавочку деревенская толпа за этою безконечно медлительною работою и за величественными пріемами не обращающаго на нихъ никакого вниманія сановитаго руководящаго. А вотъ у самаго входа въ мечеть прикурнулъ на короткахъ чернобородый и длинноносый публичный писецъ съ проворнымъ рысымъ взглядомъ. Онъ едва слушаетъ усѣвагося около него дебелаго добродушнаго толстяка въ желтыхъ туфляхъ на босу ногу и широкихъ, какъ юбка, полосатыхъ штанахъ, подвязанныхъ только чуть не подъ самыя мышки его коротенькихъ, налитыхъ жиромъ рувъ.... Сухіе длинные пальцы этого писца съ необычайной быстротою выводятъ прямо на волѣнкахъ по узкой полосѣ бумаги справа налево какіе-то другъ за друга цѣпляющіеся черточки и хвостики, а глаза его уже безпокойно отыскиваютъ среди глядящей кругомъ досужей публики новаго заказчика.

Но публика, повидимому, собралась здѣсь вовсе не для заказовъ. Она съ самымъ наивнымъ простодушіемъ прислушивается къ громкой диктовкѣ толстяка, повидимому, съ такимъ же нитересомъ, какъ самъ онъ, входя во всѣ подробности его семейныхъ дѣлъ... У наружныхъ воротъ двора возсѣдаетъ на деревянномъ топчакѣ другая, не менѣе оригинальная фигура. Это—босоногій нищій въ бѣлой рубашкѣ, распахнутой спереди до самаго кола, съдыхъ волосъ, украшающихъ его мѣднорасную грудь, и съ башлыкомъ на бритой головѣ... Онъ тоже сидитъ въ ожиданіи заказовъ, поджавъ подъ себя босыя ноги, около огромнаго закрытаго ларя. Драгоманъ нашъ идетъ къ нему и шепчетъ что-то по-турецки. Не спѣша встаетъ босоногій привратникъ, снимаетъ со стѣны деревянный корецъ и, зачерпнувъ въ ларѣ овса, быстрымъ и широкимъ вѣеромъ плеснулъ его по мраморному помосту.

Всѣ ходившіе и стоявшіе, сидѣвшіе и лежавшіе вдругъ обернулись къ нему.

Шумъ тысячи жестяныхъ крыльевъ внезапно раздался въ мраморныхъ притворахъ мечети... Какая-то темная туча сразу застлала свѣтъ дня, и мириады сизо-лиловыхъ голубей вдругъ обрушились сверху цѣлою сплошною массою на разсыпанное сѣмя. Они будто падали изъ своихъ незримыхъ убѣжищъ подѣ крышами галлерей, въ капителяхъ колоннъ, изъ-подъ рѣзныхъ многоярусныхъ балкончиковъ минаретовъ, изъ-подъ карнизовъ купола и купольчиковъ мечети, изъ-за каждаго мраморнаго наличника окна, изъ-за каждаго уступа и складочки всей этой ослѣпляющей насъ каменной громады... Падали тысячами, шумно и быстро, какъ проливной дождь въ бурю, прямо другъ на друга, тѣсняясь, топча другъ друга, ударяясь другъ о друга своими бьющими крыльями, взлетая и опять падая, словно они съ остервенѣніемъ хотѣли заклевать другъ друга, а не овсяное сѣмя... Благочестивые мусульмане не преминули поддержать эту любопытную кормежку священныхъ птицъ, расплодившихся въ такомъ множествѣ отъ пары голубей, которую великій султанъ, основатель мечети, купилъ 300 лѣтъ тому назадъ у калѣки-нищенки и пожертвовалъ въ пользу своей мечети... Корцы добродѣтельныхъ даяній стали обильно сыпаться на мраморъ, то въ одну, то въ другую сторону, и при всякомъ новомъ шумѣ брошенныхъ сѣмянъ всѣ эти тысячи птицъ мгновенно срывались съ мѣста, одною сплошною кучею и черезъ наши головы, едва не задѣвая насъ своими безчисленными крыльями, дыша намъ въ лицо стремительнымъ вѣтромъ своего полета, жадно обрушались на новую добычу, доставляя забавлявшейся публикѣ несказанное утѣшеніе...

Всякаго рода добродѣтельныя и благотворительныя учрежденія находятъ себѣ пріютъ въ оградахъ турецкой мечети. Мечеть—это истинное средоточіе всей общественной жизни и всѣхъ нравственныхъ дѣланій мусульманина. Тутъ все посвящено Богу и дѣлается ради Бога. Для неимущихъ больныхъ тутъ устраиваются посильными жертвами вѣрующихъ или изъ обильныхъ доходовъ мечети безхитростные самодѣльные госпитали, для бѣдныхъ странниковъ—пріюты и даровыя кухни, для дѣтей—многочисленныя школы, начальныя и высшія, нѣчто въ родѣ духовныхъ гимназій и академій, для благочестивыхъ Любомудровъ—библіотеки книгъ и рукописей. Сотнями и тысячами ютятся въ этихъ обширныхъ мраморныхъ площадяхъ, прикрытыхъ куполами, у этихъ всегда журчащихъ фонтановъ, молодые софты и ученые книжники ислама.

Всевозможными придѣлами, флигелями и пристройками окружены черезъ это большія султанскія мечети, обращенныя въ настоящіе общежительные монастыри, и среди этого хаоса слу-

чайно прилѣпленныхъ зданій, безъ плана и общей связи, трудно бываетъ разсмотрѣть первоначальный характерный обликъ самой знаменитой мечети.

Но если этотъ турецкій обычай досаденъ глазу художника, за то на немъ съ отрадою останавливается наше нравственное чувство. Турецкая мечеть служитъ до сихъ поръ для своей религіозной общины тѣмъ, что была во дни перваго христіанства, даже во дни Владиміра и Ярослава, наша православная приходская церковь, чѣмъ она должна бы оставаться въ наше время, какъ остается ея, на нашихъ глазахъ, въ нашихъ же городахъ, какая-нибудь издалика пришедшая къ намъ лютеранская церковь, неизбѣжно окружающая себя школами и пріютами всякаго рода.

Одна мечеть Баязета, напримѣръ, изстари кормитъ на свой счетъ по тысячѣ бѣдныхъ въ день, по два раза въ недѣлю, а въ священные дни рамазана—каждый божій день. Сулейманіе, другая великая мечеть, кормитъ каждый день 600 нищихъ. При одной только мечети Магомета II устроено на ея доходы восемь духовныхъ гимназій, или медресе, съ общежитіями для софть, бібліотека, начальное училище, госпиталь, домъ умалишенныхъ, богадельня и даровая общественная баня, уцѣлѣвшая еще со временъ византійскихъ термъ Константина Великаго...

Такъ широко и практично понимаетъ это невѣжественное турецкое духовенство свои религіозныя обязанности къ духовной наствѣ своей.

И мечеть Магомета, и мечеть Баязета выстроены изъ развалинъ дворцовъ и храмовъ византійскаго царства, и всѣ опять-таки по образцу Святой Софіи, отъ котораго никакъ не могла освободиться пораженная ея неземнымъ величіемъ, ея художественнымъ совершенствомъ—мысль азіатскаго варвара. Его беспощадная разрушительная рука съ ненавистью крушила въ прахъ всякіе символы побѣжденнаго христіанства, ожесточенно силилась стереть съ лица земли безчисленные неизгладимые слѣды враждебнаго ей стройнаго и просвѣщеннаго византійскаго міра и ровнымъ образомъ, будто околдованная, сама же творила изъ этого праха невольныя подражанія тому, противъ чего сама неистовствовала, искаженныхъ дѣтищъ восточной страсти и греческаго генія, всякою чертою своею все-таки напоминавшихъ неумиращія преданія великаго прошлаго... Магометъ II велѣлъ срыть до основанія славный византійскій храмъ святыхъ Апостоловъ, гдѣ почивали мощи апостоловъ: Андрея, Луки и Тимофея, и такихъ великихъ святителей церкви, какъ Іоаннъ Златоустъ и

Григорій Богословъ, гдѣ знаменитѣйшіе императоры и императрицы восточнаго Рима, отъ самого Константина и его матеря Елены, Θεодосій Великій, Θεодосій младшій, Юстиніанъ и множество другихъ покоились вмѣстѣ съ константинопольскими патриархами въ 53 серебряныхъ ракахъ, изукрашенныхъ драгоценными камнями, и на мѣстѣ этой усыпальницы византійскихъ царей воздвигъ изъ праха ея свою собственную мечеть и свою собственную гробницу... Въ эту мечеть перваго завоевателя каждый султанъ Турціи до сихъ поръ обязанъ придти поклониться гробу его въ день своего восшествія на престолъ, опоясавшись мечомъ пророка въ древней мечети Эюба...

Мы посѣтили гробницу грознаго основателя Порты оттоманской, въ суровомъ одиночествѣ стоящую среди своего мраморнаго молчанія и окруженную благочестивымъ шопотомъ софтъ, вѣчно молящихся у ногъ его...

Но еще раньше Магометовой мечети, вѣнчающей четвертый холмъ древней столицы Константина, высится грандіозная мраморная громада самой великолѣпной и самой эффектной изъ всѣхъ знаменитыхъ султанскихъ мечетей Стамбула—мечеть султана Сулеймана, не даромъ прозваннаго Великолѣпнымъ.

Сулейманіе стоитъ на высокомъ береговомъ холмѣ Золотого Рога на площади Эски-Сарая, стараго дворца первыхъ султановъ, теперь обращеннаго въ обширный замокъ сераскиріата (военнаго министерства). Ея сверкающими куполами и бѣлыми стрѣлами четырехъ минаретовъ словно завершается и вѣнчается, какъ вѣнцомъ, весь необъятный хаосъ домовъ и мечетей, осыпавшихъ семь холмовъ Царяграда. И внутри она поражаетъ глазъ своею суровою мусульманскою характерностью. Въ ней почти темно. Ея громадные полуруглые окна затѣливой мраморной рѣзбы чуть пропускаютъ свѣтъ дня сквозь густыя краски своихъ разноцвѣтныхъ стеколъ... Колеблющіеся пятна кроваваго, золотого, лазуреваго свѣта медленно перепалываютъ по темносѣрымъ и темнозеленымъ мраморамъ стѣнъ, по пестрымъ мраморамъ пола, сообщая всей этой полутемной пустой громадѣ, накрытой куполами, что-то величественно-таинственное. Колонны колоссальной толщины и драгоценныхъ мраморовъ—всѣ изъ знаменитыхъ дворцовъ и храмовъ древности, изъ эфесскаго святилища Діаны, изъ халкидонскаго храма св. Евфиміи...

А передняя стѣна мечети, глядящая на Мекку, вся изъ арабскихъ изразцовъ художественнаго рисунка, охватывающихъ своимъ сверкающимъ узорчатымъ ковромъ тонкую мраморную облицовку „мираба“, его точенныя колонны и священную нишу... Суровый тонъ всей внутренней богатой отдѣлки мечети выдержанъ въ каж-

дой подробности: даже огромные медальоны, висящіе обмыленно въ каждой большой мечети на парусахъ четырехъ главныхъ пилястровъ, тутъ не голубые и не свѣтло-зеленые, а траурно-черные, рѣзко отдѣляющіе начертанные на нихъ короткіе золотые арабески священныхъ именъ...

Такою же воинственной суровостью дышатъ и эти простыя желѣзныя люстры, пріосѣняющія своими концентрическими кругами всю обширную площадь мечети.

VII.—ГРОВИ СТАРЫХЪ ВЛАДЫКЪ.

При мечети султана Сулеймана находится и его погребальный мавзолей, тюрбе, какъ его называютъ турки. Колоссальныя гробницы, покрытыя безцѣнными шалами Индіи и Персіи, почти не оставляютъ мѣста въ круглой роскошно убранной часовнѣ. Свѣтлый день умираетъ въ тѣсныхъ фантастическихъ рѣшоткахъ кипарисовыхъ оконъ, вырѣзанныхъ, какъ затѣйливое кружево, и только немногіе робкіе лучи его проскальзываютъ тайкомъ въ таинственную внутренность этой царственной усыпальницы, играя какимъ-то загадочнымъ полусвѣтомъ на полированныхъ разноцвѣтныхъ мраморахъ стѣнъ и на свержающемъ широкомъ поясѣ голубыхъ изразцовъ, который охватываетъ сейчасъ подъ куполомъ круглыя стѣнки мавзолея, и на которомъ начертаны неизгладимыми буквами священные строки корана—этотъ самый красивый изъ всѣхъ арабесковъ мавританскаго стиля...

Куполь надъ усыпальницею словно сдѣланъ изъ индѣйской парчи: по темно-вишневому фону какіе-то чудные лѣнные букеты съ свергающими въ нихъ алмазами...

Алмазы, драгоценные камни, тутъ вездѣ. Но среди этого восточнаго изящества, среди этой царской роскоши, вамъ дѣлается какъ-то жутко при взглядѣ на уродливо громадные бѣлыя шапки въ видѣ высочайшихъ архіерейскихъ митръ, странно украшенныя коротенькими пучками красныхъ пѣтушійхъ перьевъ,—что высоко торчатъ въ изголовьяхъ колоссальныхъ гробницъ Сулеймана великаго, Ахмета, Сулеймана Второго... Это тѣ самыя грозныя чапмы грозныхъ азіатскихъ завоевателей, что крушили когда-то послѣдніе остатки багдадскаго халифата, что стирали на островѣ Родосѣ послѣднія воспоминанія о христіанскомъ владычествѣ...

Но тутъ же рядомъ и христіанка Роксолана, любимая жена Сулеймана, и ея маленькій сынъ... У рѣшотки, ея окружающей, богато инкрустированныя перламутромъ изящныя старинныя швафчики—наои для чтенія корана.

Вообще Стамбулъ полонъ этихъ султанскихъ тюрбе неописан-

наго богатства и неописаннаго вкуса. Мы посѣтили ихъ множество, и глаза наши до того присмотрѣлись, до того стали равнодушны къ ихъ роскоши, словно мы всю свою жизнь не выходили изъ золота и мраморовъ...

Но все-таки нельзя не помянуть тюрбе Махмуда II и Абдуль-Азиза. Они и жены ихъ покоятся въ свѣтломъ кругломъ павильонѣ, выложенномъ словно несокрушимыми обоями дивнаго вкуса изразцомъ и дорогими мраморами.

Куполь весь обращенъ въ мраморный цвѣтникъ. Изъ бѣло-мраморныхъ букетовъ розъ, граціозно висящихъ сверху, спускается громадная драгоценная хрустальная люстра, прозрачная какъ слеза, отражающая въ себѣ тысячью огней весь блескъ и все богатство этого волшебнаго мавзолея... Огромныя гробницы покрыты до полу великолепными пеленами чернаго бархата, по которымъ серебромъ и жемчугомъ вышиты длинные строфы корана. Черезъ гробницы перекинута тончайшія шали несметной цѣны, дары царственныхъ родныхъ, а высоко надъ изголовьями вздѣты красныя фески султановъ, украшенныя бѣлыми перьями и брилліантовыми звѣздами...

Множество богатѣйшихъ подставокъ для чтенія корана и множество еще болѣе богатыхъ сундучковъ для храненія корана, серебрянаго чекана и перламутровой инкрустации — тоже дары царей — разставлены вокругъ стѣнъ, и благочестивые муллы, не переставая, шепчутъ надъ ними свои молитвы, расклевываясь съ полузакрытыми глазами на своихъ коврикахъ у подножія этихъ великолепныхъ гробницъ... Отъ гробницъ вообще дѣться некуда въ Стамбулѣ. Гробницы не только на дворѣ каждой мечети, на дворянскихъ каждаго султанскаго тюрбе, но и по улицамъ то-и-дѣло ѣдешь среди двухъ рядовъ тѣсно нагроможденныхъ другъ на друга мраморныхъ гробницъ и памятниковъ, украшенныхъ наверху фесками, чалмами, тюрбанами, золотыми солнышками и проч. и проч. Эти могильные памятники выглядываютъ на васъ изъ-за уличныхъ рѣшетокъ гораздо чаще, чѣмъ цвѣтники и сажники, которыми такъ бѣденъ этотъ кожный городъ роскошнаго солнца, роскошной растительности.

Но самая характерная гробница отжившей Турціи — это „музей янычаровъ“.

Онъ завершилъ для насъ съ художественною полнотою картину настоящей старинной Турціи, и окончательно погрузилъ насъ въ ту грозную атмосферу славныхъ протекшихъ вѣковъ ислама, которую всеильно навѣвала на насъ каждая изъ посѣщенныхъ нами великихъ мечетей Стамбула... Музей янычаровъ устроенъ

грязно, грубо, неуклюже, совсѣмъ по-турецки, но тѣмъ не менѣе онъ производитъ потрясающее впечатлѣніе...

Тутъ нѣтъ ничего, кромѣ свернувшихъ голыхъ комнатъ, выбѣленныхъ известью, напоминающихъ корридоры солдатской казармы, да разставленныхъ вдоль стѣнъ аляповатыхъ чучель, наряженныхъ въ старинныя одежды турокъ... Этихъ чучель—цѣлое населеніе. Тутъ весь дворъ султановъ, вся внутренняя жизнь ихъ серали, всѣ сановники блистательной Порты оттоманской, вся челядь султанскихъ садовъ и кухонь...

Великій визирь, капуданъ-паша, рейсъ-эффенди, въ парчевыхъ ферязяхъ по пяты, опушенныхъ бобромъ и соболемъ, совсѣмъ какъ у бояръ Московской Руси, грузные, грозные, важные, а на головахъ чудовищныя пудовыя шапки съ перевязями и перьями разнаго рода, у каждаго чина на свой образецъ, и высочайшія митры, скрученныя изъ бѣлой матеріи и вздутыя какъ гигантскія тыквы съ выпуклыми лопастями, и цилиндрическіе аршинныя колпаки, охваченные внизу чалмою, и длинныя сахарныя головы, похожія на войлочные конусы нынѣшнихъ дервишей, и рубчатые турбаны въ родѣ средневѣковыхъ коронъ, и мѣховыя исполинскіе грибы изъ шкуры выдры, и двурогіе парчевыя кокошники, и ужъ не знаю еще какіе нелѣпыя, неудобныя, невозможныя головныя уборы, какіе могли придумать только грубо напыщенная фантазія азіатскаго варвара и его ребяческое представленіе о сановитости. Начальникъ султанской охоты, съ какими-то своеобразными кожаными крыльями за плечами, гораздо болѣе похожъ на птицу, чѣмъ на человѣка, хотя и обвѣшанъ всякимъ оружіемъ и всякими охотничьими принадлежностями. Кругомъ его сокольники, кречетники, доѣзжачіе, всякій со своею особою снастью невообразимой оригинальности... Тутъ и шейхъ-уль-исламъ съ своими главными улемами и муфтіями, и садовникъ, и водовозъ, и поваръ съ поварченками; а вотъ и великій евнухъ съ своими помощниками, цѣлая коллекція черныхъ губастыхъ обезьянъ, желтыхъ бабьихъ лицъ безъ усовъ и бороды, отвратительно-болѣзненнаго, безвременно-старческаго вида, съ ожирѣвшимъ старушечьимъ тѣломъ, которое, кажется, еще противнѣе въ богатыхъ нарядахъ придворнаго сановника... Рядомъ съ ними, и имъ подъ стать мальчики-ганимеды, любимцы мусульманскихъ Юпитеровъ, изъ которыхъ выходили потомъ визири и паши, женообразныя, одутловатыя, безжизненно-восковыя, въ причудливыхъ костюмахъ, не то мужчины, не то дѣвушки, способныя дразнить развратное воображеніе, въ уродливыхъ, хотя роскошныхъ головныхъ уборахъ...

Тутъ и палачи, и судьи, профессора и скороходы, кто съ плетью и сѣкирою, кто съ книгою или чернильницею...

Полуголые бѣгуны, разноскившіе почту по городамъ и селамъ оттоманской имперіи,—это цѣлая выставка атлетовъ поразительной мускулатуры... Но всего больше здѣсь свирѣпыхъ, усатыхъ и красномордыхъ янычаръ, разодѣтыхъ въ яркіе шелки и шали, сверкающихъ ятаганами, кинжалами, пистолетами... Они тутъ во всѣхъ оригинальныхъ подробностяхъ своего быта, со всѣхъ ступеней своей многочисленной военной іерархіи, отъ главнаго аги, нѣкогда вершителя оттоманскихъ судебъ, до послѣдняго кашевара и судомойки...

Дѣлается просто жутко, когда остаешься одинъ въ длинныхъ залахъ, гдѣ стоятъ тѣсными рядами и съ безмолвной враждебностью смотреть на васъ всѣ эти неподвижно горячіе кровожадные глаза, всѣ эти красные и желтые варвары Азіи, въ своихъ уродливо-громадныхъ шапкахъ, вооруженные до самыхъ зубовъ, словно сейчасъ готовые схватиться за свои ятаганы.

Цѣлый отжившій грозный міръ развивается мрачнымъ светомъ передъ воображеніемъ мыслящаго туриста, когда онъ проходитъ этотъ молчаливый и долгій „сквозь строй“ по галлереймъ музея.

Словно живые стоятъ передъ нимъ всѣ эти странныя имена старой исторіи, вносившія когда-то ужасъ и разрушеніе въ сопредѣльные съ ними несчастныя христіанскія страны; эти неистовые азіатскіе наѣзники, разсѣявшіе пополамъ своими кривыми саблями нѣмецкихъ и греческихъ латниковъ, эти безпощадные и непобѣдимые визиря, сокрушавшіе европейскія арміи; эти грозные султаны, которыхъ не останавливало ничто, ни моря, ни горы, ни рѣки крови, ни пожары цѣлыхъ странъ, которые двигались на цивилизацію Европы изъ своихъ азіатскихъ пустынь съ фатализмомъ фанатика, съ роковою настойчивостью стихій, какъ тучи всеистребляющей, ничѣмъ необоримой саранчи, земляка-сосѣда ихъ по родной пустынѣ...

Да, янычары — это вся старая Турція, вся ея старая доблесть и вся ея старая сила. Когда Махмудъ II пронзилъ своей смѣлой рукой это полное горячей азіатской крови старое сердце Турціи, Турція закончила свою характерную многовѣковую исторію.

Истребленіе янычаръ не обновило разложившагося организма, не стало началомъ новой блестящей будущности Турціи, какъ обольщала себя слишкомъ рѣшительный султанъ-реформаторъ, какъ обольщали его слишкомъ близорукіе или, быть можетъ, слишкомъ лукавые дипломаты Европы. Азія не стала Европой,

турокъ не сталъ ни англичаниномъ, ни нѣмцемъ. Убивъ въ себѣ природную азіатскую душу, дававшую ей ея своеобразный смыслъ и ея характерную силу, Турція еще скорѣе обратилась въ трупъ больного, котораго дряблая жизнь можетъ быть поддерживаема только разными искусственными электрическими возбужденіями, разными политическими микстурами и дипломатическими пластырями...

Кровавое истребленіе янычаръ по роковому стеченію обстоятельствъ открыло собою печальную для Турціи эпоху безостановочнаго разрушенія. Сначала Греція, потомъ Сербія, Валахія, Молдавія, потомъ Болгарія, Румелія, Герцеговина и Боснія — мало-по-малу были оторваны отъ ея тѣла, и теперь только одно взаимное недоразумѣніе еще удерживаетъ на нѣсколько ближайшихъ историческихъ часовъ подъ властію обобранныхъ султановъ послѣднія береговыя страны европейской Турціи. Послѣдній роковой толчокъ, который переброситъ потомковъ Османа назадъ въ ихъ азіатскую родину, можно сказать, уже виситъ въ воздухѣ, и меньше всего сомнѣваются въ его неизбежности султаны Турціи.

Жестоко было лекарство Махмуда II, которымъ онъ такъ неудачно попробовалъ оживить разслабѣвшія силы своего народа, но нужно полюбоваться и на тотъ славный „одчакъ“, то все-сильное янычарское „стадо“, распоряжавшееся судьбами Турціи, къ которому этотъ варварскій врачъ примѣнилъ свою варварскую систему кровопусканія. „Одчакъ“ былъ выше султановъ, могучѣе султановъ. Султанъ Селимъ III подготовившій Махмуда, попробовалъ помѣряться съ нимъ силою и заплатилъ за это головою и тронѣмъ. „Одчакъ“ былъ для Турціи всѣмъ — рѣшителемъ войны и мира, законодателемъ, судьей, господиномъ... Война, которой не хотѣли янычары, была невозможна. Въ греческое возстаніе янычары отказывались идти въ походъ, и султанъ былъ вынужденъ обратиться за помощью къ египетскому пашѣ. А когда они соглашались выступить на войну, то всѣ области Турціи дѣлались ихъ добычею; они жгли и грабили, рѣзали подъ-рядъ мусульманъ и гяуровъ, и ни одинъ ага не осмѣливался остановить ихъ.

Законъ, по ихъ понятію, помѣщался на концѣ янычарскаго ятагана; янычаръ выходилъ на любой базаръ, на любую дорогу, садился тамъ, поджавъ ноги, съ своимъ кальяномъ и бралъ со всѣхъ, съ кого хотѣлъ, съ cadaго торговца и промышленника, какія хотѣлъ дани и пошлины. Заколотъ, зарубить христіанина или еврея — для янычара было все равно, что раздавить таракана. Его даже никто не осмѣливался спрашивать, за что онъ такъ коротко расправился съ вѣрноподданнымъ падишаха.

Стамбуль то-и-дѣло пылалъ пожарами отъ поджога янычаръ. Это была самая выгодная статья ихъ дохода. Они приходили толпой къ богатымъ владѣльцамъ домовъ и торговались съ ними, за какую цѣну они потушатъ его горящій домъ или не допустить до него огня... Въ 1823 году они сожгли государственный арсеналъ съ громадными военными запасами; въ 1825 году, скоро послѣ истребленія „одчака“, уцѣлѣвшіе янычары отомстили султану пожаромъ 25,000 домовъ... Злодѣяніямъ, убійствамъ ихъ, ихъ наглому распутству не было предѣловъ. Европейскіе посланники и сами султаны трепетали этихъ всегда недовольныхъ кровавыхъ преторіанцевъ. Махмудъ II задумалъ-было пересоздать это разбойничье „стадо“ мирнымъ путемъ. Онъ закупилъ и подарилъ самыхъ вліятельныхъ муфтіевъ, улемовъ, и даже янычарскаго агу. При содѣйствіи духовенства былъ выработанъ и провозглашенъ новый уставъ янычарскаго корпуса, освящавшій всѣ ихъ старинныя привилегіи, дѣлавшій ихъ своего рода пожизненною военною аристократіею и только требовавшій одного—дисциплины. Но именно этого-то прекращенія своей тиранніи и не хотѣлъ допустить всемогущій „одчакъ“. Многія тысячи разъяренныхъ янычаръ собрались въ мясномъ рынкѣ, около Атъ-Мейдана, и возмутивъ уличную толпу, стали жечь дворцы визира и всѣхъ тѣхъ сановниковъ, которыхъ молва считала главными виновниками новаго устава. Все было разрушено и разграблено, жены и дочери обезчещены въ гаремахъ, дѣти изрублены; убійство и грабежъ распространились по всему городу.

Тогда Махмудъ II явился въ столицу изъ своего лѣтняго дворца Бешикъ-Таша. Изъ сокровищницъ стараго серала былъ вынесенъ „санджакъ-исъ-шерифъ“—дырявое зеленое знамя пророка на золотомъ древѣ, которое хранится тамъ, завернутое въ сорокъ драгоценныхъ шелковыхъ покрывалъ, и выносится только въ години великихъ испытаній.

На площади Ахметовой мечети съ торжественною церемоніей развернуть былъ этотъ священный стягъ ислама, призывавшій всѣхъ вѣрныхъ собраться около намѣстника пророка на защиту отечества и вѣры мусульманской. Моряки, артиллеристы, регулярныя войска, ученики военныхъ школь, муфтіи, улемы и множество всякаго народа стеклось подъ это знамя... Янычаръ окружили въ тѣсныхъ стѣнахъ мясного рынка, проулки къ которымъ они завалили баррикадами. Пушки наведены были со всѣхъ сторонъ, и началась кровавая расправа...

Очевидецъ-турокъ повѣствуетъ: „Люди, руководившіе мятежомъ, поверглись вдругъ въ бездну отчаянія и огласили воздухъ такимъ воплемъ, который достигъ до слуха обитателей другого міра“.

Тѣсный крытый рынокъ, наполненный обезумѣвшими янычарами, какъ боченокъ сельдами, былъ зажженъ со всѣхъ сторонъ. Тысячи задыхались отъ дыма, пропадали въ огнѣ. Уцѣлѣвшіе отъ картечи сдавались толпами. Ихъ бросали связанныхъ въ подземелья древнихъ цистернъ, въ замки, въ башни, и потомъ толпами же топили ихъ въ морѣ; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль происходило ежедневно не менѣе тысячи этихъ быстрыхъ и краткихъ казней. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того невозможно было ѣсть морскихъ рыбъ, зараженныхъ человѣческой гнилью... Увѣряютъ, что въ эти дни погибло болѣе 20,000 янычаръ. Страшный для всѣхъ и всѣмъ ненавистный „одчай“, наконецъ, потонулъ въ рѣкахъ собственной крови.

Махмудъ торжествовалъ такъ, какъ будто бы онъ завоевалъ новое царство. Лъстцы увѣряли его, что „въ немъ соединилось правосудіе Абу-Бекра, Омара, отвага Османа и мужество Али“. Но исторія осмѣяла и надежды Махмуда, и лѣсть его лъстцовъ. Старая варварская энергія и неукротимый фанатизмъ дикаря были навсегда убиты въ турѣ, но разумъ и вкусы Европы не вселились черезъ это въ одряхлѣвшіе мозги и въ распущенное чувство мусульманина.

Въ послѣдней залѣ музея мы увидѣли комическія фигуры турецкихъ портныхъ, равнодушно снимавшихъ старые штаны и молю съѣденныя шапки съ чучель грозныхъ визирей Порты оттоманской... Тутъ же на полу кроили они имъ, не сгибша, своими огромными гремящими ножницами, красные и желтые халаты, пестрые чалмы, парчевые кафтаны.

А на дворѣ музея—новая вошюющая иллюстрація къ современной исторіи Турціи. Тамъ школа будто бы на европейскій манеръ съ ремесленными классами, съ популярнымъ толкованіемъ наукъ...

Толпы отчаянно дравшихся школьниковъ дѣйствительно выскочили на дворъ въ европейскихъ панталонахъ и сюртучкахъ, совсѣмъ не подходившихъ къ ихъ восточнымъ губатымъ рожицамъ, но за то, заглянувъ въ классы, мы увидѣли самое восточное столпотвореніе вавилонское, въ хаосѣ котораго отчаянно взмахивали по бритымъ дѣтскимъ головкамъ бичи цензоровъ и безсильная палка сѣдого муллы...

Е. МАРКОВЪ.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЪ ЭПОХУ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

III *).

Посольство князя Меншикова. 1853—1856 г.

Предпринимая такой важный шагъ, какъ отправленіе одного изъ высшихъ сановниковъ имперіи, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, къ султану, императоръ Николай руководился слѣдующими соображеніями.

Права православной церкви въ Іерусалимѣ подвергались серьезному нарушенію вслѣдствіе мѣръ, принимаемыхъ Франціей въ пользу католиковъ. Пристрастіе турецкихъ министровъ къ этимъ послѣднимъ выказалось вполнѣ очевидно. Права восточной церкви, которыя, въ силу заключенныхъ съ нами договоровъ, Порты обязалась поддерживать, были принесены въ жертву.

Личное обращеніе нашего Государа къ султану возвратило этого послѣдняго къ чувству справедливости, обязательному для него по отношенію къ религіи, исповѣдуемой большинствомъ его подданныхъ и Россіей, и привело его къ рѣшенію, стремившемуся примирить враждебные интересы. Хотя это рѣшеніе не совпадало съ *statu quo*, сохраненія котораго мы домогались, но нашъ кабинетъ считалъ своимъ долгомъ признать рѣшеніе султана, въ виду за-

*) См. выше: февраль, 657.

трудненій турецкаго правительства; оно подвергалось самымъ противуположнымъ давленіямъ вслѣдствіе разнорѣчивыхъ требованій, опиравшихся на формальные акты и поддерживаемыхъ державами, на содѣйствіе которыхъ Турція болѣе или менѣе рассчитывала.

Дѣлая имъ соотвѣтственныя уступки, султанъ, своимъ фирманомъ отъ 30 января 1852 года, по меньшей мѣрѣ, гарантировалъ statu quo отъ дальнѣйшихъ нарушеній.

Но этотъ актъ еще не былъ обнародованъ, когда требованія Франціи и ея угрожающее положеніе вызвали новое нарушеніе его. Слѣдовательно, никакой гарантіи не существовало болѣе, и было невозможно предвидѣть, на чемъ останутся эти притязанія.

Общее политическое положеніе придавало этому дѣлу совершенно особую важность. Появленіе въ Европѣ французской имперіи и ея возрастающее обаяніе, ослѣблявшее турокъ; большое значеніе, приписываемое на Востокѣ религіознымъ спорамъ; волненіе умовъ, вызванное этими раздражающими пререканіями; страстное отношеніе къ нимъ обѣихъ сторонъ; столкновеніе интересовъ; рѣчи, произносившіяся въ засѣданіяхъ дивана, — все приводило къ тому, что этотъ вопросъ превращался въ непосредственную борьбу политическихъ вліяній.

Чѣмъ болѣе мы выказывали твердости въ защитѣ правъ церкви, тѣмъ болѣе долженъ былъ затрогивать насъ неуспѣхъ нашихъ усилій. Съ тѣхъ поръ, мы не могли оставаться подъ страхомъ пораженія, не рискуя потерять на Востокѣ положеніе, созданное тамъ для насъ исторіей и поддерживаемое не только симпатіей, но и самымъ жизненнымъ политическимъ интересомъ. Поэтому въ одно и то же время мы должны были заботиться о поддержаніи прошлаго и объ обезпеченіи будущаго.

Таковъ былъ смыслъ инструкцій, данныхъ князю Меншикову.

Онъ долженъ былъ потребовать: 1) формальнаго обнародованія фирмана 30-го января 1852 г., приведеніе въ дѣйствіе котораго, обѣщанное императору личнымъ письмомъ султана, было приостановлено вслѣдствіе тайнаго соглашенія Порты съ Франціей; 2) справедливаго возмездія за прошлое, т.-е. отрѣшенія отъ власти Фуада-эффенди; обнародованія объяснительнаго фирмана, который возстановлялъ-бы права владѣнія грековъ вилеємскимъ храмомъ, не взирая на врученіе ключа отъ него католикамъ; исправленіе купола храма Искупленія, безъ участія католиковъ; отмѣны всѣхъ другихъ уступокъ, сдѣланныхъ католикамъ послѣ фирмана 30-го января 1852 г.; 3) существенныхъ гарантій для будущаго, относительно поддержанія правъ православной церкви.

Въ виду этихъ цѣлей, должно было состояться заключеніе особаго акта, открытаго или тайнаго, конвенціи или „сенеда“, имѣющаго силу договора и заключающаго въ себѣ общую гарантію мѣръ и соглашеній, принятыхъ относительно поддержанія *statu quo* восточной церкви.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ случаѣ, еслибы султанъ нуждался въ огражденіи отъ угрозъ французскаго правительства, князь Меншиковъ имѣлъ приказаніе предложить ему, въ случаѣ надобности, тайный оборонительный союзъ, не требуя за то отъ Турціи никакихъ другихъ обязательствъ, кромѣ подписанія конвенціи относительно *statu quo* православной церкви.

Еслибы Порта отвергла или старалась обойти наши требованія, онъ долженъ былъ предоставить ей три дня на обсужденіе и, по истеченіи этого срока, оставить Константинополь со всѣмъ личнымъ составомъ посольства.

Безъ сомнѣнія, императоръ Николай рѣшился на этотъ важный шагъ только послѣ зрѣлаго соображенія. Онъ полагалъ, что онъ вынуждается къ тому, какъ интересами, такъ и достоинствомъ Россіи. По его убѣжденію, онъ не уклонялся ни отъ строгой справедливости, ни отъ консервативныхъ принциповъ, которые онъ поддерживалъ въ Турціи, какъ и повсюду.

Оттоманская имперія могла держаться только при условіи устраненія отъ нея опасныхъ потрясеній. Бродящія въ ней страсти могутъ быть сдерживаемы только сохраненіемъ порядка вещей, освященнаго исторіей и трактатами.

Нарушенное въ одномъ пунктѣ равновѣсіе должно было быть восстановлено, и будущее гарантировано не только для того, чтобы удовлетворить справедливымъ требованіямъ нашего національнаго религіознаго чувства, но и въ самомъ интересѣ сохраненія турецкой имперіи, которой, съ одной стороны, ненасытныя притязанія католиковъ, а, съ другой, раздраженіе христіанскихъ населеній — угрожали серьезной опасностью.

Требованія, поставленныя нашимъ кабинетомъ, не имѣли другой цѣли. Они не вносили ничего новаго въ положеніе вещей; они только должны бы поддерживать его новой гарантіей, необходимость которой вызывалась послѣдними правонарушеніями.

Все прошлое императора свидѣтельствовало за то, что онъ не придаетъ другого значенія этой гарантіи, и что онъ иначе никакъ не воспользуется ею.

Но могла ли Европа судить такимъ образомъ? Можно ли было предположить, что она сохранить то-же безучастное отношеніе, какое выказывала до сихъ поръ въ вопросу о Святыхъ

мѣстахъ, съ той минуты, когда вопросъ этотъ приметъ болѣе общій характеръ и, переставая быть простымъ несогласіемъ между притязаніями католиковъ и грековъ въ Іерусалимѣ, приметъ размѣры политическаго столкновенія, въ которомъ будетъ поставлено на карту наше вліяніе въ Турціи? Не заключалось ли серьезной опасности, судя по послѣдовательному движенію восточнаго вопроса чрезъ различныя видоизмѣненія, обозначавшія это движеніе, въ томъ, что Россія становилась на первый планъ въ этомъ разногласіи, и въ томъ, что новая гарантія должна была поддерживаться исключительнымъ положеніемъ, съ которымъ никогда не мирились зависть и недовѣріе Европы? Наконецъ, благопріятствовало ли и общее положеніе успѣху подобной попытки? ¹⁾

Событія отвѣтили на эти вопросы.

Но чтобы вполне уяснить тогдашнее положеніе, надо представить себѣ тотъ видъ, какой имѣло въ этотъ рѣшительный моментъ общее состояніе дѣлъ Европы.

Имперія была только-что провозглашена во Франціи.

Мы видѣли выше, какіе переговоры предшествовали признанію новаго титула, принятаго Людовикомъ-Наполеономъ III; какую роль мы играли въ нихъ; какое участіе принимали другія державы, и какое раздраженіе по этому поводу возникло въ Парижѣ противъ насъ.

Совпаденіе этихъ фактовъ съ тѣмъ серьезнымъ оборотомъ, какой принялъ вдругъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, въ тотъ моментъ, когда онъ казался рѣшеннымъ, не можетъ не казаться поразительнымъ.

Англійскій кабинетъ, подъ управленіемъ лорда Дерби, незадолго передъ тѣмъ подписалъ съ нами протоколъ съ цѣлю охраненія въ Европѣ территоріальнаго положенія, основаннаго на трактатахъ, на случай возможнаго нарушенія его Франціей.

Принявъ дѣла отъ торійскаго кабинета, лордъ Джонъ Россель заявилъ намъ въ январѣ 1853 г. оффиціальнымъ сообщеніемъ, что его правительство, оставаясь при своихъ прежнихъ рѣшеніяхъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что инструкціи, данныя князю Меншикову, не имѣли рѣшительнаго характера. Когда былъ поднятъ вопросъ объ этомъ чрезвычайномъ посольствѣ, графъ Нессельроде указалъ государю на графа Орлова или графа Киселева. Выборъ Императора остановился на князѣ Меншиковѣ, такъ какъ высокое положеніе и личное довѣріе государя освобождали его отъ всякой непосредственной зависимости отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, данныя ему предписанія не были положительными приказаніями, но простымъ изложеніемъ пунктовъ, которыхъ желательно было бы достигнуть въ политическомъ отношеніи.

Предѣлы, въ которыхъ должны были быть предъявлены эти требованія, представлялись личной оцѣнкѣ.

относительно желанія поддержать силу трактатовъ и территоріальныхъ разграниченій Европы, не можетъ уже согласиться на то, чтобы протоколъ, подписанный въ Лондонѣ четырьмя державами, былъ доведенъ до свѣденія императора Наполеона. Подобный шагъ можетъ быть сочтенъ этимъ государемъ за безпричинный вызовъ, выказывающій недовѣріе къ нему, къ которому пока онъ не давалъ еще никакихъ поводовъ.

Англія не желала преждевременно связывать себѣ руки въ области дѣйствій, оставаясь въ единомысліи съ нами на почвѣ принциповъ, по отношенію къ общимъ дѣламъ Европы.

Оставался еще Востокъ.

Въ 1844 г. императоръ Николай придавалъ большую важность соглашенію съ лондонскимъ кабинетомъ, относительно того самаго вопроса, которому предстояло, повидимому, сдѣлаться камнемъ преткновенія въ отношеніяхъ обоихъ государствъ. Онъ полагалъ, что онъ можетъ достигнуть всего откровеннымъ выраженіемъ своего образа мыслей, которое опиралось на несокрушимость его слова и должно было доказать, что русская политика на Востокъ не преслѣдовала никакой цѣли, которая противорѣчила бы интересамъ и видамъ англійской политики. Поэтому соглашеніе между обѣими державами казалось не только возможнымъ, но даже естественнымъ и легкимъ. Какъ только оно было достигнуто на этой почвѣ, нигдѣ не являлось интересовъ, которые могли бы помѣшать имъ соединиться ради общей безопасности и мира.

Эти соображенія были благопріятно приняты въ Лондонѣ.

Императоръ Николай безусловно вѣрилъ въ честность англійскаго кабинета, какъ только лордъ Пальмерстонъ не руководилъ имъ; онъ желалъ установить болѣе тѣсную связь великобританскаго правительства съ Россіей и съ консервативнымъ союзомъ; наконецъ, онъ былъ убѣжденъ, что, въ данномъ положеніи Европы, въ виду вновь возникшей имперіи Наполеона, интересы Англіи призывали ее къ сближенію съ континентомъ. Поэтому государь не поколебался еще разъ высказаться съ безусловной откровенностью представителю Англіи въ Петербургѣ о серьезномъ кризисѣ, волновавшемъ Востокъ, о неизбежной опасности, заключающейся въ этомъ кризисѣ, и о непосредственныхъ и дальнѣйшихъ видахъ, какіе онъ имѣлъ по отношенію къ этому дѣлу.

Мы не будемъ разбирать здѣсь перениски, возникшей между двумя правительствами, вслѣдствіе почина, лично принятаго императоромъ въ сношеніяхъ съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ. Эту переписку надо изучать въ цѣломъ. Она получила значеніе

историческаго памятника величайшей важности, не только въ силу сокровенныхъ разъясненій, заключающихся въ ней, но и вслѣдствіе того злоупотребленія, какому она подверглась годъ спустя, когда она была опубликована великобританскимъ правительствомъ для того, чтобы возбудить противъ насъ общественное мнѣніе Европы.

Этотъ случай — одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, какіе только можно занести въ лѣтописи политики.

Та корреспонденція прежде всего выказываетъ безграничное, несокрушимое довѣріе императора Николая къ честности британскаго характера. Затѣмъ, въ ней видно сознаніе его собственной добросовѣстности. Ему казалось невозможнымъ, чтобы прямодушное обращеніе честнаго человѣка къ честнымъ людямъ осталось безъ отклика.

Вся исторія этого плачевнаго недоразумѣнія сосредоточивается именно въ этомъ убѣжденіи. Мы находимъ его въ дальнѣйшемъ развитіи и позже въ обмѣнѣ идей самаго дружескаго характера, происходившемъ между императоромъ Николаемъ и королевой Викторіей, въ тотъ моментъ, когда война казалась неизбежной и когда императоръ сдѣлалъ у королевы послѣднюю попытку для предотвращения взрыва. Королева выражала свое довѣріе къ искренности императора, но прибавляла, что „какъ бы ни были чисты мотивы, управляющіе дѣйствіями государей, даже наиболѣе возвышенныхъ по характеру, этихъ личныхъ качествъ недостаточно въ международныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ одно государство связываетъ себя съ другими торжественными обязательствами“. Императоръ Николай, съ своей стороны, высказывалъ убѣжденіе, что „въ дѣлахъ общественныхъ и взаимныхъ отношеніяхъ государствъ не существуетъ залоговъ болѣе вѣрныхъ, нежели слово и личный характеръ государей, такъ какъ отъ нихъ, въ дѣйствительности, зависятъ миръ или война“.

Весь восточный кризисъ выразился въ этомъ разногласіи мнѣній, источникъ котораго коренится въ самой сущности самодержавнаго и конституціоннаго правительствъ.

На уважающаго себя самодержавнаго государя обязательство налагается его словомъ, а на конституціонное правительство только его формальными обязательствами, и оно допускаетъ только такія обязательства въ сношеніяхъ съ другими.

Вотъ почему императоръ Николай имѣлъ твердое убѣжденіе, что онъ оставался въ предѣлахъ своего права и справедливости, требуя отъ Порты гарантій, цѣль и значеніе которыхъ должны были опираться на силу его державнаго слова. Вотъ почему тѣ

же мѣры, оцѣниваемые иначе въ глазахъ правительства и общественнаго мнѣнія, вызвали противодѣйствіе въ Европѣ.

Все это должно показать намъ, насколько политика измѣнила свои приемы послѣ установленія представительнаго образа правленія, и насколько намъ необходимо сообразовать съ ними наши собственные приемы.

Въ результатѣ оказывалось, что та довѣрчивая откровенность, имѣвшая столько значенія въ глазахъ императора, почти вовсе не имѣла того въ глазахъ британскаго кабинета. Хотя отношеніе къ ней послѣдняго имѣло вполне приличную форму, но въ то же время оно, въ сущности, ясно выражало различіе его точки зрѣнія. Поэтому, намъ никакъ не слѣдовало слѣпо довѣрять образу дѣйствій, какой онъ приметъ на практикѣ, и тѣмъ не менѣе, факта этого выраженія довѣрія съ нашей стороны и печальнаго исхода, къ которому онъ повелъ, было достаточно для того, чтобы внести въ наши сношенія съ Англіей во время и послѣ войны озлобленіе, послѣдствія котораго ощущаются и до настоящаго времени.

Во всякомъ случаѣ, въ ту эпоху, которою мы занимаемся, императорское правительство имѣло убѣжденіе, что виды его совершенно безукоризненны, и питало надежду, что прямота его дѣйствій будетъ оцѣнена.

Императоръ Николай лично зналъ и уважалъ лорда Эбердина; великобританскій государственный человѣкъ, съ своей стороны, выражалъ къ характеру государя самое глубокое почитаніе. Поэтому, онъ съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся къ объясненіямъ, которыя императорскій кабинетъ считъ долгомъ дать ему относительно цѣли отправленія князя Меншикова въ Константинополь.

Мы знали, что французскій кабинетъ, встревоженный значеніемъ своихъ послѣднихъ дипломатическихъ дѣйствій въ Константинополѣ и послѣдствіями рискованнаго успѣха, старался представить Англіи и Австріи опасность, какая могла произойти для Турціи изъ нашего угрожающаго положенія, преувеличивая размѣры нашихъ военныхъ демонстрацій. Между тѣмъ, опасность была порождена и раздута имъ самимъ; онъ не останавливался передъ понудительными мѣрами, которымъ должно было уступить безсиліе турецкихъ министровъ. Онъ хотѣлъ вызвать восточный вопросъ и поставить его въ условія, угрожающія политическому вліянію Россіи, противъ которой такъ легко возбудить недовѣріе Европы.

Таковъ былъ отвѣтъ Людовика-Наполеона на наши попытки

коалиціи на почвѣ трактатовъ 1815 г., починъ которой мы принимали на себя.

Оказалось, вопросъ еще не созрѣлъ.

На представленіе Людовика-Наполеона въ Вѣнѣ, австрійское правительство уже отвѣтило отказомъ, не дожидаясь отъ насъ ни объясненій, ни приглашенія присоединиться къ нашимъ усиліямъ оказать давленіе въ Константинополѣ и въ Парижѣ въ примирительномъ смыслѣ.

Графъ Буоль самостоятельно предложилъ намъ содѣйствіе. Онъ отклонялъ долю участія, которую французскій кабинетъ приписывалъ Австріи въ католическомъ вопросѣ на Востокѣ, признавалъ за всѣми вѣроисповѣданіями равенство правъ, протестовалъ противъ неумѣстнаго притязанія Франціи на покровительство католикамъ; видя въ этомъ притязаніи замыслы, опасные для мира Европы, онъ предлагалъ, съ своей стороны, выразить Парижу энергическія предостереженія. Онъ объявлялъ намъ въ то же время, что, имѣя заявить серьезныя неудовольствія въ Константинополѣ, онъ намѣревался вмѣшаться въ черногорскія дѣла, и поручалъ графу Лейнингену вступить въ переговоры по этому поводу.

Великобританское министерство, съ своей стороны, одинаково признавало какъ неправоту Франціи, такъ и правоту требованій и умѣренность видовъ Россіи. Исполненное довѣрія къ консервативной политикѣ императора Николая, оно принимало на себя обязательство повліять въ примирительномъ смыслѣ на французскій кабинетъ и на Порту.

Эти заявленія, повидимому, были искренни. Слѣды ихъ можно найти въ официальной перепискѣ лондонскаго кабинета. Какъ результатъ упомянутыхъ заявленій, явилось менѣе рѣзкое положеніе французскаго правительства и, между прочимъ, отозваніе Лавалетта, котораго считали вообще однимъ изъ главныхъ виновниковъ тогдашнихъ осложненій. Кромѣ того, тюльерійскій кабинетъ дѣлалъ открыто попытки примирительнаго характера, желая установить непосредственное согласіе между нимъ и нашимъ правительствомъ.

Такого рода предложенія дѣйствительно доходили до насъ. Они были весьма неопредѣленны и замыкали дѣло въ безвыходный для насъ кругъ. Французское правительство не могло на нихъ серьезно основывать надежду на искреннее соглашеніе. Возможно, что единственною цѣлью его было дать осязательное доказательство своего примирительнаго направленія преимуще-

ственно передъ нами, и такимъ образомъ возбудить противъ насъ общественное мнѣніе.

На эти предложенія мы отвѣтили, что мы вполне готовы къ соглашенію, но не иначе, какъ на основахъ фирмана 1852 г., который былъ нарушенъ. Въ доказательство нашихъ примирительныхъ желаній, мы предложили французскому правительству, чтобы преемникъ Лавалетта проѣхалъ черезъ Петербургъ, для словеснаго объясненія съ нами. Мы извѣстили и о явной цѣли отправленія кн. Меншикова, выражая желаніе, чтобы французскій посолъ въ Константинополѣ оказалъ ему дружественное содѣйствіе. Кн. Меншиковъ получилъ даже приказаніе постараться прійти къ соглашенію съ нимъ.

Этотъ обмѣнъ заявленій не могъ, конечно, имѣть особаго значенія, но онъ не исключалъ возможности достиженія желанной цѣли.

Что касается лондонскаго и вѣнскаго дворовъ, они выразили свое желаніе, чтобы переговоры, порученные князю Меншикову, пришли къ удовлетворительному исходу, увѣряя насъ въ то же время, что ихъ представители имѣли приказаніе поддерживать усилія нашего посла.

Французскій кабинетъ, въ дѣйствительности, со страхомъ смотрѣлъ на такой важный шагъ, выказывавшій твердое намѣреніе Россіи не признавать положенія, созданнаго послѣдними постановленіями Порты. Въ Парижѣ опасались или дипломатическаго пораженія или прямого столкновенія съ нами. Поэтому были произведены попытки вовлечь великія державы въ эти пререканія во имя европейской солидарности противъ Россіи на Востокѣ. Однако, эти попытки оставались безплодными. На намеки графа Валевскаго, представителя Франціи въ Лондонѣ, лордъ Джонъ Россель отвѣчалъ, что онъ считаетъ отправленіе князя Меншикова послѣднимъ шагомъ къ примиренію, и 22-го марта, когда нашъ посолъ уже былъ въ Константинополѣ, лордъ Кларендонъ повторилъ графу Валевскому:

„Правительство ея великобританскаго величества расположено вѣрить русскому императору, отъ котораго оно получило самыя торжественныя увѣренія, что его намѣреніе и интересъ заключаются въ поддержаніи турецкой имперіи и что, если бы его воззрѣнія въ этомъ отношеніи измѣнились, онъ тотчасъ же насъ объ этомъ извѣститъ бы безъ всякихъ колебаній и отговорокъ. Такъ какъ никакого подобнаго сообщенія намъ не было сдѣлано до сихъ поръ, мы должны вѣрить до полученія доказательства противнаго, что отправленіе князя Меншикова не

имѣть угрожающаго характера для независимости и цѣлости Турціи“.

Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, положеніе не явилось пока слишкомъ тревожнымъ для насъ.

Но здѣсь выступаетъ обстоятельство весьма важное, оказавшее рѣшительное вліяніе на ходъ событій.

Обращаясь съ дружественными объясненіями въ лондонскому и вѣнскому кабинетамъ, мы разсудили, что инструкціи, данныя кн. Меншикову, въ своемъ цѣломъ представляли слишкомъ щекотливыя стороны для того, чтобы ихъ сообщать во всѣхъ подробностяхъ. Въ особенности въ Лондонѣ идея непосредственнаго соглашенія между Россіей и Портой должна была встрѣтить сильное противодѣйствіе и лишить насъ расположенія министровъ.

Нашъ государственный канцлеръ, въ своихъ бесѣдахъ съ представителями этихъ державъ, ограничился словеснымъ сообщеніемъ имъ общаго смысла инструкцій, данныхъ кн. Меншикову. Онъ не упоминалъ о конвенціи, которую предстояло заключить съ Портой, и объяснилъ только о нашемъ желаніи добиться гарантій для будущаго и въ то же время удовлетворенія за прошлое относительно сохраненія установленнаго положенія православной церкви на Востоцѣ. Та же сдержанность соблюдалась нашими представителями въ Лондонѣ и Вѣнѣ, такъ же какъ и главой нашего кабинета, въ отвѣтъ на запросы обоихъ дворовъ, становившіеся все болѣе и болѣе настоятельными, по мѣрѣ того, какъ подвигалось выполненіе порученія нашего чрезвычайнаго посла въ Константинополь.

Эта сдержанность имѣла важное значеніе. Она указывала, съ нашей стороны, предчувствіе общаго сопротивленія, какое наши требованія должны встрѣтить даже въ тѣхъ правительствахъ, которыя до тѣхъ поръ благопріятно относились къ намъ. Съ того момента, когда уже можно было предвидѣть это сопротивленіе, наши недомолвки должны были его усилить.

Если мы могли имѣть надежду разомъ одержать верхъ надъ Портой, пользуясь временнымъ отсутствіемъ самихъ представителей Франціи и Англіи и не давая времени турецкимъ министрамъ оглядѣться, то, не говоря уже о томъ, что константинопольская почва не благопріятствовала осуществленію такого плана, намъ трудно было-бы заставить Европу признать подобную сдѣлку. Но и въ такомъ случаѣ переговоры должны были бытъ ведены иначе нашимъ посломъ.

Вотъ какъ все произошло на самомъ дѣлѣ при пріѣздѣ его въ Константинополь, 16 февраля 1853 года.

Встрѣча была торжественная. Уже на первомъ свиданіи съ великимъ визиремъ, нашъ посоль объявилъ ему, что онъ не войдетъ въ переговоры съ Фуадомъ-эффенди и потребовалъ назначенія особаго, довѣреннаго отъ султана, лица, съ которымъ бы онъ могъ войти въ переговоры.

Дѣлая обычные визиты, князь Меншиковъ не поѣхалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ. Тотъ немедленно подалъ въ отставку.

Это надѣлало много шуму въ Константинополѣ, гдѣ, однако, недавнее порученіе графа Лейнингена создавало извѣстный прецедентъ. Мы уведомили лондонскій кабинетъ о нашемъ намѣреніи; онъ далъ предписаніе своему представителю не вмѣшиваться въ это дѣло. Тѣмъ не менѣе, повѣренные въ дѣлахъ Франціи и Англіи согласились считать порученіе кн. Меншикова нарушающимъ достоинство турецкаго правительства, и сдѣлали нѣсколько безполезныхъ усилій помѣшать отставкѣ Фуада-эффенди.

Эта отставка была принята султаномъ, который назначилъ на его мѣсто Рифаатъ-пашу, извѣстнаго своей умѣренностью.

Это было не первое и не послѣднее доказательство враждебности къ намъ полковника Розъ ¹⁾. По соглашенію съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, онъ обнаруживалъ тревожность и недоброжелательство къ намъ. Оба они усложнились предостеречь Порту противъ приписываемаго намъ намѣренія возобновить ункларескесійскій договоръ.

Полковникъ Розъ громко жаловался на полное невѣденіе относительно содержанія инструкцій князю Меншикову, которыя должны были быть сообщены англійскому кабинету. Онъ потребовалъ, чтобы дождались, по крайней мѣрѣ, пріѣзда великобританскаго посла и, получивъ отказъ кн. Меншикова, предложилъ Портѣ отложить пріемъ князя Меншикова у султана.

Дѣйствительно, пріемъ нашего посла состоялся лишь черезъ недѣлю послѣ его пріѣзда.

Полковникъ Розъ этимъ не ограничился. Онъ не поколебался поощрять дивану поддержку Англіи и въ тотъ самый день, когда происходила аудіенція князя Меншикова, онъ принялъ на себя послать адмиралу Дундасу, командиру англійской эскадры въ Мальтѣ, предложеніе отплыть къ Вувлаской бухтѣ. Онъ, по преимуществу, опирался на то, что Россія, вмѣсто того, чтобы отозвать или остановить свои войска, подвигала ихъ въ турецкой территоріи и дѣлала заказы большихъ запасовъ провіанта въ

¹⁾ Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ.

Придунайскихъ княжествахъ, не высказавъ еще Портъ ни своихъ неудовольствій, ни своихъ требованій.

Однимъ словомъ, мы наталкивались на заговоры второстепенныхъ дипломатическихъ агентовъ, проникнутыхъ предубѣжденіями, распространявшимися противъ насъ уже двадцать лѣтъ и проповѣдывавшимися съ высоты парламентской трибуны въ яростныхъ рѣчахъ, которыя должны были обратить вниманіе Европы на опасность, какою угрожали для Турціи наши сооруженія въ Севастополѣ.

Они опасались быть застигнутыми врасплохъ, прежде чѣмъ Турція и другія державы будутъ имѣть время подготовиться. Они не вѣрили ни въ умѣренность нашихъ видовъ, ни въ искренность нашихъ увѣреній.

Противъ этихъ злонамѣренныхъ интригъ, которымъ вполнѣ сочувствовали въ Англіи, единственнымъ противовѣсомъ для насъ служила личность лорда Эбердина. Довѣріе, которое онъ до тѣхъ поръ выказывалъ нашимъ намѣреніямъ, вынуждало французскій кабинетъ къ умѣренности, по крайней мѣрѣ, видимой.

Но когда извѣстіе о движеніи англійской эскадры, по приказанію полковника Роза, достигло Парижа, императоръ Наполеонъ, даже не ожидая рѣшенія изъ Лондона, понялъ всю пользу, какую онъ можетъ извлечь отсюда—все равно, будетъ ли распоряженіе великобританскаго повѣреннаго по дѣламъ утверждено, или отмѣнено. Въ первомъ случаѣ, онъ не хотѣлъ, чтобы Англіи одной принадлежала честь поспѣшить на защиту Турціи; во второмъ случаѣ, онъ надѣялся увлечь ее своимъ примѣромъ. Онъ немедленно отдалъ приказъ французской эскадрѣ, стоявшей въ Тулонѣ, отплыть къ Саламинской бухтѣ.

Въ Лондонѣ эти извѣстія произвели сильное впечатлѣніе. Лордъ Кларендонъ только-что заступилъ тогда мѣсто лорда Джона Росселя, внося собою въ англійскій кабинетъ элементъ, для насъ неблагопріятный. Однако, великобританское правительство въ это время было увѣдомлено, что адмиралъ Дундасъ не счелъ себя въ правѣ повиноваться требованію полковника Роза и обратился за рѣшеніемъ къ своему правительству. Такимъ образомъ, послѣднему предстояло высказаться по этому вопросу. Лордъ Кларендонъ имѣлъ оживленное совѣщаніе съ барономъ Брунновымъ; англійскій министръ сдѣлалъ ему укоры насчетъ образа дѣйствій князя Меншикова по отношенію къ министру иностранныхъ дѣлъ султана. Тѣмъ не менѣе, въ виду увѣренія нашего посла въ исключительно мирномъ характерѣ нашихъ намѣреній и въ виду его представленія, что морскія демонстраціи Англіи могли только

повредить нашимъ примирительнымъ усиліямъ, лондонскій кабинетъ одобрилъ рѣшеніе адмирала Дундаса и высказалъ порицаніе за чрезмѣрное рвеніе англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополь. Онъ старался также задержать отплытіе французскаго флота, но безуспѣшно. Рѣшеніе императора Наполеона было безповоротное. Это различіе положеній обѣихъ державъ имѣло важное значеніе въ нашихъ глазахъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что оно было основано на невѣдѣніи, въ которомъ находилось англійское правительство относительно дѣйствительныхъ инструкцій князя Меншикова. Поэтому оно могло только поддерживать насъ въ ложномъ успокоеніи.

Впрочемъ, сомнѣнія должны были вскорѣ разсѣяться, потому что лондонскій кабинетъ рѣшился поторопить возвращеніе сэра Стрэтфорда Каннинга (въ то время уже сдѣлавшагося лордомъ Стрэтфордъ Рэдклифомъ) въ Константинополь для того, чтобы удовлетворить общественное мнѣніе. Правда, онъ снабдилъ своего представителя самыми примирительными указаніями, но было извѣстно, насколько этотъ дипломатъ мало стѣснялся приказаніями своего двора, и мы не могли не опасаться его враждебнаго настроенія къ намъ.

Въ это время князь Меншиковъ имѣлъ аудіенцію у султана, которому и вручилъ письмо императора Николая.

Абдулъ-Меджидъ былъ приведенъ имъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Успокоенный, однако, увѣреніями въ дружественныхъ видахъ государя, онъ смутился вновь, когда князь Меншиковъ высказалъ ему, что его императорское величество увидѣлъ бы съ удовольствіемъ увеличеніе военныхъ силъ Турціи для поддержанія ея независимости ¹⁾.

¹⁾ Мы напомнимъ здѣсь содержаніе первоначальныхъ предложеній кн. Меншикова.

Въ его словесной нотѣ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ говорилось, что русскій императоръ, готовый забыть прошлое, чувствуетъ себя обязаннымъ требовать солидныхъ гарантій для будущаго, гарантій формальныхъ и положительныхъ, обеспечивающихъ ненарушимость вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ Россія и большинство христіанскихъ подданныхъ султана. Эти гарантіи могутъ найти мѣсто только въ договорѣ или равносильномъ ему актѣ, который оградилъ бы ихъ въ будущемъ отъ произвольныхъ толкованій недобросовѣстныхъ турецкихъ министровъ. Этотъ договоръ долженъ былъ заключать въ себѣ:

1) Объяснительный фирманъ относительно ключа Визелемскаго храма и звѣзды въ алтарѣ Рождества Христова, обладанія геесиманской пещерой греками, съ допущеніемъ католиковъ къ совершенію службы, но подъ главенствомъ православныхъ; наконецъ, общаго обладанія Визелемскими садами.

2) Распоряженіе верховной власти относительно немедленнаго исправленія отто-

Это былъ намекъ на вооруженія, уже предпринятія Портою. Султанъ объяснилъ ихъ недоразумѣніемъ.

Только въ свиданіи съ Рифаатъ-пашею 4 марта нашъ посолъ выяснилъ съ точностью предметъ своего порученія. Онъ передалъ ему изложеніе нашихъ неудовольствій, потомъ ноту, сопровождаемую проектами окончательнаго улаженія вопроса о Святыхъ мѣстахъ, наконецъ, вторую ноту, сопровождаемую проектомъ конвенціи.

Рифаатъ-паша, повидимому, былъ болѣе пораженъ формой конвенціи, нежели сущностью нашихъ требованій.

Передавая ему эти различные документы, кн. Меншиковъ потребовалъ строжайшей тайны относительно послѣдняго. Онъ боялся, не безъ причины, враждебнаго вмѣшательства посольствъ.

Но было ли вѣроятіе въ томъ, что Порта сохранить эту тайну передъ представителями державъ, на поддержку которыхъ она имѣла основаніе рассчитывать?

Нашъ посолъ счелъ своимъ долгомъ отвергнуть требованія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, желавшаго принять участіе въ переговорахъ о Святыхъ мѣстахъ.

Несмотря на позднѣйшія инструкціи, присланныя изъ Лондона полковнику Розу, предписывавшія ему склонить Порту къ уступчивости нашимъ требованіямъ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ согласился съ французскимъ повѣреннымъ подѣйствовать на Рифаатъ-пашу, чтобы затянуть переговоры до пріѣзда обоихъ пословъ.

Этотъ совѣтъ какъ нельзя болѣе сообразовался съ видами турецкаго правительства. Поэтому, князь Меншиковъ не могъ получить никакого рѣшительнаго отвѣта. Время терялось въ обсужденіи подробностей. Наши предложенія относительно Святыхъ мѣстъ были приняты почти всѣ, лишь съ незначительными измѣненіями. Вопросъ о куполѣ вызвалъ оживленныя пренія. Порта

манскимъ правительствомъ купола храма Воскресенія при исключительномъ участіи греческаго патріарха.

3) Сенець или конвенцію для гарантированія сторонъ statu quo греко-россійскаго исповѣданія Восточной церкви и святилища, находящихся въ исключительномъ обладаніи этого исповѣданія или вмѣстѣ съ другими исповѣданіями въ Иерусалимѣ.

Въ нотѣ повторяется, что Россія не требуетъ отъ Порты политическихъ уступокъ; ея желаніе заключается въ томъ, чтобы успокоить религіозное сознаніе православныхъ населеній увѣренностью въ поддержаніи того, что существуетъ теперь и что было до нашего времени. Именно съ этою дѣлю она требуетъ, въ интересахъ православныхъ духовныхъ общинъ, такого объяснительнаго и положительнаго акта относительно гарантій, который ни въ чемъ не затрогивалъ бы ни другихъ исповѣданій, ни отношеній Порты съ другими державами.

не хотѣла предоставить греческому патриарху другого права, кромѣ указаній относительно работъ.

Таково было положеніе вещей, когда (24 марта) прибыли французскій и англійскій послы.

Сэръ Стрэдфордъ Редклиффъ хранилъ полное молчаніе при встрѣчѣ съ княземъ Меншиковымъ насчетъ его порученія. Но легко было замѣтить, что онъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ турецкими министрами.

Переговоры видимо замедлялись.

Англійскій посолъ, извѣщенный съ перваго же дня Рифаатъ-пашою о нашихъ требованіяхъ, тотчасъ же принялъ очень искусную тактику. Онъ вполне отдѣлилъ мѣстный вопросъ о Святыхъ мѣстахъ отъ вопроса объ общихъ гарантіяхъ, которыхъ мы требовали. Касательно перваго, онъ совѣтовалъ туркамъ быть уступчивыми по отношенію къ намъ, относясь, однако, съ большимъ вниманіемъ къ императору Наполеону. Что касается до втораго вопроса, оба посла отказались высказаться официально. Запрошенные нотой Рифаатъ-паши, они объяснили, также въ официальной нотѣ, что вопросъ о конвенціи съ Россіей для гарантірованія *statu quo* православной церкви, касающійся достоинства и независимости султана, можетъ быть рѣшенъ только самой Портой.

Поставить вопросъ въ такіа условія значило рѣшить его противъ насъ. Не трудно по этимъ официальнымъ документамъ судить о языкѣ, которымъ говорили оба посла въ своихъ частныхъ сношеніяхъ.

Дѣло о Святыхъ мѣстахъ было рѣшено довольно быстро въ удовлетворительномъ для насъ смыслѣ. По отношенію къ конвенціи, турецкіе министры обнаруживали непреодолимое упорство. Рифаатъ находилъ заключеніе конвенціи невозможнымъ дѣломъ. По его мнѣнію, это значило бы предать верховную независимость султана въ руки русскаго императора. Въ доказательство своихъ примирительныхъ стремленій, онъ предлагалъ отправить посла въ Петербургъ съ собственноручнымъ письмомъ султана къ государю и съ порученіемъ прийти къ соглашенію съ нашимъ правительствомъ.

Съ своей стороны, князь Меншиковъ исключалъ изъ проекта конвенціи всѣ пункты, которые въ особенности тревожили турецкихъ министровъ, но твердо отстаивалъ принципъ своего требованія.

Въ этихъ условіяхъ переговоры не могли прийти къ желаемому концу.

Затрудненный такимъ положеніемъ, нашъ посолъ обратился къ

императорскому правительству, спрашивая его, до какихъ предѣловъ онъ долженъ доводить уступки, сдѣлавшіяся необходимыми, если не рисковать угрожающимъ кризисомъ, безъ чего, какъ онъ уже предвидѣлъ, невозможно было возвратити намъ вліяніе, которое мы прежде имѣли надъ диваномъ?

По убѣжденію императора Николая, предположенная конвенція была необходимымъ дополненіемъ установленія вопроса о Святыхъ мѣстахъ. Одно не имѣло значенія безъ другого. Событія уже доказали намъ это. Нужно было, чтобы мы имѣли возможность болѣе дѣятельно гарантировать религіозные интересы восточной церкви, чѣмъ мы могли это дѣлать до сихъ поръ въ силу кайнарджійскаго трактата, такъ какъ эти интересы нарушались, несмотря на постановленія означенныхъ договоровъ. Предположенная конвенція должна была удовлетворить этой потребности.

Вслѣдствіе того, посолъ получилъ приказаніе выполнить свои инструкціи и прервать переговоры, если имъ предстоитъ еще тормозиться отказами или оттяжками турецкаго правительства. Однако, въ виду того, что Порту, въ особенности, пугала торжественная форма конвенціи, князю Меншикову было разрѣшено принять, вмѣсто конвенціи, официальное обязательство, подтвержденное протоколомъ или обязательной нотой.

Тѣмъ временемъ, дѣла усложнялись и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ. Положеніе великобританскаго кабинета становилось затруднительнымъ. Агитація, которая велась противъ насъ, начинала затрогивать и его. Отправленіе французскаго флота въ Саламинъ истолковывалось общественнымъ мнѣніемъ не въ пользу лорда Эбердина, котораго упрекали за слѣпое довѣріе къ нашимъ увѣреніямъ и за его слабость къ намъ. Слухъ, какъ будто подтверждавшійся, о возобновленіи ункіарскелесійскаго договора, поколебалъ отчасти его вѣру въ наши обѣщанія. Баронъ Брунновъ старался возстановить его довѣріе, сообщивъ ему текстъ гласныхъ инструкцій князя Меншикова, статьи, относившіяся къ улаженію вопроса о Святыхъ мѣстахъ и краткое содержаніе нашего проекта конвенціи. Лордъ Эбердинъ, въ общемъ, призналъ всѣ эти документы примирительными и умѣренными, и согласился ихъ поддерживать. Но сообщенныя нами свѣденія были неполны, и настроеніе прочихъ членовъ англійскаго министерства было таково, что нашъ посолъ не рѣшился на подобную-же откровенность передъ лордомъ Кларендономъ. На самомъ дѣлѣ, въ совѣтѣ англійскаго министерства происходили весьма оживленныя пренія. Всѣ склонялись на сторону Франціи и убѣждали кабинетъ идти объ руку съ ней для того, чтобы оградить Турцію отъ принисы-

всѣмъ намъ замысловъ. Одинъ лишь лордъ Эбердинъ ручался за добросовѣстность нашихъ нажѣреній и настаивалъ на томъ, чтобы англійская эскадра Средиземнаго моря маневрировала гдѣ бы то ни было, но не въ восточныхъ водахъ. Безъ сомнѣнія, въ такого рода упорствѣ съ его стороны, кромѣ безусловнаго довѣрія къ нашимъ увѣреніямъ, заключалось и глубокое отвращеніе къ политикѣ императора Наполеона. Однако, предстоявшее собраніе парламента и медленный ходъ переговоровъ въ Константинополѣ грозили сдѣлать его положеніе шаткимъ.

Поэтому въ Лондонѣ ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ первыхъ донесеній лорда Стрэдфорда Рэдклифа, для того, чтобы принять какое-либо рѣшеніе. Эти донесенія пришли, наконецъ, но пропитанныя непримиримой враждебностью къ намъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ этого дипломата. Онъ указывалъ на то, что Россія окружила переговоры глубочайшей тайной, и что, независимо отъ вопроса о Святыхъ мѣстахъ, она стремилась къ исключительному протекторату надъ православными населеніями Турціи, который угрожалъ бы независимости и цѣлости турецкой имперіи.

Эти извѣщенія произвели въ Лондонѣ глубокое впечатлѣніе. Они оправдывали предсказанія нашихъ противниковъ и оскорбляли самолюбіе лорда Эбердина, который упрекнулъ насъ за то, что мы компрометировали его обѣщаніями и увѣреніями, съ которыми не согласовались наши дѣйствія. Въ дипломатической перепискѣ англійскаго правительства явился отгѣнокъ усиленнаго раздраженія.

Это былъ рѣшительный моментъ, и съ той поры стало очевидно, что мы должны считать Англію въ числѣ нашихъ враговъ.

Подъ такимъ вліяніемъ переговоры въ Константинополѣ быстро пошли къ роковому исходу.

Князь Меншиковъ получилъ отъ турецкаго правительства два фирмана ¹⁾, сообразно со своими требованіями по вопросу о Святыхъ мѣстахъ.

Что касается до третьяго пункта, т.-е. до конвенціи, Порты, подчиняясь французскому и англійскому посламъ, высказывала

¹⁾ Т.-е. объяснительный фирманъ относительно уступки католикамъ ключа Виедесской церкви и серебряной звѣзды, дарованной султаномъ, общаго владѣнія Виедесскими садами и первенства греческаго служенія въ Геесиманскомъ храмѣ; другой фирманъ — относительно исправленія купола храма Испытанія, съ участіемъ греческаго православнаго патріарха, опредѣленнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ имѣлъ право дѣлать свои замѣчанія для того, чтобы форма купола не была измѣнена. Что касается до прилетающихъ гаремовъ, окна ихъ, выходившія во внутренность храма, должны были быть заложены.

величайшую неговорчивость. Лордъ Стрэдфордъ Радклиффъ внушалъ ей, что подобный договоръ давалъ бы Россіи политическій протекторатъ, который Европа, въ своихъ интересахъ, не могла бы допустить. Онъ продиктовалъ турецкимъ министрамъ ноту, предназначенную замѣнить конвенцію и могущую, по его мнѣнію, вполне насъ удовлетворить. Онъ не скрывалъ, впрочемъ, отъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Озерова, что всякое давленіе съ нашей стороны на Турцію вызоветъ тѣсный союзъ двухъ морскихъ державъ.

Князь Меншиковъ ограничился увѣдомленіемъ о полученіи обоихъ фирмановъ и препроводилъ Портѣ проектъ сенеда, представивъ ей пятидневный срокъ для принятія рѣшенія ¹⁾.

¹⁾ Вотъ проектъ нашего предложенія Портѣ, въ видѣ ультиматума:

„...Е. В. султанъ, желая представить своему августѣйшему союзнику и другу, Императору Всероссійскому, новое доказательство искреннѣйшей дружбы и душевнаго желанія укрѣпить отношенія добраго сосѣдства и полного согласія, существующія между обоими государствами; питая, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнѣйшее довѣріе къ неизмѣнно доброжелательнымъ намѣреніямъ его императорскаго величества относительно поддержанія неприкосновенности и независимости Оттоманской имперіи, соблаговолилъ оцѣнить и принять къ серьезному свѣденію откровенныя и сердечныя представленія, переданныя ему черезъ посредство російскаго посла, въ пользу православной церкви на Востокѣ, исповѣдуемой его августѣйшимъ союзникомъ, такъ же какъ и большинствомъ подданныхъ ихъ величествъ.

„Нижеподписавшійся (министръ иностранныхъ дѣлъ), вслѣдствіе того, получилъ приказаніе представить, посредствомъ настоящей ноты, самое торжественное увѣреніе императорскому російскому правительству, въ лйдѣ его представителя при е. в. султанѣ, е. св. князя Меншикова, относительно неизмѣннаго попеченія чувствъ и великодушія и вѣротѣпимости, одушевляющихъ е. в. султана къ обезпеченности и благосостоянію въ его владѣніяхъ духовенства, церкви и духовныхъ учреждений восточнаго христіанскаго исповѣданія. Съ тою цѣлью, чтобы придать означеннымъ увѣреніямъ еще болѣе ясности и облечь въ болѣе точную форму предметъ высокаго попеченія султана; чтобы разработать дополнительными поясненіями, вытекающими движеніемъ времени, смыслъ тѣхъ статей, которыя въ прежнихъ договорахъ между обоими государствами касаются духовныхъ вопросовъ, и, наконецъ, предупредить навсегда всякій отъѣнокъ недоразумѣній и несогласій по этому поводу между обоими правительствами—нижеподписавшійся уполномоченъ е. в. султаномъ сдѣлать слѣдующее заявленіе:

1) Православная церковь на востокѣ, ея духовенство, храмы и владѣнія, равно какъ и ея духовныя учрежденія, должны пользоваться въ будущемъ, безъ всякаго нарушенія, подъ защитою е. в. султана, преимуществами и льготами, присвоенными имъ современемъ или дарованными неоднократно щедротами султановъ и, по началу высокой справедливости, будутъ также пользоваться и преимуществами, дарованными другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, равно какъ и иностраннымъ посольствамъ при Ближательной Портѣ, вслѣдствіе договоровъ или иныхъ частныхъ постановленій.

2) Въ виду того, что е. в. султанъ признавалъ нужными и справедливыми поддерживать и разъяснять свой высочайшій фирманъ, утвержденный гагги-гулаомомъ, отъ 15 ребуль-ахиръ (15 февраля 1852 г.), новымъ высочайшимъ фирманомъ отъ..., и,

Содержаніе этого проекта, текстъ котораго заслуживаетъ вниманія, подтверждаетъ строгую справедливость нашихъ требованій.

Порта отвѣтила на него цотой, редактированной подъ диктовку лорда Стрэдфорда Рэдклифа. Въ ней заключались лишь увѣренія въ дружбѣ и неопредѣленные обѣщанія относительно заботливости султана объ его подданныхъ всѣхъ исповѣданій.

Нашъ посолъ взглянулъ на нее какъ на отказъ, и заявилъ, что онъ будетъ вынужденъ прервать дипломатическія сношенія. Рифаатъ, однако, просилъ у него свиданія, но князь Меншиковъ предпочелъ обратиться прямо къ султану, чѣмъ въ собранію министровъ, отдавшихъ свою независимость въ руки представителя Англіи. Султанъ увѣрилъ его въ искреннемъ желаніи прійти къ соглашенію и обѣщалъ ему скорый отвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ переѣзду министерства, которая вернетъ къ власти Решидъ-пашу¹⁾.

Отвѣтъ Порты былъ кратокъ; она увѣряла въ искреннемъ желаніи соглашенія и просила еще пяти дней отсрочки.

Князь Меншиковъ считалъ долгомъ подтвердить заявленное имъ рѣшеніе о разрывѣ сношеній, но онъ объявилъ словесно Решидъ-пашѣ, что замедлитъ свой отъѣздъ и врученіе официальной ноты, возвыщающей разрывъ, до 6 (18) мая, для того, чтобы

кромя того, предписать другимъ фирманомъ отъ..., починку купола храма гроба Господня—оба эти фирмана должны быть въ точности исполнены, чтобы сохранить навсегда установленное въ настоящее время положеніе (*statu quo*) святищъ въ исключительномъ владѣніи православной церкви, или совмѣстно съ другими исповѣданіями. При этомъ подразумѣвается, что обиданіе это простирается, равнымъ образомъ, и на всѣ права и преимущества, съ давнихъ временъ находящіяся въ пользованіи православной церкви и ея духовенства, какъ въ самомъ Іерусалимѣ, такъ и внѣ города, безъ какого-либо ущерба для другихъ исповѣданій.

3) На случай, если русское правительство того потребуетъ, будетъ отведено приличное пространство въ Іерусалимѣ или его окрестностяхъ для возведенія церкви, предназначенной для богослуженія русскаго духовенства, а также и для постройки странноприимнаго дома для бѣдныхъ и больныхъ паломниковъ; зданія эти должны будутъ находиться подъ особымъ присмотромъ русскаго генеральнаго консульства въ Сиріи и Палестинѣ.

4) Фирманы и необходимыя распоряженія будутъ переданы кому слѣдуетъ, а также и греческому патріарху, для исполненія означенныхъ высочайшихъ повелѣній, а впоследствии должно быть установлено согласіе относительно тѣхъ частныхъ, которыя не вошли, какъ въ фирманы о Святыхъ мѣстахъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ настоящее заявленіе.

¹⁾ Увѣряютъ, что эта переѣздна министерства была комедія, сыгранная съ княземъ Меншиковымъ. Такъ какъ Рифаатъ, повидимому, становился все слабѣе, лордъ Стрэдфордъ Рэдклифъ побудилъ Решидъ-пашу обѣщать нашему послу полное удовлетвореніе по достиженіи власти. Но какъ только Решидъ-паша сталъ вновь великимъ визиремъ, онъ отказался отъ всѣхъ своихъ обѣщаній.

дать время обнаружиться примирительному настроенію, какое выказывало новое министерство.

Большой, чрезвычайный совѣтъ былъ созванъ по приказанію султана.

Настала рѣшительная минута. Абдуль-Меджидъ лично былъ мало расположенъ къ войнѣ. Онъ былъ одушевленъ чувствами дружбы и уваженія къ императору Николаю. Между вліятельными сановниками, на-ряду съ фанатическими старыми турками и молодыми турками, преданными западнымъ идеямъ, находились и такіе, которымъ вовсе не хотѣлось отдаваться исключительному вліянію двухъ морскихъ державъ. Они были не прочь отъ ихъ опоры, для того, чтобы обуздывать, въ случаѣ необходимости, Россію, но турецкая политика всегда старалась поддерживать равновѣсіе между соперничествомъ иностранныхъ державъ, видя въ этомъ равновѣсіи обезпеченіе для себя. Въ настоящее время его хотѣли нарушить въ ущербъ намъ. Нельзя было, однако, не допустить, что въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ наше вмѣшательство было гораздо менѣе неудобно для Турціи, чѣмъ вліяніе запада, а нѣсколько разъ оно было даже прямо полезно для нея, именно въ 1833 и въ 1839 г. Ничто не доказывало, что Турція должна была что-либо выиграть, предоставляя морскимъ державамъ окончательное преобладаніе, не говоря уже о случайностяхъ войны, театромъ которой сдѣлается Турція, что должно подвергнуть ее громаднымъ финансовымъ отягощеніямъ, возстаніямъ ея христіанскихъ подданныхъ и, наконецъ, потрясеніямъ, весьма опаснымъ при ея слабости.

Всѣ эти размышленія должны были являться у совѣтниковъ султана. Къ сожалѣнію, между ними уже не было большинства изъ тѣхъ, которые были свидѣтелями услугъ, оказанныхъ Россіей оттоманскому государству, и дружественныхъ сношеній султана Махмуда съ императоромъ Николаемъ. Новое поколѣніе было проникнуто другими принципами. Въ Турціи пытались насадить просвѣтительныя идеи Запада. Вслѣдствіе того, мусульмане утратили свои прежнія качества, не усвоивъ себѣ цивилизаціи, противъ которой возстаютъ ихъ происхожденіе, нравы и религія. Самымъ очевиднымъ результатомъ этихъ стремленій была подготовка вліянію Запада; вліяніе Англіи, имѣвшей своимъ представителемъ лорда Стрэдфорда Ределифа, въ особенности приобрѣло неоспоримый перевѣсъ. Этого вліянія англійскій дипломатъ достигъ, благодаря главной задачѣ своей политической карьеры на Востоцѣ, заключавшейся въ идеѣ возрожденія Турціи посредствомъ самихъ турокъ. Легко понять, какъ благоприятно должны были смотрѣть

на эту мысль турецкіе государственные люди, воспитанные на Западѣ, и какъ мало она согласовалась съ положеніемъ, въ которое исторія послѣдняго столѣтія поставила Турцію по отношенію къ Россіи.

Въ этомъ, видимо, срывалась настоящая причина разлада между нами. Какъ бы ни были умѣренны наши дѣйствія, какъ бы внимательны мы ни были въ Турціи, съ какой бы осмотрительностью мы ни пользовались вліяніемъ, какое предоставляли намъ наши договоры, и какъ бы это вліяніе въ результатѣ ни стремилось къ поддержанію существованія и спокойствію оттоманскаго государства, предохраняя его отъ опасныхъ потрясеній, — Порта не могла забыть о томъ давленіи, какое мы оказывали на нее, какъ правами, какія намъ давали наши побѣды, такъ и существеннымъ и неизмѣннымъ фактомъ общности происхожденія языка и вѣры, связывавшей насъ съ громаднымъ большинствомъ ея подданныхъ.

Это былъ одинъ изъ фактовъ неизмѣнныхъ, видимыхъ, осязательныхъ, которыхъ не могли побѣдить никакія соображенія. Если даже Порта могла полагаться на убѣжденія и личный характеръ императора Николая, могла-ли она быть увѣрена въ отдаленномъ будущемъ? Никто не могъ утверждать, чтобы Россія когда-нибудь не дала удовлетвореніе своему естественному сочувствію къ восточнымъ христіанамъ.

Эта тема дѣятельно эксплуатировалась въ теченіе двадцати лѣтъ политической, религіозной и революціонной пропаганды Запада. Видя въ Парижѣ и въ Лондонѣ, на трибунѣ и въ прессѣ, публичные выраженія опасеній неотразимой опасности, какую наше морское и военное преобладаніе въ Черномъ морѣ создавало для оттоманскаго государства, и какая сдерживалась лишь доброй волей и поддержкою Европы, Порта не могла не испытывать сильнаго впечатлѣнія, не говоря уже объ уколахъ самолюбія, какіе должно было причинять ей сознаніе своей слабости передъ нами.

Подобныя стремленія Порты развивались послѣдовательно въ кризисы 1828, 1833 и 1840 гг., и особые условія политическаго равновѣсія Европы одни только помѣшали имъ выказаться со всѣми ихъ послѣдствіями.

Но съ той минуты, когда Порта увидѣла Англію и Францію соединившимися въ общемъ намѣреніи высвободить ее отъ нашего вліянія, можно было ожидать, что Порта бросится въ ихъ объятія. Дѣятельность лорда Стратфорда Ределифа усиленно ср-

дѣйствовала этому результату, убѣдивъ большинство сановниковъ, призванныхъ въ совѣтъ, высказаться противъ насъ.

Трудно сказать, предвидѣли-ли этотъ дипломатъ уже въ то время важныя событія, которыя должны были наступить вслѣдъ за тѣмъ. Несомнѣнно только, что онъ считалъ эти обстоятельства вполне благопріятными для того, чтобы нанести рѣшительный ударъ привилегированному положенію, которое мы занимали въ Турціи и противъ котораго онъ упорно боролся въ теченіе десяти лѣтъ. Возможно, что, желая придать туркамъ мужества, недостававшего имъ, онъ съ той минуты показывалъ имъ въ перспективѣ рѣшительную поддержку обѣихъ морскихъ державъ въ случаѣ войны съ Россіей.

Эти инсинуаціи принесли плодъ. Большинство совѣта высказалось за отверженіе ультиматума князя Меншикова. На другой день Решидъ-паша словесно передалъ ему слѣдующія постановленія совѣта:

Верховное постановленіе о поддержаніи statu quo въ Св. мѣстахъ, которое съ тѣхъ поръ не должно было испытывать никакихъ измѣненій безъ соглашенія съ Россіей и Франціей.

Фирманъ греческому патріарху въ Константинополѣ, который обезпечивалъ бы неприкосновенность восточной церкви.

Ноту кн. Меншикову, извѣщающую его объ этихъ постановленіяхъ.

Сенедъ, уступающій намъ мѣсто для построенія русскаго храма и страннопріимнаго дома въ Іерусалимѣ.

Князь Меншиковъ отвѣтилъ отказомъ, послалъ официальную ноту, извѣщавшую о разрывѣ и показывавшую въ перспективѣ понудительныя мѣры. Она была получена Решидомъ во время засѣданія совѣта, въ которомъ присутствовалъ секретарь англійскаго посольства. Жестокія нападенія были высказаны противъ Россіи, и были постановлены оборонительныя мѣры.

Разрывъ казался рѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе, повѣренный въ дѣлахъ Австріи сдѣлалъ, отъ имени многихъ изъ своихъ товарищей, попытку убѣдить князя Меншикова отказаться отъ сдѣланнаго имъ шага и вновь завязать переговоры. Нашъ посолъ сдался на это. Онъ довелъ до свѣденія Решиды, что онъ удовольствуется простой нотой, проектъ которой, препровождаемый имъ, заключалъ въ себѣ, въ самой смягченной формѣ, главные пункты нашихъ переговоровъ.

Решидъ былъ расположенъ къ этому мирному исходу. Онъ униженно просилъ англійскаго посла согласиться на такое улаженіе дѣла, которое одно могло спасти Турцію. Лордъ Страт-

фордъ Родклифъ остался непоколебимымъ. Нота, по его толкованію, имѣла значеніе трактата, и поэтому согласиться на нее было нельзя.

Это вмѣнательство англійскаго посла было отрицаемо. Ему противопоставляли созданное имъ совѣщаніе всѣхъ иностранныхъ представителей и ноту, которою всѣ они заявляли Портѣ, что этотъ вопросъ касался достоинства и самостоятельности султана, и поэтому ему одному слѣдовало рѣшить его. Но эти официальные опроверженія не измѣнили частнаго образа дѣйствій лорда Рэдклифа. Онъ былъ открыто враждебенъ намъ, и ему принадлежить нечальная слава безуспѣшнаго исхода нашихъ мирныхъ усилій и вслѣдъ за тѣмъ неизбежности войны. Мы встрѣтимъ его вредное вліяніе и въ другихъ обстоятельствахъ, не менѣе рѣшительныхъ.

Истощивъ всѣ средства къ примиренію, князь Меншиковъ покинулъ Константинополь со всѣмъ составомъ посольства, заявивъ въ послѣдней нотѣ, что Россія сочтетъ враждебнымъ дѣйствіемъ всякое оскорбленіе Восточной церкви и ея духовенства. Это заявленіе казалось ему необходимымъ въ виду смятенія умовъ въ столицѣ и въ провинціяхъ Турціи.

Г. Балабинъ былъ оставленъ въ Константинополѣ, повидимому, для управленія коммерческой канцеляріей; въ дѣйствительности же для того, чтобы слѣдить за событіями и служить посредникомъ для сообщеній, какими мы могли бы еще обмѣняться съ Портой.

Князь Меншиковъ прибылъ съ Одессы 11/22 мая.

Это былъ торжественный моментъ.

Послѣ трехъ мѣсяцевъ бесполезныхъ переговоровъ, всѣ наши усилія къ примиренію оказались безуспѣшными; во всѣхъ гарантіяхъ, какихъ мы требовали, въ видѣ возмездія за недобросовѣстныя дѣйствія, намъ было отказано Портой, по внушенію иностранныхъ представителей.

Это былъ важный ударъ, нанесенный нашему политическому положенію на Востокѣ.

Намъ предстоялъ выборъ, съ одной стороны, перенести это пораженіе, которое лишило насъ значенія на Востокѣ, одинаково, удовольствовались ли бы мы недостаточными гарантіями, которыя намъ предлагала Порта, ни на чемъ не основанными, кромѣ ея доброй воли и всегда доступными откѣнѣ при первомъ требованіи Франціи, или ограничились бы выраженіемъ безсильнаго негодованія простымъ разрывомъ дипломатическихъ сношеній.

Съ другой же стороны, мы могли добиваться силою удовле-

творенія нашихъ требованій, чего намъ не удалось сдѣлать дипломатическимъ путемъ.

Императоръ Николай не хотѣлъ войны. Она не была въ нашихъ интересахъ. Мы не были къ ней готовы; она могла поднять всю Европу противъ насъ. Во всякомъ случаѣ, она грозила турецкой имперіи такимъ потрясеніемъ, отъ котораго она не устояла бы, а ея паденіе повело бы къ общему замѣшательству, котораго намъ желательно было бы избѣжать. Государь ничего не хотѣлъ, кромѣ поддержанія *statu quo* на Востоке. Онъ считалъ его соответствующимъ и нашимъ интересамъ, и интересамъ Европы, также какъ и Турціи, существованіе которой могло продолжаться лишь въ этихъ условіяхъ.

Но такъ какъ это *statu quo* только-что потерпѣло важное нарушеніе, необходимо было возстановить равновѣсіе, окруживъ его новой гарантіей. Принятіе нами неопредѣленныхъ увѣреній Порты или простой дипломатическій разрывъ не удовлетворили бы этой потребности. Наше вліяніе, наше достоинство, наше нравственное значеніе, получили бы оттого невознаградимый ударъ.

Нельзя было обманывать себя въ этомъ отношеніи. Официальная дипломатическая переписка во время этихъ переговоровъ вывела вопросъ изъ мѣстныхъ предѣловъ и прямо выдвинула насъ на первый планъ.

Въ дѣйствительности, наши требованія имѣли цѣлью подтвердить обязательства, которыя Порта приняла передъ нами относительно неприкосновенности правъ и преимуществъ православной церкви, гарантировать *statu quo* безъ всякаго ущерба для другихъ исповѣданій, безъ всякихъ нововведеній, дающихъ намъ новыя права. Въ нашемъ положеніи, эти требованія были дѣломъ чистой справедливости. Они казались намъ необходимыми, въ виду нарушенія прежнихъ гарантій, очевидно недобросовѣстнаго характера, и пристрастія турецкаго правительства въ пользу Франціи.

Порта, впрочемъ, не отказывала намъ исполнѣ. Ея собственный интересъ видимо заключался въ томъ, чтобы обезпечить своихъ христіанскихъ подданныхъ отъ новыхъ правонарушеній и этимъ предотвратить общее неудовольствіе, которое могло выразиться беспорядками и восстаніями. Для нея даже заключалась извѣстная выгода въ томъ, чтобы оградить себя отъ новыхъ притѣваній католиковъ, чуждыхъ странъ и ширинцаемыхъ протекторатомъ, который грозилъ сдѣлаться источникомъ серьезныхъ затрудненій.

Но она возражала относительно формы. Она искренно хотѣла дать своимъ подданнымъ желаемыя ими обѣщанія и руча-

тельства; она и дала ихъ съ совершенною ясностью въ различныхъ нотахъ, препровожденныхъ намъ и разосланныхъ въ другіе кабинеты, и въ своемъ фирманѣ патриарху константинопольскому, но она не хотѣла принимать на себя обязательства въ этомъ передъ иностранной державой въ официальномъ актѣ. Ею увѣряли, что она такимъ путемъ отказывалась отъ своей самостоятельности, и что Европа не допустить этого.

Наши враги шли еще далѣе. Новыя гарантіи, которыхъ мы требовали, не имѣли въ нашихъ глазахъ другой цѣли, кромѣ подтвержденія прежнихъ правъ, приобретенныхъ трактатами, ничего не прибавляя къ нимъ. Однако, не только было оказано сопротивленіе тому, чтобы намъ были даны новыя гарантіи, но даже былъ поднятъ вопросъ о самыхъ правахъ, которыя мы хотѣли охранить. Доказывали, что ни одинъ изъ трактатовъ, заключенныхъ между Портой и нами, не давалъ намъ права на какое бы то ни было внимательство въ пользу православной церкви въ Турціи. 7-я ст. Кайнарджійскаго трактата обязывала султана оказывать покровительство христіанскому вѣроисповѣданію въ его владѣніяхъ. Отсюда для насъ выводили только право наблюдать за религіознымъ покровительствомъ русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Турціи, а никакъ не православныхъ подданныхъ султана.

Безъ сомнѣнія, мы не могли хранить молчанія въ виду подобныхъ притязаній. Оспаривать покровительство, которое мы *de jure* и *de facto* оказывали нашимъ единовѣрцамъ на Востоцѣ, значило отвергать всю нашу исторію. Россія громко требовала этого покровительства, напоминая о томъ, какъ мы пользовались этимъ правомъ. Нельзя было отрицать, что если христіане европейской Турціи, превосходившіе численностью своихъ завоевателей, выказывали такъ долго покорность, то это происходило единственно изъ убѣжденія или въ нашей сочувственной поддержкѣ и въ силѣ трактатовъ. Безъ нашего примирительнаго внимательства существенно консервативнаго характера, очевидно, мусульмане вышли бы изъ всѣхъ предѣловъ, и христіане потеряли бы всякое терпѣніе. Мы не хотѣли ничего иного; кромѣ продолженія этой попечительной роли, единственной и дѣйствительной гарантіи спокойствія на Востоцѣ, при существованіи турецкой имперіи. Кромѣ того, не мы одни въ Европѣ оказывали такое покровительство христіанамъ въ Турціи. Во всѣ времена Франція требовала права покровительства католикамъ. Мы именно напоминали, что въ 1832 году, со времени учрежденія эллискаго королевства, французское правительство формально отказалось въ пользу греческаго

правительства отъ протектората, который ему принадлежалъ нѣкогда надъ католиками полуострова, когда тотъ находился подъ властью турокъ. Это право теряло смыслъ съ того момента, когда Греція переходила подъ власть христіанскаго правительства. Однако, если французское правительство считало умѣстнымъ передать его съ такою формальностью эллинскому правительству, это значило, что оно считало это право вполне законнымъ, даже нѣкотораго рода обязательствомъ, налагаемымъ на Францію ея религиозною совѣстью и традиціями. Точно также и Англія оказывала покровительство протестантамъ, проживавшимъ въ Турціи.

На какомъ же основаніи оспаривали у насъ тѣ же права и тѣ же обязанности? Развѣ потому только, какъ предполагали, что покровительство другихъ державъ распространялось лишь на незначительное число христіанъ, по большей части, чуждыхъ странъ, тогда какъ нашему подлежало огромное большинство подданныхъ султана въ Европейской Турціи? Но нелѣпо было бы предполагать, что католики и протестанты нуждаются въ покровительствѣ, потому что они малочисленны, между тѣмъ, какъ православные могутъ быть предоставлены безъ всякой защиты фанатизму турокъ, потому что число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ!

Такимъ образомъ приходилось намъ защищать все наше положеніе на Востокѣ.

Въ такихъ условіяхъ отступать значило уничтожить разомъ всю нашу, болѣе чѣмъ вѣковую, исторію и предать въ руки Европы дорого купленные наши права. Россія могла сдѣлать это, будучи вынуждена къ тому несчастной войной, но она не могла согласиться на то, не обнаживъ еще меча.

Поэтому, въ нашемъ императорскомъ кабинетѣ произошло очень оживленное совѣщаніе. Многіе изъ нашихъ выдающихся государственныхъ людей склонялись къ умѣренности или, лучше сказать, къ уступчивости. Прервать дипломатическія сношенія и выжидать событій, таково было рѣшеніе, которое они считали наиболѣе разумнымъ при тогдашнемъ состояніи Европы. Такимъ образомъ, ничего не могло быть скомпрометтировано, и вопросъ оставался открытымъ. У насъ оставалась надежда, что время и размышленія о занятыхъ нами положеніяхъ внушатъ Портѣ дипломатическое рѣшеніе, болѣе соотвѣтствующее нашимъ интересамъ и нашему достоинству, нежели то, къ которому привели переговоры князя Меншикова, если мы могли рассчитывать на какую-либо перемену въ общемъ положеніи Европы, которая улучшила бы для насъ условія переговоровъ.

Императору Николаю представлена была записка объ этомъ важномъ предметѣ; въ заключеніе ея доказывалось, что намъ не представлялось другого выбора, кромѣ простого дипломатическаго разрыва, или занятія Турціи 200-тысячной арміей и немедленнаго отправленія нашей черноморской эскадры въ Константинополь съ десантными войсками.

Грустно сознаваться, что въ этотъ критическій моментъ императорскій кабинетъ остановился на средней мѣрѣ, которая, къ несчастію, представляла всѣ неудобства насилія, безъ тѣхъ выгодъ, какихъ можно было бы ожидать отъ рѣшительнаго примѣненія его.

Императоръ рѣшился занять Придунайскія княжества тридцатипяти-тысячнымъ армейскимъ корпусомъ; это не была война, это была простая понудительная мѣра, которою мы завладѣвали матеріальнымъ залогомъ, въ ожиданіи удовлетворенія нашихъ справедливыхъ неудовольствій. Эта полумѣра была результатомъ соглашенія между спокойною умѣренностью гр. Нессельроде и крайнимъ раздраженіемъ императора Николая. Соглашенія вообще разумны въ политикѣ, но въ нѣкоторые критическіе моменты они бываютъ роковыми!

Прежде чѣмъ обратиться къ этой крайности, канцлеромъ имперіи была сдѣлана послѣдняя попытка къ примиренію. По высочайшему повелѣнію, онъ отправилъ письмо къ Решиду-пашѣ, въ которомъ ограничивался просьбой принять безъ всякихъ измѣненій послѣднюю ноту кн. Меншикова. Портѣ было дано восемь дней для рѣшительнаго отвѣта. Въ случаѣ отказа, ей объявлялось, что наши войска займутъ княжества, не для того, чтобы воевать съ султаномъ, но для того, чтобы немедленно завладѣть матеріальной гарантіей, за отсутствіемъ тѣхъ, въ которыхъ намъ отказывали.

Объ этихъ обстоятельствахъ было циркулярно сообщено всѣмъ правительствамъ.

Мы заявляли имъ въ означенномъ документѣ, что занятіе княжествъ будетъ только временнымъ; эти области будутъ очищены, какъ только наши требованія будутъ удовлетворены.

Государь императоръ вовсе не желаетъ ниспроверженія Турецкой имперіи.

Онъ не имѣетъ въ виду никакого территориальнаго увеличенія.

Онъ будетъ вести войну лишь до тѣхъ поръ, покауда будетъ къ тому вынужденъ.

Онъ, менѣе всего, желаетъ поднимать христіанскія населенія и будетъ стремиться поддерживать ихъ въ повиновеніи султану.

Такимъ образомъ, мы шли навстрѣчу толкованіямъ, съ которыми недоброжелательство могло выступить противъ насъ.

Въ то же время мы предлагали морскимъ державамъ употребить свое вліяніе на Порту для того, чтобы склонить ее принять наши предложенія и въ особенности воздержаться отъ всякихъ демонстрацій, которыя, поощряя турокъ въ ихъ сопротивленіи, поставили бы насъ въ такое положеніе, въ которомъ наша честь не позволила бы намъ отступить передъ понудительными мѣрами, какихъ мы желали бы избѣжать.

Относительно вѣнскаго кабинета мы высказывались еще опредѣленнѣе, вполне довѣряя его намѣреніямъ. Въ то время, когда баронъ Мейендорфъ отправлялся въ Вѣну, чтобы вступить въ управленіе своихъ обязанностей, императоръ Николай поручилъ ему представить императору Францу-Іосифу планъ общаго дѣйствія въ наступающемъ кризисѣ.

По этому плану Австрія должна была оказать содѣйствіе въ Константинополѣ, для того, чтобы добиться отъ Порты принять ноты князя Меньшикова. Въ случаѣ отказа она должна была откровенно заявить о своемъ содѣйствіи намъ, и съ этою цѣлью собрать армейскій корпусъ на границѣ. Если это заявленіе и занятіе княжествъ нашими войсками не дало бы результатовъ, Австрія должна была бы занять Сербію и Герцеговину въ видѣ понудительной мѣры. Эти предложенія, въ виду предъидущаго образа дѣйствія вѣнскаго кабинета, не нуждаются въ поясненіи.

Въ то время гр. Буоль ограничился тѣмъ, что принялъ на себя предложить въ Константинополѣ примирительные совѣты. Но онъ отклонилъ всякія другія обязательства, которыя, по его мнѣнію, привели бы въ результатъ къ распространенію кризиса, чего онъ опасался всего болѣе.

Все это показываетъ, что императоръ Николай имѣлъ еще надежду избѣжать войны. Онъ, главнымъ образомъ, рассчитывалъ на содѣйствіе двухъ своихъ союзниковъ, которые, оставаясь до тѣхъ поръ нейтральными и независимыми, по крайней мѣрѣ, по виду, и заинтересованные въ сохраненіи мира, могли оказать теперь рѣшительное вліяніе. Къ этому мы побуждали ихъ какъ нельзя болѣе настойчиво.

Но уже въ это время въ Европѣ происходила дѣятельная дипломатическая работа, цѣли которой еще не вполне были ясны, но которая была намъ неблагоприятна: Франція не щадила никакихъ усилій, чтобы заставить обѣ германскія державы высказаться противъ насъ. Она приняла на себя въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ открыто враждебную противъ насъ роль, которую лордъ

Рэдклифф разыгрывалъ въ Константинополѣ. Результаты, повидимому, не вполне соответствовали ея рвенію. Однако, мы имѣли вѣрныя указанія сомнительнаго настроенія графа Буоля.

Не было надобности слишкомъ углубляться въ исторію вѣнскаго кабинета, для того, чтобы найти тамъ традиціи недоброжелательства относительно насъ и даже идею европейскаго вмѣшательства въ наши сношенія съ Турціей. Эта идея ясно выразилась во время войны 1828 года.

Мы узнали потомъ изъ ноты Друэнъ де-Люиса къ Буркенею, французскому посланнику въ Вѣнѣ, что уже въ мартѣ, когда можно было предвидѣть исходъ порученія кн. Меншикова, графъ Буоль выразилъ мнѣніе, что если произойдетъ кризисъ на Востока, то все должно быть условлено впятую, такъ какъ нельзя допустить, чтобы одинъ или два кабинета улаживали въ отдѣльности интересы, могущіе затронуть всю Европу.

На этотъ путь должна была вступить Австрія. Во всякомъ случаѣ, въ той фазѣ, въ которой находился вопросъ, мы еще ни мало не отчаявались въ сохраненіи мира, когда до насъ дошло извѣстіе объ отплытіи двухъ эскадръ, французской и англійской, въ Безикскую бухту, при входѣ въ Дарданеллы.

Мы видѣли выше, что императоръ Наполеонъ послалъ уже флотъ въ Саламинъ. Англійское правительство, отказавшись сперва присоединиться къ этой демонстраціи, измѣнило мнѣніе послѣ того, какъ донесенія ея посла въ Константинополѣ выяснили ей характеръ нашихъ требованій, и великобританская эскадра получила приказаніе оставить Мальту и направиться въ восточныя воды.

Какъ только телеграфъ извѣстилъ объ отъѣздѣ кн. Меншикова, обѣ морскія державы послали свои эскадры въ Безикъ. Они входили туда въ тотъ моментъ, когда наши послѣднія мирныя предложенія были получены въ Константинополѣ, и совѣтъ турецкихъ министровъ разсуждалъ объ ихъ принятіи. Легко было предвидѣть, что подобная демонстрація должна расположить ихъ къ тому, чтобы отвѣтить намъ отказомъ.

Отказъ былъ сообщенъ намъ въ письмѣ Решида-паши къ гр. Нессельроду. Въ этомъ письмѣ содержались увѣренія, уже упомянутыя выше, и, какъ доказательство ихъ искренности, фирманъ, данный, послѣ отъѣзда кн. Меншикова, греческому патриарху. Решидъ прибавлялъ, что принимать на себя обязательство не соответствовало бы независимости и верховнымъ правамъ султана. Но онъ предлагалъ прислать въ Петербургъ посла для

того, чтобы вновь открыть переговоры и прийти къ соглашенію, удобному для Россіи и совмѣстному съ достоинствомъ Порты.

Нельзя не пожалѣть, что мы не могли принять этого предложенія, заключавшаго въ себѣ надежду на примиреніе. Но мы слишкомъ далеко зашли впередъ, чтобы имѣть возможность отступить, особенно въ виду понудительной мѣры, принятой морскими державами, которыя отправили свои эскадры къ Дарданелламъ. Императоръ Николай полагалъ, что этотъ шагъ дѣлаетъ неизбѣжнымъ вступленіе нашихъ войскъ въ Придунайскія княжества. Мы могли выказывать расположеніе къ миру, пока шли переговоры, но не могли, не признаваясь въ своей слабости, отступать передъ угрозой.

Императорскій кабинетъ объяснилъ это въ своей официальной перепискѣ. Эта переписка вызвала живыя возраженія.

Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ первый шагъ на пути плачевныхъ недоразумѣній, которыя должны были привести къ войнѣ.

На самомъ дѣлѣ, Франція и Англія представляли появленіе своихъ эскадръ у входа въ Дарданеллы въ видѣ совершенно невинной морской стоянки. Мы отвѣтили, спрашивая Францію — взглянула-ли бы она, какъ на простую морскую стоянку, на появленіе русской эскадры у береговъ Великобританіи, при предположеніи разрыва между Франціей и Англіей?

Представлять въ такомъ невинномъ свѣтѣ такой важный шагъ значило смѣяться надъ нами. Морскія державы не только уничтожали этимъ послѣдній шансъ для переговоровъ, но онѣ совершали настоящій понудительный актъ, тогда какъ мѣра занятія княжествъ нашими войсками была условною, и находилась въ зависимости отъ рѣшенія Порты.

Оба правительства отвѣтили споромъ о числахъ, когда были приняты эти рѣшенія. Они старались доказать, что рѣшеніе занять княжества было принято Россіей раньше, чѣмъ ей стало извѣстно движеніе эскадръ. Эта мѣра была громко возвѣщена Портѣ, такъ же какъ и всей Европѣ. Всѣ наши приготовленія были сдѣланы въ виду этой цѣли, мы не могли болѣе отступать и, съ другой стороны, такъ какъ наши послѣднія предложенія были одинаковы съ тѣми, какихъ Порты не приняла отъ вн. Мемшикова, то не было никакой надежды, чтобы они были приняты и теперь. Поэтому державы должны были считать занятіе княжествъ совершившимся фактомъ, когда они двинули свои эскадры къ Безикской бухтѣ. Этотъ шагъ былъ отвѣтомъ съ ихъ стороны, а не вызовомъ.

Въ этомъ разсужденіи была своего рода логика. Однако,

императорскій кабинетъ замѣтилъ, съ своей стороны, что занятіе княжествъ, хотя и возвыщенное заранѣе, было условной мѣрой, реализація которой была подчинена рѣшенію Порты, тогда какъ посылка флотовъ была непосредственной мѣрой, которая должна была повести къ неблагопріятному отвѣту Порты и къ неизбѣжному вступленію нашихъ войскъ въ княжества.

Морскія державы отвергали даже всякое подобіе между этими двумя мѣрами, такъ какъ мы вторгались вооруженной рукой въ предѣлы Оттоманской имперіи, не взирая на протесты Порты, а онѣ ограничивались, исполняя особую просьбу султана, стоянкой своихъ эскадръ въ турецкомъ портѣ, открытомъ для всѣхъ иностранныхъ флаговъ. Подкладкою этихъ пререканій всегда служило непреодолимое недовѣріе къ намъ, передъ чѣмъ разбивались всѣ наши усилія.

Западные державы упорно желали видѣть въ нашихъ требованіяхъ о гарантіяхъ для восточной церкви желаніе покровительства надъ Турціей. Въ занятіи княжествъ онѣ упорно желали видѣть первый шагъ въ завоеваніи Турціи. Онѣ хотѣли устранить возможность внезапнаго нападенія. Близость Севастополя допускала эту возможность, и онѣ приписывали намъ это намѣреніе.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ отвѣтъ Порты на нашъ ультиматумъ долженъ былъ быть сочтенъ за отказъ, императоръ Николай повелѣлъ исполнить понудительныя мѣры, возвышенныя заранѣе, какъ послѣдствія отказа. О временномъ занятіи княжествъ было объявлено Россіи манифестомъ отъ 14 іюня, а державамъ — циркуляромъ нашего кабинета.

22 іюня, кн. Горчаковъ перешелъ Прутъ и вступилъ въ княжества. Въ прокламаціи, обращенной къ молдаво-валахамъ, онъ разъяснялъ значеніе этой мѣры. Появленіе его арміи означало не войну, а временную понудительную мѣру. Такое-же заявленіе было сдѣлано имъ въ письмѣ къ Репиду-пашѣ. Онъ извѣстилъ командующаго турецкими войсками на Дунай, что ему было приказано оставаться въ оборонительномъ положеніи, и предложилъ ему принять, съ своей стороны, необходимыя мѣры къ устраненію столкновенія.

IV.

Занятіи Придунайскихъ княжествъ

Военное занятіе двухъ областей турецкой имперіи было очень важной мѣрой. Споръ по поводу Святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ постепенно превратился въ русскій вопросъ, вслѣдствіе нашего вмѣшательства въ пользу правъ православной церкви, и вопросъ политическій, вслѣдствіе посольства кн. Меншикова и требованія конвенціи. Наше вступленіе въ княжества подвигало этотъ вопросъ еще дальше, дѣлая его вопросомъ европейскаго равновѣсія.

Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на него западныя державы. Съ точки зрѣнія, на которую онѣ стали сначала, было очевидно, что, не одобряя гарантій, какихъ мы требовали, онѣ должны были порицать еще болѣе понудительныя средства, къ которымъ мы прибѣгли для того, чтобы добиться этихъ гарантій. Съ той минуты, какъ онѣ поддержали и поощрили сопротивленіе Порты, наши понудительныя мѣры затрогивали уже не только Турцію, но и Европу.

Тщетно императорскій кабинетъ усиливался своими циркулярами привести факты къ истинному ихъ значенію. Онѣ напоминалъ, что княжества, по отношенію къ Россіи, стояли въ исключительномъ положеніи. Наши трактаты предоставляли намъ нѣкоторыя права для ихъ военнаго занятія, которыми мы и пользовались не одинъ разъ, отчего не пострадали ни турецкая имперія, ни европейское равновѣсіе.

Что касается до принудительнаго характера нашего настоящаго занятія, мы указывали въ исторіи многія подобныя-же мѣры, которыя вовсе не повели къ войнѣ. Такъ, во время войны за независимость Греціи, великія христіанскія державы принимали дѣятельное участіе въ судьбѣ возставшихъ. Французская армія заняла Морею, чтобы остановить движеніе египетскихъ войскъ; союзныя эскадры блокировали турецкій флотъ, не позволяя ему нападать на греческія суда и, наконецъ, сожгли и истребили его при Наваринѣ; тѣмъ не менѣе, эти державы не считали себя въ открытой войнѣ съ Турціей и полагали, что совершаютъ обыкновенное понудительное дѣйствіе. Во время войны за независимость Бельгіи, Франція и Англія вмѣшались въ дѣла, чтобы воспротивиться законнымъ усиліямъ голландскаго короля, пытавшагося воз-

вратить себя власть надъ возстающей провинціей. Французская армія заняла осадное положеніе передъ Антверпеномъ, и результатомъ этого внимательства для Голландіи была потеря Бельгіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, французская экспедиція заняла Анеону среди полнаго мира.

Всѣ эти факты совершились передъ глазами Европы. Они были представлены и приняты, какъ понудительныя мѣры, не нарушающія международного права и не ведущія неизбѣжно къ войнѣ. Россія тѣмъ болѣе была права, поступая подобнымъ же образомъ по отношенію къ Турціи, что дѣло не шло объ отторженіи отъ нея провинціи, но лишь о приобрѣтеніи залога, не о какихъ-либо новыхъ правахъ, но о вознагражденіи за оскорбленіе и о гарантіи для поддержанія религіознаго statu quo на Востоку, основаннаго на трактатахъ, признанныхъ всею Европой.

Наши противники отвѣчали, что эти трактаты ясно опредѣляли случаи, когда могло послѣдовать занятіе княжествъ нашими войсками: это были случаи, когда правамъ и преимуществамъ названныхъ областей угрожало бы какое-либо нарушеніе или когда въ нихъ вспыхнуло бы волненіе. Но ни одной изъ этихъ случайностей не представлялось теперь. Княжества не имѣли ничего общаго съ вопросомъ о Святыхъ мѣстахъ; поэтому наше вступленіе въ нихъ вооруженной силой представляло собою настоящее насиліе, противное международному праву. Кабинеты, кромѣ того, считали его противнымъ постановленіямъ трактата 1841 г., который былъ подписанъ въ то же время и нами и который принципиальную непривосновенность турецкой имперіи отдавалъ подъ охрану Европы.

Таково было толкованіе, какое уже въ эту эпоху Франція усиливалась придать этой дипломатической сдѣлкѣ. Но этого толкованія мы никогда не допускали. Баронъ Брунновъ побѣдоносно опровергъ его. Онъ былъ нашимъ уполномоченнымъ на лондонской конференціи 1841 г. Онъ припомнилъ, что, въ дѣйствительности, поднимался вопросъ о подобной гарантіи, но даже самъ лордъ Пальмерстонъ возсталъ противъ него, объясняя, что, въ виду добросовѣстнаго поведенія Россіи во время кризиса 1840 г., бесполезно было бы вносить пунктъ, который казался бы направленнымъ противъ этой державы. Поэтому упомянутая статья была исключена и дѣло ограничилось выраженіемъ вступительной статьи договора, относительно того, въ какой степени державы придавали значеніе сохраненію турецкой имперіи. Съ нашей стороны, исполнѣ желая сохраненія Турціи, мы никогда не скры-

вали нашего сопротивленія, какъ только поднимался вопросъ объ обезпеченіи ея неприкосновенности.

Это сопротивленіе исходило, во-первыхъ, изъ соображенія объ отдаленности отъ насъ нѣкоторыхъ составныхъ частей этой имперіи, расположенныхъ внѣ всякаго матеріальнаго вліянія съ нашей стороны; во-вторыхъ, изъ соображенія о послѣдствіяхъ, какія вызвало бы чувство успокоенія, приобретаемое Портой въ подобной гарантіи. Увѣренная въ томъ, что ей, во всякомъ случаѣ, не угрожаетъ потеря ни одной изъ ея областей, она могла дать полную свободу злоупотребленіямъ своей администраціи. Представленія Европы перестали бы имѣть на нее какое-либо дѣйствіе и могли бы оказаться случаи, когда державы сами сочли бы своимъ долгомъ вмѣшаться такъ же, какъ въ Греціи, чтобы положить конецъ кровавой борьбѣ, вызванной отчаяніемъ населеній, доведенныхъ до крайности.

Всѣ эти споры о правѣ, къ несчастію, не измѣнили положенія дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, торжественныя заявленія, сдѣланныя всѣмъ державамъ нашимъ правительствомъ, о временномъ и мирномъ характерѣ занятія, и увѣренія, что оно прекратится тотчасъ же, какъ только намъ будетъ дано удовлетвореніе, на первыхъ порахъ имѣли благопріятный результатъ. Занятіе княжествъ не считалось поводомъ къ войнѣ даже самою Портой, которая, протестуя противъ этой мѣры, высказывалась въ сравнительно увѣренныхъ выраженіяхъ и готова была сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы избѣжать столкновенія. Ни одна изъ державъ не протестовала официально, хотя всѣ довели до нашего свѣденія, что, по мнѣнію ихъ, эта демонстрація была нарушеніемъ международнаго права, трактатовъ и европейскаго равновѣсія.

Это было весьма существенное обстоятельство. Путь для переговоровъ оставался открытымъ, чего именно мы и желали. Императорскій кабинетъ заявилъ, что онъ приметъ всѣ предложенія, какія будутъ ему сдѣланы въ виду избѣжанія столкновенія.

Державы принялись наперерывъ розыскивать способъ соглашенія, который могъ бы примирить наши требованія съ правами, отстаиваемыми султаномъ. Цѣлью ихъ было ускорить исходъ этого кризиса, тревожившаго интересы всѣхъ, и приблизить моментъ, когда мы могли бы очистить княжества и возстановить наши сношенія съ Портой. Австрія была заинтересована здѣсь болѣе другихъ. Поэтому она дѣйствовала съ величайшимъ рвеніемъ. Не говоря уже о дружественныхъ сношеніяхъ, какія связывали насъ съ нею, эта держава была независимѣе, въ данномъ вопросѣ, двухъ

морскихъ державъ, которыя понудительнымъ положеніемъ своихъ эскадръ лишились въ нашихъ глазахъ всякаго права посредничества. Поэтому было вполне естественно, что мы вѣнскому двору, предпочтительно передъ другими, предоставили примирительную роль. Порта смотрѣла на дѣло такъ же, какъ и мы. Именно, къ Австріи она обратилась за свѣденіемъ—расположены ли мы принять посла отъ султана къ государю? Она получила отвѣтъ, что мы можемъ допустить только такого посла, который привезетъ окончательную ноту, представленную княземъ Меншиковымъ, за подписью султана. Можно было ожидать, что Порта, какъ и прежде, отвѣтитъ на это отказомъ. Вѣнскому кабинету приходилось искать новый видъ соглашенія.

Беликобританское правительство, гдѣ преобладало еще мирное вліяніе лорда Эбердина, вступило на тотъ же путь, и тюльрійскій кабинетъ не хотѣлъ отставать отъ этого мирнаго настроенія, опасаясь остаться однимъ съ своей враждебностью противъ насъ. Не смотря на предпочтеніе, какое мы отдавали Австріи, мы не отказывались обсуждать предложенія обѣихъ морскихъ державъ, съ искреннимъ желаніемъ придти къ мирному рѣшенію вопроса.

Результатомъ этихъ предложеній былъ цѣлый рядъ проектовъ, исходившихъ изъ различныхъ источниковъ и дѣятельно занимавшихъ дипломатію. Г. де-Буркенъ, французскій посолъ въ Вѣнѣ, предложилъ проектъ, наиболѣе соотвѣтствовавшій нашимъ видамъ. Проектъ заключается въ слѣдующемъ: Порта приметъ ноту князя Меншикова или, по крайней мѣрѣ, сущность этой ноты; ее привезетъ въ Петербургъ султанскій посолъ. Взамѣнъ того, русское правительство дастъ Портѣ удовлетворительныя увѣренія относительно смысла и распространенія гарантій, какихъ мы требовали отъ нея. Эта комбинація получила наше полное одобреніе. Оставалось только опредѣлить характеръ ноты, которую намъ долженъ привезти посолъ. Мы желали принять только ноту князя Меншикова. Можно ли было ожидать, что Порта согласится на нее цѣною того заявленія, которое должна была получить отъ насъ?

Слѣдовало уладить еще и другой пунктъ. Мы соглашались очистить княжества немедленно послѣ полученія подписанной ноты. Но мы должны были ставить условіемъ, чтобы западныя эскадры одновременно съ тѣмъ покинули Безикскую бухту. Вокругъ такого рода затрудненій вращались переговоры.

Другіе проекты, представленные въ это время, обнаруживали тайную мысль противъ насъ, скрывавшуюся съ самаго начала въ

официальномъ положеніи Европы. Одинъ изъ нихъ исходилъ отъ лорда Стрэтфорда Рэдклифа и состоялъ въ томъ, чтобы установить надъ княжествами покровительство четырехъ европейскихъ державъ. Другой развивалъ идею о коллективномъ покровительствѣ пяти державъ надъ восточными христіанами и былъ сообщенъ намъ берлинскимъ кабинетомъ. И тотъ, и другой стремились лишить насъ положенія, добытаго нами продолжительной борьбой и гарантированнаго трактатами. Наши представители получили приказаніе отвергнуть ихъ и открыто отстаивать независимость нашего вліянія, которая оспаривалась теперь.

Лондонскій и парижскій кабинеты одновременно сообщили намъ два болѣе практическихъ проекта. Преимущество перваго заключалось въ томъ, что онъ былъ въ формѣ конвенціи, подлежащей къ заключенію между нами и Портой. Въ Константинополѣ не хотѣли допустить именно этой формы. Неужели являлись основанія предполагать, что Porta приметъ ее?

Французскій проектъ заключался въ нотѣ, которую Porta должна была препроводить къ намъ съ посломъ. Она была составлена такимъ образомъ, что въ ней сливались ноты кн. Меншикова и Решидъ-паши. Ея неопредѣленные и неясныя выраженія напоминали, правда, Кучузь-Кайнарджійскій договоръ, но скорѣе ослабляя, чѣмъ подтверждая его приводимымъ толкованіемъ.

Изъ этихъ различныхъ проектовъ, сѣреживавшихся на пути, вслѣдствіе неизбѣжныхъ длиннотъ дипломатической переписки, получилась вѣнская нота ¹⁾.

¹⁾ Вотъ знаменитая вѣнская нота:

„Е. В. султанъ, принимая ближе всего къ сердцу возстановленіе между нимъ и Императоромъ Всероссійскимъ отношеній добраго сосѣдства и полного согласія, которая, къ сожалѣнію, были нарушены недавними и печальными осложненіями, принявъ на себя заботу изыскать средства къ уничтоженію всякихъ слѣдовъ этихъ разногласій. Извѣщенная верховнымъ праде о волѣ султана, Блистательная Porta съ удовольствіемъ доводитъ о томъ до свѣденія е. с. Гр. Нессельроде.

„Если, во всѣ времена, Россійскіе императоры выказывали живую заботливость къ охраненію неприкосновенности правъ и преимуществъ греческой православной церкви въ Оттоманскомъ государствѣ, султаны, съ своей стороны, никогда не отказывались вновь подтверждать ихъ торжественными актами, свидѣтельствующими объ ихъ давней и неизмѣнной благосклонности къ своимъ христіанскимъ подданнымъ.

„Е. В., нынѣ царствующій султанъ Абдуль-Меджидъ, одушевленный тѣмъ же расположеніемъ и желая представить Е. В. Императору Всероссійскому личное доказательство самой искренней дружбы, уступилъ одному только безграничному довѣрію къ высокимъ качествамъ своего августѣйшаго друга и союзника и удостоилъ обратиться серьезное вниманіе на представленія, которыя е. с. князь Меншиковъ имѣлъ сдѣлать Блистательной Портѣ.

„Вслѣдствіе того, нижеподписавшійся получилъ приказаніе заявить, что прави-

Дѣйствительно, столица Австріи сдѣлалась центромъ переговоровъ, какъ благодаря своему положенію на равномъ разстояніи отъ различныхъ правительствъ, заинтересованныхъ въ вопросѣ, такъ и благодаря характеру посредничества, который австрійскій кабинетъ сохранялъ за собой. Именно здѣсь всѣ проекты, о которыхъ мы говорили, подѣ личнымъ внушеніемъ австрійскаго императора и при содѣйствіи трехъ представителей, Англіи, Россіи и Франціи, были слиты въ одну работу, отличавшуюся отъ ноты кн. Меншикова, но все-таки соотвѣтствовавшую нашимъ видамъ, такъ какъ въ ней заключалось формальное обѣщаніе отъ имени султана охранять неприкосновенность правъ и преимуществъ православной церкви, причемъ это обязательство выводилось изъ договоровъ, заключенныхъ между нами и Портой.

Какъ только этотъ проектъ былъ доведенъ до свѣденія императора Николая, государь далъ на него полное согласіе даже

тельство Е. В. султана пребудетъ вѣрнымъ тексту и духу постановленій Кайнарджійскаго и Адрианопольскаго договоровъ относительно покровительства христіанскаго вѣроисповѣданія, и что Е. В. султанъ считаетъ долгомъ своей чести предохранить отъ всякаго нарушенія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, пользованіе духовными преимуществами, дарованными его августѣйшими предшественниками православной церкви на Востокѣ и поддерживаемыми и подтверждаемыми имъ самимъ; сверхъ того, допустить, чтобы греческое вѣроисповѣданіе имѣло справедливую долю во всѣхъ выгодахъ, дарованныхъ другимъ христіанамъ, какъ въ силу трактатовъ, такъ и въ силу специальныхъ постановленій. Кроме того, такъ какъ султанскій фирманъ, данный не задолго передъ тѣмъ греческому патріарху и духовенству и содержащій подтвержденіе ихъ духовныхъ преимуществъ, долженъ быть признанъ за новое доказательство этихъ великодушныхъ чувствъ, и такъ какъ обнаруженіе этого фирмана, представляющаго уже полнѣйшее обезпеченіе, еще болѣе должно разсѣять всѣ опасенія по отношенію къ вѣроисповѣданію, къ которому принадлежитъ Императоръ Всероссійскій, я считаю себя весьма счастливымъ, что мнѣ поручено представить настоящее заявленіе. Что касается до гарантіи, что въ будущемъ ничто не будетъ измѣнено въ св. мѣстахъ Іерусалима, она вытекаетъ изъ фирмана, подписаннаго султаномъ 15 ребіуль-акхиръ 1268 г. (февраль, 1852), и формальное намѣреніе Е. В. султана заключается въ томъ, чтобы его повелѣнія исполнялись безъ всякаго измѣненія. Блистательная Порта, сверхъ того, даетъ официальное обѣщаніе, что не будетъ произведено никакого измѣненія въ настоящемъ положеніи вещей, только-что установленномъ, безъ предварительнаго соглашенія съ правительствами Россіи и Франціи и такъ, чтобы ни одно изъ христіанскихъ исповѣданій не подверглось нарушенію своихъ правъ.

„Въ томъ случаѣ, еслибъ Россія этого потребовала, ей будетъ отведено удобное мѣсто въ Іерусалимѣ или окрестностяхъ его для построенія храма, посвященнаго служенію русскаго духовенства, и страннопріимнаго дома для бѣдныхъ и больныхъ паломниковъ той же націи.

„Блистательная Порта уже заранѣе обязывается подписать для этой цѣли торжественный актъ, которымъ эти благотворительныя учрежденія становились бы подъ охрану русскаго генеральнаго консульства, въ Сиріи и Палестинѣ“.

раньше, чѣмъ редакція его была окончательно выработана и принята другими державами. Этимъ онъ хотѣлъ представить доказательство своего уваженія императору Францу-Іосифу и вмѣстѣ съ тѣмъ своего стремленія къ миру. Единственнымъ условіемъ онъ поставилъ, чтобы Порта подписала его просто и безъ оговорокъ, чтобы намъ не пришлось выдерживать новыхъ обсужденій, возбужденныхъ въ Константинополѣ недоброжелательными вліяніями, и чтобы данное нами согласіе на этотъ проектъ ничѣмъ не связывало насъ на случай отказа Порты.

Лондонскій и парижскій кабинеты вполне одобрили этотъ проектъ. Въ Вѣнѣ ему придали характеръ ультиматума, т.-е., въ случаѣ отказа со стороны Порты, онъ долженъ былъ повести за собой категорическое заявленіе державъ, что онѣ отказываются отъ посредничества между Турціей и нами. Это было вполне логичное заключеніе.

Съ той минуты, какъ правительства, охранявшія такъ бдительно достоинство и независимость Турціи, сообща выработывали проектъ соглашенія, казавшійся имъ соотвѣтствующимъ чести и интересамъ султана, и съ той минуты, какъ императорскій кабинетъ принималъ его въ цѣломъ, безъ всякихъ измѣненій, естественно было ожидать, что и Порта точно также подчинится рѣшенію державъ, такъ какъ, въ дѣйствительности, она упорствовала только благодаря ихъ поддержкѣ.

Еслибы эта попытка къ примиренію не имѣла успѣха лишь вслѣдствіе ея упорства, было справедливо, чтобы державы отняли у нея эту поддержку. Дѣйствовать иначе, значило бы предоставлять миръ Европы капризу султана и его совѣтниковъ.

Именно такъ мы понимали тогдашнее положеніе. Правительства и общественное мнѣніе придавали ему такой же смыслъ и были благодарны намъ за то, что мы тотчасъ же признали его. Такимъ образомъ, увѣренность въ близкомъ мирѣ повсюду заступала мѣсто опасенія всеобщей войны.

Поэтому, съ изумленіемъ и негодованіемъ было принято извѣстіе объ отказѣ турецкаго правительства отъ принятія предложеній, сопровождаемыхъ такими торжественными ручательствами. Порта предлагала измѣненія въ встрѣчной нотѣ (контръ-нотѣ), которую она соглашалась подписать подъ тѣмъ условіемъ, чтобы княжества были предварительно очищены и чтобы на будущее время ей были даны основательныя гарантіи противъ повторенія подобныхъ занятій.

Необходимо изучить самые тексты этихъ документовъ, чтобы постигнуть различіе между ними и оцѣнить ихъ духъ и значеніе.

Впрочемъ, невозможно уже было ошибаться относительно того, что происходило въ Константинополѣ. Личное вліяніе лорда Стрэтфорда Рэдклифа получило перевѣсъ въ эту рѣшительную минуту.

Чтобы не тянуть напрасно времени, что очень важно при такой напряженности положенія, кабинеты условились передать своимъ посламъ въ Константинополѣ приказъ поддерживать вѣнскую ноту чрезъ посредство своихъ представителей въ Вѣнѣ. Эти приказанія были составлены въ очень энергичныхъ выраженіяхъ. Портѣ угрожали быть оставленной всѣми, если она не пойдетъ на указываемое ей соглашеніе. Означенныя приказанія получены были въ Константинополѣ въ то же время, когда австрійскимъ правительствомъ была доставлена туда вѣнская нота.

Представители державъ собрались, чтобы обсудить свои общія дѣйствія. Лордъ Стрэтфордъ Рэдклифъ началъ съ того, что отказался присоединиться къ нимъ, подъ предлогомъ, что онъ ожидаетъ прямыхъ инструкцій изъ Лондона. Когда эти инструкціи были получены, онъ уже не могъ ихъ не исполнить. Но онъ установилъ различіе между частнымъ лицомъ и посломъ. Въ качествѣ посла, онъ ограничился тѣмъ, что сообщилъ Портѣ объ инструкціяхъ, предписывавшихъ ему поддерживать проектъ, составленный въ Вѣнѣ. Въ качествѣ частного лица онъ покуда не высказывалъ своего мнѣнія.

Легко было предвидѣть, какого свойства было это мнѣніе. Онъ не скрывалъ его отъ турецкихъ министровъ въ разговорахъ съ ними. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что контръ-проектъ Порты былъ составленъ подъ его диктовку.

Лордъ Стрэтфордъ Рэдклифъ десять лѣтъ употребилъ на то, чтобы подкопаться подъ наше исключительное положеніе въ Турціи. Мысль о томъ, чтобы его подорвать, сдѣлалась задачей его жизни; онъ отдался ей съ упорствомъ, свойственнымъ британскому характеру. Съ самаго начала спора о Св. мѣстахъ въ Іерусалимѣ, онъ увидалъ, что обстоятельства благоприятствуютъ ему. Мы видѣли, какимъ образомъ подъ его внушеніями вопросъ приобрѣлъ важное значеніе, вслѣдствіе неудачи порученія, даннаго князю Меншикову. Вѣнская нота грозила гибелью всей его работѣ. Если она и уклонилась отъ первоначальной программы, начертанной русскимъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе она стремилась къ поддержанію *statu quo*, т. е. положенія, основаннаго на нашихъ договорахъ, разрушить которое лордъ Стрэтфордъ Рэдклифъ считалъ своимъ призваніемъ. Кромѣ политическихъ убѣжденій, съ этимъ дѣломъ былъ связанъ и вопросъ его личнаго самолюбія. Онъ первый, съ самаго начала, заставилъ турокъ

сбросить съ себя апатию и возбудить въ нихъ желаніе непреодолимаго сопротивленія самымъ умѣреннымъ требованіямъ Россіи. Ему удалось достигнуть полнаго успѣха въ этомъ направленіи, благодаря увѣренности, которую онъ умѣлъ внушить туркамъ, о матеріальномъ содѣйствіи Европы въ томъ случаѣ, еслибы дѣла были доведены до крайнихъ предѣловъ. Вѣнская нота опровергивала всѣ его обѣщанія. Если несогласіе будетъ улажено на такихъ основахъ, что же выйдетъ изъ всего вызваннаго имъ шума, изъ всѣхъ его подстрекательствъ? Полное торжество Россіи, которая, въ концѣ-концовъ, возьметъ верхъ надъ противодѣйствіемъ морскихъ державъ и увидитъ свое положеніе на Востока въ подкрѣпленномъ торжественнымъ актомъ, заключеннымъ при участіи Европы; ослабленіе Турціи, которая будетъ вынуждена къ безполезному увеличенію своихъ военныхъ силъ и къ окончательному истощенію своихъ финансовъ, не имѣя въ виду что-либо выиграть отъ этого; наконецъ, полный неуспѣхъ для личнаго вліянія посла, которое, въ своемъ патріотизмѣ, онъ не отдѣлялъ отъ вліянія своего правительства. Кромѣ того, лордъ Стрэтфордъ Рэдклиффъ, повидимому, руководился тайной надеждой, а именно возможностью близкаго паденія министерства Эберджна и возвращенія къ власти лорда Пальмерстона, раздѣлявшаго его взгляды и готоваго оказать рѣшительную поддержку проводимой имъ въ Константинополѣ политики. Еслибы можно было ознакомиться съ частной перепиской этихъ двухъ государственныхъ людей, вѣроятно, тамъ можно было бы найти ключъ всего восточнаго кризиса.

Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что въ этихъ соображеніяхъ заключается источникъ измѣненій, внесенныхъ Портой въ ноту, которую предлагали ей четыре державы. Эти измѣненія видимо клонились къ тому, чтобы исказить характеръ гарантій, какихъ мы требовали въ пользу правъ восточной церкви, и исказить ихъ тѣмъ, что онѣ и въ прошедшемъ, и въ будущемъ должны были опираться на верховную волю султана, а не на обязательства, налагаемые на него трактатами, заключенными съ нами. вмѣстѣ съ тѣмъ, и условія, какія ставила Порта, т.-е. предварительное очищеніе княжествъ и гарантія противъ будущихъ оккупаций, не могли быть допущены. Они находились въ формальномъ противорѣчій съ духомъ упомянутой вѣнской дипломатической сдѣлки. Можно предполагать, что англійскій посолъ предусматривалъ что, если мы отвергнемъ эти условія, путь для тѣхъ осложненій, какія онъ хотѣлъ вызвать, останется открытымъ, а если мы ихъ примемъ, Порта получитъ возможность перенести

переговоры на почву общей гарантіи Европы, что неизбѣжно нанесло бы ударъ нашему положенію на Востокѣ.

Первое впечатлѣніе, оказанное отвѣтомъ Порты, было крайне неблагопріятное. Кабинеты, такъ же какъ и общественное мнѣніе, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, связанныхъ съ сохраненіемъ мира, громко обвиняли Порту въ нарушеніи общихъ интересовъ своимъ упорствомъ. Спрашивали себя, до какого предѣла можно было позволять Турціи оспаривать и отвергать рѣшенія, принятые великими державами? Даже были близки къ тому, чтобы оказать на оттоманское правительство матеріальное давленіе, чтобы принудить его къ повиновенію. Вообще европейскіе кабинеты, выражающіе величайшее уваженіе къ независимости султана, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы поддержать его противъ насъ, легко уступаютъ, какъ только затронуты ихъ собственные интересы. Впрочемъ, кабинеты съ перваго раза не поняли, какое значеніе имѣли измѣненія, предложенныя турками. Они находили ихъ незначительными и приписывали ихъ неумѣстному чувству самолюбія, заставлявшему Порту отстаивать свое достоинство, которое она сочла бы оскорбленнымъ, еслибы ей пришлось подписать вѣнскую ноту просто и безъ оговорокъ.

Вполнѣ признавая наше право отвергнуть турецкія измѣненія, все еще не теряли надежды, что императоръ Николай сдѣлаетъ эту чисто-формальную уступку ради сохраненія мира.

Но императорскій кабинетъ разсудилъ иначе. Не только ему казалось неприличнымъ, послѣ сдѣланныхъ нами заявленій, повергать къ ногамъ турецкаго правительства или, лучше сказать, англійскаго посла въ Константинополь, достоинство наше и великихъ державъ, но и помимо этого вопроса формы, самая сущность притязаній Порты, по его мнѣнію, не могла быть признана. Это рѣшеніе было тотчасъ же сообщено въ Вѣну. Мы настаивали на простомъ и безусловномъ принятіи коллективной ноты Портою. Все, что мы могли уступить щепетильности турецкаго правительства, это было встрѣчное заявленіе (контръ-декларация) съ нашей стороны, которое успокоило бы его за послѣдствія подписанія имъ упомянутаго акта.

Мы должны были ожидать, что державы согласятся между собою насчетъ совокупныхъ мѣръ относительно турецкаго правительства, чтобы побѣдить его сопротивленіе. По мнѣнію нашего правительства вопросъ шелъ объ ихъ достоинствахъ столько же, сколько и объ общихъ интересахъ мира.

Но все произошло иначе, благодаря случайности, оказавшей весьма важное вліяніе въ этомъ періодѣ переговоровъ. Когда

турецкія измѣненія были намъ сообщены, министерству иностранныхъ дѣлъ поручено было спеціально изложить свои соображенія о значеніи разногласій между нашей точкой зрѣнія и взглядами оттоманскаго правительства. Этотъ трудъ, предназначенный исключительно для свѣденія государя, былъ, по необъяснимому недоразумѣнію ¹⁾, конфиденціально пересланъ въ Вѣну для того, чтобы изложить мотивы, которые заставили насъ уклониться отъ встрѣчныхъ предложеній Порты.

¹⁾ Вотъ тѣ замѣчанія на турецкія измѣненія въ вѣнской нотѣ, которыя надѣлали столько шума и которыя считаются одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ войну. Чтобы ихъ оцѣнить, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это были обсужденія русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ для собственнаго уясненія предмета, служившія одновременно отчетомъ Государю о настоящемъ значеніи этихъ измѣненій. Только по указанному выше недоразумѣнію, этотъ документъ былъ посланъ руссiйскому посольству въ Вѣнѣ.

1) Въ Вѣнской нотѣ было сказано:

„Если, во всѣ времена руссiйскіе государи выказывали дѣятельную заботливость къ охраненію неприкосновенности правъ и преимуществъ православной церкви въ оттоманской имперіи, султаны никогда не отказывались подтверждать это вновь торжественными актами“.

Эти строки измѣнены слѣдующимъ образомъ:

„Если во всѣ времена русскіе государи выказывали дѣятельную заботливость къ православной греческой вѣрѣ и церкви, султаны никогда не переставали блюсти за охраненіемъ неприкосновенности названной вѣры и церкви въ оттоманской имперіи и поддерживать ихъ вновь“.

Слова „въ оттоманской имперіи“ и „охраненіе неприкосновенности правъ и преимуществъ“ и пр. переставлены ниже и исключительно примѣнены къ султанамъ. Это примѣненіе отнимаетъ всякое значеніе и даже всякій смыслъ въ измѣненномъ мѣстѣ, такъ какъ никогда и никѣмъ не оспаривалась у русскіхъ государей ихъ дѣятельная заботливость о вѣроисповѣданіи, которому принадлежать они сами и ихъ подданные.—Не желали признать, повидимому, только того, что во всѣ времена Россія выказывала дѣятельную заботливость о своихъ единовѣрцахъ въ Турціи, такъ же какъ и о поддержаніи ихъ религіозныхъ правъ, и что наше правительство рѣшилось отстаивать впредь эту заботливость и сохранить за ними всецѣло означенныя преимущества.—Оборотъ, данный фразѣ, тѣмъ менѣе можетъ быть допущенъ, что послѣдующія выраженія приписываютъ султанамъ болѣе, нежели простую заботливость о православной вѣрѣ. Здѣсь утверждается, что они никогда не переставали блюсти за охраненіемъ неприкосновенности правъ и преимуществъ православной церкви и подтверждать ихъ торжественными актами. Факты диаметрально противоположны этому утвержденію; именно въ виду того, что въ эти послѣдніе годы неоднократно имѣло мѣсто, въ особенности въ дѣлѣ о Святыхъ мѣстахъ, мы вынуждены были оказать свое содѣйствіе, требуя болѣе положительныхъ гарантій для будущаго. Если мы согласимся признать, что оттоманское правительство никогда не переставало блюсти за охраненіемъ правъ и преимуществъ греческой церкви, во что же обращаются тогда жалобы, которыя мы заявляли противъ него? Мы признали бы сами, такимъ образомъ, что мы не имѣли никакихъ основательныхъ причинъ къ неудовольствію,

Изъ Вѣны же записка неизвѣстными путями попала въ руки и остальныхъ правительствъ. Благодаря нескромности, виновникъ которой не могъ быть уличенъ, она дошла до редакціи одной изъ берлинскихъ газетъ, тотчасъ же огласившей ее.

Иностранная печать набросилась на нее съ тою жадностью, съ которою она хваталась за все, что могло послужить ея страстной къ намъ враждебности. Въ этой запискѣ усиливались найти подтвержденіе тѣхъ затаенныхъ завоевательныхъ замысловъ, въ которыхъ насъ обвиняли относительно Турціи.

То единодушіе, которое съ одного конца Европы до другого обнаружилось внезапно во враждебныхъ отзывѣхъ печати и въ настроеніи общественнаго мнѣнія противъ Россіи, представляетъ собою одинъ изъ характеристическихъ признаковъ тогдашняго кризиса. Можно смѣло утверждать, что это единодушіе и под-

что порученіе, данное кн. Меншикову, нѣтъ не вызывалось, что, однимъ словомъ, обращаемая къ намъ нота, сама по себѣ, совершенно излишня.

2) Редакція, первоначально принятая въ Вѣнѣ, гласила:

„Вѣрный буквѣ и духу постановленій Кайнарджійскаго и Адрианопольскаго договоровъ относительно покровительства христіанскому вѣроисповѣданію, султанъ считаетъ дѣломъ своей чести ограждать отъ всякаго нарушенія неприкосновенность и преимущества, дарованныя православной церкви“.

Опущенія и прибавленія словъ, имѣющія здѣсь мѣсто, сдѣланы съ очевидной преднамѣренностью и имѣютъ несомнѣнную цѣль ослабить значеніе Кайнарджійскаго договора, хотя наружно и подтверждаютъ его.

Редакція, выводившая изъ духа договора, т.-е. изъ общаго принципа 8-й статьи его, поддержаніе неприкосновенности православной церкви, соответствовала вѣренному нами взгляду, котораго мы держимся и до настоящаго времени, такъ какъ, по нашему мнѣнію, обѣщаніе покровительствовать извѣстному вѣроисповѣданію и его учрежденіямъ само собою подразумеваетъ охраненіе и правъ, коимъ оно пользуется. Это, очевидно, нераздѣлимые понятія.

Такая редакція, первоначально принятая въ Вѣнѣ, была впоследствии видоизмѣнена въ Лондонѣ и Парижѣ, и если въ то время, съ нашей стороны, не было заявлено тѣхъ возраженій, которыя мы были бы совершенно въ правѣ сдѣлать, то это было вовсе не потому, чтобы мы заблуждались насчетъ смысла допущенныхъ въ ней измѣненій. Мы очень ясно усматривали различіе, которое она устанавливала между двумя предметами, неразрывно для насъ связанными. Но разница эта была намѣчена въ ней настолько осторожно и тонко, что ради духа примиренія и изъ желанія придти возможно скорѣе къ какому-либо выводу, мы соглашались допустить и эту редакцію, которая отнынѣ являлась для насъ, такимъ образомъ, уже болѣе не подлежащею измѣненію.

Такое же побужденіе къ уступчивости не можетъ быть допущено относительно новыхъ измѣненій, произведенныхъ въ Константинополѣ. Разграничительная черта, между тѣмъ и другимъ предметомъ, здѣсь проведена слишкомъ ужъ ясно, чтобы мы могли допустить ее, не отрекаясь, тѣмъ самымъ, отъ всего, что было нами сдѣлано и нами

держало болѣе всего исполненные ненависти замыслы нашихъ политическихъ противниковъ и стремительно направило событія къ такому исходу, который умѣренность нѣсколькихъ государственныхъ людей еще старалась предотвратить.

Лондонскій кабинетъ, въ которомъ дѣйствовалъ еще въ примирительномъ духѣ своимъ личнымъ вліяніемъ лордъ Эбердинъ, былъ слишкомъ слабъ, чтобъ сопротивляться такому сильному внѣшнему давленію. Въ отвѣтъ на приглашеніе, сдѣланное ему изъ Вѣны, присоединиться къ коллективному и нѣсколько угрожающему давленію въ Константинополѣ на рѣшеніе Порты, великобританское правительство заявило, что такъ какъ, вслѣдствіе нашихъ объясненій, Вѣнская нота получаетъ смыслъ совершенно другой, нежели тотъ, какой ему придавала конференція,

сано. Нѣтъ надобности болѣе упоминать о Кайнарджійскомъ договорѣ, и подтвержденіе его становится бездѣльнымъ съ той поры, когда перестаютъ прилагать общій принципъ къ защитѣ религіозной свободы христіанскаго вѣроисповѣданія. Именно съ этой цѣлью и уничтожены выраженія „буквъ и духу (договора)“:

Съ намѣреніемъ выдвигаютъ тотъ фактъ, что Порта покровительствуетъ христіанскому вѣроисповѣданію, какъ будто мы домогаемся права самимъ оказывать это покровительство въ султанскихъ владѣніяхъ; а такъ какъ, съ другой стороны, съ намѣреніемъ же опускаютъ, что это покровительство представляетъ собою данное султаномъ обѣщаніе, принятое имъ на себя обязательство, то выходитъ, какъ будто полагаютъ на самое право наше требовать точнаго исполненія этого обязательства.

3) Въ особенности же, не можетъ быть допущено измѣненіе, сдѣланное въ слѣдующемъ мѣстѣ австрійской ноты: вмѣсто „участія православнаго греческаго вѣроисповѣданія во всѣхъ выгодахъ и пользахъ, предоставленныхъ остальнымъ христіанамъ“, поставлено: „дарованнымъ остальнымъ христіанскимъ общинамъ, состоящимъ въ подданствѣ Порты“. Оттоманское правительство объявлялось бы, такимъ образомъ, предоставлять православію тѣ же выгоды, которыми пользуются остальные религіозныя общины, находящіяся въ турецкомъ подданствѣ. Но въ томъ случаѣ, еслибы эти остальные общины оказались состоящими не изъ туземной райи, а изъ иноплеменныхъ священнослужителей и пастырей (а таково положеніе почти всѣхъ безъ исключенія монастырей, госпиталей, семинарій и епископствъ римской церкви въ Турціи), въ томъ случаѣ, говоримъ мы, когда Портѣ заблагодарзасудилось бы предоставить такимъ учрежденіямъ новыя привилегіи и преимущества, — то православныя общины не имѣли бы, по смыслу введенныхъ въ ноту выраженій, права требовать того же самаго и для себя, а Россія не могла бы за нихъ предстательствовать.

Враждебное намѣреніе министровъ султана становится еще болѣе очевиднымъ, если мы приведемъ слѣдующій примѣръ. Допустимъ весьма возможный случай, что Іерусалимскій патріархъ латинскаго вѣроисповѣданія, будучи назначенъ воздвѣженнымъ по времени, получить отъ Порты привилегіи, которыхъ не имѣетъ патріархъ православный. Всѣ требованія послѣдняго останутся безплодными, такъ какъ онъ турецкій подданный. То же возраженіе будетъ сдѣлано оттоманскимъ правительствомъ относительно всѣхъ католическихъ учрежденій въ Палестинѣ, какъ только въслѣдствіи имъ будетъ предоставлено, въ ущербъ туземнымъ христіанскимъ общинамъ, какое-либо новое преимущество, не внесенное въ послѣдній фирманъ.

и еще болѣе отдаленный отъ того смысла, который ему придавало турецкое правительство, то Англія уже не можетъ принять на себя совѣтовать подобное соглашеніе Портѣ.

Тюльерійскій кабинетъ съ поспѣшной готовностью присоединился къ этому заявленію. Въ сущности, это была только уловка, поводъ къ которой, мы, къ сожалѣнію, дали сами. Несомнѣнно, что мысль, руководившая нашимъ обсужденіемъ сдѣланныхъ Турціе измѣненій въ вѣнской нотѣ, была внушена добросовѣстностью, которая скорѣе должна была успокоить, а не встревожить кабинеты. Но въ виду непреодолимаго недовѣрія, безъ сомнѣнія, было лучше оставить въ нѣкоторомъ туманѣ эти щекотливые вопросы. Въ нашей власти было бы тогда истолковать ихъ согласно нашимъ видамъ, которые были вполне правильными. Добиваясь же полной точности въ такое время, когда Европа была такъ дурно расположена къ намъ, мы рисковали лишь сдѣлать сомнительнымъ успѣхъ попытки, послѣдней попытки, на которую мы могли возлагать надежды.

Въ сущности, такимъ образомъ, оправдались предвѣщанія лорда Стрэтфорда Рэдклифа. Отказъ Порты присоединиться безъ всякихъ оговорокъ къ Вѣнской нотѣ ставилъ западныя державы въ весьма затруднительное положеніе. Имъ приходилось отнынѣ или предоставить Турцію послѣдствіямъ ея упрямства въ завязанномъ ею съ нами спорѣ, или, что еще хуже, заставить ее покориться. Въ томъ и другомъ случаѣ, онѣ рисковали потерять сразу всѣ выгоды поощренія и поддержки, которыя онѣ до тѣхъ поръ оказывали Портѣ.

Подобнаго подвига логики, безпристрастія и честности отъ нихъ никакъ нельзя было ожидать. Возбужденныя народныя страсти никогда бы ихъ не допустили до такого подвига. Вслѣдствіе того, онѣ и поспѣшили уклониться отъ принятыхъ ими въ Вѣнѣ обязательствъ.

Поэтому, съ того времени болѣе рѣзко обозначается ходъ событій. Казалось, что неуспѣхъ попытки умиротворенія имѣлъ результатомъ лишь увеличеніе шансовъ войны.

Наше правительство не заблуждалось насчетъ серьезности положенія. Зло происходило отъ недовѣрія, возбужденнаго тѣмъ толкованіемъ, какое мы придали вѣнской нотѣ. Требовалось прежде всего успокоить это недовѣріе. Это и было цѣлью свиданія императора Николая съ императоромъ австрійскимъ въ Ольмюцѣ.

Еслибы было сколько-нибудь возможнымъ обезоружить возбужденную противъ нашей политики непріязнь, то испрещенія и

честныя объясненія императора Николая, конечно, достигли бы этого результата. Императоръ Францъ-Иосифъ, съ своей стороны, почелъ себя совершенно удовлетвореннымъ. Было условлено, что его правительство предложить другимъ кабинетамъ новый проектъ, связанный съ вѣнской нотой. Эта нота должна быть подписана Портой безъ измѣненія. Чтобы разсѣять ея опасенія, четыре великія державы представить ей заявленіе, гарантирующее, что Россія вовсе не стремится вывести изъ этой ноты послѣдствія, опасныя для независимости и верховныхъ правъ султана.

Но въ то же время лордъ Стрэтфордъ Редклифъ усердно продолжалъ свою дѣятельность, съ цѣлью произвести взрывъ, подготовленный его вмѣшательствомъ. Несомнѣнно, что его совѣты значительно подвинули Порту къ крайнимъ мѣрамъ съ намѣреніемъ воспользоваться замѣшательствомъ, происшедшимъ въ вѣнской конференціи, сдѣлать переговоры невозможнымъ и побудить морскія державы болѣе рѣшительно стать на сторону Турціи. Впрочемъ, оттоманскому правительству было бы трудно дѣйствовать иначе. Въ теченіе цѣлаго года фанатизмъ турокъ не даромъ выводили изъ обычной апатіи.

Страсти были слишкомъ возбуждены, чтобы оставаться сдержанными въ предѣлахъ дипломатическихъ сдѣлокъ. Турецкая армія стояла противъ нашей на Дунаѣ; редифы были призваны къ оружію. Изъ нѣдръ Азіи явились на священную войну орды баши-бузуковъ и египтянъ, готовые броситься на христіанъ. Эмигранты всѣхъ странъ становились подъ знамя ислама и раздували ненависть къ Россіи. Финансы были истощены расходами военного положенія; торговля была въ застоѣ; безпокойство было повсюду.

Турція не могла долго выдерживать подобное положеніе вещей. Переговоры угрожали продолжиться его безконечно. Казалось, что послѣ неудачи вѣнской ноты и подъ вліяніемъ раздраженія, которое эта неудача вызвала относительно Порты, кабинеты рѣшились взять послѣднюю изморомъ, тѣмъ болѣе, что приближавшаяся зима затрудняла какія бы то ни было рѣшительныя военныя дѣйствія. Нашъ кабинетъ повторялъ свои увѣренія о твердой рѣшимости государя остаться до послѣдней возможности въ оборонительномъ положеніи. Время для переговоровъ такимъ образомъ было обезпечено и представлялась возможность дать успокоиться первоначальному волненію и воспользоваться всеобщимъ утомленіемъ, чтобы добиться мира. Это былъ именно тотъ результатъ, котораго Порта пожелала избѣгнуть, объявивъ намъ войну.

Письмами, адресованными къ главнокомандующему кн. Горчакову, Омеръ-паша потребовалъ отъ него очищенія княжествъ въ двухъ - недѣльный срокъ. Въ противномъ случаѣ, немедленно должны были начаться военныя дѣйствія.

Нелзя сказать съ точностью, насколько это рѣшеніе Порты было поощряемо иностранными совѣтниками. Но достовѣрно, что ему предшествовалъ крайне важный шагъ со стороны западныхъ державъ. Подъ предлогомъ опасности, въ которой оказывались вслѣдствіе волненія умовъ въ Константинополѣ они сами и ихъ соотечественники, оба посла вызвали къ Золотому Рогу отряды своихъ эскадръ.

Это было очевиднымъ нарушеніемъ трактата 1841 г., такъ какъ мы еще не были въ войнѣ съ Турціей.

Нашъ посланникъ въ Лондонѣ только-что успѣлъ заявить протестъ противъ этого нарушенія, какъ оно уже стало правомѣрнымъ вслѣдствіе объявленной намъ Турціей войны. Какъ скоро миръ былъ нарушенъ, закрытіе проливовъ прекращалось само собою.

Было бы бесполезно останавливаться не совпаденіи обоихъ обстоятельствъ. Подобно тому, какъ появленіе союзныхъ эскадръ передъ Дарданеллами повело за собой отверженіе Портою представленнаго кн. Меншиковымъ ультиматума, такъ и призывъ двухъ морскихъ отрядовъ къ Константинополю долженъ былъ поощрить турецкое правительство выдти изъ всѣхъ границъ и объявить намъ войну. Лондонскій и парижскій кабинеты двигались по такой поватости, по которой они неминуемо должны были встрѣтиться съ нами. Имъ не суждено уже было остановиться на этомъ пути. Они разрѣшили своимъ посламъ вызвать ихъ эскадры въ полномъ составѣ въ Мраморное море. Оставался одинъ шагъ вступить въ Черное море.

По этому поводу возбуждался важный вопросъ морского права: должно-ли Черное море, какъ скоро прекратилось закрытіе проливовъ, быть почитаемо открытымъ флагамъ всѣхъ державъ, не находившихся съ нами въ войнѣ? Таково было мнѣніе англійскаго кабинета, очень строгаго въ своихъ воззрѣніяхъ на морское право. Не вступая въ эти пререванія, нашъ посланникъ въ Лондонѣ ускакивалъ доказать, что сверхъ вопроса права здѣсь былъ еще вопросъ всеобщаго политическаго интереса, именно стремленіе отвратить возможность всякаго столкновенія, могущаго нарушить миръ. Онъ далъ понять, что вступленіе англо-французскаго флота въ Черное море будетъ сочтено нами за объявленіе войны; чтобы покончить положеніе, которое не было ни войной, ни миромъ,

ему было предписано сдѣлать категорическій запросъ, желаетъ-ли Англія оставаться въ мирѣ съ нами?

Британское министерство отвѣчало, что оно не желаетъ войны и что его эскадры не вступятъ въ Черное море, пока мы не перейдемъ Дунай и не произведемъ нападенія на порты и морскія силы Турціи. Въ противномъ случаѣ, мы найдемъ англійскую эскадру готовою ихъ защищать.

Такое положеніе было тѣмъ менѣе возможно принять, что оно позволяло туркамъ самимъ перейти Дунай и насъ атаковать, а равно и совершать въ Черномъ морѣ нападенія, подобныя атакѣ порта св. Николая. Императорскій кабинетъ отвѣчалъ, что мы не выйдемъ изъ оборонительнаго положенія, если не будемъ къ тому вынуждены, но при этомъ формально оговорилъ наши права, какъ воюющей стороны. Эти обоюдныя заявленія необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ послѣдующихъ событій.

Тѣмъ временемъ переговоры все еще продолжались. Сдѣланное вѣнской конференціей отвергалось теперь лондонскимъ и парижскимъ кабинетами; берлинскій и вѣнскій кабинеты поддерживали соглашеніе, состоявшееся въ Ольмюцѣ. Австрійское правительство внушало уже новую комбинацію, прямыхъ переговоровъ между Портой и нами, на основахъ ольмюцкой программы. Сперва мы замѣтили ему, что объявленіе войны Портой измѣнило положеніе. Простой ноты уже было недостаточно для восстановленія нашихъ сношеній съ Турціей. Только мирный договоръ могъ положить конецъ войнѣ. Затѣмъ, что касается самихъ переговоровъ, существенно важно было условиться, какъ они должны происходить. Франція требовала шести участниковъ совѣщанія. Мѣстомъ его указывали Лондонъ. Но дѣло въ томъ, что мы никогда не допускали третьихъ лицъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Портой.

Поэтому мы предложили послать въ Константинополь ноту или декларацію четырехъ державъ въ смыслѣ ноты, условленной въ Ольмюцѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оттоманскій уполномоченный долженъ былъ сѣхаться съ русскимъ уполномоченнымъ, чтобы обсудить основы мирнаго договора, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прямые переговоры могли бы происходить безпрепятственно и внѣ чуждыхъ вліяній. Съ этою цѣлью мы указывали нашу главную квартиру въ Валахіи.

Всѣ проекты, которые перекрещивались между собой со всѣхъ сторонъ, вращались около этихъ существенныхъ пунктовъ. Но уже можно было ясно видѣть, насколько державы далеко подвиг-

нулись на пути, на который они вступили подъ вліяніемъ раздраженія печати и общественнаго мнѣнія.

Долгое время державы признавали права, проистекавшія изъ нашихъ договоровъ съ Портою. Различные проекты, выдвигавшіеся до сихъ поръ, всѣ содержали въ себѣ болѣе или менѣе определенное подтвержденіе этихъ правъ. Но по мѣрѣ того, какъ обсужденіе распространялось въ печати, вообще враждебной намъ, сперва стали оспаривать размѣръ и смыслъ этихъ правъ и, наконецъ, самый принципъ трактатовъ, на которыхъ они были основаны. Понемногу мысль измѣнить радикально положеніе Турціи по отношенію къ намъ, замѣнивъ нашу опеку опекой Европы и связавъ такимъ образомъ оттоманское государство съ общей гарантіей великихъ державъ, перешла изъ газетъ въ официальныя сферы. Сперва она высказывалась лишь весьма робко, какъ это можно видѣть, и кабинеты были не вполне согласны между собой.

Еще вѣнскій кабинетъ былъ расположенъ признавать за нами право непосредственно сноситься съ Портою. Его собственныя традиціи должны были побуждать его не слишкомъ отклоняться отъ принципа, полезнаго для его собственной политики. Порученіе, данное гр. Лейнингену, показало, что Австрія не любила искать посредниковъ между собою и Турціей. Она справедливо чуждалась вмѣшательства западныхъ державъ, которыя не замедлили бы, благодаря этому принципу, пріобрѣсти господство на Востока и распространять тамъ революціонныя ученія. Но вѣнскій кабинетъ никогда не рѣшался вовсе отклонять добрыя услуги державъ въ его недоразумѣніяхъ съ Турціей. Поэтому онъ усиливался добиться соглашенія между притязаніями Франціи, желавшей переговоровъ съ шестью участниками, и нашимъ нежеланіемъ явиться, вмѣстѣ съ Турціей, какъ бы передъ судомъ европейскаго ареопага.

Графъ Буоль предлагалъ раздѣлить переговоры на двѣ части. Одна изъ нихъ, касаясь нашихъ притязаній къ Турціи изъ-за религіознаго вопроса, могла бы быть улажена прямымъ договоромъ между нашимъ и султанскимъ уполномоченными; этотъ договоръ былъ бы сообщенъ затѣмъ державамъ, которыя имѣли право давать оттоманскому уполномоченному свои совѣты. Другая часть заключала бы въ себѣ вопросы болѣе общаго характера, какъ, напр., возобновленіе трактата 1841 г., европейская гарантія для турецкой имперіи и улучшеніе участи христіанъ. Эта послѣдняя могла бы составить предметъ переговоровъ съ шестью участниками.

Нашъ непоколебимый отказъ въ согласіи на конференцію былъ основанъ не только на прежнихъ обстоятельствахъ нашего исключительнаго положенія по отношенію къ Турціи, но и на непріязненномъ положеніи, принятомъ относительно насъ двумя западными державами и лишившемъ ихъ характера безпристрастія, необходимаго при такихъ переговорахъ. Но въ тогдашнемъ положеніи вещей этотъ отказъ нанесъ намъ неизгладимый ущербъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Оно обвиняло насъ въ томъ, что мы бросали вызовъ Европѣ, и усматривало въ нашемъ упорномъ нежеланіи подчинить наши переговоры съ Турціей контролю другихъ кабинетовъ замыслы честолюбія и господства надъ турецкимъ правительствомъ.

Такъ, какъ Пруссія и Австрія, занимая положеніе посредниковъ и миротворцевъ между Портой, ея западными союзниками и Россіей, тѣмъ не менѣе въ извѣстной мѣрѣ присоединялись къ общимъ принципамъ, которые были установлены морскими державами относительно независимости и цѣлости Турціи, оказалось, что берлинскій и вѣнскій кабинеты, уже въ силу желанія содѣйствовать возстановленію мира, склонялись на сторону нашихъ противниковъ и такимъ образомъ придавали приготавлившейся противъ насъ коалиціи все болѣе и болѣе обще-европейскій характеръ.

Именно этимъ положеніемъ былъ вызванъ протоколъ, подписанный въ Вѣнѣ 5 декабря ¹⁾.

¹⁾ Протоколъ 5 декабря:

„Нижеподписавшіеся, представители Австріи, Франціи, Великобританіи и Пруссіи, согласно инструкціямъ своихъ правительствъ, собрались въ конференціи съ цѣлью найти средства примирить разногласіе, возникшее между Россійскимъ дворомъ и Блистательною Портой.

„Разиѣры, принятыя этимъ разногласіемъ, и война, происшедшая между двумя имперіями, не смотря на усилія ихъ союзниковъ, составили для всей Европы предметъ самыхъ серьезныхъ заботъ; вслѣдствіе чего ихъ величества и пр., одинаково признавая необходимость положить конецъ этимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, которыя не могутъ продолжаться, не затрогивая интересовъ ихъ государствъ, рѣшили предложить свои добрыя услуги двумъ высокимъ воюющимъ сторонамъ, въ надеждѣ, что они не захотятъ принять на себя отвѣтственность общаго взрыва, тогда какъ, обмѣниваясь добросовѣстными объясненіями, они еще имѣютъ возможность предупредить этотъ взрывъ, вступивъ вновь на путь мира и добрыхъ сношеній.

„Завѣренія, неоднократно сдѣланныя Е. В. императоромъ всероссійскимъ, исключаютъ всякую возможность предположить со стороны этого августѣйшаго монарха какое-либо намѣреніе посягнуть на цѣлость Оттоманской имперіи. Существованіе Турціи въ границахъ, установленныхъ трактатами, сдѣлалось, дѣйствительно, однимъ изъ необходимыхъ условій европейскаго равновѣсія, и нижеподписавшіеся съ удовольствіемъ убѣждаются въ томъ, что и настоящая война ни въ какомъ случаѣ не могла

Это актъ весьма важный. Онъ былъ зерномъ всѣхъ послѣдующихъ сдѣлокъ, въ которыхъ мы съ того времени имѣли противъ себя не только Порту и западные кабинеты, но и остальные великія державы Европы.

Любопытно видѣть, какими незамѣтными переходами положеніе приняло такой неблагоприятный оборотъ для насъ. До тѣхъ поръ Пруссія и Австрія отказывались отъ всякой сдѣлки, подписанной

бы повлечь за собою такихъ измѣненій въ территоріальныхъ очертаніяхъ обѣихъ имперій, которыя способны были бы нарушить священные временемъ границы владѣній на востокъ,—границы, одинаково необходимыя и для спокойствія остальныхъ державъ.

„Е. В. Императоръ Всероссійскій не ограничился даже и такими увѣреніями: онъ приказалъ заявить, что въ его намѣренія никогда не входило наложить на Порту какія-либо новыя обязательства, въ чемъ-либо несогласныя съ Кайнарджійскими и Адрианопольскими договорами, статьяи которыхъ Блистательная Порта обязалась покровительствовать на всемъ пространствѣ своихъ владѣній христіанскому вѣроисповѣданію и его церквамъ. Русскій дворъ прибавилъ къ этому, что, потребовавъ отъ оттоманскаго правительства какаго-либо залога вѣрности прежде принятымъ обязательствамъ, онъ тѣмъ самымъ вовсе не замышлялъ умалить власть султана надъ его христіанскими подданными и что его единственной цѣлью было лишь потребовать объясненій, которыя именно могли разсѣять всякое недоразумѣніе и предупредить всякій поводъ къ замѣшательству съ сосѣдней и дружественной державой.

„Чувства, обваруженныя Блистательной Портой въ теченіе послѣднихъ переговоровъ, съ другой стороны, доказываютъ ея готовность признать наложенныя на нее договорами обязательства и вполне уважить, въ предѣлахъ своихъ верховныхъ правъ, заботливость Императора Всероссійскаго относительно религіи, которую исповѣдаетъ онъ самъ и большинство его подданныхъ.

„При такомъ положеніи вещей, нижеподписавшіеся вполне убѣждены, что скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ способомъ достигнуть предположенной ихъ правительствами цѣли было бы обратиться къ Блистательной Портѣ съ общимъ заявленіемъ, въ коемъ изложить ей стремленіе державъ способствовать дружественнымъ вмѣшательствомъ восстановленію мира и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ей возможность заявить объ условіяхъ, которыя она могла бы принять основаніемъ для примиренія.

Такова цѣль прилагаемой коллективной ноты, адресованной турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, и тождественныхъ инструкцій, посланныхъ... дворами ихъ представителямъ въ Константинополь.

Коллективная нота.

„Мы нижеподписавшіеся, собравшіеся на конференцію въ Вѣнѣ, въ силу полученныхъ предписаній, заявляемъ, что наши правительства, усматривая съ величайшимъ сожалѣніемъ возникновеніе военныхъ дѣйствій между Россіей и Портой, искренно желаютъ, принявъ на себя посредничество между воюющими сторонами, избѣгнуть дальѣйшаго пролитія крови и прекратить положеніе вещей, серьезно угрожающаго спокойствію Европы.

„Въ виду заявленія Россіи, что она готова вступить въ переговоры, нижеподписавшіеся, не сомнѣваясь, что Порта движима тѣмъ же духомъ, просятъ ее отъ имени своихъ правительствъ увѣдомить ихъ о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ оттоманское правительство согласилось бы открыть переговоры о мирѣ“.

четырьмя державами. Такимъ образомъ протоколъ 5 декабря открывалъ новую эпоху, и фактъ былъ тѣмъ знаменательнѣе, что изъ четырехъ державъ двѣ враждебно относились къ намъ. До того времени Пруссія и Австрія дѣйствовали въ качествѣ посредниковъ, имѣя въ виду привести Порту къ удовлетворенію нашихъ справедливыхъ требованій. Теперь, во имя своихъ интересовъ, страдавшихъ отъ продленія войны, и необходимости положить ей конецъ, онѣ предлагали свои добрыя услуги воюющимъ сторонамъ, между которыми онѣ устанавливали, такимъ образомъ, извѣстное равенство.

Кромѣ того, протоколъ припоминалъ увѣренія императора Николая относительно его намѣренія сохранить неприкосновенность турецкой имперіи, съ цѣлью вывести отсюда заключеніе, что не будетъ сдѣлано никакихъ измѣненій ни въ территоріальномъ положеніи обоихъ государствъ, ни въ существенномъ принципѣ европейскаго равновѣсія. Такъ какъ, ужъ послѣ того, какъ мы дали эти увѣренія, Турція объявила намъ войну, это значило заранѣе обезпечить ее отъ всѣхъ послѣдствій этой войны и внушить ей, что она можетъ вести ее до тѣхъ предѣловъ, какіе соотвѣтствуютъ ея видамъ, ничѣмъ не рискуя, каковы бы ни были наши успѣхи и ея неудачи.

Наконецъ, протоколъ оканчивался постановленіемъ, что коллективная нота будетъ предъявлена турецкому правительству, чтобы узнать отъ него, на какихъ условіяхъ оно согласится вести переговоры о мирѣ. Это значило предоставлять Портѣ рѣшеніе вопроса, касающагося всей Европы и болѣе всего затрогивающаго насъ. Правда, что вѣнскій кабинетъ оправдывалъ свою снисходительность, ссылаясь на заявленное нами рѣшеніе не принимать никакихъ предложеній, относительно которыхъ державы не войдутъ предварительно въ соглашеніе съ турецкимъ правительствомъ, не желая вступать въ новыя пререканія, подобныя тѣмъ, которыя были причиной неуспѣха вѣнской ноты.

Но во всякомъ случаѣ очевидно, что Пруссія и Австрія, присоединившись къ протоколу 5 декабря, ставили себя относительно насъ въ совершенно новое положеніе. Въ немъ уже заключался зародышъ четвернаго союза. Императорскій кабинетъ настойчиво указывалъ обоимъ германскимъ дворамъ западню, въ которую старались ихъ вовлечь. Наши увѣщанія опоздали; протоколъ былъ уже подписанъ: онъ былъ подписанъ безъ нашего вѣдома.

Австрійское правительство умоляло насъ согласиться на предлагаемую намъ сдѣлку. Оно извѣщало насъ объ угрожающемъ положеніи, принятомъ относительно его Людовикомъ-Наполеономъ,

намекавшимъ о замѣшательствахъ въ Италіи, еслибы австрійское правительство упорствовало въ своемъ нейтралитетѣ. Оно прибавляло, что въ случаѣ нашего отказа и вызванныхъ имъ европейскихъ усложненій, Австріи придется заботиться исключительно о собственныхъ интересахъ.

Безъ сомнѣнія, влеченіе австрійскаго правительства къ западнымъ державамъ заключало въ себѣ столько же слабости, сколько и злонамѣренности. Однако, когда дѣло коснулось того, чтобы принять нейтральное положеніе, оно старалось склонить прусское правительство къ совокупному заявленію въ сеймѣ, которое придавало этому положенію характеръ, весьма пристрастный по отношенію къ морскимъ державамъ и весьма непріязненный по отношенію къ намъ. Берлинскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе, и гр. Буоль ограничился сообщеніемъ германскимъ правительствамъ циркуляровъ, въ которыхъ излагался тотъ образъ дѣйствій, какого Австрія полагала держаться въ этихъ усложненіяхъ.

Нашъ кабинетъ пытался разъяснить ему, что намъ было невозможно подвергнуть себя на ряду съ Портой суду европейскаго трибунала и что Австрія дѣлала такой шагъ, который угрожалъ расторгнуть навсегда тройственный союзъ, охранявшій ее отъ тѣхъ самыхъ опасностей, которыми ей угрожали, чтобы оторвать ее отъ насъ. Эти представленія не оказали никакого дѣйствія. Съ 5 декабря вѣнскій кабинетъ видимо отказывался отъ посреднической, безпристрастной роли, какую онъ исполнялъ въ этомъ кризисѣ.

Именно такъ его образъ дѣйствій и былъ истолкованъ печатью и общественнымъ мнѣніемъ на Западѣ. Въ вѣнскомъ протоколѣ усмотрѣли доказательство близкой связи четырехъ державъ, свѣдѣтельствующее, что наше дѣло считали неправымъ и отъ него отказывались даже наши старинные союзники.

Однако, согласіе между державами далеко не было полнымъ. Французскій кабинетъ, подстрекая къ войнѣ, въ то же время обращался къ намъ съ увѣщаніями и мирными увѣреніями. Берлинскій кабинетъ старался перебить у Австріи ея положеніе посредника и предлагалъ намъ свои добрыя услуги для примиренія насъ съ Англіей. Но, съ одной стороны, Пруссія подписала протоколъ 5 декабря и отказалась такимъ образомъ отъ свободы дѣйствій; съ другой стороны, единственный изъ 'англійскихъ министровъ, на расположеніе котораго мы могли рассчитывать, лордъ Эбердинъ былъ совершенно подавленъ партіей войны въ министерствѣ и въ странѣ. Поэтому мы рѣшились дожидаться резуль-

тата общаго шага, предпринятаго четырьмя державами въ Константинополѣ вслѣдствіе вѣнскаго протокола.

Таково было положеніе дѣлъ, когда событія двинулись быстрѣе, благодаря синопскому сраженію.

Успѣхи нашего оружія въ Азій уже разочаровали Европу относительно турокъ, кажущаяся энергія которыхъ обманывала общественное мнѣніе. Но это впечатлѣніе было непродолжительно. Другой результатъ имѣлъ синопское сраженіе.

Безъ сомнѣнія, мы оставались въ строгихъ предѣлахъ нашего права. Турецкій флотъ везъ войска и провіантъ, предназначенные для того, чтобы вызвать противъ насъ возстаніе на Кавказѣ. Этого даже не скрывали. Это было военное дѣйствіе во всемъ значеніи слова и, слѣдовательно, нападеніе нашего флота оправдывалось какъ нельзя болѣе. Но слѣдуетъ замѣтить, что это проявленіе храбрости, имѣвшее мѣсто не смотря на заявленія, сдѣланныя намъ англійскимъ кабинетомъ, въ присутствіи его эскадръ, на такой стихій, которую Англія считаетъ какъ бы принадлежащею ей, должно было имѣть въ глазахъ Великобританскаго правительства и націи характеръ униженія. Оно ставило Англію въ смѣшное положеніе. Это было выговорено лордомъ Кларендономъ. Въ дѣйствительности, турки роптали уже противъ присутствія эскадръ въ Константинополѣ, которое, казалось имъ, имѣло цѣлью не столько охранять ихъ, сколько сдерживать ихъ фанатизмъ. Уничтоженіе турецкаго флота передъ глазами французскаго и англійскаго адмираловъ подтверждало эти обвиненія. Лондонскому кабинету трудно было оставаться подъ тяжестью этого нравственнаго пораженія въ глазахъ Турціи, цѣлой Европы и общественнаго мнѣнія своей страны. Безъ сомнѣнія, его затрудненіе происходило отъ того ложнаго состоянія, въ какое онъ поставилъ себя, позволяя увлечь себя въ положеніе среднее между миромъ и войной. Но слѣдовало ожидать, что онъ, желая выйти изъ этого положенія, прибѣгнетъ къ открыто враждебнымъ мѣрамъ для того, чтобы удовлетворить общественное негодованіе.

Однако, можно считать достовѣрнымъ, что въ данномъ случаѣ Франція приняла на себя починъ для того, чтобы подвинуть Англію къ союзу, котораго она добивалась и который въ эту эпоху былъ еще довольно непроченъ. По предложенію императора Наполеона, оба кабинета согласились ввести немедленно свои флоты въ Черное море. Ихъ представителямъ въ Петербургѣ было поручено заявить намъ, что оба адмирала имѣли приказаніе ограждать порты и флагъ Турціи отъ всякаго насилія съ нашей стороны, въ родѣ произведеннаго при Синопѣ. Вслѣдствіе того,

всякій военный русскій корабль, который будетъ встрѣченъ въ морѣ, будетъ приглашенъ вернуться въ гавань и, въ случаѣ необходимости, будетъ вынужденъ къ тому силой.

Командиры обѣихъ эскадръ отправили англійскій фрегатъ „Retribution“ сообщить это постановленіе нашимъ морскимъ властямъ. Фрегатъ воспользовался туманомъ для того, чтобы проникнуть до севастопольской бухты, внутренняго укрѣпленія которой онъ могъ увидѣть.

Замѣчательно, что, принимая такую важную мѣру, обѣ западныя державы все еще заявляли о своемъ намѣреніи остаться въ мирѣ съ Россіей. Онѣ объявляли намъ, что желали избѣжать столкновенія и что отъ насъ зависить предупредить его, отдавши приказаніе нашему флоту оставаться въ портахъ.

Это странное положеніе, быть можетъ, безпримѣрное въ исторіи, несомнѣнно должно быть приписано общему отвращенію Европы къ войнѣ, отъ которой сорокъ лѣтъ мира отучили ее.

Весь коммерческій и промышленный міръ былъ сильно встревоженъ самою возможностью борьбы, всю тяжесть которой было легко предвидѣть. Сдѣлавъ ее неизбежно своимъ образомъ дѣйствій, западныя державы желали, однако, сохранять видимое миролюбіе и возложить на Россію всю отвѣтственность объявленія войны.

Этой тактикой западныхъ державъ, очевидно, опредѣлялся образъ дѣйствій, котораго намъ предстояло держаться.

Хотя императорскій кабинетъ былъ, конечно, въ правѣ разсматривать поступокъ союзныхъ правительствъ, какъ открытый разрывъ съ нами, наше правительство, однако, уступая настоятельнымъ просьбамъ Австріи и Пруссіи, не поставило дѣло на эту крайнюю почву.

Оставался одинъ послѣдній исходъ. Образъ дѣйствій морскихъ державъ могъ быть истолкованъ какъ имѣющій цѣлью исключительно предупредить ужасы войны, ограничить борьбу уже завязавшуюся на Дунаѣ и въ Азіи, и предохранить отъ нея Черное море, поставивъ его въ положеніе какъ бы нейтральное или въ положеніе перемирія на морѣ. Вслѣдствіе чего слѣдовало установить строгое равенство между обѣими воюющими сторонами и при этомъ условіи мы могли бы помириться съ положеніемъ, въ которое мы были поставлены.

Ничего подобнаго не вытекало, однако, изъ полученной нами деклараціи. Императорскій кабинетъ отвѣтилъ на нее предписаніемъ своимъ представителямъ въ Парижѣ и Лондонѣ потребовать категорическаго отвѣта на слѣдующіе три вопроса.

Были ли турки приглашены къ такому же образу дѣйствій, какъ и мы?

Защищая оттоманскіе порты и флагъ, западныя державы предоставлятъ ли туркамъ свободу нападать на наши корабли и берега?

Наконецъ, если Портъ предоставлялась возможность сообщаться моремъ съ ея гаванями и побережьями, то предполагали ли западныя державы воспретить эту возможность для Россіи?

Этотъ шагъ, въ виду такого открытаго вызова, былъ, конечно, доказательствомъ умѣренности. Мы не хотѣли закрывать послѣдняго выхода, который могъ еще сохранить миръ. Отъ морскихъ державъ зависѣло воспользоваться имъ, примѣняя съ одинаковымъ безпристрастіемъ и справедливостью къ обѣимъ сторонамъ возвышенныя ими мѣры.

Но въ случаѣ, еслибы отвѣтъ получился неблагоприятный, нашимъ представителямъ было предписано прервать дипломатическія сношенія. Покуда же этотъ пунктъ, изъ котораго должны были получиться война или миръ, не былъ выясненъ, для насъ было важно установить въ точности наши отношенія къ обоимъ нѣмецкимъ правительствамъ въ подготовлявшемся кризисѣ.

Форма протокола 5 декабря была достаточно неопредѣленная, и этою неопредѣленностью, какъ мы то и предвидѣли, обѣ морскія державы пользовались намъ во вреду. Нисколько не почитая себя связанными съ общимъ дѣломъ умиротворенія, бывшимъ видимою цѣлью протокола, эти обѣ державы дѣйствовали враждебно вдвоемъ, не стѣсняясь ни мало мирными обязательствами, принятыми вчетверомъ. Не будучи вовсе уздою для нихъ, этотъ актъ былъ путами для кабинетовъ берлинскаго и вѣнскаго. Они предполагали возвратить западныя державы на путь переговоровъ, ставя отъ того въ зависимость свое содѣйствіе, и на оборотъ ихъ старались вовлечь въ четверной союзъ противъ насъ.

Которое изъ этихъ двухъ теченій должно было превозмочь? Отъ этого зависѣлъ не только миръ всего Востока, но и цѣлой Европы. Становилось такимъ образомъ неотложнымъ узнать съ точностью рѣшенія Германіи.

Императоръ Николай обратился къ своимъ союзникамъ въ послѣдній разъ.

Онъ далъ имъ знать, что Россія одна вступить въ борьбу съ обѣими морскими державами, и требовалъ отъ нихъ лишь строгаго нейтралитета, какъ положенія, наиболѣе соответствующаго интересамъ Германіи и Европы.

Чтобы ясно опредѣлить такой нейтралитетъ, императоръ предложилъ имъ актъ, содержащій слѣдующія условія:

Объ нѣмецкія державы оставались нейтральными и обязывались въ случаѣ надобности съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое нейтральное положеніе.

Въ случаѣ нападенія на владѣнія Германскаго союза, Россія и ея два союзника отнеслись бы къ такому акту какъ къ нападенію на собственную территорію.

Еслибы война повела къ какимъ-либо измѣненіямъ въ statu quo Оттоманской имперіи, Россія обязывалась не вступать ни въ какое соглашеніе, не сговорившись предварительно съ своими союзниками.

Генералъ-адъютанту графу Орлову было поручено отвезти эти предложенія въ Вѣну. Баронъ Будбергъ долженъ былъ заявить ихъ въ Берлинѣ.

Цѣль ихъ была очевидна. Было ясно, что Австрія находилась подъ давленіемъ двойного страха. Въ Италіи ей угрожала Франція; на Востокѣ она опасалась послѣдствій событій, которыя могли ниспровергнуть турецкую имперію и поднять славянъ на ея границахъ. Мы старались успокоить ее. Относительно перваго изъ этихъ обстоятельствъ мы обѣщали ей нашу поддержку въ случаѣ нападенія на территорію Союза; кромѣ того, мы обѣщали воспользоваться нашимъ вліяніемъ въ Берлинѣ для того, чтобы добиться того, къ чему Австрія всегда стремилась и къ чему Пруссія была не совсѣмъ расположена, а именно, возобновленія трактата, въ силу котораго, въ 1851 г., послѣдняя обязывалась считать всякое посягательство противъ итальянскихъ владѣній Австріи направленнымъ противъ территоріи Союза. Что касается Востока, мы не могли принять на себя отвѣтственности за всѣ послѣдствія войны, ни за то, какимъ образомъ намъ придется ея воспользоваться, но мы обѣщали не входить ни въ какія сдѣлки, не сговорившись съ нашими союзниками, и добросовѣстнаго слова императора Николая было достаточно, чтобы гарантировать въ этомъ отношеніи интересы Австріи.

Эти предложенія должны были оставаться въ тайнѣ. Видимое порученіе графа Орлова заключалось въ томъ, чтобы объяснить, на какихъ основаніяхъ мы могли бы согласиться на улаженіе дѣла съ Портой. Они состояли въ слѣдующемъ:

- 1) Подтвержденіе прежнихъ договоровъ, начиная съ Кайнарджійскаго, относительно Придунайскихъ княжествъ и Сербіи.
- 2) Разъясненія въ особомъ актѣ относительно смысла и примѣненія прежнихъ и новѣйшихъ фирмановъ, касающихся религіозной свободы и неприкосновенности православной церкви. Къ нашимъ предложеніямъ былъ присоединенъ еще проектъ.

3) Очищеніе оттоманскихъ территорій, которыя могли быть заняты нами во время войны.

4) Возстановленіе въ княжествахъ порядка вещей, установленнаго трактатами.

5) Регулированіе права убѣжища, даруемаго политическимъ изгнанникамъ.

Въ то время, когда мы дѣлали эти предложенія, нами былъ полученъ отвѣтъ Ресхидъ-паши на предложенія державъ, подписавшихъ вѣнскій протоколъ 5 декабря. Мы не могли принять этого отвѣта.

Переговоры должны были происходить не прямо между нами и Портой, но въ присутствіи и подъ наблюденіемъ четырехъ державъ. Очищеніе княжествъ было поставлено первымъ условіемъ, вмѣсто того, чтобы составить послѣднюю статью. Согласно видамъ Порты, оно должно было предшествовать открытію переговоровъ, между тѣмъ какъ мы смотрѣли на него, какъ на ихъ естественное послѣдствіе, сообразно нашимъ торжественнымъ обѣщаніямъ. Сверхъ того, вмѣсто прямого сообщенія намъ султанскаго фирмана, устанавлиющаго свободу православнаго вѣроисповѣданія, находили достаточнымъ одно общее сообщеніе, обращенное ко всѣмъ державамъ, различныхъ фирмановъ, касающихся одинаково всѣхъ христіанскихъ общинъ. Такимъ образомъ, оказывалось, что мы не получали никакого удовлетворенія.

Наконецъ, подъ предлогомъ того, что трактатъ 1841 года долженъ былъ быть возобновленъ, чего совершенно было не нужно, желали его видоизмѣнить введеніемъ въ него прямой гарантіи въ цѣлости Оттоманской имперіи, отъ чего мы постоянно отказывались.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, насколько притязанія турокъ увеличились подъ вліяніемъ поощреній ихъ союзниковъ.

Эти попытки къ соглашенію съ той и съ другой стороны оставались, однако, въ зависимости отъ главныхъ вопросовъ, еще не получившихъ своего разрѣшенія, а именно:

1) Отъ отвѣта морскихъ державъ на наши послѣдніе запросы.

2) Отъ отвѣта берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ на наши предложенія.

Эти два вопроса были тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой, и какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ пріостановились всякимъ рѣшеніемъ на наши запросы, выжидая результатовъ миссіи гр. Орлова. Такимъ образомъ оба нѣмецкія правительства еще разъ становились въ возможность рѣшительнымъ образомъ повліять на ходъ событій въ пользу мира, такъ какъ морскія державы, и въ особенности Англія, вѣроятно отступили бы отъ

замышляемаго плана насилія и несправедливости, еслибы они нашли Германію въ твердой рѣшимости соблюдать строгій, но безпристрастный нейтралитетъ.

Къ несчастію, этого не случилось. Наши усилія не увѣнчались успѣхомъ ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Однако, въ положеніи, принятомъ обоими нашими союзниками, была чувствительная разница.

Хотя берлинскій кабинетъ отказался принять положительное обязательство нейтральности, но король заявилъ, что онъ никогда не позволитъ вовлечь себя въ войну съ Россіей и, не отступая отъ принциповъ протокола 5 декабря, истолковалъ свое участіе въ этомъ актѣ лишь какъ имѣвшее цѣлью направить на будущее время въ пользу мира дѣйствія морскихъ державъ.

Вѣнскій кабинетъ пошелъ гораздо дальше. Онъ не только отказался связать себя нейтральностью, но подъ вліяніемъ боязни вмѣшательства Франціи въ итальянскія дѣла и опасности, какою угрожало возстаніе славянъ въ Турціи его собственнымъ границамъ, онъ далъ намъ понять, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ императоръ Францъ-Іосифъ предоставлялъ намъ руководиться лишь интересами своей монархіи.

Въ то же время насъ увѣдомили объ отправленіи на нашу границу обсервационнаго корпуса.

Мы рассмотримъ, при особомъ обзорѣ положенія Австріи, мотивы принятыхъ ею рѣшеній. Что же касается до основаній соглашенія, предложенныхъ гр. Орловымъ, они были отвергнуты вѣнской конференціей. Австрійское правительство замѣнило ихъ проектомъ, на который императоръ Николай далъ свое согласіе на тотъ случай, еслибы онъ былъ принятъ морскими державами. Условія этого проекта были слѣдующія:

Миръ долженъ былъ быть заключенъ прямо между нами и Портой чрезъ посредство вѣнскаго кабинета и на основаніи предварительныхъ условій, которыя должны были быть сначала подписаны Портой, а затѣмъ сообщены намъ чрезвычайнымъ австрійскимъ посломъ отъ имени императора Франца-Іосифа и въ этомъ видѣ подписаны нами, а затѣмъ обращены въ окончательный мирный договоръ, имѣвшій быть заключеннымъ непосредственно между нами и Портой въ избранномъ нами мѣстѣ.

Предварительныя условія эти были: подтвержденіе прежнихъ трактатовъ; удовлетвореніе, данное Портою Россіи въ видѣ передачи султанскаго фирмана въ пользу православной церкви и обязательства честию исполнять его на будущее время; подтвержденіе обоихъ специальныхъ фирмановъ о Св. мѣстахъ; одновре-

менное очищеніе турецкихъ владѣній нашими войсками и западными эскадрами послѣ подписанія трактата.

Но этой послѣдней попыткѣ суждено было имѣть также мало успѣха, какъ и предъидущимъ. Нельзя удовлетворить державы, рѣшившіяся на разрывъ

Немедленно по полученіи извѣстія о неуспѣхѣ порученія гр. Орлова, обѣ морскія державы не колебались уже болѣе въ своихъ отвѣтахъ на наши запросы.

Отсюда слѣдовало, что, охраняя оттоманскую территорію и оттоманскій флагъ отъ всякаго посягательства съ нашей стороны, оба кабинета, лондонскій и парижскій, ограничились бы отклоненіемъ турокъ отъ всякихъ посягательствъ на нашу территорію и нашъ флагъ. На ихъ свободу передвиженія въ Черномъ морѣ не было наложено никакого стѣсненія, тогда какъ намъ было объявлено, что всякое русское судно, встрѣченное въ морѣ соединенными эскадрами, будетъ приглашаемо войти въ первый русскій портъ, а въ случаѣ отказа, будетъ вынуждено къ тому силой. Основаніе, приводившееся для объясненія этого пристрастнаго рѣшенія, заключалось въ томъ, что у турокъ весьма мало купеческихъ кораблей, и поэтому имъ приходится снабжать свои порты помощью военныхъ кораблей, а мы въ подобныхъ обстоятельствахъ не находимся.

На замѣчанія, представленныя нашими посланниками относительно намѣреннаго пристрастія въ пользу одной изъ воюющихъ сторонъ, оба кабинета ограничились отвѣтомъ, что Турцію нельзя считать наступающей стороною, потому что она слабѣе, и обязанность ихъ прежде всего заключалась въ томъ, чтобы блюсти за ея безопасностью, даже въ ущербъ строгой справедливости.

Это рѣшеніе вынуждало нашихъ представителей исполнить инструкцію, которая у нихъ имѣлась на особые случаи. Они согласились вручить одновременно въ Парижѣ и въ Лондонѣ тождественныя ноты, заявляющія о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, и тотчасъ же оставили свои посты. Представители Англіи и Франціи въ Петербургѣ немедленно получили свои паспорты.

Это еще не была война. Чѣмъ болѣе обѣ морскія державы старались свалить на насъ починъ и ответственность, тѣмъ болѣе мы стремились оставить за ними то, и другое.

Окончательному разрыву предшествовалъ одинъ изъ тѣхъ оборотовъ дѣла, которыми императоръ Наполеонъ умѣлъ дѣйствовать на общественное мнѣніе, прибѣгая къ искусной уловкѣ, оставившей за нимъ репутацію величайшей умѣренности, между тѣмъ,

какъ онъ подготовлялъ и вызывалъ войну. Онъ обратился къ императору Николаю съ собственноручнымъ письмомъ, имѣвшимъ видъ призыва къ примиренію и мудрости во имя мира и общихъ интересовъ Европы. Французское правительство поспѣшило обнародовать этотъ документъ, которому въ особенности предстояло повліять на общественное мнѣніе. Императорскій кабинетъ считалъ долгомъ послѣдовать этому примѣру, равнымъ образомъ предавши гласности отвѣтъ императора Николая ¹⁾.

Оба эти документа должны быть прочтены въ текстѣ, какъ весьма характеристичные для тогдашняго положенія.

Съ того времени была закрыта всякая возможность для мирнаго соглашенія; морскія державы сбросили, наконецъ, свои маски. Ихъ консулы получили предписаніе обратиться къ намъ съ рѣшительнымъ требованіемъ объ очищеніи княжествъ въ срокъ, назначенный Франціей на 15 апрѣля 1854 г., а Англіей на 31 того же мѣсяца. Намъ было дано шесть дней для отвѣта. Отказъ или умолчаніе считались равносильными объявленію войны.

На такое дерзкое требованіе молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ, какой мы могли дать.

Слѣдовательно, война была объявлена намъ 13 апрѣля 1854 г.

Этимъ заканчивается второй фазисъ восточнаго кризиса.

БАР. А. ЖОМИНИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. — Собственноручное письмо императора Наполеона къ императору Николаю.

Дворецъ Тюльери, 29 (17) января 1854 г.

Государь!

Возникшее между Вашимъ Величествомъ и Оттоманскою портою несогласіе дошло до такой степени важности, что считаю своимъ долгомъ объяснить прямо Вашему Величеству то участіе, какое Франція принимала въ этомъ вопросѣ, и тѣ способы, какіе я усматриваю, чтобы отстранить опасности угрожающія спокойствію Европы.

Нота, которую Ваше Величество приказали передать моему правительству, а равно и правительству королевы Викторіи, стремится установить, что система давленія, принятая съ самаго начала обѣими морскими державами, именно и обострила вопросъ. Этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, остался бы простымъ дипломатическимъ вопро-

¹⁾ Приводимъ въ подлинныхъ выраженіяхъ и въ переводѣ оба письма.

сомъ, еслибы занятіе княжествъ не перенесло его внезапно изъ области обсужденій на почву фактовъ.

Не смотря на вступленіе войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы, тѣмъ не менѣе, совѣтовали Портѣ не усматривать въ означенномъ занятіи начала войны, свидѣтельствуя этимъ о нашемъ крайнемъ желаніи примиренія. Согласившись съ Великобританіей, Австріей и Пруссіей, я предложилъ Вашему Величеству ноту, которая должна была удовлетворить всѣхъ. Ваше Величество ее приняло. Но едва была сообщена намъ эта добрая вѣсть, какъ посланникъ Вашего Величества своими объяснительными толкованіями уничтожилъ все ея примирительное значеніе; это не дозволило намъ настаивать и въ Константинополѣ на простомъ и безоговорочномъ принятіи ноты. Съ своей стороны, Порта предложила нѣкоторыя измѣненія къ проекту ноты, которыя представители всѣхъ четырехъ державъ въ Вѣнѣ находили возможнымъ принять. Эти измѣненія не встрѣтили одобренія Вашего Величества. Тогда Порта, униженная въ своемъ достоинствѣ, угрожаемая въ своей независимости, обремененная уже сдѣланными усиліями, чтобы противопоставить свою армію войскамъ Вашего Величества, предпочла объявленіе войны пребыванію въ состояніи неопредѣленности и униженія. Она обратилась къ нашей помощи; ея дѣло казалось намъ справедливымъ; великобританской и французской эскадрамъ дано было приказаніе бросить якорь въ Босфоръ.

Наше положеніе относительно Турціи имѣло характеръ покровительства, но пассивнаго. Мы ее не поощряли къ войнѣ. Мы не переставали доводить до свѣденія султана совѣты мира и умѣренности въ томъ убѣжденіи, что этимъ способомъ можно достигнуть соглашенія, и всѣ четыре державы условились вновь представить Вашему Величеству другія предложенія. Ваше Величество, съ своей стороны, обнаруживая спокойствіе, исходящее изъ сознанія своей силы, ограничились отраженіемъ на лѣвомъ берегу Дуная, а равно и въ Азіи нападеній турокъ и съ умѣренностью, достойной Главы Великаго Государства, объявили, что сохранили оборонительное положеніе. До той поры, я долженъ сознаться, мы оставались хотя и не безучастными, но простыми зрителями борьбы. Синопское дѣло внезапно заставило насъ принять болѣе опредѣленное положеніе. Франція и Великобританія не сочли нужнымъ отправить десантъныя войска на помощь Турціи. Честь ихъ знаменъ была не замѣшана въ столкновеніяхъ, происходившихъ на сушѣ. Но инымъ представлялось дѣло на морѣ. У входа въ Босфоръ находилось три тысячи орудій, присутствіе которыхъ достаточно ясно выражало Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволить нападенія на нее со стороны моря. Синопское сраженіе было для насъ столь же оскорбительнымъ, сколько и неожиданнымъ, такъ какъ не могло имѣть большой важности, желали турки или нѣтъ провести боевые снаряды на русскую территорію. На дѣлѣ оказалось, что русскіе корабли напали въ турецкихъ водахъ на турецкія суда, спокойно стоявшія на якорѣ; они уничтожили ихъ, не взирая на увѣренія не начинать наступательной войны,—не смотря на сосѣдство нашихъ эскадръ. Ударъ былъ нанесенъ не только нашей политикѣ: наша военная честь была затронута. Грохотъ синопскихъ пушекъ

тяжело отозвался въ сердцахъ всѣхъ, у которыхъ въ Англіи и во Франціи живо чувство національнаго достоинства.

Раздался общій голосъ: повсюду, куда могутъ достигнуть наши снаряды, союзники Франціи должны быть почитаемы. Тогда было отдано приказаніе нашимъ эскадрамъ войти въ Черное море и этимъ воспрепятствовать, хотя бы и силою, повторенію подобнаго событія. Это же, равнымъ образомъ, вызвало и совокупное извѣщеніе, посланное россійскому правительству о томъ, что если мы не допустимъ нападенія со стороны турокъ на побережье, принадлежащее Россіи, мы будемъ ограждать снабженіе припасами турецкихъ войскъ на ихъ собственной территоріи. Относительно же русскаго флота, не допуская для него плаванія по Черному морю, мы его ставили въ инныя условія, такъ какъ было весьма важно, на время войны, заручиться залогомъ, могущимъ быть равносильнымъ занятымъ частямъ турецкой территоріи и, имѣя такимъ образомъ предметъ обмѣна, облегчить заключеніе мира.

Вотъ въ чемъ заключается, Государь, истинная послѣдовательность и связь событій.

Ясно, что доведенныя до этой точки, они вскорѣ должны быстро привести, или къ окончательному соглашенію—или къ рѣшительному разрыву.

Ваше Величество дали столько доказательствъ своего попеченія относительно спокойствія Европы, такъ могущественно содѣйствовали своимъ благотворнымъ вліяніемъ къ порабощенію духа матажа, что я не могу усомниться въ рѣшеніи Вашего Величества относительно предстоящаго ему выбора. Если Вашему Величеству желательно столько же, сколько и мнѣ, мирнаго исхода, тогда всего проще объявить, что перемиріе будетъ сегодня же подписано, что вопросъ приметъ вновь дипломатическое теченіе, что всякія враждебныя дѣйствія будутъ прекращены и всѣ воюющія силы будутъ отозваны изъ тѣхъ мѣстъ, куда ихъ привели требованія войны.

Такимъ образомъ русскія войска покинутъ княжества, а наши эскадры—Черное море. Ваше Величество, предпочитая непосредственно договариваться съ Турціей, назначьте посла для веденія переговоровъ съ уполномоченнымъ султана о конвенціи, которая будетъ подвергнута конференціи четырехъ державъ. Если Ваше Величество приметъ это предложеніе, относительно котораго существуетъ полнѣйшее соглашеніе между королевою Великобританіи и мною, тогда спокойствіе будетъ восстановлено и весь міръ удовлетворенъ. На самомъ дѣлѣ въ этомъ предложеніи нѣтъ ничего, что было бы недостойнымъ Вашего Величества,—ничего, что могло бы затронуть его честь. Но если по побужденіямъ, трудно объяснимымъ, Ваше Величество отвѣтитъ отказомъ, тогда Франція, а съ нею и Великобританія вынуждены будутъ предоставить счастью оружія и удачѣ войны то, что въ настоящую минуту можетъ быть разрѣшено разумомъ и справедливостію.

Да не подумаетъ Ваше Величество, что мое сердце исполнено малѣйшей злобой. Оно не испытываетъ другихъ чувствъ, кромѣ тѣхъ, которыя Вашимъ Величествомъ самимъ выражены въ Его письмѣ отъ 17 декабря 1853 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Наши отношенія должны быть искренно дружескія, основываясь

на тождественныхъ намѣреніяхъ: охраненія порядка, любви къ миру, уваженія договоровъ и взаимнаго доброжелательства“. Такая программа достойна того Монарха, который ее начерталъ, и я не колеблюсь удостовѣрить, что я остался ей вѣрнымъ.

Прошу Ваше Величество вѣрить въ искренность моихъ чувствъ и съ этими чувствами остаюсь, Государь,

Вашего Величества
добрый другъ

НАПОЛЕОНЪ.

II. — Кабинетное письмо императора Николая къ императору Наполеону.

С.-Петербургъ, 28 января (9 февраля) 1854 г.

Государь!

Я не могу отвѣтить лучше Вашему Величеству какъ повтореніемъ мною же сказанныхъ словъ, которыми оканчивается Ваше письмо:

„Наши отношенія должны быть искренно дружескія, основываясь на тождественныхъ намѣреніяхъ: охраненія порядка, любви къ миру, уваженія договоровъ и взаимнаго доброжелательства“. Принимая эту программу въ томъ видѣ, какъ я ее начерталъ, Вы утверждаете, что остались ей вѣрнымъ. Смѣю думать, и моя совѣсть мнѣ это подсказываетъ, что я отъ нея не уклонился, такъ какъ въ вопросѣ, который насъ раздѣляетъ и возбужденіе котораго исходитъ не отъ меня, я всегда старался удержать доброжелательныя отношенія съ Франціей, я избѣгалъ съ величайшей заботой встрѣчи на этой почвѣ съ интересами того исповѣданія, которому слѣдуетъ Ваше Величество, сдѣлалъ для сохраненія мира всѣ уступки по сущности и внѣшней формѣ, какія только позволяли мнѣ честь, и требуя для моихъ единовѣрцевъ въ Турціи подтвержденія правъ и преимуществъ, ими пріобрѣтенныхъ съ давнихъ временъ, цѣною русской крови, я не требовалъ ничего иного, кромѣ того, что истекало изъ договоровъ. Если бы Порта была предоставлена самой себѣ, распря, тяготящая надъ Европою, давно уже была бы улажена. Роковое вліяніе вмѣшалось въ дѣло. Возбуждая безцѣльные подозрѣнія, воспламеняя фанатизмъ турокъ, введя въ заблужденіе ихъ правительство относительно моихъ намѣреній и настоящаго смысла моихъ требованій,—вліяніе это придало вопросу столь преувеличенные размѣры, что война должна была произойти изъ него.

Ваше Величество дозволить мнѣ не слишкомъ вдаваться въ подробности обстоятельствъ съ его личной точки зрѣнія, сдѣленіе которыхъ составляетъ предметъ его письма. Нѣкоторые изъ моихъ дѣйствій, не совсѣмъ вѣрно оцѣненные, по моему мнѣнію, а также и искаженіе нѣкоторыхъ фактовъ потребовали бы для ихъ восстановленія — въ томъ именно смыслѣ, какъ я ихъ понимаю,—слишкомъ обширныхъ толкованій, неумѣстныхъ въ перепискѣ между Монархами. Такимъ образомъ Ваше Величество приписываетъ занятію княжествъ вредное вліяніе, которое разомъ перенесло вопросъ изъ области пере-

говоровъ на почву фактовъ. Но Ваше Величество упускаетъ изъ виду, что означенное занятіе, совершенно временнаго еще свойства, было предупреждено и, въ значительной степени, вызвано предшествовавшимъ ему весьма важнымъ событіемъ: а именно, появленіемъ совокупнаго флота близъ Дарданеллъ;—не говоря уже о томъ, что въ то время, когда Великобританія колебалась принять относительно Россіи угрожающее положеніе, Ваше Величество, первый, отправили свой флотъ къ Саламину. Такая обидная демонстрація выражала, конечно, весьма мало довѣрія ко мнѣ. Она должна была поощрить турокъ и ослабить заранѣе успѣхъ переговоровъ, показывая имъ, что Великобританія и Франція готовы ихъ поддержать при какихъ бы ни было обстоятельствахъ. Ваше Величество приписываете объяснительнымъ толкованіямъ моего правительства на вѣнскую ноту невозможность, въ которую были поставлены Франція и Великобританія совѣтовать Портѣ принятіе ея. Но Ваше Величество вспомните, что наши толкованія не предшествовали, а послѣдовали за простымъ отклоненіемъ ноты, и я полагаю, что державы, при малѣйшемъ желаніи сохранить миръ, должны были сначала потребовать простого и безоговорочнаго принятія ея, а не позволять Портѣ нивѣять того, что нами было принято безъ измѣненія. Впрочемъ, если нѣкоторые пункты нашихъ толкованій могли подать поводъ къ затрудненіямъ, я въ Олимпіѣ предложилъ исходъ, показавшійся удовлетворительнымъ и Австріи, и Пруссіи. Къ несчастію, въ этотъ промежутокъ времени часть англо-французскаго флота уже вступила въ Дарданеллы подъ предлогомъ защиты жизни и имущества подданныхъ Великобританіи и Франціи и, чтобы имѣть возможность ввести весь флотъ въ проливъ, не нарушая договора 1841 года, понадобилось объявленіе Турціей войны. По моему мнѣнію, еслибы Франція и Великобританія желали мира въ равной степени со мной, онѣ должны были бы во что бы то ни стало воспрепятствовать объявленію войны; а если война уже была объявлена, поступить такимъ образомъ, чтобы ограничить ее тѣми тѣсными предѣлами, въ которыхъ я желалъ ее заключить на Дунай, для того, чтобы я не былъ насильственно вынужденъ покинуть чисто оборонительную систему, которой хотѣлъ держаться. Но съ той поры, какъ туркамъ было дозволено произвести нападеніе на нашу азіатскую территорію, завладѣвъ однимъ изъ нашихъ пограничныхъ постовъ (даже до истеченія срока, назначеннаго для начала неприязненныхъ дѣйствій), блокировать Ахалцыхъ и опустошить Арменію, съ той поры, какъ предоставили турецкому флоту свободу доставлять войска, оружіе и боевые снаряды на наше побережіе, возможно ли было разумно надѣяться, что мы будемъ терпѣливо выжидать успѣха подобной попытки? Не слѣдовало ли предположить, что нами будетъ сдѣлано все, чтобы ее предупредить? Отъ этого и произошло синопское дѣло: оно было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ принятаго обѣими державами положенія и это событіе уже никакимъ образомъ не могло для нихъ оказаться неожиданнымъ. Я объявилъ о своемъ намѣреніи сохранить оборонительное положеніе, но лишь до взрыва войны, пока моя честь и мои интересы мнѣ это будутъ позволять, пока война не выйдетъ изъ извѣстныхъ предѣловъ. Было ли сдѣлано все, что слѣдовало сдѣлать, чтобы не переступить этихъ предѣловъ? Если роль зрителя

или даже посредника не удовлетворяла Вашего Величества и Вы пожелали оказать вооруженную помощь моимъ врагамъ, въ такомъ случаѣ, Государь, было бы болѣе честнымъ и достойнымъ Вашего Величества откровенно мнѣ объ этомъ сообщить, объявивъ мнѣ войну. Тогда каждый изъ насъ позналъ бы свою роль. Но вмѣнять намъ въ преступленіе, послѣ совершенія событія, то, для отвращенія чего не было принято никакихъ мѣръ,—развѣ это добросовѣстный поступокъ? Если грохотъ синопскихъ пушекъ тяжело отозвался въ сердцахъ всѣхъ, у кого во Франціи и въ Англіи живо чувство національнаго достоинства, Ваше Величество полагаетъ ли, что угрожающее присутствіе у входа въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ Вы упоминаете, и шумъ, поднятый ихъ вступленіемъ въ Черное Море, будутъ событіями, которыя не отзовутся въ сердцахъ народа, честь котораго я обязанъ защищать? Я узнаю отъ Вашего Величества впервые (потому что въ словесныхъ заявленіяхъ, сдѣланныхъ мнѣ здѣсь, ничего объ этомъ не упомянуто), что, хотя покровительствовать снабженіе припасами турецкихъ войскъ на ихъ собственной территоріи, обѣ державы рѣшились не допускать насъ плавать по Черному морю,—т.-е., повидимому, лишить насъ права снабжать припасами наше собственное побережье. Я предоставляю Вашему Величеству разсудить, можно ли въ этомъ видѣть облегченіе къ заключенію мира и возможно ли мнѣ, въ данномъ случаѣ, обсуждать или даже только разсматривать сдѣланныя Вашимъ Величествомъ предложенія о перемиріи, о немедленномъ выводѣ войскъ изъ княжествъ и переговорахъ съ Портою о конвенціи, которая должна быть подвергнута конференціи четырехъ державъ. Вы сами, Государь, если бы оказались на моемъ мѣстѣ, допустили ли бы для себя подобное положеніе? Дозволило бы Вамъ это Ваше національное чувство? Я смѣло отвѣчаю: нѣтъ! Предоставьте же мнѣ въ свою очередь право мыслить, какъ и Вы сами. Чтобы Ваше Величество ни рѣшило, меня не увидать отступающимъ предъ угрозою! Я довѣряюсь Всевышнему и моему праву. Россія, ругаясь въ томъ, съумѣетъ выказать себя въ 1854 году, какою была въ 1812 году.

Впрочемъ, если Ваше Величество, менѣе равнодушно относясь къ моей чести, вернетесь искренно къ нашей программѣ, если протянете чистосердечно руку, какъ я самъ дѣлаю въ это послѣднее мгновеніе, я охотно забуду все, что прошлое могло имѣть оскорбительнаго для меня. Тогда, Государь, не только тогда, намъ можно будетъ приступить къ переговорамъ, и можетъ быть, достигнуть соглашенія. Пусть флотъ Вашего Величества ограничится воспрепятствовать туркамъ присылать новыя подкрѣпленія на театръ войны. Я охотно даю обѣщаніе, что имъ нечего будетъ опасаться моихъ попытокъ. Пусть они пришлютъ мнѣ довѣренное лицо для переговоровъ. Оно будетъ принято какъ должно. Мои условія извѣстны въ Вѣнѣ. Это единственная основа, на которой мнѣ дозволено обсуждать дѣло.

Прошу Ваше Величество вѣрить въ искренность чувствъ, съ которыми пребываю, Государь,

Вашего Величества
добрый другъ

НИКОЛАЙ.

ПРИНЦЪ ОТТО

Романъ Р. Л. Стивенсона.

Съ англійскаго.

Окончаніе.

XI *).

Графиня Розенъ въ роли провидѣнія.—Первое дѣйствіе: она дурачить барона.

Въ достаточно поздній часъ или, выражаясь точнѣе, въ три часа пополудни, графиня Розенъ пустилась въ свѣтъ. Она сошла по лѣстницѣ въ садъ, накинувъ на голову кружевную мантилью и безпечно волоча по пыли длинный шлейфъ своего чернаго бархатнаго платья.

На другомъ концѣ большого сада, соприкасаясь заднимъ фасадомъ съ виллою графини, стояло большое зданіе, гдѣ первый министръ занимался дѣломъ и бездѣльемъ. Это разстояніе (считавшееся по снисходительному митвальденскому кодексу достаточнымъ для сохраненія приличій) графиня быстро миновала, открыла небольшую дверь ключомъ, взбѣжала по лѣстницѣ и безцеремонно вошла въ кабинетъ Гондремарка. То была большая и очень высокая комната; вдоль стѣнъ красовались книги, на столѣ и на полу навалены были бумаги; тамъ и сямъ виднѣлась картина; большой огонь горѣлъ въ каминѣ, а дневной свѣтъ прохо-

*) См. выше: февраль, 771 стр.

диль сквозъ стеклянный куполъ. У камина сидѣлъ великій баронъ Гондремаръ безъ скюртука; онъ почти покончилъ съ дневными занятіями и собрался отдыхать. Выраженіе его лица, вся его природа какъ будто преобразились. Гондремаръ дома казался настоящею противоположностью Гондремару въ должности. У него былъ какой-то грубо добродушный видъ, который въ нему очень шелъ. Грубость и умъ выражались въ его лицѣ и вмѣстѣ съ своими манерами онъ отбросилъ и хитрое, зловѣщее выраженіе лица.

— Наконецъ-то!—закричалъ онъ, увидя графиню.

Графиня вошла въ комнату молча, бросилась въ кресло и закинула одну ногу на другую. Въ своихъ кружевахъ и бархатномъ платьѣ, черныхъ шелковыхъ чулкахъ и бѣлоснѣжныхъ юбкахъ, съ своимъ тонкимъ профилемъ и стройной, хотя и полной фигурой, она представляла странный контрастъ съ большимъ, чернымъ, умнымъ сатиромъ у камина.

— Какъ вы часто за мной присылаете!—закричала она. — Вы меня компрометируете.

Гондремаръ засмѣялся.

— Кстати,—сказалъ онъ,—гдѣ вы носитесь? васъ не было дома до самого утра.

— Я подавала милостыню,—отвѣчала она.

Баронъ снова засмѣялся, потому что дома и безъ скюртука онъ былъ весельчакъ.

— Счастье, что я не ревнивъ,—замѣтилъ онъ. — Но вы знаете мои правила: наслажденіе и свобода идутъ рука объ руку. Я вѣрю въ то, во что вѣрю; это немного, но я вѣрю. А теперь въ дѣлу. Вы прочитали мое письмо?

— Нѣтъ; у меня голова болѣла.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! ну, значить, я многое могу сообщить вамъ. Мнѣ страхъ какъ хотѣлось васъ видѣть вчера вечеромъ и сегодня утромъ: вчера днемъ я довелъ свое дѣло до конца; корабль введенъ въ гавань; еще одно послѣднее усиліе, и я перестану возиться съ принцессой Ратафіей. Да; дѣло сдѣлано. У меня въ рукахъ приказъ, собственноручно написанный Ратафіей; я держу его у сердца. Въ двѣнадцать часовъ ночи принцъ Вѣтренная голова будетъ захваченъ въ постелѣ и какъ ребенокъ посаженъ въ карету; а на утро будетъ любоваться прекраснѣйшимъ видомъ изъ оконъ крѣпости Фельзенбургъ. Прощай, Вѣтренная голова! Война будетъ объявлена, дѣвчонка будетъ въ моихъ рукахъ; до сихъ поръ я былъ необходимъ, а теперь стану господиномъ положенія. Я давно, давно несу эту интригу на сво-

ихъ плечахъ, точно Самсонъ ворота въ Газѣ. Теперь я сваяю это бремя съ своихъ плечъ.

Она вскочила съ кресла и поблѣднѣла.

— Неужели это правда?

— Я сообщаю вамъ фактъ. Дѣло сдѣлано.

— Я ни за что этому не повѣрю. Правда? Собственнооручный? Ни за что не повѣрю, Генрихъ.

— Божусь вамъ.

— О! что вамъ стоитъ побожиться! Да и чѣмъ вы станете божиться? виномъ, женщинами и пѣсней? Это нисколько не обзывается, — сказала графиня.

Она подошла къ Гондремарку и положила руку на его плечо.

— Что касается приказа... нѣтъ, Генрихъ, ни за что не повѣрю! скорѣй умру. У васъ какія-то тайныя дѣли... какія, не знаю... но я не повѣрю.

— Хотите, я вамъ покажу?

— Вы не можете. Приказа нѣтъ.

— Оома невѣрный! Хорошо, я васъ обрану и вы увидите приказъ.

Онъ подошелъ къ стулу, на который бросилъ сюртукъ, и вынулъ изъ кармана бумагу, подавъ ей.

— Читайте, — сказалъ онъ.

Она жадно схватила бумагу и глаза ея засверкали въ то время, какъ она ее читала.

— Вотъ какъ падаетъ династія! — сказалъ баронъ, — и я ее до этого довелъ, а мы съ вами ей наследуемъ!

Онъ точно выросъ и со смѣхомъ протянулъ руку:

— Отдайте мнѣ мою шпагу, — сказалъ онъ.

Но она быстро спрятала бумагу за спину, — и глядя ему въ глаза, сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ надо сперва сговориться съ вами на счетъ одного пункта. Неужели вы думаете, что я слѣпа? Такую бумагу она могла дать только одному человеку... любовнику. И такъ вы ее любовникъ, соучастникъ, господинъ... о! я, вонечно, этому вѣрю, потому что знаю вашу власть. Но кто же я, послѣ этого? Я, обманутая вами!

— Ревность! — закричалъ Гондремаркъ. — Анна, я бы никогда этому не повѣрилъ! Но ручаюсь вамъ всѣмъ, во что только можно вѣрить, что я не ее любовникъ. Быть можетъ, это могло бы быть; но я еще не рѣшился объясниться ей въ любви. Она такая капризная, настоящая кукла; то хочетъ, то не хочетъ; съ нею ничего не сообразишь, ей-Богу! И до сихъ поръ я достигалъ всего,

что хотѣлъ, и безъ этого, и держу любовника про запасъ. И знаешь что, Анна,—строго прибавилъ онъ,—ты должна бросить эти глупости, слышишь ли? Я держу эту дурочку въ увѣренности, что я ее обожаю; и еслибы она только догадалась про наши отношенія, то она такъ глупа и чопорна, что способна испортить все дѣло.

— Все это прекрасно, но съ кѣмъ вы проводите всѣ дни? и чему я должна вѣрить: вашимъ словамъ или вашимъ поступкамъ?

— Анна, это чортъ знаетъ, что такое, ты просто слѣпа! — закричалъ Гондремаркъ. — Ты знаешь меня. Ну похоже ли, чтобы я заинтересовался таковой жеманной дурой? Право тяжело, что мы такъ долго знаемъ другъ друга и ты все еще можешь считать меня трубадуромъ. Но если есть въ мірѣ, что я презираю и ненавижу, такъ это такихъ куколъ изъ берлинской шерсти. Дайте мнѣ живую женщину, я самъ живой человекъ. Ты мнѣ пара; ты создана для меня; ты меня занимаешь, какъ театральное представленіе. И затѣмъ бы я сталъ тебя обманывать? Если я тебя не люблю, то затѣмъ ты мнѣ нужна? Ни затѣмъ. Это ясно намъ Божій день.

— Любишь ли ты меня, Генрихъ? — спросила она нѣжно. — Дѣйствительно ли ты меня любишь?

— Говорю тебѣ, что люблю тебя больше всѣхъ, послѣ самого себя. Я бы голову потерялъ, еслибы лишился тебя.

— Если такъ, — сказала она, складывая бумагу и спокойно засовывая ее въ карманъ, — я тебѣ вѣрю и присоединяюсь къ заговору. Разсказывай же мнѣ. Въ полночь, говоримъ ты, его арестуютъ? Я вижу, что ты рѣшилъ поручить это Гордону. Это отлично; онъ всеѣмъ здѣсь чужой.

Гондремаркъ подозрительно слѣдилъ за ней.

— Къ чему ты взяла эту бумагу? — спросилъ онъ. — Отдай ее мнѣ.

— Нѣтъ, я оставлю ее у себя. Я должна устроить все это дѣло; ты не можешь обойтись безъ меня, и чтобы дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, я должна имѣть въ рукахъ эту бумагу. Гдѣ я найду Гордона? въ его комнатѣ?

Она говорила съ лихорадочнымъ самообладаніемъ.

— Анна, — кратко произнесъ Гондремаркъ, въ которомъ жалкое, сердитое придворное настроеніе смѣнилось веселое, добродушно домашнее. — Отдай мнѣ эту бумагу. Разъ, два, три.

— Генрихъ, — отвѣчала она, глядя ему прямо въ лицо: — берегись. Я не терплю приказаній.

Оба глядѣли такъ, что опасно было къ нимъ подступиться. И молчаніе длилось довольно долго. Наконецъ, она нашла нужнымъ его прервать и со смѣхомъ, звучавшимъ честно и правдиво, сказала:

— Не ребячься. Ты меня удивляешь. Если твои увѣренія не лживы, то у тебя нѣтъ причины не довѣрять мнѣ, а мнѣ нѣтъ резона измѣнить тебѣ. Труднѣе всего выманить принца изъ дворца безъ скандала. Слуги ему преданы; его камергеръ — рабъ и одного крика достаточно, чтобы все погибло.

— Ихъ можно захватить силою, — отвѣчалъ онъ, слѣдуя за ней на эту новую дорогу, и арестовать вмѣстѣ съ нимъ.

— И съ тѣмъ вмѣстѣ разрушить весь планъ! — закричала она. — Онъ не беретъ съ собой слугъ, когда ѣдетъ на охоту. Ребенокъ пойметъ въ чемъ дѣло. Нѣтъ, нѣтъ; такой планъ глупъ; его должно быть выдумала Ратафія. Но послушай меня. Ты знаешь, что принцъ за мной ухаживаетъ?

— Знаю. Бѣдная Вѣтренная голова, я ему во всемъ помѣха.

— Ну, такъ слушай, не лучше ли, если я выманю его изъ дворца въ какой-нибудь тихій уголокъ парка... напримѣръ, къ статуѣ Меркурія? Гордона можно поставить въ рошу; а карета будетъ ждать позади храма; ни крива, ни звука, ни шума шаговъ: принцъ исчезнетъ безслѣдно! Что ты на это скажешь? Развѣ я не хорошій союзникъ? Развѣ мои beaux yeux не могутъ пригодиться? Ахъ, Генрихъ, не бросай своей Анны! она тебѣ пригодится!

Онъ ударилъ открытой ладонью по камину.

— Колдунья! — сказалъ онъ: — во всей Европѣ не найдешь другую, такую хитрую, какъ ты. Пригодятся! само собой разумѣется, что теперь дѣло въ шляпѣ.

— Когда такъ, то подѣлуй меня и отпусти. Я должна захватить во-время Вѣтренную голову.

— Постой, постой, — сказалъ баронъ, — не торопись. Я бы желалъ, честное слово, тебѣ довѣриться. Но разъ ты убѣжишь отъ меня съ этой бумагой въ карманѣ, кто знаетъ, что ты предпримешь. Ни ты, ни я этого не знаемъ. Видишь ли, — отечески пригрозилъ онъ графинѣ, — ты лукава, какъ обезьяна.

— Божусь тебѣ, — закричала она, — спасеніемъ...

— Странная женщина! мнѣ нисколько не любопытно слушать твою божбу.

— Ты думаешь, что у меня нѣтъ религіи? Ты считаешь, что у меня нѣтъ и чести? Хорошо, слушай: я спорить съ тобой не буду, но сважу тебѣ разъ навсегда: оставь мнѣ этотъ при-

какъ, и принцъ будетъ арестованъ, возьми его отъ меня, и такъ же вѣрно, какъ я съ тобой говорю, я разстрою все дѣло. Довѣрься мнѣ или берегись меня: какъ хочешь.

И она протянула ему бумагу.

Баронъ въ большомъ смущеніи стоялъ въ нерѣшимости, взвѣшивая объ опасности. Онъ протянулъ-было руку, и опять отнялъ ее.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — если ты называешь это довѣріемъ...

— Будетъ, — перебила она его. — Не порти своего поступка. И такъ какъ ты повелъ себя какъ милый мальчикъ, то я теперь объясню тебѣ мои резоны. Я отправлюсь во дворецъ и все устрою съ Гордономъ; но какимъ образомъ я заставлю Гордона повиноваться? И опять могу ли я заранѣе назначить часъ? Можетъ быть, полночь, а можетъ быть, и гораздо позже; вѣдь все это дѣло случая; а чтобы дѣйствовать и чтобы у меня были развязаны руки, я должна держать въ рукахъ узелъ всего событія. А теперь я отправляюсь. Возведи меня въ санъ рыцаря.

И она протянула ему руки и любовно улыбнулась.

— Хорошо, — сказалъ онъ цѣлуя ее: — у каждого человѣка есть своя слабость. Благодарю Бога, что моя не такъ еще худа. Ну, брысь теперь. Я ребенку довѣрилъ бомбу.

XII.

Графиня Розенъ въ роли провидѣнія. — Второе дѣйствіе: она предупреждаетъ принца.

Первымъ дѣломъ графини Розенъ было вернуться на свою виллу и переодѣться. Какъ бы ни разыгралась эта исторія, но она твердо рѣшила побывать у принцессы. А передъ этой любимой ею женщиной она не хотѣла предстать въ невыгодномъ для себя свѣтѣ. Это было минутное дѣло. У графини былъ глазъ военачальника во всемъ, что касалось туалета. Она не походила на тѣхъ женщинъ, которыя съ безпомощностью Фабія Кунетатора не знаютъ, какое изъ своихъ платьевъ выбрать, и появляются въ свѣтъ, просидѣвъ цѣлые часы за туалетомъ разряженныхъ курамъ на смѣхъ. Одинъ взглядъ, одинъ распушенный лобокъ, искусный и красивый беспорядокъ въ волосахъ, кусочекъ кружева, желтая роза, приколотая къ груди, и картина готова.

— Такъ будетъ хорошо, — рѣшила она. — Прикажете моей каретѣ слѣдовать за мной во дворецъ. Черезъ полчаса она должна быть тамъ и дожидаться меня.

Ночь уже наступила и лавки освѣтились лампами вдоль усаженныхъ деревьями улицъ столицы Отто, когда графиня пустилась въ свое рискованное предпріятіе. Она была въ ликующемъ настроеніи духа; удовольствіе и интересъ сильнѣе отбѣняли ея красоту и она это знала.

Что она теперь сдѣлаетъ? Она завладѣла бумагой, отъ которой все зависить. Отто, Гондремаркъ и Ратафія, и само государство всѣ въ ея рукахъ; одинъ взмахъ ея руки, и все полетитъ къ чорту. Она преисполнилась сознаниемъ своего важнаго значенія и громко расхохоталась отъ удовольствія. Головокруженіе отъ всемогущества, болѣзнь Цезарей, помрачила ея умъ.

— О! безумный свѣтъ!—подумала она и громко, и радостно расхохоталась.

Ребенокъ, засунувъ палецъ въ ротъ, проходилъ мимо того мѣста, гдѣ она усѣлась на скамейкѣ, соображая, что ей предпринять, и вытаращилъ глаза на смѣющуюся даму. Она подозвала его, но ребенокъ заупрямился. Тогда съ той странной страстью, которую часто проявляютъ женщины въ самыхъ неожиданныхъ случаяхъ и по поводу чистѣйшихъ пустяковъ, графиня захотѣла непремѣнно переупрямить ребенка и, конечно, очень скоро ребенокъ уже сидѣлъ у нея на колѣняхъ и игралъ ея цѣпочкой и часами.

— Еслибы у тебя былъ медвѣдь и обезьяна, кого бы ты охотнѣе сломалъ?—спросила графиня.

— Да вѣдь у меня нѣтъ ни медвѣдя, ни обезьяны,—отвѣчаю дитя.

— Ну такъ вотъ, гляди, флоринтъ, на который ты можешь себѣ купить и медвѣдя, и обезьяну; я дамъ тебѣ его, если ты отвѣтишь на мой вопросъ. Скорѣ говори, котораго ты сломашь, медвѣдя или обезьяну?

Но дитя только таращило глазки на свѣтленькій флоринтъ; оракула никакъ нельзя было заставить высказаться, и графиня поцѣловала его, дала ему флоринтъ, спустила на дорожку и продолжала свой путь, весело и безмятежно.

— Котораго изъ нихъ я сломаяю?—вопрошала она себя, поправляя рукой небрежную прическу. —Котораго?—и она поглядѣла вопросительно на небо. —Люблю ли я ихъ обоихъ или никого не люблю? Немного... много... нисколько? Котораго изъ двухъ... обоихъ, должно быть; во всякомъ случаѣ терпѣть не могу Ратафія.

Тѣмъ временемъ какъ она прошла въ бронзовыя ворота, поднялась въ гору и вступила на широкую террасу, ночь уже спустилась; передній фасадъ дворца горѣлъ огнями и вдоль балю-

страды лампы тоже уже были зажжены. Последніе лучи зари видѣлись на западномъ краю неба, и она остановилась, слѣдя за тѣмъ, какъ они потухали.

— И подумать только,—говорила она самой себѣ:—что вотъ я тутъ стою... воплощенная судьба, рокъ, провидѣніе... и не имѣю понятія о томъ, на чью сторону я стану!

Окна покоевъ Отто въ числѣ прочихъ тоже были ярко освѣщены, и она поглядѣла на нихъ съ проснувшейся нѣжностью.

— Какъ долженъ чувствовать себя человѣкъ, которому измѣнили?—подумала она.—Бѣдный, бѣдный безумецъ! Дѣвчонка за-служиваетъ того, чтобы онъ увидѣлъ этотъ примазъ.

И безъ всякихъ дальнѣйшихъ промедленій вошла во дворецъ и велѣла просить аудіенціи у принца Отто.—Принцъ,—отвѣчали ей,—у себя въ покояхъ и желаетъ отдохнуть.—Она послала связать свое имя. Посланный вернулся и объявилъ, что принцъ очень извиняется, но никакъ не можетъ никого принять.

— Если такъ, я напишу,—сказала она и нацарапала нѣсколько строкъ, упоминая, что дѣло идетъ о жизни и о смерти! „Помогите мнѣ,—прибавила она,—кромѣ васъ, никто мнѣ помочь не можетъ“.

На этотъ разъ посланный вернулся быстрѣе и попросилъ графиню послѣдовать за собой: принцъ приметъ графиню фонъ-Розенъ.

Отто сидѣлъ у огня въ своей большой оружейной комнатѣ. Оружіе сверкало вокругъ него, отражая переливы свѣта. Лицо его было обезображено слѣдами пролитыхъ слезъ. Онъ глядѣлъ печально и угрюмо и даже не всталъ на встрѣчу гостей, но только поклонился и рукой отослалъ человѣка. Та неопредѣленная чувствительность, служившая графинѣ за разъ и вмѣсто сердца, и вмѣсто совѣсти, сильно разыгралась при видѣ такого горя и такой безпомощности. Она немедленно вошла въ свою роль. Какъ только они остались одни, она подошла къ принцу и съ театральнымъ жестомъ воскликнула:

— Проснитесь!

— Графиня,—мрачно отвѣтилъ Отто,—вы пустили въ ходъ сильные слова. Вы толкуете про жизнь и про смерть. Скажите мнѣ, кому грозить опасность? Кто здѣсь,—прибавилъ онъ горько,—такъ безпомощенъ, что даже Отто фонъ-Грюневальдъ можетъ помочь ему?

— Прежде всего,—сказала она,—узнайте имена заговорщиковъ: принцесса и баронъ фонъ-Гондремаръ. Развѣ вы не можете угадать остального?

И такъ какъ онъ продолжалъ молчать, то она закричала, указывая на него пальцемъ.

— Вамъ! Вамъ грезить опасность! Вамъ врагъ и мой стагнулись и задумали погубить васъ. Но они забыли про васъ и про меня. Мы образуемъ *partie saignée*, принцъ, въ любви и въ политикѣ. Они ходятъ съ туза, но мы повернемъ его козыремъ. Ну-съ, партнеръ, прикажите ходить?

— Графиня, а васъ не понимаю, объяснитесь.

— Вотъ, глядите.

И она протянула ему бумагу.

Онъ взялъ ее, поглядѣлъ и вздрогнулъ, затѣмъ, ни слова не говоря, закрылъ лицо рукой. Она тщетно ждала отъ него слова.

— Какъ? — вскричала она:—вы принимаете это такъ мало-душно? Съ такимъ же успѣхомъ можно искать вина въ кружкѣ молока, какъ любви въ сердцѣ этой женщины! Бросьте все это и будьте мужчиной! Послѣ заговора львовъ, составилъ заговоръ мышей и разстроилъ всѣ ихъ козни. Вы были очень воодушевлены прошлой ночью, когда ничто не угрожало вамъ и все улыбалось. Сегодня дѣло серьезное; сегодня стоитъ постоять за себя.

Онъ поспѣшно всталъ съ мѣста и лицо его, слегка раскраснѣвшееся, выражало рѣшимость.

— Графиня фонъ-Розенъ,—сказалъ онъ,—я понимаю положеніе, въ какомъ нахожусь, и признателенъ вамъ; вы продолжаете дѣйствовать, какъ истинный другъ, но я вижу, что долженъ обмануть ваши ожиданія. Вы, повидимому, ждете, что я буду сопротивляться; но затѣмъ бы я сталъ сопротивляться? Я немного этимъ выиграю и теперь, когда я прочиталъ эту бумагу, и послѣднія мечты мои, мечты безумца, разсѣялись, мнѣ нечего больше терять. У меня нѣтъ партій, нѣтъ политики, нѣтъ гордости, да и нечѣмъ было бы гордиться. Ради какихъ принциповъ или ради чьей пользы сталъ бы я вести борьбу? Неужели вы хотите, чтобы я кусался и царапался, какъ пойманная бѣлка? Нѣтъ, графиня; объявите тѣмъ, кто прислалъ васъ, что я готовъ слѣдовать въ крѣпость. По крайней мѣрѣ, этимъ предотвратится скандалъ.

— Вы дадите себя посадить въ крѣпость? по собственной охотѣ?—вскричала она.

— Не могу сказать, что по собственной охотѣ, но по крайней мѣрѣ безъ сопротивленія. Я давно желаю какой-нибудь перемѣны. Ну вотъ я и воспользуюсь той, какая мнѣ представляется. Неужели же отказываться? Слава Богу, у меня есть настолько юмора, чтобы не дѣлать трагедіи изъ фарса.

Онъ бросилъ приказъ на столъ.

— Объясните, что я готовъ, — высокомерно прибавилъ онъ.

— Ахъ! — сказала она, — вы сильнѣе разгнѣваны, чѣмъ хотите совнаться.

— Я, графиня! разгнѣванъ? — закричалъ онъ. — Вы бредите. У меня нѣтъ причины гнѣваться. Мнѣ на всѣ лады доказали мою слабость, неустойчивость и непригодность для дѣла. Я неумысленный правитель, сомнительный джентльменъ; и вы сами, при всей своей снисходительности, два раза упрекали меня въ малодушии. И я буду гнѣваться? Я могу сознавать, что со мной поступаютъ немилостиво, но настолько добросовѣстно, чтобы видѣть причины этого *coup d'état*.

— Кто наставлялъ вамъ все это? — съ удивленіемъ закричала она. — Вы думаете, что вы вели себя не такъ какъ слѣдуетъ? Ваша свѣтлость, еслибы вы не были такъ молоды и такъ красивы, я бы ненавидѣла васъ за вашу добродѣтель. Вы доводите ее до такихъ предѣловъ, что она чуть не переходитъ въ общее мѣсто. И эта неблагодарность...

— Поймите меня, графиня, — перебилъ принцъ, покраснѣвъ еще сильнѣе: — никакой рѣчи о благодарности или о гордости не можетъ быть. Вы пришли сюда, побуждаемая одной только добротой, въ чемъ я не сомнѣваюсь, и вѣнчаетесь въ такіе дѣла, которыя касаются только меня и моей фамиліи. Вы не имѣете понятія о томъ, что моя жена, а ваша государыня, могла выстрадать; не вамъ, и даже не мнѣ судить объ этомъ. Я принимаю всю вину на себя; и еслибы это было иначе, то былъ бы дѣйствительно пустой хвастунъ, еслибы толковалъ о любви и затѣмъ отрекался бы отъ предмета своей любви при первомъ ничтожномъ униженіи. Во всѣхъ прописяхъ вы найдете, что человѣкъ долженъ умереть за ту, которую любить. Такъ почему бы человѣку не пойти въ тюрьму?

— Любовь! что общаго между любовью и тюрьмой? — взывала графиня къ потолку и къ стѣнамъ. — Небо свидѣтель, что я такъ почитаю любовь, какъ только можно; моя жизнь можетъ это доказать; но я допускаю только взаимную любовь. Всякая другая — чистый призракъ.

— Я болѣе абсолютно отношусь къ любви, графиня, хотя, конечно, сердце у меня не такое гнѣзное, какъ у женщины, которая выказала мнѣ столько доброты. Но все это не идетъ къ дѣлу. Мы здѣсь собрались не затѣмъ, чтобы устроить турниръ трубадуровъ.

— Позвольте, вы забываете одну вещь. Если она способна,

стакнувшись съ Гондремаркомъ, лишитъ васъ свободы, она способна также лишитъ васъ и чести.

— Чести? — повторилъ онъ. — Мнѣ удивительно слышать это изъ устъ женщины. Женщины не такъ разсуждаютъ. Если я не съумѣю заслужить ея любовь или заставить ее слушаться меня какъ мужа, какія я могу предъявлять права? Я ей сталъ постороннимъ человѣкомъ. Если моя жена меня больше не любитъ, то я долженъ идти въ тюрьму, такъ какъ она этого хочетъ. Если она любитъ другого, то туда мнѣ и дорога. Но знаете, графиня, что я не потерплю, чтобы кто-либо, мужчина или женщина, дурно говорили о моей женѣ, — прибавилъ онъ съ раздраженіемъ. — Она невиновата.

— За то, что не любитъ васъ! — вскричала графиня. — Но развѣ вы не видите, что она не способна любить!

— Скорѣе я неспособенъ внушать любовь.

Графиня громко расхохоталась.

— Безумецъ! да я первая влюблена въ васъ.

— Ахъ, графиня, вы очень сострадательны. Но все это пустые споры. Я знаю, на что рѣшился. Быть можетъ, говоря откровенно, я пользуюсь только удобнымъ случаемъ. Я вѣдь не лишенъ любви къ привлеченіямъ. Я попалъ въ ложное положеніе, такъ говорить по крайней мѣрѣ общественное мнѣніе. Не мѣшайте мнѣ изъ него выйти!

— Если вы рѣшились, то, конечно, я не стану разубѣждать васъ. Я сознаю даже, что мнѣ это выгодно. Ступайте; вы унесете съ собой мое сердце; во всякомъ случаѣ гораздо болѣе значительную часть его, нежели мнѣ было бы это желательно. Я не буду спать по ночамъ, думая про ваше несчастье. Но не бойтесь, я не стану вамъ льстить: вы безумецъ, но герой!

— Увы, графиня, а ваши несчастныя деньги! Я дурно сдѣлалъ, что взялъ ихъ, но вы были такъ краснорѣчивы. И благодаря Бога, я могу предложить вамъ нѣчто взаимнѣ.

Онъ взялъ какія-то бумаги съ камина.

— Вотъ, графиня, документъ о покупкѣ. Ферма мнѣ не нужна тамъ, куда я отправляюсь, и у меня нѣтъ теперь надежды инымъ способомъ вознаградить васъ за вашу доброту. Вы дали мнѣ деньги взаймы безъ всякихъ формальностей, повинуюсь своему доброму сердцу. Роли наши перемѣнились! солнце грюневальдскаго принца готово закатиться, и я знаю, что вы будете такъ добры, что и теперь откинете всякія формальности и примете то единственное, что я могу вамъ дать. Если мнѣ что будетъ служить утѣшеніемъ въ послѣдующее время, такъ это то, что мой

знакомый крестьянинъ спасенъ отъ нищеты, а мой великодушный другъ не потерялъ своихъ денегъ.

— Неужели вы не видите, въ какомъ я гнусномъ положеніи? — вскричала графиня. — Дорогой принцъ, на вашемъ паденіи я основываю свое благосостояніе!

— Я знаю, что вы будете отказываться. Но это не измѣнить моего рѣшенія. И на этотъ разъ, и въ послѣдній я приказываю вамъ, какъ вашъ государь, повиноваться мнѣ!

И жестомъ, исполненнымъ достоинства, принцъ заставилъ графиню взять бумагу.

— Она мнѣ жжетъ руки, — сказала графиня.

Послѣ того наступило непродолжительное молчаніе.

— Въ которомъ часу (если только вамъ это извѣстно) я буду арестованъ? — спросилъ наконецъ принцъ.

— Ваша свѣтлость, когда вамъ угодно! — воскликнула графиня. — Если вы пожелаете разорвать эту бумагу, то никогда.

— Напротивъ, я бы желалъ, чтобы поторопились. Мнѣ надо только успѣть написать прощальное письмо принцессѣ.

— Хорошо, — сказала графиня. — Я совѣтовала вамъ сопротивляться, но если вы рѣшили противное, то мнѣ приходится похлопотать о вашемъ арестѣ. Я взяла на себя... — она запнулась, — устроить это дѣло, но клянусь Богомъ, мой дорогой другъ, только потому, что рассчитывала оказать вамъ услугу. Но такъ какъ вы не хотите принять ее, то окажите услугу мнѣ и, какъ только вы будете готовы, ступайте къ статуѣ Меркурія, гдѣ мы видѣлись прошлою ночью. Для васъ отъ этого хуже не будетъ; а говоря откровенно, намъ всѣмъ будетъ лучше.

— Милая графиня, разумѣется. Я готовъ перенести главную неприятность и, конечно, не стану спорить о подробностяхъ. Идите и будьте увѣрены, что я вамъ отъ души благодаренъ. Когда я напишу письмо, то отправлюсь къ назначенному мѣсту. Сегодня ночью я тамъ не встрѣчу такого опаснаго кавалера, какъ вчера, — прибавилъ онъ, улыбаясь съ утонченной любезностью.

Какъ только графиня ушла, онъ призвалъ къ себѣ на помощь все свое хладнокровіе. Онъ долженъ былъ выйти съ честью изъ очень затруднительнаго положенія. Относительно главнаго пункта, онъ ни минуты не колебался. Разговоръ съ Готгольдомъ до такой степени разстроилъ его; онъ почувствовалъ себя такъ глубоко униженнымъ, что встрѣтить вѣсть объ арестѣ, можно сказать, съ радостью. Вотъ наконецъ такой шагъ, который ему казался безупречнымъ: вотъ случай выйти изъ всѣхъ затрудненій. Онъ сѣлъ писать къ Серафинѣ и гнѣвъ въ немъ возгорѣлся. Его собствен-

ная снисходительность представилась ему чѣмъ-то чудовищнымъ, а ея эгоизмъ и жестокость еще чудовищнѣе. Перо дрожало въ его рукѣ. Онъ былъ изумленъ, почувствовать, что его покорность растаяла, но не могъ вернуть ее себѣ. Въ нѣсколькихъ горячихъ словахъ онъ простился съ ней, окрестивъ свое отчаяніе названіемъ любви, а свое раздраженіе — прощеніемъ. Въ послѣдній разъ оглядѣлъ покой, куда ему не суждено было возвращаться, и поспѣшилъ уйти... плѣнникомъ любви... или гордости.

Онъ прошелъ черезъ заднюю дверь, въ которую часто ходилъ, при менѣе серьезныхъ обстоятельствахъ. Привратникъ отворилъ ему дверь, и свѣжій, ночной воздухъ и звѣзды встрѣтили его на порогѣ. Онъ оглядѣлся кругомъ и вдохнулъ полной грудью ночной воздухъ, поглядѣлъ на громадный шатеръ неба и успокоился. Его пустое мелкое существованіе приняло свои настоящіе размѣры; собственное горе показалось ему ничтожнымъ передъ обширнымъ лономъ природы. Онъ почувствовалъ, что горестъ его улеглась; свѣжій воздухъ, ночная тишина съ ея безмолвной музыкой успокоили его духъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—я прощаю ей. Если это можетъ быть ей полезно, то я прощаю.

И быстрыми шагами прошелъ по саду, вышелъ въ паркъ и по слабо освѣщенной звѣздами аллеѣ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Меркурій. Темная фигура двинулась къ нему на встрѣчу.

— Прошу прощенія, государь,—произнесъ чей-то голосъ,—но если я не ошибаюсь, и это вы, принцъ, то мнѣ дали понять, что вы готовы за мной послѣдовать.

— Г. Гордонъ?—спросилъ Отто.

— Да, полковникъ Гордонъ,—отвѣчалъ офицеръ.—На меня возложено очень тяжелое порученіе и мнѣ очень пріятно, если все обойдется безъ хлопотъ. Карета тутъ по близости; позвольте мнѣ проводить васъ, ваша свѣтлость?

— Полковникъ,—отвѣчалъ принцъ,—я дожился до самаго счастливаго дня въ моей жизни, когда я долженъ уже не приказывать, а повиноваться.

— Весьма философское замѣчаніе,—замѣтилъ полковникъ.—Честное слово! удивительно глубокое замѣчаніе! достойно было бы Плутарха! Я принялъ на себя весьма непріятную обязанность, но ваша свѣтлость значительно облегчаете мое положеніе. Вѣдь тюремщикъ въ сущности не что иное, какъ таковой же узникъ.

— Могу я спросить васъ, полковникъ Гордонъ, что заставило васъ принять на себя такое опасное и неблагодарное дѣло?

— Конечно, конечно, — отвѣчалъ офицеръ-проходимецъ. — Мнѣ удвоили за это жалованье.

— Ну-съ, полковникъ, я, конечно, не возьму на себя критику вашихъ дѣйствій. Но вотъ я вижу карету.

И дѣйствительно, на перекресткѣ двухъ аллей парка стояла карета, запряженная четверней и съ зажженными фонарями. Немного поодаль, въ тѣни деревьевъ, держался небольшой отрядъ улановъ.

ХІІІ.

Графиня Розенъ въ роли провидѣнія.—Дѣйствіе третье: она про-
свѣщаетъ принцессу.

Когда графиня Розенъ оставила принца, она прямо отправилась къ полковнику Гордону и, не удовольствовавшись сообщенными ему инструкціями, лично послѣдовала за авантюристомъ-офицеромъ къ статуѣ Меркурія. Полковникъ предложилъ ей руку, и оба заговорщика принялись весело болтать. Графиня была въ какомъ-то вихрѣ удовольствія и возбужденія; языкъ ея трещалъ безъ умолку, улыбка не сходила съ устъ, глаза сверкали, а щеки, обыкновенно блѣдныя, разгорѣлись и это къ ней очень шло. Немного стоило привести Гордона къ ея ногамъ, — такъ по крайней мѣрѣ она думала, не считая эту побѣду достойной себя.

Спрятанная въ большихъ сиреневыхъ кустахъ, она наслаждалась необыкновеннымъ декорумомъ ареста и слышала разговоръ мужчинъ, замершій вдали по дорогѣ. Вскорѣ затѣмъ среди ночной тишины послышался стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ и замеръ вдали. Принцъ уѣхалъ.

Графиня Розенъ поглядѣла на часы. Она успѣетъ, думалось ей, окончить свое предпріятіе еще сегодня вечеромъ. И послѣшивъ назадъ во дворецъ, подстрекаемая опасеніемъ, какъ бы ее не опередилъ Гондремаркъ, она велѣла доложить о своемъ приходѣ принцессѣ и передать, что она проситъ принять ее. Еслибы она просила этого только отъ себя лично, ей бы навѣрное отказали, но она выдала себя за агента барона, какъ ей угодно было выразиться, и была немедленно принята.

Принцесса сидѣла одна за столомъ и дѣлала видъ, что обѣдаетъ. Лицо у ней было въ пятнахъ, а глаза опухшіе. Она не спала и не ѣла; даже одѣта была небрежно. Короче сказать, она была нездорова, некрасива, не въ духѣ и чувствовала угрызения совѣсти. Графиня провела параллель между нею и собой, и засіяла пуще прежняго.

— Вы пришли, графиня de la part de monsieur le baron, — промямлила принцесса. — Садитесь, пожалуйста. Что скажете?

— Что скажу? — повторила графиня. — О! многое, много скажу такого, чего лучше бы хотѣла не говорить, и многого не скажу, чего бы хотѣлось высказать. Потому что я подобна св. Павлу, ваша свѣтлость, и всегда желаю дѣлать то, чтó не слѣдуетъ. Хорошо! Говора категорически — такъ кажется это называется? — я показала принцу вашъ приказъ. Онъ не повѣрилъ глазамъ своимъ. Ах! — вскричалъ онъ, — милая графиня Розенъ, это невозможно, этого быть не можетъ... я долженъ услышать это отъ нея самой. Моя жена — добрая дѣвочка, но бѣдняжка поддавалась дурному вліянію, она только глуха, но не зла. Mon prince, — отвѣчала я, — она молода и слѣдовательно жестока. Молодежь бьетъ мухъ. Онъ никакъ не могъ понять, чтó я говорю.

— Графиня, — сказала принцесса самымъ твердымъ тономъ, но вспыхнувъ отъ гнѣва: — кто прислалъ васъ сюда и съ какою цѣлью? Сообщите ваше порученіе. До сихъ поръ вы только испытывали мое терпѣніе.

— О, принцесса, я думаю, что вы очень хорошо меня поняли. У меня нѣтъ вашей философіи. У меня, чтó на умѣ, то и на языкѣ.

— Должна ли я понять, что принцъ арестованъ? — спросила принцесса, вставая.

— Въ то самое время, какъ вы здѣсь сидѣли и обѣдали! — закричала графиня, небрежно развалилась на стулѣ.

— Вы исполнили свое порученіе; я васъ больше не задерживаю.

— О! нѣтъ! съ вашего позволенія, я еще не кончила. Я слишкомъ много вытерпѣла сегодня вечеромъ по вашей милости. Я изъ-за васъ страдала. Меня заставили страдать на вашей службѣ.

Она развернула, говоря это, вѣеръ. Хотя пульсъ ея сильно бился, но вѣеръ медленно двигался въ рукѣ. Волненіе ея выдавали сверкающіе глаза и разгорѣвшееся лицо, торжествующая красота и побѣдоносный взглядъ, которымъ она глядѣла на свою соперницу.

— Вы не мнѣ служите, графиня, — отвѣчала Серафина.

— Нѣтъ, принцесса, конечно. Но мы обѣ служимъ одному и тому же лицу, какъ вамъ извѣстно, а если не извѣстно, то имѣю честь извѣстить васъ объ этомъ. Ваше поведеніе такъ легкомысленно, такъ легкомысленно, — повторила она, махая вѣеромъ, точно бабочка крыльями, — что, быть можетъ, вы въ самомъ дѣлѣ

не понимаете. — Графиня свернула вѣеръ, положила его на колѣни и приняла менѣе небрежную позу.

— Право, — продолжала она, — мнѣ жалъ видѣть молодую женщину въ вашемъ положеніи. Вы вступили въ жизнь со всѣми преимуществами рожденія, приличнаго замужества... и собой вы хорошенькая... а посмотрите, до чего вы довели себя! Моя бѣдная принцесса, подумать странно! Но ничто такъ не вредитъ человѣку, какъ вѣтренность, — тонко прибавила графиня.

И раскрывъ вѣеръ, начала самодовольно имъ обмахиваться.

— Я не позволю вамъ долѣе забываться, — вскричала Серафина, — что съ вами такое? Вы, кажется, съ ума сошли.

— Нисколько. Я настолько въ здоровомъ умѣ, чтобы понимать, что сегодня вечеромъ вы ничего не посмѣете со мной сдѣлать, и пользуюсь этимъ обстоятельствомъ. Я оставила моего Prince Charmant въ ту минуту, какъ онъ до-красна наплакалъ себѣ глаза изъ-за деревянной куклы. У меня сердце мягкое. Я люблю моего прекраснаго принца; вы этого никогда не поймете, но мнѣ страстно хочется дать ему его куклу, осушить его бѣдные глаза и сдѣлать его счастливымъ. О! вы бездушная женщина! — вскричала графиня, вскакивая со стула и указывая вѣеромъ, который начиналъ дрожать въ ея рукѣ, на принцессу. — Деревянная кукла! есть у васъ сердце или кровь, или хоть капля души? Вотъ человѣкъ, и онъ любитъ васъ. О! это дважды въ жизни не дается! это вовсе не такая обыкновенная вещь! Красивыя и умныя женщины тщетно жаждутъ любви! А вы, вы глупая дѣвочка, топчете ногами такое сокровище, вы, одурѣвшая отъ тщеславія женщина! Прежде, нежели браться за управленіе государствомъ, вы бы лучше поучились тому, какъ вести себя въ семьѣ. Семья — это царство женщины!

Она остановилась и засмѣялась. Она дѣйствительно казалась не вполне нормальной.

— Я выскажу вамъ одну вещь, которую лучше было бы не говорить. Графиня Розенъ, какъ женщина, добрее и лучше васъ, принцесса, хотя вы этого никогда не поймете. Когда я показала принцу вашъ приказъ и взглянула ему въ лицо... о! мое сердце было тронуту и... я буду откровенна... мнѣ очень хотѣлось утѣшить его. Но онъ не захотѣлъ. „Если ей можно доставить удовольствіе, чтобы я надѣлъ вѣнецъ мученика, то дайте мнѣ сюда терновый вѣнокъ“, сказалъ онъ. — Говорю вамъ... Я никогда съ вами откровенна... я отдала ему въ руки вашъ приказъ и просила его сопротивляться. Вы, преданная своего мужа, можете и меня предать Гондремарку; мой принцъ никого не предастъ. Пой-

мите же, хорошенько поймите, что вы спокойно сидите здѣсь чисто по его снисходительности. У него была полная возможность... я дала ему ее... измѣнить роли. И онъ отказался, онъ вмѣсто васъ отправился въ тюрьму.

Принцесса заговорила не безъ смущенія:

— Ваша рѣзкость оскорбляетъ и огорчаетъ меня, но я не могу сердиться на то, что, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ честь непонятной добротѣ вашего сердца, и вы хорошо сдѣлали, что сказали мнѣ это. Я готова вамъ въ этомъ сознаться. Я съ величайшимъ сожалѣніемъ согласилась на эту мѣру. Я допускаю, что принцъ во многихъ отношеніяхъ... очень любезный человѣкъ. Наше горе... и, быть можетъ, отчасти и моя вина, что мы такъ мало подходили другъ къ другу... но я уважаю, искренно уважаю всё его хорошія качества. Какъ частное лицо, я бы такъ же думала, какъ и вы. Трудно, я знаю, найти извиненія для государственныхъ соображеній. Лишь съ крайней неохотой повиновалась я высшему долгу, и какъ скоро безопасность государства это дозволить, общаю вамъ, что принцъ будетъ выпущенъ на свободу. Многія на моемъ мѣстѣ разсердились бы на ваши дерзости. Я не...—и она почти жалобно взглянула на графиню...—я не такая бездушная, какъ вы думаете.

— И можете ставить какія-то государственныхъ затрудненія выше любви?

— Графиня! эти затрудненія—вопросъ жизни и смерти для многихъ и въ томъ числѣ для васъ самихъ,—отвѣчала принцесса съ достоинствомъ.—Я, графиня, хотя все еще молода, но научилась въ трудной школѣ, что мои чувства должны идти позади всего.

— О святая невинность!—вскричала графиня.—Возможно ли, что вы не знаете, что вы не подозреваете объ интригѣ, въ которой вы замѣшаны? Мнѣ, наконецъ, васъ становится жалко! Въ сущности, вѣдь мы объ женщины, моя бѣдная, бѣдная принцесса! а каждая женщина рождается глупой. И хотя я ненавижу всѣхъ женщинъ, но за нашу общую глупость прощаю васъ. Ваша свѣтлость, я сейчасъ глубоко оскорблю васъ и предамъ человѣка, котораго называютъ моимъ любовникомъ, и если вы захотите воспользоваться своею властью, то можете погубить и меня. О, вотъ гдѣ начинается чистѣйшая французская комедія! Вы предаете, я предаю, они предають. Вотъ вамъ письмо, принцесса. Вы видите, печать цѣла, и я нашла его сегодня утромъ около своей постели. Ради васъ самихъ, ради моего Prince Charmant, ради этого вѣнчества, дѣла котораго такъ тревожатъ вашу совѣсть, распечатайте его и прочитайте!

— Должна ли я понять, что это письмо касается меня?

— Прочтите и испытайте.

— Я не могу прочесть раньше васъ; быть можетъ, тутъ говорится о частныхъ дѣлахъ, которые до меня не касаются.

Графиня разорвала конвертъ, пробѣжала письмо и подала его принцессѣ. Серафина узнала почеркъ Гондремарка и съ глубокимъ потрясеніемъ прочитала слѣдующее:

„Дорогая Анна, приходи немедленно. Ратафія, наконецъ, согласилась уплатить мужа въ тюрьму. Такимъ образомъ, дуря будетъ въ моихъ рукахъ. *Le tour est joué*. Она будетъ теперь плясать по моей дудкѣ, или же я ей задамъ. Приходи. Генрихъ“.

— Принцесса, успокойтесь, — сказала графиня, наблюдавшая съ тревогой за побѣлѣвшимъ лицомъ Серафины. — Вы напрасно стали бы бороться съ Гондремаркомъ, у него больше ресурсовъ, нежели одна милость двора, и онъ завтра же погубилъ бы васъ однимъ словомъ. Въ противномъ случаѣ, я бы не предала его вамъ. Но Генрихъ — мужчина и играетъ вами, какъ марионеткой. И теперь, по крайней мѣрѣ, вы знаете, кому принесли въ жертву моего принца. Принцесса, выпейте вина! простите, я была слишкомъ жестока!

— Нѣтъ, графиня, не жестоки, но полезны, — отвѣчала Серафина съ блѣдной улыбкой. — Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно. Я только была очень удивлена въ первую минуту. Дайте мнѣ придти въ себя. Я должна хорошенько подумать.

Она сжала голову обѣими руками, между тѣмъ, какъ въ головѣ у ней кружился цѣлый вихрь мыслей.

— Это свѣденіе достигло меня, когда я всего болѣе въ немъ нуждалась. Я бы не поступила, какъ вы, но тѣмъ не менѣе благодарю васъ. Я очень обманулась въ баронѣ Гондремаркѣ.

— О, принцесса, бросьте Гондремарка и подумайте о принцѣ! — закричала графиня Розенъ.

— Вы опять говорите, какъ частное лицо, — отвѣчала принцесса, — и я васъ за это не порицаю. Но мои собственныя мысли заняты многими вещами. Какъ бы то ни было, такъ какъ я вѣрю, что вы вѣрный другъ моего... такъ какъ вы вѣрный другъ Отто, то я дамъ вамъ въ руки привязъ о томъ, чтобы его выпустили на свободу. Дайте мнѣ чернильницу. Вотъ!

И она поспѣшно написала дрожащей рукой нѣсколько словъ. — Помните, графиня, что объ этомъ не слѣдуетъ никому говорить, пока я не увижу барона, я понимаю, что малѣйшая оплошность... я теряюсь въ соображеніяхъ. Неожиданность совсѣмъ сбива меня съ толку.

— Обѣщаю, что не пушу въ ходъ эту бумагу, пока вы мнѣ не прикажете. Хотя я желала бы, чтобы принцъ поскорѣ былъ уведомленъ объ этомъ, чтобы успокоить его бѣдное сердце. Ахъ, я совсѣмъ забыла, что онъ написалъ вамъ письмо. Позвольте, принцесса, я вамъ его принесу. Это, кажется, дверь въ его покои.

И она хотѣла открыть ее.

— Она заперта на ключъ извнутри, — сказала, покраснѣвъ, Серафина.

— О! о! — вскричала графиня.

Наступило молчаніе.

— Я сама добуду письмо, — сказала, наконецъ, принцесса, — а теперь прошу васъ оставить меня. Я вамъ очень благодарна, но желаю остаться одна.

Графиня низко присѣла и ушла.

XIV.

О ПРИЧИНАХЪ ПРОИСШЕДШЕЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Какъ ни была принцесса храбра, но оставшись одна, ухватилась за столъ, ища поддержки. Весь созданный ею міръ рухнулъ. Она никогда не любила и не довѣряла вполнѣ Гондремарну; она всегда считала возможнымъ, что онъ окажется невѣрнымъ другомъ; но чтобы у него не было тѣхъ гражданскихъ доблестей, которыми его надѣлило ея воображеніе, чтобы онъ былъ дюжинный интриганъ, захотѣвшій сдѣлать изъ нея свое орудіе, — этотъ ударъ былъ тяжкій и неожиданный. Свѣтъ и мракъ чередовались въ ея мозгу; то она вѣрила, то не вѣрила. Она оглядѣлась, ища записки. Но графиня Розенъ, которая не забыла взять бумагу отъ принца, озабочилась также унести свою записку отъ принцессы; графиня Розенъ была старый боецъ и самыя сильныя волненія скорѣе возбуждали, нежели омрачали ясность ея мысли.

Записка напомнила Серафинѣ о другомъ письмѣ: о письмѣ Отто. Она встала и поспѣшно направилась, все еще съ вихремъ мыслей въ головѣ, въ оружейную принца. Старикъ камергеръ дожидаясь тамъ, и присутствіе другого лица, шпіонившаго (или, по крайней мѣрѣ, ей такъ казалось) за ея несчастіемъ, возбудило ребическій гнѣвъ въ Серафинѣ.

— Ступайте! — закричала она; но когда старикъ былъ уже почти у дверей, она прибавила: — стойте! когда баронъ Гондремаркъ придетъ во дворецъ, велите ему меня здѣсь ждать.

— Слушаю, — отвѣчалъ камергеръ.

— Тутъ было письмо... — начала она и остановилась.

— Ваша свѣтлость, — сказалъ камергеръ, — найдете письмо на столѣ. Я не получалъ никакихъ приказаній, иначе вашей свѣтлости не пришлось бы самой беспокоиться.

— Хорошо, хорошо. Уходите.

И когда онъ ушелъ, она схватила письмо. Мысли ея все еще были не вполне ясны; какъ луна, закрываемая проносящимися мимо облаками, разсудокъ въ ней то свѣтилъ, то омрачался, и она читала письмо то сознательно, то бессознательно.

„Серафина, — писалъ принцъ, — я не стану упрекать васъ ни единымъ словомъ. Я прочиталъ вашъ приказъ и уѣзжаю. Что же мнѣ другое остается? Я попусту растратилъ свою любовь и у меня ея больше нѣтъ. Сказать, что я вамъ прощаю — бесполезно; теперь мы, по-крайней мѣрѣ, навѣки разстались; по собственному желанію вы освобождаете меня изъ моего плѣна; я свободнымъ уйду въ тюрьму. Вы теперь въ послѣдній разъ слышите о моей любви или гнѣвѣ. Я уйду изъ вашей жизни; вы можете вздохнуть свободно; вы отдѣлились отъ мужа, который допустилъ васъ его бросить, и отъ государя, который передалъ вамъ свои права, и отъ влюбленнаго, который ставилъ себѣ за честь защищать васъ въ ваше отсутствіе. Какъ вы отплатили ему за это — объ этомъ лучше всякихъ моихъ словъ скажетъ вамъ ваше сердце. Наступитъ день, когда ваши призрачныя мечты разсѣются, какъ дымъ, и вы останетесь одна. Тогда вы вспомните объ

„Отто“.

Она съ ужасомъ читала эти слова: этотъ день наступилъ. Она была одна; она была не искренна, она была жестока; совесть грызла ее и кромѣ того тщеславіе, уязвленное до послѣдней степени. Она жертва обмана! она безпомощна! она обманула себя, думая обмануть мужа! Она всѣ эти годы питалась лестью, грубо глотая шпaги, точно клоунъ въ циркѣ! Она, Серафина! Ея быстрый умъ предвидѣлъ теперь всѣ послѣдствія: паденіе, общественный позоръ, и безуміе, и глупость своего поведенія, которымъ будетъ потѣшаться вся Европа. Она припомнила скандалъ, который она презирала съ царской гордостью. Увы! какъ иначе взглянула она на него теперь! Ее считаютъ любовницей этого человѣка: быть можетъ, поэтому... — Она закрыла глаза передъ мучительной перспективой, открывшейся передъ нею. Быстрые молніи она схватила со стѣны сверкнувшую шпaгу. Ахъ, она спасется отъ этого ужаса! Она уйдетъ изъ этого міра глумцовъ и пошляковъ, въ которомъ ее теперь терзаютъ. Ей остался только

однѣмъ исходѣ. Она закрыла глаза, прошептала молитву и при- ставила левѣе къ груди.

Неожиданная боль заставила ее вскрикнуть и... вмѣстѣ съ тѣмъ, она опомнилась. Нѣсколько капель крови было наградой этой отчаянной попытки; но боль отрезвила ее и желаніе самоубійства разсѣялось.

Въ тотъ же самый моментъ, мѣрные шаги слышались въ галлерей, и она узнала походку барона, котораго такъ часто ожидала съ нетерпѣніемъ, и собралась съ силами для предстоявшей битвы. И скрывъ шпагу въ складкахъ платья, она вы- прямилась, сверкая гѣвномъ и поджидая врага.

Доложили о приходѣ барона и впустили его. Для него возня съ Серафиной была ненавистнымъ занятіемъ: подобно школьнику, съ Виргилиемъ въ рукахъ, ему некогда и неинтересно было замѣчать ея прелести, но когда онъ увидѣлъ ее теперь, преобра- женной гѣвномъ, въ немъ проснулись новыя чувства: искренняго восхищенія и желанія. Онъ съ радостью ощутилъ ихъ; это были новыя средства для борьбы. „Если мнѣ придется разыгрывать лю- бовника,—подумалъ онъ, такъ какъ это было его постоянной за- ботой,—то я съумѣю, я думаю, играть съ душой“. Тѣмъ временемъ онъ отвѣсилъ принцессѣ низкій поклонъ, съ обычной, неуклюжей торжественностью.

— Я предлагаю,—сказала она страннымъ голосомъ, кото- раго сама у себя не знала до сихъ поръ,—выпустить принца на свободу и не начинать войны.

— Ахъ, принцесса,—отвѣчалъ онъ,—я зналъ, что это такъ будетъ! Ваше нѣжное сердце, я зналъ, возмутится, когда дѣло дойдетъ до этой крайне тяжелой, но необходимой мѣры. Ахъ, принцесса, повѣрьте, что я достоинъ быть вашимъ союзникомъ; я знаю, что у васъ есть качества, которыхъ у меня нѣтъ, и раз- считываю на нихъ, какъ на лучшія орудія въ оружейной палатѣ нашего союза: я рассчитываю на нѣжную женщину, срываю- щуюся въ королевѣ, на любовь, состраданіе, улыбку, награждаю- щую! Я могу только повелѣвать, но вы, вы можете и любить, и сострадать, но должны обуздывать эти восхитительныя качества уздой разума. Я самъ столько разъ, столько разъ восхищался вами,—протянулъ онъ, какъ будто бы вспоминая прошлыя, но сладкія минуты восторга,—но теперь, принцесса...

— Но теперь, баронъ Гондремаркъ, прошло время для этихъ декларацій,—вскричала она.—Вѣрны вы мнѣ? или вы меня обма- нываете? Загляните въ себѣ въ сердце и отвѣчайте. Я хочу знать отвѣтъ вашего сердца.

„Вотъ оно“, подумалъ Гондремаркъ. — Вы, принцесса, вы сами... (онъ отступилъ назадъ какъ бы въ страхъ, но тѣмъ не менѣе съ робкой радостью) вы сами приказываете мнѣ заглянуть въ свое сердце?

— Развѣ вы думаете, что я этого боюсь? — закричала она, сверкнувъ глазами и съ загорѣвшимся румянцемъ на щекахъ, такъ что баронъ отринуть послѣднія сомнѣнія.

— Ахъ, принцесса,—вскричалъ онъ, тяжело падая на колѣни:—Серафина! Вы мнѣ разрѣшаете? вы угадали мою тайну? Это правда—я съ радостью предаю въ ваши руки жизнь мою—я люблю васъ, люблю васъ страстно какъ равную, какъ государыню, какъ товарища по оружію и какъ прелестную, обожаемую женщину. О! сжальтесь надъ моею любовью!

Она слушала его съ удивленіемъ, бѣшенствомъ и презрѣніемъ. Его слова оскорбляли ее до боли; его видъ, въ то время какъ онъ неуклюже ползалъ по полу, смѣшилъ ее до отвращенія, точно кошмаръ какой-то.

— О, позоръ!—вскричала она.—Какъ это гадко и нелѣпо! что бы сказала графиня?

Великій баронъ Гондремаркъ, искусный политикъ, нѣкоторое время продолжалъ стоять на колѣняхъ въ такомъ состояніи духа, что его можно было бы даже пожалѣть. Тщеславіе въ его желѣзной груди ныло и болѣло. Если бы только онъ могъ взять назадъ свое объясненіе, еслибы онъ не сунулся такъ глупо въ огонь! Онъ медленно приподнялся съ колѣнъ и въ первую минуту душевная мука нашла выраженіе въ словахъ, а такъ какъ языкъ обыкновенно выдаетъ всю внутреннюю мерзость человѣка, то онъ позволилъ себѣ такой отвѣтъ, въ которомъ ему пришлось раскayаться въ продолженіе послѣдовавшихъ затѣмъ шести недѣль.

— Ахъ!—сказалъ онъ,—графиня! теперь я понимаю причину раздраженія вашей свѣтлости.

Лакейская дерзость словъ блѣднѣла передъ дерзостью самого тона. Они вызвали въ душѣ Серафины одинъ изъ тѣхъ бурныхъ вихрей, которые отуманивали ея расудокъ; она вскрикнула, и когда вихрь разсѣялся, бросила окровавленную шпагу на полъ, и увидѣла, что Гондремаркъ пошатнулся съ раскрытымъ ртомъ и прижимая руку къ ранѣ. Въ слѣдующій моментъ, онъ бросился къ ней съ такими проклятіями, какихъ она въ жизни не слышала; схватить-было ее за плечо, она отшатнулась, но онъ тутъ же повалился на полъ.

Приподнявшись на одинъ локоть, въ то время, какъ она глядѣла на него, помертвѣвъ отъ ужаса, онъ крикнулъ:

— Анна! помоги! Анна!

Тутъ слова измѣнили ему и онъ упалъ навзничъ, повидимому, мертвый.

Серафина забѣгала по комнатѣ, она ломала себѣ руки и громко кричала; въ душѣ ея царствовалъ безпросвѣтный ужасъ и желаніе, чтобы все это оказалось сномъ и она бы проснулась.

Послышался стукъ въ дверь; она бросилась къ ней и придерживала ее, дыша, какъ дикій звѣрь и съ бѣшеной силой въ рукахъ, пока ей не удалось запереть дверь на крюкъ.

Этотъ успѣхъ нѣсколько осыѣжилъ ея разсудокъ. Она подошла къ своей жертвѣ и поглядѣла на него. А стукъ въ дверь становился все сильнѣе и сильнѣе. О, да, онъ былъ мертвъ. Она убила его. Онъ звалъ графиню, испуская послѣднее дыханіе. Ахъ! кто-то пововеть Серафину? Она убила его. Она, чья нерѣшительная рука едва смогла пролить нѣсколько капель крови изъ собственной груди, она нашла въ себѣ силу однимъ ударомъ свалить этого колосса.

Все это время стукъ въ дверь усиливался и совсѣмъ уже не походилъ на обычные приемы, требуемые дворцовой жизнью. Скандалъ стучался въ двери и съ такими послѣдствіями, о которыхъ она боялась даже и подумать. Въ то же самое время, среди голосовъ, звавшихъ ее по имени, она узнала голосъ канцлера. Онъ или кто другой, кто-нибудь да долженъ же первый узнать о случившемся.

— Что, г. Грейзенгезангъ тутъ?—спросила она.

— Ваша свѣтлость... да!—отвѣчалъ старикъ.—Мы слышали крики, какой-то стукъ. Не случилось ли бѣды?

— Ничего рѣшительно,—отвѣчала Серафина.—Я желаю переговорить съ вами. Отошлите остальныхъ.

Она съ трудомъ переводила духъ, послѣ каждой фразы, но голова у ней была свѣжа. Она опустила обѣ половинки портьеры, прежде нежели отпереть дверь. И такимъ образомъ, обезпечивъ себя отъ любопытныхъ взоровъ, выпустила низкопоклоннаго канцлера и снова заперла дверь.

Грейзенгезангъ неуклюже и долго возился съ портьерой, пока она не приподняла ее сама.

— Боже мой!—вскричалъ онъ.—Баронъ?

— Я его убила,—отвѣчала она.—Да, я убила его!

— Боже мой,—сказалъ старый придворный,—этому еще не бывало примѣровъ. Ссора влюбленныхъ... — прибавилъ онъ укоризненно.—Но, дорогая принцесса, что же намъ теперь дѣлать? Это очень важно; въ нравственномъ отношеніи, принцесса, это очень

дурно. Я беру смѣлость, ваша свѣтлость, на минуту заговорить съ вами какъ съ дочерью, любимой, хоть и уважаемой дочерью, и долженъ сказать, что не смѣю скрыть отъ васъ, что это очень дурно съ нравственной стороны. И, Боже мой!—у насъ на рукахъ мертвое тѣло!

Она зорко наблюдала за нимъ:—надежда смѣнилась презрѣнiемъ; это чувство вернуло ей храбрость!

— Поглядите, умеръ ли онъ.

Ни одного слова въ свою защиту; передъ такимъ ничтожествомъ ей противно было оправдываться.

— Поглядите, умеръ ли онъ?—вотъ все, что она сказала.

Съ величайшей осторожностью канцлеръ подошелъ къ барону, и тотъ въ эту минуту раскрылъ глаза.

— Онъ живъ,—съ радостью закричалъ старый придворный, обращаясь къ Серафимѣ.—Принцесса, онъ живъ.

— Ну, такъ помогите ему,—отвѣчала принцесса:—перевяжите его рану.

— Принцесса, мнѣ нѣтъ этого сдѣлать,—отвѣчалъ канцлеръ.

— Развѣ вы не можете взять носового платка или галстука? что-нибудь?—закричала она.

И говоря это, оторвала оборку отъ своего легкаго кисейнаго платья и бросила ее на полъ.

— Возьмите,—сказала она, выпрямляясь въ своемъ оборванномъ платьѣ.

Но канцлеръ всплеснулъ руками и съ ужасомъ отвернулъ голову. Тяжелая рука барона разорвала лифъ на принцессѣ, въ ту минуту, какъ баронъ падалъ на полъ.

— Ваша свѣтлость, вашъ туалетъ въ безпорядкѣ.

— Возьмите оборку, онъ можетъ умереть.

Грейсенгезангъ обратился къ барону и сталъ говорить разныя глупости:

— Онъ еще дышетъ, еще не все погибло; онъ еще не умеръ.

— Если это все, на что вы способны, то призовите другихъ людей; его нужно немедленно отнести домой.

— Принцесса,—вскричалъ канцлеръ,—это будетъ самое печальное зрѣлище для города. О, Боже мой! государство рухнетъ,—вадохнулъ онъ.

— Во дворцѣ есть носилки,—отвѣчала она.—Вы обязаны позаботиться о томъ, чтобы доставить его бережно домой. Я вамъ это приказываю. Вы отвѣчаете за это головой.

— Я вижу это, дорогая принцесса, ясно вижу, но какъ это сдѣлать? гдѣ взять людей? развѣ слугъ принца? — да, они любятъ своего господина; они будутъ вѣрны, если другіе и измѣнятъ.

— О, нѣтъ, не ихъ! — закричала принцесса, — возьмите моего собственнаго лакея, Сабру.

— Сабру! фран-масона! — отвѣчалъ канцлеръ, потерявъ голову. — Если онъ увидитъ это, то сейчасъ забѣжать въ набатъ; народъ разорветъ насъ въ клочки.

Она мужественно вѣмѣрила всю глубину своего униженія.

— Призовите, кого хотите, — сказала она, — и принесите носилки сюда.

Оставшись одна, она подбѣжала къ барону и съ трепещущимъ сердцемъ старалась остановить кровь. Прикосновеніе къ тѣлу этого великаго шарлатана было ей противно до мозга костей; рана для ея невѣжественныхъ глазъ казалась смертельной; однако, она побѣдила это чувство и, лучше чѣмъ канцлеръ во всякомъ случаѣ, перевязала рану. Глаза, не ослѣпленные ненавистью, могли бы полюбоваться барономъ въ обморокѣ. Онъ казался такимъ громаднымъ и спокойнымъ; такая мощная машина была приведена въ бездѣйствіе; и черты его лица, съ котораго сошло выраженіе злости и притворства, казались высѣченны рѣзомъ. Но не такимъ казался онъ Серафинѣ. Жертва ея, растянутая на полу, съ обнаженной грудью, поражала ее своимъ безобразіемъ. И въ умѣ ея промелькнулъ привлекательный образъ Отто.

Во дворцѣ поднялась бѣготня и послышался говоръ голосовъ; эхо большой лѣстницы со сводами отъликалось на эту суматоху; затѣмъ, въ галлерей послышались шаги. То былъ канцлеръ, въ сопровожденіи четырехъ изъ лакеевъ Отто съ носилками. Слуги, войдя въ комнату, устали на растрепанную принцессу и раненнаго барона; они не смѣли говорить, но мысли ихъ были нелестны для принцессы. Гондремарка положили на носилки, спустили занавѣски и понесли, а за носилками поплелся канцлеръ съ помертвѣлымъ лицомъ.

Серафина подбѣжала къ окну. Прижавшись лицомъ къ стеклу, она могла видѣть террасу и начало аллеи, освѣщенной фонарями и соединявшей дворецъ съ городомъ. Вотъ маленькая процессія вышла изъ дворца, прошла по террасѣ и вступила въ освѣщенную аллею: — раскачиваемыя четырьмя носильщиками носилки и канцлеръ, плетущійся за ними, повѣся носъ. Она наблюдала за ними и въ головѣ ея носились странныя мысли: глаза ея устрем-

лены были на сцену, происходившую передъ ними, но умъ былъ занятъ ея погибшей жизнью и разрушившимися надеждами. Никого не было въ мірѣ, кому бы она могла довѣряться. Не было руки, которая бы протянулась къ ней дружески или хотя бы изъ рыцарскаго состраданія. Съ паденіемъ Гондремарка, пала ея партія и ея кратковременная популярность. И вотъ, она стояла, прислонившись лбомъ къ холодному стеклу, въ разорванномъ платьѣ, углубленная въ горькія мысли.

Тѣмъ временемъ послѣдствія начинали уже связываться, и въ обманчивой тиши ночи заваривалась красная революція. Носилки вышли въ желѣзные ворота и вступили на городскія улицы. Какая паника, пронесшаяся въ воздухѣ, разнесла по городу о случившейся катастрофѣ?—кто знаетъ. Но уже изъ дворца кровавая вѣсть успѣла добѣжать до города. Слухи, съ ихъ громкимъ шопотомъ, облетѣли горожанъ; мужчины выходили изъ домовъ, сами не зная зачѣмъ; толпы собирались на бульварѣ; при свѣтѣ рѣдкихъ фонарей толпа все росла и росла.

И вотъ, среди этого томительнаго ожиданія, толпа увидѣла приближавшіяся носилки и за ними важную особу канцлера Грейзенгезанга, который плелся невѣрной походкой. Молча глядя на нихъ граждане и, какъ только они прошли, толпа закипѣла, точно вода въ чайникѣ. Кучки разсѣялись и, мало-помалу, слѣдуя другъ за другомъ, весь народъ соединился въ процессію, задвигавшуюся вслѣдъ за задернутыми занавѣсками носилками. Вскорѣ болѣе смѣлые изъ толпы стали осаждать вопросами канцлера. Никогда еще не нуждался онъ такъ въ великомъ искусствѣ вранья, при помощи котораго прожилъ всю жизнь. Но въ настоящую минуту оно измѣнило ему, потому что другая преобладающая черта его характера—страхъ—выдавала его. Къ нему приставали все сильнѣе и сильнѣе; онъ сталъ путаться и вдругъ изъ носилокъ послышался стонъ. Въ одинъ моментъ толпа заволновалась, какъ море, и канцлеръ на секунду позабылъ о самомъ себѣ. За это ему многое простится. Онъ дернулъ за рукавъ одного изъ носильщиковъ.

— Скажи принцессѣ, чтобы она спасалась бѣгствомъ,—шепнулъ онъ.—Все погибло.

И въ слѣдующую минуту онъ лепеталъ несвязныя слова о помилованіи окружавшей его бурной толпѣ.

Пять минутъ спустя, трепещущій лакей вбѣжалъ въ оружейную.

— Все погибло! — закричалъ онъ.—Канцлеръ велитъ вамъ бѣжать.

И въ ту же минуту, поглядѣвъ въ окно, Серафима увидѣла, что чернь показалась въ освѣщенной фонарями аллеѣ.

— Благодарю васъ, Георгъ, — сказала она. — Благодарю васъ. Ступайте.

И такъ какъ человекъ колебался, она прибавила:

— Я вамъ приказываю идти. Спасайтесь сами.

И черезъ ту же заднюю дверь, но только двумя часами позже, Амалія-Серафима, послѣдняя принцесса, послѣдовала за Отто-Юганномъ-Фридрихомъ, послѣднимъ принцемъ Грюневальда.

КНИГА III.

Счастливая бѣда.

I.

Принцесса Восоножка.

Привратникъ, сбитый съ ногъ толпой, убѣжалъ отъ главнаго входа во дворецъ и дверь стояла открытой настежь.

Въ то время, какъ Серафима бѣжала по террасамъ, крики и громкій топотъ толпы все ближе и ближе подступали къ завоеванному дворцу. Топотъ ногъ напоминалъ кавалерійскую атаку, звонъ разбиваемыхъ лампъ слышался сквозь шумъ, но всего громче раздавалось ея собственное имя. Вдругъ грохнуль выстрѣлъ у дверей въ кордегардію; одно ружье выстрѣлило и затѣмъ съ тысячеголоснымъ воплемъ толпа завладѣла Митвальденскимъ дворцомъ.

Погоняемая этими злобными звуками и голосами, принцесса пролетѣла по саду, какъ птица, перебѣжала черезъ паркъ, который былъ узокъ въ этомъ мѣстѣ, и углубилась въ чащу лѣса. Такимъ образомъ, въ одно мгновеніе, она разсталась съ тихимъ и мирнымъ крѣпостнымъ дворцовымъ покоемъ, перестала быть государыней и, упавъ съ самыхъ вершинъ цивилизованной жизни, очутилась въ лѣсу оборванной Босоножкой.

Она шла прямо впередъ въ лѣсу по проторенной дорожкѣ, озащенной вѣтвями. Въ этотъ часъ ночи, лѣсъ былъ безмолвенъ; ночной страхъ, точно живой духъ, сторожилъ его мрачныя дебри. Она все шла и шла, натыкаясь иногда на вѣтви, мучительно, но напрасно напрягая слухъ.

Но тропинка шла въ гору и вотъ очутилась на скалистомъ холмѣ, господствовавшемъ надъ океаномъ деревьевъ. Кругомъ возвышались другія вершины холмовъ, малыя и большія; подъ ея ногами разстилались темныя долины, поросшія лѣсомъ; надъ головой раскидывалось небо съ безчисленными сверкающими звѣздами, а вдоль западнаго горизонта виднѣлись неопредѣленныя очертанія горъ. Величіе и красота ночи окутывали ее; глаза ея блестя, какъ и звѣзды, на которыя она глядѣла, а сердце понемногу стихало. Солнце, въ ослѣпительномъ блескѣ лихующее по небу, превращая въ золото лазурныя пространства неба и подавая сигналъ къ пробужденію мірады людей, ничего не говоритъ каждому человѣку въ отдѣльности. А мѣсяцъ, подобно скрипкѣ, прославляетъ и оплакиваетъ нашу общую судьбу. Однѣ только звѣзды, веселыя пептуны, тихо бесѣдуютъ съ нами, какъ добрые пріатели. Онѣ, улыбаясь, выслушиваютъ про наши горести, какъ добрые старые люди, богатые опытомъ и снисходительностью. И своей двойственной величиной, для глазъ такой незначительной, и такой громадной для воображенія, напоминаютъ о двойственномъ характерѣ человѣческой природы и судьбы.

Такъ сидѣла принцесса, любуясь красотой ночи и совѣтуясь съ ея мудрыми совѣтниками.

Мало-по-малу въ памяти ея отчетливо возстановлялась исторія прошлаго бурнаго вечера: графиня съ ея вѣромъ; большой баронъ на колѣняхъ; кровь на паркетномъ полу; стулъ въ двери; колыханіе носилокъ въ аллеѣ, освѣщенной фонарями; вѣстникъ; крики озлобленной толпы, — и вмѣстѣ съ тѣмъ все это было далеко и фантастично и она чувствовала отчетливо и сознательно одно только: цѣлебную тишину и спокойствіе ночи. Она посмотрѣла въ сторону Митвальдена: изъ-за холма, скрывавшаго его отъ ея глазъ, показалось большое зарево пожара. Тѣмъ лучше: — тѣмъ лучше, что она пала съ трагическимъ величіемъ, озареннымъ свѣтомъ пылающаго дворца! Сожалѣнія къ Гондремарку, участія къ Грюневальду въ ея душѣ не было и слѣда: этотъ періодъ ея жизни былъ для нея на-вѣнъ заключенъ и отъ него осталось у ней только оскорбленное тщеславіе. Одна мысль была ясна въ ея головѣ — бѣжать. И другая наклеивалась глухо и, отъ которой она отворачивалась, хотя бессознательно повиновалась, — бѣжать въ направленіи къ Фельзенбургу. Не сердце ея, нѣтъ, потому что тогда это было бы сознательнымъ дѣйствіемъ, но вся ея натура рвалась къ Отто. Она должна исполнить долгъ и освободить его: — такъ говорилъ хладнокровный умъ; но жаръ,

вспыхивавшій въ ея груди, и слезы, наворачивавшіяся на глаза, говорили, что она бѣжитъ къ нему, какъ къ покровителю и другу.

Она встала съ мѣста, собравшись съ духомъ, и пошла внизъ съ холма къ лѣсу. Лѣсъ принялъ ее въ свои нѣдра. Снова пошла она одинокая, безпріютная, безъ вожака и путеводаителя. По временамъ, свѣтъ, мерцавшій тамъ и сямъ въ отверстія между вершинами деревъ, привлекалъ ее; мѣстами деревья рѣдѣли и было свѣтлѣе; по временамъ, шелестъ, пролетавшій между листьями, нарушалъ удручающую тишину и безмолвіе ночи. По временамъ ночной мракъ словно тѣснѣе окутывалъ ее и какъ бы гналъ по ея пятамъ. Она останавливалась и безмолвіе все росло и росло, пока, наконецъ, ей не становилось тяжело дышать; тогда она пускалась бѣжать, оступаясь, цѣпляясь за вѣтки, но еще сильнѣе начиная отъ этого спѣшить. И вотъ, весь лѣсъ снимался съ мѣста и пускался за ней слѣдомъ. Шумъ ея собственнаго безумнаго бѣга нарушалъ безмолвіе, отталкивался и наполнялъ ночь ужасомъ. Паническій страхъ овладѣвалъ ею: паническій страхъ передъ деревьями, ловившими ее своими вѣтками; передъ мракомъ, населавшимся странными формами и лицами. Она боролась со страхомъ и старалась побѣдить его. И, однако, ея послѣднее убѣжище, разумъ, омрачаемый этими припадками страха, все еще не совсѣмъ потухъ. Она знала, что ей слѣдуетъ остановиться, но воля ей не повиновалась и она бѣжала дальше.

Она уже была близка къ безумію, какъ вдругъ неожиданно очутилась на небольшой прогалинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, шумъ сталъ громче и ей видѣлись какія-то бѣлыя волны и неопредѣленныя очертанія. И при этомъ земля исчезла подъ ея ногами и она куда-то провалилась, но удержалась на ногахъ, хотя сознаніе ей измѣнилось. Когда она пришла въ себя, то увидѣла, что стоитъ по колено въ ледяной водѣ горнаго ручейка и держится одной рукой за утѣсъ, съ котораго онъ сбѣгаетъ. Струя смочила ей волосы. Она видѣла бѣлый каскадъ, звѣзды, сверляющія въ ручейкѣ, бѣлую пѣну и, внезапно успокоившись духомъ, съ радостью прислушивалась къ шуму водопада. Она выбралась изъ ручейка. Въ виду доказанной уже слабости, снова пускалась во мракъ лѣсной чащи значило бы идти на встрѣчу смерти или безумію. Но здѣсь на прогалинѣ, около ручейка, имѣя надъ головой кроткія звѣзды, и луну, вылившуюся какъ разъ въ эту минуту изъ-за облаковъ, она могла безъ страха ожидать разсвѣта.

Съ вечера воздухъ былъ холоднѣе, но ночью стало значительно теплѣе; изъ нѣдръ лѣса доносились теплыя струи воздуха, точно что-то глубокое и мирное дыханіе. Роса выпала сильная

и смочила траву и крѣпко сидѣвшія въ ней маргаритки. Ей впервые приходилось проводить ночь подъ открытымъ небомъ и теперь, когда страхъ ея прошелъ, она была тронута до глубины души ея мирнымъ безмолвіемъ и яснымъ спокойствіемъ. Съ кроткой добротой глядѣли на принцессу небесныя свѣтила, а честный ручеекъ журчалъ ей слова ободренія и участія.

Наконецъ, она стала замѣчать изумительную перемѣну, передъ которой пожаръ Митвальденскаго дворца казался блѣднымъ и неэффектнымъ. Наружность глядѣвшихъ на нее сосенъ стала постепенно измѣняться; трава тоже, какъ ни была она коротка, вдругъ какъ бы оживилась и прояснѣла. И эта медленная перемѣна тронула и восхитила ея сердце. Она оглядѣлась кругомъ; природа глянула ей въ лицо, многозначительно приложивъ палецъ къ губамъ, открывая ей свою чудную тайну. Она поглядѣла вверхъ и... о, радость! небо почти очистилось отъ звѣздъ и послѣднія потухали въ его синевѣ.

— О!—вскричала она, прерывистымъ отъ радости голосомъ: —это заря!

Она поднялась съ мѣста и пошла по лѣсу; поднялась въ гору и оттуда глядѣла на безмолвное вторженіе дня. На востокъ заблѣлось; мракъ превращался въ свѣтъ и звѣзды потухали, точно фонари въ городѣ. Бѣлая полоса превратилась въ серебро, серебро перешло въ золото, а золото стало свѣтлымъ и горячимъ пламенемъ. День издалъ свой первый вздохъ, твердый и свѣжій и лѣсъ кругомъ вдохнулъ и затрепеталъ. И вотъ, вдругъ выплыло солнце и метнуло въ ослѣпленные глаза принцессы свой первый лучъ. Со всѣхъ сторонъ тѣни растаяли. День наступилъ ясный и смѣлый. Солнце медленно и необъятно продолжало всходить по небу.

Серафина стояла, прислонясь спиной къ соснѣ, и ей показалось, что радостное пробужденіе лѣса точно смѣется надъ нею. Покровъ ночи, гнѣвный привѣтъ разсвѣта миновали и теперь подъ горячими взорами дня, она, смущенно вздыхая, оглядѣлась вокругъ.

Въ сторонѣ, изъ-за лѣса, надъ которымъ господствовали холмы, на которомъ она стояла, поднимался столбъ дыма и таялъ въ золотѣ и синевѣ неба. Въ той сторонѣ, вѣроятно, было человеческое жилище. Серафина снова углубилась въ лѣсной лабиринтъ.

На горѣ уже царилъ день; но въ оврагахъ царствовалъ еще полу-свѣтъ и лежала роса. Серафина шла по лѣсной тропинкѣ. Она потеряла изъ виду путеводный столбъ дыма и шла по этой

пустынь, руководясь только солнцемъ. Но вотъ показались новыя признаки близкаго сосѣдства человѣка: поваленныя деревья, обѣченные топоромъ, связки зеленыхъ вѣтвей и кучи сухого хвороста. По нимъ она направляла свой путь, пока не дошла, наконецъ, до полянки, съ которой поднимался дымъ. На полянкѣ стояла хижина у ручья, который, прихотливо извивался и низбѣгалъ внизъ. На порогѣ хижины принцесса увидѣла загорѣлаго и грубаго на видъ лѣсника, стоявшаго, закинувъ руки за спину и глядѣвшаго на небо.

Она прямо направилась къ нему: прекрасное, необыкновенное видѣніе, съ блестящими глазами, въ великолѣпномъ, но оборванномъ одѣяніи; съ брилліантами въ ушахъ и съ разорваннымъ лифомъ.

Въ этотъ ранній часъ, появившись среди безмолвія лѣса, она показала человѣку чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ и онъ въ испугѣ отступилъ назадъ.

— Я озябла и устала, — сказала она. — Позвольте мнѣ погрѣться у вашего огня.

Лѣсникъ былъ очевидно взволнованъ, но ничего не сказалъ.

— Я заплачу, — сказала она, и тотчасъ же раскаялась въ томъ, что сказала, испугавшись, быть можетъ, искры ужаса въ его растерянныхъ глазахъ. Но по обыкновенію, мужество въ ней крѣпло отъ борьбы и, оттолкнувъ его, она вошла въ хижину, куда онъ послѣдовалъ за ней съ суетвѣрнымъ удивленіемъ.

Внутри хижины было темно и неуютно; но на камнѣ, служившемъ очагомъ, горѣло нѣсколько сучьевъ съ веселымъ трескомъ и красивыми переливами пламени. Уже одинъ видъ огня согрѣлъ ее; она прикурнула возлѣ очага на полу и глядѣла въ огонь. Лѣсникъ глядѣлъ на свою гостью: на лохмотья великолѣпнаго платья, на голыя руки, на оборванныя кружева и на брилліанты. Онъ не находилъ словъ.

— Дайте мнѣ поѣсть, — сказала она, — сюда къ огню.

Онъ поставилъ передъ ней кружку съ простымъ виномъ, положилъ хлѣбъ, кусокъ сыру и пригоршню сырыхъ луковицъ. Хлѣбъ былъ черствъ и кисель; сыръ походилъ на кожу и даже лукъ, который занимаетъ, вмѣстѣ съ трюфелями и персиками, почетное мѣсто среди плодовъ земныхъ, врядъ ли пригодная для принцессы пища, въ сыромъ видѣ. Но она ѣла, если не съ аппетитомъ, то съ мужествомъ и, поѣвъ, не пренебрегла запить виномъ. Во всю свою жизнь до сихъ поръ ей не приходилось ѣсть грубой пищи и запивать ее виномъ; но мужественная женщина легче примѣняется къ измѣнившимся обстоятельствамъ, чѣмъ

самый мужественный мужчина. Во все это время лѣсникъ изподтишка наблюдалъ за нею и низкія мысли, боязливыя и алчныя, загорались въ его глазахъ. Она ясно читала ихъ и знала, что ей нужно уходить.

Она встала съ мѣста и подала ему флоринтъ.

— Довольно съ васъ?—спросила она.

Но тутъ у человѣка развязался языкъ.

— Мнѣ этого мало,—объявилъ онъ.

— Я больше вамъ не могу дать,—отвѣчала она, и спокойно прошла мимо него.

Однако, сердце ея сильно билось, потому что она видѣла, что онъ протянулъ руки, какъ бы затѣмъ, чтобы ее удержать, а глаза его искали топора. Проторенная дорожка вела на западъ отъ полянки и она быстрыми шагами пошла по ней. Она не оборачивалась. Но когда поворотъ дорожки серылъ ее отъ глазъ лѣсника, она свернула въ лѣсную чащу и пустилась бѣжать безъ оглядки, пока не сочла себя въ безопасности.

Она долго шла, пока, наконецъ, не выбилась изъ силъ и не пришла къ большому, но не очень глубокому пруду. Камни торчали изъ него, точно острова; тростникъ росъ по краямъ; дно усыяно было сосновыми иглами, а сами сосны, корни которыхъ образовали какъ-бы мсы, безмолвно глядѣли на отраженія своихъ зеленыхъ вершинъ. Принцесса пробралась къ краю пруда и съ удивленіемъ поглядѣла въ немъ на себя. Она долго сидѣла у пруда, грѣясь на солнышѣ и дивясь на самое себя, на свои голыя руки, испаряппныя и покрытыя синяками, на то, что она такъ оборвана и такъ грязна.

Потомъ со вздохомъ принялась за свой туалетъ передъ этимъ лѣснымъ зеркаломъ; вымыла лицо и руки; сняла съ себя драгоценности и завернула ихъ въ платокъ, кое-какъ исправила прорѣхи въ своемъ платьѣ и, распустивъ волосы, прикрыла ими разорванный спереди лифъ. Ея волосы пахли фіалкой,—ей вспомнилось, что это говорилъ Отто, и она понюхала ихъ теперь; но, покачавъ головой, тихонько и печально засмѣялась.

Смѣхъ былъ повторенъ дѣтскимъ эхо. Она оглянулась и увидѣла двухъ дѣтишекъ, маленькую дѣвочку и мальчика, который былъ еще меньше дѣвочки. Они стояли у пруда, подъ сосной, точно куклы. Серафина не любила дѣтей и была поражена ихъ появленіемъ.

— Кто вы такіе?—рѣзко закричала она.

Ребятишки съ испугомъ попятились назадъ, и Серафина упрекнула себя за то, что испугала такихъ крошечныхъ созданій.

Она встала и ласково позвала ихъ:

— Подойдите ко мнѣ, не бойтесь.

И шагнула къ нимъ.

Но, увы! въ это самое мгновеніе ребятишки повернулись къ ней спиной и со всѣхъ ногъ бросились бѣжать.

Горестно сжалось сердце бѣдняжки. Какъ она одинока; ей всего лишь двадцать-одинъ годъ—скоро, впрочемъ, будетъ двадцать-два—и никто въ мірѣ ее не любитъ. Никто, кромѣ Отто. Да и тотъ, можетъ быть, разлюбилъ. Еслибы она расплакалась въ этомъ лѣсу, гдѣ была одна, то рисковала бы умереть отъ горя или съ ума сойти. А потому она поспѣшно подавила эти мысли, какъ тушатъ загорѣвшуюся бумагу, и съ отчаяніемъ въ душѣ и съ тревогой въ сердцѣ продолжала свой путь.

Въ половинѣ одиннадцатаго, она вышла на большую дорогу и пошла по ней, уставшая до смерти и не заботясь о томъ, что будетъ. Дорога, напоминая о сосѣдствѣ людей и о цивилизаціи, нѣсколько приободрила ее и она прилегла на зеленой каймѣ подъ тѣнью дерева. Сонъ одолѣлъ ее; сначала она съ ужасомъ боролась съ нимъ, но затѣмъ онъ мирно принялъ ее въ свои объятія. И вотъ, на время она позабыла о своихъ испытаніяхъ. И въ то время, какъ ея тѣло лежало распростертое у большой дороги, въ истрепанной, хотя и великолѣпной одеждѣ, птицы подлетали къ ней, подзывали другихъ и толковали на своемъ собственномъ языкѣ объ этомъ странномъ явленіи.

Солнце продолжало свой путь; тѣнь сошла съ ея ногъ и поднималась все выше и выше и готовилась совсѣмъ оставить ее, когда послышался стукъ экипажа, о которомъ впередъ возвѣстило идебаніе птицъ. Дорога въ этомъ мѣстѣ очень круто поднималась въ гору; стукъ колесъ приближался и, черезъ десять минутъ, показался джентльменъ, шедшій бодрой походкой по травянистой опушкѣ дороги, съ удовольствіемъ поглядывая вокругъ себя. Время отъ времени онъ останавливался, вынималъ записную книжку и что-то вписывалъ въ нее карандашомъ. И еслибы тутъ былъ какой-нибудь соглядатай, то онъ могъ бы слышать, какъ онъ бормоталъ какія-то слова, похожія на стихи. Стукъ колесъ слышался, но самъ экипажъ еще не показывался. Ясно было, что путникъ далеко опередилъ свой экипажъ.

Онъ очень близко подошелъ къ тому мѣсту, на которомъ лежала принцесса, прежде нежели глаза его остановились на ней; но, увидя ее, онъ вздрогнулъ, спряталъ въ карманъ записную книжку и подошелъ ближе. Около того мѣста, гдѣ она спала, лежалъ жерновъ; онъ сѣлъ на него и принялся хладнокровно ее

разглядывать. Она лежала на боку, положивъ голову на голую руку, другая была вытянута вдоль тѣла. Казалось, что ее тутъ бросили бездыханную, до такой степени неподвижно было ея тѣло. Дыханія совсѣмъ не было слышно. Смертельная усталость выражалась вполне ясно въ этомъ уснувшемъ тѣлѣ. Путникъ угрюмо улыбулся. Онъ точно глядѣлъ на статую и сталъ разбирать ея прелести. Лицо, въ эту трогательную минуту свободы и бессознательности, поразило его: румянецъ сна шелъ къ нему какъ дѣтокъ.

„Честное слово, — подумалъ онъ, — я никакъ не ожидалъ, что она можетъ быть такою хорошенькой. И подумать, прибавилъ онъ, что я далъ слово ни о чемъ этомъ не писать“.

Онъ тронулъ ее своей тросточкой и она тотчасъ же проснулась, приподнялась съ крикомъ и дико поглядѣла на него.

— Надѣюсь, что ваша свѣтлость хорошо почивали? — сказалъ онъ, кланаясь.

Но она издавала только какіе-то невнятные звуки.

— Успокойтесь, — сказалъ онъ, показывая ей примѣръ своей собственной невозмутимостью. — Моя дорожная карета сейчасъ подъѣдетъ и, я надѣюсь, буду имѣть необыкновенную честь похитить владѣтельную принцессу.

— Сэръ Джонъ! — проговорила она, наконецъ.

— Къ услугамъ вашей свѣтлости.

— Вы ѣдете изъ Митвальдена?

— Сегодня утромъ я выѣхалъ изъ него...

— Баронъ... — начала она и умолкла.

— Принцесса, вы настоящая Юдичъ, но теперь, когда вамъ гнѣвъ, вѣроятно, уже улегся, вамъ, конечно, пріятно будетъ слышать, что онъ живъ и поправляется. Я былъ у него сегодня утромъ. Рана не опасна, какъ говорятъ, но заставляетъ его сильно страдать. Его стоны слышны были въ сосѣдней комнатѣ.

— А принцъ? — спросила она, — извѣстно ли что-нибудь о немъ?

— Говорятъ, что вамъ всего лучше это знать.

— Сэръ Джонъ, — съ живостью проговорила она, — вы были такъ великодушны, что предложили мнѣ свой экипажъ. Не можете ли вы, прошу васъ, отвезти меня въ Фельзенбургъ? У меня тамъ есть очень важное дѣло.

— Я ни въ чемъ не могу отказать вамъ, — серьезно и солидно проговорилъ старый джентльменъ. — Все, что только въ моей власти, я съ удовольствіемъ сдѣлаю для вашей свѣтлости. Какъ только карета моя подъѣдетъ, пользуйтесь ею, какъ вамъ будетъ угодно. Но, — прибавилъ онъ, возвращаясь въ прежней шутливой манерѣ, — вы ничего у меня не спрашиваете про дворецъ.

— Мнѣ все равно, — отвѣчала она, — мнѣ кажется, я видѣла, что онъ горѣлъ.

— Изумительно, — замѣтилъ баронетъ. — Вамъ кажется? И неужели же потеря сорока платьевъ не трогаетъ васъ? Ваше хладнокровіе восхищаетъ меня. А государство-то? Когда я уѣзжалъ, временное правительство засѣдало, и два его члена вамъ извѣстны, хотя бы по имени: Сабра, который, сколько мнѣ помнится, имѣлъ честь служить вашимъ выѣзднымъ лакеемъ, и нашъ старый пріятель канцлеръ, въ должности, однако, его подчиненнаго. Но при этихъ переворотахъ послѣдніе бывають первыми, а первые послѣдними.

— Сэръ Джонъ, — заявила она искреннимъ тономъ: — вы, конечно, думаете быть мнѣ пріятнымъ, но, увѣряю васъ, что эти вещи меня не интересуютъ.

Баронетъ былъ до такой степени сбитъ съ толку, что предложилъ пойти на встрѣчу экипажу. Они такъ и сдѣлали. Онъ помогъ ей сѣсть въ экипажъ, сѣлъ съ нею рядомъ и изъ различныхъ ящиковъ (почтовая карета была снабжена всякими удобствами) досталъ фрукты, страсбургскій пирогъ, прекрасный бѣлый хлѣбъ и бутылку хорошаго вина. Всѣмъ этимъ онъ отечески угощалъ ее и все время, повинаясь закону гостепріимства, не позволилъ себѣ и тѣни насмѣшки. Его доброта казалась такой искренней, что Серафина почувствовала благодарность.

— Сэръ Джонъ, — сказала она, — вы въ душѣ ненавидите меня; почему же вы такъ добры со мной?

— Ахъ, принцесса, — отвѣчалъ онъ, не оправдываясь отъ обвиненія, — я имѣю честь считать вашего мужа своимъ другомъ и состою его поклонникомъ.

— Вы! — вскричала она. — Мнѣ говорили, что вы написали злыя вещи и про него, и про меня.

— Таковъ былъ странный путь, на которомъ мы узнали другъ друга, — отвѣчалъ сэръ Джонъ. — Я особенно зло (употреблю ваше выраженіе) писалъ про васъ, принцесса. Вашъ мужъ выпустилъ меня на свободу, вручилъ мнѣ паспортъ и затѣмъ съ самымъ юношескимъ жаромъ вызвалъ меня на дуэль. Зная, какова его семейная жизнь, я восхитился его отвагой и великодушіемъ. „Не бойтесь, — говорилъ онъ, — если убьете меня; никто обо мнѣ не пожалѣетъ“. Я объяснилъ ему, что дуэль невозможна. „Даже если я ударю васъ?“ — спросилъ онъ. Все это очень занимательно и я жалѣю, что не могу занести это въ свою книгу. Какъ бы то ни было, я былъ побѣжденъ, полюбилъ принца отъ всей души и при немъ разорвалъ мои скандальныя сілетни на вашъ счетъ.

Это одна изъ мелкихъ услугъ, которыя оказаны вамъ вашимъ супругомъ, принцесса.

Серафина сидѣла нѣкоторое время молча. Она могла безмятежно переносить дурное мнѣніе о себѣ людей, которыхъ презирала. У ней не было страстнаго желанія одобренія, какъ у Отто; она шла своей дорогой, поднимая носъ вверхъ. Но сэръ Джонъ, послѣ всего, что онъ сказалъ, и назвавши себя другомъ ея мужа, получилъ нѣкоторое значеніе въ ея глазахъ.

— Что вы обо мнѣ думаете?—вдругъ спросила она.

— Я уже говорилъ вамъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ:—я думаю, что вамъ необходимо выпить другую рюмку вина.

— Полноте, это недостойно васъ. Вы не изъ робкаго десятка. Вы говорили, что восхищаетесь моимъ мужемъ; во имя его, будьте добросовѣстны.

— Я восхищаюсь вашей смѣлостью,—отвѣчалъ баронетъ.— Но вообще, какъ вы это замѣтили и высказали, наши натуры не-симпатичны другъ другу.

— Вы говорили про скандалъ, — продолжала Серафина. — Что, развѣ скандалъ былъ очень великъ?

— Да, очень великъ.

— И вы ему повѣрили?

— О, принцесса, что за вопросъ!

— Благодарю васъ за отвѣтъ! А теперь, клянусь вамъ честью и душой, что, несмотря на весь скандалъ, я была вѣрной женой своему мужу.

— Мы, по всей вѣроятности, разнo понимаемъ это слово, — замѣтилъ сэръ Джонъ.

— О!—вскричала она,—я очень дурно съ нимъ поступала, но я говорю не про это. Если вы уважаете моего мужа, то я хочу, чтобы вы и меня поняли: я могу смотрѣть ему въ лицо, не краснѣя.

— Можетъ быть, принцесса, и я никогда не утверждалъ противнаго.

— Вы не вѣрите мнѣ! Вы думаете, что я преступная жена! вы думаете, что онъ былъ моимъ любовникомъ!

— Принцесса,—отвѣчалъ баронетъ,—когда я разорвалъ свою рукопись, я обѣщалъ вашему доброму мужу не заниматься больше вашими дѣлами и, увѣряю васъ въ послѣдній разъ, что вовсе не желаю быть судьей вашего поведенія.

— Но вы не хотите оправдать меня! Ахъ!—вскричала она,—онъ меня оправдаетъ. Онъ лучше меня знаетъ.

Сэръ Джонъ улыбнулся.

— Вы смѣтаете надѣ моимъ несчастіемъ?—спросила Серафина.

— Надѣ вашимъ женскимъ хладнокровіемъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ. — Мужчины врядъ ли бы рѣшился это сказать, хотя, конечно, ваши слова очень естественны и, я не сомнѣваюсь, вполне искренни. Но замѣтите, принцесса,—такъ какъ вы сдѣлали мнѣ честь серьезно спросить моего мнѣнія,—что я не могу сожалѣть о вашемъ, какъ вы его называете, несчастіи. Вы были безусловно эгоистичны и теперь пожинаете послѣдствія. Еслибы вы думали о своемъ мужѣ, вмѣсто того, чтобы думать только о самой себѣ, вы бы не очутились одинокой бѣглянкой, съ обагренными кровью руками, выслушивающей отъ угрюмага стараго англичанина правду, которая еще горше скандала.

— Благодарю васъ,—отвѣчала она, вся дрожа. —Вы правы. Прикажите остановить карету.

— Нѣтъ, дѣтя,—отвѣчалъ сэръ Джонъ,—вы должны сперва успокоиться.

Наступило долгое молчаніе, въ продолженіе котораго карета катилась по горамъ и лѣсамъ.

— Ну, теперь я совсѣмъ покойна,—сказала она, наконецъ, твердымъ голосомъ:—я прошу васъ, какъ джентльмена, выпустить меня.

— Мнѣ кажется, что это будетъ неблагоразумно съ вашей стороны. Пожалуйста, позвольте мнѣ довести васъ.

— Сэръ Джонъ,—сказала она,—еслибы смерть ждала меня на дорогѣ, я бы вышла изъ вашей кареты. Я не осуждаю васъ, напротивъ: я благодарю васъ. Я теперь знаю, какою я кажусь другимъ; но скорѣе, чѣмъ принять услугу отъ человѣка, который такъ обо мнѣ думаетъ, я...

И умоляла.

Сэръ Джонъ дернулъ за шнурокъ, карета остановилась; онъ изъ нея вышелъ и подаль ей руку, но она отказалась отъ его помощи.

Дорога выбралась изъ долины, по которымъ кививалась, и теперь бѣжала вокругъ горы на сѣверъ отъ Грюневальда. Мѣсто, на которомъ она вышла изъ экипажа, образовало уголъ; крутая скала и нѣсколько искривленныхъ вѣтромъ сосенъ склонялись надъ ней. Внизу голубыя равнины уходили въ даль и сливались съ небомъ, а впереди дорога сильными изгибами поднималась къ мѣсту, гдѣ высокая башня на утесѣ замыкала собой горизонтъ.

— Вонъ,—сказалъ баронетъ, указывая на башню,—вы видите Фельзенбургъ, цѣль вашего путешествія. Я желаю вамъ счастливаго пути и сожалѣю, что не могу больше быть вамъ полезенъ.

Онъ сѣлъ въ карету, давъ знакъ кучеру и карета покатилась. Серафина стояла съ боку дороги и глядѣла передъ собой, ничего не видя. О сэрѣ Джонѣ она больше не думала: она ненавидѣла его, а то, что Серафина ненавидѣла или презирала, низводилась въ ея глазахъ до лиллипутской малости и переставало занимать ея мысли. Теперь у нея было много другого, о чемъ поразмыслить. Свиданіе съ Отто, которое она еще не простила ему, представлялось ей теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Онъ приходилъ къ ней еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго оскорбленія, и насколько это мѣняло весь смыслъ его словъ! Да! онъ, должно быть, любилъ ее; это чувство въ немъ было мужественное, а не происходило отъ слабости воли. А она, неужели она неспособна любить? Казалось, что такъ; и она глотала слезы и страстно желала увидѣть Отто, чтобы объяснить ему все и на коленяхъ попросить прощенья за всѣ свои прегрѣшенія, и если они были таковы, что ихъ нельзя загладить, то, по крайней мѣрѣ, воротить ему свободу, которой она его лишила.

Торопливыми шагами направилась она по горной дорогѣ и, сообразно ея извивамъ, то теряла изъ виду башню, то вновь видѣла ее передъ собой и подъ собой, озаренную горнымъ пурпурнымъ сіяніемъ.

II.

О ХРИСТИАНСКОЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Когда Отто сѣлъ въ свою подвижную тюрьму, онъ нашель въ ней другого сѣдока въ углу на передней скамейкѣ. Но такъ какъ этотъ человѣкъ сидѣлъ, опустивъ голову, и такъ какъ фонари каретные не освѣщали ея внутренности, а свѣтили снаружи, то принцъ и не могъ видѣть, кто это такой. Полковникъ послѣдовалъ за своимъ узникомъ и захлопнулъ дверцу; и послѣ этого четверня лошадей немедленно пустилась крупной рысью.

— Джентльмены, — сказалъ полковникъ, послѣ нѣкотораго молчанія, — если мы будемъ путешествовать молча, то лучше сдѣлали бы, еслибы сидѣли дома. Я, конечно, представляюсь вамъ не въ очень привлекательномъ видѣ; но я человѣкъ со вкусомъ, люблю книги и серьезный, ученый разговоръ и, къ несчастію, осужденъ всю жизнь проводить съ кордегардіи. Джентльмены, находящій случай для меня неожиданная удача, не отнимайте ея у меня. Я теперь вижу передъ собой сливки придворнаго общества, за исключеніемъ прелестныхъ женщинъ; я вижу великаго писателя въ лицѣ доктора...

— Готтольда!—вскричалъ Отто.

— Кажется, что намъ одна дорога,—съ горечью произнесъ докторъ.—Ваша свѣтлость на это не рассчитывали.

— На что вы намекаете?—закричалъ Отто,—на то, что я васъ арестоваль?

— Дѣло ясное,—отвѣчалъ докторъ.

— Полковникъ Гордонъ,—обратился къ нему принцъ,—сдѣлайте мнѣ одолженіе и оправдайте меня въ глазахъ г. фонъ-Гоненштоквина.

— Джентльмены,—сказалъ полковникъ,—вы оба арестованы по приказу принцессы Серафины, регентши государства; приказъ скрѣпленъ подписью перваго министра, барона фонъ-Гондремарка, и помѣченъ третьяго дня, двѣнадцатымъ числомъ. Я раскрываю вамъ тайны государственной тюрьмы,—прибавилъ онъ.

— Отто,—сказалъ Готтольдъ,—я прошу у васъ прощенья за свои подозрѣнія.

— Готтольдъ,—отвѣчалъ принцъ,—я не увѣренъ, что буду въ состояніи васъ простить.

— Ваша свѣтлость слишкомъ великодушны, чтобы не сдѣлать этого,—замѣтилъ полковникъ.—Но, извините, у меня на родинѣ существуетъ обыкновеніе благодарить Бога и я теперь предлагаю это сдѣлать.

Говоря это, полковникъ вынулъ изъ-подъ скамейки большую корзину, изъ которой торчали длинныя горлышки бутылокъ.—*Tu s'ent reducis...* какъ дальше, докторъ?—весело спросилъ онъ.—Въ известномъ смыслѣ я вашъ гость, и я увѣренъ, что вы оба слишкомъ хорошо понимаете мое затруднительное положеніе и не откажетесь облегчить его. Джентльмены, пью за здоровье принца!

— Полковникъ,—отвѣчалъ Отто,—вы веселый собесѣдникъ. Пью за здоровье полковника Гордона.

Послѣ этого всѣ трое принялись весело попивать вино, а, тѣмъ временемъ, карета выѣхала на большую дорогу и поѣхала быстро.

Внутри кареты царствовало благодушное настроеніе; вино зарумянило щеки Готтольда; смутныя очертанія лѣсныхъ деревьевъ, клочки звѣзднаго неба, то расpirавшагося, то суживавшагося, мелькали въ окна кареты; въ одно изъ нихъ, оставшееся открытымъ, лѣсной воздухъ долеталъ съ ночной свѣжестью; стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ весело звучалъ въ ушахъ. Тостъ слѣдовалъ за тостомъ; рюмка за рюмкой наполнялась и осушалась нашимъ тріо и они начали уже поддавать волшебному обаянію,

подъ вліяніемъ котораго смѣхъ все чаще и чаще нарушалъ долгіе промежутки мечтательнаго безмолвія.

— Отто, — сказалъ Готтольдъ, послѣ одного изъ такихъ тихихъ промежутковъ, — я не прошу васъ простить меня. Еслибы роли перемѣнились, то я бы не могъ простить.

— Пустяки, — отвѣчалъ Отто, — все это одни слова. Я прощаю васъ, но ваши слова и подозрѣнія болѣзненно отъливаются въ души. Да и не ваши только. Безполезно было бы, полковникъ Гордонъ, въ виду приказа, который вы выполняете, скрывать отъ васъ мою семейную распрю; она дошла до того, что стала общимъ достояніемъ. Ну, и что же могу я сказать, что я прощаю свою жену? да, конечно, могу сказать, и могу даже простить, но въ какомъ смыслѣ? Я, разумѣется, не стану мстить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, не могу иначе о ней думать, какъ объ особѣ, мнѣ вполнѣ посторонней.

— Позвольте, — вмѣшался полковникъ. — Надѣюсь, что я говорю съ христіанами? мы всѣ, надѣюсь, сознаемъ себя великими грѣшниками.

— Я отрицаю это сознаніе, — замѣтилъ Готтольдъ. — Согрѣтый этой живительной влагой, я отрицаю вашу тезисъ!

— Какъ, сэръ? вы никогда ничего худого не дѣлали? Но вѣдь я только-что слышалъ, какъ вы просили прощенья не у Бога, а у такого же простаго смертнаго, какъ и вы сами?

— Согласенъ, что вы поймали меня; вы сильны въ аргументаціи, г. полковникъ.

— Очень пріятно слышать. Я вѣдь воспитывался въ Эбердинѣ. Что касается вопроса о прощаніи, то онъ зависитъ отъ вольныхъ мыслей и (что гораздо опаснѣе) отъ регулярной жизни. Твердая вѣра и безпутная жизнь, вотъ корень мудрости. Вы оба слишкомъ добродѣтельные люди, чтобы уметь прощать.

— Парадоксъ немного натянутый, — отвѣчалъ Готтольдъ.

— Извините, полковникъ, — заговорилъ принцъ, — я охотно очищаю васъ отъ намѣренія оскорбить, но ваши слова являютъ, какъ сатира. Неужели вы думаете, что мнѣ пріятно слушать, что меня провозглашаютъ добродѣтельнымъ, какъ разъ тогда, когда я искушаю послѣдствія своего долгаго безпутства.

— О! простите! — закричалъ полковникъ: — васъ никогда не изгнали изъ церкви, вы не были разжалованы въ солдаты, а я былъ; былъ разжалованъ за нарушение воинской дисциплины. По правдѣ сказать, важна свѣтлость, а былъ горькимъ пьяницей; но теперь я исправился, — продолжалъ онъ, наливая себѣ вина. — Но, видите ли, человѣкъ, который, какъ я, дѣйствительно испыталъ

на самомъ себѣ недостатки своего характера и научился смотрѣть на себя какъ на родъ слѣпой игрушки въ рукахъ судьбы, получаетъ совсѣмъ иной взглядъ на снисходительность. Я не стану говорить о прощеньи другихъ, когда самъ нуждаюсь въ прощеньи. Мой отецъ, пасторъ Александръ Гордонъ, былъ добродѣтельный человѣкъ и предавалъ всѣхъ проклятію. Я же то, что называется порочный человѣкъ и въ этомъ-то и заключается вся разница. Человѣкъ, который не умѣетъ прощать другимъ, есть просто человѣкъ, не искушенный жизнью.

— А между тѣмъ, полковникъ, мнѣ говорили о васъ, какъ о дуалистѣ,—замѣтилъ Готтольдъ.

— Это совсѣмъ иное дѣло, сэръ, — отвѣчать солдатъ. — Это профессиональный этикетъ. И, смѣю думать, безъ всякаго нехристианскаго озлобленія.

Вскорѣ послѣ этихъ словъ, полковникъ крѣпко уснулъ и его спутники переглянулись съ улыбкой.

— Какой чудакъ! — сказалъ Готтольдъ.

— И удивительный стражъ, — прибавилъ принцъ, — но то, что онъ говорилъ, правда.

— Собственно говоря, — пробормоталъ Готтольдъ, — мы самихъ себя не можемъ простить, когда отказываемъ въ прощеньи ближнему. Во всѣхъ нашихъ ссорахъ играетъ роль наша собственная вина.

— Но развѣ не бываетъ такихъ оскорбленій, которые нельзя простить, если уважаешь себя?

— Отто, какой человѣкъ уважаетъ себя? Для этого бѣднаго бродяги-авантюриста мы представляемся respectableными джентльменами; но для себя самихъ, что мы такое, какъ не картонная вывѣска, за которой скрывается тѣмъ темъ слабостей и недостатковъ?

— Я, пожалуй; но ты, Готтольдъ, съ твоей ученостью, съ твоимъ трудолюбіемъ, острымъ умомъ, съ массой книгъ, написанныхъ тобой для блага человечества, съ твоимъ презрѣніемъ во всякимъ удовольствіямъ и соблазнамъ!

— Отто, я однимъ словомъ разрушу твои иллюзіи: я — пьяница. Да! Я слишкомъ много пью. Эта злосчастная привычка лишила тѣ книги, которыя ты такъ прославляешь, всѣхъ ихъ достоинствъ. Она испортила мой характеръ; при чемъ была добродѣтель въ томъ, что я говорилъ тебѣ вчера вечеромъ? И насколько во всемъ этомъ виновато было вино! Увы, увѣ! какъ говорить этотъ слабый братъ нашъ, мы всѣ великіе грубишныи, одинъ краткій мигъ живущіе на землѣ, знающіе о добрѣ, но

избирающіе зло и предстоящіе въ своей наготѣ и срамѣ передъ очами Бога!

— Неужели это такъ? Но, что-же мы въ такомъ случаѣ? И неужели лучше изъ людей...

— Лучшихъ нѣтъ, — перебилъ Готтольдъ. — Я не лучше, а вѣрнѣе, что гораздо хуже тебя или этого соннаго несчастливца. Я былъ фарисеемъ и теперь ты меня знаешь: вотъ и все.

— И все-таки ты не убилъ моей любви, — отвѣтилъ Отто мягко. — Наши дурные поступки не мѣняютъ насъ. Готтольдъ, налей себѣ вина. Выпьемъ за то, что есть хорошаго во всемъ этомъ дурномъ дѣлѣ; выпьемъ за нашу старинную дружбу и, затѣмъ, прости всѣ причины, вызывающія твое справедливое неудовольствіе, и выпьемъ за мою жену, которую я такъ обидѣлъ, и которая меня такъ обидѣла, и которую я оставилъ, боюсь, въ опасную для нея минуту. Что за дѣло до того, насколько мы дурны, если другіе насъ любятъ и мы любимъ другихъ?

— Ахъ, — отвѣчалъ докторъ, — ты это хорошо сказалъ. Это хорошій отвѣтъ песеннику и непрерывное чудо въ человѣческомъ родѣ. Итакъ, ты все еще любишь меня и можешь простить свою жену? Ну что-жъ, мы можемъ, въ такомъ случаѣ, зажать глотку совѣсти, какъ глухой собаке, которая лаетъ на вѣтеръ! Ахъ! любовь всего вѣрнѣе.

Оба замолчали и докторъ постукивалъ пальцами объ рюмку.

Карета выбралась изъ долины на ту часть горной дороги, которая огибаетъ фронтъ Грюневальда и господствуетъ надъ Герольштейномъ. Далеко внизу бѣлый водопадъ сверкалъ, оваренный сіяніемъ звѣздъ, ниспадая съ лѣснаго свата, а еще дальше внизу, ночь стояла надъ равниной. По другую сторону, свѣтъ отъ фонарей озарялъ пренести; и карлики-сосны, дрожа всѣми своими иглами, мелькали и снова исчезали изъ виду. Гранитная дорога гремѣла подъ колесами и копытами и, по временамъ, вслѣдствіе постоянныхъ изгибовъ дороги, Отто видѣлъ конвой, на противоположномъ краю пренести. Вотъ, наконецъ, высоко надъ ними, на скалѣ, смѣло выдававшейся въ горѣ, показался Фельзенбургъ, вырѣзывавшійся на звѣздномъ небѣ.

— Посмотри, Готтольдъ, вотъ мѣсто нашего назначенія.

Готтольдъ точно выпалъ изъ забытѣя.

— Я думаю, — сказалъ онъ, — что если есть опасность, то затѣмъ же ты не сопротивлялся своему аресту? Мнѣ говорили, что ты добровольно сюда отправился; но тебѣ слѣдовало бы быть тамъ, чтобы защищать ее!

Краска сбѣжала съ лица принца.

III.

Графиня Розенъ въ роли: PROVIDENTIA: дѣйствіе послѣднее, въ которомъ она скачетъ по лѣсамъ и горамъ.

Когда хлопотунья-графиня ушла отъ Серафины, то мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что она сильно струхнула. Она остановилась въ корридорѣ и перебрала въ умѣ всѣ свои дѣянія, мысленно представляя себѣ, какъ бы на это взглянулъ Гондремаркъ, еслибы узналъ. Въ одну минуту вѣеръ пришелъ въ движеніе, но ея безпокойство не поддавалось на этотъ разъ усиліямъ вѣера.

„Дѣвчонка потеряла голову“, подумала она и тутъ же съ досадою прибавила:

— Я зашла слишкомъ далеко.

И она немедленно рѣшила обратиться въ бѣгство. Убѣжищемъ для графини фонъ-Розенъ служила нѣкая сельская вила въ лѣсу, прозванная ею, въ припадкахъ поэтической лихорадки, „Сосновые Чары“, а всѣми другими называемая по-просту, безъ затѣй, Клейнбруннъ.

Туда, по зрѣломъ размысленіи, отправилась она во весь опоръ, проскакавъ мимо Гондремарка у поворота въ дворцовую аллею, но притворившись, что его не замѣтила. Такъ какъ Клейнбруннъ находился въ семи добрыхъ миляхъ разстоянія, въ глубинѣ узкой долины, то она провела ночь безъ всякихъ вѣстей о томъ, что творится во дворцѣ, а зарево его пожара было замаскировано лежащими между нимъ и ею холмами. Графиня фонъ-Розенъ дурно спала ночь; она серьезно тревожилась на счетъ результатовъ вчерашняго веселаго вечера и видѣла уже себя осужденной на продолжительное пребываніе въ своей пустынѣ и на длинную оборонительную переписку съ Гондремаркомъ прежде, нежели ей можно будетъ къ нему вернуться. Отъ нечего дѣлать она стала разсматривать документы, полученные ею отъ Отто, и даже тутъ увидѣла причину къ неудовольствію. Въ настоящія смутныя времена ей не особенно пріятно было владѣть землей, и, кромѣ того, она была увѣрена, что Отто гораздо дороже заплатитъ за ферму, чѣмъ она стоила. Кромѣ всего этого приказъ объ освобожденіи Отто буквально жегъ ей пальцы.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, она облеклась на утро въ щегольскую амазонку и мужскую шляпу и поехала къ воротамъ крѣпости Фельзенбургъ, сама хорошенько не вѣдая, зачѣмъ это дѣлаетъ, но съ обыкновеннымъ эксперимен-

тальнымъ взглядомъ на вещи. Комендантъ Гордонъ, вызванный къ воротамъ, привѣтствовалъ всемогущую графиню самымъ галантнымъ образомъ, хотя удивительно, какимъ старикомъ казался онъ по утру.

— Ахъ, комендантъ, — сказала она, — мы пріѣхали къ вамъ съ сюрпризомъ, — и многозначительно кивнула ему.

— Эхъ! графиня, оставьте мнѣ моихъ пѣвниковъ, и если еще вы къ нимъ присоединитесь, то я, клянусь, никогда не пожелаю перемѣнить образъ жизни.

— Вы-бы баловали меня, неправда ли?

— Я-бы постарался, постарался.

И онъ подаль ей руку. Она взяла ее и приподняла шлейфъ амазонки.

— Я пріѣхала, чтобы видѣть принца, по порученію этого идиота Гондремарка, который употребляетъ меня, какъ курьера. Развѣ я похожа на курьера, полковникъ Гордонъ? — сказала она и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Вы похожи на ангела, графиня, — отвѣчалъ комендантъ съ изысканной любезностью.

Графиня засмѣялась.

— Ангелъ верхомъ на лошади. Ну, скорѣе къ дѣлу.

— Вы пришли, увидѣли и побѣдили, — шутилъ Гордонъ, довольный собой и своимъ остроуміемъ. — Мы выпили за ваше здоровье въ каретѣ, графиня, рюмку отличнаго вина; мы пили въ честь самой красивой женщины и самыхъ красивыхъ глазъ въ Грюневальдѣ. Право, я въ жизни не видывалъ такихъ глазъ; только однажды, когда я былъ молодымъ глупцомъ въ коллегіи: ее звали Томазина Гегъ. Даю вамъ честное слово, что она была какъ двѣ капли воды похожа на васъ.

— Итакъ, вамъ было очень весело въ каретѣ? — спросила графиня, граціозно подавая зѣвокъ.

— Да, да, мы весело болтали. Но мы выпили, быть можетъ, немного больше, нежели это въ обычаѣ у принца, потому что сегодня, утромъ, онъ, мнѣ кажется, не въ своей тарелкѣ. Мы его опять развеселимъ къ вечеру. Вотъ его дверь.

— Чудесно; дайте мнѣ духъ перевести. Нѣтъ, нѣтъ, подождите. Будьте на-готовѣ и откройте по первому моему знаку.

И графиня, принявъ вдохновенную позу, запѣла своимъ красивымъ голосомъ: „Lascia ch'io pianga“, и когда дошла до известнаго мѣста, гдѣ лирически взывается къ свободѣ, то дверь, по ея знаку, открылась и она появилась передъ принцемъ съ сверкающими глазами и разгорѣвшимися отъ пѣнія щеками. Такое не-

обыкновенное, театральное появленіе было настоящимъ праздникомъ для печальнаго узника.

— Ахъ, графиня! вы здѣсь!—вскричалъ онъ и побѣжалъ ей на встрѣчу.

Она выразительно взглянула на Гордона и, когда дверь за-творилась, бросилась на шею принцу.

— Ахъ, какъ тяжело видѣть васъ здѣсь, — застонала она, прильнувъ къ нему.

Но принцъ стоялъ какъ пень въ этомъ завидномъ положеніи, и графиня немедленно образумилась.

— Бѣдное дитя, — проговорила она, — бѣдное дитя! Сядьте вотъ тутъ, около меня, и рассказывайте все про себя. Мое сердце рвалось къ вамъ. Какъ вы тутъ себя чувствуете?

— Графиня, — отвѣчалъ принцъ, къ которому вернулась вся его любезность, усаживаясь около графини: — теперь я буду чувствовать себя отлично, пока вы будете со мной. Но я жду отъ васъ вѣстей. Я горько упрекалъ себя за свою вчерашнюю инерцію. Вы благоразумно совѣтовали мнѣ сопротивленіе; мой долгъ былъ сопротивляться. Вы благоразумно и благородно совѣтовали мнѣ. Я думалъ объ этомъ съ удивленіемъ. У васъ благородное сердце.

— Отто, пощадите меня. Я даже не знаю, правильно ли я поступила? вѣдь у меня тоже есть обязанности; но когда я васъ вижу, онѣ всѣ вылетаютъ у меня изъ головы. Всѣ мои хорошія намѣренія испаряются.

— А мои приходятъ всегда слишкомъ поздно, — вздохнулъ онъ. — О! чего бы я не далъ за то, еслибы я сопротивлялся. Чего бы я не далъ за свободу?

— А что бы вы дали? — спросила она, и красный вѣеръ былъ развернуть; махая имъ, она зорко наблюдала за принцемъ.

— Я? Что вы хотите сказать? Графиня, у васъ есть новости для меня?

— О! О! — проговорила графиня сомнительно.

Онъ бросился къ ея ногамъ.

— Не шутите моими надеждами, — молилъ онъ: — скажите мнѣ, дорогая графиня, скажите! Вы не можете быть жестокой, это не въ вашемъ характерѣ! Дать? Что я могу дать? у меня ничего нѣтъ. Я могу только молить о состраданіи.

— Дитя, — отвѣчала она, — не дѣлайте этого. Это недобросовѣстно. Отто, вы знаете мою слабость. Пощадите меня. Будьте великодушны.

— О, графиня, не мнѣ, а вамъ быть великодушной, быть сострадательной.

Онъ взялъ ея руку и пожалъ; онъ осыпалъ ее ласками и мольбами. Графиня выдержала самую пріятную осаду и затѣмъ сдалась. Она вскочила на ноги, вытащила изъ лифа приказъ, согрѣтый у нея на груди, и бросила его на полъ.

— Вотъ!—вскричала она.—Я вынудила ее написать его. Воспользуйтесь имъ и погубите меня.

И она отвернулась, точно хотѣла скрыть силу своего волненія.

Отто набросился на бумагу, прочиталъ ее и громко вскрикнулъ:

— Боже ее благослови, Боже ее благослови!

И поцѣловалъ бумагу.

Графиня была очень добрая женщина, но это было выше ея силъ.

— Неблагодарный!—закричала она.—Я вырвала у ней этотъ приказъ, я предала своего патрона, чтобы добыть его, а вы благодарите ее, а не меня.

— Вы не можете порицать меня за это. Я люблю ее.

— Вижу. А меня?

— Васъ, графиня? Вы—мой самый дорогой, добрый и великодушный другъ,—сказалъ онъ, подходя къ ней.—Вы были бы совершенствомъ изъ друзей, еслибы не были такой красавицей. У васъ много юмора, вы не можете не сознавать своей прелести, и время отъ времени забавляетесь, испытывая мою слабость. И иногда мнѣ бываетъ весело отъ этой комедіи. Но не сегодня: сегодня вы будете самымъ искреннимъ, вѣрнымъ, мужественнымъ другомъ и дозволите мнѣ забыть, что вы прелестны, а я слабъ. Милая графиня, дозвольте мнѣ сегодня вполнѣ вамъ довериться.

Онъ, улыбаясь, подаль ей руку и она откровенно пожала ее.

— Вы околдовали меня. Сдаюсь и должна сознаться, что вы выпутались очень ловко изъ очень затруднительнаго положенія. Принцъ, вы такъ же ловки, какъ я прелестна.

И, говоря это, она, въ самомъ дѣлѣ, была прелестна.

— Вы выходите изъ своей роли, являясь мнѣ таковой очаровательной,—замѣтилъ принцъ, кланаясь.

— Это моя послѣдняя стрѣла. Я обезоружена. Все это пустые заряды, *shop prince*! А теперь говорю вамъ, что если вы покинете эту тюрьму, то погубите меня. Выбирайте!

— Графиня, я выбралъ и покину тюрьму. Долгъ призываетъ меня. Но, не бойтесь гибели. Напротивъ того, я предлагаю вамъ вмѣстѣ со мной, какъ медвѣдемъ на цѣпи, отправиться къ Гондремарку. Я стану вполнѣ безсовѣстенъ, чтобы спасти жену, я сдѣлаю все, что онъ хочетъ. Онъ будетъ удовлетворенъ. Будъ

онъ великъ, какъ Левиафанъ, и ненасытенъ, какъ могила, я удовлетворю его. И вся честь будетъ принадлежать вамъ.

— Рѣшено! Превосходно. Вы больше не Prince Charmant, а принцъ-волшебникъ, принцъ-Солонъ! Ѣдемъ тотчасъ же. Но, постойте, я прошу, дорогой принцъ, позволенія возвратить вамъ документъ на ферму. Ферма понравилась вамъ, а я вѣдь ее не видѣла. Кромѣ того, вы захотѣли помочь крестьянину, а не я. И, наконецъ, я предпочитаю получить свой долгъ деньгами.

Оба засмѣялись.

— Вотъ я опять сталъ фермеромъ,—сказалъ Отто, принимая документъ,—но за то погрязъ въ долгахъ по уши.

Графиня позвонила и комендантъ снова появился.

— Полковникъ,—сказала она,—я готовилась ѣхать вмѣстѣ съ его свѣтлостью. Результатомъ нашего разговора вышло полное соглашеніе и *coup d'état* устраненъ. Вотъ приеѣзъ.

Полковникъ Гордонъ осѣдлалъ носъ серебряными очками.

— Такъ,—сказалъ онъ,—я вижу подпись принцессы, но вѣдь онъ не скрѣпленъ барономъ.

— Генрихомъ? Я здѣсь его представителемъ.

— Отлично, ваша свѣтлость, поздравляю васъ, а себя жалѣю. Меня побѣдила красота и я остаюсь одинъ съ своимъ горемъ. Докторъ остается мнѣ въ утѣшеніе—*probus, doctus, lepidus, jucundus*: ученый человекъ.

— Ай, о бѣдномъ Готтольдѣ ничего не сказано?—спросилъ принцъ.

— Оставимъ его въ утѣшеніе коменданту,—замѣтила графиня.

— Надѣюсь, что ваша свѣтлость нашли меня почтительнымъ въ отправленіи временной тяжелой обязанности, выпавшей мнѣ на долю?—спросилъ Гордонъ.

— Полковникъ,—отвѣчалъ Отто, протягивая ему руку:—ваше общество само по себѣ уже было весьма пріятно. Я не только благодарю васъ за вашъ веселый нравъ, но также и за ваши философскія разсужденія, которыя мнѣ очень понравились. Надѣюсь, что вижу васъ не въ послѣдній разъ, а пока, на память о нашемъ странномъ знакомствѣ, позвольте предложить вамъ эти стихи, которые я здѣсь написалъ. Я не поэтъ, и тюремная рѣшетка плохая вдохновительница поэзіи, но я смотрю на свои стихи, какъ на курьезъ.

Лицо полковника просвѣтлѣло, когда онъ бралъ бумагу; серебряные очки опять торопливо были вздернуты на носъ.

— Ага!—сказалъ онъ,—александрійскій, трагическій стихъ. Я буду беречь это стихотвореніе, какъ святыню,

„Dieux de l'immense plaine et des vastes forêts!“

— Очень хорошо! право, очень хорошо!

„Et du géôlier lui-même apprendre des leçons!“

— Превосходно!

— Будетъ, комендантъ,—закричала графиня,— вы можете читать стихи, когда мы уйдемъ. Отошлите намъ свои ревнивыя ворота.

— Прошу прощенія; для человѣка съ моимъ характеромъ и вѣусами, эти стихи, этотъ краснорѣчивый намекъ... весьма трогательны, увѣряю васъ. Могу я предложить вамъ конвой?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала графиня.— Мы уйдемъ инкогнито, какъ и пріѣхали. Мы поѣдемъ верхомъ отсюда. Принцъ сядетъ на лошадь моего грума. Поспѣшность и тайна—вотъ все, что намъ нужно, г. полковникъ.

И она съ нетерпѣніемъ пошла впередъ. Но Отто нужно было еще проститься съ д-ромъ Готгольдомъ, и комендантъ послѣдовалъ за нимъ, держа въ одной рукѣ серебряные очки, а въ другой бумагу: онъ не могъ утерпѣть, чтобы не сообщить о своемъ стихотворномъ сокровищѣ всѣмъ, кого встрѣчалъ, и восторгъ его все усиливался, по мѣрѣ того, какъ онъ разбиралъ строчку за строчкой.

— Объявляю,—произнесъ онъ, наконецъ, съ видомъ человѣка, отрывшаго великую тайну,—что они напоминаютъ мнѣ стихи Робби Бёрнса!

Но всему бываетъ конецъ и Отто пошелъ пѣшкомъ рядомъ съ графиней вдоль горной стѣны, между тѣмъ, какъ грумъ слѣдовалъ съ лошадьми за ними. Кругомъ сіяло солнце, дулъ вѣтерокъ, проносились птицы и отрывался обширный горизонтъ; глазамъ представлялся цѣпій кустарникъ, ухо внимало журчанію горныхъ потоковъ, а далеко внизу подъ ногами зеленъ лѣсовъ сливалась съ сапфиромъ равнинъ.

Сначала они шли молча, потому что умъ Отто былъ полонъ восхищенія свободой и природой и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мысленно готовился къ свиданію съ Гондремаркомъ. Но когда они обошли первый рѣзкій выступъ скалы и Фельзенбургъ скрылся изъ глазъ, графиня остановилась.

— Тутъ мы садимъ на лошадей. Я люблю сказать съ хорошимъ спутникомъ.

Но пока она это говорила, карета показалась изъ-за ближайшаго угла по дорогѣ немного ниже того мѣста, гдѣ они стояли. Карета медленно двигалась, а немного впереди тихо шелъ путникъ съ записной книжкой въ рукахъ.

— Это сэръ Джонъ,—закричалъ Отто и обликнулъ баронета.

Тотъ спряталъ записную книжку въ карманъ, поглядѣлъ въ лорнетъ и замахалъ тросточкой. И всѣ трое пошли быстро на встрѣчу другъ другу. Они сошлись у впадины въ скалы, откуда била тонкая струя воды и дождемъ разлеталась надъ кустарникомъ. Баронетъ почтительно поклонился принцу, а въ поклонѣ графини выразилось насмѣшливое удивленіе.

— Неужели, графиня, вы не слышали новости?—спросилъ онъ.

— Какой новости?—закричала она.

— Новости перваго разряда: въ государствѣ — революція, республика объявлена, дворецъ сожженъ до тла, принцесса въ бѣгствѣ, Гондремаркъ раненъ.

— Генрихъ раненъ?—взвизгнула она.

— Раненъ и очень сильно страдаетъ, — подтвердилъ сэръ Джонъ.—Его стоны...

Съ губъ графини сорвалось такое проклятiе, что въ другую, болѣе спокойную, минуту ея слушатели подпрыгнули бы на мѣстѣ. Она подбѣжала къ своей лошади, вскачила на сѣдло и, еще не успѣвъ въ немъ плотно усѣсться, поскакала во весь опоръ. Грумъ, послѣ минутнаго недоумѣнія, послѣдовалъ за ней. Въ своемъ бѣшеномъ галопѣ она чуть не задѣла каретныхъ лошадей на краю обрыва, но проскакала дальше и ущелья разносили эхо ея бѣшеной скачки. Грумъ тщетно старался ее нагнать.

На четвертомъ поворотѣ, она чуть не задавила какую-то женщину, съ трудомъ поднимавшуюся вверхъ, и та съ громкимъ крикомъ отскочила, пробывъ на волосокъ отъ смерти. Но графиня не удостоила обратить вниманія на это обстоятельство. Она скакала, какъ бѣшеная, и грумъ едва поспѣвалъ за ней.

— Какая впечатлительная дама, — проговорилъ сэръ Джонъ. — Кто бы подумалъ, что она любить его.

Но не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, какъ принцъ схватилъ его за руку.

— Моя жена! принцесса? Что съ ней?

— Она идетъ по дорогѣ, — отвѣчалъ баронетъ. — Я разстался съ ней минутъ двадцать тому назадъ.

Въ слѣдующій моментъ баронетъ остался одинъ, а принцъ бѣгомъ пустился внизъ съ горы, по слѣдамъ графини.

IV.

ДѢТИ ВЪ ЛѢСУ.

Въ то время, какъ ноги принца быстро бѣжали съ горы, сердце его, которое сначала летѣло впереди ногъ, стало колебаться и трусить. Не то, чтобы онъ пересталъ жалѣть о бѣдствіяхъ Серафины или утратилъ желаніе ее видѣть; но воспоминаніе объ ея непобѣдимой холодности проснулось въ немъ и, въ свою очередь, пробудило его вѣчное недовѣріе къ самому себѣ.

Если бы сэръ Джонъ успѣлъ разсказать ему все, еслибы онъ только узналъ, что она спѣшитъ въ Фельзенбургъ, онъ полетѣлъ бы ей на встрѣчу. Но такъ какъ онъ ничего этого не зналъ, то подумалъ, что онъ опять навязывается съ своими услугами, пользуясь, быть можетъ, ея несчастіемъ, и теперь, когда она въ бѣдѣ, готовится лѣзть съ непрошенными нѣжностями къ женѣ, оттолкнувшей его въ минуты счастья. Прѣжнія раны, нанесенныя его тщеславію, опять заныли; опять гнѣвъ облекся личиною великодушія; онъ безусловно простить, помочь, спасетъ свою нелюбящую жену, но сдѣлаетъ все это на почтительномъ разстояніи, заставивъ молчать свое сердце, уважая равнодушіе Серафины, какъ невинность ребенка. Такимъ образомъ, когда, обогнувъ уголъ скалы, онъ увидѣлъ оборванную принцессу, съ трудомъ поднимающуюся въ гору, то его первой мыслью было успокоить ее въ чистотѣ своихъ намѣреній, и онъ тотчасъ пересталъ бѣжать и остановился. Она, съ своей стороны, протянувъ руки, побѣжала къ нему на встрѣчу съ легкимъ крикомъ, но, видя, что онъ остановился, тоже остановилась, парализованная угрызениями совѣсти, и, наконецъ, съ виноватой робостью направила къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ.

— Отто, — сказала она, — прости меня, я все погубила.

— О, Серафина! — произнесъ онъ съ рыданіемъ въ голосъ, но не двигаясь съ мѣста, частью сдерживаемый своими прекрасными намѣреніями, частью пораженный до онемѣнія ея утомленнымъ видомъ и оборваннымъ платьемъ. Еслибы она молчала, то они скоро очутились бы въ объятіяхъ другъ друга. Но она тоже готовилась къ этому свиданію и расхледила драгоцѣнныя минуты своими оправданіями.

— Ахъ, — продолжала она, — я все испортила. Но, Отто, выслушай меня съ снисходительностью. Я не оправдываться пришла, а сознаться въ своей винѣ. Я получила такой жестокий урокъ; у меня было время обдумать все и міръ крутомъ меня

совсѣмъ перемѣнился. Я была слѣпа, я ненавидѣла свѣтъ и гонялась за тѣнью. Но когда мечта разсѣялась и я предала тебя, и думала, что убила...

Она помолчала съ секунду.

— Я думала, что убила Гондремарка, — прибавила она, сильно покраснѣвъ, — и очутилась одна, какъ ты мнѣ предсказывалъ.

Упоминаніе о Гондремаркѣ точно прищипорило великодушіе принца.

— Ахъ, — вскричалъ онъ, — а чья-же это вина, какъ не моя собственная! Мой долгъ былъ остаться съ тобой, хотя бы ты меня не любила. А я ушелъ и бросилъ тебя на произволъ судьбы. Прошу тебя, прости меня и довѣрься моей любви. Только пойми меня хорошенько! — прибавилъ онъ, видя, что она хочетъ говорить и жестомъ прося ее повременить. — Моя любовь измѣнилась; она очищена отъ всякихъ супружескихъ притязаній; она ничего не проситъ, ни на что не надѣется, ничего не желаетъ взамѣнъ. Забудь навсегда ту ея сторону, которая была тебѣ такъ непріятна, и прими безъ смущенія мою братскую любовь.

— Ты слишкомъ великодушенъ, — отвѣчала она. — Я знаю, что оскорбила твою любовь. Я не могу принять такой жертвы. Лучше оставь меня. О, ступай и предоставь меня моей судьбѣ!

— Ну, нѣтъ! — сказалъ Отто: — прежде всего намъ надо выбраться изъ этого осенняго гнѣзда, куда я тебя загналъ. Моя честь тутъ замѣшана. Я говорилъ, что бѣдѣшь, какъ Іовъ, но, нѣтъ же! недалеко отсюда у меня есть свой собственный домъ, куда я могу отвезти тебя. Принца Отто больше не существуетъ, попытаемъ счастья въ роли охотника Отто. Пойдемъ, Серафина; докажи, что ты прощаешь меня (я простилъ, если только есть что прощать) и постараемся выбраться изъ этого непріятнаго положенія. Ты говорила, моя душа, что если не смотрѣть на меня какъ на мужа и на принца, то я пріятный человѣкъ. Я теперь не мужъ и не принцъ и, слѣдовательно, ты спокойно можешь пользоваться моимъ обществомъ. Пойдемъ; было бы глупо дать себя захватить; ты можешь идти?

— Отто, я все сдѣлаю, чтобы угодить тебѣ, — отвѣчала она съ излишнимъ жаромъ.

— Ну, такъ маршъ въ путь.

И онъ пошелъ впередъ, въ болѣе трудныхъ мѣстахъ оборачиваясь назадъ, чтобы помочь ей. Лицо ея каждый разъ при этомъ краснѣлось и она съ отчаяніемъ въ глазахъ взглядывала на него. Онъ видѣлъ это, но не смѣлъ понять, какъ слѣдуетъ. „Она не любитъ меня“, говорилъ онъ самому себѣ. „Это раскаяніе или

благодарность. Я былъ бы не джентльменъ, если бы воспользовался такой жалкой уступкой“.

Когда они спустились въ долину, то увидѣли, что торный потокъ, превратившійся здѣсь уже въ настоящую рѣчку, запруженъ былъ плотиною и на ней стояла мельница.

Мельникъ, заслышавъ шаги, вышелъ на порогъ; онъ и Отто взаимно узнали другъ друга и вздрогнули.

— Здравствуйте, мельникъ, — сказала принцъ. — Вы были, какъ видите, правы, а я ошибался. Я сообщаю вамъ новость и приглашаю идти въ Митвальденъ. Мой тронъ поверженъ... и ваши собратья по Фениксу правятъ государствомъ.

Краснощекій мельникъ выразилъ на лицѣ своемъ удивленіе.

— А ваша свѣтлость? — запинаясь проговорилъ онъ.

— Моя свѣтлость обратилась въ бѣгство, и направляется къ границѣ.

— Вы оставляете Грюневальдъ? это немислимо!

— Хотите арестовать насъ, пріятель? — съ улыбкой спросилъ Отто.

— Арестовать васъ? я? — вскричалъ мельникъ. — За кого ваша свѣтлость меня принимаете? Помилуйте, да я увѣренъ, что во всемъ Грюневальдѣ не найдется человѣка, который бы наложилъ на васъ руку.

— О, многіе, многіе! но отъ васъ, который былъ смѣлъ со мной во время моего величія, я скорѣй ожидаю помощи въ моемъ несчастіи.

Мельникъ сталъ цвѣта свеклы.

— И вы не ошибаетесь. Могу я попросить васъ и вашу супругу войти въ мой домъ.

— Намъ некогда, но еслибы вы были такъ добры и принесли намъ сюда рюмку вина, то сдѣлали бы намъ удовольствіе и услугу.

Мельникъ покрасилъ пуще прежняго. Онъ поторопился принести вино въ кружки и три прозрачныхъ хрустальныхъ бокала.

— Ваша свѣтлость, не думайте, что я настоящій мянница, — сказалъ онъ, наполняя рюмки. — Въ то время, когда я на бѣду попался вамъ на глаза, я былъ немножко подъ хмѣлемъ, но обыкновенно я человѣкъ трезвый и даже этотъ бокалъ, который я пью за ваше здоровье (и за здоровье принцессы), для меня необычное дѣло.

Всѣ трое выпили вина и затѣмъ, отказавшись отъ дальнѣйшаго гостепріимства, Отто и Серафимъ продолжали свой путь по долинѣ, въ которой стали показываться высокія деревья.

— Я долженъ былъ загладить свою вину передъ этимъ человекомъ, — сказала принцъ, — потому что въ послѣдній разъ, какъ я его видѣлъ, я жестоко обидѣлъ его. Быть можетъ, я сужу по себѣ, но начинаю думать, что человекъ отъ униженія не выигрываетъ.

— Это совсѣмъ въ твоёмъ духѣ, — отвѣчала она: — ты по добротѣ настоящій принцъ.

Она взглянула на него съ любовью, говоря это, и Отто встрепенулся.

— Не говори мнѣ такихъ вещей!

— Отто, я никогда не умалчивала про дурное, когда дурное подумала; зачѣмъ же я буду молчать про хорошее?

— Хорошо, хорошо, — перебилъ онъ, краснѣя. — Но подумаемъ сперва о нашей безопасности. Мой мельникъ прекрасный человекъ, но пальца въ ротъ ему класть не слѣдуетъ. Если мы будемъ идти вдоль по рѣкѣ, то она приведетъ насъ, послѣ безконечныхъ извивовъ, въ моему дому. Но тутъ есть проселочная тропинка, до того пустынная, что даже кабанъ рѣдко показывается на ней. Можешь ты идти по этой тропинкѣ, или же ты слишкомъ устала?

— Я пошла бы за тобой на луну.

— Чтò ты, чтò ты, — отвѣчалъ онъ, глупо растерявшись, — я хочу сказать, что тропинка очень трудная. Надо продирааться сквозь кусты и репейники.

— Неужели ты думаешь, что я такая нѣженка? Я такъ же мало боюсь репейниковъ, какъ и ты. Пойдемъ, показывай дорогу. Забудемъ, что мы когда-либо были владѣтельными князьями; я — Ева, ты — Адамъ. Увидишь, что я умѣю, подобравъ юбки, перескакивать черезъ рвы и ручейки. Пойдемъ; посмотри, вотъ полянка; возьмемся за руки и побѣжимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, они вышли на открытое мѣсто, зеленую и невинную лужайку, окруженную величественными деревьями. Она какъ будто приглашала къ дѣтскимъ играмъ и принцъ съ принцессой сдѣлали, какъ она предлагала. Рука е. лежала теплая и отзывчивая въ его рукѣ, и сердце въ немъ забилося не отъ того, что онъ бѣжалъ, но отъ ея близости. Когда они добѣжали до конца лужайки, она бросилась на землю и усадила его подлѣ себя, не выпуская его руки.

— Представимъ себѣ, что мы никогда до сихъ поръ не встрѣчались, — сказала она. — Ты меня не знаешь и я расскажу тебѣ мою исторію. Я была заморожена и сидѣла въ очарованномъ замкѣ, какъ вдругъ моя тюрьма рухнула и я убѣжала въ лѣсъ. Мнѣ кажется, что я до сихъ поръ не дышала; сердце во

мнѣ было мертво. Но вотъ я пришла къ ручью и сѣла около него; луна свѣтила, а затѣмъ наступила заря и я была обращена въ живую женщину. Вотъ моя исторія; рассказывай теперь свою.

— У меня нѣтъ никакой исторіи, кромѣ того, что я былъ большимъ безумцемъ и такимъ же остался.

— Дай, я тебѣ погадаю,—сказала она, глядя на его руку.— Вотъ, я вижу по линиямъ твоей руки, что ты всегда будешь великодушнѣе, даже съ тѣми, которые этого не заслуживаютъ; но я вижу также, что ты также и гордъ, и исполнѣе заслуживаешь любви и будешь любимъ; и тебя до сихъ поръ не понимали, а теперь всѣ твои друзья тебя обожаютъ.

— Кто меня обожаетъ?

— Всѣ!—закричала она.

И вдругъ прибавила:

— Оглядишься кругомъ себя, на эту долину, гдѣ листочки распускаются на деревьяхъ и цвѣты начинаютъ цвѣсть. Вотъ, гдѣ мы встрѣтились съ тобой и встрѣтились впервые; лучше забыть все, что было, и начать жизнь сначала. Я никогда тебя не видѣла, ты никогда меня не видалъ до сегодня. О! какой есть цѣлебный бальзамъ для нашихъ прегрѣшеній, божій даръ—забвеніе! И какое счастье проснуться взрослыми дѣтьми. Нѣтъ, мы до сихъ поръ никогда не встрѣчались.

— Серафина,—отвѣчалъ онъ,—пусть будетъ такъ; пусть все, что было, останется дурнымъ сномъ; пусть ты меня никогда не видѣла, а на тебѣ не женился, не обижалъ тебя; пусть я тебѣ посторонній. Я видѣлъ долгій сонъ и въ этомъ снѣ обожалъ дѣвушку, не добрую, но красивую, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшую выше меня, но холодную, какъ ледъ. И въ новомъ снѣ вдругъ увидѣлъ, что она измѣнилась и растаяла, тронулась моею любовью и отвѣчала на нее. И я—у котораго нѣтъ другихъ достоинствъ, кромѣ любви, рабской и покорной—лежалъ тихо и не смѣлъ пошевелиться, изъ боязни проснуться.

— И не шевелись,—произнесла она съ глубокимъ чувствомъ въ голосъ.—Не шевелись, мой другъ, а не то мы оба проснемся. Я тоже видѣла страшный сонъ. И вотъ, сидя здѣсь, говорю себѣ, что жилъ-былъ волшебный принцъ, который любилъ глупую и холодную дѣвчонку, любилъ, не смотря на всѣ испытанія; любилъ неблагодарную, измѣнницу, дерзкую, и когда, наконецъ, Богъ смягчилъ душу его негодной жены, его великое сердце простило ей все.

Такъ бесѣдовали они въ лѣсу, гдѣ царилъ весна, а тѣмъ временемъ въ Митвальденской ратушѣ провозглашалась республика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ПОСТОВЕРИТУМЪ, СЛУЖАЩІЙ ЭПИЛОГОМЪ РОМАНА.

Читатель, хорошо знакомый съ новѣйшей исторіей, не станетъ требовать подробностей объ участи республики. Самый вѣрный разсказъ объ этомъ можно найти въ мемуарахъ Грейзенгезанга (7 томовъ, Лейпцигъ), изданныхъ нашимъ мимолетнымъ знакомцемъ, докторантомъ Редереромъ. Докторантъ, съ обычной вольностью біографа, дѣлаетъ изъ своего героя великаго человѣка, центральную фигуру своего дѣла. Но, съ этой оговоркой, книга написана вѣрно и интересно.

Читатель, разумѣется, знакомъ съ энергическими и блестящими страницами сѣра Джона (2 тома; Лондонъ, Лонгманъ, Герствъ, Рисъ, Ормъ и Брѹнъ). Сѣръ Джонъ, который въ нашемъ историческомъ романѣ играетъ третьестепенную роль, въ своей собственной книгѣ выступаетъ на первый планъ. Его фигура тамъ нарисована во весь рѣстъ и самодовольство автора нашло оправданіе въ восхищеніи публики. Но одинъ пунктъ, однако, требуетъ поясненія: глава о Грюневальдѣ была разорвана рукой самого автора въ дворцовомъ саду; какимъ же образомъ она цѣликомъ попала въ мою скромную книгу? А вотъ какъ: этотъ замѣчательный литераторъ былъ человѣкъ методическій; „двухъ-экземплярный Ювеналъ“ — такъ обозвалъ его какой-то зонтъ. И когда онъ разрывалъ вышеупомянутые листки, то больше для того, какъ онъ объяснялъ впоследствии, чтобы доказать свою искренность, нежели съ мыслью истребить ихъ безъ возврата. Въ то время у него былъ второй рукописный экземпляръ его книги. Но глава, какъ читатель знаетъ, была честно выпущена изъ знаменитыхъ „Мемуаровъ о различныхъ европейскихъ дворахъ“.

Библиографія можетъ дать намъ дальнѣйшія свѣденія о нашихъ герояхъ. Передо мной небольшой томъ (напечатанный для лѣтимаго обращенія, безъ имени издателя): *Poésies, par Frédéric et Amélie*. Мой экземпляръ достался мнѣ случайно и имя перваго его владѣльца написано на заглавномъ листѣ рукой самого принца Отто. Скромный эпиграфъ: „*La rime n'est pas riche*“, можетъ быть приписанъ тому-же сотруднику. Онъ очень вѣренъ и я нашелъ этотъ томикъ необыкновенно скучнымъ. Тѣ стихотворенія, въ которыхъ мнѣ кажется, что я узнаю руку принцессы, особенно скучны и тяжелы. Но книжечка имѣла успѣхъ среди той публики, для которой была предназначена; я слышалъ, что вышелъ второй томъ этихъ стихотвореній, но не могъ достать его. Тутъ мы можемъ разстаться съ Отто и Сера-

финой, т.-е. съ Фредерикомъ и Амаліей—мирно старѣющими при дворѣ отца послѣдней, пописывая французскіе стихи и сообщая дѣрза корректуры.

Но просматривая дальше каталогъ книгъ, я вижу, что м-ръ Суинбёрнъ посвятилъ громкое лирическое стихотвореніе и шестнадцать энергическихъ сонетовъ памяти Гондремарка. Это имя по меньшей мѣрѣ дважды появляется въ трубныхъ гласахъ Виктора Гюго, прославляющихъ патриотовъ различныхъ странъ. И недавно, когда я уже считалъ свое дѣло оконченнымъ, я попалъ на слѣды потерпѣвшаго фіаско политика и его графини... Въ „Diary of J. Hogg Cotterill, Esq“. (весьма интересномъ сочиненіи),—я прочиталъ, что м-ръ Коттериль, въ бытность свою въ Неаполѣ, былъ представлять „барону и баронессѣ Гондремаркъ: онъ — нѣкогда надѣлалъ шуму, она—все еще красавица и оба чрезвычайно умны. Она очень хвалила, какъ я говорю по-французски,—говорила, что ни за что не признала бы во мнѣ англичанина, была знакома съ моимъ дядей, сэромъ Джономъ, въ Германіи, нашла, что у меня есть съ нимъ фамиліное сходство и его величественныя и вѣжливыя манеры... приглашала меня къ себѣ“.

И дальше:

„Посѣтилъ баронессу фонъ Гондремаркъ; остался очень доволенъ... весьма образованная, умная женщина, старой школы, нынѣ уже угасшей... Читала мои „Remarks on Sicily“... Эта книга напомнила ей книгу моего дяди, но она нашла въ ней больше изящества... я боялся, что, можетъ быть, за то она показала ей менѣе энергической... увѣрила, что нѣтъ... болѣе мягкое изложеніе... болѣе литературнаго изящества, но столько же энергіи мысли и твердости въ описаніяхъ. Чрезвычайно лестно. Я проникся истиннымъ уваженіемъ къ этой благородной патрицианкѣ“. Знакомство продолжалось нѣкоторое время, и когда м-ръ Коттериль выѣхалъ изъ Неаполя въ свитѣ лорда Протокола, какъ онъ тщательно извѣщаетъ насъ объ этомъ, на кораблѣ флага адмирала Ярдарма, одной изъ главныхъ причинъ его сожалѣнія, что онъ покидаетъ Неаполь, было то, что онъ разстается „съ этой крайне умной и симпатичной женщиной, которая уже смотритъ на меня, какъ на младшаго брата“.

А. Э.

ЭПИЗОДЫ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

МАЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХЪ

Окончаніе.

III *).

ПОЛЬСКІЙ УКРАИННОФИЛЪ ВЪ ЭМИГРАЦІИ.

До сихъ поръ еще не написана исторія польской эмиграціи, послѣдовавшей за неудачею возстанія въ 1830—1831 годахъ. Для этой исторіи есть очень много матеріала въ произведеніяхъ польской эмиграціонной поэтической литературы; много фактовъ эмиграціонной дѣятельности сохраняетъ политическая исторія съ 30-хъ и до 60-хъ годовъ, но все это еще не вполне рисуется внутреннюю жизнь обширнаго польскаго круга, выброшеннаго неудачей возстанія за границы своей родины, не изображаетъ того психологическаго состоянія, въ какомъ очутились страстные патриоты, лишенные всякой возможности непосредственно служить своему отечеству. Это психологическое состояніе несомнѣнно было ужасно. Это была не только потеря родины со всѣмъ тѣмъ кругомъ дѣятельности, впечатлѣній, обстановки, которыя съ дѣтства

*) См. выше: февралѣ, 725 стр.

были дорогой привычкой, условіемъ существованія; но это была въ сущности потеря всякихъ, сколько-нибудь исполнимыхъ ожиданій отъ будущаго. Къ этому присоединялось и тяжкое бѣдствіе матеріальное: лишь немногіе сохранили болѣе или менѣе свои матеріальныя средства; большинство оказалось въ полной нищетѣ. Правда, по разнымъ причинамъ, — и потому, что поляковъ считали бойцами за правое дѣло, за народную свободу, и потому, что они были врагами именно Россіи, — польскіе эмигранты встрѣчали въ Европѣ не мало сочувствій, особенно во Франціи, гдѣ и основалось главное гнѣздо эмиграціи; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ослабѣвало первое впечатлѣніе, сочувствія сокращались, помощь ограничивалась и положеніе эмиграціи становилось все мудренѣе въ матеріальномъ отношеніи, а рядомъ становилось все тяжеле и настроеніе нравственное. Послѣ 1831 г., Польша не подавала признаковъ жизни; наступившій морозъ вещей поддерживался энергически; иллюзіямъ не было мѣста. Но иллюзія оставалась единственной почвой, на которой могла жить и мысль, и патріотическое чувство; родина все болѣе и болѣе принимала для эмиграціи идеальныя очертанія обѣтованной земли, украшаемой всѣми очарованіями, которыя рисовало наболѣвшее чувство; жизнь реальная ускользала отъ анализа и исторія не послужила урокомъ.

Какъ бываетъ обыкновенно, эмиграція остановилась на тѣхъ идеяхъ, съ которыми покинула родину; она не взглянула на вещи съ новой точки зрѣнія, а только развивала старую, прискіывая для нея новыя опоры во внѣшнихъ обстоятельствахъ и въ фантазіи. То полагали, что какія-нибудь политическія комбинаціи измѣнятъ положеніе вещей и дадутъ Польшѣ полную свободу; то идеализировали безъ конца „польскую идею“, изъ которой сдѣлана была настоящая мистическая религія и, наконецъ, спасительная панацея для цѣлаго человѣчества. Главныя надежды долго и безылодно направлялись на Францію, — это тянулось до самаго Наполеона III; только долго спустя, поляки убѣдились, что имъ нечего ожидать съ этой стороны, что никто въ Европѣ не захочетъ воевать съ Россіей изъ платоническаго желанія возстановить такую Польшу, какой хотѣлось самимъ полякамъ. Поляки хватались за всѣ выраженія антипатіи и вражды въ Россіи, какія нерѣдко слышались въ тогдашней политической литературѣ, и связывали съ ними свою собственную вражду, — они только не замѣчали, что источники той антипатіи были не совсѣмъ тѣ, или совсѣмъ не тѣ, какими руководились они сами, что вообще ихъ политическія стремленія были далеко не тождественны съ стремленіями европейскаго либерализма или радикализма: они не замѣ-

чали, напримѣръ, что если въ европейскомъ политическомъ движеніи шла рѣчь о свободѣ и демократіи, то это была совсѣмъ не та свобода и демократія, о которыхъ думали поляки, что та свобода предполагала демократическое равенство, предполагала свободу мысли, между тѣмъ, какъ общество польское все было проникнуто идеями и привычками шляхетскими, а свобода мысли была абсолютно несовмѣстима съ тѣмъ ультра-католицизмомъ, который издавна сталъ чертой польскаго общества и нераздѣльнымъ условіемъ его патріотизма. Въ этомъ смѣшеніи польскаго дѣла съ европейскимъ либерализмомъ крылось несомнѣнное недоразумѣніе, которое, конечно, должно было раньше или позже обнаружиться, пожалуй, даже обнаруживалось и въ тѣ годы, когда, напримѣръ, галицкія событія 1846 г. указывали, что во внутреннихъ отношеніяхъ самого польскаго быта заключается глубокое противорѣчіе, не сознаваемое обществомъ... Надежды на европейское вниманіе не осуществлялись; попытки волновать Польшу изъ-за границы путемъ литературы и черезъ посредство эмисаровъ оказывались безплодны; эмисары попадались въ руки русской власти и погибали вмѣстѣ съ тѣми, кто вступалъ съ ними въ сношенія.

За невозможностью борьбы реальной, чувство къ родинѣ уходило въ фантастическія построенія, обещающія этой родинѣ возвышенно идеальное будущее, взаимѣ тяжкихъ испытаній настоящаго. Извѣстно болѣе или менѣе и въ нашей литературѣ, до какихъ размѣровъ дошли эти увлеченія польской эмиграціи въ мистическомъ ученіи Товянскаго, въ фантазіяхъ Гоэнэ Вронскаго, въ „мессіанизмѣ“ Мицкевича. Ученіе Товянскаго исполнено такими странностями, такими блужданіями мысли и чувства и, однако, находило себѣ такихъ преданныхъ и фанатическихъ последователей, что его распространеніе объясняется именно тѣмъ страшно возбужденнымъ состояніемъ, до какого доходилъ кругъ польской эмиграціи. Біографія Мицкевича, который былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Товянскаго за эти (сороковые) года, есть печальная исторія нравственнаго страданія, которое кончалось мистицизмомъ, болѣзненными порывами, пророчествами, но гдѣ среди мистическаго мрака нерѣдко блистала поэтическая сила и благородныя мечты о лучшемъ христіанскомъ будущемъ человечества и, особенно, любимой родины. Эта родина то вставала передъ нимъ какъ живая въ поэтическихъ картинахъ „Пана Тадеуша“ и „Дзядовъ“, то облекалась въ мистическій образъ, въ которомъ не было ничего реальнаго, но гдѣ собрались его самыя пламенныя мечты объ ея возрожденіи. Таковы были

извѣстный „мессіаниззмъ“ Мицкевича, гдѣ рядомъ съ культъмъ Наполеона предвозвѣщалось будущее обновленіе человѣчества черезъ славянство: это племя не равнялось съ Европою ни въ наукѣ, ни въ искусствахъ, но несравненно сильнѣе, чѣмъ Европа, сохранило оно свѣжесть чувства, воспримчивость къ глубочайшему содержанію христіанства, которымъ и должно было возродить жизнь человѣчества, — и во главѣ всѣхъ эта миссія принадлежала народу польскому... Польская поэзія временъ эмиграціи отражаетъ то же возбужденіе патриотическаго чувства, то углубляясь въ міровые вопросы человѣчества, то обращаясь съ воспоминаніями къ далекой родинѣ; это было полнѣйшее развитіе романтизма, въ которомъ заняла свое не послѣднее мѣсто и украинская школа: нѣкоторыя изъ ея главнѣйшихъ произведеній созданы были именно въ эмиграціи... Польскіе историки и публицисты, работавшіе въ эмиграціи, были въ тѣхъ же условіяхъ: оторванные отъ родины такъ же, какъ и первостепенные поэты эмиграціонной литературы, они возвеличивали прошедшее Польши и въ протестахъ противъ виновниковъ ея паденія не думали искать иныхъ причинъ печальнаго факта, кромѣ грубаго насилія и несправедливости. Въ этомъ настроеніи создавалось и то этнографическое представленіе о племенахъ: польскомъ, „русскомъ“ и „россійскомъ“, которое изложено было особливо въ писаніяхъ Духинскаго ¹⁾ и не однажды было опровергаемо въ русской литературѣ (между прочимъ, у Костомарова во времена „Основы“). Въ научномъ опроверженіи эта теорія теперь не нуждается; она слишкомъ переполнена грубымъ извращеніемъ фактовъ или просто незнакомствомъ съ русской исторіей и русскимъ языкомъ и невозможными этнографическими толкованіями, и ее слѣдуетъ разсматривать именно только какъ отраженіе того настроенія, какое владѣло умами въ эмиграціи. Теорія объясняла вражду Польши и „Москвы“ (Россіи) и связь Польши и „Руси“ (Малороссіи) этнографически. Польша и Русь, это — племена славянскія, искони связанныя одно съ другимъ; ихъ старый историческій союзъ требуетъ и теперь ихъ единства, т. е. принадлежности Украины въ Польшу, — а Польша раньше или позже должна опять стать свободнымъ и могущественнымъ королевствомъ; но племя „россійское“ есть вовсе не славянское, это — туранцы, принявшіе въ теченіе вѣковъ искорченный русскій языкъ; настоящее ихъ имя — москвиты и они только съ XVIII вѣка узурпировали имя „россіяне“, имъ вовсе не принадлежащее; въ религіи они также отдѣлились отъ „на-

¹⁾ Начатки этой этнографической теоріи появляются, впрочемъ, ранѣе Духинскаго.

стоящей греческой" (греко-униатской, подчиненной Риму) церкви и приняли „схизму“, и такъ далѣе, — словомъ, теорія есть цѣлый рядъ этнографическихъ и историческихъ невозможностей и цѣль ея одна — изобразить борьбу Польши противъ Россіи, какъ борьбу чистаго славянства съ азіатскими туранцами, и истинной цивилизаціи съ варварствомъ.

Въ этомъ волненіи умовъ, гдѣ такимъ страннымъ образомъ перемѣшивались разнообразныя выраженія патріотической страсти, отъ крайняго религіознаго мистицизма и восторженныхъ, хотя темныхъ построений будущаго величія народа, до крайней политической экзальтаціи, строившей заговоры и возстанія и задумывавшей даже социальное переустройство общества, — слышались въ толпѣ и голоса иного рода, въ которыхъ чувствовался отголосокъ простой исторической и практической дѣйствительности. Эти голоса говорили изрѣдка то, что не вспоминалось восторженнымъ поэтамъ и революціоннымъ предводителямъ. Въ эмиграціонной литературѣ встрѣтилась намъ книжка, не лишенная интереса въ этомъ отношеніи. Авторъ ея, нѣкто Яворскій, былъ также эмигрантъ, покинувшій родину послѣ возстанія, повидимому, много бѣдствовавшій въ изгнаніи, человекъ не крупный, самъ заявлявшій, что онъ не умѣетъ искусно владѣть литературнымъ словомъ, но тѣмъ не менѣе горячій патріотъ, принимавшій живой интересъ въ хлопотливой и отчаянной агитаціи, которую вели его соотечественники-изгнанники ¹⁾. Яворскій былъ, повидимому, средней руки шляхтичъ и былъ „державцей“ (арендаторомъ) въ имѣніяхъ графа Александра Потоцкаго, которому и посвящена его книжка. Онъ провелъ жизнь на Украинѣ и уже въ зрѣлыя года попалъ въ эмиграцію; занятіемъ его дома было сельское хозяйство и онъ, видимо, много вращался въ народѣ правобережной Украины, живалъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи; малорусскимъ языкомъ, который не разъ появляется въ книжкѣ, онъ владѣлъ довольно хорошо. По его собственному разсказу, прежніе его взгляды и обычаи были тѣ самыя, какими отличалась вся подобная шляхта или громадное ея большинство. Посвящая книжку Потоцкому, онъ говорилъ, напр.: „насколько вы были отцомъ для своихъ подданныхъ, настолько ваши арендаторы и поссессоры были ихъ угнетателями“. Занимаясь хозяйствомъ, онъ, по его собственнымъ словамъ, въ тѣ годы искалъ только прибыли и не обращалъ никакого вниманія на самый народъ, который былъ для него

¹⁾ Przypomnienia Ukrainskie, czyli Wiara ludu w swą przyszłość, przez Jakoba Jaworskiego, z Ukrainy. Pod dniem 5° stycznia 1846 roku. W Drukarni Maistrasze i Wspólki, plac Cambrai, n. 2.

только грубой рабочей силой, презираемой и притѣсняемой. Долгіе годы изгнанія произвели въ немъ большую перемену: тотъ порядокъ отношеній, въ которомъ онъ провелъ свою прежнюю жизнь и въ которомъ жили обыкновенно польскіе помещики въ малорусскихъ земляхъ, предсталъ ему въ иномъ свѣтѣ, когда онъ пораздумалъ о немъ на своемъ печальномъ досугѣ.

Его взглядъ состоялъ теперь въ слѣдующемъ. Прежде всего Польша во всякомъ случаѣ должна освободиться отъ власти „тирана“ и „деспота“; Яворскій вмѣшивается въ толки, ходившіе въ эмиграціи о средствахъ этого освобожденія; онъ негодуетъ на тѣхъ, кто думалъ, что освобожденіе должно простираться только на одну конгрессовую Польшу: по его мнѣнію, Польша должна быть такая, какою была до того насилія, которое совершили надъ ней „три разбойника“, т.-е. въ границахъ 1772 года, если не отъ моря до моря, то, по крайней мѣрѣ, до Чернаго моря (о Балтійскомъ онъ умалчиваетъ). Такимъ образомъ Украина является для него необходимой составной частью его отечества—какъ это было не только передъ 1772 годомъ, но собственно въ первой половинѣ XVII вѣка. Для Яворскаго нѣтъ даже вопроса о различіи двухъ племенъ, о томъ, что малоруссы, пожалуй, не захотѣли бы возвратиться въ составъ этого предполагаемаго польскаго государства—оба племени онъ противопоставляетъ „Москвѣ“, считаетъ ихъ этимъ связанными въ одно. Видимо, что живя въ польскомъ шляхетскомъ кругу Украины, онъ былъ въ наивномъ предположеніи, что живетъ дѣйствительно въ польской странѣ, что украинскій народъ (отличный отъ „россійскаго“) не помышляетъ объ удаленіи отъ Польши; но теперь Яворскій убѣдился въ ложномъ и несправедливомъ отношеніи поляковъ къ этому народу и указываетъ на эту несправедливость потому, что считаетъ ее крайне вредной политически для общаго польско-украинскаго дѣла. Излагая свои мысли объ этомъ, онъ переносится въ Малороссію и съ сочувствіемъ говоритъ о малорусскомъ народѣ, какъ о своемъ.

Первая глава книжки озаглавлена: „Можетъ ли имя короля быть принято за вѣсть до повстанія?“ Онъ не споритъ, что Польша, „по мнѣнію каѣдниковъ“¹⁾, въ первыя минуты своего политическаго существованія можетъ установить у себя монархическое правленіе; но онъ возстаетъ противъ того, чтобы именемъ „короля“ можно было вызвать въ восстанію цѣлый народъ „долгой и широкой Польши“: это не можетъ быть практично; „это —

¹⁾ Сохраняемъ эту терминологию для мѣстнаго колорита.

заблужденіе тѣхъ, которые хотѣли бы навязать монархію, не выслушавши воли народа, и такое заблужденіе никогда не можетъ пройти безнаказанно". Въ давней Рѣчи Посполитой,—продолжаетъ онъ,—имя короля имѣло свое значеніе; но народъ земледѣльческій не понимаетъ его,—почему же? „Неужели же черезъ 13 лѣтъ изгнанничества ¹⁾ мы еще не поняли, что революція шляхетская, со своими понятіями и девизами, не можетъ сдѣлать ничего прочнаго; противъ трехъ разбойниковъ нужна вся сила польскаго народа, и это убѣжденіе мы освятили нашими несчастіями. Будемъ же поэтому искать для Польши девиза, который отвѣчалъ бы потребностямъ угнетаемаго народа" ²⁾. Яворскій хочетъ говорить только объ Украинѣ, о земляхъ, гдѣ говорятъ языкомъ украинскимъ. Здѣсь,—замѣчаетъ онъ,—имя короля извѣстно только по одной думѣ о Потоцкомъ ³⁾; она поется повсюду съ проклятіемъ противъ угнетенія,—и „никогда въ Украинѣ возстаніе не будетъ вызвано подъ шляхетскимъ кличемъ".—„Мысль о борьбѣ только за конгрессовую Польшу была бы преступленіемъ, даже низостью со стороны тѣхъ, кто на челѣ возстанія забылъ бы нѣкогда о тѣхъ прекраснѣйшихъ земляхъ не только во всей Польшѣ, но и въ Европѣ. Быть можетъ, я увлекаюсь, какъ дитя богатой Украйны, но меня не пойметъ лишь тотъ, кто не знаетъ тѣхъ провинцій, которыя, какъ писалъ Трембецкій, текутъ молокомъ и медомъ". Яворскій припоминаетъ, что народъ говорилъ повстанцамъ: „*neschaj Boh romahaje tym, chto o nas dobre dumaje*". „Какой же мы видѣли результатъ предсказанія хлоповъ? Польша пала, потому что мы никогда не имѣли доброй мысли объ угнетенномъ народѣ, и не имѣютъ еще многіе изъ насъ въ эмиграціи; но пусть они помнятъ, какой былъ конецъ революціи,

¹⁾ Книжка Яворскаго, по словамъ его, написана была за два года до ея напечатанія.

²⁾ Яворскій, предоставляя людямъ болѣе ученымъ растолковать, почему народъ земледѣльческій не разумѣлъ значенія имени короля, прибавляетъ: „почти во всѣхъ шляхетскихъ домахъ пѣлись пѣсни о конституціи третьяго мая, но нѣкто или не смѣлъ, или не умѣлъ перевести эту пѣсню на языкъ народа, чтобы эта традиція могла остаться въ его памяти,—а почему? Легко угадать. Конституція третьяго мая всего слабѣе коснулась чувства и свободы земледѣльческаго народа; можно сказать, что совсѣмъ не коснулась.—А теперь вы хотите поднять народъ именемъ короля и конституціи? Ахъ, заблужденіе, и что за заблужденіе!" и т. д.

³⁾ Онъ приводитъ стихи этой думы: „*Oj ty Potocki, wojewodzki synu,—Zapropastywųś Polszczu, Lytwu i wsiu Ukrainu,—Dumka twoja buła, szczob korołem staty,—Pojechał do Caruś, pomocu szukaty,—Pryjde toj czas i taja hodyna,—Zhyniesz marnie, wraży synu, i twoja rodyna*" и пр.

начатой въ 30-мъ году; таково же будетъ и начало слѣдующей, если мы совсѣмъ не удалимъ отъ себя мысли объ угнетеніи“.

Яворскій, повторяя, что въ украинскихъ земляхъ не знаютъ имени короля, утверждаетъ, что тамъ помнятъ только ту свободу, какая была въ „давней Польшѣ“; большое значеніе онъ даетъ вліянію Литовскаго статута — тамъ шляхта крѣпче держалась старины, гдѣ господствовалъ этотъ статутъ. Онъ караетъ шляхту за ея наклонность къ новизнамъ, за потерю старыхъ добродѣтелей; но народъ украинскій, по его словамъ, очень помнитъ, что „въ польскія времена было лучше, чѣмъ теперь“ (мы скажемъ дальше, какъ надо понимать это утвержденіе Яворскаго о „польскихъ временахъ“).

О современномъ (въ сороковыхъ годахъ) положеніи вещей Яворскій не обманывается. „Народъ Украйны, Волини, Подоли ненавидитъ своихъ пановъ за угнетеніе, и справедливо; у него всегда готовъ ножъ для мщенія... Года три передъ революціей 1830 года, украинскій народъ началъ убѣждаться, что не паны, а правительство—причина податей и особенно рекрутства. Но это убѣжденіе ни малѣйшимъ образомъ не ослабило его ненависти къ панамъ, потому что тиранство со стороны помѣщиковъ и тѣхъ, кто отъ имени помѣщиковъ управляетъ хлопами, сильнѣе рекрутства и подушныхъ. Прискорбно сказать, что на Украйнѣ, на Волини и Подоли, мало, чрезвычайно мало число нравственныхъ и честныхъ помѣщиковъ; почти всѣ — тираны; много тщеславныхъ, праздныхъ, безъ образованія, безъ сердца, и много между ними голышей, потому что то, что бѣдный хлопъ въ потѣ лица заработаетъ въ годъ, онъ спуститъ въ одинъ мѣсяцъ, и стоитъ такому мигнуть, какъ хлопъ видитъ въ рукахъ эконома готовую плеть на свое тѣло“. — Картина, вѣроятно была правдива, но Яворскій дѣлаетъ изъ нея такой выводъ: „какъ же несчастному народу не помнить и не желать давней Польши? И чѣмъ поможетъ имя короля? Ничѣмъ“.

Яворскій съ раздраженіемъ и презрѣніемъ говоритъ о магнатствѣ, „богатой испорченной шляхтѣ“, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, „что есть недоученаго и празднаго между менѣе богатыми“, не забываетъ стараго присловія: *szlachcię na zagrodzie główny wojewodzie*, или: *każdy polak do korony zrodzony*. Онъ изумляется, что „въ XIX вѣкѣ еще находятся фамиліи (подразумеваются Чарторыйскіе), которыя думаютъ, какимъ бы способомъ возложить на свою голову корону бѣдной поработченной Польши“, — потому что не сомнѣвается, что никому изъ магнатовъ не удастся быть королемъ хотя бы конгрессовой Польши „даже на 24 ми-

нуты"; напротивъ, это магнатство всего скорѣе измѣняетъ родинѣ изъ-за своихъ интересовъ и дастъ покупать себя игрушками, общаніями и золотомъ.

Въ концѣ этихъ разсужденій является слѣдующій выводъ. „Украинскій народъ,—и я не сдѣлаю ошибки, если скажу: народъ цѣлой Польши, — можно привести въ движеніе, зажечь и воспламенить только во имя свободы. Но, вызывая къ возстанію народъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ пункта напротивъ Кіева, во всей почти губерніи Полтавской, а на правомъ отъ Канева во всей Смилыянщинѣ, надо напомнить ему о свободахъ, какія имѣлъ онъ во времена атаманскія, потому что онѣ не вышли изъ его памяти и нитѣмъ не были изглажены. Но надъ Чернымъ моремъ, Днѣстромъ, въ цѣлой Украинѣ, Подоли и Волыни, народъ понимаетъ только свободу и къ ней стремится. Онъ поднимется весь, если увидитъ и увѣдаетъ, что не паны и никакое магнатство,—потому что сегодня они могутъ общать, а завтра перемѣнить,—но только сама Польша (?), мать всѣхъ своихъ дѣтей, за кровь жизнь, принесенныя на то чтобы снять съ нея цѣпи тирановъ, будетъ награждать не только свободой, равенствомъ, но и кускомъ земли изъ своего лона, за который онъ столько вѣковъ несъ тяжелую барщину. Такой кличъ—практиченъ; народъ повѣритъ тогда, что Польша его не обманываетъ; онъ тотчасъ схватится за оружіе, какое подвернется подъ руку, съ одной мыслью, согласно, и будетъ истреблять наѣздниковъ“.

„Но только онъ долженъ быть вызванъ не какъ хлопъ, крѣпостной, но какъ полякъ, сынъ одной матери и одного отца (?)—такое эхо разнесется и съ конца въ конецъ долгой и широкой Польши. Подъ такіе знаки, изображенные на хоругвяхъ повстанія, направятся всѣ силы, которыя наѣзники насиліемъ отняли у Польши, и онѣ съ оружіемъ въ рукахъ умножатъ силу отцовъ и братьевъ противъ угнетателей нашего отечества. Этому надо вѣрить. А если представите народу знаки королевскіе, то будьте увѣрены, что всѣ силы, отнятыя у Польши изъ земель, находящихся теперь подъ властью наѣздниковъ, вы будете имѣть противъ себя и они будутъ биться за своего царя, цесаря и за своего Koenig'a“.

Нѣтъ, кажется, надобности останавливаться на странности этихъ представленій о политическихъ отношеніяхъ Польши и Малороссіи. Яворскій, съ одной стороны, заблуждается, находя чистѣйшую Польшу въ томъ юго-западномъ русскомъ краѣ, гдѣ было только много польскихъ помѣщиковъ; съ другой, это представленіе связано у него съ памятью, напр., не о ближайшемъ

XVIII вѣкѣ, а о XVI—XVII-мъ, когда здѣсь дѣйствительно было польское государство. Онъ увѣренъ, очевидно, что поляки могутъ втянуть въ польское возстаніе малорусскій народъ, давши ему свободу и „кусокъ земли“; но, не говоря о малой вѣроятности такого дѣла, которое и при доброй волѣ полякамъ мудрено было бы исполнить, въ этомъ народѣ трудно или даже невозможно было бы истребить съ разу ту ненависть (и слѣдовательно недоувѣріе) къ панамъ, которую самъ Яворскій указываетъ такъ категорически. Очевидно, это была соломенка, за которую патриотъ хватался, чтобы спасти потерянное дѣло своей родины; но его собственное убѣжденіе было несомнѣнно искреннее и оно очень любопытно, какъ образчикъ возникшаго понятія о необходимости иныхъ отношеній со стороны поляковъ къ малорусскому народу. — Въ опроверженіе его мечтаній, въ томъ же 1846 году произошли извѣстныя галиційскія убійства, гдѣ польскихъ помѣщиковъ истребляли даже не малорусскіе, а польскіе же крестьяне.

Слѣдующая глава посвящена вопросу: „чѣмъ можно убѣдить украинскій народъ?“. Яворскій отвѣчаетъ на него вообще тѣмъ, что въ людяхъ народа надо уважать ихъ человѣческое достоинство, что, конечно, справедливо. Въ объясненіе своей мысли, онъ обращается къ воспоминаніямъ о своей жизни на Украинѣ.

„Читатель,—начинаетъ онъ,—если ты живешь въ богатой Украинѣ и если тебѣ по какому-нибудь особенному случаю попадутся на глаза мои воспоминанія, не подражай мнѣ такому, какимъ я былъ до революціи 1830 года. Подумай, и самъ выйди изъ этихъ заблужденій, потому что иначе ты нѣкогда не перестанешь походить на сильнаго звѣря, который бьетъ и угнетаетъ тѣхъ, кто его слабѣе; пусть кончится на насъ то черное, адское пятно, которое недостойно челоуѣка нѣсколько образованнаго, и пусть оно не коснется молодого поколѣнія. Ты знаешь, какое его теперешнее воспитаніе? Но подражай мнѣ, каковъ я теперь, и ты вступишь на истинную дорогу чести; ты узнаешь, что ты—челоуѣкъ, а не сильная скотина; ты узнаешь въ бѣдномъ, отъ угнетенія униженномъ, нашемъ хлопѣ, равнаго тебѣ, будешь любить его тою же братскою любовію, какую всѣмъ предписалъ Христосъ; ты найдешь въ немъ друга, откроешь въ своемъ закамѣнѣломъ сердцѣ—сповойствіе, въ твоей холодной душѣ—огонь любви къ ближнему; ты поднимешься выше звѣря. А твое поколѣніе будетъ благодѣлать тебя, что ты указала ему простую, самимъ Богомъ завіщанную дорогу“.

Въ прежніе годы, авторъ часто ѣздилъ въ Одессу для про-

дажи хлѣба. Онъ ѣздилъ обыкновенно, почти каждый годъ, по тракту на Богополь, гдѣ лежалъ и обычный путь чумаковъ, возившихъ пшеницу въ ту же Одессу. — „Миля на четыре отъ Богополя, — рассказываетъ Яворскій, — можно уже видѣть весь блескъ равнины, гдѣ видны только степь и небо, ни одной деревеньки, и гдѣ медленнымъ шагомъ тянутся одинъ за другимъ возы чумаковъ, большей частью съ пшеницей. На моей дорогѣ меня захватили сумерки, миля за три до мѣстечка, гдѣ я долженъ былъ ночевать. Ночь темная, погода въ июнѣ прекраснѣйшая, и трактъ (теперь я могу сказать это, потому что въ ту пору не могъ ни съ чѣмъ этого сравнивать) былъ освѣщенъ лучше и яснѣе, чѣмъ парижскіе бульвары. Каждая „валка“ (партія) чумаковъ стоитъ одна отъ другой шаговъ на двѣсти, и около каждой зажжены огромные костры изъ сухого бурьяна. При огняхъ сидятъ гордые чумаки; одни играли на своихъ сопилкахъ украинскія думы, другіе, не поражая уха, вторили имъ заунывнымъ, но далеко разносившимся голосомъ. Слышались изрѣдка ржѣ быка, ржаніе коня, отдалившихся отъ своего стада, голосъ журавля, ходящаго на стражѣ, когда другіе спали, или другой дикой степной птицы. Казалось, что это было близко отъ тракта, но нѣтъ, это было далеко, очень далеко, въ степи, но эхо доходило до ушей изъ самыхъ далекихъ угловъ равнины въ тихую и спокойную ночь. Не разъ я приказывалъ ѣхать тише, не зная въ то время, почему эта величественная картина трогаетъ мою душу. Потому что мысли мои заняты были тогда жаждой прибыли, черезъ притѣсненіе бѣднаго хлопа; я не думалъ тогда и о красотѣ природы. — Такіе мы были всѣ паны богатой Украины, Подоли и Волыни. Теперь я повторяю себѣ не разъ, что, конечно, никто изъ польскихъ поэтовъ не сдѣлалъ пути до Одессы ночью въ указанныхъ мѣсяцахъ, если никто изъ нихъ не написалъ объ немъ чего-нибудь хорошаго. Я сузу по простому не поэтическому восхищенію; но нахожу великую разницу между иллюминированными искусственнымъ газомъ бульварами, съ ихъ утомляющимъ до скуки шумомъ, и естественнымъ огнемъ освѣщеннаго тракта въ стенахъ одесскихъ... На этомъ океанѣ черной земли трактъ освѣщенъ однимъ ровнымъ свѣтомъ, въ природѣ господствуетъ тишина и спокойствіе божьей ночи. Ахъ, какая эта разница! Только великій поэтъ можетъ это описать; а мнѣ, не имѣющему для этого дара, кромѣ чувства и горести по утраченной отчизнѣ, не слѣдуетъ больше говорить объ этомъ.

„Сравнивая дорогу черезъ эти степи въ теченіе дня и ночью, находишь большую разницу: насколько ночь величественна и не

отяготительна для путника, настолько день утомителенъ, потому что видишь только степь, убранную зеленой травой и разнообразными цвѣтами, и ясное небо, на которомъ часто вѣтъ ни единой тучки и при сильномъ жарѣ солнца дорога утомляетъ мысль человека. Поэты навѣрно ѣхали здѣсь днемъ, а не ночью.

„Ежели на дорогѣ нѣкоторое пространство покрыто было темной ночью, это было знакъ, что здѣсь на своемъ переходѣ остановилась на отдыхъ саранча; за полверсты или больше можно было уже слышать шелестъ саранчи, ползущей другъ черезъ друга, и когда нужно было переѣзжать эту рѣку, часто въ тысячу шаговъ ширины или больше, это производило неприятное впечатлѣніе не только на людей, но и на лошадей, которымъ нужно было брести въ этой отвратительной, все уничтожающей лавѣ; на мѣстѣ зеленой травы и хлѣба, которыхъ она касалась на своемъ переходѣ, она оставляла только черную землю, покрытую ея грязными слѣдами. Это разрушеніе, происходящее почти каждый годъ, не даетъ себя очень чувствовать только на одесскихъ степяхъ; въ другихъ болѣе людныхъ мѣстахъ оно произвело бы голодъ. Не могу ни съ чѣмъ сравнить этого шелеста и этого шуршанія отъ конскихъ копытъ и колесъ, а изъ цѣлой массы выходитъ запахъ не только неприятный, но рѣзкій и захватывающій дыханіе.

„Такимъ иллюминированнымъ трактомъ я ѣхалъ цѣлую милю. Приблизившись къ одной партіи, я увидѣлъ сидящихъ около огня пять чумаковъ съ головами, нѣсколько заросшими постлѣ бритья, съ длинными оселедцами, заложеными за ухо, въ жупанахъ и пестрыхъ широкихъ шараварахъ, во многихъ мѣстахъ запачканныхъ дегтемъ; я велѣлъ задержать лошадей и спросилъ обычнымъ способомъ: „Jaki hogodiany“ (откуда чумаки)? они отвѣчали важно и не вставая: „z nad Dnipro, i za Dnipro riznich hogodiw“. Этотъ смѣлый отвѣтъ не понравился испорченному шляхтичу ¹⁾, а притомъ никто изъ нихъ не всталъ; но я сказалъ: „czy pozwolite mi ni koło waszój walky perenoczuwaty?“ всѣ почти въ одинъ голосъ отвѣчали: „z cilo ho sercia pręsum“. Я ошелевъ съ бранныи и, подходя къ огню, велѣлъ подать лапцъ съ водкой; лакей, поставивши водеу, отозвалъ меня въ сторону и шепнулъ мнѣ: „зачѣмъ панъ хочетъ тутъ почевать между этими гайдамаками; пусть панъ взглянетъ—у каждаго изъ глазъ и изъ-подъ этого оселедца видно, какъ будто у него ножъ

¹⁾ Авторъ говоритъ о самомъ себѣ.

готовъ въ рукѣ“. Еслибы я возвращался изъ Одессы¹⁾, можетъ быть, на меня подѣйствовали бы слова человека, перепуганнаго одними только разсказами объ уманьской рѣзнѣ. Я разсмѣялся: „ты глухъ, я ѣду въ Одессу; развяжи укладку и готовъ постель“. — Самъ я пошелъ къ огню, угостилъ чумаковъ водкой и спросилъ: „kotorii z was od Dnipra i za Dnipra?“ Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: „Nas troch od Dnipra, a ti dwoch z za Dnipra, ale jako susidy, bo tylko czerez riczku, ziszlysmosia razem i odnoho bahatia (огня) derżemosia“.

„Почти по всему тракту слышны были пѣсни; мои сосѣди сидѣли и разговаривали. Я слышалъ ихъ бесѣду и вся она теперь почти слово до слова припала мнѣ на память, не знаю откуда, потому что въ ту пору она на утро уже вылетѣла у меня изъ головы. При сильномъ огнѣ я могъ видѣть каждаго изъ говорившихъ“...

Не будемъ повторять длиннаго разговора чумаковъ, приведеннаго Яворскимъ на малорусскомъ языкѣ и который носитъ печать правды; только въ иныхъ мѣстахъ авторъ, быть можетъ, закругилъ его собственными, хотя бы ненамѣренными добавками. По поводу встрѣчи, разговоръ пошелъ о панахъ, о томъ, гдѣ какъ живетъ, какія дѣлаются притѣсненія, какъ жилось въ прежнее время, и какъ въ иныхъ мѣстахъ, напр., въ Полѣсьѣ, народъ забить панами до того, что изумляется и не понимаетъ, когда заговаривать съ нимъ о волѣ. Мнѣнія говорились свободно (предполагалось, что панъ не слышитъ разговора), разсказывались исторіи и въ заключеніе рѣшили на томъ, что пора бы міру положить когда-нибудь этой бѣдѣ конецъ... Утромъ оказалось, что лакей, наслушавшись бесѣды чумаковъ, счелъ ихъ за настоящихъ гайдамаковъ и убѣжалъ въ степь въ увѣренности, что дѣло кончится не ладно. „Разговоръ чумаковъ сталъ мнѣ наскучать потому, что мои мысли, какъ я сказалъ, были направлены къ инымъ вещамъ, а не къ выслушиванью разговоровъ о свободѣ народа. когда мнѣ самому было хорошо... Не зная, что панъ лакей собѣжалъ, я сказалъ своимъ людямъ, чтобы они пошли къ огню и спросили чумаковъ, отчего они не поютъ какъ другіе; они сказали моему вучеру, что не хотѣли мѣшать заснуть его пану. Услышавши это, я отозвался чумакамъ: „прошу васъ, ваши пѣсни не помѣшаютъ мнѣ спать“. Тотчасъ одинъ изъ нихъ взялъ длинную сопилку и началъ играть, другіе вторили ему пѣніемъ... Во время пѣнія къ нимъ подошли чумаки изъ другихъ партій и

¹⁾ То-есть, съ деньгами.

увеличили хоръ; мнѣ пріятнѣе было слушать ихъ пѣсни, чѣмъ разговоры о свободѣ¹⁾.

Яворскій не боится „разсмѣшить читателя“ и замѣчаетъ, что слыша пѣніе украинскихъ думъ этимъ чумацкимъ хоромъ и сравнивая его съ операми парижскихъ театровъ, онъ находитъ большую разницу: „у тѣхъ голоса выходятъ не только изъ устъ, но изъ сердца и души, а здѣсь они идутъ только изъ горла и притомъ за деньги; у тѣхъ пѣсни подѣйствуютъ на самую жесткую душу, здѣсь они приводятъ только въ удивленіе“. Онъ проситъ своихъ соотечественниковъ припомнить хотя пѣсни краковскія и ручается, что въ этотъ моментъ водевили покажутся имъ скучными и они будутъ „искать средствъ для успѣха революціи“. Весь этотъ разсказъ, какъ и дальнѣйшія повѣствованія Яворскаго,

¹⁾ Укажемъ, для справокъ этнографамъ, первые стихи пѣсенъ, какъ они приведены въ разсказѣ Яворскаго.

- 1) Jichaw Kozak za Dunaj,
Skazaw diwczyno proszcaj,
Ty konju worony, nassy, nassy
Taj dumaj i t. d.
- 2) Oj ty Potocky, wojewodzky synu,
Zapropastywys Zytwu, Polszcza i wsiu Ukrainu i t. d.
- 3) Atamane, batku nasz,
Czom ne rano z Krymu jdeasz,
Wsich Kozakiw ne wedeasz,
Oy ja rano z Krymu idu,
Wsich Kozakiw wydu,
Nestaje mimi odnoho,
Brata moho ridnioho, i t. d.
- 4) I szumyt i hude,
Dribny doszczyk ide,
A chtoż mene mołoduju
Do domońku zawede.
Odizwawsia Kozak na sołodkim medu,
Hulaj, hulaj, czorniawaia, ja do domu zawedu.
Oy proszuż ja tebe, ne wedyż ty mene,
Bo ja złoho muža maju, bude byty mene.
Choc ja muža ne bojusia,
Bo ja jomu pokorusia,
A jak budu maty czas,
To sccze wyjdu do was, i t. d.
- 5) Oyl Fortuno, fortune, czomuś taka neprawdywa,
Szczu ty o kozactwi, ta szczo ty o burlactwi ne po prawdi szużyła
Jak wyidemo na mohyfu, a hlanemo u dolynu,
Tam wsiuda Laszeńky i piut i hulajut, nasz wsiuda beztalania
Oy fortune, fortune, ta posłuży choc nemnoho.
Zaky osidłaje Kozak mołodienky konycsenika worochoho i t. d.

сопровожаются убѣжденіями къ „испорченному шляхетству“, чтобы оно оставило свои старые пороки, выучилось признавать въ человѣкѣ человѣка и брата. „Вы заслужили проклятія, — говорить онъ, — подумайте о себѣ, исправьтесь, сдѣлайте, чтобы ваше слѣдующее поколѣніе не испытывало тѣхъ бѣдствій, виною которыхъ вы сами: полюбите хлопа братскимъ сердцемъ, измѣните для себя этого хлопа изъ мстителя за несправедливости, учиненныя ему вашимъ притѣсненіемъ, въ своего пріятеля, какъ равнаго въ Христѣ, своего стража, въ сосѣдствѣ котораго вашъ сонъ будетъ спокоенъ“, и т. д. Онъ доходитъ до замѣчаній, весьма любопытныхъ. Онъ говорилъ выше, что было бы низостью искать освобожденія одной конгрессовой Польши безъ ея старыхъ украинскихъ земель; но въ другую минуту его одолеваетъ сомнѣніе, сбудутся ли понять поляки то отношеніе къ украинскому народу, какое онъ имъ желаетъ внушить: „съ печалью за родную землю и съ смертельною горестью я рѣшаюсь сказать: лучше будетъ забыть о провинціяхъ, которыя я воспѣваю, оставить въ нихъ народъ на жертву тираніи, отдать на пищу деспотизму шляхты и религію, чѣмъ поднимать этихъ людей на возстаніе за дѣло, имъ непонятное¹⁾. Я хочу лучше, чтобы была хоть какая-нибудь Польша, чѣмъ не было бы совсѣмъ никакой; какъ полякъ, я хочу ея хоть какой-нибудь, если уже иначе быть не можетъ; но какъ дитя богатой Украины, не перестану плакать о землѣ, которая меня вывормила. Потому что, я увѣренъ, что ежели эти провинціи будутъ забыты будущей революціей, онѣ уже никогда не будутъ въ однихъ границахъ съ Польшей. Не знаю, какъ далеко Польша проведетъ свою границу, отрекшись отъ своихъ дѣтей; отгадывать это трудно; скажу лучше, что я этого не знаю. Но могу безъ колебанія сказать, что въ этомъ случаѣ Польша никогда не будетъ укрѣплена съ востока: народъ этихъ провинцій, вѣроятно, сброситъ самъ ярмо своей неволи и станетъ отдѣльнымъ независимымъ государствомъ и, можетъ быть, расширить свои границы далеко на востокъ, съ вѣщимъ по-истинѣ евангельскимъ: Богу только извѣстно его будущее. Онъ не будетъ доучать Польшѣ, потому что въ немъ много чести; онъ не унижится до того ничтожества, чтобы нападать на чужія границы, потому что съ просвѣщеніемъ будетъ имѣть много благородства; но вѣрно и то, что онъ не будетъ препятствовать не-пріятелямъ съ сѣвера щипать ту, которая для однихъ была матерью, а для другихъ оказалась мачихой. Насколько я, какъ

¹⁾ То-есть, за восстановленіе королевства и свободу, только шляхетскую.

полякъ, бѣдный изгнанникъ, желаю сколько можно скорого востанія народа для общей будущей революціи, настолько я считалъ бы за преступленіе утаить или фальшиво передавать мой рассказъ“.

Приводимъ еще одну подробность. Пришедшая на память сцена степной встрѣчи съ чумаками навела Яворскаго, какъ мы видѣли, на самыя серьезныя размышленія и глубоко затронула его чувства. „Ахъ, — восклицаетъ онъ, — еслибы я теперь могъ, по крайней мѣрѣ, слышать слова этого несчастнаго народа, стремящагося къ свободѣ, я поглощалъ бы ихъ въ свою грудь, какъ узникъ, посаженный глубоко въ сырой и мрачной тюрьмѣ, поглощаетъ струю чистаго воздуха, которую вѣтеръ изъ сожалѣнія заноситъ къ нему сквозъ маленькое оконце; я не лежалъ бы на своей удобной, хоть и дорожной, постели, я выскочилъ бы изъ нея и, конечно, былъ бы у костра; но въ ту минуту, разговоръ чумаковъ мнѣ наскучалъ, приводилъ въ нетерпѣніе, даже раздражалъ меня и отнималъ сонъ, что они вдыхаютъ о свободѣ, а я о наживѣ изъ чужого труда и изъ вѣчной неволи хлопа“. „Во всей Польшѣ, — дѣлаетъ онъ здѣсь рядомъ любопытное признаніе, — нигдѣ не было такъ хорошо для пановъ (!), какъ въ провинціяхъ подъ московскимъ деспотизмомъ (!). Жизнь и смерть хлопа были въ рукахъ помѣщика или поссессора; московская власть смотрѣла на это сквозъ пальцы, хотѣла и знала, что чѣмъ больше панъ будетъ имѣть самовольства угнетать хлопа, тѣмъ больше будетъ увеличиваться жадность, а хлопь тѣмъ больше будетъ ненавидѣть пана; потому что на этомъ московская власть основала всю свою силу господства надъ заграбленными провинціями... Теперь она уже не боится шляхты, считаетъ ее за нуль... найдите же способъ сблизиться съ народомъ, говорить съ чумаками; хватайте и поглощайте ихъ слова, потому что это будутъ слова спасенія человѣчности“.

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ содержаніи вѣнжени, гдѣ бѣдный авторъ разбираетъ еще другіе вопросы, напр.: „готовы ли до повстанія украинскій народъ?“ „будущность Польши послѣ революціи“, — гдѣ разсужденія теоретическія опять пересыпаны бытовыми подробностями, понятными, конечно, съ своей точки зрѣнія. Онъ пишетъ дальше: „Катехизисъ для дѣтей сельскаго народа“; свои воспоминанія о возстаніи 1830 года; пишетъ стихотвореніе на малорусскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Голосъ народа взываетъ о примиреніи“; составляетъ, со всѣми цифровыми подробностями, расчетъ сельскаго хозяйства „въ двухъ эпохахъ“: первый, въ 1830 году, „съ барщиной и неволей“, а другой, „когда стинетъ совсѣмъ рабское слово: крѣпостной“ и когда хо-

зайство пойдеть „во имя Отца и Сына и Святаго Духа, безъ угнетенія, слезъ, пота, крови и проклятій ближняго“...

Таково содержаніе книжки. Какъ мы замѣчали, нѣтъ надобности опровергать ошибки Яворскаго: онѣ понятны сами собой, но книжка любопытна, какъ оригинальный образецъ мыслей, возникавшихъ въ толпѣ эмиграціи, въ людяхъ, которые по своимъ занятіямъ стояли близко къ народу. Яворскій хранитъ свое высокое, нѣсколько мистическое понятіе объ исторической Польшѣ, но неудача возстанія, зрѣлище раздора въ самой эмиграціи, воспоминанія о практическихъ отношеніяхъ поляковъ на Украинѣ, навели его на мысль, очень близкую къ истинѣ. Онъ заблуждался, воображая, что Украина пойдеть за польскимъ возстаніемъ, но онъ вѣрно понялъ положеніе вещей въ данную минуту, признавъ, что украинецъ ненавидитъ своего польскаго пана, что теперь между ними нѣтъ ничего общаго и что единственный путь для какого-нибудь примиренія былъ бы освобожденіе крестьянъ. Это освобожденіе онъ понялъ не совсѣмъ ясно, — возможно оно было только силою русской власти, — но любопытно и то, что эта мысль засѣла въ немъ вѣрно, что для исправленія отношеній онъ считаетъ необходимымъ для всей шляхты такое же раскаяніе въ прошедшемъ, какое онъ испытывалъ самъ. Замѣчено было, что появленіе польско-украинской шпалы, о которой говорили мы прежде, было своего рода атавизмомъ, отголоскомъ въ потомствѣ его давнихъ предковъ, не заглушеннымъ еще остаткомъ старой родовой стихіи. Надъ этой стихіей налегли дѣльные слои новыхъ историческихъ отношеній, которыя ее извратили, почти уничтожили; но, быть можетъ, именно ея слѣды остались въ сочувствіяхъ автора къ этимъ „гордымъ“ чумакамъ, ихъ разговорамъ и поэзіи, въ тѣхъ увѣщаніяхъ о братской любви, съ которыми онъ обращается къ своимъ землякамъ и товарищамъ по изгнанію.

Читателю можетъ показаться, что Яворскій говоритъ неправду, когда рассказываетъ, будто народъ на Украинѣ съ сожалѣніемъ говорить о „лядскихъ часахъ“, т.-е. о польскомъ времени. Это объясняется, однако, во-первыхъ, тѣмъ, что съ польскими временами авторъ отождествляетъ отчасти времена „атаманскія“, т.-е. времена гетманщины, которыя, хотя сами по себѣ и не были особенно легки для народа, но были временами домашняго управленія, безъ вмѣшательства русской бюрократіи. Во-вторыхъ, преимущество польскихъ временъ состояло въ слѣдующемъ: по признанію самого поляка Яворскаго, польскіе паны чувствовали себя очень хорошо подъ наступившимъ съ конца прошлаго вѣка рус-

скимъ владычествомъ, которое крѣпко охраняло ихъ право надъ крестьянами; но передъ тѣмъ, гораздо менѣе увѣренные въ своей власти надъ крестьянами, польскіе паны, чтобы удерживать ихъ на своихъ земляхъ, предотвратили побѣги на Запорожье и такія событія какъ уманская рѣзня, давали крестьянамъ различныя льготы, которыя паны и прекратили, какъ только надобность въ нихъ была устранена внимательствомъ русской власти¹⁾. Черезъ тридцать, сорокъ лѣтъ, во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нашего вѣка, къ которымъ относятся воспоминанія Яворскаго, еще могла быть свѣжа память объ этихъ льготахъ „польскаго времени“. Яворскій могъ справедливо замѣтить фактъ, но не умѣлъ правильно объяснить его, и его собственное изображеніе современныхъ ему польскихъ пановъ противорѣчитъ разсказу о благахъ стараго польскаго правленія: почему же паны не остались и теперь такими же, какими были будто-бы прежде?

При всемъ томъ его записки представляютъ весьма любопытный фактъ въ исторіи польско-малорусскихъ отношеній: очевидно, мы имѣемъ передъ собою одно изъ первыхъ проявленій того направленія, начало котораго относить обыкновенно къ болѣе позднему времени и которое извѣстно подъ именемъ хлопоманіи.

¹⁾ См. объ этомъ въ изслѣдованіи г. Антоновича „О крестьянахъ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1799 годовъ“. „Въ 1792 году,—говоритъ г. Антоновичъ,—малорусскій край былъ возвращенъ Россіи и шляхетскій порядокъ долженъ былъ уложиться въ новыя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время казалось, что формы эти были не только враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, къ которымъ стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени подготовляли его осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи Посполитой до „права меча“, но за то экономическое ихъ господство было вполне признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которую въ Россіи оберегалъ законъ и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой. Хитрость и уловка въ отношеніи къ крестьянамъ сдѣлались лишніе—явились средства удерживать ихъ отъ побѣговъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и привилегіямъ, какъ было прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ (съ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данныя ими дарственные записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права на посемельную собственность утверждались болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нерѣдко къ перигону жителей крѣпкихъ селами и мѣстечками на новыя мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее. Шляхта, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, наконецъ сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась понаго торжества“. Справ. „Труды экспедиціи“, Чубинскаго, т. VII, вын. I, стр. 221—222.

IV.

Хлопоманія.

Этимъ именемъ польскіе и русскіе публицисты начала шестидесятыхъ годовъ обозначали извѣстное демократическое стремленіе одной части польскаго (молодого) общества въ пользу сближенія съ малорусскимъ народомъ. Это былъ канунъ послѣдняго возстанія, когда въ польскомъ обществѣ шло сильное волненіе, исходившее изъ разныхъ историческихъ и политическихъ источниковъ, одушевляемое весьма различными общественными настроеніями, которыя сливались, но также сталкивались и боролись на канунѣ и во время самого возстанія. Хлопоманія была однимъ изъ такихъ настроеній, которое особенно бросалось въ глаза, какъ нѣчто раньше не бывалое. Господствующій тонъ новаго революціоннаго движенія былъ въ сущности тотъ же, какъ и прежде: мысли прежде всего были направлены на политическую задачу—на восстановленіе Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, при чемъ главной заботой было сверженіе русскаго ига и какъ-то забывалось иго прусское и австрійское и гораздо меньше полагалось заботы о внутреннемъ социальномъ вопросѣ. Старое заблужденіе повторилось еще разъ: въ умахъ предводителей движенія „Польша, Литва (и тутъ же Бѣлоруссія) и Русь (т.-е. Малороссія)“ представлялись совершенно также, какъ нѣкогда въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ будто съ тѣхъ поръ не произошло никакой перемѣны во внутреннемъ положеніи земель, какъ будто (не говоря о западномъ краѣ, гдѣ мѣстное, народное сознаніе было слабо) въ Малороссіи не народилось свое народное движеніе, которое имѣло уже свои краснорѣчивыя выраженія. Но время оказывало однако свое вліяніе и въ самомъ польскомъ обществѣ, при всемъ его упорномъ консерватизмѣ, и однимъ изъ такихъ новыхъ факторовъ была хлопоманія.

Она встрѣчена была довольно непріязненно съ польской стороны и совершенно непріязненно со стороны русской. Для польскаго большинства было слишкомъ необычно это желаніе сближаться съ народомъ, который все-таки представлялся всего чаще въ образѣ хлопа, такъ долго презираемаго или осуждаемаго на одно повиновеніе. Польской „демократіи“ всегда было чрезвычайно трудно перешагнуть ту грань, на которой оканчивался шляхтичъ и начинался хлопь; „народъ“, о которомъ она такъ много говорила, въ огромномъ большинствѣ случаевъ понимался именно

какъ народъ шляхетскій, и если, наконецъ, было нужно представить себѣ настоящее народное единство въ смыслѣ демократіи, объединеніе двухъ общественныхъ полюсовъ предполагалось не простымъ сближеніемъ высшаго класса съ низшимъ, не реальнымъ участіемъ перваго къ интересамъ послѣдняго (и ни въ какомъ случаѣ не подчиненіемъ привилегій высшаго класса, интеллигенціи, интересамъ массы, какъ въ нашемъ народничествѣ), а предполагавшимся превращеніемъ всего народа въ шляхту, чтъ при извѣстномъ понятіи о шляхтѣ было или невозможно или оставалось игрой словъ. Съ русской стороны, польская хлопоманія была понята еще менѣе. Когда наша публицистика въ началѣ 60-хъ годовъ поставила польскій вопросъ предметомъ своихъ разсужденій, она считала излишнимъ всматриваться въ явленія польской жизни и въ польско-малорусскія отношенія, и на все давала одно готовое объясненіе: „польская интрига“. Какъ можетъ цѣлое обширное общество разныхъ мѣстныхъ условій, разной степени образованія, разныхъ сословныхъ и личныхъ стремленій, смѣшаться въ одной всеобщей интригѣ; какъ эта интрига стремилась иногда къ совсѣмъ разнымъ цѣлямъ—объ этомъ не стоило толковать: „интрига“ объясняла все, и для большой доли общества, ничего не знающей о дѣйствительныхъ отношеніяхъ и ни о чемъ не привыкшей думать, это объясненіе пришлось совершенно въ пору. Мы видѣли, что этотъ способъ объясненія привился и у писателей галицко-русскихъ, считавшихъ нужнымъ вторить тому, чтъ они считали самымъ русскимъ... Хлопоманія была также объяснена какъ вѣтвь интриги: это былъ преднамѣренный обманъ, имѣвшій цѣлью завлечь въ польскій мятежъ, если не малорусскій народъ (это, кажется, и нашимъ политиканамъ представлялось мало вѣроятнымъ), то извѣстную часть украинскаго общества или молодежи, заразившейся либерализмомъ. Интрига не удалась, но и не осталась совсѣмъ безъ результата, и по взгляду, который настойчиво проводили извѣстные дѣятели нашей „политической прессы“, этимъ результатомъ было украинофильство. Напрасно тогдашніе украинофилы (Костомаровъ и его кружокъ) весьма категорически заявляли о полной противоположности народныхъ и общественныхъ интересовъ малорусскихъ и польскихъ, чтъ вызвало и весьма недвусмысленную полемику въ литературѣ; напрасно самые факты противорѣчили отождествленію украинофильства съ польской хлопоманіей, наши политики нашли благодарную тѣму въ украинскомъ сепаратизмѣ, толками о которомъ желали заявлять (и не безъ успѣха) свой патріотизмъ. Между тѣмъ и другимъ было лишь одно внѣшнее сходство въ интересѣ къ народу,

но внутреннія основанія были непримиримы; въ малорусскомъ движеніи, выразившемся въ литературѣ, большая доля труда была употреблена именно на то, чтобы доказать историческую несомнѣстимость двухъ племенныхъ стихій, все время политическаго сожителства которыхъ было занято упорной борьбой.

Въ дѣйствительности хлопоманія не была какимъ-нибудь внезапнымъ явленіемъ, намѣренно придуманной тенденціей на извѣстный случай—въ ту минуту на потребу польскаго возстанія. Это былъ давно готовившійся результатъ броженія, уже десятки лѣтъ совершавшагося въ польскомъ обществѣ и литературѣ. Нѣкогда западно-русскія и южно-русскія земли составляли огромную долю Рѣчи Посполитой; украинскіе поляки были въ огромномъ большинствѣ вчерашніе русскіе (т.-е. малоруссы), и еще въ концѣ прошлаго вѣка въ юго-западномъ краѣ было много помѣщиковъ русскыхъ и православныхъ (они ополчились уже подъ русскимъ владычествомъ). При всемъ господствѣ польскаго элемента эти онолчавшіеся русскіе были въ особомъ положеніи, окруженные русской народной стихіей и въ самихъ себѣ не совсѣмъ ее потерявшие. Поэтому и были возможны тѣ возвраты къ прошлой національности, какіе выразились въ украинской школѣ польской поэзіи и въ тѣхъ промежуточныхъ ея произведеніяхъ, какими представляются пѣсни и „думки“ Тимка Падурѣ и его подражателей. Украинская школа была весьма многолюдна: кромѣ поэтовъ, крупныхъ и мелкихъ, она имѣла длинный рядъ повѣствователей, историковъ и этнографовъ, и наконецъ политическихъ партизановъ, какъ Яворскій. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ широкимъ общественнымъ интересомъ, быть можетъ, слабо сознаваемымъ и всѣхъ требованій котораго не въ силахъ были понять его первые представители, но корень котораго лежалъ въ реальной связи двухъ племенъ, старой политической и социальной. Связь эта была не нормальная; съ польской стороны это инстинктивно чувствовали и стремились загладить историографическими и поэтическими софизмами: можно было ждать, что когда-нибудь эта ненормальность предстанетъ предъ людьми искреннихъ убѣжденій во всемъ своемъ объемѣ и потребуетъ для своего примиренія не софизмовъ и палліативовъ, а ясныхъ и категорическихъ рѣшеній. Одной изъ попытокъ такого рѣшенія была въ новѣйшее время хлопоманія.

Исторія этого движенія, какъ мы замѣчали, еще не написана и въ условіяхъ нашей литературы пока еще невозможна. Нѣкоторый опытъ ея сдѣланъ въ VII-мъ томѣ „Трудовъ Экспедиціи“ Чубинскаго, откуда мы приведемъ нѣсколько указаній.

Со времени окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ Россіи (этому нѣтъ еще и ста лѣтъ), польское дворянство этого края зажило спокойнѣе, чѣмъ бывало при Рѣчи Посполитой. Польская жизнь въ ея старомъ помѣщичьемъ складѣ шла безпрепятственно, обеспеченная прочной поддержкой крѣпостного права; но раздѣлы Польши оставили впечатлѣніе насилія надъ національностью; поляки издавна смотрѣли высокоумѣнно на русское „bag-bagzyństwo“ и мечтали о возстановленіи своего государства; единственные представители общества, имѣвшіе голосъ, были паны и магнаты и понятно, что всѣ мысли о будущей освобожденной Польшѣ настроены были въ аристократическомъ духѣ.

„Праздная жизнь, хотя и исполненная внѣшняго блеска, все-таки не могла удовлетворить пановъ,—говоритъ авторъ статьи о нравахъ и обычаяхъ поляковъ въ юго-западномъ краѣ, въ „Трудахъ Экспедиціи“ Чубинскаго:—историческія традиции, политическій мистицизмъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и вліяніе значительной польской эмиграціи, поддерживали въ панствѣ политическую мечтательность, воздыханія о прошломъ, хотя въ сущности въ томъ прошломъ они далеко не такъ благоденствовали. Въ ихъ воображеніи прошедшее Польши представлялось только съ привлекательной стороны, какъ эпоха шляхетской свободы, потому что обстоятельнаго знанія исторіи не было. Это обстоятельство вело къ тому, что политическіе агитаторы находили сочувствіе и адептовъ среди пановъ“¹⁾.

До послѣдняго возстанія политическіе идеалы польскаго общества были исключительно аристократическіе. Польскія движенія съ другими мотивами, какъ, напр., въ герцогствѣ познанскомъ, не были популярны въ массѣ шляхты, особливо въ юго-западномъ краѣ; здѣсь не было популярно и движеніе эпохи Конарскаго, пропаганду котораго характеризуютъ, какъ ловкую комбинацію старошляхетскихъ теорій съ новыми демократическими; тѣмъ не менѣе и въ этомъ, повидимому, такъ строго опредѣленномъ польскомъ обществѣ юго-западнаго края являются проблески движенія въ демократическомъ направленіи. Къ тому, что совершалось въ литературѣ въ произведеніяхъ украинской школы, является параллель въ самой общественной жизни. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту школу,—будемъ ли видѣть въ ней одну праздную забаву пановъ, заигрывавшихъ съ малорусской народностью, или увидимъ въ ней нѣчто болѣе серьезное,—въ обоихъ случаяхъ ея широкое распространеніе указывало, что шляхетское

¹⁾ Труды Экспедиціи, т. VII, вып. I, стр. 246.

общество чѣмъ-то не удовлетворялось въ своемъ исключительномъ положеніи, искало чего-то новаго, какъ будто тяготилось своимъ отдѣленіемъ отъ окружающей среды и хотѣло какого-то приближенія къ народу. Въ самихъ нравахъ являлся какой-то смутный протестъ противъ свѣтскаго аристократизма, выразившійся въ такъ-называемой балагульщинѣ и козакофильствѣ. Балагульство отличалось намѣренно грубыми нравами, кутежами, панибратствомъ съ крестьянами (что не мѣшало имъ хуже другихъ помѣщиковъ обращаться съ своими крѣпостными), оригинальной, иногда по простонародному испачканной одеждой и т. п. Оно было порожденіемъ той же панской праздности, но вмѣстѣ и какимъ-то мнимо демократическимъ нарушеніемъ панскаго быта, нравовъ и приличій. Это явленіе было настолько распространено, что обратило на себя вниманіе литературы. Одни, какъ Чайковский и Генрихъ Ржевускій, безпощадно осуждали балагульство; другіе относились къ нему сочувственно, предполагая въ немъ возрожденіе козачества въ польско-католической формѣ, и въ его спартанскихъ привычкахъ—воспитаніе для возстанія. Вліяніе произведеній украинской школы придало этому движенію иной характеръ: оно сдѣлалось менѣе циническимъ, получаетъ политическій оттѣнокъ и въ этой формѣ находитъ подражателей въ кругу болѣе образованной молодежи.

Мы видѣли выше, какъ выражалось козакофильство въ польской поэзіи, которая рисовала „гордаго“, но не столько настоящаго, какъ балетнаго козака, который отдѣлялся отъ холопской дворни, но былъ въ сущности ея лучшимъ украшеніемъ (въ глазахъ и самого поэта, и его читателей); козака, отличающагося необыкновеннымъ удалствомъ, „дикой свободой“ и другими поэтическими качествами, словомъ, степного героя, — только принадлежащаго неизвѣстно какому народу и какой вѣрѣ, и неизвѣстно какимъ образомъ существующаго. Поэзія, путемъ умолчаній, кое-какъ прилаживала этого козака къ польскому быту, заставляя предполагать, что чуть ли не все козачество было „надворное“, находившееся въ услугахъ пана; теперь дѣлались попытки завести на практикѣ подобное козачество. Такъ ознакомились упомянутый нами раньше Вацлавъ Ржевускій, который окружилъ себя самодѣльнымъ дворовымъ козачествомъ и у котораго пѣлъ свои *ad hoc* сочиненныя пѣсни Тимко Падура. Въ 1830 году отрядъ волинскихъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго, имѣлъ козацкій характеръ. Извѣстный писатель Чайковский, послѣ неудачи возстанія 1830 года, обратившись, наконецъ, въ магометанство подъ именемъ Садыкъ-паши, устроилъ въ Турціи нѣчто

въ родѣ Запорожской Сѣчи изъ разнаго сброда... Въ самомъ обществѣ пошла мода на козачество: Вацлава Ржевускаго и его ралсода Падуру съ удовольствіемъ принимало украинско-польское магнатство, Потоцкіе, Сангушки и пр. Польскія дамы любили наряжаться въ малорусскіе костюмы. Дошло до того, что польско-шляхетскіе патріоты подозрѣвали даже въ этомъ украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофильства, хотя этотъ корифей самъ принималъ участіе въ возстаніи 1830—1831 года ¹⁾).

Интересъ къ козачеству изъ области фантазіи переходитъ, наконецъ, и въ болѣе серьезныя изслѣдованія по мѣстной исторіи и этнографіи. Начиная съ той школы, какую мы указывали въ Галиціи съ 30-хъ годовъ, съ Бѣлѣвскаго, Семеньскаго, Туровскаго, Дзѣдушицаго, идетъ и въ нашемъ юго-западномъ краѣ рядъ изслѣдователей по южнорусско-польской старинѣ и этнографіи, какъ Грабовскій, Марчинскій, Пржездзецкій, Стецкій (авторъ замѣчательной книги о Волыни), Новосельскій (Марцинковскій: *Lud Ukrainski*), Руликевскій и др. Съ конца 50-хъ годовъ, поляки начинаютъ знакомиться ближе съ новѣйшей литературой малорусской, является въ польскихъ переводахъ Шевченко (самъ поэтъ во время своей ссылки, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, сближается въ дружескія отношенія съ сосланными поляками, напр., поэтомъ Желиговскимъ, Брониславомъ Затѣвскимъ).

Около этого времени въ кружкахъ образованной молодежи возникаетъ, какъ протестъ противъ балагульства и козакофильства, новый кружокъ, такъ-называвшихся „пуристовъ“, который ставилъ себѣ задачей серьезное отношеніе къ наукѣ, строгую нравственность и философское направленіе и, кажется, съ сильнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ. Этотъ кружокъ, какъ говорятъ, удержался недолго, но содѣйствовалъ тому, что народно-политическій вопросъ въ польскомъ обществѣ юго-западнаго края поставленъ былъ болѣе ясно и категорически. Его вліянію приписываютъ, съ одной стороны, то, что въ литературѣ явилось болѣе или менѣе рѣзкое сатирическое отрицаніе господствующихъ нравовъ, а съ другой,—что прежнее натянутое или безпредметное козакофильство превращается въ гораздо болѣе опредѣленную хлопоманію, которая уже рѣзко расходилась съ старымъ шляхетскимъ преданіемъ и, дѣйствительно, была потому осуждаема аристократическимъ кругомъ.

„Хлопоманія, —говоритъ авторъ статьи въ „Трудахъ Экспеди-

¹⁾ Труды Экспедиціи, т. VII, стр. 256.

ціи“, — отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческія традиціи хлопоманы осмѣивали... Хлопоманы признавали историческія неправды Польши по отношенію къ Украинѣ; они признавали, что народъ не „быдло“, что нужно уважать его личность, заботиться о его образованіи на его языкѣ (но алфавитъ долженъ принять быть польскій). Они признавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. За выдѣленіемъ изъ нея самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, применившихъ активно или пассивно къ общерусскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движеніемъ“ ¹⁾.

Нѣкоторые, хотя немногіе изъ польскихъ хлопомановъ, допускали даже употребленіе русскаго алфавита, отступая отъ давнишней, нами не разъ указанной польской теоріи, полагавшей, что для малорусскаго языка, въ качествѣ „польскаго нарѣчія“, должна употребляться латинская азбука. „Изъ-за этого бывали ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначали уже собою двѣ противоположныя его группы: болѣе и менѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться вскорѣ въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства; этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шуму, но ни къ чему не привелъ; маленькій кружокъ выдѣлившись украинофиловъ вскорѣ сталъ рѣдѣть и, рѣшившись примкнуть къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ католика“.

Въ одно время съ польской хлопоманіей развилось и русское украинофильство. Какъ выше замѣчено, у насъ хотѣли смѣшать два эти направленія, утверждая, что украинофилы и хлопоманы одно и то же, одинакіе исполнители „польской интриги“ и враги русскаго государства. Не знаемъ, дѣлалось ли это по незнанію или съ намѣренной цѣлью — чтобы именемъ польской интриги оклеветать тотъ простой мѣстный патріотизмъ, который самъ по себѣ былъ непріятенъ публицистамъ извѣстнаго закала, какъ проявленіе общественной самодѣтельности. Для „достоинства литературы“ мы желали бы думать, что это было просто незнаніе; но упорное нежеланіе видѣть вещи, какъ онѣ есть, извращеніе заявленныхъ фактовъ, обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ или мнѣній на

¹⁾ Труды Экспедиціи, тамъ же, стр. 248.

цѣлое движеніе, указывали нерѣдко, что это была скорѣе такая же интрига, какую упомянутые публицисты приписывали преслѣдуемому ими украинофильству, и желаніе ловить рыбу въ мутной водѣ,—что имъ и удалось. Въ дѣйствительности, хлопоманія и украинофильство имѣли лишь одинъ общій объектъ—малорусскій народъ, но смотрѣли на него различно, исходили изъ разныхъ источниковъ и по различію внутренняго содержанія не могли быть тождественны. „Часто,—замѣчаетъ авторъ той же статьи въ „Трудахъ Экспедиціи“, говоря о тѣхъ временахъ,—хлопомановъ и украинофиловъ смѣшивали въ понятіяхъ, такъ какъ тѣ и другіе носили малорусскій костюмъ. Но между ними была громадная разница. Русскіе украинофилы не были сепаратистами: любя свою народность, они не думали объ отторженіи отъ Россіи; они сознавали необходимость связи; всѣ ихъ мечты ограничивались стремленіемъ къ развитію малорусской литературы и изданіемъ для народа популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, съ цѣлью успѣшнѣйшаго распространенія знаній въ народѣ. Польскіе хлопоманы мечтали о соединеніи Украины съ Польшей, не ограничивая своихъ претензій Днѣпромъ, какъ этого хотѣла аристократія, выразившая свои желанія въ извѣстномъ адресѣ подольскихъ дворянъ. Украинофилы и польскіе хлопоманы относились другъ къ другу враждебно. Украинофилы раздѣляли чувства народа по отношенію къ Польшѣ, и ихъ не могли привлечь обѣщанія польской молодежи—обезпечить, по присоединеніи Украины къ Польшѣ, свободу православія и малорусскаго языка. Украинофиловъ эти предложенія оскорбляли. Имъ казалось дикимъ, что горсть поляковъ, представляющая собою привилегированный классъ, позволяетъ себѣ распоряжаться судьбою края, населеннаго русскимъ народомъ. Затѣмъ украинофилы, воспитанные на русской литературѣ, обязанные ей своимъ развитіемъ, не могли раздѣлять воззрѣній польской молодежи на эту литературу. Вслѣдствіе этого, взаимное раздраженіе доходило до крайности. Въ кievскомъ университетѣ, послѣ манифестаціи, произведенной польской молодежью въ стѣнахъ университета, малороссы и русскіе подали протестъ попечителю и составили даже корпорацію для огражденія университета отъ господства польскихъ политическихъ тенденцій. Это былъ первый протестъ въ видѣ адреса противъ польскихъ притязаній“ ¹⁾).

Собственно говоря, русское украинофильство родилось гораздо раньше 50-хъ и 60-хъ годовъ. Оно было послѣдовательнымъ продолженіемъ давно возникшаго движенія, которое выразилось

¹⁾ Тамъ же, стр. 248—249.

развитіемъ новѣйшей малорусской литературы и еще съ конца прошлаго вѣка усиленно направилось на обработку народнаго языка для книги, обновленіе историческихъ преданій и на защиту племеннаго малорусскаго интереса отъ польскихъ притязаній. Если это настроеніе особливо оживилось со второй половины 50-хъ годовъ, причиною этому было только то, что именно въ это время для цѣлаго русскаго общества наступила пора болѣе свободной дѣятельности, какъ въ это самое время были амнистированы и получили возможность снова дѣйствовать главные представители прежней литературы въ 40-хъ годахъ: Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ, а за ними выступили дѣятели новаго поколѣнія, отчасти слѣдовавшіе за ними, отчасти образовавшіеся независимо подъ вліяніями обще-русскими и въ оппозицію польско-украинскимъ тенденціямъ. Теперь украинофильство только яснѣе выразило свое содержаніе, а основы его были не новы. Съ другой стороны, польская хлопоманія была любопытнымъ результатомъ также давно начавшагося, въ чисто польской средѣ, стремленія понять народный вопросъ юго-западнаго края и представила не малую степень этого пониманія; хлопоманія, не сочувственная для старо-шляхетской партіи, была въ дѣйствительности отказомъ отъ существенныхъ догматовъ этой партіи и именно сознаніемъ исторической несправедливости, которая совершалась Польшею относительно юго-западнаго края. Въ хлопоманіи польско-шляхетское общество, начавши съ романтическаго козакофильства, сначала, повидимому, столь бесполезно невиннаго, пришло къ такому пункту, за которымъ, идя послѣдовательно, надо было отказаться совсѣмъ отъ польскаго традиціоннаго идеала, а затѣмъ и отъ прагматическаго притязанія на господство въ южно-русскомъ краѣ. По мнѣнію украинофиловъ, единственнымъ исходомъ изъ этого запутаннаго положенія было бы ассимилированіе польскаго шляхетства съ русскимъ населеніемъ юго-западнаго края ¹⁾).

Что вопросъ именно таковъ, можно видѣть по различнымъ фактамъ въ средѣ самого польскаго козакофильства и украино-польской литературы. Мысль такого рода бродила въ 40-хъ г. у Яворскаго въ эмиграціи; нѣкоторые изъ польскихъ хлопомановъ стали прямо украинофилами, отказавшись отъ польскаго элемента своихъ стремленій. Въ примѣръ того, какъ даже прежнее романтическое козакофильство приводило само собой къ раздвоенію польской идеи, приводимъ слѣдующе замѣчаніе о Чайковскомъ,

¹⁾ Сравни ст. „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Вѣстн. Евр. 1875, іюль, стр. 146—160.

который, въ прежнюю его пору, былъ всего менѣе расположенъ отречься отъ служенія польской традиціи. „На Чайковскомъ можно отчасти видѣть, какъ то, какія во всякомъ случаѣ добрыя зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское козакофильство, такъ и то, что за сумбуръ и винегреть представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею козачества и страха передъ тѣмъ, чтобъ узнать ее такою, какою она была,—потому что тогда пришлось бы отречься отъ польскаго патриотизма. Польско-украинскій писатель, Чайковскій, составилъ въ своемъ умѣ фантастическое понятіе о казацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ возстановленіе союза съ Польшею козаконъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Расширивши такъ область своихъ симпатій, Чайковскій долженъ былъ выйти изъ области католицизма, сталъ говорить симпатично и о великоруссахъ, о православіи, о славянщинѣ, — и въ то же время сталъ магометаниномъ, Садыкъ-пашою. Всю жизнь свою Чайковскій хлопоталъ объ обращеніи казацкой традиціи на службу Польшѣ, о постановленіи Польши во главѣ славянщины,—а между тѣмъ польскіе націоналы-централисты боялись козачества, какъ демократическаго элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго „*Nemolała*“¹⁾,—въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣйствительности съ вымыслами, крайне несообразными, — полно раздраженія противъ поляковъ, которые, во время войны, сидятъ за печкою, и поютъ съ іезуитами пѣсни: спаси насъ Господи, отъ славянщины, отъ козаччины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго“²⁾.—Чайковскій кончилъ тѣмъ, что возвратился въ христіанство и поселился въ Россіи, гдѣ сталъ сотрудникомъ „Русскаго Вѣстника“.

Это настроеніе польско-украинскаго общества не однажды изображалось въ литературѣ: были у насъ цѣлыя изданія, посвященныя вопросамъ юго-западной Россіи и въ частности обличенію хлопomanіи и украинофильства; есть польскіе романы, изображающіе политическое волненіе въ польско-украинскомъ обществѣ того времени³⁾; есть немногія русскія воспоминанія⁴⁾, —

¹⁾ Biblioteka Pisarzy polskich, t. 65, Lipsk, 1873.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, тамъ же, стр. 153.

³⁾ Na Gruzach. Powieść w dwóch tomach, przez Teofila Szumskiego. Lwów. Drukiem i nakładem M. F. Poremby. 1866. Разборъ этого романа во львовскомъ журналѣ „*Sioło*“, II, стр. 153—164.

⁴⁾ „Воспоминанія о польскомъ возстаніи въ Украйнѣ 1863 года“, Б. Познанскаго, „Кіевская Старина“, 1885, ноябрь и декабрь.

но до сихъ поръ нѣтъ еще правдиваго и послѣдовательнаго разсказа объ этомъ эпизодѣ нашей внутренней жизни на югѣ. Къ сожалѣнію, литературныя условія послѣдняго времени не давали возможности появиться такому разсказу объ этомъ движеніи, — не навлекая автору безсмысленныхъ и не безопасныхъ инсинуацій.

V.

ПОЛЬСКІЙ УКРАИННОФИЛЪ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, въ галицкой литературѣ, польской и русской, дѣйствовалъ оригинальный писатель, не лишенный дарованія, отличавшійся своеобразнымъ взглядомъ на польско-русскія отношенія и, къ сожалѣнію, рано умершій. Это былъ Павлинъ Свенцицкій, бывшій кievскій хлопоманъ, по-польски писавшій подъ именемъ Стахурскаго, по-малорусски подъ псевдонимами: Лозовскій или Павло Свій (Свой). Онъ родился въ 1841, въ кievской губерніи, учился въ каменецъ-подольской гимназіи, а въ 60-мъ году поступилъ въ кievскій университетъ, гдѣ съ особенной любовью занимался славянскими нарѣчіями и изученіями народности. Послѣ 1863 года, мы находимъ его въ Галичинѣ, гдѣ, выдержавши нужные экзамены, онъ сталъ учителемъ въ русской гимназіи. Вслѣдствіе усиленныхъ работъ онъ умеръ отъ чахотки въ 1876 году, во Львовѣ. Какъ мы сказали, онъ принадлежалъ къ разряду хлопомановъ и, хотя родомъ полякъ, онъ, какъ говоритъ его галицко-русскій некрологъ, „широ прилинув душею и серцемъ до поетичної України, до українського народу и нашої словесности народної“. Въ Галиціи онъ началъ свою литературную дѣятельность, писалъ по-польски и по-малорусски, старался знакомить польскую публику съ духомъ русскаго народа и его словесностью. Онъ хотѣлъ этимъ проложить дорогу для сближенія поляковъ и русиновъ, внести справедливость въ ихъ отношенія, но его хлопоманскія стремленія не имѣли большого успѣха. „Идея братерської єдности, вигріта щирим, горячим, патріотичнимъ серцемъ, зівала и зниділа на холоднімъ польско-галицькимъ горизонті“. Въ польскихъ журналахъ онъ переводилъ лучшихъ малорусскихъ писателей и знакомилъ съ украинской жизнью въ собственныхъ повѣстяхъ; по-малорусски онъ писалъ „Байки“, 1864, драматическія пьесы и т. п., и, по отзывамъ галицко-русскихъ критиковъ, всѣ его сочиненія на русскомъ языкѣ отличаются „рѣдкою у галичанъ“ чистотою языка,

легкостью стили и поэтической окраскою ¹⁾. Въ послѣдніе годы его дѣятельность, въ этомъ направленіи, уменьшилась, и тѣ же критики приписываютъ это только литературному упадку, господствовавшему въ Галиціи въ первой половинѣ 70-хъ годовъ. Галицко-русскіе писатели народнаго направленія отзываются о Свенцицкомъ вообще съ самыми теплыми сочувствіями ²⁾.

Изъ трудовъ Свенцицкаго, какіе были у насъ подъ руками, остановимся на небольшомъ журналѣ „Sioło“, который выходилъ подъ его редакціей въ 1866 году ³⁾. Его повѣсти все еще сохраняютъ манеру польской украинской школы, по нѣкоторой романтической искусственности, хотя далеко превосходятъ произведенія предшествующихъ писателей гораздо лучшимъ знаніемъ быта и большей искренностью и простотой украинскихъ сочувствій. Во взглядахъ Свенцицкаго сохранился, по всей вѣроятности, именно образчикъ хлопоманія, вынесенной изъ Кіева. Довольно нѣсколько ближе ознакомиться съ ними, чтобы видѣть, какая разница отдѣляетъ хлопоманію отъ украиннофильства. Хлопоманъ отличается несомнѣнной любовью къ той Украинѣ, которая есть его собственная родина; несмотря на свое польское и (крупное или мелкое) шляхетское происхожденіе, онъ привязался къ малорусскому народному большинству Украины и эта привязанность является, съ его стороны, тѣмъ большимъ достоинствомъ, что здѣсь участвуетъ и сознаніе соціальной несправедливости Польши относительно малорусскаго народа. Эта послѣдняя именно проводитъ рѣзкую черту между прежними романтическими козакофилами, которыхъ сочувствія вращались въ фантастической, трудно уловимой области подкрашенныхъ и поддѣланныхъ историческихъ преданій, тогда какъ здѣсь уже замѣчается настоящая дѣйстви-

¹⁾ Чистота языка объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Свенцицкій узналъ русскій (малорусскій) языкъ не въ Галичинѣ, гдѣ онъ въ книжномъ употребленіи обыкновенно страшно изломанъ, а въ русской Украинѣ, гдѣ книжное употребленіе этого языка доходило до наибольшаго возможнаго изящества.

²⁾ См. галицко-русскій журналъ „Правда, письмо литературно-политичне“, 1876, стр. 674 — 675; „Иллюстрированный календарь товариства Просвѣта“ на 1886 г., Львовъ, 1885, стр. 15—16. „Правда“ говорила о немъ такъ: „Предвѣсна смерть видѣрла намъ заскоро надійного писателя, а идея шире братерської згоди міжъ Русинами и Поляками и сильного, хочъ черезъ те все самостійного, діяння обохъ народівъ втерла світлого и широкого заступника. Вистъ о его сконі розбудила ширій жалъ міжъ нашою громадою“. Просвѣта, „щобъ дати виразъ великому пошанованню зъ стороны Русинівъ для вельми заслуженого покойника и такожъ руского писателя“, перевела изъ его „Степнихъ повѣстей“ разсказъ: „Гульнара“, изъ старыхъ козацкихъ временъ.

³⁾ Sioło. Pismo zbiorowe, poświęcone rzeczom ludowym ukraińsko-ruskim. Lwów. Nakładem Kornela Pillera, 1866. Четыре небольшія книги.

тельность, настоящій народъ и является гораздо болѣе серьезное желаніе примириться и идти вмѣстѣ съ этимъ народомъ. Но здѣсь же хлопоманъ вступать на то перепутье, гдѣ онъ или уразумѣть вполне эту сторону отношеній и превратится въ украинофила, или, не желая поступиться старыми предубѣжденіями, разоидется съ русскимъ украинофильствомъ. Свенцицкій при всѣхъ его сочувствіяхъ къ украинскому народу не слился съ украинофилами и остался полякомъ. Приводимъ нѣсколько образчиковъ изъ его журнала. Въ предисловіи мы находимъ слѣдующую *profession de foi* хлопомана.

„Намъ кажется излишнимъ пускаться въ доказательства того, существуетъ ли, рядомъ съ народностью польской и московской, еще третья, украинская или русская народность ¹⁾? Потому что дѣло говорить само за себя: на пространствахъ отъ Балтики до Чернаго моря, отъ Кавказа и за Карпаты, мы видимъ 15-милліонный народъ, говорящій однимъ языкомъ, имѣющій одни нравы и обычаи, вездѣ вѣрный своимъ преданіямъ и живущій одною надеждою. Намъ поражаетъ поэтичность этого народа; домашніи добродѣтели, которыми онъ блистаетъ, внушаютъ къ нему уваженіе; среди этого народа, мы живемъ съ давнихъ вѣковъ; ни себя отъ него, ни его отъ насъ мы не можемъ отдѣлать; мы любимъ его и для насъ дорого все то, что полюбилъ онъ самъ. Вмѣстѣ съ народомъ мы любимъ родную землю, вмѣстѣ съ нимъ печалимся надъ недолей, вмѣстѣ съ нимъ вздыхаемъ о болѣе счастливыхъ дняхъ.

„Вотъ наша руководящая мысль! она будетъ руководить нашимъ трудомъ.

„Будущее мы оставляемъ Провидѣнію—сами будемъ трудиться для своего настоящаго, увѣренные, что днемъ взойдетъ зерно, посѣянное утромъ, и принесетъ обильный плодъ.

„Мы любимъ нашъ народъ, и трудиться для его добра считаемъ нашей святѣйшей обязанностью. Миновали времена кастъ! Теперь мы обязаны заботиться о счастьѣ милліоновъ; приближается время, когда слово Христа о любви къ ближнему осуществляется и живетъ среди насъ. Та страна истинно могущественна, которой всѣ жители счастливы. Будемъ работать для народа!—Въ немъ наше будущее.

„Самое дорогое сокровище для человѣка есть его родная рѣчь; конечно, мы не будемъ отнимать у нашего народа этого сокровища! Мы хотимъ охранять его отъ нападеній, имѣть попеченіе о томъ, чтобы оно не расточалось, но увеличивалось, потому что это сокровище—племенное, славянское, сокровище обще-народное.

„Большое число жителей края ²⁾ не понимаетъ природы связи милліоновъ съ общественными, стоящими надъ народомъ, слоями, питаетъ къ ней отвращеніе, противится ей; просвѣтитъ этихъ людей, вывести на настоящій путь будетъ нашей задачей. Многіе не знаютъ о сокровищахъ, которыми собраны народомъ, не знаютъ прекрасныхъ сторонъ его души—мы хотимъ указать имъ эти сокровища; мы жаждемъ слѣловать все для того, чтобы любовь заняла мѣсто равнодушія или отвращенія.

¹⁾ Выше мы указывали на эту терминологию: „московская“ значитъ русская; „русская“ значитъ малорусская.

²⁾ Т.-е. польскихъ жителей Галиціи.

„Такова цѣль журнала „Sioło“; этого мы стремимся достигнуть.

„Насъ ведетъ свѣтъ правды, любовь указываетъ нашу дорогу. Мы хотимъ, чтобы миръ сталъ господствовать въ племени славянъ, и Богъ поможетъ намъ, потому что мы ищемъ осуществленія его слова.

„Украинская народная словесность—это прекрасная вязанка цвѣтовъ съ степныхъ могилъ славнаго прошедшаго, это—слезы и стоны миллионовъ, это—будущее могущество народа, такъ скромно прикрытое слезной мелодіей думы-плача вобзари. Но какъ велики, хотъ кажутся убогими, фигуры Тараса, Квитки! Они высказали страданія народа, раскрыли намъ красоту народной души.... Въ этомъ вся ихъ заслуга! въ этомъ ихъ великость и безсмертіе!

„Геній Дантовъ, Гёте приводитъ въ изумленіе!... Онъ говоритъ только къ избраннымъ... Прочитай „Катерину“ Тараса, „Марусю“ Квитки — пятнадцать миллионовъ сердецъ затрепещетъ, слеза заблеститъ въ ихъ очахъ. Вотъ истинный триумфъ. Кто владѣетъ сердцами миллионовъ, тотъ не можетъ быть бѣденъ духомъ.

„Мы имѣемъ передъ собою новый миръ, въ которомъ равенство есть правило, это—миръ народа. Мы хотимъ показать его жителямъ нашего края, показать его сокровища, для насъ дорогія, потому что мы не чужды народу, какъ не чужды землѣ, которая насъ питаетъ, не чужды нашему прошлому и будущему, котораго не найдемъ помимо народа.

„Какъ у москалей, такъ и между нами есть люди, которые, отрицая права украинско-русской народности, желаютъ ополченія этихъ миллионовъ... Для нихъ, можетъ быть, достаточно ихъ противопоставленіе катковцамъ; но и въ нашемъ собственномъ народномъ интересѣ лежитъ необходимость содѣйствовать развитію народности, о которой идетъ рѣчь. Всѣмъ извѣстно, что російскій панславизмъ, столь грозный славянинъ въ своихъ желаніяхъ, главнымъ образомъ опирается на то, что финско-монгольская Москва самозванно назвала себя, сначала, славянскою Русіей, потомъ всею Русью, а теперь Россією ¹⁾. Поэтому, если путемъ изслѣдованій историческихъ и вообще литературныхъ, Русь дѣйствительная успѣетъ дойти до своихъ народныхъ правъ, гдѣ она убѣдитъ весь свѣтъ, что составляетъ особую народность, не имѣющую съ Россіей ничего общаго,—тѣмъ самымъ рунатся панславистическія стремленія москалей, не имѣя подъ собою почвы, и алчность Москвы будетъ обуздана.

„Россія говоритъ, что Руси нѣтъ, какъ отдѣльной народности; мы докажемъ, что дѣло стоитъ наоборотъ, что Москва только присвоиваетъ себѣ права славянской Руси, и увидимъ, что она отдѣляется отъ Европы и между ней и западомъ станетъ неодолимая стѣна—славянская Украина-Русь.

„Мы можемъ и должны трудиться даже въ нашемъ собственномъ интересѣ. Будемъ помогать народному развитію Украины-Руси — оно возвышаетъ лучшіе дни въ будущемъ.

„У насъ нѣтъ недостатка въ заявленіяхъ сочувствій къ этому народу; но до сихъ поръ мы дѣлали для него очень мало или совсѣмъ ничего не дѣлали; это была ошибка. Надо ее исправить.

„Возьмемся за работу. Слабость силъ не устрашаетъ насъ, и мы убѣждены, что эти силы будутъ вырастать по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться число жителей края, знающихъ его интересы и желающихъ служить имъ, какъ подобаетъ истиннымъ патріотамъ“....

¹⁾ Опять повтореніе извѣстной теоріи Духинскаго, о которой намъ уже не разъ случалось упоминать.

Статьи новаго журнала должны были печататься на польскомъ и на украинско-русскомъ языкѣ и для послѣдняго принято также латинское письмо, какъ „болѣе извѣстное той публикѣ, въ которой обращалось изданіе“.

Содержаніе журнала было чисто литературное. Здѣсь помѣщались стихотворенія, беллетристическія пьесы, народныя пѣсни и преданія, драматическія пьесы, статьи историческія и критическія, извѣстія о славянской литературѣ, корреспонденціи; въ концѣ прибавлялись небольшіе словари украинскихъ словъ, въ переводѣ на польскій.

Значительную долю журнала составляютъ произведенія нашей малорусской литературы, которыя Свенцицкій перепечатываетъ польской азбукой для польскихъ читателей. Такъ помѣщено здѣсь много изъ Шевченка: „Катерина“, „Наймичка“, „Неофиты“, „Тополя“, „Калина“ и т. д.; „Маруся“ Квитки; „Институтка“ и „Чары“ Марка Вовчка. Изъ галицко-русской литературы онъ приводитъ здѣсь только стихотворенія Федьковича. Затѣмъ Свенцицкій помѣстилъ въ журналъ свои собственныя работы: передѣлку „Катерины“, Шевченка, въ драматической формѣ, и собственную комедію „Miszczanka“, подъ псевдонимомъ Лозовскаго, на малорусскомъ языкѣ польскими буквами. Упомянемъ еще малорусское стихотвореніе, написанное извѣстнымъ польскимъ поэтомъ Ленартовичемъ: „Krim Geraj“. Далѣе является здѣсь, въ переводѣ на малорусскій, польская повѣсть Свенцицкаго: „Przed laty“ и малорусскій переводъ „Несторовой лѣтописи“ (отрывокъ съ начала). Предпринявъ изданіе, Свенцицкій обратился съ пригласеніемъ о сотрудничествѣ къ знаменитому „степному пѣвцу“, Богдану Залѣському, въ предположеніи найти сочувствіе въ одномъ изъ славнѣйшихъ поэтовъ украинской школы, и не ошибся: Залѣскій отвѣчалъ теплымъ пожеланіемъ успѣха новому предпріятію, которое сходилось и съ его собственными идеями, и прислалъ свои стихотворенія. Свенцицкій съ большою симпатіей встрѣтилъ вышедшее тогда новое собраніе стихотвореній Залѣскаго „Oratorjum wieszczce“, и привелъ оттуда пѣликомъ стихотвореніе „Mogiła Tarasa“, взывающее къ тѣни Шевченка о племенномъ примиреніи и союзѣ.

Остановимся еще на двухъ-трехъ статьяхъ журнала, и на другихъ подробностяхъ того взгляда на польско-малорусскія отношенія, который изложенъ въ предисловіи. Свенцицкій, не по примѣру другихъ польскихъ патріотовъ, есть усердный панславистъ: онъ не разъ возвращается къ этой тѣмѣ; онъ убѣжденъ въ будущей великой роли славянства, и съ ней для него связывается

будущее возстановленіе польскаго государства. Въ тѣсномъ союзѣ съ этимъ государствомъ совершится и возстановленіе настоящей „русской“ народности. Въ статьѣ „Sprawa ruskо-ukrainska“ онъ подробнѣе развиваетъ указанную нами не разѣ теорію о свойствахъ и отношеніяхъ Россіи московской и Руси украинской— послѣдняя есть народъ славянскій, не имѣющій ничего общаго съ Москвою, которая развилась „na podstawach tatarskiego barbarzyństwa“. Русь южная соединилась нѣкогда съ Польшей „na podstawach równości и wolności, na podstawach uznania naradowości ruskiej“; Украинская народность есть народность совершенно особенная, хотя украинскій народъ еще не дошелъ до политическаго самосознанія и, когда оно придетъ къ нему, жизнь его должна, по убѣжденію автора, установиться на основѣ автономіи Руси и политическаго единства съ Польшей. Общій свой выводъ онъ заключаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

„Правильно понимаемый интересъ повелѣваетъ Руси-Украинѣ оставаться въ единствѣ съ Польшей, именно, по слѣдующимъ причинамъ: а) Русь въ политическомъ отношеніи не выработана и потому не будетъ способна остаться въ состояніи независимости относительно завоевательной (zaborczej, т.-е. собственно грабительской) Москвы; б) Москва, государство завоевательное по своему духу и учрежденіямъ, мучимая жаждой пріобрѣтеній, стремится ассимилировать всѣ элементы, чуждые ея природѣ; в) Русь, хотя относительно человѣчности и нравственнаго содержанія стоитъ выше Москвы, но по матеріальной цивилизаціи ниже ея и рано или поздно не выдержитъ натиска московщины и потеряетъ свою народность; г) между Русью и Москвою нѣтъ никакой связи ни нравственной, ни исторической, ни политической; это—два противоположности, стремящіяся ко взаимному опроверженію, два элемента, другъ друга уничтожающіе... е) Польша, помимо всякихъ ошибокъ ея прошлаго, никогда не была завоевательной, никогда не стремилась къ уничтоженію народности соединявшихся съ нею племенъ (?). Всякія злоупотребленія въ религіозномъ отношеніи совершались вслѣдствіе временныхъ уклоненій и никогда не происходили изъ духа политики и государственныхъ учрежденій; ф) между Русью и Польшей существуютъ самыя жизненные связи, которыхъ нельзя порвать безъ вреда для обѣихъ; эти связи утверждаются на прошедшемъ (?), на единствѣ нравственныхъ свойствъ (?) и духа общихъ учреждений, на сходствѣ нравовъ и обычаевъ, на географическомъ положеніи и въ особенности на общемъ интересѣ своего обезпеченія отъ Москвы, грозящей равно народности польской и русско-украинской; г) Польша въ 1862 г.

начертила программу, на основаніи которой долженъ установиться ея будущій политическій бытъ. Этой программой утверждается свобода народнаго развитія и внутренняго устройства Руси—именно, то, что составляетъ основаніе добра, какъ послѣдней цѣли народа“.

Въ статьѣ „Исторія и Этнографія“, Свенцицкій, противопоставляя племя славянское германскому и романскому, признаетъ за послѣдними ихъ историческое значеніе, а въ будущемъ видитъ великое развитіе славянства и придаетъ великое значеніе распространенію этнографическаго изученія, которое должно познакомить съ народомъ, раскрыть его духъ и объяснить многое непонятное въ исторіи. Сила славянства лежитъ въ народѣ, и чѣмъ лучше мы его узнаемъ, тѣмъ больше обезпечимъ его правильное развитіе. И въ примѣръ того, что можетъ дать этнографія, онъ опять возвращается къ вопросу о „Москвѣ“: славяне ли москаль? До сихъ поръ, говоритъ онъ, исторія утверждала, что они славяне, а теперь начинаетъ противорѣчить прежнему утвержденію. „А почему? не отыскали ли какой-нибудь документъ? Можетъ быть, вычитали что-нибудь новое у какого-нибудь изъ древнихъ писателей? Нѣтъ, а потому что обратились къ жизни. Начали изслѣдовать: кто славяне, и кто москаль, какіе нравы и обычаи тѣхъ и другихъ, преданія, гѣсни, суевѣрія и пр., и по сравненію убѣдились, что между тѣми и другими находится діаметральное противорѣчіе! И мы убѣждены вполне, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области убѣдятъ, наконецъ, самихъ москалей (!), что ихъ обманывали, убѣждая ихъ, что они славяне, какъ теперь Европа убѣждается мало-по-малу въ ихъ не-славянствѣ“.

Откуда взялъ авторъ, что этнографія приходитъ къ подобному выводу, остается неизвѣстно. Очевидно, авторъ увѣровалъ въ проповѣдь Духинскаго, которой не имѣлъ возможности провѣрить чѣмъ-нибудь инымъ: о настоящихъ результатахъ этнографіи въ изученіи русскаго „московскаго“ народа, онъ видимо не имѣетъ понятія. Научная этнографія никогда и не ставила себѣ вопроса о славянствѣ русскаго народа и чѣмъ дальше шли ея розысканія, тѣмъ больше оказывалось, наоборотъ, что именно въ средѣ русскаго „московскаго“ народа оказывалось масса такого древняго славянскаго преданія, какое давно утрачено другими славянскими племенами, особливо западными, какъ, напр., лишь у немногихъ славянъ въ такой степени сбереглось богатство чисто славянской народной поэзіи, какъ у русскихъ.

Эта программа наполнена обычными польскими положеніями и фикціями, которыя уже и до того времени не разъ были опро-

вергаемы нашими малорусскими историками, какъ опровергались и самими фактами. Напр., соединеніе южной Руси съ Польшей „на основѣ равенства и свободы“ и признанія русской народности: изъ-за чего же шли страшныя, кровопролитныя войны и возстанія, разрушившія этотъ союзъ равенства и свободы? Такимъ образомъ, польскій хлопоманъ остается вѣренъ тѣмъ мнимымъ истинамъ, которыя издавна и донинѣ ходятъ въ большинствѣ польскаго общества по вопросу о малорусско-польскихъ историческихъ отношеніяхъ. Онъ точно также считаетъ за историческій фактъ то, чего ему хотѣлось бы видѣть въ исторіи и чего на самомъ дѣлѣ въ ней не было; устраняетъ отъ себя непріятныя факты, какъ будто они не существовали; продолжаетъ говорить о „союзѣ“ Польши и Руси, какъ будто онъ не былъ нѣсколько разъ оборванъ — и въ первый разъ самою Русью, и только послѣ „Москвою“ и т. д. На этомъ пунктѣ хлопоманъ встрѣтилъ бы первыхъ противниковъ въ самихъ русскихъ украинофилахъ.

Но съ другой стороны, мнѣнія хлопомана заключали въ себѣ и нѣчто новое въ польской литературѣ: хотя онъ мало помнилъ дѣйствительную исторію, но для настоящаго времени требовалъ „автономіи“ малорусской народности, чего и до сихъ поръ не хотятъ признать польскіе патріоты въ Галиціи; онъ съ видимою любовію относится самъ къ украинской народности и умѣетъ вступаться за народный интересъ противъ самихъ польскихъ писателей ¹⁾.

Изъ приведенныхъ образчиковъ ясно, что „хлопоманія“ и „украинофильство“ были вещи весьма различныя, что смѣшеніе ихъ, какое такъ усердно у насъ дѣлалось, было или нелѣпостью, или недобросовѣстностью. Быть можетъ, бывали случайныя мнѣнія съ обѣихъ сторонъ, которыя находили себѣ средній терминъ, могли сближаться на какихъ-нибудь отрицательныхъ положеніяхъ; — но если только хлопоманъ, какъ было съ Свенцицкимъ, сохранялъ обычные взгляды своего общества на исторію (хотя бы скрашивая и извиняя ее въ пользу „автономіи Руси“), разладъ былъ неизбеженъ. Эпоха Хмельницкаго, какъ была, такъ и осталась камнемъ преткновенія; у массы польскихъ историковъ и публицистовъ не доставало научнаго безпристрастія и политической смѣлости признать эту эпоху тѣмъ, чѣмъ она была — увидѣть по ея событіямъ не „нѣкоторыя ошибки“, а капитальные недостатки въ цѣломъ строѣ стараго польскаго государства. Для украинофиловъ, наоборотъ, нельзя было не увидѣть всего этого.

¹⁾ Напр., въ статьѣ о книжкѣ: „Listy o rzeczach publicznych do ludu“, Horoszkiewiczza, см. „Siolo“, I, стр. 127—134.

Мы ограничимся этими примѣрами, показывающими, что въ средѣ самого польскаго общества и литературы сами собой возникали взгляды, отрицавшіе давнишнюю польскую традицію относительно Украины и ея народа. Здѣсь впервые являлась почва для примиренія, возможнаго только при томъ признаніи правъ южнорусской народности, какое дѣлали, хотя еще не полно и не смѣло, польскіе украинофилы... У насъ отношенія двухъ племенъ остаются невысказаны и смутны, и поставлены иначе, но въ Галиціи между поляками и русскими идетъ открытый и каждодневный споръ, и вопросъ о взаимномъ уразумѣніи и какомъ-нибудь улаженіи отношеній можетъ имѣть насущную важность.

Но, къ сожалѣнію, тѣ проблески согласія и сочувствія, на которыхъ мы останавливались, до сихъ поръ остаются слишкомъ слабыми и одиночными. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей все еще преобладаетъ старая нетерпимость, племенная и религіозная, которая питается и мѣстными обстоятельствами, и цѣлымъ положеніемъ русско-польскаго вопроса... Въ послѣднее время чрезвычайную сенсацію произвелъ въ польской литературѣ романъ Сенкевича: „Огнемъ и мечомъ“, представляющій до послѣдней степени преувеличенную апотеозу Польши именно въ ея борьбѣ противъ украинскаго народа во времена Хмельницкаго. Вся крайняя нетерпимость, какую питалъ польскій XVII-й вѣкъ, все презрѣніе къ „хлопскому“ народу, его племени, вѣрѣ и обычаю, нашли, къ удивленію, и въ писателѣ XIX столѣтія полное сочувствіе, которое подкрѣплено новѣйшими историко-политическими соображеніями и одѣто въ новѣйшую „художественную“ форму. Соображенія просты: Польша была носительница цивилизаціи, полная гражданскихъ доблестей; украинцы — дикое племя, неспособное къ культурѣ, искавшее „дикой свободы“ и которое нужно было держать въ уздѣ и цивилизовать крѣпкою властью—хотя бы цѣной „океана крови“. У автора нѣтъ и подозрѣнія, что эта борьба Польши и Украины XVII вѣка была вызвана политической несправедливостью и была началомъ паденія Польши. Если не понять этого авторъ, то—въ громадномъ большинствѣ—не поняла и публика: романъ имѣлъ успѣхъ необычайный; Сенкевича ставили не только выше всѣхъ корифеевъ новѣйшей польской литературы, но выше Данта и Шекспира; лишь меньшинство нашло, что для сравненія лучше бы вспомнить объ авторѣ „Трехъ мушкетеровъ“...

Романъ переведенъ былъ два раза и на русскій языкъ. Для тѣхъ, кто желалъ бы сличить его съ данными южно-русской исторіи, укажемъ замѣчательный разборъ его, напечатанный въ „Кіев-

ской Старинѣ“ прошлаго года ¹⁾). Общее заключеніе автора этого разбора мало утѣшительно.

„Мы должны съ прискорбіемъ констатировать, — заключаетъ критикъ, — что огромное большинство польской интеллигенціи, судя по приему, оказанному повѣсти Сенкевича, раздѣляетъ его взгляды и убѣжденія — явленіе, какъ намъ кажется, весьма печальное и не предвѣщающее скорого поворота въ лучшему, какъ нравственнаго и умственнаго развитія, такъ и тѣсно съ нимъ связанной реальной судьбы польской интеллигенціи“. Но критикъ „съ отраднымъ чувствомъ“ отмѣчаетъ, что въ этой интеллигенціи нашлось, однако, меньшинство, хотя малочисленное, которое протестовало противъ мыслей, проводимыхъ въ романѣ, и не усумнилось сдѣлать это въ самомъ разгарѣ его успѣха. „Дальнѣйшее интеллектуальное развитіе польскаго общества, — думаетъ критикъ, — или прекратится совсѣмъ, или пойдетъ по пути, намѣченному этимъ меньшинствомъ, чего, конечно, мы искренно желаемъ въ интересахъ человѣческаго прогресса, который равно дорогъ всякому мыслящему человѣку, въ какой бы онъ средѣ ни проявлялся“.

Въ этомъ противорѣчій двухъ взглядовъ достаточно отражаются настоящія польско-малорусскія отношенія въ литературѣ, еще очень далеко не примиренныя попытками польскаго украинофильства и хлопоманіи; въ крайне перепутанныхъ политическихъ и социальныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ у насъ, и въ Галиціи, гдѣ ведется между ними открытая борьба, еще слишкомъ мало мѣста для „союза“ и гораздо больше — для крайней нетерпимости. Однимъ примѣромъ послѣдней служитъ романъ Сенкевича; другой мы встрѣчаемъ, кромѣ многихъ иныхъ примѣровъ, въ недавнемъ газетномъ извѣстіи, что нѣкоторые изъ галицкихъ русскихъ приняли съ восторгомъ „помьскія рѣчи“ Бисмарка и даже послали германскому канцлеру благодарственную телеграмму!

А. Пыпинъ.

¹⁾ „Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ“, В. Антоновича, „К. Стар“. 1885, май.

М Е Ч Т Ы

Ты помнишь ли тѣ дни, когда съ порога дѣтства
Сопла ты съ ясною улыбкой на устахъ,
Съ задоромъ перваго невзвѣснаго воеводства
И вспыхивкой первою въ испуганныхъ глазахъ?
Ты взоромъ радостнымъ на божій міръ взирала,
Душой нетронутой младенчески чиста, —
И новый міръ кругомъ игриво создавала
Твоя свободная крылатая мечта.
Какъ нѣжное дитя въ уютной колыбели,
Качалась ты душой на стройныхъ волнахъ грезъ.
Какія чудныя поля кругомъ пестрѣли,
Какъ упителенъ и сѣнъ былъ запахъ розъ!..
Но вотъ картиною волшебною нежданно
Смѣняется просторъ причудливыхъ полей:
Жестокій чародѣй плѣнилъ тебя... Туманно
И холодно въ душѣ испуганной твоей.
И грезится тебѣ: въ угрюмой, казѣ могилы,
Темницѣ ты сидишь. Тяжелый гнетъ оковъ
Томить и давить грудь. На землю ночь спустилась
Своей темной, звездами усыпанной, покровъ.
Въ просвѣтѣ маленькой рѣшотки тихо льется
Сіянье мѣсяца серую голубой.
Ты вся въ огнѣ... Душа мучительно такъ рвется
На волю, на просторъ жъ бални розовой.
Ты ждешь... И вотъ вдали раздался гулкій топотъ!..
Все ближе, все звучней... Вотъ закинулъ твой самоворъ...

То онъ! То витязь твой!.. Безумно-страстный шопоть,
 Отвагою живой и нѣгой полный взоръ...
 Ты кинулась къ нему... Онъ обхватилъ руками
 Твой гибкій, стройный станъ,—и на конѣ вдвоемъ
 Вы мчитесь, мчитесь вдаль, туда, гдѣ надъ лугами
 Зажегся лѣтній день въ сіяньи золотомъ;
 Туда, гдѣ свѣтлыя поляны зеленѣютъ,
 Рокочутъ и звенятъ пѣвучіе ключи,
 Дубравы темныя прокладой тихо вѣютъ
 И льются съ высоты алмазные лучи...

Ты помнишь эти дни? Какъ сонъ весенней ночи,
 Исчезла дымка грезъ... Спокойнѣе глядятъ
 На божій міръ твои пытающія очи
 И ужъ не тѣмъ огнемъ причудливымъ горятъ.
 Ты многое мечтой несбыточной считаешь,
 И многое давно забыто ужъ тобой,
 И ты сама теперь съ улыбкой вспоминаешь
 Туманъ былыхъ надеждъ и грезъ волшебныхъ рой...

А я, мой добрый другъ, все тѣмъ же, какъ и прежде,
 Угрюмымъ и больнымъ мечтателемъ брожу,
 Все въ той же призрачной, плѣнительной надеждѣ
 Я непрерывно въ даль туманную гляжу.
 Въ темницѣ сумрачной, угрюмой, какъ могила,
 Томится мысль моя во мглѣ, въ тоскѣ нѣмой,
 И рвется буйная, бунтующая сила
 На волю, на просторъ, изъ башни роковой...
 А башня та, мой другъ, не дѣтскою мечтою,
 Не грезой создана, — не грезой ночной,
 Гдѣ то, что къ берегу прибьеть одной волною
 Уносится другой игривою волной.
 Нѣтъ, башня та, увы, укрѣплена вѣками,
 И заколоченнымъ ключемъ закрыть въ ней ходъ,
 И чуткій стражъ стоять подъ мрачными стѣнами...
 И день идетъ за днемъ, идетъ за годомъ годъ, —
 И жду я витязя... Отважный, гордый, смѣлый —
 Я вѣрю—онъ придетъ! Сверная и гремя,
 Разломитъ онъ затворъ темницы помертвѣлой.
 Какъ молодой орелъ при первомъ блескѣ дня,
 Воспрянетъ эта мысль, что долгими вѣками
 Томится подъ ярмомъ неволи и невогодъ,

Воспрянетъ и взмахнетъ широкими крылами...

Но день за днемъ идетъ, идетъ за годомъ годъ,
Полжизни позади,—и тѣмъ же, какъ и прежде,
Угрюмымъ и больнымъ мечтателемъ брожу,
И въ той же призрачной, плѣнительной надеждѣ
Я въ даль унылую и темную гляжу...

С. Фругъ.

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ РИМѢ.

In severitate humanitas.

Лишеніе свободы, какъ наказаніе, есть система новаго времени. Отъ прежнихъ наказаній его отличаютъ идея гуманности и идея цѣлесообразности. Подъ вліяніемъ первой, оно окончательно отдѣлилось отъ смертной казни и тѣлеснаго мученія, формы которыхъ нерѣдко принимало заключеніе старинное. Подъ вліяніемъ второй, выработалось сознаніе, что карательная задача государства не оканчивается съ поворотомъ замка тюремныхъ дверей за осужденнымъ, и что, напротивъ, съ этого момента начинается обязанность примѣнить цѣлую систему дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы наказаніе стало полезно для общества мѣрою огражденія его отъ преступности. Такова характеристическая черта всѣхъ видовъ современнаго лишенія свободы, сообщающая имъ значеніе системы общественной пользы въ противоположность системѣ общественной или государственной мести, какимъ было старое наказаніе.

Система, на такихъ идеяхъ основанная, не могла выйдти изъ рукъ правительствъ, придерживавшихся иныхъ точекъ отправленія. Для своего появленія и развитія, она по необходимости потребовала напряженія общественныхъ интеллектуальныхъ силъ данной эпохи. Она была результатомъ общихъ ученій гуманизма, выставившихъ на это поле знаменитаго Говарда. Безпрерывныя войны и смуты въ Европѣ конца XVIII и начала XIX ст., однако, значительно отодвинули ея осуществленіе. Тѣмъ съ большимъ жаромъ принялся за нее европейскій раціонализмъ, когда времена нѣсколько успокоились.

Подъ давленіемъ его, многія правительства отправили своихъ делегатовъ для изученія тюремъ въ Сѣверо-Американскій Союзъ, гдѣ, какъ было заявлено, успѣли уже найти наилучшее разрѣшеніе этого вопроса. Таковы Crawford и Russell, посланные Англією, Токвилль и Beaumont, командированные Францією, и Юліусъ изъ Пруссіи. Кромѣ officialныхъ отчетовъ, делегаты эти напечатали общедоступныя набоженія, чрезвычайно много содѣйствовавшія популяризировацію тюремнаго вопроса и обратившія на него вниманіе всей Европы. Въ сороковыхъ годахъ это былъ самый модный вопросъ въ литературѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ.

Еще тогда франкфуртскому (на Майнѣ) мѣдику Varentzapp'у пришла мысль о созваніи международнаго съѣзда лицъ, этимъ вопросомъ интересовавшихся. Упала она на благодарную почву, и первый международный тюремный конгрессъ собрался въ 1846 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ; за нимъ слѣдовалъ въ 1847 г. второй конгрессъ, въ Брюсселѣ. Въ средѣ членовъ его, передъ разѣздомъ, было рѣшено собираться ежегодно, расширивъ программу, именно, образовывать международное общество, которое-бы сплочивало лицъ, занимающихся въ разныхъ государствахъ участіемъ рабочихъ и бѣдныхъ классовъ населенія, облегчало-бы сношенія между частными обществами, посвященными той же цѣли, устраивало международные конгрессы и предпринимало многія мѣры того же рода. Во исполненіе этой резолюціи, въ Парижѣ образовался центральный комитетъ дѣйствія. Но революція 1848 г. закончилась второю имперією, отнесшеюся крайне неблагоприятно и къ вопросамъ благотворительности вообще, и въ частности къ пенитенциарному вопросу; революціонныя движенія 1848 г. затормозили это дѣло и въ Германіи. Международный конгрессъ, предложенный на этотъ годъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, не могъ состояться. Однако, подъ названіемъ сельскохозяйственныхъ, гигиеническихъ, статистическихъ и благотворительныхъ, собирались мѣстные конгрессы въ Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи, а въ 1857 г. удалось собрать во Франкфуртѣ на Майнѣ международный конгрессъ благотворительности, третья секція котораго, посвященная вопросамъ пенитенциарнымъ, была продолженіемъ конгрессовъ франкфуртскаго 1846 г. и брюссельскаго 1847 года. Но имъ и закончилась первая серія международныхъ пенитенциарныхъ конгрессовъ, отъ которой существенно отличается вторая серія, начавшаяся въ Лондонѣ въ 1872 г.

Конгрессы первой серіи подъ пенитенциарнымъ вопросомъ понимали собственно только вопросъ объ одиночной системѣ заключенія; для ея торжества они собирались и были такъ проникнуты ею, что когда англичанинъ Пирсонъ, не раздѣлявшій ея, пожелалъ принять

участіе въ брѣссельскомъ конгрессѣ, то онъ сталъ нужнымъ оговорить, что его участіе не должно быть принято 'за переѣзду нѣмъ' взглядовъ. Задача, которую брали на себя конгрессы первой серіи, прекрасно была сформулирована Моро-Кристофомъ: „d'organiser le principe de l'emprisonnement et de l'organiser par sa formule de pierre“, подѣ чѣмъ понималась именно одиночная система. Напрасно упрекаютъ ихъ въ томъ, что они чуждались положительнаго матеріала о состояніи жѣсть заключенія; на каждомъ изъ нихъ, напротивъ, кромѣ преній, представлялись точныя данныя о тюрьмахъ въ разныхъ странахъ, — но также только о тюрьмахъ одиночныхъ. Неправильно также мнѣніе, будто конгрессы первой серіи обходились безъ официальныхъ делегатовъ; правительства многихъ государствъ посылали на нихъ своихъ представителей; напр., отъ Россіи на брѣссельскомъ конгрессѣ былъ тогда г. фонъ-Цезъ. Но тѣ конгрессы созывались не правительствами, и къ правительствамъ относились съ правомъ критики. Мысль эта нашла самое сильное выраженіе въ слѣдующихъ словахъ Воюона, сказанныхъ въ Брюсселѣ въ 1847 г.: „наши конгрессы, гг., суть прекрасное и великое учрежденіе, которое я привѣтствую отъ всей души; прежде, въ конгрессы стѣвжались только правительства; нынѣ просвѣщенные народы посылаютъ своихъ представителей въ эти великія собранія, для того, чтобы обуздать поведеніе правительствъ, которыя въ наше время охотно выслушиваютъ желанія народовъ“. Одинъ изъ испанскихъ членовъ брѣссельскаго конгресса призывалъ громы его на правительство своей страны. Нашъ делегатъ фонъ-Цезъ награжденъ былъ продолжительными аплодисментами за заявленіе объ учрежденіи Николаемъ Павловичемъ, послѣ поѣздки его въ Лондонъ, комитета для устройства въ Петербургѣ одиночной тюрьмы и объ отиѣнѣ кнута уложеніемъ 1845 г.; но когда, по замѣчанію Воловскаго, оказалось, что плеть у насъ осталась, то нашему представителю было пояснено, что аплодисменты относились къ отиѣнѣ кнута, а не къ удержанію плети.

Между тѣмъ, въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ объ системы, которыя наблюдали европейскіе делегаты, подверглись значительнымъ измѣненіямъ и замѣнились новыми приѣмами. Американцы, частью потому, что они не были убѣждены въ правильности послѣднихъ и желали ознакомиться съ усовершенствованіями европейскими, частью для пропагандированія своихъ новыхъ началъ, рѣшились возобновить пенитенціарные международные конгрессы въ Европѣ. Эту миссію сѣверо-американское правительство возложило на секретаря сѣверо-американскаго національнаго тюремнаго общества, д-ра Уинса (Wines), неутомимой энергіи котораго удалось довести ее до конца. Правда, на этотъ разъ идея международныхъ сѣздовъ имѣла влеченіе

подготовленную почву, такъ какъ во многихъ государствахъ Европы уже до поѣзда Уэнса собирались національные конгрессы, вызванные практическими нуждами тюремнаго дѣла. Тѣмъ не менѣе Уэнсу принадлежитъ большая заслуга не только починна, но и организационная какъ личнаго состава, такъ и занятій международныхъ конгрессовъ новой серіи. При жизни его и при его дѣятельномъ участіи, состоялось два такіе конгресса: лондонскій въ 1872 г., и стокгольмскій въ 1878 г.; третій, римскій конгрессъ, предполагавшійся въ 1884 г., но, въ виду холеры, собравшійся лишь въ ноябрѣ 1885 г., засѣдалъ уже послѣ смерти этого почтеннаго дѣятеля.

Конгрессы новой серіи отличаются отъ предыдущихъ болѣе практическимъ складомъ. Первенствующее мѣсто въ нихъ предоставлено правительствамъ, отъ которыхъ исходятъ приглашенія, которые распределяютъ между собою необходимые расходы и посылаютъ своихъ делегатовъ; кромѣ послѣднихъ, въ конгрессахъ участвуютъ и частныя лица, притомъ или по приглашенію, или въ качествѣ добровольцевъ; въ засѣданіяхъ секцій и общихъ собраній, всѣ члены конгресса имѣютъ равный голосъ, но въ засѣданіяхъ международной пенитенциарной комиссіи участвуютъ только правительственные делегаты; имъ-же принято предоставлять и почетныя должности председателей и вице-председателей. Неофициальный элементъ конгрессовъ новой серіи слугается изъ профессоровъ уголовного права, директоровъ пенитенциаріевъ, архитекторовъ ихъ, пасторовъ, медиковъ и т. п., т.-е. изъ лицъ, посвятившихъ себя тюремному дѣлу и имѣющихъ въ немъ спеціальныя познанія; иное замѣчалось въ конгрессахъ первой серіи, которые на большую часть состояли изъ литераторовъ, публицистовъ, экономистовъ и „друзей прогресса“ вообще. Не ограничиваясь одиночною системою, новые конгрессы обращаютъ вниманіе на всѣ стороны тюремной дѣятельности; мало того, свою программу они понимаютъ еще шире, именно въ смыслѣ разрѣшенія вопроса о предупрежденіи и искорененіи преступности, что дало имъ возможность примкнуть къ ней какъ обсужденіе многихъ частей уголовного законодательства, такъ и весьма важные вопросы общественной благотворительности и общественнаго призванія. Выстъ съ тѣмъ, они отказались отъ той нетерпимости къ мнѣніямъ, которою отличались прежніе конгрессы, — конечно, вслѣдствіе глубокой вѣры въ непогрѣнимость одиночной системы. На лондонскомъ конгрессѣ даже вовсе не было голосованія; послѣдующіе конгрессы ввели голосованіе, но, какъ показываетъ ихъ практика, они состоявшимися рѣшеніями не считаютъ себя связанными. Тѣмъ не менѣе, дѣлу одиночной системы новые конгрессы послужили не мало, обнаруживъ ея крупныя достоинства для многихъ категорій заключенныхъ. Сред-

ствами выясненія и пропаганды идей для новыхъ конгрессовъ служить, впрочемъ, не только доклады по отдѣльнымъ вопросамъ и пренія по нимъ, но также—и главнымъ образомъ—ознакомленіе съ положительными тюремными порядками; отчеты о нихъ и ответы разныхъ правительствъ по напередъ изготовляемымъ вопроснымъ пунктамъ составляютъ весьма важную часть ихъ матеріаловъ. По тому же и самыя пренія, на этихъ конгрессахъ происходящія, по справедливому замѣчанію Гавштремера ¹⁾, скорѣе напоминаютъ обмѣнъ свѣденій о фактахъ или достигнутыхъ результатахъ, чѣмъ споръ между партизанами различныхъ теоретическихъ направленій. Слѣдующіе пути, начертанному Уэнсомъ, конгрессы новой серіи ставятъ своею задачею не доставленіе торжества предвзятымъ положеніямъ, а „собираніе данныхъ тюремнаго опыта, сопоставленіе свѣденій о дѣятельности разныхъ тюремныхъ системъ, а равно сравненіе какъ карательнаго дѣйствія разныхъ наказаній, такъ и иныхъ способовъ, практикуемыхъ въ разныхъ государствахъ для кары и для предупрежденія преступныхъ дѣяній“.

II.

Римскій конгрессъ продолжалъ въ этомъ направленіи дѣло предыдущихъ. Познакомимся прежде всего съ его организаціею.

По установившейся практикѣ, каждый международный конгрессъ передъ закрытіемъ назначаетъ мѣсто будущаго конгресса, конечно, съ согласія соотвѣтственнаго правительства, и избираетъ международную пенитенціарную комиссію, въ видахъ выработки программы слѣдующаго конгресса и заботъ о докладахъ по ней. Предсѣдателемъ ея избирается официальный делегатъ страны, въ которой долженъ состояться предполагаемый конгрессъ; на этотъ разъ функція предсѣдателя выпала на Beltrani-Sclafina, бывшаго начальника итальянскаго тюремнаго управленія; вице-предсѣдателемъ комиссіи состоялъ профессоръ Гольцендорфъ; секретарскія обязанности исполнялъ симпатичный директоръ невшательскаго пенитенціарія, докторъ медицины Гильомъ. Выработавъ программу вопросовъ, комиссія разослала ихъ съ подробными мотивами, объяснявшими значеніе cadaго вопроса. Съ іюня 1888 г. начали выходить ея бюллетени, въ которыхъ печатались присланные доклады.

Хозяйственная подготовка легла на національный итальянскій комитетъ, въ который, подъ предсѣдательствомъ министра внутрен-

¹⁾ Въ матеріалахъ стокгольмскаго конгресса, I, 8.

нихъ дѣлъ, были привлечены, кромѣ Бельтрами-Скаліи, римскій городской голова герцогъ Торлонія, сенаторы Канонико и де-Ренцисъ, и другія лица. На нихъ легла, бесспорно, самая непріятная и трудная задача, выполненная ими, однако, блистательно: для конгресса они получили отъ города прекрасное помѣщеніе, именно, административныя произведеній искусства; обеспечили, сколько было въ ихъ силахъ, прибытіе значительнаго числа иностранныхъ членовъ, послали заблаговременныя приглашенія всѣмъ лицамъ, извѣстнымъ дѣятельностью по пенитенциарному вопросу; лицамъ, изъявившимъ согласіе пріѣхать, послали обстоятельныя указанія и выхлопотали для нихъ разныя льготы для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, въ гостиницахъ и т. под.; выработали программу посѣщенія разныхъ мѣстъ заключенія въ Италіи, подготовили цѣлый рядъ блистательныхъ и хорошо обдуманыхъ празднествъ, добрая память о которыхъ на долго останется у всѣхъ членовъ римскаго конгресса. Не удовольствовавшись всѣмъ этимъ, итальянское правительство въ 1884 г. даю двумъ членамъ комитета, сенаторамъ Канонико и де-Ренцисъ, порученіе объѣхать европейскій континентъ, частью для ознакомленія съ мѣстами заключенія, частью для личнаго приглашенія на конгрессъ разныхъ лицъ.

Въ римскомъ конгрессѣ официально, кромѣ Италіи, были представлены слѣдующія государства: Австро-Венгрія, Баденъ, Баварія, Бельгія, Голландія, Греція, Данія, Испанія, Норвегія, Мексика, Россія, Франція, Швейцарія, Швеція, Уругвай, наконецъ штаты Коннектикутъ и Родъ-Айлендъ сѣверо-американскаго союза, т.-е. всего съ Италіей 15 государствъ европейскихъ и 2 американскихъ. Германія въ международныхъ конгрессахъ официального участія не принимаетъ. Всѣхъ иностранныхъ членовъ было на конгрессѣ 95, итальянцевъ 151, итого 246; но изъ этого числа многіе (иностранцевъ около 15, итальянцевъ около 75) явились для астрономическаго сѣзда, не принимая участія въ засѣданіяхъ пенитенциарнаго конгресса. Въ числѣ членовъ послѣдняго, были 4 дамы. Изъ прибывшихъ на римскій конгрессъ, наиболѣе были извѣстны по ихъ прежней дѣятельности Альмквистъ, Гольцендорфъ, Экертъ, Ягеманъ, Стевенсъ, Принсъ, Вуазенъ, Гардуенъ, Ивернесъ, Польсъ; изъ Россіи на конгрессъ прибыли: гг. Галкинъ-Врасскій, Аршеневскій, Годжевскій, Монромерри, Мамедентаверъ, Рукавинниковъ, Остелецкій, Саломонъ, Яковлевъ и авторъ настоящаго строка. Италія выставила на конгрессъ блестящую плеяду своихъ юристовъ и тюремновѣдцевъ; достаточно упомянуть имена Брусы, Бельтрами-Скаліи, Канонико, Манчини, Чессини и гр. Фореста.

Конгрессъ открылъ 4 (16) ноября министръ внутреннихъ дѣлъ

Депретисъ; его выбрали председателемъ конгресса, а вице-председателями, которые председательствовали на общихъ собраніяхъ, въ порядкѣ алфавита по предложенію итальянскаго комитета, рѣшено было избрать наличныхъ официальныхъ представителей всѣхъ правительствъ. Засѣданія общихъ собраній происходили въ обширной залѣ, увѣшанной портретами выдающихся пенитенціарныхъ дѣятелей; въ ряду ихъ находились портреты гр. Блудова и покойнаго А. В. Рукавишниковъ. Въ предыдущей залѣ размѣщены были портреты всѣхъ государей современныхъ, а по бокамъ ея — помѣщенія для выставки произведеній арестантскаго труда.

Подобно стокгольмскому, римскій конгрессъ раздѣлился на три секціи. Засѣданія ихъ начались 5 (17) ноября. По предложенію итальянской комиссіи, первая секція избрала своимъ председателемъ пр. Польса, 2-я — директора копенгагенскихъ тюремъ Гооса, 3-я — совѣтника баденскаго министерства д-ра Ягемана. Въ секціи, послѣ устнаго изложенія доклада, заготовленнаго стараніями международной комиссіи, пожелавшагося нерѣдко докладомъ отъ итальянской комиссіи, происходили пренія и затѣмъ голосованіе; по каждому вопросу, секція избирала докладчика для общаго собранія; иногда избирались два докладчика, одинъ отъ большинства, другой отъ меньшинства. Секціи засѣдали параллельно, по утрамъ, съ 10, а иногда съ 9 часовъ, до 12 и до часу; общія собранія открывались въ 2 часа. Каждая секція имѣла 6 засѣданій, всѣ вмѣстѣ 18; общихъ собраній было также 6. Предполагалось, что число засѣданій будетъ больше и конгрессъ продолжится двѣ недѣли; но затѣмъ, по желанію иностранныхъ членовъ, продолжительность конгресса значительно сократилась.

Кромѣ того: одновременно съ пенитенціарнымъ конгрессомъ и въ томъ же зданіи засѣдалъ антропологическій конгрессъ, собранный стараніями Ломброзо. Онъ распадался на два отдѣленія; первое собиралось по утрамъ, второе съ 2 часовъ по полудни.

III.

На обсужденіе римскаго конгресса международною комиссіею были предложены 21 вопросъ, именно 6 вопросовъ для первой секціи, 8 для второй и 7 для третьей. Полное изложеніе дѣятельности конгресса выходитъ далеко за предѣлы журнальной статьи и теперь представляется пока невозможнымъ, такъ какъ материалы конгресса еще не опубликованы; засѣданія же секцій проходили одновре-

менно, почему я не могъ присутствовать на всѣхъ ихъ и ограничусь краткимъ очеркомъ того, съ чѣмъ успѣлъ познакомиться.

Первая секція посвящена была общимъ вопросамъ уголовного законодательства, съ преобладающимъ составомъ юристовъ. По первому вопросу программы ея, о совместиости срочнаго лишения нѣкоторыхъ гражданскихъ и политическихъ правъ съ требованіями пенитенціарной системы, были представлены два доклада—Польса и Лазю, —сходные въ ихъ окончательныхъ положеніяхъ. Профессоръ утрехтскаго университета Польсъ находилъ, что лишеніе правъ совмѣстимо съ такими требованіями, при условіи, чтобы оно имѣло характеръ наказанія дополнительнаго, назначаемого тогда лишь, если судомъ въ данномъ случаѣ признано опаснымъ сохранить за осужденнымъ права, имъ во все употреблены, и было мѣромъ срочною, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда главное наказаніе назначено пожизненно. Лазю равнымъ образомъ допускалъ срочное лишеніе правъ гражданскихъ и политическихъ какъ добавочное наказаніе; особенность его мнѣнія та, что въ лишеніи правъ онъ видитъ мѣру, необходимую не въ видахъ безопасности, а по требованіямъ общественной нравственности, слѣд. какъ бы сближаетъ ее съ наказаніями безчестными. Оба доклада, преимущественно послѣдній, весьма сжаты и бѣдны разработкою: на реабилитацию правъ въ нихъ вовсе не обращено вниманія; даже вопросъ о томъ, какія именно права могутъ быть предметомъ наказанія, ими не разъясненъ. Секція и общее собраніе конгресса согласились съ докладчиками по вопросу о факультативности примѣненія судомъ лишенія правъ, но признали, что мѣра эта въ необходимыхъ случаяхъ съ пользою можетъ быть назначаемая и какъ наказаніе главное, даже безъ лишенія свободы; они приняли также принципъ срочности, съ извѣтнемъ случаевъ, когда перажеліе правъ назначается въ дополненіе къ пожизненному лишенію свободы.

По вопросу о предѣлахъ власти суда при опредѣленіи разнѣры наказанія, въ бюллетеняхъ международной комиссіи напечатаны доклады van Hamel'a, Lamezan'a и Gysin'a. Профессоръ амстердамскаго университета ванъ-Гамель примыкаетъ къ американскимъ пенитенціаристамъ и антропологической школѣ, допуская по субъективнымъ условіямъ какъ пониженіе, такъ и повышеніе нормальныхъ опредѣленныхъ въ законѣ наказаній, даже до перелома отъ наказаній срочныхъ въ безсрочныя и пожизненныя. Онъ настаиваетъ на необходимости различать осужденныхъ на три категоріи, предложенныя Листомъ, а именно: 1) несправимыхъ преступниковъ привычекъ; 2) преступниковъ привычекъ, подающихъ надежду на исправленіе; и 3) преступниковъ случая. Къ лицамъ первой категоріи

умѣстно примѣненіе пожизненнаго заключенія, обусловливаемого частью признаками, точно закономъ указанными, частью усмотрѣніемъ суда. Лица второй категоріи приговариваются къ нормальнымъ наказаніямъ, въ законѣ положеннымъ; но по отбытіи этого наказанія они подвергаются, по особымъ судебнымъ опредѣленіямъ, безсрочному заключенію, которое въ важѣйшихъ случаяхъ опредѣляется закономъ, въ менѣе важныхъ предоставляется усмотрѣнію суда. По отношенію къ лицамъ третьей категоріи, судья долженъ быть ограниченъ специальнымъ максимумомъ, въ законѣ помѣщеннымъ; минимумъ же для него обязательнѣе только общій, установленный для даннаго рода наказанія, а не для даннаго вида преступнаго дѣянія. Докладъ Ламезана менѣе радикаленъ; въ интересахъ индивидуализированія наказаній онъ предлагаетъ только, чтобы въ назначеніи минимальнаго размѣра срока лишенія свободы судья не былъ ограниченъ закономъ. Еще скромнѣе докладъ Guin'a; признавая обязательность для суда какъ максимума, такъ и минимума, устанавливаемыхъ закономъ за данный видъ преступнаго дѣянія, онъ возлагаетъ затѣмъ заботу согласенія общаго правила закона съ особенностями конкретнаго случая на досрочное освобожденіе, опредѣляемое по усмотрѣнію тюремнаго начальства. Въ секціи пренія по настоящему вопросу были весьма интересны, и рѣшительный перевѣсъ одержалъ неаполитанскій профессоръ Пессона, извѣстный антагонистъ антропологической школы; секція приняла резолюцію, по которой въ законѣ должны быть обозначены максимум и минимумъ наказанія за каждое преступное дѣяніе, причемъ максимумъ судья ни въ какомъ случаѣ превышать не можетъ, но минимумъ перестаетъ быть для него обязательнымъ, и судья въ состояніи понизить его, если дѣяніе сопровождалось смягчающими обстоятельствами, закономъ не предусмотрѣнными; если въ уголовномъ законодательствѣ приняты два рода наказаній, одинъ для дѣяній безчестящихъ, другой для дѣяній не порочащихъ виновнаго, то секція выразила желаніе, чтобы суду принадлежало право замѣны болѣе строгаго вида мягчайшимъ, буде нѣтъ констатировано отсутствіе in corpore безчестящихъ побужденій. Докладчикомъ секціи на общемъ собраніи былъ Пессона. Предложенія секціи приняты огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Не менѣе интереса возбудилъ второй по порядку вопросъ изъ программы первой секціи: не представляется-ли полезнымъ замѣнить, для нѣкоторыхъ преступновъ, наказаніе тюрьмою или арестомъ иными наказаніями, направленными противъ личной свободы, какъ-то: обязательною работою въ какомъ-нибудь публичномъ учрежденіи безъ заключенія, или запрещеніемъ на срокъ пребыванія въ опредѣленной мѣстности, а также, въ случаяхъ легкой вины, судеб-

ными выговорами. Начало свое онъ ведетъ еще съ лондонскаго конгресса, когда гр. Фореста, указывая на несомнѣнный вредъ краткосрочнаго лишения свободы, предлагалъ замѣнить его обязательными работами. Но тогда голосованіе по нему не было, а для римскаго конгресса онъ оказался весьма мало подготовленнымъ. Въ бюллетеняхъ коммиссіи по нему помѣщенъ только одинъ, весьма краткій доклад базельскаго профессора Тейхмана, высказывающагося противъ ограниченія мѣста жительства и домашнего ареста, но склоняющагося въ пользу введенія обязательныхъ работъ безъ заключенія и судебныхъ выговоровъ. Устные доклады представили секція баронъ Гарофало и профессоръ Ночито. Последний рекомендовалъ денежныя пени, общественныя работы, ограниченіе мѣста жительства и выговоры. Баронъ Гарофало, одинъ изъ послѣдователей новой антропологической школы, высказалъ желаніе, чтобы тюрьма, которая должна быть построена по одиночной системѣ, назначалась на сроки не ниже 4 мѣсяцевъ и не выше 2 лѣтъ; если осужденный по рецидивисту и поведенію хорошаго, то за проступки, обложенные нѣ действующимъ законодательствомъ тюрьмою на срокъ ниже 4 мѣсяцевъ, вмѣсто нея должно быть опредѣляемо денежное взысканіе, соответствующее экономическимъ условіямъ виновнаго, и полное вознагражденіе потерпѣвшаго; при неуплатѣ взысканія и вознагражденія, Гарофало предлагаетъ различать случаи полной неспособности отъ случаевъ, когда приговоренный, не будучи абсолютно неспособнымъ, отказывается отъ уплаты или требуетъ неосновательныхъ отсрочекъ; въ послѣднихъ случаяхъ онъ долженъ быть задержанъ и лишенъ свободы до тѣхъ поръ, пока его невинновеніе не будетъ сломано, причемъ издержки содержанія падаютъ на его счетъ; въ случаяхъ неспособности судъ опредѣляетъ, какую часть заработной платы онъ долженъ представлять на погашеніе присужденной суммы еженедѣльно или ежемѣсячно, и если этими опредѣленными взносами не послѣдуютъ, то осужденный долженъ быть отданъ въ партію правительственныхъ рабочихъ, гдѣ ему даютъ помѣщеніе и пищу, но никакого заработка, погашая доходами съ его труда присужденную сумму. Въ эти же партіи правительственныхъ рабочихъ Гарофало предлагаетъ отсылать всѣхъ осужденныхъ за бродячество, нищету и праздность, принимая опредѣленіе срока работъ онъ предоставляетъ управленію партій. Кроме того, въ утвердительномъ смыслѣ по разсматриваемому вопросу высказались въ секціи гр. Фореста, профессора Гольцендорфа и Пьеръ-Антони. Однако, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ, секція склонилась къ отрицательному ея рѣшенію, какъ по неопредѣлительности мѣръ, предложенныхъ въ замѣнъ краткосрочнаго лишенія свободы, и сомнительности вы-

родъ отъ такой замѣны, такъ и въ виду принятаго уже ею рѣшенія о необязательности для суда минимума наказанія, въ законѣ полномочнаго, ибо въ виду этого рѣшенія судъ можетъ избѣгать краткосрочнаго заключенія, понижая его до незначительныхъ денежныхъ пеней или выговоровъ. Въ этомъ смыслѣ былъ подготовленъ его докладъ общему собранію Драйфусомъ, причемъ отъ голосованія этого вопроса на общемъ собраніи предложено было воздержаться. Общее собраніе отложило его до одного изъ слѣдующихъ конгрессовъ.

Четвертый вопросъ, о лучшихъ способахъ преслѣдованія укрывателей имущества, добытаго преступными дѣяніями, остался не разсмотрѣннымъ. По вопросу пятому, о законной отвѣтственности опекуновъ и воспитателей за преступныя дѣянія, учиненныя дѣтьми, заготовлены были рефераты Арменгола, Гетца, Карницкаго и d'Haussonville'a. Нашъ соотечественникъ г. Карницкій вполне отрицалъ уголовную ихъ отвѣтственность, допуская при нѣкоторыхъ условіяхъ лишь отвѣтственность гражданскую; всѣ прочіе референты высказались въ пользу отвѣтственности какъ гражданской, такъ и уголовной. Арменголь рекомендовалъ подвергать ихъ въ порядкѣ уголовного суда денежному взысканію, равному стоимости причиненнаго преступленіемъ вреда, а при невозможности установить цифру вреда — заключенію; профессоръ Гетцъ совѣтовалъ родителей, воспитателей и опекуновъ за допущеніе дѣтей, путемъ небрежнаго воспитанія, къ учиненію кражъ (но только кражъ), наказывать какъ за проступокъ *visi generis*, подвергая его обыкновеннымъ наказаніямъ, но не распространяя отвѣтственности ихъ на случаи учиненія дѣтьми иныхъ преступныхъ дѣяній; наконецъ, d'Haussonville рекомендовалъ средній путь, предлагая по отношенію въ родителямъ, воспитателямъ и опекунамъ не общія карательныя мѣры, а исключительно лишеніе ихъ правъ надзора и воспитанія, или вообще правъ родительской власти. При устномъ разсмотрѣніи въ секціи, вопросъ этотъ былъ ограниченъ предѣлами уголовной отвѣтственности, причемъ въ составѣ секціи выяснились два противоположныя направленія. Одно желало возвратиться къ широкой теоріи попустительства; представителями его выступили по преимуществу испанскіе члены, опиравшіеся на выработанный въ Испаніи проектъ новаго уголовного уложенія. Другое направленіе находило достаточными мѣры гражданской отвѣтственности и возражало противъ какой-бы то ни было отвѣтственности уголовной, частью по противорѣчію ея современной уголовно-правической теоріи соучастія, частью въ видахъ сохраненія авторитета родительской власти, частью и по соображеніямъ процессуальнымъ, ибо при одновременномъ привлеченіи къ суду дѣтей и лицъ, обязанныхъ пещись о нихъ, послѣдніе были-бы

заинтересованы стать по отношенію къ ребенку въ положеніе обвинителя, объясняя учиненное имъ преступное дѣланіе не небрежностью надзора или недостатками воспитанія, а пороками самого обвиняемаго; очевидно, это стояло-бы въ глубокомъ противорѣчій съ основными началами семьи. Съ обѣихъ сторонъ мало-по-малу были сдѣланы уступки, и изготовленіе доклада общему собранію сессіи поручила Voisin'у. Талантливый докладчикъ указалъ на необходимость общественнаго покровительства дѣтей заброшенныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на осторожность, которая необходима въ отношеніяхъ государства къ семейной власти. Отъ имени сессіи онъ предложилъ общему собранію заявить, въ общественныхъ интересахъ, желаніе о принятіи мѣръ, которыми смягчались-бы плачевныя послѣдствія безнравственнаго воспитанія, даваемого родителями ихъ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, причѣмъ въ ряду такихъ мѣръ слѣдовало-бы рекомендовать дозволѣніе уголовнымъ судамъ лишать родителей на опредѣленные сроки всѣхъ или части правъ, истекающихъ изъ родительской власти, если по дѣлу будетъ доказана необходимость возложить на нихъ отвѣтственность. Эта резолюція вызвала на общемъ собраніи возраженія въ интересахъ неприкосновенности родительской власти и была принята съ поправкою, въ которой слово „уголовнымъ“ вычеркнуто. Такимъ образомъ, конгрессъ сохранилъ въ неприкосновенности современную уголовно-юридическую теорію соучастія и приблизился къ мнѣнію тѣхъ докладчиковъ, которые возражали противъ всякой уголовной отвѣтственности родителей, воспитателей и опекуновъ за преступныя дѣянія, учиненныя несовершеннолѣтними; рекомендованная имъ мѣра носить не карательный характеръ, а характеръ попечительный, какъ одинъ изъ способовъ общественнаго покровительства дѣтямъ заброшеннымъ.

Наконецъ, по послѣднему вопросу программы первой сессіи, о власти, какая должна быть предоставлена уголовному суду по вопросу о направленіи несовершеннолѣтнихъ въ воспитательныя или исправительныя учрежденія, какъ въ случаяхъ оправданія ихъ по отсутствію разумія, такъ и въ случаяхъ присужденія ихъ къ лишенію свободы, въ бюллетеняхъ международной комиссіи ¹⁾ помѣщены рефераты Мольденгавера, Феринга и Рандала. Рефератъ нашего соотечественника, члена варшавскаго окружнаго суда (juge-president?) г. Мольденгавера—самый обширный, но представляетъ собою одно сплошное недоразумѣніе. Докладчикъ подробно трактуетъ о польскомъ уголовномъ законодательствѣ, котораго не существуетъ (подъ

¹⁾ Кроме того, въ формѣ отдѣльныхъ брошюръ по этому вопросу представлены на разсмотрѣніе конгрессомъ доклады гг. Яковлева, Ривалта и др.

нимъ онъ понимаетъ наше уложеніе о наказаніяхъ и уставъ о наказаніяхъ), и объ исправительныхъ учрежденіяхъ „страны, въ настоящее время столь маленькой“ (стр. 316, т. I), разумѣя русскую Польшу какъ государство, котораго опять таки не существуетъ. Къ поставленному вопросу относятся лишь нѣсколько строкъ доклада (стр. 373), гдѣ высказывается безъ мотивовъ мысль, что власть суда въ опредѣленіи участи несовершеннолѣтнихъ должна быть ограничена какъ можно менѣе; но отдѣльныя указанія, приводимыя докладчикомъ, свидѣтельствуютъ, что онъ собственно желаетъ наибольшаго простора не для суда, а для администраціи исправительныхъ и воспитательныхъ учреждений. Совершенною противоположностью представляеть трудъ гамбургскаго предсѣдателя земскаго суда Феринга; въ виду огромныхъ различій, существующихъ между государствами въ отношеніяхъ юридическомъ, социальномъ и экономическомъ, онъ нашелъ невозможнымъ изготонить по предложенному вопросу докладъ, который вошелъ-бы во всѣ детали его, и ограничился присылкою заключительныхъ положеній общаго свойства. Эти положенія онъ раздѣлилъ на основныя и дополнителныя. Основныя положенія Феринга суть: 1) предоставленіе суду права направлять несовершеннолѣтнихъ, признанныхъ учинившими преступное дѣяніе безъ разумія, въ воспитательныя или исправительныя учрежденія, срокъ пребыванія въ которыхъ долженъ зависѣть не отъ суда, а отъ дирекціи такого учрежденія, причеиъ должно быть допущено и условное освобожденіе, съ оставленіемъ дѣтей подъ надзоромъ дирекціи; 2) предоставленіе суду права постановить, чтобы наказаніе лишеніемъ свободы, въ которомъ приговоренъ несовершеннолѣтній, было отбыто въ воспитательномъ или исправительномъ учрежденіи, — но только въ публичномъ, а не въ частномъ; и 3) предоставленіе суду права постановить, чтобы несовершеннолѣтній, по отбытіи опредѣленнаго ему наказанія лишеніемъ свободы въ нормальныхъ мѣстахъ заключенія, былъ помѣщенъ въ исправительное или воспитательное учрежденіе на срокъ, продолжительность котораго должна зависѣть отъ дирекціи такого учрежденія, и съ допущеніемъ условнаго освобожденія, причеиъ надзоръ сохраняется за дирекціей. Въ дополнителныхъ положеніяхъ Ферингъ высказываетъ: 1) что на правительственныхъ лежитъ обязанность, до сихъ поръ ими пренебрегаемая, учредить въ достаточномъ числѣ воспитательныя заведенія и исправительныя школы для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ; учрежденія эти должны быть организованы различно, смотря потому, предназначаются-ли они для содержанія несовершеннолѣтнихъ, оправданныхъ (за отсутствіемъ разумія) или осужденныхъ; и 2) что несовершеннолѣтніе могутъ быть направляемы судомъ только въ тѣмъ

учрежденія, которыя состоятъ подъ надзоромъ государства, имѣющимъ своею главною цѣлью просмотръ и утвержденіе уставовъ ихъ, наблюденіе за школьными занятіями, воспитательными системами и за точнымъ примѣненіемъ устава, и осуществляемымъ центральною властью путемъ инспекціи, полученія періодическихъ отчетовъ, изготовленія обязательныхъ инструкцій и т. под. Послѣдній докладъ по тому же вопросу, присланный Рандалемъ, рекомендуетъ учрежденіе для несовершеннолѣтнихъ, оправданныхъ и безпріютныхъ, заведеній, отдѣльных отъ исправительныхъ школъ и служащихъ мѣстомъ кратковременнаго (примѣрно до 1 года) пребыванія, пока не отыщется свободная семья для принятія ребенка; таково заведеніе въ Мичиганѣ, описаніе и уставъ котораго прилагаетъ докладчикъ. Секція подробно обсудила этотъ вопросъ и приняла положенія, близкія къ предложеннымъ Фарингомъ. Докладчикъ ея на общемъ собраніи, Ластрессъ, формулировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) суду должно быть дано право постановить, чтобы несовершеннолѣтній, признанный учинившимъ преступное дѣяніе безъ разумія, былъ помѣщенъ въ воспитательное заведеніе или въ исправительную школу; продолжительность пребыванія опредѣляется судомъ, который властенъ прекратить его во всякій моментъ, съ устраненіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ его прежнее постановленіе; опредѣленный судомъ срокъ, сверхъ того, можетъ быть сокращаемъ въ порядкѣ досрочнаго освобожденія, съ сохраненіемъ за дирекціе заведенія или школы надзора за освобожденнымъ; 2) суду должно принадлежать право постановить, чтобы наказаніе, опредѣленное несовершеннолѣтнему, было отбыто имъ въ исправительномъ или воспитательномъ учрежденіи, но только въ публичномъ, а не частномъ; 3) не касаясь законодательныхъ опредѣленій различныхъ странъ о родительской власти и о семейномъ исправленіи, конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы законъ уважалъ неограниченную власть отца семейства, честнаго и чуждаго всякихъ побужденій, противныхъ интересамъ дѣтей; причемъ мѣры отеческаго исправленія должны носить характеръ частный, семейный и негласный, не составляя для подвергшагося имъ уголовно-юридическаго antecedenta и не создавая для него никакихъ карательныхъ послѣдствій. Всѣ эти положенія единогласно приняты общимъ собраніемъ, хотя послѣднее изъ нихъ, несомнѣнно, направлялось противъ энергическихъ стараній итальянскихъ юристовъ (Пьеръ-Антони, гр. Фореста) къ ограниченію отвѣтственности родителей, воспитателей и опекуновъ за преступныя дѣянія, учиненныя состоящими на ихъ попеченіи дѣтьми.

IV.

Вторая секція конгресса была посвящена внутреннему режиму мѣстъ заключенія, именно: тюремнымъ системамъ, тюремной архитектурѣ, тюремному управленію и мѣрамъ тюремной дѣятельности. Составляя ядро конгресса, она привлекала наибольшее число членовъ его, и засѣданія ея отличались наибольшою оживленностью. Постоянное дѣятельное участіе въ ней принимали такіе видные пенитенціаристы, какъ Готье, Стевенсъ и Принсъ изъ Бельгіи, Экертъ изъ Бадена, Ардуанъ, Нивелль и Эрбетъ изъ Франціи. Но многочисленность ея состава была одною изъ крупныхъ причинъ, приведшихъ къ тому, что программа, намѣченная международною комиссіею, была всего менѣе выполнена именно второю секціею.

По первому вопросу, объ удешевленіи постройки домовъ одиночнаго заключенія, въ бюллетеняхъ международной комиссіи помѣщенъ докладъ директора моабитскаго пенитенціарія Кроне. Указывая, что нынѣ постройка каждой кельи обходится отъ 3 до 10 тысячъ франковъ, Кроне съ убѣжденіемъ заявляетъ, что цифра эта можетъ быть значительно понижена, путемъ осторожности въ выборѣ мѣста постройки, избѣжанія лишнихъ архитектурныхъ украшеній и уменьшенія накладныхъ расходовъ, какъ напр., въ сооруженіи ограды, подвальныхъ этажей, одиночныхъ помѣщеній для прогулочныхъ дворишковъ, для церкви и для школы. Въ томъ же смыслѣ, хотя послѣ долгихъ дебатовъ, разрѣшенъ этотъ вопросъ второю секціею, докладъ которой, изготовленный Эрбетомъ (Herbette), принятъ общимъ собраніемъ.

По второму вопросу, о наилучшей организаціи мѣстныхъ тюремъ, предназначаемыхъ для подслѣдственнаго задержанія и для отбытія краткосрочнаго наказанія лишеніемъ свободы, въ бюллетеняхъ международной комиссіи, напечатанныхъ до открытія конгресса, не встрѣчается ни одного доклада, какъ и по третьему, о томъ, не слѣдуетъ ли учредить такіе виды наказанія лишеніемъ свободы, которые были бы предпочтительнѣе существующихъ формъ этого наказанія для странъ земледѣльческихъ или для населенія земледѣльческаго, не занимающагося трудомъ промышленнымъ. Въ виду огромной важности этихъ вопросовъ, такой пробѣлъ, конечно, весьма чувствителенъ. Тѣмъ не менѣе, оба прошли на конгрессѣ весьма удачно, хотя и вызвали въ секціи продолжительные дебаты. По второму вопросу докладчикомъ секціи былъ выбранъ Стевенсъ, формулировавшій желаніе секціи въ томъ смыслѣ, что мѣстныя тюрьмы для подслѣдственныхъ и для приговоренныхъ къ краткосрочному лишенію

свободы должны быть построены по системѣ индивидуальнаго заключенія (одиночной, но не келейной), причемъ режимъ подслѣдственныхъ долженъ быть по возможности чуждъ карательнаго характера, а режимъ приговоренныхъ къ краткосрочному заключенію долженъ быть всецѣло репрессивный. По третьему вопросу секція выбрала докладчикомъ талантливаго профессора Бруса, предложенія котораго одержали перевѣсъ надъ противоположными предложеніями швейцарскаго делегата Chicherio и состояли въ томъ, что „учрежденіе публичныхъ работъ на открытомъ воздухѣ для приговоренныхъ къ лишенію свободы извѣстной продолжительности можетъ быть рекомендовано для нѣкоторыхъ странъ и для опредѣленнаго контингента осужденныхъ; эта мѣра не можетъ быть разсматриваема какъ несовмѣстимая съ пенитенциарными системами, нынѣ въ различныхъ странахъ примѣняемыми“. Оба доклада прошли съ полнымъ успѣхомъ на общемъ собраніи. Замѣтимъ, что послѣдній изъ нихъ имѣетъ большое значеніе и для вопроса, котораго не могла съ успѣхомъ разрѣшить первая секція, именно, объ учрежденіи, вмѣсто лишенія свободы, другихъ наказаній.

По четвертому вопросу программы второй секція, о пользѣ наблюдательныхъ тюремныхъ совѣтовъ, комиссій и иныхъ подобныхъ учреждений, объ организаціи ихъ и о степени власти, которая должна имъ принадлежать по закону, въ бюллетеняхъ международной комиссіи помѣщены доклады Hardouin'a и Ploos van Amstel. При устныхъ преніяхъ въ секціи обнаружилия два направленія, изъ которыхъ одно, съ Готье-де-Рассъ во главѣ, желало учрежденія такихъ наблюдательныхъ совѣтовъ съ административнымъ характеромъ и значительною административною властью въ управленіи тюрьмы; другое же, поддерживаемое Ардуэномъ, желало такіе совѣты, въ смыслѣ учрежденія, совершенно отдѣльнаго отъ тюремной администраціи, занимающаго средину между нею и состоящими при мѣстахъ заключенія учреждениями благотворительными, съ характеромъ послѣднихъ по организаціи и дѣятельности. Восторжествовало на конгрессѣ это послѣднее направленіе, и секція приняла слѣдующія положенія, формулированныя Ардуэномъ: 1) при каждомъ мѣстѣ карательнаго лишенія свободы необходимо образовать учрежденіе, имѣющее главною цѣлью наблюдать за положеніемъ заключенныхъ, содѣйствовать ихъ исправленію и нравственному улучшенію, и заботиться о доставленіи имъ по освобожденіи благотворительнаго патроната; 2) при организаціи ихъ конгрессъ находитъ желательнымъ принять во вниманіе слѣдующее: а) комитетъ пенитенциарнаго содѣйствія (*un comité de vigilance et d'assistance pénitentiaire*), учрежденный публичною властью, долженъ существовать при каждой карательной тюрьмѣ; б) комитетъ этотъ

долженъ состоятъ изъ членовъ, назначенныхъ публичною властью изъ среды должностныхъ лицъ пенитенціарнаго вѣдомства, находящихся въ отставкѣ, или иныхъ лицъ безупречной нравственности; число ихъ соразмѣряется съ обширностью мѣста заключенія; членами комитета по ихъ положенію состоятъ одно или нѣсколько должностныхъ лицъ мѣстнаго суда, а также одинъ или нѣсколько представителей администраціи даннаго округа; с) при организаціи и опредѣленіи компетентности такихъ комиссій или комитета необходимо, чтобы учрежденіе ихъ не породило двоевластія въ тюрьмѣ; тюремная дисциплина и тюремная служба должны быть всецѣло оставлены на отвѣтственности дирекціи; d) комитетъ или коммиссія дѣйствуютъ подъ наблюденіемъ высшаго тюремнаго управленія; e) въ кругъ дѣятельности ихъ должно входить: участіе совѣтомъ въ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ предметомъ тюремную работу, образованіе нравственное и религіозное, исполненіе регламентовъ относительно дисциплины заключенныхъ, и предложеніе, по мѣрѣ надобности, высшей тюремной администраціи такихъ реформъ или измѣненій, которыя будутъ признаны ими необходимыми для пользы тюрьмы; подача письменно мнѣнія по всякому предложенію о помилованіи, смягченіи наказанія, уменьшеніи срока его и условномъ освобожденіи; подготовленіе и забота о пріисканіи патроната для освобожденныхъ; ознакомленіе съ исполненіемъ постановленій, относящихся къ тюремной гигиенѣ, къ продовольствію и содержанію заключенныхъ, и участіе въ контролѣ за исполненіемъ договоровъ, къ этимъ предметамъ относящихся. Общее собраніе приняло эти положенія.

Наиболѣе обстоятельные доклады въ бюллетеняхъ международной коммиссіи помѣщены по 5 вопросу программы второй секціи, о томъ, на какихъ началахъ должно быть основано продовольствіе заключенныхъ съ точекъ зрѣнія гигиенической и пенитенціарной. Число докладовъ (6) весьма значительно, и многіе изъ нихъ подписаны наиболѣе видными дѣятелями науки. По спеціальностямъ докладчиковъ, они распадаются на гигиеническіе и пенитенціарные; къ первымъ принадлежатъ доклады мюнхенскаго профессора физиологій Фойта, профессоровъ Доброславина и Мишеръ-Буша и тюремныхъ врачей Бера и Кіэнига; ко второй серіи принадлежитъ докладъ директора ленинбургскаго пенитенціарія Гюрбина. Гигиенисты въ своихъ докладахъ подробно опредѣляютъ минимумъ питательныхъ элементовъ, долженствующихъ входить въ пищу заключенныхъ для поддержанія нормальнаго состоянія ихъ здоровья и способности къ работамъ, родъ питательныхъ веществъ и способъ приготовленія ихъ. Всѣ они обращаютъ вниманіе на необходимость разнообразія пищи, какъ по роду питательныхъ веществъ, такъ и по способу пригото-

ленія, и указываютъ настоятельную нужду включенія въ арестантскую діету мясной пищи и жировыхъ веществъ. Единогласно высказываются они и за необходимость индивидуализированія пищи согласно органическимъ условіямъ заключенныхъ, ихъ полу, возрасту и тяжести работъ; но способы такого индивидуализированія, ими указываемые, не одинаковы. Всѣ они исходятъ изъ предположенія неумѣстности кантины, т. е. буфета, гдѣ заключенные могутъ по усмотрѣнію прилепать предметы продовольствія. Профессоръ Фойтъ довольствуется указаніемъ общаго положенія, по которому количество пищи должно зависѣть отъ вѣса тѣла каждаго человѣка, отъ среды, въ которую онъ поставленъ, и отъ тяжести обязательной для него работы. Докторъ Беръ рекомендуетъ практикуемый въ Германіи средній паекъ (Mittelkost), рассчитанный для выздоравливающихъ, пожилыхъ и для людей со слабыми пищевыми органами, возражая прѣтивъ перевода заключенныхъ на паекъ больничный, который для людей здоровыхъ не обѣщаетъ принести никакой пользы. Напротивъ, профессоръ Доброславинъ и докторъ Кізнигъ склоняются къ переводу на больничный паекъ или къ выдачѣ дополнительныхъ припасовъ по особому каждый разъ назначенію, находя средній паекъ неудачною мѣрою. Интересны также предостереженія доктора Бера противъ жидкой формы пищи, основанныя на изслѣдованіяхъ англійскихъ медиковъ, въ связи съ замѣчаніемъ его, что взвѣшиванію не слѣдуетъ придавать того рѣшающаго значенія, которое склонны придавать ему теперь, такъ какъ иногда вѣсъ тѣла увеличивается лишь отъ увеличенія количества воды въ организмѣ, что не только не полезно для него, а даже вредно. Директоръ ленинбургскаго пенитенциарія Гюрбинъ въ докладѣ своемъ обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что отвѣтственность за недостатки питанія и за болѣзни, отсюда произтекающія, далеко не всегда лежитъ на тюрьмахъ, такъ какъ не въ ихъ власти дать душѣ спокойствіе, нарушенное приговоромъ и необходимое для поддержанія здоровья. За норму продовольствія заключенныхъ онъ рекомендуетъ принять стоимость минимума простой пищи, необходимой для поддержанія здоровья и силъ организма свободнаго рабочаго; въ способѣ приготовленія, количествѣ и родѣ пищевыхъ припасовъ, кухня заключенныхъ, по наблюденіямъ его, должна удовлетворять не только и даже не столько фізіологическимъ требованіямъ о количествѣ и свойствѣ элементовъ питанія, сколько привычкамъ мѣстнаго населенія, доставляющаго въ тюрьму наибольшій контингентъ. Соглашаясь съ необходимостью индивидуализированія пищи, Гюрбинъ указываетъ, однако, на крайнюю трудность практическаго примѣненія этого начала, и требуетъ, чтобъ отступленія отъ нормальнаго пайка допускались

только по рѣшенію директора и доктора тюрьмы; кантина для этой цѣли ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущена. Наконецъ, Гюрбинъ указываетъ на чистоту и опрятность какъ на первый долгъ тюремной кухни, для того, чтобы разрушить сильное предубѣжденіе противъ нея, существующее у значительнаго числа заключенныхъ и затрудняющее успѣшное питаніе ихъ. Секція приняла положенія, сформулированныя Боссани и Мерри Делабостомъ въ томъ смыслѣ, что, въ отношеніи физиологическомъ, она рекомендовала минимальный паекъ продовольствія (*ration d'entretien*) для заключенныхъ не работающихъ, рабочій паекъ (*ration de travail*) для заключенныхъ работающихъ и средній паекъ (*regime d'alimentation particulier*) для заключенныхъ съ измѣненной органическою конституціею и для мѣстностей, гдѣ свирѣпствуютъ эндемическія болѣзни; вмѣстѣ съ тѣмъ, секція рекомендуетъ періодическія извѣщиванія и медицинскій осмотръ каждаго заключеннаго при поступленіи его, для опредѣленія состоянія здоровья, органической конституціи и прежняго образа жизни. Положенія эти приняты общимъ собраніемъ безъ возраженій.

Шестой и седьмой вопросы программы второй секціи ставили задачей выяснить, слѣдуетъ ли отдавать въ пенитенціарныхъ учрежденіяхъ преимущество хозяйственной системѣ пріисканія занятій заключеннымъ передъ подрядною, въ какой мѣрѣ тюремныя работы наносятъ вредъ свободному производству и какъ организовать ихъ для того, чтобы вредъ этотъ былъ наименѣе чувствителенъ. По этимъ вопросамъ въ бюллетеняхъ международной комиссіи напечатаны интересные доклады Тауфера, Иллинга, Скурса (изъ Авинь) и Зельберга (изъ Норвегіи), но секція не имѣла времени обсудить ихъ, ограничившись разсмотрѣніемъ въ общихъ чертахъ лишь перваго изъ нихъ. Своихъ положеній въ общее собраніе она не вносила.

Не менѣе интересный, восьмой вопросъ программы, о мѣрахъ поощренія заключенныхъ въ интересахъ воспитательныхъ и, въ частности, о правѣ заключенныхъ располагать ихъ заработкомъ, также остался совсѣмъ не разсмотрѣннымъ. Ему въ бюллетеняхъ международной комиссіи посвящены интересные доклады Kühne, директора пенитенціарія св. Якова, въ Сентъ-Галленѣ, и Ammitzboell'я, директора пенитенціарія во Вридсвайзелѣ, въ Голландіи.

V.

Международные конгрессы новой серіи своею отличительною чертою имѣютъ стремленіе къ разработкѣ и осуществленію начала, провозглашеннаго въ общихъ чертахъ еще въ XVIII ст.: *mieux vaut prévenir les crimes que les punir*. Забота о предупрежденіи преступныхъ дѣяній, ими преслѣдуемая, открыла возможность включить въ программу конгрессовъ вопросы, интересъ которыхъ выходитъ далеко за предѣлы пенитенциарной области; основываясь на этомъ, Шарль Люкасъ предложилъ даже переименовать ихъ въ конгрессы предупрежденія и искорененія преступныхъ дѣяній. И легко видѣть, что мысль о предупредительной дѣятельности для современнаго тюремнѣнія была совершенно естественною, такъ какъ всѣ мѣропріятія, имъ рекомендуемыя, преслѣдуютъ собственно ту же самую цѣль въ отношеніи лицъ, уже совершившихъ преступленія и могущихъ совершить ихъ въ будущемъ; но они были бы осуждены на полное безсиліе, еслибы заботы, принимаемыя въ стѣнахъ тюрьмы, не были пополняемы соответствующими заботами за предѣлами тюремной ограды, какъ-то: патронажъ освобожденныхъ, предупрежденіемъ нищенства, бродяжества и иныхъ условий, благопріятствующихъ преступной дѣятельности.

Вопросы о предупрежденіи преступленій стокгольмскій, а за нимъ и римскій конгрессы относятъ къ третьей секціи. Система эта, однако, не выдерживается во всей строгости, и кромѣ ихъ обыкновенно въ программу третьей секціи вносятся и другіе вопросы, по содержанію своему принадлежащіе частью первой, частью главнымъ образомъ второй секціи, какъ наиболѣе переполненной матеріаломъ. Такъ было и на римскомъ конгрессѣ, гдѣ къ третьей секціи отнесены вопросы о международномъ обществѣ осужденныхъ, о занятіяхъ заключенныхъ въ праздничные дни, о посѣщеніи заключенныхъ членами благотворительныхъ обществъ, очевидно, не принадлежащіе къ сферѣ предупрежденія.

Въ Римѣ третья секція была наименѣе богата членами, но дѣйствовала успѣшнѣе всѣхъ остальныхъ, такъ что намѣченная ей программа была ею выполнена безъ всякихъ изъятій. Первымъ на очереди былъ поставленъ для нея вопросъ, слѣдуетъ-ли учреждать убожища для освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, и если слѣдуетъ, то какъ лучше выполнить эту задачу. Въ бюллетеняхъ международной комиссіи по этому вопросу встрѣчается только одинъ докладъ, принадлежащій Силлиману; докладчикъ подробно излагаетъ организацію бордосскаго общества вспомошествованія освобожденнымъ

и учрежденнаго имъ убѣжища, и, высказываясь въ пользу учрежденія убѣжищъ, заявляетъ, что государство, оказывая обществамъ патрона материальную помощь, должно предоставлять имъ полную свободу въ отношеніяхъ самоуправленія и выбора наилучшихъ способовъ дѣятельности. При устномъ обсужденіи въ секціи весьма энергическія возраженія противъ убѣжищъ для освобожденныхъ приведены докладчикомъ отъ итальянской комиссіи, молодымъ адвокатомъ Павіа, приверженцемъ антропологической школы; секція, однако, не согласилась съ нимъ, и большинство стало на сторону убѣжищъ. Докладчикъ большинства, Фуеъ, сформулировалъ взгляды его въ слѣдующихъ положеніяхъ, предложенныхъ общему собранію: 1) учрежденіе убѣжищъ для освобожденныхъ отъ заключенія желательно во всѣхъ странахъ, по мѣрѣ надобности; 2) правительствамъ рекомендуется поощрять учрежденіе и развитіе такихъ убѣжищъ; 3) организація и управленіе ихъ должны быть дѣломъ частной благотворительности; однако, государство и общественныя корпораціи должны оказывать имъ широкое содѣйствіе; 4) эти убѣжища должны имѣть характеръ учреждений переходныхъ, облегчая своимъ складомъ возможно скорѣйшее вступленіе освобожденнаго въ среду свободнаго общества. Меньшинство имѣло на общемъ собраніи своего докладчика въ лицѣ Ранцони, высказавшагося противъ убѣжищъ. Общее собраніе согласилось съ нимъ, а не съ докладчикомъ большинства, хотя перевѣсъ голосовъ, объясняемый преобладаніемъ итальянскихъ членовъ, не сочувствующихъ убѣжищамъ, былъ незначителенъ.

По второму вопросу, о присканіи наилучшихъ способовъ для правильнаго общія между различными государствами справокъ о судимости, главнымъ дѣтелемъ былъ французскій статистикъ министерства юстиціи Ивернесъ. Рѣшеніе предложеннаго вопроса онъ применилъ къ практикуемой во Франціи системѣ *casiers judiciaires* и склонилъ къ своему мнѣнію какъ секцію, такъ и общее собраніе; это не стоило ему большого труда, потому что та же система усвоена и въ Италіи.

Вопросъ третій, не представляется-ли желательнымъ включать въ международные трактаты о выдачѣ преступниковъ особое постановленіе объ обвинѣ государствами осужденныхъ за нѣкоторыя общія преступныя дѣянія, въ трактатахъ поименованныя, далъ поводъ профессору Гольцендорфу, склонявшемуся къ утвердительному его рѣшенію, подъ этимъ скромнымъ флагомъ открыть брешь въ общепризнаваемомъ нынѣ положеніи, по которому ни одно государство не признаетъ обязательными для себя обвинительныхъ приговоровъ, постановленныхъ судами другого государства. Отсюда предлагалось сдѣлать исключеніе для осужденныхъ иностранцевъ, причемъ указы-

балось, что, вслѣдствіе незнанія или плохаго знанія ими мѣстнаго языка, исповѣданія иного культа, особенностей въ образѣ жизни и привычкахъ, этотъ классъ заключенныхъ для тюремной администраціи представляетъ наиболѣе трудностей, и что потому было-бы удобнѣе, еслибы государства обмѣнивались своими подданными, заставляя ихъ у себя отбывать заключеніе, заграничнымъ судомъ опредѣленное. Но уже въ секціи предложеніе это встрѣчено весьма недружелюбно. Профессоръ Бруса и другіе ораторы указали на нарушеніе имъ приведеннаго выше международнаго начала, на невозможность его практическаго исполненія и на его несправедливость, такъ какъ даже у сосѣднихъ государствъ нѣтъ наказаній, вполне другъ съ другомъ сходныхъ, почему съ перемѣною мѣста исполненія приговора измѣнялась-бы тяжесть послѣдняго. Было также замѣчено, что трудности, проистекающія для тюремной администраціи отъ помѣщенія въ тюрьмахъ иностранцевъ, могутъ быть въ значительной степени устранимы при помощи болѣе простой мѣры, нинѣ уже въ нѣкоторыхъ государствахъ практикуемой: стоитъ только всѣхъ иностранцевъ направлять въ какую-нибудь отведенную для того тюрьму, режимъ которой будетъ приспособленъ къ ихъ особенностямъ. Высказываясь такимъ образомъ противъ международнаго обмѣна осужденныхъ, секція допустила отсюда изъятіе для случаевъ существованія въ разныхъ государствахъ совершенно одинаковыхъ наказаній лишеніемъ свободы, если обмѣнъ представляется полезнымъ въ интересахъ тюремнаго воспитанія. Въ такомъ смыслѣ изложенъ былъ отъ имени секціи докладъ общему собранію, составленный Ягеманомъ. Общее собраніе приняло эти положенія, но противъ допущеннаго секціей изъятія высказалось значительное число его членовъ.

Четвертый вопросъ, о наиболѣе дѣйствительныхъ средствахъ для предупрежденія и искорененія бродячества, вызвалъ весьма оживленный обмѣнъ мнѣній. Въ бюллетеняхъ международной комиссіи ему посвященъ докладъ Рубензона, изъ Стокгольма; референтъ, понимая подъ бродячествомъ всѣ тѣ формы волющенія лѣности, распутства или пренебреженія требованій общественнаго порядка, которыя представляютъ значительную вѣроятность перехода въ преступную дѣятельность, находилъ, что обложженіе его наказаніемъ въ принципѣ совершенно правильно; однако, въ примѣненіи къ нему наказаній необходимо быть крайне осторожнымъ и для того представить это факультативному усмотрѣнію суда, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ рѣшить вопросъ объ умѣстности наказанія; послѣднее должно быть примѣрнымъ и должно состоять, по мнѣнію докладчика, не въ тюремномъ заключеніи, которое еще болѣе развиваетъ у людей этого класса лѣность, а въ помѣщеніи осуж-

деннаго въ особнхъ работныхъ домахъ, учреждаемыхъ государствомъ и построенныхъ по системѣ ночного разъединенія и классификаціи на время дня. Въ секціи выяснилось, что лѣньность нерѣдко бываетъ вынужденная, вслѣдствіе отсутствія работы, почему наказывать нетрудящихся можно при томъ лишь условіи, если трудъ каждому въ немъ нуждающемуся обезпеченъ. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ докладъ Фукса общему собранію. Докладчикъ отъ имени секціи предложилъ два положенія: 1) желательна такая организація общественнаго вспомошествованія, чтобы каждое нуждающееся лицо могло найти себѣ средства существованія, но лишь въ вознагражденіе за трудъ, на который оно способно по своимъ физическимъ силамъ; и 2) если, не смотря на такую организацію общественнаго вспомошествованія, немущій средствъ впадетъ въ бродяжество, то онъ подлежитъ строгому наказанію обязательными работами въ домахъ работныхъ. Предложенія секціи приняты общимъ собраніемъ. При обсужденіи этого вопроса въ секціи, германскіе делегаты, преимущественно Фуксъ и Штутсбергъ, привели чрезвычайно интересныя данныя о работныхъ домахъ, которые въ послѣднее время начали учреждать въ Германіи для нуждающихся въ работѣ и не находящихъ ее; результаты дѣятельности этихъ учреждений по-истинѣ замѣчательны, а въ недалекомъ будущемъ, по увѣренію германскихъ делегатовъ, они дойдутъ до грандіозныхъ размѣровъ.

Всѣ остальные затѣмъ вопросы третьей секціи по содержанію ихъ принадлежатъ программѣ второй секціи.

Изъ нихъ по вопросу пятому, о томъ, слѣдуетъ-ли допускать и поощрять посѣщеніе заключенныхъ членами патроната и иныхъ благотворительныхъ обществъ, не принадлежащими къ составу тюремной администраціи, въ бюллетеняхъ международной комиссіи помѣщены доклады секретаря лондонскаго говардовскаго общества Таллака и миссъ Гилль, рѣшающіе его въ утвердительномъ смыслѣ. Секція дала на него тотъ же отвѣтъ, и общее собраніе единогласно приняло положенія докладчика ея. Мартини, по которымъ конгрессъ выразилъ убѣжденіе, что такіе визиты должны быть разрѣшаемы и поощряемы, подъ условіями соблюденія уставовъ тюрьмы и избѣжанія въ ней двоевластія, причемъ визиты эти должны быть по возможности свободны, происходя безъ присутствія тюремныхъ надзирателей.

По шестому вопросу, относившемуся къ постановкѣ тюремной школы, общее собраніе также единогласно приняло слѣдующія весьма важныя предложенія докладчика секціи, Таверни: 1) конгрессъ находитъ, что во всѣхъ мужскихъ и женскихъ пенитенціаріяхъ необходима школа, въ которой должно быть введено обученіе по мень-

шей мѣрѣ чтенію, письму, счету и, буде возможно, рисованію; предметныя бесѣды представляются весьма полезными; и 2) что, сверхъ того, заключеннымъ обоюго пола должно быть доставляемо профессиональное образованіе, состоящее въ обученіи ремеслу или искусству, которыя могли бы доставить имъ средства честнаго существованія по освобожденіи.

Послѣдній вопросъ программы третьей секціи состоялъ въ томъ, какія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ слѣдуетъ допустить въ мѣстахъ заключенія мѣры воспитанія, сверхъ богослуженія и религіозныхъ бесѣдъ. Важность этого вопроса огромная, такъ какъ воскресные и праздничные дни въ тюрьмахъ нынѣ, вслѣдствіе вынужденнаго бездѣйствія, наиболѣе тяжелые для заключенныхъ и наименѣе полезные, если не прямо вредные, для дѣла тюремнаго воспитанія; въ то же время самыми трудными они представляются и для тюремной администраціи. Вынужденное бездѣйствіе при общемъ заключеніи вызываетъ споры и драки; при одиночномъ оно крайне тяжело отзывается на духовномъ состояніи заключеннаго: извѣстно, что въ одиночныхъ тюрьмахъ случаи самоубійства наиболѣе часты по праздничнымъ днямъ. Потому-то нельзя не признать весьма отраднымъ явленіемъ рефератъ донъ Консепціонъ Ареналь, предложившій по этому вопросу рѣшеніе, простое до великаго; имъ былъ увлеченъ весь конгрессъ, а секція, принявъ безъ всякихъ измѣненій предложенныя положенія, выразила референту свою признательность особою телеграммою. Дона Ареналь ставитъ основное положеніе, по которому праздничные дни должны служить упражненію воли заключенныхъ и облагороженію ихъ вкуса; то и другое необходимы въ видахъ предстоящей имъ свободы. Предметами занятій, для этой цѣли служащихъ, избираемыми по свободному усмотрѣнію заключенныхъ, она рекомендуетъ: религіозное образованіе, отличающееся отъ религіозныхъ проповѣдей; нравственное образованіе, въ смыслѣ бесѣдъ о различныхъ вопросахъ морали, съ которою заключенные весьма мало знакомы; лекціи по вопросамъ права; работы, не требующія напряженія мускульныхъ силъ и содѣйствующія облагораживанію вкуса, какъ-то: рисованіе, гравированіе, черченіе, пѣніе и музыка, именно строгая музыка, единственно соответствующая условіямъ тюремной жизни; лекціи и бесѣды по естественнымъ наукамъ и географіи; чтеніе книгъ, по выбору заключеннаго, вслухъ или тихое, или слушаніе того, что читаютъ другіе. Всего труднѣе, по замѣчанію Ареналь, доставить заключеннымъ соответствующія книги для чтенія; она рекомендуетъ книги историческія, совѣтуетъ не давать заключеннымъ трактатовъ моральныхъ безъ ихъ прямого о томъ требованія и предлагаетъ изданіе на французскомъ языкѣ международнаго

для заключенныхъ журнала, статьи котораго переводились бы на другіе языки; въ этомъ послѣднемъ предложеніи съ Ареналь сошелся и другой докладчикъ по тому же вопросу, аббатъ Numbourg. Кромѣ того, Ареналь предлагаетъ гимнастическія и подобныя имъ занятія, а также участіе въ добрыхъ дѣлахъ, напр., въ подпискахъ для нуждающихся семействъ одного изъ товарищей по заключенію, въ частныхъ пожертвованіяхъ и т. под.; какъ ни скромны суммы, которыя могутъ быть собраны изъ тощихъ кошельковъ заключенныхъ, однако, такія благотворительныя дѣла поддерживаютъ въ заключенныхъ сознаніе связей ихъ со свободнымъ обществомъ и возвышаютъ въ нихъ сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства, благодаря тому, что поддержки ихъ не чуждаются и честные граждане. Противъ всего предлагаемаго,—замѣчаетъ Ареналь,—можно ждать возраженій въ бесполезности и трудности осуществленія. Но возраженіе въ бесполезности само собою падаетъ, разъ признана необходимость упражненія воли заключенныхъ и облагороженія ихъ вкуса. Возраженіе же о трудности осуществленія падаетъ при хорошемъ тюремномъ персоналѣ, безъ котораго тюрьма—только безжизненный скелетъ, и при организаціи обществъ благотворенія заключеннымъ. На основаніи всего изложеннаго, Поэтъ предложилъ слѣдующія положенія, сформулированныя дономъ Ареналь и единогласно принятыя какъ секціею, такъ и общимъ собраніемъ конгресса: 1) конгрессъ находитъ желательнымъ, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ каждый заключенный (мужского и женскаго пола) былъ свободенъ въ выборѣ предоставляемыхъ ему занятій; 2) такими занятіями должны быть переписка съ родными и, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, чтеніе, музыка, рисованіе, скульптура по дереву и пр., а также участіе въ дѣлахъ благотворительности; равнымъ образомъ присутствіе на бесѣдахъ, организованныхъ членами обществъ патроната по вопросамъ морали, права и иныхъ наукъ, сообразно условіямъ данной мѣстности.

VI.

Римскій конгрессъ дополняли многія весьма полезныя мѣры ознакомленія съ состояніемъ тюремъ разныхъ государствъ, преимущественно итальянскихъ, и съ современнымъ положеніемъ тюремнаго вопроса. Таковы выставка произведеній труда заключенныхъ, преимущественно несовершеннолѣтнихъ; выставка одиночныхъ келій; множество изданій, вышедшихъ ко времени конгресса, а частью и прямо имъ вызванныхъ; предоставленіе членамъ конгресса разныхъ облегченій для осмотра итальянскихъ мѣстъ заключенія. Къ учрежденіямъ,

дополнявшимъ пенитенциарный конгрессъ, можно отнести также конференцію Бертильона и антропологическій конгрессъ.

Выставка произведеній труда заключенныхъ помѣщалась въ томъ же зданіи, гдѣ происходили засѣданія конгресса, занимая въ немъ 5 большихъ залъ. Всего богаче, кромѣ Италіи, были представлены на ней Франція и Бельгія; изъ Россіи на выставкѣ выдавались, между прочими, работы московскаго рукавишниковскаго приюта и студенецкой колоніи.

Выставка одиночныхъ келій разныхъ системъ устроена была на дворѣ зданія конгресса. Это весьма оригинальная мысль, принадлежащая итальянской комиссіи. Въ натуральную величину съ совершенною точностью были воспроизведены 38 системъ келій, со всѣми характеристическими деталями убранства ихъ и костюмовъ, какъ заключенныхъ, такъ и стражи; костюмы надѣты были на манекены, которыхъ можно было издали принять за живыхъ людей. Системы запоровъ, освѣщенія и отопленія были представлены съ полною подробностью. Изъ русскихъ келій, на выставкѣ фигурировала келья пока единственной у насъ одиночной тюрьмы—с.-петербургскаго дома предварительнаго задержанія. Эту выставку дополняла богатая выставка тюремныхъ плановъ и рельефныхъ изображеній разныхъ мѣстъ заключенія.

Конгрессу прислано было множество изданій, частныхъ и официальныхъ, посвященныхъ описанію мѣстъ заключенія въ разныхъ государствахъ и другимъ предметамъ, стоящимъ въ связи съ преслѣдуемыми имъ задачами. Назову изъ нихъ труды Альмквиста, о шведскихъ мѣстахъ заключенія, Феринга—объ итальянскихъ, Дюкена—объ англійскихъ, и нашего соотечественника г. Соломона, представляющій историческій эскизъ о мѣстахъ заключенія въ Россіи. Сверхъ того, во время засѣданій конгресса въ Римѣ было напечатано оригинальное изданіе, подъ заглавіемъ: *Souvenir du III congrès pénitentiaire international*. Происхождение его слѣдующее. Незадолго до открытія конгресса, итальянская комиссія простила лицъ, посвятившихъ себя изученію преступности или тюремной дѣятельности, формулировать на особо посланныхъ бланкахъ свои *profession de foi*, для того, чтобы изъ нихъ составилъ альбомъ, который служилъ бы воспоминаніемъ о конгрессѣ. Эти мнѣнія затѣмъ напечатаны и составили первую часть *Souvenir'a*; во вторую его часть отнесены афоризмы выдающихся дѣятелей прежняго времени, уже скончавшихся, съ приведеніемъ ихъ автографовъ. Первая часть, такимъ образомъ, представляетъ собою сводъ идей современныхъ мыслителей о преступности и наказуемости, и съ этой точки зрѣнія весьма интересна. Здѣсь встрѣчаются мнѣнія самыя разнообразныя, но въ нихъ замѣ-

чается одна общая струя—нарастающее убѣжденіе въ томъ, что дни метафизическаго уголовного права сочтены и что оно должно стать на новыя основы, именно, на почву изученія личности въ ея преступныхъ проявленіяхъ. Такой криминалистъ-классикъ, какъ Альбертъ Фридрихъ Бернеръ, профессоръ берлинскаго университета, пишетъ: „плодотворная реформа науки уголовного права наступитъ тогда лишь, когда криминалисты начнутъ черпать свои положенія не столько изъ изученія старинныхъ и дѣйствующихъ памятниковъ права, не столько изъ философскихъ построеній и обобщеній, сколько изъ наблюденія мѣстъ заключенія и изученія произведеній пенитенціаристовъ“. Криминалисты, однако, далеко не удовлетворены антропологическою итальянскою школою, которая рубить и строить съ плеча; объ этомъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, страница альбома, на которой напечатано письмо неаполитанскаго профессора Пессина. Большинство присланныхъ мѣній относятся затѣмъ къ постановкѣ тюремнаго дѣла, въ общемъ его очертаніи или въ деталяхъ. Тутъ же помѣщенъ весьма удачный афоризмъ Пихса: *in severitate humanitas*, который итальянская коммиссія воспроизвела на одной изъ надписей у главнаго входа въ залы конгресса.

Для ознакомленія съ итальянскими мѣстами заключенія, итальянское правительство предоставило членамъ конгресса многочисленные способы. Членскій билетъ давалъ каждому право посѣщать всѣ мѣста заключенія, находящіеся на пути; я воспользовался имъ для посѣщенія тюремъ Венеціи и Флоренціи. 7 (19) ноября устроена была общая экскурсія въ Тиволи, гдѣ всѣ члены конгресса ознакомились съ мѣстнымъ учрежденіемъ для несовершеннолѣтнихъ. Мѣста заключенія, находящіеся въ Римѣ, безпрепятственно открывали свои двери для членовъ конгресса; многіе посѣтили земледѣльческую колонію для взрослыхъ въ Tre Fontani, подлѣ Рима. По закрытіи конгресса предпринята экскурсія въ Civita Vecchia, для осмотра мѣстныхъ *bagnes*, и затѣмъ самая интересная экскурсія въ Сардинію и на островъ Пьяноза, гдѣ расположены земледѣльческія колоніи для взрослыхъ, единственныя въ Европѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ принять въ ней участія; нашъ соотечественникъ, г. Аршеневскій, молодой криминалистъ, подающій большія надежды, командированный министерствомъ народнаго просвѣщенія за-границу, успѣлъ воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ для ознакомленія съ ними.

Бесѣда Бертильона происходила 10/22 ноября; она была посвящена научнымъ способамъ опредѣленія рецидива, путемъ измѣренія длины руки, таліи, ноги и ширины головы задержанныхъ по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ. Система эта уже практикуется въ Парижѣ съ большимъ успѣхомъ.

Антропологическій конгрессъ засѣдалъ одновременно съ пенитенциарнымъ и въ томъ же зданіи; членскіе билеты на пенитенциарный конгрессъ давали право членства въ конгрессѣ антропологическомъ. Онъ слагался изъ членовъ натуралистовъ и юристовъ. Первые были малочисленнѣе, но въ средѣ ихъ находились видные и весьма почетные дѣятели, каковы Ломброзо—фанатикъ идеи, ревностно и самоотверженно ей служащій, Молешотъ—профессоръ римскаго университета, Бенедиктъ—профессоръ вѣнскаго университета, и Лакасанъ—профессоръ ліонскаго университета. Юристы были гораздо многочисленнѣе, но представляли ихъ по преимуществу мѣстные молодые адвокаты, начинающіе карьеру; находившіеся въ средѣ ихъ Ферри и Гарофало, какъ оказалось, весьма немного прибавили для конгресса авторитетности и эрудиціи. Программа первой секціи его состояла изъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) на какія антропологическія категоріи распадаются заключенные и каковы ихъ существенные признаки; 2) существуетъ ли общій біопатологическій характеръ, предрасполагающій къ преступленіямъ; 3) какъ слѣдуетъ распредѣлять человѣческія дѣянія по различію ихъ мотивовъ и какъ моральное воспитаніе можетъ вліять на силу приступовъ страсти, въ частности и на преступленія; 4) о самоубійствѣ; 5) объ эпилепсіи въ тюрьмахъ; 6) объ учрежденіи антропологическаго музея въ Италіи, и 7) о вліяніи метеорологическихъ и экономическихъ условій на преступность въ Италіи. Программу второй секціи составляли вопросы: 1) можно ли положенія уголовной антропологіи принять въ основаніе новаго уголовного уложенія Италіи, и насколько это было бы полезно; 2) о примѣненіи и послѣдствіяхъ положительной доктрины въ уголовномъ судопроизводствѣ; 3) объ экспертахъ-медикахъ въ процессѣ уголовномъ; 4) о лучшихъ средствахъ вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ; 5) о лучшихъ средствахъ борьбы съ рецидивомъ; 6) о преступленіяхъ политическихъ; и 7) о допущеніи въ мѣста заключенія лицъ, занимающихся антропологіею. Принятія конгрессомъ резолюціи мнѣ пока въ точности неизвѣстны, такъ что о характерѣ пропагандируемыхъ имъ идей я могъ составить представленіе только по взглядамъ докладчиковъ, которые, въ основныхъ чертахъ почти всѣ были приняты. Изъ доклада профессора Шамана (Sciamaipa) видно, что антропологическая школа начинаетъ допускать вліяніе воспитанія на образованіе характера, но только у преступниковъ случая, страсти и привычки; въ одномъ изъ устныхъ сообщеній, справедливость этой мысли признать и Ломброзо. Всѣ представители антропологической школы высказались какъ противъ новыхъ проектовъ уголовной кодификаціи въ Италіи, такъ и противъ того, чтобы положенія этой школы теперь же были бы приняты въ основаніе.

новаго уголовного кодекса; они требуютъ лишь нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій дѣйствующаго въ части Италіи сардинскаго уложенія 1859 г., признаваемаго ими въ общемъ удовлетворительнымъ. Изъ трехъ докладчиковъ конгресса по этому вопросу, Гарофало рекомендуетъ въ немъ слѣдующія главныя измѣненія: по отношенію къ лицамъ невмѣняемымъ вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности — заключеніе въ особые пріюты для умалишенныхъ преступниковъ, срокъ котораго напередъ не опредѣляется, но съ тѣмъ, что въ извѣстные промежутки времени судъ производитъ новое изслѣдованіе, для рѣшенія вопроса, не слѣдуетъ ли освободить заключеннаго; по отношенію къ преступникамъ привычки, которыми признаются учинившіе преступное дѣяніе, уже ранѣе приговоренные къ уголовнымъ наказаніямъ, или два раза къ исправительнымъ наказаніямъ и одинъ разъ уголовному, или четыре раза къ исправительнымъ наказаніямъ не ниже 6-ти мѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ, или семь разъ къ какимъ бы то ни было наказаніямъ за кражи, мошенничества и посягательства противъ нравственности, — вѣчная ссылка въ одну изъ отдаленныхъ колоній Италіи; по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ — замѣна нормальныхъ наказаній вѣчною ссылкой или отдачею въ земледѣльческія колоніи или исправительные пріюты; первая опредѣляется вмѣсто смертной казни и вѣчной каторги; вторая назначается на срокъ не ниже 2 лѣтъ, а максимумъ продолжительности долженъ быть предоставленъ дирекціи этихъ учреждений, во всякомъ случаѣ не долѣе момента наступленія совершеннолѣтія; если дирекція находитъ заключеннаго неисправимымъ, то онъ предупреждается, что въ случаѣ рецидива съ нимъ будетъ поступлено какъ съ преступникомъ привычки; наконецъ, по отношенію къ вопросу о замѣнѣ краткосрочнаго лишенія свободы другими наказаніями и объ учрежденіи рабочихъ командъ для осужденныхъ за бродяжество и нищенство мнѣнія Гарофало приведены выше, въ обзорѣ дѣятельности первой секціи пенитенціарнаго конгресса. Другой докладчикъ по тому же вопросу, адвокат Vito Porto, высказываясь также за сохраненіе сардинскаго уложенія, предлагаетъ въ немъ многочисленныя постатейныя измѣненія; важнѣйшія изъ нихъ: пониженіе наказаній для женщинъ; при отсутствіи дурныхъ инстинктовъ какъ причины преступленія — замѣна срочной каторги и заключенія (reclusione) ссылкой; увеличеніе наказаній въ случаяхъ рецидива; прибавленіе къ постановленіямъ о дѣтоубійствѣ и чадоубійствѣ правила, по которому наказанія за нихъ должны уменьшаться, между прочимъ, и тогда, когда дѣянія эти вызваны непосредственно грозящею опасностью жестокаго обращенія; измѣненіе постановленій о дуэли; при-

соединеніе за нѣкоторыя проступки къ наказанію лишеніемъ свободы денежныхъ пеней, даже до 50.000 франковъ. Наконецъ, третій докладчикъ, профессоръ Пуліа (Puglia), въ формулированныхъ имъ для конгресса предложеніяхъ высказалъ наиболѣе полно и точно пожеланія антропологической школы. Находя справедливымъ считать увеличивающимъ вину обстоятельствомъ то, что дѣяніе вызвано мотивами безчестными, низкими или ничтожными и пошлыми, онъ требуетъ пониженія наказанія при наличности мотивовъ моральныхъ и достойныхъ (*honogables*), и полного устраненія навазанія въ случахъ столь сильныхъ этическихъ побужденій, которыя непреодолимо заставляютъ людей безупречнаго поведенія совершить преступное дѣяніе. Для огражденія общества отъ преступниковъ умалишенныхъ и полу-умалишенныхъ, онъ предлагаетъ заключать ихъ въ особые пріюты, откуда они могутъ быть освобождены не иначе, какъ по постановленію особо учрежденной правительствомъ коллегіи медиковъ-френологовъ. Вычеркивая предумышленіе какъ повышающее вину обстоятельство, онъ предлагаетъ замѣнить его другими, которыя служили бы болѣе вѣрнымъ показателемъ испорченности преступника, или, правильнѣе, его опасности для общества. Такъ, увеличивающими вину обстоятельствами, по мнѣнію Пуліа, слѣдовало бы признавать: 1) если виновный дѣйствовалъ по поворнымъ и безчестнымъ порывамъ, или въ виду какой-нибудь пошлой или ничтожной причины; 2) если въ дѣяніи его заключается нарушеніе важной или специально лежавшей на немъ обязанности, а также если дѣяніе его противорѣчитъ чувствамъ гуманности, патріотизма или семейнаго долга; 3) если въ выполненіи его усматриваются вѣроломство, неблагодарность, обманъ, измѣна долгу, злоупотребленіе властью, жестокость или грубые насильственные поступки. Относительно рецидива *нр.* Пуліа замѣчаетъ, что онъ составляетъ увеличивающее вину обстоятельство не самъ по себѣ, а только какъ показатель привычки виновнаго ко злу; для борьбы съ рецидивомъ необходимо имѣть въ виду классификацію преступниковъ и всѣ факторы преступности, частью заключая рецидивистовъ въ пріюты умалишенныхъ преступниковъ, частью подвергая ихъ пожизненному заключенію въ особые домахъ для несправимыхъ, частью примѣняя къ нимъ нормальныя, но повышенныя наказанія. Однако, по мнѣнію Пуліа, нынѣ нельзя еще надѣяться на принятіе законодателемъ идей антропологической школы о классификаціи преступниковъ во всей ихъ полнотѣ, и потому приходится довольствоваться полумѣрою. Онъ предлагаетъ признавать несправимымъ всякаго рецидивиста, учинившаго преступное дѣяніе съ увеличивающими вину обстоятельствами, а также: 1) если прошлое его порочно; 2) если дѣяніе его направлялось противъ лица слабого

или неспособнаго къ защитѣ, противъ родителей, друга, хозяина, начальника или подчиненнаго; 3) если послѣдствія дѣянія были чрезвычайно тяжки, или же отъ дѣянія пострадали многія лица. Неисправимыми должны быть признаваемы рецидивисты убійства, вымогательства, разбоя, изнасилованія и прочихъ посягательствъ противъ нравственности, а также послѣ двухъ обвинительныхъ приговоровъ виновные въ нанесеніи тяжкихъ ранъ, и послѣ трехъ приговоровъ виновные въ корыстныхъ посягательствахъ противъ чужого имущества. Прочіе рецидивисты должны подлежать возвышенному наказанію согласно существующимъ въ законодательствахъ постановленіямъ. Сверхъ того, для борьбы съ рецидивомъ необходимы мѣры предупредительныя, реформа мѣстъ заключенія, организація обществъ патроната и полицейское наблюденіе за питейными заведеніями, въ связи съ наказаніями за пьянство по привычкѣ. Наконецъ, Пуліа обращаетъ вниманіе на необходимость вознагражденія лицъ, потерпѣвшихъ вредъ отъ преступныхъ дѣяній, и, въ виду несостоятельности большей части преступниковъ, рекомендуетъ открытіе рабочихъ учреждений для тѣхъ, которые не желаютъ или не могутъ уплатить присужденной съ нихъ суммы, и высказываетъ желаніе, чтобъ начало обязательности работъ было принято по возможности во всѣхъ мѣстахъ карательнаго заключенія.

Не лишены также интереса доклады, представленные антропологическому конгрессу по вопросу объ измѣненіяхъ, желательныхъ въ уголовномъ процессѣ. Ихъ два: одинъ принадлежитъ Ферри и Вито-Порто, другой адвокату Пуліезе (Pugliese). Первый рекомендуетъ анатомическое, фізіологическое и психологическое изслѣдованіе обвиняемаго, которое можетъ быть полезно для слѣдователя и суда преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣлу собраны лишь косвенныя улики, и предупреждаетъ противъ пониженія наказаній вслѣдствіе непреодолимости условій, въ которыя былъ поставленъ виновный; при этомъ проводится парадоксальная мысль Ферри, по которой на уголовную отвѣтственность обвиняемаго должны ложиться не только индивидуальныя, но также космическія условія, вызвавшія преступное дѣяніе. Пуліезе требуетъ: при производствѣ уголовныхъ слѣдствій обращать вниманіе на причины, вызвавшія преступное дѣяніе, на соматическіе и психическіе antecedentes обвиняемаго, и на условія среды, гдѣ учинено дѣяніе; въ случаяхъ сознанія—производство и рѣшеніе дѣлъ, даже уголовныхъ, безъ предварительнаго изслѣдованія (*citation directe*), притомъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей; факультативность защиты; право защиты требовать антропологическаго изученія процесса и подсудимаго; учрежденіе техническаго жюри изъ судебныхъ врачей и психіатровъ; коренныя преобразованія

въ институтъ присяжныхъ засѣдателей; въ случаяхъ равенства голосовъ ихъ, постановленіе особой формы оправдательныхъ приговоровъ по недостаточности доказательствъ; введеніе кассационнаго пересмотра для случаевъ неправильныхъ оправдательныхъ вердиктовъ жюри (оно не допускается въ Италіи, какъ и во Франціи); классификацію наказаній въ уголовномъ уложеніи соотвѣтственно причинамъ, вызвавшимъ преступное дѣяніе, и степени испорченности (*temibilità*) виновнаго; примѣненіе мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способамъ уклоняться отъ слѣдствія и суда соотвѣтственно причинамъ, обусловившимъ преступное дѣяніе, и степени испорченности дѣятеля; наконецъ отміну права помилованія и амнистіи.

По вопросу о способахъ удовлетворенія потерпѣвшихъ за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ, антропологическому конгрессу былъ представленъ подробный докладъ молодого и талантливаго неаполитанскаго адвоката Фіоретти, въ общихъ чертахъ сходный съ приведенными выше положеніями профессора Пуліа. Рефератъ Ломброзо и адвоката Ласки о преступленіяхъ политическихъ конгрессомъ не былъ рассмотрѣнъ. Наконецъ по вопросу о допущеніи въ мѣста заключенія лицъ, посвящающихъ себя изученію уголовного права, адвокатъ Агуліа (*Aguglia*) указываетъ на огромную пользу, которую наука можетъ получить отъ опытнаго изученія заключенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, находитъ нужными многія предосторожности для дозволенія входа въ тюрьмы и изученія заключенныхъ, въ видахъ интересовъ послѣднихъ; — объектами такого изученія, по мнѣнію его, могутъ быть только осужденные; доступъ въ мѣста заключенія для этой цѣли можетъ быть дозволяемъ только извѣстнымъ ученымъ, мѣстнымъ и заграничнымъ, профессорамъ университетовъ и лицамъ, которыя, по ихъ продолжительной теоретической или практической дѣятельности, представляютъ достаточныя гарантіи тому, что полученное разрѣшеніе не будетъ употреблено ими во зло; право давать разрѣшенія должно принадлежать директорамъ пени-тенциаріевъ, но отказъ ихъ можетъ быть обжалованъ главному тюремному управленію; при визитахъ можетъ присутствовать директоръ, или одинъ изъ помощниковъ по порученію его, въ видахъ огражденія тюремной дисциплины. Совершенно иначе и гораздо легче смотреть на такіе визиты рефератъ, подписанный сіенскимъ профессоромъ Ферри и Тарде. Въ немъ требуется, чтобы студенты юридическаго факультета допускались къ слушанію курса уголовного права не иначе, какъ записавшись предварительно членомъ общества патрона, председателемъ котораго состоитъ ихъ профессоръ; въ этомъ качествѣ они обязываются, порознь или партіями, еженедѣльно посѣщать сосѣднія тюрьмы, преимущественно одиночныя; они такимъ

образомъ получать возможность изучить заключенныхъ и, вѣсть отъ тѣмъ, окажутъ содѣйствіе успѣху одного изъ способовъ, наиболѣе дѣйствительныхъ для борьбы съ рецидивомъ, (т.-е- патронату), такъ что предлагаемая мѣра по словамъ доклада, будетъ полезна для студентовъ, для заключенныхъ и для дѣлага общества. Въ этомъ, однако, позволительно усомниться; посѣщеніе заключенныхъ болѣнными партіями настолько нарушаетъ тюремную дисциплину, что допускать его можно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; даже при посѣщеніяхъ одиночныхъ разныя мѣры предосторожности далеко не лишни, въ видахъ предупрежденія неумѣстныхъ вопросовъ и совѣтовъ, безцеремонныхъ ощупываній черепа и гласнаго заявленія мнѣній о коренной испорченности ощупываемаго, о неизбѣжности учиненія имъ въ будущемъ новыхъ преступленій и тому подобныхъ безтактныхъ дѣйствій, свидѣтелями которыхъ пришлось быть членамъ пенитенціарнаго римскаго конгресса со стороны членовъ антрополого-юристовъ при посѣщеніи ими дома несовершеннолѣтнихъ въ Тиволи; нужно замѣтить, что этотъ домъ предназначается для дѣтей не преступныхъ, и только по исключенію въ немъ есть нѣсколько дѣтей, учинившихъ преступныя дѣянія, но въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, когда вовсе не могло быть рѣчи объ уголовной ответственности ихъ и о примѣненіи къ нимъ какого бы то ни было наказанія.

При антропологическомъ конгрессѣ была богатая выставка нѣсколькихъ коллекцій череповъ преступниковъ, фотографическихъ альбомовъ ихъ, географическихъ картъ распредѣленія преступности и т. под. Въ этой выставкѣ обращалъ на себя вниманіе весьма интересный альбомъ К. В. Рукавишникова, куда этотъ почтенный общественный дѣятель помещаетъ en regard фотографическія карточки содержащихся въ московскомъ рукавишниковскомъ пріютѣ несовершеннолѣтнихъ въ моментъ поступленія ихъ и въ моментъ выхода. Имъ замѣчено, что чѣмъ болѣшая разница усматривается въ обѣихъ карточкахъ, тѣмъ болѣшая существуетъ вѣроятность, что питомецъ пріюта исправился и не впадетъ въ новое преступленіе. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано имъ сообщеніе и антропологическому конгрессу.

VII.

Можно ли признать римскій конгрессъ удавшимся? Для отвѣта на этотъ вопросъ, который я жду отъ читателя, необходимо имѣть въ виду, что римскій конгрессъ былъ продолженіемъ конгрессовъ лондонскаго и стокгольмскаго. Ему нерѣдко приходилось заниматься только отдѣлкою деталей, частныхъ тѣхъ положеній, которыя въ

общихъ чертахъ были уже приняты раньше. Благодаря этому, нѣкоторыя работы конгресса представляются отрывочными и неясными безъ связи ихъ съ работами предыдущихъ конгрессовъ, что до известной степени уменьшаетъ ихъ интересъ для не-спеціалиста. Тѣмъ не менѣе, однако, конгрессомъ дано весьма много и его нельзя не признать однимъ изъ наиболѣе удачныхъ.

Это въ особенности нужно сказать относительно учреждений, дополнившихъ римскій конгрессъ. Совершенно новая мысль устройства выставки одиночныхъ величій разныхъ системъ, произведеній труда заключенныхъ и тюремныхъ плановъ, облегченіе доступа въ итальянскія мѣста заключенія, а также засѣданія антропологическаго конгресса и его богатая коллекція, въ глазахъ иностранныхъ делегатовъ сообщали римскому конгрессу высокій интересъ. Весьма важно въ подобныхъ случаяхъ и то впечатлѣніе, которое поддерживается въ средѣ пріѣхавшихъ изъ разныхъ мѣстъ; а впечатлѣніе это было самымъ приятнымъ, благодаря искреннему радушію итальянской націи и ея предупредительному отношенію ко всемъ членамъ конгресса.

Засѣданія его были праздникомъ для итальянцевъ, а въ промежутки между засѣданіями происходили непрерывныя празднества въ честь конгресса. Они отерлись воѣздой въ Тиволи, съ глубокою тронутою всѣхъ по простотѣ и искренности ея манифестаціею мѣстнаго населенія. Музыкально-вокальный вечеръ у маркиза Гравина, префекта Рима, отличался изяществомъ и доставилъ членамъ конгресса высокое эстетическое наслажденіе. Оно продолжилось на слѣдующій день торжественнымъ представленіемъ въ мѣстной оперѣ, даннымъ въ честь конгресса. Затѣмъ слѣдовалъ данный городомъ въ одной изъ величественныхъ залъ Капитолія обѣдъ, заключившійся музыкальнымъ вечеромъ; зала бюстовъ, гдѣ для этого собралась вся публика, производила чарующее и весьма сильное впечатлѣніе при электрическомъ освѣщеніи. Но наибольшихъ почестей удостоился конгрессъ съ прибытіемъ въ Римъ царствующаго семейства. На другой же день послѣ своего пріѣзда, король Гумбертъ посетилъ выставку конгресса и подробно осматривалъ ее. На слѣдующій день члены конгресса были приглашены на обѣдъ въ Квириналъ, мѣсто жительства царствующей фамиліи; здѣсь всѣ гости были обворожены очаровательною любезностью короля и его августѣйшей супруги.

Слѣдя за дѣятельностью секцій, мы видѣли, что далеко не всѣ вопросы программы были ими исчерпаны, далеко не всѣ доклады могутъ быть признаны безупречными. Но первое зависѣло отъ обширности самой программы, значительно болѣе полной, чѣмъ на лондонскомъ и стокгольмскомъ конгрессахъ, и невозможности задержать членовъ конгресса въ Римѣ на двѣ недѣли, какъ прежде предполага-

лось. Во второмъ отиудъ не повинны итальянцы. Напротивъ, ихъ участіе на конгрессѣ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ было весьма значительно и существенно. Образованные итальянцы въ значительномъ числѣ посѣщали засѣданія конгресса, доказавъ тѣмъ, что страна ихъ усвоила уже идеи пенитенціаристовъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ осуществленіи ихъ; итальянская молодежь съ успѣхомъ исполняла обязанности секретарей секцій, докладчиковъ итальянской комиссіи и т. под.; преобладающій элементъ ея принадлежалъ адвокатурѣ. Въ отношеніи качественномъ, участіе итальянцевъ было еще болѣе существенно, и конгрессъ долженъ съ благодарностью вспоминать имена такихъ итальянцевъ, какъ профессора Пессина и Бруса, гр. Фореста и многихъ другихъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ значительную часть не только подготовительнаго труда, но и труда окончательнаго, въ секціяхъ и въ общихъ собраніяхъ.

Передъ закрытіемъ римскаго конгресса собралась международная пенитенціарная комиссія изъ всѣхъ официальныхъ делегатовъ, для опредѣленія мѣста и времени созванія слѣдующаго конгресса. Комиссія остановилась на С.-Петербургѣ, гдѣ рѣшено открыть слѣдующій конгрессъ въ 1890 году, въ столѣтній юбилей смерти Говарда. На насъ, такимъ образомъ, возлагается забота оказаться достойнымъ сдѣланнаго выбора и съ честью продолжить то великое дѣло гуманизма и общественной пользы, которое начато съ такимъ успѣхомъ въ Лондонѣ. Соревнованіе на пути культуры и прогресса — лучшая, единственно разумная борьба, достойная уважающихъ себя народовъ.

И. Фойницкій

Въ
ДОНѣ
ТОЛЬКО

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1886 г.

Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1883 г.—Борьба съ язычествомъ и магометанствомъ на востокѣ, съ католицизмомъ—на западѣ Россіи.—Обращенія къ православію въ Эстляндіи.—Положеніе раскола при дѣйствіи закона 3 мая.—Церковно-приходскія школы и школы грамотности.—Нѣсколько словъ о податной инспекціи.

Въ нашей государственной жизни новое почти вездѣ существуетъ рядомъ съ старымъ; рутинна поколеблена во всемъ, но ни въ чемъ не побѣждена совершенно. Отсюда множество противорѣчій, множество трудно объяснимыхъ различій въ образѣ дѣйствій отдѣльныхъ административныхъ вѣдомствъ. Напрасно было бы, на примѣръ, искать какого-нибудь общаго начала, которымъ регулировалась бы степень гласности государственнаго управленія! Каждое министерство держится, въ этомъ отношеніи, своихъ собственныхъ порядковъ, не согласованныхъ съ другими и не на столько прочныхъ, чтобы они не могли быть измѣнены во всякое время. Почему обнародованіе годового отчета здѣсь—вошло въ обычай, тамъ—никогда не предпринималось, тутъ—вышло изъ употребленія,—это составляетъ загадку, для насъ неразрѣшимую. Скажемъ болѣе; единообразіе не всегда существуетъ даже въ предѣлахъ одного и того же вѣдомства. Нѣкоторыя учрежденія министерства финансовъ (напр., крестьянскій поземельный банкъ, департаментъ неокладныхъ сборовъ) печатаютъ свои отчеты во всеобщее свѣденіе, другія—не печатаютъ, а общій отчетъ министерства финансовъ ни разу еще, если не ошибаемся, не былъ опубликованъ. Всего естественнѣе было бы предположить, что степень гласности, допускаемая вѣдомствомъ, прямо пропорціональна его прогрессивности или, по крайней мѣрѣ, его подвижности и предпримчивости; но это предположеніе не оправдывается фактами. Къ числу вѣдомствъ, никогда, кажется, не снимавшихъ съ своихъ отчетовъ покрыва канцелярской тайны,

принадлежать министерства: юстиціи, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, существенно, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, отличавшіяся другъ отъ друга по направленію и напряженности своего творчества. Съ другой стороны, печатаніе отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія прекратилось, кажется, совершенно независимо отъ перемѣны въ стремленіяхъ и намѣреніяхъ министерства.

Насколько различна степень гласности министерскихъ отчетовъ, настолько же различенъ, повидимому, и способъ ихъ составленія. Они могутъ быть—и бываютъ—то холоднымъ, формальнымъ обзорѣніемъ дѣлопроизводства, съ преобладаніемъ цифръ и мало освѣщенныхъ фактовъ, то оживленнымъ изображеніемъ обстановки, среди которой и по отношенію къ которой приходилось дѣйствовать органамъ управленія, приѣмовъ, ими употреблявшихся, результатовъ, ими достигнутыхъ. Между этими противоположными типами остается мѣсто для среднихъ, переходныхъ формъ, до крайности разнообразныхъ. Многое зависитъ здѣсь, безъ сомнѣнія, отъ самаго предмета, которому посвященъ отчетъ. Не всѣ вѣдомства стоятъ одинаково близко къ народной жизни; одни затрогиваютъ ее только изрѣдка, не прямо и на немногихъ пунктахъ, другія соприкасаются съ нею и разнообразнѣе, и непосредственнѣе, и чаще. Еще больше, однако, содержаніе и форма отчета обуславливаются отношеніемъ къ предмету. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить послѣдній отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора (за 1883 г.) съ отчетами по тому же вѣдомству, печатавшимися въ семидесятыхъ годахъ. По полнотѣ картины, по яркости красокъ, прежніе отчеты значительно уступаютъ новому. Прежде, напримѣръ, намъ сообщались почти одиѣ лишь цифры обращенныхъ въ православіе изъ раскола, изъ магометанства, изъ язычества; теперь мы знакомимся съ самымъ процессомъ обращенія, съ затрудненіями, имъ встрѣчаемыми, съ борьбою противъ этихъ затрудненій. Въ средѣ духовнаго вѣдомства совершается, очевидно, цѣлый рядъ попытокъ, направленныхъ къ усиленію и расширенію его внутренней жизни—и разсказъ объ этихъ попыткахъ ведется, болѣею частью, въ такой одушевленной формѣ, къ которой насъ не приучили официальные документы. Посмотримъ поближе на нѣкоторые его отдѣлы, особенно богатые общими интересомъ.

На востокъ европейской Россіи и въ Сибирь православная церковь стоитъ лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ населеніемъ магометанъ имъ языческихъ. Особенно тяжелой, по словамъ отчета, является борьба съ магометанствомъ, составляющимъ цѣльную систему и отвѣчающимъ на многіе религіозные запросы той среды, въ которой оно распространено. „Многочисленное магометанское духовенство,

фанатически преданное своему ученію, нерѣдко, хотя и своеобразно, образованное, достаточно владѣющее словомъ и діалектическими приѣмами, непрерывною и настойчивою проповѣдью въ многочисленныхъ мечетяхъ и школахъ прочно укореняетъ свои заблужденія среди послѣдователей Магомета“. Проповѣдь исламизма всего опаснѣе по отношенію къ вновь обращеннымъ въ христіанство, какъ изъ татаръ, такъ и изъ язычниковъ. „Опасность для крещенныхъ татаръ тѣмъ серьезнѣе, что всѣ условія ихъ быта, одинаковость языка и образа жизни, тождественность обычаевъ и близость сношеній влекутъ ихъ къ сближенію съ своими единоплеменниками, враждебными христіанству“. Отсюда религіозныя движенія, возникающія отъ времени до времени въ татарскомъ населеніи поволжья и увлекающія значительное число крещенныхъ татаръ къ отпаденію въ магометанство. „Эти отступничества тѣмъ прискорбнѣе, что отпавшихъ можно считать почти навсегда потерянными для православной церкви. Укрѣпляясь, подъ вліяніемъ вожаковъ-фанатиковъ, въ своемъ лжевѣріи, они оказываются совершенно глухими къ вразумленію со стороны своихъ бывшихъ христіанскихъ руководителей; во время увѣщанія они стараются не думать о предметѣ рѣчи, чтобы устранить самую возможность зарожденія въ ихъ умѣ какихъ-либо сомнѣній и колебаній въ вѣрѣ“. Язычники поволжскихъ губерній болѣе, чѣмъ магометане, доступны для евангельской проповѣди, но доступны зато и мусульманской пропагандѣ, „которая усердно старается распространить и уворенить между ними плевелы своего пагубнаго лжеученія“. Скоро и легко принимая христіанство, бывшіе язычники очень долго, притомъ, остаются „младенцами по вѣрѣ“. „При крайне низкой степени умственного ихъ развитія, близко граничащаго съ состояніемъ первобытной дикости, высокія истины христіанскаго ученія болѣею частью остаются недоступными для ихъ пониманія, такъ что они остаются при одной внѣшней, обрядовой сторонѣ христіанства, которую часто смѣшиваютъ съ обычаями и суевѣріями язычества“.

Гораздо болѣею живучестью, чѣмъ въ Поволжѣ, язычество отличается въ восточной Сибири. Отчетъ приписываетъ это, прежде всего, административному устройству иркутско-зabayкальскихъ инородцевъ. Хотя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, представителей въ степныя думы слѣдуетъ избирать изъ христіанъ, но „потворство и угодничество язычникамъ со стороны гражданскихъ начальствъ“ дошло до того, что тайши и выборные изъ христіанъ вытѣснены почти вездѣ. Въ простомъ народѣ образовалось убѣжденіе, что „начальственное положеніе составляетъ удѣлъ язычниковъ, подчиненность же и приниженность — горькую долю христіанъ“. Съ другой

сторонѣ, распространенію и укрѣпленію христіанства мѣшаетъ усиленная пропаганда ламаизма (буддизма), вытѣсняющая шаманизмъ и не останавливающаяся и передъ обращенными въ православіе. Законъ дозволяетъ ламамъ лишь возобновленіе ветхихъ капищъ, но они безпрепятственно устраиваютъ новыя, даже въ крещенныхъ улусахъ. Во многихъ мѣстахъ совершается ламами торжественное уничтоженіе принадлежностей шаманскаго идолослуженія. Тамъ, гдѣ прежде не оказывалось особаго сопротивленія къ принятію крещенія, теперь появляются „рѣзкіе отвѣты на призывъ къ просвѣщенію и какъ бы ненамѣренный уходъ съ бесѣды“.

Борьба съ препятствіями, встрѣчаемыми христіанскою проповѣдью, можетъ быть двоякаго рода: мирная, дѣйствующая только убѣжденіемъ, рассчитывающая на постепенное вліяніе школы, книги, живого слова и примѣра,—и болѣе рѣзкая, не отступающая передъ преслѣдованіями, передъ обращеніемъ къ матеріальной силѣ. Часто ли возбуждаются, по инициативѣ духовенства, уголовныя дѣла объ отпаденіи отъ христіанства, о совращеніи въ язычество или магометанство—объ этомъ отчетъ не упоминаетъ; но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что такія дѣла существуютъ и оканчиваются иногда тяжкими уголовными карами. Такъ на примѣръ, въ томъ же 1883-мъ году, къ которому относится разбираемый нами отчетъ, въ казанскомъ окружномъ судѣ производилось дѣло о восьми врестынахъ села Апазова, обвинявшихся въ публичномъ порицаніи православной вѣры и въ совращеніи своихъ односельцевъ изъ православія въ магометанство ¹⁾. Сами обвиняемые, по бумагамъ числившіеся православными, отрицали взводимыя на нихъ преступленія, но признавали себя магометанами. Нѣкоторые изъ числа свидѣтелей, совращенные, будто бы, подсудимыми, заявили на судѣ, что они считаютъ себя магометанами отъ рожденія и православными никогда не были, хотя и записаны въ православныхъ метрическихъ книгахъ. Другіе свидѣтели давали отвѣты, менѣе благоприятные для подсудимыхъ, по своей внѣшности сами они почти всѣ напоминали магометанъ: головы стрижены, часть бороды выбрита, костюмъ татарскій. Давнишняя принадлежность къ расколу многихъ жителей села Апазова обнаружилась на судѣ съ полной ясностью; между тѣмъ, по словамъ мѣстнаго священника, заявленіе котораго послужило поводомъ къ возбужденію дѣла, отпаденія отъ православія начались въ Апазовѣ лишь съ 1881 г. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что нетвердость ново-обращенныхъ обуславливается, во многихъ случаяхъ, поспѣшностью обращенія, которому не предшествуетъ ни основательное ан-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

комство съ христіанскимъ ученіемъ, ни твердая рѣшимость остаться ему вѣрнымъ? Возможно ли объяснить иначе упорство, проявляемое, по словамъ отчета, отпавшими назадъ въ магометанство? Если они находятъ въ себѣ силу противиться всѣмъ настояніямъ и увѣщаніямъ православнаго духовенства, то почему же они раньше не устояли противъ мусульманской пропаганды? Не потому ли, что они никогда, въ сущности, не переставали быть мусульманами и только числились православными?.. Относительно язычниковъ, поверхностность, номинальность обращенія прямо, какъ мы уже видѣли, признается отчетомъ; удивительно ли, что и они оказываются легко восприимчивыми къ проповѣди ламаизма или магометанства? Въ отчетѣ повѣствуется о содѣйствіи, находимомъ забайкальскою православною миссіею въ одномъ христіанинѣ—инородческомъ, князѣ Гантимуровѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ князь Гантимуровъ приказалъ живущимъ въ его вѣдомствѣ ороченамъ собраться на рѣкѣ Самтарѣ, для привитія предохранительной оспы. Туда же, вмѣстѣ съ княземъ, отправился и миссіонеръ. Послѣ объясненій о необходимости осинопрививанія, рѣчь перешла къ спасенію души. Князь принялъ живое участіе въ этой бесѣдѣ, стараясь доказать ороченамъ-язычникамъ ихъ невѣжественное заблужденіе въ шаманизмѣ. „Плодомъ бесѣды было обращеніе ко Христу тридцати человекъ, которые и снодобились принять св. крещеніе въ тихихъ струяхъ рѣки Самтара“. Крещеніе, повидимому, слѣдовало здѣсь непосредственно за проповѣдью; гдѣ же основанія ожидать, что новообращенные съумѣютъ оградить свою вѣру противъ навітовъ перваго встрѣтившагося имъ ламы или шамана? Присутствіе начальника представляется столь же недостаточнымъ залогомъ искренности и прочности обращенія, какъ и „подарки новокрещаемымъ“, о которыхъ упоминается въ томъ же отдѣлѣ отчета ¹⁾.

Къ „уврачеванію и искорененію“ ала, т.-е. отпаденія отъ православія и упорства въ язычествѣ, начальники миссій (иркутской и забайкальской) предлагаютъ однѣ и тѣ же мѣры: ограниченіе правъ язычниковъ на занятіе начальственныхъ должностей въ инородческомъ управленіи; ограниченіе фанатической пропаганды ламъ въ совращеніи крещенныхъ инородцевъ и въ распространеніи ламаизма между инородцами, держащимися другихъ вѣрованій; уничтоженіе незаконно построенныхъ и закрытіе наличныхъ прежнихъ кумиренъ, съ совращеніемъ штата ламъ. Итакъ, государственная власть должна взять на себя искусственную охрану однихъ языческихъ вѣрованій

¹⁾ Послѣднія обращенія встрѣчаются, повидимому, не на однихъ только далекихъ окраинахъ Россіи. Мы прочли недавно въ одной изъ петербургскихъ газетъ, что, при крещеніи въ Кронштадтѣ молодого татарина, онъ не умѣлъ прочесть безъ ошибокъ символъ вѣры.

противъ другихъ, шаманизма—противъ ламаизма; она должна принять цѣлый рядъ мѣръ, весьма близкихъ къ гоненію за вѣру и, слѣдовательно, весьма легко могущихъ привести къ противоположному результату. Всѣ эти предложенія кажутся намъ тѣмъ болѣе странными, что въ рукахъ православнаго духовенства находятся гораздо болѣе надежныя средства, которыми оно и пользуется съ успѣхомъ. Сюда относится, прежде всего, учрежденіе школъ между новообращенными и вообще въ мѣстахъ дѣйствія миссіонеровъ. Иркутскою миссіею такихъ школъ устроено десять, съ 120 учениками, забайкальскою—шестнадцать, съ 258 учениками. Въ бунинскомъ уѣздѣ симбирской губерніи открыта, въ 1877 г., миссіонерская школа, „въ видахъ религіознаго воздѣйствія на отпавшихъ изъ православія въ магометанство чувашъ“. По словамъ отчета, она благотворно вліяетъ на отпавшихъ, которые, въ послѣдніе годы, видимо стали менѣе упорны и раздражительны въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ духовенствомъ, принимаютъ къ себѣ священниковъ, бесѣдуютъ съ ними, допускаютъ своихъ дѣтей учиться въ школы и молиться вмѣстѣ съ дѣтьми крещенныхъ. Центральная чувашская школа, учрежденная въ Симбирскѣ, приготовляетъ учителей и учительницъ для начальныхъ школъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ нѣкоторыхъ церквяхъ, посѣщаемыхъ чувашами, важнѣйшія молитвы поются и читаются на чувашскомъ языкѣ. Специально-чувашскія школы существуютъ также въ губерніяхъ самарской и оренбургской, специально-черемисскія школы—въ губерніяхъ пермской и казанской. Въ союзѣ съ школой, миссія торжествуетъ иногда даже въ средѣ татарско-мусульманской. Такъ напримѣръ, „жители двухъ деревень мензелинскаго уѣзда (уфимской губерніи) въ недавнее время готовы были всѣ перейти въ магометанство, но, благодаря увѣщаніямъ мѣстнаго священника, хорошо знающаго татарскій языкъ, и участію въ этомъ дѣлѣ дѣвочки Евдокіи Бабиной (изъ старо-крещенъ), содержащей на свои средства небольшую школу и обучающей инородческихъ дѣтей грамотѣ, поголовное отпаденіе было остановлено, и большая половина жителей осталась вѣрною православію“. Такіе факты, сопоставленные съ упорствомъ отпавшихъ передъ официальнымъ „увѣщаніемъ“ или „вразумленіемъ“, служатъ лучшимъ указаніемъ пути, которымъ должна идти борьба противъ язычества и магометанства. Прекращеніе преслѣдованій противъ отпавшихъ и совратителей имѣло бы, какъ намъ кажется, еще одну хорошую сторону. Когда переходъ изъ одной религіи въ другую является чѣмъ-то безвозвратнымъ, навсегда предрѣшающимъ судьбу самого обращеннаго и его потомства, то колеблющаяся мысль легко можетъ остановиться передъ послѣднимъ шагомъ, именно потому, что онъ безусловно послѣдній; боязнь поздняго раскаянія можетъ

помѣшать обращенію, удержать сомнѣвающегося подъ властью отцовской вѣры. Не лишено значенія, наконецъ, и то, что только при отсутствіи преслѣдованій за „отпаденіе“ господствующая церковь можетъ разсчитывать на искренность своихъ сыновъ, на полную гармонию между названіемъ и вѣрованіемъ, между официальными данными и дѣйствительностью. При нынѣшнихъ порядкахъ не всегда возможно отличить православныхъ только по имени отъ православныхъ на самомъ дѣлѣ.

Православіе по имени—явленіе, встрѣчающееся не между одними вновь обращенными магометанами и язычниками; отчетъ констатируетъ его и на западѣ Россіи, между бывшими католиками: „въ минской епархіи враждебная дѣятельность латинскаго духовенства проявляется преимущественно въ тайныхъ подстрекательствахъ той части населенія, которая присоединилась къ православію изъ латинства въ шестидесятыхъ годахъ. Изъ этихъ лицъ одни, официально считаясь въ православномъ исповѣданіи или, правильнѣе, подлежащими пребыванію въ православіи, въ дѣйствительности, благодаря тайному подстрекательству всендзовъ и нѣкоторыхъ польскихъ агитаторовъ, продолжаютъ оставаться въ латинствѣ; другіе же, хотя исполняютъ обряды и постановленія православной церкви, но дѣлаютъ это не искренно, продолжаютъ питать въ настроеніи своемъ тяготѣніе къ латинству и весьма чутки ко всякому соблазну, клонящемуся въ сторону католичества“. Далекое не прочнымъ, повидимому, представляется и православіе многихъ изъ числа бывшихъ униатовъ въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ царства польскаго. Къ числу причинъ этого послѣдняго явленія отчетъ относитъ „преслѣдованіе католиками и упорствующими въ униі фанатиками своихъ односельцевъ за посѣщеніе ими православныхъ церквей и соблюденіе церковныхъ требъ по православному обряду“. Объ отдѣльных случаяхъ такого преслѣдованія „каждый разъ сообщается гражданскому начальству, для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности, но принимаемая гражданскимъ начальствомъ мѣры, устраняя единичные случаи преслѣдованія, не измѣняютъ общаго настроенія упорствующихъ“. Эти слова отчета чрезвычайно характеристичны; они доказываютъ съ полною убѣдительною всю безплодность понудительныхъ и карательныхъ мѣръ въ области религіозныхъ вѣрованій. Желательно было бы знать, однако, въ чемъ заключаются какъ „преслѣдованія“, о которыхъ упоминаетъ отчетъ, такъ и вызываемыя ими мѣропріятія гражданского начальства. Если „преслѣдованія“ имѣютъ характеръ проступковъ, наказуемыхъ на точномъ основаніи уголовного закона (побоевъ, угрозъ, обидъ и т. п.), и если виновный въ этихъ проступкахъ предается суду въ

общемъ порядкѣ уголовного судопроизводства, то противъ этого нельзя, конечно, сказать ни слова. Другое дѣло — если понятіе о „преслѣдованіи“ не имѣетъ ничего общаго съ уголовнымъ правомъ, а мѣры противъ „преслѣдованія“ принимаются административною властью. Мы едва ли ошибемся, признавъ болѣе вѣроятнымъ послѣднее предположеніе. „Объ отдѣльныхъ случаяхъ преслѣдованія“, говорить отчетъ, „каждый разъ сообщается гражданскому начальству“. Кѣмъ сообщается? Очевидно — православнымъ духовенствомъ; а такъ какъ оно не компетентно въ возбужденіи уголовныхъ дѣлъ, предметъ которыхъ служатъ преступленія противъ личности или имущества частныхъ лицъ, то здѣсь можетъ идти рѣчь только о такихъ обвиненіяхъ, которыя вовсе не подвѣдомственны уголовному суду. Обвиненія этого рода, со всѣми ихъ послѣдствіями, относятся всецѣло къ области произвола, сопряженное съ которою не можетъ быть благопріятнымъ для нравственнаго авторитета православнаго духовенства. Не вполне гармонируетъ съ назначеніемъ послѣдняго даже обращеніе къ уголовному правосудію, въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ вѣры; тѣмъ менѣе можетъ послужить ему въ пользу обращеніе къ административному „усмотрѣнію“, хотя бы оно и приводило въ своей ближайшей цѣли — смирало бы „упорствующихъ“. Мы узнаемъ изъ отчета, что оно къ ней не приводитъ; къ чему же продолжать образъ дѣйствій, вредъ котораго несомнѣненъ, а польза — болѣе чѣмъ проблематична?

Въ подольской епархіи, — по словамъ отчета, — „при совмѣстномъ жителствѣ православныхъ и католиковъ, при ихъ взаимныхъ близкихъ сношеніяхъ, а также при общемъ недостаткѣ умственнаго образованія и духовнаго развитія, ни тѣ, ни другіе (за исключеніемъ лицъ достаточно образованныхъ, каковы землевладѣльцы польскаго происхожденія) не знаютъ существеннаго различія между своимъ и чужимъ вѣроисповѣданіемъ, и полагаютъ его только во внѣшней обрядности. Простой народъ и мелкая шляхта съ одинаковымъ уваженіемъ относятся къ православной церкви и къ римскому костелу; католики, несмотря на строгія запрещенія и угрозы епископовъ, часто посѣщаютъ православные храмы, принимаютъ даже участіе въ православныхъ приходскихъ попечительствахъ; въ народныхъ сельскихъ школахъ дѣти католиковъ съ охотою изучаютъ православный законъ Божій, читаютъ и поютъ въ церкви вмѣстѣ съ православными дѣтьми, и родители ихъ не только не возмущаются этимъ, но, напротивъ, обнаруживаютъ удовольствіе“. Съ своей стороны, и православные безразлично посѣщаютъ свои церкви и католическіе костелы. Представляя себѣ, что противъ православныхъ, поступающихъ такимъ образомъ, были бы приняты, свѣтскою властью, какія-либо строгія мѣры;

это непременно отразилось бы на католикахъ и отдалило бы ихъ отъ православія, къ которому они теперь приближаются — приближаются постепенно, медленно, едва замѣтно, но за то свободно и добровольно. Когда населеніе стоитъ на рубежѣ между двумя церквями, побѣда должна остаться на сторонѣ той, которая съумѣетъ обратить смутное влеченіе въ сознательную привязанность. Средства дѣйствія и здѣсь тѣ же самыя, какъ въ борьбѣ съ язычествомъ и магометанствомъ; школа, проповѣдь, образованіе духовныхъ братствъ и т. п. Мы видимъ изъ отчета, что православное духовенство успѣшно прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ; остается только отвязаться отъ другихъ, ускоряющихъ, быть можетъ, виѣшнее торжество, но дѣлающихъ его менѣе надежнымъ, менѣе прочнымъ. Увеличеніе числа лицъ, „подлежащихъ (по жѣткому выраженію отчета) пребыванію въ православіи“, не увеличиваетъ силы и значенія православной церкви.

Отдѣлъ отчета, посвященный распространенію православія въ эстонскомъ краѣ, начинается краткимъ обзоромъ сорокалѣтія, истекшаго со времени первыхъ обращеній. Цѣль этого обзора — доказать, что эсты и латыши, желавшіе присоединенія къ православной церкви, никогда не руководствовались побочными соображеніями (напримѣръ, ожиданіемъ матеріальныхъ выгодъ), а были вполне искренно убѣждены въ превосходствѣ православія передъ лютеранизмомъ. Воспоминаніе о нареканіяхъ, вызванныхъ обращеніями сороковыхъ годовъ, заставляетъ, однако, соблюдать большую осторожность по отношенію къ движенію, вновь возникшему между крестьянами западной Эстляндіи. „Присоединеніе эстовъ“, читаемъ мы въ отчетѣ „совершенно было съ устраненіемъ всего, что могло возбуждать какія-либо недоразумѣнія или вызвать нежелательныя послѣдствія, подобныя бывшимъ въ прежнее время... Высшее духовное правительство постоянно слѣдило, чтобы святое дѣло присоединенія было совершаемо чистыми руками, безъ всякой примѣси постороннихъ побужденій.... Наставленія, испытанія и обрядъ присоединенія каждой группы происходили при открытыхъ дверяхъ и окнахъ, въ присутствіи многихъ постороннихъ лицъ, въ числѣ которыхъ постоянно находились семейства мѣстнаго пастора и помѣщика“. Нельзя не сочувствовать такому образу дѣйствій, а также и тому, что для укрѣпленія православія между ново-обращенными мѣстная епархіальная власть рассчитываетъ исключительно на духовныя средства: богослуженіе и проповѣдь на мѣстномъ языкѣ, учрежденіе православныхъ школъ, дѣятельность православныхъ братствъ, переводъ богослужебныхъ и духовныхъ книгъ на нарѣчія

эстонское и латышское, и т. п. Число обращенныхъ въ 1883 г. эстовъ доходить до трехъ тысячъ.

По отношенію къ расколу, 1883-й годъ былъ ознаменованъ изданіемъ закона 3 мая, облегчившаго, до известной степени, положеніе раскольниковъ ¹⁾. Постановленія этого закона — говорить отчетъ — „устраиваютъ, казалось бы, всякій поводъ къ жалобамъ со стороны раскольниковъ на преслѣдованія, равнымъ образомъ и поводъ съ ихъ стороны къ раздраженію на православную церковь и православное духовенство. Къ сожалѣнію, однакожъ, благія намѣренія и рѣшенія правительства отразились въ умахъ раскольниковъ, особенно вожаковъ ихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи возбужденіемъ неправильной мысли, будто высшее правительство признало истинность ихъ старой вѣры и правильность ихъ обрядовъ. Такое превратное толкованіе произвело нѣкоторое движеніе не только среди явныхъ раскольниковъ, но и среди колебавшихся между церковью и расколомъ“. Нужно однако полагать, что ошибочное пониманіе закона встрѣчалось рѣдко и продолжалось недолго; ограниченіями и стѣсненіями правила 3 мая слишкомъ богаты, чтобы можно было — при близкомъ съ ними знакомствѣ — считать ихъ хотя бы простымъ признаніемъ раскола, въ смыслѣ терпимаго правительствомъ вѣроученія. Ближе къ истинѣ другой взглядъ на законъ 3-го мая, распространившійся, по словамъ отчета, между смоленскими и самарскими раскольниками — взглядъ, по которому все осталось по старому, положеніе раскола ничуть не измѣнилось. Едва ли, впрочемъ, правильно то объясненіе этого взгляда, какое мы находимъ въ отчетѣ: „всѣми дарованными льготами раскольники давно и прежде фактически пользовались, хотя и подвергались нерѣдко преслѣдованію за нарушеніе дѣйствовавшихъ законовъ“. Что же это за пользованіе, которое въ каждую данную минуту можетъ повлечь за собою уголовное преслѣдованіе? Еслибы законъ 3 мая оградиъ раскольниковъ вполне отъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ они прежде нерѣдко подвергались, то значеніе перемѣны было бы почувствовано всѣми; равнодушное отношеніе къ ней возможно только потому, что она не признала за раскольниками — по предмету устройства молитвенныхъ зданій — никакихъ правъ, точно опредѣленныхъ и независимыхъ отъ усмотрѣнія начальства. Вообразить себѣ, что правительство „признало истинность старой вѣры“, раскольники никакъ не могли, за исключеніемъ разве первой минуты радостнаго удивленія; но они могли увидѣть

¹⁾ Подробный разборъ этого закона см. въ Внутреннемъ Обзорѣніи № 7 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

въ законѣ 3 мая новѣй, хотя и небольшой шагъ въ сторону вѣро-терпимости — и этого было достаточно, чтобы приподнять, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, завѣсу, скрывавшую отъ officialнаго глаза настоящую численность раскола. „Многіе изъ заблуждающихся, — говоритъ отчетъ, — которые до сего времени прикрывались званіемъ православныхъ или единовѣрцевъ, со времени обнародованія закона 3 мая, ни мало не стѣсняясь, стали заявлять, что къ установленной церкви они никогда не принадлежали“. Отчетъ усматриваетъ въ этомъ, повидимому, неблагоприятный результатъ новаго закона; намъ кажется, наоборотъ, что ясное положеніе всегда лучше неяснаго, двусмысленнаго. Заявленіе, упомянутое въ отчетѣ, знаменуетъ собою не усиленіе раскола, не приращеніе числа раскольниковъ, а только открытое признаніе факта, издавна существовавшаго. Лицемеріе, обуславливаемое страхомъ, одинаково вредно для обѣихъ сторонъ — для вводимыхъ въ обманъ точно такъ же, какъ и для вводящихъ.

Сожалѣть о томъ, что законъ 3 мая вызвалъ, кое-гдѣ, большую откровенность со стороны тайныхъ раскольниковъ или мнимо-православныхъ, представляется тѣмъ менѣе основанія, что извѣстившееся, хотя и слегка, отношеніе къ расколу успѣло уже уменьшить неприязнь раскольниковъ къ православной церкви. Перемена къ лучшему замѣчается, по словамъ отчета, въ епархіяхъ костромской, владимірской, нижегородской, казанской, самарской, вятской, пермской, уфимской, симбирской, пензенской, орловской, рязанской, смоленской; между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ мѣстностей (напр. губернія нижегородская) принадлежали до сихъ поръ къ числу главныхъ твердынь раскола. „Положеніе раскола въ верхотурскомъ уѣздѣ, — читаемъ мы въ отчетѣ, — нельзя и сравнивать съ тѣмъ, какое онъ занималъ лѣтъ пятнадцать назадъ. Съ дарованіемъ ему свободы, онъ менѣе враждебно относится къ св. церкви, духовенству и къ самому правительству, спокойнѣе и безпристрастнѣе смотритъ на свои вѣроисповѣдныя разности съ православною церковью, сдѣлался болѣе общителенъ, болѣе открытъ для наблюденій и, утративъ прежнюю замкнутость и таинственность, вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ и прежнее свое обаяніе для простыхъ и довѣрчивыхъ людей“. По отзыву вятскаго пресвященнаго, „духовенство достигло ослабленія раскола прежде всего переменою своихъ учительскихъ отношеній къ народу. Стремленіе его — только по возможности обращать заблуждающихся, но прежде всего утверждать въ православіи остающихся въ оградѣ св. церкви своихъ прихожанъ, разъясняя имъ уклоненіе раскола отъ истины, — ведетъ къ поднятію православнаго сознанія въ народѣ“.

Большую роль въ борьбѣ съ расколомъ начинаетъ играть народная школа. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пензенской

губерніи раскольники охотно отдають своихъ дѣтей въ общія народныя училища, между тѣмъ какъ лѣтъ восемь тому назадъ они не хотѣли объ этомъ и слышать. Въ Казани существуетъ особая школа для старообрядческихъ дѣтей, обучающая ихъ по старопечатнымъ книгамъ, но въ духѣ православной церкви. По справедливому замѣчанію отчета, особенно важнымъ представляется привлеченіе въ школу дѣвочекъ изъ раскольническихъ семействъ, такъ какъ грамотность въ средѣ раскола поддерживается и распространяется преимущественно женщинами. „Расколъ былъ бы потрясенъ въ самомъ основаніи, — читаемъ мы въ отчетѣ, — еслибы обученіе дѣтей въ школахъ производилось не вновь введенною методою обученія, заучиваніемъ басенъ, сказокъ, пѣсенъ и тому подобнаго, а по книгамъ церковнаго содержанія, и не чрезъ свѣтскихъ только учителей“. Фактическихъ доказательствъ этого тезиса отчетъ не приводитъ, да едва ли они и могутъ быть приведены. Замѣтимъ, прежде всего, что „новое введенная метода обученія“ заключается не въ одномъ только заучиваніи басенъ, сказокъ и т. п.; она отнюдь не исключаетъ чтенія церковныхъ книгъ, которому въ свѣтской начальной школѣ отводится все больше и больше мѣста. Въ какое время, далѣе, началось констатируемое отчетомъ сближеніе раскольниковъ съ народной школой? Во время безусловнаго господства земской школы, а не въ предшествовавшую эпоху, когда въ нашихъ деревняхъ не было почти никакихъ иныхъ училищъ, кромѣ церковно-приходскихъ. И это вполне понятно. Главнымъ предметомъ раскольническихъ предубѣжденій всегда служило православное духовенство. Опредѣлять своихъ дѣтей въ школу, исключительно и всецѣло руководимую священникомъ, для раскольниковъ было гораздо труднѣе, чѣмъ опредѣлять ихъ въ школу, во главѣ которой стоитъ хотя и православное, но свѣтское лицо. Правда, и въ земской школѣ преподаваніе ведется отчасти лицомъ духовнаго званія, — но ученики находятся подъ его вліяніемъ лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю, а не каждый день, съ начала до конца ученія. Теперь, быть можетъ, нерасположеніе раскольниковъ къ духовенству начинаетъ ослабѣвать, — но до радикальной и повсемѣстной перемѣны въ чувствахъ, воспитанныхъ вѣками, еще далеко, и свѣтская школа должна еще сохранять, въ глазахъ большинства сектантовъ, преимущество передъ церковно-приходской. Осторожнѣе, во всякомъ случаѣ, подождать указаній опыта. Какъ относятся и отнесутся раскольники къ церковно-приходской школѣ, это еще неизвѣстно, а довѣрчивое отношеніе ихъ къ земской школѣ является совершившимся, безспорнымъ фактомъ. Пишущему эти строки пришлось познакомиться, лѣтъ пять тому назадъ, съ народными училищами саратовской губерніи, какъ городскими, такъ и сельскими —

и онъ почти не помнитъ школы, въ которой раскольники не учились бы рядомъ съ православными. Въ самомъ Саратовѣ существовала тогда особая начальная школа, учрежденная и руководимая раскольниками безпоповщинскаго толка — и все-таки дѣти, принадлежащія къ этому толку, встрѣчались и въ другихъ городскихъ школахъ, устроенныхъ на общемъ основаніи. Само собою разумѣется, что преподаваніе въ этихъ послѣднихъ школахъ было несравненно лучше, чѣмъ въ первой—и это сужѣли понять многіе изъ раскольниковъ. А между тѣмъ, въ саратовскихъ городскихъ школахъ допускалось, какъ и вездѣ, „заучиванье басенъ и сказокъ“.

Та часть отчета, которая касается штундизма, не отличается, по видимому, полнотою свѣдѣній. Она говоритъ о положеніи штунды въ губерніяхъ кievской, волинской и подольской, о появленіи ея въ губерніи могилевской—и только; между тѣмъ мы знаемъ изъ газетъ, что именно въ 1883 г. штундисты появились въ орловской губерніи (въ трубчевскомъ уѣздѣ), гдѣ нѣкоторые изъ нихъ и подверглись уголовному суду. По словамъ отчета, штунда скорѣе ослабѣваетъ, чѣмъ усиливается, и встрѣчаетъ отпоръ со стороны самого населенія; тѣмъ неожиданнѣе является суровое заключеніе, признающее необходимость „рѣшительнаго содѣйствія власти къ обузданію дерзости сектантовъ, дабы оградить православное населеніе отъ насилія ¹⁾ въ дѣлѣ вѣры и церкви, а духовенству обезпечить возможность нравственнаго воздѣйствія“. Нравственное воздѣйствіе и властное дѣйствіе—это понятія, въ дѣлахъ вѣры, большею частью исключаютъ одно другое... О штундистахъ могилевской губерніи, мы узнаемъ, что они получали матеріальную и нравственную поддержку извнѣ, „изъ такого круга, въ которомъ, казалось бы, не должно быть сочувствія невѣжеству, фанатизму и лицемерію. Въ средѣ высшаго сословія, между знатыми и богатыми, нашлись безумные люди, оставившіе вѣру отцовъ своихъ и церковное начало, ради нелѣпныхъ ученій, занесенныхъ въ Россію заѣзжими сектантами, узкіе фанатики, стремящіеся смутить простую вѣру“. Не слишкомъ ли здѣсь много рѣзкихъ и оскорбительныхъ выраженій, не соответствующихъ обычному характеру официальнаго документа? Сдержанность формы—лучшее украшеніе властнаго слова. Этой сдержанности отчетъ измѣняетъ не въ одномъ только приведенномъ нами мѣстѣ. Нѣсколько выше мы читаемъ: „штунда распространялась посредствомъ вожаковъ, изъ которыхъ многіе, подъ видомъ религіознаго убѣжденія, руко-

¹⁾ О насильственныхъ дѣйствіяхъ православныхъ, по отношенію къ штундистамъ, мы слышали; но насиліе послѣднихъ по отношенію къ первымъ является для насъ—и вѣроятно не для насъ однихъ—чѣмъ-то совершенно новымъ; желательно было бы знать, гдѣ и когда оно встрѣчалось и въ чемъ заключалось.

водятся личнымъ интересомъ и тщеславіемъ". Въ такія опредѣленія, относящіяся къ внутреннимъ, тайнымъ мотивамъ дѣятельности, слишкомъ легко можетъ верастись ошибка. То же самое можно сказать и о слѣдующихъ фразахъ: „вожди молоканства увлекаютъ (въ свое ученіе) софистическими умствованіями и вольностію жизни... Молоканство растетъ вслѣдствіе увлеченія свободою отъ всякихъ жертвъ и подвиговъ для спасенія, которое оно надѣется приобрести болѣе легкимъ, самочиннымъ путемъ". Зараза, зараженіе, ложь—эти слова, когда идетъ рѣчь о расколѣ, встрѣчаются въ отчетѣ весьма часто, едва ли усиливая впечатлѣніе, имъ производимое.

Въ 1883 году, къ которому относится разбираемый нами отчетъ, новыя правила о церковно-приходскихъ школахъ только еще подготавливались. Необходимость этихъ правилъ мотивирована въ отчетѣ небольшимъ историческимъ обзоромъ, къ отличительнымъ чертамъ котораго безпристрастіе отнесено быть не можетъ. „Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, — читаемъ мы въ отчетѣ, — число церковно-приходскихъ школъ простиралось до 18 тысячъ, а учащихся въ нихъ — до 100 тысячъ дѣтей обоого пола". Итакъ, на каждую школу приходилось, среднимъ числомъ, пять или шесть учениковъ; не свидѣтельствуешь ли это о томъ, что церковно-приходскія школы существовали, болѣею частью, только на бумагѣ (не говоримъ уже о другихъ доказательствахъ этого общезвѣстнаго факта)? „Прихожане охотно отдавали туда своихъ дѣтей"; мы готовы этому повѣрить, но отчего же, въ такомъ случаѣ, число учениковъ было столь не велико? „Между тѣмъ, въ это время явились начальныя народныя училища, начальное образованіе отдалено было отъ церковной грамотности и началъ устраиваться по чужеземнымъ образцамъ и новымъ системамъ и методамъ обученія. Самая значительная часть церковно-приходскихъ школъ перешла къ новымъ руководителямъ народнаго образованія". Почему же совершился этотъ переходъ? Развѣ кто-нибудь предписывалъ закрытіе или преобразование церковно-приходскихъ училищъ, развѣ ученики искусственно притягивались къ земской школѣ? Не проще ли объяснить быстрое распространеніе послѣдней жизненною ея силой—той силой, которой не было въ старой церковной школѣ? „Духовенство было болѣе или менѣе устраниено отъ вліянія на народное образованіе и въ исполненіи своего прямого долга подчинено наблюденію и руководству лицъ свѣтскихъ, не всегда имѣвшихъ за собою авторитетъ опытности и нравственной силы". А лицамъ духовнымъ этотъ авторитетъ принадлежалъ и принадлежитъ всегда и вездѣ?.. Для насъ не совсѣмъ понятно, притомъ, о какомъ наблюденіи и руководствѣ свѣтскихъ лицъ надъ духовными говорится въ

отчетѣ. Законоучители начальныхъ школъ всегда оставались подъ наблюденіемъ и руководствомъ своего начальства; самое большее, что могла сдѣлать, по отношенію къ нимъ, свѣтская инспекція, это — сообщить о замѣченныхъ ею упущеніяхъ на усмотрѣніе подлежащей духовной власти. „Смѣны разныхъ системъ и методовъ, всегда сопровождающіяся колебаніями, особенно тягостно отзывались на начальной школѣ, которая должна всего болѣе имѣть устойчивости и всего менѣе подвергаться колебаніямъ“. Читая эти слова, можно подумать, что двадцатилѣтіе, истекшее со времени открытія земскихъ учрежденій (1864—83), было для начальной школы эпохою упадка и регресса, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно было для нея эпохой небывалаго прежде роста, эпохой вѣшняго развитія и внутренняго процвѣтанія. Да и въ чемъ же, собственно говоря, заключалась „смѣна системъ и методовъ обученія“? Переходъ отъ „азъ, буки, вѣди“ къ звуковому методу, отъ механическаго чтенія къ осмысленному, былъ довольно рѣзкій, это правда, — но онъ совершился въ самомъ началѣ новаго періода, и затѣмъ ничего подобнаго уже не повторялось. Мѣнялись, кое-гдѣ, учебники и руководства, усовершенствовались приемы обученія, — но это едва ли можетъ быть названо „колебаніемъ“, вреднымъ для начальной школы. „Народъ приносилъ посильныя средства на образованіе своихъ дѣтей, но не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ тѣмъ, что дѣти находили въ школахъ и выносили изъ школъ“. Не знаемъ, какъ согласить это мнѣніе съ повсемѣстнымъ перепополненіемъ земскихъ школъ, съ постояннымъ увеличеніемъ ихъ числа, съ возрастаніемъ цифры учащихся, которыхъ теперь приходится на каждую школу, въ среднемъ выводѣ, уже не 5—6, а по меньшей мѣрѣ тридцать. Допустимъ, однако, что народъ не удовлетворенъ земскою школою (отдѣльныхъ случаевъ неудовольствія мы отнюдь и не отрицаемъ); что же изъ этого слѣдуетъ? Несовершенство самаго типа школы, необходимость замѣнить его другимъ, существенно различнымъ? Нѣтъ; слѣдуетъ только цѣлесообразность нѣкоторыхъ частныхъ перемѣнъ, въ которыхъ земская школа, сама, по собственному почину, и приступила (мы имѣемъ въ виду усиленное изученіе церковно-славянскаго языка и болѣе близкое знакомство съ священнымъ писаніемъ и богослужебными книгами). Церковно-приходская школа, развивающаяся рядомъ съ земскою, а не въ ущербъ ей и не надъ нею, можетъ принести большую пользу, обнаруживъ нѣкоторые пробѣлы свѣтскаго обученія и лучшіе способы ихъ пополнить; но отнюдь не менѣе полезныхъ указаній, только по другимъ предметамъ, можетъ найти для себя и церковно-приходская школа въ примѣрѣ земскихъ и министерскихъ училищъ. Для взаимнодѣйствія тѣхъ и другихъ необходимо только одно условіе: равноправ-

ность начальныхъ школъ, къ какой бы категоріи онѣ ни принадлежали, и воздержаніе отъ всего того, что могло бы возбудить искусственную рознь между школами церковными и свѣтскими, внушая первымъ мысль о прирожденномъ, неотъемлемомъ ихъ превосходствѣ надъ послѣдними.

Въ продолженіе 1883 года число церковно-приходскихъ школъ стало увеличиваться довольно быстро, вслѣдствіе предписаній и внушеній начальства. Такъ, напримѣръ, въ епархіи могилевской, епархіальному съѣзду предложено было повсемѣстно открыть во всѣхъ приходахъ церковныя школы, и ихъ открыто девять сотъ, съ 17,887 учащимися (среднимъ числомъ — по двадцати учениковъ на школу). Литовское епархіальное начальство предписало духовенству открыть церковно-приходскія школы или ихъ отдѣленія вездѣ, гдѣ нѣтъ начального училища вѣдомства учебнаго округа. Предписанія играютъ, вообще говоря, большую роль въ внутренней жизни духовнаго вѣдомства. Предписаніемъ вводится пѣніе по нотамъ въ церквахъ харьковской епархіи; предписаніемъ, въ архангельской епархіи, священники обязываются увѣщевать тайныхъ приверженцевъ раскола и, въ случаѣ слабого успѣха увѣщаній, доносить о томъ епархіальному начальству; предписаніемъ, въ минской епархіи, учреждаются внѣбогослужебныя собесѣдованія; предписаніемъ устанавливается, въ рижской епархіи, общій порядокъ и планъ проповѣдей. Господство предписаній не благопріятствуетъ свободной инициативѣ; иногда она встрѣчаетъ, повидимому, нѣкоторое недовѣріе. „Въ кавказской епархіи, говорится въ отчетѣ, крестьяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, начали собираться по вечерамъ для слушанія чтеній и пѣнія, подъ руководствомъ одного или двухъ болѣе грамотныхъ между ними. Прямо противнаго духу православной церкви ничего въ этихъ собраніяхъ не было замѣчено; но духовенство увидѣло, что для удовлетворенія религіознаго чувства народа необходимо усердно заняться просвѣщеніемъ паствы свѣтомъ евангельской истины и насажденіемъ въ ней правилъ христіанской жизни. Вслѣдствіе этого составлена особая коммиссія для организаціи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ“. Желательно было бы знать, продолжаютъ ли, рядомъ съ этими официально-организованными собесѣдованіями, частныя бесѣды, устроенныя самими крестьянами?.. Другой вопросъ, не менѣе интересный и также не разрѣшенный, возбуждается слѣдующимъ мѣстомъ отчета: „съ распространеніемъ въ народѣ грамотности, возрастаетъ жажда его къ чтенію книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Неблагодарные люди пользуются этимъ и снабжаютъ народъ, даромъ или за весьма дешевую цѣну, брошюрами вреднаго содержанія. Для противодѣйствія распространенію такихъ сочиненій преосвящен-

ный тульскій сдѣлать распоряженіе составить каталогъ брошюръ и листовъ, рекомендуемыхъ для чтенія, и приобретать ихъ на церковныя деньги для безмездной раздачи народу“. О какихъ вредныхъ брошюрахъ, о какихъ неблагонамѣренныхъ людяхъ идетъ здѣсь рѣчь? Очевидно—не о произведеніяхъ подпольной печати и не о революціонерахъ, потому что противоѣдѣствіе имъ было бы предоставлено свѣтской власти. Что же это за брошюры, которыя дозволены къ обращенію въ Россіи, но распространеніе которыхъ все-таки навлекаетъ на распространителя подозрѣніе въ „неблагонамѣренности“? Наше недоумѣніе усиливается еще и тѣмъ, что съ понятіемъ о брошюрѣ неразрывно связано понятіе о чемъ-то небольшомъ по объему и числу страницъ—а всѣ произведенія печати, содержащія въ себѣ менѣе 160 страницъ (10 печатныхъ листовъ), подлежатъ, какъ извѣстно, просмотру и разрѣшенію предварительной цензуры. Извѣстно также, что чѣмъ меньше и чѣмъ дешевле брошюра, чѣмъ вѣроятнѣе распространеніе ея въ народѣ, тѣмъ строже относится къ ней цензура. Неужели, несмотря на все это, въ обращеніе проникаютъ „неблагонамѣренныя“ брошюры?..

Возвращаясь отъ подробностей къ общему характеру отчета, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что впечатлѣніе, которое хочетъ произвести отчетъ, не вполне совпадаетъ съ впечатлѣніемъ, которое онъ на самомъ дѣлѣ производитъ. Господствующія его тѣмы—необходимость участія свѣтской власти въ борьбѣ съ иновѣріемъ и расколомъ, необходимость регулированія свыше, путемъ предписаній и равносильныхъ имъ „предложеній“, всей дѣятельности духовенства. Заключение, вытекающее изъ собранныхъ въ немъ данныхъ, говоритъ скорѣе въ пользу способности духовенства исполнить лежащую на немъ задачу собственными силами и по собственному почину. Результаты, достигнутые при такихъ условіяхъ, были бы, можетъ быть, менѣе блестящи, но за то болѣе реальны и болѣе прочны.

Правила о церковно-приходскихъ школахъ, утвержденныя 13 іюня 1884 г., подчинили духовенству такъ-называемую школу грамотности. Намъ случалось уже указывать на неудобства этого подчиненія, на отсутствіе, въ большинствѣ случаевъ, всякой живой связи между духовенствомъ и школами грамотности, тогда какъ сама жизнь начинала уже вырабатывать единеніе послѣднихъ съ земскою школою ¹⁾. Въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1883 годъ, т.-е.

¹⁾ См. Внутреннія Обозрѣнія въ №№ 5 и 9 „Вѣстника Европы“ за 1884 и въ № 8 за 1885 г.

за годъ, непосредственно предшествовавшій введенію въ дѣйствіе новаго закона о церковно-приходскихъ школахъ—частнымъ школамъ грамотности посвящено ровно двѣнадцать строкъ, и то лишь потому, что въ владимірской епархіи оказалось нѣсколько такихъ школъ, учрежденныхъ священниками. Интересно сопоставить съ этимъ свѣденіемъ о школахъ грамотности, собраннымъ петербургскимъ комитетомъ грамотности и обработаннымъ г. Бунаковымъ. 20 мая 1884 г., комитетъ обратился ко всѣмъ земскимъ управамъ имперіи съ просьбою сообщить ему, существуютъ ли въ ихъ вѣденіи школы грамотности, и если существуютъ, то сколько ихъ, какъ онѣ организованы, сколько въ нихъ учащихся, кто занимается въ нихъ преподаваніемъ, какое участіе въ устройствѣ и содержаніи ихъ принимаетъ земство и т. п. Отозвались на эту просьбу сто двадцать семь управъ и училищныхъ совѣтовъ. Значительное большинство отзывовъ заключаетъ въ себѣ отвѣтъ отрицательный, причемъ, однако, нѣкоторые земства сообщаютъ о мѣрахъ, принятыхъ ими съ цѣлью поощренія, на будущее время, школъ грамотности. Двѣ губернскія управы и одиннадцать уѣздныхъ управъ или училищныхъ совѣтовъ сообщили о существованіи, въ завѣдуемыхъ ими мѣстностяхъ, школъ грамотности, не пользующихся никакимъ содѣйствіемъ со стороны земства. Затѣмъ, изъ двадцати семи уѣздовъ доставлены свѣденія о школахъ грамотности, получающихъ поддержку отъ земства либо въ видѣ учебныхъ пособій, либо въ видѣ премій за каждаго ученика, обученнаго чтенію и письму, либо въ видѣ уплаты вознагражденія учителямъ. Въ пяти уѣздахъ между учителями школъ грамотности встрѣчаются лица духовнаго званія; въ одномъ уѣздѣ свѣденія о школахъ грамотности собирались земскою управою чрезъ священниковъ; въ одномъ уѣздѣ (валдайскомъ) архимандритомъ иверскаго монастыря, Амвросіемъ, пожертвовано 400 рублей на содержаніе школъ грамотности. Ошибочно было бы думать, что участіе земства (и инспекціи) въ школахъ грамотности ограничивалось тѣми двадцатью семью уѣздами, которые только-что упомянуты нами; мы не встрѣчаемъ между ними, напримѣръ, лужскаго уѣзда (петербургской губерніи), въ которомъ училищный совѣтъ еще до 1884 г. сталъ заботиться о школахъ грамотности и былъ остановленъ на этой дорогѣ только изданіемъ правилъ 13 іюня ¹⁾. Матеріальной поддержкой со стороны земства не исчерпывались пре-

¹⁾ Нельзя, вообще, не пожалѣть, что комитетъ грамотности удовольствовался группировкой свѣденій, полученныхъ имъ непосредственно отъ земствъ, и не обратилъ вниманія на другія данныя о школахъ грамотности, оглашенные инымъ путемъ,—напр., въ отчетахъ объ учительскихъ сѣздахъ лужскомъ и тверскомъ (см. Внутр. Обзоръ въ № 5 „Вѣст. Евр.“ за 1884 г.).

имущества прежней системы, позволявшей вводить школы грамотности, мало-по-малу, въ кругъ дѣйствій утилитичныхъ совѣтовъ и земскихъ собраній. Еще важнѣе было начинавшееся общеніе между земскими школами и школами грамотности. Оно устанавливалось само собою, безъ предписаній и понужденій, безъ всякаго формализма, благодаря тому простому факту, что учителями въ школахъ грамотности становились все чаще и чаще молодые крестьяне, окончившіе курсъ въ земской школѣ и сохранившіе живую связь съ своими бывшими учительницами или учителями. Особенно интересны свѣденія, сообщенныя по этому предмету изъ шадринскаго (пермской губерніи) уѣзда. Число школъ грамотности, въ концѣ 1882 г. не превышавшее здѣсь семи, въ 1884 г. возросло до сорока восьми; на каждую изъ нихъ земство ассигновало по 84 рубля, остальные расходы лежали на крестьянскихъ обществахъ. Наблюденіе за школами грамотности распредѣлялось между учителями и учительницами земскихъ школъ; такъ, напримѣръ, учительница земской школы въ селѣ Ольховскомъ завѣдывала, вмѣстѣ съ двумя своими помощницами, тремя школами грамотности, преподаватели которыхъ (двое молодыхъ людей и одна дѣвушка) учились передъ тѣмъ въ ольховской школѣ. Учительница ольховской школы составляла для всѣхъ трехъ школъ распредѣленіе занятій, съ указаніемъ матеріала для каждаго урока. Помощницы ея, еженедѣльно или одинъ разъ въ двѣ недѣли, ѣздили въ каждую изъ трехъ школъ для проверки, что и какъ сдѣлано въ школѣ, и сообщали учительницѣ о результатахъ проверки; въ случаѣ какихъ-либо затрудненій учительница ѣздила сама, чтобы поправить и направить дѣло. Кромѣ того, учитель дальней школы (въ 18 верстахъ отъ с. Ольховскаго)—черезъ двѣ недѣли, а учителя двухъ другихъ, болѣе близкихъ школъ—еженедѣльно пріѣзжали въ Ольховское, привозя съ собою, на просмотръ наблюдательницъ, всѣ письменныя работы учениковъ. Мы желали бы знать, вѣроятно ли установленіе такихъ отношеній между учителями школъ грамотности и преподавателями церковно-приходскихъ школъ, въ большинствѣ случаевъ педагогами *par ordre* и притомъ до крайности обремененными другимъ дѣломъ?.. О результатахъ порядна, сложившагося-было въ шадринскомъ уѣздѣ, и теперь, по всей вѣроятности, болѣе не существующаго, мы узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „учитель ичкинской школы грамотности (одной изъ тѣхъ, которыми завѣдывала учительница ольховской школы) занимается очень усердно, часто приходитъ въ школу раньше начала занятій и это время проводитъ среди учениковъ, что-нибудь имъ прочтеть, спросить о прочитанномъ, покажетъ что-нибудь интересное, займется съ отсталыми; наконецъ, и дома у него бываютъ ученики, а одинъ

изъ нихъ, бѣдный, почти жилъ у него. Крестьяне крайне хорошо относятся къ молодому учителю, вполне довѣряютъ ему своихъ дѣтей и не высказываютъ никакихъ неудовольствій“. Въ другой школѣ того же округа, вмокинской, дѣтей обучала пятнадцатилѣтняя дѣвушка, и ею крестьяне оставались также довольны, высказывали уваженіе и довѣряли ей. Она относилась къ своимъ занятіямъ серьезно и добросовѣстно; „единственный ея недостатокъ—что она не совсѣмъ ласкова къ дѣтямъ, обращается съ ними не грубо, но холодно, недоступно. За то она всегда съ достоинствомъ держитъ себя въ школѣ; нѣтъ въ ней заискиванія, суетливости, желанія скрыть неуспѣхъ; въ присутствіи наблюдательницы она предоставляетъ учениковъ самимъ себѣ, хорошо сознавая, что все сдѣланное и несдѣланное должно быть показано такъ, какъ оно есть“. Учитель третьей школы оказался неудачнымъ—но при живомъ отношеніи наблюдательницъ къ добровольно принятой на себя задачѣ онъ, очевидно, долженъ былъ либо измѣниться къ лучшему, либо уступить мѣсто другому... Въ валдайскомъ уѣздѣ (новгородской губерніи) наблюденіе за школами грамотности приняло другую форму; оно было поручено особому „передвижному учителю“, приглашенному земствомъ специально для этой цѣли и переѣзжавшему изъ одной школы въ другую. По отзыву управы, онъ вполне оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Въ двѣнадцати школахъ грамотности валдайскаго уѣзда учителями состояли окончившіе курсъ въ двухклассныхъ училищахъ. Въ казанскомъ уѣздѣ усилія учителей земскихъ школъ, руководимыхъ инспекторомъ народныхъ училищъ, были направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на школы грамотности, хотя бы преподаваніе въ послѣднихъ велось и не бывшими учениками земскихъ школъ... Не слѣдуетъ забывать, что возможность воздѣйствія на школы грамотности возникла, для земства и для инспекціи, только въ 1882 г., послѣ извѣстнаго циркуляра министра народнаго просвѣщенія (барона Николаи), признаваго за школами грамотности право на существованіе. Если въ такой короткій срокъ сдѣлано было, сравнительно, такъ много, то въ ближайшемъ будущемъ можно было бы ожидать весьма крупныхъ и цѣнныхъ результатовъ; нужно было только не мѣшать свободно начавшемуся движенію, предоставивъ духовенству и церковно-приходскимъ школамъ присоединяться къ нему добровольно, на равныхъ правахъ съ учебнымъ вѣдомствомъ, частными лицами и земствомъ. Мы видѣли уже, что случаи такого присоединенія встрѣчались, что духовенство являлось кое-гдѣ нѣкоторымъ посредникомъ между земствомъ и школами грамотности. Теперь оно сдѣлалось начальникомъ послѣднихъ—и отъ него зависитъ не только не допускать, на будущее время, общенія

между ними и свѣтскимъ школьнымъ міромъ, но и прервать это общеніе, гдѣ оно уже установилось.

Со времени введенія въ дѣйствіе податной инспекціи, прошло уже около полугодя. Нельзя не пожелать, чтобы департаментъ окладныхъ сборовъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ другихъ учреждений министерства финансовъ, обнародовалъ какъ можно скорѣе подробныя свѣденія о дѣятельности податныхъ инспекторовъ. Только тогда можно будетъ съ точностью опредѣлить, съ одной стороны, причины противодѣйствія, встрѣченнаго мыслью о податной инспекціи еще до осуществленія ея на практикѣ, съ другой стороны, объемъ и важность задачи, возложенной на инспекцію. Намѣреніе законодательной власти несомнѣнно клонилось не къ тому, чтобы увеличить на нѣсколько сотъ человѣкъ армію чиновниковъ, сидящихъ на одномъ мѣстѣ и пишущихъ безконечное число „бумагъ“, а къ тому, чтобы сблизить управление съ жизнью, чтобы создать запасъ свѣденій, почерпаемыхъ изъ первыхъ рукъ и могущихъ служить надежнымъ основаніемъ административныхъ распоряженій. Такимъ образомъ понятое, призваніе податныхъ инспекторовъ рѣзко отличается отъ нашего обычнаго бюрократическаго строя и представляетъ множество затрудненій, усиливаемыхъ тѣми предрасудками и предубѣжденіями, образцы которыхъ мы видѣли въ отзывѣхъ консервативной печати и „мѣстныхъ дѣятелей“ кахановской комиссіи. Весьма интересно будетъ узнать, какъ податная инспекція справляется съ этими затрудненіями. Многое зависитъ здѣсь, конечно, отъ личнаго ея состава. Мы слышали, что большинство назначенныхъ до сихъ поръ инспекторовъ (около 52%) лица, получившія высшее образованіе; это—пропорція, сравнительно, довольно благопріятная и позволяющая ожидать хорошихъ результатовъ. Мы слышали также, что во многихъ мѣстахъ, напр., въ столицахъ—учрежденіе податной инспекціи отозвалось уже теперь болѣе исправнымъ поступленіемъ сбора за право торговли, такъ что значительная часть расходовъ на податную инспекцію покроется, быть можетъ, увеличеніемъ дохода по одной только этой бюджетной статьѣ. Въ непродолжительномъ времени слѣдуетъ ожидать передачи въ вѣденіе податной инспекціи взиманія сбора съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами. Теперь взиманіе этого сбора производится судебною властью, имѣющею въ своемъ распоряженіи весьма мало способовъ повѣрки сдѣланнаго наслѣдниками расчета. Если прибавить къ этому господствующую роль, принадлежащую податнымъ инспекторамъ въ исчисленіи раскладочнаго сбора, то существованіе податной инспекціи представляется уже теперь вполне

оправданнымъ, помимо возможнаго ея участія въ взиманіи окладныхъ сборовъ, помимо необходимости ея для установленія подоходнаго налога. Податная инспекція можетъ оказать большія услуги и казнѣ, и земству, содѣйствіемъ къ розысканію имуществъ, ускользающихъ отъ обложенія поземельнымъ налогомъ и земскимъ сборомъ. Число такихъ имуществъ особенно велико въ губерніяхъ, гдѣ не введены въ дѣйствіе земскія учрежденія. Въ сенатѣ разсматривалось недавно дѣло одного изъ крупныхъ землевладѣльцевъ западныхъ губерній, платившаго поземельный налогъ, много лѣтъ сряду, съ нѣсколькихъ сотъ десятиныхъ земли, вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ, только потому, что въ окладной книгѣ когда-то была сдѣлана ошибочная отмѣтка. Ошибка долго оставалась нераскрытой—и землевладѣлецъ спокойно пользовался ею, отлично зная, что ему слѣдовало бы платить чуть ли не въ тридцать или сорокъ разъ больше. Предупрежденіе подобныхъ случаевъ зависитъ теперь отъ податной инспекціи, и этимъ обусловливается, отчасти, ея непопулярность въ извѣстныхъ сферахъ.

Стремленіе сообщить податной инспекціи характеръ по возможности не канцелярскій отразилось, между прочимъ, въ учрежденіи путевыхъ журналовъ, которые долженъ вести каждый инспекторъ. Въ этомъ журналѣ означаются мѣста, посѣщенные инспекторомъ, дѣйствія, имъ совершенныя, и свѣденія, имъ собранныя. Само собою разумѣется, что однихъ виѣшнихъ понужденій къ развѣдамъ недостаточно для достиженія цѣли; но необходимо было подчеркнуть съ самаго начала обязанность инспекторовъ знакомиться *de visu* съ мѣстностью, имъ ввѣренной, съ положеніемъ промышленности и торговли, съ платежными силами крестьянства. Податные инспектора, по смыслу инструкціи, имъ данной, являются не только оберегателями казеннаго интереса, но и охранителями интересовъ населенія. Въ своихъ годовыхъ отчетахъ они должны не только опредѣлять степень успѣшности поступленія казенныхъ сборовъ, но и объяснять, обеспечены ли крестьяне хлѣбомъ для продовольствія и для обсемененія полей; они должны собирать свѣденія объ основаніяхъ разверстки сельскими обществами казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ, о передѣлахъ мірской земли, о мірскихъ расходахъ и сборахъ, о семейныхъ раздѣлахъ, о переселеніяхъ и т. п. Опасаться можно только одного—чтобы исполненіе столь сложной и широкой программы не оказалось превышающимъ силы отдѣльнаго лица. Инымъ инспекторамъ подвѣдомственны два уѣзда, т.-е. такая обширная территория, въ каждомъ уголѣ которой невозможно побывать хотя бы однажды въ годъ. Почти неисполнимой задачей представляется даже основательное изученіе одного уѣзда, особенно въ губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ. Между тѣмъ, назначеніе въ каждый уѣздъ по

нѣскольку податныхъ инспекторовъ повлекло бы за собою слишкомъ большое обремененіе государственнаго бюджета. Лучшимъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія представлялось бы, какъ намъ кажется, то самое средство, о которомъ мы говорили при разборѣ закона о фабричной инспекціи и первыхъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ ¹⁾. Это средство—участіе въ работахъ податной инспекціи добровольцевъ изъ среды земскаго и городского самоуправления, земскихъ врачей, народныхъ учителей и т. п. Отвѣтственность за точность свѣдѣній лежала бы на одномъ инспекторѣ, ему одному принадлежало бы право служебныхъ распоряженій, но онъ могъ бы образовать вокругъ себя цѣлый штатъ сотрудниковъ, ничего или почти ничего нестоющихъ казнѣ. Конечно, это возможно только при живомъ отношеніи инспекторовъ къ ввѣренной имъ задачѣ—но безъ такого отношенія вся дѣятельность инспекціи останется безплодной, или войдетъ въ общую колею бюрократизма. Современемъ помощниками инспекціи могли бы явиться и органы преобразованнаго мѣстнаго самоуправления — волостные старшины, участковые или волостели; но помощь, идущая съ этой стороны, можетъ быть цѣнной только при отсутствіи въ мѣстномъ самоуправленіи преобладающаго сословнаго элемента. Въ противномъ случаѣ, союзники податной инспекціи скоро оказались бы ея противниками, или самая инспекція сбилась бы съ дороги, указанной ей законодателемъ.

Заключимъ наше обозрѣніе двумя извѣстіями утѣшительнаго свойства.—Въ началѣ 1886—87 учебнаго года предполагается открыть въ Томскѣ сибирскій университетъ, на первый разъ—въ составѣ двухъ факультетовъ, историко-филологическаго и физико-математическаго. Постройка зданій, въ которыхъ онъ будетъ помѣщаться, почти приведена къ концу. Такъ какъ число оканчивающихъ курсъ въ сибирскихъ гимназіяхъ весьма незначительно (въ 1884 г., напримѣръ, ихъ было только 66), то доступъ въ сибирскій университетъ предполагается открыть и для воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ по первому разряду. Другое проситруемое отступленіе отъ общаго университетскаго устава, столь же необходимое, какъ и первое, заключается въ томъ, что для опредѣленія въ профессора сибирскаго университета не требуется безусловно докторская степень. Остается только пожелать, чтобы изъ двухъ открываемыхъ теперь факультетамъ присоединились какъ можно скорѣе и два другіе: медицинскій и юридическій.—Въ области судебнаго

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1882, и въ № 11 за 1884 г.

Вѣдомства обращаетъ на себя вниманіе представленіе новаго министра юстиціи объ увеличеніи средствъ, ассигнуемыхъ на расходы по составленію гражданскаго, уголовнаго и торговаго уложеній. Оно служитъ ручательствомъ въ томъ, что перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи не отразится неблагопріятно на ходѣ дѣла, въ высшей степени важнаго, но не всѣмъ одинаково сочувственнаго. Гласно, до сихъ поръ, никто, кажется, не возражалъ противъ пересмотра гражданскихъ законовъ, но это еще не значитъ, чтобы его необходимость ни съ чьей стороны не подвергалась сомнѣнію и спору.

РЕДАКЦИОННАЯ ЗАМѢТКА.

Нашимъ явѣдникамъ въ Москвѣ.

Лѣтомъ прошлаго года, одинъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ напечаталъ записку московскаго генераль-губернатора, графа Закревскаго: „о разныхъ неблагонамѣренныхъ толкахъ и неблагонамѣренныхъ людяхъ“, представленную куда слѣдуетъ, въ 1858 или 1859 г., вмѣстѣ съ „спискомъ подозрительныхъ людей въ Москвѣ“. Познакомившись съ этими любопытными документами ¹⁾, мы тогда еще замѣтили, что тенденція, въ нихъ выразившаяся, жива до сихъ поръ; измѣнились или усложнились только оспособы и формы ея проявленія. Мѣсто регулярной бюрократической арміи заняли добровольцы; продолженіе труда, брошеннаго, быть можетъ, канцеляріями, вали на себя нѣкоторые органы печати. Фактами, подтверждающими нашу мысль, истекшее полугодіе было чрезвычайно богато; но яркостью окраски ни одинъ изъ нихъ не превосходитъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей“, направленной—въ началѣ февраля—противъ январской книжки нашего журнала, вышедшей за мѣсяць передъ тѣмъ,—а слѣдовательно—статьи, написанной неторопливо.

Когда, въ 50-хъ годахъ, московскій „паша“, цѣпляясь за власть, начинавшую ускользать изъ его рукъ, и пытался укрѣпить ее за собою возбужденіемъ ложныхъ страховъ, причислялъ къ „подозрительнымъ

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1886 г.

людямъ" гг. Ансакowychъ и Каткова, и объявлялъ Ю. О. Самарина, вмѣстѣ съ Погодинымъ и г. Кокоревымъ, „желающимъ безпорядковъ и на все готовымъ“, онъ высказывалъ сужденія, лишеныя всякаго разумнаго основанія, но не сочинялъ для нихъ мнимо-фактическихъ доказательствъ. Его преемники въ печати менѣе деликатны; если выводы обвинительнаго акта, составленнаго ими противъ „Вѣстника Европы“, представляютъ большое сходство съ „обличеніями“ графа Закревскаго, то орудіемъ обвиненія является на каждомъ шагѣ то подтасовка цитатъ, то искаженіе мысли противника. Разбирая два несимпатичныхъ намъ типа административной реформы—бюрократическій и сословный,—мы выразили мнѣніе, что первый изъ нихъ, т.-е. бюрократическій, былъ бы меньшимъ зломъ, сравнительно съ послѣднимъ. Подъ рукою „Московскихъ Вѣдомостей“ это мнѣніе превращается въ анархическую формулу: „правительство есть несомнѣнное зло“. Итакъ, правительство и бюрократическій строй мѣстнаго управленія—это одно и то же? Не одобрять всевластія губернаторовъ и исправниковъ—значитъ проповѣдывать безвластіе и безначаліе?.. Линія „возвращенія правительства“, или „линія преобразованій наоборотъ“, отождествляется московской газетой съ линіей правительственной schlechthin, послѣ чего намъ приписывается мысль о противоположности этой линіи съ „линіей благосостоянія народа“. Съ помощью такихъ переделокъ мы оказываемся виновными въ провозглашеніи слѣдующаго тезиса: „тѣмъ лучше правительство исполняетъ свои обязанности, тѣмъ хуже для благосостоянія народа“. Отсюда только одинъ шагъ до причисленія нашего журнала къ органамъ партіи упраздненія правительства—и „Московскія Вѣдомости“ дѣлаютъ этотъ шагъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, не было такихъ мудреныхъ словечекъ, какъ упраздненіе правительства; тогда мнимые упразднители, въ родѣ Погодина, назывались „людьми, желающими безпорядковъ и на все готовыми“. По отношенію къ терминологіи,—но только по отношенію къ ней—между графомъ Закревскимъ и редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“ существуетъ безспорное различіе. Мы ошибаемся, впрочемъ; между ними есть еще одна разница, не особенно выгодная для продолжателей „обличеній“. Въ „спискѣ подозрительныхъ людей“ у гр. Закревскаго не было намековъ, не было попытокъ „чтенія мыслей“; „Московскія Вѣдомости“, цитируя сказанное нами объ утолщеніи правительственной линіи ¹⁾, прибавляютъ отъ себя — въ

¹⁾ Теченія, борющіяся между собою, были представлены нами въ видѣ линій на воображаемой графической таблицѣ, а потому никакихъ „экивоковъ“ не могло тамъ быть: они родились уже въ головѣ редакціи „Москов. Вѣдом.“

скобкахъ: „ужъ это не игра ли словъ?“ Со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ подобныя полемическіе приемы насъ не удивляютъ; но, признаваясь, мы были непріятно изумлены, встрѣтивъ перепечатку указаннаго нами мѣста—съ сочувственнымъ отзывомъ—въ одной изъ петербургскихъ газетъ, именно, въ послѣднее время начинавшей, по-видимому, освобождаться изъ-подъ власти „Московскихъ Вѣдомостей“. Съ гораздо болѣе крупнымъ тактомъ поступила другая петербургская газета, также далеко не расположенная въ нашу пользу; она не только не воспроизвела у себя измышленной инсинуаціи, украшающей столбцы московской газеты, но прямо констатировала искаженіе ею нашей основной мысли.

Чуждыми криминальной тенденціи, но не менѣе грубыми, представляются манипуляціи, произведенныя „Московскими Вѣдомостями“ надъ статьей г. Арсеньева о французской адвокатурѣ. Все сказанное авторомъ о слабыхъ сторонахъ французской адвокатуры толкуется такъ, какъ будто бы оно должно было раскрыть и обнаружить ея силу. Ироническое замѣчаніе автора („читая Лашо, начинаешь приходить къ убѣжденію, что лучшихъ людей Франціи нужно искать на скамьѣ подсудимыхъ“) понимается буквально; авторъ говоритъ, что „дѣланый паеосъ“ французскихъ адвокатовъ возбуждаетъ въ русскомъ читателѣ или слушателѣ „невольную улыбку“, — а его громить за то, что съ этой „невольной улыбкой“ онъ относится ко всей фальши и лжи французскихъ уголовныхъ защитъ! Намѣреніе автора было совершенно ясно; онъ хотѣлъ показать, что сила французской адвокатуры заключается въ тщательной профессиональной подготовкѣ, въ упорномъ трудѣ, въ правильныхъ отношеніяхъ защиты къ обвиненію, адвокатовъ къ прокурорамъ, судьямъ и другъ къ другу—а ему приписываютъ желаніе превознести все то, что онъ прямо называлъ оборотною стороною медали (стр. 276). Дальше этого безцеремонность идти не можетъ; недоразумѣніе слишкомъ велико, чтобы быть ненамѣреннымъ. Кто замолвилъ слово за самостоятельность и независимость адвокатуры, тотъ поставилъ себя, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, внѣ покровительства закона; противъ него позволительно пустить въ ходъ всякія средства. Опровергать скучно, трудно, да и не всегда возможно; гораздо проще что-нибудь сочинить, рассчитывая на легковѣріе читателей—особенно читателей предубѣжденных...

Къ статьѣ г. Слабичевского примѣненъ тотъ же приемъ цитаты, передающихъ, въ другомъ освѣщеніи, половину авторской мысли; остальная половина придѣлывается, затѣмъ, свободной фантазіей противника. Выписывается, напримѣръ, фраза о „барышняхъ-недо трогахъ“, но умалчивается замѣчаніе автора о „безсердечіи, скрывавшемся подъ мнимыми цѣломудріемъ и нравственностью“ этихъ

недотрогъ; выписывается фраза о возвращеніи бѣжавшей барышни „совершенно другимъ человекомъ“, но умалчивается окончаніе ея разъясняющее сущность происшедшаго въ барышнѣ переворота. Этимъ путемъ можно доказать что угодно, обвинить кого угодно и въ чемъ угодно. Въ доброе старое время, когда все благопріятствовало процвѣтанію ябеды, она выработала для себя двѣ формы или ступени. Одни ябедники, болѣе умѣренные, упражнялись въ крючкотворствѣ надъ дѣйствительными фактами, примѣняя къ нимъ вкривь и вкось существующіе законы—законы сбивчивые, противорѣчивые, не разъясненные ни наукой, ни судебной доктриной. Другіе, не пренебрегая и этимъ искусствомъ, смѣшивали вымыселъ съ дѣйствительностью, выдумывали факты и затѣмъ уже рассматривали ихъ сквозъ призму подъяческаго камузничества. Ябедники современной печати принадлежать къ послѣдному разряду. Достаточно широкимъ поприщемъ дѣятельности могло бы служить для нихъ уже одно освѣщеніе взглядовъ, проводимыхъ литературными ихъ врагами; переворачивая эти взгляды во всѣ стороны, подвергая ихъ строгой полицейской повѣркѣ, доводя ихъ до абсурда, извлекая изъ нихъ вовсе не обусловливаемые ими выводы, можно было бы удовлетворить самымъ рьянымъ обвинительнымъ инстинктамъ, сплести изрядную сѣть для уловленія, при случаѣ, преслѣдуемой добычи. Но нѣтъ, ябедникамъ этого мало; торопясь и усердствуя черезъ мѣру, они добавляютъ къ сказанному—несказанное; замѣняютъ реальное—небывалымъ, или соединяютъ то и другое въ такую амальгаму, разложеніе которой на составныя части не всякому по силамъ. Объясняется этотъ избытокъ рвенія, какъ намъ кажется, тѣмъ, что остріе новѣйшей ябеднической полемики обращено не противъ мнѣній, а противъ лицъ, физическихъ или юридическихъ, единичныхъ или коллективныхъ. Ея главная цѣль—не обнаружить несостоятельность ученія, а повредить его приверженцамъ, упразднить созданное имъ учрежденіе, уничтожить защищающій его журналъ. Отсюда ожесточенность натиска, отсюда неразборчивость въ выборѣ средствъ, отсюда argumenta ad hominem, инсинуаціи и выдумки... Полемика противъ „Вѣстника Европы“ — только одна изъ многихъ, отличающихся этими свойствами; припомнимъ послѣднія выходы „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ сибирской журналистики, припомнимъ давнишнюю и упорную ихъ борьбу противъ одного административнаго вѣдомства—борьбу, отголоски которой слышатся и въ нападеніяхъ на нашъ журналъ. Къ длинному ряду однородныхъ явленій присоединилось на дняхъ еще одно, весьма характеристичное. Года два тому назадъ, когда въ государственномъ совѣтѣ обсуждался университетскій уставъ, и эта работа подвигалась впередъ не такъ легко и быстро, какъ хотѣли бы „Московскія Вѣ-

домости", газета г. Каткова, предприняла кампанію противъ „игры въ парламентъ, въ большинство или меньшинство"; она возстала противъ „соглашеній, которыя иногда портятъ законъ", и признала нужнымъ объявить, что государственный совѣтъ не составляетъ „политической индивидуальности, организованнаго собранія", что народу нѣтъ дѣла до „изволенія неизвѣстныхъ ему генераловъ". Теперь эта кампанія возобновляется. Поводомъ къ тому служить „взятіе назадъ закона о семейныхъ раздѣлахъ, который два раза восходилъ до государственнаго совѣта и все-таки не удостоился утвержденія". „Остается надѣяться, — продолжаетъ петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей", — что въ вопросахъ, предстоящихъ на ближайшей очереди, высшее государственное учрежденіе отнесется милостивѣе" (а на очереди стоятъ, какъ мы узнаемъ изъ той же корреспонденціи, правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ). Затѣмъ идетъ длинная іереміада противъ „начальныхъ приѣмовъ нашей законодательной техники". Оставляя подробный ея разборъ до другого случая, замѣтимъ только, что и здѣсь „Московскія Вѣдомости" не обошлись безъ искаженія фактовъ. Онѣ увѣряютъ, что за десятилѣтній періодъ времени, совпадающій съ министерствомъ генерала Тимашева (1868—78), „не припомнятъ случая, гдѣ бы не было утверждено мнѣніе большинства" (государственнаго совѣта). А уставъ классическихъ гимназій, относящійся именно къ началу семидесятыхъ годовъ? Развѣ за него высказалось большинство государственнаго совѣта? Не странно ли, что ошибка допущена относительно такого факта, который лучше всѣхъ другихъ долженъ быть памятенъ „Московскимъ Вѣдомостямъ"?..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1886 г.

Утомительныя дѣла на Востокъ. — „Маленькіе Бисмарки“ въ Сербіи. — Внутренняя политика германскаго канцлера. — Примиреніе съ партією центра и война съ поляками. — Австрійскія дѣла. — Случай съ барономъ Пино. — Уличные безпорядки въ Лондонѣ.

Нужно быть очень большимъ любителемъ дипломатіи, чтобы слѣдить терпѣливо за всѣми отбѣнками балканскихъ событій въ послѣдніе два-три мѣсяца. Чего хочетъ правительство Сербіи, побитое, но не побѣжденное болгарами? На что надѣются „государственные люди“, руководимые королемъ Миланомъ? Какими нотами обѣиваются съ великими державами кабинеты Греціи, Болгаріи и Турціи? Все это занимало общественное мнѣніе Европы въ той мѣрѣ, въ какой вообще обязательно интересоваться восточнымъ вопросомъ; но на этотъ разъ подробности совершающихся перемѣнъ и переговоровъ тянулись столь вяло и монотонно, что даже самые завзятые дипломаты европейской печати стали обнаруживать равнодушіе къ дѣламъ и дѣятелямъ Востока и нѣкоторое утомленіе.

Особенно неприятное чувство возбуждаетъ образъ дѣйствій „маленькихъ Бисмарковъ“, окружающихъ короля Милана; эти неудавшіеся честолюбцы съ комическою важностью повторяютъ надменные фразы знаменитаго канцлера, упорно толкуютъ о политикѣ крови и желѣза, о великихъ національных задачахъ, о самоотверженіи націи, о своемъ возвышенномъ патріотическомъ призваніи, — какъ будто въ распоряженіи ихъ находится не маленькое королевство, побитое болгарами, а могущественное государство съ самостоятельными силами и средствами. Слѣпое подражаніе берлинскому образцу отозвалось самымъ разорительнымъ образомъ на внутреннихъ и внѣшнихъ интересахъ Сербіи; небольшая страна подавлена непосильными налогами и долгами; населеніе, нѣкогда зажиточное и трудолюбивое, превратилось въ бѣдную, безправную массу въ рукахъ многочисленнаго чиновничества, пронизвутаго бѣлградскими идеями высшей политики; всѣ говорятъ отъ имени народа, но никто не считаетъ долгомъ сойти къ его дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ. Князь Бисмаркъ, опираясь на свое исключительное положеніе признаннаго политическаго гения, отрицаетъ права парламента и видитъ „враговъ имперіи“ въ рядахъ оппозиціи; поэтому и Гарашанинъ, заявившій

себя только безцѣльною воинственностью и пагубнымъ самообообще-
ніемъ, смѣло объявляетъ государственною измѣною всякое публично-
выраженное несогласіе съ его взглядами. Князь Бисмаркъ смѣется
надъ сантиментальными чувствами, когда дѣло идетъ о политиче-
скихъ цѣляхъ; поэтому и совѣтники Милана рисуются своимъ без-
душнымъ отношеніемъ къ жертвамъ ихъ нелѣпой предприимчивости.
Князь Бисмаркъ ни предъ чѣмъ не отступаетъ при осуществленіи
своихъ плановъ; такъ же точно и Гарашанинъ стоитъ твердо, какъ
скала, среди неудачъ и бѣдствій, не обращая вниманія ни на на-
родъ, ни на Европу. Сербскіе патріоты довели до смѣшного своимъ
усиліямъ копировать Бисмарка, не имѣя ни одного изъ его достоинствъ
и талантовъ; они забыли старую пословицу: „quod licet Jovi, non
licet bovi“. Къ сожалѣнію, то, что только смѣшно для постороннихъ
зрителей, оказывается губительнымъ для страны, надъ которою про-
изводятся подобные опыты. Можно было рассчитывать, что періодъ
ослѣпленія прошелъ послѣ битвъ подъ Сливницею и Пиротомъ, что
„государственные люди“ отрезвились при видѣ напрасно пролитой
крови и что они постараются загладить свои прошлые грѣхи; ни-
чуть не бывало: они, напротивъ, поразили всѣхъ своею невозмуща-
емостью и продолжали говорить тономъ побѣдителей о своихъ даль-
нѣйшихъ требованіяхъ и намѣреніяхъ. Сербія, избавленная отъ раз-
грома вмѣшательствомъ Австріи, усиленно вооружалась для новой
кампаніи; король Миланъ обвинялъ всѣхъ и каждого, кромѣ са-
мого себя и своихъ совѣтниковъ, — онъ порицалъ и лорда Сольс-
бюри, и болгарскую армію, и турецкаго султана, и даже графа Ке-
венгюллера, остановившаго наступленіе „непріятеля“. Послѣ заклю-
ченія перемирія, сербскіе дипломаты безконечно затягивали перегово-
ры о мирѣ, ставили свои невыполнимыя условія, постоянно грозили
войною и самоувѣренно отклоняли совѣты великихъ державъ, — хотя
прежняя надежда на содѣйствіе австрійцевъ не могла уже имѣть
мѣста.

Тѣмъ временемъ Болгарія вступила въ особое соглашеніе съ Пор-
тою относительно Восточной Румелии; князь Александръ также думалъ
обойтись безъ участія и помощи извнѣ, посредствомъ ловко подго-
товленныхъ комбинацій, — но сила вещей взяла свое, и турецко-бол-
гарское соглашеніе должно было подвергнуться существенной пере-
дѣлкѣ, по желанію Россіи, въ интересахъ самихъ болгаръ. Возмож-
ность отдачи болгарскаго войска въ распоряженіе султана была спра-
ведливо признана опасною для будущаго, и этотъ пунктъ состояв-
шейся сдѣлки былъ, повидимому, устраненъ протестомъ русской дипло-
матіи. Во всякомъ случаѣ, согласіе Порты на присоединеніе румелий-
ской области къ Болгаріи въ той или другой формѣ сдѣлалось со-

вершившимся фактомъ, и Сербія лишилась предлога для возраженія и внимательства: вмѣсто болгарскаго княжества, пришлось бы уже имѣть дѣло съ Турціею. Король Миланъ ждалъ откуда-то поддержки, и его храбрые министры не унывали; они весьма неохотно послали уполномоченнаго въ Бухарестъ для мирныхъ совѣщаній съ представителями султана и князя Александра. Сербскіе дѣятели не могутъ отказаться отъ мысли, что задуманный ими походъ на Софію не удался только по случайнымъ причинамъ, и что предпріятіе, повторенное вновь при лучшихъ условіяхъ, подъ руководствомъ болѣе опытнаго генерала, могло бы имѣть желанный успѣхъ. А успѣхъ, каковъ бы онъ ни былъ и какъ бы дорого ни обошелся странѣ, необходимъ для правителей Сербіи: имъ нужно сохранить свое положеніе, свой авторитетъ и „престижъ“ въ глазахъ жителей Бѣлграда. Пренебрегая реальною опорою въ чувствахъ и интересахъ народа, они думаютъ создать для себя искусственныя подпорки посредствомъ новой группировки политическихъ партій; а партій у сербовъ нисколько не меньше, чѣмъ во Франціи, хотя у нихъ нѣтъ ни парламента, ни свободы печати, ни самостоятельной общественной жизни. Министры и ихъ приверженцы причисляютъ себя почему-то къ прогрессистамъ; они думаютъ сойтись съ радикалами и съ консерваторами одновременно, образовать коалиціонное министерство и, такимъ способомъ, надолго обезпечить прочность власти. Но какъ добиться этого результата безъ нѣкотораго подобія возмездія за Сливницкія неудачи? Какъ устранить возрастающее неудовольствіе населенія, доведеннаго, во многихъ мѣстностяхъ, до нищеты? Для недовольныхъ существуютъ суровыя кары и тюрьмы; но эти мѣры примѣнимы лишь къ отдѣльнымъ случаямъ явной оппозиціи, подводимой подъ понятіе бунта, и въ этой сферѣ совѣтники короля Милана дѣйствуютъ съ необычайнымъ усердіемъ. Послѣдній шансъ—поправить внѣшнія дѣла дипломатическимъ путемъ—становится все менѣе вѣроятнымъ; Австрія применила къ политикѣ сосѣднихъ двухъ имперій, и сербскій делегатъ Митовичъ, ведущій переговоры въ Бухарестѣ, долженъ полагаться только на свое собственное искусство, спеціально усовершенствованное имъ въ Лондонѣ, благодаря сношеніямъ съ лордомъ Сальсбюри и съ англійскою печатью. Нѣтъ сомнѣнія, что миръ не будетъ нарушенъ сторонами, даже еслибы заключеніе мирнаго трактата встрѣтило какія-либо преграды; великія державы не могутъ допустить новое кровопролитіе со стороны Сербіи или Болгаріи, въ то время, какъ употребляется столько усилій для удержанія Греціи отъ рискованнаго шага. Малѣйшая вспышка на Балканскомъ полуостровѣ можетъ теперь привести къ пожару, котораго всѣ такъ боятся въ Европѣ; попытка той или другой народности приступить къ раздѣлу

турецкаго наслѣдства неминуемо вызвала бы войну, въ которую рано или поздно выѣпались бы могущественныя европейскія государства. Къ подобному возбужденію восточнаго вопроса не подготовлены ни правительства, ни народы заинтересованныхъ державъ, и вотъ почему сербы, какъ и греки, должны отложить свои планы до другого времени. Король Миланъ поневолѣ останется при своемъ теперашнемъ „престижѣ“, и потребуетъ много лѣтъ добросовѣстной внутренней работы, чтобы исправить зло, надѣланное сербскими подражателями Бисмарка.

Князь Бисмаркъ не виноватъ, разумѣется, въ томъ, что у него есть неразумные подражатели; онъ меньше всего повиненъ въ заблужденіи тѣхъ, которые не видятъ въ немъ никакихъ другихъ качествъ, кромѣ самоувѣренности, презрѣнія къ людямъ и неразборчивости въ средствахъ. Но онъ создалъ школу, которая долго еще будетъ давать себя чувствовать не только въ Германіи, но и за предѣлами ея. Глубокая, почти фанатическая преданность идеѣ національнаго единства и могущества получаетъ у него характеръ какой-то безпощадной прямолинейной силы, предъ которой исчезаетъ все остальное; чувство человѣчности совершенно вычеркивается изъ области политики; благосостояніе народа, его общественная жизнь и его нравственныя потребности подчинены безусловно внѣшнимъ интересамъ государства. Желѣзное зданіе государственнаго величія подавляетъ страну своею тяжестью; крайняя односторонность воздвигнутой системы чувствуется на каждомъ шагѣ и вызываетъ хроническіе недуги, истощающіе націю; но очень немногіе признаются въ этомъ, изъ опасенія навлечь на себя подозрѣніе въ недостаткѣ патріотизма. Прежде патріотизмъ означалъ любовь къ отечеству въ широкомъ смыслѣ этого слова, — любовь къ своему народу, къ родному языку, къ родной странѣ, къ ея политическимъ и общественнымъ идеаламъ; теперь онъ служилъ до степени формальной преданности цѣлямъ государства, преимущественно въ дѣлахъ внѣшнихъ, международныхъ. Кто мечтаетъ о расширеніи территоріи, о побѣдахъ надъ сосѣдями и соперниками, о битвахъ и подвигахъ, хотя бы никому не нужныхъ, объ изгнаніи или истребленіи иностранцевъ, — тотъ считаетъ себя несомнѣннымъ патріотомъ; а кто предпочитаетъ спокойное развитіе народной жизни, возвышеніе общаго благосостоянія, умственные и нравственные успѣхи общества, тотъ признается чуждымъ патріотизма. Не можетъ быть настоящимъ патріотомъ человѣкъ, доступный чувству справедливости и гуманности относительно другихъ народностей. Князь Бисмаркъ очень много содѣйствовалъ установленію такого узкаго и невѣрнаго пониманія любви къ отечеству. Это пониманіе господствуетъ въ значительной

части Германіи, гдѣ культъ внѣшней силы проповѣдуется въ учебникахъ и съ кафедры; государство разсматривается какъ исключительный предметъ поклоненія и самоотверженія патриотовъ, точно народъ самъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны. Увлеченіе государственнымъ всемогуществомъ объясняется отчасти новостью имперской идеи для нѣмцевъ; создавъ имперію цѣною тяжкихъ жертвъ, они особенно дорожатъ своимъ національнымъ единствомъ и готовы отречься отъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы для поддержанія этой политической идеи. Но пройдетъ время, и германская имперія не будетъ болѣе нуждаться въ постоянной тревожной охранѣ; военныя и политическія дѣла утратятъ свой жгучій оттѣнокъ; національное единство найдетъ свое выраженіе въ свободномъ внутреннемъ развитіи всѣхъ частей германскаго народа, при свѣтѣ общей науки и подъ покровительствомъ общихъ законовъ. Свора ли наступитъ эта пора для Германіи — сказать трудно. Люди съ трудомъ измѣняютъ разъ усвоенныя взгляды и привычки; не скоро измѣнится и нынѣшнее понятіе о патриотизмѣ, усердно поддерживаемое школою князя Бисмарка. Многіе искренно убѣждены, что патриотизмъ лорда Биконсфильда или Сольсбюри гораздо выше патриотизма Гладстона, такъ какъ первые хлопотали о внѣшнихъ приобрѣтеніяхъ, а послѣдній стремился къ внутреннимъ улучшеніямъ. Заслуги военныя и политическія болѣе доступны общей оцѣнкѣ, чѣмъ сложныя общественныя реформы; присоединеніе Кипра помятно всѣмъ, тогда какъ земельный ирландскій билль есть величина неопредѣленная, ничего не говорящая воображенію. Потери сотенъ и тысячъ жизней на войнѣ оправдываются, въ глазахъ публики, какихъ-нибудь сомнительнымъ выигрышемъ; а хорошій законъ, не требующій никакихъ жертвъ, ставится ниже малѣйшей кровавой побѣды, давшей случай отличиться нѣкоторымъ честолюбивымъ и храбрымъ людямъ. Гладстонъ не выигрывалъ сраженій; онъ рѣдко имѣлъ успѣхъ въ дипломатическихъ предпріятіяхъ и всю свою силу прилагалъ къ разрѣшенію внутреннихъ вопросовъ Англіи, мало заботясь о дѣлахъ внѣшнихъ, — и тѣмъ не менѣе никто не усомнится сказать, что нѣтъ болѣе горячаго и искренняго англійскаго патриота, чѣмъ Гладстонъ.

Насколько самъ германскій канцлеръ относится свободно къ своимъ возвращеніямъ — это видно изъ отиѣвы „культурной борьбы“, веденной съ такою настойчивостью въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Недавно еще, говорить о необходимости пересмотра или смягченія церковныхъ законовъ — значило проявлять отсутствіе патриотизма; а теперь эти законы, какъ оказавшіеся несостоятельными, сдаются въ архивъ и замѣняются новыми постановленіями, совершенно противоположными прежнимъ. Католической церкви и ея представителямъ воз-

вращена значительная доля автономіи въ предѣлахъ Пруссіи; ограниченія, созданныя въ май 1873 года, берутся обратно, и все это дѣлается „въ интересахъ католическихъ подданныхъ короля“, какъ прежде дѣлалось совсѣмъ другое для „пользы государства“. Въ мотивахъ къ законопроекту сказано, между прочимъ, что правительство давно уже признавало полезнымъ отмѣнить стѣснительныя правила майскихъ законовъ; но оно не дѣлало этого только потому, что не желало давать повода къ предположеніямъ, что оно поддается вліянію партіи центра въ парламентѣ. Даже „Кельнская газета“ находить эту оговорку неумѣстной и странною. Достойно ли могущественнаго правительства, — спрашиваетъ газета, — заботиться о томъ, что подумаютъ или скажутъ близорукіе или недоброжелательные люди, когда польза народа и государства требуетъ открытаго признанія ошибочности принятыхъ мѣръ? Продлить на нѣсколько лѣтъ положеніе, считаемое ненормальнымъ, единственно для избѣжанія неблагоприятныхъ толковъ со стороны нѣкоторой части оппозиціи, — это кажется ужъ слишкомъ оригинальнымъ публицисту „Кельнской газеты“. Князь Бисмаркъ не только не отрицаетъ дѣйствительное вліяніе общественнаго мнѣнія на внутреннюю политику страны, но онъ боится даже, чтобы не подумали, что какая-либо самостоятельная мѣра его внушена общественнымъ или парламентскимъ вліяніемъ. Государство противопоставляется народу, правительство — парламенту и общественному мнѣнію, какъ будто хроническій антагонизмъ между различными элементами національной жизни составляетъ обязательный государственный принципъ, который долженъ старательно поддерживаться министрами во имя авторитета государства. Такимъ образомъ, князь Бисмаркъ не стѣсняется измѣнить свои взгляды, когда этого требуютъ обстоятельства; онъ хочетъ только, чтобы эти перемѣны приписывались личному его убѣжденію, а не „постороннимъ“ вліяніямъ и соображеніямъ. Но и самая культурная борьба предпринята была первоначально не для цѣлей культурныхъ или религиозныхъ, а для ослабленія политической оппозиціи въ средѣ нѣмецкихъ католиковъ; эта политика не только ни къ чему не привела, но вызвала еще ненужное раздраженіе въ массѣ католическаго населенія и еще болѣе усилила оппозиціонную партію центра, руководимую Виндгорстомъ. Не смотря на оговорку канцлера, многіе не безъ основанія полагаютъ, что желаніе заручиться содѣйствіемъ Виндгорста и его партіи въ предстоящихъ экономическихъ вопросахъ (напр. въ вопросѣ о водочной монополіи) играло не послѣднюю роль въ рѣшеніи правительства покончить съ майскими законами 1873 года и пойти навстрѣчу окончательному миру съ римскою церковью. Виндгорстъ, какъ опытный парламентскій дѣятель, отнесся къ новому

законопроекту весьма сдержанно, указывая на его недостаточность и на нѣкоторыя его слабыя стороны; но общій голосъ независимой нѣмецкой печати свидѣтельствуетъ единодушно, что терпѣніе и настойчивость партіи центра одержали побѣду, которая косвенно признава и въ мотивахъ къ правительственному проекту.

Заключеніе мира съ католиками-нѣмцами совпадаетъ на этотъ разъ съ началомъ административной и законодательной борьбы противъ католиковъ-поляковъ. Прусскій сеймъ принялъ безпрекословно законъ о назначеніи ста милліоновъ марокъ на приобрѣтеніе земель въ восточной части королевства и на колонизацію этихъ земель нѣмецкими поселянами. Ожидаются еще другія мѣры для отмѣченія польскихъ областей; патриоты съ восторгомъ привѣтствуютъ эту новую систему, обѣщающую будто-бы усиленный подъемъ національнаго духа, и даже либералы не находятъ, что сказать противъ внезапнаго гоненія на поляковъ въ Познани. При видѣ новѣйшихъ порывовъ берлинской политики въ этомъ направленіи, невольно возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, остающихся безъ отвѣта. Почему польскій вопросъ возбужденъ въ Пруссіи именно въ настоящее время, когда и безъ того туземные поляки въ значительной мѣрѣ утратили свои старыя національныя черты и поддались сильному вліянію нѣмецкой культуры? Какіе серьезные поводы появились теперь для преслѣдованія народности, которая еще недавно считалась совершенно безобидною и безвредною для прусскаго правительства? Почему то, что не было опасностью нѣсколько лѣтъ тому назадъ, угрожаетъ вдругъ жизненнымъ интересамъ государства и требуетъ исключительныхъ суровыхъ мѣръ? Существуетъ ли какое-либо броженіе среди прусскихъ поляковъ въ духѣ сепаратизма? Никто объ этомъ ничего не знаетъ, и самъ князь Бисмаркъ, въ своихъ грозныхъ обвинительныхъ рѣчахъ, приводилъ только примѣры и факты изъ прошлаго, ссылаясь на случаи, бывшіе въ сороковыхъ годахъ, и не далъ никакого матеріала для оцѣнки настоящаго образа дѣйствій поляковъ. Онъ ограничился утвержденіемъ, что поляки по нынѣ не отказались еще отъ отдаленной надежды на возстановленіе самостоятельной Польши; но вѣдь эти надежды, если онѣ существуютъ, существовали раньше въ гораздо большей степени, и, однако, прусское правительство ничего не предпринимало до сихъ поръ противъ этихъ опасныхъ мечтаній. Неужели опасность была только въ прошломъ году замѣчена княземъ Бисмаркомъ, послѣ двадцатилѣтняго управленія дѣлами Пруссіи? Трудно также объяснить ту необычайную жесткость, съ какою вдругъ заговорилъ канцлеръ о прусскихъ полякахъ; этотъ жесткій, убійственный тонъ не оправдывался никакими особенными событіями и являлся чѣмъ-то произвольнымъ, неизвѣстно на чемъ основаннымъ. Понятно, что прони-

нательные политики не могли удовлетвориться указаніями на раздраженіе канцлера по поводу рѣчей оппозиціи въ рейхстагѣ и на послѣдовавшій оттого оглушительный взрывъ его патріотизма въ прусской палатѣ депутатовъ; они стали искать какаго-то другого, болѣе таинственнаго и далекаго, смысла въ предпринятой канцлеромъ кампаніи, причемъ намекали на симптомы охлажденія и антагонизма съ Австро-Венгрією. Такъ какъ поляки занимаютъ видное и отчасти самостоятельное положеніе въ имперіи Габсбурговъ, пользуясь полною автономією въ Галиціи, то князь Бисмаркъ своими рѣчами хотѣлъ будто-бы дать первое предостереженіе вѣнскому кабинету; существуютъ будто-бы элементы раздора между обѣими имперіями, и канцлеръ заранѣе старается привлечь на свою сторону австрійскихъ нѣмцевъ. Эти и подобныя предположенія доказываютъ лишь, что публика ясно видитъ недостаточность мотивовъ, выставленныхъ самимъ княземъ Бисмаркомъ. Само собою разумѣется, что мнимая рѣшимость его поспорить съ Австрією есть чистѣйшая фантазія, а отыскиваніе глубокихъ плановъ въ неожиданномъ возбужденіи польскаго вопроса должно оказаться напраснымъ просто потому, что такихъ плановъ вовсе не имѣется. Германскій канцлеръ часто отдается своему темпераменту и наноситъ случайно выступившимъ противникамъ гораздо сильнѣйшіе удары, чѣмъ они заслуживали-бы даже съ его личной точки зрѣнія; затѣмъ, чтобы остаться послѣдовательнымъ, приходится создавать цѣлую систему соотвѣтственныхъ практическихъ мѣръ, какъ это видимъ въ настоящее время относительно поляковъ. До рѣчей въ имперскомъ и прусскомъ сеймахъ не было и рѣчи ни о какихъ мѣропріятіяхъ противъ туземнаго польскаго населенія, хотя высылки иностранныхъ поляковъ начались еще осенью прошлаго года. Когда же имперскій сеймъ высказался противъ чрезвычайной суровости повальныхъ высылкъ, князь Бисмаркъ выступилъ въ прусской палатѣ съ новыми, болѣе рѣшительными, угрозами, причемъ гнѣвъ противъ либеральной нѣмецкой оппозиціи обрушился непосредственно на поляковъ. Если массы добродушныхъ нѣмцевъ восторгались патріотическою идеею насильственнаго онѣмеченія польскихъ и вообще славянскихъ обывателей, то это объясняется лишь упадкомъ нравственнаго чувства подъ опьяняющимъ вліяніемъ политической силы и славы.

Рѣчи князя Бисмарка противъ поляковъ имѣли весьма оригинальный отголосокъ въ Вѣнѣ. Австрійскіе нѣмцы, вынужденные бороться за свою національность съ чехами и прочими славянами, почувствовали вдругъ, что точка опоры ихъ въ Берлинѣ, и прониклись небывалыми еще симпатіями къ германскому канцлеру; нѣмецкій клубъ составилъ длинную краснорѣчивую телеграмму, въ которой вы-

развить свои патріотическія германскія чувства, едва-ли совѣстимыя съ принадлежностью къ австрійской имперіи. Другіе парламентскіе клубы рѣшительно протестовали противъ подобныхъ сношеній съ чужимъ правительствомъ, и подготовленное привѣтствіе не было послано по адресу. Въ австрійскомъ парламентѣ депутатъ Гаусмеръ произнесъ отъ имени поляковъ горячую филиппику противъ князя Бисмарка, и послѣ отвѣтныхъ нѣмецкихъ рѣчей окончился бурный эпизодъ, которымъ какъ нельзя ярче освѣщена была одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ внутренней жизни Австро-Венгріи.

Если берлинскія рѣчи способны воссламенить національное нѣмецкое чувство въ австрійцахъ, когда этого результата вовсе не имѣлось въ виду въ Берлинѣ, то чего можно было бы достигнуть при дѣйствительномъ желаніи германской имперіи привязать къ себѣ австрійскихъ нѣмцевъ и подготовить присоединеніе ихъ къ общему нѣмецкому отечеству? Славянскіе и венгерскіе элементы настолько господствуютъ въ нынѣшней Австріи, что существованіе рядомъ съ ними многочисленныхъ нѣмецкихъ патріотовъ становится все болѣе труднымъ и критическимъ; эти нѣмцы не могутъ забыть, что имъ еще сравнительно недавно принадлежало владѣтельство въ монархіи Габсбурговъ. Не найдутъ-ли они болѣе выгоднымъ промѣнять свое подчиненное или второстепенное положеніе въ Австро-Венгріи на свободную и дѣятельную роль въ объединенной Германіи? Очевидно, съ этой стороны, могущественная нѣмецкая имперія имѣетъ весьма сильное оружіе противъ сосѣдней державы, и это оружіе выдвинулось какъ-бы нечаянно, само собою, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ грозныхъ рѣчей князя Бисмарка. Старанія вѣнской печати замѣть непріятную исторію были неудачны; берлинскія газеты могли извлечь свои выводы изъ восторженныхъ сочувствій австрійскихъ нѣмцевъ, и эти выводы не лишены значенія для будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что союзъ между обѣими имперіями нисколько не пострадалъ въ своей прочности и силѣ, вслѣдствіе случайныхъ и непредвидѣнныхъ отголосковъ берлинскихъ рѣчей въ лагерь нѣмецкой оппозиціи въ Австріи, но нѣкоторое смущеніе и недовольство должно было неизбежно проявиться въ официальныхъ и дипломатическихъ сферахъ австрійской столицы.

Министерство графа Таафе держится твердо политики примиренія національностей; оно оказывается, однако, безсильнымъ смягчить взаимную племенную борьбу и нерѣдко обостряетъ ее своими полумѣрами. Самый составъ кабинета признается вообще неудовлетворительнымъ; одинъ изъ членовъ его еще недавно обвинялся публично въ продажности. Случай съ министромъ торговли, барономъ Цино, весьма поучителенъ. Министръ имѣлъ въ виду предложить выкупъ одной желѣзной дороги въ казну; онъ вступилъ по этому

поводу въ сношеніяхъ съ директоромъ частнаго банка и выдалъ ему уполномочіе на веденіе предварительныхъ переговоровъ съ желѣзнодорожною компаніею. Посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ служилъ нѣкій коммиссіонеръ, сидѣвшій не разъ въ тюрьмѣ за мошенничество и устраивавшій, однако, крупныя финансовыя сдѣлки. Директоръ банка вручилъ посреднику 90,000 гульденовъ за переданное черезъ него уполномочіе министра; сверхъ того, онъ выдалъ вексель на 50,000 гульд. на случай допущенія къ переговорамъ о выкупѣ другой дороги. Финансисты, предупрежденные о намѣреніи правительства выкупить ту или другую линію, успѣшно возвышали биржевую цѣну желѣзнодорожныхъ акцій, и эта ловкая операція должна очень дорого обойтись казнѣ. Противники министерства долго собирали документы по этому дѣлу, и выступили, наконецъ, съ прямымъ обвиненіемъ противъ барона Пино. Приведенные выше факты были подробно разсказаны въ засѣданіи австрійскаго парламента, при обсужденіи проекта закона о взятіи въ казну двухъ желѣзнодорожныхъ линій. Депутатъ Штейнвандеръ прочиталъ выдержки изъ писемъ, въ которыхъ говорилось объ участіи министра въ предстоявшихъ соглашеніяхъ, при чемъ имя барона Пино обозначалось разными прозрачными псевдонимами. Солидныя коммерческія фирмы платили значительныя суммы коммиссіонеру, имѣвшему доступъ къ министру, и черезъ него достигали своихъ цѣлей; ему давали знать по телеграфу, чтобы онъ содѣйствовалъ отклоненію ходатайствъ другихъ предпринимателей, и министръ въ самомъ дѣлѣ отклонялъ нежелательныя заинтересованнымъ лицамъ предложенія. Ораторъ заявилъ готовность передать подлинныя документы „или министру-президенту, или парламентской слѣдственной коммиссіи, или, наконецъ, въ государственныя суды, куда они относятся по праву“. Воплѣтъ дѣловитая рѣчь депутата Штейнвандера произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на палату. Баронъ Пино, блѣдный отъ волненія, всталъ съ своего мѣста и выразилъ свое негодованіе въ длинной и сбивчивой рѣчи; онъ говорилъ о клеветникахъ и шантажистахъ, подкапывающихся подъ честное имя заслуженныхъ дѣятелей, сознавался въ излишней мягкости и довѣрчивости по отношенію къ личностямъ, которыхъ не слѣдовало бы пускать къ себѣ въ домъ, распространялся о своемъ безукоризненномъ прошломъ и клятвенно увѣрялъ слушателей въ своей полнѣйшей честности и добросовѣстности. Подробности, приведенныя обвинителемъ, остались безъ всякаго разъясненія. Министръ не возснудся вопроса о томъ, почему онъ прибѣгалъ къ посредничеству сомнительнаго лица для сношеній съ директорами банковъ и давалъ этому лицу бумаги, за которыя получались громадныя суммы отъ заинтересованныхъ фирмъ. Баронъ Пино выражалъ свое негодованіе слишкомъ обстоятельно и говорилъ слишкомъ мало о фактической

сторонѣ дѣла; онъ замѣтилъ, между прочимъ, что никто не посмѣлъ бы частнымъ образомъ заявить ему въ лицо такое позорное обвиненіе, ибо онъ, министръ, зналъ-бы, какъ поступить съ клеветникомъ; на это депутатъ Штейнвендеръ и его единомышленники отозвались, что они находятся въ распоряженіи барона Пино. Министръ не воспользовался, однако, ни этимъ послѣднимъ предложеніемъ, ни готовностью обвинителя представить документы суду или парламентской комиссіи; между тѣмъ, этотъ способъ судебного или парламентскаго разслѣдованія былъ единственнымъ приличнымъ выходомъ для заподозрѣннаго дѣателя. Хотя баронъ Пино съ дрожью въ голосѣ говорилъ о своей честности, и многіе были тронуты видомъ его взволнованной, блѣдной фигуры, тѣмъ не менѣе общее впечатлѣніе осталось неблагоприятнымъ для министра. Какъ бы добродушенъ ни былъ человѣкъ, но поддерживать связи съ темною личностью, вращающейся въ коммерческомъ мірѣ, и давать посреднику возможность получать отъ его имени крупныя суммы—это значило бы доводить добродушіе до непонятной слѣпоты, непростительной для должностнаго лица. Даже еслибы онъ виновенъ былъ только въ наивности или легкомысліи, онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы потребовать судебной провѣрки представленныхъ данныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обязанъ былъ бы немедленно выйти въ отставку, такъ какъ наивная довѣрчивость есть плохое качество для государственнаго человѣка, обязаннаго по своему положенію охранять интересы казны. Ничего этого не сдѣлалъ баронъ Пино, и репутація его бросаетъ тѣнь на все министерство, прикрывающее его своимъ авторитетомъ.

Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что высшая администрація Австро-Венгріи вообще заражена недугомъ взяточничества въ обширныхъ размѣрахъ? Уже одно то обстоятельство, что погрѣшности министра торговли могли быть разоблачены публично, доказываетъ наглядно, что противъ такого зла существуютъ въ Австріи законные способы противодѣйствія. Недугъ не можетъ распространиться, если ему въ каждую данную минуту грозитъ скандальное разоблаченіе, и если добросовѣстная оппозиція имѣетъ право раскрывать подобныя факты предъ лицомъ страны. Само правительство имѣетъ возможность своевременно очиститься отъ компрометирующихъ его элементовъ, и честность администраціи можетъ успѣшно охраняться отъ неудобныхъ примѣсовъ, причѣмъ обаяніе государственной власти поддерживается не только на словахъ, но и на дѣлѣ. По всей вѣроятности, дѣло барона Пино будетъ изслѣдовано министерствомъ графа Таафе, и справедливое любопытство парламента и печати будетъ удовлетворено въ ту или другую сторону.

Англія имѣла до сихъ поръ репутацію единственнаго изъ западныхъ государствъ свободнаго отъ революціонныхъ движеній; о социальномъ вопросѣ среди англичанъ говорилось не мало, но англійскіе социалисты оставались на почвѣ законности и были вообще людьми довольно смирными и безобидными. Уличные безпорядки, происходившіе въ началѣ февраля въ значительной части Лондона, должны, повидимому, поколебать эту установившуюся репутацію англійскихъ рабочихъ. Если, однако, ближе присмотрѣться къ тому, что предшествовало безпорядкамъ, то невольно бросится въ глаза странное противорѣчіе между поведеніемъ рабочихъ на митингахъ и послѣдовавшимъ вслѣдъ за тѣмъ событіями. Нѣсколько тысячъ рабочихъ, лишенныхъ работы, устроили митингъ на Трафальгарской площади, для обсужденія способовъ выйти изъ тяжелаго кризиса, обнимающаго нѣкоторыя значительныя отрасли промышленности. Къ собравшимся примкнули члены „соціально-демократической федераціи“, а также извѣстные дѣятели социализма, издавна проповѣдующіе свои идеи въ журналахъ и въ народныхъ собраніяхъ, — какъ напр. Гайндманъ, Бернесъ и другіе. Когда одинъ ораторъ упомянулъ объ объявленной лордомъ-меромъ подпискѣ въ пользу неимущихъ рабочихъ, изъ толпы раздались голоса: „Мы хотимъ работы, а не милостыни!“ Социалистъ Гайндманъ пробовалъ уговорить рабочихъ облегчить пока свое положеніе насчетъ лавочниковъ и домовладѣльцевъ сосѣднихъ улицъ, причемъ предлагалъ себя въ предводители; но на неоднократные вопросы на эту тему онъ получалъ рѣшительный отвѣтъ: „Нѣтъ! этого намъ не надо!“ Между тѣмъ, черезъ нѣкоторое время, когда большая часть рабочихъ разошлась, толпа легко соблазнилась мыслью о временномъ удовлетвореніи своихъ потребностей насчетъ „праздныхъ богачей“ и смѣло пошла на грабежъ. Оказалось, что подъ именемъ неимущихъ рабочихъ дѣйствовали опытные воры и грабители, обычные обитатели тюремъ, преступники по профессіи, скрывающіеся въ трущобахъ Лондона. Множество этихъ дѣятелей, не имѣющихъ ничего общаго ни съ рабочимъ классомъ, ни съ социализмомъ, воспользовалось рабочимъ движеніемъ для преступныхъ предпріятій въ широкихъ размѣрахъ; а безнаказанность первыхъ попытокъ, вслѣдствіе слабости полиціи, поощрила къ дальнѣйшимъ подвигамъ, въ которыхъ, вѣроятно, приняли участіе и рабочіе, прельщенные легкостью добычи. Такой характеръ безпорядковъ не оправдываетъ еще тѣхъ заключеній, какія высказывались по этому поводу въ континентальной печати. Слѣдственная коммиссія, учрежденная министромъ внутреннихъ дѣлъ Чайльдерсомъ, выяснитъ, безъ сомнѣнія, истинныя причины печальныхъ событій, происходившихъ нѣсколько дней подрядъ на улицахъ Лондона.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е марта 1886.

— Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ X. 1858—1878 гг. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1886.

Въ настоящемъ томѣ завершено изданіе „Старой записной книжки“ 1858—1878 годовъ. Составъ „книжки“ столь же разнообразный, какъ и въ прежнихъ ея тетрадяхъ: это и дневникъ, и замѣтки о чтеніи, и письма старыя и новыя, и воспоминанія. Для будущаго историка нашего общества и литературы, здѣсь заключенъ богатый и пестрый матеріалъ не только за то время, къ которому принадлежалъ самъ авторъ, но и за времена прошедшія, о которыхъ онъ записывалъ смѣшанные рассказы, преданія и т. п.

Самая личность князя Вяземскаго выступаетъ опять съ такими чертами, какихъ еще не давала его біографія. Свой дневникъ онъ самъ едва ли предназначалъ въ печати, и его замѣтки, набросанные часто небрежно, въ двухъ словахъ, раскрываютъ намъ массу его мыслей, впечатлѣній, которыхъ ему не случалось высказывать въ его печатанныхъ прежде сочиненіяхъ. Въ послѣдніе десятии лѣтъ своей жизни онъ уже рѣдко и только случайно выступалъ въ литературѣ; его ближайшіе современники, старые литературные друзья (да и враги) давно сошли со сцены и онъ оставался свидѣтелемъ новыхъ событій, навѣтъ представитель давнихъ новолѣтій, такъ что на его мысляхъ и замѣткахъ, записанныхъ въ памятной книжкѣ, часто можно слѣдить любопытную встрѣчу идей и нравовъ разныхъ поколѣній. Князь Вяземскій и въ средѣ своихъ современниковъ,—а между ними бывали большіе таланты,—былъ умомъ оригинальнѣе, принадлежалъ къ лучшему литературному кругу двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, не сближался съ ними, однако, вполне, не повторялъ чужихъ взглядовъ; та же своеобразность сохранилась у него до конца. Это былъ умъ подвижной, съ какою всего чаще можно

встрѣтиться во французской литературѣ: рѣдко онъ обойдется безъ оригинальной постановки предмета, все равно серьезнаго или не-серьезнаго, безъ остроумнаго сближенія, шутки, каламбура, но ужъ бытъ увидѣть и такія важныя стороны дѣла, которыя часто ускользали отъ людей его поколѣнія и его круга. Этотъ кругъ, въ которомъ онъ вращался обыкновенно, былъ кругъ родовой и чиновной аристократіи: здѣсь его личныя, дружескія связи и здѣсь основная среда его общественныхъ понятій; новыя движенія въ обществѣ и литературѣ, приблизительно съ сороковыхъ годовъ, были ему мало сочувственны и, вѣроятно, недостаточно знакомы,—но, какъ увидимъ, въ иныхъ, и самыхъ капитальныхъ, предметахъ онъ думалъ совершенно такъ же, какъ думали лучшіе люди этого ему чуждаго поколѣнія.—Въ одномъ изъ писемъ, приведенныхъ въ настоящемъ томѣ, встрѣчаемъ, напр., весьма категорическое враждебное отношеніе къ такъ-называемымъ людямъ сороковыхъ годовъ (которые въ свое время относились къ нему также не весьма дружелюбно). Въ 1869 году онъ пишетъ къ Погодину по поводу его воспоминаній о Шевыревѣ: „Вы принесли должную дань справедливости и признательности памяти честному и многополезному дѣятелю нашей словесности, которая немного насчитаетъ у себя ему подобныхъ. Такъ вамъ и сдѣлать подобало. Оставимъ Тургеневу превозносить Бѣлинскаго, идеалиста въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ онъ говорить. Мы же съ вами въ такомъ случаѣ останемся реалистами въ смыслѣ Карамзина, Жуовскаго и Пушкина. Эта статья Тургенева утвердила меня еще болѣе и окончательно въ мѣмъ предположеніи, что вездѣ, а наипаче на Руси дарованіе и умъ не близнецы, и часто даже не свойственники и не земляки. У Тургенева, у Толстого („Война и Миръ“) есть, безъ сомнѣнія, богатое дарованіе, но нѣтъ хозяина въ домѣ. Приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго въ глазахъ моихъ человѣкъ отиѣтый, и, просто сказать, пѣтый дуракъ. Если вы что-нибудь о томъ напишете, пришлите мнѣ предварительно и я вложу въ статью вашу свою малую толику. Тургеневъ просто хотѣлъ задобрить современныя держащія власти журнальныя и литературныя. Въ статьѣ его есть отсутствіе ума и нравственнаго достоинства“ (стр. 265—266). Какъ видимъ, собственныя сочувствія кн. Вяземскаго принадлежать тому слою литературы, каковой представляли Погодинъ и Шевыревъ, но онъ все-таки не отождествлялся съ ними. Такъ, напр., онъ весьма сильно отличался отъ нихъ отсутствіемъ того, что называлось нѣкогда кваснымъ патриотизмомъ (терминъ, изобрѣтеніе котораго ему, кажется, и принадлежитъ). Доказательствъ тому авторъ „Русскаго Бога“ оставилъ довольно въ своихъ сочиненіяхъ и, между прочимъ, въ издаваемой теперь „Записной книжкѣ“. Что онъ не заблуждался

и во многихъ крупныхъ вещахъ нашего быта и думать о нихъ такъ же, какъ думали люди несочувственныхъ ему новыхъ поколѣній, можно видѣть по его замѣткамъ изъ временъ крымской войны. Подъ 31-мъ декабря 1854 г. находимъ слѣдующія любопытныя размышленія о внѣшней политикѣ и о дѣлахъ внутреннихъ:

„Грустныя извѣстія о начавшихся мирныхъ переговорахъ въ Вѣнѣ. Эта Вѣна лежитъ на насъ какъ язва. Мнѣ крѣпко сдается, что и теперь правительство наше обмануто, или опять обманывается. Мы вызвали на себя войну, къ войнѣ не приготовившись, и дали своимъ долгимъ бездѣйствіемъ или полудѣйствіями время непрітелямъ снюхаться, сговориться и собраться съ силами. Нынѣ мы соглашаемся на миръ, когда по всѣмъ признакамъ миръ болѣе полезенъ и нуженъ непрітелямъ, чѣмъ намъ. Мы пораженія еще не претерпѣли и время года намъ болѣе благопріятствуетъ, нежели врагамъ. Впрочемъ, паденіе Севастополя и самого Кронштадта и Петербурга не должно бы вынудить насъ на принятіе мира, оскорбительнаго для народной чести, а въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ другого мира ожидать невозможно... Я былъ тогда очень молодъ, но хорошо помню, что какъ Фридрихсбургское сраженіе ни было грустно для Россіи, но впала она въ уныніе не отъ него, а отъ Тильзитскаго мира. Проигранное сраженіе не можетъ оскорбить народной чести. Оно есть неудача, а не пятно. А постыдный миръ пятно. Императоръ Александръ оправился въ народномъ мнѣніи только въ 1812 году. Главная невыгода наша въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, это—недостатокъ въ отличныхъ людяхъ. Массы безпримѣрныя, но массы безъ вождей мужественно претерпѣваютъ всѣ тягости и нужды, храбро дерутся, умираютъ смертью геройскою и мученическою. Но побѣждать не могутъ. Въ недостатѣ людей виновато правительство. Оно вездѣ подавляло личность и требовало одного безусловнаго повиновенія, не хотѣло и опасалось людей: изъ людей сдѣлало слѣпныя и бездушныя орудія, пружины. Оно можетъ еще годиться въ обыкновенныя времена, но во времена чрезвычайныя, каковы настоящія, нужны люди, а ихъ нѣтъ: они не подготовлены, не дали имъ свободы вырости и созрѣть; какъ больной, который, боясь сильнаго дѣйствія лекарствъ, даетъ имъ выдыхаться, правительство наше требовало однихъ выдохнувшихся людей. Кто былъ съ малѣйшимъ духомъ, тотъ оставался въ сторонѣ и безъ употребленія. Какъ въ баснѣ Крылова оно брило себя тупыми бритвами, понадобились острия—ихъ нѣтъ. Когда Вронченко отказывался за неспособностью отъ министерства финансовъ, Государь, чтобы убѣдить его, сказалъ ему: „Я буду министромъ финансовъ“. Паскевичъ говорить, что у него начальникъ штаба не что иное, какъ главный писарь. Пожалуй, Гор-

чаювъ былъ и съ способностями отъ природы, но въ писарскомъ своемъ ремеслѣ, которымъ былъ онъ скованъ около 20 лѣтъ, успѣлъ онъ притупиться и нравственно одурѣть. Вышедши изъ этой давки на свѣжій воздухъ, и для самобытнаго и свободнаго дѣйствія оказался онъ неспособнымъ. Иначе и быть не могло. Государственная власть можетъ быть самодержавна въ общемъ дѣйствіи и въ началѣ своемъ, но въ частности должна она имѣть орудіемъ своимъ власти отвѣтственныя. У насъ отвѣтственности нѣтъ, а есть одна подчиненность. Подчиненныя власти пользуются одною свободою дѣлать, по кругу своихъ занятій, малыя или большія злоупотребленія. Но дѣйствовать по духу, по разумѣнію своему, по совѣсти своей, никто не можетъ. Поэтому, кто ни попъ, тотъ батька. Кто дослужился до извѣстнаго чина, тотъ и министръ, и полководецъ. Правительство въ выборахъ и назначеніяхъ своихъ совѣтуется съ чиномъ, а не съ способностями человека. Смѣшно и грѣшно мнѣ сказать, потому что я Норова люблю и уважаю, но одно назначеніе его министромъ просвѣщенія можетъ служить ключемъ ко всѣмъ неудачамъ нашимъ въ нынѣшнюю войну. У насъ вездѣ Норовы и въ гражданскомъ, и въ военномъ управленіи, съ тою только разницею, что Норовъ честный человекъ и добросовѣстный, а многіе другіе Норовы и не честные, и не добросовѣстные" (стр. 143—145).

Эти страницы—и подобныя имъ встрѣчаются не разъ въ послѣднихъ сочиненіяхъ и замѣткахъ кн. Вяземскаго—замѣчательны во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, въ томъ, что онъ весьма близки, почти тождественны съ тѣмъ взглядомъ на вещи, какой существовалъ въ новомъ общественномъ поколѣніи, которому авторъ такъ мало сочувствовалъ. Повторяемъ, что изданіе сочиненій кн. Вяземскаго доставляетъ много любопытнѣйшаго матеріала и для исторіи нашей литературы, и для исторіи общества.

— Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1883 годъ. Спб. 1885.

Годовые отчеты Публичной Библіотеки давно уже, со временъ управленія барона Корфа, впервые давшаго дѣятельности Библіотеки нынѣшнюю ея организацію, представляли большой интересъ для ученой публики: въ отчетахъ перечислялись обыкновенно новыя пріобрѣтенія Библіотеки, и въ числѣ ихъ бывали почти каждый разъ или замѣчательныя по рѣдкости и историческому значенію книги, или особенно рукописи, славянскія, русскія и иностранныя, которыя почти всегда представляютъ нѣчто въ своемъ родѣ единственное, такъ какъ по содержанію бываютъ или совершенно новы, или представляютъ болѣе или менѣе новые варианты къ извѣстнымъ текстамъ. Въ осо-

бенности для занимающихся русской исторіей и литературой отчеты Библіотеки бывали исполнены интереса, потому что въ ея ежегодныхъ приобрѣтеніяхъ всегда находилось многое любопытное для изученія нашего прошлаго. Нынѣшній разъ отчетъ Библіотеки представилъ по богатству подобныхъ свѣденій нѣчто изъ ряда выходящее. Довольно сказать, что „Отчетъ“ вмѣсто тоненькой книжки, какъ бывало прежде, представляетъ собою большой томъ, болѣе 500 страницъ. Повидимому, именно вслѣдствіе этой обширности труда, мы имѣемъ теперь свѣденія еще только за 1883 годъ: дѣло въ томъ, что управленіе Библіотеки желало дать подробный указатель приобрѣтеній, сдѣланныхъ ею въ этомъ отчетномъ году, а это составило цѣлый обширный ученый трудъ, и, кромѣ того, помѣщены въ приложеніяхъ три особыя библіографическія работы.

Главное приобрѣтеніе, описанное здѣсь въ весьма обстоятельномъ каталогѣ, составляетъ богатое и давно извѣстное въ ученomъ мѣрѣ собраніе древнихъ и новыхъ рукописей и книгъ епископа Порфірія Успенскаго,—собраніе, составленное долготѣльными поисками на востокѣ и въ Россіи и заключающее въ себѣ множество рукописей славянскихъ и иноязычныхъ, а именно: греческихъ, латинскихъ, французскихъ, итальянскихъ, арабскихъ, сирійскихъ, эіопскихъ, коптскихъ, грузинскихъ, турецкихъ. Отдѣлъ рукописей славянскихъ любопытенъ особенно обиліемъ древнихъ текстовъ южно-славянскихъ. Рукописями епископа Порфірія давно уже пользовались нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, какъ, напр., Срезневскій въ своихъ изданіяхъ древнихъ славянскихъ памятниковъ, проф. Павловъ при своихъ изслѣдованіяхъ о Номоканонѣ, архимандритъ Амфилохій, ориенталистъ баронъ Розенъ и др. Описаніе этого собранія, помѣщенное въ „Отчетъ“ (стр. 11—189), потребовало, конечно, участія многихъ специалистовъ: такъ, рукописи славянскія были опредѣлены хранителемъ рукописей И. А. Бычковымъ, рукописи греческія разобраны гг. Эрнштедтомъ и Васильевскимъ, арабскія—г. Смирновымъ, сирійскія и эіопскія—г. Коковцевымъ. Рукописи славянскія—по содержанію большею частью церковныя и богослужебныя, какъ обыкновенно; но есть также любопытныя хронографы, номоканоны, житія, книги потнаго цѣнія, руководства къ иконописанію и т. п. Рукописи греческія идутъ отъ глубокой древности, и именно отрывокъ посланія апостола Павла на папирусь—отъ V вѣка, отрывокъ знаменитой Синайской библіи, на пергаменѣ, писанъ въ IV—V вѣкѣ (этотъ отрывокъ внесенъ въ цѣльную рукопись Синайской библіи, принадлежащую нынѣ Библіотекѣ). Епископъ Порфірій, когда не могъ приобрѣтать подлинныхъ рукописей, заказывалъ себѣ также списки съ важныхъ рукописныхъ памятниковъ, какіе встрѣчалъ на востокѣ и въ другихъ мѣстахъ, и въ этихъ

копіяхъ приобрѣтены Библіотекой также весьма важные матеріалы для исторіи востока, Византіи и славянства.

Кромѣ этой въ высокой степени замѣчательной коллекціи, Библіотекой приобрѣтено, въ даръ или покупкой, много отдѣльныхъ любопытныхъ книгъ и рукописей—отъ гг. Кибальчича, проф. Помяловскаго, Л. Н. Майкова и другихъ.

Въ дѣловой части „Отчета“ помѣщены свѣденія, любопытныя для статистики русскаго образованія и научно-литературной любознательности, а именно: списки частныхъ приношеній книгами, рукописями, автографами, эстампами, фотографіями, картами и планами; число лицъ, взявшихъ билеты для занятій въ Библіотекѣ, по ихъ званіямъ и профессіямъ; число читателей и посѣтителей Библіотеки; число выданныхъ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ въ цѣломъ и по отдѣленіямъ Библіотеки и т. д.

Въ приложеніяхъ, кромѣ трудовъ гг. Эрнштедта и Васильевскаго по описанію греческихъ рукописей епископа Порфірія, помѣщена очень интересная работа В. В. Стасова: „Фотографическія и фототипическія коллекціи Имп. Публичной Библіотеки“ (стр. 1—176). Понятное дѣло, что Библіотека, при своихъ многочисленныхъ связяхъ, при своихъ средствахъ, при глубокой преданности интересу искусства со стороны лица, въ завѣдываніи котораго находится художественное отдѣленіе Библіотеки, имѣла возможность обогатить отдѣлъ такъ, какъ это немислимо ни для какого иного общественнаго книгохранилища (кромѣ только академіи художествъ,—о состояніи библіотеки которой мы, впрочемъ, не имѣемъ свѣденій). Поэтому статья г. Стасова представитъ множество любопытныхъ указаній для тѣхъ, кому близки интересы искусства въ разныхъ его отрасляхъ и въ его научныхъ и промышленныхъ примѣненіяхъ. Это — обширный указатель того, что посѣтитель Библіотеки можетъ найти въ ея фотографическихъ и фототипическихъ коллекціяхъ, и при нынѣшнемъ распространеніи фотографическихъ способовъ печатанія, эти коллекціи представляютъ громадную массу любопытнѣйшихъ изданій. Г. Стасовъ расположилъ свой указатель по слѣдующимъ отдѣламъ: виды; народные типы и портреты; архитектура; живопись; скульптура; гравюра; предметы художественно-промышленные. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ есть множество дорогихъ и рѣдкихъ изданій; по своему особенному положенію единственнаго „національнаго“ книгохранилища, Библіотека имѣла возможность получать изданія, дѣлавшіяся всего въ нѣсколькихъ (напр., 5—10) экземплярахъ, а иногда она имѣетъ—единственные экземпляры. Укажемъ два-три изданія изъ отдѣла народныхъ типовъ и портретовъ, особенно интересныя при отсутствіи у насъ сколько-нибудь отчетливыхъ и доступныхъ изданій этнографическихъ типовъ.

Въ отдѣлѣ народныхъ типовъ и портретовъ самую значительную коллекцію является „Альбомъ костюмовъ Россіи“—изъ 532 фотографій разнаго формата. „Онъ былъ переданъ въ Библіотеку въ 1878 году бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Л. С. Маковымъ. Фотографіи, входящія въ его составъ, исполнены были, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ то время, когда установлена была общая воинская повинность, и имѣлось въ виду дать, по возможности, народную форму обмундированія государственному ополченію. Такимъ образомъ, настоящій альбомъ представляетъ необыкновенно разнообразную и полную картину русскихъ мужскихъ народныхъ костюмовъ въ концѣ 70-хъ годовъ, и въ то же время онъ содержитъ въ себѣ необыкновенно интересную галерею мужскихъ типовъ и физіомій тѣхъ народностей, которыя населяютъ Европейскую и Азіатскую Россію“. Всѣ эти рисунки перечислены въ указателѣ по губерніямъ и областямъ.

Другая подобная коллекція (224 фотографіи) составлена въ 70-хъ и 80-хъ годахъ одесскимъ фотографомъ Раулемъ, теперь уже оставившимъ свое дѣло и уѣхавшимъ во Францію въ 1883 году. „Альбомъ этотъ, — говоритъ г. Стасовъ,—можетъ считаться за истинный *chef d'oeuvre* техническаго производства и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенное богатство художественнаго и научнаго матеріала: выборъ типовъ и позъ, живописное расположеніе и группировка взятыхъ объектовъ фигуръ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живописность пейзажа, служащаго фономъ картинамъ, наконецъ, богатство національныхъ или племенныхъ физіомій и костюмовъ, воспроизведенныхъ въ фотографіяхъ Рауля, дѣлаютъ альбомъ его явленіемъ, необыкновенно выдающимся. Поэтому-то Раулю была оказана только должная справедливость, когда ему были присуждены высшія почетныя награды на парижскихъ выставкахъ: географической 1875 года (за неполный еще альбомъ) и всемірной международной 1878 года“. Фотографіи снимались въ разныхъ губерніяхъ средней и южной Россіи и въ кавказскомъ краѣ, и своими типами и костюмами жителей Крыма и Кавказа пополняютъ упомянутый сейчасъ „Альбомъ костюмовъ Россіи“, гдѣ восточныхъ костюмовъ вовсе не было.

Третья замѣчательная коллекція изъ нѣсколькихъ сотенъ образцовъ типовъ и костюмовъ, мужскихъ и женскихъ, составлена была фотографомъ Каррикомъ, во многихъ губерніяхъ средней Россіи и Финляндіи. „Это собраніе, подобно предшествующему, отличается не только превосходнымъ техническимъ выполненіемъ, но и большимъ разнообразіемъ матеріала и замѣчательною художественностью въ выборѣ типовъ, фигуръ и позъ нашего городского и сельскаго простонародья. Разнообразные представители ихъ являются здѣсь то въ

одиначку, то группами, среди разныхъ занятій и работъ своей будничной жизни, то на улицахъ въ городѣ, то дома у себя, въ избѣ, то на огородѣ, то въ полѣ, то на жатвѣ, то съ ведрами, то съ серпами или косой, то съ плетеною корзиной, то въ самомъ простомъ, то въ праздничномъ нарядѣ. Рядомъ съ великоруссами являются тутъ и очень многіе инородцы (финны, мордва, татары)“.

Не останавливаясь на множествѣ другихъ художественныхъ изданій, имѣющихся въ Публичной Библіотекѣ, и которыя представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для художниковъ, историковъ искусства, археологовъ, историковъ и этнографовъ.

Отмѣтимъ еще, что въ коллекцію автографовъ бібліотеки поступило нѣсколько любопытныхъ экземпляровъ, принесенныхъ въ даръ разными лицами. Такъ, изъ редакціи „Вѣстника Европы“ поступила „Новь“ Тургенева, вся написанная рукою автора въ 1876 году — большая рукопись въ листъ, 298 листовъ, съ авторскою корректурою и поправками по телеграфу; и „Краткое изложеніе евангелія“, графа Л. Н. Толстого — экземпляръ, переписанный рукою писца, съ собственноручными измѣненіями и поправками автора („Отчетъ“, стр. 259—260): рукопись поступила отъ самого графа Толстого черезъ посредство бібліотекаря Н. Н. Страхова. „Моск. Вѣдомости“, упоминая объ этомъ послѣднемъ пожертвованіи, находили, что Библіотека должна была „учтиво отклонить его“. Для автографа, по словамъ газеты, достаточно подписи имени и фамилии, письма, записочки, нѣсколькихъ строкъ извѣстнаго человѣка. „Что общаго съ автографами и ихъ собираніемъ имѣетъ пѣлый рукописный трактатъ, переписанный писцомъ, измаранный собственноручными поправками автора, благополучно обрѣтающагося въ живыхъ, и присланный въ Императорскую Публичную Библіотеку самимъ авторомъ? Съ его стороны присылка такой рукописи — простая неучтивость, вытекающая изъ болѣзненно-развитаго самолюбія и самоиждивенія. Со стороны начальства Имп. Публичной Библіотеки принятіе этой рукописи и включеніе ея въ „собраніе автографовъ“ составляетъ преувеличенную учтивость, преувеличенную настолько, что она перестаетъ быть совмѣстною съ достоинствомъ учрежденія“. Это не совсѣмъ такъ. Послѣднія сочиненія гр. Л. Н. Толстого не являлись въ печати, но, сколько извѣстно по газетамъ, значительно распространились въ публикѣ, и такъ какъ они принадлежать одному изъ первостепенныхъ писателей русской литературы, то Публичная Библіотека могла сама имѣть интересъ сохранить въ своихъ собраніяхъ экземпляръ произведеній, составляющихъ во всякомъ случаѣ немаловажный историко-литературный фактъ. По своему значенію первостепеннаго нашего книгохранилища, она даже должна была бы озаботиться приобрѣтеніемъ такихъ произведеній въ свои коллекціи новѣйшихъ рукописей, какихъ она имѣетъ

вообще не мало. Что касается до гр. Толстого, то онъ, не имѣвши пока возможности огласить свои послѣдніе труды въ печати, также могъ быть справедливо заинтересованъ сохраненіемъ своихъ произведеній въ ихъ подлинномъ видѣ и могъ сдѣлать это такимъ же образомъ, какъ многія частныя лица передавали и передаютъ въ Библиотеку свои труды и воспоминанія на общее пользованіе непосредственно или черезъ извѣстный срокъ (напр., въ томъ же „Отчетѣ“ упомянуто поступленіе въ Библиотеку рукописи ксендза Сенчиковскаго) — и тѣмъ болѣе, что сочиненія гр. Толстого появляются уже въ многочисленныхъ переводахъ на иностранныя языки, и если эти переводы находятся несомнѣнно въ Библиотекѣ, послѣдняя естественно могла принять, въ интересѣ будущихъ библиографовъ, ихъ русскій подлинникъ, удостовѣренный авторомъ.

— Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ. Выпускъ I. Подъ редакціей В. О. Миллера. М. 1886.

Въ названномъ изданіи наша этнографическая литература можетъ ожидать чрезвычайно любопытнаго и цѣннаго научнаго приобрѣтенія. Дашковскій этнографическій музей есть у насъ единственная коллекція своего рода, по богатству этнографическаго матеріала, который можетъ одинаково служить для цѣлей научныхъ и популярныхъ. Съ удовольствіемъ многіе узнаютъ, что въ приложеніи къ слѣдующему выпуску „Сборника“ (какъ говорится въ предисловіи) начнется печатаніемъ систематическое описаніе коллекцій этого замѣчательнаго московскаго музея.

Этнографическій сборникъ, изданіе котораго предпринято при музеѣ, имѣетъ цѣлью „содѣйствовать собиранію и обнародованію этнографическихъ данныхъ преимущественно изъ быта инородцевъ Россіи и сосѣднихъ съ нею славянскихъ народностей“. Редакторъ сборника обращается, въ предисловіи, ко всѣмъ любителямъ этнографіи съ просьбой содѣйствовать этому предпріятію сообщеніемъ матеріаловъ, и особенно къ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ случай лично наблюдать жизнь нашихъ инородцевъ на Кавказѣ, въ Сибири и Средней Азій. Чтобы облегчить сообщеніе матеріаловъ, редакція предлагаетъ авторамъ, не стѣсняясь формой изложенія, заботиться лишь о точности сообщаемыхъ свѣдѣній, и беретъ на себя литературную обработку матеріаловъ. Кругъ предметовъ, по которымъ желательно сообщеніе свѣдѣній, редакція опредѣляетъ такъ: 1) жилище, способы постройки, названіе и назначеніе частей жилища; 2) одежда и украшенія, вооруженіе, орудія домашняго быта и промысла, посуда, музыкальные инструменты; 3) пища и ея приготовленіе; 4) занятія по временамъ года; названія животныхъ и растений; 5) вѣрованія о предметахъ природы, предметахъ и понятіяхъ мѣстолокальных;

суетѣрья; понятія о болѣзняхъ и народныя медицинскія средства; представленія о душѣ и загробной жизни; вѣрованія въ свѣтлыхъ боговъ; 6) обряды—въ жизни домашней, промысловой и общественной, игры, праздники и пр.; 7) произведенія народной словесности всякаго рода; 8) общественный и семейный бытъ; 9) юридическія понятія и обычное право.

Въ первомъ выпускѣ изданія редація указываетъ ту особенность, что авторы четырехъ самостоятельныхъ статей принадлежатъ сами къ тѣмъ народностямъ, которыя ими описываются. А именно, здѣсь помѣщены статьи: Б. Н. Боева—къ брачному праву болгаръ (свадебные обычаи; отношенія между супругами; положеніе женщины); Саввы Бокіева—записки о бытѣ осетинъ (устройство жилища; домашняя обстановка; посуда; музыкальные инструменты; одежда; вооруженіе; пища; земледѣліе; скотоводство; народная медицина); Г. А. Халатіанца—общій очеркъ народныхъ армянскихъ сказокъ; О. Я. Трей-ланда—крестинные обряды латышей. Въ статьѣ объ осетинскихъ сказкахъ самого редактора (много также занимавшагося этой народностью) двѣ сказки также записаны туземцемъ, осетиномъ Туекаевымъ.

Нечего говорить о пользѣ изслѣдованій, посвященныхъ особенно быту инородцевъ. Изученіе его до сихъ поръ было слишкомъ случайно, и настоящее предпріятіе, въ своемъ продолженіи, можетъ, наконецъ, дать ему цѣльность и систематичность. Самый предметъ любопытенъ тѣмъ болѣе, что изученіе его, во-первыхъ, даетъ возможность наблюдать, относительно извѣстныхъ племенъ, мало изслѣдованный процессъ смѣшенія народностей—въ ихъ сліяніи съ племенемъ русскимъ, и во-вторыхъ, бытъ инородцевъ, во многихъ случаяхъ, представляетъ черты такой культурной старины, которая у болѣе развитыхъ народовъ или давно пройдена и забыта, или сохраняется только въ слабыхъ и темныхъ отголоскахъ. Понятно, что выводы еще очень далеки и на первое время предстоитъ еще много труда надъ самымъ собираніемъ матеріала. Между прочимъ, одной изъ очень полезныхъ работъ, какія могли бы быть даны „Сборникомъ“ въ этомъ отношеніи, было бы библиографическое указаніе матеріала, собраннаго до сихъ поръ въ литературѣ нашей и иностранной объ инородцахъ Россіи.

Въ статьѣ г. Боева (стр. 66) желательно было бы болѣе точное обозначеніе матеріаловъ. Книги Миладиновыхъ, Макушева, Чолакова, Каравелова, Сумцова названы безъ указанія времени и мѣста ихъ выхода: это знакомъ съ этой литературой, тому эти указанія совсѣмъ не нужны, а кто не знакомъ, для тѣхъ слишкомъ неопредѣленные указанія ничего не говорятъ.

Что значитъ, въ той же статьѣ, слово: „третировать“ (стр. 3, 45)?
А. Н.

— Н. А. Осokinъ. Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Спб. 1885.

Слѣдя за развитіемъ русской общественной мысли въ послѣднее двадцатилѣтіе, можно подмѣтить три ступени, которыя она проходила одну вслѣдъ за другой. Было время, когда корень всѣхъ вопросовъ, волнующихъ общественную жизнь, искали въ экономической организаціи страны, и потому первымъ шагомъ на пути къ благоустройству всѣхъ сторонъ жизни считали экономическія преобразованія. Затѣмъ, общественная мысль склонилась къ мнѣнію, что широкія экономическія реформы невозможны да и не принесутъ возбуждаемой отъ нихъ пользы, если предварительно не произойдетъ извѣстныхъ измѣненій самой общестственности, если люди не сдѣлаются развитѣе, не станутъ лучше понимать свои интересы и дѣйствовать солидарнѣе въ достиженіи разъ поставленный цѣли. Сообразно высказанному взгляду, дѣятельность лицъ, сочувствующихъ прогрессивному развитію общества, должна быть направлена главнымъ образомъ на распространеніе просвѣтительныхъ идей въ массѣ послѣдняго, на возбужденіе самодѣятельности въ мелкихъ общественныхъ группахъ, развитіе сознанія солидарности интересовъ въ группахъ, охватывающихъ большія массы лицъ и т. д.; словомъ, постановка вопроса здѣсь не узко-экономическая, а широко-соціальная. Однако, наше общество недолго оставалось на этой широкой точкѣ зрѣнія, оно вскорѣ опять ее съузило, хотя уже и въ другомъ направленіи. Широкое распространеніе просвѣтительныхъ идей, развитіе общественной самодѣятельности и т. п., говорятъ, невозможно при отсутствіи условій, допускающихъ извѣстную свободу дѣятельности лица или по крайней мѣрѣ отводящихъ послѣдней опредѣленные границы, въ предѣлахъ которыхъ личность чувствовала бы себя прочно стоящей на почвѣ закона. Это значитъ, что всякой болѣе или менѣе широкой общественной дѣятельности должно предшествовать созданіе соотвѣтствующей обще-юридической обстановки, и такимъ образомъ впереди соціальнаго вопроса выдвигался политическій.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что послѣднее рѣшеніе общественной задачи и есть наиболѣе истинное, такъ какъ, предполагается, оно сдѣлано на основаніи опыта и серьезнаго изученія подлежащихъ явленій. Но такое заключеніе не обладаетъ безспорной несомнѣнностью, что сдѣлается достаточно яснымъ послѣ нижеслѣдующихъ замѣчаній. Развитіе нашей общественной мысли совершалось подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: просвѣтительнаго воздѣйствія запада и фактовъ русской дѣйствительности. Первый моментъ представляетъ объективный факторъ нашего развитія: русскій человѣкъ лично не заинтересованъ въ томъ или иномъ направленіи иностранной

жизни; онъ смотритъ на нее со стороны, можетъ безпристрастно оцѣнить тѣ ея стороны, которыя самими участниками безспорно превозносятся или такъ же унижаются. Поэтому наше общество получаетъ съ запада не только науку, а съ нею болѣе или менѣе правильную оцѣнку общественныхъ формъ, уже пережитыхъ или доживаемыхъ европейскими народами, но и имѣетъ передъ собой опытъ, еще неокончившійся, достаточно однако уясняющій существующія отношенія, если ихъ наблюдать со стороны, а не быть ихъ участникомъ. Западъ даетъ намъ впечатлѣнія, которыя мы можемъ оцѣнить безпристрастно, къ которымъ относимся объективно, которыя вводимъ въ свои соображенія, какъ результатъ научнаго знанія. Иное слѣдуетъ сказать о тѣхъ вліяніяхъ, какія получаетъ наша мысль со стороны фактовъ русской дѣйствительности. Эти факты суть результатъ взаимодѣйствія нашихъ собственныхъ страстей, интересовъ, убѣжденій. Мы относимся къ нимъ не какъ сторонніе наблюдатели, а какъ участники, получающіе удары и сами наносящіе ихъ. Окружающая дѣйствительность не только дѣйствуетъ на нашъ умъ, но и бьетъ по чувствамъ. Она возбуждаетъ чувство негодованія или удовольствія, смотря по ея отношенію къ нашимъ интересамъ, и это субъективное настроеніе окрашиваетъ специфическимъ цвѣтомъ факты, долженствующіе вмѣстѣ съ другими служить для образованія нашего міросозерпанія, отчего и самое послѣднее можетъ получить характеръ, какого оно не имѣло бы, еслибъ отнестись къ вопросу объективно. Вѣроятность ложнаго заключенія, какъ результатъ неизбежности субъективнаго отношенія къ вопросу тѣмъ болѣе, чѣмъ ограниченіе кучка лицъ, образующая „общество“, т.-е. часть народа, относящаяся къ окружающимъ явленіямъ болѣе или менѣе сознательно, служащая хранителемъ просвѣщенія и выдѣляющая изъ своей среды лицъ, участвующихъ на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Если бы „общество“ совпадало съ „народомъ“, въ такомъ случаѣ данное имъ субъективное рѣшеніе вопроса, затрагивающаго его же собственные интересы, обладало бы значительной степенью истинности, такъ какъ главное препятствіе примѣнимости идеи къ жизни—непониманіе массы, которой эта идея касается—въ данномъ случаѣ не имѣло бы мѣста. Но чѣмъ ограниченнѣе группа лицъ, думающая и дѣйствующая за народъ, тѣмъ болѣе опасности, что ея рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, явившееся въ разгаръ борьбы, въ которой она сама принимала дѣятельное участіе, гдѣ она получила сильнѣйшія чувственные впечатлѣнія, потому что тутъ были задѣты ея существеннѣйшіе интересы,—что такое рѣшеніе, по необходимости отличающееся яркимъ субъективнымъ оттѣнкомъ, не будетъ совпадать съ объективной истиной, т.-е. окажется въ дисгармоніи съ многими общественными условіями, относящимися къ массѣ

народа, создаваемыми этой массой, непринимавшей, однако, участія въ рѣшеніи поставленнаго вопроса. Въ такомъ случаѣ это рѣшеніе, какъ несоотвѣтствующее дѣйствительности, окажется къ ней непримѣнимымъ.

Изъ того, что мы сейчасъ замѣтили, слѣдуетъ, что послѣднее по времени рѣшеніе задачи не есть еще самое истинное; оно можетъ быть таковымъ, но можетъ и не быть. Все дѣло въ томъ, какая часть народа такъ или иначе принимала участіе въ рѣшеніи, или насколько спокойно было общество, создавая это рѣшеніе, какую роль при этомъ играли субъективный и объективный факторы мышленія и т. д. Обращаясь въ частности къ политическому интересу, который мы считаемъ преобладающимъ если не въ настоящій моментъ, отлаचाющийся, кажется, отсутствіемъ всякихъ общественныхъ интересовъ, то по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ прошломъ и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ, слѣдуетъ рѣшить вопросъ: откуда выросло это направленіе общественной мысли? Явились ли новые факты во внутренней или европейской жизни, неизвѣстные раньше и освѣтившіе вопросъ съ новой точки зрѣнія; не было ли произведено новой научной разработки предмета, повліявшей и на наше отношеніе къ вопросу? Съ другой стороны, не случилось ли въ жизни нашего общества явленій, глубоко задѣвшихъ его существенные интересы, способныхъ сильно потрясти его чувства и тѣмъ затуманить разумъ или, по крайней мѣрѣ, отвести при рѣшеніи задачи субъективному элементу гораздо больше мѣста, чѣмъ это слѣдовало бы по существу дѣла?

Указанная нами постановка вопроса имѣетъ особенную важность именно относительно русскаго общества. Послѣднее составляетъ такую незначительную долю всей массы народа, что ему постоянно угрожаетъ опасность остаться съ своими рѣшеніями внѣ жизни, если при образованіи послѣднихъ оно будетъ много полагаться на свое субъективное настроеніе и не особенно тщательно провѣрять его данными жизни народа и наукъ. Иначе говоря, при рѣшеніи вопросовъ русской общественной жизни субъективный факторъ долженъ быть сведенъ къ минимальнымъ размѣрамъ, объективное изслѣдованіе, наоборотъ, получить наибольшія права. А если то или иное рѣшеніе уже образовалось,—необходимо провѣрить его безпристрастной оцѣнкой самого процесса его происхожденія, съ цѣлью выяснить участіе, какое принималъ здѣсь субъективный факторъ; и если роль послѣднего оказалась бы значительной, въ такомъ случаѣ предстоитъ особенная необходимость провѣрки современнаго направленія общественной мысли по существу, пересмотра его логическихъ основаній. Намъ кажется, что если бы такая исторія русской общественной мысли въ послѣдніе годы была написана, она бы показала, какъ много субъек-

тивнаго внесло общество въ рѣшеніе вопроса и какъ необходимъ тотъ пересмотръ этого рѣшенія, о которомъ мы только что говорили ¹⁾. Поэтому же мы считали бы признакомъ чуткости литературы къ запросамъ жизни, если бы она обратила теперь особенное вниманіе на вопросы государственнаго права, политическую исторію запада и эволюцію политической мысли въ Европѣ и т. д., и кажется, что въ самое послѣднее время начинаетъ обнаруживаться поворотъ общественнаго интереса къ этимъ предметамъ знанія. Съ этой же точки зрѣнія мы считаемъ совершенно умѣстной тѣму, избранную г. Осокинымъ для рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ годичномъ собраніи казанскаго университета 5 ноября 1885 года. Тѣма эта — политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Эпоха, описываемая г. Осокинымъ, представляетъ большой интересъ какъ съ общей философско-исторической точки зрѣнія, такъ и въ частности для русскаго читателя. Это было время полнѣйшаго разлада теченій мысли въ самыхъ верхнихъ слояхъ обществъ и въ массѣ послѣдняго. Напуганные владычествомъ Наполеона (котораго они считали прямымъ преемникомъ французской революціи и носителемъ ея идеи) и вліяніемъ, какое имѣли его нашествія на пробужденіе общественнаго самосознанія завоевываемыхъ народовъ, европейскія правительства образовали союзъ, имѣющій цѣлью общими силами противоdѣйствовать революціоннымъ движеніямъ на континентѣ Европы. Договоръ правительствъ не имѣлъ юридической силы; но тѣмъ сильнѣе было его фактическое значеніе. Какъ только гдѣ-либо въ Европѣ начиналось народное движеніе—собирались конгрессы участниковъ священнаго союза и рѣшались, какъ поступить съ нарушителями общественнаго спокойствія. Душой и инициаторомъ дѣла былъ императоръ Александръ I, и это былъ кажется единственный изъ членовъ союза, безкорыстно преданный идеѣ послѣдняго и не преслѣдовавшій никакихъ эгоистическихъ цѣлей. Онъ понималъ идею священнаго союза гораздо шире, чѣмъ остальные соучастники и чѣмъ она осуществилась въ дѣйствительности. Въ общемъ императоръ Александръ не былъ принципиальнымъ противникомъ свободы, а лишь протестовалъ противъ революціонныхъ мѣръ для достиженія этой послѣдней. По его мнѣнію, свободу должны давать народу, если

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“ и ихъ адепты утверждаютъ, какъ будто, нѣчто подобное: онѣ также полагаютъ, что въ 60-хъ и 70-хъ годахъ наша интеллигенція, т.-е. общество, внесла много субъективнаго въ дѣло реформъ, разошлась такимъ образомъ съ народною массою, а потому необходимъ „пересмотръ“ тѣхъ реформъ, что газета и проповѣдуетъ въ разныхъ видахъ чуть не ежедневно. Но дѣло въ томъ, что московская газета подъ „пересмотромъ“ не разумѣетъ ничего другого, какъ простой поворотъ назадъ, а не дѣйствительный пересмотръ, съ цѣлью указанія и устраненія причинъ, которыя могли парализовать реформы и дѣлать ихъ иногда безплодными.

пришло тому время, сами правительства, и искренность своего убѣжденія императоръ засвидѣтельствовалъ фактомъ: въ то самое время, когда онъ защищалъ иностранныя правительства отъ нападокъ либерализма, у себя онъ поддерживалъ конституцію Финляндіи и лично открывалъ первый сеймъ въ царствѣ польскомъ. Извѣстно также, что послѣ низложенія Наполеона императоръ не хотѣлъ выводить свои войска изъ Франціи, пока Людовикъ XVIII не обяжется гарантировать конституцію. Въ то же время Александръ I, слѣдуя обязательствамъ, наложеннымъ на него священнымъ союзомъ, всегда былъ готовъ защищать права легитимизма, если имъ угрожала опасность со стороны либерализма. Такое рыцарское отношеніе къ идеѣ было, однако, принадлежностью одного императора Александра. Остальныя правительства видѣли въ союзѣ только средство борьбы съ своими народами и очень мало заботились о томъ, чтобы предупреждать народныя волненія своевременнымъ удовлетвореніемъ уже назрѣвшихъ потребностей. Они пользовались Россіей съ этой исключительною цѣлью; и результатомъ была та неслестная репутація Россіи за границей, отъ которой она не избавилась и по сіе время. Это было теченіе въ самыхъ верхнихъ слояхъ общества. Внизу же и въ срединѣ послѣдняго одновременно росла потребность къ свободѣ, вызванная событіями во Франціи конца прошлаго вѣка и національными войнами съ Наполеономъ; въ это же время нарождается и національный вопросъ, тѣсно соединенный съ стремленіемъ къ политической свободѣ и просвѣщенію. Это движеніе въ глубинахъ общества было столь сильно, что ему должны были уступить наиболѣе консервативныя правительства Европы, и такимъ образомъ, продолжаетъ г. Осокинъ, „время съ 1815 по 1850 г. есть исторія легитимизма, сперва торжествующаго, потомъ обороняющагося и мало-по-малу уступающаго мѣсто другимъ началамъ. На одномъ концѣ описываемой эпохи „мы видимъ борьбу конституціоннаго начала съ легитимизмомъ, который, восторжествовавъ безусловно на западномъ континентѣ въ продолженіе 15 лѣтъ, стремится задушить всякія попытки западныхъ народовъ достигнуть участія въ дѣлахъ государственнаго управленія въ теченіе слѣдующихъ 20 лѣтъ, но не всегда удачно“. На другомъ концѣ эпохи „наблюдаемъ побѣду новыхъ національныхъ идей надъ идеей политическаго равновѣсія и возрожденіе великаго начала народнаго и племенного единства“. Таковы руководящія политическія идеи XIX вѣка, выясненіе которыхъ и составляетъ задачу г. Осокина, хотя въ его книжкѣ читатель не найдетъ ничего особенно новаго, и экономическія основы политическаго движенія авторомъ отгѣнены очень мало, но тѣмъ не менѣе его трудъ все-таки будетъ небезполезенъ для современнаго читателя.—В. В. 3

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е марта, 1886.

И. С. Аксаковъ † 27 января. — Предѣлы для оцѣнки его дѣятельности. — Особенности таланта покойнаго и основныя черты его стремленій. — Будущее славянофильства. — Новая годовщина 19-го февраля.

Умираетъ человѣкъ, постоянно бывшій борцемъ и раздѣлявшій участь, общую всѣмъ борцамъ — нападавшій и подвергавшійся нападеніямъ, имѣвшій союзниковъ и враговъ, ни къ чему не относившійся индифферентно и ни съ чьей стороны не встрѣчавшій такого отношенія. Какъ должно отразиться извѣстіе о его смерти въ средѣ его противниковъ? Могутъ ли, должны ли они забыть все прошедшее и применить къ хору друзей покойнаго, на всѣ лады восхваляющихъ его заслуги? Нѣтъ, это невозможно, да и не нужно; невозможно потому, что безусловныя похвалы лицу неотдѣлимы, въ подобныхъ случаяхъ, отъ сочувствія его дѣлу; ненужно — потому что хвалителей и безъ того оказывается довольно. Слѣдуетъ ли, съ другой стороны, молчать, на основаніи стараго правила: *de mortuis nil nisi bene*? Это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя должны быть понимаемы и примѣняемы *cum grano salis*. Оно создано, собственно говоря, для одной только частной, домашней жизни. Въ этой области смерть почти всегда производитъ смягчающее, обезоруживающее дѣйствіе, возбуждаетъ примирительное чувство; передъ открытой могилой умолкаетъ осужденіе, и мысль останавливается неволью не на недостаткахъ, а на лучшихъ сторонахъ покойнаго. Другое дѣло — область общественной жизни. Здѣсь, по выраженію Пушкина, для умершаго тотчасъ же „настаетъ потомство“, начинается исторія. Окончаніе его дѣятельности даетъ возможность разсмотрѣть ее, какъ одно цѣлое, подвести ея итоги, сдѣлать общую ея оцѣнку. Откладывать эту работу до другого времени незачѣмъ уже потому, что она совершается сама собою въ умѣ каждаго внимательнаго наблюдателя текущихъ событій. Молчаніе печати — т.-е. той части печати, которая не можетъ удовольствоваться однимъ *bene*, — не соответствовало бы настроенію публики; оно могло бы быть истолковано въ смыслѣ пренебреженія, невниманія къ покойному, въ смыслѣ отношенія гораздо болѣе враждебнаго, чѣмъ то, которое скрывалось бы, на самомъ дѣлѣ, подъ искусственною тишиною. Припомнимъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ молчаніемъ извѣстной московской газеты послѣ смерти Тургенева, Костомарова, Кавелина... Итакъ, приведен-

ный нами афоризмъ необязателенъ для печати; она должна говорить объ умершемъ, со всею тою откровенностью, которая для нея возможна, но и съ тою сдержанностью, которой требуетъ свѣжесть недавней потери. Неприличны и неумѣстны были бы желчныя, оскорбительные отзывы о покойномъ, тѣмъ болѣе вторженіе въ его частную жизнь, которое и раньше позволяла себѣ развѣ сплетня; но исполнѣ законной является честная, добросовѣстная попытка опредѣлить, чѣмъ хотѣлъ быть и чѣмъ былъ умершій, къ чему онъ стремился и чего онъ достигъ, какъ общественный дѣятель.

Безупречнымъ, съ этой точки зрѣнія, кажется намъ образъ дѣятельности тѣхъ органовъ русской печати, которые не принадлежали, при жизни И. С. Аксакова, къ числу единомышленниковъ или союзниковъ „Руси“. Глубокое сожалѣніе объ уtratѣ, понесенной русскимъ обществомъ и русской журналистикой, искреннее уваженіе къ личности скончавшагося публициста чувствуются во всѣхъ, безъ исключенія, статьяхъ, написанныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ печальной вѣсти. Если въ дальнѣйшихъ отзывахъ объ И. С. Аксаковѣ начинается раздаваться критическая нота, то она ни разу не звучитъ слишкомъ рѣзко, ни разу не нарушаетъ спокойнаго настроенія, обусловливаемого близостью гроба. Это настроеніе было нарушено съ другой стороны... Увеличилось ли бы благочиніе похоронъ, если бы самозванные блюстители порядка стали сбивать шляпы съ прохожихъ, не обнажившихъ головы, если бы плакальщики, идущіе за погребальной колесницей, стали громко бранить тѣхъ, кто не заливается слезами? Послѣ смерти Аксакова повторилось, въ меньшихъ лишь размѣрахъ, то самое зрѣлище, котораго мы были свидѣтелями послѣ смерти Скобелева—зрѣлище людей, настолько изливающихъ свою скорбь, сколько наблюдающихъ за тѣмъ, въ достаточной ли мѣрѣ огорчены другіе. Въ довершеніе всего, это наблюденіе распредѣлялось не одинаково между различными группами мало огорченныхъ. Когда „Московскія Вѣдомости“ включили въ некрологъ Аксакова нѣсколько оговорокъ въ родѣ слѣдующихъ: „о характерѣ его политической дѣятельности могутъ быть разныя сужденія... Тогда надъ семействомъ Аксаковыхъ еще не носился духъ исключительнаго кружка“, —никто не упрекалъ ихъ за это (да онѣ и не заслуживали упрека); противъ другихъ газетъ замѣчанія, въ сущности столь же невинныя, вызвали настоящую травлю. Долго ли намъ еще остается ждать, пока уваженіе къ свободѣ и искренности печатнаго слова укоренится по меньшей мѣрѣ въ средѣ самой печати?...

Аксаковъ вступилъ въ жизнь въ то время, когда только-что слагалось и обособлялось славянофильское ученіе. Эта работа происходила на глазахъ Аксакова, въ его семьѣ и между лицами, ей близ-

кими. Неудивительно, что она овладѣла всѣмъ существомъ юноши и предрѣшила его будущую дѣятельность; неудивительно и то, что онъ принималъ ея результаты, какъ нѣчто не подлежащее никакому спору, и не внесъ ничего новаго въ доктрину, созданную его братомъ и Хомяковымъ. По своей натурѣ, по свойствамъ своего таланта, онъ былъ не новаторомъ, а пропагандистомъ, не мыслителемъ, а проповѣдникомъ; въ этомъ заключались и слабость его, и сила. Его дарованіе было по преимуществу риторическое, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Ему дана была способность выражаться красиво, говорить языкомъ звучнымъ, искусственно приподнятымъ, но эффектнымъ; въ немъ было что-то Державинское или Карамзинское, онъ былъ послѣднимъ представителемъ такъ называемаго „высокаго слога“, обновленнаго и преобразованнаго настолько, чтобы не казаться слишкомъ явнымъ архаизмомъ. Онъ любилъ употреблять славянскіе термины, любилъ измѣнять общепринятую разстановку словъ; онъ чаще вѣщалъ, нежели говорилъ, чаще повторялъ свою мысль, нежели отстаивалъ ее противъ возраженій или искалъ новыхъ для нея основаній. Кому случилось слышать хоть одинъ разъ его живую рѣчь, тотъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ рожденъ ораторомъ—но ораторомъ *ad naggandum*, *non ad probandum* ¹⁾. Его манера говорить напоминала его передовыя статьи: та же торжественность, иногда доходящая почти до тяжеловѣсности, та же увѣренность въ себя, невольная дѣйствующая на слушателя, та же тщательная и своеобразная отдѣлка фразы. Въ политическомъ собраніи онъ не могъ бы быть бойцомъ, неистощимо находчивымъ, всегда вооруженнымъ съ головы до ногъ, одинаково готовымъ отразить нападеніе и въ свою очередь напасть на врага—но никто въ его партіи не счумѣлъ бы лучше его изложить основныя начала ея символа вѣры, выразить, отъ имени политическихъ друзей, общія имъ всѣмъ чувства, упованія и надежды. То, что мы сейчасъ скажемъ, похоже на парадоксъ,—но на самомъ дѣлѣ едва ли далеко отъ истины: какъ ораторъ, Аксаковъ меньше всего соединялъ въ себѣ типическія черты русскаго свѣтскаго краснорѣчія. Мы говоримъ, покамѣстъ, не о содержаніи рѣчи, а только о ея формѣ. Русской натурѣ больше свойственны простота, сжатость, отсутствіе эффектовъ, чѣмъ многорѣчивость, фразистость и обиліе украшеній. Относительно русской изящной литературы въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; съ тѣхъ поръ,

¹⁾ Пишущій эти строки слышалъ „последнее слово“, произнесенное Аксаковымъ передъ с.-петербургскою судебною палатою (въ январѣ 1870 г.), какъ подсудимымъ по извѣстному въ свое время процессу печати (о „кусаящемся докторѣ“) — и до сихъ поръ не можетъ забыть впечатлѣнія, произведеннаго этою короткою рѣчью на всѣхъ присутствующихъ.

какъ она стала на ноги и сдѣлалась сама собою, она не имѣтъ— въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ—рѣшительно ничего общаго съ риторикой. Тою же дорогой суждено, повидимому, пойти и русскому ораторскому искусству. Исключенія возможны вездѣ и всегда, и на долю такого искренняго, убѣжденнаго ритора, какимъ былъ бы Аксаковъ на политической кафедрѣ, могла бы достаться своеобразная ораторская слава; но тѣ качества, которыми онъ былъ бы ей обязанъ, меньше всего могли бы быть названы специфически-русскими.

Активное участіе въ борьбѣ за славянофильскіе принципы Аксаковъ—сначала занятый службой въ судѣ и администраціи—сталъ принимать только въ пятидесятыхъ годахъ, когда процессъ образованія славянофильства уже закончился, и оно замѣнилось въ самомъ себѣ, порвавъ всякую связь съ своими противниками. Время изданія „Русской Бесѣды“ и „Сельскаго благоустройства“ было временемъ наибольшаго процвѣтанія славянофильства. Всѣ вожди и основатели его были еще на лицѣ, окруженные небольшимъ, но блестящимъ кружкомъ молодыхъ послѣдователей; для національной розни еще не было поводовъ, готовившееся освобожденіе крестьянъ давало широкій просторъ лучшимъ стремленіямъ не искаженной пока доктрины. Незаслуженное недовѣріе, такъ долго съ небольшими промежутками, тяготѣвшее надъ славянофильствомъ, именно въ это время нѣсколько ослабло; признаки возобновленія его проявились только тогда, когда Аксаковъ въ первый разъ попробовалъ основать свой самостоятельный органъ. По справедливому замѣчанію профессора Бестужева-Рюмина, онъ положилъ начало популяризаціи славянофильства. Онъ приблизилъ его къ дѣйствительной жизни, снялъ съ него философскія пелены, заговорилъ языкомъ общепонятнымъ—и заговорилъ притомъ, такъ прямо и такъ откровенно, какъ до него, въ русской подцензурной печати, не говорилъ никто. Въ этомъ заключается главная разгадка невзгодъ, испытанныхъ Аксаковымъ, какъ журналистомъ и дѣятелемъ славянскаго благотворительнаго общества. Всѣмъ извѣстна судьба „Паруса“, „Дня“, „Москвы“, „Москвича“, всѣмъ извѣстны подробности колоссальнаго безпримѣрнаго въ своемъ родѣ недоразумѣнія, столько разъ налагавшаго молчаніе на Аксакова и удалившаго его, наконецъ, на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ съ журнальнаго поприща; извѣстны и причины высылки Аксакова изъ Москвы, лѣтомъ 1878 года. Продлился его жизнь еще нѣсколько времени—и мы увидѣли бы, можетъ быть, повтореніе давно знакомой исторіи; за два мѣсяца до его смерти „Русь“ получила первое предостереженіе, съ упрекомъ въ отсутствіи „истиннаго патріотизма“... Что же навлекало на Аксакова административныя кары? Не что иное, какъ его тонъ—рѣшительный, свободный, чуждый тѣхъ оговорокъ

и прикритій, которыя выработались подъ вліяніемъ вѣкового гнета и которыя соединены нашимъ сатирикомъ подъ общимъ именемъ „рабьяго языка“. Откровенность, съ непривычки, показалась дерзостью, прямота—чуть не преступленіемъ. Особенно впечатлительными оказались высшіе круги, которые непосредственно задѣвали Аксаковъ. Посягательство на ихъ непогрѣшимость они смѣшивали съ посягательствомъ на „основы“; отождествляя себя съ властью, они относили къ послѣдней наносимыя имъ обиды и прикрывали свое оскорбленное самолюбіе соображеніями „высшаго государственнаго порядка“. Способствовало раздраженію и то, что Аксаковъ нападалъ на бюрократію, сомнѣвался въ ея всевѣденіи и всемогуществѣ, провозглашалъ необходимость покончить съ „бюрократическимъ періодомъ русской исторіи“. Пока статьи Аксакова просматривались цензурой, онъ могъ еще, хотя и съ большимъ трудомъ, вести свое дѣло, и „День“ умеръ естественною смертію; но безцензурная „Москва“ должна была погибнуть, потому что некому было насильственно понижать ея тонъ, а добровольно его понизить редакторъ не соглашался, несмотря на цѣлый рядъ предостереженій и временныхъ приостановокъ. Твердость, ни разу не измѣнявшая Аксакову во все продолженіе долгой и неравной борьбы, составляетъ его бесспорную, большую заслугу, и онъ былъ совершенно правъ, когда озирался съ гордостью на эту страницу своего прошедшаго. Несправедливо было бы, однако, упускать изъ виду тѣ условія, благодаря которымъ для Аксакова была возможна самая борьба, благодаря которымъ она продолжалась нѣсколько лѣтъ и не принесла личнаго вреда самому борцу. Аксакова могли считать неудобнымъ, непріятнымъ, невыносимымъ, но не могли серьезно считать неблагонамѣреннымъ или неблагонадежнымъ. Его публицистическое credo не даромъ совпадало съ официальнымъ девизомъ, провозглашеннымъ еще въ сороковыхъ годахъ. Конечно, подъ одними и тѣми же словами разумѣлось, съ обѣихъ сторонъ, далеко не одно и то же—но близость взглядовъ несомнѣнно существовала и не терялась изъ виду даже въ минуты наибольшаго недоумѣнія. Аксакова устранили съ дороги скорѣе какъ нежеланнаго союзника, чѣмъ какъ опаснаго противника—а это разница весьма большая. Если бы языкомъ Аксакова вздумало заговорить другое лицо, оно было бы прервано на полу-словѣ, и прервано навсегда; его журнальная дѣятельность не насчитывала бы и столькихъ дней, сколько годовъ продолжалась дѣятельность Аксакова... Испытанія, продолжавшіяся цѣлую четверть вѣка, уравниваются, до извѣстной степени, послѣдними пятью годами жизни Аксакова. Ему дано было, въ это время, рѣдкое счастье: ему дана была возможность высказаться вполне, договориться до окончательныхъ заключеній. Въ

особенности благопріятнымъ былъ для него промежутокъ времени съ основанія „Руси“ (въ ноябрѣ 1880 г.) до лѣта 1882 года. „Диктатура сердца“, давшая разрѣшеніе на изданіе „Руси“, была эпохой относительной свободы для всей вообще печати; „народная политика“ развязывала руки специально „Руси“. Не одно и то же, конечно, почувствовать себя на волѣ въ цвѣтѣ лѣтъ или на склонѣ жизни. Несправедливость, жертвою которой былъ Аксаковъ въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ, была заглажена слишкомъ поздно—но все-таки была заглажена. Въ этомъ отношеніи судьба улыбнулась ему больше, чѣмъ многимъ, очень многимъ другимъ дѣятелямъ русскаго печатнаго слова.

Мы уже сказали—и этого, вѣроятно, не стануть отрицать самые горячіе поклонники Аксакова,—что онъ былъ преимущественно или исключительно популяризаторомъ идей, не имъ пущенныхъ въ оборотъ, практическимъ истолкователемъ ученія, не имъ созданнаго. Чтобы оцѣнить его дѣятельность, необходимо поэтому остановиться не столько на основныхъ предпосылкахъ доктрины, которую онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, сколько на выводахъ, которые онъ изъ нея дѣлалъ. Религіозныя взгляды Аксакова были заимствованы или, лучше сказать, усвоены имъ отъ Хомякова. Когда разборъ этихъ взглядовъ сдѣлается у насъ возможнымъ, нужно будетъ конечно обратиться къ первому источнику, къ оригиналу; у Аксакова можно будетъ только прослѣдить логическое—а иногда и не-логическое—развитіе данныхъ положеній. Несомнѣнной заслугой Аксакова является здѣсь протестъ противъ церковнаго бюрократизма, проповѣдь терпимости, стремленіе доказать, что церковь должна разсчитывать на собственную силу, дѣйствовать единственно духовнымъ оружіемъ, а не обращеніемъ къ свѣтской власти. „Русь“, какъ и „День“, какъ и „Москва“, стояла за выборное начало въ организаціи прихода, за освобожденіе церкви отъ государственной опеки, за примирительный образъ дѣйствій по отношенію къ раскольникамъ. Обратною стороною медали было молчаніе по нѣкоторымъ существенно важнымъ пунктамъ церковно-государственной политики, а также смѣшеніе церковнаго вопроса съ національнымъ. Мы спрашивали когда-то „Русь“, какъ относится она къ запрещенію выхода изъ господствующей церкви, къ обязательству, обуславливающему, по нашимъ законамъ, смѣшанные браки, къ существованію духовной цензуры, къ свободѣ изслѣдованія въ области догматическаго богословія и церковной исторіи? Отвѣта мы не дождались—а безъ него нельзя опредѣлять, что значитъ „свобода совѣсти“, написанная на знамени „Руси“. Съ широкимъ пониманіемъ этой свободы не гармонировали, во всякомъ случаѣ, попытки установить нераздѣльность понятій: „русскій“ и „пра-

вославный". Чтобы доказать эту нераздѣльность, Аксаковъ не отступалъ передъ самыми невозможными тезисами; онъ утверждалъ, на примѣръ, что „германецъ-католикъ представляется въ наше время какою-то аномаліей, какимъ-то изувѣченнымъ нравственнымъ существомъ". „Изувѣченными" провозглашались, такимъ образомъ, многіе милліоны нѣмцевъ, пользующихся возжелѣннымъ нравственнымъ здоровьемъ—провозглашались только для того, чтобы подчеркнуть лишній разъ, путемъ сравненія, тождество русской національности и православія.

Краеугольный камень политической системы Аксакова, также унаслѣдованный имъ отъ брата и другихъ основателей славянофильства, принадлежитъ въ настоящее время—и принадлежалъ почти постоянно—къ числу предметовъ, на которыхъ написано крупными буквами: *poli me tangere!* Не касаясь поэтому существа самой формулы, сдѣлаемъ только одно замѣчаніе о способѣ ея защиты. Противники ея раздѣлились и раздѣляются на двѣ категоріи: одни не хотятъ о ней и слышать, признавая ее безусловно фальшивую, опасною и вредною; другіе находятъ ее только недостаточною, но отдають ей предпочтеніе передъ тою, на смѣну которой она должна придти. Съ какою изъ этихъ двухъ сторонъ скорѣе могъ вступить въ соглашеніе Аксаковъ? Конечно—со второю; у него была съ нею общая почва, на которой они могли сойтись, по крайней мѣрѣ, на время, между тѣмъ какъ отъ первой его отдѣляла непроходимая пропасть. На самомъ дѣлѣ, однако, Аксаковъ—по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности—почти непрерывно шелъ рука объ руку съ наиболѣе непримиримыми противниками его формулы. Разрывъ между ними наступалъ только въ тѣ рѣдкія минуты, когда любимый политическій тезисъ славянофильства становился вопросомъ дня—и замѣчательно, что инициатива разрыва принадлежала не Аксакову. Припомнимъ весну и лѣто 1882 года, т.-е. моментъ, предшествовавшій паденію „народной политики" и непосредственно слѣдовавшій за нимъ. Аксакова обвиняють въ это время въ „благонамѣренной болтовнѣ", въ „наркотизмѣ" фразы, приводящемъ въ омерзительныя объятія"; онъ отвѣчаетъ сдержанно, оберегая всѣ свои громы для противниковъ другого рода—и черезъ нѣсколько времени между „Русью" и главнымъ органомъ реакціи опять возобновляется согласіе, приходившееся не по нутру даже нѣкоторымъ друзьямъ и поклонникамъ Аксакова. Иногда это согласіе заходило столь далеко, что на страницахъ „Руси", какъ и на столбахъ „Берега" или „Московскихъ Вѣдомостей", „либерализмъ" отождествлялся съ „нигилизмомъ", и нигилистамъ отдавалось „преимущество послѣдовательности" передъ „либералами".

По другимъ, менѣе важнымъ вопросамъ государственной жизни, Аксаковъ часто шелъ своей дорогой, оставляя далеко позади себя своихъ печальныхъ союзниковъ или даже прямо противодействуя имъ ретроградной похоти. Авторъ „Утра въ уголовной палатѣ“, свидѣтель безобразій, творившихся въ нашихъ дореформенныхъ судахъ, участникъ движенія, внесеннаго въ эту затхлую и гнилую сферу правовѣдами первыхъ выпусковъ ¹⁾, не могъ стать въ ряды враговъ новаго судебного устройства. Статьи „Руси“, написанныя въ защиту судебныхъ уставовъ, были по истинѣ добрымъ дѣломъ; онѣ внесли разладъ въ лагерь реакціонеровъ и укрѣпили учрежденіе, висающее на волоскѣ, авторитетомъ слова, безпристрастіе котораго никто не могъ заподозрить. Гораздо менѣе опредѣленнымъ было положеніе, занятое „Русью“ по вопросу объ административной реформѣ. Важность этого вопроса Аксаковъ сознавалъ вполне, можетъ быть даже нѣсколько преувеличивалъ; онъ способствовалъ постановкѣ его на очередь, однимъ изъ первыхъ заговорилъ объ уѣздѣ, какъ о почвѣ, съ которой должно начаться преобразование—и все-таки въ пять лѣтъ не договорился до послѣдняго слова. Еще недавно печатавшая статьи г. Х. о мѣстномъ управленіи ²⁾, онъ сдѣлалъ къ нимъ оговорку, заставлявшую ожидать окончательной *profession de foi*—но, къ несчастію, дни писателя были уже сочтены. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что нерѣзительность Аксакова обуславливалась здѣсь борьбою между традиціями славянофильства и новыми вѣяніями, проникшими „въ сферу дѣятельности „Руси“. Славянофильство, по своему принципу, не исключаетъ сословности, но и не выдвигаетъ ее на первый планъ—не исключаетъ ее потому, что видитъ въ ней завѣтъ прошедшаго, не выдвигаетъ ее на первый планъ, потому что это было бы несовѣстно съ преклоненіемъ передъ народомъ, какъ хранителемъ традицій, утраченныхъ высшимъ классомъ общества. Въ критическую минуту нашей новѣйшей исторіи—въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ—пораженіе сословнаго начала совершилось при дѣятельномъ участіи славянофиловъ, связавшихъ свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ. Правда, въ это время былъ созданъ институтъ мировыхъ посредниковъ—но основатели его едва ли считали его чѣмъ-то вѣчнымъ, безусловно совершеннымъ. Двадцать пять лѣтъ, да еще такихъ лѣтъ, какія протекли послѣ 19 февраля 1861 г.—*grande aevi spatium* въ народной жизни; Самаринъ, Константинъ Аксаковъ, князь Черкасскій, усомнились бы, можетъ быть, въ цѣлесообразности возвращенія къ порядку, установ-

¹⁾ Аксаковъ былъ правовѣдомъ третьяго выпуска (1842 г.) и служилъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ предсѣдателя калужской уголовной палаты.

²⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ предыдущей книжкѣ нашего журнала.

ленному при иной, не существующей болѣе обстановкѣ. Какъ бы то ни было, учрежденіе мировыхъ посредниковъ было отчасти дѣломъ славянофиловъ—и Аксаковъ могъ высказаться, въ принципѣ, за его восстановление, не впадая въ явное противорѣчіе съ преданіями своей школы. Другое дѣло—подробности восстановления. Здѣсь нужно было выбирать между притязаніями одного сословія и интересами народнаго самоуправленія, между „властной рукой“, давно отрѣшившейся отъ „мудрости предковъ“, и народной массой, непоколебимо ей вѣрной. Легкимъ этотъ выборъ для Аксакова быть не могъ—и онъ до самаго конца его не сдѣлалъ. Онъ склонялся все болѣе и болѣе на сторону „властной руки“, но не применилъ безповоротнo къ ея систематическимъ приверженцамъ. Его могло удержать отъ послѣдняго шага и давнишнее нерасположеніе его къ бюрократіи. Ему стоило только освѣжить воспоминанія молодости, чтобы убѣдиться въ возможности существованія сословной бюрократіи; вѣдь капитанъ-исправники прежнихъ временъ служили не по назначенію правительства, а по выборамъ дворянства... Для исторіи славянофильства второй формациі во всякомъ случаѣ останется характеристичнымъ тотъ фактъ, что по воскресшему изъ мертвыхъ сословному вопросу „Русь“ стояла, по крайней мѣрѣ, одною ногою въ лагерѣ регресса. Не менѣе знаменательно и отношеніе ея къ нѣкоторымъ реформамъ, имѣвшимъ цѣлью облегченіе народной массы. Отрицалъ малоземелье, она высказывалась сначала противъ учрежденія крестьянскаго поземельнаго банка и перешла на его сторону лишь въ послѣдствіи времени, съ оговорками, не вполне соответствовавшими призванію банка. Преобразованіемъ податной системы, въ смыслѣ болѣе уравнительнаго распредѣленія податнаго бремени, она занималась мало и служила иногда отголоскомъ жалобъ, направленныхъ противъ новыхъ, справедливыхъ налоговъ—напр., противъ раскладочнаго сбора ¹⁾. По вопросу о формахъ владѣнія „Русь“ сохраняла вѣрность лучшимъ завѣтамъ славянофильства. Она стояла неизмѣнно за поземельную общину, за неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, за отмѣну ст. 165 Положенія о выкупѣ, никогда не допуская, въ этомъ отношеніи, никакихъ уступокъ и колебаній.

Не высказаннымъ осталось послѣднее слово „Руси“ о народномъ образованіи. Что Аксаковъ ставилъ выше всего старый типъ начальнаго обученія и радостно привѣтствовалъ правила о церковно-приходскихъ школахъ—это вполне понятно, и обвинять его за это мы, конечно, не станемъ; но допускалъ ли онъ существованіе свѣтской,

¹⁾ Слѣшимъ замѣтить, что статьи о крестьянскомъ банкѣ и по финансовымъ вопросамъ принадлежали не самому Аксакову.

земской школы, наряду и на равныхъ правахъ съ церковною? Опре-
дѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы у него не находимъ — но
иногда, повидимому, онъ былъ близокъ къ отрицательному его рѣ-
шенію. Мы встрѣчали въ „Руси“ глумленіе надъ такими двигателями
начальнаго обученія, какъ покойный баронъ Н. А. Корфъ, — встрѣ-
чали косвенныя указанія на возможное и желательное приведеніе
народной школы къ одному знаменателю; не предъявлялось въ ней
только требованія немедленныхъ и крутыхъ мѣропріятій по этому
предмету. Въ области средняго образованія Аксаковъ стоялъ за клас-
сицизмъ, но безъ крайностей, свойственныхъ фанатикамъ этой сис-
темы; незадолго до смерти онъ напечаталъ въ своей газетѣ, съ со-
чувственнымъ отзывомъ, статью молодого педагога, направленную
именно противъ этихъ крайностей. Къ университетскому вопросу онъ
относился довольно индифферентно и не всегда одинаково; иногда
онъ примыкалъ къ тенденціямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ — грома,
напримѣръ, стремленіе молодежи къ даровому высшему образованію,
— иногда, наоборотъ, далеко расходился съ ними — полемизируя, на-
примѣръ, противъ правилъ о повѣрочныхъ и государственныхъ испы-
таніяхъ, изданныхъ въ дополненіе къ новому университетскому уставу.

Взгляды Аксакова по національному вопросу — какъ во внутрен-
ней, такъ и въ внѣшней политикѣ, — слишкомъ извѣстны, чтобы нужно
было говорить о нихъ подробно; они стоятъ у него во главѣ угла,
занимаютъ господствующее мѣсто въ его системѣ. И здѣсь Аксаковъ
часто соприкасался съ нашими реакціонерами, никогда не присоеди-
няясь къ нимъ всецѣло. Онъ былъ вполне правъ, когда защищалъ
эстовъ и латышей отъ самовластиа и произвола остзейскихъ бароновъ,
когда отстаивалъ, въ смутное время западно-русское и польское кре-
стьянство противъ эксплуатаціи пановъ и шляхты. Послѣ Ю. О. Са-
марина, нѣкто, можетъ быть, не способствовалъ столь много правиль-
ному освѣщенію остзейскихъ порядковъ, нѣкто не поддерживалъ съ
большей энергіей вниманіе русскаго общества къ „униженнымъ и
оскорбленнымъ“ балтійской „окраины Россіи“. По отношенію къ дру-
гой западной окраинѣ дѣятельность его была менѣе полезна уже
потому, что всѣ необходимыя преобразованія совершились тамъ еще
въ шестидесятыхъ годахъ, и дѣло „обрусенія“ нуждалось, затѣмъ,
скорѣе въ сдерживаніи, чѣмъ въ поощреніи. Слѣшимъ прибавить,
что разстояніе между Аксаковымъ и правымъ флангомъ нашихъ „на-
ціоналовъ“ всегда оставалось довольно значительнымъ; по справед-
ливому замѣчанію О. О. Миллера, анти-польская полемика „Руси“ и
даже „Дня“ всегда существенно отличалась отъ такой же полемики
„Московскихъ Вѣдомостей“. Печальной ошибкой Аксакова — ошибкой
даже съ точки зрѣнія его партіи — было враждебное отношеніе его

къ украинофильству. Другою ошибкой было смѣшеніе вопросовъ національнаго и вѣроисповѣднаго,—смѣшеніе, всего ярче выразившееся въ извѣстномъ письмѣ Аксакова къ Ригеру... Роль Аксакова въ 1876—78 г. всегда будетъ предметомъ разнообразной оцѣнки, смотря по различію взглядовъ на самыя событія этой эпохи. Безусловно слабою стороною дѣятельности „Руси“ кажется намъ агитація противъ берлинскаго трактата, начатая въ 1881 г. и не прекращавшаяся до самаго послѣдняго времени. Главный недостатокъ этой агитаціи—двойственность положенія, занятаго Аксаковымъ. Онъ увѣрялъ—и, безъ сомнѣнія, совершенно искренно,—что не желаетъ войны—и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно проводилъ такія мнѣнія, изъ которыхъ логически слѣдовала ея необходимость. Если берлинскій трактатъ—„одинъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ той деморализаціи, того приниженнаго состоянія общественнаго духа, которыя обратили русскаго богатыря въ слабосильнаго больного и приготовили почву для крамолы, для убійствъ и подкоповъ“ (подлинныя выраженія Аксакова), то простое чувство самосохраненія требовало немедленной и непримиримой борьбы противъ корня зла, съ какими трудностями и какимъ рискомъ она бы ни была сопряжена; другими словами, требовался немедленный разрывъ съ Австріей, а можетъ быть, и съ Германіей. Аксаковъ уклонялся отъ этого заключенія, утверждалъ, что оно вовсе не вытекаетъ изъ его словъ—и продолжалъ твердить свое *ceterum censeo*, или излишнее, или опасное. Какимъ образомъ онъ отнесся къ перевороту, опрокинувшему, неожиданно и внезапно, одно изъ самыхъ анти-русскихъ созданій берлинскаго трактата—объ этомъ еще недавно шла рѣчь въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала.

Наше мнѣніе объ Аксаковѣ можетъ показаться тенденціознымъ, продиктованнымъ чувствами и взглядами извѣстной „партіи“; но Аксаковъ былъ политическимъ дѣятелемъ—а политическій дѣятель не можетъ быть одинаково цѣннымъ противниками и друзьями. Единогласіе мыслимо только по отношенію къ личнымъ качествамъ покойнаго—къ его искренности, твердости, политической честности,—и этимъ единогласіемъ отличаются всѣ отзывы объ Аксаковѣ. Другое дѣло—его цѣли, стремленія и идеалы, его вліяніе и результаты, имъ достигнутыя; разномысліе является здѣсь неизбежнымъ и неустраняемымъ, и различію убѣжденій естественно соответствуетъ различіе заключительныхъ выводовъ. Сильныхъ сторонъ дѣятельности Аксакова мы не скрывали, мы только не могли забыть изъ-за нихъ о всемъ остальномъ, не могли раздуть ихъ до колоссальныхъ, баснословныхъ размѣровъ, какъ это дѣлаютъ необузданные поклонники умершаго писателя. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставаясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, согласиться съ слѣдующими невѣроят-

ными словами, произнесенными въ день погребенія Аксакова: „онъ готовился грудью стать на защиту дорогой родины. И знала вся русская земля, что эта грудь стбитъ арміи и полководцевъ. Знали это и трепетали враги“. Нѣчто подобное было сказано надъ гробомъ Скобелева—но тамъ похвальба имѣла хоть какой-нибудь смыслъ, потому что рѣчь шла о полководцѣ, а полководецъ дѣйствительно иногда стоитъ арміи. Въ примѣненіи къ Аксакову она является бессмысленнымъ и смѣшнымъ плагиатомъ. До такихъ геркулесовыхъ столбовъ дошелъ только одинъ ораторъ; но далеко не свободна отъ преувеличеній и передовая статья „Руси“ (№ 32), посвященная памяти Аксакова. Изъ массы телеграммъ и писемъ, оплакивавшихъ его потерю, изъ торжественности похоронъ, изъ единодушія печати, нашедшей отголосокъ и въ славянскихъ земляхъ, выводится заключеніе, ни мало не оправдываемое всѣми этими данными. „Многіе ли сознавали“, восклицаетъ временная редація „Руси“, „что за Аксаковымъ стоялъ русскій народъ, что его газета служила выраженіемъ дѣйствительнаго, здраваго общественнаго мнѣнія Россіи, что она-то и указывала тотъ путь, по которому должна идти Россія, если она не хочетъ измѣнить своему историческому призванію? Все это стало явно со смертію Аксакова. Духъ его, представъ передъ Всевышнимъ, „въ свѣтъ судебъ Божіихъ узрѣлъ судьбы родной земли“, но этотъ свѣтъ озарилъ и Россію, завѣса спала съ глазъ, и очи наши просвѣтлѣли“. Дружба имѣетъ свои права, но здѣсь она пользуется ими уже черезъ-чуръ широко. Какъ! нѣсколько сотъ телеграммъ, съ нѣсколькими тысячами подписей, представляютъ собою общественное мнѣніе всей Россіи? Изъ того, что между этими подписями встрѣчаются имена нѣсколькихъ крестьянъ, слѣдуетъ заключить, что за Аксаковымъ стоялъ весь русскій народъ? Въ числѣ телеграммъ есть посланныя корпораціями (университетами, учеными и благотворительными обществами, земскими собраніями, городскими думами и т. п.)—и, между прочимъ, такими корпораціями, въ составъ которыхъ несомнѣнно входятъ политическіе противники Аксакова; значитъ ли это, что они внезапно и поголовно обратились въ славнофиловъ? Не очевидно ли, что друзья покойнаго соединили въ одно цѣлое два совершенно различныя чувства: уваженіе и симпатію къ лицу Аксакова—съ увлеченіемъ его идеями и идеалами? Просмотрите текстъ телеграммъ—въ огромномъ ихъ большинствѣ вы найдете выраженіе одного лишь перваго чувства. Этимъ объясняется ихъ многочисленность, этимъ объясняется возможность участія въ нихъ, напримѣръ, редакторовъ нѣмецкихъ газетъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ. Мы далеки отъ мысли умалять значеніе впечатлѣнія, произведеннаго смертію Аксакова; мы хотимъ только показать его такимъ, какимъ

оно было на самомъ дѣлѣ. Счастливы тѣхъ, на долю котораго, послѣ продолжительной и бурной политической дѣятельности, могло достаться, съ разныхъ сторонъ, столько искреннихъ, глубокихъ сожалѣній! Они свидѣлствуютъ неопровержимо о чистотѣ его намѣреній, о нравственной его безупречности—но къ чему же искать въ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ? Къ чему смѣливать огорченіе съ убѣжденіемъ и обращаться печалью по хорошему человѣку въ принатіе его политической доктрины?

По странному противорѣчію, одновременно съ побѣдой славянофильства провозглашается—тѣми же, отчасти, устами,—его упадокъ и оскуднѣніе. „Некому взять выравнявшееся изъ охладѣвшихъ рукъ наредно-русское и славянское литературное знамя... Никто не можетъ замѣнить Ивана Сергѣевича въ дѣлѣ, надъ которымъ онъ работалъ—по крайней мѣрѣ замѣнить его съ такою же оцѣнкою, силою и беззаветною преданностью“... Это мы читаемъ въ надгробномъ словѣ, сказанномъ при отпѣваніи Аксакова; а вотъ что говорится въ передовой статьѣ, на которую мы уже ссылались. „Съ Аксаковымъ умеръ послѣдній представитель московской славянофильской школы; она совершила свое дѣло. Отнынѣ вся Россія будетъ блюсти огонь на свѣтильникѣ (зажженномъ предшественниками Аксакова), и онъ будетъ возгораться все ярче и ярче“. И здѣсь, изъ—подъ оболочкою громкихъ, пустовонныхъ фразъ, сквозитъ та же мысль, которая выражена въ надгробномъ словѣ: славянофильству насталъ конецъ, оно перестало существовать вмѣстѣ съ Аксаковымъ. Ученіе, поддерживаемое всею Россіей—это не что иное, какъ мнѣ; всѣ или никто—въ данномъ случаѣ одно и то же. И дѣйствительно, преемниковъ Аксакова пока не видно; только крайнимъ недостаткомъ воинствующихъ силъ можно объяснить временную приостановку „Руси“, вызванную прошлогоднею болѣзнію Аксакова, или совершенное ея прекращеніе, вызванное его кончиною. Мы не вѣримъ, однако, въ исчезновеніе славянофильства—не вѣримъ потому, что оно несомнѣнно существуетъ въ обществѣ, несомнѣнно удовлетворяетъ умственной потребности, еще не угасшей. Въ какой степени распространена эта потребность, растеть ли она въ ширь и глубь или, наоборотъ, постепенно иссякаетъ—это вопросъ другой. Когда „Русь“ приписывала себѣ вліяніе на молодежь, говорила о поворотѣ, происшедшемъ въ общественномъ мнѣніи, мы всегда скептически относились къ ея словамъ, и не видимъ причинъ измѣнять это отношеніе въ настоящее время; но промѣнить отходную славянофильству—значило бы впасть въ противоположную крайность. Оно имѣетъ приверженцевъ въ Петербургѣ, и, конечно, не въ одномъ только Петербургѣ; рано или поздно они найдутъ органъ для выраженія своихъ мнѣній—и нельзя не

пожелать, чтобы это случилось какъ можно скорѣе. Повторяемъ сказанное нами годъ тому назадъ, по поводу временной приостановки „Руси“: какъ неполонъ оркестръ безъ одного изъ главныхъ инструментовъ, такъ неполна періодическая печать, въ которой не представлено одно изъ умственныхъ теченій минуты. Для опредѣленности данного взгляда, для постепеннаго выясненія всѣхъ его сторонъ, всѣхъ практическихъ его примѣненій, необходима непрерывная его разработка, совершающаяся на виду у всѣхъ, освѣщаемая полемикой, допускающая содѣйствіе и противодѣйствіе. Славянофильству скоро минетъ полъ-вѣка—но оно до сихъ поръ еще не высказалось окончательно. Это зависѣло сначала отъ его молодости и отъ вѣнскихъ стѣсненій, потомъ отъ свойствъ таланта и натуры Аксакова. Всего яснѣе эти свойства обрисовались однажды въ собственномъ сознаніи Аксакова. „Все это только слова и слова, скажутъ намъ; укажите же, какъ стать самимъ собою, какъ возстановить цѣльность жизни?.. Мы не знаемъ. Мы не обладаемъ такимъ секретомъ“ („Русь“ 1881 г., № 59). Пускай же отыщется обладатель секрета, пускай же славянофильство произнесетъ, наконецъ, свое послѣднее слово; только тогда съ нимъ могутъ быть сведены всѣ счеты, только тогда оно можетъ побѣдить—или исчезнуть. Мы порадовались поэтому, когда прочли въ газетахъ извѣстіе о разрѣшеніи новаго ежемѣсячнаго изданія, во главѣ котораго станетъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ Аксакова (г. Шарановъ). Нужно надѣяться, что оно будетъ выходить безъ предварительной цензуры, и что ничто не помѣшаетъ ему высказаться до конца... Переставъ писать стихи, Аксаковъ не пересталъ быть поэтомъ; отсюда легкая дымка, такъ часто облекавшая его мысль. Г. Шарановъ, насколько можно судить по его газетнымъ статьямъ и книгамъ, чуднѣ вслѣвой поэтъ; тѣмъ легче для него будетъ поставить точку надъ „і“ и показать намъ славянофильство въ его будничномъ, прозаичномъ—т.-е. настоящемъ видѣ.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Существуетъ мнѣніе, по которому народничество представляется видоизмѣненіемъ славянофильства—а такъ какъ народничество проникаетъ даже въ сферы, прежде заботившіяся только объ „обществѣ“ и забывавшія о народѣ, то побѣдителемъ, въ концѣ-концовъ, слѣдуетъ признать славянофильство. Вторую часть этого тезиса мы оставляемъ въ сторонѣ, потому что разборъ ея увлекъ бы насъ слишкомъ далеко; для насъ достаточно напомнить, что народничество не имѣетъ никакой преемственной связи съ славянофильствомъ, что сходство между ними—чисто вѣнское. Въ основаніи славянофильства лежитъ „націонализмъ“, котораго народничество совершенно чуждо. Народничество сводится къ служенію

массѣ, интересы которой далеко не всегда совпадаютъ съ односторонне понятыми интересами націи.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе, первая четверть вѣка со времени величайшаго событія новой русской исторіи—со времени освобожденія крестьянъ. Чтобы жить навсегда въ памяти народа, свѣтлый день 19-го февраля не нуждается въ юбилейныхъ празднествахъ и торжествахъ. Оправдались не всѣ надежды, нѣтъ возбужденія, исчезли не всѣ опасенія, много разъ возникавшія за судьбу реформы; но все, что у насъ есть теперь хорошаго, связано съ первымъ—въ любомъ смыслѣ слова—преобразованиемъ прошедшаго царствованія,—и съ нимъ же связано все лучшее, чего можно ожидать отъ будущаго...

Отъ Редакціи. — На составленіе капитала сельской школы, устроенной покойнымъ К. Д. Кавелинымъ, въ с. Ивановѣ, тульской губ., бѣлевскаго уѣзда, вновь получено: 1) отъ А. А. Каменской 25 р.; 2) отъ NN изъ Орла 1 р.; а всего 26 руб.; съ полученными прежде 326 руб.—352 руб.

Кромѣ того, доставлено особо на памятникъ К. Д. Кавелину, отъ NN. изъ Орла 1 р.; съ полученными прежде 100 руб.—101 руб.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БЕЗЪ ЛЮБВИ

РОМАНЪ.

„Жизнь прожить — не поле перейти“.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

Поѣздъ варшавской желѣзной дороги пришелъ рано утромъ. Изъ вагона третьяго класса вышелъ Штаркъ и пошелъ по дебаркадеру, шлепая тяжелыми калошами и волоча одной рукой маленький парусинный чемоданчикъ.

Навѣрное онъ плохо провелъ свою ночь на жесткихъ скамейкахъ тѣснаго и душнаго вагона: это отпечаталось ясно на его помятомъ лицѣ съ зеленоватыми тѣнями и рѣзкими складками. Онъ шелъ усталой походкой, слегка сдвинувъ на затылокъ шапку — по неискоренимой привычкѣ, внезапно обнаруживающей еврея въ самомъ утонченномъ франтѣ; а такъ какъ никто менѣе Штарка не способенъ быть франтомъ, то онъ и не позаботился нисколько о томъ, чтобы привести въ порядокъ свою рыжую бороду или смягчить презрительное и угрюмое выраженіе лица. На улицѣ онъ долго торговался съ извозчиками, пока, наконецъ, усьлся въ сани, запихавъ подъ ноги чемоданъ; онъ терпѣливо тащился на другой конецъ города, ни разу даже не подогнавъ возницу — что впрочемъ и было бы совершенно бесполезно. Сгорбившись въ усталой позѣ,

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

Давидъ Семенычъ погрузился въ мысли, очевидно, самыя невеселыя...

Улицы города еще не успѣли принять своего обычнаго оживленнаго вида; чернорабочіе давно разошлись по своимъ работамъ, а населеніе зажиточное еще покоится мирнымъ сномъ. На тротуарахъ попадаются заспанные дѣти съ ранцами за плечами или съ сумками въ рукахъ, кухарки, за которыми мальчуганы въ бѣлыхъ фартукахъ несутъ на головахъ купленную провизію, экономныя хозяйки, не брезгающія и собственноручно дотащить съ Сѣнной тяжеловѣсныя кульки. Купцы, мастеровые и мелкіе чиновники весело или сумрачно спѣшаютъ къ своимъ обязанностямъ; но улицы кажутся необыкновенно просторными и пустыми, потому что обычная ѣзда еще не начиналась. Только по направленію къ вокзаламъ или отъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ спѣшаютъ нагруженные чемоданами путешественники, да безконечными веренищами, съ громомъ и стукомъ, тянутся тяжеловѣсныя ломовики. Жалкая лохматая кляча ночного извозчика шагомъ тащитъ домой спящаго возницу, уткнувшись головой въ козла, но извозчики денные только еще начинаютъ съѣзжать съ дворовъ. Магазины одинъ за другимъ, гремя болтами, распахиваютъ свои двери; дворники поспѣшно дометають улицы; полицейскіе одиноко торчатъ на своихъ постахъ. Хмурый зимній день, словно нехотя, владеть концъ всеобщему отдыху, какъ будто и самому ему до смерти надобна его вѣчная роль безстрастнаго зрителя...

Штаркъ нанималъ двѣ маленькія комнаты съ мебелью въ одномъ нѣмецкомъ семействѣ и жилъ въ нихъ чрезвычайно хозяйственно для интеллигентнаго пролетарія, проводящаго большую часть дня внѣ дома. Вездѣ у него царилъ самая педантическая аккуратность и чистота; на столахъ, накрытыхъ клеенками—ни пылинки, на окнахъ—цвѣты въ блестящемъ видѣ, безъ единого желтаго листочка. Книги, красиво уставленные на полкахъ, точно красовались для вида, а не были въ ежеминутномъ употребленіи. Нигдѣ нѣтъ гвоздей съ нацѣпленными на нихъ принадлежностями туалета, никогда нельзя застать на столахъ небранную посуду, увидѣть въ подсвѣчникахъ неряшливые огарки или на полу ципросные окурки. За однимъ изъ оконъ имѣется даже деревянный ящикъ для провизіи, какіе устраиваются въ кухняхъ; Штаркъ ужиналъ дома и у него всегда найдется чѣмъ угостить завернувшаго пріятеля.

Добравшись до дому, Давидъ Семенычъ попросилъ впустившую его чухонку сварить ему поскорѣ кофе; прежде чѣмъ приступить къ переодѣванію, онъ заглянулъ въ маленькій стѣнной шкафчикъ,

изящной столярной работы, который висѣлъ надъ его письменнымъ столомъ, куда обыкновенно складывались всѣ письма, получаемыя въ его отсутствіе.

Прежде всего ему попалась подъ руку лаконическая записка на клочкѣ бумаги:

„Извѣсти немедленно, когда вернешься. Максъ“.

Кромѣ нея было два письма: одно отъ Лизаветы Игнатьевны, другое... Штаркъ равнодушно перевернулъ конвертъ и весь вздрогнулъ, при видѣ почерка, которого не ожидалъ ни въ какомъ случаѣ... Онъ поднялъ конвертъ близко къ глазамъ и прочиталъ отъ начала до конца весь собственный адресъ, вплоть до штемпеля городской почты. Потомъ рука съ письмомъ опустилась на столъ и онъ глубоко задумался, позабывъ, что стоитъ въ шапкѣ на головѣ, съ шарфомъ на шеѣ и съ чемоданомъ у ногъ.

Онъ опомнился только, когда за дверью еухарка начала стучать ручкой замка, въ третій разъ уже освѣдомляясь, можетъ ли она войти; тогда Штаркъ положилъ оба письма рядомъ на столъ и ушелъ въ спальню.

Четверть часа позднѣе, усѣвшись передъ стаканомъ кофе за обведеннымъ столомъ, надъ которымъ спускалась висячая лампа, Штаркъ распечаталъ, сначала, письмо Кубанской. Она сообщала въ короткихъ словахъ, что свадьба назначена весною, что невѣста необыкновенно весела и просила его собраться къ ней, какъ можно скорѣе.

Штаркъ спряталъ письмо обратно въ конвертъ, въ раздумьѣ отпилъ полъ-стакана кофе медленными, маленькими глотками—и тогда только, не спѣша, разорвалъ второй конвертъ и вытащилъ листокъ, исписанный со всѣхъ сторонъ мелкимъ и неровнымъ женскимъ почеркомъ. Онъ дѣлалъ все это медленно, съ паузами; его грудь такъ рѣдко и тяжело вздымалась, какъ будто онъ сознавалъ напередъ, что предстоящее чтеніе неминуемо подниметъ цѣлую бурю въ его душѣ—точно заранѣе собирался съ силами.

„Я знаю, вы не нуждаетесь больше въ этомъ запоздаломъ отвѣтѣ на ваше письмо. Я была такъ обижена имъ, что сама не ждала, что когда-нибудь буду писать вамъ,—а мое замужество въ такой мѣру возмутитъ васъ, что, пожалуй, это черезчуръ большая самонадѣянность, съ моей стороны, думать, что между нами возможно какое-нибудь объясненіе? Я все-таки пишу. Я не хочу думать, чтобы мой другъ и учитель не пожелалъ выслушать моего чистосердечнаго покаянія передъ новой судьбой, которую я безвозвратно избрала для себя... Васъ я не могу, да и не хочу обмануть, а потому не буду скрывать, что я нисколько не люблю

моего жениха. Ну, да! я тщеславна и избалована. Я страпуюсь бѣдности, я не могу жить безъ блеска. Я хочу насладиться властью — единственной доступной мнѣ — властью красивой женщины! Всѣ мужчины тоже честолюбивы и всячески добиваются власти — съ тою разницей, что ихъ тщеславіе прощается и ихъ власть ведетъ къ почету и славѣ. Женщинѣ доступна только одна власть — если ее вручила ей сама природа — и неужели вы не понимаете, сколько въ этомъ очарованія и соблазна?! Чтобы отречься добровольно — надо имѣть безгрѣшное сердце, недоступное искушенію; но кто же вложить его въ себя собственными руками?! Быть можетъ, я вовсе не сознавала бы, въ какой мѣрѣ я виновна, не расплачивалась бы такъ дорого за свою рѣшимость — еслибы раньше я не знала васъ. Вы запрещаете мнѣ называть любовью то чувство, которое я испытывала; но однакожъ одно воспоминаніе о немъ отравляетъ мнѣ жизнь, когда все складывается точно такъ, какъ я хочу... Если то не любовь — значить, я вовсе не способна любить, и этому я очень, очень рада! Я слишкомъ еще мало жила на свѣтѣ, чтобы дѣлать собственные выводы — но все, что до сихъ поръ я видѣла и что переживаю сама, убѣждаетъ меня въ одномъ: однихъ мужчинъ любить глупо, потому что они этого не заслуживаютъ, а другихъ полюбить опасно, если не хочешь отказаться навѣки отъ собственной воли. Остается третье: позволять любить себя и выбрать беззаботную, роскошную, веселую жизнь богатыхъ людей. Вы меня презираете — слѣдовательно, вы не страдаете. Повѣрьте, когда-нибудь вы будете благодарить свою судьбу! Но еслибы вы захотѣли вернуться къ тому, съ чего мы начали — къ роли моего учителя и друга, вы увидѣли бы, что ваша маленькая ученица сдѣлала большіе успѣхи и лучше теперь знаетъ цѣну людямъ. И подумайте — не больше ли теперь, чѣмъ когда-нибудь, она нуждается въ дружбѣ?.. Но нѣтъ. Вы прощать не умѣете. Будьте счастливы.

Н. К. "

Штаркъ читалъ. Крупныя капли пота выступали на его блѣдномъ лбу, тонкій листокъ трепеталъ между пальцами. Едва пробѣжавъ глазами заключительныя слова, онъ съ ожесточеніемъ изорвалъ его на самыя крохотныя кусочки и отшвырнулъ отъ себя широкимъ протестующимъ взмахомъ. Рукавъ задѣлъ по чайной ложечкѣ въ недопитомъ кофе и стаканъ со звономъ полетѣлъ на полъ, вслѣдъ за бѣлыми хлопьями, разлетѣвшимися по комнатѣ.

О! это ужъ черезчуръ! только женщина. только безнравственная и порочная, по самой натурѣ своей, женщина могла набраться

такой отваги, чтобы заикнуться о дружбѣ, чтобы призывать его въ себѣ—одной строкою ниже всѣхъ тѣхъ возмутительныхъ признаній, которыя сама же излагаетъ съ этимъ неподражаемымъ апломбомъ наивнаго безстыдства! Прежде даже, чѣмъ успѣла окончательно перешагнуть черезъ него на свой путь узаконеннаго позора!.. О, да! конечно, онъ благословляетъ судьбу и страдаетъ только отъ своего безмѣрнаго гнѣва, отъ скорби видѣть двадцатилѣтнее, прелестное созданіе павшимъ такъ низко... Нѣтъ. Кому лгать? нѣтъ—онъ страдаетъ еще за свои поруганныя мечты, за всѣ муки и радости, за каждое чистое волненіе своего мужественнаго сердца. Оно не знало никогда „игры въ любовь“—оно не дѣлало легкомысленной и соблазнительной забавы изъ горячей потребности взять другое, слабое существо подъ охрану своей силы и твердости...

Бѣжать опасныхъ увлеченій, жить стойкомъ, аскетомъ—только для того, чтобы въ двадцать-семь лѣтъ разыграть наивнаго мальчика, повѣрить по первому слову и отдать всю свою душу, все свое нетронутое сердце за удачную роль, которую—едва изъ пеленокъ—уже умѣетъ разыгрывать каждая дѣвочка!.. за эту забаву, пробу собственныхъ силъ надъ нимъ, чтобы потомъ лучше владѣть ими, легче обманывать и вѣрнѣе добиваться всего, что только вздумается пожелать!..

Да. Такъ бываетъ и такъ должно быть съ тѣмъ, кто измѣняетъ собственнымъ идеаламъ, кто не ищетъ терпѣливо и заботливо чистую, скромную подругу—а, ослѣпленный красотой, плѣненный чарами, начинаетъ подстраивать смутныя теоріи о перевоспитаніи и исправленіи!.. Кто малодушно рядится въ руководителя и учителя—чтобы скрыть постыдное безсиліе раба; кто вѣритъ въ свои химеры, потому только, что не имѣетъ мужества отказаться отъ нихъ!..

Да! Вотъ, вотъ оно — вѣчное, постыдное рабство мужчины! Вотъ оно проклятіе неба, надъ которымъ онъ всегда, съ такой увѣренностью, произносилъ свой судъ!.. Тѣ, кого онъ презиралъ и осуждалъ, были не хуже его. Они тоже не хотѣли упасть въ эту бездну. Они не хотѣли бороться, соперничать, ненавидѣть, подозрѣвать, ревновать... Они не рассчитывали отвѣтить неблагодарностью на истинную любовь, измѣнять... Они бы дорого дали, чтобы не платить предательствомъ за дружбу, не обманывать, не соблазнять... Они не ждали, что притворяясь и хитря, скрываясь и трусая, они будутъ брать тайкомъ, будутъ красть то, что Богомъ дано на радость людямъ... Они тоже искали очаровательнаго рая, а попадали въ мучительный плѣтъ!..

Ему бы погодить осуждать ихъ такъ строго! Ему бы пожалѣть снисходительнѣе, когда его другъ, Максимъ Зандеръ—всѣми любимый, подававшій такіа блестящія надежды, произведшій такое лестное впечатлѣніе своими первыми юношескими работами—когда вдругъ онъ все бросилъ, исковеркалъ свою судьбу, послалъ въ чорту свою ученую карьеру, чтобы слоняться по свѣту въ двусмысленной роли повѣреннаго по дѣламъ какою-то богатой польской графини изъ прусской Польши; полагалъ всѣ свои недюжинныя способности на политическія интриги, завязывавшіяся или распутывавшіяся въ роскошномъ свѣтскомъ салонѣ, и доигрался въ опасную игру до того, что теперь ему воспрещенъ въѣздъ въ Россію и только тайкомъ, съ громаднымъ рискомъ, онъ можетъ, отъ времени до времени, навѣщать семью и друзей... Ему бы не писать тогда обидныхъ, негодующихъ писемъ, не читать мораль, которая каждому извѣстна не хуже чѣмъ ему!.. Вѣдь польская графиня—свѣтская красавица, утонченно образованная, талантливая, умная, ловкая и вкрадчивая—не чета маленькой Надѣ Кубанской, едва ступающей свои первые, шаткіе шаги!..

Давно ли граціозная и очаровательная, черноглазая дѣвочка сидѣла передъ нимъ за своими учебниками въ смиренной позѣ школьницы, а онъ дружески строго выговаривалъ ей за небрежность ея работъ, за неискоренимую погоню за всѣмъ, что забавно и эффектно, что легко дается и выгодно пускается въ оборотъ... Давно ли въ откровенныхъ, дружескихъ спорахъ съ Лизаветой Игнатьевной, онъ, со вниманіемъ врача и съ интересомъ философа, разлагалъ на составные элементы ея натуру, анализировалъ ея поступки, угадывалъ побужденія—и такъ пламенно вѣрилъ въ силу добра и правды, такъ постепенно, такъ незамѣтно для самого себя захотѣлъ—о! всѣми силами своей души захотѣлъ!—начертать собственные идеалы на чистыхъ страницахъ юнаго сердца... Онъ не сомнѣвался, что это возможно и что именно онъ сумѣетъ выполнить это.

Штаркъ то садился къ письменному столу и задумчиво игралъ большимъ костянымъ ножомъ, то стоялъ у окна и безсознательно ломалъ на маленькіе кусочки большой, блестящій листъ латанія, имъ же старательно всхоленный; потомъ онъ бросался на диванъ и, закинувъ обѣ руки за голову, запрокидывалъ ее на высокую спинку и надолго оставался недвижимъ, не видя собственной комнаты, не замѣчая уходящаго времени.

Онъ переживалъ ее всю снова, отъ начала и до конца, долгую, но блѣдную повѣсть своей любви. Онъ такъ всецѣло со-здалъ ее самъ своимъ горячимъ воображеніемъ, своими пламенными

надеждами, своими чистыми мечтами—его героиня играла въ ней такую пассивную роль, — что не было мелочи, не было самой ничтожной подробности, которая бы не уцѣлѣла въ его памяти, не выплывала бы теперь, какъ улыбка его довѣрчивости и само-надѣянности.

Въ большой залѣ не зажигаютъ еще огня и только свѣтъ отъ лампы въ прихожей, черезъ открытую дверь, слабо оваряетъ переднюю часть комнаты, рисуетъ смутно контуры мебели, бросаетъ длинные, расплывающіяся тѣни по лоснящемуся паркету. Въ темныхъ углахъ причудливо выступаютъ большіе, перистые листья пальмъ, безъ стеблей, какъ будто повисшіе въ воздухѣ. Въ полу-мракѣ таинственно мерцаютъ на стѣнахъ позолота рамъ...

Его молоденькая ученица, давно уже покончившая съ уроками и задачами, передаетъ ему, для просмотра, свое сочиненіе на тему изъ русской литературы. Она увлекла его въ темный залъ и странно, непонятно волнуется, то отдавая, то снова отнимая у него свою тетрадку. „Вы меня не осудите?.. вы не будете смѣяться?“ .. повторяетъ она такимъ умоляющимъ и прерывистымъ шопотомъ, что это волненіе сообщается и ему. Въ его умѣ разомъ воскресаютъ взгляды и улыбки, то вызывающіе и лукавые, то нѣжные и робкіе—странная неровность ея обращенія, мечтательное и тоскливое выраженіе, скovskyвающее минутами живыя черты... Съ священнымъ трепетомъ онъ принимаетъ тетрадку, гдѣ, между страницъ, вложенъ листокъ съ наивнымъ признаніемъ, и несется домой, уже разгадавъ тайну, несется, потрясенный до глубины души, гордый и упоенный...

Здѣсь, передъ этимъ самымъ столомъ, онъ плачетъ отъ благодарности и умиленія, что эта юная дѣвочка, эта избалованная русская барышня, эта красавица, полюбила его, бѣднаго еврея, что не страшитъ ее темная доля подруги труженика, безправнаго и отверженнаго члена человѣческой семьи, что она не боится осужденія и насмѣшекъ общества, не страшится гнѣва и сопротивленія отца! За этимъ столомъ онъ рѣшаетъ принести ей свою великую жертву: принять клеймо отщепенца и измѣнника, чтобы честно и открыто стать подъ сѣнь однихъ вѣрованій и понятій съ новой семьей, со своей страной. Онъ вѣритъ въ ея звѣзду, онъ ее любитъ, онъ честно, искренно сливается съ нею, но его поступокъ будетъ или осужденъ, или осмѣянъ, ему равно не простятъ ни тѣ, отъ кого онъ уходитъ, ни тѣ, кому протягиваетъ братскую руку...

Онъ переживаетъ это долго, тяжело—преисполненный всецѣло торжественностью и важностью такого переворота, удручаемый

горькими, мучительными ощущеніями, которыми онъ не знаетъ сравненія... Онъ готовится честно и строго къ новому долгу, который привыкъ чтить свято и вѣрно.

Ему бы погодить залетать за облака; ему бы поостеречься думать и чувствовать за другого, прислушаться бы внимательнѣе къ плѣнительнымъ рѣчамъ!..

Мало-по-малу, съ трудомъ, но онъ замѣчаетъ, наконецъ, что они смотрятъ на дѣло не совсѣмъ одинаково. Правда, Надя призналась, что любить его, сама, безъ его вызова, но она недаромъ хорошенькая дѣвушка, начитавшаяся всевозможныхъ романовъ, инныя вещи она умѣетъ угадывать несравненно лучше, чѣмъ онъ. Она любитъ, но кто же сказалъ ему, что она готова раздѣлить его жалкую судьбу?.. Въ его понятіяхъ это всегда сливалось въ одно, но затѣмъ же онъ не требуетъ, чтобы она сама подтвердила это?..

Штаркъ переживалъ, въ своемъ воспоминаніи, смутное, мучительное время. Послѣ внезапнаго, быстрого сближенія—такое же быстрое отчужденіе. Онъ оттолкнулъ ее торжественностью своего настроенія, нагонялъ на нее и страхъ и скуку своими требовательными, строгими сужденіями. Но все же онъ властвовалъ надъ нею могуществомъ невольной, таинственной симпатіи, заставлялъ, противъ воли, любоваться энергіей и увѣренностью своихъ рѣчей, трепетать отъ скупыхъ и рѣдкихъ признаній, намековъ, мгновенныхъ и отрывочныхъ, на ту бездну сдержанной страсти, ни на кого и ни на что не растраченной, которая таилась подъ его суровой внѣшностью... Надя то избѣгала его, не зная, какъ выпутаться изъ своего положенія, то втихомолку оплакивала, что онъ бѣднякъ и еврей... Она прислушивалась, въ уныломъ раздумьѣ, къ горячимъ рѣчамъ Лизаветы Игнатьевны, когда та старалась разъяснить ей его достоинства.

Онъ видѣлъ, что она колеблется. Уязвленному въ самое больное мѣсто, никогда больше ему не пришлось испытать той умиленной благодарности, съ какою прочелъ онъ ея незамысловатое признаніе. Но отчего же, по мѣрѣ того, какъ она умалывалась и спускалась, въ его сердцѣ крѣпла новая, покровительственная нѣжность?.. Отчего жалкая, безсильная и малодушная, она становилась точно еще дороже, еще милѣе?..

Штаркъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые долго переживаютъ что-нибудь безсознательно. Онъ скоро понялъ, что ищетъ въ любви не опоры и не поддержки, а ту цѣль, ту заботу, на которую можно избыть богатство собственныхъ силъ. Врядъ ли даже онъ былъ бы способенъ полюбить женщину сильную, само-

бытную и самостоятельную, которая отнесется въ нему, какъ равная, и подвергнетъ его своей критикѣ. Онъ былъ черезчуръ еврей, чтобы не смотрѣть на женщину сверху внизъ, чтобы не царить безапелляціонно въ святилищѣ семейнаго очага, котораго никто не чтитъ такъ свято, никто не оскверняетъ такъ исключительно рѣдко, какъ еврей?..

Жена кроткая, покорная и нѣжная, что могло быть проще такого идеала? Какъ же могъ онъ дойти до такого обольщенія, до такого затмѣнія, чтобы полюбить полную противоположность этому идеалу, и потомъ долго, мучительно, унижительно отстаивать свое безуміе!.. Есть люди, почти недоступные разочарованію въ своихъ привязанностяхъ, отъ избытка, быть можетъ, самодовольной увѣренности въ себѣ, отъ привычки всегда полагаться на собственную непогрѣшимость. Въ своей любви люди эти любятъ опять-таки себя—собственную утѣху, собственную радость, или свое страданіе, свою заботу. Одинъ фальшивый шагъ ставитъ ихъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго имъ нѣтъ выхода. Умный и проницательный Штаркъ непостижимо долго не могъ взять въ толкъ той простой истины, что Надя вовсе не любитъ его настолько, чтобы стать его женой. Онъ никогда не расточалъ необдуманно знаменательныхъ словъ, онъ всегда пряталъ самолюбиво свою любовь и въ этомъ первомъ единственномъ романѣ своей жизни онъ принималъ легкомысленно бросаемыя слова во всемъ глубокомъ смыслѣ, который онъ самъ вкладывалъ въ нихъ. Подъ мимолетно-нѣжными взглядами дѣвочки онъ подразумѣвалъ всю ту бурю, которая таилась въ его собственной груди. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ женщинѣ ничего не стоитъ провести и которые довольствуются, въ сущности, очень малымъ, дополняя остальное собственной увѣренностью въ себѣ.

Изъ всѣхъ героевъ, это родъ наименѣе интересный. Для женщинъ, глубоко и утонченно чувствующихъ, они представляютъ арену черезчуръ тѣсную; тутъ не къ чему примѣнить своей виртуозности въ области ощущеній, некуда дѣтъ своей чуткости и отзывчивости, не на что излить всѣ разнообразныя сокровища души—онѣ какъ даровитыя актрисы, которымъ не даютъ хорошихъ ролей. Для легкомысленныхъ кокетокъ эти люди опять-таки черезчуръ тяжеловѣсны и непонятливы. Ихъ, быть можетъ, легко завоевать, но, Боже мой, какъ трудно отъ нихъ отдѣлаться!.. Какъ охотно и какъ прочно водворяются они на своей излюбленной позиціи обожаемаго властителя, какъ слѣпны, упрямы и недогадливы тамъ, гдѣ человѣкъ, менѣе самоувѣренный, давно терзался бы всѣми муками ревности и подозрѣній... Они опасны

взрывами благороднаго возмущенія, своего неумолимаго негодованія—ихъ боятся, и потому-то имъ суждено доходить до истины долгимъ и унижительнымъ путемъ обмановъ и увертокъ, доигрывать до послѣдняго конца роль одураченныхъ любовниковъ и обманутыхъ мужей... Но это также тѣ люди, которые никогда не прощаютъ. Чуждые сомнѣній, они никогда не предвидятъ опасности и ударъ всегда обрушивается на нихъ со всей оглушающей силой внезапности.

Штаркъ прочелъ все письмо, трепеща отъ негодованія; но послѣднихъ строкъ, гдѣ Надя имѣла легкомысленную дерзость заикнуться о прощеніи, этихъ строкъ онъ не имѣлъ силъ даже дочитать, какъ слѣдуетъ.

И въ самомъ дѣлѣ!.. не прельстится ли ему соблазнительной ролью „друга“ молоденькой женщины, настолько предусмотрительной, что еще до свадьбы она прекрасно соображаетъ всю скуку имѣть нелюбимаго, немолодого мужа и вовсе не прочь сохранить за собою романическую любовь бѣднака учителя!.. Одно дѣло выйти замужъ за еврея, терпѣть нужду, занимать сомнительное положеніе въ обществѣ, и совсѣмъ другое—приберечь его, какъ забаву, какъ утѣшеніе, пока не найдется кто-нибудь лучше! Онъ не годился въ мужа, но вѣдь въ любовники годится всякій, кто имѣлъ честь приглануться причудливой красавицѣ!.. Вотъ къ чему привели его уроки. Вотъ изумительные результаты назидательныхъ примѣровъ самой безупречной и добродѣтельной матери!

Точно какая-то дерзкая рука потрясла до самаго основанія всѣ его понятія и чувства. Онъ метался по комнатамъ, ошеломленный, задыхаясь отъ гнѣва, и поспѣшно, сбивчиво, насоро придумывалъ планы мщенія, одинъ другого сумасброднѣе. До этой минуты онъ только хотѣлъ спасти Надю, помѣшать совершиться этому самоубійству, насильно вырвать ее изъ соблазнительнаго оута. Теперь онъ готовъ пристыдить, осмѣять, опозорить ее безпощадно и безжалостно, какъ смѣялась она надъ его достоинствомъ, надъ его глубокимъ, цѣломудреннымъ чувствомъ!.. Показать ей, показать, во что бы то ни стало, что онъ, ничтожный крещенный жидъ,—врагъ черезчуръ опасный для того, чтобы легкомысленно бросать ему подобные вызовы, чтобы осмѣлиться звать его раздѣлить съ нею чашу ея добровольнаго позора!.. Его, Давида Штарка. А!.. Что же поняла въ немъ его черноглазая красавица, кромѣ того, что его „полюбить опасно, если не хочешь на-вѣки отказаться отъ собственной воли?..“

Въ этомъ ужасномъ состояніи, Штарка засталъ Максимъ Зан-

дерь, который среди дня завернулъ, на всякій случай, чтобы узнать, не вернулся ли его пріятель.

II.

— Ба!.. часовъ шесть уже, какъ вернулся и до сихъ поръ не могъ увѣдомить меня?.. Я думалъ, по крайней мѣрѣ, что найду тебя спящимъ!.. но вотъ ты бодрствуешь, какъ ни въ чемъ не бывало, и, повидимому, не испытываешь ни малѣйшаго угрызения отъ того, что уличенъ постыдно на мѣстѣ преступленія!..

— Я намѣревался сходить къ тебѣ попозднѣе, — отвѣтилъ Штаркъ первое, что пришло ему въ голову.

— Гм... Попозднѣе?—повторилъ Максимъ, подозрительно поглядывая въ лицо, утомленное отъ бессонной ночи, истерзанное всей бурей, которая только-что прошла по душѣ.—Съ какихъ это поръ ты пускаешься въ таинственные и загадочныя путешествія, ты, который рассчитываешь каждый гривенникъ на извозчика!

Зандеръ похаживалъ вокругъ стола, задѣвая ногами осколки стекла и обрывки письма, которые приходили въ движеніе отъ колебанія воздуха; когда открывали входную дверь, они вспархивали вверхъ, точно стая бѣлыхъ мушекъ.

— Что же собственно ты находишь въ моей поѣздкѣ таинственнаго?—спросилъ сухо хозяинъ. Онъ пріотворилъ дверь въ корридоръ и приказалъ убрать беспорядокъ.

Повидимому, маленькая подробность очень занимала гостя; онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ проворная чухонка подметала полъ, точно надѣялся разгадать что-то, совершившееся только-что въ этой комнатѣ.

— Это ты разбилъ стаканъ?—спросилъ онъ, наконецъ, небрежно бросаясь на диванъ.

— Я.

— Куда же ты ѣздишь? Не секретъ?

Штаркъ молчалъ. Кухарка кончила мести и затворила за собою дверь.

— Ты когда пріѣхалъ?—спросилъ хозяинъ вмѣсто отвѣта.

— Четвертый день. Я непременно отложилъ бы свою поѣздку, еслибъ могъ предвидѣть, что не застаю тебя. Ты бы не дурно сдѣлалъ, еслибъ предупредилъ меня во время.

— Я не могъ этого сдѣлать, потому что уѣхалъ неожиданно, — пояснилъ тотъ холодно.

— А!!.

Максимъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Что-то новое, непроницаемое лежало въ чертахъ его друга. Онъ угадывалъ, пожалуй, что это могло быть, но онъ еще не умѣлъ связать этого съ его внезапной поѣздкой. Неожиданно какая-то мысль промелькнула въ умъ и заставила его усмѣхнуться.

— Я, чего добраго, начинаю понимать!.. Ужъ не далась ли, наконецъ, „друзьямъ“ ихъ давнишняя цѣль?.. Въ виду прискорбнаго оборота, который приняли въ послѣднее время извѣстные обстоятельства, не обуяло ли твоей разсудительной душой мятежное желаніе, такъ сказать, взять на чемъ-нибудь revanche? Не соблаговолишь ли ты, наконецъ, принять такъ давно предлагаемое тебѣ „генеральство“? Право же, ничѣмъ другимъ я не умѣю объяснить себѣ этого таинственнаго исчезновенія изъ Питера!..

Вѣроятно, Штаркъ давно привыкъ къ его шутивому тону, но онъ поморщился и отвѣтилъ съ неудовольствіемъ:

Оставь въ покоѣ „друзей“, Максимъ. Ты знаешь, я не выношу, когда ты шутишь на эту тему.

— Ты не шутишь никогда и ни на какія тѣмы, но я, какъ тебѣ извѣстно, пропустилъ всю мою жизнь. Не вижу, по какому праву „друзья“ будутъ для меня исключеніемъ!..

— По праву серьезныхъ и печальныхъ вещей.

— Ахъ, скажи пожалуйста, что же въ жизни не серьезно и не печально, или обратно—совершенно въ зависимости отъ точки зрѣнія, съ которой угодно будетъ взглянуть!..

— Стоило, подумаешь, изучать философію, чтобы цѣлый вѣкъ играть въ софизмы, какъ дѣти играютъ въ мячъ!.. пожалуй плечами Штаркъ.

— Не все ли равно въ концѣ-концовъ, во что ни играть—въ философію, въ политику или въ любовь? Мудрые народы древности даже посвящали играмъ значительную часть своей жизни, находя, что это облагораживаетъ душу и тѣло... Во всякомъ случаѣ, я считаю, что это болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, обезпечиваетъ ту долю добродушія, безъ которой человѣкъ такъ легко превращается въ несноснѣйшее изъ животныхъ.

Штаркъ слушалъ устало, безъ охоты возражать, безъ силъ слѣдить съ обычнымъ интересомъ за игривой и причудливой бесѣдой своего друга. Его взволнованный умъ продолжалъ работать въ прежнемъ направленіи и, на-ряду съ разговоромъ, тянулся рядъ мыслей, горькихъ и мучительныхъ... Не дождавшись никакого возраженія, Зандеръ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ты, кажется, очень усталъ... Вѣроятно, твоя поѣздка была неблизкая?

— Я не привыкъ ѣздить... Совсѣмъ не умѣю спать въ этихъ проклятыхъ вагонахъ...

— А я, напротивъ: нигдѣ не сплю хуже и никогда не мечтаю реальнѣе, какъ подѣ стукъ колесъ, да подѣ свистъ паровъ! Мнѣ тогда кажется, что я нигдѣ и вездѣ... Что я воплощаю въ себѣ все, о чемъ когда-нибудь мечталось, что я обладаю всѣмъ, чего только можно пожелать... Я богатъ, могущественъ, знаменитъ, счастливъ, любимъ... Voilà!..

— Тебѣ слѣдовало сдѣлаться романистомъ, а не философъ,—замѣтилъ насмѣшливо Штаркъ. — Ты имѣлъ бы гораздо больше успѣха и твоя карьера не оборвалась бы въ самомъ началѣ... не смотря ни на что — или, еще вѣрнѣе — по этому самому!..

— Очень можетъ быть, — отвѣтилъ съ важностью молодой Зандеръ. — Но такъ какъ съ романистовъ еще пока не требуется, слава Богу, ни дипломовъ, ни диспутовъ, ни диссертаций, а лишь одно: чтобы игра ихъ фантазіи плѣняла умы, — то можно надѣяться, что и для меня еще не все потеряно. Я избираю тебя однимъ изъ первыхъ моихъ героевъ и — трепещи передъ десницей друга-обличителя!..

Онъ вскочилъ на ноги и грозно протанулъ въ воздухъ правую руку.

— Ты не будешь имѣть успѣха съ такимъ скучнымъ героемъ, — возразилъ вяло Штаркъ.

— Ну, нѣтъ-съ, скучные-то люди и выходятъ всего занимательнѣе на страницахъ романовъ, гдѣ такъ обязательно выворачиваютъ на изнанку сокровеннѣйшіе изгибы души! Оно и понятно: чтó дѣлать психологу съ тѣми героями, которые и безъ него весь вѣкъ только и дѣлаютъ, что выбалтываютъ самихъ себя? — какъ я напримѣръ! То ли дѣло хитрые, скрытные, зловѣщіе субъекты, что цѣлую жизнь таятся даже отъ дружескаго взора и копать — какъ скупецъ богатство — всѣ свои надежды и разочарованія, подвиги и преступленія!.. Ихъ-то, голубчиковъ, и подавайте намъ... Какой же разсудительный разбойникъ станетъ, и въ самомъ дѣлѣ, грабить безпашашнаго кутилу, у котораго давно послѣдній грошъ пущенъ въ оборотъ?.. Ты замѣчаешь, какъ недурно для начала: разбойники и романисты — смѣлая и новая параллель. Одни грабятъ карманы, другіе — человѣческую душу, и какъ одни, такъ и другіе одинаково не спрашиваютъ разрѣшенія у своихъ жертвъ... Да, рѣшительно у меня есть несомнѣнные задатки! Но во всякомъ случаѣ, начинаю я съ тебя. Во-первыхъ, у меня тутъ много совсѣмъ уже готоваго матеріала. Во-

вторыхъ... во-вторыхъ... я убиваю разомъ двухъ зайцевъ: когда я начну объяснять другимъ, то по неволѣ ужъ и самъ пойму какъ-нибудь одну изумительную загадку... Какимъ образомъ человѣкъ несокрушимой твердости, закаленной воли и въ лучшемъ видѣ отшлифованнаго ума — какимъ образомъ, говорю я, сей безподобный рыцарь, закованный съ головы до ногъ въ надежнѣйшіе доспѣхи, ухитрился получить злокачественную и опасную рану отъ игрушечной стрѣлы, пущенной изъ картоннаго лука ряженнаго амуръ?!.. Воля твоя, а эта загадка стоитъ того, чтобы сдѣлаться романистомъ для ея разрѣшенія!..

— Ты еще не усталъ сыпать блестящими своего хитроумія? — вставилъ-было презрительно Штаркъ, но Зандеръ удовольствовался только широкимъ жестомъ, какъ будто сметать имъ съ своего пути всѣ возраженія.

— Я сейчасъ докажу тебѣ, что разрѣшить эту загадку можетъ только романистъ, — продолжалъ онъ горячо, съ блестящими глазами, съ внезапно проступившимъ румянцемъ на лицѣ. — Обыкновенный смертный естественно начнетъ резонерствовать, вооружившись двумя простѣйшими науками: грамматикой и логикой. Онъ добросовѣстно возьметъ двѣ посылки, вѣрныя, какъ сама истина; построить старательно силлогизмъ, непогрѣшимый, какъ математика; получить драгоценное заключеніе и при помощи логики, въ двѣ минуты, рѣшить мою таинственную загадку! У него неизбѣжно выйдетъ одно изъ двухъ: либо доспѣхи рыцаря были ржавые, нигуда негодные; либо стрѣла была не игрушечная, лукъ не картонный, и амуръ не ряженный, а истинный сынъ боговъ. Онъ будетъ стоять на своемъ упрямо, какъ оселъ, до скончанія вѣковъ, станетъ твердить одно и то же: „либо-такъ, либо-эдакъ“... „одно изъ двухъ“... „не то, такъ другое“... и тому подобныя фразы, круглыя и пустыя, какъ мячъ!.. Да-съ. Вотъ какъ поступать съ моею загадкой люди, надѣленные самымъ свѣтлымъ здравымъ смысломъ и самой трогательною любовью къ истинѣ! Только одинъ романистъ способенъ пуститься на поиски, оставивъ въ сторонѣ всѣ школьныя науки, позабывъ заветы пра-дѣдушекъ и прабабушекъ, наплевавъ на весь миллионъ параграфовъ лицемѣрной житейской логики!..

Штаркъ слушалъ съ горькой проницательской усмѣшкой.

— Тебѣ и книги въ руки! — произнесъ онъ негромко.

Зандеръ вздрогнулъ и краска замѣтнѣе выступила на лицѣ, но онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, какъ будто вовсе не слышалъ замѣчанія.

— ...Отточить онъ будатный ножъ, возьметъ матушку-дуби-

пушку и двинется на свой промыселъ, полагаясь всего пуще на то, что на шеѣ у него надѣта ладонка и что знаетъ онъ могучее заговорное слово... И только у него одного можетъ выйти ясно, какъ день, что и достѣхи рыцарскіе были, что называется, первый сортъ, и стрѣла была поистинѣ картонная, пущенная самозванной рукой, а рана тѣмъ не менѣе получилась глубокая, во вѣки не залечимая...—Онъ замолкъ и мечтательно поникъ головой, словно пораженный собственной внезапной импровизаціей. Краска быстро сбѣжала съ его лица. Молчалъ и Штаркъ, упорно уставившись взглядомъ на крохотный обрывокъ письма, съ которымъ не совладала щетка, онъ такъ и остался, прилипнувъ къ полу. Густыя брови совсѣмъ сошлись въ одну суровую, поперечную линію; самъ не замѣчая, онъ съ такимъ ожесточеніемъ все сильнѣе и сильнѣе сжималъ челюсти, что почувствовалъ, наконецъ, рѣзкую боль, точно ее причинилъ не онъ самъ, а кто-то другой. Штаркъ встряхнулъ волосами и провелъ рукою по лбу.

— Мнѣ очень жаль, если ты собираешься сдѣлаться романистомъ съ такими вредными тенденціями,—произнесъ онъ холодно:—совсѣмъ не для чего вбивать людямъ въ головы, будто существуютъ незалечимыя раны, да еще отъ картонныхъ стрѣлъ. Твоя таинственная загадка—вовсе не загадка, а романическій вздоръ, который, давнымъ давно, пора сдать въ архивъ.

Максимъ зорко смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Чудесно!.. Мы разрѣшимъ эту загадку каждый по своему: я на страницахъ моего будущаго романа, который я увѣренъ „сдѣлаетъ мнѣ имя“, какъ мечтаютъ господа литераторы, а ты рѣши ее въ жизни, да только поскорѣе, въ назиданіе другимъ и во спасеніе себѣ.

Штаркъ молча поднялся съ мѣста, подошелъ къ письменному столу, разыскалъ въ одномъ изъ ящичковъ пачку съ папиросами и закурилъ, чтó случалось нѣсколько разъ въ годъ, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ. Онъ пускалъ густые клубы дыма неловко, какъ некурящій, и задумчиво слѣдилъ, пока они расплывались по комнатѣ...

Такъ исчезаютъ безразсудныя человѣческія мечты передъ неумолимой дѣйствительностью... Такъ внезапно пропадаетъ весь смыслъ прошлаго — точно распадается мгновенно и безслѣдно замысловатый бисерный узоръ, выведенный одной нитвой, которую неожиданно выдернетъ смѣлая рука... Да! стрѣла не настоящая, а картонная, и амуръ—не жестокій божекъ, баловень боговъ, а легкомысленная проказница, затѣявшая, потѣхи ради, опасный маскарадъ!.. Въ его романѣ недоставало одной маленькой по-

дробности: истинной любви, безъ которой не существуетъ романовъ для бѣдняковъ... Для тѣхъ, кому нѣтъ соблазнить, кому не на что купить свою долю счастья, кому не изъ чего создать обманчивыя, но обольстительныя декорации, среди которыхъ такъ легко, съ такимъ успѣхомъ разыгрываются готовые, всѣмъ извѣстныя роли!..

Нѣтъ, надо крѣпко вѣрить, чтобы смѣло и гордо подать руку ничтожному еврею, откровенно или скрытно, но всегда хоть немного да презираемому, всегда и вездѣ чужому!.. Нѣтъ, надо пылко и нѣжно любить, чтобы войти радостно и благоговѣнно въ эти жалкія конурки, гдѣ все рассчитано на вершокъ пространства и на грошъ цѣны!.. Надо подняться высоко надъ тщеславной женской природой, чтобы добровольно похоронить здѣсь свою царственную красоту, требующую обстановки и поклонниковъ, какъ драгоценный алмазъ требуетъ шлифовки и оправы!.. Одна возвышенная и великодушная истинная любовь могла ввести сюда его безпечную, черноглазую красавицу—и онъ, въ двадцать семь лѣтъ, могъ повѣрить въ эту химеру!.. На эту фантастическую нитку онъ нанизывалъ всѣ прекрасныя и ясныя узоры своей мечты... Нитку выдернули. Маскарадъ конченъ. Теперь его дружки приглашаютъ попировать виѣстѣ, послѣ занимательнаго спектакля...

Штаркъ бросилъ на полъ недокуренную папиросу, какъ она была, съ огнемъ, и порывисто сорвался съ своего мѣста.

— Послушай Максъ... долго еще ты пробудешь здѣсь? — спросилъ онъ поспѣшно, чтобы прервать какъ-нибудь нить своихъ мыслей, чтобы вырваться, хотя на мгновеніе, изъ своего ада.

Зандеръ тоже какъ будто очнулся и понялъ не сразу внезапный вопросъ.

— А-а-а!—да! Видишь ли, я собственно не располагалъ оставаться долго, но тутъ случилось одно обстоятельство, которое, чего добраго, можетъ задержать меня... Хорошо, что ты напомнилъ мнѣ, потому что это и тебя касается и я за этимъ, главнымъ образомъ, и пришелъ къ тебѣ.

Онъ рассказалъ ему со всѣми подробностями происшествіе съ Сашей Кубанскимъ, который съ того самаго дня бросилъ ходить въ гимназію и всѣ классныя часы проводилъ въ мастерской, отложивъ объясненіе съ родителями до возвращенія Штарка.

Давидъ Семенычъ хмурился и нетерпѣливо грызъ ноготь на большомъ пальцѣ, пока Зандеръ горячо передавалъ ему эту исторію.

— Станный мальчикъ! И признаться, я удивленъ, Давидъ,

что ты не обратишь на него болѣе серьезнаго вниманія, — прибавилъ онъ съ отгнѣнкомъ упрека.

— Въ какомъ это отношеніи? Могу тебя завѣрить, что зарабатывать надъ нимъ свои двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ — трудъ столь же пріятный, какъ тануть возъ непрерывно въ гору! Я выбивался изъ силъ, долженъ сказать это по совѣсти. И это тѣмъ возмутительнѣе, что на каждомъ шагу чувствуются и способности, и умъ, и совѣсть, и воля — все есть, что требуется — но все это ускользаетъ какимъ-то чудомъ, какъ только пытаешься обратить это на дѣло... Удивительно!.. Только между русскими могутъ попадаться подобные экземпляры натуръ, не поддающихся никакой дисциплинѣ, неспособныхъ ни на какую выдержку. Какой-то безформенный сумбуръ человѣческихъ свойствъ безъ возможности водворить въ нихъ сколько-нибудь разумный порядокъ.

Штаркъ разгорячился и въ его тонѣ слышалось все его отвращеніе къ этому типу, діаметрально противоположному его собственному.

— Вотъ это безподобно! — воскликнулъ насмѣшливо Максъ: — есть и умъ, и способности, и совѣсть, и воля — и со всѣмъ этимъ дѣлать нечего? О, великій педагогъ! о, мудрый жрецъ порядка и рутины!..

— Ну, подобными восклицаніями мы не далеко еще подвинемъ вопросъ, — замѣтилъ Штаркъ сухо. — Сознаюсь, что я не умѣю уяснить себѣ, такъ сказать, достаточно философски, что такое лѣнь!.. если это не есть въ концѣ концовъ простая физическая слабость, проявленіе какой-нибудь скрытой болѣзни...

— Лѣнь не существуетъ вовсе, — подхватилъ съ полной увѣренностью Зандеръ. — Это не болѣе какъ ходячій терминъ, кличка, которую каждый примѣняетъ по своему усмотрѣнію къ самымъ разнороднымъ вещамъ. Въ человѣческомъ существованіи, какъ и въ существованіи всѣхъ вообще живыхъ организмовъ, нѣтъ и не можетъ быть ничего иного, кромѣ поочередной смѣны дѣятельности, въ смыслѣ примѣненія данныхъ органовъ и присущихъ имъ свойствъ, — и отдыха. Изъ этой смѣны слагаются въ концѣ концовъ всѣ людскія чувства и страсти, всѣ поступки и дѣянія, всѣ заслуги и таланты. Въ распредѣленіи этихъ двухъ моментовъ — движенія и покоя — въ распредѣленіи правильномъ, всестороннемъ и цѣлесообразномъ, заключается вся земная мудрость; это единственный закодированный ключъ къ непрерывному золотому вѣку и идеальному нравственному совершенству. Лѣнь есть только проявленіе инстинкта самосохраненія, не болѣе какъ про-

тестъ противъ сплошнаго извращенія и все разрастающагося насилія надъ этимъ простымъ основнымъ закономъ; насилія, поставившаго своей задачею шаблонную нивелировку культурныхъ людскихъ обществъ — какъ культура земледѣльская нивелируетъ почву!..

— Ну, я вижу, что у тебя и на это имѣется уже цѣлая готовая утопія... Ты, можетъ быть, и правъ; но вѣдь надо быть философомъ для того, чтобы подниматься, или вѣрнѣе, отвлекаться на каждомъ шагѣ до подобныхъ обобщеній. Къ чему бы ни сводились „въ концѣ концовъ“ основные законы человѣческаго существованія, — намъ никогда не приходится имѣть дѣла съ этими законами, а всегда только съ ихъ извращенными и изнасилованными примѣненіями... И бороться съ ними практически, во всякомъ случаѣ полезнѣе, чѣмъ умѣть со всевозможной тонкостью классифицировать ихъ въ своей собственной головѣ!

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ Максъ. — Но, видишь ли, это тонкій ядъ, проникающій весь организмъ и отравляющій его безвозвратно... Никто не въ состояніи работать съ любовью и усердіемъ надъ деталями и частностями плана, который построенъ по завѣдомо невѣрному масштабу! Никто, понявъ разъ безнадежность цѣлаго, не можетъ больше возлагать своихъ упованій на подробности!..

— И, слѣдовательно, — перебилъ его энергично Штаркъ, — пусть ужъ лучше люди, такъ сказать, не будутъ видѣть лѣса за деревьями, нежели станутъ вѣчно оплакивать, что выросъ онъ не на тѣхъ холмахъ, которые имъ удалось провидѣть съ птичьяго полета!.. Пусть они исправляютъ, какъ умѣютъ, свое зданіе, построенное по невѣрному масштабу, нежели проклинаютъ или оплакиваютъ, сложа руки, ошибку невѣдомаго отсутствующаго архитектора!..

Друзья смолкли, не отдавая себѣ отчета въ эту минуту, что въ двухъ этихъ выводахъ выразилась вся основная рознь ихъ натуръ. Весь контрастъ между дѣятельнымъ, практическимъ, подчасъ узкимъ, подчасъ крайнимъ, но энергичнымъ и стойкимъ евреемъ и между мягкимъ, мечтательнымъ, всеобъемлющимъ и расплывающимся полу-нѣмцемъ, полу-славяниномъ...

Штаркъ ходилъ взадъ и впередъ, встревоженный новой заботой.

— Ну-съ! спустимся тѣмъ не менѣе отъ законовъ природы къ подвигамъ моего ученика, — проговорилъ онъ не безъ ироніи. — Я скажу, что мнѣ удалось пріобрѣсти нѣкоторый авторитетъ, но не думаю все-таки, чтобы я могъ имѣть на него серьезное вліяніе.

— То-есть, вернуть его въ лоно классическаго образованія, хочешь ты сказать? Видишь ли, Давидъ Семенычъ... философія, быть можетъ, роскошь, быть можетъ, подчасъ даже вредная — во всякомъ случаѣ вещь, такъ сказать, недостаточно портативная и удобная, чтобы примѣнять ее на право, на лѣво. Но несомнѣнно и то, что есть случаи, гдѣ, для иныхъ людей въ особенности, она положительно обязательна, чтобы опредѣлить повѣрнѣе и безпристрастнѣе свою исходную точку... Чтобы отрѣшиться хоть въ чужомъ-то дѣлѣ отъ собственной непогрѣшимости и безапелляціонности!

Штаркъ остановился и смотрѣлъ на него вопросительно, пораженный негодованіемъ, кипѣвшимъ въ этихъ словахъ.

— Сашу Кубанскаго нельзя вернуть въ гимназію, какъ нельзя было удержать меня за верстакомъ, — постарайся, пожалуйста, понять это. Безъ сомнѣнія, это противъ правилъ, которые ты чтить такъ свято, и для этого потребуется дисциплина совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ ты мечтаешь, хоть, полагать надо, въ гораздо большемъ количествѣ!

— Гм... Итакъ, ты рѣшительно принимаешь его подъ свое покровительство?

— Принимаю.

— Ты находишь — съ философской точки зрѣнія, безъ сомнѣнія! — что стремиться шагнуть изъ рабочаго сословія въ интеллигентное или изъ интеллигентнаго спуститься въ рабочее — одно и то же?

— Одно и то же.

— Безподобно! Разрѣшить же это съ точки зрѣнія житейской предоставляется, конечно, будущему. Но ты берешь, однако же, на себя поощрять его своимъ собственнымъ примѣромъ? — допрашивалъ все строже и строже Штаркъ.

— Чужіе примѣры поощряютъ помимо воли и безъ того, чтобы на это испрашивалось позволеніе! — отвѣтилъ нетерпѣливо Мавсъ, припоминая невольно свой разговоръ съ Сашей. — Вѣроятно, не этотъ мальчишъ виноватъ, что въ шестнадцать годовъ у него сложилось исполнѣе опредѣленно только одно стремленіе: жить иначе, не быть ничѣмъ похожимъ на тѣхъ, кто его окружаетъ. Если его натура представляетъ „безформенный сумбуръ человѣческихъ свойствъ“, какъ ты изволилъ выразиться, то вѣдь и твоя умная и возвышенная г-жа Кубанская не съумѣла или не захотѣла разобраться въ этомъ сумбурѣ? Теперь, во всякомъ случаѣ, поздно. Остается предоставить собственнымъ силамъ перебродить въ ту или другую сторону. Чѣмъ хочешь ты удержать

его, если въ родной семьѣ не нашлось ни одной связи, которую было бы больно порвать? Тебѣ ближе знать, какимъ образомъ могло случиться, что единственный сынъ такой прекрасной женщины вполне одинокъ и сознаетъ это въ свои шестнадцать лѣтъ!

— Мнѣ всегда казалось, что она не любитъ сына, но я... я не знаю, почему это такъ!—отвѣтилъ Штаркъ нерѣшительно, послѣ долгаго, мрачнаго раздумья.—Да вѣдь надо сознаться, что въ такому, каковъ онъ теперь, довольно таки мудрено питать особенную симпатію.

— Не знаю. Только мнѣ невыразимо жаль его,—отвѣтилъ холодно Зандеръ,—а вѣдь матери любятъ и самыхъ отъявленныхъ негодяевъ.

— Нельзя ждать, чтобы какіе-нибудь родители, если даже въ нихъ и нѣтъ большой нѣжности, согласились смотрѣть холодно-кровно на подобное сумасбродство.

— Хочешь знать, какъ выразился объ этомъ Саша?—спросилъ рѣзко Максъ:—„Если я умру сегодня,—сказалъ онъ,—отцу моему будетъ рѣшительно все равно, но жить я долженъ такъ, чтобы ему это было пріятно!“

Настала новая, длинная пауза. Зандеръ желчно философствовалъ на тему семейнаго долга, а Штаркъ думалъ о Лизаветѣ Игнатьевнѣ и о новомъ ударѣ, который обрушивался на ея голову. Онъ живо представлялъ себѣ это новое смятеніе въ семьѣ, ея отчаяніе, бѣшенство отца, мелкую самолюбивую досаду Нади.

Что дѣлалъ онъ среди этихъ людей? Какая злая судьба кинула его въ эту несчастную, безнравственную семью, гдѣ даже сердце матери разучилось любить! Его, еврея Штарка, который боготворилъ память своей матери и съ дѣтскихъ лѣтъ работалъ для больного отца... Какъ смѣлъ онъ выбирать здѣсь свою жену—ту женщину, которая должна передать его дѣтямъ незапятнанными чистые нравы его отцовъ?..

— Сходи, какъ можно скорѣе къ Кубанскимъ,—сказалъ на прощанье Максъ,—и постарайся вразумить ихъ, что своимъ сопротивленіемъ они только въ конецъ озлобятъ и погубятъ сына.

— Сожалѣю очень, что не владѣю для этого всей твоей философіей!—отвѣтилъ язвительно Штаркъ.—Я сильно сомнѣваюсь, чтобы, для подобной задачи, достаточно было обыкновеннаго человѣческаго краснорѣчія!..

III.

Въ шестомъ часу утра Палагеюшка вышла изъ воротъ дома Кубанскихъ и, поеживаясь отъ мороза, долго глядѣла то въ одинъ, то въ другой конецъ улицы, въ надеждѣ отыскать гдѣ-нибудь извозничьи сани.

Все было пусто и безмолвно въ этотъ короткій промежутокъ между днемъ и ночью, когда падаетъ совершенно ночное движеніе города, рѣдко, рѣдко можно встрѣтить послѣднихъ извозчиковъ, плетущихся съ запоздалыми пьяными или сонными сѣдоками, когда кончены всѣ ночныя работы, водворяющія порядокъ и чистоту на грядущій день и даже сами блюстители мира и тишины дремлютъ, примостившись кое-гдѣ на каменныхъ выступкахъ, или прислонившись спиной къ фонарному столбу и уронивъ на грудь голову. Сонная тишина, не нарушаемая ни человѣческимъ голосомъ, ни лаемъ собакъ, ни стучомъ телѣтъ, торжественно царитъ надъ громадной столицей, смежившей на мигъ свои беспокойные очи. Одни фонари также безстрастно разливаютъ свѣтъ, дожидаясь поздняго зимняго разсвѣта и далече, далеко издали бросается въ глаза каждая человѣческая фигура, появляющаяся внезапно изъ-за угла, Богъ вѣсть откуда, Богъ вѣсть куда...

Уныло и тоскливо очутиться въ этотъ часъ на пустынныхъ петербургскихъ улицахъ, когда крѣпчаетъ утренній морозъ и прозрачная завѣса подергивается молочной дымкой суживающіася перспективы широкихъ улицъ, окутывается туманомъ куполы церквей, сливаясь съ тяжелымъ небомъ, нависшимъ такъ низко, какъ будто оно начинается тутъ же, надъ самыми крышами... Еще четверть, много полчаса и понесутся гулко и торжественно первые, рѣдкіе удары колокола, возвѣщая новый мигъ, безслѣдный и ничтожный, но въ мятежной жизни людей достаточно долгій, чтобы озарить яркимъ, лучезарнымъ счастьемъ вчера еще темное и безвѣстное будущее, чтобы разметать прахомъ всѣ забытныя надежды, обрушиться неотвратимымъ и непоправимымъ ударомъ на беззащитное человѣческое сердце...

Ночью заболѣла маленькая Женя. Давно ужъ бѣдная горбушка перемогалась, обманывая бдительность Лизаветы Игнатьевны, пересиливая себя и медленно, тяжело разнемогалась въ мучительномъ нравственномъ напряженіи, охватившемъ все ея существо.

„Только бы не заболѣть!.. Господи, прощу тебя!“ — каждый день треметала несчастная дѣвочка, надрываясь непосильнымъ

умственнымъ трудомъ, терзаясь сомнѣніями и горько оплакивая внезапное исчезновеніе Штарка.

Горе Лизаветы Игнатьевны словно подернуло траурнымъ флѣромъ интимный міръ семьи, тотъ тѣсный горячій уголокъ, гдѣ сердце матери отогрѣвалось ласками, гдѣ маленькая больная забывала свое убожество и бывала счастлива, какъ счастливы только дѣти, страстно обожаемая, чувствующія ежеминутно, что ихъ бережно несутъ черезъ жизнь сильныя и нѣжныя руки. Теперь эти руки опускались въ безсильномъ отчаяніи. Лизавета Игнатьевна забывала свою зѣницу ока, свою бѣдную Женю, и не замѣчала того, что не ускользнуло бы отъ ея вниманія въ другое, спокойное время.

Ночью у дѣвочки внезапно открылся сильный жаръ и бредъ. Кубанская разбудила Палагеюшву и долго мать и старуха нянька, перепутанныя и неподвижныя, стояли близко, плечо съ плечомъ, прислушиваясь къ безсвязнымъ жалобамъ, къ мучительнымъ стонамъ, вылетавшимъ изъ устъ больной...

— Боже мой!.. Что съ ней? Отчего это?—ломала голову мать.—О чемъ это она?—прислушивалась съ изумленіемъ, когда больная внезапно выговаривала быстрымъ отчетливымъ шопотомъ:

„Тогда царь Леонидъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ сотъ отборныхъ юношей, занялъ узкій проходъ, называемый Термопильскимъ ущельемъ, и здѣсь храбрые спартанцы долго отражали несмѣтныя полчища персовъ“... „Ахъ, не могу я... не могу! Я никогда не пойму этой задачи“, металась въ слезахъ Жена. „Онъ не хочетъ помочь мнѣ. Онъ не придетъ больше!.. Не говорите Надѣ!.. Я знаю, что онъ никогда не придетъ“...

— Вотъ эти книги! а еще говорятъ—учить надо... въ гимназію!—шептала съ негодованіемъ мать.—Откуда все это? какія задачи? кто позволяетъ ей дѣлать задачи?..

Палагеюшка отмалчивалась, но въ душѣ испытывала невольное смущеніе. Она знала, что ничего нельзя будетъ увѣрить, что это „божеское попущеніе“, а не оправдавшіеся предсказанія ненавистныхъ ей лекарей. Она вызвалась отправиться сейчасъ же за докторомъ; но Палагеюшка напрасно высматривала извозчика; дѣлать нечего, она принуждена была поплестись пѣшкомъ по пустыннымъ улицамъ. Докторъ Жени жилъ далеко, да и врядъ ли пойдетъ онъ раньше утра,—но старуха предпочитала совершить лучше ночную прогулку, нежели слушать, глазъ на глазъ съ барыней, предательскій бредъ больной дѣвочки.

На столѣ горѣла лампа, заставленная большой книгой. Лизавета Игнатьевна переложила Женю на свою кровать, а сама,

то садилась рядомъ, стараясь удержать на ея головѣ ледяные компрессы, то бросалась въ окна, взглянуть, не начинается ли свѣтъ, то выходила прислушаться въ корридоръ, не возвращается ли нянька. Ей показалось, что прошло Богъ знаетъ сколько времени. Она ломала голову, припоминая прежнія болѣзни, всё твердо заученныя предписанія докторовъ. Женя часто, тяжело хворала, но никогда еще съ нею не случилось такого сильнаго мозгового возбужденія, никогда она такъ не мучилась нравственно.

Дѣвочка не чувствовала ни пощѣлуевъ, ни объятій матери, которая старалась удержать ее въ постелѣ, когда она внезапно вскакивала и отчаянно рвалась куда-то.

— Это неправда... я знаю!.. Пустите!.. я это отлично знаю... сейчасъ пошажу на вартѣ... Пустите!.. рѣки... притоки... горные ержи... Да не держите же меня!.. Позовите Штарка... Позовите же, какіе вы безжалостные!.. Я не хочу быть душой... Не презирайте меня... Я не больна... я не больна!..

Лизавета Игнатьевна не замѣчала, что ея собственные стоны сливались со стопами дочери.. Такъ вотъ какая мука таилась въ душѣ ея Жени, для которой она съ радостью готова была отдать каждую каплю крови, послѣдній вздохъ жизни!..

„Не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нѣщны воснѣніе мнѣ... Придетъ же день Господень, яко татъ въ нощи... яко татъ... Господь обѣтованія... яко же... не могу!.. путаю... опять путаю!“ всхлипывала дѣвочка жалобно. „Не говорите мамѣ!.. не говорите ей! не говорите!“.. кричала она въ изступленіи, дрожа всѣмъ тѣломъ, отмахиваясь изо всей силы своими худенькими ручками.

Лизавета Игнатьевна съ трудомъ справлялась съ тринадцатилѣтней дѣвочкой—у нея явилась небывалая физическая сила. Вся въ поту, мать въ изнеможеніи опускалась на колѣни, когда больная, выбившись изъ силъ, внезапно затихала и въ комнатѣ раздавалось одно ея тяжелое, хриплое дыханіе. Но это продолжалось едва нѣсколько минутъ.

„Мама! мама! мама!..“ кричала Женя и съ негодованіемъ отталкивала отъ себя Кубанскую. — „Вы не мама!.. Уходите!.. уходите!.. Нада, пошла прочь!.. пошла прочь, гадвая!.. Маму мнѣ позовите... Мама! мама!“

Лизавета Игнатьевна не знала, какъ дожила она до утра, до пріѣзда доктора.

Началось цѣлое слѣдствіе. Залутанное, безтолковое разбирательство, гдѣ каждый, выгораживая себя, непременно да утаить хотя частицу истины. Но, очевидно, теперь нельзя уже было скрывать дольше, что Женя давно усиленно учится потихоньку,

причасъ по угламъ и спасаясь въ комнатѣ няньки, когда мать воображала, что она читаетъ невинныя дѣтскія исторіи или занята тѣми замысловатыми полу-играми, полу-работами, которыя кажутся столь занимательными ихъ изобрѣтателямъ, но всегда равно скучны дѣтямъ. Сапа тоже принужденъ былъ сознаться, что помогать иногда сестрѣ.

— Что-жъ мнѣ было—фискалить, что-ли?—отрѣзала гимназистъ коротко и ясно на всѣ упреки матери.

— Нѣтъ, ты-то, ты-то, старая!.. тебѣ это не грѣхъ? а еще Бога боишься!..

— Боюсь, сударыня, этимъ вы меня напрасно ворите. Я Бога на всякій часъ боюсь. А хоть кому угодно доведись на моемъ мѣстѣ, такъ то же бы самое сдѣлали. Какъ ее отъ себя погонишь, горемычную, коли и безъ того она Богомъ убитая? „Какъ, молъ, я, няня, на свѣтѣ жить стану неумѣлая, да неученая? Всякій надо мной смѣяться, скучать со мной будетъ“, —и пойдетъ прибирать, ровно взрослая. Вы вотъ послушали бы, сударыня, да тогда и говорили бы.

— Да куда ей, ну объясни мнѣ, куда ей наука эта? Что-жъ и въ самомъ дѣлѣ она дура будетъ безъ нея, что ли?—выходила изъ себя Кубанская.

— А туда же, куда и всякому, коли званіе ея такое,—стояла на своемъ съ полнымъ апломбомъ старуха.—Вѣдь и вы, матушка, не два же вѣка жить будете,—вонъ здоровье-то ваше какое! Съ кѣмъ ни доведись вѣкъ коротать, такъ надо умѣть съ благородными людьми компанію водить. Убогій человѣкъ въ каждомъ нужду имѣть. Чужіе люди—не мать родная, ей ты всячески мила, какая ты ни есть. Чужіе по столько и сдѣлають, по сколько ты пріятель имъ, да дружбу они къ тебѣ имѣють. Да вѣдь и судьбы своей, матушка, никто впередъ не угадаетъ... Богъ знаетъ, много ли еще отъ имѣнница-то вашего останется? Ея дѣло дѣвичье, со своей части не проживешь какъ у Христа за пазухой... Больному человѣку не мало и надо...

Точно ножомъ по сердцу рѣзали скорбныя рѣчи Палагеюшки. Прямая, ни передъ чѣмъ не смущающаяся логика простого человѣка, выговаривающая безстрашно все до послѣдняго слова, незнакомая вовсе съ той помѣсью малодушія и ложнаго стыда, которая такъ часто заставляетъ цивилизованнаго человѣка закрывать глаза на свое и на чужое положеніе.

Лизавета Игнатьевна молча плакала.

— Это мы, сударыня, какими на свѣтѣ родились, такими и въ могилу сойдемъ... Господамъ всякая наука на пользу. Ну,

было бы еще у васъ семейство большое, надѣяться на кого-нибудь послѣ васъ... Надежда Анатольевна важная барыня будетъ, гдѣ за ней убогая утонется? И смотрѣть будетъ, какъ-ни-какъ, все-таки изъ чужихъ рукъ.. Кабы еще человѣкъ онъ былъ душевный, въ семейству приверженный, а то, сами знаете!.. Такъ одинъ-то Сашенька? Вонъ онъ, горемычный, самъ съ собой никакъ поладить не можетъ, такъ ужъ эдакому сестру хворую не прикинешь...

— О, Боже мой!.. Палагея, да кончишь ли ты когда-нибудь?.. Чего ты хоронишь заживо...

— Никого я не хороню, сударыня, а вразумить только хочу, что, хоть и дитя еще она, а все-таки сама свою пользу чувствуетъ.

— Хорошо, хорошо!.. ты погоди пока вразумлять меня. Авось и безъ тебя знаю, что можно и что нужно.

— Какъ угодно. Я такъ, своимъ глупымъ разумомъ разсуждаю: гдѣ ни доведись, всегда ученому человѣку почету больше... Можетъ, Женюшка сироткой останется, и вовсе изъ міра удалится пожелаетъ въ тихое пристанище... Вонъ она какая богомольная, да покорная!.. Въ любомъ монастырѣ на велью только одинъ вкладъ и живи безъ печали, сколько Господь вѣку положить... Чего ужъ покойнѣе больному-то человѣку? Вонъ игуменья въ нашей Богородицкой обителѣ — барышня званія высочаго, ученая...

— А-а!.. такъ вотъ что ты ей въ голову вбиваешь?! — перебила внѣ себя Кубанская, — монастырь!.. вотъ какъ ты мое доверіе оправдываешь?.. вотъ откуда...

— Не грѣшите, сударыня, понапрасну... не грѣшите!.. — энергично затрясла головою старуха. — Ничего я ребенку несмысленному въ голову вбивать не стану, а сама въ себѣ разсуждаю, по своей совѣсти. Ваша воля. Пожалуй, отберите хоть всѣ елѣжки, такъ она съ тоски одной изсохнетъ. Въ куклы играть все равно не заставите ужъ... Охъ-хо-хо!.. маленькія дѣтки — маленькія бѣдки!.. Какъ хотите, ваша воля!..

Старуха съ достоинствомъ повернулась и не торопясь вышла изъ комнаты, покачивая неодобрительно головой, повязанной неизмѣннымъ темнымъ платочкомъ.

Палагеюшка и теперь смотрѣла развѣ малость самую по-старше, чѣмъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ N., когда она играла такую выдающуюся роль въ скорбномъ романѣ своей молодой барыни. Она была изъ типа тѣхъ степенныхъ и разсудительныхъ, богомольныхъ русскихъ женщинъ, которыя всегда кажутся одного средняго возраста: онѣ какъ будто не молоды въ

юности и не выглядят дряхлыми старухами въ глубокой старости. Отъ рожденія онѣ точно не умѣютъ ни громко смѣяться, ни отчаяваться, ни негодовать. Богъ вѣсть, какъ и когда, безъ борьбы и безъ усилій, проникаются разъ навсегда ясной и простой мудростью, дающей такъ легко, какъ будто передъ ними раскрывается, сама собою, загадочная книга жизни, книга, надъ которой льются безостановочно потоки слезъ, пота и крови, такъ выбиваются изъ силъ, такъ превозносятся и такъ падаютъ немѣтныя людскія толпы!.. Нѣтъ положенія, которое бы застало врасплохъ этихъ врожденныхъ безстрастныхъ философовъ. Нѣтъ удара, который пошатнулъ бы ихъ словно изъ камня высѣченныя фигуры, но нѣтъ и счастья, которое могло бы отбросить хотя мимолетный лучезарный отблескъ на эти глубокой меланхоліей окутанныя лица...

Невысокая, сухощавая фигура только слегка, да и то едва замѣтно, погнулась впередъ; въ гладкихъ волосахъ, какъ будто разъ навсегда приклеенныхъ къ головѣ, не видно ни одного сѣдого волоса, ни рѣзкой морщины на худомъ лицѣ, которое рѣшительно всегда было такое же безцвѣтно-темное. Съ годами Палагеюшка стала только еще усерднѣе поститься и ходить въ церковь, да говорила еще строже и тише. Всю Европу объѣздила она съ безпокойной семьей своихъ господъ, но все богатство неожиданныхъ впечатлѣній, все разнообразіе новыхъ ощущеній, не прибавили ни единой лишней черты къ этому цѣльному, въ одну сплошную форму отлитому образу. Палагеюшка ни надъ чѣмъ не ахала, не стансвилась въ тупикъ и не восхищалась; она не расточала направо-налѣво щедрыхъ и злорадныхъ осужденій космаго темнаго человѣка—чужому, заморскому, никого не величала нехристями и еретиками. Она вездѣ и въ каждомъ видѣла всегда одно и то же знакомое и понятное лицо.

— Что они за нехристи, коли у нихъ вонъ какіе храмы богоугодныя настроены, каждый мальчонко по своему молитвы-то вишь какъ проворно лопочетъ!.. У насъ иной мужикъ, докуда на погостъ его стащить, „отче“ затвердить не соберется,—отвѣчала она съ неудовольствіемъ на неумѣстныя шутки Анатолія Петровича, любившаго подтрунить надъ ея святостью.

Однѣ только красоты природы производили на Палагеюшку глубокое и благоговѣйное впечатлѣніе и вызывали слезы умиленія на ея строгіе глаза. Въ глубинѣ души она цѣнила высоко, что Господь привелъ ее увидѣть всю роскошь своего творенія и это сильно подняло ее въ ея собственномъ мнѣніи надъ темной,

сѣрой толпой... Но, разумѣется, только вернувшись въ Россію, она почувствовала себя опять на своемъ мѣстѣ.

„Ваша воля!“ — мысленно повторила ей вслѣдъ Лизавета Игнатьевна и горькой насмѣшкой звучали эти слова.. Когда же и въ чемъ въ дѣйствительности была ея воля въ этой жизни по-неволѣ, которую она отважно взяла на свои плечи, всю горечь которой ей суждено познавать медленно, до послѣдняго своего дня, испытать ее до послѣдней капли, безсильно подставляя голову подъ всѣ удары, направленные въ концѣ концовъ ея же собственной рукой!..

Бурное возбужденіе маленькой больной, которое такъ пугало мать, не пугало вовсе ея доктора.

— О, этого вы не бойтесь... Съ этимъ-то мы справимся очень скоро..., — говорилъ онъ нехотя и какъ-то загадочно. Онъ такъ долго, внимательно осматривалъ дѣвочку, такъ странно, задумчиво молчалъ надъ нею, какъ будто не все договаривалъ и что-то, самое главное, оставлялъ при себѣ.

Кубанская совѣтовалась съ нимъ, относительно ученія; очевидно, въ немъ невозможно будетъ вовсе отказать Женѣ.

— Нѣтъ, ужъ вы не огорчайте ее этимъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ... Волноваться для нея всего вреднѣе, — проговорилъ докторъ своимъ страннымъ тономъ.

— Помилуйте, докторъ! вѣдь она хочетъ непременно въ гимназію... гдѣ же ей?.. Посудите сами!..

— Ну!.. вѣдь это еще не такъ скоро... Видно будетъ.

— Вы сами увидите, что это будетъ ея первое слово, какъ только она очнется!

— Общайте ей все, — было его послѣднее слово.

Кубанская съ досадой закрыла за нимъ дверь. Вотъ и въ самомъ дѣлѣ совѣтовалась съ нимъ, какъ съ путнымъ, а онъ отдѣливается пустыми фразами, только бы съ рукъ сбить!

Докторъ общалъ, что Женя скоро успокоится. Пока она все бредила историческими именами, географическими названіями и церковными текстами. Она терзалась своимъ безсильемъ и боялась выдать тайну совершенно такъ же, какъ терзалась и боялась сознательно, пока была здорова. День и ночь несчастное маленькое сердце лихорадочно трепетало въ груди и мучительно сжималось отъ ужаса...

Этотъ бредъ преслѣдовалъ мать, какъ душу раздражающій упрекъ. Тутъ же, у постели больной, она дослѣшнѣе пересматривала программы всѣхъ женскихъ школъ, гимназій и пансіоновъ, окончательно сдаваясь, на все согласная! Но потомъ ей

пришло въ голову взять хорошую, дорогую гувернантку и дома приготовить дѣвочку въ старшіе классы. Она составила подробное объявленіе для газетъ и какъ только Жень стала поправляться, мать молча положила передъ ней на одѣяло это объявленіе.

Несчастное личико маленькой горбуны покрылось слабой краской, печальные глазки засіяли восторгомъ.

— Это для меня?.. не можетъ быть!.. да?.. да?.. мамочка, мамочка!.. — лепетала она съ раскаяніемъ, прильнувъ къ ея рукамъ.

Лизавета Игнатьевна улыбалась сквозь слезы.

IV.

Когда Штаркъ позвонилъ у Кубанскихъ, ему открылъ дверь Саша, только-что вернувшійся изъ мастерской въ то же самое время, какъ обыкновенно онъ возвращался изъ гимназіи. Мальчикъ покраснѣлъ и попытался передъ учителемъ, который внимательно окинулъ его своими серьезными глазами.

Штаркъ поднялся къ Кубанскимъ, удостовѣрившись предварительно у швейцара, что Надежда Анатоліевна съ отцомъ уѣхала кататься.

— Вы желали, чтобы я пришелъ по вашему дѣлу?.. — замѣтилъ онъ сухо, разоблачаясь въ прихожей, куда, сидя въ вагонѣ, давалъ себѣ слово не входить никогда больше.

Саша пропустилъ его впередъ въ свою комнату. Штаркъ сѣлъ къ столу, за которымъ они обыкновенно занимались, и нѣсколько минутъ въ раздумьи блуждалъ глазами по полкамъ съ книгами, по глобусамъ, готовальнямъ и географическимъ картамъ, придающимъ свою исключительную окраску тѣсной комнатѣ ученика... Потомъ онъ живо обернулся и съ любопытствомъ посмотрѣлъ въ упоръ въ лицо гимназисту.

— Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, вы хотите бросить все это? Лишить себя добровольно такого высокаго блага!..

Саша слушалъ, не поднимая глазъ.

— Я больше не вашъ репетиторъ, — продолжалъ Штаркъ съ неподдѣльнымъ жаромъ. — Я друженъ съ вашей матерью и люблю ее, это правда, но я говорю не по этому. Я пришелъ съ тѣмъ, чтобы быть посредникомъ между вами, если ужъ не останется ничего другого... Но моя совѣсть не позволяетъ мнѣ молчать, не сказать, хотя бы и напрасно, что вы поступаете какъ безумецъ, и когда-нибудь жестоко раскаетесь въ этомъ!..

Саша молчалъ.

— Дѣло не въ школахъ, не въ дипломахъ... Но вѣдь не все же на свѣтѣ людскія выдумки! Жажда знанія такъ же непобѣдимо заложена въ природу человѣка, какъ непобѣдимо растеніе стремится къ свѣту... Милліоны живутъ и умираютъ, какъ новорожденные дѣти, но вѣдь и тотъ, кто рождается слѣпымъ, не страдаетъ! Вы хотите ослѣпнуть добровольно...

Онъ вскочилъ въ порывѣ невольнаго состраданія къ антипатичному мальчику, котораго онъ вовсе не любилъ.

— Этого нельзя сдѣлать!.. Кто имѣлъ несчастье ослѣпнуть, тотъ никогда, какъ бы долго онъ ни прожилъ, слышите вы? никогда не забудетъ свѣта, никогда не перестанетъ его оплакивать!..

Саша все молчалъ и думалъ: отчего Максъ не говорилъ ничего подобнаго, не произносилъ краснорѣчивыхъ фразъ о благѣ и свѣтѣ по поводу его ненависти къ гимназіи, гдѣ зубрять такія скучныя, безынтересныя вещи и даже въ отдаленномъ будущемъ, даже далекой путевой звѣздой не мерцалъ ему тотъ поэтический „свѣтъ“, о которомъ взрослые расточаютъ столько громкихъ словъ въ своихъ книжкахъ. Отчего Максъ сразу точно побывалъ въ глубинѣ его души, безъ труда взявъ его сторону? Саша предпочиталъ его тонкіе сарказмы и вышучиванія „высокому тону“, который взялъ сразу его наставникъ...

Первое разочарованіе мальчика давно прошло: сердце не обмануло его, онъ дѣйствительно нашелъ человѣка, способнаго разсуждать не только такъ, какъ вообще полагается разсуждать всѣмъ благоразумнымъ людямъ,—человѣка, который бралъ на себя то, чего не бралъ никто больше. Нужды нѣтъ, что ребяческая фантазія надѣлила его небывалымъ ореоломъ; котораго не оправдала дѣйствительность, Саша охотно примирился въ концѣ концовъ и съ дамскими цѣпочками и съ каштановыми кудрями. Онъ чувствовалъ себя съ молодымъ Зандеромъ легко, какъ съ товарищемъ, хотя и былъ увѣренъ, что его взгляды, то разсѣянные, то насмѣшливые, читаютъ въ его душѣ вѣрнѣе и неумолимѣе, чѣмъ даже проникательные глаза строгаго Штарка.

Давидъ Семенычъ замолчалъ и съ досаднымъ изумленіемъ смотрѣлъ въ лицо мальчика, все съ тѣмъ же непроницаемымъ и упрямымъ выраженіемъ... Каковъ! не находить даже нужнымъ отвѣтить что-нибудь!.. И сразу онъ потерялъ всякую охоту дальнѣе расточать по-пусту свои убѣжденные и прочувствованныя слова, на которыя былъ скупъ по природѣ, какъ человѣкъ, не привыкшій забавляться по всякому поводу игрой собственнаго краснорѣчія;

онъ всегда искренно переживалъ тѣ идеи, которыя овладѣвали его умомъ. Кабы не Максъ съ его несносной настойчивостью, да не близость съ Лизаветой Игнатьевной, никогда Штаркъ не приложилъ бы добровольно своей руки въ чужому безразсудству.

— Ну-съ... Что же вы желаете, чтобы я сказалъ вашей матери?—переиѣнилъ онъ тонъ на прежнія сухія ноты, разъ навсегда оттолкнувшія отъ него его ученика.

— Что вы сами найдете возможнымъ,—отвѣтилъ послѣ короткой паузы Саша.

Онъ поднял голову и въ первый разъ взглянулъ ему прямо въ глаза. Вотъ человѣкъ, котораго онъ трепеталъ, какъ никого другого. Что это онъ доказывалъ ему такъ горячо? Кажется, онъ пытался удержать его здѣсь, въ этой самой комнатѣ, гдѣ такъ давно онъ томился своей смутной тоской, но гдѣ, недѣли двѣ уже, какъ присутствуетъ автоматически только одинъ обликъ бывшаго гимназиста!.. Его душа давно вырвалась на волю... Всѣмъ своимъ существомъ онъ живетъ уже той новой жизнью, которая смутно носилась передъ нимъ, какъ недостижимая мечта... Есть ли какое-нибудь соотвѣтствіе между этими мечтами и ничѣмъ неприкрашенной дѣйствительностью, это Саша опѣнить много поздне... Теперь всѣ фибры его сердца, всѣ силы его ума напряжены, наготовѣ для послѣдней рѣшительной борьбы, которая или порветъ всѣ путы, или... Вотъ этого „или“ мальчикъ совсѣмъ не умѣлъ формулировать; оно оставалось грозной, загадочной тѣнью, заволакивавшей жизнь, заставлявшей его собирать всѣ силы, все мужество и заглядывать въ самую глубину собственной души, боязливо соразмѣряя свои ресурсы...

Умно сдѣлалъ Штаркъ, что оборвалъ въ самомъ началѣ яркую, правдивую и убѣдительную картину, которую онъ и могъ, и хотѣлъ развернуть передъ ослѣпленнымъ мальчикомъ; все равно, Саша былъ глухъ и слѣпъ. Онъ мысленно считалъ минуты, уходившія на эти разговоры; онъ не сомнѣвался, что „знаетъ наизусть“, какъ онъ выражался, все, что могутъ сказать ему взрослые. Это было то тяжелое положеніе, когда вполнѣ безсильны наиболѣе возвышенныя чувства, ничего не значать самыя поразительныя слова, когда непогрѣшимая мудрость всего человѣчества безсильна сломить волю одного ничтожнаго человѣческаго существа, твердо рѣшившаго идти своимъ путемъ, ничтожнаго существа, которое въ концѣ концовъ въ самомъ себѣ носитъ свой міръ, и не существуетъ надъ нимъ нравственной власти, кромѣ той, которую оно само признаетъ надъ собой...

Нѣсколько минутъ ученикъ и учитель стояли молча другъ

противъ друга въ тѣсной классной. Въ душѣ Штарка поднималось досадное ощущение собственнаго безсилія и высокомерное негодованіе передъ самонадѣянностью, передъ дерзкой отвагой этого мальчишки, бывшаго такъ долго въ его глазахъ только неспособнымъ лѣнтяемъ.

— Вы не знаете, должно быть, вѣдь у насъ больна Женья! — проговорилъ наконецъ Сапа, взявшись за ручку двери... — Я лучше пойду спрошу сначала.

Дѣйствительно, Штаркъ не зналъ этого. Послѣ письма Нади, онъ предпочелъ не ходить вовсе къ Кубанскимъ; Лизаветъ Игнатьевнѣ онъ написалъ письмо, надъ которымъ долго ломалъ голову. Штаркъ внезапно перемѣнилъ свои намѣренія, и того, что онъ могъ бы и собирался сообщить ей по поводу своей отлучки изъ Петербурга, этого онъ совсѣмъ больше не хотѣлъ повѣрять ей.

Когда прошло еще такъ не много времени, а новое происшествіе въ злополучной семьѣ вынуждало отложить всѣ личные соображенія и переступить снова порогъ этого дома, теперь въ немъ еще ходуномъ ходило все, что было оскорблено и уязвлено въ самой сокровенной глубинѣ души... Еще не улеглась буря негодованія и возмущенія, разметавшая, повидимому, безслѣдно всю былую нѣжность, все снисхожденіе, пристрастіе и ослѣпленіе, все, чѣмъ онъ жилъ такъ давно... Одно достойное возмездіе могло, казалось, утишить эту бурю!.. Только торжество справедливости прольется бальзамомъ на горящія раны!.. Штаркъ не сознавался себѣ, что, говоря по-просту, это значитъ жаждать мести, стремиться возстановить свою разбитую гордость на чужомъ униженіи... Да и кто же въ пылу страсти прищипливаетъ обличительные ярлыки къ собственнымъ побужденіямъ?.. Лексиконъ человѣческой казуистики не даромъ богатъ и удивительно какъ тонко разработанъ!..

Онъ кипѣлъ мстью, но Штаркъ былъ честный человѣкъ. На его бѣду орудіе этой мести лежало совсѣмъ готовое въ его рукахъ. Онъ лишенъ былъ облегченія израсходовать свой первый пылъ на придумываніе и ухищренія, не могъ отвести душу надъ разработкой собственнаго плана, заранѣе уже насладиться имъ настолько, чтобы потомъ легче было отказаться отъ него, когда разбѣется знойный утаръ, заволакивающий разумъ, и изъ-за слѣтѣвшей маски Немезиды глянетъ прямо въ глаза собственное, искаженное лицо мстителя... Орудіе мести готовое лежало въ рукахъ, словно подсунутое услужливой судьбой, но Штаркъ послѣдними проблесками хладнокровія сознавалъ еще, какъ безразсудно

въ такія минуты принимать безповоротныя рѣшенія, дѣлать непоправимые шаги...

Кубанская ничего не поняла изъ его письма, кромѣ того, что оскорбленная гордость говорить въ немъ громче, тѣмъ въ первую минуту, и что едва ли станетъ онъ приводить въ исполненіе свою великодушную клятву спасти Надю во что бы то ни стало, если онъ не можетъ спасти ее для самого себя!..

Саша привелъ учителя въ маленькую комнату за гостиной, куда вышла Кубанская, чтобы не тревожить маленькую больную. Штаркъ по обыкновенію поцѣловалъ у ней руку и съ глубокимъ состраданіемъ заглянулъ въ глаза, слабыя и мутныя отъ бессонныхъ ночей... Его прискорбная миссія тяжелымъ гнетомъ лежала у него на сердцѣ...

Какъ будто только теперь въ первый разъ онъ понялъ, какъ беззащитно и какъ уязвимо сердце матери, какъ это сердце, усталое и изломанное жизнью, во всякую минуту открыто для всѣхъ ударовъ... Разражается ли ударъ этотъ надъ кѣмъ-нибудь изъ семьи, или милыя руки оборвутъ безжалостно живыя нити, сходящіяся, какъ въ фокусѣ, въ одной груди... Онъ увидалъ странное и поучительное зрѣлище, какъ эта грудь исходитъ кровью даже и тогда, когда въ ней не нашлось мѣста для нѣжности...

Лизавета Игнатьевна не вполне еще отдышалась послѣ ужасной болѣзни Жени, хотя она и объявила своему пріятелю съ полной увѣренностью, что дѣвочка, слава Богу, поправляется; она была такъ всецѣло поглощена судьбой Нади, что, само собою разумѣется, ей не могло прийти въ голову, что онъ явился къ ней уже по новому важному поводу, что сложное колесо ея жизни дѣлало новый оборотъ, не справляясь, успѣла ли она справиться съ силами...

Сначала и Саша тоже оставался въ комнатѣ. Онъ нервно перебиралъ у окна листы брошенной кѣмъ-то книги и замѣчалъ съ неудовольствіемъ, какъ его похолодѣвшіе пальцы дрожать съ каждой минутой все сильнѣе.

Нѣсколько разъ мать взглянула на него съ мыслью, что онъ помѣшаетъ ихъ разговоръ, и пріискивала предлогъ, чтобы унять его. Но гимназистъ внезапно поднялся и самъ вышелъ изъ комнаты, обмѣнявшись выразительнымъ взглядомъ съ учителемъ и такъ осторожно ступая на носкахъ, какъ будто въ комнатѣ лежалъ трудно больной.

Тогда Штаркъ приступилъ осторожно къ своей тягостной задачѣ. Съ свойственной ему систематичностью, онъ началъ съ

вступленія, желая сколько-нибудь приготовить почву. Кубанская была такъ далека отъ догадки, что нѣсколько времени она спокойно слушала его, какъ слушаютъ съ удовольствіемъ умныя рѣчи на самую неожиданную тему. Только постепенно эти умныя рѣчи оказались какимъ-то образомъ въ связи съ той стороною ея жизни, которой она удѣляла всего меньше вниманія, поглощенная всецѣло другимъ...

Штаркъ добросовѣстно нанизывалъ все, что только могъ прибрать, не въ извиненіе, но въ разъясненіе факта, которому суждено было до конца оставаться доступнымъ для него лишь внѣшней стороною своей... Но сама Лизавета Игнатьевна сейчасъ же облегчила его положеніе; нѣсколькими рѣшительными вопросами она добыла всю суть, угадывая быстро и неожиданно, съ подозрительностью чловека, хорошо знакомаго съ ударами судьбы, переворачивающаго покорно очередную страницу!..

— Оставьте это, Давидъ Семенычъ... Я понимаю. Не тратьте такъ много словъ... Онъ хочетъ уйти изъ дому, вотъ въ чемъ вся суть...

И долго, долго она сидѣла безмолвная передъ этой сущю... Въ одинъ мигъ она выдѣлила ее изъ всего остального, почувствовала, гдѣ таилась та живая нить, которую нельзя порвать, не поразивъ ея сердца... Штаркъ видѣлъ, какъ слабая краска и смертельная блѣдность смѣнялись на поблекшихъ щекахъ сѣдой женщины передъ картинами, проносившимися вихремъ въ ея умѣ... Она сидѣла, не измѣняя позы, уйдя всей фигурой въ уголъ мягкаго кресла, сгорбившись, и своими большими расpiренными глазами смотрѣла въ одну точку... На глаза набѣгали слезы, и, не пролившись, высыхали на рѣсницахъ... Губы дрожали, точно хотѣли протестовать или оправдываться, но слова замирали на нихъ, словно подавленные какимъ-то неумолимымъ сознаніемъ...

Это было очень тяжелое молчаніе, но Штаркъ не отваживался нарушить его.

Онъ удивлялся. Онъ воображалъ себя на ея мѣстѣ, отцомъ, и пораженъ былъ, что не видитъ гнѣва, справедливаго негодованія, закипавшаго въ груди его — посторонняго зрителя, не видитъ страха, который онъ нашелъ бы вполне естественнымъ въ матери...

Наконецъ Лизавета Игнатьевна замѣтила, что чужой чловекъ давно ужъ сидитъ тутъ безъ всякой нужды, не рѣшаясь ни заговорить съ нею, ни уйти къ своему дѣлу. Она медленно провела рукой по глазамъ, какъ бы разгоняя обступившіе ее при-

зраки, и стала спрашивать обо всемъ, что ему было извѣстно со словъ Зандера.

Но то, что было ему извѣстно—можно передать въ двухъ словахъ. Мать не пойметъ изъ этого, какимъ путемъ и когда именно умомъ ея сына овладѣла странная идея, съ которой онъ не пришелъ къ ней ни за разрѣшеніемъ, ни за тѣмъ, чтобы подѣлиться своими сомнѣніями и опасеніями. Чужой человѣкъ сидѣлъ передъ нею и излагалъ его желанія, какъ адвокатъ излагаетъ дѣло своего кліента. Только какъ ни слѣдить за собою Штаркъ, въ его словахъ на каждомъ шагу невольнo прорывалось негодованіе человѣка, привыкшаго свято чтить долгъ во всѣхъ его видахъ,—человѣка, которому гораздо понятнѣе идея повиновенія и авторитета, нежели безпредѣльная отвага и свободомысліе.

— Нѣтъ, нѣтъ!..—остановила его Кубанская:—это дѣйствительно такъ и было... Этимъ лицемъ его безбожно травятъ уже цѣлые полгода. И, коли хотите знать,—я и сама не знаю, что выйдетъ изъ этого! Если Анатолій Петровичъ серьезно заберетъ себѣ въ голову, то какая же сила помѣшаетъ ему? Мое заступничество развѣ испортитъ дѣло; г-ну Ханайскому чрезвычайно пріятно будетъ отплатить мнѣ за все... Да, да! Я думаю, что это непременно такъ и будетъ!.. Онъ всего достигнетъ разомъ: и со мной сочтется, и Сашу уничтожитъ, и тестю угодитъ, и Надю порадуетъ... О!.. онъ только уменъ, этотъ несчастный мальчишъ! Онъ угадываетъ людей!—вѣроятно потому, что никогда не видалъ отъ нихъ ничего хорошаго...

Голосъ Лизаветы Игнатьевны какъ будто потерялся въ слезахъ.

— Вы находите, что онъ уменъ?! — едва повѣрилъ своимъ ушамъ ея собесѣдникъ.

— Да, и онъ мужественъ! Онъ не сознаетъ, конечно, всего, что теряетъ, чѣмъ рискуетъ; но все-таки онъ совершенно сознательно беретъ все на себя одного и конечно... конечно ужъ знаетъ, что возврата ему не будетъ!..

— Ну... а вы?..—все медленнѣе выговаривалъ слова Штаркъ отъ своего великаго изумленія. —Чтоже онъ думаетъ о своихъ обязанностяхъ къ вамъ?..

— Онъ думаетъ только, что моя обязанность защитить его!—выговорила съ силой Кубанская. —Я этого не могу сдѣлать!..—прибавила она черезъ секунду и слезы вдругъ хлынули изъ ея глазъ.

Штаркъ мрачно смотрѣлъ на свои ноги. Странная женщина!

Все, что обрушивалось на нее, падало какъ будто не той стороной, которая другихъ заставить почувствовать ударъ... Кто же увѣрилъ бѣдную женщину, что ея сердце холодно и безчувственно? Кто повѣритъ ей, что она не любитъ собственныхъ дѣтей?!

Тотъ, кто повѣритъ—очень неопытенъ! Онъ не понимаетъ, что человѣческая любовь состоитъ вовсе не изъ одной нѣжности... Нѣжность—это только прелестный махровый цвѣтокъ, очаровывающій взоры, прихотливый какъ теплое растение... Это та благоухающая капля меда, которая влита въ пучину нашихъ обязанностей, достаточно могучая, чтобы ради нея одной люди называли ихъ счастьемъ... А тѣ, на чью долю выпадетъ принять ихъ изъ рукъ судьбы съ опавшимъ цвѣтомъ и безъ вѣчно свѣжаго, волшебнаго аромата—тѣ не узнаютъ даже лица ея!.. Проклятiе тяготѣетъ надъ ними... Ихъ жертвы напрасны... Ихъ усилiя безплодны... Ихъ очи слѣпы... Ихъ ошибки непоправимы... Они несутъ всѣ трудности—и не знаютъ радостей. Они не живутъ, а отбываютъ обязанность и, выбиваясь изъ силъ, они исполняютъ всегда все дурно, что каждому вокругъ нихъ дается само собой... Другiе ихъ обвиняютъ, они сами не прощаютъ себѣ. Но не одни они, несчастны всѣ вокругъ нихъ...

— Мнѣ кажется, Лизавета Игнатьевна, что Саша совершенно напрасно прибѣгалъ къ моему посредничеству,—замѣтилъ Штаркъ съ быстро мелькнувшей странной усмѣшкой...—Вы гораздо менѣе поражены всѣмъ этимъ—чѣмъ... чѣмъ я боялся!—и если не ошибаюсь, вы совершенно готовы даже взять его сторону?

Кубанская отвѣтила не сразу.

— Да, безъ сомнѣнiя я возьму его сторону. Но какъ же вы не понимаете, что это въ сущности одинъ пустой звукъ? Если бы въ распоряженiи моемъ была хоть какая-нибудь угроза, которой на Анатолиа Петровича можно подѣйствовать, я не задумалась бы ни минуты! Но теперь, когда у него будетъ богатая дочка, а мое состоянiе разстроено въ конецъ, чѣмъ могу я влiять на него?! Прежде онъ былъ безнравственъ и безалаберенъ, но по крайней мѣрѣ не золъ; съ годами въ немъ все опредѣленнѣе выступаетъ безсердечный эгоистъ, который рѣшительно все гнетъ къ своему удобству... У кого еще хватило бы духу отдать такую очаровательную дѣвочку этому старому развратнику? — Лизавета Игнатьевна спохватилась, когда увидѣла, какъ Штаркъ поблѣднѣлъ. — О, простите, простите!.. Я сама не помню, что говорю!..

— Очаровательная дѣвочка отлично знаетъ, что она дѣлаетъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Узнаетъ... слишкомъ поздно,—прошептала уныло мать.

Молодой человѣкъ поднялся съ своего мѣста, испуганный опаснымъ оборотомъ, который случайно принялъ разговоръ.

— Я позволю себѣ сказать вамъ, Лизавета Игнатьевна, что я не понимаю васъ. Развѣ вы и пробовать не будете удерживать Сашу? Я согласенъ съ вами, что доказать ему теперь его безразсудство почти невозможно—но, Богъ мой! Мало ли что мать можетъ сказать своему сыну?!. Развѣ все, что ему говорили посторонніе, можетъ идти въ какое-нибудь сравненіе съ тѣмъ, что должны сказать ему вы?!

Онъ строго смотрѣлъ на нее. Лизавета Игнатьевна опять молчала. Можно просить... Можно растрогать... Неужели она скажетъ Штарку, что ей просить сына ради себя самой—невозможно, какъ не станешь просить объ услугѣ того, кому много разъ отказывалъ въ ней? Она ничего не сказала.

— Я понимаю, что васъ огорчаетъ всего сильнѣе его желаніе уйти изъ дома; но вѣдь есть еще цѣлая сторона, практическая, которая не можетъ же наконецъ не пугать васъ?

Штаркъ пожималъ плечами и почти съ досадой смотрѣлъ на нее.

— Я бы хотѣлъ знать, какъ вы рисуете себѣ его будущее? Онъ или сощется съ круга или сдѣлается негодяемъ! Первое вѣроятнѣе.

Штаркъ вовсе не хотѣлъ быть жестокимъ; ему казалось только, что ей надо лучше открыть глаза. Онъ не зналъ, что людей, дѣйствительно несчастныхъ, чрезвычайно какъ мудрено напугать.

— Я увѣрена, что онъ будетъ честнымъ человѣкомъ!—возразила съ жаромъ Кубанская.—Объ чемъ собственно вы хлопчете? Еслибъ я могла помѣшать, я бы сдѣлала это... Но все даже не потому, чтобы я убѣждена была, что спасеніе тутъ, а тамъ гибель. Не потому, что я считаю, что простой работникъ не можетъ быть во сто разъ счастливѣе злополучнаго барина,—нѣтъ, нѣтъ, не потому!.. Просто оттого, что я не знаю этого навѣрное, что это значить рисковать чужой судьбой... Но вы все забываете, что я только мать! Что же я значу въ рѣшающихъ вопросахъ? Анатолій Петровичъ ни за что не отпуститъ его изъ фанатеріи—и тѣмъ это можетъ кончиться... я не знаю!.. Но вы видите, я не могу ни удерживать Сашу, ни заставить мужа отпустить его, ни наконецъ защитить его отъ того, что они придумаютъ для его спасенія... Я ничего не могу! Я могу только одно:—мучиться!

„Я могу только одно — мучиться!“ звучало похороннымъ звономъ въ ушахъ Штарка, когда онъ гнѣшкомъ, понуря голову, возвращался домой отъ Кубанскихъ.

V.

Въ то время, когда Штаркъ переходилъ Невскій проспектъ, мимо него промчалась вороная пара подъ темно-красной сѣткой. Въ большихъ саняхъ сидѣла Надя рядомъ съ отцомъ, а на-противъ нея Ханайскій рассказывалъ что-то, помахивая рукой въ модной яркой перчаткѣ. Профиль дѣвушки промелькнулъ подрумяненный морозомъ, и долго потомъ видны были одни блестящіе черные локоны, разсыпавшіеся по бархату, мѣховая шапочка, траціозно положенная на маленькой головкѣ.

Кругомъ шныряли экипажи, кричали вучера... его дергали за рукавъ полицейскіе. Штаркъ машинально пятился или бралъ въ сторону, описывая зигзаги, точно пьяный. Онъ не хотѣлъ выпустить изъ глазъ красную сѣтку, когда давно уже нельзя было больше различать черныхъ локоновъ. На тротуарѣ онъ снялъ шапку и стоялъ нѣсколько секундъ, не зная, нужно ему повернуть направо или налево.

Рѣшеніе! его рѣшеніе!! до которыхъ поръ еще онъ будетъ откладывать его?!. Проститъ ли онъ Надѣ все зло, которое она ему сдѣлала; спасетъ ли онъ ее, чтобы никогда не встрѣчаться съ нею и не слышать ея благодарности, спасетъ только за то, что любилъ ее?.. Или онъ дастъ свершиться всему, что она избрала добровольно, и быть можетъ, увидитъ ея отчаяніе, ея стыдъ, которому нельзя будетъ ничѣмъ помочь?..

А вѣдь люди нуждаются въ урокахъ! вѣдь и у тѣхъ, у кого нѣтъ сердца, оно какъ разъ окажется, когда судьба обрушитъ на него свой тяжелый молотъ!.. Человѣчество всегда спасалось только страданіями. Откуда бытъ это выраженіе: „горнило слезъ“?.. да, горнило!.. Она умѣетъ только смѣяться—такъ, что у людей голова кружится! должно быть, и слезы пойдутъ не хуже въ такой красавицѣ!..

Штаркъ попробовалъ даже вообразить себѣ Надю въ слезахъ; но вдругъ ему стыдно стало душившей его злобы. Кровь стучала въ вискахъ, въ ушахъ гудѣло. Изъ-за этого гула онъ не слышалъ уличнаго шума и машинально все шелъ своей дорогой. Да?.. нѣтъ?.. да... нѣтъ... смѣнялось правильной очередью въ его мозгу.

Если „да“, то стоитъ только зайти въ первую попавшуюся телеграфную контору и послать депешу въ десять словъ. Депеша давно уже готова въ умѣ. Все будетъ разомъ кончено... дѣло передаю въ чужія руки—это самое надежное! Ни колебаній, ни искушеній. Наконецъ онъ вырвется изъ плѣна, избавится отъ

пытки, въ которой живетъ съ той минуты, какъ изорвалъ въ клочки ненавистное письмо! Съ той минуты, точно онъ не одинъ больше... какъ будто еще кто-то другой живетъ съ нимъ бокъ-о-бокъ, дышетъ однимъ воздухомъ... засыпаетъ и просыпается съ нимъ вмѣстѣ. Говорятъ, галлюцинаціи такія бываютъ—двойники. Эти двойники всегда зловѣщіе, кровожадные, толкающіе на злодѣянія, на преступленія, на месть... ха, ха, ха!.. Недостаетъ, чтобы онъ, Давидъ Штаркъ, пустился въ чертовщину и повѣрилъ въ духовъ искусителей!.. Вѣдь онъ христіанинъ теперь! Вѣдь его религія велитъ прощать врагамъ. А!.. быть можетъ, это своего рода утонченная месть — подавить своимъ превосходствомъ, уничтожить своимъ милосердіемъ. Смиреніе!.. это пожалуй только оборотная сторона гордости?..

Вотъ точно Максъ Зандеръ ухитряется такъ выворачивать понятія, что у него одно и то же—черное и бѣлое... великое и ничтожное... добро и зло!.. Его только попросить, онъ въ пять минутъ докажетъ, что прощеніе есть преступленіе, а месть—высшая добродѣтель. Чтожъ!.. и всего-то какіе-нибудь два десятка вѣковъ назадъ и это дѣйствительно была добродѣтель—патентованная, которой держались міры. О, несчастный родъ людской, не знающій, чего ему желать сегодня, что онъ станетъ благословлять и что проклинать завтра!.. Жалкіе трусы, поворно влачащіе существованіе, какъ песь волочить цѣпь, пока не издохнетъ на ней!.. Что держать васъ въ этомъ смоляномъ котлѣ, когда вамъ объявить гоненіе жестокая мачиха-судьба? — васъ, кому выпадетъ на долю вся горечь, вся тяжесть, вся мука, а то, что зовется счастьемъ, утѣхой и радостью, то носится передъ глазами какъ соблазнительный миражъ, котораго не схватишь руками!.. Что дѣлаешь ты на чужомъ пиру, несчастный бѣднякъ? къ чему ты разжигашь свой голодъ роскошными картинами чужого довольства?.. Обрати лучше жадные взоры къ звѣздному небу, къ этой вѣчной эмблемѣ равенства, недосягаемаго какъ оно!.. Утѣшься тѣмъ, что оно одно не знаетъ ни великихъ, ни малыхъ, ни правыхъ, ни виноватыхъ — склоняется надо всѣмъ, равно безотвѣтное и равнодушное!..

Штаркъ дѣйствительно безотчетно подымалъ вверхъ свои горящіе глаза съ покраснѣвшими бѣлками—и встрѣтилъ не звѣздное, а хмурое петербургское небо, съ котораго только-только начинали падать, плавно и медленно, первыя рѣдкія снѣжинки.

— Господинъ, позвольте-съ! — придержалъ его за плечо какой-то прохожій, которому онъ мѣшалъ войти въ магазинъ.

„Фу! Что же со мной наконецъ?“ очнулся Штаркъ. Онъ

поспѣшно прошелъ до конца улицы, пристыженный „сумбуромъ“, который съ нѣкоторыхъ поръ такъ легко водворяется въ его головѣ. Такъ всегда бываетъ, когда люди безъ конца нянчуются съ чѣмъ-нибудь однимъ... Когда они малодушно балансируютъ ни назадъ, ни впередъ, сами не знаютъ навѣрное, чего они хотятъ — точно и въ самомъ дѣлѣ существуютъ двѣ истины!..

Онъ вруто остановился и оглянулъ улицу. Гдѣ-то тутъ на углу должна быть контора, въ которой онъ отправлялъ какую-то депешу нынче осенью? Штаркъ осмотрѣлъ оба угла и сталъ переходить на противоположную сторону, хотъ онъ могъ бы видѣть какъ нельзя лучше и издали, что конторы нѣтъ и тамъ. Онъ озабоченно искалъ ея и наконецъ позвонилъ дворника, битыхъ пять минутъ дожидался терпѣливо, пока онъ не вышелъ — гдѣ-то, въ самой глубинѣ души вполнѣ успокоенный, что конторы нѣтъ нигдѣ по близости. Перейхала — или онъ что-нибудь перепуталъ. Что теперь дѣлать?.. Искать въ другомъ мѣстѣ?..

Онъ взглянулъ на часы, — поздно. Не проще ли отправить депешу вечеромъ? Но только навѣрное! Чтобы до ночи все было кончено. Какая бы ни была дальнѣйшая судьба женщины, которую онъ любилъ такъ безразсудно, ему одному, ничтожному бѣдняку, отвергнутому еврею — ему и никому другому она будетъ обязана тѣмъ, что не соединить своей судьбы съ безчестнымъ негодяемъ, съ развратникомъ, которому недоступны и помысленія чистыя, съ этимъ... Штаркъ чувствовалъ, что у него снова начинается гудѣть въ ушахъ и насильно оторвать свои мысли отъ ненавистнаго образа.

Нѣтъ! вотъ какъ будетъ еще лучше: онъ возьметъ извозчика, поѣдетъ домой, а по дорогѣ остановится у первой попавшейся конторы... Не для чего — да, да! — не для чего откладывать до вечера, разъ что теперь онъ уже на улицѣ!..

Штаркъ усѣлся на извозчика, но черезъ пять минутъ забылъ о депешѣ. Онъ думалъ о Надѣ. Ему внезапно мелькнуло въ глаза сходство съ нею въ хорошенькой брюнеточкѣ, которая близко мимо него переходила черезъ улицу, съ маленькимъ мальчикомъ. Пока могъ, онъ все слѣдилъ за ней, какъ она шла по тротуару, держа ребенка за руку, и болтала съ нимъ, улыбаясь... Сестра или гувернантка? Очень просто, почти бѣдно одѣта... весела... безпечна. Ее не тяготитъ возня съ ребенкомъ. Ее не гложетъ зависть къ богатымъ. Она не мечтаетъ о томъ, чтобы „властвовать“ надъ толпою поклонниковъ, попираетъ ногами живыя сердца. Да! вотъ какія бываютъ другія дѣвушки въ двадцать лѣтъ!..

И онъ хочетъ спасти ее?! Для чего же, если она не нара-

дуются своему выбору? Зачѣмъ же, если она такъ побѣдоносно улыбается, такъ гордо мчится на его рыскахъ?! Если она неспособна испытывать стыда передъ чужимъ судомъ и могла... посмѣла заговорить съ нимъ о прощениіи и примиреніи. Онъ спасетъ ее... не для того ли, чтобы она приписала это ревности, непобѣдимой страсти, всѣмъ тѣмъ вздоромъ, которымъ всегда набиты головы красавицъ?.. Онъ спасетъ ее... до первого подходящаго случая?

Когда Штаркъ остановился у воротъ дома, отъ его перваго рѣшенія не оставалось ни слѣда. И точь-въ-точь одно и то же повторялось изо дня въ день. Если онъ думалъ о Надѣ, переживалъ свою любовь, воскрешалъ свои радости и испытывалъ всегда одинаково живо всѣ свои муки, въ особенности же, если онъ припоминалъ хотя одну фразу изъ ея письма — онъ клялся, что не шевельнетъ пальцемъ; что спасать напрасно того, кто родился для зла; что прощать преступно тому, кто грѣшитъ не въ ослѣпленіи и не въ невѣденіи.

Но стоило Штарку подумать нѣсколько минутъ о Ханайскомъ, и картина мѣнялась: онъ вырывалъ ее изъ бездны. Онъ спасалъ ее—все равно, хотя бы и только до перваго случая, хотя бы на одну минуту. Все равно для какой иной судьбы, но лишь бы не для этой, лишь бы не этому!

У себя дома Штаркъ засталъ Максима Зандера, который пришелъ узнать о результатахъ объясненія съ Кубанской и давненько уже ждалъ его, растянувшись на диванѣ съ книгой.

Въ первую минуту Штаркъ едва не убѣжалъ отъ собственныхъ дверей. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, черезчуръ поглощенъ своей послѣдней борьбой, чтобы вести въ эту минуту какія-нибудь бесѣды или хотя бы только укрыться сколько-нибудь прилично отъ зоркихъ глазъ Макса. Но онъ вспомнилъ во-время, что тотъ уже слышалъ его звонокъ.

Недостаетъ, чтобы онъ сталъ прятаться отъ кого-нибудь, да еще такъ неискусно, во всеобщее свѣденіе!.. Онъ бормоталъ проклятія, срывая съ ногъ галоши, которыя зацѣпили, стаскивая шубу, какъ будто нарочно прилипавшую къ платью... Даже дверь его комнаты и та не открылась сразу...

Ничто не повиновалось его нервнымъ, порывистымъ движеніямъ, и онъ каждую минуту выходилъ изъ себя, чувствовалъ, какъ отъ малѣйшаго вздора кровь выдается въ голову, сдавливаетъ горю... Ему случалось ловить себя, какъ онъ выскикивалъ, на чемъ бы сорвать сердце — будь то просто неодушевленная вещь, которая стремительно летѣла на полъ, не ложилась, а съ шумомъ хло-

пазась на столъ, трещала, щелкала и скрипѣла подѣ судорожно-сжимавшимися пальцами. Онъ и ходилъ не такъ, какъ прежде, а громко, тяжело отбивалъ каждый шагъ...

Хозяева за стѣной давно ужъ обсуждали между собою, что такое приключилось съ ихъ жильцомъ?.. Жилъ тихо больше года, да вдругъ принялся шумѣть одинъ одинешенецъ!.. Не просить, какъ прежде, а приказываетъ повелительно и отрывисто. Всегда былъ суровъ, а теперь и вовсе ужъ волкомъ смотреть. Проворная чухонка признавалась, что боится его до смерти и что ей чистое наказаніе входить въ его комнаты. Хозяинъ безпокоился, отдастъ ли онъ въ срокъ деньги за квартиру и чрезвычайно озабоченно протягивалъ свое глубокомысленное: „wir werden das sehen!“... Хозяйка предполагала, что жилецъ боленъ печенью, потому что сталъ очень желтъ съ лица и иной день вовсе не ходитъ обѣдать—знай, чай пустой таетъ по шести разъ въ день. Она жалѣла его, но все-таки грозилась потребовать полтинникъ прибавки за лишніе уголья. Кухарка надъ каждымъ самоваромъ громко ворчала по четверти часа, что у нея только двѣ, а не десять рукъ, но какъ только переступала съ этимъ самоваромъ порогъ его комнаты — скуластое, рябое лицо помимо воли распускалось въ подобострастную улыбку...

Жилецъ не подозревалъ, конечно, что служить предметомъ семейныхъ бесѣдъ; что его энергично двинутый стулъ или брошенная дверь поздно вечеромъ, когда въ домѣ затихаетъ дневная суета, вызывали на хозяйской половинѣ многозначительное замѣчаніе: „Oho! dem geht's nicht besser heute!“

VI.

Максимъ поднялся ему на встрѣчу и съ большой осторожностью скользнулъ по немъ взглядомъ. Онъ видѣлъ уже издали сведенныя въ одну сплошную линію брови и зеленыя тѣни на худомъ лицѣ.

— Здравствуй...,—процѣдилъ Штаркъ сквозь зубы и прошелъ прямо въ спальню, гдѣ и оставался довольно долго, неизвѣстно по какой причинѣ.

Гость сидѣлъ на диванѣ и задумчиво расначивалъ одной ногой, дожидаясь терпѣливо, когда онъ соблаговолитъ выйти. Штаркъ усьлся спиной къ свѣту и сейчасъ же принялся передавать разговоръ съ Кубанской.

— Вотъ какъ?.. вотъ какъ?..—приговаривалъ Зандеръ.—Нѣтъ,

должно быть, она какая-то совсѣмъ особенная женщина!.. безъ этого неизбежнаго бабьяго трепета передъ всѣмъ, что имѣетъ какую-нибудь фizioномію, а не шаблонно и вытерто какъ мѣдный пятакъ... Другая бы—караулъ на весь міръ! а эта еще любитъ и плачетъ только о томъ, о чемъ именно ей и надлежитъ поплакать. Умна, а все оттого, что очень несчастна! Удивительно право, какъ это превосходно шлифуетъ человѣческіе мозги. Точно шелуха какая-то отлетаютъ всѣ мизерныя чувствія, всѣ грошевыя соображенья, вся тина и плѣсень, что, какъ въ стоячей водѣ, заводится отъ безмятежнаго покоя да великаго благополучія. Для меня, ну право же, не можетъ быть ничего ненавистнѣе филистерскаго благодушія, котораго пушками не прошибешь, пока не догадаешься зайти со стороны узкаго личнаго эгоизма, тутъ ужъ пойдетъ такой звонъ и трепеть, что подумаешь, шаръ земной колеблется. Ей Богу, видѣть равнодушію не могу. Не знаю, чего бы не сдѣлалъ. Знаешь, какъ мальчишки: схватить камень и пустить ни съ того, ни съ сего въ драгоценное зеркальное стекло. На вотъ! пусть себѣ!..

Штаркъ барабанилъ пальцами по столу и иронически смотрѣлъ на него.

— Тебя не шокируетъ твоя собственная параллель съ разнузданнымъ мальчишкой?

— Съ какой стати? что ты находишь постыднаго въ такой параллели? Это вовсе не простая разнузданность—всадить камень въ окно, вѣдь его же за это по самой меньшей мѣрѣ престостоко за вихри отгаскають? а можетъ быть, и палки объ бока обломають, или ремнемъ шкуру съ него спустятъ... Онъ—не клевети, сдѣлай милость!—онъ не рассчитываетъ ни одной минуты на безнаказанность, слишкомъ знаетъ, что не увернется отъ рукъ тѣхъ или другихъ властей... А вотъ все-таки—возьметъ и сдѣлаетъ. Ощущаетъ въ себѣ эту непобѣдимую жажду вызвать на бой со своей замѣчательной персоной что-нибудь самое неожиданное и невѣроятное. Мало ли какъ онъ бы могъ иначе проявлять необузданность свою вполнѣ безнаказанно? Тиранствовать надъ слабыми, евреей мучить, старухъ что ли дразнить. Мало ли какихъ мерзостей они и не продѣлываютъ? нѣтъ-съ! мальчишка съ камнемъ жгучихъ ощущеній жаждетъ, а не разнузданность! въ немъ что-то протестуетъ противъ безбрежнаго моря убожества и грязи, которое...

— Довольно... довольно!.. довольно!.. — замахалъ руками Штаркъ.—Вотъ вѣдь занесся въ одну минуту превыше облака ходячаго!.. Я давно знаю, мой милый, что тебѣ во всякое время

ничего не стоитъ доказывать, что дважды два не четыре, а старинная свѣчка, да и не просто какъ-нибудь доказать, а непременно съ никогда еще невиданнымъ діалектическимъ фейерверкомъ!.. Я еще сегодня, недавно вотъ только думалъ объ этомъ.

— Да? обо мнѣ думать?..—насторожился Максъ.—Не знаю—не пробовалъ—передъ математикой & благоговѣю.

Онъ спокойно занялъ свое прежнее мѣсто на диванѣ.

— Я тебѣ скажу: ты самъ, по натурѣ, былъ бы надежнѣйшимъ въ мірѣ кандидатомъ въ благополучные филистеры, еслибы судьба тебя не ерошила всегда противъ шерсти. Теперь же ты только озлился на все безразлично: — и на тѣхъ носителей не въ конецъ еще ошущеннаго, не вовсе вымѣряннаго на ариины, рассчитаннаго на гроши свободного человѣческаго духа, которые, —когда имъ броситься некуда, —принимаются хоть стекла бить, лишь бы чѣмъ-нибудь возбодоражить стоячее болото!—и на тѣхъ счастливицевъ, что за этими зеркальными стеклами заплываютъ жиромъ и заростають мохомъ... Да! ты будешь всѣхъ ровно презирать или ненавидѣть—всѣхъ!.. Это твой гороскопъ.

— Недурень.

— Ты согласенъ съ нимъ?—спросилъ Зандеръ, впиваясь ему въ лицо странно загорѣвшимися глазами.

— Передъ гороскопами склоняются и трепещутъ; когда ты слышалъ, чтобы кто-нибудь дерзалъ ихъ оспаривать?

— А передъ такимъ кривляньемъ, какъ это, люди берутъ напеку и уходятъ!—вдругъ сорвался съ мѣста весь пунсовый Зандеръ и для чего-то принялся поспѣшно застегивать на всѣ пуговицы скюртку, который былъ на немъ этотъ разъ вѣсто блузы.

Черты Штарка разомъ смягчились; жгучіе глаза какъ будто улыгнулись ему изъ-за суровыхъ бровей.

— Ну, ну! не кипятись, пожалуйста, попусту,—проговорилъ онъ недовольно.

— Попусту?!.. что ты называешь—попусту?!—наступалъ тотъ внѣ себя, сцѣпивъ покрѣпче пальцы рукъ, чтобы воздержаться отъ бурныхъ жестовъ.—Мы не видались слишкомъ полтора года. Оставилъ тебя бравымъ молодцомъ, какимъ тебѣ и быть приличествуетъ, а застаю. какимъ-то... какимъ-то... чортъ знаетъ!—сорвавшимся съ цѣпи арестантомъ!.. Да, да!.. ты другихъ, кого тебѣ только угодно спроси, какъ ты безподобно выглядишь?.. Я пробуду здѣсь всего нѣсколько дней еще, да и самъ знаешь, какъ!.. а смотря по тому, во что еще эта наша съ гимназистомъ заварится, можетъ, и вовсе нельзя будетъ носа сюда показывать... И каждый-то разъ, что мы видимся — самъ, натурально самъ

являюсь! ты у меня, неправда ли, съ визитомъ быть третьяго дня?—каждый разъ ты меня угощаешь своими неизмѣнными сарказмами надъ моей несчастной діалектикой, точно мы вчера познакомились, да этимъ напускнымъ безстрастіемъ какого-то олимпійца... Какъ будто я не вижу совершенно ясно, какъ ты все это время только и думаешь: когда, наконецъ, его унести нелегкая!..

— Максъ!

— Ну, видишь ли, съ меня довольно! Я никому не навязываю своей дружбы. Мы слишкомъ долго были настоящими, честными товарищами, чтобы я сталъ продолжать подличать, какъ подличалъ все это время: высмѣживать тебя въ полглаза, да зондировать почву—могу или не могу дерзнуть закинуть какую-нибудь загадку, подъ соусомъ всевозможныхъ аллегорій... Будетъ, Штаркъ. Коли тебѣ сказать мнѣ нечего, такъ и я отнюдь не желаю стѣснять тебя своимъ присутствіемъ.

Штаркъ тяжело поднялся съ мѣста, какъ старикъ, всѣмъ своимъ корпусомъ опираясь на стиснутый кулакъ.

— Зандеръ... По чести это совсѣмъ ужъ сверхкомплектная тоска, если еще и ты начнешь донимать меня попреками!..

— Мы не женщины, чтобы тѣшиться попреками, — отвѣтилъ Максъ холодно.—Старые друзья могутъ разойтись окончательно, но не должны, если сколько-нибудь уважаютъ другъ друга, вести какую-то вздорную политику недомолвокъ, деликатничаній и рисовокъ. Ты никогда не былъ малодушнымъ человѣкомъ и я предпочитаю не видѣть, какъ ты будешь практиковаться въ этомъ со мною.

— Я не понимаю. Чего ты хочешь отъ меня?!

— А! ты не понимаешь!..—разсмѣялся горько Зандеръ.—Это значить, безъ сомнѣнія, что я хочу того, на что вовсе не имѣю права.

И онъ быстро пошелъ къ двери.

— Останься на четверть часа, прошу тебя,—остановилъ его Штаркъ.

Максъ вернулся и подошелъ близко къ его стулу.

— Зачѣмъ?..

О, не затѣмъ, разумѣется, чтобы выслушивать изліянія; чтобы оплакать съ нимъ вмѣстѣ разбитыя мечты, отъ которыхъ,—потому что онѣ безумны,—оторваться не легче, если онѣ успѣли прирости къ нашему существованію. Не для того, чтобы заглянуть въ тайники души и судить—какъ ужасно искушеніе, какъ трудно даже высоко развитому, благородному, принудить себя поднять руку на спасеніе того, кто только-что причинилъ все зло... Какъ тя-

жела и разрушительна борьба—не съ духомъ искушителемъ, а съ тѣмъ зломъ и мракомъ, каковой таится въ каждой человѣческой душѣ...

Не за тѣмъ Штаркъ удержалъ своего друга, чтобы апеллировать къ нему противъ самого себя; чтобы съ его помощью попытаться водворить порядокъ въ возмущенной душѣ, обуздать темную силу гнѣва и припомнить, хоть съ его словъ, простую истину, которая такъ твердо была извѣстна ему когда-то: что всего больше мы должны страшиться того, о чемъ сами пожалѣемъ когда-нибудь...

Только женская дружба несетъ эту обязанность безъ ложнаго стыда и гордости. Однѣ женщины знаютъ, что можно—если не „выплакать горе въ слезахъ на родной груди“, то навѣрное омьить ими помраченную душу... Въ минуты страстной борьбы и роковыхъ колебаній—нѣтъ у человѣка болѣе опаснаго совѣтника, чѣмъ онъ самъ!..

Мужчины страдаютъ тяжело. Сильные міра презираютъ страданіе и стыдятся собственныхъ мукъ. Они не предлагаютъ раздѣлить горе самому близкому другу, которому, не задумавшись, по первому слову, готовы оказать всякую, самую трудную и самую рискованную услугу. Ихъ *parti pris*—никогда не заподозрить въ другомъ его выносливость и силу воли... И, какъ знать, быть можетъ, они и правы въ концѣ концовъ! Быть можетъ, они въ большинствѣ потому и сильнѣе, что большаго требуютъ и ждутъ сами отъ себя.

Штаркъ ничего не отвѣтилъ на вопросъ, а Максъ не повторилъ во второй разъ своего „зачѣмъ“? Друзья молчали, но смотрѣли другъ на друга совсѣмъ иначе теперь, чѣмъ четверть часа тому назадъ.

Въ чертахъ того, который страдалъ, пропала иронія—это послѣднее приближеніе нашей слабости! Изъ нихъ точно вынули что-то, что сдерживало, маскировало, наводило туманъ, черезъ который лишь отчасти сквозило все, совершившееся въ его душѣ. Разомъ, не чинясь и не прячась, въ нихъ отразилось теперь все смятеніе отчаянной борьбы, смертельная тоска оскорбленнаго и поверженнаго въ прахъ, который можетъ возратить ударъ—да не въ силахъ забыть ни на минуту, что этимъ ударомъ онъ разобьетъ также и свое собственное достоинство!..

Зандеръ съ ужасомъ смотрѣлъ въ потемнѣвшее лицо, осунувшееся и обостренное, съ черными тѣнями вокругъ запавшихъ и воспаленныхъ глазъ. Онъ видѣлъ ясно, что не одна любовь, безжалостно убитая, не простое сожалѣніе о потерянномъ глядеть

изъ этихъ мрачныхъ глазъ... Онъ пугался злораднаго огонька, затаеннаго въ самой глубинѣ и бросающаго злобный отблескъ на суровыя черты... Максъ терялся и думалъ—о чемъ никогда бы не ждалъ вспомнить по поводу Давида Штарка—о потрясенныхъ нервахъ, о разстроенномъ воображеніи, о надорванныхъ силахъ...

А Штаркъ молчалъ и не говорилъ о томъ одномъ, о чемъ онъ еще не сказалъ ни слова ни одному человѣку, но что разомъ открыло бы глаза его другу.

Максъ вздохнулъ коротенькимъ, задержаннымъ вздохомъ, отбросилъ на диванъ свою шляпу и медленно блуждалъ по комнатѣ, расправляя нервно то одной рукой, то другой свои длинные волосы. Онъ въ раздумьѣ поглядывалъ на своего друга, который сидѣлъ неподвижно, тяжело, почти лежалъ обоими локтями на столѣ, — предоставляя безпрепятственно читать въ своихъ чертахъ все, что тотъ сумѣетъ.

И это была совсѣмъ немалая дань дружбѣ, и Зандеръ былъ удовлетворенъ ею настолько, что онъ и не подумалъ пытаться разъяснять дальше свои сомнѣнія. Онъ нашелъ даже возможнымъ приступить къ новому разговору, какъ будто онъ не усумнился только-что въ его дружбѣ, точно не предъявлялъ съ такою горячностью своихъ правъ. Мужчины удивительно какъ хорошо понимаютъ другъ друга молча.

— Видишь ли! Каждый разъ я прихожу съ намѣреніемъ переговорить съ тобою, да вотъ... не вышло какъ-то!

На минуту онъ остановился прямо передъ его лицомъ.

— Уйдемъ со мною, Давидъ.

— Куда?

— Для начала, разумѣется, ко мнѣ, ну а потомъ...—куда и какъ ты самъ посудишь.

— Зачѣмъ? Что я буду тамъ дѣлать?

— Къ чему намъ играть словами, Штаркъ? Что дѣлать и куда я зову тебя, ты отлично знаешь.

По лицу Штарка пробѣжала меланхолическая усмѣшка.

— Да, я дѣйствительно знаю, что „друзья“ дѣлаютъ мнѣ честь своего избранія. Уже два года они, такъ сказать, раскрываютъ мнѣ свои объятія... Я ли самъ такъ плѣнилъ ихъ въ мое короткое пребываніе въ Силезіи, ты ли по дружбѣ изображаешь меня столь полезнымъ для нихъ членомъ—это твоя тайна.

— И что же?—подхватилъ нетерпѣливо Максъ.—Раскрытыя объятія ты ни во что не ставишь? Просторная, широкая арена дѣятельности тебя не прельщаетъ? Но вѣдь ты же самый настоящій человѣкъ для такой арены! Ты не только все дѣлаешь съ

убѣжденіемъ, — ты надо всё́мъ священнодѣйствуешь... Не знаю, чего бы я не отдалъ за это свойство! Ты не зараженъ вовсе тѣмъ, что ты величаешь моею „философіей“, не попорченъ проклятою нѣмецкой рефлексіей... Ты здоровый, бодрый человѣкъ, Штаркъ, и жалость смотрѣть, какъ здѣсь ты глотишь даромъ.

Штаркъ молчалъ въ глубокомъ раздумьѣ.

— Я понимаю... понимаю, что до сихъ поръ... что прежде тебя что-нибудь удерживало. — Ты не могъ порвать связей... какія бы онѣ ни были; не люди сами властны въ нихъ, каждый беретъ то, что ему выпадаетъ па долю... Я молчалъ, я думалъ, что это иначе кончится и простился ужъ было съ моими мечтами. Но теперь, о, теперь другое дѣло, дружище! Теперь я снова предъявляю на тебя мои права. Не такимъ, какъ ты, Давидъ, вѣшать голову отъ женской измѣны! Теперь самый настоящій моментъ отрясти прахъ съ ногъ твоихъ и начинать сначала. Тому, кто, какъ ты, по совѣсти можетъ считать себя гражданиномъ цѣлаго міра, тому не заказаны всѣ стороны свѣта вольнаго!..

Штаркъ больше не лежалъ распростертымъ на столѣ и слѣдилъ внимательно за тѣмъ, что онъ говорилъ. На послѣднихъ словахъ онъ потрясъ отрицательно головой.

— Мы, Зандеръ, не юноши, чтобы начинать сначала. Я всё́мъ не понимаю, что значить быть гражданиномъ цѣлаго міра.

— Не понимаешь?!

— Да, не понимаю. Положеніе свое я понимаю, конечно, лучше, нежели ты. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія во всякую данную минуту выпрыгнетъ за бортъ меня и тысячи такихъ, какъ я — безъ тѣни сожалѣнія, а даже съ радостью. Намъ не болѣе какъ терпѣть со всёми нашими знаніями, способностями, привычкою къ труду, выносливостью. У насъ, кричатъ: людей мало! Но людьми всегда и вездѣ бывають только свои. Мы нейдёмъ въ счетъ, мы... — Штаркъ загнулся и потеръ рукою лобъ. — Оставимъ это; я хотѣлъ только сказать, что не могу быть нигдѣ роднымъ сыномъ, а мѣнять свою приѣмную семью на другую не имѣю никакой охоты.

— Даже и на семью, гдѣ ты не будешь чужимъ?! — воскликнулъ съ жаромъ Зандеръ: — гдѣ именно ты будешь роднымъ сыномъ, потому что она вся состоитъ только изъ такихъ же безправныхъ и обдѣленныхъ, потому что она не знаетъ ни расъ, ни національностей, ни религій, а только одно человѣчество! Не имѣетъ своихъ личныхъ цѣлей, а примыкаетъ къ каждому правому дѣлу, идетъ всюду, гдѣ нужна помощь!.. Ты и такого гражданства міра не понимаешь, Штаркъ?..

— Человѣкъ всегда остается человѣкомъ, какая бы кровь

ни текла въ его жилахъ,—проговорилъ задумчиво еврей.—Никто не можетъ не знать своей родины' и никому не замѣнять ее такіа пышныя слова, какъ „гражданство міра“, „вольный свѣтъ“ и пр. и пр... Для меня она олицетворяется въ бѣдномъ литовскомъ городишкѣ съ фруктовыми садами, съ древними костелами, тополевыми аллеями, со старой синагогой... Меня беретъ за сердце одно воспоминаніе о крутомъ, живописномъ Нѣманѣ, куда мы, ребятишками, бѣгали ловить раковъ и гдѣ насъ разъ чуть не затравила собаками цѣлая толпа какихъ-то юнкеровъ, наѣхавшихъ на праздникъ къ богачу-пану... Вотъ моя родина и мои воспоминанія дѣтства — но ради нихъ я не только считаю себя, но я есть дѣйствительно русскій и умру имъ! Твоя сборная семья, Зандеръ,—не семья, потому что у нея нѣтъ общаго прошлаго, потому что цѣли ея случайны, что члены ея сошлись съ четырехъ концовъ. Для того, чтобы применить къ ней, мнѣ не зачѣмъ было бросать мою настоящую, кровную, многострадальную семью. Пополнивъ ваши рады, я буду служить не дѣлу примиренія, объединенія и братскаго сліянія людей, а только просвѣщенному и гуманному космополитизму!.. Если ему и принадлежитъ будущее, то въ такой мѣрѣ отдаленное, что не ему должны мы служить, пока на рубежахъ столько другихъ, ближайшихъ задачъ. Нашъ современный космополитизмъ не объединяетъ людей, а только отрываетъ ихъ отъ почвы, поднимаетъ ихъ на тѣ философскія высоты, гдѣ въ концѣ концовъ неизбѣжно становисься равнодушнымъ и безстрастнымъ, гдѣ полный просторъ личному эгоизму... Человѣчество еще не доросло до своего объединенія. Патріотизмъ, узкій съ вашей точки зрѣнія, надолго еще останется самымъ могучимъ рычагомъ, поднимающимъ на жертвы, на подвиги самоотверженія и отдѣльныя личности, и цѣлыя народы. Родиной ни для кого не былъ весь роскошный земной шаръ, а всегда будуть и знойныя степи, и убійственныя болота, и голыя скалы, и мерзлыя тундры! Человѣкъ — животное и онъ долженъ знать свою нору. Это говорю тебѣ я, еврей, ничѣмъ не связанный, свободный сію минуту идти по свѣту искать „гдѣ лучше“.

Зандеръ съ волненіемъ слушалъ его. Не лучше ли, чѣмъ кто-нибудь, онъ могъ судить—вѣренъ или нѣтъ этотъ строгій приговоръ космополитизму? Полу-нѣмецъ и полу-русскій по рожденію и по воспитанію, применувшій случайно къ чужому дѣлу, поставленный въ рады политической партіи, съ которой у него не было никакой живой связи, кромѣ гуманитарныхъ симпатій и свободныхъ убѣжденій; онъ, сдѣлавшій дѣло своей жизни изъ дѣла женщины, которую полюбилъ, принявшій ея родину, ея страданія, ея на-

дежды,—не потому ли применилъ онъ къ „друзьямъ“, что начинать уже задыхаться въ узкой средѣ, ничего не говорившей его сердцу и только волновавшей пылкую молодую голову, въ средѣ, которая не могла передать ему собственныхъ сожалѣній, ненависти и пристрастій... Человѣкъ такъ ужъ созданъ, что любить онъ только свое. Чужое должно быть непременно грандіозно и велико, для того, чтобы поддерживать его всегда на одинаковой высотѣ увлеченія, чтобы онъ не считалъ своихъ жертвъ, не отмѣчалъ разочарованій и не чувствовалъ душевной пустоты, которую наполняетъ только свое, интимное, только то, чего люди не критикуютъ и не подвергаютъ оцѣнкѣ, а принимаютъ готовымъ изъ рукъ судьбы...

Зандеръ вздохнулъ и взглянулъ на своего задумавшагося друга.

— Итакъ, ты хочешь быть русскимъ! Ты остаешься здѣсь, гдѣ у тебя не можетъ быть ни широкой дороги, ни другого будущаго кромѣ поденнаго труда изъ-за куска хлѣба? гдѣ рушилось даже и то интимное счастье, на которое ты надѣялся!..

— Не забывай, что мы — сыны востока..., — заговорилъ снова послѣ долгой паузы Штаръ: — я все больше проникаюсь сознаниемъ, что никто не можетъ сдѣлать самъ своей судьбы... Никто не долженъ сбиваться со своей тропы, гдѣ всѣ мы бредемъ, какъ заблудившіяся дѣти блуждаютъ въ лѣсу, хотъ намъ и кажется, что мы создаемъ что-то своими собственными руками... Не находишь ли ты, что я получилъ только-что достаточно внушительный урокъ?!.. Развѣ тотъ переворотъ, на который я отважился, — не радикальнѣйшій изъ всѣхъ, доступныхъ отдѣльному человѣку? Назови мнѣ, для чего еще потребовалось бы столько же нравственной рѣшимости, мужества, какъ для того, чтобы оторваться отъ ночи, на которой выросъ, вырваться изъ власти традицій, которыя старѣе всего, что только взоръ нашъ можетъ объять; не измѣнить имъ, какъ измѣняетъ низкій эгоистъ, торгующій совѣстью и благоразумно наставляющій паруса по вѣтру — а только разумно признать торжество жизни надъ смертью, будущаго надъ прошедшимъ... Почувствовать въ глубинѣ своей совѣсти, что добромъ и благомъ на землѣ будетъ только то, что ведетъ къ братскому сліянію людей, что уничтожаетъ преграды и вырываетъ зародыши вражды, что расчищаетъ просторъ для свѣта и разгоняетъ мрачныя тѣни могилъ... Неужели тотъ, кто произвелъ надъ самимъ собой тяжелую и кровавую операцію, кто всѣ свои упованія, свои надежды вложилъ въ это будущее, кто нашелъ тамъ свою любовь, какъ соединяющее звѣно, кто... А! скажи, пожалуйста, имѣлъ ли право этотъ человѣкъ вообразить, что онъ и

въ самомъ дѣлѣ воздвигаетъ свое зданіе собственными руками?!.. не долженъ ли имъ овладѣть мистическій ужасъ фаталиста, когда вдругъ онъ увидитъ, что рвался куда-то — стоя на мѣстѣ! что залетая за облака — онъ никуда не ушелъ!.. что не существуетъ соединяющаго звѣна и нѣтъ для него выхода на большую дорогу... потерялъ послѣднюю заглохшую тропинку... совсѣмъ одиноковъ!..

Штарекъ стоялъ теперь по серединѣ комнаты. Суровое лицо озарено было всѣмъ горькимъ смысломъ его словъ.

Въ прекрасныхъ глазахъ Маекса мелькали слезы. Онъ молчалъ, не рѣшаясь довѣриться звуку собственного голоса.

Штарекъ провелъ рукой по лбу и взглянулъ на него.

— Такъ-то, дружище!.. Будетъ съ меня за глаза, и никакихъ новыхъ путей по вольному свѣту я искать не намѣренъ.

— Странно... Ты какъ будто раскаиваешься въ томъ, что ты сдѣлалъ?.. Если ты поступалъ по совѣсти, то, стало быть, ты сдѣлалъ это не ради одной любви?—проговорилъ Зандеръ и съ затуманеннымъ лицомъ ждалъ отвѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сдѣлалъ это не ради одной любви, говорю это по чести. Но я сдѣлалъ бы это, можетъ быть, не такъ скоро... Я бы рѣшился не такъ легко... Это слилось въ одно съ моимъ счастьемъ. Я не раскаиваюсь, какъ могъ ты подумать это? Но мечталъ же я найти семью, любовь—все найти, а не остаться совсѣмъ одиноковымъ!! А! скажи на милость, Маексъ, зачѣмъ ты завелъ этотъ разговоръ? Къ чему тебѣ понадобилось вытягивать изъ меня все это?!

Штарекъ стремительно повернулся и почти выбѣжалъ изъ комнаты, такъ энергично бросивъ за собою дверь, что вся комната какъ будто содрогнулась отъ удара.

Зандеръ глубоко вдохнулъ всей грудью, постоялъ нѣсколько минутъ въ печальномъ раздумьѣ, потомъ взялъ съ дивана свою шляпу и тихонько вышелъ въ прихожую.

VII.

Когда Штарекъ ушелъ отъ Кубанской, она долго еще оставалась одна въ проходной комнатѣ, гдѣ обыкновенно не имѣла привычки сидѣть, да Женья совсѣмъ завладѣла ея комнатою. Впрочемъ, теперь и сюда некому было войти: Надя съ отцомъ еще не возвращались, Сапа заперся у себя и, конечно, не покажется, пока его не позовутъ.

Мальчикъ сидѣлъ передъ учебнымъ столомъ и, скрестивъ на

жеть руки, уткнулся въ нихъ головою, такъ что можно было подумать, что онъ плачетъ или что заснулъ.

Саша думалъ, какъ думаютъ въ минуты, когда рѣшается судьба: отдѣльными, отрывочными мыслями, но поразительно ясными и трезвыми. Человѣческое легковѣріе, вербующее полки надеждъ; увлеченіе, поднимающее высоко надъ дѣйствительностью; пристрастіе, подтасовывающее, клеветующее, извращающее; самонадѣянность, привязывающая свои гигантскія крылья... гдѣ же вы всѣ, опасные совѣтчики, коварные помощники?! За чѣмъ покидаете вы свою жертву въ роковую минуту, когда ей нужны всѣ силы?.. Какимъ образомъ, когда случается, что онъ вдругъ остается одинъ на одинъ съ неумолимой дѣйствительностью?

Холодный потъ проступалъ на вискахъ у Саши, сердце запало куда-то въ самую глубь и тамъ еле-еле трепетало, ныло, какъ больной зубъ. Онъ такъ напряженно прислушивался къ каждому шороху, что вся кровь звенѣла у него въ ушахъ, а ноги стыли.

Штаркъ ушелъ. „Вотъ сейчасъ позовутъ“, — думалъ Саша, задерживая дыханіе, но его не звали и тишина, царившая въ домѣ, охватывала его неяснымъ тоской. Въ ней какъ будто что-то зловѣщее...

На другомъ концѣ дома терзалась Кубанская. Она была рада теперь посредничеству Штарка; оно дало ей эти первыя минуты на свободѣ, избавило отъ необходимости, объясняясь прямо съ сыномъ, давать ему готовые отвѣты. Она могла отдаться вволю своимъ воспоминаніямъ, освоиться со всѣми неожиданными ощущеніями, съ новыми чувствами, нахлынувшими разомъ на сердце.

Единственный сынъ уходитъ изъ дому; очертя голову кидается на встрѣчу темному и страшному будущему... Уходитъ не только изъ-подъ ея крова — уходитъ изъ самой среды, гдѣ она живетъ, отъ всего, чтó только могла она дать ему. Уходитъ въ чужой, суровый міръ, куда она не послѣдуетъ за нимъ со своей запоздалой нѣжностью, гдѣ онъ больше, чѣмъ умереть для нея: будетъ жить жизнью невѣдомой и непонятной, будетъ по своему судить ее!.. Она никогда не была несправедлива къ нелюбимому сыну, никогда не бывала въ нему пристрастна и подозрительна, какъ къ Надѣ, которую обожала когда-то, которой принесла всѣ свои жертвы... Она равнодушно дѣлала для него все, чтó сдѣлалъ бы добросовѣстный, посторонній человѣкъ, и только теперь, теряя его внезапно, она поняла, какъ ничего въ жизни нельзя наверстать!

Лизавета Игнатьевна давно отжила свою женскую жизнь, закончила всѣ счеты съ личной долей. Она относилась теперь къ

своимъ выросшимъ дѣтямъ совсѣмъ иначе, нежели относилась когда-то къ ихъ появленію на свѣтъ. Сломленная, побѣжденная и принесенная въ жертву, тогда она не могла найти въ своей душѣ горячей нѣжности, въ которой предназначено распускаться человѣческому существованію. Она боролась тяжело и мучительно съ живучестью своей натуры, съ разбитой гордостью, съ горькой тоской по любимомъ человѣкѣ, погибшемъ изъ-за нея. Она была глубоко несчастна и могла жить только своими страданіями. Ихъ первое, нѣжное дѣтство ушло цѣликомъ на эту глухую борьбу. Потомъ она слѣпо, болѣзненно привязалась къ Женѣ и послѣднія вспышки еще неизжитаго чувства, всѣ проблески своихъ личныхъ запросовъ, всю жгучесть своихъ воспоминаній, она потопила въ этой любви, въ этой непрестанной, мучительной заботѣ.

Только мало-по-малу, уже вернувшись въ Россію, она какъ будто отрезвилась отъ этого новаго увлеченія; но ея дѣти явились передъ нею уже готовыми, уже сложившимися подъ роковымъ вліяніемъ судьбы ихъ матери—судьбы, которая бросаетъ свой свѣтъ или свою тѣнь не только на жизнь одной женщины, но и на всѣхъ тѣхъ, кого ей суждено ввести въ жизнь.

Ни одной минуты Лизавета Игнатьевна не осудила Сашу. Кто знаетъ, по какимъ сокровеннымъ законамъ развитія, инныя натуры непобѣдимо сопротивляются школьной дрессировкѣ, тому отвлеченному, мертвенному способу познаванія и развиванія, въ которомъ человѣчество, все болѣе и болѣе, такъ ужасно удаляется и отъ естественныхъ привычекъ, и отъ самыхъ законныхъ потребностей дѣтскаго возраста? Мать знала, какихъ мученій стоили Сашѣ его жалкіе школьные успѣхи; черезъ какую гамму волненій, страховъ, обидъ, ожесточаемаго самолюбія и притупляемаго стыда дошелъ шестнадцатилѣтній юноша до своей неизбежной репутаціи отпѣтаго лѣнтяя и отчаяннаго грубіяна. Мудрено ли, что онъ захотѣлъ лучшаго, что онъ воспрянулъ нравственно, когда нашелъ случайно тотъ новый міръ, гдѣ онъ могъ начать жить сначала, повѣрить снова въ свои силы, найти инныя надежды, гдѣ онъ не былъ ни „отпѣтымъ“, ни „пропавшимъ“, могъ вернуть свою погубленную гордость.

За два часа мучительныхъ, пламенныхъ размышленій Кубанская поняла вполнѣ своего сына. Она осмыслила невѣроятную и дикую фантазію, на которую натолкнулъ слѣпой случай, но за которую онъ долженъ былъ ухватиться съ силой и страстью самосохраненія. Она не узнавала лѣниваго, вялаго, угрюмаго гимназиста въ этомъ несчастномъ смѣльчакѣ, рѣшившемъ, въ одиночку, всю свою судьбу. Онъ уже жилъ собственной жизнью, имѣлъ

свои дѣти, своихъ друзей и враговъ, когда родная мать даже и не подозрѣвала этого. Не Лизавета Игнатьевна могла поставить ему, это въ вину. И такой, какимъ онъ неожиданно явился передъ нею—Сапа становился съ каждою минутою все симпатичнѣе и дороже. Горячая жалость, страхъ и горькое раскаяніе поочередно разрывали ей сердце... Вся ея горькая жизнь отрывочными, яркими картинами проносилась въ памяти.

О, почему же всѣ ея жертвы напрасны, всѣ ея муки безплодны?.. Зачѣмъ она не могла дать дѣтямъ всей своей любви тогда, когда они нуждались въ ней, и къ чему эта любовь терзаетъ ей сердце теперь, когда всѣ уходятъ отъ нея, оставляютъ ее одну? когда эта семья, для которой только она выносила свою жизнь, неудержимо распадается вокругъ нея. Надя безразсудно губить себя. Сапа бѣжить. Жена... неужели Жена умираетъ?!

Она вдругъ поняла. Сознала совершенно ясно, что это такъ—поняла разомъ всѣ осторожные намеки доктора, прочитала загадочное выраженіе его взглядовъ. Она догадалась, наконецъ, какая странная болѣзнь приковывала дѣвочку къ постели и не поддавалась вовсе леченію.

Все кончено. Все напрасно. Ея самоотреченіе только прибавило ея любимицѣ нѣсколько лишнихъ лѣтъ мученій, только научило ее понимать, что значить смерть. Ея горе не образумитъ Надю, ея тоска не удержитъ около нея сына. Судьба произносить надъ нею свой неумолимый судъ—надъ матерью, которая не благодарила небо за рожденіе своихъ дѣтей; надъ человекомъ, поднавшимъ на плечи непосильную ношу, не взвѣсивъ, какъ должно, можетъ ли сердце его вынести эту жертву. О, еслибъ прожить ту же жизнь сначала!—вотъ съ этимъ опустошеннымъ сердцемъ, съ погасшими мечтами, съ замороженными желаніями... Какъ легко жить для другихъ тому, кто уже повончилъ съ собою, какъ просто быть справедливымъ и безпристрастнымъ, когда прошла пора тайнственныхъ, непобѣдимыхъ антипатій, когда ослѣпленная природа не поднимаетъ больше своего мстительнаго голоса! Только разумъ, умудренный и смѣренный опытомъ, просто и мудро рѣшаетъ всѣ задачи. Но у нея не осталось больше задачъ, онѣ всѣ рѣшаются помимо нея и не такъ, какъ бы она хотѣла!

Нѣсколько разъ Лизавета Игнатьевна корчилась позвать Сапу, но каждый разъ останавливалась въ тяжеломъ смущеніи. Что бы ни пережила она въ эти два часа времени—передъ нимъ надо беречь свое достоинство; надо явиться съ готовымъ рѣшеніемъ и

взвѣситъ напередъ каждое слово, что скажетъ она этому сыну, которому не дала счастливаго дѣтства. Черезчуръ опасно теперь выказывать небывалую нѣжность въ ту минуту, когда хочешь удержать его отъ его намѣреній. Нѣтъ, ни за что она не рискуетъ своими будущими отношеніями къ этому новому Сапѣ! быть можетъ, сама милосердая судьба посылаетъ ей его взамѣнъ грозящей, ужасной потери... Онъ уйдетъ... Но, Богъ мой, вѣдь онъ же будетъ жить гдѣ-нибудь! вѣдь только одна смерть непоправима и неумолима!

Кубанская кое-какъ совлала съ своимъ волненіемъ и вернулась къ Женѣ. Дѣвочка, лежа, рассматривала атласъ естественной исторіи, который передъ нею держала Палагеюшка.

— Мама, какъ ты долго!.. Поди сюда... Названія напечатаны очень мелко, мнѣ очень трудно разбирать. Пожалуйста, прочитай ихъ мнѣ!..

Женя повернула къ матери свое желтое личико, съ пересохшими губами и блестящими глазами.

— Это очень хорошій атласъ, тутъ всѣ животныя раздѣлены по классамъ и по семействамъ. Я могу шутя запомнить все это, пока приходится лежать, — проговорила она озабоченно и своими дрожащими ручками силилась перевернуть тяжелую книгу.

До сихъ поръ Кубанская изъ всѣхъ силъ боролась съ лихорадочной жаждой учиться, которая все росла въ маленькой горбуньѣ, по мѣрѣ того, какъ ея силы падали. Мать упорно видѣла въ этомъ главную причину болѣзни и не уступала убѣжденіямъ доктора не раздражать больную постоянными противорѣчіями. Сердце обливалося кровью, когда Женя своимъ слабымъ, взволнованнымъ голосомъ принималась пересказывать то, что ей читали вслухъ, и огорчалась до слезъ, когда память не повиновалась ей.

— Неправда, это совсѣмъ не такъ было!.. ты всегда мнѣ поддакиваешь, зачѣмъ ты хвалишь меня, если я путаю?.. Я знаю, что значить учиться!..

Лизавета Игнатьевна торговалась за каждую четверть часа и въ первый разъ въ жизни ссорилась съ своей любимицей.

Имъ не придется больше ссориться. Пусть она быстро догораетъ въ этомъ лихорадочномъ огнѣ. Пусть терзаетъ свой изнемогающій умъ въ вѣчномъ страхѣ, что она не будетъ умна, какъ другія, не будетъ достаточно образована для того, чтобы ученый другъ ея матери могъ находить удовольствіе въ ея обществѣ.

— Я знаю, онъ опять будетъ приходить къ намъ, какъ прежде, когда Надя выйдетъ замужъ... Я знаю! — твердила Женя

въ полузабытѣ, не сознавая, что выдаетъ свою сокровенную тайну.

Теперь Женѣ все можно. Настаетъ послѣдній, зловѣщій праздникъ безнадежно больныхъ, когда разомъ устраняется все, чѣмъ до сихъ поръ ихъ мучили и донимали. Снимаются всѣ запреты и преграды, надо всѣмъ царить одна ихъ капризная фантазія и они видятъ вокругъ себя только улыбки, поцѣлуи и угожденія... Взрослый больной угадываетъ роковой смыслъ этого внезапнаго праздника — дѣти наивно радуются ему!..

Лизавета Игнатьевна взяла атласъ изъ рукъ Палагеюшки и покорно принялась прочитывать по нѣскольку разъ всевозможныя зоологическія названія. Дѣвочка повторяла за нею вполголоса и дрожавшимъ пальчикомъ обводила соответствующую картинку.

— Спасибо, мамочка... я только чуть-чуть... только отдохну минутку, мы повторимъ это еще разъ, чтобы скорѣе запомнить, — шептала несчастная, когда рука больше не повиновалась ей и потъ выступалъ на лбу.

Лизавета Игнатьевна не постигала, какъ могла она не понять давно! Жизнь Жени такъ часто висѣла на волосѣхъ, несчастная дѣвочка столько разъ умирала, приговоренная всѣми авторитетами, что бѣдная мать не узнала зловѣщую гостью! Все надѣялась по привычѣ, все ждала, что улучшение начнется внезапно и безпричинно, какъ это столько разъ бывало прежде.

За обѣдомъ Кубанская старалась ободрить Сапу своими долгими, ласковыми взглядами и съ радостью видѣла, какъ на лицѣ мальчика снова появилась краска, какъ къ нему вдругъ вернулась способность ѣсть. Сама она едва сознавала, что дѣлается вокругъ нея.

Въ домѣ царило всеобщее уныніе. Надя ходила хмурая. Анатолій Петровичъ дулся, желая дать почувствовать дочери, что онъ крайне недоволенъ ея поведеніемъ. Если мужчина добровольно женится на деньгахъ, то, по крайней мѣрѣ, до свадьбы онъ даетъ себѣ трудъ ухаживать за невѣстой — однѣ хорошенькія дѣвушки берутъ себѣ привилегію открыто выражать свою досаду и не скрывать вовсе своего пренебреженія! Анатолій Петровичъ только-что истратилъ все свое краснорѣчіе, стараясь доказать дѣвушкамъ несправедливость подобнаго отношенія.

— Ахъ, Боже мой, ты видишь, онъ совершенно доволенъ! — пожала презрительно плечами невѣста.

— Чѣмъ же это онъ могъ бы быть доволенъ, скажи на милость?! Онъ добръ и снисходителенъ, ты могла бы цѣнить это сколько-нибудь.

Надя такъ многозначительно гримасничала и такъ презрительно шурилась, что родной отецъ съ трудомъ вѣрилъ подчасъ, что это та самая дѣвочка, которая недавно еще такъ легко сляпнялась на его убѣждения, такъ плохо умѣла формулировать свои собственные безсознательные протесты... Онъ недоумѣвалъ, по какой причинѣ, когда она успѣла созрѣть такъ быстро? Его поражала увѣренность ея тона, пренебрежительность отзывовъ, смѣлость обращенія. Отецъ вѣчно трепеталъ, чтобы дѣло не кончилось скандаломъ; въ каждой волкости Нади ему мерещилась ссора, повергающая въ прахъ всѣ его надежды. Ему казалось, что дочь, очертя голову, идетъ впередъ по опасному пути и давно уже пройдена та граница, гдѣ, по мнѣнію его, Анатоля Кубанскаго, кончается владычество страсти и самый безумно-влюбленный долженъ оцѣнить собственное положеніе.

Надя могла бы отвѣтить отцу, что, въ короткій срокъ своей помолвки, она, въ нѣкоторомъ отношеніи, стала опытище его, она поняла то, на счетъ чего у него, въ его пятьдесятъ лѣтъ, уцѣлѣли еще какія-то традиціонныя иллюзіи; она знала, что ее не любятъ, потому что нѣтъ той любви, которая бы не была способна почувствовать оскорбленія. Съ ея презрѣніемъ мирятся и только хотятъ получить ее на всякихъ условіяхъ... Она понимала всю унижительность такого поклоненія, какъ невозможно понять ее со стороны, она ощущала ее физически, всѣми своими нервами.

Надѣ не только не казалось, что она должна быть признательна Ханайскому за его снисходительность—о, нѣтъ! она находила, напротивъ, что онъ долженъ дорого заплатить ей за это оскорбленіе. Она ощущала странное, горькое наслажденіе испытывать его терпѣніе, измѣрять всю степень своей безнаказанности.

„... Можетъ быть ты и это стерпишь?“—задавалась она мысленно, придумывая новые способы задѣть то, что онъ называлъ своимъ чувствомъ.

— Надя!.. но ты, наконецъ, уже говоришь дерзости!—попробовалъ пошутить во время катанья Кубанскій, не зная, наконецъ, какое положеніе занять ему въ этихъ стечкахъ.

— Разумѣется, мы и сами прекрасно знаемъ, что это дерзость,—отвѣтила дѣвушка невозмутимо.

— О! женскія дерзости очаровательны!—засмѣялся ненавистнымъ ей смѣшномъ женихъ,—вѣдь за удары красавицъ сползнутъ вѣсы отплавивають поцѣлуями!

Надя нѣсколько секундъ угрожающе смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Да? я вамъ не рекомендую пробовать это когда-нибудь.

— О?! Но вы, я надѣюсь, не собираетесь меня бить?!

Она отвернулась, стиснувъ зубы и испытывая безумное желаніе пнуть ему въ лицо своей муфтой.

— Ал ревоіг, моя очаровательная мегера!—распаркался на подбѣздѣ женихъ.

— Не ошибитесь. Мегера не можетъ быть очаровательна,—отняла она у него свои руки.

— Скажи, ради Бога, чего ты добиваешься?!—накинулся на нее отецъ, пока они поднимались по лѣстницѣ.

— Ничего.

— Ты желаешь, можетъ быть, чтобы онъ прямо спросилъ тебя, дѣйствительно ли ты его терпѣть не можешь?

— Не бойтесь, онъ этого никогда не спроситъ.

— Смотри, не ошибись! Ты устроишь себѣ незавидное положеніе.

Надя быстро обернулась къ нему.

— Не воображаете ли вы, что я стала бы лгать? Къ сожалѣнію онъ не настолько еще глупъ, чтобы спрашивать о томъ, что и такъ очевидно...

— Къ сожалѣнію?.. Ну, признаюсь, признаюсь, Надя, что ты такъ удивляешь меня, какъ я и не ожидалъ!.. Это, наконецъ, просто... просто цинизмъ какой-то въ двадцать лѣтъ!

Вся краска сбѣжала съ лица Нади.

— Цинизмъ?! а на что другое вы надѣялись, скажите мнѣ наконецъ, когда вы устраивали эту... эту... сдѣлку!—договорила она съ отчаяннымъ жестомъ.

— Я пятьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ и еще никогда не слыжалъ, чтобы какая-нибудь дѣвушка рѣшилась... чтобы у нея хватило духу называть такимъ именемъ свое собственное замужество... Никогда!

Старшесть весь дрожалъ отъ неподдѣльнаго негодованія.

— Да! это—страшное слово... и я... я не знала! вы... вы заставили меня понять его смыслъ!

Надя остановилась на площадѣ и изо всѣхъ силъ боролась съ подступавшими слезами.

— Ты съ ума сошла! что съ тобой? когда я принуждалъ тебя? Недостаетъ только, чтобы теперь ты...

— Не бойтесь, — остановила она его рѣшительнымъ жестомъ,—я пойду до конца, потому что... что же... что же другое мнѣ остается? Но поймите, считала же я, по крайней мѣрѣ что хоть меня-то дѣйствительно любить?!. то

— Ну?? Вѣдь это же, наконецъ, сумасшествіе какое-то забрать себя въ голову, что этотъ еще недостаточно тебя любить!

— Оставьте, папа... Я ужъ не прежняя дѣвочка и научилась отличать сентиментальности, которыя припиливаютъ для приличія, отъ настоящей правды. Я знаю, какъ любить!—прибавила она съ горечью.

— Ну, такъ я же тебѣ скажу, безразсудная дѣвочка, что ты не понимаешь своего собственнаго положенія!—выговорилъ Кубанскій пониженнымъ, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. — Еслибъ онъ любилъ тебя такъ, какъ ты хочешь, то онъ дня—слышишь ты это?—дня одного не могъ бы вынести твоего обращенія!

— А я уважала бы его за это!

— Прекрасно! только ты никогда не была бы его женой!—разсмѣялся саркастически отецъ. — Одно изъ двухъ, моя милая: или желать богатаго мужа, или разыгрывать романическія идилліи...

Надя расхохоталась мучительнымъ смѣхомъ.

— Да, да! ты правъ, папа, правъ!.. Одно изъ двухъ... одно изъ двухъ!..

И она какъ безумная побѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

VIII.

Восемь часовъ утра. Въ столовую, гдѣ Сапа пилъ чай, готовясь по обыкновенію выйти изъ дому, вошла Лизавета Игнатьевна. На ней была та же блуза, въ какой просидѣла она цѣлую ночь у постели Жени.

Палагеюшка сейчасъ же накинулась на нее, съ безцеремонностью прислуги, состарѣвшейся въ домѣ: за какой надобностью она бродить по цѣлому дому, вмѣсто того, чтобы воспользоваться тѣмъ, что больная крѣпче заснула подъ утро, да и самой свести глаза хоть на часокъ? На что она надѣется, коли и сама наконецъ съ ногъ свалится? Не знаетъ развѣ, что никто, кромѣ нея, не угодить Женюшкѣ, что тутъ слезъ да капризовъ не оберешься?

Кубанская не слушала и съ печальной лаской разсматривала Сапу. Онъ давился своимъ чаемъ подъ ея взглядомъ, наконецъ, мальчишъ отпихнулъ недопитый стаканъ, всталъ и застегнулъ на всѣ пуговицы свой мундирчикъ. Рѣшительная морщинка вздрагивала надъ бровями, блѣдное лицо казалось возмущавшимъ и суровымъ... Она всматривалась въ него съ новымъ, смѣшаннымъ ^{в.}глазѣвствомъ нѣжности и отчужденія...

Мать прошла за нимъ въ его комнату и здѣсь, прежде чѣмъ она успѣла заговорить, Сапа схватилъ ея руку и началъ горячо цѣловать ея въ ладонь. Она обняла другой рукой его волнистую черную голову и горячія слезы закапали ему на лобъ.

Лизавета Игнатьевна не собиралась плакать. Всю ночь она обдумывала старательно предстоящее объясненіе съ сыномъ, но простая дѣтская ласка въ одинъ мигъ взяла верхъ надъ всѣми ея расчетами. Она плакала, но въ этихъ слезахъ какъ будто таяла неуловимая преграда, цѣлую жизнь раздѣлявшая ихъ сердца. Никогда не испытанная, сладкая боль охватывала душу... Она боязливо прислушивалась къ ней взволнованная и смущенная, какъ всегда смущенъ человѣкъ, надъ которымъ свершается что-то, что лежитъ внѣ его воли.

Наконецъ она превозмогла себя, осушила глаза и нѣсколько разъ кашлянула, испытывая твердость своего голоса. Сынъ тоже выпрямился и, не подымая глазъ, ждалъ ея перваго слова.

— Ты увѣренъ, что они... что это дѣйствительно добрые, хорошіе люди?

Никакимъ образомъ она не собиралась начинать съ этого вопроса. Сапа разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ всему семейству столяра Зандера.

— Можетъ быть... пока они были твоими друзьями! Ты будешь работникъ, ученикъ и думаешь, что они не измѣнятся къ тебѣ?

— Я въ этомъ увѣренъ! — воскликнулъ онъ со своей прекрасной дѣтской вѣрой.

Мать горько вздохнула. Она представила себѣ рабочую блузу на стройной юношеской фигурѣ, грубые, мозолистыя руки... Господи! изъ-за чего все это?!.. Она привлекла мальчика къ себѣ, взяла его обѣ руки въ свои и начала уговаривать: онъ ненавидитъ гимназію, боится, что его отдадутъ въ лицей...—нѣтъ, нѣтъ! ничего подобнаго не будетъ! Есть разные училища, самыя разнообразныя дороги, кромѣ грубаго физическаго труда, на который онъ обрекаетъ себя въ своемъ ослѣпленіи...

Лизавета Игнатьевна не доказывала спокойно и логично, какъ она собиралась доказывать ночью—нѣтъ, она молила, если не словами, то звуками своего голоса... Она смотрѣла ему неотступно въ лицо тревожными глазами, изъ которыхъ вылетывались крупныя слезы, она улыбалась невольной, мимолетной улыбкой, которая выпрывается въ самыя горькія минуты и есть самая трогательная, самая интимная ласка... Это было все не то, что она придумала ночью, но это не тревожило ее больше. Она чувствовала, что

матери никогда не поздно полюбить своего сына... Ея нѣжность нельзя заподозрить въ расчетѣ и коварствѣ...

И развѣ этотъ красивый, черноволосый юноша, что слушаетъ ее, понизивъ смущеннымъ лицомъ, развѣ онъ можетъ быть глухъ къ ея просьбамъ? развѣ онъ не испытываетъ той же неожиданной нѣжности, какая волнуетъ ея растерзанное сердце?

— Повѣрь мнѣ, Саша, — не какъ твоей матери, а только какъ честной и правдивой женщины: тебя больше не будутъ насилловать... не заставляютъ учиться, если ужъ это выше силъ твоихъ! Но и ты сдѣлай уступку — дай обдумать, устроить твою судьбу сколько-нибудь сообразно и разумно... Вѣдь да? ты понимаешь меня?..

Это былъ тотъ доводъ, на который Кубанская возлагала всѣ свои надежды и она съ замираніемъ сердца ждала его отвѣта.

Мальчикъ поднялъ голову и по лицу его разлилось такъ знакомое ей упорное и холодное выраженіе.

— Я ужъ все обдумалъ давно. Я не хочу ничего другого... для меня ничего не можетъ быть лучше этого. Я не могу ждать, потому что иначе Максъ уйдетъ.

Мать выпустила его руки.

— Въ этомъ нѣтъ ни позора, ни гибели, — продолжалъ мальчикъ тѣмъ тономъ, какимъ даютъ готовые отвѣты на заранее предвидѣнные возраженія. — Я знаю, какъ они живутъ... Вы, конечно, думаете, что я сдѣлаюсь грубымъ пьяницей... грязнымъ мастеровымъ?.. Это неправда! Я буду честнымъ мастеромъ, какъ Зандеръ! Максъ — сынъ этого самаго столяра...

Настала длинная пауза. Слышно было только, какъ въ столовой звенѣли посудой.

— Я не могу отпустить тебя; ты это знаешь? — спросила тихо Кубанская.

Саша мрачно молчалъ.

— Я согласна просить... только это не поможетъ, ты самъ понимаешь... Я хочу... поди сюда, Саша!.. Я хочу, мой мальчикъ, чтобы ты считалъ меня своимъ другомъ и искалъ у меня всякой помощи, какую только я въ силахъ оказать тебѣ... Это и моя обязанность, и будетъ моею радостью, хоть ты и бросаешь меня... Мы будемъ видѣться часто, ты нигде — помни это! — нигде не станешь мнѣ чужимъ...

На лицѣ сына совершенно отчетливо отражалось изумленіе.

— Еслибы я... слушай меня внимательно, Саша! — еслибы я прожила иначе мою жизнь... была бы хоть немного счастливѣе... испытала бы меньше горя... о, тогда все было бы иначе, всѣмъ было

бы лучше и, можетъ быть, тебѣ не такъ легко было бы рѣшиться бросить свою семью... Потому-то, что я сознаю это — я и не говорю тебѣ ни о своихъ правахъ, ни о твоихъ обязанностяхъ. Я совсѣмъ не говорю ни о себѣ, ни объ отцѣ, о нашемъ огорченіи... Я только прошу тебя еще разъ подумать серьезно: того, на что ты рѣшаешься, никто не дѣлаетъ. Всѣ стремятся въ жизни подняться выше, уйти впередъ, никто не отказывается добровольно отъ всѣхъ преимуществъ своего рожденія. Ты видишь, дѣти того же столѣрія—образованные люди! А ты надѣешься довольствоваться всю жизнь тѣмъ, что теперь занимаетъ тебя, какъ мальчика!

— Я не знаю! Развѣ я могу сказать, какъ проживу я всю мою жизнь?—заговорилъ Саша съ волненіемъ.—Но теперь я не въ состояніи — о, поверьте мнѣ, я не въ состояніи отказаться отъ этого... Эрастъ Степановичъ примется устраивать мою карьеру; они съ отцомъ заранѣе ужъ расписали все это! У него всякія знакомства. Я не могу... даже еслибъ я и хотѣлъ, я не могу превратиться въ такого фертника, какъ имъ надо!..

— Я даю тебѣ слово, что этого не будетъ; — подхватила горячо Лизавета Игнатьевна.

Сынъ холодно смотрѣлъ на нее.

— Какъ же вы этому помѣшаете?

— Сейчасъ не знаю, но я ругаюсь тебѣ за это...

На его лицѣ отразилось все его недовѣріе.

— Нѣтъ, вы ничего не подѣлаете. Я лучше самъ помогу себѣ, какъ могу. Я нашелъ добраго человѣка, который соглашается поддерживать меня—я не найду другого!... Я не пропаду... О, не бойтесь, я не пропаду!..

Саша провелъ рукою по волосамъ и блестящимъ взглядомъ окинулъ комнату, гдѣ такъ долго онъ влечилъ свое плачевное существованіе послѣдняго ученика...

Остаться здѣсь?!..

— Вы не знаете... я въ самомъ дѣлѣ не могу остаться!..—заговорилъ онъ, волнуясь и точно дивясь собственнымъ словамъ.—Я ужъ давно все равно что и не живу здѣсь... Я прихожу... двигаюсь... дѣлаю что-нибудь... точно автоматъ какой-то!.. Всѣ мысли мои—тамъ...

Онъ случайно взглянулъ ей въ лицо и прибавилъ поспѣшно: — Простите меня!.. Это дурно... Я неблагодарный, недобрый сынъ... Но что же я сдѣлаю съ этимъ?!..

Лизавета Игнатьевна плакала.

— Я чувствую—тамъ я стану другимъ... я буду доволенъ...

Еслибъ только вы знали, какъ они чудесно живутъ тамъ!.. У меня сердце лежитъ только ко всему простому... Мнѣ не нужно вовсе этого шика да блеску, на которомъ помѣниана Надя, и развѣ это не гораздо лучше? развѣ всѣ люди должны быть одинаковы?..

Мальчикъ опустился на колѣни около стула, взявъ ея руки и ласково перецѣловалъ на нихъ каждый палецъ.

— Все будетъ отлично, повѣрьте мнѣ!—говорилъ онъ уже радостно: — какъ знать, можетъ быть, вы еще будете гордиться мною когда-нибудь!..

Мать думала, что хорошо только то, что даетъ человѣку душевный миръ, что можно погибнуть на самой блестящей дорогѣ и быть истинно счастливымъ и достойнымъ въ самой скромной долѣ... Она почти уже не чувствовала того страха, который выказывала ему, и невольно любовалась его красивой, энергичной головой... Когда же совершилась эта удивительная перемѣна? Она какъ-будто теперь только нашла его... Точно они свидѣлись послѣ долгой разлуки... Этотъ юноша, такъ гордо уповающій на свои силы, такой отважный, такой своеобразный, этотъ красавчикъ съ прекрасными, выразительными чертами—ея сынъ! вчерашній угрюмый лѣнтяй!.. развѣ это не счастье? не цѣлое будущее?..

Она нашла его; но для того, чтобы найти, она должна потерять его... Въ этомъ новомъ счастьи для нея таился самый мучительный ядъ позднихъ сожалѣній. Она старалась не думать о нихъ въ эту минуту и только чувствовала, какъ эта боль змѣей притаилась у ней на сердцѣ... Онъ уйдетъ... Но что же значать въ сущности человѣческія рѣшенія? Что помѣшаетъ ему вернуться, если онъ сознаетъ потомъ свою ошибку?.. Не отталкивать его отъ себя строгостью, не озлоблять, не доводить до крайностей... Развѣ не это послѣдняя мудрость родителей, если они не сумѣли связать добровольными узами любви?..

— Гордиться тобою?..—повторила мать съ нѣжной улыбкой и провела рукой по его густымъ волосамъ. — О, да, какое это будетъ счастье!.. Послушай: я все для тебя сдѣлаю. Я буду тебя поддерживать... я найду средства... но ты общай мнѣ одно...

Она положила обѣ руки ему на плечи и пристально смотрѣла въ самую глубину его глазъ.

— Общай мнѣ, какъ взрослый, потому что ты не считаешь себя мальчикомъ, если рѣшаешь самъ свою судьбу? — общай, что ты вернешься, какъ только почувствуешь, что ошибся... когда пожалеешь обо всемъ, отъ чего отказался... если та жизнь будетъ

слишкомъ тяжело и нерадостна... Этого, можетъ быть, никогда не случится; стало быть, ты будешь счастливъ и я буду довольна... Но если ты раскаяешься, поклянись мнѣ, что ты не поддашься малодушію, упрямству, ложной гордости—всему, что губить такъ много людей, коверкаетъ столько жизней!.. Ты ребенокъ... Пусть же тебѣ никогда не будетъ стыдно сознаться въ своей ошибкѣ, въ своемъ юношескомъ увлеченіи передъ матерью, которой всю ее старость придется только оплакивать собственные ошибки... которая не должна судить другихъ!..

— О, да, да! Я вамъ клянусь!! Я обещаю это!—восклицнули сынъ, и слезы, первые слезы, хлынули изъ его глазъ.

Нѣсколько минутъ въ тѣсной комнатѣ не слышно было ничего, кромѣ ихъ поцѣлуевъ, кромѣ жаркихъ объятій.

Наконецъ Сапа поднялся съ земли, стряхнулъ пылъ съ колѣнъ и улыбнулся застѣнчиво, глядя на нее еще совсѣмъ влажными глазами.

„Анатолій Петровичъ!“ — пронеслось внезапно въ умъ Кубанской. Что пойметъ во всемъ этомъ ее драгоценный супругъ? какъ отнесется къ столь неожиданному перерожденію полноправный властелинъ ее сына?.. Ну! какъ же мать защититъ его? въ чемъ будетъ заключаться ее такъ торжественно обещанная поддержка?

Весь свѣтъ потухъ на лицѣ Лизаветы Игнатьевны. Горечь и злоба старыми, давно готовыми бороздами легли на поблекшія черты. Сапа угадалъ ее мысли и мрачно задумался.

— Какъ вы думаете. Что со мной сдѣлаютъ? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, и какъ ужасно, какъ постыдно было задавать этотъ вопросъ, послѣ всѣхъ гордыхъ упованій, послѣ никогда не испытанныхъ горячихъ ласкъ!..

Что могла она отвѣтить ему?..

Мальчикъ придвинулся ближе, подоврительно прислушался къ тому, что дѣлалось за стѣной и проговорилъ быстрымъ шопотомъ:

— Мавсъ упросилъ своего отца поддержать меня нѣсколько времени безъ вида, но съ тѣмъ, чтобы вы потомъ переслали черезъ Штарка. Вѣдь неправда ли, отецъ дастъ мнѣ билетъ, когда увидитъ, что я не вернусь?..

Она не говорила ни да, ни нѣтъ.

— Вѣдь нельзя же такъ выгнать меня изъ дому? если никому не позволено проживать безъ вида? — задавалъ онъ въ смятеніи свои наивные вопросы.

— Увидимъ,—выговорила мать уныло и пошла изъ комнаты, бросивъ на него послѣдній печальный взглядъ

Ихъ разговоръ такъ затянулся, что тѣмъ временемъ весь домъ успѣлъ подняться.

Анатолій Петровичъ съ удивленіемъ проводилъ жеку глазами, когда она прошла черезъ столовую въ своемъ безпорядочномъ ночномъ костюмѣ.

По какому случаю она выходитъ утромъ изъ комнаты сына? Отчего онъ не въ гимназіи? ужъ не опять ли этотъ шестнадцатилѣтній балбесъ украсилъ свой дневникъ какой-нибудь единицей? — Кубанскій собрался было лично навести справку, да раздумалъ. Что за неволя и въ самомъ дѣлѣ тревожить себя—кровь себѣ портить напрасно. Эта кара божія, видно, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ не возьмется за дѣло по-энергичнѣе. Есть у него отличный примѣрецъ, что значитъ не въ мѣру баловать дѣтей на свою шею!..

Онъ бросалъ мрачные взгляды на Надю, которая какъ ни въ чемъ не бывало пила свой кофе и не обращала никакого вниманія на постигшую ее немилость.

Анатолій Петровичъ не могъ забыть такъ скоро разговора на лѣстницѣ, но въ сущности онъ терпѣть не могъ ссориться съ Надей. Во-первыхъ, это крайне скучно; во-вторыхъ, ему было особенно тягостно долго молчать. Онъ приобрѣлъ привычку вѣчно фантазировать вслухъ, забавляться своими собственными разнообразнѣйшими планами и предположеніями; могъ, напримѣръ, по цѣлымъ часамъ толковать съ самымъ неподдѣльнымъ одушевленіемъ о томъ, какъ повернулъ бы онъ свою жизнь, выигралъ онъ только двѣсти тысячъ. Но самой обыкновенной тѣмой этой болтовни служило блестящее будущее Нади; съ тѣхъ же поръ какъ будущее это опредѣлилось, Анатолію Петровичу казалось, что онъ дѣлаетъ уже настоящее дѣло, расписывая впередъ до мельчайшихъ подробностей жизнь дочери и давая ей свои мудрые совѣты, вѣлительно до меню ея будущихъ званныхъ обѣдовъ.

Надя давно усвоила себѣ способность слушать изъ пятого въ десятое всѣ нескончаемыя воспоминанія и поучительные примѣры изъ собственнаго прошлаго Анатолія Петровича, вставляя отъ времени до времени какое-нибудь одобреніе или возраженіе, чтобы не выдать себя. Надя давно перестала находить какое-либо удовольствіе въ этихъ исторіяхъ, къ которымъ онъ безпрестанно возвращался, въ наивныхъ фантазіяхъ о ея собственной удивительной будущности, которыя очень нравились ей когда-то. На

молодомъ личиѣ все чаще и чаще отражалось снисходительное изумленіе передъ такимъ ребячествомъ, передъ поразительной бессодержательностью этой старости.

Надя только недавно невѣста. Только недавно она получила право считать себя обладательницей богатства, о которомъ до сѣдѣхъ волосъ только и мечтаетъ ея отецъ. Но ей уже кажется минутами, что къ этому благу чрезвычайно какъ легко привыкнуть, что далеко не всѣ могутъ до гробовой доски поклоняться этому кумиру и сохранить завидную свѣжесть впечатлѣній. На нее все чаще и чаще находятъ безпричинная хандра и скука, среди всѣхъ удовольствій, которыхъ она деспотически требуетъ для себя, не соображаясь вовсе со средствами отца: вѣдь это жъ то, за что она отдаетъ себя, ради чего она отказалась отъ чистой позані юности, ради чего она измѣнила, оскорбила... забыла человѣка, который любилъ ее!.. Она должна знать, что она купила? Она хочетъ испытать скорѣе... забыть лучше!

Время получало совсѣмъ обратное значеніе въ ея внутренней жизни; чѣмъ оно больше подвигается впередъ, тѣмъ изумительнѣе оживаютъ ея воспоминанія; тѣмъ неудержимѣе ея прошлое встаетъ передъ нею въ новомъ освѣщеніи ея печальнаго опыта — тѣхъ тонкихъ и отрывочныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ складывается преждевременная зрѣлость женщины, поставленной лицомъ къ лицу съ испорченностью, распушенностью, съ глубокимъ разочарованіемъ мужчины, давно оборвавшаго въ своей душѣ всѣ струны, способныя издавать чистую музыку чувства. И это жизнь?.. Это все, что имѣется у судьбы на долю удивительной красавицы, которая каждый день снова наивно влюбляется въ собственное изображеніе?

О, конечно, нѣтъ! впереди и любовь, и счастье, и наслажденія. О, какъ ошибается отецъ, если воображаетъ, что она можетъ считать счастьемъ — богатство; что она способна довольствоваться нарядами, экипажами, роскошнымъ дворцомъ, что отдѣливается для нея на англійской набережной. Надя привыкла ужъ ко всему этому, прежде даже, чѣмъ успѣла вступить въ обладаніе. Молодая мечта рвалась впередъ, отбрасывая какъ пустую форму эту унизительную цѣну ея юности, ея душевной чистоты, помятой и поблекшей. Она задыхалась отъ оскорбленія, когда Ханайскій только любовался ея гнѣвомъ въ тѣ минуты, когда ей казалось, что она уничтожаетъ его, какъ женщина. Она понимала тогда, что истинная любовь, уваженіе, счастье, жизнь — въ суровыхъ упрекахъ Штарка, въ его неумолимыхъ требованіяхъ, въ его повелительныхъ просьбахъ, въ его угрожающихъ ласкахъ. Нѣтъ,

конечно, она не могла сдѣлаться его женой и погибать въ нищетѣ; но она когда-нибудь скажетъ ему, скажетъ непременно прямо въ глаза, что она все-таки любитъ его одного! Она поняла это только теперь, когда узнала, что значитъ отвращеніе... познакомилась съ тѣмъ другимъ, чтó тоже зовется любовью.

Часто Надя горько плакала по ночамъ и какъ будто находила въ этой тоскѣ свое оправданіе. Лизавету Игнатьевну поражала подчасъ горечь ея тона, иронія ея замѣчаній. Случалось, что она внимательно всматривалась въ прелестное лицо и спрашивала себя: не сослужить ли службы самый опытъ? Не перейдутъ ли опасной границы неосторожный женихъ и легкомысленный батюшка, забывающіе слишкомъ часто, что ихъ жертва—двадцатилѣтнее, еще не обтерпѣвшееся существо?

— Тебѣ очень весело? — спрашивала мать иногда Надю, когда подмѣчала ея задумчивый взглядъ, принужденную улыбку.

— Нѣтъ! — отвѣтила въ послѣдній разъ отрывисто дѣвушка. — Мнѣ надоѣла зима... надоѣлъ Петербургъ... надоѣли театры и концерты!.. Я хочу весны... лѣта!.. Я хочу въ горы... въ Италію!.. Я хочу на море!

— Если это все, чтó ты хочешь — надо надѣяться, что у тебя будетъ это.

— Да, у меня все будетъ!

— О, нѣтъ! — у тебя будетъ не все, а самая ничтожная, жалкая частица. Но если когда-нибудь ты встрѣтишь настоящее счастье — ты не простишь себѣ того, чтó ты теперь дѣлаешь!

Лизавета Игнатьевна порывисто встала и ушла, какъ она всегда уходила отъ подобныхъ разговоровъ.

„Не простишь себѣ“. Надѣ казалось гораздо естественнѣе, что она не проститъ этого другимъ. Ей все хотѣлось винить кого-нибудь въ томъ, чтó совершалось и въ чемъ не было ни ея увлеченія, ни какъ будто даже ея серьезнаго желанія. Она думала о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, которыми занять Ханайскій, о новомъ домѣ, о какомъ-то баснословномъ будуарѣ, на который она капризно отказывалась взглянуть. Думала о запутанныхъ дѣлахъ и безчисленныхъ экстренныхъ издержкахъ, въ какія она на каждомъ шагѣ вводитъ отца. Въ своихъ мысляхъ, какъ и во всемъ, человекъ незамѣтно, но неизбежно каждый день подвигается впередъ. Надѣ случалось уже прямо задавать себѣ вопросъ: чтó могла бы она сдѣлать теперь? Ничего — рѣшительно ничего. Развѣ только заболѣть — внезапно... опасно... смертельно.

IX.

Въ этотъ день Анатолій Петровичъ былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Не трудно, разумѣется, простить Надю и получить обратно даръ слова — но на этотъ разъ онъ даже не чувствовалъ охоты болтать, потому что былъ серьезно разсерженъ и еще серьезнѣе озабоченъ. Послушная ученица совсѣмъ отбилась отъ рукъ; съ каждымъ днемъ она все больше походитъ на женщину, съ ея непослѣдовательностью и неустрашимостью, которая уживается, правда, бокъ-о-бокъ съ самымъ очевиднымъ малодушіемъ — но всегда можетъ въ горячую минуту натворить такихъ бѣдъ, что ихъ потомъ не расхлебать и десяти разумнымъ мужчинамъ.

Недостаетъ, чтобы эта дѣвочка вообразила теперь, что она несчастна! Если Кубанскій любитъ кого-нибудь въ своей жизни — то, разумѣется, Надю. Ему было невыносимо видѣть ея слезы, но вѣдь онъ же зналъ отлично, что это одна неопытность и дѣвическая сантиментальность! Ни одно разумное существо не можетъ быть дѣйствительно несчастнымъ въ томъ дворцѣ на англійской набережной, гдѣ кипѣла такая одушевленная работа, особенно, если существо это — двадцатилѣтняя писанная красавица!

Да, но вѣдь это знаетъ онъ! Внушить это молоденькой дѣвушкѣ не всегда легко и не совсѣмъ удобно. При всемъ своемъ увлеченіи, Кубанскій принужденъ былъ сознаться, что его нареченный зять лишенъ всякой романической привлекательности. Къ сожалѣнію, требуется прожить сначала добрую половину своей жизни, чтобы научиться отдѣлять инныя вещи! Не родному жъ отцу давать дѣвушкамъ подобные уроки. Онъ очень жалѣлъ Надю, какъ жалѣютъ дѣтей, которыя рыдаютъ напрасно и навѣрное утѣшатся; но онъ серьезно боялся, чтобы подъ конецъ она не „разнервничалась“ и не надѣлала какихъ-нибудь непоправимыхъ сумасбродствъ.

Анатолій Петровичъ привыкъ къ этой блестящей партіи, на осуществленіе которой онъ потратилъ все свое искусство и всѣ свои ресурсы; его собственное безсодержательное существованіе такъ удивительно удобно примазывалось къ этой развеселой жизни втроемъ съ любимицей дочкой и съ пріятелемъ-зятемъ, что при всей несомнѣнной привязанности къ Надѣ ему и въ голову не приходило задуматься посерьезнѣе надъ знаменательной бесѣдой на парадной лѣстницѣ. Подвергать сомнѣнію самый вопросъ этого

замужества—значило свести къ нулю напряженныя усилія цѣлаго года и очутиться въ окончательно испорченномъ, запутанномъ, невыносимомъ положеніи, съ цѣлой кучей тайныхъ и явныхъ долговъ на шеѣ, съ перспективой безчисленныхъ непріятностей и окончательнаго крушенія семейныхъ дѣлъ. Можно любить безъ памяти прелестную дочку, но это еще не придастъ силы взглянуть отважно въ лицо подобному положенію.

Анатолій Петровичъ сердито шагаль взадъ и впередъ по комнатамъ и рѣшалъ важный вопросъ: какъ цѣлесообразнѣе держать себя въ подобныхъ обстоятельствахъ? Остаться ли до конца другомъ и товарищемъ дѣвушки, продолжая по прежнему дѣйствовать на юное тщеславіе, или же пришла пора выдвинуть на сцену родительскій авторитетъ и дать ей понять, въ чемъ заключаются ея обязанности относительно семьи, общества и... и также ея отца.

Должно быть, Анатолій Петровичъ совсѣмъ ужъ потерялся и сильно струхнулъ, коли онъ могъ серьезно задаваться подобными дилеммами, и не сознавалъ, какъ отерты для Нади всѣ его карты и какъ мало вѣроятія ему подѣйствовать на нее громкими словами. Цѣлый арсеналъ такихъ словъ всегда имѣлся для экстренныхъ случаевъ въ его памяти и онъ любилъ прибѣгать къ нимъ, въ силу своего ораторскаго таланта. За его пятидесятилѣтнее существованіе, исключительно въ угоду и во ублаженіе собственной персоны, отъ этихъ словъ уцѣлѣла одна прекрасная, неувыдающая форма, неоцѣненная какъ реторическое украшеніе; ихъ глубокій, сильно дѣйствующій смыслъ, съ которымъ иные чудачи весь свой вѣкъ не рѣшаются разстаться, этотъ смыслъ вывѣтрился такъ всецѣло, что Анатолій Петровичъ и самъ не могъ бы припомнить, существовалъ ли онъ для него хотя во дни его юности.

Кубанскій давно рассказывалъ по кабинету, импровизируя вполголоса различные варианты той патетической рѣчи, съ какой онъ обратится къ дочери въ ту минуту, когда она будетъ просить у него прощенія. Это было опять-таки чисто ребяческое самообольщеніе, потому что Надя обыкновенно не просила прощенія, и отецъ всегда первый выражалъ готовность мириться. Но тѣмъ не менѣе это было необходимо, какъ готовая традиціонная позиція, дающая первый толчекъ его фантазіи. Онъ увлекся и прибиралъ фразы, одна другой образнѣе и эффектнѣе, на тему родительскаго самоотреченія, жертвъ невидимыхъ и невообразимыхъ, волненій и огорченій неисчерпаемыхъ. Надина скарлатина; Женины нескончаемыя болѣзни и ея уродство; лѣньность Саши и его не-

исправимые пороки; Надина красота, образованіе и предстоящая ей блестящая будущность,—все это искусно выглядывало изъ-за цвѣтовъ краснорѣчія и по какому-то, ему одному извѣстному фокусу принимало видъ его собственныхъ заслугъ, страданій и жертвъ.

Анатолій Петровичъ былъ возбужденъ, озабоченъ, преисполненъ своимъ достоинствомъ и поглощенъ важнымъ дѣломъ, а потому его жена не могла выбрать минуты менѣе удачной для предстоявшаго труднаго объясненія, когда она, ничего не подозревая, явилась въ кабинетъ, собравъ все свое мужество.

У него достало злорадной выдержки помолчать съ четверть часа, чтобы дать ей выложить до конца весь запасъ этихъ поразительныхъ сообщеній и произнести свою невѣроятную просьбу, не удерживать сына силой. Молчаливое вниманіе становилось злобнѣе съ каждымъ словомъ: губы Анатолія Петровича тряслись, лицо багровѣло, жилы на лбу надувались. Онъ засунулъ руки въ карманы и мѣрно раскачивался на одномъ мѣстѣ, какъ будто буря, бушевавшая внутри, мѣшала ему сохранять равновѣсіе.

— А, а, а!.. О, о, о!! — вырывалось отъ времени до времени не то восклицаніемъ, не то вздохомъ изъ его устъ.

— Я вамъ обещаю, я даю мое слово, что я употреблю все мое вліяніе на то.

— Ха, ха, ха, ха! вы даете слово! Какого же еще вліянія ждать отъ васъ?! Да, скажите, ради Христа, вразумите вы меня, стараго дурака—въ своемъ ли вы умѣ или эта ваша „черная меланхолія“ погубила послѣднія искры здраваго смысла?! Что я—въ сумасшедшемъ домѣ или въ моей собственной семьѣ? Она же, видите ли, парламентаромъ является! заступницей! Не распорядились небось веревочъ припасти покрѣпче, чтобы связать этого полоумнаго, да въ исправительный домъ отправить!

Онъ наступалъ съ пѣной у рта, съ багровымъ лицомъ. Она знала его бездушнымъ, вздорнымъ, вспыльчивымъ, но никогда не видала еще, до какого изступленія можетъ быть доведенъ безпомощный эгоистъ, угрожаемый разомъ въ его покоѣ, удобствахъ и надеждахъ.

— Столярное искусство! ха, ха, ха! Не мастеровой—вонъ что въ полосатыхъ халатахъ по улицамъ шмыгаютъ съ пьяными рожами! а „свободный работникъ“!.. Артистъ, можетъ быть?? Постыдились бы вы, сударыня! до сѣдыхъ волосъ дожили, а азбуки еще не знаете. Дочери Господь великолѣпную партію посылаетъ, такъ вы словно по покойникѣ воете, благородному, именитому человѣку скандалы дѣлаете, а сына единственнаго погубить готовы! Это называется — возвышенная добродѣтель и

недосягаемые идеалы! Вотъ-съ она мнѣ гдѣ сидитъ, эта ваша добродѣтель!—кричалъ онъ съ ожесточеніемъ, пия себя пальцемъ по горлу.

Лизавета Игнатьевна сидѣла неподвижная, блѣдная какъ полотно. Съ нимъ нельзя даже говорить. Ей не придется даже и пробовать всѣхъ тѣхъ доводовъ и резоновъ, которые она подбирала такъ тщательно, примѣняясь къ его понятіямъ и вкусамъ.

— Какъ вы смѣли подумать хоть одну минуту, что я позволю позорить мое дворянское имя?—гремѣлъ Анатолій Петровичъ.—Что вы, вчера на свѣтъ родились, что не понимаете, какая музыка кроется подъ всѣмъ этимъ?! Откуда это выискался сентиментальный столяръ съ учеными сыновьями, которому понадобилось сбивать съ пути чужого шестнадцатилѣтняго балбеса? Знаете ли вы, чѣмъ кончаются эти демократическія идилліи и на какую работу вербуютъ такихъ безмозглыхъ болвановъ? Что вамъ, на висѣлицу послать его желательно?

Лизавета Игнатьевна только молча отмахнулась рукой.

— Чѣмъ бы ротъ ему зажать какъ слѣдуетъ на первомъ же словѣ, вы, поди, рѣки слезъ надъ нимъ пролили и нивѣсть что ему вбили въ голову своимъ потворствомъ! Да... ну, ужъ это могу сказать—сюрпризець! Изволите ли видѣть, мальчишка бумаги свои изъ гимназіи взялъ! Ожесточили. Что, скажите на милость, били вы его, что ли, втихомолку? Нѣтъ, это съ ума сведуть... ей Богу, съ ума сведуть!

Онъ захлебывался и каждую минуту пальцами оттягивалъ воротникъ своей рубашки.

— Воды выпейте, вы заболѣете, — выговорила Лизавета Игнатьевна.

— Пошлетъ вамъ Богъ эту радость... погодите немного... вгоните вы меня въ гробъ... вгоните!

Онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ и поводилъ по комнатамъ налитыми кровью глазами.

— Отпустите его только на время, ну хоть на одинъ мѣсяцъ!—вскрикнула она съ отчаяніемъ, пользуясь минутной паузой.

— Что-съ? что-о?— снова сорвался онъ со стула.—Я вамъ покажу, какъ я его отпущу! Сегодня же... сію минуту поѣду къ Мишѣ Зобову... товарищъ по корпусу, въ драгунахъ вмѣстѣ служили. Просьбу на Высочайшее имя. Я былъ самъ военный, хоть и не долго. Чинъ имѣю. Мнѣ батюшка Царь не отваетъ, въ корпусъ его запрятать—тамъ обломаютъ разбойника! Старъ я... Силь у меня больше не хватаетъ справляться съ вами!.. А!.. учиться не можетъ... вотъ ужъ ему объяснять тамъ, чего онъ не можетъ!

Анатолій Петровичъ подбѣжалъ къ письменному столу и ожесточенно заколотилъ въ рукѣ бронзовымъ колокольчикомъ.

Въ дверяхъ сейчасъ же появился весь блѣдный казачокъ. Въ коридорѣ мелькнуло испуганное лицо Нади.

— Одѣваться!.. фразы!.. рубашку чистую! — командовалъ онъ по военному. — Живо, мерзавецъ!.. вотъ я ему покажу... а!.. да нѣтъ, въ чорту!.. ничего не надо, такъ поѣду.

Онъ обдернулъ сюртукъ, схватилъ со стола шляпу и вылетѣлъ изъ кабинета.

Лизавета Игнатьевна схватилась руками за голову и замерла, прислушиваясь.

Анатолій Петровичъ отправился въ комнату сына

Саша сидѣлъ на кровати, весь съежившись, прижавшись спиною къ стѣнѣ, съ вытянутыми ногами, которыя не доставали до полу.

Онъ сейчасъ же вскочилъ и схватился рукой за желѣзную спинку, когда отецъ рванулъ дверь его комнаты.

— А!.. здѣсь?! Поди, поди сюда... Признавайся... въ нигилисты?.. въ социалисты?! въ разбойники?! Отечество губить? Сознавайся, щенокъ, или я тебя своими руками...

— Вы сума сошли!.. какіе нигилисты?! кто губить?! — вскрикивалъ Саша, глядя съ ужасомъ въ искаженное лицо старика.

— А!.. нѣтъ? Развратничать?.. безобразничать?! пьянствовать? Имя мое позорить? Семью благородную срамить? Ну, да я... я съ тобой разговаривать не стану! Сейчасъ ѣду... а ты, пріятель, собирайся... готовься въ корпусъ, коли тебѣ домъ родительскій негоденъ! Тамъ выучать! въ солдаты! Пусть сначала молоко на губахъ пообсохнетъ, тогда ужъ судьбой своей будешь распоряжаться. Я за тебя Богу отвѣтъ дамъ. Просьбу на Высочайшее имя...

Саша поблѣднѣлъ какъ смерть.

— Въ корпусъ? Пойдите. Подождите... не хлопчите напрасно. Я не пойду въ корпусъ.

— Что—о? Ты не пойдешь? Тебя веревками свяжутъ!.. своими руками... дворники стащутъ!.. — выговаривалъ неясно, запинаясь, Кубанскій.

Саша въ кровь закусилъ нижнюю губу и вдругъ заговорилъ звонко и скоро, съ перекосившимся лицомъ.

— Ни въ корпусъ и нигуда не пойду! Отпустите меня добромъ. Вамъ же лучше — ни за помощью, ни за поддержкой къ вамъ нигода не приду. Гроша одного вамъ больше стоитъ не буду — чего еще? Вѣдь вы же меня никогда терпѣть не могли!

издѣвались какъ только могли мальчишкой! Вы не помахали бы, небось.

При каждой фразѣ Кубанскій дѣлалъ шагъ впередъ — медленно, вытянувъ шею, скрипя зубами и не дыша. Потомъ внезапно поднялъ руку и размахнулся ею изо всей силы.

Сапа отскочилъ. Схватилъ первое, что попалось — книгу — и поднялъ ее въ воздухъ, но въ послѣднюю секунду повернулся и пустилъ ее въ противоположную сторону.

Книга перелетѣла черезъ всю комнату и ударилась въ перегородку.

— Эй!.. люди!! веревокъ! Вяжите этого разбойника по рукамъ и по ногамъ. Я приказываю!

Старикъ, шатаясь, вышелъ въ прихожую, выпилъ машинально стаканъ воды, который ему сунула Палагея, постоялъ нѣсколько секундъ неподвижно, потомъ растолкалъ всѣхъ, кто его удерживалъ, накинулъ шубу и вышелъ.

Сапа стоялъ неподвижно на прежнемъ мѣстѣ.

Дверь отворилась, и на порогъ показалась Лизавета Игнатьевна, блѣдная какъ смерть. Она начала было говорить что-то слабымъ, прерывающимся голосомъ, но остановилась на полусловѣ и стала прислушиваться. Изъ глубины квартиры доносились какой-то смутный шумъ.

— Барыня!.. барыня!.. скорѣ!.. съ Женюшкой дурно. Напугалась... скорѣ!

Лизавета Игнатьевна бѣгомъ бросилась по коридору — всѣ за нею.

„Теперь скорѣ... скорѣ“.

Первое, что подумалъ отчетливо Сапа. Онъ застегнулся съ трудомъ, оконченными пальцами — потомъ поспѣшно выдвинулъ комодный ящикъ, другой... посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на бѣлье и бросилъ ихъ. Открылъ столъ, вынулъ и заперхалъ въ карманъ дрянную записную книжечку, перочинный ножикъ. Потомъ надѣлъ фуражку на голову и пошелъ изъ комнаты. Отъ двери онъ еще разъ вернулся — отыскать въ комодѣ нѣсколько носовыхъ платковъ и замиевыя перчатки, сунулъ все это въ тотъ же карманъ.

Онъ очень осторожно открылъ парадную дверь.

„Сказать? Проститься? Нѣтъ, нѣтъ! — удержать. Не пустать“.

Онъ быстро проскользнулъ за дверь и опротивью сбѣжалъ съ лѣстницы.

Ольга Шаниръ.

ЕВРОПЕЙСКІЙ ВОСТОКЪ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ *).

Окончаніе.

VIII.—СЕМНАШАЕННЫЙ ЗАМОКЪ.

Мы ѣдемъ въ своей покойной коляскѣ-корзинкѣ по безпокойной мостовой стамбульскихъ переулковъ, съ неизбѣжнымъ драгоманомъ на возлахъ. Проѣхали бѣломраморную рѣзную мечеть Валиде, съ ея точеными колонками и живописной позолотой, проѣхали ея роскошный мавзолей, съ золотыми рѣшетками въ окнахъ, и опять мимо воротъ Высокой Порты, мимо историческихъ святынь древняго византійскаго акрополя, нырнули въ безысходный лабиринтъ константинопольскихъ переулковъ, сначала еще сколько-нибудь прибранныхъ и возможныхъ, потомъ, подальше, совсѣмъ не прибранныхъ и совсѣмъ невозможныхъ.

Однако, вездѣ неизбѣжная теперь конка ухитрилась протянуться и черезъ эти узенькія, кривыя, безъ конца въющіяся и ломающіяся улицы, поминутно то сбѣгающія съ холмовъ, то опять карабкающіяся на нихъ...

Въ иныхъ мѣстахъ пѣшеходъ долженъ плотно прижаться къ грязнымъ стѣнамъ домишекъ или юркнуть въ ближнюю лавчонку, чтобы его не задралъ вагонъ конки, продвигающейся сквозь эти тѣснины. Вагоны эти грязны, обгъзлы и вонючи до нельзя. Грязнѣе и вонючѣ ихъ только развѣ оборванные кондукторы, торчащіе съ ослинымъ равнодушіемъ и ослинымъ тупоуміемъ на зад-

*) См. выше: мартъ, 116 стр

нихъ приступахъ, и не обращающіе ни малѣйшаго вниманія ни на конку, ни на пассажировъ, ни на уличную толпу. Чѣмъ дальше уходятъ улицы отъ центра столицы, чѣмъ распущеніе и безцеремоніе дѣлается ихъ и безъ того нецеремонная обстановка, тѣмъ чаще прорывается сквозь эти неисчислимыя груды насыпанныхъ другъ на друга деревянныхъ и каменныхъ домишекъ, роскошная природа юга, — то ползучія лозы винограда, мѣстами перекидывающіяся даже черезъ улицу, то цвѣтущая глицинія, облѣпившая балкончики и стѣны домовъ лиловыми шпалерами своихъ нѣжно-лиловыхъ мотыльковъ, то яркая, какъ свѣжая кровь, іудейская акація, еще не успѣвшая развернуть ни одного зеленого листка, но уже вся облитая сплошнымъ пурпуромъ своихъ цвѣтовъ...

Мы двигаемся, хотя и среди города, но вдоль берега моря, параллельно ему, къ послѣднимъ рубежамъ громадной столицы...

Далеко ниже насъ, у самыхъ волнъ Мраморнаго моря, свѣтится вдоль того же берега, ныряя въ лощины, всплывая на гребни холмовъ, уже полуразрушенная зубчатая стѣна старой Византіи, когда-то защищавшая подходы отъ моря...

Мы любовались ею еще у подножія Серальскаго мыса, гдѣ она теперь начинается и гдѣ она когда-то примыкала къ другой стѣнѣ, перерѣзавшей, черезъ волны моря до самаго берега Галаты — входъ въ Золотой Рогъ...

Теперь заливъ Золотого Рога отдѣляется отъ Босфора только длиннымъ мостомъ Валиде, а, въ старое время, въ эту обширную и безопасную гавань Византіи корабли могли проникнуть только черезъ громадные морскія ворота, защищенные цѣпами, башнями и пушками...

Объ этихъ воротахъ рассказываетъ, въ своей паломнической повѣсти, нашъ Стефанъ Новгородецъ, посѣтившій Константинополь еще задолго до взятія его турками...

„Влѣво отъ палатъ Константиновыхъ (теперь Сераль) находятся чудныя градскія ворота, желѣзныя, рѣшотчатныя, весьма большія: этими воротами море введено внутрь города. Когда бываетъ волненіе на морѣ, здѣсь держатъ корабли, до 300 судовъ, а суда эти имѣютъ по 200, иныя же по 300 весель, на нихъ войско ходитъ по морю“.

Тогда еще не существовало поэтическаго названія „Золотого Рога“, ставшаго потомъ государственнымъ гербомъ Турціи, и наши безхитростные лѣтописцы просто именовали „илименю Галатской“ историческій портъ Византіи, извѣстный въ вѣка Олега и Ольги подъ именемъ Суда.

„Греци замкнута Судъ, и градъ затвориша“, повѣствуетъ

Несторова летопись, описывая набѣгъ Олега. Вѣроятно же всего, что и Олегъ „повѣси щить свой во вратахъ града, показуя побѣду“, не у далекихъ „Золотыхъ Воротъ“ Семибашеннаго замка, какъ обыкновенно предполагають, а именно у воротъ этого „замкнутого Суда“, который прервалъ удачнымъ кораблемъ Олега доступъ къ богатствамъ Царяграда, и на которомъ такъ безцеремонно приучалъ къ терпѣнію нашу мудрую княгиню Ольгу византійскій императоръ. „Аще ты такоже постоиши у мене въ Почайнѣ, яко же азъ въ Суду, то тогда ти дамъ!“... воспоминула ему потомъ Ольга этотъ оскорбительный долгій карантинъ...

На одномъ концѣ стѣны ворота древняго „Суда“, на другомъ Семибашенный замокъ „Еди-Куль“, съ своими славными „Золотыми Воротами“...

Конка проводила насъ до самыхъ пустырей, окружающихъ эту покинутую твердыню стараго Константинополя. Жизнь города уже совсѣмъ здѣсь замираетъ. Три громадныя круглыя башни и четыре меньшихъ, квадратной формы, подпирають углы и середины высокихъ толстѣйшихъ стѣнъ, образуя собою со всѣхъ сторонъ ошестинившійся неприступный замокъ, окруженный внизу отъ моря, и отъ Санъ-Стефанской равнины еще двумя поясами стѣнъ, глубокихъ рвовъ и валовъ. Когда-то эти стѣны и башни были изукрашены мраморомъ и надписями, но теперь только изрѣдка попадаетъ на глаза полустертая узорчатая плита съ греческими буквами, затерянная среди грубыхъ сѣрыхъ глыбъ каменной кладки.

Пусто и грязно внутри...

Разрушеніе уже воцарилось повсюду... Огромный пустырь, когда-то полный жизни и движенія, заросъ высокою травою, которая прикрывала собою глубокія западни цистернъ и водосточковъ, когда-то поившихъ крѣпость. Фонтаны теперь разбиты и высохли. Маленькая мечеть, посреди двора, полуразрушена и опустѣла... Крошечный сѣренькій осликъ съ глубокомыслиемъ философа-отшельника — одинъ стоитъ среди пустынного зеленого двора, уставивъ въ пространство свой неподвижный взглядъ и, вѣроятно, задумавшись о суетѣ земного величія. Бѣлыя и желтыя бабочки тихо рѣютъ въ этой безмятежной заменной пустынѣ. Мирный румелійскій овчаръ откупаетъ подъ пастбище овецъ эту историческую почву, улитую потоками крови, и добросовѣстно занавозитъ своими стадами всѣ уголки когда-то грознаго замка, не различая темницы отъ мечети и гробницы отъ фонтана... Божьи

травы и деревья доработали остальное, чего не успѣли сдѣлать овцы... Они устлали мягкими зелеными коврами осыпавшіеся всходы, по которымъ когда-то вѣбгали на стѣны окованные желѣзомъ воины и сносили со стѣмъ окровавленныхъ раненыхъ; они разсыпали свои яркіе веселые цвѣты у дверей мрачныхъ темницъ, гдѣ десятками лѣтъ томилась знаменитые узники; они разставили, словно безсмѣнныхъ часовыхъ, на парапетахъ высокихъ башенъ въ расщелинахъ зубцовъ, въ амбразурахъ стѣнъ, свои тѣнистыя смоковницы, свои остролистые лавры, великодушно увѣнчавъ ими каменное чело этого многовѣкового замка-воина...

Мы взлѣзли по не совсѣмъ удобной осыпи, сначала на стѣну, потомъ сквозъ черное каменное нутро на самую верхнюю площадку самой высокой башни. Сквозъ мертвыя ребра ея удивительно пробились на солнечный свѣтъ, словно выступившіе изнутри пятна когда-то пролитой здѣсь крови, густыя пурпуровыя шапки только-что расцвѣтшаго іудейскаго дерева...

Эти кровавыя отпрыски испетрили теперь всю древнюю стѣну, куда ни глянуть глазъ... Сверху башни открывается чудный видъ на море, покрытое островами, на Константинополь, разстилающийся у ногъ, на далекій берегъ, что живописно убѣгаетъ къ обѣимъ иглѣ Санъ-Стефанскаго маяка. На горизонтѣ уже чудятся какимъ-то безплотнымъ воздушнымъ видѣньемъ далекіе Балканы, а сюда ближе, на широкой равнинѣ, охватывающей съ запада столицу, отчетливо видны линіи окоповъ и укрѣпленій, приготовленныхъ, какъ послѣднее безнадежное усиліе, на встрѣчу нашимъ побѣдоноснымъ полкамъ, такъ бессмысленно остановленнымъ перемудрившею дипломатіей у порога сокрушеннаго Стамбула...

Долго мы стояли съ женой молча, глубоко взволнованные мыслями и воспоминаньями, надъ разстлавшимся кругомъ насъ многовѣковымъ историческимъ міромъ, растроганные чудною неопишуемой картиною этой роскошной природы, этихъ удивительныхъ мѣстъ... Прекраснѣйшій уголокъ міра, — эта жемчужина, выросшая на рубежѣ двухъ свѣтовъ, азіатскаго и европейскаго, у предѣла райской земли, у воротъ теплыхъ голубыхъ морей, льющихся на востокъ и западъ, — лежалъ теперь у нашихъ ногъ, видный намъ какъ съ крыльевъ орла, понятный намъ отсюда во всѣхъ своихъ подробностяхъ, поразительный, околдовывающій глазъ и мысль...

Да, это настоящая, природная столица земного шара, призванная судьбой къ владычеству надъ странами и народами, самая удобная по положенію, самая прекрасная по красотѣ, естественный центральный узелъ торговли, богатства и власти.

Не даромъ геніальный мечтатель Фурье смотрѣлъ на Константинополь тѣмъ же взглядомъ, какъ и геніальный практикъ Наполеонъ.

Да, это истинный Царь-городъ среди всѣхъ городовъ земли. Древніе греки не хотѣли вѣрить, что такое удивительное мѣсто могло быть избрано смертными.

По преданію ихъ, орелъ, посланный Юпитеромъ, схватилъ сердце жертвеннаго быка, приносимаго Византомъ, предприимчивымъ сыномъ Нептуна, и бросилъ его на томъ прелестномъ скалистомъ мысѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ Босфоромъ, Пропонтидою и Золотымъ Рогомъ, гдѣ Византъ основалъ потомъ, по этому божественному указанію, свой первый городокъ, древній Акрополь Византіи. И долго потомъ поэты и прародители гревовъ называли „богозданными“ неприступныя стѣны этого богомъ основаннаго города...

И Константинъ Великій основалъ потомъ свою всемірную столицу, свой „Новый Римъ“, на мѣстѣ „богозданной“ Византіи тоже по божественному указанію своего рода. Знаменитое видѣніе святаго креста съ надписью: „симъ побѣдиши!“ явилось ему, какъ говорятъ, на азіатскомъ берегу Босфора, въ ближайшихъ окрестностяхъ Византіи, въ которой онъ осаждалъ своего сокрушеннаго соперника Лицинія...

Наша лѣтопись Несторова тоже приписываетъ божественному внимательству учрежденіе Константиномъ столицы въ Византіи.

„Сице помышляючи царю во дни и въ нощи, слыша во снѣ гласъ: „въ Византіи подобаетъ Константинъ-граду создатися“, и абіе царь возбудися отъ сна, вскорѣ посылаетъ въ Византію магистровъ и градскихъ дѣлателей готовить мѣсто.

„И тако начати дѣлати церкви Божіи, и дворъ царскій, и иные дома славны велможамъ и мегисталомъ и всѣмъ сановникамъ, и воды сладкія приводити.

„Създа же царь и палату великую, иподрому предивную и двѣ поле устои, сирѣчь улицы покровены на торгованіе, и назва градъ Новый Римъ. Потомъ же созда церкви преславныя Святая Софѣя, и святыхъ Апостолъ, и святыхъ Ирны, и святаго Маѣѣя, и святаго Архангела Михаила, и ины мнози.

„Такоже иныя вещи предивныя и достохвальныя принесе изъ многихъ странъ и градовъ и, преукрасивъ градъ, возда ему честь велию обновленіемъ и праздники и торжества великими на многіе дни; и тако устави да ся зоветъ градъ той царь градомъ и бысть радость велія во всѣхъ людехъ“.

Смиренный инокъ Андрей Критскій выражался потомъ о чу-

десахъ Царяграда: „въ истинну градъ сей выше слова и разума есть“.

Мы сорвали на память нѣсколько вѣтовъ съ лавроваго дерева, выросшаго на камняхъ башни, и спустились, погруженные въ свои мечты, опять на зеленныя поляны замка.

Мы хотѣли проникнуть въ подвалы башни, служившіе въ теченіе вѣковъ темницею знатныхъ плѣнниковъ всякаго рода, въ томъ числѣ и нашихъ русскихъ пословъ, Обрѣзова и Булгакова. Передъ черною пастію, мрачно зиявшею внизу круглой каменной громады, расцвѣла, словно въ насмѣшку, бѣлая, какъ невѣста въ своемъ вѣнчальномъ уборѣ, дикая яблоня. Она разсыпала кругомъ въ неподвижный знойный воздухъ цѣлыя волны медоваго запаха, побуждавшаго даже острый духъ овечьяго навоза, которымъ былъ плотно убитъ и входъ въ темницу, и весь глубочайшій подземный провалъ ея...

Пчелы хлопотливо сновали и жужжали въ этомъ душистомъ и пушистомъ спѣгу весеннихъ цвѣтовъ...

Эта темница — дѣйствительная темница, безовсякихъ прикрасъ и иносказаній... Въ нее дѣйствительно, во всей буквальнойности слова, ввергали узниковъ, какъ картофель въ картофельную яму, и заточали ихъ подъ замки и засовы, не заботясь болѣе ни о какихъ пустякахъ. Кругомъ тьма кромѣшная, подъ ногами грязная земля, кипающая всякой нечистью, надъ головою глухой и слѣпой каменный сводъ... Въ этомъ состояла вся тогдашняя пенитенціарная система, всѣ санитарныя и гигиеническія приспособленія стараго юридическаго быта. Въ такой темницѣ узники томились не ради одной красоты слога, и выходъ изъ такой темницы казался воскресеніемъ изъ мертвыхъ не въ видѣ одной только поэтической гиперболы.

Посмотрите, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ радости и благодарности въ Богу чертили на стѣнахъ покинутой темницы свои старательно вырѣзанныя латинскія, нѣмецкія и итальянскія надписи освобожденные плѣнники. „Captus anno 1668, occasione belli, liberatus anno 1682“... коротко, но выразительно.

Среди этихъ многочисленныхъ плитъ мы разобрали и немногія уцѣлѣвшія русскія надписи: „военачальникъ... Данила ...тищевъ 1774 года“.

Ртищевъ ли, Татищевъ ли, я не поинтересовался спрашивать, и вѣдь всего только 1774 годъ! „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“...

Мы повинuli замокъ черезъ славныя когда-то Золотыя Во-

рота, которыми, бывало, возвращались въ триумфъ, послѣ долголѣтнихъ кровопролитныхъ войнъ, столько побѣдоносныхъ цезарей и полководцевъ Восточнаго Рима. Здѣсь ликующій народъ встрѣчалъ запряженную слонами триумфальную колесницу Θεодосія Великаго, сюда вводилъ плѣнные толпы готовъ и вандаловъ непобѣдимый Велизарій.

Ворота теперь заложены, потому что досадная древняя легенда до сихъ поръ тревожитъ подозрительныхъ османовъ. Христиане опять должны войти тѣми же воротами, у которыхъ палъ, въ отчаянной битвѣ, послѣдній герой—императоръ, безуспѣшно защищавшій отъ невѣрныхъ святыни Царяграда, и святыни эти опять должны возвратиться въ побѣдоносныя руки христианъ... Еще при Константиѣ Великомъ, основателѣ Царяграда, создавалась эта легенда. Лѣтописцы говорятъ, что при началѣ постройки Константинополя, императоръ и весь народъ были напуганы неожиданнымъ появленіемъ огромнаго змѣя. Вдругъ изъ поднебесья упалъ на него орелъ, схватилъ змѣя и опять поднялся въ высоту. Долго боролся онъ съ нимъ въ облакахъ, наконецъ, змѣй осилилъ, и орелъ вмѣстѣ съ змѣемъ рухнули на землю. Жители убили змѣя и освободили орла. Созванные императоромъ мудрецы, какъ передаетъ наша лѣтопись, такъ объяснили это знаменательное событіе: „орелъ есть знаменіе христианское, и змѣй знаменіе бесерменское, и понеже змѣй одолѣ орла, являетъ яко бесерменство одолѣеть христианство, а понеже христиане змѣя убили, а орла изымаша, являетъ, яко напоследокъ паки христианство одолѣеть бесерменство, и Седьмохолмаго примутъ и въ немъ воцарятся“.

Послѣ взятія Царяграда Магометомъ II, легенда эта ожила и перенеслась уже прямо на турокъ.

Тогда вспомнили, что при Львѣ Премудромъ епископъ Патраскій Мееодій пророчествовалъ: Русскій же родъ съ прежде создательными всего Измаилта побѣдять, и Седьмо-холмаго примутъ съ преждезаконни его и въ немъ воцарятся“.

Пророчество это засѣло глубоко въ сердца восточныхъ христианъ; до сихъ поръ они вѣрятъ, не сумняся, точно также какъ вѣрятъ сами турки, что вопросъ этотъ—только вопросъ дня. И если окинуть мыслью исторію Турціи и исторію Россіи за послѣдніе вѣка, то даже люди, не привыкшіе вѣрить пророчествамъ, должны будутъ признаться, что старое пророчество Мееодія осуществляется съ какою-то ровною послѣдовательностію...

Я не знаю, гдѣ видѣлъ счастливый составитель константинопольскаго путеводителя—остатки позолоты когда-то роскошныхъ

Золотыхъ Воротъ и латинскую надпись ея о побѣдахъ Θεοδосία Великаго...

Только двѣ греческія колонны съ капителями можно различить снаружи въ заложенныхъ камняхъ и замазанныхъ бѣлою известью историческихъ воротахъ; почтеннѣйшій же іеромонахъ Антоній, не мудрствуя лукаво, буквально списалъ изъ книги Муравьева подробности, которыя существовали въ 20-хъ годахъ, и которыя, повидимому, давно уже уничтожены...

Однихъ только реликвій христіанской древности не могла до сихъ поръ уничтожить варварская рука въ старыхъ стѣнахъ своего Еди-буле.

Священные легенды Византіи живутъ въ немъ прежнею таинственною жизнью, не смотря на турецкія мечети и темницы, не смотря на забитыя ворота и засыпанные тайники...

Безъимянная зеленая могила примкнута какъ разъ къ башнѣ Золотыхъ Воротъ, во дворъ крѣпости. Сиротливо торчитъ надъ ней печальный кипарисъ да старый платанъ разстилаетъ свою курчавую сѣнь.

Грекъ-овчаръ разсказалъ намъ благоговѣнно стихшимъ голосомъ, что изъ могилы этой выходитъ старецъ въ архіерейскомъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ. „Засвѣтите надо мною хоть лампаду,—говоритъ онъ сторожамъ,—а то мнѣ темно такъ лежать въ сырой землѣ“. И грубый овчаръ покупаетъ на свои скудные гроши масла и ежедневно зажигаетъ тайкомъ лампадку надъ темною могилою невѣдомаго святителя...

IX.—Стѣны Византіи.

Поучительна и интересна прогулка вокругъ древнихъ стѣнъ Византіи, до сихъ поръ опоясывающихъ сплошнымъ кольцомъ столицу султановъ...

Мы сдѣлали ее отъ самаго берега моря, отъ угла, защищеннаго Семибашеннымъ замкомъ, до послѣднихъ слѣдовъ старыхъ укрѣпленій, повертывающихъ, сквозь тѣсноту константинопольскихъ предмѣстій, нѣсколько сѣвернѣе Фанара къ Золотому Рогу. Только небольшая часть столицы вдоль верховья Золотого Рога, кончающаяся кварталами Эюба, не вошла въ предѣлы древнихъ стѣнъ...

Былъ прекрасный солнечный день, и хотя утомленные лошади нашего мальтійца не особенно охотно катили покойную коляску по узкому шоссе, которое устроено турками по всему кольцу прежняго наружнаго вала, охватывавшаго стѣны, однако, мы, люди сѣвера, съ наслажденіемъ впивали въ себя непривыч-

ное южное солнышко, обратившее напѣ сырой и холодный апрѣль въ настоящій развалъ петровскъ. Къ тому же эта трехъ-часовая лѣнивая прогулка на деревенскомъ воздухѣ такъ кстати дастъ вамъ вдохнуть отъ слишкомъ непрерывныхъ впечатлѣній при осмотрѣ одна за одной городскихъ примѣчательностей...

Мнѣ не приходило въ голову, чтобы гдѣ-нибудь еще могли уплѣть до нашихъ дней въ такомъ характерномъ живѣ и на такомъ необозримомъ пространствѣ старыя памятники исторіи. Та самая средневѣковая Византія, что приводила въ неописанное удивленіе и въ неописанный ужасъ приближавшія къ ней орды варваровъ, на которую благоговѣнно любовались наивныя полчища первыхъ крестоносцевъ, смотреть и теперь на насъ тѣми же своими грозными башнями и зубцами стѣнъ, что танутся на цѣлыя версты отъ моря до моря безконечною каменною змѣею, вспалывая на холмы, ныряя въ долины...

Этихъ круглыхъ и четырехъ-угольныхъ башенъ—многія сотни... Большая часть совсѣмъ еще цѣлы и невредимы, но нѣкоторыя уже треснули, пошатнулись, разсѣлись на двое, широко распахнули свое черное нутро. Вотъ у одной передняя стѣнка отдѣлилась, будто ножомъ отрѣзанная, и не рассыпавшись, вся цѣлкомъ соскользнула въ глубокій ровъ... Такъ вѣрно цементъ старинной кладки, такъ несокрушима постройка древнихъ. Неприступныя и громадныя воротныя башни, всѣ эти Псамато-капу, Селиври-капу, Эдрене-капу, сохранились превосходно; ихъ, повидимому, никогда не переставали поддерживать, потому что съвозъ ихъ несокрушима толстѣйшія ворота подъ темными сводами, одѣтыя, какъ древнею броней, грубо склепанными циклопическими полосами ржаваго желѣза, до сихъ поръ пробѣгаютъ въ городъ, мимо укрѣпленныхъ караулокъ...

Ниже главной стѣны, за широкимъ рвомъ, другая стѣна, не такая высокая и не такая толстая, съ рѣдкими круглыми башнями, и уже гораздо больше разрушенная. Она слѣдуетъ за всѣми изгибами большой стѣны, составляя ей вторую ограду. Ниже ея еще ровъ, облицованный третьею стѣною, и, наконецъ, по сю сторону рва, почти у самаго шоссе, слѣды еще четвертой ограды, которая, вѣроятно, стояла на послѣднемъ наружномъ валу, теперь обращенномъ въ невинное шоссе...

Только на старинныхъ наивныхъ гравюрахъ, изображавшихъ какой-нибудь Вавилонъ или Ниневію, приходилось мнѣ до сихъ поръ видѣть такую длинную и такую живописную перспективу древнихъ стѣнъ и башенъ, исчезающихъ отъ взора и впереди, и назадъ...

Мы останавливали въ безмолвномъ удивленіи нашего возницу и подолгу любовались на характерные силуэты этихъ зубчатыхъ каменныхъ твердынь, что цѣлымъ воинственнымъ полчищемъ вырѣзались по изгибамъ византійскихъ холмовъ на глубокого-синемъ полуденномъ небѣ...

Ни мечетей, ни домовъ Константинополя не было намъ видно за этими высокими оплотами, и воображеніе создавало непобѣдимую иллюзію, словно мы дѣйствительно объѣзжали кругомъ древнюю Византію Юстиніановъ и Цимисхіевъ, въ тѣ далекіе вѣка, когда ея могучія стѣны чуть не ежедневно отражали босоногія толпы славянъ, защищая въ своихъ священныхъ оградахъ отъ этого надвигавшагося варварства весь разумъ, искусство и роскошь тогдашняго просвѣщеннаго міра...

Весна одѣла своею яркою жизнью этотъ необъятный каменный островъ почившихъ столѣтій...

Густой, свѣжимъ лакомъ сверкающій, плющъ мохнатыми шапками, ползучими шпалерами, широкими сплошными коврами убралъ крупныя выступы башенъ, зубцы стѣнъ и контрфорсы рвовъ; красный мажъ пробрызнулъ кое-гдѣ каплями свѣжей крови среди этой темнозеленой листвы, а цвѣтущія яблони и груши, буки, платаны, то по одиночѣ, то цѣлыми букетами деревьевъ, торчатъ на стѣнахъ, изъ стѣнъ, подъ стѣнами, со дна глубокихъ рвовъ, въ пустотѣ покинутыхъ башенъ, въ амбразурахъ и разселинахъ...

Широкія русла рвовъ обращены теперь въ садики, огороды, сѣнокосы. И по ту сторону шоссе, тоже сплошныя огороды да поля. Артишоки и салатъ, бобы и перецъ, чередуясь съ абрикосами и шельовницею, укрыли своею мирною плодоносною сѣтью это историческое поле мнговѣковыхъ ужасовъ и кровопролитія, а цѣлая армія поливальныхъ колодцевъ, медленно крутящихъ на своемъ колесѣ глиняныя черпачки, замѣнила собою камнеметныя машины, тяжеловѣсныя тараны и всякія „стѣнобѣйныя возни и хитрости“, когда-то осаждавшія эти стѣны...

Въ глубокой срединной долинѣ мы остановились долѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Стѣны и башни тутъ почти сбиты до лица земли и только беспорядочныя кучи камней напоминаютъ объ укрѣпленіяхъ...

Не здѣсь ли, не въ этомъ ли „поломѣ мѣстѣ“ лѣтописи и совершилась роковая катастрофа, перевернувшая судьбы столькихъ царствъ и народовъ, эта долго зрѣвшая кровавая отмстка мусульманской Азіи—христіанской Европѣ за мимолетное торжество ея крестовыхъ походовъ?

Несомнѣнно, что это то самое „худѣешее приступное мѣсто града“, на которое, по словамъ нашей Воскресенской лѣтописи, были устремлены всѣ усилія турокъ, и которое испросилъ себѣ у императора для защиты герой Джустиніани, „Зеновіанинъ, князь, именемъ Зустунѣя“, какъ величаетъ его лѣтопись.

Надъ этою долиною дѣйствительно висится холмъ Топъ-вапу, тѣ самыя грозныя „ворота Святого Романа“, противъ которыхъ съ такимъ яростнымъ упорствомъ цѣлыхъ два мѣсяца сряду бился всѣми своими избранными силами, каменными ядрами, пушками, осадными башнями, — неистовый Магометъ II, и которыя съ тѣхъ поръ стали носить историческое имя „воротъ пушки“, Топъ-вапу.

Я читалъ много описаній паденія Византіи, и въ греческихъ хроникахъ, и у европейскихъ историковъ, но ни одно изъ нихъ не рисуетъ такъ ярко, такъ потрясающе геройства и ужасовъ этой исполненной борьбы, какъ простыя и глубокія строки Воскресенской лѣтописи...

Это былъ дѣйствительно бой на жизнь и на смерть, бой ти-тановъ, а не людей. Развращенная и изнѣженная Византія XV-го вѣка возродилась на мгновеніе въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ и прикрыла свою могилу богатырскою доблестью Спарты и древняго Рима. Послѣдній Палеологъ, послѣдній Цезарь Римскій, свилъ геройскій и мученическій вѣнокъ своему, когда-то славному, посрамленному отечеству...

Рядомъ съ этимъ средневѣковымъ паладиномъ христіанства, воскресившимъ въ себѣ Готфрида и Танкреда, стоитъ другая колоссальная фигура — генуэзца Джустиніани... Его подвиги — это блестящая страница изъ жизнеописаній Плутарха, его образъ — это античная статуя классическаго героя... Съ 600 человекъ вѣрной дружины, на четырехъ небольшихъ галерахъ, онъ одинъ изъ всей христіанской Европы явился на призывъ христіанскаго императора — умереть за христіанство. Онъ пробился черезъ разгромленные имъ флотиліи турокъ и вошелъ въ осажденный Константинополь. Съ этого дня онъ сталъ его мечомъ, его знаменемъ, его душою. Вездѣ, гдѣ только грозила опасность, вездѣ, гдѣ стремѣло оружіе, гдѣ нужно было ободрить войска, изобрѣсти и приготовить средства отпора, опрокинуть ворвавшася врага, — вездѣ первымъ являлся „Зустунѣя“... Ночью онъ строилъ башни и разрушенныя стѣны, взрываетъ минами стѣнобитныя машины турокъ; днемъ онъ въ совѣтахъ царя, на зубцахъ бойницъ, во главѣ защитниковъ, „рыща по стѣнамъ, укрѣпляюще и понуждающе люди“. Мужи, крѣпкіе духомъ, крѣпкіе мышцами, бились на стѣнахъ христіанской столицы, но ихъ была ничтожная горсть

сравнительно съ несмѣтными полчищами побѣдоносныхъ варваровъ, облеглихъ кругомъ столицу, съ яростнымъ фанатизмомъ умиравшихъ тысячами во славу своего пророка.

„Единъ бѣяшеся съ тысячью, а два съ тмою“, говоритъ лѣтописецъ.

„Кій языкъ можетъ исповѣдати или изрещи тоя бѣды и страсти! падаху бо трупіа обѣихъ странъ, яко снопы со забралъ и кровь ихъ течаше яко рѣки. И наполнишася рвы трупіа челоувѣча до врѣху, яко чрезъ ихъ ходити туркамъ, аки по степенемъ, битися, мертвые бо имъ бяху мость и лѣствица ко граду: такоже и потоци и берега вокругъ града наполнишася трупіа, и илименю Галатскому кроваву быти: тако сильно и нещадно сѣчахуся...

35,000 турецкихъ труповъ насчитано было во рвахъ и на стѣнахъ только послѣ одного приступа. А что ни день, то новый приступъ, то новая кровь!..

„Турки на всѣхъ мѣстахъ бѣяхуся безъ престоани, день и ночь премѣняющесе, не дающе ни мало опочинути градскимъ людемъ“.

„И бысть сѣча зла и преужасна; отъ пушечнаго бою и отъ пищальнаго стуку, и отъ звуку звоннаго, и отъ гласовъ воплей, и отъ кричанія отъ обоихъ людей, и отъ трескоты оружія, такоже отъ плача и рыданія градскихъ людей, и женъ и дѣтей, яко земли колебаться и не бѣ слышати другъ друга, что глаголетъ; бысть яко громъ велій; отъ множества огня и стрѣлянія пушекъ и пищалей обѣихъ странъ дымное куреніе сгустився покры градъ и войско все, яко не видѣти другъ друга, съ кѣмъ ся бьетъ, и съ зѣльнаго духу многимъ умерети, и сѣчахуся имаяся на всѣхъ стѣнахъ, дондеже ночная тма ихъ раздѣли“.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ сряду возобновлялись безъ отдыха отчаянные приступы Магомета. Онъ приказалъ вылить двѣ новыя громадныя пушки, и заряжалъ ихъ каменными ядрами: „едино ядро въ волѣно, а другое въ поясъ“; онъ построилъ передъ стѣнами неприступную осадную башню, обитую сырыми кожами, наполненную землею... Эти пушки и машины свои направлялъ разгнѣванный султанъ все противъ своего заклятаго врага „Зустунѣи“, все противъ того „приступнаго полаго мѣста“, „гдѣ стѣна бѣ градская ветха и низка“, и гдѣ его полчища во всякій часть дня и ночи встрѣчали неотразимый мечъ этого ненавистнаго, неутомимаго и вездѣсущаго итальянца. Но „Зустунѣи“ сжигалъ въ ночныхъ вылазкахъ его неприступныя башни и разрывалъ своими мѣткими ядрами жерла его гигантскихъ пушекъ.

Много разъ турки овладѣвали стѣнами, врывались въ улицы, гоня передъ собою утомленныхъ и оробѣвшихъ воиновъ... На

встрѣчу бросался Зустунѣа съ горстью храбрецовъ или являлся на своемъ „фарисѣ“ неустрашимый богатырь—императоръ, и опять городъ очищался отъ поганныхъ, и рвы наполнялись ихъ трупами.

„Бѣ странно видѣти обоихъ дерзости и крѣпости!“—повѣствуетъ лѣтописецъ. „Постигшу же царю и нападаше на турки съ избранными своими и сѣчаше ихъ нещаднѣ и ужасно, ихже бѣ достизаше, разсѣкаше на двое, а иныхъ пересѣкаша на полы... турки же скликахуса противу крѣпости егѡ, и другъ друга понюкаше на нь, и всякимъ оружіемъ суляху его, и стрѣла безчисленны нанъ пушчаху. Царь же, одинъ имѣя мечъ въ рукѣ, сѣчаше ихъ, и бѣжаху отъ него изъ града къ разрушенному мѣсту“.

Напрасно убѣждали его патріархъ и сановники покинуть тайно столицу, которой угрожала явная гибель; императоръ не хотѣлъ ничего слушать, и рубился какъ простой воинъ, готовый умереть рядомъ съ ними... Гибель Зустунѣа—была гибелью Византіи... Еще 27 мая „прилетѣвъ изъ пушки ядро каменное на излетѣ и удари Зустунѣа по персемъ, и паде на землю“. Его отнесли въ домъ, панический ужасъ овладѣлъ безъ него всѣми; но и тяжело раненый Зустунѣа думалъ только объ одномъ. На утро онъ привазалъ опять нести себя къ проломамъ стѣны, на „полое мѣсто“; еще разъ вдохновленные имъ византіицы выбили ворвавшихся турокъ.

„Турки бо великою силою одолѣваху гражданъ. Стратиги же и вельможи, вѣушѣ съ Зустунѣемъ мужествоваху крѣпко, и падоша множество отъ обоихъ странъ. Но еже Богъ изволи, тому не преити: прилетѣвшѣ бо и излетѣ пушка и удари Зустунѣа, и срази ему десное плечо, и паде на землю аки мертвъ; и падоша надъ нимъ боляре его и всѣ его люди, кричаще и рыдающе, и отнесоша его прочь“.

Услышавъ смятеніе, турки снова массами ринулись въ городъ и погнали все передъ собою.

Императоръ-витязь опять остановилъ своей богатырской рукой побѣдоносныхъ варваровъ. „Турки же, видѣвши крѣпость и мужество царево, бѣжаша отъ него, и тако прогнаша турокъ къ полому мѣсту и оступившимся ту множество народа, побиша ихъ граждане безчислено, закалаху бо ихъ аки свиней“.

29 мая наступилъ наконецъ роковой послѣдній день Византіи.

Магометъ II, приведенный въ ужасъ непобѣдимымъ героизмомъ императора, ежеминутно опасавшійся его вылазокъ и приближавшейся по морю помощи, ночью подъ 20 мая уже собралъ было военный совѣтъ, чтобы начать отступленіе...

Но тутъ случилось нѣчто чудесное. Надъ спящимъ Царегра-

домъ повисла черная туча и изъ ея кровавыхъ глазъ стали капать крупныя слезы...

Муллы султана объявили ему, что это „знаменіе великое есть и граду пагуба“, и Магометъ II вмѣсто отступленія велѣлъ начинать приступъ... Видѣли это кровавое видѣніе и патріархъ, и всѣ граждане Византіи. Еще за нѣсколько дней случилось на ихъ глазахъ другое грозное знаменіе: ангелъ божій, охранявшій Святую Софію, въ видѣ пламени огненнаго, поднялся изъ Великой Церкви и ушелъ въ небо. Это Духъ Святой покидалъ осужденныя на позоръ и гибель святыни Византіи...

Весь синклитъ съ патріархомъ во главѣ явился умолять царя: „свѣтлѣйшій царь! Изыди изъ града, да не всѣ закупѣ погибнемъ, Бога ради изыди!“ — „Воля Господня да будетъ!“ — отвѣчалъ царь и непреклонно остался на своемъ посту...

Съ утра двинулъ Магометъ къ сокрушеннымъ уже стѣнамъ Византіи всѣ свои полчища, прикативъ пушки и тараны къ злополучному „полому мѣсту“... Защитники были сбиты, рвы завалены, и побѣдоносныя толпы ринулись въ городъ...

„Беглербей же восточный, великъ бѣ тѣломъ и мужественъ, вскричавъ, всею силою восточною нападе на греки и разбѣся полки ихъ и прогна, и вземъ копіе напусти на царя: царь же, подавъ ему щитъ, отвѣде копіе, и ударивъ его мечемъ въ голову и разсѣче на двое до сѣдла, и абіе возопиша турки многы гласы“... Магометъ, разъяренный смертью своего любимца, бросился въ ворота со всѣми своими силами; онъ велѣлъ наводить всѣ пушки и пищали на неодолимаго вождя христіанъ и отрядилъ 3,000 отборныхъ всадниковъ во что бы то ни стало пробиться до царя и покончить съ нимъ, хотя бы весь отрядъ легъ головами.

„Балтацлію же приспѣвши съ многими плѣкы, срѣтоша его на поломъ мѣстѣ, но не возмогша его удержати, и вниде въ градъ со всѣми плѣкы и наиде на гражданъ, и бысть сѣча крѣпчайшая всѣхъ прежнихъ, и падоша стратиги, и мегисталы, и всѣ вельможи... избѣенныхъ же гражданъ и турокъ не бѣ числа“...

А царь, между тѣмъ, молился слезною молитвою въ храмѣ Премудрости Божіей и, показавшись въ грѣхахъ своихъ, причастившись отъ патріарха святыхъ тайнъ, прощался съ своимъ народомъ.

„И абіе възопиша весь клирикъ, и весь народъ сущій ту, и жены, и дѣти, имже не бѣ числа, рыданіемъ и стокланіемъ,

яво мнѣтся церкви оной великой колебаться, и гласи ихъ, мню, до небесъ достигаху!“

— За мною всѣ, кто хочетъ пострадать за церковь Божию, за вѣру Христову!—крикнулъ императоръ, и вскочивъ на коня, бросился къ Золотымъ Воротамъ, гдѣ кипѣла злая сѣча... Больше 600 человекъ враговъ поразилъ на смерть своею могучею рукою вѣнчанный богатырь, и самъ наконецъ палъ подъ грудами изрубленныхъ имъ тѣлъ... „И обытсѣя рѣченное: Константиномъ създася и паки Константиномъ и скончася!“—замѣчаетъ лѣтописецъ.

Какой-то сербинъ принесъ ликующему Магомету голову его геройскаго врага.

Жестокосердный Османъ облобызалъ ее съ глубокою жалостію и отослалъ къ патриарху, чтобы обложилъ ее золотомъ и серебромъ и хранилъ какъ святыню... Одни говорятъ, что драгоценная реликвія скрыта до сихъ поръ подъ престоломъ Святой Софій; другіе увѣряютъ, что тѣло героя императора тайно похоронено въ Галатѣ. Турки показывали мнѣ въ глуши старыхъ базаровъ и переулковъ Стамбула въ вонючемъ лабиринтѣ мелкихъ лавченковъ и твацкихъ мастерскихъ, грубую каменную плиту, глубоко вросшую въ землю... Они убѣждены, что въ этомъ грязномъ заброшенномъ углу похоронены благочестивою рукою останки послѣдняго римскаго цезаря...

Нѣсколько шаговъ въ сторону отъ этой нищенской могилы—за желѣзною рѣшеткою—другая могильная плита, неумѣло убранная цвѣтущими растеніями... Мусульмане до сихъ поръ приходятъ сюда поклониться праху того турецкаго воина, который убилъ въ послѣдней кровавой схваткѣ богатыря императора и котораго Магометъ II, по преданію, велѣлъ казнить за то, что онъ не привелъ византійскаго императора живымъ къ побѣдителю-султану...

Х. — Среди турецкихъ кладбищъ.

Мертвая Византія окружена такимъ же громаднымъ вольцомъ мертвой Турціи: кипарисы мусульманскихъ кладбищъ, тѣсными траурными полянцами, какъ когда-то орды грозныхъ варваровъ, обступили кругомъ безмолвныя древнія стѣны, за вьющеюся нитью шоссе. Не выйдешь изъ нихъ, не проминешь ихъ! Густые лѣса черныхъ деревьевъ-монаховъ непрерывною чередою провожаютъ васъ слѣва, и подъ ихъ безжизненною сѣнью безчисленное каменное населеніе бѣлыхъ и росписныхъ памятниковъ, въ зеле-

ныхъ чалмахъ, въ старинныхъ высокихъ турбанахъ, въ красныхъ плоскихъ шапочкахъ, тѣсно нивою торчатъ изъ каменистой земли, словно земля, слишкомъ обильно усыпанная человеческими трупами, не могла поглотить въ свои нѣдра всѣ эти мириады скелетовъ, и оцѣтенилась теперь какъ будто во всѣ стороны пошатнувшимися каменными зубцами...

Два стана старыхъ враговъ честно легли востыми другъ противъ друга—разрушенныя стѣны, защитники, и противъ нихъ, кругомъ нихъ,—ихъ грозные побѣдители...

Покойтесь оба сномъ мира!

Нельзя не любоваться турецкимъ кладбищемъ... Тутъ столько благоговѣйнаго уваженія къ отошедшему въ вѣчность, столько человеческого достоинства и приличія...

Даже бѣднякъ старается почитать отца или брата своего не потибающимъ кускомъ мрамора и разукрасить, какъ только можетъ, этотъ мраморъ, напоминающій ему дорогого покойника...

Сюда приходите изучать турецкіе головные уборы всѣхъ вѣковъ—это самое почтенное и самое характерное для мусульманина наружное украшеніе человѣка, котораго онъ не снимаетъ даже передъ священными лампадами рихраба, передъ которыми онъ падаетъ ницъ, босоногій и колѣнопреклоненный. Вездѣ позолота и яркая краска! И особенно много красной и красно-зеленой... Золотыя солнца нерѣдко вѣнчаютъ вмѣсто уборовъ памятникъ женщины. Золотыя строки корана то-и-дѣлю живописно пестрятъ бѣлый фонъ мраморовъ...

Турецкая гробница—это каменный саркофагъ съ двумя высокими столбами, увѣнчанными шапкой, въ головахъ и ногахъ... Но бѣдныя ставятъ только два столба или двѣ узкія плиты торчкомъ... Они натканы густо какъ частоколъ, погнулись, повалились въ разныя стороны, и когда охватываешь разбѣннымъ взглядомъ въ полусумракѣ вечера эти несчетныя толпы разноцвѣтныхъ турбановъ и бѣлыхъ остововъ, то мерещится тебѣ, будто всѣ мертвецы кладбищъ вытѣзли изъ своихъ могилъ полюбоваться съ безмолвною скорбью изъ-подъ своихъ меланхолическихъ кипарисовъ на бѣгущую мимо живую жизнь...

Кипарисъ—дерево гроба, дерево смерти. Нетлѣнный цѣлыми столѣтіями въ своей набальзамированной древесинѣ, неподвижный какъ свернутая въ гробовые свивальники египетская мумія... Ни зелени, ни цвѣтовъ, ни отрады взору... Когда они тѣснятся печальнымъ дружнымъ строемъ вокругъ какой-нибудь старой могилы, тебѣ кажется, что это стоитъ рядъ гигантскихъ погребальныхъ свѣчей, укутанныхъ въ черный крепъ, или хоръ монаховъ въ

траурныхъ мантияхъ, отпѣвающій мертвато... Стоить разсмотрѣть поближе ихъ характерные стволы, ихъ неподвижные изгибы вѣтвей, словно вылитые изъ темносѣраго чугуна. Нигдѣ нельзя такъ хорошо изучить кипарисъ, какъ въ этихъ многовѣковыхъ, а можетъ быть, и тысячелѣтнихъ кладбищахъ Константинополя... Они тутъ толсты, мшисты и душлисты, какъ башни древняго замка...

Каждый такой могучій стволъ свить и слить изъ цѣлой пасмы тонкихъ стволовъ, перевитыхъ между собою какъ пряди желѣзнаго каната. Это даетъ несокрушимую крѣпость стѣнкамъ ствола, хотя бы время давно выгрызло его утробу. Листва кипариса—такая же желѣзная, такая же неподвижная. Она оцетинивается наружу плоскими и жесткими метлами, сквозь чащу которыхъ трудно протиснуться даже птицѣ, а внутри—совсѣмъ пусто и свободно въ этой зонтикомъ собранной метлѣ... Тамъ безопасно гнѣздятся, ползаютъ, прыгаютъ, какъ въ наглухо запертой клеткѣ, всякіе звѣри, птицы и гады, отъ бѣлки и крысы до ящерицы... Оттого-то самые, повидимому, массивные и плотные кипарисы просвѣчиваютъ насквозь, когда смотришь на нихъ противъ освѣщеннаго неба, оттого-то ихъ своеобразная листва даетъ столько поразительныхъ свѣтовыхъ эффектовъ живописцу-пейзажисту...

Эти живописныя рощи Турціи заняли-таки насъ! Ни у какого другого народа, даже гораздо болѣе цивилизованнаго, нѣтъ столько вниманія къ умершему. Живой Цареградъ весь, со всѣхъ сторонъ, окруженъ этими тѣнистыми жилищами мертвыхъ, не только Стамбулъ, но и Пера съ Галатой, и громадный Скутари... На самыхъ видныхъ господствующихъ холмахъ—вездѣ прежде всего торчатъ эти черныя рощи кипарисовъ. Кипарисы даютъ фizioномію величольпной столицѣ ислама, и безъ кипариса своихъ кладбищъ Константинополь пересталъ бы быть Константинополемъ. Откуда берется, откуда взялось у него столько мертвыхъ—просто диву даешься!.. Необъятный городъ кажется потонувшимъ въ могилахъ.

Могила не только вездѣ кругомъ охраняютъ входы и выходы живого Стамбула, облегаютъ его твердыни какъ осаждающая армія; могила и внутри его, по всѣмъ старымъ улицамъ, по всѣмъ крупнымъ артеріямъ, по которымъ протекаетъ наиболѣе дѣятельный токъ его жизни, за рѣшетками садиловъ, въ дворянскихъ „тюрье“ и мавзолеяхъ, въ обширныхъ оградахъ его безчисленныхъ мечетей. Вездѣ, на каждомъ шагѣ, назойливо торчитъ этотъ мраморный частокъ, сверхающій поволокой и красками своихъ торбановъ, вездѣ мертвая Турція словно торжествуетъ надъ живой... Сейчасъ видно страну, гдѣ нѣтъ выше клятвы какъ гробомъ своихъ отцовъ, гдѣ нѣтъ обиды болѣе кровавой, какъ оскорбленіе праха предковъ...

Тутъ не забываютъ, какъ кости издохнуваго пса, дорогіе сердцу останки и не поганять землю, освященную гробами.

Недалеко отъ Эдрене-капу, теперешнихъ адрианопольскихъ воротъ, мы наткнулись на похоронную процессію...

Мы осторожно приблизились къ ней, прикрываясь колоннадами кипарисовъ, чтобы не возмутить религіознаго чувства правовѣрныхъ.

Ярко разряженные люди несли на носилкахъ ящикъ, покрытый разноцвѣтными платками, въ предшествіи бородатыхъ бѣлыхъ чалмоносцевъ, гнусившихъ священныя пѣсни... Муллы проворно усьлись на корточки вокругъ свѣже-зіявшей могилки и еще проворнѣе вываливали изъ гроба на приготовленное ему сырое ложе плотно увитого покойника... Ящикъ-гробъ служить у разсчетливыхъ мусульманъ только въ качествѣ носилокъ...

Вся толпа турокъ и турчанокъ хлопотливо усьлись около могилки, громко болтая между собою, и ихъ красныя фески, ихъ щегольскіе женскіе уборы такъ весело пестрѣли между черными стволами кипарисовъ и мраморными скелетами кладбища, словно эта разряженная толпа пришла сюда не на похороны, а на нѣвѣсть какую радостную прогулку...

Фабрики мраморныхъ издѣлій, заваленныя сотнями готовыхъ гробницъ, тянутся рядомъ съ погребальными рощами по адрианопольской дорогѣ, но намъ нужно было свернуть въ сторону, еще дальше за городъ, въ область армянскихъ и греческихъ кладбищъ, къ знаменитому „живоносному источнику Бануклы“.

Къ Бануклы поворачиваютъ отъ Селиврійскихъ воротъ... Роща старыхъ платановъ и буковъ, издавна обращенная въ христіанское кладбище, окружаетъ этотъ маленький монастырекъ... Роща эта—остатокъ историческаго лѣса, ставшагося воокругъ древней Византіи.

Легенда говорить, что еще въ V-мъ вѣкѣ христіанства Левъ Великій, будущій императоръ, обрѣлъ на лѣсной охотѣ своей, по таинственному голосу, чудотворный источникъ. Онъ исцѣлилъ его струею глаза слѣпца, заблудившагося и умиравшаго въ лѣсу; потомъ, когда сталъ императоромъ, онъ воздвигъ надъ цѣлебнымъ ключемъ великолѣпный храмъ Богоматери. Съ тѣхъ поръ „Живоносный источникъ“ сталъ одною изъ популярнѣйшихъ святынь Византіи. Чудеса его разносятся по всему свѣту. Императоръ Юстиніанъ исцѣляется его водою отъ опасной каменной болѣзни

и строить надъ нимъ новый храмъ, не уступающій богатствомъ своимъ знаменитѣйшимъ храмамъ Царяграда.

Васалій Македонянинъ переноситъ къ этому храму свой лѣтній дворецъ. Всѣ цари Восточнаго Рима ежегодно въ день Вознесенія отправляются торжественнымъ шествіемъ изъ Византіи въ рощи Бануклы, къ „Живоносному источнику“, и совершаютъ у него священное омовеніе...

Разрушеніе Византіи турками разрушило, конечно, и святыню Бануклы... Благочестивая легенда повѣствуетъ, будто нѣкій старецъ, жившій у источника, услышавъ роковую вѣсть о паденіи Царяграда, отказался вѣрить ужасному слуху. „Тогда повѣрю, когда мои изжаренныя рыбки оживутъ и уйдутъ опять въ воды святого ключа!“ объявилъ онъ. И вдругъ, къ ужасу его, рыбки сошли и плеснулись въ воду...

Съ тѣхъ поръ онѣ вѣчно живутъ тамъ, не исчезая и не увеличиваясь ростомъ, увѣряютъ васъ проводники. Намъ тоже монахи показывали, хотя и не совсѣмъ увѣренно, этихъ таинственныхъ крошечныхъ рыбокъ, сновавшихъ въ прозрачномъ мраморномъ бассейнѣ Святого источника, внутри маленькой полу-подземной церкви, подъ огромною иконою Богоматери... Церковь эта устроена недавно, послѣ турецкой войны 1829 года, главнымъ образомъ усердіемъ русскихъ...

Графиня Анна Алексѣевна Орлова одна пожертвовала 50,000 піастровъ... Кромѣ маленькой часовни источника есть тутъ еще другая, довольно большая и богато убранная церковь, сіяющая свѣжестію своихъ лаковъ и красокъ какъ-то слишкомъ неумѣстно для возобновленной древности V-го вѣка... Но еще неумѣстнѣе и досаднѣе цѣлая выставка огромныхъ, какъ золото вычищенныхъ, мѣдныхъ блюде для сбора денегъ, разставленныхъ цѣлыми рядами, какъ сѣти на рыбу, предусмотрительными монахами во всѣхъ входахъ и выходахъ церкви. Въ церкви, впрочемъ, есть любопытные образцы старой греческой живописи по золотому фону, особенно оригинальная икона Ивана Крестителя съ крыльями херувима и собственной отрубленной головой на блюде въ рукахъ.

Къ другой, совсѣмъ полинявшей иконѣ съ неразличимымъ рисункомъ, очевидно, выкопанной изъ-подъ развалинъ прежнихъ храмовъ, благочестивые богомольцы прикладываютъ монетки, которыя, къ утѣшенію ихъ, сами собою прилипаютъ къ иконѣ... Грѣшная рука и неудобная молитва не въ силахъ произвести этого чуда, какъ увѣрялъ насъ красивый черноволосый монахъ, не по-монашески сверкавшій огнемъ своихъ черныхъ глазъ и яркими ланитами своего южнаго лица, живописно оттѣненнаго

черною греческою камилавкою. Обращаетъ на себя вниманіе и богатѣйшая плащаница съ рельефными, художественно выпитыми золотомъ, фигурами Христа и апостоловъ, даръ и работа нашей Арзамасской женской общины...

Вокругъ церкви, среди мраморнаго помоста двориковъ, великолѣпные бѣломраморные саркофаги константинопольскихъ патріарховъ Іоакима и другихъ, украшенные рѣзбою и императорскими двуглавыми орлами, наслѣдіемъ низвергнутыхъ деспотовъ Византіи, которые завѣщали ея духовнымъ вождямъ свой пышный титулъ и свои торжественныя одежды. Есть и нѣсколько частныхъ гробницъ, богатыхъ грековъ Фанара, вліятельныхъ патროновъ порабощенной церкви, удивительнаго великолѣпія и удивительнаго вкуса...

Гораздо болѣе отрадное впечатлѣніе произвелъ на насъ другой священный источникъ, лицомъ къ лицу съ древними стѣнами Византіи.

Въ зеленой заманчивой долинкѣ, среди старыхъ буковъ, предприимчивый армянинъ выставилъ подъ отертымъ небомъ вучку безхитростныхъ скамеечекъ и нѣсколько десятковъ соблазнительныхъ для правовѣрнаго „наргиле“, рядомъ съ походной кофейной... Приѣзжіе, утомленные тряскою рысцою своихъ осликовъ, и запыленные прохожіе съ наслажденіемъ протягиваются подъ этою идиллическою тѣнью, и проглотить неизбѣжную чашечку горячаго кофе, такъ кстати предлагаемаго услужливыми кафедами, садятся покаялать въ дружелюбный кружокъ, потягивая севозъ воду дымъ кальяновъ.

А тутъ, всего въ десяти шагахъ, черная дыра подземелья. Старый грекъ молча сводитъ васъ подъ его сырые своды и въ глубинѣ земли даетъ вамъ зачерпнуть мѣднымъ ковпичкомъ прозрачной, какъ слеза, воды изъ источника Святой Троицы... Убогія свѣчки прилѣплены къ закопченнымъ стѣнамъ, передъ облѣзлыми отъ сырости черными древними иконами, и одна скромная кружечка собираетъ скудныя подаванія... Турки почитаютъ эти священные „агіазмы“ древнихъ грековъ столько же, сколько и хрістіане, и ни одинъ благочестивый правовѣрный не пройдетъ мимо источника Святой Троицы, не опустивъ въ нее мѣдный пари... Мы тоже были рады отдохнуть отъ зноя въ тѣни деревъ, и близъ церкви мы развалились на зеленой полянкѣ, наслаждаясь провожавшею насъ непрерывною перспективою стѣнъ и башенъ и кипарисовыми рощами кладбищъ. Передъ нами сейчасъ же выросъ, словно по щучьему велѣнію, чистенькій подно-

сикъ съ крошечными чашечками кофе и стаканами холодной воды изъ святого ключа...

Эта душистая струя чернаго турецкаго кофе незамѣнима въ минуты усталости. Одинъ глотокъ его возрождаетъ силы человека лучше, чѣмъ стаканъ вина.

Проводники наши тоже подкрѣпили себя, и мы, совсѣмъ ободрившись, повернули теперь черезъ Эдрене-капу, въ тѣсныя переулки города. Намъ хотѣлось посѣтить самую отдаленную и самую древнюю святыню ислама — мечеть Эюба, сподвижника пророка...

Эюбъ былъ знаменосцемъ пророка и еще при первой семилѣтней осадѣ турками столицы императоровъ въ концѣ VII вѣка, палъ въ битвѣ подъ ея стѣнами...

Магометь II овладѣвъ черезъ 800 лѣтъ Византією, велѣлъ отыскать могилу святого мусульманскаго воина, и построилъ надъ нею, за старыми стѣнами Византіи, изъ разваливъ ея дворцовъ и храмовъ мраморную мечеть... Въ мечети этой издревле хранится величайшая святыня ислама — мечъ пророка. Турецкіе султаны, вступая на престолъ, опоясываются въ мечети Эюба мечомъ пророка, какъ наши русскіе императоры вѣнчаются на царство въ Успенскомъ соборѣ Москвы.

Турки такъ высоко чтутъ эту древнюю святыню свою, что ни за какіе башпиши не позволяютъ осквернить ее нечестивымъ лицедрѣніемъ гяуровъ... Только съ недавняго времени европейцы добились позволенія входить въ открытый дворъ мечети, осыненнй древнѣйшими неохватными платанами, можетъ быть, современными Эюбу.

Что мы ни дѣлали, къ кому ни обращались, сколько ни сулили, чтобы проникнуть цѣною презрѣннаго золота подъ недоступныя своды мечети, вездѣ встрѣчали только суровый отказъ, и негодующе-враждебные взоры. Сановитые, бородатые муллы въ зеленыхъ чалмахъ словно постигнуть не могли, какъ осмѣливаемся мы даже мечтать о такомъ неслыханномъ кощунствѣ.

Пришлось волей-неволей полюбоваться только на фонтанъ притвора, да на наружныя мраморныя украшенія мечети. За то мы насмотрѣлись на пеструю мусульманскую толпу, наполняющую этотъ обширный, мраморомъ вымощенный дворъ. Мы попали, какъ нарочно, на цѣлую вереницу похоронъ. Изъ рѣзныхъ воротъ мечети выносили, одного за другимъ, какихъ-то богатыхъ покойниковъ въ гробахъ, укутанныхъ дорогими шальями, увѣнчанныхъ фесками и цвѣтами, провожаемыхъ тѣсными толпами родныхъ. Всѣ эти правовѣрные мусульмане кидали на насъ изум-

ленно огненные взоры, очевидно, считая наше присутствіе при похоронахъ правовѣрнаго столь же умѣстнымъ, какъ мы, христіане, считаемъ умѣстнымъ присутствіе на нашихъ церковныхъ службахъ пса смердячаго.

Дѣлать нечего, повернули съ досадой оглобли, не солоно хлебавши у интереснаго Эюба, проперевши понапрасну Богъ знаетъ куда, и отправились въ другую, не столь священную, но гораздо болѣе доступную мечеть.

Кахрія-Меджиди, неподалеку отъ Адрианопольскихъ воротъ... Кахрія-Меджиди совсѣмъ спрятана въ ямѣ, въ тѣснотѣ домовъ, въ лабиринтѣ перепутанныхъ переулковъ. Ее мало кто знаетъ, даже изъ жителей Константинополя, и туристы рѣдко посѣщаютъ ее...

Мы пробрались въ ней пѣшкомъ, черезъ камни развалинъ, крутые спуски, проулочки, калиточки, потому что проѣзда къ ней рѣшительно нѣтъ...

Если бы не минаретъ, протѣнутый сбоку, не маленький полумѣсяцъ на верху прекраснаго круглаго купола, вамъ и въ голову не пришло бы, что это магометанская мечеть, — до такой степени неприкосновенно сохранился въ этой спрятанной въ глуши древней христіанской святыни обычный византійскій характеръ пятиглаваго храма. Мечеть, посѣщаемая очень рѣдко, была заперта, и пришлось ждать не менѣе получаса, пока добровольцы посыльные, турецкіе уличные мальчишки, основательно разсчитывавшіе на бакшишъ франковъ, привели цѣлою толпою заспаннаго муллу, хранителя заповѣднаго ключа...

Невозможно понять, какимъ чудеснымъ образомъ могли сохраниться въ такой цѣлости въ магометанской мечети, среди столпы ислама, ожесточенно истреблявшаго всякіе слѣды древнихъ святынь христіанства, тѣ чудныя мозаиковыя картины, передъ которыми мы остановились изумленные въ паперти Кахрія-Меджиди. Своды куполовъ и верхнія части стѣнъ притворовъ сплошь покрыты ими. Яркость красокъ и блескъ полировки этой вѣковой каменной живописи такъ свѣжи, какъ будто только сейчасъ отодвинулась отъ нихъ рука художника. А между тѣмъ это работа первой четверти XIV вѣка, пять съ половиною вѣковъ тому назадъ! Даже всѣ греческія надписи словно сейчасъ написаны. Рисунокъ строгаго и возвышеннаго средневѣковаго стиля, безцвѣнный для любителя византійскихъ образцовъ. Онъ исполненъ какого-то торжественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ умирительнаго благочестія... Цѣлыя многочленные сцены изъ священной исторіи покрываютъ мягкими ласкающими тонами своихъ нетлѣнныхъ

красокъ, будто драгоценною парчею, неописаннаго вкуса, внутренность старинной паперти; особенно хороши лучше всего сохранившіяся мозаиковыя фигуры святыхъ, на золотомъ мозаиковомъ фонѣ маленькихъ круглыхъ купольчиковъ ея...

Но въ самомъ святилищѣ мечети, мозаикъ уже слѣда нѣтъ. Верхняя половина маленькаго древняго храма, очевидно, состоявшая изъ сплошной мозаиковой живописи, густо побѣлена известью, какъ стѣны солдатской казармы; за то нижняя до сихъ поръ сверкаетъ своими изящными панелями и медальонами разноцвѣтныхъ красокъ чередующихся мраморовъ рѣдкаго узора; только на немногихъ скульптурныхъ изображеніяхъ этой мраморной облицовки тщательно стесаны лики святыхъ...

На что глядѣть сквозь пальцы фанатизмъ магометанина, ради грѣшныхъ земныхъ расчетовъ, у входа въ магометанскую святыню, то не терпится имъ ни подъ какимъ видомъ въ самыхъ предѣлахъ святыни...

Кахрія-Меджиди называлась у Византійцевъ „обителью Хоры“, то есть загородною, и была одною изъ древѣйшихъ церквей Константинополя. Въ день послѣдняго приступа, въ этотъ dies ігас Византіи въ нее была принесена изъ Акрополиса знаменитая икона Одигитріи, писанная Евангелистомъ Лукою и считавшаяся покровительницею Царяграда. Мѣстность „Хоры“ находилась въ самомъ жерлѣ боя. Увѣряютъ, будто первая полсотня турокъ, проникшая въ осажденный городъ, пробралась въ нее именно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ обителью Хоры, черезъ рововую калитку Керкопорта, заложенную въ теченіе многихъ вѣковъ и открытую только въ ночь послѣдняго приступа для вылазокъ войска, по злополучному совѣту нѣкоторыхъ стариковъ, знавшихъ ея тайну... Калитку забыли запереть въ хаосѣ битвы, и толпа турокъ, нечаянно наткнувшись на нее, вдругъ зашла въ тылъ храбрецамъ, защищавшимъ ворота св. Романа.

Обитель Хоры была, конечно, разграблена первою, и драгоценная икона Одигитріи разсѣчена въ куски мечами варваровъ.

Мы находились вблизи древней Влахерны, въ ея когда-то богатыхъ и населенныхъ кварталахъ; вкстати было посѣтить ея развалины. Крѣпостная стѣна, начиная отъ адрианопольскихъ воротъ, поворачивается въ городъ и идетъ уже до самаго Золотого Рога въ тѣснотѣ построекъ; дома тѣснятся къ ней, подъ ней, захватываютъ себѣ ее и отрываютъ ее кусками.

По сосѣдству съ адрианопольскими воротами, не доѣзжая Эгри-

вану, другихъ историческихъ воротъ, игравшихъ важную роль въ дни византійской осады, показали намъ грандіозныя развалины „дворца Велизарія“, который турки величаютъ теперь „Текуръ-Сарай“.

Это суровый замокъ въ видѣ громадной четырехъ-угольной башни, окруженной аркадами, грозно нависпій надъ стѣнами Византіи, опустѣвшій съ самаго дня ея паденія.

Очень можетъ быть, что это остатки того влахернскаго дворца императоровъ, въ которомъ провелъ свою послѣднюю ночь, въ молитвахъ покаянія, послѣдній изъ Константиновъ, и который первый запылалъ при взятіи города.

Отъ знаменитаго Влахернскаго храма, изумлявшаго нашихъ старинныхъ богомольцевъ своимъ неизреченнымъ богатствомъ и своими всемірными святынями, даваго по преданію начало нашей Кіево-Печерской Лаврѣ, — остался теперь одинъ обломокъ каменной арки. Влахернскій кварталъ былъ первымъ на пути ворвавшихся въ Византію магометанскихъ варваровъ и до сихъ поръ еще болѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Константинополя полонъ развалинъ и разрушеній...

Христіане еще не выстроили на этихъ славныхъ развалинахъ Дома Богородицы, гдѣ хранились нѣкогда ея поясъ и священные ризы, погружавшіяся въ волны моря противъ разбойничьихъ ратей Аскольда и Дира и носимыя какъ знамя императорами Византіи въ ихъ безчисленныхъ походахъ на варваровъ.

Только временная стеклянная часовня, наскоро сколоченная и аляповато разукрашенная цѣхомъ греческихъ скорняковъ, съ цѣлью собирать деньги на постройку церкви, стоитъ въ глубинѣ маленькаго садика, въ чертѣ этихъ историческихъ развалинъ и въ неумѣстномъ сосѣдствѣ съ турецкою кофейнею.

Въ часовнѣ все сверкаетъ безвкусіемъ, новизною и греческою корыстію, такъ что всякое подобающее настроеніе, поэтическое, историческое или религіозное, разлетается какъ дымъ... Подъ огромною серебряною иконою Влахернской Богородицы съ только-что нарисованнымъ свѣжею краскою яркимъ ликомъ, въ мраморномъ бассейнѣ — Священный ключъ, гдѣ въ былыя времена византійской славы, императоры, вступавшіе на престолъ, совершали торжественное омовеніе... Икона обвѣшана амулетами и жертвами всякаго вида, а на днѣ прозрачнаго источника и на огромныхъ, орудующихъ его мѣдныхъ блюдахъ скудно разбросаны монеты богомольцевъ...

Лучше вовсе не заходить въ эту казенно-торговую часовню и ограничиться нѣсколькими минутами одинокаго размышленія

надъ подлинными развалинами славнаго храма, среди грязи и запустѣнія, такъ характерно окружающихъ ее.

XI.—ВЕРТЯЩЕЯСЯ ДЕРВИШИ.

Монастырь „вертящихся дервишей“ страннымъ образомъ помѣщается не гдѣ-нибудь въ сердцѣ стараго мусульманскаго Стамбула, а среди модныхъ европейскихъ магазиновъ главной улицы Перы; мы прошли пѣшкомъ въ узкія ворота глубокаго дворика, въ задней части котораго прячется моленная дервишей. Это былъ обычный часъ службы, и посѣтители входили въ моленную впереди и позади насъ...

Нашъ драгоманъ пошептался что-то съ дервишемъ, стоявшимъ у двери, и провелъ насъ боковою дверчкою въ красиво убранную осьмиугольную залу съ рѣдкою колоннадою кругомъ... Помость колоннады отдѣляется рѣшеткою отъ середины залы; и посѣтители-европейцы, и турки-богомольцы въ однихъ чулкахъ остаются за этими рѣшетками, вокругъ пустой круглой арены, гдѣ молятся дервиши. Ничто здѣсь не напоминаетъ мечети. Ни михраба, ни каедръ, ни паникадилъ, никакихъ надписей и священныхъ изображеній, даже ни одного корана. Зала совсѣмъ мірская и даже нисколько не восточная, украшенная лѣпною работою, сверкающая необыкновенною чистотою половъ и стѣнъ. Публики уже набралось довольно, главнымъ образомъ, европейскою, служба уже шла.

Дервиши сидѣли въ разбросъ, кто гдѣ пришепсся, по всему середнему кругу, поджавъ подъ себя босыя ноги и опустивъ изнуренныя головы...

Всѣ они были въ своихъ характерныхъ высокихъ колпакахъ изъ верблюжьяго войлока и въ легкихъ разноцвѣтныхъ мантияхъ, накинутыхъ поверхъ зеленыхъ куртокъ и юбокъ...

Худенькій и маленькій шейхъ, съ зеленымъ тюрбаномъ про рока вокругъ рыжаго колпака, стоялъ впереди, лицомъ къ молящимся, на своемъ коврикѣ изъ крашеной шкуры газели; онъ читалъ молитвы какимъ-то уныло-усталымъ, смиренно-кроткимъ голосомъ, закрывъ свои земныя вѣжды и вперивъ духовныя очи свои въ кончики тощихъ ладоней, которыя онъ держалъ передъ своимъ лицомъ, словно открытую книгу, то-и-дѣло низко кланяясь молящимся. Заунывно и протяжно, словно сонные, отвѣчаютъ ему изрѣдка дервиши.

Они тоже закрыли глаза и безсильно поникаютъ почти до колѣнъ своими бритыми головами на худыхъ смуглыхъ шеяхъ,

будто одолѣваемые дремотой... Нѣкоторые уже давно лежатъ ничкомъ на землѣ, не шевелясь ни однимъ мускуломъ... Но вотъ на хорахъ передней колоннады дервишъ затягиваетъ пѣсню... Незаметно присоединяется къ нему еще болѣе жалобная турецкая свирѣль, и, переплетаясь съ живымъ голосомъ, наполняетъ залу своими безконечно извивающимися плачущими звуками...

Эти звуки ударяютъ будто бы смычекъ по скрипкѣ, по расстроганнымъ чертамъ неподвижно сидящихъ, ушедшихъ въ себя фигуръ съ закрытыми глазами, и отдаются въ нихъ судорожными нервными вздрагиваньями...

Изрѣдка къ поющимъ завываніямъ „жилейки“ начинаютъ присоединяться тамъ на верху глухіе удары барабана...

Словно какою-то постороннею силою, помимо воли своей, поднимаются одна за другой всѣ эти бессильныя дремлющія фигуры и двигаются медленнымъ церемоннымъ шагомъ вокругъ своей моельни. Теперь ужъ они безъ мантий, всѣ зеленые съ ногъ до головы, въ зеленыхъ курткахъ съ длинными спалзывающими рукавами, въ широчайшихъ и длинныхъ зеленыхъ юбкахъ, и въ своихъ полуаршинныхъ колпакахъ сами кажутся безконечно длинными...

Важно и плавно, будто тѣни, а не люди, скользятъ они неслышною поступью босыхъ ногъ вслѣдъ за своимъ маленькимъ благочестивымъ шейхомъ, не поднимая глазъ, неподвижно перекрестивъ на своихъ плечахъ распростертыя руки, съ изящною легостію по очереди перепрыгивая черезъ священный коверъ шейха и каждый разъ при этомъ оборачиваясь другъ къ другу съ глубокимъ церемоннымъ поклономъ...

Три раза обошли они залу этой торжественной процессіей, шейхъ отдѣлился отъ нихъ и сталъ опять на свой молитвенный коверъ... Между тѣмъ, на верху на хорахъ невидимая музыка и пѣнье разрастались все неудержимѣе... Уже много голосовъ съ силою инструментовъ приняли въ нихъ участіе...

Все быстрѣе и возбужденнѣе становился лихорадочный темпъ жилейки. Все громче и настойчивѣе, словно увлекаемый собственными звуками, стучалъ барабанъ, все торопливѣе, напряженнѣе и страстнѣе разливались поющие голоса... Они поднимались и вспучивались, какъ волна въ бурю, и наконецъ разразились какою-то неистово жалобною, безумною увлекаемою плясовою мелодіей...

Постепенно и неудержимо, вмѣстѣ съ звуками, лившимися съ хоръ, разрастались и учащались движенія дервишей... Они уже

не падаютъ больше, громко стуча лбомъ о полъ, при каждомъ ударѣ барабана...

Они текутъ теперь другъ за другомъ, мимо стоящаго шейха, и отбросивъ ему глубочайшій поклонъ, вдругъ словно подхватываются какимъ-то всесильнымъ вихремъ, невидимо наполнившимъ молельню...

Сначала тихо, чуть замѣтно, потомъ, сильнѣе и сильнѣе, начинаютъ они кружиться одинъ за однимъ на кончикахъ ногъ... Сами собою распадаются постепенно скрещенныя на плечахъ руки, и будто роковымъ силою вытягиваются дальше и дальше, при каждомъ новомъ поворотѣ, растялаясь наконецъ во всю свою длину, какъ крылья летящей птицы... Вотъ ужъ вся зала полна этихъ быстро крутящихся живыхъ волчековъ... Зеленныя юбки поднимаются вверхъ отъ этого вихря и стелются широкими плоскими кругами, безостановочно мелькающими въ глазахъ вокругъ торопливо вертящихся ногъ...

Безумная круговая пляска наполняетъ собою все: пляшетъ музыка тамъ на верху, съ своими барабанами и свирѣлями, пляшетъ все здѣсь въ круглой молельнѣ, и даже, кажется, у насъ въ головахъ и въ глазахъ начинается тоже заразительная нервная пляска...

Но это не пляска земного веселья, къ какой привыкъ человѣкъ, какая радуетъ человѣка. Это пляска какой-то фанатической замогильной грѣзы, невидящей земли и людей, погруженной въ историческій экстазъ только о небѣ и о небесномъ...

Я съ замираньемъ сердца, съ глубокимъ психологическимъ любопытствомъ всматривался въ лица вертѣвшихся мимо меня дервишей. Всего сильнѣе поразили меня дервиши-юноши.

Одинъ, худой, длинный, непомѣрнаго роста, трепеталъ какъ въ лихорадкѣ всѣми своими нервными жилками, и въ неистовой быстротѣ своего круженья, казалось, разомъ хотѣлъ охватить всю залу въ разгоряченныя объятія своихъ далеко вытянутыхъ громадныхъ рукъ... Другой, совсѣмъ почти ребенокъ, съ чуть пробившимся пухомъ надъ верхнею губою, съ жгучими и томными глазами, далеко откинулъ назадъ свою красивую смуглую голову и двигался плавными изящными кругами въ какомъ-то восторженномъ забытьѣ, словно въ упоеніи горделиваго счастья, ему одному теперь зримаго и ему одному доступнаго... Этотъ былъ несомнѣнно не на землѣ, а на небѣ, среди журчащихъ фонтановъ и гурій магометова рая... Петь градомъ лилъ съ его лица, и каждый мускулъ его дрожалъ какъ листъ въ этомъ страстномъ припадкѣ минутнаго сомнамбулизма.

Только одинъ старый дервишъ, не скидавшій ни мантии, ни обуви, не принималъ участія въ круженіи, а двигался между этими безшумно и безумно вертѣвшимися живыми волчками, не задѣвая ни одной вытянутой руки даже сладкою своихъ одеждъ, степенно и чинно, изумительно разсчитывая свои шаги, будто онъ не шелъ, а плылъ по скользкому полу, съ растроганнымъ плачущимъ выраженіемъ своего кроткаго лица... Повидимому, и у него на душѣ, какъ въ душѣ этихъ кружившихся фанатиковъ, стояло тоже яркое сладостное сновидѣніе, заслонявшее отъ его глазъ и насъ всѣхъ, правдою глазѣвшихъ на его молитвенные восторги, и все, что было теперь кругомъ него, живого и дѣйствительнаго... Три раза совершалъ свой медленный кругъ по моделинѣ старый дервишъ, и послѣ каждаго трехъ разъ отдыхали и снова пускались въ этотъ страстный религіозный вихоръ обливавшіеся потомъ дервиши... Нѣсколько старыхъ дервишей, стоявшихъ за колоннами, накинута наконецъ на дрожавшихъ плясунуновъ ихъ верхнія мантии и пляска окончилась...

Маленькій шейхъ растроганно поклонился порадовѣвшимъ братьямъ сначала низко въ поясъ, потомъ въ землю, и послѣ церемоннаго всеобщаго „селяма“, вся процессія дервишей, со старцемъ шейхомъ во главѣ, съ важною и безшумною медленностію стала уходить, будто уплывать въ настѣжъ отърывшіеся вдругъ двери молельни...

XII. Принцессы Острова.

Хотѣлось познакомиться и съ загородными прогулками Царяграда. Босфоръ мы уже знали, и оставалось съѣздить только на „Сладкія Воды“ да на Принцессы острова... „Сладкія Воды“ — своего рода Bois de Boulogne константинопольской знати. Въ пятницу тамъ толпятся въ своихъ модныхъ варетахъ всѣ гаремы богатыхъ турокъ; весь цвѣтъ многочисленной и тароватой европейской колоніи. Но что они дѣлаютъ тамъ, чѣмъ наслаждаются, — вѣдаетъ одинъ Аллахъ! Чтобы попасть на эти „Воды“, нужно проглотить неизмѣримое количество праха земного и ощупать своими боками всѣ толчки безконечной константинопольской мостовой и еще болѣе длиннаго, и еще болѣе пыльнаго шоссе.

Поднимаемся мимо знаменитаго мраморнаго фонтана Топъ-Хане, мимо цѣлаго квартала роскошныхъ мечетей, тюре, казармъ и арсеналовъ, этого важнаго артиллерійскаго центра Константинополя, прилетнаго въ самой гавани Галаты; поднимаемся крутыми вьющимися переулками на такъ-называемую Глазную

улицу Перы. По обѣимъ сторонамъ большіе европейскіе дома, дворцы посольствъ и консульствъ подъ государственными гербами, огромныя казенныя зданія разныхъ высшихъ ижево, госпиталей, казармъ, и вездѣ, гдѣ только можно, сплошные ряды роскошныхъ европейскихъ магазиновъ, которые хотя нѣсколько сообщаютъ этой узенькой турецкой улицѣ характеръ европейской столицы. Ковры, шали всевозможные *objets du luxe* въ восточномъ вкусѣ на всякомъ шагѣ бросаются въ глаза. Мы добросовѣстно наблюдаемъ и рассматриваемъ эту искусственную цивилизацію, бесплодно привитую неугомоннымъ европейцемъ апатическому тѣлу безнадежнаго восточнаго человѣка. Улица Перы тянется безконечно далеко по гребню продолговатаго холма, и изъ садиковъ своихъ открываетъ всевозможныя перспективы на Босфоръ, Стамбулъ и азіатскій берегъ. Недалеко отъ ея конца, въ сторонѣ стоитъ скромная русская церковь, напоминающая архитектурой довольно бѣдныя деревенскія церкви, и при ней русскій госпиталь.

Признаюсь, въ столицѣ Константины, откуда приняла въ Россію вѣра православная и у воротъ которой столько разъ стояли побѣдоносныя русскіе орлы, хотѣлось бы видѣть что-нибудь болѣе величественное, болѣе достойное и православной вѣры, и державы русской... Только-что выйдешь изъ Перы, вась охватываетъ самое скучное, самое пустынное поле, словно вы находитесь за тысячу верстъ отъ всякой столицы. Скудныя нивы овса и пшеницы тянутся по мѣловымъ буграмъ и глинистымъ ложинкамъ, обзовы ословъ и лошаковъ тянутся въ облакахъ пыли... Шоссе не обсажено ни одною тычинкою на пространствѣ многихъ верстъ, хотя по немъ, чуть не ежедневно, катается дворъ султана и высшіе его сановники.

Константинополь теперь словно въ землю вдругъ провалился: ни домовъ, ни кипарисовыхъ рощъ, ни мечетей, ни даже клочка моря!.. Пыльное поле да пыльная дорога—ничего больше. Удивительная прогулка для фешенебельной публики роскошной столицы востока!

Признаюсь, самыя сладкія воды покажутся горькими, когда приходится печься часа два на жару и глотать известковую пыль изъ-подъ копытъ ословъ...

Наконецъ, шоссе начинаетъ спускаться зигзагами въ глубокую и широкую долину, орошенную ручьемъ, заросшую зеленью, застроенную деревнями...

Это-то и есть „Сладкія Воды“, которыя поминаетъ наша Воскресенская лѣтопись еще при основаніи Константиномъ Царяграда. Ручей ихъ впадаетъ въ вершину Золотого Рога, такъ-что

публика прїѣзжаетъ на гулянье не только въ экипажахъ, но и въ каюкахъ. Почти у самаго впаденія Сладкихъ Водъ въ заливъ стоитъ лѣтній султанскій дворецъ въ огромномъ тѣнистомъ паркѣ, который тянется вдоль ручья до самыхъ деревенекъ въ глубинѣ долины. Тутъ ужъ и шоссе обсажено старыми платанами, которые обращаютъ его въ великолѣпную аллею для прогулокъ... На берегу устроены бараки съ буфетами и кофейнями, и столики для посѣтителей, подъ вѣковыми деревьями... Освѣжившись чѣмъ было можно, мы попытались проникнуть въ дворцовый паркъ. Стражъ потребовалъ 2 меджидіа, а мы ему предлагали только 2 франка. Драгоманъ насъ помирилъ на 1 меджидіи съ условіемъ, что намъ покажутъ и дворецъ. Въ сущности ни паркъ, ни дворецъ, ни самое гулянье не стоятъ того, чтобы тратить на нихъ время и деньги. Живя здѣсь, конечно, можно отлично надыхаться въ этомъ заброшенномъ какъ лѣсъ паркѣ, недавно еще зѣринцѣ султановъ, и вдоволь поваляться на его мягкихъ лужайкахъ, но осматривать его туристу—просто комично. Дворецъ, блиставшій роскошью при Абдуль-Азизѣ и Мурадѣ, теперь въ совершенномъ запустѣніи.

Громадные пустыри комнатъ, громадные, подъ самый потолокъ, зеркальныя окна сажени въ двѣ вышины, громадные старинныя зеркала въ синихъ и зеленыхъ хрустальныхъ рамахъ восточнаго рисунка, кое-какіе остатки богатой мебели въ залахъ гарема, да покинутыя мраморныя купальни одалискъ,—все это не можетъ дать настоящаго понятія о дѣйствительной обстановкѣ этого султанскаго прїюта нѣги. Изъ дворца только-что выѣхалъ жившій въ немъ шведскій принцъ, и уже всѣ вещи и мебель опять спрятали подъ замки и печати въ кладовыхъ нижняго этажа. Блюститель султанскаго дворца очень безповолился, что насъ захватить во дворецѣ кто-нибудь изъ гарема, такъ какъ въ этотъ часъ обыкновенно являются оттуда султанши и дѣтки ихъ пользоваться полуденнымъ воздухомъ сада, но какъ жалобно ни умолялъ онъ насъ ускорить свой осмотръ, мы считали себя въ правѣ за уплаченный меджидіе бродить по владѣніямъ падишаха сколько нашей душѣ угодно.

Возвращаясь въ Константинополь, мы, однако, убѣдились, что безкорыстный стражъ не вралъ, ибо мы точно встрѣтили на спускѣ въ долину султанскую карету съ расшитыми золотомъ гайдуками и вершниками, въ которой важно воссѣдалъ какой-то черноглазый носалый мальчуганъ въ золотой курткѣ подъ ѳигидою парадно одѣтой европейской дамы, очевидно, бонны или гувернантки.

Принцезы Острова верстахъ въ 20 отъ столицы, въ томъ южномъ рукавѣ Мраморнаго моря, которое образуетъ дальше Никомидійскій Заливъ.

Мнѣ совсѣмъ было не удалось попасть на эти острова. Только-что мы отѣхали въ четверомъ съ капитаномъ и женою его на какомъ отъ парохода, откуда ни возмись полицейская лодка, на бѣломъ флагѣ красными буквами выписано по французски: Police.

— Паспортъ!

Меня немножко раздосадовало это неумѣстное требованіе, когда я столько дней ѣздилъ въ городъ безъ паспорта, а теперь даже и въ городъ не ѣду, а хочу только сѣсть на пароходъ. Паспортъ былъ въ каютѣ и возвращаться не хотѣлось.

— Это третій помощникъ капитана, — совралъ-было капитанъ. Онъ по корабельному списку значится, безъ паспорта. Но губатый полицейскій въ красной фесѣ только свептически оскалилъ зубы.

Оказалось, что онъ знаетъ въ лицо всѣхъ помощниковъ. Дѣло, конечно, въ бакшишѣ, но я именно возмущенъ противъ этого. На моихъ глазахъ французъ съ женою съ нашего же парохода высадили въ Константинополѣ безъ всякаго паспорта и безъ всякихъ бакшишей, только разругавъ всѣхъ, кто приста-валъ къ нему. Стало обидно за русскихъ. Почему же и намъ не отдѣлаться одною ругнею, какъ этотъ гражданинъ республики?

Каюджи, между тѣмъ, бросилъ весла, отказывается грести дальше подѣ угрозами полиціи. Что тутъ дѣлать? Ругались, ругались, — вези къ берегу! Къ полицейскому начальнику...

Подѣхали къ берегу. Тамъ толпа, и, кажется, всѣ начальники. Заступили грудью дорогу какой-то толпѣ туристовъ, вылѣзающихъ съ горемъ пополамъ изъ яликовъ, и тоже требуютъ паспортовъ или бакшиша.

— Почему нашего пассажира не пускаютъ на пароходъ? онъ только на Принцезы Острова, и къ вечеру же назадъ... — объясняетъ капитанъ.

— Потому что на пароходѣ вашемъ скрылось два мошенника съ русскими паспортами, и мы должны сторожить ихъ... — важно отвѣчаетъ начальникъ ломаннымъ французскимъ языкомъ.

— На пароходѣ только два мошенника, а у васъ ихъ тутъ полна Турція! — сорвалось вдругъ у меня съ раздосадованнаго языка...

Громкій сочувственный смѣхъ стоявшихъ на берегу туристовъ до такой степени озадачилъ бѣднаго начальника, что онъ скон-

фуженно пропустилъ ихъ мимо себя и махнулъ нашему каюджи мирно продолжать путь...

Ругательство восторжествовало и на сей разъ.

Пока мы воевали съ неумѣстной турецкою полиціею, турецкій пароходъ, совершающій рейсы въ Принцевы острова, уже развелъ пары и сталъ работать колесами; мы чуть успѣли вскочить въ него, благодаря хладнокровію и опытности нашего капитана, который почти на ходу велѣлъ спустить трапъ.

Пароходъ былъ набитъ народомъ, какъ боченоеъ сельдями, тѣмъ не менѣ несея ходко, сначала въ Скутари, куда онъ высаживалъ цѣлыя толпы, спѣшившія на исмидскую желѣзную дорогу, и принималъ цѣлыя толпы, а потомъ къ островамъ. Принцевы острова—это какія-то прелестныя игрушечки среди прелестныхъ голубыхъ волнъ Мраморнаго моря; ими нельзя налюбоваться досыта!.. Одинъ хорошенькій островокъ за другимъ, съ зелеными рощицами, съ живописными скалами, съ чистенькими пестрыми городками, облитыми яркимъ солнцемъ. Сначала Проти и Антигона, потомъ Хален съ своими знаменитыми монастырями и духовными школами, потомъ Принкипо, самый посѣщаемый изъ всѣхъ острововъ, обращенный въ сплошной городъ дачъ и садиковъ. Мы останавливались у гаваней каждаго острова, а вышли только въ Принкипо.

Берегъ пестрѣетъ длинными развѣвающимися флагами всѣхъ націй, которыми обильно утыканы балконы и крыши ресторановъ и отелей... Тутъ ужъ Турціи слѣда нѣтъ. Это лѣтняя резиденція богатаго цивилизованнаго грека и европейца. Изящныя виллы съ цвѣтничками, садиками, мраморными террасами, висячими, цвѣтами осыпанными балкончиками, статуями, лѣсенками, тянутся у подножія горы, вдоль извилистаго берега, обращая его въ какой-то волшебный уголокъ отдыха и наслажденія... Красавицы-гречанки смотрятъ на васъ съ своихъ тѣнистыхъ балкончиковъ сквозь листья тропическихъ растений, яркія, какъ цвѣты, статныя какъ мраморныя статуи, украшающія ихъ садики...

Мы выбрали отель Джіакомо, откуда открывается неописанно-прекрасный видъ на море.

Тутъ лучший ресторанъ и самая парадная публика. Передъ поѣздкою въ горы нужно было поѣсть поплотнѣе, и мы дѣйствительно отлично позавтракали на открытой террасѣ, висящей надъ обрывами моря. Мы не захотѣли трастись на ослахъ и наняли открытую четырехъ-мѣстную коляску, чтобы объѣхать весь островокъ до самаго подножія монастыря святаго Георгія. Дорога опоясываетъ улиткою скалистыя вершины острова, и всѣ его хорошенькіе

уголки открывались намъ одинъ за однимъ à vol d'oiseau, въ этомъ трехъ-часовомъ карабканьѣ нашемъ по скаламъ Принеипю. Мы не спѣшили и не томились этою медленностью, впивая свободно грудью лѣсной воздухъ горъ и тихо наслаждаясь мѣнявшимися вокругъ насъ прекрасными видами. Въ глухомъ углу берега, противъ пустынной каменной скалы сосѣдняго островка, мирно пріютились заводы греческихъ рыбаковъ. Тысячи маленькихъ скумбріей, сверкавшихъ металлическимъ отливомъ стали, были нанизаны тѣсными рядами на длинныя веревки, и веревки эти тянулись густою сѣтью у шалашей завода, точно сплошная плоская крыша изъ блестящихъ сѣрыхъ черепицъ...

Вверху, на скалахъ, прячется въ лѣсистой впадинѣ весь окруженный развалинами древній скитъ святого Николая; другой старый монастырь Христа видѣнъ дальше и выше. Но и вездѣ по сторонамъ дороги осыпи и развалины стѣнъ. Въ прежнія времена цвѣтущій островокъ былъ до самой макушки покрытъ жилищами человѣка. У подножія святого Георгія опять отели съ флагами и террасами, съ отдыхающей публикой, съ ослиами и носилками. Мы бросили здѣсь коляску и отправились карабкаться пѣшкомъ на монастырскую скалу, самую высокую точку острова. Подъемъ требуетъ около полчаса и съ непривычки утомителенъ въ жаркую пору.

Въ крошечномъ монастырѣ даже нѣтъ церкви, а только домикъ для монаховъ. Это нѣчто въ родѣ подворья какой-то греческой лавры въ Пелопоннесѣ, куда изстари присылали на излѣченіе душевно-больныхъ. Монастырекъ стоитъ на выдающемся пикѣ острова, среди хаоса камней. Однако, группы старыхъ платановъ даютъ порядочную тѣнь путешественнику. Мы уже нашли подъ ними двѣ веселыя компаніи итальянцевъ, — шкиперовъ или мелкихъ торговцевъ, которые сидѣли, скинувъ сюртуки, вмѣстѣ съ своими мало церемонными дамами, вокругъ большихъ расписныхъ кувшиновъ съ мѣстнымъ винцомъ, и потягивали изъ него, очевидно, не первый стаканчикъ, наполняя эту тихую горную пустыньку своимъ простодушнымъ демократическимъ хохотомъ и своими застольными пѣсенками, которыя даже ихъ прекрасныя половины выводили не совсѣмъ твердымъ голосомъ...

Мы постарались уединиться отъ этихъ своеобразныхъ монастырскихъ гостей сколь возможно дальше, и устроились за своимъ невиннымъ лимонадомъ надъ самымъ обрывомъ пика, открывавшимъ намъ во всѣ стороны безпредѣльные горизонты.

Мы словно висѣли теперь въ воздушныхъ высяхъ на крыльяхъ

птицы и озирали всю неизъяснимую красоту, въ которой плавала и мѣла очарованная душа.

Рѣдко выпадаетъ такой чудесный денекъ даже въ этомъ счастливомъ краю ясныхъ и яркихъ дней. Еще рѣже видишь это теплое голубое море такимъ безпорочно лазурнымъ, такимъ нѣжно-ласкающимъ... Оно стлалось во всѣ стороны отъ насъ, куда хваталъ глазъ, и все трепетало, сіяло, переливалось какимъ-то радостнымъ лучистымъ трепетаньемъ своей упругой прозрачной зыби, осыпанной и пронизанной насквозь огненными искрами полуденнаго солнца.

И на этомъ волыхающемся фонѣ голубыхъ водъ вырѣзались съ волшебною яркостью красокъ, съ фантастической живописностью, неподвижныя мраморныя изваянія острововъ съ ихъ красными изломами скалъ, съ ихъ гущами зелени, съ ихъ бѣленькими и желтенькими домиками-игрушечками, — раскиданныя, будто драгонѣвныя рѣзныя бездѣлушки по этой чудной лазурной скатерти...

А тамъ, въ манящихъ даляхъ горизонта, будто написанный по голубому фону далекими огнями солнца, отдѣляя дѣвственную лазурь неба отъ такой же чистой лазури моря, вырисовывалъ свои блѣдныя и нѣжныя контуры, бѣлыя иглы своихъ минаретовъ и бѣлыя куполы своихъ мечетей, древній историческій Царьградъ и его азіатскій близнецъ Скутари, отрѣзанный отъ него синею лентой водъ.

Оглянитесь назадъ — тамъ та же дрожащая радостнымъ огнемъ струющаяся голубая зыбь...

Но ужъ за нею пустынные лилово-синіе хребты Никомедійскихъ горъ, утопающіе въ таинственныхъ туманахъ азіатскаго берега. Косые бѣлые паруса судовъ, будто крылья готовыхъ подняться чаекъ, и быстро бѣгущіе паучьи-парсходы весело пестрятъ эту гигантскую чашу водъ, глубоко налитую между предѣлами двухъ міровъ...

Мы долго впивались глазами во всю эту ширь и красоту чудной картины. Какая-то сладкая истома охватила насъ, хотѣлось бы вѣкъ свѣковать въ этомъ уголкѣ рая, подъ этимъ солнцемъ, надъ этимъ моремъ, среди этихъ чарующихъ островковъ.. Нужно изумляться близорукости и неблагоразумію людей, которые получили отъ слѣпой судьбы всѣ условія блаженной жизни на землѣ и не умѣютъ понять, гдѣ искать и въ чемъ найти это блаженство. Мы поняли теперь поѣтовъ-монаховъ и мудрыхъ житейскихъ философовъ, патріарховъ и митрополитовъ Греціи, которые издревле возлюбили эти тихіе счастливые островки и избирали ихъ мѣстомъ

своихъ молитвъ, своего отдыха, своей кончины... Вонъ тамъ видѣтъ теперь, съ нашей каменной осыпи, весь, какъ на ладони, гористый мысъ острова Халки, съ своимъ стариннымъ монастыремъ, основаннымъ еще Фотіемъ, съ своей знаменитой духовной академіей, гдѣ одинъ за другимъ скончали свое житіе многочисленные вселенскіе патріархи Константинополя... Они и до сихъ поръ удаляются на покой съ своихъ бурныхъ и непрочныхъ престоловъ въ эту райскую пустыню...

Половина ихъ, впрочемъ, и здѣсь кончала турецкою веревкою. Въ монастыряхъ Халки почти столько же гробницъ, сколько костей мучениковъ... Въ XVII столѣтіи, напримѣръ, въ теченіе 35 лѣтъ, удушены и повѣшены здѣсь турками одинъ за другимъ три вселенскихъ патріарха.

Вообще трудно себѣ вообразить, да и повѣрить не хочется, какъ обильно улиты кровью христіанскихъ царей и христіанскихъ іерарховъ живописные камни этихъ поэтическихъ островковъ!..

Они называются Принцевыми не безъ причины и ужъ вовсе не по той причинѣ, что могутъ служить достойнымъ пребываніемъ принцевъ...

Нѣтъ, это многовѣковая раззолоченная тюрьма принцевъ, обычное мѣсто ссылки, заточенія, а часто и казни, всѣхъ членовъ византійскаго царскаго рода, которымъ по игрѣ судьбы не оставалось мѣста въ дворцахъ Константинополя, сверженнымъ цесарямъ, неудачнымъ соперникамъ, опаснымъ претендентамъ, овдовѣвшимъ царицамъ, сиротамъ царевичамъ...

Въ могилахъ Халки покоятся наши русскія восты.

Тамъ содержались долгое время въ 1829 г. наши военнопленные офицеры и солдаты. До 300 человекъ изъ нихъ не выдержали тягостей турецкаго плѣна и погребены внутри обширной ограды, у воротъ Успенскаго монастыря, подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ...

Надъ ними стоитъ гранитный памятникъ, сооруженный на жертвы уцѣлѣвшихъ товарищей ихъ плѣна.

Ночь мы провели на пароходѣ „Цесаревичъ“, который завтра снимается въ Александрію.

Долго за полночь стояли мы съ капитаномъ на опустѣвшей рубкѣ. Этотъ бравый рагузанецъ, изучавшій свое дѣло въ морской академіи въ Венеціи, славянинъ по тѣлу и духу, былъ противъ австрійцевъ за возставшую Венецію подъ знаменемъ Даніила Манина и долженъ былъ покинуть австрійскій флотъ. Истинный

морякъ и истинный хозяинъ корабля, онъ знаетъ и любитъ море какъ морская чайка.

Мы съ нимъ стояли, тихо бесѣдуя, а вокругъ насъ незримо вставала и охватывала насъ своими фосфорическими струями волшебная лунная ночь.

Черныя неподвижныя громады пароходовъ, казавшіяся вдвое громаднѣе отъ неподвижно опрокинутыхъ въ темный омутъ черныхъ отраженій своихъ, заслоняютъ намъ первый планъ. Цѣлая куча египетскихъ пароходовъ, только-что пришедшихъ изъ Александріи, сбилась сплошнымъ чернымъ островомъ вправо отъ насъ, и только высоко вздернутые красные огни ихъ круглыхъ фонарей смотреть, какъ налитые кровью глаза, изъ чернаго лѣса перепутанныхъ мачтъ, рей и веревокъ, характерно вырѣзающихся на освѣщенномъ небѣ.

Куда ни взглянешь, всюду неподвижно дремлютъ эти черныя пароходы, будто сонныя чудовища на стражѣ. Поближе длинный изящный французъ изъ *Messagerie Maritime*, дальше гигантъ-океаниецъ, привалившій изъ Индіи цѣлое англійское населеніе, а кругомъ, со всѣхъ сторонъ этого, чуть переливающего своею таинственною серебряною чешуею моря-озера, прилегли сверкающіе мириадами огней и въ то же время въ упоръ облитые луннымъ свѣтомъ гористые берега громаднаго Царяграда, и холмы Стамбула, и крутые скалы Перы, и жадно припавшія къ морю тѣсныя улицы Галаты, и убѣгающіе безконечною чредою дворцы и деревни Босфора и азіатской Скутари со своими многочисленными предметами, а тамъ, еще дальше, замыкая въ одинъ сплошной огненный вѣнокъ, всѣ эти безчисленные огни Авіи и Европы, чуть видныя скалы Принцевыхъ острововъ.

Одинъ необъятный огненный городъ охватилъ кольцомъ, обступилъ торжественнымъ многояруснымъ амфитеатромъ это кипящее огнемъ море-озеро, а надъ нимъ сіяетъ въ недостижимой высотѣ и опровергается трепещущею и искривающеюся бездною въ его темные омуты, — усыпанный частими звѣздами, залитый яркимъ свѣтомъ луны, еще болѣе необъятный и еще болѣе торжественный сводъ неба.

И все тихо струится, серебрится, мигаетъ и сверкаетъ — какъ въ какомъ-то фантастическомъ сновидѣніи, тамъ на высокомъ небѣ, и тамъ на далекихъ берегахъ, и здѣсь во влажныхъ нѣдрахъ бездонной пучины.

И очарованный, смущенный, охваченный какимъ-то сладкимъ головокруженіемъ забытья и дремоты, незамѣтно теряешь чувство дѣйствительности и уже не различаешь больше въ этомъ хаосѣ

мигающихъ огней, въ этомъ кипѣніи звѣздныхъ мірадь, гдѣ огни, гдѣ настоящія звѣзды, и куда смотрѣть тебѣ, внизъ или вверхъ на усѣянный, какъ божія риза алмазами, небесный куполъ.

ХІІІ.—ДАРДАНІИ.

Мы отходимъ изъ Константинополя въ самый хорошій часъ: жаръ солнца уже схлынулъ, и косые лучи его освѣщаютъ волшебныя декораціи пареградскихъ холмовъ слегка зардѣвшимся огнемъ.

Жизнь, движеніе, веселіе на водѣ! Всюду и отовсюду рѣютъ пароходики, парусныя шлюбки, каюки. Всѣ эти многочисленные и многолюдные прибрежныя города, которые называются общимъ именемъ Царяграда, сообщаются другъ съ другомъ какъ Венеція по своимъ каналамъ.

Пароходы, распуская на-далеко по неподвижному воздуху черныя хвосты дыма, проносятся на всѣхъ парахъ, то изъ С.-Стефано, то изъ Принцевыхъ острововъ, то изъ Буюджере, и втискиваются, пыля и ворча, въ общую сумятицу гавани. Къ нимъ бросаются, сломя голову, цѣлыя шайки лодокъ и барокъ, какъ мелкія птицы навстрѣчу залетѣвшему крупному хищнику. Бравый капитанъ Чингрія, мастакъ своего дѣла, ловко и смѣло выводитъ нашъ громадный пароходъ сквозъ тѣсноту такихъ же громадныхъ стоящихъ и двигающихся пароходовъ, сквозъ живую каму кипящихъ и спующихъ каюковъ.

Вдали, направо отъ носа, забѣлѣлся маякъ С.-Стефано, и чудныя амфитеатры Константинополя быстро и плавно стали отодвигаться назадъ. Не знаешь, на что смотрѣть: туда ли назадъ, на бѣлыя стѣны стамбульскихъ минаретовъ, вырѣзающихся теперь частымъ лѣсомъ на своихъ ярко освѣщенныхъ холмахъ, словно какое-то невѣроятное, убѣгающее изъ глазъ сновидѣніе, или впередъ на чарующія перспективы лазуроваго голубого моря, чуть отгѣненнаго нѣжно-розовыми туманами азіатскаго берега.

Дельфины, эти гигантскія ласточки моря, провожаютъ насъ своими радостными играми. Цѣлыми вереницами перекатываются они рядомъ съ пароходомъ, на перегонку съ нимъ, на перегонку другъ съ другомъ, кувыркаясь черными колесами, отчаянно ныряя, отчаянно выскакивая, жирные и грузные какъ боровья, проворные какъ настоящія ласточки. Мы, люди ХІХ вѣка, съ враждебнымъ недоверіемъ смотримъ на этихъ черныхъ чудовищъ и ужасаемся ихъ неожиданнаго появленія во время нашихъ морскихъ купаній.

Но древній эллинъ видѣлъ въ нихъ что-то дружеское и братское и легендами своими воспѣвалъ ихъ великодушную преданность человѣку. Они спасаютъ Телемака, упавшаго въ воду, и Улиссъ, мудрый отецъ его, помѣщаетъ изображеніе дельфина на щитѣ юноши, чтобы онъ вѣчно помнилъ своихъ спасителей.

На островѣ Лесбосѣ пара неосторожныхъ влюбленныхъ скатились со скалы въ море, не успѣвъ разорвать своихъ страстныхъ объятій, и опять дельфины спасаютъ ихъ, и Амуръ, нововроитель влюбленныхъ, съ тѣхъ поръ носить образъ дельфина на своемъ волчанѣ. Дельфины выносятъ изъ моря тѣло поэта Гевіода, убитаго въ храмѣ Нептуна и брошеннаго въ волны; дельфины спасаютъ отъ кораблекрушенія Фаланта, вождя лакедемонянъ.

Когда вѣроломные тарентинскіе корабельщики низвергаютъ въ цунины разъяреннаго моря гѣвца Аріона, то опять-таки дельфины собираются вокругъ него, сажаютъ его на свои гибкіе хребты и несутъ его къ роднымъ берегамъ Коринеа, наслаждаясь его дивнымъ пѣніемъ.

А ужъ въ царствѣ Посейдона это ближайшіе наперсники воднаго бога, вѣрные исполнители самыхъ интимныхъ порученій его. Двухъ дельфиновъ посылаетъ онъ въ гротъ Амфитриты, убѣдить ее стать царицею океановъ, и они дѣйствительно приносятъ на себѣ къ ложу морского бога очаровавшую его морскую дѣву. Подъ видомъ дельфина самъ Посейдонъ-Нептунъ обольщаетъ потомъ красавицу Меланту.

Вѣра грековъ въ добрую дружбу дельфина была такъ укоренена въ населеніи Эгейскаго моря, что самый грубый рыбакъ считалъ своей священной обязанностію, тотчасъ же вынустить опять въ море попавшаго въ сѣти чернаго гостя.

Дельфины, веселые хозяева этого голубого моря-озера, провожаютъ насъ, а гости корабли, спѣшащіе къ ночи въ Царьградъ, то-и-дѣло проносятся намъ навстрѣчу. Особенно хороши и типичны большіе парусные корабли. Они одѣлись теперь, съ вершинъ своихъ длинныхъ мачъ по самымъ пяты, въ пузатые многоярусные паруса, выпустили и впередъ къ носу, и назадъ къ кормѣ, всюду, куда только можно протянуть веревку, другіе острые и узкіе косые паруса и несутся неслышно, плавно, будто какія-то гонимыя волнами исполинскія бѣлыя птицы, нахохлившія свои мохнатые зобы, распутивши всѣ свои многоперыя крылья.

А издали, когда они торчатъ на самой линіи горизонта, высоко поднимаясь надъ нимъ своими убранными въ паруса мачтами, ихъ принимаешь за много-этажныя бѣлыя башни какого-то невѣдомаго, изъ-за моря встающаго города.

Только ночью прошли мы островъ Мармору, который далъ имя этому маленькому морю, и котораго существованіе, признаюсь, я впервые теперь узналъ. Это сплошная глыба мраморныхъ скалъ, которыя разрабатываются съ незапамятныхъ временъ, служа неисчислимою каменоломнею для Византіи и для Константинополя, и для Стамбула. Въ 1861 году подъ утесами этого острова погибъ въ одну туманную ночь нашъ русскій пароходъ, разрѣзанный на двое носомъ англійскаго парохода... 180 человѣкъ пассажировъ, мирно спавшихъ глубокимъ сномъ, пошли какъ ключъ ко дну. Русскій капитанъ напрасно потомъ предъявилъ процессъ къ англичанину, обвиняя его въ незаконныхъ эволюціяхъ. Англичанинъ былъ оправданъ судомъ консуловъ и экспертовъ, всегда нѣсколько пристрастныхъ къ „просвѣщеннымъ мореплавателямъ“, и виноватымъ оказался погибшій пароходъ.

Массивный, горбатый силуэтъ острова, подъ которымъ мы теперь проходимъ, кажется фантастически прекраснымъ въ фосфорическомъ сіяніи луны среди тихаго моря, чуть переливавшаго серебристою чешуею.

Этотъ островокъ такъ малъ, что его не упоминаютъ въ географіяхъ и рѣдко наносятъ на карты. А въ немъ, между тѣмъ, 16 верстъ въ длину. Мраморное море, на нашихъ картахъ, тоже какая-то ничтожная капелька, которую едва удостоиваютъ упоминанія. А вотъ мы летимъ черезъ него на полныхъ парахъ цѣлый вечеръ и полночь, и все еще не выйдемъ изъ него; оглянешься кругомъ и нигдѣ не видишь берега, а подвинешься къ азіатскому берегу, онъ тянется безъ конца день и ночь. Ландкарты, учебники географіи своею условностію населяютъ наши головы живыми представленіями, которыхъ никакъ не примиришь съ живою правдою міра, когда вдругъ очутишься глазъ на глазъ съ нею. Въ дѣйствительности, а не на картѣ, поразительна громадность нашего міра. И нигдѣ она такъ не поразительна, какъ въ этихъ микроскопическихъ уголкахъ. Только здѣсь, на яву, вдали отъ книжки, лицомъ къ лицу съ горами и моремъ, поймешь и повѣришь, что цѣлое Византійское царство могло умѣщаться на берегу этого микроскопическаго моря, поймешь и повѣришь, что какой-нибудь одинъ полуостровъ малой Азіи, Аттики или Пелопоннеза могъ заключать въ себѣ множество сильныхъ и независимыхъ государствъ, завоевывавшихъ цѣлыя страны, отражавшихъ отъ себя нашествія цѣлыхъ народовъ.

Какъ громаденъ міръ и какъ ничтожны, какъ малочисленны въ немъ жилища человѣка! Мать-земля наша еще совсѣмъ почти не заселена, когда смотришь на нее съ полета орла, быстро

пробѣгая далекія пространства. Кажется, весь земной шаръ еще пустъ, и только кое-гдѣ чернѣютъ или бѣлѣютъ мутныя точки жилищъ человѣческихъ. Цѣлые берега Европы и Азіи, цѣлые громадныя острова, степи, поля, моря, и горы, безъ слѣда жизни человѣческой, а мы, малодушные, трепещемъ и пугаемъ себя, тѣсимся, завидуемъ, душимъ другъ друга, въ отчаяніи взираемъ на будущее.

Царьградъ со всѣми своими многолюдными окрестностями, со всею своею кажущеюся громадностію, — ничтожный вершокъ земли въ сравненіи съ тѣми зелеными, сѣрыми и голубыми безлюдными пустошами, которыя мы пробѣгаемъ, не останавливаясь нѣсколько дней сряду, изъ которыхъ мы нигдѣ не выберемся. А между тѣмъ, это самое древнее, самое излюбленное, давнѣе всѣхъ насиженное гнѣздо человѣчества.

Въ Галлиполи мы не заходили и ночью проспали его.

Восходъ солнца засталъ насъ у Ченакъ-Кале, которое въ просторѣчій именуется просто Дарданеллами. Пароходъ остановился сдать почту и кладъ, принять кой-какой багажъ. Ченакъ-Кале на азіатскомъ берегу пролива; рядомъ съ его древней полурассыпавшейся крѣпостцею уже возникъ вдоль по берегу европейскій городокъ, заслонившій многэтажными домами своихъ консульствъ и агентствъ съ развѣвающимися на нихъ національными флагами наивныя минареты и жалкіе домики стараго азіатскаго мѣстечка.

Напротивъ Ченака — его дружка, фортъ Килидъ-Бахръ. Оба форта когда-то были тегде-понами историческаго моста царя Ксеркса, который переправился въ Грецію въ этомъ самомъ узкомъ мѣстѣ Геллеспонта (не много шире версты). Этотъ надменный деспотъ, какъ извѣстно, высѣкъ кнутомъ неповорныя воды Геллы — за то, что онѣ осмѣлились разорвать позорныя оковы, первый разъ отъ созданія міра наложенныя на нихъ владыкою персовъ...

Однако розги не исправили Дарданеллъ, и Ченакъ-Кале до сихъ поръ смотритъ на своего европейскаго сосѣда черезъ стремнину вольныхъ водъ, въ ожиданіи той фантастической желѣзной дороги, которая должна, по проекту англичанъ, соединить черезъ всю Европу и Азію маленькую корыстную Англію съ ея громадною сокровищницею Индіи.

Около Ченака стоялъ когда-то Абидось, а напротивъ его крѣпость Сестось поэтической Леандровой легенды.

Вообще выходъ изъ Дарданеллъ усѣянъ еще болѣе частыми

укрѣпленіями, чѣмъ самъ Босфоръ. Новыя земляныя баттарей почти вездѣ сползли къ самымъ морскимъ водамъ, а старыя замки на скалахъ только радуютъ взоры живонисцевъ, да служатъ военными складами... Впрочемъ, на нѣкоторыхъ холмахъ, господствующихъ далеко надъ мѣстностію, замѣтны расчищенные эспланады, свѣжія глиняныя насыпи и флагштоки, повидимому, сильныхъ редутовъ... Моряки наши рассказали мнѣ, что на этихъ холмахъ даже есть электрическія обсерваторіи для мгновеннаго взрыва подводныхъ минъ подъ проходящими судами. Самыя сильныя баттарей сосредоточены на азіатскомъ берегу около Ногара-Кале, еще раньше Ченака и Килида, гдѣ, впрочемъ, тоже много баттарей новаго устройства, вооруженныхъ крупновесными пушками. Увѣряютъ, будто онѣ расположены такъ, что каждый проходящій корабль можетъ быть разомъ обстрѣливаемъ не менѣе какъ изъ 5 баттарей.

При самомъ выходѣ изъ Дарданеллъ стоятъ послѣдніе его форты Кумъ-Кале на азіатскомъ берегу и Седдуль-Бахръ на европейскомъ. Въ Кумъ-Кале еще сохраняются старыя мѣдныя пушки и мраморныя ядра, которыя турки выдѣлывали когда-то на берегу Малой Азіи, въ сосѣдствѣ Эски-Стамбула, и которыми Магометъ II разгромилъ изъ своей бронзовой пушки злочлуніую Византію. На ядра Магомета-Завоевателя теперь ужъ мало надежды, и поклонники Магомета-пророка волей-неволей взялись за стальные игрушки собаки-нѣмца Круппа, этого новаго международнаго Архимеда, который за приличный гонораръ готовъ соорудить и турку, и китаецу, и зулусу—ядра, пронизывающія насывозъ весь шаръ земной, а не только брони кораблей... Хотя моя русская удалъ и не очень тревожится соверпаніемъ всѣхъ этихъ для насъ заготовленныхъ турецкихъ угощеній Босфора и Дарданеллъ, хотя я твердо вѣрю, что свѣлымъ Богъ владѣть и что наши отчаянные моряки, въ корытѣ взрывавшіе броненосцевъ, нашли бы въ случаѣ нужды дорожку и черезъ усѣянный редутами Геллеспонтъ, какъ наши кавказскіе солдаты находили недавно дорожку въ „неприступныя“ форты Карса, однако, я почувствовалъ нѣкоторую отраду, вырвавшись наконецъ изъ этой черзчуръ враждебной обстановки, вовсе несоотвѣтствующей поэтическимъ воспоминаніямъ о Геллѣ и Геро. Эни-Шхеръ—послѣдній гористый мысъ Дарданельскаго берега, поднимающійся высоко надъ башнями Кумъ-Кале. На верхней площадѣ его очень эффектно вырѣзается на фонѣ неба, видная какъ на ладони, большая деревня съ множествомъ вѣтрянокъ и съ крестомъ русской

церкви... Тутъ живутъ наши некрасовцы, геройская запорожская вольница, которая предпочла волю даже родинѣ.

Южные берега Мраморнаго моря и Дарданелль вообще убоины селеньями некрасовцевъ. Они живутъ во множествѣ въ Яловѣ, противъ Галиполи, въ Казахлы, на берегу Исмидскаго залива, живутъ себѣ спокойно и очень богато. Даже буйные переселенцы-черкесы, безотвѣтно грабящіе прибрежныхъ жителей, трепещутъ некрасовцевъ и не осмѣливаются тревожить ихъ стадъ.

За Эни-Шхеромъ берегъ круто поворачиваетъ на югъ, и пароходъ вступаетъ въ древнее Эгейское море, теперешній Архипелагъ...

Мы теперь въ царствѣ Пріама, въ легендахъ Иліады... Еще передъ Кумъ-Кале намъ указали древній Скамандръ, бѣгущій въ воды Геллеспонта.

Теперь вся равнина Трои, отъ подножія туманной Иды до волнъ моря, передъ нашими глазами... Два могильныхъ холма — сначала холмъ Ахилла, и за нимъ другой, ближе къ морю, холмъ его друга Патрокла, — вотъ все, что говоритъ еще страннику о давно прошумѣвшей здѣсь великой эпопее.

На этомъ зеленомъ курганѣ охмелѣвшій отъ горя герой со-вершалъ когда-то свою кровавую гекатомбу по убитомъ братѣ своего сердца и вѣрномъ соратникѣ въ брани...

„Зубы его скрежетали отъ гнѣва, быстрыя очи
Страшно какъ пламень свѣтились, но сердце ему раздирали
Грусть нестерпимая“...

Онъ залилъ кровью плѣнниковъ громадный костеръ Патрокла, закововъ собственной руной въ честь его 12 молодыхъ троянцевъ, и въ безуміи отчаянія бросалъ въ огонь, пожирившій останки друга, многоцѣнныхъ коней и все, что было у него дорогого. Войско ахеннъ нѣсколько дней пировало и поминало священными играми тризну погибшаго героя. Потомъ наступила другая еще болѣе горестная тризна, когда даже боги Олимпа были поражены печалью какъ смертные люди. Ѳетида, алополучная мать героя, вышла съ толпою нереидъ изъ своихъ подводныхъ чертоговъ и жалобнымъ плачемъ огласила волны моря... Всѣ десять мучъ сошлись надъ смертнымъ ложемъ божественнаго Пелеида и провожали въ Адъ своими печальными пѣснями его скорбную душу...

Ѳетида была красивѣйшая изъ всѣхъ дочерей Нерея; Зевесъ, Аполлонъ, Посейдонъ, всѣ добивались ея любви. Но она предпочла небожителямъ смертнаго человека, вессалійца Пелея... Зевесъ уже готовился исторгнуть ее изъ рукъ счастливца и возло-

жить на свое божественное ложе, какъ возлагалъ онъ Европъ и Далій, Io и Ледъ, но вдругъ дошло до него пророчество всевидущаго титана Прометея, что „сынъ Ѳетиды станетъ славнѣе своего отца“. Небожитель отступилъ передъ такимъ позорнымъ жребіемъ, и отцомъ Ахилла сталъ Пелей...

Дальше показываютъ еще одинъ маленький курганъ; увѣряютъ, что надъ нимъ лежитъ юноша Антилохъ, сынъ Нестора, первый грекъ, убившій перваго троянца, самъ павшій отъ руки Гектора, защищая стараго отца... Доказательствъ, конечно, никакихъ. Но почему же не лежать здѣсь и Антилоху?.. И не все ли равно, какой холмъ покрываетъ его, этотъ или сосѣдній, когда юношество цѣлаго міра вотъ ужъ сколько вѣковъ поминаетъ и чтить его сыновній подвигъ... Пока многоученые Шлиманны копаются въ могилахъ исторіи и поправляютъ ея лѣтописи, я наивно буду вѣрить во всѣ эти курганы Ахилловъ, Патровловъ, Антилоховъ, потому что все дѣло тутъ именно въ поэтической вѣрѣ, а не въ самыхъ земляныхъ курганахъ.

XIV. — Воды Греціи и боги Греціи.

Велика сила этой поэтической вѣры! Я ощутилъ ее особенно ярко и осязательно здѣсь, въ виду таинственныхъ свѣтовыхъ пирамидъ Вионинскаго Олимпа, почти у подножія Гомеровою Иды.

Слышу умолившій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой..

Да, тутъ все, и море, и горы, и скалы острововъ, и самое голубое небо, полны этихъ чудныхъ умолившихъ звуковъ, полны этихъ великихъ тѣней. Меня охватываетъ та свѣтлая и радостная атмосфера, населенная свѣтлыми и радостными богами, въ которой такъ радостно и свѣтло жилось древнему греку...

Пароходъ нашъ проносится мимо тѣхъ самыхъ острововъ и береговъ, черезъ тѣ самыя волны, среди которыхъ провелъ чудную сказку своего дѣтства и богатырскую эпопею своей юности народъ-юноша, народъ-поэтъ, народъ-художникъ.

Уже двѣ тысячи лѣтъ какъ замолокъ его поэтический голосъ и опустилась его созиданная рука... А между тѣмъ, черезъ головы вѣковъ и народовъ, черезъ всѣ эти пышныя и громоздкія византійскія имперіи, черезъ побѣдоносную Порту оттоманскую, черезъ новыхъ грековъ и новыхъ болгаръ, міръ все еще слушаетъ, очарованный, эту замолкшую чудную пѣснь, все еще пристываетъ

изумленными и восторженными очами въ чудными образами, созданными тридцать вѣковъ назадъ. Древній грекъ заслонилъ себя своимъ Олимпомъ; и теперь, издали на разстояніи тысячелѣтій, вся древняя греческая жизнь, вся исторія древней Греціи рисуется вамъ въ розовыхъ лучахъ Олимпа...

До такой степени художественная фантазія эллина умѣла слить во-едино жизнь людей съ жизнью боговъ, перепутать въ одно фантастическое и прелестное цѣлое ихъ мысли, вкусы, подвиги, изъ исторіи своихъ войнъ, своихъ торговыхъ походовъ, своихъ экономическихъ переселеній — создать дивныя эпопеи боговъ и цѣлую поэтическую космологію...

Олимпъ грековъ—это въ сущности не боги, а люди Греціи. Это идеализированный и опозитизированный живой міръ, какимъ онъ былъ, какимъ желалъ его видѣть древній грекъ.

Тѣ же его очаровательныя горы и долины, тѣ же обильныя рѣки и луга, стада и птицы, тѣ же охоты, пиршества и войны, та же юношеская веселость, тотъ же страстный культъ красоты и счастья, та же ненасытимая, вѣчно обновляющаяся, вѣчно разнообразная и никогда не остывающая любовь.

Всѣ добродѣтели, всѣ грѣхи человѣка, отъ зависти, вѣроломства, разврата, до самоотверженія и великодушія. Въ самомъ понятіи о богѣ народъ-дѣтя не поднялся дальше собственнаго своего образа, облагороженнаго и увеличеннаго въ размѣрахъ... Этотъ народъ-счастливецъ до такой степени былъ полонъ самимъ собою, до такой степени любовался, какъ Нарциссъ собственной красотой, собственнымъ геройствомъ, собственнымъ счастьемъ, что вся природа отъ свѣтлаго голубого неба до малѣйшаго цвѣтка, до каждаго всплеска волны, рисовалась его воображенію только отраженіемъ его собственныхъ чертъ, его собственныхъ вкусовъ, его собственной судьбы...

Онъ населилъ самимъ собою небо и подземныя бездны, и пучины океановъ, каждую пустынную скалу, каждое дерево въ лѣсу!

Вездѣ для него играла и сочилась та же его яркая, веселая, общительная жизнь, полная энергіи и страсти, паденія и подвиговъ...

Даже черная персть земная, которая почти всѣмъ народамъ напоминаетъ только мертвый прахъ и тлѣнье, для грека была могучая Гея, начало жизни, мать всего сущаго, мать титановъ, мать Сатурна, отца боговъ, мать океана... Даже въ мрачныхъ подземныхъ сводахъ Тартара, этомъ мѣстѣ плача и скрежета зубоваго, кипѣла въ фантазіи грека та же радостная жизнь пиршества, любви, наслажденія, какъ и на свѣтлыхъ высотахъ Олимпа.

Образы человеческой красоты, человеческих дѣлъ, человеческихъ чувствъ, словно застилали природу въ глазахъ народа-художника, и онъ могъ видѣть ее только сквозь это свое поэтическое марево...

Вотъ поднимаются вдали вправо отъ насъ голыя порфиrowыя скалы Сталимена, древняго Лемноса...

Но для эллина это не былъ только простой островъ, потрясaeмый частыми землетрясеніями. Нѣтъ, это божественная кузница Вулкана, сына Юпитера, которому одноглазые циклопы, свирѣпыя дѣтища Нептуна, день и ночь куютъ его громоносныя стрѣлы... Или вспомните борьбу боговъ съ гигантами. Разъяренная Гея, „земля-матерь“, посылаетъ своихъ темныхъ сыновъ-исполиновъ отмстить богамъ Олимпа за древнихъ дѣтей своихъ, мучимыхъ богами, за Прометея, призованнаго къ Кавказу, за Титія, терзаемаго коршуномъ, за Атласа, держащаго всю тяжесть неба, за Титановъ въ оковахъ... „Мстите, спасайте! вопиетъ она. Мои горы—ступени ваши! ты, Тифою, вырви трупы у Зевеса, ты, Энкелодъ, прогони Посейдона изъ моря, ты, Рекъ, вырви возжи изъ рукъ Аполлона!“

Сыны земли полѣзали изъ Эреба и затмили свѣтъ солнца... Они взгромоздили Оссу на Пеліонъ, и Эту на Оссу, и съ этой лѣстницы горъ стали метать скалы и горящія сосны въ осажденный Олимпъ.

Среди битвы Аѳина бросаетъ островомъ Сициліей въ бѣгущаго Энкелода; исполнить Полиботъ, преслѣдуемый Посейдономъ, спасается на островъ Косъ, но богъ отрываетъ часть острова и раздавливаетъ имъ врага... Вотъ вамъ цѣлая геологическая катастрофа, видоизмѣнившая очертанія острововъ, подымавшая новыя горы, воспоминанія объ ужасныхъ землетрясеніяхъ, объ изверженіяхъ огнедышащихъ горъ, преобразенныя творческимъ воображеніемъ эллина въ живую и страстную человеческую драму.

Какой горячій ключъ жизни бился въ сердцахъ древняго грека, если онъ могъ излить столько кипучей и яркой жизни на все, на что только смотрѣлъ его вдохновенный глазъ. Этотъ нѣмой и скучный для насъ лѣсъ, покрывающій сухія скалы острововъ, на которомъ безъ вниманія скользятъ теперь мой взоръ, въ глазахъ народа-художника былъ цѣлымъ шумнымъ хороводомъ вѣчно играющей, вѣчно поющей и пляшущей молодежи; вонъ впереди двигается, пошатываясь, добродушный, пузатый счастливецъ Панъ, богъ природнаго обилія, увѣнчанный гроздіями, окру-

женный своими хохочущими фавнами, провазниками сивьянами, сладострастными сатирами и нимфами, жаждущими любви...

Дриады, паловливыя дѣвы лѣса, гамадриады, молчаливыя обитательницы деревъ, нимфы горъ, нимфы равнинъ, тѣснятъ вкругъ кроткой богини луговъ, покровительницы пастуха и пастушки; прелестная Флора, мать Весны, осыпанная цвѣтами, провожаемая Зефиромъ, этимъ легкокрылымъ сыномъ Авроры и Эола, ведетъ за собою своихъ сестеръ, строгую Цереру, въ вѣнцѣ золотыхъ колосевъ, и румянощеку Помену, обремененную рдѣющими плодами.

Въ такихъ сверкающихъ краскахъ, въ такихъ пластическихъ образахъ, въ такомъ одушевленномъ и очеловѣченномъ движеніи рисовалась юношеской фантазіи грека всякая мелкая подробность природной жизни...

Даже каждая порода дерева, каждый отдѣльный цвѣтокъ, чѣмъ-нибудь обращающій на себя вниманіе, все это для для него живыя лица, романческія событія, и прежде всего чудная красота человѣческихъ формъ и человѣческихъ чувствъ... Траурный кипарисъ, весь ушедшій въ самого себя, безнадежно сжавшійся своими черными щетинистыми вѣтвями, это несчастный другъ Аполлона, молчаливый наперсникъ его сердечныхъ тайнъ, умершій отъ горя по нечаянно убитомъ имъ любимомъ оленѣ...

Гиацинтъ—это тоже имя Аполлонова друга, котораго свѣтлый богъ солнца нечаянно убилъ брошеннымъ дискомъ, и чистую кровь котораго онъ обратилъ въ цвѣтокъ, распускающійся при первыхъ лучахъ весенняго солнца.

Благородное дерево лавра, это—цѣломудренная нимфа Дафна, которая не хотѣла уступить горячимъ ласкамъ Феба и была за это обращена мудростію Зевеса въ дерево, вѣроятно, въ предостереженіе всѣмъ слишкомъ неприступнымъ ея подражательницамъ, которыхъ деревянное сердце нечувствительно въ погоню любви и которыхъ поэтому законно заслуживаютъ жребій женщины-дерева. Влюбленный Фебъ, однако, надѣлъ на себя вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтвей Дафны, и сдѣлалъ съ тѣхъ поръ лавровый вѣнокъ идеальной наградою поэтовъ. Мирра, прекрасная дочь Цинира, была тоже обращена въ дерево, но впрочемъ, далеко не за цѣломудріе. Несчастная влюбилась въ своего родного отца и обманомъ замѣнила ему свою мать... Она вѣчно оплакивала потомъ свое преступленіе, и обращенная въ дерево, до сихъ поръ истекаетъ горячими слезами мирры...

Плодомъ ея преступной любви былъ богоподобный красавецъ Адонисъ, который доставилъ столько блаженства влюбленной

Афродитѣ въ тѣнистыхъ рощахъ Кипра, и столько мученій ревности грозному Марсу, что рыцарскій богъ войны не погнушался принять на себя даже образъ дикой свиньи, чтобы удачно растерзать слишкомъ счастливаго соперника. Изъ крови Адониса тоже выросъ цвѣтокъ, тотъ восхитительный, нѣжно-красный анемонъ, котораго ботаники до сихъ поръ называютъ *Adonis vernalis*. Эта любовь Венеры къ красавцу-юношѣ Адонису до такой степени возбуждала сочувствіе его земляковъ кипріотовъ, что они почтили ее храмами, жертвами и особыми таинствами... Въ воспоминаніе этой идиллической любви богини къ пастушку на лонѣ природы, кипріанки даже лучшихъ фамилій отдавались нѣкогда ласкамъ мужчинъ прямо на берегу моря и выручали изъ этого таинства большія суммы денегъ и драгоценныя сокровища для своего будущаго приданаго...

Отъ деревень и цвѣтовъ обратитесь къ птицамъ, звѣздамъ, къ камнямъ, вездѣ опять встрѣтите красоту человѣка, исторію человѣка, любовь человѣка. Кромѣ человѣка нигдѣ ничего, ни на землѣ, ни на небѣ, ни подъ водою. Лебедь, горделиво стѣбающій свою царственную шею въ тихихъ заливахъ озера, это не лебедь, а Цигнусъ, молодой царь Лигурин, другъ несчастнаго Фаэтона, который жаждалъ броситься ему на помощь со скалы острова, когда увидѣлъ его плывущій трупъ, и вдругъ повисъ на двухъ бѣлыхъ крылахъ и поплылъ по морю... Его жалобная пѣснь, это погребальный плачъ по погибшемъ другѣ...

Стрекоза, сухая и жесткая, надоедливо толкущаяся въ воздухѣ, оказывается Тифономъ, братомъ царя Пріама, котораго похитила влюбленная Аврора, эта

„Изъ мрака встающая,
Златая, съ перстами пурпурными Эосъ“...

Она выпросила у страшныхъ паркъ Клото, Лахезисъ и Атропосъ, безсмертіе своему милому, но сожгла и засушила его своею слишкомъ знойною любовью и состарила въ восемь дней. Бѣдный Тифонъ предпочелъ жребій скромнаго насѣкомаго обязанностямъ обветналаго любовника.

Даже бездушное эхо, этотъ откликъ мертвой пустыни, въ глазахъ пластическаго грека нечувствительно превращалось въ живую и страстную красавицу-нимфу, нагую обитательницу тѣхъ береговыхъ гротовъ, которые то-и-дѣло чертятъ передъ нашими глазами, въ скалахъ мимо-пробѣгающихъ острововъ.

Она безумно влюблена въ юношу Нарциса, на красоту котораго не можетъ равнодушно смотрѣть ни одна нимфа...

Цвѣтущая полнота Эхо таетъ какъ воскъ отъ мученій безотвѣтной страсти, и она дѣлается мало-по-малу однимъ безтѣлеснымъ голосомъ... Нарцисъ наклоняется какъ-то напиться надъ прозрачнымъ ручьемъ, и первый разъ въ жизни видитъ свое лицо... Онъ тоже не можетъ устоять передъ собственными своими чарами и не въ силахъ оторвать глазъ отъ чудныхъ чертъ невѣдомаго ему лица, которое онъ наивно принимаетъ за нимфу ручья... Онъ замираетъ навѣки въ этой любующейся позѣ влюбленнаго въ самого себя, обращенный въ цвѣтокъ. Эхо горько повторяетъ его послѣднія слова любви...

Поднимите ночью съ затихшей палубы глаза на небо къ востоку... Вы увидите надъ собою серебристую пыль звѣздъ, тѣсно насыпанныхъ въ одну густую прядь.

Это наши русскіе стоjarы, у древнихъ волоса Береники... Береника отрѣзала свои длинныя косы, самое драгоцѣнное, что имѣла она, и повѣсила ихъ къ алтарю Афродиты, жарко молясь богинѣ, чтобы даровала побѣду въ битвѣ любимому мужу. На другой день исчезли изъ храма богини, невѣдомо куда, волоса Береники и на небѣ появилось новое созвѣздіе, въ которомъ мудрые люди сейчасъ же узнали чудныя косы красавицы...

Блѣдный мѣсяцъ имѣетъ тоже свой живописный романъ. Дѣвственная богиня огня и охоты, легиногая Діана не всегда была гровна и недоступна; если она обратила въ рогатаго оленя и разорвала потомъ собаками недогадливаго юношу, охотника Актеона, дерзнувшаго узрѣть впервые изъ всѣхъ боговъ и людей ея обнаженныя прелести, то это не помѣшало покровительницѣ весталокъ влюбиться потомъ въ красавца-пастушка Эндиміона... Чтобы безопасно проводить съ нимъ ночи, не роняя между богами своей дѣвственной репутаціи, богиня выпросила у Зевеса должность ночного сторожа и стала съ тѣхъ поръ цѣлую ночь носить надъ землею свой круглый фонарь, тѣмъ болѣе, что Фебъ отказался отъ этой докучливой обязанности, которая ему мѣшала пребывать сладкіе часы покоя въ влажныхъ чертогахъ Гетиды...

Красота и любовь, весь эллинскій міръ дышетъ этимъ. Ни для боговъ, ни для людей нѣтъ другихъ законовъ, другой нравственности... На любви, какъ на сказочномъ вѣтѣ, стоитъ и земля, и небо, и сама преисподняя... Все жаждетъ любви, поклоняется и покоряется любви, стихіи, растенія, животныя, плоды, звѣзды, боги... Это по истиннѣ весна человечества, весна міра, когда все переполняется зиждительными соками бытія, все ощущаетъ непобѣдимую потребность жить и разливать изъ себя жизнь... Жизнь ради жизни, ради ея жгучихъ волненій и радостей, вотъ

общій идеаль, выше котораго, законнѣе котораго никто ничего не знаетъ и не хочетъ знать...

Любовь, самая страстная, самая чувственная, совмѣщается не только съ геройствомъ, съ добродѣтелью, но даже съ божествомъ и даже съ божествомъ цѣломудрія. Безнравственно, безчеловѣчно, недостойно божества, это не умѣть любить, не желать любить... Характеренъ въ этомъ смыслѣ мифъ, которымъ объясняется происхождение Гермафродита, этого сына тайной любви Гермеса-Меркурія и Афродиты-Венеры. Въ него безъ ума влюбилась нимфа, но братъ Амура былъ не доступенъ чувству любви и молилъ боговъ избавить его отъ назойливыхъ объятій страстной дѣвы. Нимфа молила о другомъ, чтобы ей не разставаться ни на одно мгновение съ своимъ красавцемъ-юношей... И совѣтъ боговъ отринуть нечестивое желаніе глупаго юноши и счесть священнымъ долгомъ уважить законныя мольбы бѣдной нимфы, она срослась въ одно тѣло со своимъ неприступнымъ возлюбленнымъ и уже съ тѣхъ поръ не покидала его...

А между тѣмъ среди этихъ радужныхъ воспоминаній и мечтаній одинъ островъ Архипелага за другимъ проносятся передъ нами.

Вдали, направо, чуть обрисовываетъ свои крутыя ребра розовыми огнями солнца Лемносъ, божественная кузница Вулкана, Имбросъ и Самотраки, полный таинствъ древности, поближе, какъ разъ противъ могилъ Трои, винообильный Тенедосъ, съ своей пирамидальной горой святаго Ильи, когда-то усѣянной монастырями и часовнями византійцевъ и до сихъ поръ посѣщаемой богомольцами...

Въ ясную погоду за нимъ бываетъ видѣнъ, на своемъ далекомъ и высокомъ горномъ мысѣ, священный Аеонъ, а немного не доходя Тенедоса, на азіатскомъ берегу, всѣмъ памятна и теперь Безыеская бухта, это любимое мѣсто засады англійскаго флота.

Городокъ съ старымъ замкомъ одинъ только оживляетъ сухія скалистыя скалы Тенедоса и монастырь св. Ильи прячется высоко въ пазухѣ горы, невидимый съ моря... Нѣсколько безлюдныхъ низенькихъ острововъ, говорятъ, будто бы населенныхъ кроликами и потому носящихъ имя „кроличьихъ“, разбросано около береговъ Тенедоса, но только на одномъ островкѣ Годара, по вольному переводу на нѣмецкій, островъ Эзель своего рода (ослиный), торчитъ одинокій маякъ. Въ дни Иліады, какъ увѣрять Virgilій, у Тенедоса жили не кролики и не ослы, а страшныя морскія змѣи, которыя погубили Лаокоона.

„Четой отъ страны Тенедоса два амѣя, возлегши на воды, Рядомъ плывуть и медленно тянутся къ шумному берегу“.

Пока мы любуемся капризными непривычному глазу очертаніями Тенедоса и сосѣдей его, впереди уже синѣетъ горная громада другого острова. Далеко вдается въ море скалистый мысъ азіатскаго берега, хорошо знакомый морякамъ, Баба... Тутъ рѣзкій поворотъ береговой линіи, подѣ прямыхъ угломъ на востокъ, и распутіе для кораблей... До мыса Бабы—деревня Мизія, за Бабою начинается уже славная своими древними богатствами Лидія, съ ея золотоноснымъ Пактоломъ, родина Мидаса, золоторуннаго стяжателя и ослиноухаго цѣнителя Аполлонова пѣнія, родина новаго Мидаса—Креза, и мѣсто позора Геркулеса за прялкой Омфалы. Корабли александрійскаго и аѳинскаго рейса оставляють по лѣвую руку островъ Митилену и держать свой курсъ направо на острова Тиносъ и Микони, Делось и Сиру, сквозь самую сердцевину Архипелага... А тѣ, которые идутъ въ Смирну, Бейрутъ, Яффу, должны обогнуть мысъ Баба и пройти всегда бурнымъ Муселимскимъ проливомъ между берегомъ и островомъ Митилены къ Хіосу. Митилена—это прославленный древностію Лесбось... Живописные изрѣзы его горъ уходятъ отъ насъ вдаль громадными многоцвѣтными шатрами ашмовыхъ, малахитовыхъ и мраморныхъ тоновъ, зелено-лиловые, розово-синіе, удивительно лаская глазъ бархатной мягкостію и спокойствіемъ своего колера...

Только южное солнце и южная растительность умѣють раскрашивать свои камни въ такіа сказочные, дышашіе жизнью цвѣта... На этой исполинской каменной глыбѣ, поднимающейся изъ голубого моря на десятки верстъ изъ конца въ конецъ, почти не замѣтны рѣдкіе бѣленькіе городки, спрятанные въ складахъ горы, и разбросанные по темнымъ садамъ сельскіе домики.

Этотъ большой островъ очень богатъ; онъ наполняетъ рынки Смирны и Константинополя своимъ виномъ, масломъ, плодами, но его роскошная природа и его трудолюбивое садовничье населеніе прячется гораздо больше въ невидимыхъ намъ трещинахъ, долинахъ и пазухахъ горъ, обращенныхъ кнутри, чѣмъ по этимъ малопріютнымъ берегамъ, обнаженнымъ солнцу и открытымъ морскому вѣтру...

Пѣсни Сафо сама звучала въ воздухѣ вечерѣннаго дня, въ пѣвучемъ ласкающемъ вѣтрѣ, доносившемся до насъ съ береговъ Лесбоса.

Гдѣ и родиться страстной пѣснѣ томленія и любви, какъ же здѣсь, на берегахъ этого изгнѣживающаго голубого моря, породившаго изъ пѣны своей богиню любви...

Мнѣ чудится на скалистомъ мысѣ Лесбоса—эта смуглая дѣва-поэтъ, съ распущенными по вѣтру косами, съ бѣнымъ дикаго пшона на головѣ въ звучей тоскѣ одиночества, охватившая своими прекрасными нагими руками прекрасныя, какъ у Дианы, нагія колѣна свои, и вперившая свои глубокіе, знойные глаза куда-то далеко-далеко за синія пучины моря... Арфа ея брошена на траву, но въ горячемъ сердцѣ поднимаются и растутъ могучіе звуки, отъ которыхъ уже шевелятся вдохновеніемъ горячія губы, и пальцы инстинктивно ищутъ привычныхъ струнъ...

Это послѣдняя страстная пѣсня, пѣсня отчаянія... Красавецъ Фаонъ, прекраснѣйшій изъ лесбійцевъ, не сидитъ съ нею на скалахъ берега, въ часы зрелаго заката и не слушаетъ ея чудныхъ пѣсень... Забыть его нельзя, не любить его нельзя. Недаромъ Венера, мать его, дала ему въ наслѣдство дивный сосудъ съ божественными эссенціями...

Но есть на берегу моря таинственная скала Левкадіи; стоитъ броситься съ нея въ голубыя волны и въ нихъ остынетъ, какъ чудомъ, самая безумная любовь...

Бѣдная Сафо, въ задумчивости, чертитъ на роковой скалѣ послѣдній прощальный стихъ безжалостному красавцу-юношѣ, увѣнчиваясь кипарисами свою осиротѣвшую арфу и съ страстными словами любви бросается въ спасительную пучину...

Лесбійки, потомки Сафо, уже не нуждались, повидимому, въ благодарныхъ Фаонахъ... Онѣ поклонялись любви ради любви, и внутри самихъ себя находили слишкомъ достаточно страсти, чтобы еще позорить ее объятіями мужчинъ. Онѣ воздвигли въ сердцѣ своемъ храмъ Афродитѣ, матери любви, изъ волнъ рожденной, но отвергли культъ вѣроломнаго Купидона.

А пароходъ все несется и несется, какъ можемъ взрѣвая чистую голубую бирюзу южнаго моря, оставляя за собою, на долгія версты, кудрявый вспѣнанный слѣдъ, прямой будто рельсы желѣзной дороги...

Бѣлыя морскія птицы неотступно преслѣдуютъ нашъ корабль своимъ жалобнымъ крикомъ, хохочутъ и плачутъ, какъ больныя дѣти, и по временамъ, подобравъ высоко вверхъ свои крылья, падаютъ, словно ключъ во дну, въ самый кипень текучей столбовой дороги, оставляемой нашимъ винтомъ, чтобы клонуть тамъ скудную добычу. Можетъ быть, это классическіе Мемноиды, бѣлыя птицы, ссѣданныя Зевесомъ изъ пламени костей Мемнона, сына розовонерстой Авроры, безжалостно убитаго Ахиллесомъ...

Плиній увѣряетъ, что эти бѣлыя птицы Мемнона, разлетѣвшіяся по всему свѣту, ежегодно собираются въ день смерти Мем-

нова на могилѣ его, чтобы сразиться другъ съ другомъ и кровью своею почтить его смерть. Аврора иначе вспоминала своего погибшаго сына. Его статую, изъ чернаго мрамора, съ жалобно поднятыми руками, со ртомъ полуоткрытымъ для мольбы, каждое утро и вечеръ оживляла она своимъ нѣжнымъ дыханіемъ и изъ мертваго камня истекали тогда сладкіе звуки привѣта и прощанія...

Вотъ и Аврора уходитъ на покой, и съ востока, изъ-за далекихъ зубчатыхъ вершинъ Иды, которая вытянула теперь весь свой туманный хребетъ вдоль Адрамитскаго залива, — тихо всплываетъ блѣдный ликъ Діаны... Мало-по-малу исчезаютъ въ туманахъ дали послѣдніе острова, послѣдніе обрывки берега...

Островъ, это что-то непостижимое, почти чудесное для жителя материка. Какъ-то инстинктивно страшно за него, за тѣхъ живыхъ существъ, что селятся на немъ, отчужденные отъ всѣхъ и всего, когда видишь, какъ поглощаетъ ихъ, уже поглощенныхъ со всѣхъ сторонъ пучиною моря, еще эта отовсюду надвигающаяся мутная пучина ночи... Встаютъ и рокочутъ кругомъ, заливаютъ и хлещутъ ихъ берега бурныя волны, а они тамъ, въ своихъ дрожащихъ на скалахъ доминахъ, спокойно спятъ и просыпаются, живутъ, плодятся и множатся, какъ и мы въ нашихъ безопасныхъ безпредѣльныхъ равнинахъ...

Довольно сильный, но мягкій южный вѣтеръ дуетъ мнѣ прямо въ лицо. Онъ бодритъ душу, зоветъ впередъ, вдвухаетъ въ сердце смѣлую радость и надежду. Пуста, просторна палуба, освѣщенная луною. Всѣ давно спятъ по удобнымъ покойнымъ каютамъ. Только на дальней рубкѣ высоко чернѣетъ характерный и неподвижный силуэтъ капитана, съ шапкой на затылкѣ, съ безмолвнымъ вниманіемъ глядящаго вдаль. Лихой морякъ спитъ въ полдень и всю ночь на ногахъ... Онъ наслаждается ночью и моремъ, какъ рыба водою. Сверху, съ чуть затуманеннаго неба, льется широкими фосфорическими потоками лунный свѣтъ. Кругомъ насъ — одѣтъ плещущія, на встрѣчу несущіяся волны. Онѣ несутся вдвое скорѣе отъ быстрого незримаго бѣга корабля, который взрѣзаетъ ихъ прямо, легко, увѣренно, какъ летящая стрѣла.

Луна разбилась, разбрызгалась, разлилась по бѣгущимъ волнамъ широкимъ движущимся и трепещущимъ столбомъ серебряной чешуи... Никогда не отражается она такъ въ рѣкѣ, даже въ широкихъ разливахъ Дуная и Волги. Ширь и разгулъ моря зовутъ къ шири и разгулу все, что только прикасается къ нимъ.

Жутко дѣлается отъ собственной фантазіи, когда стоишь безмолвно глубокою ночью посреди безмолвно бѣгущаго парохода и молча созерцаешь эту безмолвную могучую жизнь морской пустыни.

Противъ мѣсяца эти вздымающіеся и хлещущіе другъ друга валы кажутся стаями горбатыхъ чудовищъ, что гонятся другъ за другомъ, настигаютъ, перегоняютъ, кувыркаются съ радостнымъ хохотомъ. Когда черные хребты ихъ врѣзаются съ разбѣга въ расплавленное серебро мѣсячнаго сіянія, они просто принимаютъ осязательную форму живого морского звѣря и ныряютъ, одинъ за другимъ, въ блѣдно огненные омуты, будто дельфины, преслѣдующіе добычу. По неволѣ поймешь суевѣрныя легенды приморскихъ жителей и матросовъ, которые проводятъ недѣли и мѣсяцы, глазъ на глазъ, съ этими таинственными ночными чудовищами, въ темныя и бурныя зимнія ночи, не знающія разсвѣта, на своихъ утлыхъ парусныхъ суденышкахъ. Викторъ Гюго, поэтъ природы, умѣетъ хорошо разсказать о нихъ и нарисовать своимъ волшебнымъ перомъ ихъ неувимые никакою кистью образы. По неволѣ согласишься и принесешь вмѣстѣ съ древнимъ грекомъ умиловительную жертву таинственнымъ богамъ грознаго воднаго царства и Посейдону, царственному владыкѣ океана, и сто-ликому Протею, измѣнивому богу погоды, и старцу-пѣвцу Нерею, отцу шаловливыхъ нерендъ, другу Аполлона, убаюкивающему своими пѣснями злополучнаго моряка, и Палемону, покровителю пристаней, и Форкису, защитнику отъ бурь...

По неволѣ, подъ каждымъ утесомъ берега, въ каждой пещерѣ островка, въ каждомъ всплескѣ волны, увидишь, вмѣстѣ съ древнимъ грекомъ, стерегущихъ тебя, надъ тобой издѣвающихся, тебя соблазняющихъ таинственныхъ жителей водъ... Это не подводная скала, а нимфа Сцилла, возлюбленная рыбака Главка, обращенная въ подводный камень завистливой волшебницей Цирцеей. Это вы слышите не вой волнъ въ бурю, а трубящій рогъ Тритона, любимаго сына Нептуна, сзывающаго свое водное племя...

Это не вѣтеръ шевелить въ деревьяхъ берега, опаснаго для морехода, а лукавыя сирены, Левковія, Лидія и Партенона, очаровываютъ своею игрой довѣрчиваго странника, чтобы потопить его въ своихъ омуткахъ. Вы думаете, это волна бьетъ тяжело, будто молотомъ, въ камни водной пещеры, за черною дырою скалы?.. Нѣтъ, это циклопъ Полифемъ засталъ въ объятіяхъ нимфы Галатеи страстнаго юношу Адиса и бросаетъ въ нихъ, разсвирѣпѣвъ, обломки утесовъ...

Этихъ пещеръ и подводныхъ гротовъ видимо-невидимо въ

утесистыхъ островкахъ Аркинелага, и въ каждой пещерѣ жилище какой-нибудь очаровательной нимфы... Стоить Телемаву быть выброшену на пустынный островъ, какъ ужъ онъ въ нѣжныхъ объятіяхъ Калипсо... Самъ лучезарный Фебъ — каждую ночь не можетъ покинуть подводныхъ опочивалень Ѳетиды, и черезъ это несчастная земля, по 12 часовъ сряду, остается безъ лучей солнца. Когда Посейдонъ отпраздновалъ на островѣ Питерѣ свою первую брачную ночь съ Амфитритой, онъ нѣсколько сутокъ не могъ возвратиться къ ея ложу, потому что на каждомъ шагѣ своего царственнаго обзора водныхъ владѣній встрѣчалъ то прекрасную нимфу Венилію, то еще болѣе прекрасную нимфу Салапію, то дѣвственную Фоосу, поочередно увлекавшихъ бѣднаго новобрачнаго бога въ свои таинственные подводные лабиринты...

Юная Фооса заранѣе горевала, какъ вознегодуетъ на ея паденіе ея цѣломудренная мать, но успокоилась, когда, возвратясь на родной островъ Лемнось, увидала молодого Полифема, играющаго на волнѣхъ своей родительницы...

ХV.—ЦИКЛАДСКІЙ АРХИПЕЛАГЪ.

Рано на разсвѣтѣ мы врѣзались въ густую чащу Цикладскихъ островковъ. Это древнее гнѣздо іонійской торговли, іонійскихъ сказаній и подвиговъ...

Мы проспали Тинось и Микони, и увидѣли ихъ уже далеко позади. Передъ нами, въ яркомъ освѣщеніи утренняго солнца стояла какъ восхитительная декорація бѣлокаменная Сира. Рѣдко можно видѣть такой поразительный живописный и оригинальный городокъ. По зелено-краснымъ конусамъ горъ, прямо изъ лазуревыхъ водъ моря, поднимаются два сплошныхъ ослѣпительно бѣлыхъ конуса чистенькихъ каменныхъ четырехугольных домовъ безъ крышъ. Они кажутся издали ровными тесанными кубиками бѣлаго мрамора, просыпанными съ далекихъ вершинъ горы и густо завалившими собою ея склоны. Эти пирамиды жилищъ, поднимающіяся въ облакамъ, увѣнчаны наверху старымъ католическимъ аббатствомъ св. Георгія и новою греческою базиликой.

Мы съ женой не утерпѣли и отправились побродить по хорошенькому городку, чтобы поглазѣть на незнакомую еще жизнь греческаго населенія. Сира съ каждымъ годомъ богатѣетъ и разрастается; она лежитъ на двойномъ перепуты, между Александріей, Пиреемъ и Константинополемъ. Городъ изготавляетъ макароны, пшеничную муку и лучший на всемъ востокѣ рахатъ-лу-

жумъ. Деревенки острова залиты садами гранатъ, апельсиновъ, виноградъ. Вездѣ хорошия набережныя, мостовыя, тротуары, бульвары, фонтаны, вездѣ богатые магазины и безчисленное множество кофеенъ. Хотя было рано, всѣ площади и улицы были наполнены празднымъ людомъ въ красныхъ фескахъ, курившимъ маргиле и пившимъ кофе. Мы хотѣли вскарабкаться на самую вершину, чтобы съ террасъ аббатства взглянуть на городъ и окружающій его архипелагъ острововъ... Вездѣ чисто, пристойно и безопасно, какъ ни высоко поднимались мы по довольно глухой каменной лѣстницѣ, между рядами молчаливыхъ домовъ. Пахнетъ уже востокомъ, теремной жизнью женщинъ... Пахнетъ и Италией, если оглянешься на этихъ рыбаковъ въ живописныхъ колпакахъ-мѣшкахъ, на этихъ осликовъ, обвѣшанныхъ большими кувшинами воды, на этихъ водоносцѣхъ съ громадными амфорами на головѣ... Въ концѣ пути мы спутались среди множества узенькихъ и темныхъ переходовъ, вьющихся насквозь домовъ, подъ домами и черезъ крыши домовъ... Цѣлая толпа уличныхъ мальчишекъ, не понимавшихъ ни одного слова ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего новогреческаго, стала сейчасъ же провожать насъ, безъ труда понявъ, что мы иностранцы и что съ насъ можно получить серебряную монету. Они вводили насъ въ католическія церкви, бѣгали за привратниками, указывали на красивые виды и вообще ухаживали за нами, какъ настоящіе проводники туристовъ. Частые католическіе храмы въ этой части города удивили насъ своею благопристойною и благоговѣйною обстановкою... Съ верхней террасы св. Георгія видъ, дѣйствительно, оказался великолѣпнымъ, широко охватывающимъ горизонты моря. Но подняться до него было нелегко, особенно по жаркимъ камнямъ, подъ палящими лучами солнца.

Когда послѣ торопливой двухъ-часовой прогулки мы очутились опять на палубѣ „Цесаревича“, насъ трудно было узнать. Солнце сразу обожгло насъ своими лучами, словно въ краску окунуло...

Сира новая, съ хорошими удобными домами и широкими улицами-бульварами—вызвѣ, у берега. Нарерху, на горахъ, — это старая Сира, почти сплошь заселенная католиками. Еще съ восточныхъ походовъ въ Сирѣ утвердились французы и особенно итальянцы. Послѣ захвата въ 1204 году Византіи венеціанцами, многіе острова архипелага поступили въ качествѣ „лена св. Марка“ во владѣніе знатныхъ венеціанскихъ фамилій. Такъ, напр., герцогами Наксоса и Пароса сдѣлались Сунудо, герцогами Тиноса и Скироса — Гизи и т. п. До сихъ поръ главнѣйшія фамиліи

острова итальянскія. То же и на сосѣднихъ островахъ Наксосѣ, Тиносѣ. Оттого до 1821 года Сира была подъ особеннымъ покровительствомъ Западной Европы и пользовалась нѣкотораго рода независимостію. Сюда, во дни турецкой рѣзни 1821 и 1822 годовъ, спасались во множествѣ смирицы, хіосцы, псаріоты; оттого въ городѣ до сихъ поръ существуютъ особыя кварталы псаріотовъ, смирицевъ, хіосцевъ и пр. Теперь Сира—торговая столица всего Цикладскаго архипелага, который тяготеетъ къ ней во всѣхъ отношеніяхъ...

Мы не долго любовались красавицей—Сирой и понеслись опять по проливамъ Архипелага, оставляя острова и вправо, и влѣво.

Вотъ поднимается изъ голубыхъ водъ поэтическій Делосъ, маленький скалистый островокъ, съ которымъ соединено столько священныхъ воспоминаній древности... На немъ еще бѣлѣются развалины православныхъ храмовъ и оракуловъ Аполлона...

Делосъ—это островъ Аполлона, бога солнца, бога поэзіи. Когда Юнона, ревнивая супруга Зевеса, преслѣдовала беременную Латону, то даже Посейдонъ, богъ хладной влаги, сжалился надъ несчастной возлюбленной царя боговъ и однимъ ударомъ своего трезубца создалъ изъ волнъ моря цвѣтушій островъ Делосъ, гдѣ, подъ тѣнію масличины, впервые увидѣлъ свѣтъ дня богъ дневнаго свѣта Аполлонъ и его ночная сестра Діана. Въ благодарность за это Аполлонъ сдѣлалъ неподвижнымъ плывучій островъ Нептуна, остановивъ его въ самой серединѣ Цикладскихъ острововъ, и, еще будучи четырехъ лѣтъ, создалъ въ немъ на горѣ Цинтусѣ свой чудесный храмъ, построенный изъ роговъ дикихъ козъ, убитыхъ стрѣлами Діаны.

На этомъ же островѣ свѣта, Аврора обезсмертила, полюбила и погубила бѣднаго своего Тифона...

Древніе до такой степени благоговѣли передъ святынями Делоса, что не дозволяли больнымъ умирать на его божественной почвѣ и не осквернили ее присутствіемъ смердчаго пса. Даже варвары Авіи раздѣляли это суевѣрное благоговѣніе грековъ, и когда громадный персидскій флотъ, разорившій острова Архипелага, присталъ къ берегамъ Делоса, то ни одинъ воинъ не осмѣлился прикоснуться святотатственною рукою къ владѣніямъ лучезарнаго Феба...

Миновали Делосъ—уже приближаемся къ двумъ скалистымъ островамъ, раздѣляемымъ узкимъ проливомъ, Паросу—этой неисчерпаемой сокровищницѣ мраморовъ, и родному брату его—Анти-Паросу. Мы впрочемъ проходимъ лѣвѣе, между голыми уте-

сами Пароса и плодоносными зелеными берегами Наксоса, обильной житницы Цикладскаго архипелага, чтобы мимо Ню и Аморго, мимо Анедро, мимо Алафи и Сантурина, издавна снабжающаго нашу Русь, если не подлиннымъ виномъ своимъ, то хотя почтеннымъ именемъ его, — пройти между Критомъ и Кассо, въ виду обрывистаго Скарпанто, этой родины загадочнаго Протея, въ открытое Средиземное море...

Мы несемъ, какъ на крыльяхъ птицы, созерцая своеобразную красоту этихъ счастливыхъ острововъ, общихъ дѣтей Нептуна и Аполлона, и передъ нами развертываются и проходятъ, какъ на смотре, по очереди, одни за другими, ихъ каменные зеленныя громады... Чудные уголки, гдѣ началась, гдѣ должна была начаться для человѣчества жизнь, полная наслажденій, страсти, разума и предприимчивости. Все кругомъ голубое и розовое, нѣжное и мягкое, бодрящее, радующее, — волны, воздухъ, горизонты неба, очертанія горъ...

Жизнь кажется безконечнымъ свѣтлымъ праздникомъ, а міръ — безпредѣльнымъ раемъ земнымъ, гдѣ все возвышеннѣе, чище и очаровательнѣе, чѣмъ въ обычныхъ суровыхъ мракахъ сѣвера.

Цвѣтъ моря, какого я не видалъ еще нигдѣ и никогда. Мы съ женой молча любимъ на него цѣлые часы и никакъ не насытимъ имъ своихъ восхищенныхъ глазъ. Какая-то дивная голубизна прозрачной текучей бирюзы, то свѣтлѣющей отъ всплесковъ пѣны до нѣжной лазури утренняго неба, то густѣющей въ развернутыхъ кораблемъ хлябяхъ до глубокихъ тоновъ кобальта. Сама эта южная волна прозрачна, какъ жидкій хрусталь, легка, гибка и изящна, не похожая на чугунную, мутную, дробящую камни волну какого-нибудь Балтійскаго моря, а дышащая жизнью, населенная веселыми наядами, ласково колышущая жемчужную раковину Амфитриты, родящая изъ себя, на отмеляхъ цвѣтущаго острова, богиню красоты и любви...

Не даромъ въ художественномъ воображеніи грека Посейдонъ, царь этихъ голубыхъ водъ, родной братъ Зевеса, царя голубого неба... Это та же небесная лазурь — только въ струяхъ и волнахъ.

Какъ было не воспитать этому привѣтливому морю, этимъ заманчивымъ островкамъ, тотъ талантливый народъ, который чудною поэтическою зарею освѣтилъ начало нашей европейской исторіи?..

Здѣсь самъ собою зарождается и смѣлый морякъ, и вдохновенный художникъ, и поэтическій мыслитель-пантеистъ...

По этимъ островкамъ, кипящимъ цѣлыми многочисленными семьями между цвѣтущими берегами Западной Азіи, тихими при-

станами Аттики, Пелопоннеза и Фракіи, какъ по ступенямъ лѣстницы, перекинутой черезъ море, непобѣдимо переливалась въ Европу и перерождалась въ новыя свѣтлыя и широкія формы, древняя цивилизація финикіянъ и ихъ загадочныхъ семитскихъ собратій, сѣмѣвшихъ чуть не въ до-историческія времена доработаться до великихъ идей единобожія, до великихъ отертыѣ мѣры, денегъ и азбуки. Виноградъ, смоковница и маслина перешли оттуда изъ жаркихъ долинъ Азіи на эти роскошныя острова вмѣстѣ съ легендами боговъ и обрядами храмовъ, и обратили мало-по-малу бродячаго охотника и пастуха въ искуснаго садовода-оросителя, въ трудолюбиваго осѣдлаго хлѣбопашца...

Старыя міны Греціи еще полны смутныхъ воспоминаній этого историческаго дѣйства ея, трудовъ и подвиговъ перваго кроваваго устройства, среди не покоренной еще природы и не истребленныхъ еще звѣроподобныхъ первобытныхъ обитателей земли, всѣхъ этихъ людодовъ-циклоповъ, величиною въ сосну, минотавровъ — людей-быковъ, коне-человѣковъ — центавровъ, злыхъ старухъ гарпій съ человѣческимъ лицомъ и когтями коршуна и пр., и пр.

Въ этомъ смыслѣ особенно драгоцѣнны міеическіе подвиги Геркулеса. Не важны самыя подробности, въ которыхъ вылилась цвѣтистая дѣтская фантазія древняго грека. Но нельзя не наслаждаться удивительнымъ взмахомъ смѣлаго самознанія и безпредѣльной вѣры въ силы свои этого народа-юноши. Геркулесъ — это самъ живой греческій народъ, народъ колонистъ, мореходъ, охотникъ, воинъ, впервые рѣшившійся на подвиги дальнихъ странствованій, опасной борьбы, необычайныхъ встрѣчъ, знакомства съ невѣдомыми чудесами новыхъ странъ, гдѣ всѣ существа и явленія природы кажутся невѣроятными, сверхъестественными, — птицы съ желѣзными клювами, быки дышащіе огнемъ, змѣи трехъ-головныя, — гдѣ всякое полезное человѣку сокровище охраняется дракономъ, гдѣ туземцы-дикари представляются въ своей первобытной мощи исполинами непобѣдимой силы и безпредѣльной свирѣпости, гдѣ вся природа еще полна неодолимой дичи, кишитъ змѣями и хищными звѣрами. Развѣ это не дѣйствительная исторія дерзкаго и предприимчиваго грека, проникшаго во всѣ уголки тогдашняго міра, искресившаго на своихъ утлыхъ суденышкахъ всѣ извѣстныя и неизвѣстныя тогда моря, изъ одного края въ другой, до предѣловъ свѣта, гдѣ онъ воздвигаетъ, какъ межевой знакъ, свои Геркулесовы столбы, до тѣхъ далекихъ заманчивыхъ горизонтовъ Запада, гдѣ уже Атласъ, челоуѣкъ-гора, сынъ земли — Геи, поддерживаетъ на плечахъ небесный куполъ, и гдѣ Геспериды, дочери ночи, охраняютъ свои золотыя

яблони, яркія какъ лучи заходящаго солнца. Гераклесъ не даромъ соприкасается со всѣми землями и народами, на Кавказѣ освобождаетъ прикованнаго Прометея, и побѣждаетъ амазонокъ, въ Малой Азіи спасаетъ Гезіону отъ морскаго чудовища, въ Африкѣ очищаетъ Ливію отъ хищныхъ звѣрей и основываетъ стовратный городъ Гекатомпилью...

Оттого-то съ подвигами Гераклеса грекъ инстинктивно связываетъ всѣ славныя событія своей мифической исторіи. Онъ участвуетъ и въ походѣ аргонавтовъ Язона, и гораздо ранѣе ратей Агамемнона беретъ приступомъ Трою. Въ Критѣ онъ продѣлываетъ подвиги Тезея; онъ прикосновененъ и къ Прометею, и къ борьбѣ Титановъ. Фантазія грека не могла примириться съ тѣмъ, что первообразъ греческой народной силы и греческаго хитраго разума не принималъ участія хотя бы въ одной громкой эпопее его далекаго прошлаго. Если нельзя его пристегнуть къ Ахиллу и Аяксу, то онъ пристегивается къ Пелею и Теламону, отцамъ ихъ: если онъ не можетъ воевать противъ царя Пріама, по крайней мѣрѣ, ребенкомъ продаетъ этого Пріама въ рабство.

Гераклесъ—истинный предокъ и предшественникъ Улисса, другого любимца греческой фантазіи, потому что въ немъ не одна грубая и слѣпая сила мускуловъ. Напротивъ, эта неразумная стихійная сила, олицетворенная въ разныхъ Антеяхъ, Атласахъ, не можетъ нигдѣ противостоять хитроумнымъ приемамъ Гераклеса, который ловко умѣетъ отдѣлить Антея отъ земли, дававшей ему неистощимую силу, и перехитрить глупаго колосса Атласа.

Гераклесъ является истиннымъ олицетвореніемъ грека и въ томъ отношеніи, что это—человѣкъ религіи, союзникъ и любимецъ отечественныхъ боговъ... Боги требуютъ его на помощь противъ Титановъ, которыхъ умерщвляютъ только его волшебныя стрѣлы. Ему постоянно покровительствуетъ Зевесъ и Меркурій. Меркурій даритъ ему мечъ, Аполлонъ стрѣлы; хромоу Гефестъ самъ куетъ для него золотой колчанъ; притомъ онъ и самъ сынъ Зевеса, отгѣдавшій, хотя и по ошибкѣ, безсмертнаго молока изъ божественныхъ грудей Геры...

Въ сущности, въ мифахъ о Гераклесѣ слиты всѣ популярныя герои древняго грека, люди своего народа и времени, люди истиннаго эллинскаго идеала, столь же могучіе, отважные, предприимчивые, сколь разумные и хитрые, страстные къ женской красотѣ, честные на своемъ словѣ, угодные божествамъ и имъ угождавшіе, всѣ эти Язоны, Тезеи, Персеи; даже самъ Улиссъ въ болѣе утонченной формѣ повторяетъ и напоминаетъ этотъ основной образъ эллинской доблести. Не даромъ постояннымъ покровителемъ Гер-

кулеса является Гермесь-Меркурій, этотъ самый любимый, самый народный богъ Греціи, подвижной какъ ртуть, смѣлый и вѣчный странствователь, пробѣгающій небо и землю, ораторъ и музыкантъ, торговецъ и обманщикъ, столько же покровитель по слову, сколько и воровъ, красивый, искусный на всѣ руки, ловкій посредникъ между богами и людьми; всѣмъ одинаково нужный и всѣмъ одинако услуживающій; крадущій колчанъ у Амура, трезубецъ у Нептуна, у Марса мечъ, у Венеры поясъ, у Вулкана щитъ, и даже скипетръ у Зевеса, но передъ всѣми всегда правый и всѣхъ всегда дурачащій, словомъ, самый истинный, самый воплощенный грекъ древности во всѣхъ его грѣхахъ и талантахъ. Какую-то юношескую бодрость и радость духа ощущаешь самъ, погружаясь воспоминаніемъ въ эти фантастическіе рассказы народа-юноши о своемъ юношѣ-героѣ, и нигдѣ они не овладѣваютъ вами такъ полно, нигдѣ не становятся такъ памятными, какъ здѣсь, въ волнахъ этого древняго мионическаго моря, среди этихъ прекрасныхъ острововъ, горъ, мысовъ и заливовъ, которыхъ каждое имя дышетъ легендами тысячелѣтняго прошлаго, каждый камень запечатлѣнъ событіями этой яркой и шумной многовѣковой исторіи...

Впрочемъ, не слѣдуетъ ради поэтическаго стараго забывать хотя болѣе скромные, но за то и болѣе реальные подвиги новыхъ поколѣній. Народъ, воспѣвшій отвагу Геркулеса и Ахилла, вписавшій въ свои лѣтописи Термопилы и Марафонъ, еще недавно осытилъ эти древніе острова и это древнее море своимъ геройскимъ патриотизмомъ... Вотъ влѣво отъ насъ остался островъ Псара, который въ дни освобожденія Греціи отъ турецкаго ига достойно заслужилъ славу героя и мученика. Сира и Псара были первые острова, которые рѣшились возстать противъ турокъ и присоединиться къ возмущившейся Греціи. За ними послѣдовали Идра и Кассо, потомъ Самось и другіе. Острова эти были такъ богаты и цвѣтущи, что возстаніе могло стать для нихъ гибелью. Въ 1821 году у этихъ четырехъ острововъ былъ уже значительный торговый флотъ, до 350 кораблей разнаго калибра съ 12,000 превосходнѣйшихъ въ мірѣ матросовъ... Этотъ флотъ и сталъ ядромъ греческой морской силы, нанося смертельные удары турецкимъ кораблямъ въ то время, какъ весь материкъ греческихъ полуострововъ, отъ Термопильскаго прохода до мыса Акціума, былъ охваченъ народнымъ возстаніемъ... Почва и воздухъ древней Аттики, древней Спарты, создали своего рода героевъ древ-

ности, Колокотрони, Бопарисовъ, Міаули, одного имени которыхъ трепетали турки. Колокотрони всю жизнь провелъ клефтомъ въ горахъ, истребляя турокъ. Старикъ отецъ его убилъ въ теченіе своей жизни собственною рукою 700 турокъ...

Самъ Колокотрони былъ идеаломъ непобѣдимаго партизана и непоколебимаго патріота. Его громадный ростъ и черныя кудри волосъ, разсыпанныя по плечамъ, суровая твердость его повелительнаго взгляда, классическая простота и рѣзкая краткость рѣчи приковывали къ нему народъ и заставляли идти за нимъ какъ за вождемъ, который можетъ вести только къ побѣдѣ. Андрей Міаули былъ на морѣ тѣмъ, чѣмъ Колокотрони въ горахъ. Это былъ мужъ Аристидовской честности, невозмутимаго хладнокровія и безконечной отваги.

Смѣлые греческіе моряки жгли турецкіе корабли при всякой встрѣчѣ и навели паническій ужасъ на оттоманскій флотъ, который укрывался отъ нихъ, какъ раненый медвѣдь отъ одолѣвшихъ его собакъ, и не смѣлъ показываться въ Эгейскомъ морѣ. За то въ Константинополѣ турки вѣшали и топили кого могли, патріарховъ, митрополитовъ, архіереевъ, знатныхъ греческихъ жителей.

На островахъ Критѣ, Родосѣ, Кипрѣ и многихъ другихъ они вырѣзывали все христіанское населеніе. То же было въ Смирнѣ, въ Малой Азіи, въ Румелии.

Островъ Хіосъ, этотъ древнѣйшій и богатѣйшій виноградникъ Греціи, славившійся своими мастиковыми и плодовыми садами, своимъ благосостояніемъ и образованностію, съ 100,000-нымъ греческимъ населеніемъ, долго отказывался принять участіе въ возстаніи, возбуждая тѣмъ общее негодованіе грековъ. Наконецъ удалый Георгъ Логоветъ, прозванный Ликургомъ, сдѣлалъ смѣлую высадку изъ сосѣдняго острова Самоса, уже применувшаго къ возстанію, и поднялъ хіосцевъ... Но вожди возстанія не сумѣли во-время защитить несчастный островъ: кровожадный купцанъ-паша Кара-Али неожиданно овладѣлъ Хіосомъ; 23 тысячи жителей было вырѣзано, 47,000 обращено въ рабство; 75 хіосскихъ заложниковъ и архіепископъ хіосскій вздернуты были на висѣлицу.

Тогда-то вдругъ грянулъ какъ громъ отчаянный подвигъ Міаули. Онъ тайно провелъ и спряталъ свои корабли около острова Псары. Побѣдоносный Кара-Али ликовалъ между тѣмъ около береговъ Хіоса, собравъ къ себѣ на корабли на роскошный пиръ въ честь наступившаго байрама всѣхъ своихъ подчиненныхъ и до 2,000 гостей. Была непроглядная черная ночь. Два брандера подъ управленіемъ геройскаго Канариса, подъ покро-

вомъ этой ночи, пробрались среди тѣсной массы турецкихъ вораблей и вдругъ охватили огнемъ пирующій адмиральскій корабль... Пороховая камера взлетѣла на воздухъ; турки, бросившіеся въ лодки, тонули толпами. Самъ Кара-Али, раздавленный обгорѣлою мачтою, испустилъ духъ на томъ самомъ мѣстѣ берега, гдѣ онъ повѣсилъ хіосскихъ заложниковъ. Разсѣянный турецкій флотъ въ ужасѣ бѣжалъ въ Дарданеллы... А Міаули, провожаемый восторженными криками народа, смиренно молился по утру въ храмъ торжествующей Псары...

Псара перенесла разореніе и истребленіе отъ руки турокъ, но по крайней мѣрѣ этою цѣною своей крови она купила свою свободу. Но Самось, такъ энергически отстаивавшій общее дѣло Греціи, осужденъ былъ остаться въ цѣпяхъ турка, подобно себялюбивому и изнѣженному Хіосу, почти насильно втолкнутому въ роковую для него борьбу.

Еще грустнѣе вспомнить, что въ теченіе этой геройской своей борьбы сами греки доходили иногда до взаимнаго ожесточенія и взаимнаго истребленія, въ которомъ они не уступали фанатическому турку.

Когда многіе острова, стоявшіе во главѣ возстанія, не хотѣли покоряться тираническимъ мѣрамъ президента правительства Каподистріи, когда Идра и Сира объявили себя независимыми, а Міаули силою захватилъ островъ Паросъ, арсеналь и военныя суда и требовалъ отъ Каподистріи созыва національнаго собранія, то непопулярный президентъ прибѣгнулъ въ помощи русскаго флота; адмиралъ Рикордъ, окруживъ Міаули у Пароса, потребовалъ его сдачи. Геройскій морякъ предпочелъ, однако, взорвать на воздухъ свои корабли и спастись съ своимъ экипажемъ въ лодкахъ на островъ Идру... Тогда-то высадившіяся греческія войска опозорили навсегда свое имя, предавшись неистовствамъ надъ своими соотечественниками Пароса, достойнымъ турецкихъ башибузуковъ.

Между тѣмъ, передъ нами встаетъ, высоко выдѣляясь изъ сплошныхъ горныхъ массъ Крита, снѣгами вѣнчанная Ида, колыбель Юпитера, укрытаго здѣсь Реею отъ всепожирающей пасти Кроноса.

Критъ задвигаетъ намъ теперь весь горизонтъ моря, опять переполняя мои воспоминанія своими поэтическими мѣстами.

Это самое старое гнѣздо финикійской цивилизаціи, самая древняя школа греческихъ народовъ. Они черпали тутъ свои первые уроки религіи, законодательства, художества и житейскихъ знаній.

Недаромъ тутъ жилъ Дедалъ, первый художникъ-строитель.

Недаромъ отсюда вылетѣлъ на своихъ восковыхъ крыльяхъ и первый изобрѣтатель-механикъ—Икаръ, непрактичный и несчастный, какъ всѣ гении; его трупъ похороненъ, говорятъ, на островѣ Эгейскаго моря, который до сихъ поръ носить его имя (островъ Ниварія). По берегу негостепріимнаго Крита ходилъ въ дни Тезея исполинскій бронзовый человѣкъ, вылитый для мудраго царя Миноса въ кузницахъ самого Гефеста—вѣроятно, также темное воспоминаніе о какомъ-нибудь чудѣ еще невѣдомаго грекамъ литейнаго искусства. Онъ день и ночь потрясалъ своею ужасною палицею и грозилъ подплывавшимъ кораблямъ. Хотя онъ и погибъ въ волнахъ моря, неудачно бросивъ свою дубину въ корабль Тезея, однако, его безпокойный враждебный духъ, по-видимому, остался въ наслѣдство древнимъ берегамъ Кандіи.

Къ ночи насъ стало показывать не на шутку, и кожный вѣтеръ сталъ сильно свѣжѣть... Критъ прикрылъ теперь отъ насъ будто гигантскими воротами далеко видѣвшуюся позади веселую семью Цикладовъ, а туманы ночи задержали ихъ словно занавѣсъ театральную сцену.

Насъ опять охватила пустынная ночь среди пустыннаго, на встрѣчу несущагося моря. Теперь до далекихъ песчаныхъ пустынь Африки—ничего, кромѣ этого необозримаго моря.

Чувственные языческіе миражи Греціи растаяли сами собою, словно ихъ поглотила вдругъ эта безпредѣльная волнующаяся пучина, и другія, глубокія и трезвыя мысли встали вмѣсто нихъ въ безмолвномъ меланхолическомъ сіяніи мѣсяца. Въ этомъ безконечномъ просторѣ, въ этомъ могучемъ движеніи водъ, чувствовалось присутствіе иной могучей и безконечной силы, передъ которою жалкими и слабосильными дѣтьми казались всѣ эти Зевесы съ молніями и Нептуны съ трезубцами...

Дыханіе вѣчнаго Бога одно стояло теперь надъ спящимъ міромъ, надъ сказками и грезами его дѣтства, надъ грѣховной суетой его старыхъ исторій...

Много безумныхъ и лживыхъ мыслей наполняло въ теченіе тысячелѣтій голову человѣчества. Но невозможно представить себѣ мысли, болѣе возмутительной для здраваго чувства, для неиспорченнаго ума, какъ это мнимо-философское, мнимо-научное ученіе, увѣряющее насъ, будто въ слѣпомъ сочетаніи мировыхъ атомовъ все слѣпо, мертво и мгновенно, будто смыслъ и красота вселенной—только галлюцинація нашего собственнаго ограниченнаго мозга, и будто, кромѣ насъ, выше насъ, ничтожныхъ существъ, смѣняющихся съ очереди какъ урожаи нивы, гибнущихъ отъ малѣйшей случайности, не умѣющихъ постигнуть самыхъ простыхъ

вещей,—нѣтъ во вселенной другого, болѣе совершеннаго разума, нѣтъ вѣчнаго свидѣтеля и совершателя воѣхъ этихъ скоропреходящихъ, чередующихся смѣнъ народовъ, исторій, поколѣній...

Вотъ мы, слабые, жалкіе, заснули здѣсь на палубѣ, убаюканные какъ младенцы чутъ зашѣтною зыбью,—и уже нѣтъ болѣе въ мірѣ ни созерцающаго ока, ни судящей и разумѣющей мысли, ни охраняющей и направляющей воли. Вотъ остынетъ отъ какой-нибудь случайной перемѣны въ вѣрѣ земной, въ положеніи солнца, наша темная планета, исчезнетъ вдругъ на ней человѣческая жизнь,—и всѣ эти безчисленные миллионы міровъ въ своей чудесно-стройной механикѣ окажутся разомъ бессмысленной, никому невидимой, никому невѣдомой, и никому не нужной толкотней мертвыхъ массъ... Нѣтъ, это—колоссальнѣйшая изъ неправдъ, колоссальнѣйшее изъ заблужденій! Даже младенческая вѣра въ Оетиду и Феба заключаетъ въ себѣ въ тысячу кратъ болѣе философіи, логики и нравственной врасоты.

Нѣтъ, здѣсь, въ рокоутѣ вѣчно плещущихъ волнъ, въ сіяніи неохватнаго неба, самый черствый скептикъ ощутитъ присутствіе вѣчной творящей и хранящей силы, какъ чувствовалъ ее Моисей въ гровныхъ пустыняхъ Синая, смиренно преклонивъ передъ нею колѣни, и уразумѣетъ, что его проноситъ надъ безднами смерти не одна сила пара и генія человѣческаго...

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

ФИЛОСОФІЯ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого, посвященныя великому вопросу о смыслѣ человеческой жизни, не составляютъ уже запретнаго плода для нашей публики; мало-по-малу они проникаютъ въ печать по частямъ, то въ видѣ отдѣльныхъ статей и отрывковъ, то подъ видомъ бесѣдъ съ знаменитымъ авторомъ или даже съ героями его романовъ. Наконецъ, эти произведенія переведены на иностранныя языки и успѣли обратить на себя вниманіе въ заграничной литературѣ; они имѣютъ у насъ поклонниковъ и толкователей, хотя и не были до сихъ поръ доступны свободной критической оцѣнкѣ. „Ученіе“ графа Толстого, окруженное ореоломъ таинственности, невольно привлекало умы; оно кажется заманчивымъ не только по своему основному содержанію, въ высшей степени симпатичному, но и по тому оттѣнку тайны, которымъ все еще покрыта эта сторона литературной дѣятельности гениальнаго писателя. Существенныя черты „ученія“ уже извѣстны; извѣстны и многія подробности, — а читатели отрывковъ ждутъ еще чего-то дальнѣйшаго, особеннаго, въ полной увѣренности, что самое главное остается впереди, въ туманѣ необнародованныхъ еще откровеній. Между тѣмъ, философія Л. Н. Толстого, насколько она выяснилась въ печати, можетъ и должна быть разобрана по существу; она касается вопросовъ слишкомъ важныхъ, чтобы обойтись безъ обстоятельной критики и провѣрки. Мы рѣшились съ своей стороны высказать нѣсколько замѣчаній по поводу отдѣльныхъ частей „ученія“, съ единственною цѣлью облегчить исаніе истины для тѣхъ, кто принимаетъ близко въ

сердцу философскія задачи и усилія автора „Войны и мира“. Мы постараемся забыть,—если это возможно,—что имѣемъ дѣло съ великимъ художникомъ; предъ нами только оригинальный мыслитель, взгляды котораго требуютъ внимательнаго и безпристрастнаго обсужденія.

Ученіе графа Л. Н. Толстого распадается на три части: первая относится специально къ религіи, и объ ней мы говорить не будемъ; вторая затрогиваетъ вопросы философскіе и нравственные, а третья рѣшаетъ социальныя проблемы человѣческой жизни. Всѣ три части тѣсно связаны между собою и какъ будто вытекаютъ одна изъ другой; но не трудно раздѣлить ихъ и разсматривать отдѣльно, какъ увидимъ ниже.

I.

Въ „Исповѣди“ ¹⁾ графъ Л. Н. Толстой неоднократно подчеркиваетъ свое раскаяніе въ томъ, что когда-то онъ раздѣлялъ „сумасшедшую увѣренность“ въ призваніи своемъ, какъ писателя, „учить людей, самъ не зная чему“. „Теперь мнѣ смѣшно вспомнить,—говоритъ онъ,—какъ я виліялъ, чтобы исполнить свою похоть—учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно“. Авторъ даже „поѣхалъ за границу, чтобы тамъ узнать, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы, самому ничего не зная, уметь учить другихъ“. Но, рассказавшись въ этомъ, онъ именно и началъ учить людей настоящимъ образомъ, тогда какъ прежде училъ только косвенно, и никто, конечно, не упрекнетъ его за эту непоследовательность.

Графъ Толстой съ необычайною искренностью объясняетъ весь ходъ мыслей и чувствъ, приведшій его къ настоящимъ воззрѣніямъ. Общепринятая вѣра въ прогрессъ не долго держалась въ немъ; онъ убѣдился, что это только суевѣріе, которымъ люди заслоняютъ отъ себя свое непониманіе жизни. „Такъ,—рассказываетъ онъ,—въ бытность мою въ Парижѣ гильотина обличила мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умою, а всѣмъ существомъ, что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправ-

¹⁾ Содержаніе „Исповѣди“ изложено не только въ извѣстномъ этюдѣ Громеки (о которомъ уже говорилось въ „Вѣстникѣ Европы“, въ № 12 за прошлый годъ), но еще съ большею подробностью въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Недѣлѣ“ за 1885 г.

дать этого поступка, и что еслибы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ-бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что потому судя тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди и не прогрессъ, а я съ своимъ сердцемъ“. Извѣстно, что почти то же самое чувствовалъ и Тургеневъ при казни Тропмана; но онъ не дѣлалъ вывода о прогрессѣ по поводу такого факта, который издавна осуждается и все болѣе ограничивается лучшими прогрессивными элементами человѣчества. Что слово „прогрессъ“ не даетъ никакого представленія о смыслѣ и цѣли жизни,—это несомнѣнно. Авторъ мирился, однако, съ господствующими понятіями въ теченіе многихъ лѣтъ; онъ сталъ искать смысла жизни, когда жизнь начинала уже клониться къ упадку.

Какого же смысла искалъ онъ и надъ чѣмъ задумывался? Онъ ставилъ себѣ роковые вопросы въ чисто-личной, субъективной формѣ. Онъ „какъ будто не зналъ, какъ жить, что дѣлать, и терялся и впадалъ въ уныніе“. Среди заботъ о хозяйствѣ ему вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: „Ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ въ Самарской губерніи, 300 головъ лошадей, а потомъ?“ Или, начиная думать о томъ, какъ онъ воспитаетъ дѣтей, онъ говорилъ себѣ: „зачѣмъ?“ Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, онъ вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло?“ Или, думая о той славѣ, которую приобрѣтутъ ему его сочиненія, онъ говорилъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ, — ну, и что-жъ!“ Онъ „будто жилъ-жилъ, шелъ-шелъ и пришелъ къ пропасти, и ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели; — и остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видать, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти—полнаго уничтоженія“. Во всѣхъ мысляхъ автора на эту тему мы находимъ одинъ только исключительный мотивъ, повторяющійся въ разныхъ формахъ и образахъ,—чисто-личное чувство уходящей жизни, неотступный страхъ смерти, угрожающей ему, Л. Н. Толстому. Онъ точно внезапно вспомнилъ, что смерть—общій удѣлъ всего живущаго—настигнетъ неизбежно и его самого; и это неприятное сознаніе не давало ему жить спокойно, преслѣдовало его мучительными вопросами и довело его даже до мысли о самоубійствѣ. „Прежній обманъ радостей жизни, заглушавшій ужасъ дракона,—объясняетъ онъ,—уже не обманываетъ меня. Теперь я не могу не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и ведущихъ меня къ смерти. Я вижу это одно, потому что это одно — истина.

Остальное — все ложь“. Радости жизни не обманываютъ больше по очень простой причинѣ, — потому что онѣ уже пережиты. Впереди видится одна только приближающаяся смерть, не потому, что ничего другого не существуетъ, а потому, что она одна идетъ на встрѣчу человѣку, достигшему извѣстнаго возраста. Сказать, что „остальное—все ложь“, значитъ поддаться оптическому обману: съ такимъ же основаніемъ юноша, полный силъ и надеждъ, скажетъ, что жизнь величайшее благо, что истина только въ наслажденіи и что „остальное—все ложь“. Почему авторъ думаетъ, что его теперешняя точна зрѣнія истиннѣе той, какая была у него двадцатью годами раньше? И въ молодости онъ твердо зналъ, чѣмъ кончается жизнь, и не боялся смерти, и смѣло смотрѣлъ въ глаза міру. И какъ тогда онъ не могъ свое личное пріятное ощущеніе выдавать за общую обязательную истину, такъ и теперь онъ не можетъ утверждать, что его позднее печальное чувство даетъ вѣрное мѣрило для оцѣнки жизни вообще.

Для насъ очень любопытны личныя впечатлѣнія и ощущенія графа Л. Н. Толстого; но никакого философскаго интереса не представляютъ его вопросы, возникшіе на почвѣ этихъ чувствъ и впечатлѣній. Что можно извлечь изъ разсужденій о томъ, что не стоитъ хлопотать о хозяйствѣ, о дѣтяхъ и о народѣ, когда человѣкъ волнуется страхомъ смерти? Можно только напомнить, что другіе будутъ жить послѣ насъ и захотятъ пользоваться жизнью подобно намъ, въ ожиданіи момента раздумья и разочарованія на порогѣ старости. Оттого, что моя личная жизнь близится къ концу, нисколько не слабѣетъ чувство жизни въ другихъ, и если мнѣ самарское имѣніе позволяло удовлетворять всякія желанія и прихоти, то странно ставить себѣ вопросъ: „зачѣмъ? ну а потомъ?“, когда дѣло идетъ объ устройствѣ имѣнія для дѣтей или о раздачѣ земли крестьянамъ. Графъ Толстой искалъ, очевидно, не общаго смысла человѣческой жизни; онъ не могъ думать о другихъ, о народѣ, о человечествѣ, съ той минуты, какъ предсталъ предъ нимъ грозный призракъ всепожирающаго „дракона“. Мысль о людяхъ, о народѣ, о дѣтяхъ, устраняется простымъ соображеніемъ: „Что же изъ этого выйдетъ? Вѣдь все равно я умру, и меня съѣдятъ черви“. Правда, милліоны и милліарды людей, въ томъ числѣ самыхъ славныхъ и великихъ, истлѣли въ землѣ до меня; прахъ Цезаря послужилъ, быть можетъ, для замазки какой-нибудь бочки, какъ говоритъ Шекспиръ въ „Гамлетѣ“, —но все это были другіе люди, и пока идетъ рѣчь объ ихъ гибели, я не поднимаю никакого вопроса; теперь же дѣло доходитъ до меня, и я протестую отъ всей души, ищу себѣ спасенія и выхода, дѣлаюся

равнодушнымъ къ чужимъ жизнямъ и интересамъ, отвѣчаю на все: „зачѣмъ“? и не чувствую ничего, кромѣ ужаса смерти. И изъ этого своего отчаяннаго настроенія я заключаю, что жизнь вообще бессмысленна и что всѣ люди, не видящіе этого, безумны или слѣпы. Или эта философія совершенно безцѣльна и ни для кого не интересна, или она служить только субъективной подкладкою для умственной работы, могущей дать какія-либо серьезныя обобщенія. Какія же обобщенія даетъ намъ Л. Н. Толстой?

Для разгадки своихъ сомнѣній и вопросовъ, авторъ обращался къ наукѣ; „я искалъ во всѣхъ знаніяхъ,—говоритъ онъ,—и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно также ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводитъ меня въ отчаяніе—бессмыслица жизни—есть единственное, несомнѣнное знаніе, доступное человѣку“. Отвѣтъ или отсутствіе отвѣта можетъ зависѣть отъ свойства самого вопроса, поставленнаго авторомъ. „Вопросъ мой,—заявляетъ графъ Л. Н. Толстой,—тотъ, который въ пятьдесятъ лѣтъ привелъ меня къ самоубійству, былъ самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрейшаго старца, тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна“, а именно: „что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра, что выйдетъ изъ всей моей жизни?“ Иначе выраженный, вопросъ будетъ такой: „зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?“ Не будемъ здѣсь останавливаться на томъ, что вопросъ, не существовавшій для графа Л. Н. Толстого въ пору его молодости, оказывается вдругъ обязательнымъ даже для „глупаго ребенка“; остановимся на самой формулировкѣ вопроса. Авторъ спрашивалъ: „зачѣмъ?“—и спрашивалъ тщетно, ибо научное знаніе отвѣчаетъ только на вопросы: „какъ?“ и „почему?“ Вопросъ „зачѣмъ?“ заимствованъ изъ области искусства и прикладныхъ наукъ; онъ неумѣстенъ въ наукахъ настоящихъ, теоретическихъ, занимающихся точнымъ изслѣдованіемъ явленій. Никто не обратится въ астрономіи съ вопросомъ: „для чего существуютъ и движутся звѣзды? Зачѣмъ земля вертится около своей оси и около солнца? Какая цѣль и какой смыслъ всѣхъ этихъ всеобщихъ безконечныхъ движеній?“ Никто не станетъ въ физикѣ искать отвѣтовъ на вопросы: „зачѣмъ существуетъ законъ или фактъ взаимнаго притяженія тѣлъ? Для чего существуетъ электричество, въ чемъ смыслъ его и цѣль?“ Такъ же точно біологія не дастъ отвѣта на вопросъ о цѣли и смыслѣ органической жизни. Наука объясняетъ, какъ движутся звѣзды и

почему идутъ такъ, а не иначе, какъ проявляется и дѣйствуетъ электричество, какъ развиваются и измѣняются организмы; но зачѣмъ все это и что изъ этого выйдетъ въ концѣ концовъ, это уже не дѣло науки въ точномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, графъ Л. Н. Толстой обращался ко всѣмъ знаніямъ съ неподлежащимъ вопросомъ, и результатъ онъ могъ предвидѣть заранее; но онъ винить за это не себя и свой вопросъ, а науку и ея безсиліе, „тупость мысли и воображенія“, свойственную будто бы позитивной философіи, глупость и слѣпоту ученыхъ людей и т. п. Нѣкоторое подобіе отвѣтовъ авторъ нашелъ въ умозрѣніяхъ „сильтѣйшихъ умовъ человѣчества“, Сократа, Шопенгауэра, царя Соломона, Будды (въ такомъ порядкѣ цитируетъ ихъ авторъ); а ихъ отвѣтъ печальный: „все—суета; счастливъ, кто не родился, смерть лучше жизни; надо избавиться отъ нея“. Но тутъ мы встрѣчаемся съ важнымъ недоразумѣніемъ, которое еще усиливается ссылкой на названныхъ мудрецовъ.

Графъ Л. Н. Толстой пришелъ какъ-будто къ мрачному, безнадежному взгляду на жизнь. Этотъ мрачный взглядъ былъ ему внушенъ неотступнымъ страхомъ смерти. Мысль о концѣ жизни ужасаетъ его; это значить, что жизнь сама по себѣ есть для него далеко не „даръ напрасный, даръ случайный“, а напротивъ, „даръ прекрасный“, величайшее благо, къ которому онъ привязанъ неодолимо всѣми силами души. Если бы жизнь была безсмыслицей и зломъ, то смерть не была бы страшна, и ужась передъ приближающимся дракономъ уступилъ бы мѣсто пріятному сознанію скорого освобожденія. Безъ идеи о драконѣ, т.-е. о неминуемомъ концѣ, графъ Л. Н. Толстой жилъ бы спокойно и далѣе, какъ жилъ до пятидесяти лѣтъ, не задавалъ бы себѣ мучительныхъ вопросовъ и не написалъ бы, вѣроятно, своей „Исповѣди“. Другими словами, для него не жизнь—безсмыслица и зло, а смерть, грозящая прекратить ее; въ этомъ отношеніи приведенные термины ошибочно прилагаются не къ тому, къ чему относятся по логическому смыслу. Причемъ же тутъ Шопенгауеръ съ его безнадежнымъ взглядомъ на самую жизнь человѣка и съ его теоріею превосходства небытія надъ этою юдолью скорби и печали? Пессимисты сводятъ балансъ жизни, взвѣшиваютъ ея хорошія и темныя стороны, доказываютъ, что наслажденія основаны на иллюзіяхъ и что общій итогъ нашего существованія выражается отрицательною величиною, дефицитомъ; они не только не боятся смерти, а считаютъ ее желаннымъ выходомъ изъ безцѣльнаго и нелѣпаго житейскаго круговорота. Чтѣ общаго съ ними можетъ имѣть авторъ, проклиная жизнь только потому,

что она недостаточно долговѣчна? Его страшитъ небытіе, предстоящее ему въ будущемъ; онъ забылъ, что небытіе было его удѣломъ въ прошедшемъ, въ теченіе тысячелѣтій, предшествовавшихъ его рожденію. Напрасно также ссылается онъ на Сократа, который никогда не былъ пессимистомъ, и который отлично понималъ, что высшая философія заключается въ сознаніи своего незнанія, т.-е. ограниченности человѣческаго ума.

Между тѣмъ, оплакивая скоротечность нашей жизни, графъ Л. Н. Толстой беретъ готовый выводъ пессимистовъ, что „жизнь есть зло и бессмыслица“, и дѣлаетъ отсюда заключеніе о неизбежности самоубійства. Откуда получаются эти выводы и чѣмъ связаны они съ предшествующими разсужденіями—неизвѣстно. Здѣсь замѣчается какой-то пробѣлъ мысли, какой-то непонятный скачокъ отъ жажды продолженія жизни къ отрицанію ея, отъ страха смерти—къ желанію приблизить ее, отъ ужаса передъ дракономъ—къ рѣшимости отдаться ему немедленно. Мы видимъ здѣсь господство чувства и настроенія, а не мышленія. Человѣкъ, побуждаемый къ самоубійству страхомъ смерти, напоминаетъ бы солдата, который отъ боязни погибнуть въ сраженіи рѣшился бы покончить съ собою заранѣе. И тѣмъ не менѣе авторъ полагаетъ, что это самый разумный выходъ и что „такъ поступаютъ рѣдкіе, сильные и послѣдовательные люди“. По его словамъ, „понявъ всю глупость шутки, какая надъ нами сыграна, и понявъ, что блага умершихъ паче блага живыхъ, и что лучше всего не быть, такъ и поступаютъ и кончаютъ сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею, вода, ножъ, чтобы имъ проткнуть сердце, поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ; и поступаютъ такъ люди большею частью въ самый лучший періодъ жизни, когда силы души находятся въ самомъ расцвѣтѣ, а умирающихъ человѣческій разумъ привычекъ еще усвоено мало“. Незамѣтно для самого себя, графъ Л. Н. Толстой вводитъ въ свою аргументацію все новыя положенія, взятые какъ-будто со стороны и ничѣмъ рѣшительно не проверенныя. Предположимъ, что жизнь безцѣльна и бессмысленна; въ такомъ случаѣ она для насъ безразлична—ни добро, ни зло. На какомъ же основаніи высказывается вслѣдъ за тѣмъ утвержденіе, что жизнь есть положительное зло, что она даже хуже смерти, которой такъ боялся авторъ, и что „блага умершихъ“, о которыхъ мы (безъ содѣйствія религіи) ничего не знаемъ, лучше „благъ живыхъ“, единственно намъ доступныхъ?

Что касается самоубійствъ, то они имѣютъ обыкновенно совсѣмъ другія причины, чѣмъ тѣ, которыя занимали и волновали

автора; ужасъ передъ дракономъ, неизвестность смысла жизни, вопросы: „зачѣмъ?“, „а потомъ?“, могли только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ вызывать рѣшимость умереть раньше времени, если не было къ тому другихъ болѣе положительныхъ и сильныхъ мотивовъ. Авторъ ошибочно приписываетъ фактамъ добровольной смерти тотъ особый смыслъ, который вытекаетъ изъ его личныхъ тревогъ и сомнѣній. Люди вѣшаютъ и стрѣляются не оттого, что не понимаютъ цѣли жизни вообще, а потому, что ихъ личное существованіе сложилось дурно, что свѣтлые ихъ идеалы разрушены низменною житейскою прозою, и черезъ призму ихъ личнаго горя весь міръ представляется имъ нелѣпнымъ и бессмысленнымъ. Большинству некогда думать о великихъ вопросахъ бытія; оно поглощено постоянно смѣняющимися злобами дня, нуждою и заботами, трудомъ и исканіемъ труда, интересами семейными и общественными. Немногіе, имѣющіе роскошь философскаго досуга, не ставятъ себѣ задачъ неразрѣшимыхъ и берутъ жизнь такъ, какъ она имъ дана, по пословицѣ: „дареному коню въ зубы не смотрять“.

Графъ Л. Н. Толстой интересовался вопросомъ: „что выйдетъ изъ моей жизни и зачѣмъ вообще жить?“ Можно бы спросить и дальше: „что выйдетъ изъ того, что разгадка будетъ найдена?“ Сдѣлаемъ на минуту невозможное предположеніе, что мимолетныя существа, населяющія одну изъ пылинокъ вселенной, вмѣстили бы въ свой крохотный умъ пониманіе цѣли и смысла всего живущаго, въ томъ числѣ и своего собственнаго существованія. Они узнали бы тогда, какая безконечно малая роль принадлежитъ имъ въ жизни міра, и ужаснулись бы своего ничтожества; они поняли бы весь невыразимый комизмъ своихъ прошлыхъ притязаній—относить къ себѣ міровыя задачи и прилагать къ нимъ свою мелкую человѣческую точку зрѣнія, смѣло требуя отвѣта на вопросъ: „зачѣмъ?“ Очень можетъ быть, что, разгадавъ тайну бытія и понявъ свое конечное назначеніе, люди утратили бы всякій интересъ къ жизни. Притомъ, жалуюсь на нашу печальную судьбу, не мѣшаетъ оглянуться на прочихъ обитателей земли, одаренныхъ также жаждою жизни: невинный скотъ существуетъ для того, чтобы быть съѣденнымъ людьми; самыя симпатичныя и умныя твари безпощадно пожираются дивными животными; волкъ рветъ въ клочки овцу, щука глотаетъ караса, ястребъ грозитъ мелкой птицѣ, птица убиваетъ безобидную бабочку, только-что вылетѣвшую весело на свѣтъ Божій. Еслибы всѣ эти милліоны живыхъ существъ, попадающихъ въ открытыя пасти звѣрей и людей, могли сказать: „зачѣмъ?“, то куда дѣва-

лись бы мы съ своими мизерными жадобами на краткость даннаго намъ срока пойданія чужихъ жизней? Возможно ли было бы тогда ужасаться того, что намъ придется умереть въ уютной постели, ослабѣвъ отъ старости или болѣзни, среди внимательнаго ухода окружающихъ? Достаточно выйти изъ круга эгоистическихъ ощущеній, чтобы понять всю узость и несправедливость вопросовъ, вызываемыхъ страхомъ смерти.

Въ разсужденіи о „краткости жизни“ Сенека вполне вѣрно замѣчаетъ, что жизнь дана намъ продолжительная, но мы сами дѣлаемъ ее краткою; мы слишкомъ долго готовимся жить и щедро тратимъ время; и прежде, чѣмъ мы поняли, что жизнь идетъ, мы чувствуемъ вдругъ, что она прошла. „Необходимо,—говоритъ Сенека въ другомъ мѣстѣ,—переносить терпѣливо то, чему мы подвергаемся въ силу всеобщихъ законовъ мірового порядка; мы обязаны подчиняться всѣмъ условіямъ жизни смертнаго и не смущаться неизбежнымъ“. Не жизнь бессмысленна и не смерть страшна, а бессмысленно такое употребленіе жизни, при которомъ человѣкъ до конца дней своихъ неустанно хлопочетъ о чемъ-то постороннемъ, о богатствѣ, о внѣшнихъ выгодахъ и отличіяхъ, не давая себѣ никакого высшаго умственнаго или нравственнаго удовлетворенія. Толпы людей проживаютъ свой вѣкъ какъ-будто въ какомъ-то чаду, въ погонѣ за средствами и капиталами, которыми не суждено имъ пользоваться; они все стремятся устроить будущее, которое никогда для нихъ не наступитъ, и въ этихъ бесплодныхъ заботахъ застаютъ ихъ смерть. Такая растрата жизни столь же мало оправдываетъ пессимистическій взглядъ на жизнь, какъ безумныя дѣйствія расточителя не доказываютъ бесполезности или вреда богатства. Но кто употребилъ свое время лучше Л. Н. Толстого или Тургенева? Имъ ли, достигшимъ безсмертія, бояться рокового конца? А между тѣмъ, Тургеневъ, „свершившій въ предѣлахъ земныхъ все земное“, не отрывалъ глазъ отъ „бездны“ въ послѣдніе годы своей жизни; онъ чувствовалъ, что „холодокъ вѣетъ отъ могилы“, и призракъ смерти рисовался ему съ мучительною ясностью, облекаясь въ привычныя поэтическіе образы. То же самое случилось съ Л. Н. Толстымъ. Причина понятна: великіе поэты и художники обладаютъ несравненно большею впечатлительностью, чѣмъ простые смертные; ихъ утонченный нервный аппаратъ живо и сильно воспринимаетъ то, что не остановитъ на себѣ вниманія другихъ людей, и „холодокъ отъ могилы“, незамѣтный для человѣка толпы, проникаетъ во всѣ фибры существа, одареннаго организаціею Тургенева или Льва Толстого. Разница между обоими

только въ одномъ: первый не строилъ на своемъ чувствѣ никакой общей теоріи, а второй занялся лихорадочнымъ исканіемъ выхода и созданіемъ цѣлаго ученія о смыслѣ жизни.

II.

Послѣ долгихъ и напрасныхъ блужданій, графъ Л. Н. Толстой обратился къ религіи и нашелъ въ ней желанное утѣшеніе. Какъ онъ понялъ истину, какъ онъ извлекъ ее путемъ долгаго труда надъ истолкованіемъ евангелія, — этого мы касаться не будемъ. Разочарованный въ научныхъ знаніяхъ, неудовлетворенный религіозною обрядностью и вида рѣзкое противорѣчіе между вѣрою людей и ихъ поступками, онъ углубился въ христіанскую догматику и добылъ оттуда весьма любопытные матеріалы, которыми, безъ сомнѣнія, воспользуются богословы-спеціалисты. Получилось ли при этомъ разрѣшеніе вопроса: „зачѣмъ?“ — намъ въ точности неизвѣстно; но самый вопросъ какъ-то исчезаетъ совершенно и не беспокоитъ больше автора. Успокоеніе достигнуто было околѣнымъ путемъ: авторъ оглянулся на миллионы людей изъ народа, которые имѣютъ-же свое пониманіе смысла жизни, и, замѣтивъ у нихъ спасительную вѣру, самъ увѣровалъ. При этомъ онъ, по обыкновенію, преувеличиваетъ свои прежніе грѣхи. „Мнѣ казалось, — говоритъ онъ, — что тотъ тѣсный кружокъ ученыхъ, богатыхъ и досужихъ людей, къ которому я принадлежалъ, составляетъ все человѣчество, а что тѣ миллиарды жившихъ и живыхъ, — это „таеъ“, какіе-то скоты — не люди... Я долго жилъ въ этомъ сумасшествіи, особенно свойственномъ, не на словахъ, но на дѣлѣ, намъ, самымъ либеральнымъ и ученымъ людямъ“. Мы думаемъ, что можно бы допустить исключеніе, по крайней мѣрѣ, для одного изъ этихъ либеральныхъ и ученыхъ людей — для творца „Войны и мира“. Но какъ бы то ни было, благополучный выходъ найденъ, и смыслъ жизни сразу возстановился въ глазахъ автора. „Вѣра, — по его словамъ, — есть сила жизни. Если человѣкъ живетъ, то онъ во что-нибудь да вѣритъ. Если бы онъ не вѣрилъ, что для чего-нибудь надо жить, то онъ бы не жилъ... Безъ вѣры нельзя жить“. Отрицать религіозныя понятія, выработанныя вѣками, и затѣмъ мучиться сомнѣніями о смыслѣ жизни, — это все равно, что „разобрать часы, вынуть изъ нихъ пружину, сдѣлать изъ нея игрушку и потомъ удивляться, что часы перестаютъ идти“. Къ сожалѣнію, на свѣтѣ существуютъ люди ни во что не вѣрующіе, и такъ какъ они живутъ бесспорно, то часто по-

вторяемая авторомъ мысль объ отсутствіи или невозможности жизни безъ вѣры должна быть понимаема какъ-нибудь фигурально.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и уже независимо отъ религіи, разрѣшается очень просто вопросъ о цѣли и смыслѣ нашего существованія: „Что долженъ дѣлать человѣкъ?—Онъ долженъ точно также добывать жизнь, какъ и животныя, и съ тою только разницею, что онъ погибнетъ, добывая ее одинъ, — ему надо добывать ее не для себя, а для всѣхъ. И когда онъ дѣлаетъ это, у меня есть твердое сознаніе, что онъ счастливъ и жизнь его разумна“. И здѣсь какъ-то исчезаетъ безслѣдно прежній вопросъ: „что выйдетъ изъ этого?“ и замѣнъ ставится какой-то другой, совершенно посторонній. Мы будемъ добывать жизнь для того, чтобы жить, и мы живемъ для того, чтобы добывать. И этотъ безцѣльный круговоротъ добыванія и сбыванія жизни есть разумное рѣшеніе задачи? Что бы ни думать и утверждать самъ Л. Н. Толстой, для насъ очевидно, что нѣтъ прямой логической связи между вопросами, волновавшими его, и отвѣтами, данными имъ позднѣе. Вопросы измѣнились вмѣстѣ съ исчезновеніемъ породившаго ихъ „дракона“, прогнаннаго теперь религіознымъ чувствомъ. Дѣло идетъ уже о томъ, „какъ лучше жить“ для себя и для людей, безъ всякой заботы о цѣляхъ бытія. Если говорится еще о смыслѣ жизни вообще, то уже въ иномъ, болѣе тѣсномъ значеніи.

Въ трактатѣ: „Въ чемъ моя вѣра?“, извѣстномъ русской публикѣ только въ отрывкахъ и появившемся недавно во французскомъ и англійскомъ переводѣ, излагается весьма подробно нравственное ученіе, основанное на буквальномъ и логическомъ толкованіи текстовъ ¹⁾. Авторъ тщательно возстановляетъ „истинный“, ясный и простой смыслъ предписаній, затемненныхъ вѣковыми искусственными наслоеніями. Въ результатъ получается какъ будто нѣчто новое, и это новое добыто авторомъ цѣною тяжелой душевной и умственной работы. Разсказъ объ этой внутренней борьбѣ интересенъ въ высшей степени; но насъ занимаетъ теперь самое содержаніе истинъ, достигнутыхъ съ такимъ трудомъ. Обозначается, что все зло въ мірѣ происходитъ отъ нарушенія правилъ, не вѣрно понятыхъ или забытыхъ. Люди не должны противиться злу или употреблять какое бы то ни было насиліе; они не должны судить и участвовать въ судѣ, присягать, расходиться съ женою, гнѣваться;

¹⁾ Въ „Философскомъ трехмѣсячникѣ“, издаваемомъ въ Кіевѣ проф. Козловымъ, помѣщена также статья: „Религія графа Л. Н. Толстого“ (въ № 1 за текущій годъ).

они должны воздавать добромъ за зло и любить даже враговъ (не личныхъ, а народныхъ). „Все устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человѣка пріобрѣтается страданіями другихъ людей, которыми противны природѣ человѣка. Все устройство нашей жизни, весь сложный механизмъ нашихъ учреждений свидѣлствуетъ о томъ, до какой степени насиліе противно природѣ человѣка. Ни одинъ судья не рѣшится задушить веревкою того, кого онъ приговорилъ къ смерти по своему правосудію. Ни одинъ начальникъ не рѣшится взять мужика отъ плачущей семьи и запереть его въ острогъ. Ни одинъ генералъ или солдатъ, безъ дисциплины, присяги и войны, не убьетъ не только сотни турокъ или нѣмцевъ и не разоритъ ихъ деревень, но не рѣшится ранить ни одного человѣка“. Тѣмъ, которые считаютъ отрицаніе насилія мечтою, Л. Н. Толстой отвѣчаетъ: „Ученіе о непротивленіи злу—мечта! А то, что жизнь людей, въ душу которыхъ вложена жалость и любовь другъ къ другу, проходила и теперь проходить для однихъ въ устройствѣ востровъ, каторгъ, одиночныхъ заключеній, остроговъ для женщинъ и дѣтей, въ устройствѣ побоищъ десятками тысячъ на войнѣ, а жизнь другихъ—въ томъ, чтобы исполнять всѣ эти ужасы, а третьихъ—въ томъ, чтобы избѣгать этихъ страданій и отплачивать за нихъ,—такая жизнь не мечта?“... Міръ не тотъ, который данъ Богомъ для радости человѣка, а тотъ міръ, который учрежденъ людьми для погибели ихъ, есть мечта, и мечта самая дикая, ужасная, бредъ сумасшедшаго, отъ котораго стоитъ только разъ проснуться, чтобы уже никогда не возвращаться къ этому страшному сновидѣнію... Какъ огонь не тушить огня, такъ зло не можетъ потушить зла. Только добро, встрѣчая зло и не заражаясь имъ, побѣждаетъ зло“. Отвергая насиліе, суды и наказанія, авторъ въ то же время упоминаетъ о суровыхъ религіозныхъ карахъ за обозваніе ближняго безумнымъ или пропащимъ и за соблазнительныя вожделѣнія,—такъ что карательныя мѣры, будучи зломъ вообще, сохраняютъ свою силу на томъ свѣтѣ.

Отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ въ современномъ обществѣ объясняется, по мнѣнію Л. Н. Толстого, малою распространенностью подлиннаго христіанскаго вѣроученія и самоувѣренною узостью положительныхъ знаній. Наши школьныя науки „трактуютъ обо всемъ, о чемъ хотите, но только не о томъ, какъ человѣку самому быть и жить лучше. То, что называется этикою—нравственнымъ ученіемъ, совершенно исчезло въ нашемъ псевдо-христіанскомъ обществѣ. И вѣрующіе, и невѣрующіе одинаково не спрашиваютъ себя о томъ, какъ надо жить и

как употребить тотъ разумъ, который данъ намъ, а спрашиваютъ себя: отчего жизнь наша людская не такая, какою мы себя ее вообразили, и когда она сдѣлается такою, какою намъ хочется? Только благодаря этому ложному учению, всосавшемуся въ плоть и кровь нашихъ поколѣній, могло случиться то удивительное явленіе, что человѣкъ точно выплюнулъ то яблоко познанія добра и зла, которое онъ, по преданію, съѣлъ въ раю, и забывъ, что вся исторія человѣка только въ томъ, чтобы разрѣшать противорѣчія разумной и животной природы, сталъ употреблять свой разумъ на то, чтобы находить законы историческіе одной своей животной природы". Рядомъ съ глубоко вѣрнымъ замѣчаніемъ объ исчезновеніи этики, какъ предмета воспитанія и обученія, высказывается странное сужденіе о роли положительныхъ наукъ; эти науки утверждаютъ будто бы, что не надо вовсе думать о томъ, чего требуетъ разумъ человѣка для его блага, такъ какъ „улучшеніе состоянія человѣка произойдетъ не отъ него, а отъ общихъ законовъ, которые мы откроемъ". Я убѣжденъ, — продолжаетъ авторъ, — „что черезъ нѣсколько вѣковъ исторія такъ-называемой научной дѣятельности нашихъ прославляемыхъ послѣднихъ вѣковъ европейскаго человѣчества будетъ составлять неистощимый предметъ смѣха и жалости будущихъ поколѣній. Нѣсколько вѣковъ ученые люди западной малой части большаго материка находились въ повальномъ сумасшествіи, воображая, что имъ принадлежитъ вѣчная блаженная (?) жизнь, и занимались всякаго рода элукубраціями о томъ, по какимъ законамъ наступить для нихъ эта жизнь, сами же ничего не дѣлали и не думали никогда ничего о томъ, какъ сдѣлать эту свою жизнь лучше".

Гдѣ и когда господствовало въ наукахъ это „повальное сумасшествіе" и въ чемъ именно заключалось оно — понять трудно. Если астрономія или физика не занимается улучшеніемъ человѣческой жизни, то смѣшно считать это недостаткомъ этихъ наукъ; что же касается другихъ отраслей знанія, общественныхъ и философскихъ, то онѣ „ничего не дѣлали" для жизни развѣ только въ томъ смыслѣ, что наука вообще не дѣйствуетъ, а изучаетъ. Примѣнять выводы знанія — задача искусства, практики. Можно надѣяться, что это различіе дойдетъ и до будущихъ поколѣній и удержитъ ихъ отъ взрывовъ „смѣха и жалости", которые предвидитъ Л. Н. Толстой. Ни одинъ ученый не утверждалъ такой нелѣпой идеи, что „блаженная жизнь" явится къ намъ сама собою, что „не надо освѣщать эту жизнь разумомъ и жить согласно съ нимъ, а надо жить, какъ живетъ, твердо вѣруя, что

по законамъ прогресса историческаго, соціологическаго и другихъ, постѣ того, какъ мы очень долго будемъ жить дурно, наша жизнь сдѣлается сама собою очень хорошей“. Сравнивая эти небывалыя „глушыя“ утвержденія съ возвышеннымъ содержаніемъ религіозныхъ правилъ, авторъ наглядно доказываетъ безспорное превосходство послѣднихъ, — хотя не было никакой надобности сопоставлять вещи, совершенно разнородныя и несравнимыя.

Но, быть можетъ, возвышенныя правила не могутъ быть исполняемы въ жизни или требуютъ особенныхъ жертвъ? Л. Н. Толстой убѣждаетъ насъ, что это невѣрно ¹⁾. „Разсуждая отвлеченно“, онъ находитъ, что послѣдователи чистаго христіанскаго ученія, „не дѣлая никому зла, могутъ быть гонимы только злыми людьми, ученики же міра должны быть гонимы всѣми, такъ какъ законъ жизни учениковъ міра есть законъ борьбы, т.-е. гоненія другъ друга“. Китайская стѣна, отдѣляющая исполнителей вѣры отъ „учениковъ міра“, т.-е. отъ громаднаго большинства христіанъ, воздвигается предъ нами какъ-то вдругъ; откуда она и зачѣмъ, какъ примирить ее съ принципомъ всеобщаго равенства и любви,—это остается загадкою. Предполагается, что каждый можетъ перешагнуть черезъ поставленную преграду; но многіе милліоны незнающихъ способа Л. Н. Толстого или принадлежащихъ вовсе къ другимъ религіямъ осуждены навсегда прозябать внѣ того небольшого круга избранныхъ, для котораго только и существуетъ спасительная вѣра. Эти избранные будутъ довольны собою, своимъ строгимъ и честнымъ поведеніемъ, а остальной человѣческій міръ пусть лежитъ во злѣ, пусть слѣдуетъ своимъ законамъ борьбы, установленнымъ не людьми и не какимъ-либо ученіемъ, какъ думаетъ авторъ. Невольно бросается въ глаза элементъ эгоизма въ тѣхъ мотивахъ, которые приводятся въ пользу отреченія отъ мірскихъ блужданій. Быть лучше и чище другихъ, стоять въ сторонѣ отъ толпы и уклоняться отъ ея призывовъ и соблазновъ, сознавая свое исключительное участіе въ правѣ блаженства,—это не только пріятно, но и полезно; ибо „положеніе учениковъ Христа выгоднѣе положенія учениковъ міра“.

Подъ „ученіемъ міра“ авторъ разумѣетъ, впрочемъ, не дѣйствительное какое-либо ученіе, а только неправильныя поступки, происходящія отъ слабостей и страстей человѣческихъ. „Всякій бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы пріобрѣсть то, что не нужно для

¹⁾ См. его статью: „Въ чемъ счастье?“ въ „Русскомъ Богатствѣ“, № 1 за текущій годъ.

него, но что требуется от него учениемъ міра и отсутствіе чего составляетъ его несчастье. И какъ только онъ приобрететъ то, что требуется, отъ него потребуются еще другое и еще третье, и такъ безъ конца идетъ эта Сизифова работа, губящая жизни людей". Обрисовавъ въ мастерской картинѣ ненормальную жизнь людей, преимущественно средняго и высшаго класса, Л. Н. Толстой заключаетъ: „Одинъ за другимъ они гибнутъ во имя ученія міра. И толпы лѣзутъ за ними и, какъ мученики, ищутъ страданій и гибели. Одна жизнь за другою бросается подъ колесницу этого бога: колесница проѣзжаетъ, раздирая ихъ жизни, и новыя, и новыя жертвы со стонами и воплями и проклятіями валятся подъ нее!" Даже нужда, голодъ, неурожай, — все это связывается какъ-будто съ учениемъ міра. „Ученіе міра сказало: брось домъ, поля, братьевъ, уйди изъ деревни въ гнилой городъ, живи всю свою жизнь банщикомъ, голымъ, въ пару намыливая чужія спины, или гостинодворцемъ, всю жизнь считая чужія копѣйки въ подвалѣ... И никто не находитъ, что это трудно. Не только тѣ, которые страдаютъ, но и отцы, и матери не находятъ, что это трудно. Стоитъ человѣку только не повѣрить ученію міра, что нужно надѣть калоши и цѣпочку, и имѣть ненужную ему гостиную, и что нужно дѣлать всѣ тѣ глупости, которыхъ требуетъ отъ него ученіе міра, и онъ не будетъ знать непосильной работы и страданій, и вѣчной заботы, и труда безъ отдыха и цѣли, не будетъ лишенъ общенія съ природою, не будетъ лишенъ любимого труда, семьи, здоровья". Все это вѣрно для тѣхъ, у кого есть земля или другой источникъ дохода; вѣдь не по прихоти и не по какому-то ученію идутъ люди въ банщики, въ черно-рабочіе или въ приказики, а погоня за избыткомъ доступна лишь незначительному кругу лицъ, исчезающему въ общей народной массѣ. „Счастье нашей жизни представляется намъ въ наибольшей власти и наибольшей собственности"; но люди были бы счастливей безъ этихъ благъ и безъ стремленія въ нимъ. Въ дѣйствительности, громадное большинство „учениковъ міра" не повинно ни въ какой философіи; торгаша, аферисты, карьеристы не знаютъ никакихъ „ученій", — они не будутъ знать и объ идеяхъ Льва Толстого.

Графъ Л. Н. Толстой вычислялъ преимущества людей, отрекшихся отъ собственности и насилія, — преимущества едва-ли вполне убѣдительныя. А именно, праведникъ „долженъ быть готовъ умереть во всякую минуту отъ насилія другого, отъ холода и голода, и не можетъ рассчитывать ни на одинъ часъ своей жизни: но ученикъ міра развѣ не въ томъ же положеніи?" Пра-

ведннѣхъ будетъ бѣденъ. „Бѣденъ—это значить: онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать, въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ, а будетъ три раза въ день голодать; не будетъ ворочаться на мягкихъ подушкахъ и придумывать, чѣмъ спастись отъ бессонницы, и будетъ спать; будетъ имѣть дѣтей, будетъ жить съ ними, будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людьми, а главное, не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать; не будетъ бояться того, что съ нимъ будетъ. Болѣть, страдать, умирать онъ будетъ такъ же, какъ и всѣ (судя по тому, какъ болѣютъ и умираютъ бѣдные—легче, чѣмъ богатые), но жить онъ будетъ несомнѣнно счастливѣе“.

Повидимому, авторъ говоритъ здѣсь о бѣдныхъ помѣщикахъ и крестьянахъ, имѣющихъ свою землю и свои скромныя хозяйства; это представленіе о бѣдности напоминаетъ намъ анекдотъ о той дамѣ, которая, по поводу разсказовъ объ отсутствіи хлѣба у мужиковъ, совѣтовала имъ лоша кормиться булками. Бѣднѣхъ „будетъ три раза въ день голодать“, т.-е., вѣроятно, передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ; въ дѣйствительности, разумѣется, вовсе никакой ѣды не будетъ для массы лишнихъ ртовъ, собравшихся въ деревнѣ по совѣту Л. Н. Толстого, напр., въ зимнее время или въ неурожайный годъ. Бѣднѣхъ „не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать“; ибо „быть бѣднымъ, быть нищимъ, быть бродягой (!)—это то самое, чему насъ учитъ религія, то самое, безъ чего нельзя войти въ царство Божіе, безъ чего нельзя быть счастливымъ здѣсь, на землѣ“. Но если идеалъ будетъ достигнутъ, если всѣ люди постараются быть нищими и бродягами, то кто будетъ снабжать ихъ средствами къ жизни? Отвѣтъ на это сомнѣніе—тотъ, что всякій „трудящійся можетъ и долженъ имѣть пропитаніе“. Объяснивъ необходимость и благотворность труда (яричемъ опять-таки обращается къ богатымъ и правдымъ людямъ, т.-е. къ ничтожному меньшинству), авторъ продолжаетъ: „Если человѣкъ работаетъ, то работа кормитъ его. И если работу этого человѣка беретъ себѣ другой человѣкъ, то другой человѣкъ и будетъ кормить того, кто работаетъ, именно потому, что пользуется его работою. И потому трудящійся всегда будетъ имѣть пропитаніе. Собственности онъ не будетъ имѣть; о пропитаніи же не можетъ быть рѣчи... Какъ бы золъ ни былъ хозяинъ, онъ будетъ кормить работника, такъ же, какъ будетъ кормить ту лошадь, которая работаетъ на него, будетъ кормить такъ, чтобы работникъ могъ сработать какъ можно больше, т.-е.

будетъ содѣйствовать тому самому, что составляетъ благо чело-
вѣка. Человѣкъ не можетъ умереть отъ голода, когда есть хлѣбъ
у богатаго... Рабочіе нужны. И тѣ, которые палзуются работою,
всегда будутъ очень озабочены тѣмъ, чтобы эти рабочіе не пере-
водились... Телятъ воспитываютъ, а человѣкъ есть рабочее живот-
ное, болѣе полезное, чѣмъ быкъ, какъ это и цѣнилось всегда на
базарѣ работъ“.

Откуда же явятся эти „хозяева“, кормящіе рабочихъ, эти
богатые, имѣющіе запасы хлѣба,—когда люди будутъ праведни-
ками, когда не будетъ собственности и всѣ будутъ одинаково
бѣдны? Неужели авторъ серьезно предлагаетъ чело-вѣку превра-
титься въ батрака, въ „рабочее животное, болѣе полезное, чѣмъ
быкъ“, въ работника на тѣхъ самыхъ мірскихъ людей, которые
представляютъ собою господство зла и безсмыслицы на землѣ?
Я хлопочу о мірскихъ выгодахъ и не вижу смысла въ своей жизни;
а другой будетъ трудиться для меня, для моей безсмысленной
жизни, и въ этомъ будетъ разумное назначеніе его на землѣ.
Служить чужой безсмыслицѣ и въ этомъ видѣть свое благо, свой
жизненный смыслъ,—это болѣе чѣмъ оригинально. По теоріи
Л. Н. Толстого, праведники должны болѣе всего желать, чтобы
не переводились „ученики міра“, готовые кормить ихъ и давать
имъ работу. Странное ученіе, которое должно наиболѣе бояться
своего полного торжества! Мало еще сказать, что трудъ—необ-
ходимый долгъ чело-вѣка; нужно еще знать, на что направленъ
трудъ, чему онъ служить и въ чью пользу идетъ. Ничего этого
авторъ не принимаетъ въ расчетъ; онъ создаетъ накую-то идил-
лію изъ батрачества и барства, изъ безсмысленнаго труда и корм-
ленія; добродѣтельные „трудящіеся бродяги“ будутъ блаженство-
вать, работая неустанно для житейскаго благополучія грѣшни-
ковъ, для поддержанія ихъ увлеченій и пороковъ. Если трудъ
для другихъ есть обычный удѣлъ неимущихъ рабочихъ по „уче-
нію міра“, то зачѣмъ еще оправдывать этотъ порядокъ вещей
какими-то невозможными натяжками и противорѣчіями, выдавая
ихъ за возвышенныя идеи? Едва-ли кто способенъ считать идеа-
ломъ такое состояніе, при которомъ миллионы работниковъ не
только не будутъ стремиться къ улучшенію своего положенія, но,
напротивъ, будутъ наслаждаться своимъ рабствомъ и видѣть въ
немъ свое истинное призваніе. Увѣреніе, что всякій трудъ кор-
митъ чело-вѣка и что трудящемуся нечего заботиться о завтраш-
немъ днѣ, есть только ничего не выражающій софизмъ; надо еще
имѣть гдѣ приложить свои рабочія руки, которыя могутъ ока-
заться излишними и никому не нужными въ данное время. Массы

рабочихъ ищутъ занятія и не находятъ ихъ; всѣ мѣста и углы заняты кругомъ, всѣ хозяева имѣютъ работниковъ въ избыткѣ, а графъ Л. Н. Толстой будетъ доказывать, что трудъ всегда даетъ пищу. Не примутъ ли это за горькую насмѣшку рабочіе люди, остающіеся безъ работы по недостатку спроса на ихъ трудъ?

Авторъ рекомендуетъ всѣмъ бросить гнилые города и трудиться съ пользою въ деревнѣ; онъ не объясняетъ однако, какую работу будутъ дѣлать тысячи бездомныхъ бѣдняковъ среди перебивающагося кое-какъ земледѣльческаго населенія. Л. Н. Толстому кажется, что вся бѣда происходитъ отъ вывоза сельскихъ продуктовъ въ городскіе центры, такъ какъ крестьяне, оставшіеся безъ нужныхъ имъ произведеній, принуждены добывать ихъ обратно въ городѣ посредствомъ заработковъ. При этомъ самую вредную роль играютъ деньги—источникъ всякаго зла въ экономической жизни народовъ. Не видимъ, почему лучше было при отсутствіи денегъ, когда хлѣбъ отбирался отъ поселянъ натурою въ видѣ всякаго рода даней, приведшихъ къ крѣпостному праву. Конечно, не хорошо отбирать; но тѣ, у которыхъ берутъ, обязаны быть довольны вдвойнѣ, согласно ученію автора: во-первыхъ, они не противятся злу и этимъ исполняютъ великій нравственный законъ, и во-вторыхъ, они отдаютъ излишекъ произведеній, не нужный имъ въ данный моментъ, а думать объ обезпеченіи будущаго не слѣдуетъ, по одному изъ рецептовъ Льва Толстого.

Соціальныя и экономическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого страдаютъ вообще нѣкоторою неясностью, хотя въ основѣ ихъ лежатъ несомнѣнно самыя лучшія побужденія и намѣренія; неясность увеличивается еще отъ того, что нравственно-религіозныя начала переплетаются съ народно-хозяйственными и сталкиваются съ ними на каждомъ шагѣ. Отдавать все лишнее другимъ, которые въ свою очередь будутъ работать для другихъ, и такъ далѣе,—это, разумѣется, прекрасно; но если исчезнетъ всякое стремленіе къ личной выгодѣ, то скоро нечего будетъ распределять между людьми, и никто не будетъ производить тѣ многочисленные вещи, которыя для насъ необходимы и которыя выходятъ за предѣлы ближайшихъ потребностей: не будетъ ни книгопечатанія, ни бумаги, на которой мы пишемъ, ни фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій. „У кого есть двѣ одежды, тотъ отдай неимущему, и у кого есть пища, дѣлай то же“; но двухъ одеждъ ни у кого не будетъ, когда все лишнее будетъ роздано; а со временемъ кафтаны порвутся, и новыхъ не явится въ достаточномъ числѣ. Когда всѣ будутъ пахать, какъ предлагается

авторъ, то кто будетъ доставлять людямъ сапоги, платье, земледѣльческія орудія? Первобытная простота жизни можетъ казаться заманчивою при современной обстановкѣ; нѣтъ прежней грубости нравовъ и животной борьбы за существованіе; въ крайнемъ случаѣ можно все доставать дешево въ тѣхъ же гнилыхъ городахъ, въ ожиданіи ихъ исчезновенія. Что самъ авторъ не вѣрять въ свои принципы—это видно изъ практическихъ попытокъ и примѣровъ, описанныхъ въ позднѣйшемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Такъ что-жъ намъ дѣлать“? ¹⁾ Тамъ онъ говоритъ уже, что безцѣльно и „глупо“ раздавать имущество, что раздача никому не поможетъ и что нужно отдавать людямъ только свой личный трудъ, свою любовь и сочувствіе; мысли о счастливомъ состояніи бродягъ и о невозможности спасенія для богатыхъ забываются совершенно. Авторъ не разъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что онъ „спасся“, хотя и сохранилъ за собою богатство; значитъ, приводимыя имъ правила все-таки не должны быть понимаемы буквально, хотя буквальное исполненіе ихъ составляетъ всю сущность ученія Л. Н. Толстого.

Обращикомъ логическихъ увлеченій автора можетъ служить слѣдующій примѣръ, выбранный нами на удачу. Графъ Л. Н. Толстой ходилъ съ мужикомъ Семеномъ; они встрѣтили нищаго и оба дали ему милостыню—первый 20 коп., а второй хотѣлъ получить сдачи съ трехъ копѣекъ, но „потомъ раздумалъ, снялъ шапку, перекрестился и пошелъ, оставивъ старику три копѣйки“. Семень,—разсуждаетъ авторъ,—сбылъ денегъ по тотъ день, въ который онъ подаль три копѣйки, 6 руб. 50 коп. Стало быть, 6 р. 50 к. было все его сбереженіе. Мое сбереженіе равнялось приблизительно 600-мъ тысячамъ. Что бы я долженъ былъ дать, чтобы сдѣлать то, что сдѣлалъ Семень? У него было 600 коп., онъ далъ изъ нихъ одну и потомъ еще двѣ. У меня было 600 тысячъ. Чтобы дать то, что Семень, мнѣ надо было дать 3000 рублей и попросить 2000 сдачи, и если бы не было сдачи, оставить и эти двѣ тысячи старику, перекреститься и пойти дальше, спокойно разговаривая о томъ, какъ живутъ на фабрикахъ и почему печенка на Смоленскомъ“. Для всякаго ясно, что въ этомъ разсужденіи допущена коренная ошибка, незамѣтно прикрытая словомъ „сбереженіе“. Въ дѣйствительности, нужно было сказать такъ: 6 р. 50 к. представляютъ, напр., мѣсячный заработокъ или доходъ рабочаго; мой мѣсячный доходъ равняется

¹⁾ Существенныя части этого этюда были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“ за прошлый годъ, въ видѣ воспоминаній о московской переноси.

двумъ тысячамъ, и слѣдовательно, чтобы сравниться съ Семеномъ, я долженъ былъ также дать двухсотую часть этой суммы, т.-е. 10 рублей, потребовать сдачи 6 р. съ копѣйками, и наконецъ оставить все 10 р. у нищаго,—что и было. бы многиъ правдоподобно. Вмѣсто этого простаго расчета, авторъ приводитъ расчетъ фантастическій, какъ будто нарочно для того, чтобы выставить нецѣлостность своей идеи о соразмѣрной раздачѣ денегъ со стороны богатыхъ и бѣдныхъ. Такого рода косвенныхъ утѣшеній, основанныхъ на произвольныхъ софизмахъ, встрѣчается не мало въ разсужденіяхъ Л. Н. Толстого.

III.

Одна изъ главныхъ основъ практической морали Л. Н. Толстого—теорія непротивленія злу—есть несомнѣнно самая слабая и странная часть его философіи.

Зло, существующее въ мірѣ, происходитъ не отъ дурныхъ наклонностей отдѣльныхъ лицъ, а отъ инстинктовъ и страстей, коренящихся въ природѣ человѣка, отъ общественныхъ условий и традицій, выработанныхъ вѣками, отъ привычекъ и стремленій, переходящихъ изъ рода въ родъ по наслѣдству и только съ большимъ трудомъ поддающихся вліянію разума. Зло имѣетъ свою исторію; оно пускаетъ корни повсюду, гдѣ не встрѣчается достаточнаго сопротивленія и противодѣйствія. Все успѣхи человѣческой жизни достигнуты путемъ долгой и упорной борьбы со зломъ и съ его разнообразными проявленіями. Авторъ утверждаетъ напротивъ,—и повидимому не безъ основанія,—что лучшія движенія человѣчества совершались мучениками, а не мучителями; онъ забываетъ только, что люди дѣлались мучениками именно потому, что пытались противиться господствующему злу. Если фактъ, признаваемый зломъ, не будетъ устраненъ принудительными мѣрами, то онъ будетъ крѣпнуть и расти безпрепятственно, развѣтываясь во все стороны, постепенно пріучая къ себѣ людей и создавая около себя атмосферу общаго традиціоннаго признанія, второе впоследствии уже трудно подорвать или ослабить.

Возьмемъ наглядный примѣръ — крѣпостное право. Рабство, признанное зломъ, было уничтожено общимъ обязательнымъ закономъ, т.-е. принудительнымъ способомъ; а по рецензу Л. Н. Толстого, оно должно было остаться въ силѣ до тѣхъ поръ, пока помѣщики не переродились бы нравственно и не отказались бы сами отъ пользованія чужимъ трудомъ. „Когда я былъ рабо-

владѣльцемъ, — рассказываетъ авторъ, — и понять безнравственность своего положенія, я старался избавиться отъ него. Избавленіе-же мое состояло въ томъ, что я старался какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ рабовладѣльца, а жить и оставлять людей жить такъ, какъ будто этихъ правъ не существовало. Т.-е. онъ былъ хорошимъ помѣщикомъ, не заставлялъ крестьянъ работать на него черезъ силу и получалъ съ нихъ только тѣ оброки, которые они въ состояніи были платить. На такое мягкое пользованіе крѣпостнымъ правомъ было бы очень много охотниковъ и въ настоящее время; большинство землевладѣльцевъ съ удовольствіемъ согласилось бы продолжать эту пріятную практику добродѣтели насчетъ крестьянъ, и крѣпостное право процвѣтало бы понынѣ, если бы не было отмѣнено насильно при помощи закона.

Нѣтъ ничего легче, какъ проповѣдовать пассивное добро, состоящее въ возможно меньшемъ извлеченіи выгодъ изъ существующаго зла; убѣдившись, на примѣръ, въ злобредности денегъ, какъ орудія присвоенія чужого труда, авторъ рѣшилъ „какъ можно менѣе предъявлять своихъ правъ на работу другихъ, т.-е. какъ можно менѣе нанимать и покупать“ (т.-е. какъ можно менѣе давать работу и пропитаніе людямъ, ищущимъ труда!). „Если я точно не люблю и считаю зломъ пользованіе чужимъ трудомъ, — философствуетъ Л. Н. Толстой, — то я не буду употреблять свое право или свои деньги для этого; не буду принуждать другихъ къ труду на меня, а буду стараться освободить ихъ отъ труда, который они дѣлали для меня, что я могу только или тѣмъ, что обойдусь безъ этого труда или сдѣлаю его самъ“. Говоря иначе, онъ уподобляется хозяину, не желающему имѣть работниковъ и кормить ихъ, вопреки правилу о „трудящихся, достойныхъ пропитанія“. Въ то же время онъ не даетъ другимъ исполнять евангельскій заветъ — трудиться для другихъ; этотъ принципъ замѣненъ уже инымъ, противоположнымъ, — что каждый долженъ работать для самого себя. Что сказать объ этой безысходной путаницѣ, объ этой цѣпи неожиданныхъ утверждений, отрицающихъ себя взаимно? Остается только позавидовать Л. Н. Толстому, что онъ могъ найти нравственное удовлетвореніе въ своихъ замѣчательныхъ принципахъ, столь неумовимыхъ и перемѣнчивыхъ: „и этотъ такой простой и неизбежный выводъ (о работѣ на себя), — объясняетъ онъ, — входитъ во всѣ подробности моей жизни, измѣняетъ ее всю и сразу избавляетъ меня отъ тѣхъ страданій нравственныхъ, которыя я испытывалъ при видѣ страданій и разврата людей“. Счастливый авторъ! Не всякому

доступенъ таковой легкій, не требующій никакихъ жертвъ и вполне безобидный путь къ душевному спасенію.

Усилія графа Толстого доказать осуществимость и цѣлесообразность теоріи непротивленія злу постоянно разбиваются самимъ авторомъ; онъ самъ иногда чувствуетъ невозможность своихъ доводовъ, хотя и отстаиваетъ ихъ безпощадно, въ противность нравственному инстинкту человѣка. При насъ совершается возмутительное насиліе надъ ребенкомъ; авторъ увѣряетъ, что онъ не удержитъ злодѣя насильно, а ограничится режмерствомъ. Оставаясь послѣдовательнымъ до конца, онъ заставляетъ себя разсуждать такимъ образомъ: „Всѣ люди -- одинакіе. И если пришли зулусы, чтобы изжарить моихъ дѣтей, то одно, что я могу сдѣлать, это постараться внушить (!) зулусу, что это ему невыгодно и нехорошо, — внушить, покоряясь ему по силѣ. Тѣмъ болѣе, что мнѣ нѣтъ разсчета съ зулусомъ бороться. Или онъ одолѣетъ меня, и еще больше (?) дѣтей моихъ изжарить, или я одолѣю, и дѣти мои завтра заболѣютъ въ мученіяхъ худшихъ и умрутъ отъ болѣзни (откуда это и за что?). Разсчета нѣтъ потому, что, покоряясь, я навѣрное дѣлаю лучше (непонятно!), а сопротивляясь, я сомнительно дѣлаю лучше“. Намъ кажется, что неизмѣримо нравственнѣе было бы, даже съ точки зрѣнія непротивленія злу, — самому отдаться зулусамъ, заслонивъ собою дѣтей, ибо примѣнять самоотверженные принципы позволительно только на свой собственный счетъ, а не на счетъ другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ существъ. Что касается того, что дѣти все равно могутъ умереть завтра, то это соображеніе съ гораздо болѣе основаніемъ примѣнимо къ отцу и природному защитнику ихъ, который благополучно прожилъ молодость и зрѣлые годы и теперь все равно долженъ готовиться къ смерти. Графъ Л. Н. Толстой ничего не говоритъ о распространеніи своей теоріи на весь животный міръ; а между тѣмъ, какіе горизонты она открываетъ намъ въ природѣ! Звѣри перестанутъ сопротивляться тѣмъ, которымъ нравится ихъ мясо; пастухи не будутъ мѣшать волкамъ пожирать овецъ; скотъ будетъ добровольно отдаваться человѣку, который пожелаетъ зарѣзать его для приготовленія вкусныхъ яствъ. Всѣ будутъ свободно поѣдать другъ друга, и міръ водворится на землѣ, благодаря великому принципу, открытому графомъ Л. Н. Толстымъ.

Л. Н. Толстой отрицаетъ войну и вражду между народами; это отрицаніе симпатично намъ въ высшей степени, но оно безцѣльно и бесплодно въ той формѣ, въ какой высказываетъ его авторъ. Противъ войны дѣйствуютъ могущественныя силы, эконо-

мическія и нравственныя, и конечно не пассивнымъ уклоненіемъ отъ участія въ военной организаціи можетъ быть достигнуто постепенное уменьшеніе шансовъ международной кровавой борьбы. Очень можетъ быть, что именно существованіе громадной арміи удерживаетъ сосѣднія государства отъ враждебныхъ попытокъ и слѣдовательно предупреждаетъ войну, тогда какъ, слѣдуя рецепту Л. Н. Толстого, мы только соблазняли бы сосѣдей легкостью нападенія. А чтобы всѣ народы одновременно усвоили себѣ принципъ нашего автора и стали примѣнять его на дѣлѣ, — объ этомъ онъ самъ не думаетъ, безъ сомнѣнія. Онъ отрицаетъ суды, процессы, уголовныя кары и тюрьмы; но насколько вообще необходима защита людей отъ насилія и охрана слабыхъ противъ сильныхъ и злыхъ, настолько необходимы и спасительны справедливые законы и суды. Въмѣсто того, чтобы ставить человѣка въ жестокую дилемму — видѣть своихъ дѣтей изжаренными зулусомъ или нарушить теорію непротивленія злу цѣною собственной жизни, гораздо проще и цѣлесообразнѣе запретить зулуса въ тюрьму или въ рабочій домъ. Пока существуютъ преступники по профессіи, не рѣдко унаслѣдовавшіе свои порочныя наклонности отъ родителей и предковъ, до тѣхъ поръ должны неизбѣжно существовать тюремныя заведенія, исправительныя или иныя. Пока сильный будетъ обижать слабого, отнимая у него имущество или не отдавая должнаго, до тѣхъ поръ будутъ необходимы гражданскіе суды и процессы. Часто законы и суды не достигаютъ своей цѣли и служатъ невольнымъ орудіемъ въ рукахъ хищниковъ; но несостоятельность данныхъ законовъ и порядковъ далеко еще не оправдываетъ того вывода, что законы и учрежденія вообще не нужны. Авторъ осуждаетъ еще влеченіе человѣка къ женщинѣ; но предлагать эту мысль съ надеждою на успѣхъ можно только людямъ извѣстнаго возраста.

Въ основѣ всѣхъ философскихъ блужданій Л. Н. Толстого лежитъ невѣрный взглядъ на природу и разумъ человѣка. Авторъ твердо вѣруетъ, что достаточно понять извѣстныя нравственныя идеи, чтобы измѣнились соотвѣтственнымъ образомъ дѣйствія и поступки людей; онъ не придаетъ значенія инстинктамъ и влеченіямъ, имѣющимъ свои корни въ органическихъ свойствахъ и условіяхъ нашей жизни. Онъ относитъ къ какому-то особому „ученію міра“ тѣ недостатки и слабости, надъ которыми человѣкъ вовсе не властенъ, и потому всѣ его рѣчи на эту тѣму суть праздныя рѣчи. Хорошо было-бы, если бы дурныхъ инстинктовъ не было, если бы у всѣхъ людей они уступили мѣсто любви, если бы жертвы стали любить своихъ палачей, если бы турецкіе христіане

прониклись любовью къ баши-бузукамъ, еслибы французы полюбили пруссаковъ, и такъ далѣе: — тогда не было бы ни вражды, ни насилія, и повсюду воцарилась бы любовь. Такова идея автора, и для всеобщаго примѣненія ея нужно очень немного, — нужно только передѣлать человѣческую природу. Тогда можно будетъ сказать человѣку: „не гнѣвайся никогда“, и вспыльчивость превратится въ добродушіе; внушить себѣ: „не увлекайся женщиною“, и увлеченія не будетъ; „полюби зулуса, рѣжущаго твоихъ близкихъ“, и любовь явится. Самъ Л. Н. Толстой очень тонко явить себя на каждомъ шагѣ, укоряя себя въ грѣховныхъ помыслахъ и поступкахъ, въ неспособности передѣлать свою жизнь по своему идеалу и очистить себя отъ мірскихъ недуговъ; онъ отмѣчаетъ въ себѣ даже такіа побужденія, которыя могли представиться ему только подъ вліяніемъ чрезмѣрной мнительности: напр., давъ рубль бѣдной женщинѣ, онъ будто-бы очень доволенъ былъ тѣмъ, что при этомъ были люди, могущіе похвалить его за это; онъ далъ нищему милостыню будто-бы потому, что это могло понравиться крестьянину, съ которымъ авторъ разговаривалъ о божественномъ; наблюдая поразительную бѣдноту около одного ночлежнаго пріюта, онъ заботился о томъ, что подумаютъ объ немъ дворники и т. п. Мы не сомнѣваемся, что въ этихъ случаяхъ авторъ взводитъ на себя напраслину, отдаваясь потребности раскаянія и самобичеванія; но если самъ проповѣдникъ отмѣчаетъ въ себѣ нехорошія побужденія и сознается въ невозможности слѣдовать своему ученію на практикѣ, то чего можно ожидать отъ массы обыкновенныхъ смертныхъ и что сказать обо всемъ ученіи? Въ признаніяхъ самого Л. Н. Толстого содержится приговоръ надъ всей его возвышенною теоріею.

Проповѣдь любви и безкорыстнаго самоотверженія всегда вызываетъ симпатіи и оказываетъ благотворное дѣйствіе на умы людей; тѣмъ болѣе полезна эта проповѣдь въ настоящее время, среди нравственнаго упадка и умственнаго застоя, при отсутствіи сознательныхъ общихъ идеаловъ и при безраздѣльномъ почти господствѣ узкихъ матеріальныхъ интересовъ. Общество, живущее изо дня въ день, безъ высокихъ цѣлей впереди, безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ, должно было съ большимъ вниманіемъ отнестись къ вѣчному освѣжающему слову такого писателя, какъ Л. Н. Толстой. Всѣмъ памятенъ краснорѣчивый и глубоко почувствованный призывъ его во время переписки въ Москвѣ: „Пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ, — это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христіански,

наляжемъ народомъ, не поднимаемъ ли. Дружнѣй, братцы, разомъ!" Л. Н. Толстой, вопреки своему предположенію, пожелалъ самъ быть механикомъ и придумать машину; и чѣмъ больше надеждъ возбуждено было его попыткою, тѣмъ сильнѣе должно было разочарованіе, когда предложенный намъ спасительный якорь оказался старымъ принципомъ смиренія. Вопросы: „зачѣмъ? что изъ этого выйдетъ?“ остаются по прежнему безъ отвѣта. Пассивное „противленіе злу“ можетъ быть удѣломъ какой-нибудь сееты, но оно ничего не рѣшаетъ и ничего не объясняетъ ¹⁾. Остается одна глубоко-симпатичная сторона ученія Льва Толстого—идея любви къ простому народу, ко всѣмъ униженнымъ и угнетеннымъ; но эта идея была несравненно ярче и сильнѣе выражена въ поэтическихъ образахъ, созданныхъ его могучимъ дарованіемъ.

Религія любви имѣла уже истолкователей, болѣе авторитетныхъ въ наукѣ, чѣмъ графъ Л. Н. Толстой; она была предметомъ спеціального изслѣдованія Канта ²⁾, мыслителя, выделяемаго, вѣроятно, самимъ авторомъ изъ числа западно-европейскихъ философовъ и ученыхъ, которые послужать будто-бы матеріаломъ для „неистощимаго смѣха“ въ будущемъ. Никто изъ западно-европейскихъ писателей не будетъ смѣяться надъ философскими усиліями Льва Толстого; у насъ же замѣчается скорѣе готовность къ преклоненію, чѣмъ къ критикѣ. Безспорно только одно: когда Л. Н. Толстой „училъ, самъ не зная чему“ (по его словамъ), онъ создавалъ великія художественныя произведенія, полныя глубокаго жизненнаго смысла; а когда онъ сталъ учить, думая знать истину, онъ запутался въ сѣтяхъ схоластики и очутился въ безысходномъ кругѣ противорѣчій. Не безконечно-ли выше прежнее его „незнаніе“—нынѣшняго „знанія“?

З.

¹⁾ Впрочемъ, и этотъ принципъ не выдерживается авторомъ; такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ его правоучительныхъ разсказовъ выставляется добродѣтельный крестьянинъ Михѣичъ, который уговариваетъ мужиковъ безпрекословно исполнять незаконныя распоряженія „злого приказика“; всѣ соглашаются потому работать въ полѣ въ великій праздникъ Пасхи, и въ концѣ концовъ добродѣтель торжествуетъ при помощи чуда: злой приказикъ, узнавъ о неугасимой свѣчкѣ, горѣвшей около Михѣича на открытомъ воздухѣ, захирѣлъ, заболѣлъ и умеръ отъ нѣяства („Свѣчка“, въ янв. книжкѣ „Недѣли“).

²⁾ Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft, v. Immanuel Kant.

* * *

Горе! меня обманули, безжалостно, зло обманули!
О, какъ мнѣ горько и больно, какъ нестерпимо обидно!
Солнце меня обмануло своею привѣтной улыбкой,
Пташки меня обманули своей беззаботною пѣсней,
Тучки—пурпурнымъ багрянцемъ, а небо—своей синевою...
Лѣсъ—неподвижною чащей, прохладой и мирною тѣнью,
Лугъ—изумруднымъ покровомъ, а даль—безграничнымъ просто-
ромъ...

Не замѣчалъ я, какъ коршунъ рветъ кровожадно добычу,
Какъ разлетаясь по вѣтру кружатся бѣлыя перья,
Какъ отовсюду несутся мольбы о пощадѣ, но тщетно!
Когти вонзая поетъ побѣдитель побѣдную пѣсню,
Душить несчастную жертву себѣ на обѣдъ и на ужинъ!..

N.

БАБЬЯ ДОЛЯ

Изъ народной жизни.

I

...Шла я замужъ не своей охотой. Мнѣ еще семнадцати годовъ не вышло, а ужъ стали меня сватать. Было то дѣло за два года до воли. Жила я въ родительскомъ домѣ безъ нужды. Дворъ нашъ былъ середній—не богатый, не бѣдный. Старшіе на барщину ходили, а я на барскомъ дворѣ птицу стерегла. И вольно, и хорошо жить было. Въ дѣвкахъ я веселая была, и пѣсенница, и плясунья, всюду первая была. Выйдутъ дѣвки на улицу—всѣ-то, бывало, у меня подъ рукой. Стали мнѣ жениховъ сватать, а мнѣ не охота замужъ идти, потому что есть у меня на примѣтѣ человѣкъ, да его мнѣ не сватали.

Былъ дворовый человѣкъ на барскомъ дворѣ, Михайлой звать, и часто я его на барщинѣ видѣла, и полюбилъ онъ мнѣ. Да и я у него въ душѣ была. Какъ меня, бывало, завидитъ, со мною заговариваетъ. А разъ такъ и говорить: „Анисьюшка, обожди меня годъ,—вольная будетъ, я тогда на тебѣ женюсь“.—„Какъ мнѣ тебя ждать-то? Въ ту пору, можешь, какую другую за себя возьмешь. Будетъ ли вольная, нѣтъ ли черезъ два года, и то Богъ знаетъ“.—„Потужишь, говорить, Анисья, если меня не подождешь“.—И хотѣлось мнѣ за него идти; а отъ жениховъ отказываться и его дожидаться—тоже сумнительно было.

А тутъ вовсе ужъ стали ладить меня за Данилу изъ нашего же села. Данило изъ двора былъ бѣднаго, да не отцовскій сынъ, а приемышъ.

Приняла его баба изъ нашей деревни, когда еще у ней своихъ дѣтей не было. А тутъ пошли у нея свои дѣти, и былъ у нихъ Данило—сынъ не сынъ, работникъ не работникъ. И задумали они его женить, чтобы работница въ домъ была. И пригладѣла меня Козлиха, Данилова мать названная, за него сосватать. Тогда въ чужую деревню дѣвокъ не отдавали.

Вотъ разъ вечеромъ, осенью, убрались ужъ съ поля, приходятъ Козлиха, а я въ чуланѣ сижу. Отецъ съ матерью въ избѣ. Идетъ она это прямо ко мнѣ. А я уже знаю зачѣмъ, мать мнѣ еще напередъ оказывала.

— Здравствуй, дѣвка.

— Здравствуй,—говорю, сама и не гляжу на нее.

— Что такъ сурово глядишь?—говоритъ,—я не съ худымъ пришла къ тебѣ.

А я себѣ:—Какъ же еще глядѣть?

— Анисья, а Анисья, согласна ты за моего сына Данилу идти?

— Не пойду,—говорю.

— Что жъ такъ, аль плохъ?

А я себѣ опять:—Не пойду.

А она-то смѣется.

— А не пойдешь, и я тебя знать не хочу.—И вышла она въ избу къ родителямъ и все сама шутками:—Иванъ Семеновичъ,—говорить родителю моему, въ поясъ кланяется,—отдай ты свою Параньку за моего Гараньку.—А отецъ смѣется:

— Ее спрашивай.—А Козлиха опять:—Иванъ Семеновичъ, отдай свою дочку за моего сыночка.—А родитель мой, тоже ей шутками:

— Сказывалъ я ей, да она, какъ коза брянская, брыкается.

— А если вы согласны, такъ нечего ее и спрашивать. Такъ завтра вечеромъ приѣду съ хлѣбомъ-солью и могорыча заплемъ, а невестѣ гостинца принесу.

И ушла Козлиха. А отецъ меня призывалъ:

— Анисья, говоритъ,—ты за кого-жъ идти думаешь? Можетъ, за барина нашего, за Петра Федоровича?—Самъ шутить:—Я-бъ тебя отдалъ, да онъ-то тебя не возьметъ.

— Не возьметъ,—говорю,—и не надоть.

— Ну, ну, толкуй тамъ, твое дѣло дѣвичье, замужъ идти надо, сама поразмисли, а то и безъ твоего согласія обойдемся.

Пошла это я въ чуланъ и плавать стала и себѣ думаю:—Микайла дожидаться никакъ нельзя, и жениха другаго нѣтути, и какъ опять противъ родительской воли идти?—И раздумываю я и сама плачу.

II.

На утро пошла я птицу стеречь, а тутъ Михайло.

— Здравствуй, — говорить.

— Здравствуй, — говорю.

Ойли это мы на пригоровѣхъ.

— Михайло, — говорю, Козлиха сегодня прійдетъ могоарыча за-
нимать.

— Слышалъ.

— Миша, не по идраву мнѣ мой женихъ.

— А зачѣмъ идешь?

— Зачѣмъ?... Надоть замужъ идтить, и опять же изъ-подъ
родительской воли я не выступлю.

Помолчали мы.

— Анисьюшка, — говорить, — вотъ какъ тебя люблю! а коли
не хочешъ обождать, Богъ съ тобой.

— Не бывать тому, Миша, брось это дѣло.

И покончили на томъ...

Въ тотъ же вечеръ приходитъ опять Козлиха, а я опять въ
чуланъ ушла, на людей-то мнѣ тошно глядѣть стало. За кого
меня сватаютъ-то? Не красовить, до людей малогласенъ, а я мнѣ
себя видная и ловкая, не стоить онъ меня. Сижу это, а она вхо-
дитъ и мнѣ въ занавѣски выкладываетъ два десятка яблокъ, съ
фунтъ баранокъ и кругличекъ-ситничекъ на маслѣ замѣшанъ.

— На вотъ тебѣ, женихъ послать.

А я не беру: — Не надобно, — говорю. На кровать все вы-
валила и опять сѣла.

— Что больно спѣсива? — говорить и вышла въ избу. Пере-
крестилась, поклонилась родителямъ моимъ:

— Иванъ Семеновичъ, — говорить, — что невѣста плохо прій-
маетъ?

— Ничего, она пойдетъ.

— Гостинцы наши не милы, и принять не хочетъ.

— Обойдется, дай время.

И родня тутъ собралась, и сваха, и отецъ Данилы. Матушка
настойникъ разостлала и содь поставила, а Козлиха ставить на
столъ водки осьмуху и харчу это, что съ собой вала. Это не
образование, а поглядѣнки, значить, были.

Сейчасъ меня вывели изъ чулана, и давай Богу молиться. Иду
себѣ, плачу, а отецъ говорить:

— Чего плачешь? Не ты первая, не ты послѣдняя. Не всѣмъ за хорошихъ выходить, Богъ дастъ и хорошо поживете.

Помолились. Отецъ мой налилъ стаканчикъ и подноситъ отцу Данилы.

— Сватушка мой нареченный, кумай себѣ на здоровье, любовь да совѣтъ имъ.

Взялъ свекоръ стаканчикъ и говорить:—Я ее въ страть (гразь) лицомъ не брошу.

— Вы ее не бросите, а я ее не оставлю,—отецъ мой говорить. Все это они, значить, меня веселятъ. А у меня какъ колъ въ душѣ стоялъ и слюней не проглочу. Выпили они, закусили и стали прощаться. Благословеніе черезъ двѣ недѣли будетъ,—говорить свекоръ,—всѣ угощены и упоены будутъ. —На томъ и разстались.

III.

Видно, не моя воля, проишли меня. Хочешь не хочешь, думаю, надо идти. А тутъ отецъ продалъ двѣ четверти овса и закупилъ все. Съ матерью въ городъ ѣздили, и тутъ ужъ я себѣ обнарядовалась замужъ идти—вовсе рѣшилась. Стала я дары готовить, какіе ни на есть, и на себя шить: два растаганъ, двѣ занавѣски, шубку, двѣ рубахи, одну съ сѣдыми рукавами, двѣ панёвы и платокъ по бѣлой землѣ красными цвѣтами.

Понашила я полотенецъ: свекру послала, женику послала, а свекрови платокъ черный шерстяной, и дарами ихъ обдарила.

Принелъ день благословенія. Изъ Мостовой деревни родня къ намъ понаѣхала.

Принесла Ковалина полведра; студень, баранину, сѣтниковъ, и пошелъ отецъ мой родню по селу собирать. А я себѣ въ пунѣхъ сижу и опять свое горе раздумываю и слушаю, что въ избѣ говорятъ и что дѣлаютъ. Сѣли всѣ за столъ, наръзали студню, огурцовъ. Свекоръ мой будущій началъ виномъ обносить и говорить:—Богъ благословитъ добрыя дѣла творить.—И выпли они съ отцомъ. Стали еще что-то говорить. Потомъ одинъ гость и говоритъ:

— Желательно мнѣ вашъ товаръ посмотреть.

— Что-жъ, можно.

Приходятъ ко мнѣ мать крестная, моя матушка и сваха и убираютъ меня, чтобъ въ акурать была. И выходить мнѣ не охота. Вышла однако.

— Хорошо,—говорять,—вашъ товаръ, ужастъ какъ пригожъ.

А я и не рада похвалять-то: думается, товаръ-то хорошъ, да покупатель не по нраву. Я поклонилась всѣмъ, и тутъ всѣ со стола встали. Стали благословлять. Я, какъ видала на свадьбахъ, матери и отцу въ ноги винулась и завывала. Стали приговаривать, какъ отъ людей слышала, а что и сама прилагала.

— Спасибо тебѣ, батюшка съ родимой матушкой за хлѣбъ за соль; пропалъ меня батюшка за винной рюмочкой, знать я вамъ не работница была, не хлопотница. Отдасте меня, молодехоньку, зеленехоньку, въ чужіе люди.

А отецъ, мать плачутъ, а свекоръ и свекровь уговариваютъ. Козлиха говоритъ:—Дитятею, Анисьюшка, мы тебя не бросимъ; я съ тобой въ одну лукошечку на мычѣ пряху класть буду.—И ладно такъ говорили. А потомъ пѣсни заиграли. И на томъ кончилось благословеніе. На утро и свадьбѣ быть.

IV.

Поѣздъ свадебный собрали. Подвязали бубенцы, убрали лошадямъ хвосты и гривы, подѣхали ко двору. А меня ужъ крестная убрала и, какъ собрался народъ, ввела въ избу, посадила за столъ, а кругомъ дѣвушки стали, брать и отецъ крестный.

Входятъ тогда дружокъ съ полудружью, и у нихъ подъ крышкой войлокъ и пусьма (тавая мѣра) овса. Входятъ въ избу, помолились, поклонились и спрашиваютъ шутками у дѣвокъ:—Что-де сидите?—А онѣ ему:

— Фатеру караулимъ, окупили ее.

— А мы выкупать пріѣхали.

А дѣвки ему:—Мы увидимъ, какъ будете выкупать. Мы 100 цѣлковыхъ, а то и 200 дали.

— А мы можемъ 300, али 400 дать.

И вынимаютъ 4 другтривенныхъ и кладутъ на каменный уголъ стола и становятъ по срединѣ бутылку съ водкой безъ пробки, баранину и хлѣбъ. А отецъ крестный говоритъ:

— Вѣдь у насъ нежѣста не разина, а бутылка-то ваша горло отзинутое.

А они 15 копѣекъ на торго кладутъ:

— Не разина, такъ заткнемъ.

Только вышли опять дружокъ съ полудружью за женихомъ и ввели его, а я завѣнчанная сижу и не вижу его; подлѣ меня сажаютъ. Стали опять закусывать, подносить и пѣсни заиграли. И весело мнѣ стало. Только вывели меня, стали по повозкамъ

садиться. Сталъ меня Данило въ повозку подсаживать, да не можетъ—малосиленъ онъ, и просить:—Андрей,—говорить,—подсади ее. А люди смѣются:—Данилка, а Данилка—надуешься, самъ подсадишь.—А смотрю я на него, усмѣхается, а самъ плюгавый такой, ни цвѣта въ немъ, ни радости. И стыдно мнѣ стало и скучно. Не глядѣла бы на народъ. А сваха стала стоймя на повозку и тутъ хмѣль распыриваетъ по шапкамъ и приговариваетъ:

Выпадала пороша,
Мала не велича,
Стоить человекъ
По зимней порошокъ.
Ѣздили ловцы,
Даниловы братцы,
Словили кунцу
Данилу на шубу
По Божьему суду
Къ честному вѣнчанію.

Дружко съ полудружью съ образомъ вокругъ повозокъ обошли, помолились всѣ на востокъ и поѣхали со двора. И все мнѣ не весело. Плачу я, а дѣвки мнѣ:—Анисья, буде убиваться, неужели хуже твоего мужа нѣтъ!—А ничего я имъ не сказала. Точно мнѣ. Думаю, нѣтъ-то видно мнѣ счастья ни въ домѣ, ни въ полѣ, ни въ большой-то головушкѣ.

Пріѣхали въ церковь, а священника нѣту. Ждали долго. Пришелъ священникъ, дьячки запѣли. Обвѣнчали насъ. Кончилась свадьба, а я какъ мертвая. „Только бы, думаю, скорѣе конецъ“.

А какой конецъ, я и сама не знаю.

Пошли послѣ вѣнца къ попу на поклонъ. Пришли къ Алексѣю Ивановичу. Подносятъ онъ и дружку, и полудружью, и давай поздравлять. Намъ подносить и самъ пьетъ. „Горько“, говорить. Я стою потупившись, а мужъ меня толкѣ: давай, молъ, цѣловаться. Охъ, не охота мнѣ, а дѣлать нечего, оборотилась. Стоитъ мой-то такой-то мужиченка замухорчатый, не глядѣла бы на него, а тутъ и цѣловать его велятъ. Нечего дѣлать, поцѣловались, поклонились, какъ водится. И батюшка выпилъ.

— Эхъ, Данило, не тебѣ бы такой дѣвкой владѣть, это бы мнѣ, старичку.

Шутникъ былъ нашъ батюшка. Тутъ мы ему поклонились и пошли къ лошадямъ.

А дружко смѣется про себя, говорить:

— Инъ зоркій полъ-то нашъ, сейчасъ разобралъ, что хороша баба!

Думаю себя: значить, и впрямь я не плоха, моему-то не верста, коли и погр позанидовалъ.

V.

Поѣхали мы домой прямо въ свекрови и свекру. Они выворотили шубы, на себя надѣли, а третью на зѣмь постелили. Мы вошли, поклонились имъ въ ноги, они насъ опять благословлять стали.

Ему французскую булку и два яблока за пазуху, и мнѣ тоже.

Ввели насъ въ избу, за столъ посадили и бабы обѣдничать стали. Мужъ мой имъ по десяти копѣекъ подаетъ, за то что величали.

Тутъ, какъ пообѣдали всѣ (мы, молодые-то, не ѣли со всѣми), насъ съ Данилой въ пуньку (чуланъ) свели, а тамъ столъ накрытъ и постель постлана.

Сваха и дружка сажаютъ насъ напередъ закусывать, даютъ и вино красное пить, а у меня душа ничего не принимаетъ. Меня мужъ поталкиваетъ, самъ шепчетъ:—Ѣшь, поѣшь, Анисья.

Ничего ему не говорю и только губы о вино смочила.

Приняли все со стола, убрала сваха, въ узелочекъ посуду связала и стала меня раздѣвать, а дружка—Данилу.

А тутъ на постелѣ на нашей сестра крестова съ мужемъ Микитой Дмитріевичемъ постель обогрѣваютъ, на постелѣ лежатъ. Сваха говоритъ:—„Слѣвайте, мы тутъ квартирьяновъ иныхъ привели“.—„Нѣтъ, не пустимъ“, говоритъ, „мы тутъ фатеру нагрѣли“. А дружка говоритъ: „Не пора ли вамъ убираться?“ А самъ вынимаетъ вино и подчуетъ ихъ. Они по стакану выпили, выпили и говорятъ: „Просимъ милости на нашу теплую на фатеру. Дай вамъ Богъ совѣтъ на цѣлый мясоѣдъ“. И все-то мнѣ не весело. Одѣяло опрокинули, насъ положили, и сваха его руку на меня положила, а мою на него, дерюгой полосатой накрыла, а дружка татаркой потрепалъ насъ и говоритъ: „Ну спите, молодые, другъ друга не обижайте“. Сказали и выпили всѣ и остались мы одни. Лежу я, страшно мнѣ, трясуся. Руки свои приняла, и онъ тоже. Сталь, было, ко мнѣ Данило ласкаться, да я оттолкнула его. Сталь онъ меня цѣловать, а я отъ него морду ворочу. Вздохнулъ онъ: „Ну, Анисьюшка, говоритъ, вижу, толку не будетъ“. Отвернулся и легъ. Слышу лежить смирно, а не спитъ, и я не сплю. Пролегали мы такъ до полуночи. И слышу я, идетъ кто-то. Знаю, что дружка насъ провѣдать хочетъ. А я обернулась къ мужу,

дружка боюсь. А мужъ на меня пожалился. Всю ночь, говорить, ко мнѣ не оборачивалась. А дружка стащить съ меня дерюгу и погрозился татаркой и шутить, говорить самъ: „А, молодежь, я те проучу: не должно, законъ принявши, мужа обижать“. А я лежу себѣ помалкиваю. И ушелъ опять, а мы опять также легли. И я не сплю, и онъ не спитъ, такъ всю ночь и пролежали. Раннимъ рано пришли насъ подымать. Сваха стала меня убирать, женскую оправу на меня надѣла, а мнѣ топинохонько, и косу-то вередить жалко, на двое расплетать. Вывели насъ изъ пуньки въ избу. Въ избѣ родня собрана. И у входной двери повѣсили они шерсть, и вотъ волну бьютъ, насъ не пропускаютъ, должны мѣсто окупать. Поднесли имъ вино, они и отперли дверь. Дальше сидятъ, табакъ трутъ. И имъ вино дружка поднесъ, и они, значить, отслонились. Старуха тутъ варешки ваетъ, и ее откупили. А на печей тетка Арина, чудородница такая была, другой бабѣ животъ править, а та умираетъ будто; а Арина приговариваетъ: „Матушка, цыганушка, задержи ножку на плетень, чтобы скорѣе отлетѣть!“

А тутъ смѣются. И имъ поднесли, и мѣсто на печей выкупили. Ослобонили все. Насъ на печку посадили и куренка ѣсть дали. Мнѣ-то дужку, а ему гузку, чтобы любили другъ дружку. Я съѣла, хоть и не хочется, и онъ поглоталъ. Стѣзли мы съ печки, посадили насъ за столъ, и завтракъ тутъ начался и каравай дѣлили, и дары роднѣ раздавали. Такъ три дня гульба продолжалась, мнѣ все скучно—не любъ мнѣ мужъ. На третій день въ вечеру убѣжала я въ чуланъ, заплакала. Сижу одна, глядь и Данило ко мнѣ пырь. Думаю себѣ: надо себя передѣлать, съ имъ мнѣ жить. „Что ты, говорить, ушла?—А я не хочу связываться, да руками лицо скороняла, какъ будто повязку поправляю. „Хорошо, Данило, повязана я?“—„А какъ же еще? отлично хорошо“. А самъ радъ, что я съ имъ заговорила. И за руки меня взялъ, глядитъ. А я руки не отнимаю. Онъ съ меня не взыскивалъ, только бы мое сердце смягчилось. И хоть не въ душѣ онъ у меня, а жалко и его.

VI.

Послѣ трехъ дней разъѣхались всѣ. Мужа моего на барщину взяли, а свекровь, какъ гости уѣхали, говорить мнѣ:

— Анисья, у меня голова болитъ, разнеси ты посуду по людямъ, что взаимы брали, а я полежу.

— Ну что-жь, матушка.

А потомъ и понесла посуду. Какъ домой вернулась, она опять мнѣ:—Анисья, а нука-сь печку затопи,—а сама все лежитъ. И такъ каждый-то день пошло. Я хочу свое что-нибудь поправить, а она заставляетъ топить и тутъ же и стряпать. Я ей:—Матушка, слѣзай, топи,—а она мнѣ:—Нѣтъ, доченька, голова моя раскочилась. Какъ хочешь, такъ съ печкой и справляйся, слава Богу, потопила на своемъ вѣку. — А мнѣ прискорбно. У насъ годъ цѣлый, молодыхъ отъ барщины ослобоняють, а свекровь меня вмѣсто себя посылать стала, а сама пряжей своей занималась. Обижалась я, а мужу ничего не сказывала. Работой-то я не скучала, только бы по домашнему успѣть справить; да ужъ всю работу бабью на меня одну навалила. И тяжело стало. И отъ мужа-то радости нѣтъ, не любъ онъ мнѣ, да и работой зану-ряють.

А тутъ еще бѣда. Въ самую мою свадьбу вернулся изъ службъ солдатъ Иванъ, Козлихъ братъ, сталъ у ней въ домѣ жить. Жилъ онъ больше дома. Мужъ-то все на барщину, а Иванъ-то дома. Рѣдко когда за зятя, за старика, пойдетъ. Сначала жили хорошо, а потомъ ко мнѣ приставать начали. Во всякой работѣ норовить, чтобъ со мной вмѣстѣ быть, да не такъ, какъ должно, а все шутки шутить, да все тайками. Разъ выгоняють на барщину копанъ копать. Собралась я идти, свекровь мнѣ и говорить:

— Анисьюшка,—говорить,—уберись въ мою панёву и рубаху мою надѣнь. Подивилась я, что такъ раздобрилась ко мнѣ свекровь. Убралась я. А она и платокъ сама мнѣ повязала. Я дивлюсь, не пойму, что такъ помогчила свекровь. Пошла я. Отработали. Прихожу домой, мужиковъ дома не было. Свекровь одна, она и говорить:

— Анисьюшка, какую я тебѣ шутку скажу.

— Какую?

— Вотъ какую: полюбила ты даже брату. Велиль онъ тебѣ сказать: онъ для тебя все сдѣлаетъ, только полюби ты его.

Меня какъ жаромъ осыпало. Ушамъ своимъ не вѣрю, что свекровь меня на худыя дѣла склоняетъ.

— Матушка, что ты это говоришь?

— А она:

— Согласись,—говорить,—я тебя не то, чтобы паневу да рубаху, во все свое хорошее наряжать стану.

— Матушка,—говорю,—вы шутки что ли шутите со мной?

— Гаупа ты, желанный онъ, хорошій до тебя будетъ.

А я стою и какъ обухомъ меня пришибло.

— Матушка, родимая, да что ты, это задумала? Не могу я на эти дѣла согласиться. А Данило-то?

— Ахъ ты дура, ты дура, не въ твою высоту, а пятнадцать годовъ съ полюбовникомъ живу, и во всемъ-то онъ мнѣ помошъ, и денегъ возьму, и вуплю что надо себѣ, во всемъ онъ меня ублажаетъ, пуще законнаго.

— Да развѣ-жъ можно,—говорю—законъ нарушать?

— Эхъ,—говорить,—глупая ты, погляжу я на тебя. Развѣ я тебѣ зла желаю?

— Эхъ, матушка, матушка,—говорю,—старый ты человекъ, а чему учишь?—И даже заплакала я.

— Ну, ну ладно, какъ знаешь, такъ и живи.

Посняла я ея сряду: и паневу, и платокъ, все побросала. Осерчала она, изъ избы вышла. Ничего, никому я не сказала, все въ душѣ похоронила. А Данило, какъ и прежде, со мною желанный, и хоть я его не любила, а все же грѣшить противъ него не хотѣла.

Перестала Козлиха со мной про худыя эти дѣла говорить, а вижу я, что мыслей этихъ изъ головы не выкинула, и ладить свести меня съ братомъ. И Иванъ тоже пристаеъ.

Ушла разъ въ воскресенье свекровь къ ранней обѣднѣ. Батюшка съ Данилой молотить пошли. Осталась я одна, затопила печь, сажусь картошку чистить.

Входитъ Иванъ.

— Анисьюшка, дай подсоблю.

— Ну, что-жъ.

Сѣлъ возлѣ меня и ножичекъ взялъ и рѣзаетъ картошку.

— Анисьюшка, какъ ты скоро картошку рѣжешь,—а самъ ближе ко мнѣ пододвигается.

Я молчу, только дальние сторонюся.

— Анисья, сегодня въ городъ иду, торговый день, я тебѣ гостинцевъ принесу.

— Не надобно,—говорю,—и вовсе лишнее,—а сама знаю, къ чему это онъ мнѣ гостинцы сулитъ.

— Анисья, — говорить, — колечко серебряное принесу, и бусы, и серьги...

И пододвинулся онъ ко мнѣ и ухватилъ меня. Вскочила, отпихнула его.

— Ахъ ты безстыжій! Ишь что выдумалъ!

— Анисьюшка, аль я тебѣ ужъ такъ противень?

— Что ты ко мнѣ лѣзешь! Этимъ ли тебѣ заниматься, пещь ты старый! Тебѣ-то 50 годовъ, а мнѣ 17.

Отсталъ онъ отъ меня, ушелъ въ городъ.

Обѣдня отошла, пришла Козлиха, пришли и свекоръ съ Данилой, собрала я имъ обѣдать. А сама-то отпросилась къ матушкѣ посидѣть; думаю себѣ: пойду хоть на какой-нибудь день, чтобы галда эта изъ моихъ ухъ вышла, и глаза мои не глядѣли на этотъ домъ.

Прихожу домой къ вечеру, а дома и свекоръ и свекровь, и Иванъ, вернулись изъ Тулы, и Иванъ сидитъ трубку курить. Вошелъ и Данилю въ избу. Вижу Иванъ изъ кармана дары вынимаетъ и на столъ кладетъ.

— Ну-ка, молодайка, на тебѣ гостинцы!

— На что мнѣ?—говорю.

А тутъ свекровь:—Нешто чужой, чего отворачиваешься?

— На,—говорить Иванъ.

А я не беру, знаю, къ чечу принесъ.

А мужъ говорить:—Тебѣ, значить, вся семья наша не мила.

А свекоръ толкнулъ меня локтемъ.

— Говорятъ, возьми, не отъ чужого берешь.

Взяла я, а на умѣ себѣ держу: дѣловъ этихъ не будетъ.

На утро привезъ свекоръ возъ капусты и приказалъ намъ въ чуланъ посвалить, а самъ на барщину съ Данилой пошелъ.

Вотъ таскаемъ мы: свекровь берема, я берема, а Иванъ третье; таскаю и въ головѣ себѣ не думаю о чемъ худомъ. Я кладу капусту, Иванъ кладетъ, а свекровь тѣмъ временемъ и запричуланъ на цѣпочку. Бросила я капусту. Къ двери, онъ за мной:

— Анисьюшка, Анисья!—кричитъ, и ко мнѣ.

Разсерчала я, такого ему раза дала, что отсталъ онъ отъ меня.

— Эхъ, братецъ, когда не идетъ по согласію, ты ее какъ мыша (мышь) приколи.

Пододвинулся онъ опять ко мнѣ. Закричала я тутъ куда зря. Онъ пустилъ меня.

— Ну, сеструха,—говорить,—отвори.

Отворила она дверь. Выбѣжала я едва дышаю, себя не помню.

— Безсовѣстные, озорники, изобей ты сто родимцевъ, старая чертовка! Что вы надо мною дѣлаете!—кричу имъ.

— Чтожъ надъ тобой дѣлали?—говорить свекровь. —Мало ли что бываетъ, а ты согласна бы была, и не такъ бы тебя еще одарила.

— И даровъ мнѣ вашихъ не надо; брошу всѣ, въ огнѣ сгорятъ!

— Не горячись больно, остынь, да смотри, не обжалуйся свекору али мужу.

— Какъ мнѣ не сказывать! вы тутъ надо мною безобразничаєте, и силушки моей нѣтъ.

VII.

Ушла я отъ нихъ. Повязка съ головы соскочила у меня, рубаха помятая. Оправилась я, вышла на улицу; гляжу, свекровь за мной вышла; какъ увидѣла ее, еще тошнѣе стало. А она слѣдомъ за мной, боится, кому скажу что. Думаю я: мужу открыться не хочется, не въ душѣ онъ у меня быть; матушкѣ сказать — обидѣть ее не хотѣлось. Пошла къ врестовой сестрѣ. Отстала отъ меня Козлиха. Пришла къ сестрѣ крестовой и рассказала ей все. Она — подругъ, подруга — другой бабѣ, а баба къ вечеру встрѣтила у колодца Козлиху и говоритъ ей:

— Ты что-жъ это свою невѣстку съ Иваномъ сводишь?

— Какъ свожу? да кто тебѣ сказывалъ?

— Сама сказывала.

— Слушай ты ее, голенастую шлюху.

Прихожу я домой, и давай она меня ругать всячески; я ей только сказала:

— До мужа меня догнали, какъ не сказать!

Мужу я не говорила, да онъ самъ все отъ людей узналъ. Стала все спрашивать. Рассказала ему все какъ было.

— Анися, — говоритъ, — зачѣмъ раньше не сказывала мнѣ.

Обидѣлся онъ на Козлиху шибко, а сказать ей ничего не сказалъ. Боялся онъ ее.

Только разъ ей высказалъ:

— Хороши вы, производите молодого человѣка къ худому дѣлу.

Не заробѣла Козлиха, стала еще его ругать:

— Ахъ ты, праликъ (паралитъ) ты расшиби, — говоритъ, — я ее, вишь, худому научаю, ее къ работѣ приставляю!

— Хороша ваша работа! слышала я!

— Отъ кого?

— Отъ людей. — А самъ боится на меня указать, чтобы не серчала она на меня. Поняла Козлиха, что отъ меня онъ узналъ все; пуще на меня нападать стала. Гривить стала.

— Я тебѣ, — говоритъ, — сдѣлаю, что мужъ тебя на двое разорветъ.

— Околдуешь, что ли?

— Нѣтъ, ты посмотришь тогда, какъ на меня наговоры дѣлать, попомнишь меня!

И что же придумала, змѣя подколотная! Прошло недѣли три.

Прикинулась она доброй, стала ласкова ко мнѣ и говорить мнѣ разъ:

— Что, — говоритъ Анисьюшка, — развѣ нѣтъ у тебя чулокъ новыхъ?

— Нѣту, матушка.

— Я въ городъ пойду, хочешь тебѣ куплю?

— Денегъ у меня еще нѣтъ, нешто въ батюшкѣ схожу, попрошу.

— Ну что-жъ, иди, я тебя не дожусь, а ты тогда Матвѣю Базыкину отдай деньги, онъ слѣдъ за мной идетъ.

А Базыкинъ-то мужикъ, сосѣдъ нашъ, еще не женатый.

Побѣжала я въ батюшкѣ, далъ онъ мнѣ 40 коп., отдала я Матвѣю и говорю:

— Отдай, голубчикъ, деньги матушкѣ, мнѣ чулки купить, или самъ купи, коли разумѣешь.

— А нешто не выберу!

Пошелъ онъ въ городъ, чулки купилъ и отдалъ ихъ свекрови.

Вечеромъ, собрала я ужинать, и Ковлиха вернулась изъ города. Вывязываетъ чулки изъ узелка и мнѣ подаетъ.

— На-ка, — говоритъ, — тебѣ чулочки.

— Спасибо, — говорю, — сама покупала?

— Какъ сама? гдѣ мнѣ денегъ-то взять? Твой любовникъ Матюшка справилъ, да прислалъ.

Такъ я опалѣла и слова сказать не могу. Мужъ, свекоръ, всѣ тутъ за столомъ.

А Ковлиха пуще.

— Вотъ она, честная-то молодаячка, безъ году недѣлю живетъ, а чулочки ей любовники покупаютъ.

— Я тебѣ матушка деньги давала, — только и сказать могла.

А она хохотала...

— Ха, ха, ха! Сама деньги давала, что выдумаетъ! Пришелъ Митюшка на постоянный и говорить: на, моей милашкѣ снеси. Что прикидываешься? Степенна ужъ больно ты!

А свекоръ добрый до меня былъ, а тутъ глянулъ на меня и говорить:

— Ай, ай, молодаячка, худо дѣлаешь!

А Данило сидитъ, голову повѣсилъ, какъ и не слышать ничего.

Стала я клясться, всячески увѣрять.

— Батюшка, право слово, деньги давала сама, и душа моя не знаетъ худыхъ дѣлъ съ Матюхой съ этимъ.

Вышла я, плачу, вышелъ и мужъ, сталъ мнѣ говорить.

— Анисья, — говоритъ, — правда ли это?

— Неправда,—говорю,—провалиться мнѣ. И въ мысляхъ не было.

— Хоть ты бы сдѣлала,—говорить,—да никто бы этого не зналъ.

— Да утаить,—говорю, нечего;—нѣтъ ничего! Не вѣрь, Данило, чернить она меня всячески.

Такъ не принялась и этимъ злодѣйка. Еще придумала, чего и выдумать нельзя.

Было дѣло святками. Данило былъ на барскомъ дворѣ, караулилъ. А я на улицѣ съ бабами была, пѣсни играла. Пришла я домой. Старики ужъ на печи, а Козлиха еще у печи убираетъ. Пришла, раздѣлась, повѣсила свой нарядъ на станъ и спать легла. На утро беру растегай, прибрать въ сундукъ хочу, глядь, а онъ въ пятнахъ, желтый весь; тронула я, а онъ подъ рукой такъ и ползетъ. Глядь, стѣлянка, что съ кислотой была, тутъ пустая валяется. Поняла я. Завыла.

— Матушка, что ты надѣлала? Господи Боже мой, что мнѣ таперича дѣлать, отравой все попортила.

— Какой отравой? чего голосишь?

— На что ты это,—говорю,—сдѣлала?

— Тебя любовники трубками сожгли, а ты съ больной головы, да на здоровую воротишь.

Пришелъ Данило, я ему рассказываю, сама плачу, а свекровь на меня тутъ наговариваетъ, что любовники трубками сожгли. Пересталъ ужъ и Данило мнѣ вѣрить. Махнулъ рукой.

— Тебѣ ли вѣрить,—говорить,—или матери, ужъ и не знаю. По пустому не стала бы говорить.

Обидно мнѣ показалось это, ушла въ чуланъ и плачу тамъ. Не вижу себѣ покоя дома. Что день, то все хуже Козлиха обижаетъ.

VIII.

Такъ три года прожили. Худого за мною не было. А обижали меня и наговаривали, какъ про самую гулящую бабу. Пуще всего запамя Данилу въ сердце, что я Матвѣя люблю.

Сдѣлалось тутъ надо мной мудреное дѣло. Дразнить меня Матюкой и свекровь, и мужъ. Стала и я сама на Матвѣя приглядываться. А онъ съ этихъ ли словъ, или такъ, самъ собою, сталъ тоже ко мнѣ приставать. Да боялась я законъ нарушить и держала самую себя крѣпко. Да, видно, силенъ врагъ

и горами качается. Сижу я разъ вечеромъ, пью, и вижу, кто-то подь окно подглядываетъ. Я глядь, а это Матвѣй.

— Чего? молъ, а сама знаю—чего. Слышу, шепчетъ, изъ окна манить всячески, чтобы вышла. Сколько ни стоялъ подь окномъ, не вышла къ нему. И сталъ такъ каждый вечеръ подь окно ходить; и боюсь его, и жду, скоро ли прійдетъ. Чуть зашумить подь окномъ, ужъ я слышу. Прежде не видала его, рѣдко когда увижу, а теперь, куда ни пойду, все вижу его, вездѣ онъ тутъ. И въ полѣ, и на улицѣ проходу вольнаго нѣтъ отъ него. Выхожу разъ рано поутру, а онъ тутъ.

— Анисья,—говорить,—остановись.

— На что я тебѣ нужна?

— А я видѣлъ, что ты въ вечеру дѣлала.

— А что дѣлала?

— Вязала.

— Что тебѣ мои дѣла нужны?

— А сидишь ты подь окномъ такая бѣленькая, нѣжненькая.

— А тебѣ что за дѣло, бѣла ли, нѣжна ли?

— А что я тебѣ сказать хочу.

— Не знаю,—говорю.

— Не взыщешь, Анисьюшка?

— Тутъ нельзя.

— А что нельзя-то, авось ничего враденаго нѣтъ?

— Ладно,—говорю, и ушла.

Дня черезъ два пришла мнѣ очередь скотину стеречь. Пошла я съ пастухомъ въ поле. Выгнала скотину и сижу у пашни. Гляжу, откуда ни возмись, идетъ Матвѣй. Подошелъ, подаетъ одинъ фунтъ баранокъ, одинъ фунтъ жамокъ (маковыхъ лепешекъ).

— На вотъ, тебѣ принесъ,—говорить,—я съ тобою поговорить хочу. Не обидишься?

— Сказывай, что надоть?

— Сама знаешь.

— Ничего не знаю, да и слышать не хочу.

— Ну садъ, — говорить,—посиди хотъ.

— А стадо-то?

— Авось пастухъ приглядить.

— Ты его нанялъ?

— Не нанялъ, такъ найму.

— Ѳедоръ Гуревичъ,—кричитъ ему,—пойди съ нами посиди.

— Зачѣмъ пойду?

— Выпей съ нами.

Подходить пастухъ. Онъ ему налилъ стаканчикъ.

Выпили.

— Покорнѣйше благодарю, — говорить, — гуляйте себѣ, и пошелъ. А Матвѣй ему:

— Ты, Гуревичъ, не болтай!

— Ну какой я человѣкъ, зачѣмъ понапрасну сказывать буду?

— Ну ступай.

И ушелъ онъ. Ему на тотъ боѣзъ не нужно идти, а онъ сторонится себѣ нарочно. Остались мы одни.

— Анисьюшка, будешь водку пить?

— За что буду пить съ тебя?

— Ну пей, авось дѣло сойдется. — А самъ меня охватываетъ.

— Не хочу, — говорю, и отслоняюсь отъ него.

— Ну будетъ ломаться, пей.

Я съѣла, и боюсь я, и уйти не хочется. И говорю себѣ: ну что будетъ, то будетъ. Выпила и хмѣльна стала.

— Чѣмъ буду тебѣ, — говорю, — отвѣчать за хлѣбъ-соль?

— Авось не пропадетъ за тобой, дорого не возьму съ тебя!

IX.

Пришла домой. Какъ что передо мною все кружится. Что сдѣлала? думаю, зачѣмъ согрѣшила? За дѣло беруся, изъ рувъ валится. Ушла въ чуланъ, повалилась на постель и заплакала. Съѣла меня совѣсть. И все представляется, что всѣ догадались. Проходитъ три дня, и ни отъ кого выговора нѣтъ. Стала я стыдъ забывать. Думаю, что-жъ, коли такое ужъ дѣло сдѣлала, надо какъ люди такъ и я. Думаю, другимъ полюбовники дарятъ. Что-жъ, я ничѣмъ отъ него не попользовалась. И случилась у родныхъ свадьба, звали меня. Думаю, пойду на свадьбу, возьму у Матвѣя денегъ. Покуражусь. Дары отдарю, когда пѣснями обыгрывать станутъ. Задумала у Матвѣя просить. Только не знаю, какъ до него дойти. Сижу въ избѣ, и свекровь, и Данило тутъ.

— Ахъ, — говорю, — цыпленка все одного нѣтъ! Вышла на дворъ и ну звать: — Тюкъ, тюкъ! Нѣту, — говорю, цыпленка. Туда сюда побѣгала. Нѣту. Проводы, значить, дѣлаю. И говорю: — Какъ некогда идтить-то, а надоть сыскать.

— У сосѣдей спроси, — Данило говорить. Побѣгла я. Въ одинъ дворъ, нѣту, въ другой, нѣту, а въ третьемъ, значить, Матвѣевъ. Думаю, надо цыпленка найти. Сейчасъ прибѣгаю, а Матвѣй сидитъ на конникѣ, а мать на загнеточкѣ.

— Тетка Агафья, нѣтъ ли у васъ цыпленка моего?

— Поди, дитя, погляди въ окно.—Я сама побѣжала, а его толкнула легоньку. Мать сидитъ не видитъ. А онъ выходитъ.— Ищи тутъ, давеча тутъ бѣгалъ. А самъ за мною. А я ему шепчу.

— Матвѣй, деньги есть?

— Есть. Сейчасъ при мнѣ нѣтъ.

— На свадьбу надоть мнѣ.

— А когда ѣдешь?

— Да ввечеру.

— Такъ ты заходи въ пустую избу, что около насъ стоитъ, а я деньги туда и принесу.

— Ну ты тутъ-то дай!

— Будь спокойна,—говорить,—деньги будутъ, только приходи. Думаю, какъ опять изъ дому оторваться? Пришло время, всѣ на свадьбу убираются, я и убѣжала.

Прихожу, а ужъ онъ тамъ и деньги два рубля принесъ. Хочу взять и уйти скорѣе, боюсь, какъ бы меня дома не хватились, а Матвѣй не пускаетъ.

— Побудь хоть сколько-нибудь со мною, Анисьюшка.

— А дома-то хватятся, что меня нѣтъ,—говорю.

— А пускай,—говорить,—проврала насъ Козлиха, такъ чтобъ ужъ не даромъ!

Побыла съ нимъ. Стала прощаться, а онъ мнѣ:

— Ты, Анисья, ни на кого не заглядывайся на свадьбѣ—меня помни. Уѣхали на свадьбу. Три дня гуляла тамъ.

Вернулась домой, перваго человѣка встрѣтила Матвѣя. Глянулъ на меня и усмѣхнулся. А меня опять совѣсть зазрила. Думаю, узнаетъ Данило, какъ я ему буду въ глаза глядѣть? И стала я съ Данилой больше ласкова. Все думаю, какъ бы не обидѣть его. И слово скажу ему, гдѣ и не надо, и посмѣюсь съ нимъ, а онъ радъ:—Вотъ,—говорить,—ты до меня прежде какая суровая была, вѣрно прежде по твоему нутру у тебя кто-нибудь былъ. А я ему говорю.

— Никого у меня не было ни тогда, ни теперь.

— Ты только,—говорить,—бывало на міру въ полѣ весела, а дома, придешь, какъ помоще, а теперь съ тобой и посидѣть лестно.—А мнѣ еще больнѣй эти рѣчи отъ него слышать. Не миль былъ мнѣ мужъ мой, а грѣшить противъ него тошно было. И къ Матвѣю сердце не лежало. Грѣшила сама не знаю зачѣмъ? Такъ, по глупости. Люди дѣлаютъ, дай и я тоже. Радости мало, а стыда много. Теперь не знаютъ, а какъ наружу выйдеть, бѣда. Боялась я шибко, какъ бы опять не позвалъ меня Матюха. Понятиться нельзя. А не пойдешь, думаю, разсердится,

дѣла наружу выведеть. Боялась. Да развязалъ всѣ грѣхи Богъ. Въ ту же осень отдали Матюху въ солдаты. И жалъ мнѣ его, и рада я. Отъ грѣха дальше. Такъ и не видала его съ тѣхъ поръ. При народѣ и простилась съ нимъ. И кануло все дѣло, какъ въ воду.

X.

Прошелъ годъ. Забыла я свои глупости. Стала ладно жить съ Данилой, и очень ужъ желаненъ до меня сталъ. Гдѣ бы не работала, домой ночевать приходилъ. И забеременила я.

Вовсе бы хорошо жить было, кабы не отъ свекрови житья не стало. Я въ тяжести хожу, дѣло молодое, непривычное, и работа въ трудъ, и съѣсть что лишнее, а свекровь кажимъ кускомъ попрекаетъ.

— Ишь,—говорить,—жереба ненаѣдная, жретъ, пока молоко изъ ноздрей не польется!

Силушки моей не стало, терпѣнія больше нѣтъ. Стала я Данилу сказывать:

— Хочешь жить со мною, отдѣлимся; не хочешь, сама уйду. Обвѣщусь я отъ такой жизни.—Сначала и слушать меня не хотѣлъ Данило. А стала я ему чаще говорить, сталъ и самъ думать. И надумалъ онъ пойти въ домъ къ старику. Стала я разъ ему говорить:—Не хочу больше такъ жить, что-жъ намъ вѣкъ маяться? Лучше съ сумой пойдемъ, только-бъ съ ней не жить.—Данило и говорить:

— Потерпи маленько. Я самъ лажу, какъ бы отдѣлиться. Знаешь Василия Наумовича? онъ зоветъ насъ къ себѣ жить. Обрадовалась я. Куда бы ни было, рада была пойти, только бы съ Козлихой не жить. Пошла я на утро во дворъ къ Василию Наумовичу. Мужикъ старый онъ былъ, съ хозяйкой жилъ, дѣтей у нихъ не было. Принялъ онъ меня, ужъ зналъ всѣ дѣла и показалъ мнѣ все свое имѣніе. Была у нихъ изба хорошая, 14 овецъ, двѣ лошади, корова съ телянкомъ, хозяйство большое, а работница нѣтъ.

— Анисья,—говорить онъ мнѣ,—идите жить къ намъ, работать. Я—старый, будете на барщину ходить, меня успокоивать, а я васъ. У меня, слава Богу, всего много, и хлѣба вдоволь.

Пришла я домой, стала Данилу говорить, сойдемъ да сойдемъ къ Науму. Стала и Козлиха говорить:

— Когда васъ нечистый унесетъ! Ступайте, куда хотите. Свекоръ не пускалъ насъ, да ужъ разладились мы. Что ни день,

то брань, и нельзя намъ стало жить вмѣстѣ. Стали дѣлиться. Много грѣха было, и на сходеѣ насъ мирили, да не помирили. Отдѣлились мы. Дали намъ изъ дому за всю Данилову работу телѣгу худую и овцу. Да и то хорошо, только бы отъ грѣха.

У Наумыча намъ сначала жить хорошо было. Работали мы на стариковъ, какъ на родныхъ, и они къ намъ желанные были. Пожили мы у нихъ, и родила я первенькую, и повредила себя отъ родовъ этихъ; а не давалъ Богъ выростить дочку эту. Дѣло такъ было. Еще мы тогда на барщину ходили; съ вечера повѣстили бабамъ овесъ полоть. Встала я поутру, не можется мнѣ. Затопила печь, справила всю домашнюю работу, надо на барщину идтить. Не идти, думаю, стануть спрашивать, почему, а сказывать не хочется; и пошла я съ бабами и иду впередъ всѣхъ. А онѣ мнѣ: — Что это ты, Анисья, какъ королева роговая впередъ всѣхъ бѣжишь и не чуешь, будто тяжела?

А я имъ: — Авось гусь свиньямъ не товарищъ! Гусь полетитъ, а свинья останется.

Подшли мы къ старостѣ, а онъ которыхъ полоть посылаетъ, а мнѣ говоритъ: — Ты, Анисья, оставайся съ бабой рожь таскать на веретяхъ, чтобъ сушить. Остались мы. На каждой веретѣ по 6-ти мѣрѣ въ амбару таскали, а до амбара сажени три будетъ. Какъ поташу, боль въ поясницу ударить, и дюже трудно мнѣ, а показать этого не хочу. Отпустили насъ обѣдать. Пошла домой, а меня дорогой тутъ боль схватила; остановлюсь, присяду, дальше пойду опять; и поясницу, и животъ перехватываетъ. Ну, думаю, плохо, навѣрное рожу. Пришла домой. Старуха одна дома. Легла я въ чуланъ. Полегчало. Ъсть захотѣла. Пошла, надергала луку, начистила, хочу квасъ принести, да вотъ трудно стало ходить-то, такъ съ хлѣбомъ поѣла. Какъ обѣденное время прошло, приходитъ сестра за мною, пойдемъ вмѣстѣ, говорить, на барщину. Я ей открыться-то не открылась, что рожать надумала. Ступай, — говорю, — ты рожь таскать теперь, а я пойду овесъ полоть, помѣняемся. Ладно, — говоритъ, — все одно мнѣ, и ушла. А я никому сказывать не хотѣла, потому слыхала, что за всякаго лишняго человѣка, что знаетъ про родовую муку, лишнее и мучаться будешь. Осталась я одна. Приходитъ дочь Носухи, Татьяна, что ужъ замужемъ жила. — Анисья, — говоритъ, — пощи у меня, коли время.

— Ну что-жъ, — говорю, — пойдемъ. Пошли мы на овинъ, взяла я и гребешокъ, и подушечку. Сѣли. А меня ужъ такъ и корчить всю. Изогнусь вся и сажу, не двигаюсь.

— Анисья, что ты,—говорить Татьяна, — аль тяжело таскала что?

— Ничего, — говорю, — это такъ, а сама опять ищу. И половины головы еще не выискала, какъ гребешокъ выронила изъ рукъ и такъ меня схватило, что застонала я: „Господи Боже мой!“ — кричу. А она, какъ глянула на меня, и говорить:

— Анисья, твое до тебя доходить, родить будешь.

— Силь моихъ нѣтъ, терпѣнья мово нѣтъ, — говорю, — такъ и перехватываетъ меня.

— Поди ты, говорить, въ сарай, тамъ тебя никто не увидитъ, а я зайду къ тебѣ. Пришла я. Сѣла; то посижу, то полежу, да и подъ голову положить нечего, встану опять и чувствую — душа съ тѣломъ разстается. Кричать нельзя, тутъ близко ребята играютъ. Шумять, гамять. Эхъ, думаю, какъ это они веселятся, а мнѣ смертный часъ приходить.

Пришла Татьяна: что, Анисья, какъ твои дѣла?

— Охъ, говорю, Татьяна, смерть моя, измучилась.

— Ничего, говорить, вѣдь всѣ мы тожъ терпѣли, пройдетъ. Все она съ меня посяла. Дюже мнѣ трудно. И губы пересыхали. Пошла она за своею матерью. Слышу, зоветь ее: — Матушка, Анисья въ сарай родить хочетъ.

— О-о? да чтожъ она мнѣ раньше не сказывала?

Приходятъ онѣ въ сарай:

— Анисья, — говорить Носуха, — какъ ты съ своимъ здоровьемъ?

— Тѣтушка милая, говорю, мучаюсь мукой, силь моихъ нѣтъ.

— Ну, Анисья, проси прощеніе. Можетъ, тебя за то Богъ мучаетъ, не распристываетъ, потому что въ грѣхахъ своихъ некаялась.

— Тѣтушка милая, сестрица родимая, простите меня грѣшную.

— Богъ тебя проститъ, Анисья; — и стали онѣ молиться: „Попли ей, Господи, скорые легкіе роды; прости ей, Господи, грѣхи ея“.

А мнѣ все не легчаетъ; стала я заочно у Козлихи, у матери, у мужа прощенье просить. И дюже мнѣ страшно стало, какъ свои грѣхи передъ мужемъ вспомнила. Кабы онъ тутъ былъ, и покаялась бы ему. Ну, да Богу покаялась. Трудно мнѣ было, и думаю себѣ: не отъ этого ли грѣха моего? Упала я навзничь, глаза подъ лобъ закатились и не помню сама себя. Зубы стиснула и разжать не могу. Чувствую, вдругъ легко стало. Ну думаю: простилъ меня Богъ. Вскрыла глаза, а ребенокъ тутъ же увалился и чуть какъ цыпленочекъ попискиваетъ. И чудно, и радостно мнѣ стало. Закрыла опять глаза, и все помутилось, ни-

чего не помню. Слышу, тащатъ меня, да не могутъ съ мѣста сдвинуть. Матушка, говоритъ, сестра, что это Анисья-то наша совсѣмъ помертвѣла. Въ избу, говоритъ, ее надо, да за бабкой, повить дитя надо. Побѣжала Татьяна, послала за мужемъ на барскій дворъ. Съ полчаса прошло. Опомнилась я. Вижу, противъ меня держитъ ребенка Носуха и говоритъ:

— Анисья, пойдемъ въ избу, тамъ полежишь, Богъ проститъ тебя, и вовсе ребенка повьемъ. Накрыли меня кафтаномъ и повели, а дитя я сама поддерживаю. Привели, положили, взяли онѣ правую мою косу, сложили вдвое и запихали мнѣ въ ротъ. Полежала я такъ, и совсѣмъ простилъ меня Богъ. А ребеночекъ все не повить и повить некому.

XI.

Тутъ пришелъ Данило. Слышу спрашиваетъ:—Кого Богъ далъ?

— Скворчиху,—говоритъ Носуха, а наша фамилія это, значить, Скворцова была.

— Ну чтожъ,—говоритъ,—кого Богъ далъ, того и ладно.

А она ему:—Люби кого Богъ далъ, первенъимъ все хорошо; да бѣги ты за бабкой. — Побѣжалъ Данило.

Ужъ солнце сѣло и стадо загнали, а я все лежу, не двигаюсь, и ребеночекъ воелъ меня и неповитый. Пришла матушка ко мнѣ. Поплакали мы, а тутъ входитъ Данило и говоритъ:—Нигдѣ бабки нѣтъ, наша деревенская на праздникъ за семь верстъ ушла, а въ сосѣднюю деревню ходилъ, та въ городъ ушедши. Какъ хотите, справляйтесь.—Что теперь дѣлать будемъ? матушка говоритъ, я и въ жизнь свою не повивала ребятъ.

И Татьяна тоже не берется за дѣло, стоитъ тутъ же.—Матушка,—говоритъ она своей матери,—повей ты, ты всѣхъ насъ старше будешь. Помолчала Носуха, раздумывала. Ну,—говоритъ,—напусти Богъ смѣлость! повью. И пошелъ у нихъ совѣтъ, какъ дѣлать надо. Стало быть, какъ умѣли, сдѣлали; и за мной, что надо, уходили, и ребенка вымыли, и спеленали. И какъ убрали насъ, пустили Данила. Подошелъ, глядитъ на дочку, и Боже мой какъ радъ, а я-то отъ муки еще не опомнюсь и не видала дитя.

— Кого будешь въ кумовья звать?—говоритъ ему моя матушка.—Кого Богъ приведетъ,—говоритъ,—все-жъ кого-нибудь надо.

— Тогда,—говоритъ Данило,—кумовьевъ выбирать, когда вы за труды угощены будете.—И сейчасъ вышелъ Данило, приносить

графинь съ водкой и налилъ по стаканчику, подноситъ сперва Носухѣ, — съ чѣмъ, — говорить, — поздравлять? — Насъ съ внучкой, а васъ съ дочкой! — Поклонились и выпили, и меня поздравили. Все мнѣ повеселѣло какъ-будто, какъ родила-то я. Вышли онѣ изъ избы зачѣмъ-то, а Данило остался со мною. Подошелъ ко мнѣ, самъ ласково такъ глядитъ и спрашиваетъ:

— Анисьюшка, иль тебѣ не полегчало?

— Ничего, — говорю, — теперь полегчало.

— А кого кумовьевъ позовемъ?

— Кого хочешь, говорю.

— Совѣтъ хорошо, а два лучше.

— Ежели такъ думаешь, — говорю, — не полѣнись, съѣзди въ Крыльцово, проси свою хлѣбосолку Аксиныю перекрестить, а кумомъ Михайлу возьмемъ, что на барскомъ дворѣ. Я себѣ это такъ вздумала, потому онъ мнѣ еще прежде говорилъ:

— Если на худыя дѣла не идешь со мной, то породнимся, крестить меня возьми. А я, значить, мужу не повершала (повѣрала), что сватался онъ за меня.

— Ну что-жъ, — говорить мнѣ Данило, — я согласенъ, позовемъ его.

Говорить, а самъ меня за руку беретъ, и я руки не отнимаю, и лестно мнѣ, что онъ руку мнѣ держитъ.

Говорю съ имъ, сама гляжу на него, и милъ онъ мнѣ сталъ, какъ что отъ души у меня отвалилось. Легко такъ, и полюбился онъ мнѣ съ той поры.

XII.

На утро всталъ Данило, пошелъ за кумовьями и священникомъ, созвалъ и родню, а Носуха и матушка моя все къ крестинамъ готовили и обѣдъ справляли. Я лежу въ избѣ, и меня завѣсили платкомъ, чтобъ меня видно не было.

Въ полдень пріѣхали священникъ, дьяконъ и дьячокъ. Поставили кадушку за-мѣсто купели, и дьячекъ три свѣчки прилѣпилъ и зажегъ. Собрались всѣ родные, кумовья, и крестить стали. Я лежу завѣшанная, все слышу и черезъ платокъ на нихъ гляжу, а сама думаю: „чудно это, что Михайло въ мужья хотѣлъ, а попалъ въ кумовья“. Окрестили, Аграфеной назвали. Подали обѣдать батюшкѣ и съ нимъ кто былъ, нарѣзали сельдей, рыбы соленой, ситниковъ и вино поставили. Закусили они, поблагодарили, и мы ихъ тоже; сорокъ копѣекъ за крестины дали, двѣнадцать копѣекъ за свѣчи, и уѣхали они. Послѣ накрыли три стола для родныхъ.

Поставили щи съ говядиной, лапшу, вино; человекъ двадцать пять собралось, и свекровь позвали. Я ее-то не желала, да люди присуждали, и я перечить не стала.

Передъ обѣдомъ подошла она ко мнѣ:—Здравствуй,—говорить,—Анисья, съ животомъ тебя, съ дочерью поздравляю, расти большую, счастливую.

— Благодаримъ покорно,—говорю. И пошла она за столъ. Поставила бабка горшокъ съ кашей, наврыла полотенцемъ и положила двѣ ложки на полотенце. Одну ручкой къ Богу, другую къ столу.

— Ну,—говорить,—окупать надо кашу. Стали въ ложки деньги класть; въ одну ложку, что ручкой къ Богу лежала, мнѣ деньги клали, а въ другую—бабѣ. Отецъ родной первый положилъ, потомъ всѣ, всѣ кто сколько можетъ, и мнѣ потомъ подали. Сосчитала мнѣ сестра шестьдесятъ копѣекъ, а бабѣ тридцать копѣекъ набрали.

Потомъ бабка ухватила кашу и унесла. А гости шутятъ:—Ишь,—говорятъ—хорошо справилась, продала кашу, да опять себѣ взяла.

А бабка въ чужанѣ разложила по чашкамъ и принесла опять, на столъ поставила.

А кумъ Михайло взялъ ложку каши, ложку масла постнаго, соли, вина ложку и персмѣшалъ все, и подаетъ моему мужу.

— Закуси,—говорить.

— Какъ я закусывать буду, этакая гадость, мнѣ и въ глотку не пойдетъ.

— Коли жену любишь—проглотишь; не любишь—и въ глотку не пойдетъ.

Мужъ ничего говорить не сталъ. Поднесъ къ губамъ кашу и сталъ ѣсть по маленьку, съѣлъ и ложку облизалъ. Положилъ на полку ложку и держитъ руку на полкѣ и говорить:

— Рости моей дочкѣ такой большой!

А я лежу, усмѣхаюсь, и лестно мнѣ это, что онъ Михайлѣ показалъ, какъ меня любить. Обнесли всѣхъ виномъ и встали изъ-за стола, помолились, поблагодарили и разошлись гости.

Только близкіе самые остались и кумовья. Принесли жамокъ, сушекъ и рыбы, что сами ловили, и стали опять угощать и сидѣли еще долго, все толковали, пили, а меня уже дремота взяла. Къ ночи разошлись, а матушка моя и Носуха со мной спали, за дѣтей ухаживали. А ребеночекъ все плачетъ, а я себѣ думаю:

— Не такъ онѣ за нимъ ходятъ, стары онѣ, не умѣютъ,—и говорю имъ:—Ляжьте спать. А онѣ:

— Тебѣ, дитятко, трудно.

— Нѣтъ,—говорю,—легко, ничего. Онѣ и заснутъ, а я сама ребеночка перепеленаю и качать начну на рукахъ, а самой мочи нѣтъ, все плечи ломить. На третій день встала я; извѣстно, молодой человѣкъ была, и лежать скучно, да работать дома не кому. Увидалъ меня старикъ Носухинъ.

— Анисья,—говорить,—какъ здоровье?

— Хорошо,—говорю.

— Ну коли хорошо, такъ и ладно, пособи ты мнѣ улья изъ сарая перетаскать.

— Пойдемъ,—говорю, а самой идтить не хочется, а отка-заться совѣстно. Пошли мы. Онъ руку мою хватить, улья навалить и такъ несемъ. 15 ульевъ сносили. Дюже мнѣ трудно; и руки, и ноги трясутся, того и смотри, что свалюсь. А онъ безъ разбора, не примѣчаетъ, что человѣкъ слабъ еще послѣ родовъ. И долго послѣ животомъ я болѣла. У насъ на барщину послѣ шести недѣль выгоняють, а мнѣ четыре недѣли исполнилось, и послали меня. Повѣсть начался, да рано хлѣбъ поспѣлъ, работать торопили. Стала я въ поле дочку свою выносить, какъ на барщину ходила. Сдѣлалъ Данило козелки, куда люльку вѣшать. Дѣвочка смиренная была, попищить и покормлю, перепеленаю, и она опять спать. Качну я люльку и иду работать, оглянусь, а вѣтеръ зыбочку качаетъ, а я смѣюсь, говорю: „И няньки не надоть!“ а бабы чужія наработаются, уморятся и сядутъ отдыхать, мою Грушку тетѣшкають:—Хороша твоя дѣвочка, Анисья,—бывало скажутъ. Дѣвочка-то хороша, да сама я-то стала все животомъ болѣть.

XIII.

Хоть и тяжело было съ ребенкомъ, а все жить бы можно было за старухой, когда она ко мнѣ добра была; а тутъ случилось, что возненавидѣла меня старуха, совсѣмъ другая стала. Помутила насъ Козлиха. Не унялась, тошно ей стало, что живемъ хорошо.

Дѣло вотъ какъ вышло. Стали картофель копать, и Козлиха, и моя старуха тутъ же. И подходитъ Козлиха къ моей старухѣ. —Кума,—говорить, сказать тебѣ штуку?

— Скажи,—говорить. А свекровь ей:

— Эхъ ты Носуха, Носуха, ничего ты не знаешь. Ты что думаешь-то, Анисья моя твоего старика любить.

— Ахъ кума, кума, изъ чего-жъ это она его любить-то бу-

деть? И руки-то у него гнилыя, на ногахъ-то рана, вовсе больной, а она баба хорошая, молодая.

— Вотъ чтѣ: за денежки. Онъ ей весь домъ отдасть.

— О-о, это, пожалуй, правда.—И увѣрила ее свекровь. Носуха-то была дурковата, а Козлиха-то башковата. Та ей во всемъ повѣрила. И нѣтъ прохода мнѣ; ревнуеть меня старуха. Старикъ пойдетъ во дворъ, тешеть что-нибудь, а я рубашки развѣшиваю. А старуха за мной поглядываетъ, чтобы не сдѣлала чего-нибудь. А у него и въ умѣ нѣтъ, семьдесятъ годовъ было; гдѣ-жъ ему тамъ? Пришелъ вечеръ; старикъ говоритъ: „Анисья, пойдемъ въ лѣсъ за дровами завтра“. А я въ новинку у нихъ еще, отказаться нельзя, скажутъ лѣнивая; а пойду, старуха ревнуеть. И не знаешь, что дѣлать! Говорю ему: одна пойду, нешто лѣса не знаю.

А Носуха ему:—Ступай съ своей сударушкой, ступай пораньше, чтобы никто не видалъ!—Утро не пошла я; а старикъ сердается:—не меринь я, не натаскаюсь одинъ, сами вы гладкія. А старуха все за смѣхъ ему, боится, что деньги выможжу у него.

А то, въ другой разъ, теленокъ пропасть, искать зоветь, я не иду. А онъ опять:

— Что сидишь, искать надоть.

А Носуха опять свое:

— Поищи, поищи съ нимъ, одному-то не въ терпежъ.

Пошли мы: онъ въ одну сторону, я въ другую. Пришла домой безъ теленка, и старика нѣтъ. Пришелъ старикъ, а она заходить къ нему и говорить:

— Что-жъ, сѣдая крыса, нашель телушку?

— Нашель, нашель, чего лѣзешь!

Значить, ему тошно, что теленка нѣтъ, да на нее досада беретъ.

— Эхъ, сѣдая крыса, тебя не теленокъ понимаетъ, а не-наглядную себѣ взялъ.

— Тѣфу ты, старая чертовка!—плюнулъ онъ и вонъ вышелъ.

И пошла жизнь плохая отъ этого, много я терпѣла. Данилѣ не жалилась. Только, бывало, домой прибѣгу и заплачу.

— Матушка родимая,—скажу,—бѣгала отъ волка, напхалась на медвѣдя...

Смутила Козлиха весь домъ. Пришлось отходить и отъ нихъ. Всего годъ прожили. Опять стали дѣлиться. Собрали сходку; присудили выплатить 70 рублей за напу работу. А тутъ сочли намъ, что за годъ справили: шубу Данилѣ, сапоги ему, мнѣ кацавейку и еще тамъ кое-что. И осталось у насъ отъ 70 рублей восемь.

Пошла жить съ дѣвочкой къ родителямъ въ избу, а Данило

нанялся въ работники къ одному барину, за три версты. Тяжелое и такъ житье было, а тутъ еще горе: стала моя дѣвочка хворать; и къ бабкѣ ее носила, и отъ глаза спрыскивала, нѣтъ ничуть ей не легче, даже и вовсе лежитъ цѣлый день и не ѣстъ, и не пьетъ.

Пошла матушка въ поле вязать овесъ, я дома осталась и думаю: совѣстно, старуха работаетъ, а я не подсоблю; и опять же, живу у нихъ, работать надо. Положила я Грушку въ сѣнцы на постелю, дала ей напиться, а у ней губочки ссохлись и вовсе не разжимаетъ. Отошла къ двери, хочу идти, глянула на нее. А она себѣ лежитъ одна, глазки закрыла и такъ трудно дышаетъ. Жаль мнѣ дюже стало. Заплакала и думаю, не пойду въ поле— а тутъ и вовсе за мной прибѣжали. Пошла я и дороги передъ собой не вижу, отъ слезъ не прогляну.

Вязала я съ часъ времени, а тутъ тучка набѣжала; вотъ думаю, кабы Богъ дождичка далъ. Тучка нашла и пошелъ сильный дождь. Пришла я домой. Подхожу къ Грушѣ, а она сердечная головку на самый край свѣсила, глазки подъ лобъ закатила, и сама какъ земля стала.—Матушка, кричу, Груша наша помираетъ! Пришла матушка изъ избы. Христось съ ней, говорить, не мѣшай; сама взяла, положила ее, какъ слѣдуетъ, на спинку; взяла воды на ложечкѣ, поднесла ей, а она и губокъ не разжала,—вовсе обезсилѣла. А я образокъ въ головашке поставила и вѣнчальную свѣчку зажгла. Сама подлѣ нея сѣла и гляжу на нее и плакать боюсь, а слезы градъ-градомъ сами кажутся. Легче самой мнѣ такъ трудиться, думаю, какъ она, любушка моя, мучается. И тутъ вскорѣ кончилась она. Положила я три поклона.—Прими, Господи, говорю, новопреставленную душу младенца Аграфены, перекрестилась и благословила ее. Убрала ее матушка, на лавку подъ Святыхъ положила. Я къ плотнику сходила и домогъ ей заказала. Повыли мы съ матушкой, и отецъ поплакалъ. Пошла я къ Данилѣ въ деревню, гдѣ жилъ онъ. Прихожу, а онъ дрова на барскомъ дворѣ рубить.

— Данило,—говорю,—ты ничего не знаешь тутъ?

— Ничего,—говорить,—а что?

— Наше дитятко милое переставилось, отказалось жить.—А онъ бросилъ топоръ, всплеснулъ руками:

— Когда?—говорить.

— Поутру сегодня, говорю,—и заплакала я.

— Не даромъ,—говорить Данило,—такъ дюже скучно мнѣ было сегодня и домой все идти хотѣлъ.—Сталъ меня спрашивать, долго ли мучилась и какъ хворала?

Все ему я рассказала.

— Ну,—говорить,—Анисья, ни въ чемъ счастья намъ нѣтъ. Не будетъ у насъ больше такого дитѣнка!—и шибко такъ заплакать.

Выпросился Данило у прикащика домой, и пошли мы вмѣстѣ Грушку хоронить.

XIV.

Такъ лѣто я у родителей и прожила. Дюже скучала я. И изба опустѣла, и въ полѣ на работѣ не хватаетъ мнѣ моей Грушки; куда ни пойду, мѣста себѣ не найду. Стали мы съ Данилой думать, какъ свой домъ собрать. Къ осени собрали денегъ и стали строиться. Купили избенку старую въ Крыльцовѣ, въ семи верстахъ отъ насъ. Перенесли избу въ свое село. Огородили кое-какъ. Лошаденку, снасть завели.

Пожили, и родила я опять, и стала я свое горе забывать. Жили мы одни, только пустили къ себѣ старуху. Прибилась она къ намъ изъ-за хлѣба за дитѣй ходить. Барщина хотъ и сошла, а нужда большая была. А все-жъ сердцемъ покойна была. Обиды ни отъ кого не видишь. Опять же съ мужемъ мы и вовсе хорошо жили. Только разъ меня мужъ побилъ, да и то понапрасну. Святками было.

Пришли вечеромъ къ Данилѣ два мужика въ гости. Поужинали, по стаканчику выпили и въ карты играть сѣли. А я такъ-себѣ на нихъ поглядываю. Старуха на печкѣ спить. Я устала, тутъ на лавкѣ легла и задремала. Кончили они играть, поднялись идти, а я не подымаюсь. Значить, слышу, что уходятъ, а дремота пуще меня одолеваетъ. Чую, что кто-то за руку меня беретъ. Вскрыла глаза. Стоитъ возлѣ меня Митрій Лизуновъ, мужикъ, что въ гостяхъ у насъ былъ.

— Анисья,—говорить,—вставай, ужъ скотину выгоняють,—нарочно значить, смѣются, и самъ за руку меня беретъ.

Потянулась я, зѣвнула, сѣла на лавку.

— А Данило гдѣ?—спрашиваю,—а руки моей не отымаю.

— Съ Балхинымъ въ сѣнцахъ.

— Анисья,—говорить,—а самъ ко мнѣ...

Отпихнула я его.

— Что лѣзешь, убирайся.

А онъ руку мою туго такъ держитъ. Мужъ-то и узривъ это. Входитъ въ избу, Митрій съ нимъ прощается, а онъ ему:

— Счастливый путь.

Заперъ дверь, подходить ко мнѣ.

— Ты что это съ нимъ тутъ какими дѣлами занимаешься?

— Что тебѣ подѣлалось, что ли? разговаривали по просту.

— Какъ такъ по просту? А руку зачѣмъ держала?

— Извѣстно, прощались.

— Нешто такъ прощаются, по получасу руку держать! Ахъ, ты этакая!

— Что ругаешься?—Молодой человѣкъ попутить, онъ не муха, я не сметана, авось не съѣсть!

— Врешь, больно гладка стала, — то-то и мужъ тебѣ не хорошъ сталъ

А меня горе взяло, что напрасну корить: на зло ему и говорю:—Не хуже тебя,—говорю.—Ишь ты-то косматый, рабой, а онъ чистый.

Зардѣлся Данило, схватилъ палку въ дровахъ, кричитъ: шкуру съ тебя спущу, подлая! и началъ бить.

— Что ты, что ты!—кричу, ругаюсь: негодяй мухортый, ревнуешь меня, безо всякой вины конфузишь. Брось!—Ужъ и испужалась я. Скажу слово, а слово умолчу, боюсь—еще сушить будетъ...

Жили мы такъ, ни хорошо, ни худо. Хорошо то, что жили дружно, и худого ни за мной, ни за Данилой, не было; а худо было то, что нужды много было. Дѣло одинокое—потануть не изъ-чего. Нивакъ не справишься. И заводить все надо, и подати справить, а тутъ дѣти пошли; трое дѣтей всѣхъ было: одна дѣвочка, да два мальчика. Хлѣба бы надо больше съ дѣтьми, а тутъ иной разъ и вовсе нѣтъ. Придетъ Данило съ работы и скажетъ:

— Собирай ужинать.

— Хлѣба нѣтъ,—говорю,—и не топила, и не варила.

— А чего-жъ не заняла?

— Ужъ мы и безъ того позаймали, да чѣмъ отдавать будемъ?

И осердится Данило.

— Не можешь,—скажетъ,—оборота того сдѣлать. Сидишь сама гладкая, а хлѣба не добудешь. Ты бъ за сохой не ѣмши походила.

— Сама весь день не ѣла,—говорю,—только ребятамъ у со-сѣда заняла.

И не легко намъ было.

Данило и малосиленъ былъ, бьется бывало съ работой, а нужда все больше становилась.

XV.

Прожили такъ десять лѣтъ, на одиннадцатомъ году случилась бѣда. Видно, Богъ меня за мои грѣхи взыскалъ. Началось все съ нужды. Хлѣбъ за зиму попрѣбли, и къ веснѣ, какъ всегда, труднѣе стало. За что ни возьмешься, ничего нѣтъ. Часто и ѣсть нечего. Бывало и съ сумой пройдуся. Побиралась. Видно, съ этой нужды и впало Данилѣ на умъ заниматься худыми дѣлами. Вижу, ходить куда-то, водится съ мужиками ворами и водку пьютъ. А деревня у насъ воровская была. При барщинѣ еще боялись господъ, а стали вольные, взялись много мужиковъ за эти дѣла, и вижу, и Данило съ ними за одно. Чую я, задумалъ Данило недоброе, и все къ нему ходятъ наши три мужика, и знаю я, что плохой народъ.

Только, стало быть, разъ вечеромъ вижу, дверь отворилась, и вошли они, и стали толковать съ Данилой. Ребята ужъ спали; а я лежу это себѣ у печки и не сплю, и все слышу.

— Безпремѣнно пойдемъ, — говорить одинъ, Андреемъ звать и самый первый воръ въ деревнѣ; мужикъ не молодой, и сыновья ужъ у него женатые. А другой товарищъ — Михѣй, говорить:

— Да только замѣлъ, значить, у ограды сломить, и тамъ сейчасъ и будешь.

А Данило спрашиваетъ:

— А коровъ-то много ли?

— Четыре будетъ, пойдемъ! — уговариваетъ Андрей, — а тамъ ихъ въ Крыльцово сведемъ, вонъ у Филиппа-то кумъ, тамъ и поставимъ къ нему на задворки.

А Никита сидитъ.

— А я, — говорить, — купца приведу.

Мой-то заробѣлъ:

— Боязно, братцы, — говорить.

— Пойдемъ, — говорятъ, — чего сумнѣваешься.

Слышу я это все, и сердцу больно мнѣ стало, — заробѣла я за Данила за своего. Ну, какъ его уговорять! — думаю; встала я и говорю:

— Ахъ вы, безстыжіе этакіе, срамники, чему добрыхъ людей учите, или креста на васъ нѣтъ?

Стали они и меня уговаривать:

— Надо, говорятъ, дѣтей поить, кормить. Съ чего взять-то? Не мы одни, не мы первые, не мы послѣдніе. Дѣло-то удобно — коровы плохо стоятъ.

— Да съ сумой легче идти, чѣмъ на такія дѣла. — Брось, говорю, Данило, брось эти дѣла! такую бѣду наживешь, что и не расхлебашь.

Вышли мужики. Стала я съ Данилой разговаривать. Послушался ли онъ, или только видъ сдѣлалъ, только пообещалъ мнѣ мужъ это дѣло бросить.

— Не пойду, — говорить, — не пойду.

И повѣрила я ему и думать забыла. Думаю, бросилъ онъ, а у него на умѣ другое было, только отъ меня скрытъ.

На святой недѣлѣ сидимъ мы это поутру, отворилась изба и вошелъ Андрей, перекрестился, повлонился намъ и зоветъ Данилу: — Пойдемъ въ лѣсъ метлы рѣзать. — Ну и пошли.

День-то цѣлый я въ работѣ и не примѣтила, какъ темно стало, и ребята ужъ на печку легли, а Данилы все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Что, думаю, гдѣ такъ долго въ лѣсу ходитъ, или куда еще зашелъ? Пить не пьетъ, пора-бъ ему придти. Жду-пожду, а его все нѣтъ.

Ужъ вовсе темно стало.

Вошелъ Данило.

— Что долго не шелъ? — спрашиваю его, — а метлы гдѣ?

— Нарѣзали метель о четырехъ ногъ! — только и сказалъ, а самъ на лавку сѣлъ и кафтанъ съ себя не сымаетъ.

Я сразу-то не пойму, что онъ это говорить, а тамъ, какъ глянула на него, да припомнила, что ходилъ-то съ Андреемъ и тотъ его недоброму научалъ — такъ и обмерла, и тошно мнѣ стало ему сказывать, и за дѣтей-то тошно. Стою передъ нимъ, а зло-то меня пуще беретъ.

— Окаянный ты этакій, что ты надѣлалъ, что, думаешь, полегшить тебѣ теперь, грѣхъ-то какой, грѣхъ! И дѣтей-то погубишь. И ругала я его всячески.

— А онъ себѣ только: — Молчи, дура! Авось Богъ!

И спать легли, и спать не могу, такъ мнѣ тошно и все кажется — придутъ Данилу брать...

И такъ стало-быть два дня прошло, и на третій подъ вечеръ пошелъ Данило въ Крыльцово, верстъ за семь. Тамъ коровы стояли у мужика, у знакомаго. Пришелъ вечеръ и совсѣмъ темно стало. Я все сижу, поджидаю и не ладно такъ у меня на душѣ, но спать не могу, ничего и въ глотку не идетъ.

Сейчасъ дверь отворилась, и вбѣжалъ Данило, не путемъ вошелъ: поддевки на немъ нѣтъ, самъ разутый, а ужъ съ лица бѣлъ — враще въ гробъ кладутъ.

— Аль налетѣло? — говорю.

— Налетѣло,—говорить.

Ничего ему я сказывать не стала, ужъ ему тошнѣе моего приходилось.

Она и думаю: спросить его, какъ было все?

— Данило,—говорю,—скажи ты мнѣ, что вышло у васъ?

— Что вышло? Не выгорѣло наше дѣло,—и сталъ мнѣ сказывать:

— Прихожу это я во дворъ къ куму, гдѣ воровы стояли, а тамъ и Михѣй, и Никита, насъ ожидаютъ. Андрей-то не пошелъ, сфальшивилъ, кого помоложе за себя послалъ. Приходимъ, значитъ, въ избу, закурили трубочки, толкуемъ промежъ себя, какъ коровъ въ лѣсъ вести, а въ лѣсу и купецъ ждетъ, Михѣй представилъ. Поговорили. Пошли на задворокъ, оборотали воровъ. Ведемъ. А тутъ отсюда ни возымись, сосѣди мужики крыльцовскіе, окружили насъ и ну ловить. Никиту въ ту пору словили. Михѣй ударился въ сторону, а тутъ плетень, онъ лѣзтъ на него, а мужики-то подоспѣли, да какъ толкнуть его, онъ головой-то о земь и ударился. Его схватили, руки назадъ скрутили и повели. А меня стали ловить, за поддевку схватили, я дернулъ руку, съ себя поддевку долой, и ну бѣжать. Долго бѣгъ. Уморился—подъ мостъ присѣлъ. Передохнуть хочу, а тутъ слышу слѣдомъ за мной бѣгутъ. Темнота, грязь. Я себѣ разулся, чтобы легче бѣжать было, и дальше, а они съ фонарями вижу подъ мостомъ меня ищутъ. Я бѣгу безъ оглядки и такъ до двора.—Замолчалъ Данило.

— Что теперь сдѣлаемъ?—завыла я:—погубилъ дѣтей малыхъ, пустилъ ихъ по міру. А грѣхъ-то, грѣхъ какой! попутали тебя люди лихіе. Говорила, грѣхомъ кончишь!—и даже я убивалася.

XVI.

Прошла и ночь, и ничуточки мы не спали. А на утро слухъ прошелъ про мужиковъ, что словили, что все-то они поразказали, и какъ замоеъ ломали, и гдѣ долото брали, на какомъ дворѣ, и что долото погнутое было. Только, стало быть, къ вечеру видимъ ѣдетъ становой прямо во дворъ къ Андрею. Остановился, слѣзъ съ телеги, а тутъ сноха Андреева стоитъ.

— Дай-ка мнѣ, молодайка,—говорить,—долотце колесо подладить. А она вынесла, а оно погнутое.

— Ваше-ли? спрашиваетъ.

— Наше,—говорить,—батюшкино.

— Гдѣ онъ?

— На гумно пошелъ.

— Прізиви, — говорить, — его.

А она ничего не знаетъ, пошла его звать.

— Батюшка, пріѣхалъ какой-то съ ясными путовицами изъ стана, должно; васъ спрашиваетъ:

Какъ сказала, а Андрей все понялъ, а все-жъ къ нему вышелъ. А становой спрашиваетъ:

— Чье, — говорить, — Андрей, долотце?

— А Андрей ему: — Я не знаю.

— А вотъ молодека говорить, что наше.

— А гдѣ-жъ ей знать? это не наше.

А становой долотце запечаталъ и къ намъ поѣхалъ, и Андрея прихватилъ. Видимъ, къ намъ ѣдетъ. Я-то съ ребятами, Данило съ кобылой на дворѣ: жеребиться кобыла стала. Вышелъ становой къ намъ, и поддевка у него въ рукахъ Данилья.

— А что это, — говорить мнѣ, — не примѣтите ли, чья поддевка-то?

— Не примѣчаю, — говорю, — не знаю.

— А трубочка и ножичекъ батеньки твоего? — спросилъ становой.

— Не нашъ, — говорить, — нашъ проволокой обить. — А становой къ этому не придрался, все же ножичекъ запечаталъ. Велѣлъ Данилу призвать и тутъ же, ничего не спрашивая его, съ собою прихватилъ. Господи, ужъ что тутъ и было! Данило-то со двора съѣзжаетъ, плачетъ; и проститься-то путемъ не дали, заголосила я, слезами обливаюсь, хочу ему на дорогу чтò сумуъ, да не разберуся-то вдругъ. А Ванька-то ухватился за отца: — батя, батя, останься, — кричить — мамушка, куда батяка везуть, куда взяли? — А поменьше-то выскочили и какъ волченята взвылись и гудять, на насъ гляючи, и станового-то испугались. Не знаю, кого и унять; и самой-то горько, и народу-то стыдно, много на улицѣ собралось. Отѣхала телѣга, а Ванюшка за отцомъ бѣжитъ, да ужъ видитъ, сердечный, не догнать телѣги, назадъ оборотился, и вотъ какъ реветъ, пуще мнѣ сердце надрываетъ; сама себя не помню, побѣжала во дворъ, хотъ отъ людей-то скрыться, а тутъ подъ боконъ кобыла трепыхается, ожеребиться не можетъ. Господи, и тутъ-то горе, помочь нечѣмъ, а ребята не уймутся на улицѣ.

Вернулась я, дѣтей унимать стала, менышенькіе-то затихли, а Ванюшка-то все плачетъ: куда батю взяли? куда увезли? Ну, что скажу я ему?!

Стемнѣло. Уже и ужинать собратъ надо, а собратъ не для кого; хозяина нѣтъ, самой — не то ужъ чтобы ѣсть, а вотъ какъ

тошно; дала я хлѣбушка ребятамъ, и улеглись они. Всю это ночь просидѣла я в глазъ не закрывала.

XVII.

Осталась одна съ малыми ребятами, и трудно же мнѣ было, а пуще всего Данилу жалъ. Жаль мнѣ его, что ни за что пропадетъ; веръ не веръ, а люблю его и жалѣю, только одно и знаю. Вся мнѣ жизнь безъ него опостылѣла, и вся думка о немъ. Знаю я, что сидитъ онъ въ замкѣ, и хочу провѣдать его, да не знаю, какъ. Слышу, въ народѣ говорятъ, что его судить будутъ, а въ замкѣ сидятъ они—суда дожидаются, и что провѣдать можно. Собралась я, пошла въ городъ къ нему, мальчика съ собой взяла, думаю, повеселю его. Рубахъ ему понесла. Пришла къ острогу, не пускаютъ, говорятъ, въ пятницу можно, а это въ среду было. Пожила на квартирѣ, по міру прошла. Въ пятницу пришла къ воротамъ, и другіе тутъ дожидаются. Пустили насъ. Вошли арестанты, вошелъ и Данило; увидѣла его въ халатѣ арестантскомъ и блѣднымъ такимъ—еще желаннѣе я до него стала.

Увидать меня и обрадовался. Постояли, поговорили, принесла я ему рубахъ. Сказалъ онъ мнѣ, что не миновать ему Сибири. И такъ ходила я къ нему цѣлый годъ, недѣли черезъ двѣ или три; а тутъ судъ начался. Слышу я, присудили ихъ въ Сибирь на высылку.

Пришла я опять къ Данилѣ.—Ну, говорить, рѣшили насъ въ Сибирь вести. Не провидай ты меня, иди за мной. Тамъ, говорятъ, жить можно.—И запало это мнѣ въ сердце, и сама не знаю, идти-ли, нѣтъ-ли? Станетъ онъ просить, я и рѣшусь съ нимъ идтить и пообщаю ему. А дома иль на міру стану сказывать, что съ Данилой на поселеніе пойду, страшатъ меня, разговариваютъ:—Куда ты это, говорятъ, съ малыми ребятами пойдешь? и ихъ-то загубишь, и ему-то въ тягость будешь.—А тутъ еще мнѣ Богъ дочку далъ, и съ мѣсяцъ я Данилу не видала, нездорова была. И сама не знаю, какъ быть. Ужъ очень онъ у меня въ душѣ былъ. Никогда такъ не любила его. Жалко его, да и все. А опять подумаю, что виновата передъ нимъ, а онъ страдаетъ, и думаю, пойду за нимъ. Какъ полегчало, прихожу опять въ острогъ, а онъ сказываетъ мнѣ, что указъ вышелъ выступать въ маѣ.—Анисьюшка, говорить, пойдемъ вмѣстѣ, не оставляй меня одного.—И рѣшила я идтить съ нимъ и ребятъ съ собой всѣхъ взять. И не стала больше съ міромъ совѣтоваться. Еще двѣ жен-

щины нашего же села то-жъ за мужьями шли: Арина хозяйка Михѣя и Матрена Степанова. Хлопотали мы всѣ, чтобы позволеніе вышло.

Стала я по домашнему справлять землю и избу продала, и свинью, и корову, и двухъ овецъ продала, а кобыла наша еще въ ту пору околѣла, не разжеребилась. Какъ продала, за все цѣловыхъ 60 выручила, а тутъ и прошеніе намъ вышло, что можно идти. Приходитъ время въ маѣ мѣсяцѣ выгонять ихъ на поселеніе. И прѣзжалъ въ намъ сотскій, и всѣхъ насъ въ Крапивну-городъ приставили, и меня, и дѣтей, всѣхъ.

Списали ростъ, всѣ примѣты, и хотѣли тутъ же арестовать, да мы на сутки домой отпросились, еще не всѣ деньги я за избу получила. Сутки опять въ деревнѣ были, и тутъ подводу намъ нарядили, да въ Тулу въ острогъ и отправили. Въ острогѣ мальчички съ отцомъ были, а дѣвочки со мной. Съ Данилой вовсе почти не видались. И дѣти тутъ страсть какъ скучали, послѣ вольнаго-то житья. Тѣсно, душно. Бабы двѣ изъ нашей деревни тутъ же съ ребятами сидѣли, Степанова и Михѣева хозяйки. А Андрея-то, что пуще всѣхъ мутилъ, вовсе не сослали. Тетка богатая за него хлопотала, а за насъ-то некому.

Черезъ двѣ недѣли, стало, насъ на этапъ позвали, одежду арестантскую давать. Каждому человѣку, Господи благослови, мѣшокъ даютъ, коты, двѣ пары панталонъ, двѣ рубашки, двѣ пары портянокъ, халатъ съ желтымъ тузомъ на спинѣ, а мнѣ еще платокъ холщевый на голову; и ребятамъ, и дѣвочкамъ все то-жъ идетъ.

Набрала я себѣ все это въ мѣшокъ, и Ванюша со мной, и говорятъ ему солдаты:

— Ну,—говорять,—хлопецъ, выбери себѣ коты, какіе пожелаешь.

А онъ набралъ себѣ и кафтанъ, и коты, и панталоны и надѣлъ на себя и радуется: вотъ, батя мнѣ того не нажилъ, что здѣсь дали, а самъ не видитъ желтаго туза на спинѣ, а солдаты смѣются:—ишь двѣ недѣли пожилъ у насъ, а что добра себѣ нажилъ.—Взяли мы одежду. А по казенному одѣваться не хочется; а себѣ думаемъ: безъ нея все-жъ не обойдешься. И давай въ нее наряжаться. И плачемъ, и смѣемся.

— А ну-ка, тетка Арина,—говорю я,—кабы насъ деревенскіе то наши видѣли въ такой одеждѣ. Тутъ подивились бы.

XVIII.

Убрались мы, часу во второмъ на вокзалъ выѣхали. Зыбочку я съ собой прихватила, что грудная дѣвочка со мной. А конвойные увидали и не допустили: не полагается, говорить. Дѣлать нечего, всю дорогу на рукахъ у меня сердечная маялась. А ужъ и тѣсно-жъ было въ вагонѣ! Хорошо, что недалеко до Москвы. Приѣхали мы. И въ Москвѣ пересыльный замокъ, Колымажный дворъ называется. А мы и прежде слышали про Колымажный дворъ, что плохо тамъ; приѣхали: домъ большущій, дворъ полонъ народу. Да еще насъ привели партію большую. Народу много — ровню скотина нагната. Кричать, галдеть, всякій норовить получить мѣсто занять. Давка, споръ; а мы тутъ съ ребятами на дворѣ стоимъ, ожидаемся, чтобъ насъ развели по мѣстамъ. Не знаемъ, во дворѣ ли оставаться, или въ замокъ идти; постояли мы, прошли солдаты, свели меня съ ребятами въ камору. Привели, а мѣста нѣтъ. Потолкались, потолкались, опять свели насъ во дворъ. Тутъ помѣщайтесь, говорятъ. Тамъ и остались, и ночевали. На утро встали. Во дворѣ колодезь, и старостиха изъ насъ; у ней два корыта на всѣхъ. Не допроситься, бывало. Въ чайникъ воды наберу и такъ бѣлье постирываю ребятамъ. Каждый понедѣльникъ 900 человекъ отправляютъ, и все полнымъ полно. Со всѣхъ сторонъ каждый день новые приходятъ. Тутъ дожди пошли, ливни. На ночь въ коридоръ стогнать. Тѣснота, сами лечь не можемъ. Хоть ребятенокъ на вещи положимъ, а они согнутся, спать не могутъ, и всю-то ночь черезъ нихъ шагаютъ. Молимся, чтобъ дождь прошелъ. Какъ утро, такъ всѣ на повѣрку выходить. Считаютъ насъ, повѣряютъ и маленькимъ дѣтямъ лекарь въ ротъ смотреть, не больны-ли? Дѣтямъ каждый день кружка молока шла, 1 ф. булки или каши, а намъ рыба, горохъ. У нашихъ бабъ двое дѣтей заболѣло, съ молока должно. Молоко пополамъ съ водой, связи нѣтъ. А тутъ и моя заболѣла, и вовсе сгорѣла. Въ больницу отдавать не хочется. Какъ повѣрка, мы ихъ веселить, чтобъ не замѣтили ихъ боли. А намъ говорятъ: что это вы утаиваете, что наши ребята хвораютъ. Ихъ въ больницу не возмутъ, коли не желаете, а только ихъ повѣрять, лекарствъ дадутъ, имъ и полегчаетъ скорѣе. Мы, значить, и признались, что больны дѣти. Сейчасъ ихъ описали, а мы ждемъ, что будетъ.

Повѣрка кончилась. Глядимъ, привезли фуру большую. Наѣхало насъ человекъ 10 и повели обманомъ въ больницу. Ребята съ отцомъ тѣмъ временемъ остались. И думаю: какъ-то онъ съ ними

управится? и зачѣмъ только въ болѣзни созналась? Нечего было дѣлать; осталась тутъ двѣ недѣли. Померли ребятенки у нашихъ бабъ. Выписались онѣ.

Осталась я одна. Скучная моя Дашка стала. Помреть, думаю. Перестала она ѣсть, ничего душа не принимаетъ, ослабла, день и ночь кричитъ. А тутъ вдругъ тише стала—полегчало ей. Хоту повеселить ее. Сороку сыграла и въ ладунки трепанула, меня уважила, а черезъ три часа померла. Ужъ и жалко мнѣ ее! Хоту и говорю себѣ: безъ нея свободнѣе будетъ; да нѣтъ, все-жъ таки жалъ, ужъ такая улизивая (ласковая) была. Пришла нянька, поставила образокъ и свѣчку восковую зажгла. Шабашъ, говоритъ, обмывать надо. Рубашенку разорвала и хотеть ее взять, а она, родименькая, еще три раза икнула, и слезки изъ глазъ покатились.

— Господи, жива еще!—говорю.—Нянюшка, подождите обмывать! А нянька:

— Шабашъ, шабашъ теперь. И давай ее обмывать, а потомъ въ подвалъ понесла. Я ей ручни сложила и глазенки закрыла. Плачу, дюже такъ, а вѣтъ не велятъ.

— Нянюшка,—говорю, догоняю ее,—пустите меня въ церковь, когда будутъ погребальню служить.

А она мнѣ:

— Наберутъ десять гробовъ и тогда всѣхъ васъ пустятъ.— Выписалась я, чрезъ два дня опять няньку прошу:—Нянюшка, милая, когда-жъ меня пустите? Я ее между другими найду.

А она мнѣ:

— Эхъ, пора-ль тамъ искать ихъ;—въ тушь пору ихъ унеси и погребли.

— Зачѣмъ вы насъ обманываете!—Если,—говоритъ,—васъ не обманывать, такъ слезъ не оберешься.—Ушла я къ своимъ, и дюже рады они мнѣ были.

XIX.

Еще четыре недѣли тутъ жить должны были. Жизнь тяжелая была, пуще всего мужикамъ. Трудно приходилось; по 6-ти словани они ручными цѣпами, а на ногахъ кандалы врозь. На ночевку цѣпи ручныя снимають. А мы бабы вовсе на свободѣ и съ мужиками врозь жили. Въ десять часовъ утра звонотъ. Пускають мужей къ женамъ чай пить. Чай-то свой надо имѣть. Иногда не хватить, пойду въ камеру въ знакомой арестанткѣ.

— Устинья Петровна,—говорю,—одолжите чайку на за-

сынку, хозяинъ пришелъ, чай весь вышелъ. А она мужа спрашиваетъ:

— Андрей Филипычъ, надо дать?

— Отчего не дать? У насъ не хватаетъ—у нихъ попросимъ.

Тутъ жары пошли страшныя; стѣны горячія; вонь и пыль страшная; вишками пожарными брызжать на насъ, а мы ребятенокъ подъ воду подводимъ, хоть какъ-нибудь освѣжить, а они и рады. Подаянія купцы посылаютъ: два раза въ недѣлю сайки привозили, разъ возъ перчатокъ, разъ возъ чулокъ. И все насъ по двое вызываютъ, и даютъ подаянія.

А говядину присылали — не доходить до арестантовъ. На-большіе себѣ оставляютъ. Каждую субботу въ баню водили. По копѣйкѣ съ человѣка брали, а кто бѣлье постирать хочетъ, три копѣйки платить. По двадцати человѣкъ пускали насъ сразу.

XX.

Пришло время выступать, а я себѣ животомъ больна; другіе скоромное ѣли, а я-то постное, спастись хотѣлось. Мы ѣхали по чугункѣ до Нижняго. Въ Нижнемъ семейную камеру давали, три семьи въ одной камерѣ.

Тамъ мы были двое сутокъ. А тутъ водой до Перми.

Баржа наша большущая была, за вольный пароходъ при-цѣплена желѣзными цѣпями. Къ берегу-то не подходить, а на лодкахъ насъ перевозятъ. Подаютъ лѣстницу желѣзную, пристав-ляютъ къ палубѣ, а палуба-то высокая, а лодки низкія. Страсть идтить! Периль нѣтъ, а столбчикъ стоитъ, чтобы держаться за него. Ребята маленькіе не достанутъ до столбчика рученками, хватаютъ, идутъ, а сердце у меня выскочить хочетъ, а ихъ этап-ные, какъ дойдутъ до верху, какъ щенять швырккомъ швыряютъ на палубу.

Души-то нѣтъ. Какъ Господь внесъ, думаю: слава Богу! Расположились на баржѣ. Внизу комната большущая, и нары по-дѣланы. Потолокъ и полъ засмолены. И тутъ не приведи Богъ, какъ ночью тѣсно. 900 человѣкъ ѣхало насъ. Днем-то мы на-верху на палубѣ, а ночью-то—внизу.

Ѣдемъ, Ѣдемъ, гдѣ пристань—остановимся. Всего забираютъ: капусты, арбузы, сельди, рыбу, всякую всячину, а какъ пойдетъ пароходъ, повѣщаютъ насъ, кто что себѣ забрать хочетъ,—зна-чить, на свои деньги. Данило для дѣтей арбузы когда возьметъ, чтобы имъ скучно не было. Ужъ какого, какого народу съ нами

не ѣхало! И татары, и черкесы, и цыгане, и евреи. А татары на молитву когда на колѣни садутъ себѣ, и кулакомъ въ сердце и въ лобъ ударяютъ.

Послѣ повѣрки вечеромъ своицы начинаютъ кѣсны играть, мужчины на гармоніакъ, одѣты, какъ и мы, по-деревенскя; дѣвки пляшутъ, веселятся, а мы глядимъ, намъ динвинно.

Сами-то онѣ сытыя, бѣлыя и съ-лица пуклявыя.

Тутъ стали Маша и Ваня на боль-въ ножкахъ жаловаться, а тутъ и до Перми доѣхали, гонять на этапъ, а они плачутъ, на-силу идутъ. Связывать боюсь, въ больницу возьмутъ. Всячески уговариваю ихъ. А на повѣрѣхъ доктора увидали, и укрыться нельзя. Взяли ихъ въ больницу и меня съ ими.

Привезли насъ. Смотритель вводитъ въ камеру.

Лежить, видимъ, цыганка растрепанная, глаза выпучила и кричить на неизвѣстный голосъ. Спрашиваетъ смотритель:—Гдѣ тутъ мѣсто? Койка нужна.—Нѣту, ваше благородіе, всѣ позаняты. Нешто вотъ тутъ, говорить, ослобонить можно; померла часъ тому назадъ женщина, такъ ея койку отдать можно.

— Ну, живѣй, освободи, смотритель говорить.

Сейчасъ это мертвую стащили въ сѣни; женщина старая, сѣдая ужъ была; кричитъ ей подъ головашку положили и говорятъ мнѣ:

— Ну, вотъ тебѣ койка, владѣ дѣтей.

Я-то самъ треть, а койка про одного только. Жутко мнѣ, стою—съ мѣста не двигаюсь, думаю: и одѣяло, и подушка изъ-подъ мертвой, и какъ дѣтей положу?

— Ваше благородіе,—говорю,—ослобоните насъ. Пустите насъ назадъ, и такъ ножки заживутъ.

— Нельзя, нельзя этого никакъ, поживете съ недѣлю, исправятся дѣти.

Ушелъ смотритель. Сѣла я, заплакала. А Маша мнѣ:

— Мамушка, что ты дюже убиваешься?—а у самой слезы градъ-градомъ катятся.

— Дитятко мое милое,—говорю,—кабы знала, что такое мученіе вы примете, не поѣхала бы съ двора, да отца вашего пожалѣла.

А цыганка кричитъ, пуще дѣтей пугаетъ. Ваня жмется ко мнѣ и со страха и отъ боли плачетъ. Положила ихъ, а одѣяло сбросила, пускай, думаю, обвѣтрить. Нянька намъ ѣсть приносила, а кормили тутъ вовсе плохо, хуже всѣхъ мѣстъ, гдѣ бывали. Ребятенки не ѣдятъ ничего. Чайку бы съ лѣбѣнцемъ поѣли. Попросишь няньку воды кипяченой,—не даетъ. Злая по-налась, Бога не боится. Душа заеклась у дѣтей, пить просить.

А нянька возьметъ кружеу, намотъ цыганку, а ее блюеть, а потомъ ту-жъ кружеу дѣтамъ-то подноситъ. Не то пить, не то блевать. Вонъ отъ этой цыганки — душа съ тѣломъ разстается, ничего не обчищала ее нянька; а лекарь, когда придетъ, а когда — нѣтъ. Не чаяли, когда и выкатиться отсюда. Дѣтамъ стало легче, и выписались мы. Да выходимъ, а ступать они черезъ силу могутъ. — Дѣтушки, — шепчу имъ, — родименькіе, приневольтесь, пошибте, пошибте идите. Боюсь, что опять ихъ въ больницу возьмутъ. Отопли, посидѣли. Приходимъ въ свои. Радехоньки намъ. Рассказываю имъ: ужасаются на насъ. — Какъ раздружились мы, — говоритъ Данило, — скучно стало, и Васька покою мнѣ не даетъ: „когда мамушка придетъ?“ плачетъ все.

Черезъ недѣлю изъ Перми мы выѣхали. На лошадахъ до Тоболи ѣхать должны были. 18-ть троекъ было. На каждой по шести арестантовъ, по два конвойныхъ и ямщикъ. Дѣти рады были ѣхать. Въды девять сутокъ до Тоболи. Дорога мошечная, горбылями, какъ закатники, и трѣско страсть. А ужъ свачутъ, ужъ вотъ шибко! Колокольчики, бубенцы, ровню на свадьбу ѣдутъ. Животенки ребятамъ растрясло. Просишь остановиться на минутку, нѣтъ — не уважутъ тебя. Прощеніемъ никого не склонишь. Такъ дѣтей поддержишь черезъ край телѣги, того и гляди уронишь, только изъ рукъ не вывернется. Сто верстъ въ день ѣхали. Станція каждая 25 верстъ. Мѣшки перекаладываютъ, пересаживаются. На станціи подошла я къ Данилѣ, а онъ жалится: ѣхать какъ мучительно, по шести вмѣстѣ скованы, а на телѣгахъ смерть сидѣть. Время опять ѣхать. Сѣли мы. А этапный подошелъ, счелъ насъ. Тутъ липный, говоритъ, взялъ Ваню на другую телѣгу.

— Батюшка, оставь его со мною, — говорю ему, — а онъ отошелъ и не слушаетъ меня.

Посадили Ваньку въ другую телѣгу, а тамъ все тоже, тѣсно. Притѣснили его на край телѣги, тамъ и сѣлъ онъ, и рученнами держится. Какъ погнали по этимъ горбылямъ-то, онъ и упалъ; я-то вижу, такъ и обмерла.

— Батюшки! — кричу, Ванюша убился! — Ямщикъ не останавливается, а конвойный его какъ попало схватилъ и бросилъ въ телѣгу.

— Ахъ ты, — говоритъ, — глупецъ, какъ же ты не стерелся! — Скучно мнѣ стало и заплакала я, а меня, которые со мною сидятъ, утѣшаютъ.

— Не до смерти убился, что ты, перестань!

Какъ пріѣхали, бѣгу къ нему...

— Дитёночекъ, какъ ты, шибко убился?

— Ничего, мамушка, только испугался дуже.

XXI.

Случается, прѣѣзжали на этажъ: темнота, дожди, потѣрка начиналась. И пока-то повѣряють, все подъ дождемъ стоимъ. Ребята забнутъ, а тутъ вещи растрясють, обыскивають, нѣтъ ли гвоздей, ножницъ, ножей, картъ, и все это, если найдутъ, отбирають. Стоять-то сыро. Я то одного, то другого на ногахъ своихъ противъ себя подержу, чтобъ на лужахъ имъ не стоять. Какъ повѣрять, въ камеру входимъ и на полъ ложимся, на нарахъ мѣста не было. Мокрую одежду подъ дѣтей ставлю и мокрымъ же ихъ одѣваю, нѣтъ другой. Ложатъ всю ночь не согрѣются, трясутся. Кому ночь, а мнѣ все день. Ночью ихъ и обуваю, и одѣваю, и застирываю, чтó нужно, а къ утру опять ѣхать; и времени нѣтъ на все.

До Тюмени одна станція оставалась. Ямщикъ пьяный былъ въ тройкѣ, гдѣ сидѣлъ Данило. Справа-то вершина небольшая (оврагъ), онъ, значить, разогналъ лошадей, да не попалъ колесомъ на дорогу и прямо въ вершину, и слетѣли. Всѣ-то они сжованные и валиться имъ трудно. Кто расшибся, а Данилѣ сильно голову разбило. Не видала я, какъ упали, а то бы тутъ и сердце потеряла, кажется.

Въ Тюмени онъ мнѣ покажился на голову.

— Живемъ тамъ два дня, а легче ему нѣтъ. Дуже унѣ расшибся. Товарищи уговариваютъ:

— Данило, что ты муку несешь, по полу валяешься? По крайности ступай въ больницу, тамъ на койку ляжешь. — И Ванюша-то нашъ опять боленъ, — говорю ему. Если хорошо будетъ, и мальчика съ собой возьмешь.

Утромъ встали, а ему вотъ какъ неможется, голова страсть болить.

— Анисья, сведи меня въ больницу, — говорить, — а Ваню тогда завтра приведешь.

Пришли въ больницу. Съли въ коридорчикъ на скамейку. Солдаты больничныи выходятъ:

— Что же тебя, — говорить, — на койку, или на полъ?

— Людей на койки, а меня на полъ, къ чему же это?

— Ну, ладно, иди.

Дали ему рубашку, сняли банданы, указали на койку. Данило легъ, приѣрился и говоритъ:

— Ничего, хорошо. Я полежу сутки, а ты приходи утромъ, Анисья, и ежели хорошо, и Ваню веди.

Прихожу къ десяти часамъ утра, а меня не пускаютъ смотреть.

— Въ четыре, — говорить, — приходи.

Пришла въ четыре, вхожу, а Данило лежитъ на спинѣ такъ тихо и одѣвало ему лицо закрывается. Я ему: — Данило, здравствуй!

Онъ молчитъ. Я опять: — Данило, а Данило, да буде притворяться, ухватку не бросаешь свою, шутки-то шутить! Умираешь, а ногой дрыгаешь, — говорю ему. — А онъ молчитъ. Я подошла ближе, одѣвало открыла, а у него губы, что земля стали, руки желтые и ногти вовсе синіе.

— Господи, умираетъ онъ! — говорю я.

А больничный солдатъ тутъ и говоритъ мнѣ:

— Онъ какъ есть всю ночь бредитъ. Лазилъ подъ койками, подъ столомъ, все казого-то Ванюшку искать, кличетъ его, и объ песочницу сильно головой ударился.

— Кто Ванюшка-то у васъ? — спрашиваетъ.

— Парнишка нашъ, — говорю, — и сердце мое поворотилось.

Стала больничного солдата просить: — Аванасій Гавриловичъ, помереть онъ скоро, пусти меня почевать къ нему.

— Никакъ этого нельзя, — не полагается.

Дѣлать нечего — пошла домой, рубашку ему хочу приготовить, похоронить въ чемъ, и говорю ребятамъ: — Дѣтушки, должно, вашъ отецъ нынче кончится, а они поплакали со мной и спать легли.

Сама я у окна сѣла. Спать не могу, словно меня водой подмываетъ, горько стало и думаю себѣ.

Какъ онъ умирать одинъ будетъ? кабы я тамъ была, то и приказалъ бы мнѣ, сказать бы свою послѣднюю волю. Долго такъ сидѣла. А вокругъ меня тихо, только краульные смѣняются. Глянула я, и ужъ заря занялась; вижу несутъ мимо меня двое носилокъ холщевыхъ.

Неужто Данило? думаю. Ужели померъ? Поронились съ мной окномъ носилки. Гляжу — мой хозяинъ мертвый лежитъ. Встрепнула я руками. Господи батюшки! моего мужа несутъ! Къ дверямъ бросилась — часовые не пускаютъ. — Куда? — говорятъ.

— Родименькіе, пустите, мужъ померъ, пустите, промесли сейчасъ.

— Не полагается, — говорятъ, — ступай.

Вернулась. Души во мнѣ нѣтъ и плавать не могу. Сердце изорвалось.

— Маша, — бужу ее, Маша, дитятко мое!

Вскрыла глаза она.

— Что мамушка?

— Машенька, отецъ нашъ, должно, померъ! — Какъ сказала ей, тутъ Богъ слезы далъ. Стали мы съ ней плакать. А она-то въ овошечко глядитъ, охватила меня рукой, все думаетъ отца увидить, что опять его, можетъ, понесутъ. Мнѣ бы ее и будить не надо, но ея годамъ-то, да я все одна, а она-то смищенная была, все горе вмѣстѣ мыкали.

На утро, стало быть, повѣржа.

— Кто жена Тюрина! — смотритель сказываетъ. — Я, — говорю.

— Тюринъ жить долго приказалъ. — Я тутъ рыдать; ухватилась я съ ребятенками и вою, и нужды мнѣ нѣтъ, что не велятъ.

Пришла въ камеру жена смотрителя. Я ей кланяюсь: — Матушка барыня, пусти съ дѣтьми въ часовню, мужа моего мертвого провѣдать.

— Погоди, — говорить, — матушка, кликнеть васъ въ церковь на службу, когда десять покойниковъ наберется. Я ожидаюсь. День, другой проходитъ. На третій промуся опять. А мнѣ, какъ въ ту пору, говорить: — пора тамъ искать его, — давно ужъ погребли.

— Какъ же, говорю, вы пообщали мнѣ?

— Тамъ что-жъ? — и опять, стало быть, сказали мнѣ, что весь пускать и слезъ не оберешься.

— А я ей: — Можетъ, и погребальню не служили?

— Да какъ же это можно, извѣстно, отслужили.

XXII.

Жили мы недѣлю послѣ этого. Горевали, страсть какъ плакали. А народъ настраиваетъ насъ: — Теперь на родину выписаться можете. Я этому дѣлу смею. Все же, думаю, лучше на своей сторонѣ будетъ. Приходитъ смотритель, я ему: — Ваше благородіе, нельзя ли выписаться? — Что же, можно, — говорятъ. Велѣли на утро казенную одежду сдать, получили свои. Одѣла я дѣтей и сама убралась. Вотъ тебѣ, говорятъ, солдатъ, иди въ полицію, тамъ выпишутъ. А до полиціи три версты. У дѣтей

ноги болят. Какъ идти?—думаю. И вещи свои, говорить, беру. Дѣлать нечего,—пошли. Не идутъ, плачутъ, вовсе ноги не слушаются. Я одного на руки возьму, несу. Промесу четверть версты посажу, вернусь за другимъ, другого несу. Посажу его, вернусь опять за мѣшками и такъ-то всю дорогу; только Маша, значить, помогала мнѣ, кое-что несла.—Тетенька,—говорить солдатъ,—иди скорѣй, погоняетъ насъ.—Родимый, какъ съ малолѣтними скорѣе-то идти?—и большие же они, самъ видишь. Я и сама съ ними измучилась.—Напрасно, тетенька, выписалась.—Почему?—говорю.—Не скоро на родину пойдешь, не скоро справки сводать.—Пришли въ полицію, переписали насъ, а тутъ ужъ смеркается и подводу я назадъ наняла—ѣхать. Привезъ онъ насъ къ воротамъ замка, иду это я какъ всегда на свои мѣста, а тутъ смотритель и не пускаетъ меня.—Не полагается,—говорить,—ты выписалась.—Я такъ и ужаснулась, не смевнула этого прежде. Спрашиваю:—когда-жъ отправлять будутъ на родину?—Не скоро, говоритъ, еще поживешь на воѣ.—Хоть на одну ночьку, пустите меня переночевать:—съ дѣтьми некуда мнѣ дѣваться.—Никакъ невозможно, квартиру себѣ возьми.—Заплакала я, на мѣшки сѣла, и ребятенки вокругъ меня тожъ себѣ плачутъ. Господи!—что муки принимаю! Куда теперь съ малыми ребятами дѣться? И дую же я убивалась. Смотритель и говоритъ:—ну, вотъ что, ужъ коли такъ, иди на мою квартиру. Выкликни мою хозяйку, Наталью Сергѣевну. Снажи ей: Данило Андреевичъ велѣлъ пустить въ себѣ.—Въ ноги я ему поклонилась и пошла.

Насилу дошла. Стучимся въ окно. Кто тамъ? Я говорю:—Хозяинъ вашъ прислалъ.—А какъ звать его?—Данило Андреевичъ,—говорю,—смотритель онъ.—Она и пустила. Женщина она молодая еще была, наша, росейская, ссыльная. Глянула она на дѣтей и говоритъ:—какъ озябли. Ишь трясутся. Сейчас это сама съ нихъ мокрое посняла (дождь въ ту пору небольшой шелъ); надѣла на Машу большой свой платокъ, самоваръ поставила и дѣтей чаемъ напоила. А сама-то я за вещами ходила, два раза сходила, часовъ до одиннадцати провозилась. Смотритель оддежурилъ и пришелъ домой. Меня стали разспрашивать. Все имъ рассказала.

—Ну,—говорить Данило Андреевичъ,—живи у насъ. Платы съ тебя не возьмемъ. А Наталья Сергѣевна говоритъ:

—А ты дома намъ поможешь. У насъ двѣ коровы, три лошади, ты до насъ хороша будешь, а мы тебя не оставимъ.

И жили мы у нихъ покойно, хорошо. Дѣтей у нихъ не было, а барыня до моихъ ребятъ желанная была. Испечетъ пше-

ничныя булки (каждый день пекли), сейчасъ это всякому изъ нихъ дать и по кусочку сахару, и чайку чашку. Никогда не обижала ихъ, а кунать когда съ собой насъ посадить, когда за особый столъ, угощать это себѣ. А на харчахъ-то мы были на своихъ. И я старалась для нихъ.

Кухарку тутъ же вскорѣ они свою отпустили. Я и лошадей поила. Тутъ рѣчка Тюменна за полверсты была; въ ведерочкѣ воду носила и поли мыла, и самоваръ чистила, а стряпать она сама стряпала.

Нанималась я прастъ съ дочкой, и двадцать копѣекъ въ день зарабатывала, а когда и меньше, а когда и работы не было. Харчи тамъ дешевыя. Мука 15 в. пудъ. Пшеничная—30 коп., самая отличная. Купимъ пшеничной, спечемъ булки и пируемъ. Говядину когда покупали, а когда нѣтъ, полторы копейки фунтъ платили. Нужды мы не видѣли, а все-жъ скучали. Хотѣлось на свою сторону. Хлопоталь смотритель о нашихъ бумагахъ, что бы отправить насъ опять какъ арестантовъ, опять вписаться надо было.

XXIII.

Были въ нашемъ селеніи богатые купцы и купчихи бездѣтныя. Узнали они, что отправляюсь я съ ребятами въ обратный путь, и каждый день стали они уговаривать меня оставить имъ одного изъ ребятъ моихъ.

„Какъ сына его примемъ,—говорятъ они мнѣ,—и все богатство ему оставимъ. Сама видишь, дѣтей у насъ нѣтъ и все его будетъ“.

Россейскихъ ребятъ тамъ, значить, мало было, вотъ они до моихъ желаній и были.

И помutilи они меня; какъ тутъ, думаю, быть? Оставлю Ваньку, обучать его, и кушомъ будетъ, а со мной только одну нужду да горе приметь, и жалъ мнѣ станетъ, сердце защемить. Ваську отдать? и Ваську жалъ, и не знаю, что мнѣ дѣлать, ночи не сплю, все объ одномъ думаю. Пришло время отъѣзда. Пуще во мнѣ пристають: — отдай да отдай! И рѣшило мое сердце. Мои дѣти—моими и останутся, пускай нужду и горе видятъ, да противъ Бога не согрѣшу. Вышла бумага. Арестовали насъ опять и въ острогъ. Въ острогѣ два дня побыла и на третій день послѣ Крещенія выѣхали. Плакали, прощались съ Натальей Сергѣевной, благодарили ее, и она, матушка, всякой всячины дѣтямъ на дорогу напекла.

Въ саняхъ поѣхали. Тутъ не тряско было. Остановка была

въ Оханскѣ, а тутъ Вася глазами заболѣлъ и въ больницу увели насъ всѣхъ. Больница здѣсь хорошая была, не тѣсно. На харчи по десяти копѣекъ на человѣка давали. На всѣхъ тридцать копѣекъ въ день, а больному пища шла казенная. Мы не продали все. Купимъ, бывало, сѣтничекъ, на пять копѣекъ рыбы, на двѣ копѣйки латочки обжаренныя изъ картофеля съ свѣжинной, а остальные деньги спрячу. Жили мы тутъ три мѣсяца, а я и рада была, а то нужды бы много приняла съ дѣтьми-то. Дѣло зимой было. До Святого дня жили, а тамъ выписались. Поѣхали на саняхъ до Перми. Остановились на ночевку, я тутъ беру свои мѣшки, въ камеру несу, да думаю: „какъ легко нести, значить, мнѣ здоровьемъ полегчало, силъ прибавилось“. Пустили насъ въ камеру, а этапные садятся въ карты играть и спрашиваютъ насъ:

— Холодно тутъ?

— Очень холодно, говорю.

— Въ мужскую васъ переведемъ, тамъ топлено. Перевели насъ. Спать-то еще рано было, говорю Машѣ:

— Дай, занавѣски пошьемъ.

— Ну что-жъ,—говорить.

У меня это, значить, два мѣшка: — въ одномъ — холсты, иглоки, нитки, что получше, значить; въ другомъ — кафтаны, паневы. Вотъ беру я мѣшокъ, хочу холсты достать и нѣту; и растегаевъ хорошихъ нѣтъ, а въ него паневы изъ другого мѣшка наложены. Завыла я.

— Матушки родимыя, обокрали насъ, ни съ чѣмъ домой вернемся. Бѣдная моя головушка, нигдѣ-то счастья мнѣ нѣтъ!

На утро смотритель приходитъ. Я сижу, плачу.—Что ты, о чемъ убиваешься?—Обокрали меня, ваше благородіе.—Какъ такъ?

— Да вы гдѣ ночевали?

— Въ мужской.

— Зачѣмъ?

— Не знаемъ.—Велѣлъ онъ этапныхъ позвать. Приходятъ они. Онъ какъ крикнетъ на нихъ. Вижу, даже они испугались, даже лицомъ поблѣли. Жаль мнѣ ихъ стало и думаю: и они пропадутъ, и вещи не найдутся, можетъ, и не они и украли. И говорю:—ваше благородіе, по нашему прошенію перевели насъ, холодно было, а вещи, должно, сами потеряли въ Оханскѣ.

Смотритель покуражился еще и не взыскалъ съ ихъ.

XXIV.

Сѣли вскорѣ на пароходъ. На пароходѣ на нашемъ и вольные были, и обратныхъ много, вдовыхъ, а кому и срокъ вышелъ на родину ѣхать. Сидимъ мы на палубѣ съ бабами. Солдаты идутъ мимо насъ, а мы глянѣмъ на нихъ и скажемъ:—Вотъ наши женихи-то пошли. Агулина, глянь-ка! А она:—Не буду часовать, какъ на родину приѣду, замужъ выйду. И потушимъ бывало, и посмѣемся вмѣстѣ.

Въ Нижнемъ насъ опять въ семейную камеру пустили. А тамъ сидятъ отецъ, мать—старшеи ужъ—и сынъ, годовъ 35-ти, въ кандалахъ закованы, только что руки свободны. Они на ссылке ѣхали.

Съ недѣлю прожили тутъ—и въ Москву. Въ Москвѣ показалось мнѣ, какъ будто я дома. А потомъ обдумаешься:—куда мы ѣдемъ?—Дѣтунки, говорю, шли, ѣли хорошо, все дешево, а что теперь ѣсть будемъ? А Ваня говоритъ:

— Пойдемъ побираться, и съ бабушкой вмѣстѣ одинъ сухарикъ съѣдимъ.

Приѣхали въ Тулу, на этапъ насъ. И въ станъ отправили, въ Ягодную, къ становому. Станового нѣтъ. Два дня ждали, дали кормовыхъ малость, всего двадцать копѣекъ. Тамъ знакомая у насъ—чаемъ напоила. Изъ Ягодной насъ въ волость, изъ деревни въ деревню; тутъ лошадей нѣтъ, стоимъ, ждемъ у всѣхъ на глазахъ. Народъ обгѣпиль, спрашиваютъ, а у меня языкъ не ворочается; глаза выпунять на насъ, словно мы некрещенные. А мнѣ-то къ себѣ хочется, домой поскорѣе, тошно стало ждать.

На третій день отпустили. Ёдемъ мы, версты три до нашей деревни. Въ полдень пришли. Народъ въ полѣ картошки сажаетъ. Подошли къ нимъ, а тутъ сестра моя крестовая, подхожу, молчу. А она глянула:

— Тетка Анисья, али ты?

Узнали насъ. Обнимаемся, плачемъ, и ребята плачутъ, обрадовались. Подходимъ къ дому, къ матери. А ей кричатъ:

— Тетка Арина, твоя дочь идетъ.

Выскочила матушка изъ избы:

— Дитятко, милое, откуда?

Повалилась ей въ ноги.—Родимая моя матушка, прими ты меня горькую, прими ты меня несчастную съ малыми ребятами! И была я, и приговаривала, и матушка тоже:

— Дитятко мое родное, а я всѣ ноженьки проходила и гла-

зушки проглядѣла, тебя ожидавши.—И подняла меня матушка и въ избу повела; сестра съ нею жила, а батюшка мой безъ меня скончался.

Отдохнула я. Стала думать, какъ опять съ дѣлами справиться, какъ избенку нажить и дѣтей успокоить. И жила, кормилась: что копну, то и клюну. И плохое житѣе вдовѣе,—не безъ грѣха прожить. Только и памятно мнѣ, какъ въ острогѣ съ Данилой жила, и всѣ тѣ муки какъ радость представляются, а остального хоть бы не было. Подросли дѣти, стали въ работѣ помогать, и избу купили, Васю къ сапожному мастерству приставила, а Ваня сердечный умеръ отъ живота, должно, въ чужихъ людяхъ надорвался.

И осталась я одна. Прошла молодость. Скучно стало. Стѣны сѣбли. Сватали мнѣ прежде жениховъ, все вдовыхъ съ мальчиками; не хотѣла я идтить замужъ, да то же и Васю бы въ солдаты взяли. И вотъ на старости лѣтъ пришлося опять замужъ выйти. Разъ приходитъ кума моя и говоритъ:

— Вотъ Анися тебѣ женихъ хорошій.

— Кто?

— Иванъ Микитычъ, сторожъ церковный. Дѣтей у него нѣтъ, и человѣкъ хорошій.

— Тетка Акулина, говорю, восемь лѣтъ вдовой проживши—диво замужъ идтить.

— Это тебѣ теперь диво, пока здорова, а тамъ стара будешь, кормить некому будетъ. И пошла бы тогда, а никто не возьметъ. И ему опять безъ бабы нельзя, бабья работа по домашнему.—Поговорила это и ушла.

Проходитъ день, иду къ нашему священнику молотить. А Иванъ Микитычъ увидалъ меня въ окно и падчерицу свою за мною выслалъ.—Тетка Анися, иди, батюшка тебя спрашиваетъ.

— На что?—говорю.

— Нужна ему, не знаю.

Вошла, поклонилась, а они чай пьютъ.

— Чай, сахаръ милости вашей.

— Просимъ милости. Здорово, тетка Анися, чайку съ нами откушай.

— Не чай пришла пить—молотить.

— Подъ стать попала, отчего не сѣсть.

Сѣла, выпила чашку. Опрокинула.

— Петровна, говоритъ, пей еще, отъ одной хрома будешь.

— Ну что жъ, говорю, хромать буду, мнѣ не замужъ иди.

— Ну вотъ, я свататься хочу, а ты говоришь, замужъ не идтить.

— Пора-ль тамъ замужъ иди. Въ роту зубовъ нѣтъ.

— Небось, какъ-нибудь смѣлимъ, сжуемъ. — Поднялась я идти, а его сестра меня въ сѣнцахъ догоняетъ.

— Безъ шутокъ, говорить, пойдешь за брата?

— Не знаю, тетеа Марѳа, люди присуждаютъ, а мнѣ дико. У меня мальчикъ растетъ. — Бываетъ, говорить, что мальчика успокоютъ при младости, а онъ его при старости. — Сомнѣвалась долго я. Предлогъ дають, — а бѣздно. И уговорили меня. И матушка благословила. Да вспомнила я, что вдовьяго у меня нѣтъ. Прихожу къ священнику, говорю ему это. А онъ пошелъ къ барину, гдѣ Данило жилъ, просилъ его хлопотать. Хлопотали они, и черезъ три мѣсяца бумаги вышли и обвинчали насъ. И доживаю вѣкъ съ старикомъ. Не обижаетъ онъ дѣтей и до меня хорошъ. Хоть и сердитъ правомъ, только ублажай, потрафляй ему, такъ и ничего. Только нѣтъ никого для меня противъ Данилы. Какъ вспомню я то времячко, какъ съ нимъ по сибирамъ муку принимали, разыграетъ во мнѣ сердце. Любила я его за то, что простъ сердцемъ былъ.

Т. Кузминская.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЪ ЭПОХУ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

V *).

Франція и Англія наканунѣ войны.

Мы видѣли ходъ официальныхъ событій, которыя привели къ дипломатическому разрыву и объявленію войны между Россією и морскими державами. Необходимо теперь изслѣдовать, на основаніи донесеній нашихъ дипломатическихъ агентовъ при дворахъ великихъ державъ, какія причины послѣдовательно привели кризисъ къ крайнему его выраженію. Только тогда мы узнаемъ настоящія побужденія, обусловившія дѣйствія императорскаго кабинета.

Прежде всего необходимо напомнить общее положеніе, среди котораго зародился и развивался восточный кризисъ. При этомъ нельзя обойтись безъ хронологической справки. Еще въ 1852 году Австрія и Пруссія, благодаря нашему примирительному вліянію, вышли благополучно изъ весьма серьезнаго столкновенія и уладили, путемъ договора, свои коммерческія препирательства. Около того же времени, и другія великія державы пришли къ соглашенію между собой относительно многихъ существенныхъ вопросовъ и показали тѣмъ свою солидарность, ради общаго мира. Такимъ образомъ, датскій вопросъ и вопросъ о наслѣдіи греческаго

*) См. выше: мартъ, 177.

престола были удачно разрѣшены лондонской конференціей. Во всѣхъ этихъ переговорахъ наше правительство занимало мѣсто, какое обезпечивало за нимъ какъ обаяніе матеріальнаго могущества Россіи, такъ и благоразуміе, а равно умѣренность ея политики, посвященной поддержанію мира, общихъ интересовъ Европы и великихъ охранительныхъ началъ, считавшихся тогда основами общественнаго порядка.

Даже и англійскій кабинетъ сблизился съ нами при обсужденіи важныхъ общихъ интересовъ. Въ первый разъ онъ, единогласно съ нами, призналъ и подтвердилъ публичнымъ актомъ необходимость православнаго вѣроисповѣданія для наслѣдника греческаго престола. Причина этого сближенія заключалась въ надвигавшейся опасности значительныхъ перемѣнъ, подготовлявшихся во Франціи. Возстановленіе имперіи пробуждало воспоминанія и поднимало вопросы, которые тревожили предусмотрительность Англіи, также какъ и континентальныхъ державъ. Въ этомъ заключался, повидимому, характеристическій признакъ тогдашняго положенія, и легко понять, почему, въ виду столь важныхъ затрудненій въ центрѣ Европы, наше правительство не придавало большой важности грозѣ, которая приготовлялась противъ насъ на Востокѣ.

Мы изложили выше обстоятельства, сопровождавшія признаніе французской имперіи, а именно: опасенія Англіи за Бельгію; тайный протоколъ, подписанный въ Лондонѣ на случай событій, какія можетъ вызвать честолюбіе императорской Франціи; колебанія, которыми двѣ великія германскія державы выразили свою слабость и, въ то же время, свое желаніе найти для себя защиту въ тѣсномъ сближеніи съ нами. Одно только соображеніе было тогда нами упущено изъ виду: чѣмъ болѣе европейскіе кабинеты боялись задора и воинственности новой французской имперіи, тѣмъ болѣе они должны были желать обратить на насъ, вдали отъ центра Европы, въ глубинѣ Востока, грозу, которая, по ихъ мнѣнію, должна была разразиться. Впрочемъ, еслибы мы и могли угадать эти расчеты, императоръ Николай, при своемъ прямомъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, съ трудомъ повѣрилъ бы такому ослѣпленію, — ибо, ограждая себя отъ близкой опасности, державы уничтожали своими руками тотъ оплотъ въ будущемъ, который для ихъ спокойствія былъ еще важнѣе, чѣмъ для нашего. Во всякомъ случаѣ, здѣсь надо искать одну изъ причинъ всего восточнаго кризиса.

Мы старались доказать, что, по мнѣнію императора французовъ, Востокъ оказывался, по логикѣ вещей, единственнымъ пуне-

томъ, открытымъ для его дѣятельности. Дѣйствительно, наше положеніе, въ связи съ положеніемъ другихъ державъ, и коалиція, сплотившаяся около насъ, въ видѣ угрозы, направленной противъ него, насильственно вынуждали его уважать въ Европѣ трактаты 1815 года. Неподвижность была бы гибельна для него, онъ это сознавалъ и хотѣлъ для себя жизни. Договоры 1815 г. не касались Востока, и тамъ онъ надѣялся найти противъ насъ такое же недоброжелательство и недовѣріе, какія обнаруживались въ Европѣ по отношенію къ нему.

Такимъ образомъ возникъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ.

Однако, мы видѣли, что въ началѣ императоръ Наполеонъ имѣлъ главной цѣлью пріобрѣсти расположеніе римской куріи и французскаго духовенства, поддержка которыхъ была ему необходима на выборахъ. Поэтому вѣроятно, что это столкновение было сперва однимъ изъ тѣхъ сѣмянъ, которыя онъ бросалъ на политическую почву, для того, чтобы оно могло созрѣть при извѣстныхъ обстоятельствахъ и принести плоды, какіе ему были нужны.

Дѣйствительно, послѣдующій образъ дѣйствій его тогда еще далеко не былъ установленъ. Въ моментъ возрожденія имперіи, т.-е. въ началѣ 1853 года, съ котораго мы начинаемъ нашъ обзоръ событій того времени, положеніе императора Наполеона было весьма неопредѣленно. Его имя и вызываемыя имъ воспоминанія являлись для него тяжелымъ обязательствомъ передъ Франціей и угрозою передъ Европой. Европа относилась къ нему непріязненно, но была разъединена; первыя впечатлѣнія, оказанныя на англійскій народъ, возбудили въ особенности старинный антагонизмъ между Франціей и Англіей; эти враждебныя стремленія ясно обнаруживались по обѣимъ сторонамъ пролива въ задорномъ тонѣ печати и въ вооруженіяхъ. Внутри страны основанія новой императорской власти были весьма шатки. Она энергически подавила социализмъ и революцію, но въ то же время обращалась къ принципамъ 1789 года и, тогда какъ цифра „III“ указывала на нѣкоторую законность, сила ея почерпалась открыто въ общемъ голосованіи. Поэтому происхожденіе императорской власти не позволяло судить объ ея цѣляхъ. Какой политическій путь она изберетъ? Займетъ ли она мѣсто между консервативными монархами или присоединится къ народамъ, стремящимся къ революціи? Будетъ ли она искать союза съ континентальными державами противъ Англій, или революціоннаго союза съ Великобританіей противъ континента? Событія не освѣтили еще для кабинетовъ тайнъ ея замысловъ, и ея прошлое не давало основаній для какихъ-либо точныхъ заключеній.

Эта неопредѣленность отражалась въ первыхъ донесеніяхъ нашего представителя въ Парижѣ. Она связывалась, впрочемъ, и въ средѣ лицъ, близко стоявшихъ къ Наполеону. Эти близкіе люди старались направить его политику въ разные стороны. Персиньи склонялся къ союзу съ Англіей и къ открыто революціонной политикѣ. Принцъ Наполеонъ усиленно проводилъ то же направление. Министры, глубоко возмущенные угрозами Священнаго союза и оскорбленіемъ, нанесеннымъ избраннику 2-го декабря, понуждали его выступить открыто противъ монархической Европы. Морни и нѣкоторые другіе были расположены, напротивъ, къ консервативной политикѣ и къ союзу съ Россіей.

Эти разногласія обнаружались съ величайшей рѣзкостью въ засѣданіи совѣта, собраннаго для обсужденія вопроса о принятіи нашихъ вѣрительныхъ грамотъ. Борьба продолжалась тридцать шесть часовъ. Самъ императоръ Наполеонъ не могъ воздержаться отъ нѣкотораго раздраженія, но, какъ всегда, спокойно, умѣя владѣть собою, онъ разрѣшилъ вопросъ въ примирительномъ смыслѣ. „Въ концѣ концовъ, — сказалъ онъ, — русскій императоръ сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ для Людовика-Филиппа“. Предполагаютъ даже, что онъ прибавилъ: „добрый другъ лучше дурного брата“.

Вскорѣ обстоятельства его бракосочетанія подтвердили неопредѣленность его положенія. Онъ просилъ руки принцессы Вава, но получилъ въ отвѣтъ, что принцесса уже невѣста. Подъ вліяніемъ досады, онъ вступилъ въ союзъ, который возвелъ на престолъ Франціи графиню Монтихо, и, въ своемъ посланіи законодательному корпусу, императоръ не скрылъ своего негодованія, назвавши самъ себя „raguеu“¹⁾.

Эти различные обстоятельства заставляли думать, что, еслибы монархи континентальной Европы оказали лучшій приѣмъ этому „raguеu“, въ виду его услугъ общественному порядку, его политика могла бы принять направленіе, болѣе соответствующее консервативнымъ интересамъ. Россія, въ особенности, могла бы избѣжать кризиса, которому предстояло обрушиться на нее.

Насъ упрекали за то, что мы не сумѣли воспользоваться данными, какія представляла для насъ эта новая власть, заключивъ

¹⁾ Еслибы онъ не поторопился своимъ рѣшеніемъ, онъ, вѣроятно, нашелъ бы себѣ супругу въ шведскомъ королевскомъ домѣ, такъ какъ королева-мать предлагала ему руку своей дочери принцессы Шарлотты, черезъ посредство г-жи де-Бертье, побочной дочери короля Христіана VIII; но это предложеніе пришло слишкомъ поздно.

союзъ съ нею. Мы должны выяснить практическое значеніе этого запоздалаго упрека.

Прежде всего, оставляя въ сторонѣ тайны его темныхъ замысловъ, никакъ нельзя утверждать, чтобы императоръ Наполеонъ когда-либо согласился окончательно разорвать всякую связь съ революціей для того, чтобы купить нашъ союзъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ свое время и свою страну. Еще болѣе сомнительно, чтобы онъ далъ увлечь себя къ открытому разрыву съ Англіей, которую онъ, во время своего изгнанія, научился бояться и уважать.

Далѣе, для того, чтобы подобный союзъ былъ дѣйствителенъ, намъ нужно было бы слѣдовать за французской политикой на ея попріищѣ приключеній, куда ее должны были направить характеръ ея вожда и безпокойный духъ націи. Нужно было, чтобы мы были готовы, вмѣстѣ съ нею, перевернуть Европу и передѣлать ея карту, сообразно политическимъ видамъ, значеніе которыхъ весьма спорно, такъ какъ они приводили всегда къ безъисходнымъ затрудненіямъ. Не говоря уже о томъ, что намъ предстояло бы порвать со всѣми нашими преданіями, весьма сомнительно, чтобы это было выгодно для нашихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, не касаясь этихъ гипотетическихъ соображеній, зная характеръ императора Николая, нельзя было ожидать, чтобы онъ отказался формально отъ всего своего прошлаго.

Въ политикѣ можно поступать практически, только пользуясь элементами, имѣющимися въ данномъ положеніи. Переступая ихъ, приходится обращаться къ гадательной политикѣ, не знающей границъ, потому что она не контролируется повѣркой фактовъ. Но можно утверждать, что въ тогдашнемъ положеніи вещей, выжидательная и наблюдательная политика была бы выгоднѣе для насъ, чѣмъ политика почина, которая выдвигала насъ на первый планъ и должна была на насъ навлечь непріязнь императорской Франціи въ вопросахъ, гдѣ наши интересы не были прямо затронуты.

Повидимому, именно такимъ образомъ императоръ Наполеонъ смотрѣлъ на свои отношенія къ намъ. Скрывая свое неудовольствіе противъ насъ, онъ какъ будто раздувалъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ только для того, чтобы приблизить насъ къ себѣ, доказывая намъ, что если мы не умѣли цѣнить его дружбу, то его вражда можетъ быть для насъ опасна. Поэтому, его положеніе въ этомъ вопросѣ подчинялось измѣнчивымъ движеніямъ общей политики. Онъ то обнаруживалъ стремленіе отказаться отъ своихъ намѣреній и, приписывая исключительному рвенію своего посла осложненія, вызванныя въ Константинополь, онъ то отзывалъ въ

отпускъ Лавалетта, то возвращалъ его въ своему посту съ еще болѣе задорными инструкціями и придавалъ разногласію съ нами еще болѣе серьезные размѣры въ тотъ моментъ, когда оно казалось улаженнымъ.

Но этотъ извилистый путь не вполне зависѣлъ отъ его воли. Людовикъ-Наполеонъ чувствовалъ себя изолированнымъ, отчужденнымъ отъ всѣхъ державъ и даже отъ Англіи, находившейся въ то время въ рукахъ торіевъ. Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ былъ французскимъ вопросомъ. Даже католическія государства, какъ Австрія, смотрѣли неблагопріятно на притязанія французскаго правительства относительно религіознаго покровительства латинянамъ; тѣмъ болѣе Англія не могла въ этомъ направленіи оказать ему поддержки. Поэтому, Людовикъ-Наполеонъ долженъ былъ опасаться возобновленія того, что произошло въ 1840 г., когда Франція потерпѣла пораженіе, потому что хотѣла доставить на Востокъ преобладаніе исключительно французскимъ интересамъ.

Положеніе Людовика-Наполеона обозначилось особенно рѣзко съ той минуты, когда мы вступили въ открытую борьбу порученіемъ, возложеннымъ на князя Меншикова, и споръ о Святыхъ мѣстахъ обращали въ вопросъ уже не религіозный, а политическій и русскій. Съ этой поры всѣ усилія французскаго кабинета были направлены къ тому, чтобы возбудить противъ насъ недовѣріе державъ. Всѣ документы, вышедшіе изъ французскихъ канцелярій и доходившіе до нашего свѣденія, носятъ на себѣ отпечатокъ крайней враждебности. Тамъ не только наши дѣйствія ставятся намъ въ вину, но и наши намѣренія заподозриваются и считаются угрозой независимости Турціи и спокойствію Европы. Эта непрерывная дѣятельность, поддерживаемая рѣчами и ежедневными внушеніями французскаго посла въ Лондонѣ, преимущественно имѣетъ въ виду Англію.

Здѣсь ясно видно, насколько Наполеонъ дорожилъ возможностью найти такую почву, куда бы онъ могъ привлечь Англію для того, чтобы выдти изъ уединеннаго положенія, на которое его обрекала подозрительность континентальныхъ державъ. Онъ не безъ труда достигъ своей цѣли. Лондонскому кабинету предстояло пройти долгій путь, для того, чтобы встрѣтиться съ французскою политикой. Наполеону было извѣстно о существованіи тайнаго протокола относительно Бельгіи. Къ вопросу о Святыхъ мѣстахъ Англія относилась достаточно безучастно. Даже болѣе того, она признала официально справедливость нашихъ требованій и порицала безпокойную дѣятельность французовъ.

Еще во время исполненія княземъ Меншиковымъ возложен-

наго на него порученія, лордъ Эбердинъ, въ отвѣтъ на инсинуации французскаго кабинета, выразилъ полное довѣріе къ добросовѣстнымъ намѣреніямъ императора Николая. Но если Людовикъ-Наполеонъ встрѣчалъ не вполне благосклонное отношеніе къ себѣ со стороны главы англійскаго кабинета, въ министерства онъ находилъ гораздо болѣе сочувствія. Духъ партій оказывалъ въ Англіи свое обычное дѣйствіе; между тѣмъ какъ правительство своими военными приготовленіями выражало недовѣріе къ императорской Франціи, оппозиція провозглашала необходимость тѣснаго сближенія между обоими государствами. Торжественная депутація, отправленная въ Парижъ торговцами Сити, громко высказала это желаніе отъ имени британской націи. Поэтому, мнѣнія были раздѣлены, и разногласіе чувствовалось въ средѣ самого кабинета, который не былъ исключительно торійскимъ, но состоялъ изъ союза консерваторовъ и послѣдователей Пилы. За исключеніемъ лорда Эбердина, большинство министровъ выказывали расположеніе къ Франціи, и великобританскій посолъ въ Парижѣ, лордъ Коулей, усердно дѣйствовалъ въ томъ же направленіи.

Но для этого сближенія особенно рѣшительное дѣйствіе оказала печать. Французскія газеты предприняли настоящій крестовый походъ противъ Россіи. Имъ не трудно было возбудить старинную неприязнь англійской прессы противъ насъ, и въ этомъ случаѣ Востокъ являлся очень удобной почвой. Можно утвердительно сказать, что журналистика сдѣлала болѣе для взрыва восточнаго кризиса, чѣмъ все искусство европейской дипломатіи, такъ какъ она обнаружила свое вредное для насъ вліяніе не только въ Англіи, но и во Франціи. Въ Германіи, въ Пруссіи и въ особенности въ Австріи, всѣ клеветы, направленные противъ насъ, нашли откликъ въ органахъ либеральной партіи, которая давно уже насъ чуждалась.

Императоръ Наполеонъ показалъ съ тѣхъ поръ, съ какою ловкостью онъ умѣлъ владѣть этимъ опаснымъ оружіемъ, противъ котораго мы были беззащитны, вслѣдствіе нашего нѣсколько презрительнаго отношенія къ гласности. Мы легко поймемъ, съ какою поспѣшностью Людовикъ-Наполеонъ, вступивъ на этотъ путь, ухватился за первое выраженіе положительной враждебности къ намъ со стороны Англіи. Мы говоримъ о призывѣ англійской эскадры изъ Мальты великобританскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Это извѣстіе, отправленное въ Лондонъ адмираломъ Дундасомъ, достигло Парижа вмѣстѣ съ отказомъ адмирала. Никто не зналъ, какое рѣшеніе приметъ англійскій кабинетъ. Тѣмъ не менѣе, Людовикъ-Наполеонъ отдалъ приказъ своей эскадрѣ не-

медленно двинуться въ путь; благоразумное рѣшеніе, которымъ англійское министерство одобряло осторожность адмирала Дундаса и порицало неумѣренное рвеніе полковника Роза, не могло измѣнить намѣренія, принятаго императоромъ французовъ. Онъ зналъ, что, благодаря ему, лондонскій кабинетъ очутится въ затруднительномъ положеніи передъ палатами и общественнымъ мнѣніемъ, которыя обвинять его за то, что онъ позволилъ Франціи опередить себя въ оказаніи покровительства султану; онъ зналъ, что рано или поздно Англія вынуждена будетъ слѣдовать за нимъ по этому пути, хотя бы только изъ недовѣрія къ нему.

Таковы были отношенія обоихъ дворовъ. Людовикъ-Наполеонъ въ своихъ объясненіяхъ съ Н. Д. Киселевымъ, выставилъ причиною своего послѣдшаго рѣшенія необходимость наблюдать за англичанами. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, нашъ представитель въ Парижѣ все еще не вѣрилъ въ возможность войны.

Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ слѣдить день за днемъ за развитіемъ положенія, о которомъ нельзя составить правильнаго сужденія, основываясь только на одномъ его результатѣ. Англія медленно и съ видимой неохотой вступала на путь, куда увлекать ее Людовикъ-Наполеонъ. Съ своей стороны, когда споръ о Святыхъ мѣстахъ былъ улаженъ соглашеніемъ между кн. Меншиковымъ и де-Лакуромъ, замѣстившимъ въ Константинополѣ маркиза Лавалетта, французскій кабинетъ показалъ видъ, что онъ считаетъ себя неспричастнымъ къ дѣлу. Его противники ставили ему въ вину излишнюю дѣятельность и предсказывали, что она поведетъ только къ торжеству Россіи. Цѣлю его было придать восточному кризису общеевропейское значеніе.

Изъ разговора, происходившаго въ то время между г. Киселевымъ и Людовикомъ-Наполеономъ, видно, насколько этотъ послѣдній былъ мало знакомъ съ событіями, управленіе которыми ему обыкновенно приписывали. 16-го мая, нашъ посланникъ сообщалъ ему проектъ сенеда въ томъ видѣ, въ какомъ кн. Меншиковъ предлагалъ его Портѣ. Императоръ Наполеонъ оставилъ его безъ всякихъ возраженій и удивился, что этотъ проектъ не былъ принятъ. Онъ обѣщалъ ближе ознакомиться съ вопросомъ. Но черезъ нѣсколько дней, послѣ разъясненій Друэнъ-де-Люиса, онъ сказалъ нашему представителю, что если въ сенедѣ дѣло шло только о нашемъ покровительствѣ надъ русскими подданными, пребывающими въ Турціи, то онъ находитъ наши требованія вполне основательными, но если вопросъ касался христіанскихъ подданныхъ Турціи, тогда религіозное покровительство Россіи надъ ними было бы несовмѣстно съ независимостью султана. Отсюда

видно, насколько самолюбіе пословъ и министровъ и умствование канцелярій принимали участіе въ осложненіяхъ, которыя должны были привести къ такому великому кризису.

Императоръ Наполеонъ въ то время далеко не имѣлъ какого-либо твердо установленнаго рѣшенія. Тогда Бельгія озабочивала его гораздо болѣе, нежели Востокъ. Король Леопольдъ предпринялъ путешествіе въ Германію, и приѣмъ, встрѣченный имъ при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ, весьма встревожилъ французское правительство. Бракъ герцога Брабантскаго съ эрцгерцогиней австрійской и одновременное возобновленіе нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Бельгіей были сочтены въ Парижѣ угрозами, направленными противъ Франціи. Наконецъ, въ ту пору Кошутъ и Маццини оставили Лондонъ для того, чтобы отправиться въ Италію, и у Франціи, съ этой стороны, были болѣе прямые интересы, чѣмъ на Востокѣ.

Людовикъ-Наполеонъ, повидимому, болѣе боялся войны, чѣмъ желалъ ея. Его не совсѣмъ упроченная власть не была подготовлена къ ней; финансы еще ощущали на себѣ социальный кризисъ, только-что пережитый Франціей. Надежда на спокойствіе и на возобновленіе коммерческихъ отношеній была однимъ изъ элементовъ его популярности; онъ могъ потерять ее, тревожа интересы матеріальнаго характера. Кромѣ того, онъ не довѣрялъ Англіи, хотя и заискивалъ передъ нею, и не рѣшался отдать ей себя въ руки, дойдя до открытаго разрыва съ Россіей, въ то время, какъ въ Лондонѣ относились къ намъ еще съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Онъ былъ слишкомъ проникателенъ для того, чтобы не взвѣсить послѣдствій подобнаго столкновенія. Какой настоятельный интересъ Франція могла имѣть на Востокѣ и чего она могла ожидать отъ союза, который, безъ сомнѣнія, не обѣщаль ей никакихъ выгодъ? Развѣ ей не предстояло поддерживать исключительно англійскіе интересы? Развѣ около нея, въ Италіи, на Рейнѣ, въ Бельгіи, не возникало вопросовъ болѣе существенныхъ для Франціи? Развѣ англійская политика не могла имѣть цѣлью отвлечь ее отъ нихъ, ставя ее въ неловкое положеніе передъ континентомъ? Всѣ эти соображенія слышались кругомъ него, среди сторонниковъ союза съ Россіей. Нашъ представитель не пропускалъ случаевъ доказывать ихъ справедливость.

Весьма любопытно, что въ донесеніяхъ нашихъ посланниковъ въ Парижъ и въ Лондонъ, Н. Д. Киселевъ утверждалъ, что Англія увлекала Людовика-Наполеона противъ его желанія, между тѣмъ какъ баронъ Бруновъ указывалъ, наоборотъ, что Франція подбивала Англію, наперекоръ ея стремленіямъ. Вѣроятно же всего, что

оба кабинета, вынужденные самолюбіемъ въ общности дѣйствій, въ которомъ взаимное недовѣріе заставляло ихъ опережать другъ друга, оказывали обоюдное вліяніе на томъ пути, какой, въ концѣ-концовъ, привелъ ихъ къ войнѣ, не входившей сначала въ ихъ намѣренія. Несомнѣнно, однако, что починъ столкновенія исходилъ отъ Людовика-Наполеона, что этотъ полновластный монархъ, не подвергаясь въ такой же степени, какъ англійское правительство, давленію палаты, печати и общественнаго мнѣнія, имѣлъ болѣе возможности вступить на этотъ путь.

Тѣмъ не менѣе, говоря вообще, какой бы ловкостью мы ни обладали, мы не всегда можемъ направлять событія. Часто они бывають сильнѣе насъ и заставляютъ насъ слѣдовать за собою. Императоръ Наполеонъ испытывалъ это не одинъ разъ. Можно предполагать, что вначалѣ онъ не искалъ войны съ нами. Можно допустить даже, какъ онъ утверждалъ самъ и многіе другіе, что онъ отдавалъ предпочтеніе союзу съ Россіей. Положеніе, принятое нами по отношенію къ нему, оттолкнуло его, и онъ искалъ возмездія на Востока. Впрочемъ, на первыхъ порахъ его намѣреніе заключалось, повидимому, только въ томъ, чтобы оказать давленіе на насъ и расторгнуть коалицію, которой Россія была основой и главнымъ связующимъ звеномъ. Болѣе всего онъ желалъ общаго кризиса, который позволилъ бы ему передѣлать прежніе трактаты и карту Европы. Но возможно, что въ подобномъ кризисѣ онъ предпочелъ бы очутиться объ руку съ Россіей, а не съ Англіей, союзъ съ которой не обѣщала никакой выгоды національнымъ интересамъ Франціи. Повидимому, нѣсколько разъ онъ обнаруживалъ расположеніе остановиться и вернуться назадъ. Онъ продолжалъ обращать къ намъ дружескія и мирныя увѣренія даже въ то время, когда его дѣйствія были какъ нельзя болѣе непріязненны; быть можетъ, въ началѣ зависѣло отъ насъ, чтобы эти увѣренія осуществились на дѣлѣ. Но тѣмъ болѣе обострялась ссора и отдалялась возможность соглашенія съ нами, тѣмъ болѣе Людовикъ-Наполеонъ и стремился къ союзу съ Англіей.

Этотъ союзъ былъ безусловно необходимъ для него, какъ выходъ изъ его одинокаго положенія. Можно съ увѣренностью сказать, что въ исканіи этого выхода заключалась его главная забота. Онъ не жалѣлъ никакихъ усилій, никакихъ жертвъ, для того, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Нельзя не признать, что онъ съ замѣчательной ловкостью умѣлъ побѣдить противодѣйствіе англійскаго кабинета давленіемъ общественнаго мнѣнія. Какъ только ему удалось увлечь его за собою отправленіемъ соединенныхъ эскадръ въ восточныя воды, онъ вполне подчинилъ свою

политику лондонскому кабинету. Онъ старался казаться терпѣливымъ, умѣреннымъ, даже миролюбивымъ для того, чтобы разсѣять недовѣріе лорда Эбердина, подозрѣвавшаго, что Франція ищетъ нарушенія общаго мира, только ради своихъ честолюбивыхъ видовъ.

Дѣйствительно, сперва союзъ, или, лучше сказать, товарищество двухъ морскихъ державъ руководилось болѣе мирной, чѣмъ воинственной программой. Дѣло шло о томъ, чтобы предупредить разрывъ между Россіей и Турціей, предложить свои услуги, для того, чтобы привести восточное столкновение къ удовлетворительному исходу. Обѣ державы могли предполагать, что соглашеніе между ними должно содѣйствовать этой цѣли, отчасти производя впечатлѣніе на насъ, отчасти склоняя другія правительства присоединиться къ нимъ.

Съ іюня, обѣ морскія державы дѣйствовали за-одно въ Вѣнѣ, чтобы создать соглашенія четырехъ державъ. Императоръ Наполеонъ былъ готовъ на такой шагъ, несмотря на свое раздраженіе противъ Австріи, вслѣдствіе брака герцога Брабантскаго. Вѣнскій кабинетъ, не отклоняя принципа совокупнаго соглашенія, заявилъ, что онъ можетъ допустить его не иначе, какъ при пяти участникахъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ заявленіемъ, свидѣтельствуешь, насколько зависѣло отъ Германіи, оказать рѣшающее дѣйствіе на тогдашнее положеніе.

Французское правительство не хотѣло признать нейтралитета Австріи въ вопросѣ общеевропейскаго значенія. Оно дало понять въ Вѣнѣ, что тотъ, кто не будетъ на сторонѣ западныхъ державъ, очутится неизбежно противъ нихъ. Оно приняло угрожающее положеніе въ Италіи, гдѣ революціонная партія уже поднимала голову, и въ Швейцаріи, гдѣ вопросъ о злоупотребленіи правомъ убѣжища вызвалъ уже серьезное столкновение съ сосѣдними правительствами. Вѣнскій кабинетъ до нѣкоторой степени спокойно смотрѣлъ на эти угрозы въ виду настроенія англійскаго правительства. Это послѣднее не хотѣло войны, именно опасаясь распространенія, какое Франція захотѣла бы ей дать въ Италіи и на Рейнѣ, ради своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ было очевидно, что въ Лондонѣ не рѣшаются выступить на воинственный путь, покуда германскія державы выказываютъ твердое намѣреніе не порывать отношеній съ нами. Это соображеніе значительно повліяло на рѣшеніе англійскаго кабинета не считать наше вступленіе въ княжества за *casus belli*. Правительство Людовика-Наполеона признало упомянутое рѣшеніе и согласилось держаться на почвѣ переговоровъ.

Такимъ образомъ, положеніе утратило свою напряженность въ весьма критическую минуту, и явились шансы на сохраненіе мира. Общественное мнѣніе во всей Европѣ отнеслось къ такому обороту дѣла съ величайшимъ одобреніемъ. Увлечшись одно время возбужденіями печати, оно выказывало теперь величайшую тревогу передъ послѣдствіями политики, ставившей его лицомъ къ лицу съ войной и всѣми ея бѣдствіями. Сорокъ лѣтъ относительнаго мира отучили народы отъ войны; всѣ матеріальныя интересы, столь могущественныя въ наше время, возмущались при одной мысли о ней. Даже если правительства пожелали бы войны, они должны были бы оказать уваженіе общественному сознанію, стараясь, по крайней мѣрѣ, не являться зачинщиками и придавать себѣ характеръ умѣренности. Кромѣ того, позволительно предположить, что ни одно изъ нихъ не желало дойти до такой крайности. Англія противилась ей болѣе всѣхъ другихъ въ силу естественной антипатіи къ военной державѣ, заставившей ее постепенно уменьшить свои военныя силы, а также вслѣдствіе недовѣрія, внушаемаго Наполеоновскою Франціей. Всѣ надѣялись, что или мы уступимъ передъ соглашеніемъ всей Европы, или, по крайней мѣрѣ,—можно будетъ придти къ удовлетворительной дипломатической сдѣлкѣ.

Даже императоръ французовъ заявлялъ о своемъ желаніи сохранить миръ и, судя по донесеніямъ нашего представителя, можно вѣрить искренности его заявленій. Онъ расторгъ временную коалицію, создававшуюся противъ него, душой которой была Россія; онъ отдѣлилъ отъ нея Англію и привелъ ее къ соглашенію съ Франціей. Положеніе измѣнилось въ его пользу, такъ какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сумѣлъ обратить противъ Россіи подозрѣнія и непріязнь, встрѣтившія его вступленіе на императорскій престолъ. Онъ могъ удовольствоваться этими результатами и рѣшиться не идти далѣе.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить его подвижную политику, система которой заключалась именно въ отсутствіи всякой системы и въ подлаживаніи къ событіямъ. Ее надо улавливать въ моментъ ея проявленія, при всякомъ данномъ положеніи.

Несомнѣнно, что нашъ представитель не могъ указать во Франціи никакого видимаго подготовленія къ войнѣ. Впрочемъ, военный строй этой страны таковъ, что она всегда готова къ войнѣ. Общественное мнѣніе (за исключеніемъ военнаго и рабочаго элементовъ) хотѣло мира; правительство громко говорило о своемъ желаніи поддержать его. Искренно или нѣтъ, оно обязано было идти путемъ умѣренности, изъ уваженія къ Англіи,

союза съ которой оно добивалось съ величайшей заботливостью. Этотъ союзъ еще не былъ осуществленъ. Взаимныя отношенія ограничивались только соглашеніемъ касательно нѣкоторыхъ принциповъ, уже начинавшихъ примѣняться къ совокупности дѣйствій или, вѣрнѣе, демонстрацій. Эскадры не были еще соединены на Востоѣ; онѣ дѣйствовали въ силу отдѣльныхъ инструкцій, но составленныхъ въ тождественномъ смыслѣ. Это уже много значило для Людовика-Наполеона. Для того, чтобы упрочить таковой результатъ, онъ никакъ не долженъ былъ показывать, что желаетъ войны, и долженъ былъ подчинять себя Англіи, не показывая ей въ перспективѣ никакихъ другихъ дѣйствій, кромѣ морскихъ, гдѣ первое мѣсто, естественно, принадлежало его союзницѣ.

Въ основѣ этого союза лежало такъ много недовѣрія, что, когда было рѣшено продолжать переговоры, между двумя державами установилось нѣчто въ родѣ соревнованія къ достиженію мирнаго исхода. Едва узнали въ Парижѣ о существованіи проекта соглашенія, изготовленнаго въ Лондонѣ, какъ французское правительство постѣгнуло опередить Англію и прямо представило намъ свой планъ рѣшенія вопроса. Эти планы доходили до насъ со всѣхъ сторонъ, мы были засыпаны ими. Такимъ путемъ получила вѣнская нота, о результатѣ которой мы уже знаемъ.

Если это примирительное соревнованіе привело къ подобной неудачѣ, послѣднюю надо приписать, болѣе всего, слабости англійскаго кабинета. Вмѣсто того, чтобы господствовать надъ событіями и направлять ихъ, онъ подчинялся имъ и какъ будто шелъ на буксирѣ за ними. Къ сожалѣнію, характеръ внѣшней политики англійскаго кабинета всегда таковъ, когда онъ бываетъ въ рукахъ консерваторовъ. Онъ доказалъ это и въ позднѣйшей войнѣ Франціи съ Италіей. Въ этомъ отношеніи, онъ могъ оказать даже болѣе вреда, чѣмъ при управленіи лорда Пальмерстона, потому что, при лучшихъ намѣреніяхъ, онъ предоставлялъ событія ихъ собственному теченію. Эта слабость дала полный произволъ пагубной дѣятельности лорда Стрэдфорда Рэдклифа, который, при помощи турецкаго фанатизма, довель дѣла до крайняго напряженія. При этомъ мы должны указать, что въ описанной важной фазѣ событій, новый французскій посолъ Лакуръ, противоположно своему предшественнику, выказалъ себя миролюбивымъ и умѣреннымъ.

Наше согласіе принять вѣнскую ноту встрѣтило общее одобреніе. Французы, со свойственной имъ живостью, считали миръ уже обезпеченнымъ. Биржа, какъ всегда, служила мѣриломъ об-

щественнаго настроенія; императоръ истолковывалъ тогдашнее положеніе въ томъ же смыслѣ въ рѣчи къ лорду Коуляку, старшинѣ дипломатическаго корпуса, на официальномъ приемѣ по случаю праздника 15-го августа.

Тѣмъ сильнѣе было негодованіе по поводу отказа Порты. Въ умахъ произошла усиленная реакція, противъ турокъ. Находили совершенно естественнымъ, что, послѣ нашего снисхожденія, доказаннаго на дѣлѣ, мы отклонили измѣненія, предложенныя въ Константинополь. Людовикъ-Наполеонъ очень строго отзывался о туркахъ, обвинялъ ихъ въ недостаткѣ уваженія и довѣрія къ Франціи и обязывался энергически дѣйствовать въ Константинополь.

Мы уже говорили о роковомъ дѣйствіи, какое произвело въ это время оглашеніе нашего истолкованія турецкихъ измѣненій.

Послѣдовавшая затѣмъ внезапная перемѣна въ отношеніяхъ кабинетовъ къ намъ является весьма подозрительной. Несомнѣнно, что, если державы искренно желали мира, онѣ не остановились бы на подобномъ истолкованіи, не имѣвшемъ официального характера. Выдающаяся черта вѣнской ноты заключалась въ данной ей европейской гарантіи, и Европа могла, по-своему, истолковывать актъ, утвержденный ею. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что отказъ Порты ставилъ морскія державы въ затруднительное положеніе, въ виду сдѣланнаго ими раньше. Было бы странно, въ самомъ дѣлѣ, еслибы, взявши на себя защиту независимости султана, которой будто бы угрожала Россія, онѣ употребили принудительныя мѣры для того, чтобы заставить того, кому онѣ покровительствовали, принять ноту, казавшуюся ему несовмѣстимой съ его достоинствомъ. Однако, именно, къ такому результату, логически, должна была привести нота, составленная въ Вѣнѣ.

Еслибы былъ малѣйшій проблескъ искренности и правдивости во всѣхъ этихъ переговорахъ, державы должны были бы понять, даже съ своей точки зрѣнія, различіе между понужденіемъ, оказываемымъ одною Россіей, посредствомъ занятія княжествъ, и понужденіемъ цѣлой Европы. Онѣ, слѣдовательно, не должны были предоставлять Портѣ права, отвергать ихъ подписи и брать на себя единичное рѣшеніе вопроса о мирѣ или войнѣ. Но политическія страсти брали верхъ надъ всѣми доводами разсудка.

Принудительное положеніе морскихъ державъ по отношенію къ Портѣ было бы блистательнымъ торжествомъ для насъ и чувствительной неудачей для нашихъ противниковъ, а этого ихъ гордость никакъ не могла допустить.

Турецкое министерство и лица, дававшія ему совѣты, съ большимъ искусствомъ предусматривали такого рода положеніе, въ то время, когда взяли на себя объявленіе намъ войны, несмотря на переговоры.

Императоръ Наполеонъ, въ этомъ сплетеніи событій, остался вѣренъ своей системѣ почтительнаго отношенія къ Англіи. Въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ нашимъ представителемъ, онъ далъ ему понять, что наше толкованіе наводило на размышленія, такъ какъ оно придавало нотѣ смыслъ, стремившійся измѣнить ее. Однако, инструкции, данныя Лакуру, предписывали ему совѣтовать Портѣ принять ноту прямо и безъ оговорокъ.

Тѣмъ временемъ лондонскій кабинетъ высказался о невозможности поддержать ноту, смыслъ которой оказывался искаженнымъ. Его голосъ одержалъ верхъ надъ мнѣніемъ французскаго кабинета. Когда, послѣ свиданія въ Ольмюцѣ, Австрія сдѣлала предложеніе о совокупномъ дѣйствіи въ Константинополѣ, чтобы понудить Порту принять вѣнскую ноту при посредствѣ встрѣчнаго заявленія Россіи, гарантированнаго державами, Людовикъ-Наполеонъ не высказалъ своего мнѣнія. Онъ ждалъ лозунга изъ Лондона. Этотъ лозунгъ былъ доставленъ ему членомъ кабинета лордомъ Лэнсдауномъ, который прибылъ въ Парижъ для совѣщанія съ императоромъ и его приближенными. Настроеніе, о которомъ онъ долженъ былъ передать, было воинственнаго характера. Пылкая часть англійскаго кабинета взяла верхъ надъ лордомъ Эбердиномъ. Англія выказывала рѣшимость не оставлять восточнаго вопроса до окончательнаго его разрѣшенія. Императору Наполеону оказывалось большое довѣріе, такъ какъ образъ дѣйствій его обезоруживалъ подозрѣнія. Великобританское министерство рѣшилось отклонить предложеніе Австріи. Французское правительство вполне присоединилось къ его рѣшенію. Съ этого времени, хотя союзъ еще и не былъ заключенъ, общность дѣйствія связывала обѣ державы, хотя и безъ всякихъ положительныхъ актовъ.

Ихъ взгляды не были еще окончательно установлены. Можно было ясно видѣть только со стороны Англіи намѣреніе воспользоваться обстоятельствами, чтобы положить конецъ нашему исключительному положенію на Востокѣ и вполне опредѣлить политическія отношенія Турціи и Европы, а со стороны Людовика-Наполеона — твердое намѣреніе развить и укрѣпить, какою бы то ни было цѣною, начала союза, выводившаго его изъ уединеннаго положенія.

Съ этой поры французское правительство дѣлало болѣе, чѣмъ говорило. Нашъ посланникъ извѣстилъ насъ о морскихъ воору-

женіяхъ и о приготовленіяхъ въ военномъ-министерствѣ для отправки двадцати-тысячнаго корпуса изъ тулонской гавани.

Можно ли сказать, что императоръ французовъ предвидѣлъ тогда войну съ тѣмъ развитіемъ, какое она должна была принять? Судя по конфиденціальнымъ сообщеніямъ Морни, нашему посланнику не было извѣстно ничего подобнаго. Людовикъ-Наполеонъ оставался разсудительнымъ и умѣреннымъ. Онъ думалъ ограничиться увѣреніемъ султана, въ согласіи съ Англіей, что ему будетъ оказана поддержка ихъ эскадръ въ Константинополѣ. Въ то же время надѣялись, что зима помѣшаетъ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Въ ожиданіи ихъ, до весны, оставалось еще много времени для продолженія переговоровъ. Поэтому, питали надежду на сохраненіе мира.

Все это объясняетъ незначительное число двадцати тысячъ человекъ, назначавшихся исключительно для охраненія Константинополя, въ случаѣ необходимости, противъ возможности захвата его, хотя и мало вѣроятной. Другіе видѣли особый расчетъ въ этой кажущейся умѣренности, а именно опасеніе испугать англійскій кабинетъ перспективой крупныхъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ преобладаніе естественно оставалось за французской арміей, тогда какъ, покуда военныя дѣйствія происходили на морѣ, первѣсь сохранялся за Англіей.

Однако, различныя указанія свидѣтельствовали еще о существованіи мирныхъ комбинацій. Такъ, у французскаго правительства возникала излюбленная имъ идея конгресса. Она нравилась ему, какъ средство достигнуть пересмотра трактатовъ 1815 г. и территоріальныхъ разграниченій, невыгодныхъ для Франціи. У нашего посланника были собраны свѣденія относительно нашего взгляда на этотъ предметъ. Онъ отвѣтилъ, что состояніе Европы, установленное существующимъ трактатомъ, не вызывало необходимости конгресса; предстояло уладить только наше несогласіе съ турками, что могло произойти безъ помощи конгресса, указанными нами способами.

Во всякомъ случаѣ, наше правительство признавало положеніе дѣлъ достаточно серьезнымъ, для того чтобы направить нѣкоторые усилія къ расторженію опаснаго союза, видимо слагавшагося противъ насъ между двумя державами, на традиціонное соперничество которыхъ мы, очевидно, возлагали слишкомъ много надеждъ. Различныя признаки, повидимому, указывали, что императоръ Наполеонъ желалъ сближенія съ нами, или, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ идти далѣе по тому пути, на который онъ вступилъ, не оглянувшись назадъ и не взвѣсивъ шансовъ, предоставляемыхъ

ему тогдашнимъ политическимъ положеніемъ. Частная переписка принцессы Матильды (сестры принца Наполеона) въ особенности содѣйствовала такому впечатлѣнію. Въ ней содержались увѣренія, что отъ насъ зависѣло привлечь однимъ словомъ императора Наполеона къ союзу съ нами, всѣ выгоды котораго онъ сознавалъ и цѣнилъ.

Какъ ни слаба была такая надежда, императорскій кабинетъ не упустилъ ее изъ виду. Во время маневровъ, происходившихъ въ Ольмюцѣ, въ присутствіи императора Николая, его величество встрѣтилъ французскаго генерала Гойона, присланнаго Наполеономъ, для того, чтобы принять участіе въ этомъ торжествѣ. Императоръ Николай оказалъ ему особенно благосклонный приемъ, который представилъ рѣзкую противоположность съ его холодною въ лорду Уэстморленду, замѣченную всѣми. Сообразно желанію, выраженному генераломъ Гойономъ, онъ былъ приглашенъ въ Варшаву, гдѣ должны были произойти большіе смотры войскамъ, въ честь императора австрійскаго. Тѣмъ не менѣе, этотъ генералъ не рѣшился принять приглашенія въ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, не испросивъ разрѣшенія въ Парижѣ. Ему было отказано въ разрѣшеніи, что произвело очень непріятное впечатлѣніе. Императоръ Наполеонъ старался смягчить его передъ нашимъ посланникомъ. Онъ ссылаясь на ошибку телеграфа, на оплошность служащихъ. Онъ увѣрялъ, будто ему не было извѣстно, что приглашеніе было получено генераломъ по его собственной просьбѣ, и думалъ, что онъ ходатайствовалъ только о дозволеніи испросить себѣ эту милость. Впрочемъ, въ то время, когда французскіе корабли вступали въ Босфоръ, ему казалось не совсѣмъ удобнымъ присутствіе французскаго генерала на варшавскихъ маневрахъ.

Разговоръ принца Наполеона съ княземъ А. М. Горчаковымъ, о которомъ мы упоминали, происходилъ въ ту же эпоху. Хотя нашъ посланникъ въ Парижѣ оспаривалъ его политическое значеніе, это обстоятельство тѣмъ болѣе характеристично, что принцъ Наполеонъ, менѣе всякаго другого, былъ доступенъ подозрѣнію въ сочувствіи къ союзу съ Россіей. Онъ очевидно исполнялъ порученіе своего двоюроднаго брата, и его предложенія, по меньшей мѣрѣ, обнаруживали намѣреніе изслѣдовать почву во всѣхъ направленіяхъ и разсчитать всѣ шансы, прежде чѣмъ принять на себя какое-либо рѣшительное обязательство.

Впрочемъ, какое бы значеніе ни приписывали попыткамъ къ сближенію, несомнѣнно, что ихъ неуспѣхъ долженъ былъ остаться въ обѣихъ сторонахъ неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ.

Разговоръ Киселева съ императоромъ и съ принцемъ Наполеономъ, происходившій 17 ноября, указываетъ тогдашнее состояніе официальныхъ и наружныхъ отношеній. Союзные флоты только-что вступили въ Босфоръ; манифестъ, съ которымъ императоръ Николай обращался къ своимъ подданнымъ въ отвѣтъ на объявленіе войны Портоку, составлялъ по обѣимъ сторонамъ пролива предметъ самыхъ оживленныхъ толкованій. „Moniteur“, официальная газета французскаго правительства, даже позволилъ себѣ неприличную выходку, которую мы не оставили незамѣченной. Вслѣдствіе того, положеніе было крайне натянутое.

Киселевъ, приглашенный въ Фонтенебло, тѣмъ не менѣе, встрѣтилъ тамъ крайне обходительный пріемъ. Людовикъ-Наполеонъ повторилъ ему свое желаніе остаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ Россіей и выразилъ вновь живѣйшее сожалѣніе по поводу случая съ генераломъ Гойономъ, который онъ объяснилъ недоразумѣніемъ. Въ то же время онъ жаловался, что его расположеніе къ намъ мало встрѣчало взаимности, и досадовалъ, что тремъ русскимъ великимъ княгинямъ, которыя отправлялись въ Англію, формально повелѣно было государемъ не вступать на французскую почву. Что касается восточнаго вопроса, онъ выразилъ надежду, что мы дадимъ туркамъ хорошій урокъ (*une bonne gâlée*), но что императоръ Николай выкажетъ себя великодушнымъ и ничего не измѣнитъ въ турецкой имперіи. Онъ высказалъ сожалѣніе, что турецкій фанатизмъ увлекъ его за предѣлы его интересовъ, и увѣрялъ, что о томъ же сожалѣли и въ Лондонѣ. Онъ повторилъ, что искренно хочетъ мира, какъ это было заявлено имъ въ его знаменитой рѣчи въ Бордо. Въ видѣ доказательства, онъ указывалъ на то, что, несмотря на затруднительность политическаго положенія, онъ не увеличилъ армію ни однимъ человѣкомъ, тогда какъ въ 1840 г., въ подобныхъ же обстоятельствахъ, король Людовикъ-Филиппъ израсходовалъ милліоны, безъ всякой пользы.

Затѣмъ, императоръ спросилъ, что нужно сдѣлать для того, чтобы достигнуть мира. Киселевъ отвѣтилъ ему, что для этого слѣдуетъ предоставить турокъ самимъ себѣ, и надѣяться на то, что во время зимы ихъ фанатизмъ уляжется, но болѣе всего сдерживать печать, подстрекательства которой представляли серьезную опасность. Императоръ Наполеонъ возразилъ, что онъ не читаетъ газетъ, но что онъ поговорить объ этомъ съ своимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ закончилъ признаніемъ, что его весьма озабочиваетъ попытка сліянія между легитимистами и орлеанистами. Безъ сомнѣнія, въ виду умѣнья этого человѣка владѣть своей

мыслью и своимъ словомъ, нельзя придавать большаго значенія описываемому разговору. Однако, въ немъ пробиваются нѣкоторыя чувства, искренность которыхъ возможно допустить, между прочимъ, и неудовольствіе, какое испытывалъ Людовикъ-Наполеонъ въслѣдствіе оскорбительной системы отчужденія, которой онъ подвергался со стороны европейскихъ монарховъ и, въ особенности, императора Николая. Кромѣ того, изъ означеннаго разговора можно было заключить, что война съ нами не была еще окончательно рѣшена императоромъ Наполеономъ, и что онъ былъ расположенъ избѣжать ее.

Разговоръ Киселева съ принцемъ Наполеономъ представлялъ еще болѣе значенія. Хотя принцъ давно уже былъ послѣдователемъ самыхъ крайнихъ идей, но въ то время онъ былъ гораздо сдержаннѣе, нежели впослѣдствіи, въ виду того, что онъ считалъ себя вѣроятнымъ наслѣдникомъ престола. Киселевъ указалъ ему опасности союза съ Англіей, который, въ концѣ-концовъ, послѣ улаженія несогласій въ Константинополѣ, принесетъ выгоды только послѣдней. Онъ доказывалъ, что если Франція желала мира, присутствіе ея флота въ водахъ Востока, наряду съ англійской эскадрой, ставитъ ее въ ложное положеніе, а если она желала войны, эти эскадры и десантныя войска имѣли мало значенія передъ силами Россіи. „Вы сожжете нашъ флотъ,—сказалъ онъ ему,—хотя вамъ это будетъ не дешево стоить, но что же далѣе? Какой интересъ можетъ быть для васъ ослаблять наши морскія силы, для того, чтобы остаться потомъ лицомъ къ лицу съ вашимъ союзникомъ? Вы заставите насъ пожертвовать послѣднимъ нашимъ солдатомъ и послѣднимъ нашимъ рублемъ, для того чтобы вытѣснить васъ изъ Турціи. Можно ли думать, что мы не успѣемъ въ этомъ, располагая тѣми силами, какія Богъ намъ далъ? И ради чего? За клочекъ бумаги, за какую-то ноту, которая ни въ чемъ не можетъ измѣнить той связи, какую чувства единовѣрія и единоплеменности устанавливаютъ между нами и угнетенными христіанами Востока, такъ какъ, если-бы русскій императоръ не внушалъ этимъ народностямъ, что онѣ должны оставаться спокойными, онѣ поднялись бы немедленно. Россія искренно желаетъ мира, но она не имѣетъ основаній бояться войны“.

Таковы были идеи, какія преобладали тогда, не только у насъ, но и у нашихъ противниковъ, для которыхъ наше военное обаяніе еще оставалось неприкосновеннымъ. Это соображеніе не должно быть упущено, при оцѣнкѣ образа дѣйствій правительства. Слова Киселева, повидимому, произвели впечатлѣніе на принца

Наполеона; онъ выразилъ сожалѣніе, что наша сдержанность во время признанія французской имперіи помѣшала Франціи вступить на путь иной, болѣе раціональной политики. Онъ сказалъ, что онъ и самъ былъ противъ династической цифры „III“.

Подобному обмѣну мыслей нельзя придавать серьезнаго значенія. Система императора Наполеона заключалась въ томъ, чтобы мнѣнія, самыя противоположныя, высказывались вокругъ него. Самъ онъ хранилъ молчаніе и слушался только своего вдохновенія. Его личныя влеченія вели его къ союзу съ Англіей; обстоятельства указывали ему тотъ-же путь. Въ этомъ отношеніи его намѣренія были твердо установлены, но, вступая на избранный путь, онъ все-таки оглядывался назадъ.

Было замѣчено, что, вслѣдствіе представленій нашего посланника, французская печать была вынуждена умѣрить свой задоръ. И другіе признаки подтверждали, что надежда на миръ еще не была потеряна. Лордъ Коулей, англійскій посолъ въ Парижѣ, высказывался въ томъ же смыслѣ. Это былъ человѣкъ честный, добросовѣстный, умѣренный, чуждый крайностей; онъ дѣятельно служилъ своему правительству, направляя свои усилія къ тому, чтобы скрѣпить союзъ обѣихъ морскихъ державъ, но онъ не заблуждался относительно императора Наполеона и его государственной системы. Онъ утверждалъ тогда Киселеву, что, по его мнѣнію, по обѣимъ сторонамъ Ламанша дѣйствительно хотѣли мира.

Въ Англіи государственныя дѣла еще оставались въ рукахъ лорда Эбердина, и вмѣстѣ съ нимъ перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи примиренія. Франція вынуждена была слѣдовать тому же пути. Людовику-Наполеону удалось подавить воинственныя влеченія, проявлявшіяся въ средѣ окружавшихъ его лицъ. Кромѣ того, интересы торговли, положеніе финансовъ, ожиданія неудовлетворительнаго урожая, говорили въ пользу мира.

Главная опасность, прежде всего, исходила отъ прессы; она своими подстрекательствами приучила публику къ идеѣ войны, отъ которой та отвыкла уже въ теченіе сорока лѣтъ; затѣмъ, также и отъ лорда Стрэтфорда Рэдклифа, которому лордъ Коулей приписывалъ все зло. Великобританское министерство понимало это, но не рѣшалось отозвать безпокойнаго дипломата. Съ своей стороны, французское правительство ставило въ вину Лавуру, что онъ не умѣлъ противоdѣйствовать англійскому послу, и замѣстило его генераломъ Барагэ-д'Илье, назначеніе котораго получало неудобный характеръ, вслѣдствіе его званія и личныхъ свойствъ, неотличавшихся примирительными наклонностями.

Эти соображенія лорда Коулея подтверждались со всѣхъ сторонъ. Губернь, австрійскій посолъ въ Парижѣ, утверждалъ также, что Франція желала окончанія кризиса и готова была даже на угрозы въ Константинополѣ. Онъ полагалъ, что императоръ Наполеонъ гораздо болѣе расположенъ къ намъ, чѣмъ къ Англіи, и желалъ бы оказать намъ вниманіе въ виду будущаго. Наконецъ, графъ Валевскій, французскій посолъ въ Лондонѣ, котораго Киселевъ также встрѣтилъ въ Фонтенебло, увѣрялъ, что обѣ морскія державы искали мирнаго разрѣшенія восточнаго кризиса, но разрѣшенія окончательнаго. Почва, на которой отъскакивалось это рѣшеніе, было вмѣшательство Европы въ наши сношенія съ Турціей.

Тогда говорили о перемиріи и о конференціи съ шестью участниками. Къ этому старались привлечь Пруссію и Австрію. Ихъ убѣждали обратиться съ коллективной нотой къ Портѣ, чтобы понудить ее заявить свои условія и прислать уполномоченнаго въ назначенное мѣсто для переговоровъ о мирѣ. Россія и другія великія державы также должны были прислать туда своихъ уполномоченныхъ. Въ ожиданіи того, возлагали надежды на зиму. Соединенный флотъ могъ войти въ Черное море только тогда, когда бы мы напали на Турцію съ моря, или высадились въ Варнѣ или Константинополѣ. Наблюдательная роль должна была оставаться лишь за турецкими пароходами или легкими судами англо-французскихъ эскадръ. Австрія присоединилась къ этимъ общимъ основаніямъ и къ созванію конференціи въ Вѣнѣ. Рассчитывали, что, въ случаѣ отказа съ нашей стороны, Германія выскажется въ пользу западныхъ державъ.

Характеръ тогдашняго положенія, не смотря на его неопредѣленность, заключался, такимъ образомъ, въ томъ, что, при общемъ желаніи мира, дѣлались приготовленія къ войнѣ. Людовика-Наполеона понуждало къ тому состояніе его собственныхъ дѣлъ. Безплодіе императрицы и непопулярность принца Наполеона уничтожали его династическія надежды; сліяніе, къ которому дѣятельно стремились вожди партій легитимистовъ и орлеанистовъ, угрожало его будущности. Всѣ указываемыя обстоятельства заставляли его отдаваться игрѣ случая. Продолжая вести переговоры, онъ возбуждалъ общественное мнѣніе въ воинственномъ смыслѣ. Представленіе народной піесы, подъ названіемъ „Казаки“ („Les Cosaques“), указывало на такія стремленія. Постановка этой піесы, долго отлагавшаяся, вслѣдствіе осторожности правительства, была разрѣшена особымъ приказомъ императора, и принцъ Наполеонъ присутствовалъ на первомъ представленіи ея.

Такое положеніе вещей повело къ подписанію вѣнскаго протокола 5-го декабря, устанавливавшего соглашеніе четырехъ державъ съ цѣлью возстановленія мира. Мы отказывались вести переговоры съ Портою, иначе какъ непосредственнымъ путемъ, безъ контроля и участія великихъ державъ, чрезъ русскаго и турецкаго уполномоченныхъ, въ нашей главной квартирѣ въ Княжествахъ. Наше упорство содѣйствовало въ значительной степени указанному соглашенію, содержавшему въ себѣ начало коалиціи противъ насъ.

Если могли еще оставаться нѣкоторые сомнѣнія относительно значенія этого соглашенія, пріемъ, встрѣченный имъ въ Парижѣ, могъ вполне ихъ разсѣять. Во Франціи чувствовалось какое-то восторженное упоеніе, объяснявшееся затаенной досадою, какую неудача 1840 г., обновлявшая воспоминанія о 1815 г., оставила въ умахъ французскихъ государственныхъ людей. На протоколъ 5-го декабря смотрѣли, какъ на блистательное возмездіе, доставшееся безъ всякаго усилія, какъ на торжество французской дипломатіи. Прежніе союзы, составленные противъ Франціи, были расторгнуты; Россія, въ свою очередь, обречена на уединенное положеніе. Даже „Moniteur“ заговорилъ о союзѣ четырехъ державъ.

Гацфельдъ, прусскій посланникъ въ Парижѣ, считъ должнымъ воспользоваться этимъ случаемъ и напомнить, что протоколъ 5-го декабря былъ только соглашеніемъ четырехъ державъ, въ виду сохраненія мира. Гюбнеръ, австрійскій посланникъ, выказалъ болѣе сдержанности. Онъ радовался согласію, установившемуся въ Вѣнѣ, но полагалъ, что оно нисколько не колеблетъ старинной и близкой связи между Австріей и Россіей.

Тѣмъ не менѣе, даже среди энтузіазма, во Франціи мирное настроеніе все-таки преобладало надъ воинственнымъ. Серьезныя надежды возлагались на то, что мы не захотимъ бросить вызовъ всей Европѣ, и что передъ соглашеніемъ четырехъ великихъ державъ, мы уступимъ, какъ это сдѣлала Франція въ 1840 г. Толковали о соглашеніи шести державъ для окончательнаго рѣшенія судьбы Турціи, и миръ считали обезпеченнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ разразилось Синопское событіе. Замѣчательно, что первое впечатлѣніе, произведенное имъ въ Парижѣ, выразилось чувствомъ общаго удовольствія. Предполагали, что эта побѣда окажетъ двойное дѣйствіе: удовлетворитъ наше самолюбіе и сломитъ турецкій фанатизмъ. Само французское министерство признавало за нами право воюющей стороны, и Друэнъ-Люиэ сознавался, что Франція не должна слѣдовать въ этомъ обстоятельствѣ за Англіей. Англичанамъ приходилось однимъ вы-

нести всю горечь Синопскаго погрома, какъ ударъ ихъ притязаніямъ не позволялъ, чтобы пушечный выстрѣлъ раздавался на морѣ безъ разрѣшенія Англіи. Но когда обнаружилось глубокое впечатлѣніе, произведенное въ Англіи этимъ событіемъ, Людовикъ-Наполеонъ нашелъ возможнымъ только сѣрѣпить свой союзъ съ Великобританіей, принимая открытое участіе въ полученномъ ею оскорбленіи и въ желаемомъ удовлетвореніи.

Несомнѣнно, что мысль о вступленіи соединенныхъ эскадръ въ Черное море и несправедливомъ требованіи, обращенномъ къ намъ, исходила изъ Парижа. Такимъ образомъ, Франція опережала Англію въ выраженіяхъ враждебности противъ насъ.

Желалъ ли императоръ французовъ только довершить наше униженіе и думалъ ли онъ, что мы добровольно подчинимся ему, или же онъ добивался войны, какъ конечной цѣли своихъ стремленій, войны, развитіе которой обезпечивало бы его военное преобладаніе, и рѣшился ли онъ вызвать ее? Трудно отвѣтить на эти вопросы. Вѣроятно все, что онъ, какъ мы уже говорили, видѣлъ въ войнѣ окончательное закрѣпленіе своего союза съ Англіей, который неизбѣжно долженъ былъ повести къ общности дѣйствія, въ виду нанесеннаго оскорбленія, какое они должны были вмѣстѣ ощутить и вмѣстѣ отыскивать за него удовлетворенія. Этой цѣли онъ хотѣлъ достигнуть, во что бы то ни стало, такъ какъ онъ чувствовалъ, на сколько союзъ былъ еще шаткимъ, вслѣдствіе недовѣрія и нерасположенія къ нему англійскихъ министровъ. Онъ хотѣлъ разрушить ихъ недоброжелательство силою вещей и непреодолимымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Такой результатъ былъ тѣмъ существеннѣе, что лордъ Пальмерстонъ былъ не задолго передъ тѣмъ устраненъ изъ министерства. Поэтому Людовикъ-Наполеонъ долженъ былъ предохранять себя отъ вліяній, которыя могли получить перевѣсъ послѣ паденія названнаго министра, его лучшаго пособника. Что бы ни случилось, оба флота и обѣ націи были тѣсно связаны между собою, и съ тѣхъ поръ мнѣнія министровъ для него мало имѣли значенія.

Усилія нашего представителя побороть такого рода стремленія были бесплодны. Напрасно Киселевъ представлялъ французскому кабинету, что вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ обрисовывался, оказывался чисто англійскимъ. Тогда было получено извѣстіе о разрывѣ между Персіей и Турціей. Ходили слухи о томъ, что русскій отрядъ завладѣлъ Хивой; наши побѣды на Кавказѣ придавали столкновенію все болѣе и болѣе азіатскій характеръ. Франція не была здѣсь непосредственно заинтересована.

Ей предстояла гораздо болѣе выгодная роль сближенія съ континентомъ ради упроченія мира. Императоръ Наполеонъ могъ поступать по своему произволу, потому что ему не приходилось, подобно англійскимъ министрамъ, подвергаться давленію палаты. Киселевъ въ то же время совѣтовалъ намъ установить известное различіе въ характерѣ нашихъ отношеній съ обѣими державами, для того, чтобы ихъ разъединить.

Всѣ эти представленія оказывались бесполезными. Севозъ двусмысленныя выраженія и миролюбивыя увѣренія французскаго министерства замѣчалось твердое рѣшеніе дѣйствовать въ согласіи съ Англійей, и мы узнали потомъ, что оно въ Лондонѣ ставило себя въ заслугу свое сопротивленіе нашимъ усиліямъ отдѣлить его отъ его союзницы.

Впрочемъ, общественное мнѣніе начинало уже считать войну неизбежной. Военныя приготовленія происходили открыто. Былъ отданъ приказъ о мобилизаціи 300,000-ой арміи въ то время, какъ обѣ державы предъявляли намъ въ Петербургѣ двусмысленныя притязанія, объяснявшія вступленіе ихъ эскадръ въ Черное море. Тождественный отвѣтъ на эти сообщенія, отправленный въ Лондонъ и въ Парижъ, приостановилъ на нѣкоторое время задоръ этихъ державъ. Рѣшеніе, которымъ оба правительства должны были отвѣтить на наши возраженія, получало окончательный характеръ. Отправленіе графа Орлова съ порученіемъ въ Вѣну, заключавшее въ себѣ послѣдній шансъ для мира, поддерживало нѣкоторое время событія въ выжидательномъ⁴ положеніи.

Трудно сказать, которой изъ двухъ державъ долженъ былъ приписанъ разрывъ въ эту роковую минуту. Нѣсколько разъ Киселевъ замѣчалъ во французскихъ министрахъ нѣчто въ родѣ сожалѣнія о томъ, что они слишкомъ далеко зашли впередъ, давъ совѣтъ послать эскадры въ Черное море. Безъ сомнѣнія, императоръ Наполеонъ рѣшился на таковой окончательный шагъ не безъ нѣкотораго колебанія. Различныя стремленія, проявлявшіяся въ окружавшей его средѣ, пришли тогда въ послѣднее и рѣшительное столкновеніе. Нѣкоторые хотѣли, по крайней мѣрѣ, выиграть время, дожидаться результатовъ того, что происходило въ Вѣнѣ. Императору представляли неудобства произвести разрывъ съ Россіею въ соучастіи двухъ державъ, когда все дѣло было ведено съ четырьмя участниками, неопредѣленность намѣреній Германіи, опасность отдать себя въ руки Англій, которая подстрекала къ войнѣ, для того, чтобы безповоротно скомпрометировать Францію передъ континентомъ.

Но толчокъ, данный событіями, былъ сильнѣе человѣческой

воли. Письмо Людовика-Наполеона къ императору Николаю было послѣднимъ проявленіемъ колебаній французскаго императора. Былъ ли онъ искрененъ въ этой попыткѣ? Надѣялся ли онъ облегчить для насъ путь уступокъ, сохранить для будущаго шансы примиренія между нами, или просто хотѣлъ окончательно возстановить противъ насъ общественное мнѣніе? Трудно отвѣтить на это. Можно утверждать только, что, если-бы Наполеонъ серьезно хотѣлъ мира, онъ могъ-бы дѣятельно содѣйствовать ему, отказавшись присоединиться къ рѣшенію, видимо несправедливому, и установивши равновѣсіе между обѣими воюющими державами. Тогда могла бы произойти приостановка военныхъ дѣйствій въ Черномъ морѣ, что ограничило бы театръ войны къ общей выгодѣ и увеличило бы шансы примиренія.

Хотя императоръ Наполеонъ и далъ неблагоприятный отвѣтъ на наши возраженія и выразилъ рѣшимость дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіей, не смотря на нѣкоторое недовѣріе къ ней, но онъ все-таки возлагалъ надежды на послѣдствія своего письма. Повидимому, онъ ожидалъ, что оно произведетъ значительное дѣйствіе, и былъ очень оскорбленъ бесполезностью этой личной попытки къ примиренію.

Когда Киселевъ прервалъ дипломатическія сношенія и откланивался императору, тотъ проводилъ его добрыми и дружественными словами. Отвѣтъ императора Николая на его письмо тогда не былъ еще полученъ. Людовикъ-Наполеонъ сохранялъ еще благоприятныя надежды. Ему казалось, что мы могли принять предложенія, какія онъ намъ дѣлалъ. Программа ихъ заключалась въ одновременномъ очищеніи Чернаго моря и Княжествъ и въ прямыхъ переговорахъ между Россіей и Портой, съ единственнымъ условіемъ, чтобы результатъ ихъ былъ сообщенъ великимъ державамъ. Наполеонъ повторилъ нашему представителю увѣренія въ его благожелательномъ отношеніи къ Россіи; онъ повторилъ, что его предпочтеніе съ самаго начала было на сторонѣ Россіи, и приписалъ судьбѣ разногласіе, раздѣлявшее его съ нами. Это были его прощальныя слова.

Какъ только Франція и ея вождь вступили на путь войны, они должны были пойти по немъ стремительно и съ страстнымъ увлеченіемъ. Положеніе являлось для нихъ не безопаснымъ. Финансы находились въ разстройствѣ, правительство—въ затруднительномъ положеніи; былъ постановленъ заемъ въ 200 милліоновъ; внутреннее состояніе страны было шаткое. Принцъ Наполеонъ былъ окруженъ польскими эмигрантами и республиканцами.

Онъ мечталъ о паденіи императора и, поддерживаемый своими приверженцами, хлопоталъ о томъ, чтобы его замѣстить.

Война сама по себѣ представляла серьезныя затрудненія. Какимъ образомъ избѣжать столкновенія между двумя націями, недавній союзъ которыхъ не могъ изгладить вѣкового соперничества? Необходимы были вся осторожность и энергія императора Наполеона, чтобы въ этомъ отношеніи не могли осуществиться наши предположенія, на которыхъ мы основывали благопріятный для насъ оборотъ дѣла.

Война была торжествомъ безпokoйной партіи изъ приближенныхъ императору Наполеону, и энтузіазмъ ея руководителей обнаружилъ существованіе плановъ, которые не могли не встревожить и Англію, и всю остальную Европу. Брошюра, вышедшая изъ этого центра пропаганды, старалась увлечь общественное мнѣніе обширнымъ проектомъ измѣненія карты Европы. Финляндія должна была быть присоединена къ Швеціи, Польша восстановлена, Ломбардія и Венеціанская область возвращены Италіи Австріей, которая, взаменъ того, получала княжества; Турція вновь вступала во владѣніе Крымомъ и Закавказскими областями.

Таковы были существенныя черты этого проекта.

Въ официальныхъ сферахъ дѣйствовали не такъ стремительно. Большой военный совѣтъ былъ собранъ въ Парижѣ. На немъ присутствовалъ лордъ Рагланъ. Было условлено, что главнокомандующаго не будетъ, для того, чтобы не затронуть національную щекотливость. Разсуждали о пунктахъ, куда должны быть перенесены военные дѣйствія. Предлагаемые планы охватывали обширный кругъ — Адрианополь, Варну, Анапу, Поти, Перевозъ въ Черномъ морѣ, Выборгъ въ Финскомъ заливѣ. Разсчитывали на прусскій корпусъ въ Бреславлѣ. Толковали о томъ, чтобы поднять Польшу и Литву.

Несомнѣнно было только то, что война вводила всѣхъ въ область неизвѣстности. Франція и Англія должны были устремиться туда съ крайнимъ напряженіемъ силъ, возбуждаемымъ своимъ политическимъ и національнымъ соперничествомъ. Однако, лондонскій кабинетъ имѣлъ опредѣленную цѣль, которую ему удалось провести черезъ всѣ колебанія борьбы.

Въ 1857 г., когда лордъ Пальмерстонъ, удалившись отъ дѣлъ, не считалъ себя обязаннымъ къ безусловному молчанію, одинъ изъ нашихъ дипломатовъ получилъ отъ него нѣсколько интересныхъ свѣденій. Между прочимъ, бывшій министръ подтвердилъ ему, что Людовикъ-Наполеонъ нѣсколько разъ пытался рас-

ширить предѣлы войны, вызвавъ смуту въ Польшѣ¹⁾. Лордъ Пальмерстонъ оказалъ указанному плану неодолимое сопротивленіе. Англійскій интересъ въ предполагаемой войнѣ заключался въ освобожденіи Турціи отъ всякой зависимости отъ насъ и въ уничтоженіи нашего флота въ Черномъ морѣ. Лордъ Пальмерстонъ не хотѣлъ, чтобы эта война дала другіе результаты. Его искусство заключалось въ томъ, чтобы придать англійскому интересу значеніе европейскаго вопроса и склонить Францію содѣйствовать ему. Торжество Англии уменьшилось бы, если бы Франція извлекала изъ даннаго вопроса какую-нибудь выгоду для своей собственной политики.

Эти послѣдствія ускользнули отъ вниманія въ пылу борьбы, блестящая сторона которой принадлежитъ Франціи. Но они выступаютъ яснѣе по мѣрѣ удаленія отъ событій. Отдѣльные эпизоды исчезаютъ, слава меркнетъ, остаются одни положительные результаты, и эти результаты исключительно принадлежатъ Англии. Людовикъ-Наполеонъ не извлекъ оттуда даже той выгоды, какую онъ исключительно преслѣдовалъ, именно скрѣпленія своего союза съ Англійей. Отношенія обоихъ государствъ нисколько не улучшились. Великобританія вступаетъ въ союзы только по мѣрѣ своихъ интересовъ. Въ этомъ заключается начало ея могущества и ея величія.

Шумное и тревожное царствованіе Людовика-Наполеона пройдетъ, какъ прошло царствованіе его дяди, но результаты, приобрѣтенные Англійей, останутся, и она будетъ блюсти за тѣмъ, чтобы имъ не было нанесено никакого уцербъ, до тѣхъ поръ, пока она получитъ возможность усилить ихъ новыми завоеваніями²⁾.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію хода нашихъ отношеній съ Англійей, въ ту-же эпоху, и также на основаніи донесеній нашихъ дипломатическихъ агентовъ.

Въ Англій, 1853-й годъ ознаменовался появленіемъ новаго кабинета. Въ 1851 г., министерство виговъ, руководимое лордомъ Пальмерстономъ, пало за свою излишнюю поспѣшность въ признаніи государственнаго переворота 2-го декабря во Франціи, вопреки постановленіямъ совѣта министровъ. Впрочемъ, торійскій кабинетъ слѣдовалъ подобной же политикѣ въ обсужденіяхъ, вы-

¹⁾ Эти данныя были вполне подтверждены обнародованіемъ депешъ Друэн-де-Люиса къ графу Валуевскому, французскому послу въ Лондонѣ, въ 1855 г.

²⁾ Это было написано въ 1868 г.

званныхъ возстановленіемъ имперіи. Лордъ Малмсбери, личный другъ императора Наполеона, возвѣстилъ объ этомъ событіи въ верхней палатѣ рѣчью, вызвавшею ожесточенныя пренія.

Когда прежній кабинетъ палъ, благодаря внутреннимъ вопросамъ, за нимъ появилось смѣшанное министерство, элементы котораго были заимствованы изъ различныхъ партій, соединившихся между собою, для того, чтобы низвергнуть предшествующее правительство. Такого рода министерства, образованныя съ цѣлью сліянія, обречены на разногласія. Однако, участіе лорда Эбердина, въ качествѣ перваго министра, и то обстоятельство, что портфель министра внутреннихъ дѣлъ былъ ввѣренъ лорду Пальмерстону, вмѣсто портфеля иностранныхъ дѣлъ, позволяли намъ думать, что этотъ кабинетъ будетъ слѣдовать иной внѣшней политикѣ, нежели его предшественники, и именно по отношенію къ Франціи.

Дѣйствительно, первыя проявленія его дѣятельности указывали, повидимому, на желаніе приблизиться болѣе къ стремленіямъ континентальныхъ державъ. „Times“ требовалъ отпращиванія лорда Стреттфорда Рэдклифа въ Константинополь для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями Франціи, добивавшейся религіознаго покровительства надъ католиками. Названная газета и многіе другіе органы печати выступили съ усиленной полемикой противъ новой власти, утвердившейся во Франціи. Два члена министерства, которымъ пришлось подвергнуться вторичному избранію, въ качествѣ депутатовъ палаты общинъ, отзывались о Людовикѣ-Наполеонѣ въ такомъ же оскорбительномъ тонѣ, какъ и „Times“. Вооруженія продолжались съ удвоенной дѣятельностью. Либеральная и конституціонная Англія очевидно смотрѣла съ неудовольствіемъ и подозрѣніемъ на деспотическую и военную власть, возстановившуюся во Франціи въ лицѣ одного изъ Наполеоновъ.

Донесенія лорда Коулея подтверждали эти впечатлѣнія. По его мнѣнію, у императора французовъ не было никакой опредѣленной системы, кромѣ коспѣшности и стремительности. Одна мысль изгоняла другую въ его подвижномъ умѣ, наклонномъ къ лихорадочной дѣятельности. Его бракъ уменьшилъ уваженіе къ нему; его истощенное здоровье подавало мало надежды его династическимъ цѣлямъ. Будучи вынужденъ давать удовлетвореніе безпокойному духу своей націи и своей арміи, онъ неизбежно долженъ будетъ проявить свою энергію извѣтъ. Но гдѣ именно? Въ Африкѣ, въ Италіи? Это трудно было предвидѣть. Но для такого государя все было возможно; поэтому надо было ожидать всего и подготовляться соотвѣтственнымъ образомъ.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ англійскій кабинетъ долженъ былъ руководиться крайнимъ недовѣріемъ къ Франціи и желаніемъ избѣжать всякаго осложненія; но нельзя было рассчитывать ни на какую энергію съ его стороны. Лордъ Эбердинъ не находилъ поддержки ни въ одномъ изъ своихъ товарищей, которые, по большей части, разногласили въ своихъ мнѣніяхъ съ нимъ и обвиняли его за то, что онъ одинъ раздѣлялъ симпатіи неограниченныхъ правительствъ. Коренныя различія во мнѣніяхъ раздѣляли его съ лордомъ Джономъ Росселемъ и лордомъ Пальмерстономъ. Лордъ Кларендонъ былъ мало извѣстенъ, но его прошлое было вполне либеральное. Что касается лорда Стретфорда Рэдклифа, нѣкто не хотѣлъ удерживать его, потому что онъ для всѣхъ казался слишкомъ стѣснительнымъ, и, чтобы его удалить, его отправили въ Константинополь, гдѣ именно его присутствіе было всего вреднѣе.

При такихъ обстоятельствахъ зародилось восточное столкновеніе, вслѣдствіе порученія, возложеннаго на князя Меншикова. Этимъ объясняется то чувство, которое расположило императора Николая къ откровеннымъ бесѣдамъ съ англійскимъ посломъ, получившимъ впослѣдствіи такую извѣстность. Здѣсь надо искать исходной точки нашей политики по отношенію къ Англіи.

Могъ ли этотъ обмѣнъ идей оправдать нашу довѣренность? Англійскіе министры доказали свое благоразуміе, и изъ ихъ переписки можно было вывести только одно заключеніе, что, по ихъ мнѣнію, было существенно важно поддерживать существованіе Турціи, а не ускорять ея паденіе, вступая въ преждевременныя обсужденія возможныхъ послѣдствій его. Въ виду этого взгляда, сентъ-джермскій кабинетъ не могъ смотрѣть безъ тревоги на наше столкновеніе съ Портой.

Каково бы ни было довѣріе лорда Эбердина къ безусловной правдивости императора Николая, его товарищи далеко не раздѣляли такого довѣрія. Французское правительство не щадило никакихъ усилій для того, чтобы привлечь ихъ къ своей намѣренной недовѣрчивости по отношенію къ намъ. Несомнѣнно, что въ Лондонѣ насъ неоднократно подозревали въ томъ, будто мы стремимся къ разрушенію оттоманской имперіи. Это видѣли сперва въ порученіи, возложенномъ на князя Меншикова, совпадавшемъ съ порученіемъ графа Лейнингена въ тотъ моментъ, когда борьба уже разразилась въ Черногоріи, откуда она угрожала охватить всѣ христіанскія населенія, вслѣдствіе спора о Святыхъ мѣстахъ, и откуда съ обѣихъ сторонъ со дня на день можно было ожидать провозглашенія священной войны. Затѣмъ, эти опасенія

подтверждались нашими вооруженіями въ Севастополѣ и на югѣ Россіи, которыя, являясь въ преувеличенномъ видѣ въ донесеніяхъ консуловъ, казались несоотвѣтствующими незначительному разногласію чисто-духовнаго характера. Наконецъ, наше занятіе Княжествъ представлялось первымъ шагомъ къ расчлененію Турецкой имперіи, такъ какъ намъ приписывали намѣреніе продлить это занятіе неопредѣленное время, хотя бы для того, чтобы вызвать полное истощеніе Турціи военными приготовленіями и возстаніе христіанъ.

Такой взглядъ на наши дѣйствія, которымъ пользовалось для своихъ выгодъ французское правительство, и который излишества прессы раздували по обѣимъ сторонамъ Ламанша, не могъ не отражаться на отношеніяхъ къ намъ лондонскаго кабинета. Мнѣніе лорда Эбердина, выступающее изъ его разговоровъ съ нашимъ представителемъ, обнаруживаетъ постоянныя колебанія между уваженіемъ къ императору Николаю и опасеніемъ того, что мы воспользуемся возможностью нанести Турціи смертельный ударъ,—между недоверіемъ къ императору Наполеону и страхомъ передъ вооруженной революціей. Въ то же время лорду Эбердину приходилось держать себя очень осторожно передъ товарищами, палатами, печатью и общественнымъ мнѣніемъ.

Эта неустойчивая политика, лишенная характера и энергіи, предоставлявшая событія ихъ собственному ходу, причинила болѣе вреда, чѣмъ это могла бы сдѣлать безпокойная и наступательная политика лорда Пальмерстона. Мы въ особенности потерпѣли отъ нея, такъ какъ она поддерживала, не осуществляя ни одной, всѣ наши надежды на сохраненіе мира и нашу вѣру въ систему примиренія, и этимъ мѣшала намъ во-время сдѣлать уступки, которыя могли бы предотвратить восточный кризисъ.

Баронъ Брунновъ, съ своей стороны, нисколько не содѣйствовалъ поддержанію подобныхъ пагубныхъ заблужденій. Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ ни на одну минуту не переставалъ съ рвеніемъ и бдительностью выполнять обязанности вѣрнаго слуги своего государя и Россіи. При чтеніи его депешъ, въ нихъ ясно можно видѣть отраженіе того положенія вещей, на возрастающую серьезность котораго онъ указывалъ. Но онъ былъ представителемъ и дѣятельнымъ орудіемъ политики, которая съ 1840 г. побуждала насъ къ союзу съ Англіей. Поэтому онъ не могъ не дорожить дѣломъ своихъ рукъ, въ пользу котораго говорили многія обстоятельства, и не могъ не дорожить каждымъ случаемъ подтвердить его прочность. Близкія отношенія между нимъ и лордомъ Эбердиномъ, происшедшія отсюда, допускали

обмѣнъ дружественныхъ увѣреній, которыя могли скорѣе утвердить, чѣмъ ослабить довѣріе императора Николая къ качествамъ британской націи, раздѣляемое, подъ вліяніемъ императора, между этими выдающимися государственными дѣятелями. Тѣмъ не менѣе, отдавая должное чувствамъ, выраженіе которыхъ доходило до него, баронъ Брунновъ не скрывалъ ни слабости тогдашняго англійскаго правительства, ни вліяній, какія дѣйствовали на него. Онъ съ точностью изложилъ разнообразныя колебанія борьбы между этими различными вліяніями и, когда равновѣсіе было нарушено, когда партія увѣренности видѣла необходимость уступить, его депеши явились вѣрнымъ отраженіемъ тогдашняго положенія, его предостереженія пріобрѣтали все болѣе и болѣе значенія.

Даръ пророчества не можетъ быть свойствомъ государственнаго человека; дипломаты, состарѣвшіеся на своемъ поприщѣ, тщательно избѣгаютъ всякаго рода гадательныхъ утвержденій. Ихъ обязанность заключается въ подробномъ изложеніи событій своему правительству, со всѣми ихъ благопріятными и неблагопріятными сторонами. Достоинство ихъ заключается въ здоровой оцѣнкѣ положеній. Рѣшающій голосъ долженъ принадлежать государю и его кабинету. Впрочемъ, этотъ роковой восточный кризисъ носитъ на себѣ характеръ невольныхъ увлеченій, которыя императоръ Наполеонъ удачно опредѣлилъ при прощаніи съ Киселевымъ, отнеся ихъ къ „судьбѣ“. Это было началомъ эпохи, когда политика стала управляться страстью и не поддавалась никакому расчету.

О порученіи, возложенномъ на князя Меншикова въ Константинополь, барономъ Брунновымъ было доведено до свѣденія англійскаго правительства только словесно и въ главныхъ чертахъ. Причины этой сдержанности заключались, во-первыхъ, въ сознаніи своего достоинства, которое не допускало чего-либо похожаго на то, будто мы признавали Англію судьей; затѣмъ, въ увѣренности, что эта держава будетъ возражать противъ конвенціи, и убѣжденіи, что предположенный нами результатъ можетъ быть достигнутъ только въ отсутствіи лорда Стрэффорда Ределифа.

Лордъ Джозъ Россель благопріятно отнесся къ сообщенію барона Бруннова. Онъ находилъ наши требованія справедливыми и увѣрялъ, что англійскій посолъ отправится въ Константинополь съ кривизаніемъ поговорить Портѣ примиреніе съ нами. Такія же инструкціи были даны полковнику Розу. Лордъ Стрэффордъ Ределифъ увѣждалъ изъ Лондона съ предположеніемъ, что онъ найдетъ дѣло оконченнымъ.

Баронъ Брунновъ уваживалъ намъ тогда на радикальную переѣзду, совершившуюся въ англійскомъ министерствѣ, относительно Турціи. Министерство обнаруживало полнѣйшее нерасположеніе къ этому разрушающемуся государству. Лордъ Эбердинъ относился къ нему даже съ ненавистью. Повидимому, лондонскій кабинетъ рѣшился не оказывать болѣе поддержки Турціи, убѣждаясь, что подобная политика полезна только Россіи, въ которой обращались всѣ надежды христіанскаго населенія Турціи, единственно жизненнаго элемента ея. Можно ли считать такіе взгляды отголоскомъ откровенности императора Николая передъ сѣромъ Сеймуромъ?

Любопытнѣе всего, что даже „Times“ напечатали нѣсколько энергическихъ статей въ томъ же духѣ, къ величайшему удивленію своихъ континентальныхъ читателей, привыкшихъ къ совершенно иному тону газеты. Было предположеніе, что, несмотря на сдержанность англійскаго министерства, слухъ о напикъ тайныхъ переговорахъ достигъ, хотя и въ смутномъ видѣ, до этой газеты и заставилъ ее вѣрить близкой переѣзды въ англійской политикѣ.

Французское правительство стремилось создать отношенія съ Англіей, въ виду возможности союза между Австріей и нами, выразившейся въ одновременныхъ порученіяхъ князя Меншикова и графа Лейнингена. Въ отвѣтъ на это лордъ Эбердинъ заявилъ официально, что англійское правительство питаетъ полное довѣріе къ обѣщаніямъ императора Николая не предпринимать ничего противъ цѣлости турецкой имперіи и что, повѣда русскій императоръ не извѣститъ англійское правительство о переѣзды своихъ взглядовъ, оно будетъ вполне полагаться на его слово.

Надежды, дававшія основанія для такого положенія вещей, подтвердились мирнымъ исходомъ черногорскаго вопроса и отозваніемъ Лавалетта. Французское правительство само обнаруживало намѣреніе смягчить послѣдствія излишняго рвенія этого посла. Первые извѣстія о приѣздѣ въ Константинополь и дѣйствіяхъ кн. Меншикова, отрѣшеніе Фуада-эфенди и призванъ эскадры адмирала Дундаса полковникомъ Розомъ не поколебали взглядовъ лорда Эбердина. Онъ отнесся съ живѣйшимъ морщаніемъ къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, признавъ, вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ, что прибытіе эскадры только усилитъ неговорчивость турокъ, и предписалъ лорду Боулею употребить въ Парижѣ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать отплытію французскаго флота.

Однако, слухи, начинавшіе ходить въ публикѣ и въ печати,

о ходѣ дѣлъ въ Константинополѣ, съ марта стали уже нѣсколько смущать такое спокойствіе. Лордъ Кларендонъ высказалъ это барону Бруннову.

Увѣряли, будто кн. Меншиковъ устраивалъ соглашеніе религіознаго характера, обезпечивающее въ Россіи назначеніе патриарховъ и земельное приобрѣтеніе, увеличивающее ея азіатскія владѣнія; другіе толковали о возобновленіи Ункіарскелесской конвенціи. Франція давала вѣру этимъ слухамъ; она обвиняла лондонскій кабинетъ въ ослабленіи, относительно нашихъ дѣйствій, напоминала о преступномъ равнодушіи Англіи въ 1828 и 1829 г., и понуждала ее оказать совмѣстное сопротивленіе нашимъ притязаніямъ, выкинувъ свой флагъ рядомъ съ французскимъ или, по крайней мѣрѣ, усиливъ свою эскадру въ Мальтѣ.

Лордъ Кларендонъ предложилъ нашему представителю вопросъ: можетъ ли онъ утвердительно сказать своимъ товарищамъ по министерству, что всѣ распространяемые слухи ложны, и Россія не преслѣдуетъ другихъ задачъ, кромѣ вопроса о Св. мѣстахъ? Баронъ Брунновъ вновь подтвердилъ все это, объяснилъ ему дѣйствія кн. Меншикова, отрѣшеніе Фуадъ-эфенди, и повторилъ, что мы желаемъ независимости султана, но требуемъ удовлетворенія.

Эти увѣренія успокоили тревогу, но не надолго. Тѣ-же причины опять подняли ее. Полковникъ Розъ извѣщалъ о нашихъ вооруженіяхъ и приготовленіяхъ къ войнѣ; несмотря на свои инструкціи, онъ относился непріязненно къ кн. Меншикову и отказывалъ ему во всякомъ содѣйствіи до пріѣзда лорда Стратфорда Рэдклифа. Возможно, что страхъ серьезной ответственности игралъ роль въ образѣ дѣйствій этого агента. Во всякомъ случаѣ, его донесенія оказывали вліяніе на настроеніе кабинета, который опасался предстоявшаго вскорѣ созванія палаты и успокоивалъ себя надеждой, что до того времени вопросъ будетъ разрѣшенъ въ Константинополѣ.

Въ апрѣлѣ положеніе стало до такой степени натянутымъ, что нашъ посланникъ счелъ долгомъ сообщить конфиденціально лорду Эбердину текстъ инструкцій, данныхъ князю Меншикову, для того, чтобы устранить преувеличенные слухи объ этомъ предметѣ. Но министр, повидимому, ожидалъ отъ него сообщенія болѣе важнаго. Во всякомъ случаѣ, его первое впечатлѣніе отъ этихъ документовъ было вполне благопріятно. Единственное возраженіе онъ сдѣлалъ по поводу тайной конвенціи; онъ предпочелъ бы, чтобы она была явною. Тѣмъ не менѣе, онъ взялъ на

себя склонить къ согласію на нее и своихъ товарищей по министерству.

Сообщеніе барона Бруннова было сдѣлано одному только лорду Эбердину. Относительно лорда Кларендона, менѣе расположеннаго къ намъ, баронъ Брунновъ ограничился утвержденіемъ, что конвенція заключается въ предѣлахъ религіознаго вопроса.

Въ эту эпоху нашъ посланникъ указывалъ на нѣкоторую холодность между французскимъ и англійскимъ правительствами. Людовикъ-Наполеонъ упрекалъ англичанъ за излишнее спокойствіе; тѣ, въ свою очередь, обвиняли его за то, что онъ усложнялъ затрудненія своей тревожностью. Императоръ французскій старался приобрести поддержку Англіи не только на Востокѣ, но и въ Швейцаріи, и въ Италіи, гдѣ пробужденіе революціоннаго духа угрожало серьезными столкновеніями съ Австріей и Германіей. Но его предложенія принимались неблагоприятно. Въ Лондонѣ чувствовали недовѣріе къ деспоту, стремившемуся покровительствовать свободѣ другихъ. Въ то же время тамъ желали сближенія съ Австріей, если эта держава отнесется болѣе мягко къ Ломбардіи послѣ безпорядковъ въ Миланѣ.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что въ то время наше положеніе далеко не могло казаться безнадежнымъ. Однако, слабость великобританскаго министерства достигала такихъ предѣловъ, что оно, несмотря на указанное настроеніе, усилило еще однимъ судномъ свою эскадру въ Мальтѣ. Оно ссылалось на необходимость установить равновѣсіе между французскими и англійскими морскими силами въ Средиземномъ морѣ и убѣждало, что единственной цѣлью его было наблюдать за французской эскадрой, и что англійскія суда не будутъ крейсировать въ восточныхъ водахъ.

Донесенія лорда Стратфорда Рэдклифа не замедлили измѣнить положеніе вещей. Онъ настоятельно указывалъ на таинственность, которой князь Меншиковъ заставлялъ держаться турокъ въ переговорахъ съ нимъ, и весьма тревожился значеніемъ нашихъ требованій. Лордъ Эбердинъ, повидимому, былъ очень смущенъ; онъ объявилъ барону Бруннову, что онъ до того времени велъ за собой своихъ товарищей по министерству, убѣждая ихъ, что наша задача въ Константинополь ограничивалась лишь Святыми мѣстами; поэтому онъ долженъ будетъ сложить съ себя свои обязанности, если окажется, что его убѣжденія были неосновательны. Нашъ посланникъ старался успокоить его, объясняя, что тайна, сохраняемая турками, ругалась за справедлив-

вость нашихъ требованій, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, турки успѣли бы ее огласить.

Послѣдующія депеши англійскаго посла въ Константинополь разъяснили положеніе, но въ то же время усугубили его серьезность. Лордъ Стрэтфордъ Редклифъ не возражалъ противъ нашихъ требованій по отношенію къ Святымъ мѣстамъ, но безусловно вооружался противъ конвенціи, считая ее опасной. Лордъ Эбердинъ не измѣнилъ своему прямому образу дѣйствій; но лордъ Кларендонъ, вставъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, сталъ относиться къ намъ крайне недоброжелательно. Остальные его товарищи выказывали нерасположеніе къ намъ еще въ сильнѣйшей степени.

Нашъ представитель имѣлъ очень оживленное объясненіе съ лордомъ Кларендономъ. Тотъ упрекалъ насъ за то, что, въ нашихъ сообщеніяхъ о порученіи, возложенномъ на князя Меншикова, упоминалось только объ улаженіи вопроса о Святыхъ мѣстахъ, между тѣмъ, какъ, въ дѣйствительности, дѣло шло о религіозномъ покровительствѣ, требуемомъ на основаніи несправедливаго толкованія Кайнарджійскаго договора. До того времени это покровительство было лишь простымъ обычаемъ, но какъ скоро оно подтвердится формальнымъ актомъ, всякое уклоненіе, какое позволитъ себѣ Порты, будетъ имѣть характеръ нарушенія трактата, и будетъ вызывать наше постоянное вниманіе. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, конвенція должна была приравнять всю Турцію къ придунайскимъ княжествамъ, становившимся почти русскими областями.

Нашъ посланникъ опровергъ эти заключенія. Въ письмѣ къ главному государственному секретарю, онъ напомнилъ, что онъ заявилъ англійскому кабинету, по поводу порученія кн. Меншикова, о требованіи Россіей удовлетворенія отъ Порты. Онъ не могъ сообщить раньше времени акта, который долженъ былъ явиться результатомъ переговоровъ, только-что открытыхъ; но онъ вовсе не скрывалъ цѣли упомянутыхъ переговоровъ. Вообще не предвидѣлось ничего новаго, а только лишь подтвержденіе *status quo*, признаннаго Европой. Письмо барона Бруннова, прочитанное въ совѣтѣ, произвело благоприятное впечатлѣніе. Лордъ Эбердинъ высказалъ только сожалѣніе, что статья, въ которой заключалось бы удовлетвореніе Россіи, не была просто введена во вступительную часть акта, улаживающаго вопросъ о Св. мѣстахъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться предметомъ особой конвенціи, скрытой отъ другихъ государствъ. Онъ повторилъ нашему представителю, что положеніе его крайне затруднительно,

такъ какъ ему предстояло въ одно и то-же время защищать русскій вопросъ и англійскіе интересы. Онъ надѣялся, впрочемъ, примирить и то, и другое, пока мы будемъ выказывать умѣренность, но рѣшился устраниваться отъ дѣлъ, если произойдетъ разрывъ съ Россіей.

Нашъ проектъ сенеда, сообщенный лондонскому кабинету, подтвердилъ это благоприятное впечатлѣніе. Въ запискѣ къ барону Бруннову, лордъ Кларендонъ находилъ, что проектъ во многомъ измѣнялъ первоначальный планъ конвенціи. Онъ выражалъ надежду, что политическій горизонтъ вскорѣ разяснится, и обѣщаль, съ своей стороны, употребить всѣ усилія, чтобы содѣйствовать удовлетворительной развязкѣ.

Однако, депеши нашего представителя въ Лондонѣ показываютъ, насколько послѣдовательное полученіе извѣстій отъ лорда Стрэтфорда Рэдклифа повергало кабинетъ въ новыя недоумѣнія въ маѣ; со времени разрыва кн. Меншикова, баронъ Брунновъ писалъ намъ, что положеніе становится весьма серьезнымъ, и Франція громко жаловалась на нерѣшительность Англіи. Печать подстрекала общественное мнѣніе. Нашъ проектъ сенеда, сперва одобренный въ Лондонѣ, сдѣлался предметомъ весьма недоброжелательныхъ толкованій. Лордъ Джонъ Россель предлагалъ подвергнуть его разсмотрѣнію всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1841 г. Лордъ Эбердинъ оставался единственнымъ оплотомъ, удерживавшимъ порывы великобританскаго кабинета.

Извѣстіе о разрывѣ, произведенномъ въ Константинополѣ отъѣздомъ кн. Меншикова, вызвало въ Лондонѣ значительное паденіе курса. Парламентъ былъ въ сборѣ. Лордъ Джонъ Россель произнесъ рѣчь, умѣренную по выраженіямъ, но сообщившую, что лордъ Стрэтфордъ Рэдклифъ и Лакуръ, согласно съ Портой, признавали нашъ проектъ конвенціи несовмѣстнымъ съ независимостью султана. Кромѣ того, по секретному распоряженію, эскадра Ламанша была отправлена къ Гибралтару.

Несмотря на крайнее возбужденіе, баронъ Брунновъ получилъ еще отъ лорда Эбердина обѣщаніе, что Англія сохранитъ выжидательное положеніе, и что великобританская эскадра, находящаяся у о. Мальты, не будетъ послана въ восточныя воды для крейсированія вмѣстѣ съ французскимъ флотомъ. Первый министръ энергически противился этому въ совѣтѣ. Онъ прибавилъ, что, если мы вступимъ въ княжества, Англія не увидитъ въ томъ повода къ войнѣ, но положеніе ея сдѣлается рѣшительнѣе. Всѣ державы поступать точно также; Австрія уже предусмотрѣла такой случай и предложила соглашеніе съ пятью участниками, Франція

дѣйствовала еще послѣпѣе. И лондонскій кабинетъ испытывалъ давленіе оппозиціи. Лордъ Эбердинъ находилъ, что наши военныя силы, собранныя на югѣ Имперіи, слишкомъ значительны для простой угрозы. Ему придется въ послѣдствіи упрекать себя, если онъ во-время не приметъ необходимыхъ мѣръ къ сопротивленію, когда оно понадобится. „Я никогда не думалъ“, при-совокупилъ лордъ Эбердинъ, что дѣло зайдетъ такъ далѣко. Я надѣялся, что въ Константинополѣ отыщутъ среднюю мѣру, которая могла бы удовлетворить Россію, не налагая на Порту слишкомъ тяжелыхъ жертвъ. Объясните въ Петербургѣ, что моя первая забота заключается въ томъ, чтобы помѣшать всеобщей войнѣ. Ни одинъ англійскій министръ не можетъ обманывать себя насчетъ того, какія послѣдствія долженъ имѣть разрывъ между Россіей и Турціей. Я все сдѣлаю, чтобы устранить его, но и надѣюсь, что великодушіе вашего государя придетъ мнѣ на помощь, потому что одинъ я не устою“.

Эти слова были подтверждены другимъ членомъ кабинета, сэромъ Джемсомъ Грезомъ. „На насъ лежитъ громадная отвѣтственность, сказалъ онъ, но я вѣрю слову императора Николая. Онъ обѣщалъ извѣстить насъ, если измѣнятся его намѣренія, относительно Турціи. До тѣхъ поръ я останусь спокойнымъ. Опасаются съ вашей стороны захвата Константинополя. Я этому повѣрю лишь тогда, когда это увижу. Но тогда намъ останется только умереть отъ стыда передъ Англіей и Европой“.

Таково было положеніе, на которое указывалъ баронъ Бруновъ. Онъ прибавлялъ, что, хотя эскадрѣ Ламанша было приказано остановиться въ Лиссабонѣ, но наступалъ послѣдній срокъ бездѣйствія Англіи.

Какое же впечатлѣніе эти сообщенія производили на императорскій кабинетъ? Слѣды его мы находимъ въ замѣткѣ императора Николая. Нашъ посланникъ въ Лондонѣ счелъ нужнымъ написать изложеніе восточнаго кризиса, отъ его начала до разрыва кн. Меншикова. Событія обсуждались въ немъ съ спокойствіемъ и достоинствомъ, требуемыми важностью предмета. Онъ сообщилъ составленный имъ меморандумъ с.-джемскому кабинету въ надеждѣ, что увлеченіе политической страстью уступить голосу разсудка.

Приводимъ дословно этотъ замѣчательный трудъ барона Брунова, проливающий яркій свѣтъ на историческій ходъ восточнаго кризиса и тогдашнее положеніе дѣлъ ¹⁾.

¹⁾ Этотъ меморандумъ не былъ напечатанъ ни въ парижскомъ изданіи французскаго текста, ни въ его позднѣйшемъ воспроизведеніи въ Петербургѣ.—Ред.

Со времени образованія настоящаго кабинета, — говорилось въ меморандумѣ, — я счелъ своимъ долгомъ обратить вниманіе министровъ Ея Великобританскаго Величества на важность затрудненій, возникшихъ тогда въ Константинополѣ, вслѣдствіе нарушенія обязательствъ, принятыхъ Портою передъ нами относительно вопроса о Святыхъ мѣстахъ.

Въ моемъ первомъ конфиденціальномъ разговорѣ съ лордомъ Джономъ Росселемъ, я изложилъ съ полной откровенностью соображенія, не позволявшія императорскому кабинету что-либо уступать въ такомъ дѣлѣ, съ которымъ было связано его достоинство, вмѣстѣ съ религіознымъ и національнымъ чувствомъ Россіи.

Я имѣлъ честь предупредить въ то время главнаго государственнаго секретаря, что отъ императорскаго кабинета слѣдуетъ ожидать усиленнаго поддержанія его требованій, посредствомъ энергическаго шага, съ цѣлью заставить диванъ серьезно взглянуть на положеніе, которое, вслѣдствіе неисполненія имъ его обязательствъ, вступило въ такое важное осложненіе.

Лордъ Россель выражалъ мнѣ надежду, что означенный шагъ будетъ имѣть успокоительный и мирный характеръ.

Это ожиданіе вполне оправдалось.

Дѣйствительно Государь Императоръ, вовсе не настаивая на немедленномъ удовлетвореніи своихъ требованій силою оружія, предпочелъ обратиться сперва съ средствами убѣжденія, путемъ мирныхъ переговоровъ.

Е. И. В. благоудно было веденіе ихъ поручить князю Меншикову, назначенному чрезвычайнымъ посломъ къ е. в. султану.

Искреннее желаніе императорскаго кабинета привести переговоры къ результату соответствующему великимъ интересамъ мира, внушило ему мысль высказаться откровенно передъ правительствомъ Ея В. В. Онъ надѣялся, что нравственное вліяніе Англіи, съ одной стороны, заставитъ диванъ здраво взглянуть на дѣло, а съ другой, расположить французскій кабинетъ къ устраненію преградъ, которыя вслѣдствіе положенія, принятаго въ то время г. де-Лавалеттомъ, по видимому, являлись препятствіемъ къ мирному улаженію вопроса.

Желанія императорскаго кабинета, какія я долженъ былъ изложить, встрѣтили у министровъ Ея В. В. самый дружественный пріемъ. Они признали, что осложненіе, происшедшее, въ Константинополѣ, имѣло свое начало въ затрудненіяхъ, созданныхъ требованіями французскаго посла; далѣе, они были вполне согласны съ тѣмъ, что слѣдуетъ воздать должное національному чувству Россіи, которая не могла оставаться равнодушною къ нарушенію неприкосновенности восточной церкви, вслѣдствіе уступокъ, сдѣланныхъ латинскому духовенству.

Считаю своимъ долгомъ указать, что справедливость всего сказаннаго выше была вполне опѣнена правительствомъ Ея В. В. Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопросовъ такой области, которая была ему чужда, правительство Ея В. В. полагало, что его совѣты могутъ быть употреблены съ пользою для улаженія затрудненій, крайнія послѣдствія которыхъ я не скрывъ отъ него.

Въ видахъ примиренія, которымъ я отдаю полную справедливость,

лордъ Дж. Россель высказалъ мнѣ желаніе имѣть дальнѣйшія свѣденія о неудовольствіяхъ, за какія мы искали удовлетворенія, для того, чтобы кабинетъ Ея В. В. имѣлъ болѣе возможности содѣйствовать, если это было въ его силахъ, къ мирному разрѣшенію вопроса.

Въ отвѣтъ на выраженіе этого желанія, императорскій кабинетъ разрѣшилъ мнѣ представить главному государственному секретарю разъясненія, сущность которыхъ я привожу здѣсь.

Вначалѣ я изложилъ ему причины, препятствовавшія князю Меншикову вступить въ переговоры съ Фуадомъ-Эфенди. Такъ какъ этотъ министръ вызвалъ нарушение формальныхъ обязательствъ, принятыхъ султаномъ передъ Государемъ Императоромъ, относительно поддержанія status-quo, законно установленнаго верховными гатти-шерифами, то онъ не могъ, конечно, служить полезнымъ посредникомъ въ переговорахъ, имѣвшихъ цѣлю исправить нарушение, котораго онъ былъ виновникомъ. Это соображеніе должно было необходимо внушить самому султану убѣжденіе, что было весьма важно передать въ другія руки веденіе переговоровъ, съ которыми были связаны столь важные интересы. Россія никогда не требовала, какъ это ложно утверждали, отрѣшенія названнаго министра. Она ожидала отъ мудрости султана назначенія уполномоченнаго, болѣе безпристрастнаго, болѣе способнаго привести переговоры къ удачному окончанію. Отставка Фуадъ-Эфенди была вполне добровольная.

Далѣе, я указалъ нарушение, причиненное неприкосновенности старинныхъ правъ православной восточной церкви, и засвидѣтельствовавъ, согласно моему долгу, желаніе императорскаго кабинета прійти къ улаженію этого затрудненія, оказывая должное вниманіе къ Франціи, для того, чтобы Порты, въ прямыхъ сношеніяхъ съ названною державой, не подверглась новымъ затрудненіямъ.

Еще далѣе я объяснилъ, что нарушение общанія Порты, въ которомъ она оказалась виновной передъ Государемъ Императоромъ, представлялось оскорбительнымъ, за что его Императорское Величество требовалъ удовлетворенія. Кромѣ того, нарушение послѣдняго фирмана, уничтоженнаго Портою, почти въ тоже самое время, когда онъ былъ данъ, не позволяло намъ болѣе оказывать довѣрія подобному документу. Слѣдовательно, императорскій кабинетъ долженъ настаивать на болѣе торжественномъ объяснительномъ актѣ, съ характеромъ обязательности, для того, чтобы предупредить повтореніе новыхъ случаевъ недоразумѣнія между Россіей и Портой.

Это изложеніе, сдѣланное словесно при моемъ свиданіи съ лордомъ Дж. Росселемъ, за нѣсколько дней передъ оставленіемъ имъ министерства иностранныхъ дѣлъ, предшествовало переговорамъ, имѣвшимъ открыться съ Константинополемъ.

Правительство Ея В. В. приняло эти объясненія, не входя въ специальное разсмотрѣніе вопроса. Оно сохраняло наложеніе доброжелательнаго наблюденія, не предлагая и не обѣщая Россіи поддержки, которой, впрочемъ, та и не требовала. Оно ничѣмъ не обязывалось. Я указываю на этотъ фактъ, такъ какъ установить его весьма важно, для того, чтобы оцѣнить по справедливости связь послѣдующихъ обстоятельствъ. Если бы Англія, при открытіи переговоровъ, взяла на себя заставить диванъ принять наши требованія,

она несомнѣнно была бы вправѣ желать подробныхъ свѣдѣній о нашихъ предложеніяхъ, какія она поддерживала. Она этого не сдѣлала. Она предоставляла себѣ свободу въ своихъ совѣтахъ, также какъ Россія, въ свою очередь, предоставляла себѣ свободу дѣйствій въ веденіи переговоровъ, которые должны были открыться прямо между императорскимъ кабинетомъ и Портой безъ всякаго посредничества и вмѣшательства.

Очевидное доказательство того, что Англія оставляла за собой упомянутую свободу, мы видимъ въ томъ, насколько посолъ Ея В. В. въ Константинополь, безъ всякаго стѣсненія, давалъ совѣты и высказывалъ мнѣнія относительно предложеній, съ совокупностью которыхъ князь Меншиковъ первый познакомилъ его.

Эти соображенія показались мнѣ необходимыми, съ одной стороны, для того, чтобы отдать должную справедливость намѣреніямъ правительства Ея В. В., съ другой, для того, чтобы выставить въ истинномъ свѣтѣ направленіе, какого держался русскій кабинетъ въ конфиденціальныхъ объясненіяхъ, органомъ которыхъ я имѣлъ честь быть.

Мѣстомъ переговоровъ служилъ Константинополь, и послу Государя Императора, снабженному полномочіями на этотъ предметъ, было поручено привести ихъ къ желательному концу. Поэтому мнѣ не предстоило высказываться ранѣе времени о переговорахъ, какіе велись не въ Лондонѣ между Англіей и Россіей, но въ Константинополь, между Россіей и Портой.

Мой долгъ въ предѣлахъ моихъ порученій ограничивался сообщеніемъ правительству Ея В. В., по мѣрѣ полученія мною, свѣдѣній, какія могли ему казаться желательными, чтобы собирать, и, въ случаѣ надобности, исправлять свѣдѣнія, получаемыя имъ отъ его прямыхъ агентовъ.

Мнѣ пришлось выполнять эту обязанность среди критическихъ обстоятельствъ, возникшихъ съ самаго момента прибытія князя Меншикова къ мѣсту его назначенія.

Я не имѣю надобности распространяться здѣсь о тревожныхъ извѣстіяхъ, исходившихъ изъ Перы, и считавшихся достовѣрными въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, относительно намѣреній Россіи—пробытіемъ эскадры изъ Севастополя въ Босфоръ, занятіи княжествъ, расширеніи нашихъ азіатскихъ границъ, притязаніи участвовать въ назначеніи греческаго патріарха въ Константинополь, возмущеніи греческаго населенія Оттоманской имперіи, возобновленіи Ункьярскалесійскаго договора; всѣ эти утвержденія должны еще быть въ памяти министровъ Ея В. В. Я увѣренъ въ томъ, что они припомнятъ то спокойствіе, съ какимъ я встрѣчалъ эти слухи, ту твердость, съ какой я, не колеблясь, опровергалъ ихъ.

Съ своей стороны, я сохранию всегда признательное воспоминаніе объ откровенности, руководившей личными объясненіями между мною и министрами Ея Величества, въ этотъ критическій моментъ.

Лордъ Кларендонъ тогда только-что взялъ на себя управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Я ссылаюсь на него, такъ какъ онъ можетъ засвидѣтельствовать, какимъ именно языкомъ я говорилъ съ нимъ, чтобы возстановить факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ. При

нашемъ первомъ свиданіи, я вручилъ ему копію письма отъ Государя Императора къ султану, которое князь Меншиковъ долженъ былъ передать, будучи аккредитованъ передъ султаномъ.

Это письмо заключаетъ въ себѣ слѣдующее мѣсто: „Въ настоящемъ вопросѣ Я могу только посовѣтовать Вамъ поддержаніе правъ, освященныхъ вѣками, признанныхъ Вашими славными предшественниками и подтвержденныхъ Вами самими въ пользу православной церкви, ученіе которой исповѣдуется подвластными Вамъ христіанскими населеніями, такъ же какъ и большинствомъ моихъ подданныхъ“.

Вотъ, что совѣтовалъ Государь Императоръ султану: поддержаніе освященныхъ, признанныхъ, подтвержденныхъ правъ восточной церкви.

Я привожу здѣсь эти слова потому, что они характеризуютъ мысль и опредѣляютъ политику Государя Императора. Онъ признаетъ, что спокойствіе Турціи возможно только при томъ условіи, чтобы огромное большинство православнаго населенія оттоманской имперіи не испытывало никакого нарушенія его религіозныхъ правъ. Онъ признаетъ также, что отношенія добраго согласія между Россіей и Турціей могутъ быть крѣпки и прочны лишь при томъ условіи, если Порта, вѣрная своимъ обязательствамъ, ведущимъ начало отъ Кайнарджійскаго договора, будетъ предоставлять православной церкви свободу вѣроисповѣданія, спокойствіе совѣсти и мирное обладаніе приобретенными правами, за неприкосновенностью которыхъ Россія никогда не перестанетъ блюсти со всею силою своихъ національныхъ и религіозныхъ убѣжденій.

Надо слишкомъ мало знать исторію обѣихъ имперій, надо въ особенности упустить изъ виду великіе интересы сохраненія мира между ними для того, чтобы забывать, что Государь Императоръ, совѣтуя и требуя поддержанія правъ восточной церкви, говорить и дѣйствуетъ въ качествѣ друга, желающаго спокоествія для оттоманской имперіи и охраняющаго существованіе Турціи въ ея независимости и неприкосновенности.

Если я дурно понялъ или дурно передалъ намѣренія Государя на этотъ счетъ, въ моихъ конфиденціальныхъ бесѣдахъ съ министрами Ея В. В., они могутъ найти болѣе вѣрное изложеніе ихъ въ депешѣ отъ 26 марта, съ которою канцлеръ россійской имперіи поручилъ мнѣ ознакомить кабинетъ Ея Величества.

Я позволю себѣ сдѣлать слѣдующія три выписки изъ этого документа.

„Намъ было весьма пріятно увидѣть въ общемъ выводѣ вашихъ разговоровъ съ великобританскими министрами, что всѣ ложные слухи, распространяемые въ Константинополѣ относительно нашихъ намѣреній, не вызвали никакой тревоги или опасенія въ лондонскомъ кабинетѣ, убѣдившемся изъ полученныхъ или личныхъ заявленій Государя Императора, что желаніе и рѣшеніе Его Величества заключаются въ томъ, чтобы сохранить независимость, и неприкосновенность турецкой имперіи, и что, если виды нашего Августѣйшаго Монарха измѣнятся на этотъ счетъ, онъ первый доведетъ о томъ до свѣденія англійскаго правительства“.

Въ другомъ мѣстѣ говорится слѣдующее: „Вы можете также

увѣрить англійскихъ министровъ, что въ переговорахъ, ведущихся съ цѣлью улаженія несогласія съ Турціей, вовсе не поднимается вопроса о томъ, чтобы отнѣнить или отнять у латинянъ послѣднія уступки, сдѣланныя имъ въ оттоманской нотѣ отъ 8 февраля прошлаго года, но лишь о томъ, чтобы согласить эти уступки съ постановленіями гатти-шерифа, устранивъ изъ нихъ все исключительное, доставивъ грекамъ нѣкоторое вознагражденіе за нанесенный имъ ущербъ и въ особенности оградивъ ихъ отъ повторенія новыхъ правонарушеній“.

Въ третьемъ мѣстѣ сказано: „Одновременное появленіе двухъ эскадръ дѣлало вопросъ неразрѣшимымъ въ Константинополѣ. Оно ставило насъ въ положеніе, какового мы не могли допустить, и какое не позволяло уже Государю Императору, оказавшемуся подъ давленіемъ совокупной демонстраціи, свободно слѣдовать своимъ охранительнымъ и мирнымъ расположеніямъ“.

Оглядываясь на этотъ выводъ изъ объясненій между двумя кабинетами, легко убѣдиться, что до того времени ихъ взаимное довѣріе исключало тотъ вредъ, каковой система взаимнаго недоовѣрія неизбѣжно причинила бы общимъ выгодамъ сохраненія мира на Востокѣ.

Благодаря такой взаимной довѣрчивости, севастопольскій флотъ, появленіе котораго ожидалось въ Босфорѣ, остался на якорѣ; русскія войска, которыя, по слухамъ, должны были вступить въ княжества, не переходили черезъ границу; христіанскія населенія, возстаніе которыхъ предсказывалось всѣми, не вышли изъ повиновенія, и мирные переговоры шли правильно между уполномоченными, которымъ было поручено привести ихъ къ дружественному соглашенію.

По мѣрѣ развитія переговоровъ, я послѣдовательно довелъ до свѣденія правительства Ея В. В. сообщенія, съ какими кн. Меншиковъ обратился къ дивану, сперва излагая неудовольствія, на которыя мы жаловались; затѣмъ его предложенія, съ цѣлью получить удовлетвореніе за прошлое, такъ же какъ и гарантіи, считавшіяся необходимыми для того, чтобы предупредить повтореніе тѣхъ же неудовольствій и тѣхъ-же причинъ недоразумѣній между двумя сосѣдними имперіями.

Припоминая, какъ я уже говорилъ, что переговоры велись въ Константинополѣ, и принимая въ соображеніе, что, по обычаю, существующему во всѣхъ дипломатическихъ обсужденіяхъ, возможно дать отчетъ о какомъ-либо предложеніи лишь послѣ того, какъ оно будетъ сдѣлано лицомъ, ведущимъ переговоры и служащимъ для нихъ органомъ, нельзя удивляться тому, что сообщенія, какія я долженъ былъ сдѣлать въ Лондонѣ, вмѣсто того, чтобы предшествовать дѣйствіямъ кн. Меншикова, должны были слѣдовать за ними, въ естественномъ порядкѣ чиселъ, иногда съ длинными промежутками.

Въ этомъ случаѣ, я опять ссылаюсь на свидѣтельство главнаго государственнаго секретаря. Онъ могъ судить изъ дня въ день о той поспѣшности и точности, съ каковыми я старался сообщать ему извѣстія, получаемыя мною.

Имъ предшествовали неоднократно личныя сообщенія кн. Меншикова лорду Стратфорду Рэдклифу. Такимъ путемъ, названный посолъ получилъ ранѣе меня свѣденія о первомъ проектѣ конвенціи, прочитанномъ ему кн. Меншиковымъ.

Когда этотъ документъ былъ присланъ мнѣ изъ С.-Петербурга, я счелъ своимъ долгомъ тотчасъ же сообщить его дословно главному государственному секретарю.

Послѣ того, проектъ былъ измѣненъ кн. Меншиковымъ и замѣненъ другой редакціей, въ которой нашъ посолъ старался, по возможности, сообразоваться съ желаніями, выраженными ему представителями Порты, пользуясь притомъ совѣтами лорда Рэдклифа.

Этотъ второй документъ былъ точно также сообщенъ мною правительству Ея В. В.

Сопоставляя текстъ того и другого документа, нельзя не убѣдиться въ примирительномъ духѣ, въ какомъ русскій посолъ пользовался данными ему широкими полномочіями, чтобы удовлетворить сдѣланнымъ ему замѣчаніямъ, съ цѣлью устранить изъ предложеннаго акта даже самыя незначительныя выраженія, какія могли бы дать мѣсто ложному истолкованію видовъ императорскаго кабинета.

Если бы въ этомъ отношеніи могло явиться сомнѣніе въ какомъ либо пристрастномъ умѣ, если бы кто-нибудь пытался приписывать Россіи мысль распространить ея вѣдѣтельство на мѣстные интересы или на политическое положеніе христіанскихъ населеній Турціи, мнѣ достаточно будетъ напомнить здѣсь фактъ, опровергающій подобное предположеніе.

Князь Меншиковъ, препровождая ко мнѣ проектъ сенеда, представленный 5 мая, присоединилъ къ нему депешу, откуда я заимствую слѣдующія выраженія:

„Мы требуемъ не права покровительства надъ христіанами православнаго вѣроисповѣданія, подданными Турціи, но поддержанія религіознаго status quo этого вѣроисповѣданія, которому серьезно угрожаетъ стремленіе, обнаруженное Портою, поддерживать притязанія латинскаго вѣроученія, въ ущербъ тому, которое исповѣдуется большинствомъ христіанскихъ подданныхъ султана“.

Для того, чтобы предупредить всякаго рода недоразумѣнія и возстановить факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ, я не колебался вручить главному государственному секретарю Ея В. В. извлеченіе изъ депеши, въ которой кн. Меншиковъ такъ ясно опредѣлялъ предложенія, сдѣланныя имъ по вопросу религіознаго характера, съ исключеніемъ всякой задней мысли и всякихъ политическихъ притязаній.

Я не считаю своимъ дѣломъ входить въ обсужденіе достоинства попытокъ къ примиренію, какія составляли предметъ переговоровъ, непосредственно происходившихъ въ Константинополѣ между уполномоченными двухъ сосѣднихъ и дружественныхъ государей.

Оставаясь въ предѣлахъ строгаго исполненія моихъ обязанностей, я имѣю прибавить здѣсь только одно соображеніе.

Каково бы ни было мнѣніе, какое правительство Ея В. В. могло составить себѣ относительно содержанія предложеннаго акта, министры Ея В. В., съ которыми я имѣлъ честь находиться, въ теченіе

пяти мѣсяцевъ, въ постоянномъ общеніи самыхъ откровенныхъ сообщеній, безъ сомнѣнія, должны будутъ припомнить разъясненія, какія мнѣ было предписано давать имъ о воззрѣніяхъ императорскаго кабинета, руководившихъ означенной дипломатической сдѣлкой. Я приведу ихъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ.

Прежде всего, султанъ не сдержалъ слова передъ Государемъ Императоромъ.

Его Императорское Величество оказался въ необходимости потребовать удовлетворенія за такое оскорбленіе, нанесенное его достоинству.

Для того, чтобы получить удовлетвореніе, Государь избралъ путь мирныхъ переговоровъ, предпочитая его немедленному обращенію къ оружію.

Требуя этого удовлетворенія у Порты путемъ убѣжденія, а не враждебныхъ мѣръ, онъ единственно имѣлъ въ виду оградить православную церковь въ Турціи противъ притязаній и нарушеній, несправедливыя попытки которыхъ она испытала незадолго передъ тѣмъ.

Съ этою цѣлью онъ призналъ, что простого фирмана было бы недостаточно для того, чтобы исправить ущербъ, нанесенный въ прошломъ, и предупредить повторенія подобныхъ же неудовольствій въ будущемъ.

Поэтому онъ рѣшился потребовать и получить отъ Порты формальный актъ объяснительнаго характера, какъ я называлъ его выше.

Этотъ актъ по мысли Е. И. В. долженъ служить лишь для укрѣпленія за православной церковью обладанія правами, какими она пользуется на Востокаѣ.

Государь Императоръ не требуетъ ничего имъ болѣе, ни менѣе того. Онъ желаетъ, чтобы существующее оставалось неприкосновеннымъ, чтобы религія, исповѣдуемая Россіей, оставалась свободной, уважаемой, ненарушимой подъ оттоманскимъ владычествомъ.

Его Величество требуетъ этой гарантіи; онъ совѣтуетъ и Портѣ, съ двойной цѣлью—придать болѣе обезпеченности внутреннему спокойствію Оттоманской имперіи и болѣе прочности ея миру съ Россіей.

Могутъ ли державы, желающія сохраненія Турціи, выказывать ревнивое чувство при видѣ дѣла примиренія, совершаемаго, благодаря совѣтамъ Россіи? Неужели имъ было бы пріятнѣе, чтобы православная церковь, лишенная гарантій, въ непрерывной борьбѣ съ притязаніями латинянъ, являлась постоянной причиной смутъ, безпокойствъ и, быть можетъ, распада Оттоманской имперіи? Я позволяю себѣ сказать, что такая мысль не соотвѣтствовала бы предусмотрительности великихъ державъ дружественныхъ Турціи.

Въ подтвержденіе ихъ домогательствъ, мнѣ часто приходилось слышать ссылки на текстъ договора о Дарданеллахъ, заключеннаго въ Лондонѣ 1 (13) іюля 1841 г. Такъ какъ я имѣлъ честь участвовать въ подписаніи этого акта, да будетъ мнѣ позволено окончить настоящую записку соображеніемъ, какое внушаетъ мнѣ воспоминаніе объ этой дипломатической сдѣлкѣ.

Вступленіе, предшествующее постановленіямъ, относительно за-

крытія обоихъ проливовъ Дарданеллъ и Босфора, заключаетъ въ себѣ мысль, которую слѣдовало бы примѣнить къ настоящему кризису.

Договаривающіяся державы выражаютъ тамъ „желаніе дать Его Величеству Султану очевидное доказательство ихъ уваженія къ неприкосновенности его верховныхъ правъ, такъ же какъ и ихъ желаніе видѣть упроченнымъ спокойствіе его имперіи“.

Но величайшее доказательство уваженія, какое можно оказать независимому государю, заключается въ томъ, чтобы не препятствовать ему исполнять его обѣщанія, данныя дружественной и сосѣдней державѣ. Если онъ не свободенъ болѣе въ исполненіи своего слова и въ исправленіи сдѣланныхъ имъ ошибокъ, онъ перестаетъ быть независимымъ.

Другое заключеніе, къ какому приводитъ меня изученіе трактата 1841 года, состоитъ въ томъ, что державы, побуждаемы искреннимъ желаніемъ видѣть упроченнымъ спокойствіе Оттоманской имперіи, должны были бы первыя посовѣтовать султану не отказывать греческой церкви, согласно требованію Россіи, въ гарантіи, которая удерживала бы огромное большинство христіанскаго населенія Оттоманской имперіи въ предѣлахъ покорности и въ спокойствіи со-вѣсти.

Государь Императоръ, со своей стороны, — заключалъ меморандумъ, — выполнилъ серьезный долгъ, подавая такой совѣтъ султану. Если этотъ совѣтъ не былъ оцѣненъ такъ, какъ онъ того заслуживалъ, я полагаю, что императорскій кабинетъ будетъ имѣть право сказать себѣ, что не на него ляжетъ отвѣтственность за послѣдствія, какія могутъ произойти отъ этого отказа.

Лондонъ, 13 (25) мая
1853 г.

На экземпляръ, присланномъ въ императорскій кабинетъ, Государь написалъ собственной рукой: „Это превосходно написано. Господь Богъ будетъ судьей. Но моя совѣсть спокойна, и мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть. Рано или поздно истина выстукаетъ надъ гнусной клеветой“ ¹⁾. Слова эти указываютъ лучше, чѣмъ мы могли бы разъяснить, точку зрѣнія, съ которой императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ на то чувство, какое возбуждало въ немъ положеніе Европы въ этомъ столкновеніи, гдѣ мы твердо рѣшились не переступать ни дѣломъ, ни намѣреніями, предѣловъ самой строгой справедливости.

Наконецъ, незначительный случай переполнилъ чашу.

Телеграмма, посланная въ Берлинъ англійскимъ консуломъ въ Варшавѣ, сообщала, что 4-й корпусъ нашей южной арміи уже

¹⁾ „Ce travail est parfait. Dieu decidera. Mais ma conscience est à l'aise, je n'ai rien à me reprocher. Tôt ou tard la vérité doit l'emporter sur d'infâmes calomnies“.

подвигался для завладѣнія княжествами. Эта новость передавалась, какъ сомнительная. Въ Парижѣ сомнительность ея была опущена, и въ Лондонѣ она уже попала, какъ достовѣрная.

Англійская эскадра въ Мальтѣ была тотчасъ же послана въ восточныя воды и предоставлена въ распоряженіе лорда Стретфорда Ределифа. Нашъ посланникъ напомнилъ постановленія 1841 г., въ силу которыхъ нарушеніе принципа закрытія проливовъ являлось поводомъ къ войнѣ. Лордъ Кларендонъ отвѣтилъ, что англійская эскадра только тогда войдетъ въ проливы, когда Константинополю будетъ угрожать нападеніе.

Баронъ Брунновъ возлагалъ на англійскаго посла въ Константинополь отвѣтственность за то, что нашъ ультиматумъ былъ отвергнутъ Портой. Мнѣнія въ великобританскомъ совѣтѣ министровъ раздѣлились. Большинство полагало, что вліяніе лорда Стретфорда Ределифа, въ сущности, было болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, и что Порта въ извѣстный моментъ выказывала готовность уступить только ради того, чтобы втянуть въ дѣло Англію и возложить на нее отвѣтственность за отказъ. Лордъ Эбердинъ указалъ, однако, что въ то время, какъ Англія обвиняла Россію въ желаніи ниспровергнуть Турцію, Россія упрекала Англію за то, что, благодаря ей, всѣ попытки къ примиренію терпятъ неудачу. Онъ предлагалъ представить доказательства того, что Англія не служитъ препятствіемъ для мирнаго исхода дѣла, отправивъ спеціальнаго посла въ Петербургъ съ письмомъ отъ королевы. Онъ опирался на примѣръ герцога Веллингтона, который не побоялся подобнаго же шага въ 1826 г. въ греческомъ вопросѣ.

Это была очень удачная мысль. Но для исполненія ея недостаточно было необходимой твердости. Боялись, что оппозиція приметъ этотъ шагъ за заискиваніе; останавливались также передъ возможностью упрековъ со стороны Европы за то, что Англія дѣйствуетъ изолированно. Лордъ Эбердинъ признавался нашему посланнику, что Франція уже предлагала обмѣнъ ноты, устанавливающей европейское соглашеніе. Въ послѣднемъ случаѣ она обѣщала вполне слѣдовать за Англіей. Вѣнскій и берлинскій кабинеты, судя по донесеніямъ англійскихъ представителей, также выказывали готовность присоединиться къ коллективнымъ представленіямъ въ Петербургѣ.

Лордъ Кларендонъ испытывалъ величайшую нерѣшимость. Его подавляла мысль о томъ, какой взрывъ опасныхъ страстей произойдетъ при первомъ извѣстіи о войнѣ. Онъ уже видѣлъ впереди торжество революціи и полагалъ, что всѣ европейскія правительства должны соединиться, чтобы избѣжать этихъ крайностей.

Трудно сказать, каковы были бы послѣдствія этого спеціальнаго посольства. Быть можетъ, благодаря ему, миръ былъ бы сохраненъ. Тѣмъ не менѣе, сперва оно было отложено въ видѣ послѣдняго средства, а затѣмъ окончательно оставлено.

Отправленіе письма графа Нессельроде Решидъ-пашѣ, содержащаго въ себѣ нашъ ультиматумъ и дававшего пятнадцать дней срока для отвѣта, возродило надежду на миръ.

Наши условія признавались умѣренными. Англійское министерство смотрѣло на вещи спокойно, несмотря на возбужденіе въ обществѣ и возвышеніе фрахта, — краснорѣчивый симптомъ ожиданія войны. Лордъ Стрэтфордъ Ределифъ не получилъ разрѣшенія вызвать англійскую эскадру въ Константинополь, такъ какъ, съ его стороны, боялись какой-нибудь опасной выходки. Лондонскій кабинетъ обсуждалъ вопросъ съ точки зрѣнія законности.

Баронъ Брунновъ указывалъ на то, какую поддержку турки найдутъ для себя, если къ нимъ явятся соединенныя эскадры, и заявилъ, что переговоры станутъ невозможными, если хотя одинъ англійскій корабль пройдетъ черезъ проливы. Лордъ Эбердинъ, подобно парижскому кабинету, старался установить различіе между занятіемъ нами княжествъ и присутствіемъ эскадръ въ Безикской бухтѣ. Были поставлены на видъ и трактаты 1841 г., на которые ссылалась Франція, какъ на гарантію цѣлости Оттоманской имперіи и вытекавшее отсюда обязательство защищать ее.

Тогда баронъ Брунновъ, основываясь на воспоминаніяхъ о переговорахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, напомнилъ, что дѣйствительно въ то время шелъ вопросъ о включеніи подобной статьи, по предложенію Австріи, но что уполномоченный Россіи воспротивился тому, и лордъ Пальмерстонъ поддержалъ его, въ виду неизмѣнно добросовѣстнаго образа дѣйствій Россіи, дѣлавшаго бесполезнымъ включеніе статьи, видимо направленной противъ нея. Вслѣдствіе того, упомянутое предложеніе было устранено. Во вступительной части трактата говорилось о желаніи сохраненія въ цѣлости турецкой имперіи, но вовсе не о гарантіи. Эти разъясненія, сообщенныя въ Вѣну и въ Берлинъ и подтвержденныя преніями въ парламентѣ, парализовали толкованіе французскаго кабинета договора 1841 г.

Но положеніе нисколько не улучшилось. То, чего не оказывалось въ текстѣ трактатовъ, заключалось въ умахъ, т.-е. твердое намѣреніе понудить Европу вмѣшаться въ наши отношенія съ Турціей.

Лордъ Эбердинъ твердо выдерживалъ настоянія Франціи. Чѣмъ болѣе императоръ Наполеонъ старался оказывать давленіе на него,

тѣмъ менѣе онъ ему довѣрялъ. Но онъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе одинокимъ въ средѣ министерства, передъ страстнымъ увлеченіемъ палаты, печати и общественнаго мнѣнія. Его объясненія съ нашимъ посланникомъ принимали по немногу характеръ торжественности, предвѣщающей приближеніе крупныхъ событий. Баронъ Брунновъ говорилъ ему: „нужно взглянуть на-стоящему положенію въ лицо вполне серьезно. Мы подходимъ къ развязкѣ, которая можетъ назваться войной, хотя этого слова и избѣгаютъ“. Лордъ Эбердинъ отвѣчалъ ему съ волненіемъ: „Тотъ, кто толкнетъ міръ въ пропасть ради того, что я нахожу несправедливымъ, тотъ приметъ на себя отвѣтственность, которою моя совѣсть возмущается. Я не закончу моего служенія революціонной и всеразрушающей войной. Мое рѣшеніе твердо. Я не буду вести этой войны. Пусть другой беретъ это на себя!“

Различныя обстоятельства поддерживали нерѣшительность англійской политики: подозрѣнія, возбуждаемыя образомъ дѣйствій императора Наполеона, обаяніе нашего военнаго могущества и, въ особенности, положеніе Германіи.

Австрія, вполне раздѣляя принципы европейскаго соглашенія по восточнымъ дѣламъ, тогда еще нисколько не думала объ устраненіи Россіи изъ этого соглашенія. Она готова была присоединиться къ переговорамъ съ пятью участниками и противилась имъ при участіи четырехъ державъ. Такимъ языкомъ она говорила въ Лондонѣ. Она еще надѣялась на миръ и порицала морскія демонстраціи западныхъ державъ, какъ серьезное препятствіе къ мирному исходу. Она предлагала свои услуги для того, чтобы содѣйствовать такому исходу, и хотѣла занять посредствующее положеніе между Россіей и ея противниками.

Было вполне естественно, что лондонскій кабинетъ придавалъ величайшую важность настроенію Германіи. Идея союза съ Франціей, въ виду случайностей, которыя могли заставить германскія державы стать на противоположную сторону, не могла въ Англіи казаться желательной. Императоръ Наполеонъ повредилъ себѣ въ этомъ отношеніи, пытаясь склонить англійское министерство къ демонстраціямъ противъ Австріи въ Швейцаріи и Италіи.

Если война была неизбежна, Англія хотѣла, чтобы это была война чисто политическая, съ единственной цѣлью уничтожить наше преобладаніе на Востоцѣ. Въ такихъ предѣлахъ она надѣялась на содѣйствіе Европы и рассчитывала, что Франція не извлечетъ никакихъ выгодъ изъ осложненій, которыя она видимо желала вызвать. Въ виду того, великобританское правительство относилось очень благопріятно къ посреднической роли Австріи.

Потому ли, что оно искренно присоединялось къ послѣдней, какъ къ окончательному шансу на миръ, или потому, что оно имѣло въ виду понемногу привлечь вѣнскій кабинетъ къ союзу съ западными державами, несомнѣнно, что англійское правительство поддерживало посредничество Австріи и охотно уступало ему инициативу и заслугу попытокъ и переговоровъ въ видахъ мирнаго уваженія дѣла.

Благодаря этимъ настроеніямъ, произошло замѣтное улучшеніе въ общемъ положеніи въ теченіе іюня, не смотря на возрастающее ожесточеніе печати противъ насъ, на раздражительное отношеніе къ нашимъ циркулярамъ о занятіи княжествъ и присутствіи эскадры въ Безиевской бухтѣ, и даже не смотря на парламентскія интриги, которыя велись партіей Дерби вмѣстѣ съ лордомъ Пальмерстономъ съ цѣлью ниспроверженія министерства.

Наше вступленіе въ княжества, хотя оно и усилило ожесточеніе противъ насъ, не измѣнило благоприятнаго настроенія въ оффиціальныхъ сферахъ. Оно уже ожидалось, и юридическіе споры, предшествовавшіе ему, ослабили заранѣе впечатлѣніе совершившагося факта. Послѣдовало молчаливое соглашеніе, что оно будетъ считаться понудительной мѣрой, но не поводомъ къ войнѣ, что Англія выступитъ одна съ дипломатическимъ протестомъ. Вѣна и Берлинъ ограничатся тѣмъ, что не выскажутъ своего одобренія. Переговоры будутъ безпрепятственно продолжаться. Лондонскій кабинетъ допускалъ мысль отправленія спеціального посла султана въ Петербургъ и конвенціи, равносильной нотѣ князя Меншикова. Дѣло шло о томъ, чтобы напомнить и подтвердить въ этомъ документѣ наши прежніе трактаты и включить въ него формальныя обѣщанія для будущаго, сообщеніемъ фирмановъ, данныхъ православному духовенству, — программа довольно обширная.

Предоставляя починъ посредничества Австріи, лондонскій кабинетъ сдѣлалъ еще дальнѣйшій шагъ; онъ выработалъ самъ планъ соглашенія на указанныхъ основахъ, т.-е. на основахъ конвенціи. Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что турецкое правительство съ самаго начала представляло возраженія противъ этой формы. Французскій кабинетъ нашелъ эти уступки слишкомъ большими; но затронутый расположеніемъ великобританскаго кабинета къ сближенію съ нами, опасаясь очутиться одному, скомпрометироваться передъ Россіей, онъ отважно пошелъ впередъ и непосредственно препроводилъ въ Петербургъ планъ соглашенія. Мы уже упоминали о странномъ мирномъ соперничествѣ между державами, наступившемъ вслѣдъ за тѣмъ. Вопросъ шелъ о томъ, которая

изъ нихъ раньше выработаетъ проектъ соглашенія и добьется принятія его нами.

Императорскій кабинетъ легко могъ заблуждаться относительно этого положенія вещей, повидимому, направленнаго ко всеобщему миру. Однако, образъ дѣйствій его оставался совершенно правильнымъ. Отдавая замѣтное предпочтеніе предложеніямъ, доходившимъ къ намъ отъ Австріи, мы въ самой дружественной формѣ принимали и предложенія другихъ державъ. Мы обсуждали отдѣльныя статьи ихъ въ самомъ примирительномъ смыслѣ. За проектомъ англійскаго кабинета мы признавали то достоинство, что онъ придавалъ акту, который предстояло заключить, характеръ конвенціи, а за французскимъ то, что онъ яснѣе связывалъ гарантіи для будущаго съ правами, вытекающими изъ нашихъ прежнихъ трактатовъ.

Впрочемъ, соглашеніе, состоявшееся въ Вѣнѣ между державами, избавило насъ отъ выбора, который могъ оказаться затруднительнымъ. Согласіе, данное императорскимъ кабинетомъ, безусловно присоединиться къ тому, что будетъ выработано совмѣстно четырьмя державами, съ единственнымъ условіемъ, чтобы тоже самое было принято и Портой безъ всякихъ условій и измѣненій, это согласіе было дѣйствіемъ очень искуснымъ, расположившимъ въ нашу пользу и общественное мнѣніе въ Европѣ, и кабинеты.

Всего печальнѣе указывать крушеніе всѣхъ надеждъ на мирный исходъ, связанныхъ съ этой комбинаціей. Въ такомъ положеніи, которое подвергало опасности общественное спокойствіе и тревожило всѣ интересы, мудрость государственныхъ людей Европы оказывалась немошною передъ слѣпой силой событій, ускользавшихъ отъ всякаго разсчета. Вслѣдствіе того, политика уже не направлялась болѣе по инициативѣ правительствъ; она спускалась въ нѣдра самой беззастѣнливой части журналистики и даже еще ниже, въ область разнузданныхъ страстей толпы.

На самомъ дѣлѣ, нельзя скрывать того обстоятельства, что въ концѣ концовъ нелѣпый походъ въ пользу пессимизма, проповѣдывавшійся въ газетахъ и палатахъ, имѣлъ своей исходной точкой стремленіе къ популярности, снѣдающее всѣхъ честолюбивыхъ людей, писателей или депутатовъ, рѣшившихся проложить себѣ дорогу на политическомъ поприщѣ. Даже принимая во вниманіе личное вліяніе лорда Стрэтфорда Рэдклифа въ этотъ рѣшительный моментъ кризиса, все-таки первую причину великаго столкновенія слѣдуетъ искать въ упомянутомъ нами источникѣ. Въ дѣйствительности, это вліяніе, неудобства котораго признавалъ даже и лондонскій кабинетъ, основывалось на томъ страхѣ, ка-

кой внушалъ англійскимъ министрамъ ореолъ популярности, окружавшій великобританскаго посла въ Константинополѣ. Они боялись, въ томъ случаѣ, если бы они его отозвали, оппозиціи, опасной для существованія кабинета, и поэтому они оставляли въ его рукахъ управленіе вопросами, отъ которыхъ зависѣло спокойствіе Европы, въ полной увѣренности, что его мстительность, самолюбіе и политическія увлеченія будутъ служить постояннымъ препятствіемъ для всѣхъ усилій къ возстановленію мира.

Въ не многихъ случаяхъ анархическій характеръ нашей эпохи проявлялся болѣе очевидно, въ вопросахъ болѣе важныхъ, въ области болѣе возвышенной.

Трудно оцѣнить должнымъ образомъ положеніе англійскаго правительства среди разнообразныхъ вліяній, которымъ оно подвергалось, благодаря своей слабости. Оно старалось показать, будто слагаетъ на наше толкованіе вѣнской ноты отвѣтственность за внезапную перемену въ его отношеніяхъ къ намъ. Дѣйствительно, слѣдовало объяснить Европѣ, какимъ образомъ великія державы, соединившіяся въ видахъ общаго интереса, т.-е., всеобщаго мира, согласившись въ основахъ, на какихъ онъ могъ быть возстановленъ, посредствомъ одновременнаго удовлетворенія въ справедливыхъ требованіяхъ Россіи и уваженіи къ независимости и достоинству султана, добившись нашего безусловнаго согласія и торжественно заявивъ свое рѣшеніе въ Константинополѣ въ формѣ окончательнаго постановленія, — какимъ образомъ державы могли допустить Портѣ однимъ взмахомъ опрокинуть зданіе, съ такимъ трудомъ возведенное ихъ мудростью? По здравой логикѣ должно было, напротивъ, ожидать, что европейскій ареопагъ, въ которомъ принимали участіе самые ярые защитники Турціи, горячо защищавшіе цѣлость Порты и независимость султана, и потому свободные отъ подозрѣнія въ пристрастіи къ намъ, заставить турецкое правительство уважать его рѣшенія, подобно тому, какъ онъ былъ готовъ принудить насъ къ тому же, даже силою оружія.

Такое мнѣніе раздѣляли и лордъ Эбердинъ. Такъ какъ извѣстія изъ Константинополя позволяли ожидать отказа, французское правительство предлагало въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ установить соглашеніе на этомъ случайномъ оборотѣ дѣла. Лордъ Эбердинъ въ то время не согласился на предложеніе Франціи. Онъ предвидѣлъ необходимость испросить кредитъ въ три милліона фунтовъ стерлинговъ. Это выраженіе довѣрія налагало обязательство на кабинетъ. Лордъ Эбердинъ полагалъ тогда, что слѣдуетъ оказать усиленное давленіе на Турцію, для того, чтобы

понудить ее къ принятію ноты, не озабочиваясь слишкомъ ее независимостью, которую такъ горячо защищали противъ насъ и такъ легко нарушали, когда она стѣсняла другихъ. Однако, его добрыя намѣренія по обыкновенію остались безъ исполненія, вслѣдствіе недостатка энергіи.

Объясненіе, представленное англійскимъ правительствомъ, имѣло видъ нѣкоторой основательности. Оно предполагало, что не имѣетъ возможности гарантировать султану ноту, которой мы не приняли бы, также какъ не можетъ заставить его принять нашу редакцію. Такъ какъ смыслъ ноты истолковывался различно въ Петербургѣ и въ Константинополѣ, этотъ актъ, вмѣсто того, чтобы послужить основой для соглашенія, открылъ бы только путь къ недоразумѣніямъ.

Въ сущности весьма вѣроятно, что англійское правительство отступило передъ упрекомъ въ неослѣдовательности, какому оно могло подвергнуться со стороны оппозиціи. Дѣйствительно, надѣлавъ столько шуму по поводу нашихъ предполагаемыхъ притязаній на Востокъ и открыто расположивъ турокъ къ сопротивленію посредствомъ неблагоразумныхъ демонстрацій, оно вынуждалось теперь высказаться противъ Турціи и присоединиться къ намъ и, такимъ образомъ, выказать, съ одной стороны, свое крайнее уваженіе къ благоразумію и прямотѣ взглядовъ императора Николая, а съ другой, неустойчивость своихъ собственныхъ побужденій. Ни одинъ англійскій министръ не отважился бы предложить парламенту такой образъ дѣйствій, хотя онъ и указывался самой простой логикой.

Турки и ихъ совѣтники поняли это съ большою проницательностью, и съ тѣхъ поръ вся ихъ тактика заключалась въ томъ, чтобы довести дѣло до крайняго состоянія. Кромѣ того, возбужденіе умовъ въ Константинополѣ было такъ сильно, что положеніе становилось очень опаснымъ не только для иностранцевъ и христіанъ, но и для самого султана. Лордъ Стрэтфордъ Радклиффъ заявилъ, что онъ не отвѣчаетъ за личную безопасность султана, если морскія силы запада не появятся передъ Константинополемъ. Поэтому Франція и Англія ввели по одному военному кораблю въ проливы.

Эта мѣра объяснялась различно. Лордъ Эбердинъ старался выставить ее, какъ мѣру совершенно исключительную, въ виду необходимости огражденія жизни иностранцевъ и самого султана. Баронъ Брунновъ возразилъ, что независимость султана является словомъ безъ всякаго значенія, если необходима иноземная сила для того, чтобы его ограждать отъ его подданныхъ. Онъ приба-

вить, что вступленіе европейскихъ кораблей въ проливы помѣшаетъ выходу нашихъ войскъ изъ княжествъ, вовсе не подавляя фанатизма турокъ, которые, напротивъ, увидать въ этомъ признаки поддержки. Такимъ образомъ, державы дѣйствуютъ прямо противоположно своимъ собственнымъ намѣреніямъ. Онѣ желали самостоятельности султана, а теперь уничтожали ее; онѣ желали скорого очищенія княжествъ, и сдѣлали его невозможнымъ; онѣ желали подавить мусульманскій фанатизмъ, и вмѣсто того поощряли его.

Другіе въ этихъ мнимыхъ опасеніяхъ за спокойствіе Константинополя видѣли скрытый предлогъ для того, чтобы эскадры могли покинуть негостепріимный Безиескій портъ. Уже нѣкоторое время адмиралы указывали на невозможность оставаться тамъ при наступленіи суроваго времени года.

Такимъ образомъ западныя державы очутились передъ необходимостью выбора между оставленіемъ угрожающаго положенія, допуская наше спокойное пребываніе въ княжествахъ, или дальнѣйшимъ шагомъ къ войнѣ, вступивъ въ проливы, наперекоръ трактатамъ. Императоръ Наполеонъ не желалъ потерпѣть нравственнаго пораженія, какое воспослѣдовало бы отъ выбора первой изъ этихъ возможностей. Онъ искусно подготовлялъ вторую, окрашивая ее благовидными предлогами и ограничиваясь отправкой военной силы, повидимому, незначительной.

Какъ бы то ни было, нашъ посланникъ громко протестовалъ противъ дѣйствія, нарушавшаго трактаты 1841 г., такъ какъ, покуда Турція не находилась въ войнѣ съ нами, статья, запрещающая европейскимъ военнымъ флагамъ входъ въ проливы, оставалась во всей своей силѣ. Это обстоятельство вызвало очень живыя пренія. Но, какъ всегда, великобританскій кабинетъ уступилъ силѣ вещей.

Оставалось еще, однако, установить предѣлы, отдѣлявшіе его отъ открытой войны съ нами. Было установлено, что соединенный флотъ войдетъ въ проливы только тогда, когда мы будемъ угрожать Константинополю съ моря; за эту черту уже перешли безъ предусмотрѣнныхъ основаній. Въ министерствѣ возникло разногласіе: одни хотѣли идти еще далѣе, другіе отказывались отъ этого. Лордъ Эбердинъ не отваживался настаивать ни на какомъ либо рѣшеніи, ни на созваніи палаты. Его усилія клонились теперь не къ тому, чтобы прекратить, но къ тому, чтобы продлить положеніе, которымъ онъ уже не могъ управлять. Оставались только два обстоятельства въ пользу мира: зима, которая должна была помѣшать военнымъ дѣйствіямъ, и положеніе Ав-

стріи, которая, при настоящемъ напряженномъ состояніи, могла оказывать рѣшающее вліяніе.

Вѣнскій кабинетъ громко высказывался въ Лондонѣ противъ турецкихъ измѣненій. Послѣ безполезныхъ попытокъ склонить англійское и французское правительство къ коллективному и энергическому дѣйствію въ Константинополь, онъ объявилъ, что приступить къ нему единолично.

Лордъ Эбердинъ довелъ до свѣденія нашего представителя, что онъ не имѣетъ проекта, который могъ бы предложить, но что будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австріей. Онъ совѣтовалъ намъ тщательно избѣгать всякихъ наступательныхъ дѣйствій на Дунай, для того, чтобы вина была на сторонѣ турокъ, если они нападутъ на насъ. Но онъ предусматривалъ, что, если мы перейдемъ черезъ Дунай, Константинополь будетъ открытъ передъ нами, и тогда Англія будетъ уже вынуждена двинуть свои эскадры, чтобы защитить столицу. Онъ предчувствовалъ, что въ этомъ заключается конечная цѣль турецкой политики, и что она пойдетъ на все, для того, чтобы увлечь за собой Англію.

Безъ сомнѣнія, если бы лордъ Веллингтонъ и лордъ Каннингъ еще были въ живыхъ, они не позволили бы туркамъ рѣшать собственною властью вопросъ о мирѣ или войнѣ. Но лордъ Эбердинъ умѣлъ только склоняться передъ опасностью, которую, благодаря своей опытности, онъ предусматривалъ, но которой не имѣлъ энергіи отстранить. Зная это, легко понять, что онъ увидѣлъ въ Ольмюцкомъ свиданіи послѣднее средство къ спасенію. Австрія оставалась въ его глазахъ единственной связью между Англіей и нами.

Обмѣнъ мыслей между государями привелъ къ проекту, заключавшемуся въ коллективномъ дѣйствіи въ Константинополь, съ цѣлью понудить Порту подписать вѣнскую ноту, при посредствѣ заявленія четырехъ державъ, которая должна была успокоить султана относительно послѣдствій, угрожавшихъ его независимости. Это почти была та же идея, какую Буркень первоначально изложилъ въ Вѣнѣ; она давала надежду на практическое разрѣшеніе вопроса, потому что, съ одной стороны, удовлетворяла требованіямъ нашего достоинства, а съ другой, — условіямъ безопасности и независимости, какихъ желали султанъ и его союзники.

Ради того, чтобы упомянутая идея не могла имѣть успѣха, турецкое правительство рѣшилось объявить намъ войну. Его расчетъ былъ очень простъ. Для западныхъ державъ предстоялъ выборъ: или покинуть Турцію, не подчинявшуюся ихъ взгляду, и предоставить ее ударами Россіи, или присоединиться къ Россіи

для того, чтобы заставить Турцію принять условленное соглашеніе, или же рѣшительно вступить за послѣднюю. Выборъ лондонскаго и парижскаго кабинетовъ могъ еще быть сомнителенъ, покуда продолжались переговоры. Но имъ ужъ не приходилось колебаться, когда война была объявлена; тогда, при первомъ предположеніи, должна была наступить окончательная гибель турецкой имперіи, а этого ни Англія, ни Франція не могли допустить. Второе предположеніе было еще менѣе возможно послѣ заявленій и шумныхъ демонстрацій двухъ морскихъ державъ противъ насъ и въ пользу турокъ. Слѣдовательно оставалось мѣсто только для третьяго предположенія. Событія оправдали проницательность этихъ расчетовъ.

Обманывалось ли въ Англіи правительство и общественное мнѣніе относительно силъ Турціи, или отвага имѣть въ себѣ нѣчто заразительное, но несомнѣнно, что смѣлая инициатива турокъ подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на Англію. Военственная часть кабинета требовала, чтобы соединенный флотъ тотчасъ же вошелъ въ Черное море, для того, чтобы стѣснить наши дѣйствія, не находясь съ нами въ войнѣ. Нашъ посланникъ далъ понять, что мы неизбежно должны будемъ взглянуть на подобный шагъ, какъ на объявленіе войны. Лорду Эбердину удалось устранить эту комбинацію.

Тѣмъ не менѣе, было ясно, что для великобританскаго правительства путь къ отступленію былъ закрытъ, и это отразилось на переговорахъ въ Ольмюцѣ. Лордъ Кларендонъ отдалъ справедливость примирительному духу данныхъ нами объясненій. Но онъ не считалъ возможнымъ, чтобы турки приняли вѣнскую ноту безъ всякихъ измѣненій, и признался, что, въ виду общественнаго мнѣнія, англійскій кабинетъ не могъ бы ихъ понуждать къ тому. Ему казался невозможнымъ и нейтралитетъ для Англіи, такъ какъ предоставить турокъ нашему произволу было бы безчестнымъ дѣломъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ барономъ Брунновымъ, слишкомъ важныхъ для того, чтобы не упомянуть о нихъ здѣсь. Они носили торжественный характеръ, крайнюю серьезность котораго нашъ представитель не скрылъ отъ англійскаго кабинета, такъ какъ въ нихъ обозначался путь, принятый Великобританіей, въ формѣ открытой вражды къ Россіи. „Я не суевѣренъ, — сказалъ лордъ Кларендонъ барону Бруннову, — но видя столько бесполезныхъ усилій, столько результатовъ, несомнѣнныхъ сегодня и разрушающихся завтра, я долженъ при-

знаться, что, мнѣ кажется, судьба ведетъ восточный кризисъ къ неизвѣстному исходу“.

Такимъ образомъ у англійскихъ министровъ, такъ же какъ и у императора Наполеона, послѣднимъ словомъ, опредѣляющимъ положеніе, была судьба!

Англійскій совѣтъ министровъ обсуждалъ предложенія, сообщенныя въ Лондонѣ вѣнскимъ дворомъ послѣ Ольмюцскаго свиданія. Лордъ Кларендонъ довелъ результаты обсуждения до свѣденія барона Бруннова. Былъ рѣшенъ отказъ. Лондонскій кабинетъ не считалъ возможнымъ взять на себя посредничество для сообщенія въ Константинополь намѣреній, которыя могли казаться успокоительными, лишь исходя изъ прямого источника. По его мнѣнію, и вѣнская нота становилась непримѣнимой послѣ различныхъ толкованій, какія ей были приданы.

Относительно случайностей войны, было рѣшено, что, если борьба окажется слишкомъ неравной, Англія не должна оставлять Турцію безъ помощи; она пошлетъ свою эскадру для прикрытія мѣстностей Турціи, которыя будутъ атакованы съ моря; положеніе эскадры будетъ чисто оборонительное, такъ какъ, въ виду повдигаго времени года, трудно ожидать столкновенія на морѣ. Англійскій флотъ не войдетъ въ Черное море, но онъ будетъ къ этому готовъ, если мы произведемъ нападеніе на какой либо турецкій портъ. Франція озабочивалась даже отправленіемъ корпуса сухопутныхъ войскъ, если бы это оказалось нужнымъ. Лондонскій кабинетъ находилъ эту мѣру преждевременной. Въ тотъ моментъ она не входила въ планъ, установленный между двумя державами.

Эти данныя были подтверждены барону Бруннову лордомъ Эбердиномъ. Онъ сообщилъ нашему представителю, что, послѣ оживленнаго спора, ему удалось воспрепятствовать немедленному вступленію соединеннаго флота въ Черное море, опираясь на заявленіе нашего посланника, что подобная мѣра поведетъ къ войнѣ, и на зиму, дѣлавшую мало вѣроятными военныя дѣйствія на морѣ. Однако, признавалось, что Россія угрожала Варнѣ и Батуму. Лордъ Эбердинъ добросовѣстно извѣщалъ насъ объ этомъ, на тотъ случай, если бы наша эскадра, при нападеніи на названные порты, встрѣтила англійскій флотъ.

Приведенныя заявленія необходимо отмѣтить. Они имѣли мѣсто около 30-го сентября, и впослѣдствіи, послѣ Синопскаго дѣла, на нихъ ссылались, какъ на доказательство того, что Англія имѣла основаніе считать себя лично затронутой этимъ непріязненнымъ

дѣйствиємъ, совершившимся, не смотря на ея совѣты и предостереженія. Такое соображеніе не осталось безъ вліянія на неудовольствіе, какое она испытывала, и на мѣры, къ какимъ она прибѣгла.

Въ то время, когда намъ были сдѣланы эти сообщенія, они произвели крайне неблагопріятное впечатлѣніе на императорскій кабинетъ. Англійскія эскадры, прикрывающія турецкія порты, не смотря на предполагаемую оборонительную систему, по справедливости, казались намъ чѣмъ-то несообразнымъ. Въ сущности онѣ являлись пособниками для турокъ и врагами для насъ. Другими словами, это была война; это скрывалось за отсутствіемъ смѣлости назвать вещь ея настоящимъ именемъ, или на нее закрывали глаза для того, чтобы ее не видѣть. Императоръ Николай былъ человѣкомъ слишкомъ искреннимъ, чтобы допустить подобное положеніе. Баронъ Брунновъ счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣденія англійскаго министерства. Кромѣ того, возникалъ и юридическій вопросъ, какъ послѣдствіе этихъ предположеній. Съ той минуты, какъ война между нами и Портой приостанавливала дѣйствіе трактата 1841 г., должно ли было считать Черное море закрытымъ или открытымъ моремъ?

Въ теченіе цѣлаго вѣка, мы привыкли къ безспорному владѣчеству на Черномъ морѣ и смотрѣли на него, какъ на чисто русскія воды. Въ дѣйствительности, это обширное пространство воды соприкасалось только съ владѣніями двухъ прибрежныхъ державъ—Россіи и Турціи. Другія державы не имѣли никакого основанія вводить туда свой военный флагъ въ мирное время. Мы выработали этотъ принципъ въ 1841 г., въ статьѣ трактата, установившей закрытіе проливовъ. Въ настоящее время мы находились въ войнѣ съ Турціей, но не съ западными державами, и мы совершенно справедливо оспаривали у нихъ право проникать въ Черное море, если они не захотятъ активно стать на сторону той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Тогда это слѣдовало бы выразить, по крайней мѣрѣ, совершенно открыто. Во всякомъ случаѣ, помимо строгаго права, оставался еще вопросъ, о политической своевременности, которая, очевидно, должна была указать державамъ на необходимость сдерживать себя въ интересахъ общаго мира.

Но Англія ставила слишкомъ высоко свое морское владѣчество для того, чтобы допустить, гдѣ бы то ни было, принципъ закрытости морей. Она утверждала, что съ того момента, когда трактатъ 1841 г. былъ уничтоженъ войной между Турціей и нами, западныя державы имѣли полное право плавать по Чер-

ному морю, не совершая этимъ никакого враждебнаго дѣйствія, такъ какъ международное право признавало державность прибрежныхъ государствъ на морѣ только на разстояніи пушечнаго выстрѣла.

Въ результатъ этихъ переговоровъ, императорскій кабинетъ, уклоняясь отъ безплодныхъ пререканій, молча допустилъ временное присутствіе эскадръ въ Черномъ морѣ, до тѣхъ поръ, пока онѣ не произведутъ никакого враждебнаго дѣйствія противъ насъ. Незачѣмъ прибавлять, что въ нашихъ глазахъ притязаніе прикрывать турецкіе порты явилось бы враждебнымъ дѣйствіемъ.

Сквозь эти извороты и недомолвки чувствуется напряженность тогдашняго положенія. Дѣйствительно, если бы эскадры вышли въ Черное море, можно ли предположить, чтобы онѣ оставались безучастными зрителями нашей борьбы съ турками? Онѣ подверглись бы общему осмѣянію, если бы, какъ все позволяло думать, турки были разбиты. Съ другой стороны, надежда, что одного ихъ присутствія будетъ достаточно, для того, чтобы помѣшать столкновенію, была заблужденіемъ. Императоръ Николай громко заявилъ, не смотря на объявленіе войны турками, свое твердое намѣреніе не выходить изъ оборонительнаго положенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ вынужденъ къ противоположному. Ручательствомъ его слова служили, какъ его интересы, такъ и его добросовѣстность, потому что до тѣхъ поръ, покуда существовала возможность переговоровъ, онъ долженъ былъ стараться избѣгать войны. Но честь и достоинство Россіи предписывали ему отстаивать свои права воюющей стороны, если онъ будетъ вынужденъ пользоваться ими. Онъ не могъ, не унижая себя, отказаться отъ нихъ по требованію державъ, которыя не состояли въ войнѣ съ Россіей. Въ то же время можно было предвидѣть, что уже одно присутствіе морскихъ силъ этихъ державъ въ Черномъ морѣ, поощрять турокъ къ столкновеніямъ.

Событія слишкомъ оправдали предсказанія, которыя нашъ посланникъ въ Лондонѣ не переставалъ развивать передъ англійскимъ кабинетомъ; но какъ мы уже говорили, увлеченіе брало верхъ надъ разсудкомъ. Самъ лордъ Эбердинъ былъ смущенъ ложнымъ положеніемъ, въ какое поставила себя Англія, благодаря разногласію ея государственныхъ людей.

Къ сожалѣнію, когда намъ приходится оцѣнивать въ наше время англійскую политику, слѣдуетъ принимать во вниманіе множество постороннихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ нѣкогда она была изъята, когда великіе министры руководили тамъ, силою

своего генія, общественнымъ мнѣніемъ, вмѣсто того, чтобы, ради своего безсилія, подчиняться ему. Не только давленіе газетъ, публики и палатъ оказываетъ вліяніе на направленіе англійской политики, но она подчиняется и соображеніямъ личнымъ, парламентскимъ и министерскимъ. Погоня за министерскими портфелями господствуетъ въ ней, какъ и во всѣхъ конституціонныхъ правительствахъ.

Кабинетъ въ то время, которое мы описываемъ, составленный изъ несовмѣстимаго сліянія партій, заключалъ въ себѣ гораздо болѣе элементовъ разногласія, нежели единодушія. Лордъ Кларендонъ и виги, видя лорда Эбердина захваченнымъ потокомъ общественнаго мнѣнія, давно уже старались низвергнуть его для того, чтобы воспользоваться всѣмъ его наслѣдіемъ. Такимъ образомъ, въ силу министерскаго расчета, они понуждали кабинетъ къ мѣрамъ, которыя, не будучи войною, покуда еще устрашавшею страну, неминуемо вели къ ней. Съ того времени тактика ихъ заключалась въ томъ, чтобы привести насъ къ объявленію войны, для того, чтобы на Россію пала тяжелая отвѣтственность, какую въ Англіи и въ Европѣ пришлось бы нести на себѣ правительству, которое первымъ нарушило бы общій европейскій миръ. Другой разговоръ, который произошелъ въ то же время между нашимъ посланникомъ и лордомъ Джономъ Росселемъ, дополнить это изложеніе взглядовъ, преобладавшихъ тогда въ Лондонѣ. „Что вы думаете о настоящемъ положеніи?“—спросилъ лордъ Россель. „Я думаю, что вы выказываете дешевую храбрость, заявляя намѣренія прикрывать турецкіе порты, съ увѣренностью, что зима помѣшаетъ намъ ихъ атаковать“.—„Но если зима васъ не оставитъ, можемъ ли мы оставить турокъ безъ защиты?“—„Я надѣюсь“,—отвѣтилъ нашъ посланникъ,—что зима многому научить и приведетъ къ мирному исходу. Если такъ, тѣмъ лучше; если нѣтъ, мы готовы“.—„Если война неизбежна“,—продолжалъ лордъ Россель,—я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что она будетъ непродолжительна“.—„Я плохо вѣрю въ легкую удачу въ борьбѣ между великими державами, когда честь ихъ затронута. Вы знаете, что Россія не отступаетъ даже и въ несчастной борьбѣ“.—„Нѣтъ надобности въ чемъ-либо торопиться, — съ живостью возразилъ лордъ Россель.—Пока есть малѣйшая надежда, надо стараться избѣгать войны, но если она вспыхнетъ, мы не можемъ оставить турокъ безъ защиты“.—„По крайней мѣрѣ“,—прибавилъ баронъ Брунновъ,—прежде чѣмъ начинать войну, надо предвидѣть ея продолжительность. Англія не захочетъ бороться до истощенія силъ, какъ нѣкогда съ Франціей. Времена Питта пропали“.—„Надѣюсь,

—сказалъ лордъ Россель, заканчивая разговоръ,—встрѣтить васъ послѣ моего возвращенія изъ Шотландіи“.— „Я въ этомъ не увѣренъ,—отвѣтилъ нашъ посланникъ;—это будетъ зависѣть отъ того, что вы предпримете“.

Такимъ образомъ, война выступала на горизонтѣ. Къ мысли о ней привыкали и готовились къ ней.

Были извлечены изъ архивовъ планы 1829 г., заключавшіе въ себѣ охрану Варны англійскимъ флотомъ и высылку летучихъ отрядовъ на наши пути сообщенія. Лондонскій кабинетъ имѣлъ только въ виду дѣйствія на морѣ, поддержанныя лишь небольшимъ числомъ десантнаго войска. На этотъ счетъ онъ создавалъ себѣ весьма странныя заблужденія. Ирландскіе полки готовились къ отправленію въ Корфу. Говорили или о томъ, чтобы держаться на ряду съ Франціей, или о томъ, чтобы обезпечить себя, занявши Кандію, Родосъ и Кипръ. Ничто еще не было обдумано.

Общественное мнѣніе становилось все враждебнѣе къ намъ и все благосклоннѣе къ туркамъ, послѣ того, какъ они обнаружили свою энергію, объявивъ намъ войну, и султанъ заявилъ о своей попечительныхъ намѣреніяхъ относительно христіанъ. Только партія радикаловъ манчестерской школы, представителемъ которой служилъ Брайтъ, открыто противилась разрыву съ нами. Что касается до политическихъ дѣятелей, въ ихъ средѣ сталкивались два различныя мнѣнія. Одни упорствовали въ заблужденіи о возможности возродить Турцію помощью турокъ и поддерживали систему, представлявшую смѣшеніе политическаго вліянія и спекуляціи, протекціонизма и желѣзныхъ дорогъ. Другія предпочитали раздробленіе турецкой имперіи на независимыя и конституціонныя народности, которыя относились бы къ намъ враждебно.

Однако, надежда на миръ не была еще окончательно потеряна. Лордъ Эбердинъ достигъ того, что англійская эскадра должна была войти въ Черное море лишь тогда, когда съ нашей стороны послѣдовало бы наступательное дѣйствіе на морѣ. Въ этомъ пунктѣ онъ былъ непоколебимъ и отказывался отъ всякихъ разсужденій.

Въ Константинополѣ положеніе дѣлъ, судя по донесеніямъ лорда Стрэтфорда Редклифа, также шло къ лучшему. Какъ всегда бываетъ, послѣ важнаго рѣшенія, вызваннаго увлеченіемъ, наступила пора размышленія. Послѣдствія войны страшили умы, не исключая и англійскаго посла.

Послѣ отказа присоединиться къ ольмюцской комбинаціи, великобританскій кабинетъ выработалъ новый планъ. По его мнѣнію, слѣдовало препроводить Портъ ноту, подписанную четырьмя

державами, съ цѣлью серьезно посовѣтовать ей принять, какъ не заключающую въ себѣ ничего противорѣчащаго ея независимости, новую ноту, основанную на вѣнской нотѣ и на ольмюцкой деклараціи. Она должна была содержать въ себѣ ссылки на наши прежніе договоры, такъ же какъ и на фирманы, касавшіеся Св. мѣстъ, и выразить довѣріе султана намѣреніямъ русскаго императора.

Эта попытка основывалась на заявленіи императора Николая, что онъ, не смотря на войну, остается готовымъ принять всякій шагъ къ примиренію, но, въ виду опыта, приметъ только такую комбинацію, относительно которой державы уже заручатся соглашеніемъ Порты.

Однако, всѣ эти комбинаціи, которыя могли бы служить предметомъ обсужденій въ мирное время, были уже почти непримѣнны въ новомъ положеніи, какое создавалось объявленіемъ войны турками. Ноты уже было недостаточно для возстановленія сношеній: требовался мирный договоръ. Это замѣчаніе было сдѣлано барономъ Брунновымъ, и императорскій кабинетъ подтвердилъ его мнѣніе. Иначе отнеслось къ нему великобританское правительство. Въ сущности, оно радовалось тому, что наши трактаты уничтожались войной. Въ заключеніе, оно остановилось на томъ, что его проектъ ноты можетъ играть роль предварительнаго договора и что послѣдующая дипломатическая сдѣлка должна будетъ исходить изъ фактовъ, относительно которыхъ уже состоялось соглашеніе, т.-е. подтвержденія прежнихъ трактатовъ, очищенія княжествъ и закрытія проливовъ.

Франція безучастно отнеслась къ этимъ предложеніямъ. Она имѣла увѣренность, что со стороны турокъ послѣдуетъ отказъ и продолженіе непріязненныхъ дѣйствій. По ея мнѣнію, слѣдовало предоставить обѣимъ сторонамъ вести войну и вмѣшаться въ дѣло въ томъ случаѣ, если турки потерпятъ пораженіе. Это значило вести дѣло ко всеобщему столкновенію, такъ какъ, съ одной стороны, турки, поощренные въ ихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, могли дойти до такихъ крайностей, которыя подняли бы весь Востокъ, а съ другой, — вмѣшательство державъ предполагало право третейскаго суда, которое мы никогда не признавали.

Вѣнскій кабинетъ отклонилъ предложеніе англійскаго правительства. Онъ ставилъ на его мѣсто планъ переговоровъ непосредственно между нами и Портой, какъ болѣе соответствующій требованіямъ нашего положенія. Нужны были новыя усилія для того, чтобы заставить принять этотъ планъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, гдѣ вообще находили, что Австрія слишкомъ располо-

жена въ нашу пользу. Даже былъ поднятъ вопросъ о перенесеніи центра переговоровъ изъ Вѣны въ Лондонъ.

Покуда шли объясненія, событія быстро слѣдовали на театрѣ войны. Было замѣчено, что въ этомъ роковомъ кризисѣ большую роль играли разстоянія. Прежде чѣмъ являлась возможность собрать вмѣстѣ мнѣнія Англіи и Франціи, съ одной стороны, и Россіи и Турціи, съ другой, выдвигаемыя комбинаціи всегда опережались фактами.

Барону Бруннову было повелѣно узнать отъ лондонскаго кабинета его окончательныя намѣренія относительно мира или войны съ Россіей. Лордъ Эбердинъ далъ ему такой отвѣтъ: „Англія не хотѣла бы войны съ нами. Если дѣло должно будетъ дойти до разрыва, она предпочтетъ, чтобы разрывъ послѣдовалъ съ нашей стороны. Она не будетъ тревожить насъ на лѣвомъ берегу Дуная, покуда мы не перейдемъ черезъ рѣку; туркамъ будетъ предложено сдѣлать этотъ переходъ, если они захотятъ напасть на насъ. Англія окажетъ помощь Турціи только въ томъ случаѣ, если бы мы произвели нападеніе на какой-нибудь изъ его черноморскихъ портовъ; англійскія эскадры будутъ прикрывать эти порты, не находясь въ войнѣ съ нами. Англія рассчитываетъ на зиму для того, чтобы переговоры могли продолжаться. Она порицаетъ ослѣпленіе турокъ, но не считаетъ возможнымъ покинуть ихъ. Нейтралитетъ немыслимъ для нея: это значило бы предать Турцію уничтоженію, чего Англія не желала бы допускать. Но она надѣется избѣжать столкновенія съ нами, оставаясь въ оборонительномъ положеніи. Устранить вступленіе эскадры въ Черное море будетъ зависѣть отъ насъ, если мы воздержимся отъ нападенія на Турцію съ моря“. Легко замѣтить всѣ серьезныя оттѣнки этой программы. Ей предстояло сдѣлаться еще серьезнѣе.

Въ Лондонъ пришло извѣстіе о важныхъ военныхъ событіяхъ, происходившихъ на Дунаѣ и въ Азіи. Турецкій флотъ вступилъ въ Черное море. Небольшая англо-французская эскадра должна была слѣдовать за нимъ подъ предлогомъ захватить въ Варнѣ консуловъ, выѣхавшихъ изъ Княжествъ, но, въ дѣйствительности, для прикрытія турецкихъ судовъ въ случаѣ столкновенія. Лордъ Эбердинъ, на запросъ нашего посланника, выказалъ большое смущеніе. Онъ заявилъ, что Англія не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній относительно насъ, но что въ настоящее время закрытіе проливовъ прекращено, и поэтому всѣ могутъ свободно пользоваться ими. Баронъ Брунновъ напомнилъ ему, что, въ случаѣ встрѣчи съ турками, наши моряки, зная объ отсутствіи враждебныхъ отношеній между нами и западными державами,

поступать такъ, какъ будто передъ ними не было англо-французскаго флота. Такимъ образомъ дѣло прямо шло къ столкновенію. Для Англіи наступало время высказаться, и если она хотѣла войны, ей слѣдовало это опредѣлить и заявить. Невозможно было оставаться одновременно другомъ Россіи и союзницей Порты!

Лордъ Эбердинъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и повторилъ свои пожеланія мирныхъ отношеній съ нами. Онъ объяснилъ, что рѣшеніе двинуть упомянутую англо-французскую эскадру состоялось безъ его вѣдома. Лордъ Стрэтфордъ Редклиффъ распорядился, не имѣя инструкцій. Лордъ Эбердинъ порицалъ его за то. Онъ прибавилъ, что отправленіе пароходовъ въ Варну было задержано, и обѣщалъ поддерживать въ совѣтѣ министровъ мѣры благоразумія.

Первый министръ былъ весьма встревоженъ образомъ дѣйствій нашего посланника. Баронъ Брунновъ считъ положеніе достаточно серьезнымъ для того, чтобы принять нѣкоторые мѣры предосторожности, въ виду возможности разрыва. Это происходило въ началѣ ноября. Безъ всякаго шума, онъ вынулъ изъ англійскаго банка сберегавшіеся тамъ фонды императорскаго правительсва. Этотъ фактъ дошелъ до свѣденія лорда Эбердина, и онъ съ тревогой освѣдомился у нашего представителя, не получилъ-ли тотъ приказа о разрывѣ? Баронъ Брунновъ отвѣтилъ ему спокойно, но твердо, что онъ еще не имѣетъ инструкцій на этотъ счетъ, но событія побуждаютъ его быть готовымъ ко всѣмъ случайностямъ; выпія же рѣшенія остаются въ рукахъ его государя.

Быстрое стремленіе событій къ исходу, который уже можно было предвидѣть, оказывало неблагоприятное вліяніе на переговоры.

Франція продолжала преслѣдовать свой планъ вмѣшательства. Она предлагала Англіи выработать вдвоемъ условія, которыя слѣдовало поставить воюющимъ сторонамъ. Лондонскій кабинетъ не хотѣлъ высказываться. Онъ чувствовалъ, что это значило бы слишкомъ тѣсно связывать себя съ Франціей въ томъ случаѣ, еслибы Пруссія и Австрія остались чужды ихъ союзу. Онъ предпочиталъ планъ переговоровъ съ шестью участниками, обращавшійся въ дипломатическомъ мірѣ. Планъ считался исходящимъ изъ Вѣны. Лордъ Эбердинъ съ живостью ухватился за него. Но условія уже измѣнились. Совѣтъ англійскихъ министровъ предполагалъ принять за основу дальнѣйшихъ дѣйствій пересмотръ нашихъ трактатовъ съ Портой. Первому министру каза-

лось, что онъ одержалъ побѣду, добившись поддержанія принципа подтвержденія трактатовъ.

Развязкой всей этой дипломатической дѣятельности былъ протоколъ, подписанный въ Вѣнѣ 5-го декабря. Подробности его мы уже изложили выше. Впечатлѣнiе, съ какимъ означенная дѣла была встрѣчена въ Лондонѣ, были весьма разнообразны. Одни видѣли въ ней бесполезную попытку къ примиренію; а другіе—начало соглашенія съ участіемъ четырехъ державъ. Франція громко требовала изолированія Россіи и расторгненія монархическихъ союзовъ.

Въ дѣйствительности, протоколъ былъ не совсѣмъ ясенъ. Онъ приглашалъ Порту высказаться, на какихъ условіяхъ она могла бы согласиться на миръ, что значило предоставлять дѣло ея суду. Эта комбинація была выработана въ Парижѣ. Графъ Буоль принялъ ее отчасти, какъ послѣдній шагъ къ миру, отчасти для того, чтобы раздѣлить тяжесть посредничества. Въ Лондонѣ держались того мнѣнія, что названный министръ не зашелъ бы такъ далеко, если бы не былъ увѣренъ въ нашемъ согласіи.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какія недоумѣнія вызвалъ вѣнскій протоколъ. То же было и относительно примѣненія его. Какимъ путемъ должны были вестись переговоры? Гдѣ должны были собраться уполномоченные? Франція хотѣла, чтобы это произошло въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Лордъ Эбердинъ боялся стѣснительнаго присутствія парламента. Затѣмъ, какъ именно должно было произойти совѣщаніе? Первая мысль Австріи заключалась въ томъ, что переговоры должны были вестись непосредственно между Россіей и Портой, при дружественномъ пособіи державъ, но Франція предполагала, что въ совѣщаніи должны участвовать шесть уполномоченныхъ.

При такихъ условіяхъ протоколъ 5-го декабря не представлялъ собою никакого практическаго рѣшенія. Кромѣ того, существовало общее утомленіе; всѣ хотѣли какого-нибудь успокоенія. Англійскій кабинетъ не могъ оставаться болѣе въ прежнемъ положеніи. Надвигался неминуемый кризисъ. Нужно было, чтобы лордъ Эбердинъ восторжествовалъ или палъ, т.-е., чтобы вопросъ рѣшился между партіей мира и партіей войны. Всѣ шансы были въ пользу послѣдней. Даже, если бы лордъ Эбердинъ взялъ верхъ, онъ остался бы одинокимъ и имѣлъ бы противъ себя сильную оппозицію виговъ и партію Дерби. Трудно было, чтобы онъ устоялъ противъ нея; въ тогдашнемъ общемъ положеніи Европы англійскій министерскій вопросъ обшачалъ принять рѣшающее значеніе.

Мы уже изложили съ нѣкоторыми подробностями главные признаки тогдашняго положенія, такъ какъ именно въ то время разразилась гроза Синопской битвы. Сказаннаго нами достаточно, чтобы объяснить дѣйствіе, какое должна была произвести въ Европѣ и въ особенности въ Лондонѣ морская побѣда, совершившаяся почти на глазахъ великобританской эскадры.

Послѣ полученія перваго извѣстія о ней, баронъ Брунновъ увѣдомилъ насъ объ опасеніяхъ, какія ему внушала взрывъ общественнаго чувства. Его опасенія не замедлили подтвердить лордъ Эбердинъ и лордъ Кларендонъ. Они заявили нашему посланнику, что, по мнѣнію англійскаго кабинета, послѣ сообщенія въ С.-Петербургъ, что великобританская эскадра получила приказъ прикрывать турецкіе порты, Синопское дѣло являлось униженіемъ и вызовомъ. Баронъ Брунновъ выставилъ наше право воюющей стороны и напомнилъ, что мы никогда не признавали притязаній прикрывать турецкіе порты, не находясь въ войнѣ съ нами. Министры возражали ему, что ихъ положеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ становится смѣшнымъ. Имъ приходилось принять болѣе опредѣленные мѣры. Эти мѣры должны были состоять въ томъ, что эскадрамъ, вѣроятно, будетъ приказано войти въ Черное море, чтобы воспрепятствовать новому столкновенію. Окончательное рѣшеніе вопроса предоставлялось адмираламъ. Барону Бруннову приказано было заявить, что въ такомъ случаѣ, наше положеніе будетъ зависеть отъ положенія обѣихъ союзныхъ эскадръ. Лордъ Эбердинъ вполне признавалъ, что трудно избѣжать столкновенія между нашимъ флотомъ, у котораго нельзя отнять права преслѣдовать турокъ, и союзными эскадрами, которыя имѣли приказаніе препятствовать нашему преслѣдованію. Но онъ прибавилъ, что великобританскій кабинетъ не назоветъ этого войною. Кромѣ того, такое натянутое положеніе будетъ ограничиваться однимъ Чернымъ моремъ, не переходя ни въ Балтійское, ни въ другія моря. Столкновенія будутъ считаться происходящими только съ турками, что было не совсѣмъ логично, но цѣль заключалась въ ограниченіи бѣдствій войны.

Такія примирительныя объясненія исходили, безъ сомнѣнія, отъ лорда Эбердина, который до послѣдней минуты не отказывался отъ надежды на миръ. Послѣ увѣреній, данныхъ имъ барону Бруннову, онъ продолжалъ сохранять эту надежду. „Турки такъ нелѣпы, — говорилъ онъ, — что ихъ трудно привести въ сознаніе вопреки имъ самимъ, исторгнуть вопросъ изъ ихъ рукъ и, если они не будутъ повиноваться, принудить ихъ къ тому. Мы не можемъ предоставить ихъ ни вашему произволу, ни ихъ не-

разумію. Такимъ образомъ намъ остается выборъ между двумя тяжелыми путями: или разрывомъ съ вами, или давленіемъ на турокъ, по соглашенію съ Россіей. Наши планы еще не совсѣмъ готовы. (Но предупреждаю васъ, необходимо быстрое рѣшеніе; иначе огонь охватитъ Европу со всѣхъ концовъ“.

Планы, о которыхъ говорилъ лордъ Эбердинъ, обсуждались между парижскимъ и лондонскимъ кабинетами. Мы уже упоминали, говоря о Франціи, что инициатива враждебныхъ дѣйствій исходила изъ Парижа.

Французскому послу въ Константинополѣ было поручено войти въ соглашеніе съ лордомъ Стрэтфордомъ Рэдклифомъ относительно вступленія союзнаго флота въ Черное море. Графъ Валевскій предлагалъ въ Лондонѣ выработать томъ же дѣлѣ инструкціи для адмираловъ. Ихъ значеніе опредѣлялось въ депешахъ Друэнъ де-Люиса. „Занявъ Черное море,—говорилось тамъ,—западныя державы будутъ господствовать надъ обширнымъ бассейномъ, омывающимъ наиболѣе важныя и наиболѣе открытыя области Россіи. Это будетъ залогомъ, противопоставленнымъ тому залогу, казого искала Россія, вступая въ Княжества. Онъ будетъ удерживаться западными державами до тѣхъ поръ, покуда хотя одинъ русскій солдатъ останется въ Молдо-Валахіи. Послѣдствіями этого положенія должны быть разъединеніе Россіи съ ея азіатскими владѣніями, поддержка возмущившихся народовъ Кавказа присутствіемъ союзныхъ эскадръ, и открытіе Чернаго моря для торговли и цивилизаціи Европы“.

Ходили слухи, что французское правительство допускало для русскаго флота право охранять азіатскіе берега своего государства, ограждать ихъ отъ нападений и снабжать провіантомъ ихъ гарнизоны. Ни въ одномъ изъ означенныхъ случаевъ, движенія его не должны быть стѣснены. Но Синопское дѣло оказалось внѣ этихъ соображеній. Оно показало, что Россія имѣетъ такіа намеренія и рѣшенія, которыя Европа можетъ сдержать, только обратившись съ своей стороны въ энергическому образу дѣйствій.

Въ виду того, Друэнъ де-Люисъ предложилъ отдать приказъ адмираламъ заявить русскимъ морскимъ властямъ, что союзныя правительства рѣшили избѣгать повторенія Синопскаго дѣла, и потому всякому русскому кораблю, который будетъ встрѣченъ въ морѣ, предложено будетъ вернуться въ Севастополь, и всякое наступательное дѣйствіе противъ турецкаго флага или турецкой территоріи будетъ отражено силой.

Англійскій кабинетъ не рѣшался еще на такой важный шагъ. Лордъ Кларендонъ признавалъ, что, если турецкая эскадра будетъ

стоять на якорѣ въ Синопѣ, на турецкой территоріи, и если она будетъ атакована и уничтожена нашимъ флотомъ въ такомъ положеніи, тогда подобное дѣйствіе окажется въ предѣлахъ инструкцій, данныхъ англійскому адмиралу. Но, съ другой стороны, англійскіе министры не совѣтъ еще потеряли чувство справедливости и добросовѣстности.

Русское правительство заявляло имъ, что предположеніе о нанесеніи съ его стороны намѣренной обиды Франціи или Англіи не имѣетъ никакого основанія. „То, что произошло,—говоритъ нашъ канцлеръ, графъ Нессельроде, сэру Г. Сеймуру,—есть неизбежное послѣдствіе положенія обихъ державъ по отношенію къ Россіи. Турція объявляетъ намъ войну; она начинаетъ кампанію ранѣе назначеннаго ею самой срока; она завладѣваетъ портомъ св. Николая, который удерживаетъ до сихъ поръ—и вы упрекаете насъ за то, что мы отвѣтили на враждебныя дѣйствія подобнымъ же образомъ! Вспомните же, наконецъ, что мы въ войнѣ съ Турціей, и что никогда еще никто не слыхалъ о войнѣ, гдѣ не встрѣчались бы дѣйствія, подобныя тѣмъ, на какія вы жалуетесь. Кромѣ того, наше такъ называемое нападеніе было, въ сущности, оборонительнымъ дѣйствіемъ. Слѣдуетъ замѣтить еще, что турецкая эскадра везла боевые снаряды и войска, предназначавшіеся для помощи и вооруженія племенъ, ведущихъ войну на нашихъ границахъ“.

На это французская дипломатія отвѣчала, что провіантъ и боевые снаряды, находившіеся на судахъ турецкаго флота, назначались для Батума, т.-е. турецкаго порта. Что же касается до нападенія, ей казалось страннымъ, что мы обвиняемъ турокъ за объявленіе намъ войны, которая нами же была вызвана занятіемъ княжествъ.

Лордъ Кларендонъ, по поводу соображеній Франціи, заявилъ, что, согласно постановленію англійскаго кабинета, повтореніе погрома, подобнаго Синопскому, не должно быть допущено, и что слѣдуетъ овладѣть Чернымъ моремъ. Онъ охотно предоставилъ бы заботу объ этомъ усмотрѣнію адмираловъ. Во всякомъ случаѣ, онъ придавалъ такое значеніе совмѣстному дѣйствію обихъ правительствъ и ихъ агентовъ, что онъ готовъ былъ принять способъ, избранный Франціей. Инструкціи въ означенномъ смыслѣ должны быть посланы лорду Стрэтфорду Редклифу.

Но въ то же время онъ устанавливалъ нѣкоторыя ограниченія. Онъ требовалъ, чтобы турецкому флоту были воспрещены рискованныя дѣйствія, помимо или противъ совѣта адмираловъ. Онъ не считалъ справедливымъ, чтобы откуда Англія или Франція не

находились въ формальной войнѣ съ Россіей, ихъ соединенный флотъ оказывалъ помощь и на правительство Турціи въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ русской территоріи, препятствуя въ то же время русскому флоту отражать эти нападенія или перевозить запасы, необходимые для защиты своей территоріи. Наконецъ, онъ прибавлялъ, что мѣры, принятыя Англіей и Франціей, могутъ увлечь ихъ въ войну съ Россіей; поэтому ихъ честь и достоинство требовали, чтобы они не ставили европейскій миръ въ зависимость отъ національнаго духа турокъ, который, при всѣхъ своихъ качествахъ и силѣ сопротивленія, видимо не подчинялся умѣряющему вліянію оттоманскаго правительства. (Изъ депешъ лорда Кларендона къ лорду Коулю).

Послѣднія колебанія были признакомъ рѣшительнаго кризиса, уже давно предвидѣвагося въ средѣ англійскаго министерства. Синопскій бой долженъ былъ способствовать взрыву. Лордъ Эбердинъ былъ совершенно подавленъ общественнымъ негодованіемъ. Оно было такъ сильно, что, при открытіи палаты, принцъ Альбертъ, супругъ королевы, причисляемый къ ненавистнымъ сторонникамъ мира, сдѣлался предметомъ оскорбленія со стороны народа. Лордъ Эбердинъ не скрылъ такого положенія отъ нашего посланника. „Меня обвиняютъ, — говорилъ онъ, — въ трусости, въ измѣнѣ отечеству, ради Россіи. Я не смѣю показаться на улицу. Я долженъ сложить оружіе“.

Лордъ Пальмерстонъ, оцѣнивъ положеніе съ вѣрностью своего парламентскаго взгляда, рѣшился выйти въ отставку, чтобы устранившись отъ всякой солидарности съ кабинетомъ, осужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ, и чтобы явиться преемникомъ его. Согласно англійскимъ обычаямъ, которые не допускаютъ, чтобы перемѣна министерства произошла по поводу внѣшняго вопроса, онъ избралъ предлогомъ разногласіе по случаю избирательнаго билля и подалъ въ отставку. Онъ твердо вѣрилъ въ свою популярность, которая указывала на него, какъ на единственнаго министра, способнаго вывести тяжесть труднаго положенія. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ дней безплодныхъ переговоровъ, дворъ долженъ былъ обратиться къ этому министру, возвращеніе котораго въ среду кабинета имѣло характеръ триумфа.

Съ этой минуты положеніе дѣла находилось въ рукахъ лорда Пальмерстона. Оно должно было быстро идти къ роковой развязкѣ. Соглашеніе установилось между Лондономъ и Парижемъ.

Инструкція, данная адмиралу Дундасу, были сообщены въ Петербургъ саромъ Г. Сеймуромъ. Имъ предписывалось охранять турецкую территорію и турецкій флагъ, оставаясь

въ оборонительномъ положеніи. Но въ то же время адмиралъ долженъ былъ наблюдать затѣмъ, чтобы турки не нападали на русскую территорію и на русскій флагъ. Это была уступка, которую, ради чувства справедливости, англійское правительство потребовало отъ Франціи.

Означенныя постановленія были переданы въ Севастополь адмираламъ. Представители Франціи и Англіи получили приказанія сообщить ихъ словесно императорскому кабинету.

Однако, и въ ту знаменательную минуту нельзя еще было утверждать, что война была рѣшена въ средѣ великобританскаго министерства. Множество соображеній представлялось еще министрамъ въ пользу мира, надежды на который, повидимому, еще не были потеряны. Въ Константинополѣ велись еще переговоры, и даже двумя путями. Они исходили отъ вѣнскаго протокола 5 декабря, и отъ другого, выработаннаго представителями державъ, до полученія названнаго протокола. Переговоры вращались около трехъ главныхъ пунктовъ: возобновленія прежнихъ трактатовъ, обѣщанія неприкосновенности православія и улаженія вопроса о Святыхъ мѣстахъ.

Что касается до очищенія княжествъ нашими войсками и проливовъ союзнымъ флотомъ, было молча условлено, что то и другое должно произойти одновременно. Затрудненіе заключалось только въ непосредственныхъ переговорахъ съ участіемъ или безъ участія державъ. Баронъ Брунновъ предлагалъ исполнѣ рациональное раздѣленіе: онъ указывалъ, что для вопросовъ, касающихся цѣлости Турціи, было нужно европейское соглашеніе, но неудовольствія Россіи противъ Турціи должны были рѣшаться прямыми сношеніями между ними. Повидимому, этотъ принципъ былъ принятъ, тѣмъ болѣе, что мы не отвергали дружественныхъ услугъ державъ въ прямыхъ переговорахъ. Споръ шелъ только объ отѣнкахъ. Лордъ Джонъ Россель, въ разговорѣ съ барономъ Брунновымъ, самъ указалъ ему, что положеніе представляло болѣе шансовъ для мира, чѣмъ для войны.

Порта уступала въ главныхъ пунктахъ нашихъ требованій. Въ дѣйствительности, единственное разногласіе, тормазившее попытки примиренія, было грамматическаго характера. Султанъ заявлялъ, что онъ останется вѣренъ Кайнарджіскому трактату и считаетъ долгомъ своей чести охранять въ неприкосновенномъ видѣ преимущества христіанъ. Мы говорили, что, выполняя Кайнарджіскій трактатъ, султанъ обязывается поддерживать въ неприкосновенности означенныя преимущества. Стоило ли изъ-за этого вести войну?

Война и сама по себѣ представляла случайности, тревожившія предусмотрительность великобританскаго кабинета. Прежде всего у него были подозрѣнія противъ Франціи, остававшіяся въ своей силѣ, не смотря на заявленія послѣдней относительно взаимнаго согласія. Правда, императоръ Наполеонъ усиливался смягчать свои дѣйствія и, повидимому, подчинялъ ихъ политикѣ Англіи; его представитель въ Лондонѣ даже ставилъ себѣ въ заслугу, что онъ отразилъ попытку, которая Киселевъ предпринималъ въ Парижѣ, съ цѣлью произвести разьединеніе между морскими державами. Тѣмъ не менѣе, недоувѣрчивость не покидала англійскихъ министровъ. Она заключалась не только въ воспоминаніяхъ, преданіяхъ и интересахъ обѣихъ странъ, но и въ самой силѣ вещей. Такъ и въ ихъ взглядахъ на войну обнаруживалось существенное разногласіе. Англія рассчитывала на морскую войну. Она хотѣла окружить Константинополь эскадрами, перерѣзать наши сообщенія на морѣ, стѣснить ихъ на Дунаѣ, препятствовать снабженію провіантомъ Кавказа, вооружить мятежниковъ, угрожать нашимъ фортамъ на восточномъ берегу и даже нашимъ закавказскимъ владѣніямъ. Во всемъ этомъ для нея была двойная выгода:—ея морского преобладанія въ военныхъ дѣйствіяхъ и ея интересовъ въ Азіи, не касавшихся Франціи. Трудно сказать, на что рассчитывало тогда англійское правительство относительно послѣдствій такой войны, въ особенности въ Азіи. Несомнѣнно, что оно находило видимый интересъ въ ней и питало еще какія-то иллюзіи. Впрочемъ, ничто не указываетъ, чтобы оно имѣло тогда опредѣленные виды на Севастополь.

Императоръ Наполеонъ, наоборотъ, мало думалъ о томъ, чтобы рисковать своимъ флотомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ ему пришлось бы оставаться на второмъ планѣ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ численности. Его представитель въ Лондонѣ упрекалъ за напоминанія объ экспедиціи въ Сирію и въ Сенъ-Жанъ д'Акръ въ 1840 г., къ которымъ любилъ возвращаться лордъ Пальмерстонъ. Отсюда исходилъ недостатокъ согласія, обнаружившійся между французскимъ посломъ въ Константинополь и англійскимъ адмираломъ, когда, послѣ Синона, дѣло шло о вступленіи въ Черное море. Людовикъ-Наполеонъ, впрочемъ, судилъ болѣе здраво о значеніи войны, предполагая, что она потребуетъ большихъ военныхъ силъ. Если онъ до тѣхъ поръ ограничивалъ свои видимыя приготовленія двадцатитысячнымъ корпусомъ, это было, какъ мы уже говорили, только для того, чтобы не напугать свою подозрительную союзницу.

Описываемыя взаимныя настроенія указывали, однако, что

союзъ обѣихъ державъ еще не окончательно совърѣлъ. Лорду Пальмерстону предстояло завершить его.

Вліяніе лорда Эбердина, какъ оно ни было слабо, все еще чувствовалось въ средѣ министерства. Оно вытекало, впрочемъ, изъ внутренней организаціи кабинета. Покуда лордъ Эбердинъ оставался главою кабинета, прочіе министры ничего не могли сдѣлать безъ него. Благодаря его вліянію, наступило затишье, послѣ врученія въ Лондонѣ возраженій императорскаго кабинета, въ отвѣтъ на словесное сообщеніе сэра Г. Сеймура по поводу инструкцій, данныхъ союзнымъ адмираламъ.

Совѣтъ министровъ собрался для обсужденія этихъ возраженій. Было рѣшено столкнуться предварительно съ Франціей.

Оставалась еще послѣдняя надежда—отправленіе графа Орлова съ порученіемъ въ Вѣну. Боялись, что какое-либо поспѣшное рѣшеніе помѣшаетъ задачѣ гр. Орлова, или заставить вступить на путь, противоположный Германіи.

На этотъ разъ Австрія опять имѣла возможность склонить вѣсы на сторону мира.

Неуспѣхъ гр. Орлова разрыпѣлъ недоразумѣніе.

Баронъ Брунновъ категорически поставилъ вопросъ—полагаютъ ли обѣ державы соблюдать строгую взаимность и примѣнить къ туркамъ тѣ же ограниченія, какія желали наложить на насъ, причемъ онъ заявилъ, что, въ случаѣ неблагопріятнаго рѣшенія вопроса, онъ имѣлъ приказаніе прервать дипломатическія сношенія.

Замѣчательно то волненіе, съ которымъ лордъ Эбердинъ выслушалъ его заявленіе. Не долженъ ли онъ быть ожидать того, въ виду положенія двухъ союзныхъ державъ? Но этотъ государственный человѣкъ, намѣренія котораго были безукоризненны, не смотря на его слабость, отступалъ до послѣдней возможности передъ мыслію о войнѣ съ нами. Вся его политическая жизнь возмущалась противъ такой крайности. Его объясненія выдавали его смущенное состояніе. Онъ сказалъ, что союзники приняли рѣшеніе въ пользу Турціи и не могутъ уже измѣнить совершившагося факта. Онъ пытался установить различіе между нами и нашими противниками относительно свободы морскихъ сообщеній отъ одного порта къ другому, указывая на то, что турки не имѣютъ торговаго флота и потому должны снабжать свои форты съ помощью военныхъ кораблей, тогда какъ мы не находились въ такомъ положеніи.

Такія недомолвки не оставляли никакого сомнѣнія въ умѣ нашего посланника на счетъ соглашенія между Франціей и Ан-

гліей послѣ Синопскаго событія, съ цѣлью измѣнить на Востокѣ строгому нейтралитету. Онъ оставилъ лорду Эбердину ноту, которую ему приказано было вручить англійскому кабинету, прося прочесть ее въ совѣтѣ министровъ для того, чтобы имъ были положительно извѣстны послѣдствія принимаемаго рѣшенія. Лордъ Кларендонъ сообщилъ ему отвѣтъ, который англійскій кабинетъ полагалъ препроводить въ Петербургъ. Въ этомъ отвѣтѣ относительно насъ поддерживалось запрещеніе свободнаго плаванія по Черному морю, но не упоминалось о подобномъ же запрещеніи относительно турокъ, хотя было прибавлено, что союзники примутъ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать наступательнымъ дѣйствіямъ турецкаго флота противъ нашей территоріи. Лордъ Кларендонъ выразилъ нашему посланнику надежду, что мы примемъ мирныя предложенія, исходящія изъ вѣнскаго кабинета, и что перемиріе все уладитъ, исключая возможность столкновения съ той или съ другой стороны.

Но инструкціи, полученныя барономъ Брунновымъ, были весьма положительны. Если отвѣтъ будетъ не такимъ, какового мы ожидали, онъ долженъ былъ прервать сношенія. Онъ заявилъ объ этомъ въ нотѣ, которую редактировалъ по соглашенію съ Киселевымъ, для того, чтобы разрывъ произошелъ въ одно время и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ.

Онъ совершился 22-го декабря.

Прощаніе нашего посланника съ лордомъ Эбердиномъ было весьма характерно. Этотъ государственный человѣкъ, съ глубокой грустью оглядываясь назадъ, признался, что первой ошибкой англійскаго кабинета было отправленіе эскадры въ Безикскую бухту. Это было исходной точкой, началомъ всего остального. Онъ сознавалъ, что ему слѣдовало бы обратиться къ императору Николаю и послать лорда Гренвиля въ Петербургъ, но не двигать флота. Впрочемъ, онъ все еще не вѣрилъ войнѣ между Англійей и Россіей. Она казалась ему чѣмъ-то чудовищнымъ, въ высшей степени бѣдственнымъ для всѣхъ законныхъ правительствъ Европы и выгоднымъ только для революціонеровъ. Печальныя признанія, выказывающія столько же безсилія, сколько и добрыхъ намѣреній!

Прощаніе лорда Кларендона было холодноѣе. Онъ ограничился выраженіемъ надежды, что война будетъ непродолжительна. Нашъ посланникъ выслушалъ это пожеланіе, ничего не отвѣтивъ на него.

Здѣсь заканчиваются наши официальные отношенія съ Англійей.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже изложили послѣдующій ходъ событий.

Послѣ разрыва съ нами, обѣ морскія державы завершили соглашеніе между собой. Соглашеніе выразилось безусловнымъ требованіемъ отъ насъ очистить княжества, на что не получилось никакого отвѣта, кромѣ молчанія. Тогда послѣдовало объявленіе войны, починъ и отвѣтственность котораго такъ долго старались сложить на насъ. Впрочемъ, въ Англіи умы были настолько охвачены воинственнымъ пыломъ, что не было надобности соблюдать осторожности.

Нельзя сказать, чтобы не оставалось разумныхъ людей и здравомыслящихъ партій, которые противились такимъ страстнымъ увлеченіямъ. Радикалы манчестерской школы не переставали протестовать противъ войны. Сами министры рѣшили представить палатамъ только несмѣлыя финансовыя мѣры, мало соответствующія бурѣ, которую они подняли. Они какъ будто хотѣли смягчить въ глазахъ страны послѣдствія и жертвы войны, представляя ее кратковременной и не дорого стоящей. Но они вполне вознаградили себя передъ палатами смѣлостью своихъ рѣчей. Можно было подумать, что они хотѣли искупить въ глазахъ общественнаго мнѣнія свои мирныя попытки и отвѣтственность за свои неудачи, слагая на насъ всю тяжесть войны.

Лордъ Джонъ Россель произнесъ въ то время рѣчь, достойную столбцевъ Times'a, необузданность которой была во всякомъ случаѣ неумѣстна въ устахъ министра. Она заслуживаетъ прочтенія, какъ доказательство уступокъ, до которыхъ потребность популярности въ парламентскихъ странахъ можетъ низвести государственнаго человѣка.

Рѣчь была произнесена 31 января 1854 года, при обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь королевы при возобновленіи засѣданій парламента.

Послѣ обычнаго вступленія, заключавшаго въ себѣ выраженія удовольствія и благодарности правительства за пріемъ, оказанный рѣчи королевы, и готовность членовъ палатъ подождать представленія документовъ по восточному вопросу, ораторъ продолжалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Если въ началѣ преній было нѣчто, содержавшее въ себѣ критическое отношеніе къ образу дѣйствій правительства, мнѣ пріятно, отвѣчая на эту критику, остановиться на рѣчи distinguished баронета, члена отъ города Тэмворта (сэръ Роб. Пилъ), высказавшагося, съ большимъ краснорѣчіемъ и искусствомъ, объ этомъ вопросѣ (слушайте!). Высокопочтенный джентльменъ, только-

что обращавшійся къ палатѣ, сдѣлать скорѣе нѣсколько филологическихъ замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ выраженій въ рѣчи ея величества, нежели коснулся принциповъ нашей иностранной политики. Относительно этой политики я могу сказать только, что она велась въ видахъ сохраненія мира въ Англіи и Европѣ, и что она направлялась, какъ на случай мирнаго, такъ и на случай воинственнаго исхода, къ поддержанію чести и интересовъ этой страны (слушайте, слушайте!). Мы поступили бы несогласно съ этой честью и этими интересами, если бы, видя наступленіе Россіи на безобидное сосѣднее государство, мы не возвысили голоса въ пользу послѣдняго и въ доказательство того, что въ случаѣ необходимости, мы готовы принять другія мѣры въ недопущенію того, что намъ кажется нашествіемъ, чуждымъ всякимъ принципамъ и всякой справедливости (оживленіе). Высокопочтенный джентльменъ ссылаясь на нѣкоторыя выраженія вѣнскаго ноты. Эта нота, какъ я уже упоминалъ въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій, была составлена не англійскимъ правительствомъ, а императоромъ французамъ. Нѣкоторыя дополненія и измѣненія были сдѣланы австрійскимъ правительствомъ, и мы приняли эту ноту, какъ средство, которымъ непривосновенность и независимость Турціи могли быть ограждены противъ притязаній, заявленныхъ русскимъ императоромъ. Когда она была получена въ Константинополѣ, турецкое правительство доказало, что эта нота содержала въ себѣ угрозу независимости Турціи, не въ своемъ прямомъ смыслѣ, не въ томъ, въ какомъ ее понимали представители четырехъ державъ, но въ томъ именно, какой ей могъ придавать сосѣдъ, одушевленный чувствами зависти и вражды. Тогда мы не поколебались предложить императору Николаю измѣненія, предположенныя турками. На это предположеніе нами былъ полученъ отвѣтъ; но объясненіе, данное графомъ Нессельроде относительно смысла, въ какомъ петербургское правительство понимало вѣнскую ноту, заключалось въ томъ, что русскій императоръ вовсе не намѣренъ отказаться отъ своихъ притязаній и даже готовъ усилить свое несправедливое и неосновательное давленіе, придавая ему, такимъ образомъ, характеръ, какой я не поколеблюсь назвать просто недобросовѣстнымъ (шумъ). Я ввелъ бы палату въ заблужденіе, если бы выразилъ твердую надежду на принятіе этихъ предположеній императоромъ Николаемъ. Я говорю это въ отвѣтъ высокопочтенному джентльмену, высказавшему мнѣніе, что въ означенныхъ предположеніяхъ не заключается ничего противнаго независимости и цѣлости Турціи, такъ какъ они были приняты четырьмя державами и турецкими мини-

страми, и турецкій министр иностранныхъ дѣлъ самъ подписалъ ноту, заключавшую ихъ въ себѣ. Такимъ образомъ, когда мы совѣтовали петербургскому кабинету принятіе означенной ноты, насъ нельзя было заподозрить въ намѣреніи ограничить независимость и неприкосновенность Турціи. Я убѣжденъ, что великобританское правительство, заботясь о мирномъ исходѣ дѣла, не расположено, однако, допустить императора Николая воспользоваться временемъ будто бы потребнымъ для переговоровъ, съ цѣлью приготовленія къ войнѣ, тогда какъ мы можемъ оказаться совершенно неподготовленными (оживленіе). Когда документы будутъ представлены палатѣ, я не буду возражать противъ какихъ бы то ни было мнѣній при обсужденіи этихъ вопросовъ. Теперь я могу сказать, что, принимая въ соображеніе положеніе Россіи по отношенію къ Турціи, Англія и Франція воспротивятся какому-либо попыткамъ нарушенія турецкой границы. Мы полагаемъ, что было бы крайне благопріятно, если бы Австрія и Пруссія присоединились къ намъ, чтобы предупредить войну, какая можетъ быть вызвана наступательными дѣйствіями Россіи. Въ газетахъ появился протоколъ, подписанный представителями державъ; это заявленіе не вполне соответствуетъ видамъ великобританскаго правительства, но, тѣмъ не менѣе, оно представляетъ существенную выгоду, обусловливая совокупное дѣйствіе державъ. Я считаю вѣроятнымъ, что и австрійское правительство убѣдится въ необходимости войны и въ безуспѣшности переговоровъ, въ которыхъ оно принимало участіе за невозможностью отклонить русскаго императора отъ его намѣреній, и увидитъ, что только болѣе смѣлыми мѣрами и энергичными дѣйствіями могутъ способствовать этой цѣли. Я утверждаю, что если великія державы и въ особенности Австрія, въ виду ея интересовъ, болѣе существенныхъ, чѣмъ интересы Англіи и Франціи, и въ виду интересовъ Европы, заключающихся въ улаженіи этого вопроса, вмѣстѣ съ Пруссіей, будутъ дѣйствовать въ согласіи съ нами, тогда нельзя будетъ сомнѣваться относительно того, каковы окажутся окончательные, непосредственные результаты. Я утверждаю также, что принимая во вниманіе обстоятельства, мы не теряли нашего времени“...

Въ „Journal de St. Pétersbourg“, отъ 18-го февраля (2-го марта) 1854 г., появилась по поводу этой рѣчи слѣдующая статья:

„Мы только-что получили отчетъ о засѣданіи палаты общинъ 17-го февраля и рѣчи, произнесенной при этомъ случаѣ лордомъ Джономъ Росселемъ.

„Здѣсь не мѣсто обращать вниманіе на явные оскорбленія,

которыя не забудутся ни однимъ вѣрнымъ слугой Государя Императора, но которыя, будучи направлены противъ Августѣйшей Особы, не могутъ задѣвать ее. Мы ограничимся замѣчаніемъ, что напрасно было бы искать въ парламентскихъ дѣлописяхъ примѣра подобной невоздержности рѣчи въ устахъ кабинета-министра, противъ Государя, которому его страна еще не объявила войны. Въ этой рѣчи всего важнѣе не клеветы министра, а характеръ рѣшеній, какія онъ сообщаетъ отъ лица своего правительства. Послѣ того становится очевиднымъ, что общій миръ не зависитъ уже болѣе отъ случая, но что война входитъ несомнѣнно въ установленныя намѣренія англійскаго министерства.

„Къ такому концу должна была придти роковая недовѣрчивость, которая въ восточномъ вопросѣ была корнемъ всѣхъ предшествующихъ затрудненій, и которая ведетъ ихъ къ самой плачевной развязкѣ.

„Это легко было бы понять, еслибы подобная недовѣрчивость была проявляема Франціей, т.-е. правительствомъ еще недавнимъ, еще не имѣвшимъ времени приобрести изъ опыта прежнихъ сношеній съ нами точное пониманіе нашихъ истинныхъ намѣреній, правительствомъ, невольно уступающимъ почти традиціонному мнѣнію относительно русской политики на Востоцѣ. Но подобное чувство не можетъ не поражать, когда оно исходитъ отъ Англіи, которой изъ долговременныхъ сношеній близко извѣстны прошлое и характеръ нашего Государя. Великобританское правительство менѣе всякаго другого имѣло право высказывать подобное подозрѣніе. Въ его рукахъ находится письменное доказательство, что подобныя подозрѣнія лишены всякихъ основаній. На самомъ дѣлѣ, гораздо ранѣе нынѣшняго положенія, прежде, чѣмъ вопросы, возникшіе изъ побѣды въ Меньшикова въ Константинополѣ, приняли характеръ серьезнаго несогласія, прежде, чѣмъ Великобританія примкнула въ своихъ дѣйствіяхъ къ Франціи, Государь высказался первый съ полной откровенностью королевѣ и ея министрамъ съ цѣлью установить съ ними непосредственное соглашеніе относительно наиболѣе важныхъ случайностей, какія могли предстоять оттоманской имперіи.

„Съ 1829 г., Е. И. В. слѣдилъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ за ходомъ событій въ Турціи. Государь не могъ оставаться равнодушнымъ къ послѣдствіямъ переменъ, которыя одна за другой вносились въ существованіе этого государства. Прежняя Турція исчезла съ тѣхъ поръ, какъ явилась попытка привить къ ней учрежденія, діаметрально противоположныя духу исламизма такъ же какъ и характеру и обычаямъ мусульманъ, учреж-

денія, болѣе или менѣе созданныя по тину современнаго либерализма, слѣдовательно состоящія въ открытой борьбѣ съ самою сущностью оттоманскаго правительства. Становилось очевиднымъ, что Турція пережила полное преобразование, что исходы этихъ опытовъ, по меньшей мѣрѣ сомнительныхъ, относительно реорганизации имперіи, обѣщали скорѣе приближеніе кризиса, способнаго потрясти ее, что отсюда неизбежно долженъ былъ возникнуть новый порядокъ вещей, который еще, не поддаваясь опредѣленію, во всякомъ случаѣ былъ бы уничтоженіемъ настоящаго, становившагося невозможнымъ.

„Къ этимъ постояннымъ и непрерывно возрастающимъ причинамъ разслабленія турецкаго государства недавно еще присоединились осложненія, вытекающія изъ отношеній съ Черногоріей, изъ религіозныхъ преслѣдованій во многихъ христіанскихъ областяхъ, недоразумѣній съ австрійскимъ правительствомъ, значительныхъ финансовыхъ затрудненій и, наконецъ серьезнаго вопроса о Святыхъ мѣстахъ, которому настойчивыя требованія французскаго посла въ Константинополѣ начинали придавать серьезный и угрожающій характеръ. Эти осложненія, поддерживавшія глухое броженіе среди христіанскихъ населеній, могли со дня на день вызвать внезапную катастрофу, которую слѣдовало своевременно предупредить.

„Проникнутый крайней важностью подобной случайности, перешедшей въ это время въ область возможнаго, если не вполнѣ вѣроятнаго, убѣжденный въ пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли отъ того произойти, Государь Императоръ испытывалъ потребность увѣриться заранѣе—насколько англійское правительство раздѣляетъ его опасенія. Онъ въ особенности желалъ устранить откровеннымъ предварительнымъ соглашеніемъ всякій поводъ къ разногласію между нимъ и Великобританіей. Его Величеству казалось дѣломъ величайшей важности установить съ этимъ правительствомъ полную тождественность взглядовъ.

„Съ этою цѣлью Государь Императоръ предложилъ англійскому посланнику въ Петербургѣ довести до свѣденія королевы его предположенія объ опасностяхъ, которыя, повидимому, должны были угрожать общему равновѣсію въ Турціи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Онъ просилъ по этому предмету у ея великобританскаго величества откровеннаго и конфиденціальнаго общія мнѣній. Это было, безъ сомнѣнія, самое очевидное доказательство довѣрія, какое Государь Императоръ могъ дать лондонскому двору. Такимъ образомъ, Его Величество громко выра-

жалъ его наиболѣе искреннія желанія предупредить всякое послѣдующее разногласіе между двумя правительствами.

„Сэръ Г. Сеймуръ тотчасъ же воспользовался важнымъ сообщеніемъ, которое было передано ему Государемъ Императоромъ въ продолжительной и откровенной бесѣдѣ.

„Отсюда воспослѣдовала переписка, запечатлѣнная самымъ дружественнымъ характеромъ между нынѣшними англійскими министрами и императорскимъ кабинетомъ.

„Намъ не дозволено оглашать неофициальные документы, тайна которыхъ принадлежитъ не одному только Государю Императору и которые заключаютъ выраженія довѣрія, бывшаго тогда взаимнымъ. Мы можемъ сказать только, что въ этомъ изслѣдованіи обстоятельствъ, могущихъ болѣе или менѣе оказать дѣйствіе на прочность настоящаго положенія вещей на Востоцѣ, изслѣдованіи, исходившемъ изъ убѣжденія общаго обѣимъ державамъ, что слѣдовало сдѣлать все для того, чтобы поддержать это *status quo* и продлить его насколько возможно, въ этомъ изслѣдованіи, говоримъ мы, никогда не поднималось вопроса о проектѣ, по которому Россія и Англія расколагали бы напередъ по своему усмотрѣнію судьбою различныхъ областей, входящихъ въ составъ Оттоманской имперіи, и еще менѣе того о формальномъ договорѣ, какой долженъ былъ быть заключенъ между этими двумя государствами, безъ вѣдома или внимательства другихъ державъ. Все ограничивалось лишь конфиденціальнымъ, но ничѣмъ неосдерживаемымъ объясненіемъ съ той и съ другой стороны, того, что было бы противно англійскимъ интересамъ, а также и русскимъ, для того, чтобы возможно было въ каждомъ данномъ случаѣ избѣжать враждебныхъ или даже противурѣчивыхъ дѣйствій.

„Бросивъ взглядъ на эти драгоценныя документы столь дружеской переписки, припоминая тотъ смыслъ, какой они сами придавали ей, министры, съ которыми она велась въ то время и которые послѣ того рѣшились допустить себя до такихъ печальныхъ заключеній, могутъ видѣть, насколько справедливы эти послѣднія. Пусть въ особенности лордъ Джонъ Россель, который только-что высказался публично, въ такихъ неумѣстныхъ выраженіяхъ, перечтетъ эту переписку, въ которой онъ первый принималъ участіе, прежде, чѣмъ передать лорду Кларендону управленіе иностранными дѣлами. Пусть онъ обратится къ своей совѣсти, если страсть, ослѣпляющая его, еще позволяетъ ему различать ея голосъ. Онъ можетъ рѣшить теперь, дѣйствительно ли справедливо, что Государь Императоръ былъ не вполне откровененъ съ великобританскимъ правительствомъ, или что онъ скорѣе довелъ по от-

наименію въ Англіи искренность до послѣдняго предѣла; существуетъ ли малѣйшее основаніе вѣрить въ наши честолюбивые и исключительные виды на Константинополь, или, наоборотъ, не высказался ли Государь Императоръ такимъ образомъ, что не можно оставаться никакого сомнѣнія на счетъ его истинныхъ намѣреній относительно политическихъ комбинацій, которыхъ слѣдовало избѣгать въ томъ крайнемъ случаѣ, каковой онъ указывалъ предусмотрительности англійскаго правительства“.

Такимъ образомъ, въ этой официальной статьѣ напоминались, въ виду тѣхъ оскорбленій, конфиденціальныя объясненія, запечатлѣнные величайшею искренностью и прямою, какими императорскій кабинетъ годъ тому назадъ обмѣнивался съ тѣми самыми министрами, которые теперь унижались до оскорбительнаго отношенія къ нему.

Именно такое напоминаніе вызвало обнаруженіе документовъ, въ которыхъ заключались эти объясненія. Они были вручены членамъ палаты и затѣмъ получили европейскую огласку.

Дѣйствіе, произведенное ими, было громадно: прямая выраженія мыслей императора Николая были совершенно искажены и обращены въ оружіе противъ него, будучи выставлены въ дневныхъ сѣра Г. Сеймура въ такомъ свѣтѣ, за истинность котораго, если не его намѣренія, то его память не могла ручаться, и будучи комментированы самымъ грустнымъ недоброжелательствомъ иностранной печати. Въ нихъ особенно настойчиво указывали минимы предположенія раздѣла, желаніе дать участіе въ ней одной Англіи, съ пресumptивнымъ исключеніемъ изъ него Франціи и всекомпромиссной увѣренностью въ полномъ единомысліи Австріи.

Никто не хотѣлъ вѣрить, что этотъ, такъ называемый проектъ раздѣла былъ не что иное, какъ искреннее желаніе избѣжать европейскаго столкновенія посредствомъ соглашенія относительно случайностей, какія можно было предвидѣть. Выборъ Англіи для основы соглашенія служилъ блестящимъ доказательствомъ добросовѣстности, такъ какъ Англія была держава, прямѣе другихъ заинтересованная въ дѣлахъ Востока, наиболѣе способная сопротивляться честолюбивымъ видамъ, какіе намъ приписывали, слѣдовательно, наименѣе расположенная содѣйствовать имъ. Исключеніе Франціи, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ разумное, вытекало изъ характера нашихъ отношеній съ нею, но нисколько не препятствовало названной державѣ принимать участіе въ европейскомъ соглашеніи, если бы его удалось установить. Наконецъ, касается Австріи, увѣренность, выраженная императоромъ

ласть въ ей согласіи на все, что будетъ рѣшено между Англійей и нами, вовсе не выказывая горделиваго превръщенія, свидѣтельствоваала, напротивъ, что для этого августѣйшаго монарха интересы его прежней близкой союзницы были такъ же священны, какъ и его собственные, и что онъ никогда не предлагалъ и не принималъ ничего такого, что клонилось бы къ ущербу для нея.

Но политическая страсть не разсуждаетъ.

Описываемый эпизодъ принадлежитъ, конечно, къ числу самыхъ тяжелыхъ, представляемыхъ исторіей дипломатіи. Онъ отозвался крайне болѣзненно въ душѣ нашего Государя, который, сдѣлавши изъ политической искренности кумиръ своей жизни, видѣлъ, что его добѣрчивости недостойно измѣняли, его честность заподозрѣвали во всей цивилизованой Европѣ. Это было началомъ испытаній, какия предстояли ему.

Въ силу естественной реакціи, злоупотребленіе нашимъ добѣриемъ внесло особую неприязнь въ наши отношенія съ Англійей. Чѣмъ болѣе выраженія симпатій, какия мы ей выказывали, были многочисленны и опредѣленны, тѣмъ болѣе способъ, какимъ она воспользовалась ими, долженъ былъ поселить раздраженіе и ненависть между двумя государствами, исторія которыхъ, повидимому, вела ихъ къ взаимному уваженію и добрымъ отношеніямъ. Пріемы, которыхъ держалось англійское правительство во время войны, могли только подкрѣпить эти несчастныя впечатлѣнія. Вслѣдствіе того борьба, починъ которой принадлежалъ Франціи и въ которой именно этой державѣ принадлежала выдающаяся военная роль, въ концѣ всего установила нѣкоторое сближеніе между Россіей и ею, тогда какъ въ нашихъ отношеніяхъ съ Англійей она оставила неприязнь, не изгладившуюся еще и до настоящаго времени.

БАР. А. ЖОМНИН.

стра.
лось.
что Гос.
британскъ

ДРУГУ.

Не утѣдай меня въ моей святой печали.
Зари былыхъ надеждъ она--послѣдній лучъ,
Послѣдній звукъ молитвъ, что нѣкогда звучали,
Завѣтныхъ слезъ послѣдній влючъ.

Какъ блѣдная луна румяный день смѣняетъ
И на усталый міръ струитъ холодный свѣтъ,
Такъ страстная печаль свой мертвый лучъ роняетъ
Въ тѣ грудь, гдѣ солнца вѣры нѣтъ.

А солнца вѣры нѣтъ... Безсильная тревога
Проснулася въ сердцахъ, какъ въ пропасти змѣя.
Мы потеряли все: безсмертіе и бога,
И цѣль, и разумъ бытія.

Бумиры прошлаго развѣнчаны безъ страха,
Грядущее темно, какъ море предъ грозой,
И родъ людей стоитъ межъ гробомъ, полнымъ праха,
И волебелію пустой.

И если-бъ въ наши дни поэтъ не ждалъ святыни,
Не изнывалъ по ней, не замиралъ отъ мукъ,
Тогда послѣдній лучъ погасъ бы надъ пустыней,
Послѣдній замеръ бы въ ней звукъ...

Н. Минскій.

СПОРЪ

МЕЖДУ

ЮЖАНАМИ И СЪВЕРЯНАМИ

Вопросъ о малорусскомъ языкѣ.

Одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ того, что начатки общественныхъ и литературныхъ явленій лежатъ обыкновенно гораздо раньше того времени, когда они становятся общимъ интересомъ, мы видимъ и въ тянущемся до-нынѣ вопросѣ о малорусской народности. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда новая малорусская литература едва дѣлала свои первые шаги, когда Костомаровъ и Кулишъ сидѣли еще на школьныхъ скамьяхъ, а Шевченко былъ возачкомъ у своего пана, когда въ литературѣ не сложилось еще никакихъ мыслей о томъ, можетъ ли и должна ли существовать малорусская литература, имѣетъ ли эта народность какое-нибудь этнографическое и историческое право, а вмѣстѣ и основаніе для какой-нибудь народной гордости, эти вопросы поднималъ, однако, оригинальный писатель, производившій большое впечатлѣніе въ свое время новыми неожиданными взглядами на русскую исторію, на славянство, вообще на національные вопросы, писатель, который въ иныхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ и славянофильства, и тѣхъ теорій о началѣ Руси, съ какими носится теперь г. Иловайскій и другіе противники норманской теоріи, якобы противной нашему національному достоинству и патриотическому чувству. Это былъ Венелинъ. Онъ давно ослабленъ фантазеромъ, мысли котораго стоятъ внѣ науки, и во многихъ

отношеніяхъ это справедливо; но несправедливо было бы покончить на этомъ его характеристику, и новая критика дѣйствительно начинаетъ оцѣнивать заслуги этого замѣчательнаго человека, у котораго среди всѣхъ увлеченій были зародыши вѣрнаго чувства и преданность исторической правдѣ. Карпатскій русинъ по происхожденію, оставившій родину и въ Россіи учившійся не исторіи и филологіи, а медицинѣ, Венелинъ собственно не имѣлъ правильной школы, которая приготовила бы изъ него историка, но, человѣкъ съ дарованіемъ и большой вѣжливостью, онъ обладалъ живымъ воображеніемъ и историческимъ инстинктомъ, искалъ исторіи въ темныхъ преданіяхъ старой лѣтописи, въ настоящемъ народномъ бытѣ, и чувствовалъ историческую жизнь тамъ, гдѣ еще не думали ея видѣть другіе. На его сочиненія не надо смотрѣть какъ на строгое ученое изслѣдованіе; это историкъ-поэтъ, который можетъ быть занимательнымъ и тогда, когда мы ни мало не признаемъ его теорію. Таковы, напр. его описанія царства Атиллы, котораго онъ изображаетъ представителемъ русскаго начала, славяно-рускимъ царемъ. Онъ погружается въ исторію, какъ въ живое современное дѣло и, благодаря этому качеству, онъ, кабинетный вниматель, могъ оказать такое сильное вліяніе на возрожденіе болгарской народности, котораго онъ считается однимъ изъ первыхъ начинателей.

Этотъ писатель, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поставилъ вопросъ о малорусской народности въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ руссизма“¹⁾.

Судя по началу статьи, авторъ имѣлъ въ виду разобрать весь историческій вопросъ объ отношеніяхъ сѣверной и южной Руси, и хотя статья была далеко не кончена, но основная мысль автора уже просвѣчиваетъ. Любопытно прежде всего, что онъ ставитъ самый вопросъ о спорѣ, который въ то время, какъ ми замѣтили, еще не былъ поставленъ южанами и сѣверянами въ литературѣ, но Венелинъ чувствовалъ, что онъ молчаливо ведется съ обѣихъ сторонъ и сказывается въ тѣхъ обмѣненныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ обѣ стороны другъ о другѣ. Ихъ отношенія не были особенно дружелюбны; напротивъ, представители обѣихъ народностей не всегда разумѣли другъ друга, не всегда были взаимно справедливы; изрѣдка это проглядывало и въ литературѣ,

¹⁾ Эта статья напечатана была уже по смерти Венелина въ „Чтеніяхъ московскаго Общества Ист. и Древн.“, 1847, кн. 4, стр. 1—16. Статья была найдена въ бумагахъ Венелина незаконченной или, собственно, только начатой; время ея опредѣляется тѣмъ, что она была написана въ видѣ рецензіи на „Описаніе Украины“ Бошана, вышедшее въ 1832 году.

и Венелингъ счелъ нужнымъ подвергнуть вопросу историческому изслѣдованію и выяснить таинственнае недоразумѣніе.

„Споръ между южанами и сѣверянами“ (который хотѣтъ теперь свалить на одно новѣйшее украинфильство) не подлежитъ сомнѣнію. „Дѣя народности“ действительно еще не сложились настолько, чтобы между ними не проявлялось разнорѣчій и столкновений. Народныя шутки великоруссовъ надъ „хохлами“, и обратно, шутки малоруссовъ надъ „москалями“ и „кацапами“ выдавали иногда настоящую антипатію. У людей болѣе образованныхъ такія первобытныя соображенія племенной нетерпимости уже отпадали, но въ массѣ они были и береглись какъ нѣкой предрасудокъ. Причина нетерпимости лежала въ обычномъ предубѣжденіи къ другому племени или оттѣнку племени, а также въ историческомъ преданіи. Старыя отношенія не однажды бывали неблагоприятны. Въ эпоху присоединенія, въ Малороссіи были свои установившіяся особенности народнаго быта, нравовъ, образованія, церковности, которыя не сходились съ московскими, и это съ одной стороны возбуждало опасенія, что они будутъ нарушаться московскимъ управленіемъ (что вскорѣ и стало оправдываться), а со стороны московской не доверяли ни этимъ нравамъ, которые казались самовольными, ни церковности, въ которой подозревали латинскія прибавленія. Въ XVII-мъ вѣкѣ съ обѣихъ сторонъ было прямое недоверіе; въ XVIII-мъ, автономическая старина все болѣе устранилась; уничтожалось Запорожье; въ средѣ высшего духовенства было тогда еще много архіереевъ изъ малороссіянъ (какъ болѣе ученыхъ людей), но русское духовенство не терпѣло этихъ „черкашинецъ“. Въ XVIII-мъ столѣтіи порядки старой гетманщины стали вообще быстро падать, но объединеніе административное не сгладило бытовыхъ отличій, а новая культура охватила только верхніе классы; нѣогда возникло новое романтическое возвращеніе къ старинѣ и народности, въ образованномъ слоѣ Малороссіи нашлось не мало дарованій, которыя съ любовью отдались культу своей народности и ея истинныхъ преданій. Въ это время (повидимому, въ двадцатыхъ годахъ) появилась апокрифическая „Исторія Руссовъ“, приписанная Кошискому и служившая выраженіемъ романтическаго республиканскаго патріотизма; въ то же время появляются первые нѣсенные сборники Цертелева и Максимовича; затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ изданія Срезневскаго, повѣсти Квитка, восторженныя статьи Вадима Пассека, первыя работы Бодянскаго, и т. д. Если во всѣхъ этихъ произведеніяхъ сказывался яркій малорусскій патріотизмъ, то, съ другой стороны, повидимому, не было не-

достатка въ антитезахъ великорусскихъ. Статья Венелина показываетъ, что существовалъ вопросъ о „россиянѣ“ южанъ и съверянъ, т.-е. о томъ, кто — южане или съверяне — были „россияне“ по преимуществу, кому изъ нихъ принадлежитъ древняя русская исторія и заслуга основанія русскаго государства, и національности — вопросъ, который, наконецъ, прямо поставленъ былъ въ пятидесятыхъ годахъ въ полемикѣ Погодина и Максимовича.

Венелинъ былъ въ русскомъ обществѣ пришлый человекъ и могъ быть свободенъ отъ мѣстныхъ предразсудковъ; по характеру онъ, видимо, стоялъ выше племенной нетерпимости, которую долженъ былъ отвергать и какъ панславистъ въ лучшемъ тогдашнемъ смыслѣ слова. Такъ складывались и его историческія объясненія. По началу его статьи можно видѣть, что онъ не одобрялъ „спора“, не считалъ его разумнымъ, и думалъ, что и южане, и съверяне равны въ своемъ „россиянствѣ“. Приводимъ нѣсколько его замѣчаній, писанныхъ то въ серьезной, то въ шутиливой формѣ:

„....Что такое Украина, что такое казаки, что Малая Россія, что Мало-Россы? Эти вопросы всякому покажутся извѣстными; но дѣло въ томъ, что очень не всякій имѣетъ объ нихъ точное, определенное понятіе. Въ этой мысли убѣждаютъ меня ежедневныя напоминки изъ общаго мнѣнія. По большей части въ Москвѣ, Мало-Россья слыветъ тотъ, кто изъ Черниговской или Полтавской губерніи; Казаками слывуть люди военные, — конные; Украиною — хоть Харьковская или Полтавская губернія“.

Свои объясненія онъ начинаетъ издалека. Весь русскій народъ, по его словамъ, при всей его огромности, раздѣляется, къ удивленію, только на двѣ вѣтви: сѣверную и южную. Была нѣкогда третья вѣтвь, восточная или волжская, къ которой принадлежали болгары волжскіе и отъ которой происходятъ нынѣшніе болгары дунайскіе. Сѣверная и южная вѣтви раздѣлились только постепенными уклоненіями въ языкъ, изъ которыхъ составились два нарѣчія — сѣверное и южное. Массивность обѣихъ вѣтвей почти равна. Въ свое время Венелинъ считалъ въ народѣ сѣверной вѣтви до 21 милліона, южной — до 20, изъ которыхъ въ Россіи — 15; но, принявъ въ соображеніе тѣ громадныя потери, которыя понесены были южной вѣтвью въ теченіе исторіи, онъ считаетъ за достовѣрное, что южное племя было слишкомъ одной третью многочисленнѣе сѣвернаго. Общее названіе съверянъ и южанъ — „Русь“ (все равно: русинъ, русакъ, русскій или россиянинъ).

Какъ увидимъ изъ нижеслѣдующаго, для Венелина вопросъ о россиянствѣ южанъ и съверянъ совершенно простъ: ни за тѣми, ни

за другими нѣтъ въ этомъ отношеніи никакого преимущества; тѣ и другіе — такіе же русскіе, и спорить имъ не о чемъ; надо только, чтобы обѣ стороны это поняли, чтобы, познавоявшись съ исторіей, увидѣли, какъ народъ одного корня, по исторической необходимости, видоизмѣнился на свои отбѣлки, и чтобы они помирились, наконецъ, взаимно признавши свои отличія.

„Здѣсь нельзя не упомянуть, — говоритъ Венедикъ, — о важномъ спорѣ, между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ руссизма (здѣсь подразумѣвается мнѣніе черня, простолюдія). По мнѣнію москвитянъ, напримѣръ, тотъ только настоящій русскій, кто умѣетъ гаварить на-настоящему, т.-е. на-русски а это значитъ: по сѣверному. Но горе Южанину; вы можете знать въ совершенствѣ сѣверное нарѣчіе или, такъ называемый, русскій языкъ; можете даже почти совершенно поддѣлаться подъ сѣверный выговоръ; но горе вамъ, если вы спотыкнулись въ малѣйшемъ оттѣненіи въ выговорѣ; вамъ скажутъ: „Вы вѣрна изъ нѣмцовъ?“ или „Вы вѣрна не здѣшній?“ и тогда, любезный мой Южанинъ, называйся, какъ тебѣ заблагорассудится, Иснанцемъ, Прусавомъ, Халдейцемъ, или Тараманцемъ, все равно, все тебѣ покарать, и какъ ты ни вертись, ни божись, все ты не Русскій!! Но ты скажешь, что ты Мало-Россъ; все равно, все ты не Русскій, ибо московскому простолюдину чуждо слово Россъ; и будетъ ли этотъ Россъ великъ или малъ, для него все равно, только онъ убѣжденъ, что онъ не Русскій, а Полякъ или Хохоль, или Литва, или Козакъ, или Украинецъ, или что-либо похожее, словомъ, что онъ не свой. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли человека позвать своимъ, который не носитъ красной или лѣтной рубашки, называетъ шибъ борцемъ, и не гаваритъ харамо, а добръ!!

„Правда, это мнѣніе механическое и, посему, происходящее отъ невѣденія, — есть, конечно, мнѣніе à la borodatch, не болѣе; не смотря на это, оно вкрадывается очень, очень часто въ кругъ безбородый. Но этого мало; какъ часто и тѣ нѣтъ числа безбородыхъ, которые даже нѣмѣтъ протѣвію на ученость, на образованность или, по крайней мѣрѣ, на основательность своего сужденія, увлекаются мнѣніемъ à la borodatch! Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ иному украинскому Русаку прилагалось имя Хохла, въ противоположность Русскому слову; въ Украинцахъ иной, мудроно ученый Сѣверанинъ, по нелѣпому мнѣнію, видитъ какую-то смѣсь бѣлыхъ Малороссовъ, Татаръ, Поляковъ, Литвы. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризовали происхождение Казаковъ иные, которые брались о нихъ писать. Очень естественно, что, иногда, учено-историческое, нелѣпое мнѣніе можетъ дать непріятное направленіе народному ощущенію въ образованномъ сословіи. Другое дѣло съ Русаками волынскими, подольскими, гродненскими, бѣлостокскими и люблинскими въ Царствѣ Польскомъ. Эти Южаны въ глазахъ Москвитянина ни за какія деньги не омоются отъ Литвы... Но за то и Южаны, въ свою очередь, не допускаютъ Сѣверянъ участвовать въ руссизмѣ; какъ ни называй себя онъ Русскимъ, все-таки онъ не Русинъ, а Москаль, Липованъ и Кацапъ. По мнѣнію Южанъ, настоящая Русь простирается только до тѣхъ предѣловъ, до конхъ живутъ южаны, а все прочее Московщина. Въ томъ же самомъ мнѣніи и какой-либо Карпато-россъ, живущій на берегахъ Тисы; его часословъ, или мнѣніе кіевской печати, напоминаютъ ему Русь, не не Москву, хотя и московская печать у него не рѣдкость. Онъ принялъ Русскаго гравлера, сѣвернаго

уроженца, за Чаха; но только Глуховскій, или Воронежскій, или Черниговскій гренадеръ покажется ему настоящимъ Русскимъ; равноѣрно землянинъ люблинскаго воеводства, въ Царствѣ Польскомъ, готовъ биться объ закладъ, что онъ чище Русакъ, нежели ярославскій и володимерскій Москаль. Нечего дѣлать, вѣдь онъ справедливъ, потому только, что онъ въ этомъ убѣжденъ. Вотъ опять новое мнѣніе à la ouisatch, à la britaya голова. Изъ этого слѣдуетъ, что и бородачь, и усачъ стоятъ одинъ другого“.

Венелинъ находилъ, что споръ этотъ, однако, утѣшительнъ и приносить честь обѣимъ сторонамъ (какъ привязанность къ старому родовому и славному имени), но только онъ не равно пользуются этой честью, потому что „одна сторона другую отлушаетъ“. Въ этомъ спорѣ двухъ братьевъ объ ихъ имени и старомъ родѣ участвовала судьей вся Европа и отчасти Азія, и они рѣшили дѣло въ пользу южанъ (т.-е. имя Руси оставалось въ старину за югомъ, а сѣверъ назывался Московіей). „Русь“, по понятію народовъ, простиралась отъ Карпатъ только по Глуховъ и Витебскъ, а дальше была Московщина. Напрасно Грозный и Алексій называли себя царями Великой, Малой и Бѣлой Россіи—старыя имена оставались, и исторія токеній, которая переносила южная Русь, показываетъ, какъ дорого стоило ей русское имя.

„Межъ тѣмъ,—продолжаетъ Венелинъ,—много, много пожертвованій дѣлали Сѣверяне, чтобы Европа и Азія возвратили имъ ихъ имя, и только 1812 годъ заставилъ Поляковъ, Маляровъ и Французовъ распространить предѣлы Руси по всей Московіи, но не смотря на это, сосѣдніе народы надолго не забудутъ имя Москалей. И по дѣломъ! Если отецъ твой и твоего родного брата былъ Иванъ, то по какому праву можешь думать, что ты только Ивановичъ и тебѣ только такъ называться?“

Т.-е., по дѣломъ, думаетъ Венелинъ, за самой сѣверной Русью закрѣпилось это названіе Московіи, если она стала отказывать въ „россизмѣ“ Руси южной. Въ самомъ дѣлѣ, имя Московіи держалось очень долго, и Венелинъ справедливо замѣчаетъ, что „московецъ у болгаръ, московъ у турокъ всѣхъ трехъ частей міра топоромъ не вырубилъ изъ головы“. До настоящей минуты имя „москова“, по преданію, остается за русскими въ народномъ употребленіи у южныхъ славянъ.

„Впрочемъ,—продолжаетъ дальше Венелинъ,—сколько ни оригиналенъ этотъ споръ и ни маловаженъ самъ по себѣ, однако, кто бы подумалъ, что ощущенія, невольно производимыя въ спорящихъ сторонахъ, имѣли порядочное, а иногда и сильное, вліяніе на судьбу Руси вообще? Я не могу всего этого пересказывать теперь въ немногихъ словахъ. замѣчу только, что умный историкъ, одаренный провидцательнымъ и сообразительнымъ умомъ, легко замѣтитъ и оцѣнитъ это, перебирая весь рядъ сценической жизни какъ Сѣверянъ, такъ и Южанъ. Поляки и католицизмъ (іезуиты) очень искусно воспользовались этимъ внутреннимъ, такъ сказать, раздоромъ между Русаками; и за то, сколько надѣлали себѣ прозелитовъ между Южанами!

Страшныя понятія объ отношеніяхъ южанъ и сѣверянъ господствуютъ даже и до сихъ поръ... „И нынѣ еще, въ полной силѣ, водятся въ поговоркахъ старинныя диковинки, и преимущественно между сѣверянами; стѣбитъ только вслушаться въ ихъ образъ мыслей. Высшее общество (понимаю: образованное) несоразненно малочисленнѣе у южанъ, нежели у сѣверянъ; ибо оно состоитъ болѣею частію изъ поляковъ; посему южане, если исключить Украину и Новороссію, не имѣютъ собственнаго литературнаго голоса; по всей южной и западной Руси, вся Русь разжалована въ крестьянство; вдоль и поперекъ все нѣмо и тихо между жителями; развѣ только, на вопросъ западнаго путника, скажетъ крестьянинъ окрестностей Гродна, Бреста или Замостья, возвращающійся съ панщины, что онъ русинъ, и что языкъ и вѣра его русская, не говоря уже о Волыни, о Подольѣ. Чувствуя свое уничиженіе, для южанина-русака нѣтъ силы, нѣтъ удовольствія въ его собственномъ имени, въ имени Русь. Это слово въ тѣхъ странахъ вѣками унижено до земли“... Кончилось тѣмъ, что самую землю южной Руси поляки стали называть своею, а сѣверяне не признавали ее за „Русь“.

Изъ этихъ, полу-шутливо высказанныхъ, замѣчаній видно, что самъ Венелинъ нисколько не сочувствовалъ спору, и особенно той сторонѣ, которая „оглушала“ другую. Для него, и сѣверяне, и южане были одинаково русскіе, много боровшіеся за свою землю, много перенесшіе въ ея защитѣ историческихъ бѣдствій и испытаній, и южане даже больше, нежели сѣверяне, — и имѣющие равное право на свое имя, т.-е. на уваженіе къ своимъ племеннымъ особенностямъ и преданіямъ. Вычурныя выраженія Венелина не уменьшаютъ справедливости его взгляда, которому глубоко антипатична была эта мелкая неразумная вражда „двухъ братьевъ“.

Со времени Венелина историческая наука ушла далеко впередъ; открыто множество новыхъ данныхъ для исторіи, сдѣлано множество изслѣдованій о народности и языкѣ; но споръ о „россизмѣ“ все не прекратился. Онъ продолжается въ новыхъ формахъ, гдѣ прежняя нетерпимость проглядываетъ даже въ „ученыхъ“ изслѣдованіяхъ или открыто высказывается въ публицистикѣ. Съ того времени взаимное изученіе очень подвинулось; въ литературѣ, которая была единственнымъ (хотя крайне неполнымъ) выраженіемъ общественности, совершилось нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ, которые, повидимому, должны бы служить въ примиренію. Новыя открытія въ малорусской повѣи, ея замѣча-

тельные эпические думы, изображенія малорусской жизни у Гоголя, Квитки, Шевченка, Марка Вовчка, даже Кохановской, произвели сильное впечатлѣніе и на „сѣверянъ“; относительно Гоголя, совершившаго громадный переворотъ въ русской литературѣ, признаю было, что въ его творествѣ, которое было для русской словесности знаменательнымъ событіемъ, участвовала именно его южно-русская природа, такъ что въ общемъ ходѣ русскаго развитія эта послѣдняя стихія явилась, какъ важнымъ органическая сила; ближайшія изученія старины XVII — XVIII вѣка подобнымъ образомъ указали, что въ ту эпоху южно-русскіе люди вносили свой богатый вкладъ въ общее русское просвѣщеніе, служили ту службу, къ какой еще мало способны были тѣ „сѣверяне“, которые передъ тѣмъ употребляли свои силы на другую задачу — созданіе государства... Но, не смотря на всѣ эти факты ближайшаго единенія южанъ съ сѣверянами въ самыхъ основныхъ трудахъ и созданіяхъ національной жизни, первые все-таки не могли добиться, въ понятіяхъ большинства, признанія полнoprавности тѣхъ самыхъ особенностей, которыми они участвовали въ общемъ національномъ дѣлѣ. Большинство руководилось первобытной племенной антипатіей, которая удерживалась даже у такъ-называемыхъ образованныхъ людей, и въ послѣднее время стала придумывать себѣ ученые и публицистическіе резоны.

Въ условіяхъ нашей общественности, новый споръ о „росизмѣ“ велся, въ особенности, на вопросахъ о языкѣ. Мы остановимся на нихъ не съ ихъ чисто-филологической стороны, которая принадлежитъ спеціалистамъ, а по связи ихъ съ вопросами исторіи и литературы.

Въ нынѣшнемъ составѣ русскаго языка есть двѣ основныя вѣтви: великорусская и малорусская (третья, бѣлорусская, не имѣла особаго книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время, и хотя занимаетъ довольно обширную область земли и народа въ западномъ краѣ, но по своимъ чертамъ такъ приближается съ вѣтвями главными, что филологи считаютъ это нарѣчіе подраздѣленіемъ, одни — языка великорусскаго, другіе — малорусскаго). Когда бы ни произошло первое дѣленіе русскаго языка на его главныя отрасли, онѣ обѣ издавна заявили о себѣ, отражаясь своими особенностями въ русскіхъ спискахъ церковныхъ старославянскихъ напутниковъ или въ собственныхъ произведеніяхъ нашей письменности. Филологи спорятъ о томъ, когда именно признаки этихъ двухъ нарѣчій появляются въ рукописяхъ, въ XIV ли вѣкѣ или еще въ XI; но, во всякомъ случаѣ, въ теченіе средняго періода нашей исторіи, когда сѣверяне и южане были

совершенно раздѣлены своей политической судьбой; два нарѣчія такъ обособились, что малорусская рѣчь стала не всегда вразумительной для сѣвернаго русскаго, и обратно, что заставляло иныхъ филологовъ предполагать въ основѣ этихъ народностей два разные племена, а въ массахъ образовалось представленіе, что малоруссъ—не русскій, а „хохолъ“, или что великоруссъ—не русскій, а „москаль“. Для обѣихъ отраслей основною церковною книжною служилъ языкъ церковно-славянскій, видоизмѣнявшійся издавна вліяніемъ народной рѣчи; позднѣе на югѣ, который со времени удѣльных междоусобій и особливо татарскаго нашествія потерялъ столько страшныхъ погромовъ и утратилъ, вслѣдствіе того, многое изъ старо-киевского преданія, — въ обращеніи были церковныя книги, сильно подмѣнянныя сѣвѣрною русскою рѣчью. Первые славянскія грамматики, которыя написаны были въ XVII в. учеными южанами, давали правила именно таковаго славянскаго языка; но собственная народная рѣчь южной Руси заявляла также свои требованія, и въ XVI вѣкѣ мы уже встрѣчаемъ интересную попытку перевода священнаго писанія, именно на малорусскій языкъ (Пересопницкое Евангеліе), за которою слѣдовали и другія подобныя попытки. Съ основаніемъ школы въ южной Руси возникаетъ обширная литература на смѣшанномъ языкѣ, гдѣ на церковно-славянскую основу налегали отбѣнки народнаго южно-русскаго и польскаго языка и риторической латинской терминологіи; съ призывомъ южно-русскихъ ученыхъ въ Москву, эти книги и эта манера вошли на время въ литературное обращеніе сѣверно-русское. Но рядомъ съ этимъ, болѣе чистый южно-русскій языкъ находилъ мѣсто въ произведеніяхъ свѣтскаго характера, въ лѣтописи, въ литературѣ—повѣствовательной, легендарной, въ драматическихъ пьесахъ и т. п., рядъ которыхъ доходитъ до конца XVIII вѣка, когда литература на чисто народномъ языкѣ основывалась уже людьми новаго образованія, на новыхъ идеяхъ и потребностяхъ. Но здѣсь именно расходятся двѣ литературы. Со времени Петра, сѣверная русская литература, покинувъ старыя преданія, стала развиваться на почвѣ общенія съ европейскимъ знаніемъ: при всемъ ея младенществѣ въ началѣ XVIII-го вѣка, она предполагала служить интересамъ столь обширнаго народа и столь сильнаго государства, что должна была взять рѣшительный перевѣсъ надъ старыми литературными элементами, какъ сѣверными, такъ и южными. И вліяніемъ государства; и вліяніемъ новой русской школы (академическая гимназія и университетъ въ Петербургѣ, московскій университетъ, кадетскіе корпуса, академія художествъ и пр.), и вліяніемъ новой литературы,

которая еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія выставила могущественные сѣверно-русскіе таланты, какъ Ломоносовъ, позднѣе Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Карамзинъ, —лучшія умственныя южно-русскія силы были увлечены на служеніе этому общему русскому дѣлу, и жизнь самой южной Руси стала провинціализмомъ. Таково стало съ тѣхъ поръ отношеніе русской литературы къ малорусской народности... Надо, однако, при этомъ остерегаться отъ недоразумѣній. Во-первыхъ, эту новую русскую литературу у насъ считаютъ многіе именно только великорусской, но, въ дѣйствительности, въ ея образованіи съ XVII-го вѣка участвовали также живыя силы и произведенія малорусскія, а затѣмъ, какъ литература государственнаго языка и болѣе сильнаго племеннаго оттѣнка, она получила значеніе единственнаго орудія высшей образованности. Съ другой стороны, патриоты южно-русскіе, напр. галицкіе, говоря объ этомъ участіи южныхъ силъ въ развитіи новой русской литературы, доходятъ до утвержденія, будто бы послѣдняя только двѣсти лѣтъ „систематически эксплуатировала“ малорусскій языкъ и литературныя средства, —что есть фантастическое преувеличеніе. Наконецъ, хотя малорусская литература стала у насъ провинціализмомъ, но провинціализмъ бываетъ различный: по внѣшнему объему и по историческимъ преданіямъ, здѣсь объемъ его былъ такъ значителенъ, что казался Венелину почти равнымъ объему самой сѣверной народности; разница преданій создана была вѣками отдѣльной исторіи и отразилась въ цѣлой богатой народной поэзіи, бытѣ и нравахъ. Наконецъ, значеніе нашего малорусскаго провинціализма усложняется и увеличивается тѣмъ, что та же народность продолжается въ Галиціи, которой народъ и языкъ не входили и донинѣ не входятъ въ область вліянія русскаго государственнаго языка.

Какъ провинціализмъ, мало себя заявлявшій въ теченіе прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, малорусская народность для большинства сѣвернаго русскаго общества, —считавшаго себя единственнымъ русскимъ, —была terra incognita. Исторія Малороссіи была извѣстна чрезвычайно мало, а современная народность была знакома лишь тѣмъ, кто самъ къ ней принадлежалъ. Когда являются, наконецъ, первые опыты знакомства съ ней, русскимъ этнографамъ приходилось какъ будто открывать Малороссію. Мы приводили въ другомъ мѣстѣ подобный примѣръ въ книжкѣ кн. Цертелева, открывавшей малорусскую поэзію. За годъ передъ тѣмъ вышла первая грамматика малорусскаго языка, написанная русскимъ, который случайно познакомился съ малорус-

свѣтъ языкомъ и счелъ небезынтереснымъ познакомиться съ нимъ читателей ¹⁾).

Книжка эта составляетъ теперь библиографическую рѣдкость; приводимъ ея предисловіе, изъ котораго видно будетъ, въ какой формѣ представлялся тогда вопросъ о малорусской народности въ нашей литературѣ.

„Если бы я предпринялъ описать все то, что можно найти любопытнаго въ малой Россіи для человѣка, ищущаго въ малѣйшихъ вещахъ безконечно великихъ слѣдовъ премудрости Божіей; то предпріятіе мое требовало бы не одного тома. Подробное описаніе древняго и нынѣшняго, физическаго и нравственнаго состоянія страны сей составило бы превеликую книгу. Всякъ знаетъ, что она имѣла прежде своихъ собственныхъ Владѣтелей, была раздѣляема такъ, какъ и другія области нынѣшней Россійской Имперіи, на Княженія и Уѣзды, послѣ того на Воеводства и Повѣты, потомъ на Поля и Повѣты, потомъ на Намѣстничества и Уѣзды, а наконецъ, во исполненіе благословеннаго опредѣленія управляющихъ всѣми Россіями судьбъ, раздѣлена на Губервіи и Повѣты же, или Уѣзды. Всякъ знаетъ, что Малороссіяне всѣмъ другимъ Славянамъ единоплеменны, и сохранили понынѣ нѣкоторые свои обряды и суевѣрія, свойственныя каждому народу дотолѣ, пока онъ образуется просвѣщеніемъ. Всякъ знаетъ и то, сколь много они даже по сіе время отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ, и даже отъ своихъ единосемцовъ, одѣніемъ, языкомъ и многими другими свойствами, которыя отчасти описаны въ разныхъ Исторіяхъ, Землеописаніяхъ, Путешествіяхъ и Запискахъ. Слѣственно, довольно будетъ для меня положить на бумагу одну слабую тѣнь исчезающаго нарѣчія сего близкаго по сосѣдству со мною народа, сихъ любимыхъ моихъ соотчичей, сихъ отъ единыхъ со мною отрасли происходящихъ моихъ братьевъ.

„Коротко скажу, что нѣсколько лѣтъ живучи въ малой Россіи, довольно могъ примѣниться къ національному характеру ея жителей. Я нашелъ въ нихъ что-то пріятно-меланхолическое, отличающее ихъ, можетъ быть, отъ всѣхъ другихъ обитателей земного шара. Они имѣютъ природную вникательность, остроту, склонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Хлѣбосоль-

¹⁾ Грамматика малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго русскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями. Сочин. Ал. Павловскій. Спб. 1818. 8°. VI и 114 стр. Книжка посвящена „Любителямъ соотечественниковъ и словесности“. Впослѣдствіи вышло „Прибавленіе къ грамматикѣ малороссійскаго нарѣчія или отвѣтъ на рецензію, сдѣланную на оную грамматику“. Соч. А. Павловскій. Спб. 1822. 84 стр. Это—отвѣтъ на разборъ книги, написанный княземъ Цертелевымъ.

Грамматика Павловскаго составлена очень незамысловато. Собственно грамматическія правила занимаютъ стр. 1—21 (часть первая); затѣмъ, вторая часть, „О сочиненіи и о стихотворствѣ малороссійскомъ“, представляетъ краткій малорусскій словарь, стр. 24—78, нѣсколько фразъ и пословицъ малороссійскихъ, стр. 78—86, и, наконецъ, „Примѣры на малороссійское сочиненіе“—нѣсколько статейъ на малорусскомъ языкѣ и, между прочимъ, одна пѣсня: „Гомінь, гомінь по дуброві, —Туманъ поле покриваѣ, —Мати сына прогоняѣ“, и пр. (стр. 89—90).

ство и простота нравовъ составляютъ ихъ существенныя свойства. Въ поступкахъ слишкомъ просты и нѣсколько будто грубы; въ дѣлахъ справедливы; въ разговорахъ откровенны, хотя часто тонки и откровенно хитры; въ намѣреніяхъ основательны. Любятъ опрятность и чистоту. Занимаются наиболѣе тѣмъ, что принадлежитъ до экономіи; работаютъ тихо, но прочно. Въ страстяхъ рѣдко наблюдаютъ утѣренность. Къ наукамъ расположены, кажется, съ природы. Пѣсни ихъ всегда почти томны, но скрывающіеся въ нихъ, особливо, для Стихотворцовъ интересные, замыслы, не принужденное выраженіе мыслей, и блистающая всегда какою-то нѣжность и невинность — неподобны! Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда Малороссіане по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней собравшись во множествѣ, и сѣда на пригорѣхъ въ кружокъ, поютъ свои заунывные пѣсни?—Тогда это, въ окружности ихъ отапливающейся, приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ въ чувствительному сердцу самые трогательные тоны!

„Прельстившись моими чувствованіями, неоднократно я желалъ проникнуть сущность ихъ нарѣчія, и успѣлъ въ своемъ желаніи столько, сколько мнѣ было возможно. Видя же, что не бесполезно иногда заняться сѣмъ, такъ связать, ни мертвымъ, ни живымъ языкомъ, я собралъ существеннѣйшія его правила, и расположилъ оныя по грамматическому порядку. При томъ, зная ихъ опыта, сколь смѣшно, когда кто говорить по Малороссійски, не зная удареній сего нарѣчія, въ словахъ я придалъ знаки, показывающіе мѣсто ихъ ударенія. Я оставилъ множество мѣлкихъ исключеній первой и второй части Грамматики, потому что либо онѣ не всякому нужны, либо требуютъ излишняго времени, либо, что входитъ въ разсматриваніе источниковъ, откуда занимаютъ обороты сочиненія и стихотворческіе вымыслы, такъ какъ и въ исторію словъ, фразовъ и пословицъ, есть дѣло пространное, трудное, принадлежащее Грамматику-Философу. Въмѣсто того, я нужнѣйшимъ почелъ собирать и по алфавиту расположить не большое количество словъ, фразовъ и пословицъ, безъ знанія которыхъ никакой языкъ не можетъ быть яснымъ, пріятнымъ и полезнымъ. Все сіе сдѣлалъ я какъ для удовольствія любопытныхъ и вникающихъ въ свойство языка и народа людей; такъ и для показанія, желающимъ знать, Грамматическимъ, яко лучшимъ способомъ, той разности, которая Малороссійскую рѣчь сдѣлала столько не похожею на всеобщій нашъ языкъ.

„Ежели разбираніе Архангельскаго, Новгородскаго, Полотскаго, Стародубскаго, Муромскаго и другихъ нарѣчій, (не говорю Финскихъ, Ордынскихъ, Югорскихъ, Сибирскихъ, Камчатскихъ языковъ), которые отличаются только нѣсколькими или нечистыми, или смѣшными, или весьма странными словами, занимаетъ иногда любомудріе и время многихъ знающихъ справедливую цѣну вещи людей, и даже тѣхъ самыхъ, которые поставили себѣ за предмѣтъ обогатить и вычистить Россійскій Лексиконъ; то для чего жъ не заняться сколько нибудь и такимъ нарѣчіемъ, которое составляетъ почти настоящій языкъ?—И такъ неизвѣстное то будетъ для меня утѣшеніе и честь, когда благомыслящіе любители своихъ Соотечественниковъ и Словесности признаютъ, что трудъ мой не совсѣмъ бесполезенъ, и что онъ рано, или поздно вдохнетъ усерднымъ сынамъ Россіи желаніе къ сохраненію подобныхъ памятниковъ и протѣмъ развѣяннымъ по пространству томъ обширныя Имперіи народамъ и языкамъ“.

Понятія о малорусской народности и языкѣ были тогда такіа

смутныя, что главнѣйшій грамотѣй того времени, Гречъ, считалъ малоруссовъ почти вѣтвью польскаго племени. „Малороссійское нарѣчіе, — говорилъ онъ, — родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества поляковъ въ юго-западной Россіи, и можетъ даже называться областнымъ польскимъ¹⁾).

Въ своей пространной грамматикѣ, изданной въ 1827 году съ предисловіемъ Булгарина, Гречъ говорилъ, что малорусское нарѣчіе „можетъ даже называться нарѣчіемъ языка польскаго“. Какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ, въ этомъ именно были увѣрены сами поляки. Объясненіе происхожденія малорусскаго языка польскимъ вліяніемъ казалось тогда наиболѣе естественнымъ, такъ какъ южная Русь долго была подъ польскимъ владычествомъ, и не предвидѣлось другой причины измѣненія языка, занявшаго притомъ нѣкоторыя отдѣльныя выраженія польскія. Максимовичъ, въ первомъ сборникѣ своихъ гѣсенъ, 1827, едва ли не въ первый разъ сталъ объяснять, что на языкъ малорусскій надо смотрѣть какъ на особый языкъ, отличный отъ великорусскаго, а тѣмъ болѣе отъ польскаго. Впослѣдствіи подобнымъ образомъ указывалъ особенность малорусскаго нарѣчія Бодянский²⁾. Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ по русской филологіи, Максимовичъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о положеніи южно-русскаго языка въ средѣ славянскихъ нарѣчій. Онъ принималъ вообще дѣленіе славянскаго міра не на три основныя отрасли (восточную, южную и западную), какъ тогда обыкновенно принимали, а на двѣ: восточно-славянскую или русскую, и западную, и въ эту послѣднюю помѣщалъ въ двухъ отдѣлахъ славянство южное и западное. Въ отрасли русской онъ находилъ два основныя разряда: сѣверно-русскій (гдѣ два отдѣла: великорусскій съ его нарѣчіями, и бѣлорусскій) и разрядъ южно-русскій (съ нарѣчіями), такъ что послѣдній является въ роли языка, совершенно независимаго отъ рѣчи великорусской, ей равносильнаго и, можетъ быть, даже еще болѣе первобытнаго. Въ своихъ трудахъ относящихся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ, Максимовичъ, могъ воспользоваться мнѣніями и другихъ ученыхъ,

¹⁾ „Опытъ исторіи русской литературы“. Спб. 1822, стр. 12.

²⁾ „Ученныя записки московскаго университета“, 1835. Въ 1837, въ Журналѣ Мин. Просв. (ч. ХVІІ) напечатана была, переведенная съ польскаго, статья каноника перемиськаго Могильницкаго (изъ львовскаго журнала *Czasopism naukowy*, 1820, III), доказывавшая самостоятельность малорусскаго языка. Позднѣе, Кулинь перепечаталъ ее въ „Запискахъ о южной Руси“ (т. II: „О древности и самобытности русскаго языка“). Объ этой статьѣ см. замѣчаніе Колосова, „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. языка“, Варшава, 1878, стр. 253—254, прим.

которые подобнымъ образомъ составляли себѣ объ южно-русскомъ языкѣ понятіе, какъ объ языкѣ независимомъ. Къ такимъ взглядамъ приходилъ, напр., извѣстный Надеждинъ ¹⁾, который принималъ три главные вида русскаго языка: великорусскій, южно-русскій и бѣлорусскій, за три особые языка (не нарѣчія); по мнѣнію Надеждина, южно-русскій языкъ въ древности еще не различался отъ церковно-славянскаго, и языкъ великорусскій, прежде также сходный съ церковно-славянскимъ, отдѣлился отъ него уже позднѣе, и отъ вліянія сѣвера сдѣлался полногласнымъ ²⁾.

Максимовичъ не принималъ этого мнѣнія объ единствѣ русскаго языка съ церковнымъ, и послѣдній считалъ по Добровскому особымъ древнимъ языкомъ и другого племени, а русскій языкъ, какъ мы замѣтили, дѣлилъ на южную и сѣверную отрасль, „столько особенныя, что ихъ, по сравненію съ другими, должно было признать за два языка и народа“ и которыя произошли и опредѣлились, безъ сомнѣнія, еще въ весьма древнее время ³⁾. Это древнее время, какъ увидимъ, должно было, по мнѣнію Максимовича, относиться къ первымъ вѣкамъ нашей исторіи. Въ болѣе ранней работѣ, Максимовичъ принималъ не два, а три вида русскаго языка (великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій), какъ „три особые однородные языка, наравнѣ съ прочими западно-словенскими языками, и даже съ болѣшимъ правомъ, чѣмъ языки польскій, сербскій, чешскій и словацкій; ибо сіи послѣдніе сходнѣе между собою (?), чѣмъ южно-русскій съ великорусскимъ и даже съ бѣлорусскимъ“. Основу различія русскихъ нарѣчій онъ видѣлъ въ дѣленіи русскаго племени еще до начала нашей писанной исторіи, и „образованіе южно-

¹⁾ Статья: *Mundarten der russischen Sprache*, въ вѣснскихъ *Jahrbücher der Literatur*, 1841, Bd. 95, стр. 191—240, написанная по поводу книги Кошута: *Neuachii Glossographi discipulus etc.*, 1840; и *Энциклопедическій Лексиконъ*, т. IX, 1887, статья: „Великая Россія“.

²⁾ Это мнѣніе объ единствѣ древняго русскаго языка съ церковно-славянскимъ, и о происхожденіи русскаго полногласія отъ вліянія сѣвера было тогда довольно распространено, — первое, по незнанію настоящаго церковно-славянскаго языка, — второе, по незнанію малорусскаго, въ которомъ хотя онъ и не принадлежитъ къ сѣверу, полногласіе также существуетъ въ полной формѣ. Извѣстный И. И. Давыдовъ въ своей лекціи „О составныхъ началахъ и направленіи древней отечественной словесности“ именно утверждалъ: а) что языкъ церковно-словенскій есть древній русскій; б) что „Славянское нарѣчіе Сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ смѣшанія съ реченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными; и в) что, напротивъ, нарѣчіе Южныхъ Руссовъ удержало въ словахъ своихъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ сербскому и болгарскому“ (Ученія Записки Моск. Универс., 1834). См. Собраніе сочиненій Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880, стр. 9.

³⁾ Собраніе сочин. Максим. III, 57.

русскаго языка въ Украйнѣ, потомъ въ Червонной Руси происходило, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ кievской или поляно-русской рѣчи“ ¹⁾).

Этотъ взглядъ повторяется въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ Максимовича, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда онъ, прервавъ изъ ботаника въ филолога, былъ профессоромъ русской словесности въ Кіевѣ ²⁾.

Взгляды Максимовича не могли, конечно, назваться научными, такъ какъ въ то время и не было еще дѣлано никакихъ предварительныхъ изслѣдованій о малорусскомъ языкѣ, а тѣмъ менѣе объ его проявленіяхъ въ памятникахъ древней письменности. Отчасти Максимовичъ ссылаясь на знаменитыхъ западно-славянскихъ ученыхъ (Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ), но тотъ изъ нихъ, который касался спеціального этнографическаго вопроса о малорусскомъ племени и языкѣ, Шафарикъ, судилъ собственно о современныхъ отличіяхъ русскихъ нарѣчій и дѣлалъ только самыя общія замѣчанія объ историческихъ слѣдахъ малорусской рѣчи въ древнихъ памятникахъ ³⁾. Въ сущности, Максимовичъ былъ предоставленъ здѣсь только собственнымъ общимъ впечатлѣніямъ, рѣшалъ вопросъ на глазомѣръ, какъ ему казалось болѣе естественнымъ по историческимъ условіямъ. Взгляды его опредѣлялись потомъ яснѣе, когда появились новые труды о древне-русскомъ языкѣ, основанные уже на болѣе точномъ изслѣдованіи матеріала и сильно разнорѣчившіе съ его понятіями. Такими трудами были двѣ вышедшія тогда книги: „Мысли объ исторіи русскаго языка“, Срезневскаго (1849—50), и изслѣдованіе „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“, П. Лавровскаго (1852). Книга Срезневскаго была для своего времени явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Вмѣстѣ съ начинавшимися тогда же трудами Буслаева, съ книгой Каткова „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ (1845), это былъ, послѣ общихъ основаній, положенныхъ Востоковымъ, первый приступъ къ правильному изслѣдованію явленій языка, которыя представлялись уже его исторіею. Съ одной стороны, дѣлались тогда первыя пробы примѣнить къ славяно-русскому языку приемы сравнительной филологіи, съ другой, — начиналось пристальное изученіе древняго языка по памятникамъ. Въ названной книгѣ Срезневскій обратилъ вниманіе именно на эту

¹⁾ Тамъ же, III, стр. 398—401.

²⁾ Таковы были: „Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ“, въ Журн. Мин. Просвѣщ. 1838; „Начатки русской филологіи“, 1845; „Исторія древней русской словесности“, Кіевъ, 1839 (и въ Собраніи сочиненій, т. III).

³⁾ Slowansky Národopis, Praha 1849 (3-е изд.), стр. 27.

последнюю сторону предмета, и что было особенно важно, постарался связать собранные имъ факты въ цѣльную картину, которая произвела въ свое время большое впечатлѣніе и хотя кажется неудовлетворительной съ нынѣшней точки зрѣнія, но до сихъ поръ не замѣнена другимъ подобнымъ трудомъ. Срезневскій находилъ вообще въ исторіи языка по отдѣленіи его отъ основнаго корня, какъ и въ исторіи языка русскаго, два главные періода — періодъ развитія и богатства формъ, и періодъ „превращеній“, какъ называлъ онъ позднѣйшія измѣненія первоначальныхъ формъ. Въ противность довольно обычному тогда мнѣнію о господствѣ въ нашей древней письменности церковно-славянскаго языка, онъ находилъ, что русскій языкъ давно нашелъ себѣ выраженіе въ старыхъ нашихъ памятникахъ и что этого не замѣчали потому только, что въ томъ періодѣ языкъ церковный и народный имѣли много общаго. Далѣе, выдѣляя изъ памятниковъ церковно-славянскихъ русскія формы, принадлежащія русскимъ писцамъ, и собирая черты памятниковъ чисто русскихъ (лѣтописи, грамоты и пр.), можно было заключить, по его мнѣнію, что русскій языкъ въ эпоху выдѣленія изъ общаго славянскаго языка былъ уже на исходѣ развитія формъ и началъ вступать въ періодъ превращеній; но въ первые вѣка нашей письменности, онъ все еще былъ однороднымъ цѣлымъ, въ которомъ лишь съ XIV столѣтія можно наблюдать обособленіе двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій — великорусскаго и малорусскаго. Мысли Срезневскаго, въ примѣненіи къ вопросу о сѣверномъ языкѣ, были развиты въ диссертации Лавровскаго. Коснувшись въ началѣ своей книги вопроса о времени образованія малорусскаго языка, Лавровскій указывалъ единство русскаго языка до образованія русскаго государства, затѣмъ обстоятельства, содѣйствовавшія отдѣленію сѣверной Руси отъ южной и вмѣстѣ нарѣчія великорусскаго отъ малорусскаго, и приходилъ къ убѣжденію, что раздвоеніе языка произошло именно только послѣ того, какъ мало-по-малу совершилось раздвоеніе политическое, когда южная Русь въ XIV вѣкѣ вошла въ составъ великаго княжества литовскаго, вмѣстѣ съ которымъ подпала потомъ власти польской, и когда, въ началѣ XV столѣтія, учрежденіе особенной метрополии въ Кіевѣ порвало и церковную связь южной Руси и сѣверной ¹⁾.

¹⁾ „Вотъ только съ котораго времени,—говорилъ Лавровскій,—со времени раздвоенія государства русскаго, начатаго Боголюбскимъ, усиленнаго татарами и окончательно утвердившагося покореніемъ юга литовцами, можно ожидать начала раздвоенія и въ языкѣ русскомъ все болѣе и болѣе развивавшемуся въ послѣдующее время. Съ XIII—XIV столѣтія южная Русь была покинута сѣверомъ; всякое сообщеніе прекрати-

А до тѣхъ поръ, авторъ не видитъ никакихъ признаковъ дѣленія. Если вообще славянскія нарѣчія въ своихъ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно близки одно къ другому, то тѣмъ больше надо предположить сходство въ древнемъ языкѣ русскаго народа, соединеннаго тогда и одной вѣрой, и однимъ управленіемъ, и постоянными связями. „Одинаковость славянскаго происхожденія, однообразіе родового быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ славянъ въ то отдаленное время, не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югъ и сѣверъ“. Правда, лѣтописецъ говоритъ о различіи племенъ, указываетъ какъ будто разрушеніе единства, но это различіе касалось лишь нѣкоторыхъ обрядовъ и, безъ сомнѣнія, не касалось языка,—какъ въ лѣтописи Нестора не видно никакого признака нарѣчія малорусскаго. „Уклоненій въ языкѣ можно ожидать только съ уклоненіями въ самой жизни“, но до основанія государства авторъ предполагаетъ въ ней ненарушимое сохраненіе старины и, слѣдовательно, измѣненія въ языкѣ были невозможны. Если и было здѣсь какое различіе между сѣверомъ и югомъ, это было только различіе лексическое, зависѣвшее отъ различія мѣстности, климата, быта, но не различіе въ самомъ строѣ языка. Эта нераздѣльность не могла падать и съ установленіемъ государства. Княжеская власть создавала общеніе между землями, даже удѣльные распри поддерживали связь мѣстныхъ племенъ и укрѣпляли мысль о единствѣ русской земли. Иной порядокъ вещей начинается только съ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, когда возникаетъ стремленіе къ объединенію сѣверныхъ княжествъ и отдѣленіе ихъ отъ юга.

Такимъ образомъ, признаки возникновенія малорусскаго нарѣчія можно находить только не ранѣе XIII—XIV столѣтія. Всматриваясь въ особенности современнаго малорусскаго нарѣчія, Лавровскій, по слѣдамъ Срезневскаго, отличалъ въ нихъ два отдѣла: однѣ изъ этихъ особенностей были остатками старины, принадлежавшими нѣкогда не только цѣлому русскому языку, но и всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и забытыми впослѣдствіи у великоруссовъ;

лось для нея и не только съ отдаленнымъ сѣверо-востокомъ, но и съ самимъ Новгородомъ. Предоставленная себѣ самой, она должна была подвергнуться иной участи, испытать новую жизнь, совершенно отличную отъ прежней, общей и для сѣвера, должна была находиться подъ властью государей иновѣрныхъ, терпѣть гоненія за вѣру и нерѣдко спасать языкъ отъ усиленныхъ вторженій чужеземщины. При такомъ положеніи дѣлъ могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе. А что онѣ появились не ранѣе этого времени, хотя и не тотчасъ послѣ отдѣленія политическаго, въ этомъ убѣждаетъ насъ филологическое разсмотрѣніе памятниковъ обихъ частей Руси, южной и сѣверной“. Стр. 11.

другія были явленіемъ мѣстнымъ, развившимся преимущественно или исключительно въ Малороссіи и иногда вовсе чуждымъ нарѣчію великорусскому. Для вопроса о томъ, принадлежали ли діалектическія особенности южному говору до XIII—XIV столѣтія, важенъ, по мнѣнію Лавровскаго, только второй отдѣлъ, именно тѣ черты, которыя „отличаютъ нарѣчіе малорусское не только отъ говоровъ сѣверныхъ, но и отъ древняго языка русскаго“. „Что же касается до особенностей перваго рода, то онѣ, составляя нѣкогда неотъемлемую (?) собственность всего языка общеславянскаго, стали отдѣлять южное нарѣчіе отъ сѣвернаго не потому, чтобы происхожденіемъ своимъ обязаны были югу, а потому единственно (?), что, будучи въ старину въ равной степени принадлежностью и сѣвера, мало-по-малу вышли здѣсь изъ сознанія народнаго и замѣнились звуками и формами новыми“... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣленіе юга и сѣвера восходитъ не далѣе XIII—XIV вѣка.

Эти новыя изслѣдованія важны были тѣмъ, что хотѣли основать рѣшеніе вопроса на подробномъ изученіи самыхъ фактовъ языка, насколько они проявлялись въ древнихъ памятникахъ; но вопросъ едва ли не былъ болѣе сложенъ, чѣмъ тогда казалось. Лавровскій предполагалъ, напр., „поразительное сходство“ славянскихъ нарѣчій въ древнѣйшихъ памятникахъ, — теперь это сходство кажется менѣе поразительнымъ, по мѣрѣ того какъ расширяется знаніе старо-славянскаго, и когда выпадаютъ изъ науки, напр., древніе чешскіе памятники, которымъ тогда вѣрили. Менѣе доказанными покажутся теперь и тѣ аргументы, которые Лавровскій извлекалъ изъ единства происхожденія, родового быта и преданій русскаго племени предъ началомъ государства. Въ сущности, объ этнографіи русскаго племени до половины IX вѣка мы знаемъ очень мало и доннынѣ, и болѣе вѣроятно здѣсь разнообразіе, чѣмъ однообразіе. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтописецъ не даромъ же дѣлилъ тогдашній русскій народъ на отдѣльныя племена, и древность нѣкоторыхъ изъ нихъ (хорваты, дулѣбы, дреговичи, и др.) становится очень вѣроятна уже потому, что племена съ тѣми же именами встрѣчаются и въ другихъ иногда весьма далекихъ славянскихъ краяхъ ¹⁾. Всего вѣроятнѣе, что это были

¹⁾ Въ нынѣшней Галичинѣ, упоминаются хорваты, которыхъ находимъ также не только въ нынѣшней Хорватіи, но въ Богеміи и на Эльбѣ; дреговичи встрѣчаются въ древней Болгаріи и въ западномъ славянствѣ; дулѣбы, кромѣ нашихъ, въ Чехіи и въ Панноніи; поляне были кіевскіе и польскіе; жители новгородской земли, одни изъ всѣхъ русскихъ племенъ, называются славянами въ параллель къ нынѣшнимъ словенцамъ и словенцамъ (словакамъ)... Эти племена древней Руси извѣстны были отчасти и писателямъ иноземнымъ.

дѣйствительно особые племенные оттѣнки, а не безразличныя прозвища, и впослѣдствіи, во времена самого лѣтописца, эти имена стали выходить изъ употребленія только потому, что въ быту большую важность получили новыя политическія обозначенія, а не потому, чтобы вдругъ исчезла ихъ этнографическая особенность: племена стали называться по политическимъ единицамъ, землямъ и княженіямъ, въ которыя они вошли, но по существу оставались еще дулѣбами, древлѣнами, дреговичами и т. д. Если и теперь объединеніе политическое, церковное, административное, не уничтожило племенныхъ особенностей русскаго народа и, напротивъ, въ условіяхъ быта возникаютъ новыя разновидности (какъ, напр., въ Сибири), то, вѣроятно, и въ древности объединеніе власти не болѣе вліяло на бытъ—грубо первобытный, разбитый по лѣснымъ и степнымъ захолустьямъ, когда и пути были несравненно болѣе рѣдки и трудны, чѣмъ въ послѣдующее время. Тѣ историческія условія, на которыя указывалъ Лавровскій: единство власти, церкви, самыя удѣльныя распри, въ которыхъ сталкивались племена и княженія, внушали племенамъ понятія политическаго единства и единовѣрности, но едва ли въ силахъ были стереть отличія этнографическія. Одной изъ причинъ, почему возникало различіе юга отъ сѣвера, Лавровскій и другіе ученые его взгляда считаютъ политическіе факты, какъ отдѣленіе сѣверныхъ княженій отъ южныхъ, дѣятельность Боголюбскаго и пр.; но не было ли скорѣе наоборотъ, т.-е. не участвовало ли въ отдѣленіи сѣверныхъ княжествъ отъ южныхъ и этнографическое различіе юга и сѣвера, наряду съ другими внѣшними условіями—экономическимъ положеніемъ, сосѣдствомъ и т. д.? Отчего же бы Боголюбскій „не любилъ Кіева“? Новѣйшіе этнографы предпочитаютъ принимать большую стойкость племенныхъ типовъ, а древность, конечно, не имѣла тѣхъ громаднхъ средствъ племенной нивелировки, какими обладаетъ современная власть, бытъ и цивилизація... Наконецъ, указаніе г. Лавровскаго на тотъ разрядъ особенностей малорусскаго нарѣчія, которыя являются остатками старины, забытыми у великоруссовъ, должно говорить, кажется, не о новости нарѣчія, а о старинѣ, и объ относительной новости нарѣчія великорусскаго.

Надо думать, что этнографическія отличія русскаго юга, сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока существовали еще въ древнемъ періодѣ, къ началу писанной исторіи; происходя отъ первоначальныхъ варіацій мелкихъ племенъ, жившихъ врозь и имѣвшихъ „каждо свой правъ“, эти отличія—гдѣ сливались, гдѣ удерживались и подчинялись разнымъ условіямъ быта и сосѣдства—

на сѣверѣ финскаго, на югѣ тюркскаго, на западѣ польскаго и т. д. Исторія этихъ племенъ и нарѣчій еще не написана, и за скудостью прямыхъ свидѣтельствъ о языкѣ, при опредѣленіи его исторіи, не должно ли будетъ дать также вѣсь историко-этнографическимъ соображеніямъ?

Книги Срезневскаго и Лавровскаго встрѣтили себѣ неожиданнаго, но ревностнаго прозелита въ Погодинѣ, хотя дошли до него не очень скоро. Въ 1856 году, въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія академіи наукъ явилась его „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“. Погодинъ никогда не занимался филологіей, но вычитанныя имъ новыя мнѣнія ободрили его высказать мысли, къ которымъ онъ частію приходилъ уже раньше; въ этихъ мысляхъ, которыя являлись у него самобытно, „независимо отъ посторонняго вліянія“, а теперь получалъ сильное подтвержденіе, онъ уходилъ еще дальше своихъ теперешнихъ руководителей. „Записка“ адресована къ Срезневскому, и Погодинъ, по своему обыкновенію, рассказываетъ такъ сказать всю домашнюю исторію своихъ ученыхъ взглядовъ: какъ онъ думалъ прежде, какъ того-то не понималъ, какъ потомъ былъ пораженъ новыми мыслями и къ какимъ пришелъ заключеніямъ. Въ новыхъ книгахъ онъ вычиталъ, что въ древней руссой письменности языкъ народный и книжный былъ одинъ и тотъ же, что въ немъ не было ничего нынѣшняго малороссійскаго и что поэтому начало малороссійскаго нарѣчія должно быть отнесено не ранѣе какъ къ XIV вѣку. Онъ и прежде размышлялъ объ этомъ предметѣ и убѣждался, что въ старыхъ лѣтописяхъ, дѣйствительно, нѣтъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія, что слова бытовья — не малороссійскія; дагѣе онъ „продолжалъ разсуждать со страхомъ, непрерывно впрочемъ ободряясь“, и увѣрился, что если дать прочесть старыя лѣтописи „любому великороссіанину“, то онъ пойметъ ихъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ, а малороссіанинъ пойметъ лишь въ той степени, въ какой знаетъ нарѣчіе великороссійское; что малороссіане народъ пѣвучій и однако не знаютъ никакихъ пѣсенъ отъ древняго времени, между тѣмъ какъ у великороссіянъ поются вездѣ пѣсни о Владимірѣ и его витязяхъ; что характеръ князей, когда они утратили свое норманство, гораздо ближе къ великороссійскому, чѣмъ къ малороссійскому и т. д. Изъ всего этого Погодинъ извлекъ не то, что древніе южноруссы и великоруссы были близки, почти тождественны (какъ говорили его филологическіе авторитеты), а то, что южноруссовъ совсѣмъ не было: „въ Кіевѣ жило до татаръ великороссійское племя“ — оттого и нѣтъ въ лѣтописи отголосковъ малороссійскаго нарѣчія, оттого

нѣтъ у малороссовъ пѣсенъ о князѣ Владимірѣ, оттого князья отличаются великороссійскимъ характеромъ.

Затѣмъ, „одна удача ободрила на другую“: „да на что же предполагать чужое, мертвое, церковное нарѣчіе? сталъ разсуждать я дальше“—и рѣшилъ, что лѣтописцы писали на своемъ живомъ языкѣ.

„Смѣлѣе и смѣлѣе!

„Языкѣ лѣтописей, вмѣстѣ и языкѣ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ Великороссіане.

„Слѣдовательно, церковный языкѣ есть нашъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, наше древнее великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тождественное.

„А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ!“—Какъ же могло это случиться? „А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена славянскія разсыпались по всей Европѣ и представили собою, въ историческое время, растасованную колоду картъ. Племя, чтó мы называемъ теперь великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Солуни, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ и въ нынѣшней Великороссіи“. Откуда же взялись малороссіане, живущіе теперь въ сторонѣ днѣпровской и окружной? „Они пришли послѣ татаръ отъ Карпатскихъ горъ и заняли кіевскую губернію, такъ какъ потомки ихъ въ XVII столѣтіи заняли харьковскую, подвинулись къ Воронежу и къ Курску“. А куда дѣлись кіевскіе великороссіане? Они, по мнѣнію Погодина, послѣ татаръ отодвинулись на сѣверъ, куда и до татаръ они распространялись безпрестанно съ своими князьями.

„Записка“ Погодина вызвала длинныя обличенія Максимовича. Послѣдній былъ весьма умѣренный украинофилъ, но теорія Погодина показалась ему нарушеніемъ не только исторіи, но и самыхъ теплыхъ привязанностей его къ своей родинѣ и къ малорусскому языку ¹⁾. Они были старинные пріатели, и Максимовичъ отвѣчалъ на вызовъ, сдѣланный въ „Запискѣ“ Погодина, рядомъ писемъ, гдѣ подробно разбиралъ и опровергалъ аргументацію Погодина ²⁾. Бесѣда велась въ дружеско-полемиическомъ

¹⁾ „Люблю языкъ моей родины и уже лѣтъ тридцать наблюдаю звуки его въ сравненіи, съ Сѣверно-Русскими и съ Западно-Славянскими; примѣчаю всѣ его отголоски въ народныхъ пѣсняхъ и въ письменныхъ памятникахъ, разныхъ вѣковъ. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ, писанныхъ нѣкогда на нашемъ Русскомъ Югѣ, вижу ясно слѣды Южно-русскаго языка въ текстѣ Церковно-Славянскомъ; и ихъ набирается множество“. Собр. соч., III, стр. 239—240.

²⁾ Филологическія письма къ М. П. Погодину, въ Р. Бесѣдѣ, 1856, № 3, стр. 78—139; далѣе „Отвѣтныя письма“ къ М. П. Погодину въ Р. Бесѣдѣ, 1857, № 2,

тонѣ; Максимовичъ, по домашнему, урезонивалъ, усовѣщевалъ и поучалъ Погодина, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто намѣренно избѣгалъ говорить о Срезневскомъ и Лавровскомъ, которые, повидимому, не внушали ему сочувствія. Въ полемикѣ Погодина и Максимовича „споръ между южанами и съверянами“ совершался въ полной формѣ: для обѣихъ сторонъ и особливо для Максимовича видимо шель не одинъ археологическій вопросъ, но и вопросъ о большемъ или меньшемъ значеніи самой народности. Прежде всего Максимовичъ напоминаетъ Погодину старыя понятія послѣдняго о древности малороссійскаго народа, которыя прежде не подлежали для него сомнѣнію. Въ прежнее время самъ Погодинъ ¹⁾, находилъ, что „норманъ (Рюрикъ) въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался малороссійяниномъ“; что Андрей Боголюбскій, переселившись на сѣверо-востокъ, „сохранилъ, разумѣется, свое малороссійское происхожденіе и только дѣти и внуки его, и его братьевъ, послѣ монголовъ, живя между великороссіянами, сдѣлались сами великороссіянами“; что въ Кіевѣ говорили въ старину по-малороссійски какъ и теперь, что „всега нелѣпѣе мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто русскій языкъ происходитъ отъ славянскаго“. — „Все это было очень близко къ правдѣ“, находилъ Максимовичъ, но теперь его другъ внезапно сбился съ настоящей дороги и очутился въ лѣсу гипотезъ, увлеченный филологическими призраками. Максимовичъ вознамѣрился вывести его изъ этого лѣса и опровергаетъ, одно за другимъ, всѣ его положенія, пользуясь, между прочимъ, аргументами, которые въ прежнее время были собраны самимъ Погодинымъ. Собственное его мнѣніе было то, что южно-русскій и сѣверно-русскій языки родные братья, сыновья одной русской рѣчи, и что южно-русскій языкъ образовался еще въ древнее до-татарское время, когда кіевская Русь была представительницей русскаго міра, какъ послѣ татаръ стала Русь московская, и онъ собираетъ, въ доказательство этого, рядъ соображеній историческихъ и филологическихъ. Позднѣйшіе изслѣдователи находили филологическое знаніе Максимовича недостаточнымъ. Дѣйствительно, какъ человекъ стараго вѣка, онъ былъ въ этомъ предметѣ самоучка; научная филологія у насъ въ то время едва начиналась, но—какова же была и филологія Погодина? а исто-

стр. 80—104. (Отвѣтъ Погодина на первыя письма былъ помѣщенъ также въ Р. Бесѣдѣ, 1856, книга IV). Письма Максимовича повторены въ Собраніи сочиненій, т. III.

¹⁾ Москвитининъ, 1845, кн. III; „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“ 1846, т. III, стр. 357.

рическія соображенія, какія дѣлалъ Максимовичъ, не были лишены значенія.

der Вскорѣ споръ опять возобновился. Въ 1859 году, явилось новое изслѣдованіе малорусскаго языка въ трудѣ Лавровскаго: „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями“¹⁾.

На этотъ разъ рѣчь идетъ о нарѣчіи современномъ. Въ началѣ статьи Лавровскій указывалъ на необходимость ученой разработки малорусскаго нарѣчія, „развившаго въ себѣ, столь же своеобразныя черты, какъ и остальные нарѣчія славянскія“, тѣмъ болѣе, что для этого нарѣчія было сдѣлано еще очень мало, а между тѣмъ становится замѣтно постепенное сглаженіе нѣкоторыхъ чертъ его, вслѣдствіе проявившагося сближенія съ говоромъ великорусскимъ. „Это сближеніе вполне уже очевидно въ городахъ, въ малорусскихъ селеніяхъ, смежныхъ съ великорусскими, и въ селеніяхъ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ; оно отчасти проникаетъ въ самую глушь Малороссіи и должно проникать и проникнуть, если мы примемъ въ соображеніе обнаруживающуюся въ этому сближенію охоту въ самихъ простолюди-нахъ“. Сдѣлать остается еще многое: вовсе не опредѣлены еще разнообразныя мѣстные малорусскіе говоры, и самыя общія черты, отдѣляющія это нарѣчіе отъ другихъ родственныхъ, особливо отъ великорусскаго, извѣстны лишь въ ограниченномъ количествѣ и въ самомъ разбросанномъ видѣ. Между тѣмъ весьма значительный матеріалъ для такого изслѣдованія могли бы доставить уже многочисленныя изданія произведеній народной поэзіи, исполненныя, большею частью, людьми весьма компетентными. Опытъ такой разработки и предпринялъ Лавровскій, имѣя въ виду не исторію языка, а лишь его современное состояніе. Общее впечатлѣніе его было таково, что, какъ мы видѣли, онъ ставилъ малорусское нарѣчіе, по обилію его особенностей, наряду съ другими славянскими нарѣчіями, т.-е. именно такъ, какъ ставилъ его Максимовичъ и какъ ставятъ обыкновенно писатели украинофильскіе, для которыхъ особенность языка представляется лишнимъ этнографическимъ правомъ южно-русской народности. Ближайшее родство Лавровскій находитъ, конечно, между малорусскимъ и великорусскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ огромнымъ количествомъ чертъ общихъ для великорусскаго и малорусскаго, онъ видитъ въ послѣднемъ и такія особенности, кото-

¹⁾ Журн. Мин. Просв. 1859, іюнь, стр. 225—266. Статья напечатана не совсѣмъ аккуратно, и между прочимъ на стр. 227—228 расположеніе текста спутано.

рия, будучи несходны съ великорусскими, сближаютъ малорусское нарѣчіе съ южными славянскими, а именно съ сербскимъ. Для объясненія этого неожиданнаго явленія Лавровскій, въ концѣ своего обзора, возвращается къ вопросу объ историческомъ происхожденіи племени и присоединяется къ предположенію Погодина о выселеніи малоруссовъ изъ-подъ Карпатъ. „Какимъ образомъ могло произойти такое сходство малорусскаго нарѣчія съ сербскимъ?—спрашиваетъ Лавровскій.—Не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое, въ звукахъ и въ формахъ, единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ Новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ-нибудь говору народному въ письменности, мы должны обратиться съ болѣшимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда М. П. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго малорусскаго племени, послѣ порабоженія юга Россіи татарами, съ Карпатскихъ горъ,—къ гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора малорусскаго съ русинскимъ карпатскимъ и подтверждаемый общими чертами съ сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиваться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніями Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ по Багрянородному находилась великая Сербія“.

„Обзоръ“ Лавровскаго написанъ былъ, какъ послѣ оказалось, въ концѣ 1855, тотчасъ по прочтеніи „Записки“ Погодина (еще въ корректурѣ), но пролежалъ нѣсколько лѣтъ въ редакціи журнала министерства и напечатанъ былъ только въ 1859 году. Когда появились первыя „Филологическія письма“ Максимовича, Лавровскій тогда же на нихъ отозвался (въ декабрѣ 1856), но статья, посланная въ тотъ же журналъ, опять пролежала тамъ нѣсколько лѣтъ и появилась, черезъ посредство Погодина и Костомарова, уже въ „Основѣ“¹⁾.

Въ разборѣ писемъ Максимовича къ Погодину, Лавровскій, не вдаваясь во всѣ подробности ихъ, остановился только на чисто филологическомъ вопросѣ о томъ, имѣются ли въ давней русской письменности отраженія малорусскаго нарѣчія, и приходилъ къ отвѣту отрицательному. Онъ отказывался принимать

¹⁾ „Отвѣтъ на письма г. Максимовича г. Погодину о нарѣчіи малорусскомъ“, „Основа“, 1861, августъ, стр. 14—40. Тамъ же явилась статья Лавровскаго: „По вопросу о южно-русскомъ языкѣ“, „Основа“, 1861, ноябрь и декабрь, стр. 72—3 полемизирующая съ самой редакціей этого журнала.

въ расчетъ особенности лексическія, которыя могли принадлежать одинаково и югу, и сѣверу, или, еслибы даже и принадлежали одному югу, не составляли бы особенности его нарѣчія, — такъ какъ особія мѣстныя слова могли бы существовать, по различію бытовыхъ условій или сосѣдства (у котораго они могли бы быть заимствованы), у одного и того же племени, въ одномъ и томъ же языкѣ. Что же касается различія въ звукахъ и формахъ, то Лавровскій приводитъ изъ памятниковъ сѣверныхъ примѣры звуковыхъ особенностей и формъ, которыя Максимовичъ считалъ исключительно малорусскими. Словомъ, онъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, отвѣтивъ отчасти и на тѣ укоры, которые полускрыты были въ письмахъ Максимовича относительно Лавровскаго и его учителя.

Максимовичъ не оставилъ этого безъ отвѣта, но опять адресовалъ свой отвѣтъ къ Погодину, какъ бы не желая вступать въ прямые разговоры съ своими противниками ¹⁾. На замѣчанія Лавровскаго онъ собираетъ новые аргументы, иногда не лишеныя справедливости. Упоминая въ началѣ о мнѣніи Срезневскаго о несуществованіи малороссійскаго нарѣчія до XIV вѣка, онъ замѣчаетъ, мимоходомъ, что не читалъ (въ 1863) ничего писаннаго и изданнаго Срезневскимъ послѣ 1843 года (!), кромѣ „Задонщины“; объ его мнѣніяхъ онъ знаетъ только изъ „Записки“ Погодина и опровергаетъ своего друга, находившаго взглядъ Срезневскаго новымъ, указывая, что это былъ давно извѣстный взглядъ, напр., у такихъ ученыхъ, какъ Граматинъ или Гречъ. Перебирая мнѣнія объ этомъ предметѣ, онъ припоминаетъ и мнѣніе Надеждина, что великорусскій языкъ образовался изъ соединенія языковъ бѣлорусскаго и южно-русскаго, особенно вслѣдствіе переходовъ и переселеній. Самого Лавровскаго (его сочиненій до „Отвѣта“, говоритъ Максимовичъ, онъ тоже не читалъ, кромѣ статьи въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества) онъ упрекаетъ въ противорѣчіяхъ самому себѣ, когда тотъ говорилъ, то о безразличіи древняго русскаго языка, то о существованіи малорусскаго нарѣчія и народа — въ Карпатахъ, откуда они пришли въ Кіевъ въ XIV столѣтіи, и допрашиваетъ его о бѣлорусскомъ нарѣчіи: когда оно обособилось въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго государства; категорически опровергаетъ его замѣчанія о сходствѣ малорусскаго нарѣчія съ сербскимъ. Относительно старыхъ памятниковъ, Максимовичъ замѣчаетъ: „Та именно древле-кѣв-

¹⁾ Новыя письма къ М. П. Погодину, о старобитности малороссійскаго нарѣчія, „День“, 1-63, № 8, 10, 15, 16 и въ Собраніи сочиненій, т. III.

ская и древле-галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отзываться и высказываться особенности языка своего народного, погибла вся, по крайней мѣрѣ доннынѣ намъ ничего изъ нея не извѣстно... При такомъ отсутствіи самихъ памятниковъ древней южно-русской письменности, справедливое ли дѣло заключать и возглашать уже о совершенномъ отсутствіи въ ней всякихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія?"

Вторая статья Лавровскаго въ „Основѣ“ написана по поводу замѣчанія, которымъ редакция этого журнала сопровождала его первую статью. Тамъ сказано было, что редакция помѣщала статью Лавровскаго „не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а, можетъ быть, и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—великороссы, а съ другой—поляки усматриваютъ въ древней южно-русской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго“. Лавровскій рѣшительно отвергалъ какую-нибудь тенденціозность своихъ мнѣній; редакция, съ своей стороны, указывала образчики отношенія къ вопросу въ литературѣ, гдѣ нельзя было не видѣть племенной исключительности и недружелюбія. Каждая изъ сторонъ была въ томъ или другомъ права; споръ между южанами и съверянами отзывался и здѣсь ¹⁾.

Съ 60-хъ годовъ можно замѣтить новый поворотъ въ изслѣдованіяхъ о малорусскомъ языкѣ. До сихъ поръ вопросъ находился или въ рукахъ филологовъ-любителей, какъ Максимовичъ; смѣло рѣшался даже людьми совсѣмъ посторонними филологической наукѣ, какъ Погодинъ; или въ рукахъ ученыхъ, которые рѣшали его на основаніи пока самой общей оцѣнки памятниковъ, какъ Срезневскій и Лавровскій, когда еще не было собрано ни достаточнаго матеріала письменнаго, ни сдѣлано достаточнаго изученія нарѣчій живого языка или не было усвоено болѣе тонкихъ приѣмовъ наблюденія. Теперь предметъ едва ли не впервые поставленъ былъ научно. Главное мѣсто принадлежитъ здѣсь трудамъ

¹⁾ Мнѣніе о выселеніи малоруссовъ съ Карпатъ разобрано было въ статьѣ Котляревскаго въ той же „Основѣ“. Объ этомъ предметѣ см. также ст. В. В. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе“, въ „Монографіяхъ“, Кіевъ, 1885; и въ статьяхъ Ир. Житецкаго: „Смѣна народностей въ южной Руси“, К. Старина, 1883—84. Статья г. Антоновича вызвала возраженіе г. Соболевскаго, въ Журн. Мин. Просв. 1885.

г. Потебни, значительнѣйшаго изъ нашихъ филологовъ настоящаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались изслѣдованія малорусскаго языка у ученыхъ западно-славянскихъ.

Труды г. Потебни ¹⁾ стали появляться съ 1860 года и были посвящены вообще вопросамъ языка и мифологій ²⁾; они тогда же обратили на себя вниманіе, какъ обширнымъ количествомъ фактическихъ данныхъ, которыя присутствовали въ памяти изслѣдователя, такъ и остроуміемъ его филологической критики; въ скоромъ времени его мнѣнія стали приобретать авторитетное значеніе. Въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ старался объять языкъ во всей широтѣ его явленій историческихъ и современныхъ, по его нарѣчіямъ и говорамъ, и, хорошо вооруженный приемами сравнительно-филологической критики, онъ едва ли не больше всѣхъ нашихъ ученыхъ въ этой области приготовленъ былъ для правильной постановки предмета. Если въ своихъ изслѣдованіяхъ мифологическихъ г. Потебни, быть можетъ, нѣсколько увлекался въ томъ направленіи, какое отмѣчено въ нашей литературѣ трудами Буслаева и Афанасьева, то въ изслѣдованіяхъ о языкѣ онъ напоминалъ безстрастнаго натуралиста, наблюдающаго строеніе и физиологическія явленія организма; процессъ своихъ соображеній и самые выводы онъ излагалъ обыкновенно точно алгебраическую выкладку, суровымъ лаконическимъ языкомъ, который могъ быть доступенъ только для такихъ же специалистовъ.

Въ тотъ споръ о малорусскомъ языкѣ, о которомъ мы говорили, г. Потебни не вступался и касался вопроса лишь тогда и въ той степени, какъ онъ становился на очередь въ его изысканіяхъ; онъ не думалъ ни выбирать себѣ союзниковъ, ни опровергать противниковъ, — онъ устанавливалъ только положенія, которыя казались ему вытекающими изъ историческихъ данныхъ языка, или устранялъ мнѣнія, казавшіяся ему неправильными, короткимъ и категорическимъ опроверженіемъ. Мы не имѣемъ здѣсь возможности входить въ частности и приведемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній его о состояніи древняго русскаго языка и возможной эпохѣ выдѣленія нарѣчій. Выводы г. Потебни здѣсь были

¹⁾ См. обзоръ ихъ въ рецензій его сочиненій, въ присужденіи Ломоносовской преміи и въ особой запискѣ Срезневскаго; „Сборникъ II отдѣленія академіи“, томъ XVIII, 1878, стр. LXXIV—CXVII.

²⁾ О нѣкоторыхъ символахъ славянской народной поэзіи, 1860; Мысль и языкъ, 1862; О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, 1865; О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, 1865; Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, 1866; Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій, 1871; Изъ записокъ по русской грамматикѣ, 1874; Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 1876—1881, и др.

совершенно самостоятельны и не совсѣмъ сходились съ тѣмъ, что полагали до него другіе. Русскій языкъ дѣлится, по его мнѣнію, и дѣлится извѣстари, на два главныхъ нарѣчія: великорусское и малорусское, и первое также очень давно дѣлится на южное и сѣверное, и къ южно-великорусскому принадлежит бѣлорусское, какъ особая его вѣтвь. „Русскій языкъ, въ смыслѣ совокупности русскихъ нарѣчій, есть отвлеченіе; но возводя теперешнія русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ, конкретный, нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ славянскихъ... Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многими раньше XII в., потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого великорусскаго нарѣчія на сѣверо-великорусское и южно-великорусское, и такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣдніе другъ отъ друга“.

Авторъ считаетъ несправедливымъ приписывать Срезневскому мнѣніе о безразличіи русскаго языка до XIV столѣтія. Онъ выпиываетъ изъ предисловія Срезневскаго къ „Запискѣ“ Погодина мысль, что „XIII и XIV вѣкъ былъ временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльных“, и что „нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ появились очень рано; но только говоровъ, а не нарѣчій“, — и находитъ, что эти слова не противорѣчатъ и взгляду самого г. Потебни; но, замѣчаетъ г. Потебня, „никогда до сихъ поръ точно не опредѣлили и никогда не опредѣлятъ разницы между нарѣчіемъ и говоромъ. Каждый имѣетъ полное право думать, что рѣчь, имѣющая 5, 10 и т. д. отличій отъ другой, принятой за мѣрку, есть говоръ, но, съ появленіемъ шестого, одиннадцатаго и т. д. признака, она становится нарѣчіемъ“.

Появленіе тѣхъ мѣстныхъ особенностей, которыя послужили къ раздѣленію нарѣчій, г. Потебня считаетъ возможнымъ относить ко времени задолго до XIII столѣтія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предполагаемое обще-великорусское нарѣчіе, по его мнѣнію, уже въ X-мъ вѣкѣ или раньше выдѣлилось отъ древняго языка, и т. д. ¹⁾.

Срезневскій, разбирая изслѣдованія г. Потебни, не совсѣмъ соглашался, какъ съ общей точкой зрѣнія, такъ и съ подборомъ

¹⁾ „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка“, стр. 138—140; см. также 108, 109, 112, 124 и др.

главныхъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ опредѣленіе отличительныхъ признаковъ русскихъ нарѣчій; но, не вдаваясь въ объясненіе своего разногласія съ нимъ, вообще отдаетъ великую похвалу большой тонкости этихъ изслѣдованій, и по поводу „Замѣтокъ о малорусскомъ нарѣчій“ говоритъ, что „это, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тогда будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія сравнительно съ великорусскими въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики русскаго языка вообще, имѣя средства доказательно оспаривать нѣкоторые изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными“.

Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ работахъ о малорусскомъ языкѣ или касающихся его, какъ труды рано умершаго Колосова ¹⁾, П. Житецкаго ²⁾, и скажемъ еще о разработкѣ предмета у галицкихъ ученыхъ

Въ галицко-русской литературѣ потребность опредѣленія языка явилась одновременно съ первыми опытами литературнаго возрожденія въ 30-хъ годахъ. Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ грамматикъ малорусскаго языка, писанныхъ по-латыни, по-славяно-русски, по-нѣмецки и по-польски, — грамматикъ различнаго достоинства, и въ большинствѣ мало удовлетворительныхъ, отчасти вслѣдствіе неумѣнья выдѣлить народную рѣчь изъ обычнаго смѣшаннаго славяно-русскаго языка, который издавна держался въ русской Галиціи подъ вліяніемъ книгъ церковныхъ, отчасти по недостаточности самыхъ филологическихъ приѣмовъ ³⁾.

¹⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст., 1872; Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, 1878.

²⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876; разборъ этой книги въ Archiv für slavische Philologie, т. I, и въ подробной рецензій Потемни, въ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, 1878;—Описаніе пересопницкой рукописи XVI вѣка, съ приложеніемъ текста Евангелія Луки, Кіевъ, 1876. Житецкій старался дать по возможности цѣльную картину историческаго развитія звуковъ, пользуясь для этого, между прочимъ, архаическими остатками въ современныхъ нарѣчіяхъ.

³⁾ Grammatica Slavo-ruthena, seu Vetero-slavicae, et actu in montibus Carpathicis Parvo-russicae, seu dialecti viventis linguae. Edita per Michaellem Lutskaý. Budaë, 1830.

— Grammatik der Ruthenischen oder klein-russischen Sprache in Galicien von J. Lewicki. Przemyśl. 1834.

— Grammatyka języka Małoruskiego w Galicii ułożona przez Jana Wagilewicza. Lwow. 1845.

— J. Łozinski, Grammatyka języka ruskiego (т.-е. малорусскаго). Przemyśl, 1846.

Послѣднимъ и замѣчательнѣйшимъ изъ трудовъ галицкихъ ученыхъ является книга Э. Огоновскаго ¹⁾, профессора львовскаго университета. Огоновскій весьма полно воспользовался литературой предмета, изслѣдованіями ученыхъ русскихъ, западно-славянскихъ и нѣмецкихъ, и опять прямо поставилъ вопросъ объ историческомъ значеніи малорусскаго языка въ его отношеніяхъ къ великорусскому. Предметъ, который и въ нашей наукѣ все еще представляетъ спорные историческіе и практическіе пункты, у галичанъ, вслѣдствіе особаго положенія ихъ литературы, тѣмъ болѣе служить поводомъ къ крайнему разногласію. Мы не разъ касались этого разногласія, которое отражается и на литературной дѣятельности галичанъ и на ихъ политическомъ пониманіи своего положенія: принадлежать ли они къ единому (обще-русскому) племени, — или же къ особому племени южно-русскому, тогда какъ Россія (языкъ которой другою стороною считается именно обще-русскимъ) и ея литература принадлежитъ собственно къ племени великорусскому? Бросить ли имъ свою народную рѣчь и принять обще-русскую, т.-е. великорусскую, — или держаться своего дѣйствительнаго южно-русскаго языка, остаться въ связи съ своимъ народомъ (не знающимъ языка великорусскаго) и съ южно-руссами російской имперіи и сохранить свое собственное древнее національное преданіе, которое было кievско-галицкое, т.-е., по ихъ убѣжденію, именно ихъ южно-русское? Разногласіе было здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ въ нашей литературѣ, потому что два языка являлись здѣсь въ самой жизни въ гораздо большемъ разладѣ. Если русскій кievскій югъ ходомъ исторіи до такой степени оторванъ былъ отъ сѣвера (гдѣ, въ наши средніе вѣка, именно и создалось русское государство, единственное, какое

— Я. Головацкій, Росправа о языкѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ, Львовъ, 1849; Грамматика русскаго языка. Во Львовѣ, 1849.

— Осада, Грамматика русскаго языка. Львовъ, 1864 (по Миклошичу).

Изъ этихъ писателей Лучкай и Левицкій не достаточно отдѣляютъ южно-русскій языкъ отъ церковнаго; Вагнлевичъ взялъ себѣ образцомъ Греча и Востокова и въ предисловіи сообщилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній изъ народныхъ нарѣчій. О самомъ языкѣ онъ говоритъ, что это есть „особый срединный языкъ въ славянствѣ, вслѣдствіе чего онъ много вліялъ на книжные языки польскій и русскій; поэтому его можно было бы считать подрѣзіемъ обоихъ въ томъ смыслѣ, что, относительно обоихъ, онъ есть языкъ подчиненный“. Въ „Росправѣ“ Головацкаго собраны особенности мѣстныхъ говоровъ, именно: галицкаго, горскаго (карпато-русскаго) и волинско-подольскаго.

¹⁾ „Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg, 1880. Добавленіемъ къ ней служатъ статьи въ Запискахъ краковской академіи: O ważniejszych właściwościach języka ruskiego. Krakow, 1885.

только было), что при новомъ соединеніи ихъ въ половинѣ XVII-го вѣка обѣ стороны, хотя несомнѣнно единоплеменные и едино-вѣрные, встрѣтились точно чужія, то отдѣленіе Руси галицкой отъ стараго русскаго единства было полное: съ половины XIV вѣка и до конца XIX-го, она не имѣла и не имѣетъ никакихъ прямыхъ политическихъ и бытовыхъ связей съ русскимъ сѣверомъ, который сталъ громаднымъ всепоглощающимъ русскимъ государствомъ. То русское преданіе, о сохраненіи котораго могли заботиться въ русской Галиціи, было только преданіе первыхъ вѣковъ русской исторіи, преданіе давнымъ давно пережитое, забытое и затертое въ Россіи, и для самихъ галицкихъ русскихъ остающееся только чѣмъ-то книжнымъ, теоретическимъ, воображаемымъ. Въ современной жизни вопросъ о томъ: войти ли въ „обще-русское“ движеніе или остаться южно-руссами, применивъ къ южно-русской долѣ племени въ Россіи,—этотъ вопросъ долженъ былъ рѣшиться, собственно говоря, не столько на основаніи подобнаго преданія, сколько на основаніи нынѣшняго положенія вещей, нынѣшнихъ естественныхъ потребностей и сочувствій общества и народа; но пока онъ нерѣшился, онъ остается для русскихъ галичанъ тяжелой задачей, общественной, литературной и —ученой.

Какъ же быть въ этой путаницѣ отношеній, чѣмъ опредѣлить свойства своего народа, какъ оцѣнить его преданія, гдѣ найти настоящую дорогу его дальнѣйшаго развитія? Съ этими вопросами галицко-русская литература носится съ первой поры своего возрожденія и до сихъ поръ не можетъ рѣшить недоумѣнія, въ самомъ дѣлѣ, нелегкаго. Стремиться къ обще-русскому единству?—но съ нимъ въ сущности галицкая жизнь имѣетъ мало общаго: русскіе галичане, хотя имъ и не очень трудно было бы выучиваться по-русски, не знаютъ русскаго книжнаго языка, и содержаніе русской литературы, такъ пропитанной русскою жизнью, для нихъ вразумительно также мало, какъ и для всѣхъ вообще нашихъ „братьевъ“,—эти „братья“, какъ извѣстно, очень туго понимаютъ русскую литературу и тѣмъ менѣе она имъ доступна, чѣмъ она именно больше вѣрна русской жизни, чѣмъ больше „національна“ въ настоящемъ смыслѣ слова. И дѣйствительно, галицкія стремленія къ „обще-русскому“ литературному единству проявляются обыкновенно, почти всегда, только въ уродливой, чуть не каррикатурной формѣ, и сопровождаются слишкомъ часто какими-нибудь личными интересами или даже интригантскими соображеніями. Между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьезно, могло бы быть, дѣйствительно, очень

сильной опорой для этой мѣстной русской жизни, могло бы доставить ей поддержку той великой умственной и нравственной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего развитія, успѣла собрать русская литература въ своемъ новомъ періодѣ. Или, стремиться въ единству только южно-русскому?—Этимъ и одушевляются лучшіе дѣятели галицкой литературы: они сосчитываютъ статистическія цифры своего племени—въ Россіи и въ Австріи (полагая, что это все равно)—и думаютъ, что племя въ пятнадцать или даже въ двадцать милліоновъ должно имѣть свою литературу и будетъ имѣть ее; но, самое это племя раздѣлено своей исторіей, и наибольшая половина живетъ давно въ тѣсныхъ связяхъ съ великорусскимъ центромъ, съ которымъ едва ли можетъ раздѣлиться въ своей умственной жизни; въ этой болѣе-половинѣ, литература на народномъ языкѣ давно стала провинціализмомъ и союзъ съ нею для галичанъ прибавляетъ мало въ смыслѣ высшихъ задачъ науки и литературы, и самая народная жизнь восточной части южно-русскаго племени не совсѣмъ похожа на жизнь западныхъ галичанъ. Но въ то же время, галицко-русская литература не можетъ обойтись безъ народного языка, если только хочетъ быть понятна въ настоящую минуту своей народной массѣ, а безъ этого она и не можетъ, конечно, служить интересамъ народной массы.

Огромному большинству галицко-русскихъ дѣятелей, указанное противорѣчіе представляется безъисходнымъ и они останавливаются обыкновенно на той или на другой части этой дилеммы, и факты новѣйшей русской и малорусской жизни (какъ, напр. крайняя нетерпимость къ украинофильству въ Россіи и запрещенія, падавшія на малорусскую рѣчь и литературу) убѣждали ихъ, что иначе и быть не можетъ.

Въ дѣйствительности, здѣсь вовсе нѣтъ безъисходнаго противорѣчія. Спокойно понятый интересъ долженъ, напротивъ, убѣждать въ необходимости того и другого — и тѣсныхъ связей съ общей русской литературой, и разработки своего народного языка. При всемъ различіи судьбы Руси галицкой съ судьбою массы русскаго народа, эта масса есть все-таки единственная сильная племенная опора, и оторванная исторіей доля племени найдетъ здѣсь еще много общаго, родственнаго и сочувственнаго, чего ей больше негдѣ искать; сосѣдняя, и легко въ сущности понятная, богатая литература, можетъ дать готовый обширный запасъ содержанія, выработка котораго силами одной мѣстной народности была бы просто невыполнима; а вѣчная зависимость, въ высшихъ вопросахъ, отъ литературы чужезычной (напр. нѣмец-

кой) не преминула бы отозваться внутреннимъ унадобомъ національности. Съ другой стороны, въ настоящемъ положеніи галицко-русской жизни, развитіе литературы на народномъ языкѣ остается пока единственнымъ средствомъ просвѣщенія народа.

Своему изслѣдованію южно-русскаго языка г. Огоновскій предпослалъ ввѣдую статью, гдѣ объясняетъ „отношенія южно-русскаго языка къ русскому“ ¹⁾. Г. Огоновскій, самъ ревностный галицко-русскій патріотъ, окруженный борьбою противоположныхъ направленій, естественно долженъ былъ считаться съ тѣми взглядами, какіе господствуютъ въ его обществѣ и самъ не свободенъ отъ ихъ односторонности. Въ виду споровъ о судьбѣ народности и литературы, для галицкихъ патріотовъ однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ является стремленіе доказать отдѣльность и независимость своего языка отъ русскаго. Чувствуя эту отдѣльность языка въ настоящую минуту, желая защитить его нынѣшнюю литературу, они распространяютъ свой взглядъ на прошедшее и считаютъ свой языкъ подлиннымъ древнимъ русскимъ, а языкъ великорусскій—новой формаціей; этотъ новый (московскій) языкъ присвоилъ себѣ элементы церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, давши имъ свою новую, чуждую окраску въ ущербъ старому и подлинному основанію. Читая нѣкоторые разсужденія объ этомъ предметѣ у галицко-русскихъ писателей, можно встрѣтить въ нихъ сходство съ извѣстными разсужденіями польскихъ писателей о „русскомъ“ и „московскомъ“ языкѣ и народности, съ подобною утратой исторической перспективы. Г. Огоновскій не доходитъ до этой крайности, но и не совершенно свободенъ отъ нея. Ему кажется страннымъ фактъ, что „языкъ, который въ теченіе столѣтія считался самостоятельнымъ, теперь, главнымъ образомъ по политическимъ причинамъ, или совершенно игнорируется, или выставляется, какъ нарѣчіе русскаго языка, а иной разъ даже, какъ нарѣчіе языка польскаго. Правда, нельзя отвергать, что рутенскій ²⁾ языкъ находится въ странномъ отношеніи къ русскому, именно, что лексическій и грамматическій матеріалъ перваго былъ, въ XVIII и XIX столѣтіи, такъ поглощенъ московскимъ нарѣчіемъ (moscowitischer Dialect), что новый языкъ принялъ даже атрибутъ русскаго (!): и однако же каждому мыслящему филологу ясно какъ день, что рутенскій языкъ, несмотря на видимое (?) тождество въ названіи, никакъ не можетъ рассматриваться какъ нарѣчіе русскаго языка, но какъ равный съ

¹⁾ Южно-русскій обозначается у него ruthenisch.

²⁾ Т.-е. настоящий старый и подлинный, нынѣ южно-русскій, языкъ. Удерживаемъ терминъ автора, для большей наглядности.

нимъ языкъ. Большая часть недоразумѣній, въ этомъ отношеніи, вызвана, безъ сомнѣнія, упомянутымъ названіемъ этихъ языковъ („ruthenisch“ und „russisch“). Дѣло въ томъ, что такъ какъ оба эти слова представляютъ переводъ одного и того же прилагательнаго (роусьскій), то можно было, особенно за границей, считать себя въ правѣ думать, что между названными языками нѣтъ никакого существеннаго различія. Но всякое недоразумѣніе устранилось бы только тогда, еслибы русскій языкъ не отвергалъ своего московскаго происхожденія и имени (!). Между тѣмъ, можно утѣшаться мыслью, что простое названіе, т.-е. вышнее обозначеніе, нисколько не измѣняетъ сущности языка, что поэтому, не смотря на сходство въ названіи, рутенскій и русскій должны остаться двумя особыми языками“.

Отдѣльность самыхъ языковъ авторъ принимаетъ за доказанный фактъ, подтверждая его авторитетомъ такихъ филологовъ, какъ Миклопичъ и Шлейхеръ (имѣвшихъ въ виду нарѣчія нынѣшнія). Ссылаясь на Костомарова, авторъ указываетъ „двѣ русскія народности“, и объясняетъ, что собственная и древняя „Русь“ была именно южная, а народность „московская“ образовалась позднѣе, съ поглощеніемъ элементовъ финскихъ, и хотя авторъ отвергаетъ, какъ нелѣпость, мнѣніе нѣкоторыхъ опалѣвшихъ (hiperverbrannt) этнографовъ, что нынѣшніе русскіе—не славяне, а по своему происхожденію принадлежать къ туранцамъ, и думаетъ напротивъ, что московское княжество, хотя и поглотило многіе инородческіе элементы, было, по своему населенію, столь же славянскимъ, какъ вся масса прежнихъ рутенскихъ племенъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ полагаетъ, что „когда московское княжество восприняло политическую роль рутенской метрополіи, Кіева, разрушеннаго татарскими нашествіями и внутренними междоусобіями, то оно должно было естественно присвоить себѣ и имя своего уже не опаснаго соперника, чтобы затѣмъ выступить въ качествѣ его законнаго преемника и обнять стариннымъ популярнымъ именемъ всѣ (восточно-)славянскія племена. По совершеніи этого богатаго послѣдствіями присоединенія, древняя Рутенія (Русь) осталась безъ имени, такъ какъ двѣ національности не могли удовлетворяться однимъ и тѣмъ же названіемъ. Съ тѣхъ поръ московское великое княженіе стало называться „рутенскимъ“ (русскимъ), а потому и все централизованное царство—Россіей. вмѣстѣ съ тѣмъ собственная Россія (южная Русь) должна была искать себѣ новаго имени, чтобы не быть вычеркнутой съ карты міра. Къ сожалѣнію, выборъ новаго названія для исторически извѣстной націи не могъ ожидать прочнаго значенія; вслѣдствіе

того, новыя выраженія, возникшія въ XVII столѣтіи: Малороссія, Украина, Гетманщина, не могли уже потому приобрести общаго права гражданства, что они означали или одну часть націи, или просто отмѣчали одну эпоху въ ея исторіи“.

Въ этихъ словахъ слышится, конечно, голосъ горячаго южно-русскаго патріота, и съ этой точки зрѣнія, понятно чувство скорби о судьбѣ племени, утратившаго и свою цѣльность, и свое древнее имя. Но факты не точны, и если самъ авторъ однажды ссылаясь на „Двѣ народности“ Костомарова, то могъ бы справиться и съ другою статьею того же Костомарова, гдѣ послѣдній, опровергая туранскую теорію польскихъ этнографовъ, касается и вопроса объ имени Руси¹⁾. Дѣло въ томъ, что имя Руси, хотя и связанное съ Кіевомъ, было и въ древнемъ періодѣ весьма неопредѣленно, и въ реальномъ политическомъ смыслѣ требовало ближайшихъ обозначеній по землямъ и княженіямъ²⁾, но главный смыслъ этого имени сдѣлался уже вскорѣ этнографическимъ. Въ удѣльную эпоху новгородцы, суздальцы, кіевляне, тверитяне, москвичи обозначались политически по своимъ мѣстнымъ именамъ, но всѣ они были русскіе, когда приходилось говорить не о частныхъ единицахъ (въ ихъ отношеніяхъ между собою), а объ цѣломъ племени въ противоположность чему-либо иноземному; все это были одни русскіе по племени, по языку и по вѣрѣ. Названіе московскаго княжества было естественнымъ продолженіемъ стараго удѣльнаго способа политическихъ обозначеній; отъ княжества оно перешло по наслѣдству и къ царству, но когда княжество расширилось за свои первоначальные предѣлы, оно тотчасъ стало называться и „русскимъ“ государствомъ. Иноземцы дѣлали эту русскую землю „Московіей“ по памяти о московскомъ княженіи; были дѣйствительно „московскіе люди“, какъ подданные московскаго (сначала небольшого удѣльнаго, потомъ великаго) князя³⁾, но „московскаго племени“, не бывало—племя было русское. Когда Москва присоединяла мало-по-малу удѣлы она не покоряла племя, а только уничтожала старыя полити-

¹⁾ „Правда полякамъ о Руси“, въ „Основѣ“, 1861, № 10, стр. 100—112.

²⁾ Первая Русь (Варяги-Русь) отмѣчена лѣтописцемъ вовсе не на югѣ, а въ Новгородѣ, и оттуда, по мнѣнію лѣтописца, впервые явилось русское имя. Съ переходомъ князей изъ Новгорода въ Кіевъ имя Руси утвердилось здѣсь, повидимому, именно въ связи съ главнымъ княжескимъ гнѣздомъ, но въ періодъ удѣловъ пошли уже въ ходъ имена земель и княженій, какъ обозначенія политическихъ единицъ. Такою единицей былъ самъ Кіевъ съ его землей, Новгородъ, Суздаль, а наконецъ, и Москва.

³⁾ И московскій „великій“ князь былъ прежде не единственный; бывали и „великіе“ тверскіе князья.

ческія единицы, и владимірцы, рязанцы, тверитяне и, наконецъ, новгородцы не думали считать себя другимъ племенемъ относительно москвитянъ; рѣчь шла только о паденіи ихъ автономіи политической. Такимъ образомъ, странно говорить, будто бы Москвѣ нужно было отнимать у южной Руси ея имя, чтобы стать русской. Г. Огоновскій самъ приводитъ извѣстное указаніе, что имя „Малой Руси“ названо было уже въ первой половинѣ XIV вѣка ¹⁾; это имя названо было самимъ княземъ Юріемъ галицкимъ и владимірско-волинскимъ, такъ что, самъ представитель южной Руси считалъ ее „Малою“, очевидно предполагая этимъ и „великую“, которая дѣйствительно нарождалась тогда сначала въ Твери, а потомъ въ Москвѣ. Очевидно, что названіе, употребленное княземъ Юріемъ, было названіе принятое, которымъ сами жители края признавали какъ свое племенное единство съ другою, большою Русью, такъ и свою политическую второстепенность. Въ томъ же XIV столѣтіи, московскій князь Симеонъ Ивановичъ называлъ себя великимъ княземъ, не только московскимъ, но и „всѣя Русіи“; „Московія“ иноземцевъ на русскомъ языкѣ называлась „великая россійская держава московскаго государства“. Что царь Алексѣй Михайловичъ сталъ называть себя царемъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи, это было только естественнымъ продолженіемъ стараго титула, которое подтверждалось фактическимъ владѣніемъ; а что народъ южно-русскій потерялъ свое общее древнее имя, это опять просто объясняется тѣмъ, что онъ утратилъ свое политическое существованіе.

Сообразно съ этимъ, объясняется и историческая роль южно-русскаго языка. Мы не сомнѣваемся, что различіе нарѣчій великорусскаго и малорусскаго восходитъ къ очень давнему времени и, повидимому, языкъ малорусскій сохранилъ даже нѣкоторыя древнѣйшія черты первоначальнаго языка, утраченныя въ великорусскомъ; но, во-первыхъ, общность двухъ нарѣчій въ ихъ корнѣ едва ли подлежитъ спору, а во-вторыхъ, надо отличать судьбу языка народнаго и книжнаго. Въ древнѣйшемъ періодѣ русской письменности, наши филологи, какого бы они ни держались взгляда, не могли волей или неволей не увидѣть большой общности книжно-народнаго языка, и самые памятники видимо совершенно легко ходили между книжниками на сѣверѣ и на югѣ. Положительное распаденіе двухъ нарѣчій относится сравнительно къ болѣе позднему времени, когда рядомъ съ тѣмъ и произошло и политическое распаденіе юга и сѣвера. Если мы спросимъ,

¹⁾ Есть упоминанія, относящіяся еще къ концу XIII столѣтія.

однако, гдѣ осталась наиболѣе живая традиція старой письменности, гдѣ, напримѣръ, непосредственно и обильно продолжаемы были лѣтописи, гдѣ продолжала расти литература церковная, развивались старые эпическіе мотивы и т. д., мы должны будемъ сказать: на сѣверѣ, — впрочемъ, пока вовсе не въ Москвѣ, а скорѣе въ Новгородѣ, который въ первые вѣка московскаго велико княженія стоялъ въ книжномъ отношеніи гораздо выше Москвы. Народный языкъ съ XIII—XIV вѣка уже сильно отличается на сѣверѣ и на югѣ, но въ литературѣ церковной созданъ особый стиль, писали или старались писать на церковно-славянскомъ языкѣ, невольно отбѣняя его особенностями народнаго языка, и этотъ же стиль, съ чертами южно-русскими, существовалъ и на югѣ. Г. Огоновскій не весьма точно понимаетъ это положеніе вещей, когда, упомянувъ о дѣятельности южно-русскихъ ученыхъ въ Москвѣ со второй половины XVII вѣка, говоритъ, что, переселившись въ Москву, эти люди (какъ Елифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій и др.) „перенесли туда средоточіе литературной дѣятельности Рутеніи (южной Руси)“, и что эти реформаторы, предложивъ свои услуги новому отечеству и разрушая китайскую стѣну московской культуры, „разрабатывали дальше московское нарѣчіе (das moscowitische Idiom) на основѣ своего роднаго языка“, вслѣдствіе чего, „при наступившей въ Кіевѣ апатіи ко всякой политической и литературной дѣятельности, можно было не замѣчать никакой разницы между рутенскимъ и московскимъ“, т.-е. между южно-русскимъ и великорусскимъ. Съ дѣятельностью Петра великаго русскій элементъ получилъ еще новую силу, а южно-русскій сталъ падать, тѣмъ болѣе, что на Украинѣ, послѣ національнаго одушевленія XVII вѣка, настало утомленіе и автономія южной Руси была подавлена. Это изложеніе тогдашнихъ отношеній весьма ошибочно въ слѣдующемъ. Заслуги южно-русскихъ ученыхъ были несомнѣнны на поворотѣ русской жизни къ ея новому направленію, ознаменованному петровской реформой; но собственно языкъ, которымъ писали южно-русскіе церковные писатели въ Москвѣ, былъ тотъ же церковно-славянскій, подмѣшанный русскимъ (напр. языкъ Димитрія Ростовскаго), который господствовалъ и раньше въ московской письменности, и въ этомъ отношеніи кіевскіе ученые вовсе не „разрабатывали московскаго нарѣчія на основѣ своего языка“. Дѣло просто въ томъ, что для сѣвера и юга была здѣсь давнишняя общая почва, и эти отношенія объясняются гораздо проще на основаніи родственности племенъ и ихъ церковныхъ преданій, чѣмъ на основаніи ихъ различія. Что же касается до

собственно малорусскихъ (или малорусско-польскихъ) элементовъ языка, также частію принесенныхъ кіевскими и западно-рускими учеными въ ихъ писаніяхъ, эти элементы уже вскорѣ отпали изъ „московскаго“ языка.

Далѣе г. Огоновскій, отвергнувъ сравненіе отношеній великорусскаго къ малорусскому съ отношеніями нѣмецкаго литературнаго языка къ *plattdeutsch*, замѣчаетъ: „исторія не знаетъ никакой ниже-нѣмецкой націи съ однообразно сформированнымъ языкомъ, своимъ рѣзко выраженнымъ типомъ и съ своеобразнымъ характеромъ народной поэзіи, между тѣмъ, какъ существованіе малорусской націи неопровержимо доказывается историческими фактами. И богатые запасы языка этой націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были систематически эксплуатируемы въ пользу московскаго нарѣчія (*zu Gunsten des moscowitischen Dialectes systematisch ausgebeutet*), вслѣдствіе чего древняя русинская нація неизбѣжно должна была стать въ странное отношеніе къ новосозданному русскому языку“. Авторъ еще не разъ повторяетъ потомъ, что „нынѣшній русскій языкъ произошелъ изъ смѣси московскаго нарѣчія, русинскаго и церковно-славянскаго языка“, что великорусскій языкъ „могущественно развился на счетъ (*auf Kosten*) малорусскаго“, — и указываетъ, наконецъ, что „если датчане не хотятъ промѣнять своего языка на близкое родственныи шведскій и голландцы не имѣютъ никакой симпатіи къ нѣмецкому, то съ тѣмъ болѣе правомъ и русины не хотятъ предпочесть своему благозвучному языку языка русскаго“; они пользуются своимъ языкомъ „въ глубочайшемъ убѣжденіи, что интересы этого языка должны быть соблюдены во всѣхъ отрасляхъ науки“, причемъ замѣчается, что къ тому же „русскій“ языкъ не есть еще языкъ всемірный.

Мы отдаемъ все уваженіе патріотическимъ заботамъ почтенныхъ галицко-рускихъ ученыхъ о развитіи ихъ родного языка, о защитѣ его правъ, заботамъ, тѣмъ болѣе внушающимъ это уваженіе, что исполненіе задачи обставлено исключительно трудными и едва одолжимыми препятствіями. Но, къ сожалѣнію, приведенныя слова, которыя передаютъ весьма распространенное у галичанъ представленіе ¹⁾, заключаютъ въ себѣ не мало преувеличеній и

¹⁾ Можно было бы привести множество примѣровъ изъ полемики двухъ галицко-рускихъ партій. Изъ послѣдняго времени, можемъ указать, напр. „Литературныя Записки“, Т. К. Блонскаго, въ львовскомъ „Словѣ“, 1885, № 39 и слѣд., и друг. Между прочимъ, обѣ спорившія стороны пользовались, когда то приходилось по ихъ точкѣ зрѣнія, цитатами изъ моей Ист. слав. лит., и статей въ „В. Евр.“, но не всегда въ ихъ настоящемъ смыслѣ.

неточностей. Если безпристрастные русскіе историки вполнѣ признають заслуги южно-русскихъ ученыхъ XVII—XVIII вѣка для русскаго просвѣщенія; если они признають, что этому просвѣщенію не мало послужили потомъ писатели, которые были уроженцами Малороссіи, то это вовсе еще не значить, чтобы русскій языкъ всѣ двѣсти лѣтъ новѣйшей литературы развивался на счетъ малорусскаго; сказать это значить не имѣть точнаго понятія о развитіи русской новѣйшей литературы. Если въ ней участвовали силы малорусскія, то въ десятеро больше было силъ великорусскихъ. То направленіе, въ которомъ дѣйствовали малорусскіе ученые конца XVII и начала XVIII вѣка, направленіе церковно-схоластическое, со временъ Петра было смѣнено другимъ — стремленіемъ прямо усвоивать формы и содержаніе новой европейской науки и литературы, и могущественными дѣателями являются уже такіе чистѣйшіе великоруссы, какъ Ломоносовъ, котораго именно и считаютъ отцомъ новой русской литературы. Болѣе близкое знакомство съ исторіей новой русской литературы могло бы достаточно выяснить этотъ предметъ нашимъ галицкимъ братьямъ, какъ знакомство со старой литературой убѣдило бы ихъ, что, при всемъ значеніи богатаго кievскаго періода, древній русскій сѣверъ, въ то же время, также работалъ для русской письменности. Далѣе, если, какъ утверждаетъ г. Огоновскій, московское нарѣчіе такъ систематически, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, эксплуатировало южно-русскій языкъ, отчего же нынѣшніе русины считаютъ великорусскій языкъ столь себѣ чуждымъ?

Наконецъ, относительно сравненія литературы южно-русской съ голландской или датской можно замѣтить, что положенія весьма различны. Во-первыхъ, южно-русская литература у галичанъ почти или совсѣмъ забыла преданія древняго и средняго періода строится вновь на народномъ языкѣ, который однако и донинѣ еще не можетъ установиться, а въ громадномъ большинствѣ южноруссовъ, находящемся въ Россіи, является провинціализмъ, тогда какъ для высшихъ цѣлей науки и литературы для малоруссовъ въ Россіи существуетъ уже богатый матеріалъ на русскомъ языкѣ. Во-вторыхъ, важнымъ въ высшей степени факторомъ литературнаго развитія языка бываетъ его значеніе государственное: только оно дѣлаетъ народъ націей и этого условія не имѣютъ „рутены“ въ сравненіи съ Даніей и Голландіей. Что же касается до того, что русскій языкъ „не есть еще всемірный“, то во всякомъ случаѣ его литература есть самая обширная по объему и богатая по содержанію славянская литература; и если ея поэтическія произведенія получаютъ въ послѣднее время такое широкое рас-

пространеніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои самостоятельныя вклады въ содержаніе науки европейской, то, думаемъ, они могли бы съ пользою послужить и для галичанъ: имъ естественнѣе было бы применить къ этому родственному движенію, чѣмъ нуждаться въ „всемирной литературѣ“ чужого языка, которая огромному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ имѣть на слабую народность подавляющее вліяніе.

Въ послѣдніе годы вопросъ о древности малорусскаго языка затронутъ былъ снова въ трудахъ по древней письменности. Таковы были, напр., изслѣдованія г. Соболевскаго ¹⁾, который, принимая, что „русскій языкъ, уже въ древнѣйшую эпоху своего существованія, дѣлился на нѣсколько нарѣчій или говоровъ, болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга“, поставилъ свое изслѣдованіе такъ: изъ древнихъ русскихъ рукописей, хранящихся въ нашихъ библіотекахъ, онъ выдѣлилъ нѣсколько группъ съ тождественнымъ правописаніемъ,—опредѣляя тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ датъ (т.-е. указанія мѣста и времени ихъ написанія), по сравненію съ тѣми, въ которыхъ имѣются эти даты,—и извлекалъ изъ нихъ особенности правописанія, могущія служить къ характеристикѣ древнихъ говоровъ, чтобы прослѣдить развитіе этихъ особенностей и сравнить ихъ съ особенностями нарѣчій современныхъ. Въ первой части этого труда находится изслѣдованіе памятниковъ группы южно-русской, съ XII до XV вѣка. Путь изслѣдованія былъ бы совершенно точный, еслибы нашлось достаточное количество памятниковъ и комментарий соотвѣтствовалъ матеріалу. Къ сожалѣнію, число самыхъ памятниковъ южно-русскихъ чрезвычайно скудно (въ трудѣ г. Соболевскаго, за время съ XII по XV вѣкъ собрано ихъ только 15 рукописей, кромѣ грамотъ). Общій выводъ автора привелъ бы въ ужасъ покойнаго Маеимовича. Разобравши собранныя имъ южно-русскія рукописи, г. Соболевскій нашелъ, что ни одна изъ нихъ „не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ“, а памятники, которые могутъ быть отнесены къ Кіеву, не имѣютъ южно-русскихъ особенностей. Поэтому тотъ южно-русскій говоръ, проявленія котораго нашлись въ собранныхъ имъ рукописяхъ, онъ призналъ не кіевскимъ, а волинско-га-

¹⁾ „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, часть I, Кіевъ, 1884. Передъ тѣмъ изданы были имъ: „Изслѣдованія въ области русской грамматики“, Варшава, 1881 (отдѣльно изъ Рус. Фил. Вѣстника) и „Статьи по славяно-русскому языку“, Варшава, 1888.

лицемъ; а „древній кievскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицко-волынскаго нарѣчiя и принадлежалъ въ числу великорусскихъ говоровъ“ ¹⁾. Эти рѣшенiя встрѣтили весьма рѣзкiй отпоръ со стороны нѣкоторыхъ кievскихъ изслѣдователей южно-русской старины ²⁾, а также и со стороны столь компетентнаго филолога, какъ г. Ягичъ ³⁾.

Тридцать лѣтъ назадъ, Погодинъ въ „Запискѣ“, о которой мы выше упоминали, говорилъ: „Малороссiйскаго нарѣчiя, къ стыду своему, мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчiй“. Тогда же о необходимости изученiя малорусскаго нарѣчiя говорилъ Лавровскiй; но съ тѣхъ поръ и донинѣ дѣло подвинулось очень мало. У насъ доселѣ нѣтъ малорусской грамматики, нѣтъ и такой цѣльной книги, какъ „Studien“ Огоновскаго; малорусскiй словарь остановился на опытахъ Закревскаго, Пискунова, Левченка, Аванасьева-Чужбинскаго, и опять лучшiй словарь является въ маленькой галицко-русской литературѣ, въ трудѣ покойнаго Желеховскаго.—Надо пожелать, чтобы, хотя для сохраненiя научнаго достоинства нашей литературы, этому вопросу дано было вниманiе, котораго онъ заслуживаетъ, и чтобы „споръ между южанами и сѣверянами“ кончился на здоровой и спокойной научной почвѣ.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Стр. 68—69, 116—117.

²⁾ См. въ „Киевлянинѣ“ 1884 года.

³⁾ „Четыре критико-палеографическiя статьи“, И. В. Ягича, Спб. 1884, стр. 88—90, 98—102. Г. Соболевскiй въ разборѣ „Четырехъ статей“, въ Журналѣ Мин. Просв. остался при своемъ мнѣнiи.—Соотвѣтственно этому, г. Соболевскiй въ томъ же журналѣ оспаривалъ изслѣдованiе г. Антоновича о судьбѣ Кieва въ XIV—XVI столѣтiяхъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ...

Н. О.

Да, скоро пятьдесятъ... и жизнь ужъ на исходѣ!
Смѣшно, неправда ли, вздыхать мнѣ о свободѣ,
О томъ, что времени теченье унесло,
Что было нѣкогда—и былью поросло,
Что съ юностью моею, надменной и кичливой,
Умчалось туда, отъоль возврата нѣтъ...
Чего еще въ душѣ, беспомощно-тоскливой,
Остался ноющий и наболѣвшій слѣдъ!

На утренней зарѣ я съ риемой повстрѣчался...
Нестройный стихъ слагалъ неопытной рукой,
Горѣлъ и трепеталъ, страдалъ и волновался,
Священнодѣйствуя, о муза, предъ тобой!
Но годы протекли... и подъ наплывомъ прозы,
Житейской мудрости и свѣтской суеты—
Поблекли свѣтлыя, студенческія грѣзы,
Увяли чистые поэзіи цвѣты.

И вотъ, въ вечерній часъ, въ часъ близкаго заката,
Когда конецъ всему уже не далекъ—
Душа по прежнему созвучьями объята
И снова льется стихъ, и плавно, и легко...

И вспоминаю тѣхъ, кому въ былые годы
 Слагалъ я пѣснь любви, веселья и свободы —
 Васъ, тѣни милыя, друзья весны моей...
 Миръ вашей памяти... благословенье ей!

II.

ЗАВѢТНАЯ СКАМЬЯ.

Дорожка узкая, извилистою змѣйкой,
 Въ глушь сада темную—заросшая—бѣжитъ.
 Тамъ яблонь старая склонилась надъ скамейкой
 И сверстницу свою ревниво сторожить.

Тамъ поросль вишняка, акаціи и сливы
 Роскошно заплелась зеленою стѣной,
 Тамъ хмѣля буйнаго кудрявые извивы
 Взобрались по стволамъ каймою выпуклой.

Раздолье и пріютъ растительности дикой!
 Трава высокая сочна тамъ и густа...
 Тамъ пахнетъ яблокомъ, грибами, земляникой
 И ѣдой свѣжестью опавшаго листа.

Сквозь чащу темную пробившійся порою,
 Играя, завернеть лучъ солнца золотой...
 И мягко стелется дрожащей полосой —
 Межъ листьевъ и вѣтвей—надъ старою скамьей.

Завѣтная скамья! какъ часто я, бывало,
 Тамъ долгіе часы, мечтая, проводилъ...
 Меня тамъ—отрокомъ—ты, муза, отыскала
 И пѣсни первыя, волнуясь, я сложилъ.

Но пѣсни тѣ, увя! не радостно звучали...
 Скорбящей, муза, ты предстала предо мной —
 И дѣтскимъ языкомъ отливнулись печали,
 Страданьямъ и борьбѣ обиженныхъ судьбой.

Судьбой! другого я не вѣдалъ объясненья, —
Но пѣснь нестройная любви была полна,
И всѣмъ униженнымъ, терпящимъ оскорбленья,
Слезой сочувственной свѣтилася она.

Когда же понялъ я, что слезъ однихъ тутъ мало,
Что нуженъ здѣсь иной, сердца будящій влилъ —
Въ могучихъ звукахъ мнѣ, ты, муза, отказала
И скрыла отъ меня на долго скорбный лилъ.

И много лѣтъ прошло... и снова ты со мною,
И вспомнилъ я опять завѣтную скамью...
Но передъ силою смирившись роковою,
Я пѣсни прежнія теперь ужъ не пою.

И тихо лишь, порой, бывшее вспоминая,
Съ отрадой вѣянья градущаго ловлю...
И зорьку свѣтлую на небѣ поджидая —
Все также вѣрю я, надѣюсь и люблю!

Н. Н. Аваза.

ВАЛЕРІАНЪ МАЙКОВЪ

Изъ исторіи критики сороковыхъ годовъ.

„Незадолго до смерти, — говоритъ Тургеневъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“, — Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступало время сдѣлать новый шагъ — выйти изъ тѣснаго круга литературной критики; политико-экономическіе вопросы должны были смѣнить вопросы эстетическіе, литературные, но самъ онъ себя уже устранялъ и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника — на В. Н. Майкова, брата поэта; къ сожалѣнію, этотъ талантливый молодой человѣкъ погибъ въ самомъ началѣ своего поприща“... „Сейчасъ послѣ Бѣлинскаго, — читаемъ мы въ одной изъ немногихъ критическихъ статей Достоевскаго („Время“, 1861 г., № 2). — занялся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ отдѣломъ критики Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, братъ всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимаго поэта, Аполлона Николаевича Майкова. Валеріанъ Майковъ принялся за дѣло горячо, блистательно, съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, съ первымъ жаромъ юности. Но онъ не успѣлъ высказаться. Онъ умеръ въ первый же годъ своей дѣятельности. Много обѣщала эта прекрасная личность и, можетъ быть, многого мы съ нею лишились“... Такъ отзываются о Валеріанѣ Майковѣ двое изъ крупнѣйшихъ „людей сороковыхъ годовъ“, діаметрально противоположные одинъ другому по складу ума, по направленію. И тотъ, и другой знали его лично — и не забыли о немъ много лѣтъ спустя послѣ его преждевременной смерти. Еще болѣе близкимъ къ В. Майкову былъ третій выдающійся романистъ той же эпохи, выразившій свои чувства къ нему, свое высокое мнѣніе о его дарованіи въ некрологѣ, на который мы еще будемъ имѣть случай ссылаться.

Писатель слѣдующаго поколѣнія, А. Н. Пыпинъ, видитъ въ В. Майковѣ продолжателя стремленій, которымъ отдался Бѣлинскій въ послѣдніе годы своей дѣятельности: стремленій къ „общественной“, публицистической критикѣ ¹⁾. Если эти стремленія исчезли и возродились вновь лишь десять лѣтъ спустя, если въ самомъ Бѣлинскомъ, вслѣдъ за его смертью, стали видѣть только эстетика, то объясненіе этому А. Н. Пыпинъ ищетъ именно въ томъ, что почти одновременно съ Бѣлинскимъ сошелъ со сцены и В. Майковъ, и руководящая роль въ области критики перешла къ теоретикамъ „чистаго искусства“—къ В. Боткину, Дружинину и Дудыщину. Таковы авторитетныя свидѣтельства, единогласно признающія за В. Майковымъ видное мѣсто въ умственномъ движеніи своего времени. Они спасли и спасутъ отъ забвенія имя Валеріана Николаевича Майкова,—но самая дѣятельность его извѣстна весьма мало и весьма немногимъ ²⁾. Старые журналы доступны нелегко и не для всѣхъ; прибавимъ къ этому, что по тогдашнему обычаю не только библиографическія, но и критическія статьи не подписывались авторами, какъ не подписываются теперь журнальныя внутреннія обозрѣнія. Если мы могли опредѣлить съ достовѣрностью, что именно принадлежитъ В. Майкову, то обязаны этимъ указаніямъ его младшаго брата, Л. Н. Майкова; онъ же сообщилъ намъ первый литературный опытъ В. Майкова, оставшійся въ рукописи. Пора увѣковѣчить память о безвременно погибшемъ писателѣ, изданіемъ въ свѣтъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ его произведеній. Наша цѣль заключается именно въ томъ, чтобы ускорить исполненіе этого дѣла, необходимаго для будущихъ историковъ русской литературы.

Валеріанъ Николаевичъ Майковъ родился осенью 1823 г. Домъ его отца—очень извѣстнаго въ свое время живописца—служилъ однимъ изъ сборныхъ пунктовъ петербургской интеллигенціи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ началась ранняя извѣстность Аполлона Николаевича, старшаго брата Валеріана. Постоянными посѣтителами семейства Майковыхъ были И. А. Гончаровъ, В. Г. Бенедиктовъ, И. И. Панаевъ, позже С. С. Ду-

¹⁾ „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, т. II, стр. 355—7.

²⁾ Въ нашей журналистикѣ, о критическихъ статьяхъ В. Майкова говорилъ, сколько намъ извѣстно, одинъ лишь А. М. Слабичевскій (въ „Очеркахъ развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ“, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ начала семидесятыхъ годовъ); но онъ коснулся не всѣхъ сторонъ дѣятельности Майкова, а только тѣхъ, по которымъ всего ярче выразилось разногласіе между Майковымъ и Бѣлинскимъ.

дышкинъ и М. П. Заблоцкій (товарищи Майковыхъ по университету), Ѳ. М. и М. М. Достоевскіе; знакомъ былъ съ ними и Тургеневъ. Понятно, что въ такомъ обществѣ рано стала работать мысль Валеріана Майкова, рано пробудился и литературный его талантъ. Въ 1839 г., когда Валеріану Майкову было только шестнадцать лѣтъ, члены его семьи, вмѣстѣ съ ближайшими своими друзьями, задумали составить цѣлый литературный сборникъ — и дѣйствительно, каждый написалъ что-нибудь въ стихахъ или прозѣ, все это было изящно переписано, украшено рисунками Н. А. Майкова и соединено, подъ именемъ „Лунныхъ ночей“, въ одинъ томъ, до сихъ поръ сохраняемый въ семействѣ Майковыхъ. Вкладомъ Валеріана Майкова былъ небольшой рассказъ, озаглавленный: „Жизнь и наука“. Это — исторія молодого нѣмецкаго ученаго, колеблющагося между страстью къ истинѣ и стремленіемъ къ наслажденію и погибающаго отъ неспособности наслаждаться, не размышляя. „Одинъ философъ, — такъ начинается рассказъ, — очень справедливо замѣтилъ, что въ человѣкѣ не можетъ быть двухъ началъ, которыя бы уравновѣшивались между собою. Къ такимъ началамъ безспорно принадлежатъ наша земная жизнь и наука. Трудно себѣ представить эти несходныя стихіи иначе, какъ въ непрерывной борьбѣ и взаимномъ преслѣдованіи. И въ самомъ дѣлѣ, одна изъ нихъ — жизнь — дышетъ и цвѣтетъ; другая, своими холодными перстами, зажимаетъ розовыя уста красавицы, совлекаетъ съ прелестнаго цвѣтка радужную его оболочку. Съ другой стороны и жизнь не оставляетъ безъ мщенія врага своего; она то отуманитъ бодрый умъ роскошнымъ обаяніемъ юности, то сокрушитъ могущество разсудка блескомъ очей, пурпуромъ устъ, волнованіемъ дѣвственной груди“... Языкъ юноши, какъ и его мысль, не освободился еще отъ вліянія романтизма, съ которымъ онъ долженъ былъ, нѣсколько лѣтъ спустя, вступить въ ожесточенный бой. Оригинально видѣть, какъ будущій участникъ движенія, сближающаго науку съ жизнью и жизнь съ наукой, начинаетъ съ провозглашенія ихъ непримиримыми врагами. Знаменательнымъ остается, во всякомъ случаѣ, ранній интересъ Майкова къ вопросу, занимавшему, впоследствии, его созрѣвшую мысль.

Окончивъ курсъ на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета (въ 1842 г.), В. Майковъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ; но служебныя занятія припались ему не по душѣ, и онъ скоро ихъ оставилъ. Нѣсколько времени онъ провелъ за границей, потомъ возвратился въ Петербургъ; и тамъ, и здѣсь онъ не переставалъ трудиться, изучая

исторію, философію и политическую экономію. „Одаренный умомъ свѣтлымъ, проницательнымъ и воспріимчивымъ,—говорится въ упомянутомъ уже нами некрологѣ ¹⁾—онъ съ необыкновенной легкостью пріобрѣталъ познанія; учась, онъ не запирался отъ людей, не прятался отъ общества, избѣгая малѣйшаго педантизма и всякаго внѣшняго признака учености. Онъ ловилъ знанія всюду, на лету, въ разговорахъ, и часто серьезная мысль заставляла его въ кругу пріятельскомъ. Онъ тутъ же легко и увлекательно развивалъ ее и, обладая вполне даромъ слова, умѣлъ придать ей общую, всѣмъ доступную занимательность. Ему довольно было одного намека на идею, и онъ быстро усваивалъ ее себѣ, тотчасъ подвергалъ ее своему врожденному, тонкому анализу и мгновенно дѣлалъ изъ нея какой-нибудь блистательный, часто неожиданный, но всегда строго-логическій выводъ, избѣгая съ необыкновеннымъ искусствомъ всего, что есть парадоксъ и софизмъ. Такъ точно достаточно было ему легкаго очерка цѣлой системы, чтобы силою своей мыслящей способности покорить ее своему вѣденію и приложить, въ данномъ случаѣ, къ дѣлу. Важное и глубокое твореніе мыслителя-философа онъ читалъ съ такою же легкостью, какъ и произведеніе беллетриста, гдѣ и когда угодно, не запираясь въ кабинетъ, не завѣшивая оконъ и т. п. При немъ въ то время можно было говорить, шумѣть: умъ его ненарушимо дѣлалъ свое дѣло и не смотря ни на какую помѣху достигалъ цѣли“.

Человѣкъ, такъ богато одаренный, рано привыкшій къ перу и выросшій въ литературной сферѣ, не могъ—особенно въ тогдашнюю эпоху оживленія русской мысли и процвѣтанія толстыхъ журналовъ—не сдѣлаться писателемъ. Первая его статья, появившаяся въ печати—и вмѣстѣ съ тѣмъ единственная, подписанная полнымъ его именемъ,—была посвящена не тому предмету, въ области котораго должна была сосредоточиться вся позднѣйшая его дѣятельность; содержаніе ея—не литературно-критическое, а философско-политическое. Въ первомъ томѣ мало извѣстнаго журнала—„Финскаго Вѣстника“,—въ началѣ 1845 года, помѣщенъ былъ этюдъ Майкова, озаглавленный: „Общественныя науки въ Россіи“. Заглавію своему онъ не соответствуетъ, потому что авторъ его не окончилъ; это только предисловіе къ обширному труду—предисловіе, имѣвшее цѣлью показать положеніе общественныхъ наукъ въ западной Европѣ, прежде чѣмъ перейти къ

¹⁾ Некрологъ этотъ напечатанъ въ „Современникѣ“ 1847 г., № 8, въ отдѣлѣ „Современныхъ Замѣтокъ“, стр. 104 и сл.

изученію ихъ въ Россіи. Въ послѣднемъ годичномъ обзорѣ русской литературы, составленномъ Бѣлинскимъ для „Отечественныхъ Записокъ“ (1846 г.), эту же Майкова отнесенъ къ числу „хорошихъ статей серьезнаго содержанія“, появившихся въ теченіе обозрѣваемого года. Это было какъ бы благословеніемъ дебютанта на дальнѣйшую литературную работу. И дѣйствительно, послѣ годового молчанія, Майковъ становится уже журналистомъ по профессіи, замѣняя Бѣлинскаго—перешедшаго, въ это время, въ „Современникъ“ — въ веденіи критическаго отдѣла „Отечественныхъ Записокъ“¹⁾. Онъ сохраняетъ это положеніе въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, съ апрѣля 1846-го до іюля 1847-го года, т.-е. до самой смерти. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ начинаетъ участвовать и въ „Современникѣ“, помѣщая тамъ нѣсколько библиографическихъ замѣтокъ. Уже это одно доказываетъ быстрый ростъ его репутаціи — и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность его характера; извѣстно, что между „Отечественными Записками“ и „Современникомъ“ существовала тогда вражда, основанная не на различіи направленій, а на причинахъ чисто личнаго свойства. Еще раньше В. Майковъ работаетъ для „Словаря иностранныхъ словъ“, Кириллова, не доведеннаго до конца, вслѣдствіе цензурнаго гоненія, и послужившаго, нѣсколько лѣтъ спустя, однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ издателя его, Петрашевскаго. На этой сторонѣ дѣятельности Майкова мы останавливаться не будемъ, уже потому, что не имѣемъ данныхъ для опредѣленія, какія именно статьи словаря были написаны Майковымъ.

Смерть застигла Майкова врасплохъ, въ самый разгаръ усиленной, страстной работы. 15 іюля 1847 г. онъ утонулъ въ прудѣ—въ имѣніи своихъ знакомыхъ, верстахъ въ 50 отъ Петербурга; его тѣло покоится недалеко оттуда, на кладбищѣ села Ропши. Его постигъ, повидимому, апоплексическій ударъ, вызванный купаньемъ послѣ продолжительной прогулки, въ жаркую погоду. Умершему не было еще двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. Оба журнала, въ которыхъ онъ работалъ, почтили его память сочувственными статьями; то же самое сдѣлала и лучшая изъ тогдашнихъ газетъ—„Русскій Инвалидъ“. Помимо сознанія потери, понесенной русскою литературой, общая черта всѣхъ некрологовъ—высокая оцѣнка личности Майкова. „Въ Валеріанѣ Май-

¹⁾ Объ обстоятельствахъ, при которыхъ Майковъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“, существуетъ разсказъ современника—А. В. Старчевскаго (см. „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., № 2: „Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ—С. С. Дудинкинъ“).

ковѣ, — читаемъ мы въ „Современникѣ“, — соединялись двѣ, не всегда уживающіяся вмѣстѣ, одинаково-счастливыя организаціи — головы и сердца. Ему такъ же легко и доступенъ былъ путь къ сердцу всякаго, съ кѣмъ судьба сталкивала его, какъ и дорога къ знанію. Онъ, облизаясь съ человѣкомъ, прежде всего умѣлъ найти въ немъ добрую сторону, полюбить ее и дать ей вѣсь въ глазахъ того человѣка и въ своихъ собственныхъ. Но онъ дѣлалъ это не съ умысломъ, даже не сознательно и не съ расчетомъ, какъ дѣлаютъ иные отъ избытка осторожности, страха или умѣнія жить съ людьми. По кратковременности его жизни, чувства не успѣли выработаться въ немъ до степени притворства: это были чистые, юношескіе порывы, проистекавшіе изъ прекрасной его натуры. Нельзя думать, чтобы отъ его тонкаго и наблюдательнаго ума ускользали недостатки человѣка; нѣтъ, но кротость и почти женская мягкость его сердца внушали ему удивительную терпимость и снисхожденіе къ нимъ. Никогда и никто не слышалъ отъ него ѣдкаго и желчнаго отзыва, какого-нибудь рѣзкаго, рѣшительнаго приговора не въ пользу другого. Никто не замѣчалъ въ немъ враждебнаго расположенія къ кому-нибудь. Онъ старался извинить или смягчить замѣченную имъ нравственную уродливость, или, если это было уже рѣшительно невозможно, выражалъ свое невыгодное мнѣніе улыбкой сожалѣнія, иногда ироніи, рѣдко словомъ... „Еслибы фраза: его всѣ любили, — говорить авторъ некролога въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1847 г., августъ, „Смѣсь“, стр. 153), — не вертѣлась съ давнихъ поръ во всѣхъ панегирикахъ и некрологахъ, мы могли бы употребить ее здѣсь въ полномъ ея значеніи; но теперь она намъ кажется слабою, тупою. Любили! нѣтъ, этого мало: всякій, кто зналъ его, кто имѣлъ къ нему какія-нибудь отношенія, чувствовалъ его могучее превосходство, и въ то же время всѣмъ было невыразимо-хорошо съ нимъ. Одинъ изъ понимавшихъ эту избранную натуру, въ минуту скорби, опредѣлилъ ее такимъ образомъ: этотъ человѣкъ видѣлъ въ другомъ все — и хорошее, и дурное, но дѣйствовалъ такъ, что другой сейчасъ же чувствовалъ въ себѣ свое хорошее и былъ доволенъ, и становилось ему удобно и ловко; а его дурное становилось въ такомъ свѣтѣ, что какъ будто никому не мѣшало. Вникните въ этотъ фактъ, поймите его значеніе — и вы увидите, какъ онъ рѣдокъ на свѣтѣ... „Всѣ, знавшіе покойнаго Майкова, — говоритъ „Русскій Инвалидъ“ (1847 г. № 181, фельетонъ), — долго не позабудутъ о немъ. Довольно было сойтись съ нимъ разъ, чтобы увидѣть, сколько любви заключалось въ этомъ сердцѣ, какъ горячо умѣло

оно сочувствовать всему благородному и высокому, и какъ возмущалось при видѣ всего, что унижаетъ человѣческое достоинство... Будучи весь доброта, весь симпатія, этотъ человѣкъ не могъ имѣть враговъ: онъ никогда не рѣшился бы никого оскорбить даже словомъ; а если когда-нибудь въ разговорѣ ему и случалось невольно уязвить чье-нибудь самолюбіе, то, замѣтивъ это, онъ тотчасъ удваивалъ ласки свои къ оскорбленному и всячески старался заставить его забыть обиду, видимо безпокоившую его. Такого человѣка нельзя было не любить! Одна изъ главныхъ чертъ его характера состояла въ томъ, что онъ умѣлъ находить во всякомъ хорошую сторону, за которую готовъ былъ простить всѣ недостатки: этимъ качествомъ владѣють немногіе въ наше время, когда на каждаго человѣка не одинаковыхъ съ нами чувствъ и понятій мы готовы смотрѣть съ какимъ-то высокомернымъ презрѣніемъ... Майкова доставало на всѣхъ: каждый, кто приходилъ къ нему съ какой-нибудь исповѣдью, мучимый какимъ-нибудь тайнымъ сомнѣніемъ, неразрѣшеннымъ вопросомъ, находилъ въ немъ сочувствіе и утѣшеніе, и уходилъ отъ него спокойнѣе. Эгоизма не имѣлъ онъ нисколько, или, лучше сказать, имѣлъ настолько, насколько его должно быть въ каждомъ разумномъ человѣкѣ: въ немъ была потребность счастья, наслажденія, но не въ ущербъ другому... Да! природа, казалось, хотѣла сосредоточить въ немъ только однѣ свѣтлыя стороны человѣческаго духа". Единогласіе отзывовъ, выставляющихъ на видъ одну и ту же черту натуры Майкова, исключаетъ всякую мысль о неискренности или хотя бы о томъ невольномъ преувеличеніи, къ которому приводитъ первое горькое чувство утраты. Валеріанъ Майковъ, очевидно, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые соединяютъ въ себѣ горячность убѣжденій съ личною незлобивою и терпимостью, которые покоряютъ себѣ сердца, не властвуя деспотически надъ умами. Кто полезнѣе въ эпоху борьбы — такіе люди или натуры болѣе исключительныя, болѣе рѣзкія и „рѣжущія“ (припомнимъ непереводимое нѣмецкое слово: *schneidig*) — это вопросъ, который мы оставляемъ открытымъ; несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ Валеріанъ Майковъ — еслибы его не коснулася ни смерть, ни инныя невзгоды — могъ бы сослужить службу русскому обществу не только какъ представитель критической мысли, но и какъ живое средоточіе для разрозненныхъ остатковъ передового литературнаго отряда.

Статья В. Майкова объ „общественныхъ наукахъ въ Россіи“ поражаетъ, прежде всего, начитанностью автора, которому только-что минулъ двадцать-одинъ годъ. Онъ хорошо знакомъ съ нѣмецкой философіей, но знаетъ и Огюста Конта; ему одинаково извѣстны какъ школа Адама Смита, такъ и новое политико-экономическое направленіе, только-что начинавшее выступать на сцену во Франціи; онъ судить о правѣ, какъ знатокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ человѣкъ, не желающій замыкаться въ тѣсныя рамки формальной юридической догмы. Масса пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, очевидно, усвоена не механически; авторъ не повторяетъ чужихъ словъ, ничего не принимаетъ на вѣру. Отъ увлеченія гегельянствомъ, незадолго передъ тѣмъ господствовавшего между русскими мыслящими людьми, онъ свободенъ, хотя и признаетъ великія заслуги Гегеля и его предшественниковъ. „Главный недостатокъ нѣмецкихъ ученыхъ,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, что они позволяютъ себѣ создавать теоріи, не основывая ихъ на фактахъ. Подтверженіемъ тому служить вся исторія ихъ философіи отъ Канта до Гегеля включительно... Результатъ изслѣдованій Канта заключается въ безусловной свободѣ познанія отъ опыта и въ свободѣ воли отъ побужденій. Этотъ идеализмъ не представляетъ собою полной системы психологическаго ученія, ибо ограниченность разума и воли есть фактъ совершенно признанный новѣйшею психологіей... Шеллингъ принимаетъ за основу матеріи и духа одно и то же начало—безусловное; но познаніе абсолютнаго принадлежитъ къ числу задачъ, недоступныхъ для человѣка, и философія у Шеллинга является намъ мечтой юношескаго синтеза“. Къ тому же выводу авторъ приходитъ и относительно философіи Гегеля, такъ какъ мысль играетъ въ ней роль однородную съ тою, которую Шеллингъ отводитъ абсолюту.

Весьма оригинальна главная, основная тема статьи Майкова. Онъ находитъ, что въ первой половинѣ XIX-го вѣка преобладалъ анализъ, не скептический и разрушительный, какъ въ XVIII-мъ столѣтіи, а претендовавшій на созиданіе, т.-е. на нѣчто непосильное для одного анализа. Эта эпоха „односторонняго аналитическаго развитія“ сдѣлала свое дѣло и приходитъ къ концу; наступаетъ время синтеза, подготовленнаго анализомъ. Другими словами, западно-европейское общество переживаетъ переходный критическій моментъ, выраженіями котораго служатъ, съ одной стороны—желчная сатира, съ другой—мистицизмъ. Каждая общественная наука стремится къ расширенію своихъ предѣловъ; право вторгается въ область политической экономіи, политическая экономія—въ область нравственности и права. Въ основаніи этого

стремленія лежить реальная, неразрывная связь между предметами отдѣльных общественныхъ наукъ. Интересы юридическіе, экономическіе, нравственные существуютъ самостоятельно лишь въ теоріи; на самомъ дѣлѣ есть только интересы общественные — и изученіе ихъ, какъ одного цѣлаго, составляетъ задачу философіи общества. По мнѣнію Майкова, солидарность и взаимная зависимость отдѣльных общественныхъ наукъ лучше всего сознана во Франціи. Англія слишкомъ склонна къ односторонности экономической, Германія — къ односторонности нравственной; Франція не свободна отъ политической односторонности, но все-таки французская наука всего ближе къ идеалу... Торжествомъ синтеза должна служить гармонія между философіей общества и антропологіей, потому что идею благосостоянія общества нельзя отдѣлить безусловно отъ идеи благосостоянія или развитія человѣка. Антропологія разсматриваетъ человѣка со стороны его потребностей и силъ, безъ отношенія къ формамъ его бытія; социальная философія, наоборотъ, изслѣдуетъ эти формы — а такъ какъ форма сама по себѣ ничего не значить, то изученіе ея должно быть подчинено изученію сущности и даже основано на немъ. Соціологъ (или, по терминологіи Майкова, „соціалистъ“) долженъ привести интересы общественные въ соотношеніе съ интересами человѣчества. Для этого необходимо правильно уразумѣть народность, не какъ эгоистическое начало, раздѣляющее націи, но какъ органическое условіе ихъ единства. „Если общества, составляющія родъ человѣческой, не развиваются каждое въ своей оригинальной формѣ, нельзя сказать, чтобы человѣчество развивалось. Оригинальность части не вредитъ единству цѣлаго, ибо единство въ реальности предполагаетъ извѣстную степень разнообразія... Національный характеръ есть одна изъ составныхъ частей характера человѣчества. Національное воззрѣніе есть ничто иное какъ одна сторона воззрѣнія, свойственнаго всякому человѣку“.

Какъ ни коротко передано нами содержаніе юношеской статьи Майкова, одну характеристическую ея черту не трудно замѣтить и въ нашемъ изложеніи: это — обиліе мыслей, тѣснящихся на небольшомъ пространствѣ и затрогивающихъ множество самыхъ серьезныхъ и трудныхъ вопросовъ. Авторъ точно спѣшитъ высказать все то, что его волнуетъ и занимаетъ; онъ переходитъ отъ одной тѣмы къ другой, скорѣе намѣчая, чѣмъ исчерпывая ихъ, но никогда не упуская изъ виду руководящую нить, обеспечивающую благополучный выходъ изъ лабиринта. Слѣдя за первымъ полетомъ молодого ума, можно перенестись иногда во времена,

гораздо болѣе къ намъ близкія. Положеніе о разнообразіи въ единствѣ напоминаетъ намъ Спенсера; указаніе на подчиненное значеніе общества сравнительно съ личностью служить какъ бы предисловіемъ къ статьямъ о прогрессѣ, обратившимъ на себя, двадцать лѣтъ спустя, вниманіе читающей публики; мысль о нераздѣльности вопросовъ экономическихъ и нравственныхъ сдѣлалась однимъ изъ главныхъ основаній „катедеръ-соціализма“. Восприимчивость Майкова къ идеямъ, только-что поднимавшимся на горизонтѣ, была, очевидно, чрезвычайно большая. Не слѣдуетъ забывать, что Огюсть Контъ былъ тогда почти неизвѣстенъ даже во Франціи—а между тѣмъ нашъ дебютантъ не только знакомъ съ его сочиненіями, но и ясно сознаетъ ихъ высокую цѣну¹⁾. То же самое можно сказать о другомъ молодомъ писателѣ этого времени, Владимірѣ Милютинѣ. Еслибы не преждевременная смерть обоихъ, эпоха изученія позитивизма, наступившая для русскаго общества въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, началась бы чуть не двадцатью годами раньше.

Въ нашихъ глазахъ статья Майкова объ общественныхъ наукахъ всего важнѣе какъ свидѣтельство о томъ, съ какою подготовкой, съ какими стремленіями ея авторъ выступилъ на критическое поприще. Противникъ односторонности, приверженецъ широкихъ обобщеній, вѣрующій въ необходимость синтеза и въ близкое окончаніе „аналитической эпохи“, Валеріанъ Майковъ долженъ былъ расширить рамки критики, искать и найти точки соприкосновенія ея съ политикой, съ соціологіей, съ наукой. Его образованіе, его интересы, его вкусы выходили далеко за предѣлы литературы; онъ началъ не съ нея и не могъ замѣниться въ ней одной. Чѣмъ была Германія для русской интеллигенціи конца тридцатыхъ годовъ, тѣмъ была Франція для Майкова—да и не для одного Майкова, а для большинства современниковъ его. Припомнимъ, что говоритъ по этому поводу Салтыковъ (почти ровесникъ Майкова), вспоминая про свои молодые годы: „изъ Франціи лилась на насъ вѣра въ человѣчество; отсюда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ. Въ Россіи мы существовали лишь фактически—духовно мы жили во Франціи“. Увлеченіе Майкова было менѣе полнымъ, менѣе безусловнымъ; онъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ англійской и нѣмецкой наукой, чтобы считать Францію единственнымъ источникомъ свѣта; но его привлекала къ ней жизненность

¹⁾ Статья о положительной философій была прямо обѣщана Майковымъ въ примѣчаніи къ одной изъ его библиографическихъ замѣтокъ.

ея умственной работы; постоянно соединяющей міръ идей съ міромъ дѣйствительности. Франціи, какъ извѣстно, принадлежали и послѣднія симпатіи Бѣлинскаго—но онъ дошелъ до нихъ послѣ долгой и тяжелой борьбы; въ Майковѣ онѣ возникали сами собою. Разницей времени и обстоятельствъ объясняется и то, что Майковъ сразу внесъ въ свою критику элементъ общественный, Бѣлинскому сначала чуждый, потомъ враждебный и только подъ конецъ сочувственный. Мы далеки отъ мысли видѣть въ этомъ преимущество Майкова передъ Бѣлинскимъ; напротивъ того, если Майковъ могъ раздвинуть задачи критики, то онъ былъ обязанъ этимъ именно Бѣлинскому. Дѣятельность Бѣлинскаго была починомъ, дѣятельность Майкова—продолженіемъ, самостоятельнымъ, но все-таки продолженіемъ. Дорога была расчищена, главные препятствія—устранены, главные цѣли движенія—освѣщены яркимъ свѣтомъ. Читая Майкова, на каждомъ шагѣ вспоминаешь о Бѣлинскомъ—не потому, чтобы ученикъ повторялъ слова учителя, но потому, что ему почти нигдѣ не приходится начинать съ основныхъ понятій, полемизировать противъ слишкомъ явныхъ заблужденій. Основные понятія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, уже установлены Бѣлинскимъ; новая критика чувствуетъ подъ ногами твердую почву и можетъ бодро идти впередъ, не останавливаясь безпрестанно передъ предразсудками или невѣжествомъ читателей. Майкову не нужно ни доказывать бѣдность нашей литературы, ни опредѣлять настоящее мѣсто Державина или Карамзина, ни развѣнчивать Марлинскаго или Бенедиктова, ни спорить съ Булгаринымъ или Сенковскимъ; все это уже сдѣлано Бѣлинскимъ, громадныя заслуги котораго никогда не бросаются въ глаза такъ ярко, какъ именно при сравненіи его съ ближайшимъ его преемникомъ. Если кое-въ-чемъ Майковъ пошелъ дальше Бѣлинскаго, то это было возможно только благодаря Бѣлинскому.

Какъ относился, однако, къ Бѣлинскому самъ Майковъ? Съ глубокимъ уваженіемъ, не исключавшимъ критической оцѣнки. Въ одной изъ своихъ библиографическихъ замѣтокъ онъ ставитъ чрезвычайно высоко біографію Кольцова, написанную Бѣлинскимъ, въ другой—защищаетъ его отъ упрека въ противорѣчій съ самимъ собою, сдѣланнаго ему по поводу его брошюры о Н. А. Полевомъ ¹⁾. „Чтобы покончить съ призрачными взглядами на изящество,—говоритъ Майковъ въ статьѣ о стихотвореніяхъ Коль-

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1846 г., июнь, Библиографическая хроника, стр. 57 и 61—62.

цова ¹⁾),—надо было внести въ нашу критику жизненность и анализ гоголевской эпохи русской литературы, принести на служеніе ей могучую силу эстетическаго чувства и сильную и ясную способность распознаванія частнаго въ общемъ и общаго въ различномъ; главное же—опредѣлить и отстоять права эстетическаго опыта, сознавъ, что они такъ же обширны и почтенны, какъ и права всякаго другого опыта. Таковой только критикой могло начаться радикальное отрицаніе ложныхъ эстетическихъ началъ литературы и обращеніе къ новымъ, діаметрально-противоположнымъ. И такая критика, дѣйствительно, явилась у насъ подъ вліяніемъ Пушкина (въ послѣднюю эпоху его дѣятельности), Лермонтова, а болѣе всего подъ вліяніемъ Гоголя; она оказала русской литературѣ разнообразныя заслуги“. Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь именно о критикѣ Бѣлинскаго. Отдавъ ей справедливость, Майковъ указываетъ и слабую ея сторону: недостаточность анализа, неполноту мотивировки, вслѣдствіе чего основныя положенія критики не столько убѣждаютъ, сколько поражаютъ читателей и воспринимаются ими пассивно. „Мы готовы жалѣть о томъ,—восклицаетъ молодой писатель,—чья недоказанная мысль нашла себѣ поддержку въ модѣ. Пускай бы каждый понималъ ее по своему—въ этомъ было бы больше хорошаго, чѣмъ дурного; бросая свою мысль въ круговоротъ идей, вращающихся въ обществѣ, вы подмазываете колеса машинѣ, даете ей пищу, работу и тѣмъ самымъ поддерживаете ея движеніе. Но горе вамъ, если ваше слово, не оправданное собственными вашими доказательствами, пріобрѣтетъ въ публикѣ силу авторитета! Это значитъ выразить претензію на диктаторство, за которую всегда приходится заплатить горькимъ чувствомъ разочарованія. Прежде всего увидитъ диктаторъ, что идеи его не сливаются съ другими идеями его публики и находятся съ ними въ самой нелогической противоположности. Доказать одну истину нельзя безъ того, чтобъ не доказать и цѣлаго ряда истинъ, изъ котораго она взята. Не зная этого ряда, мы не будемъ имѣть никакого понятія о вопросѣ, рѣшенномъ нашимъ диктаторомъ, а будемъ только опасаться проговориться въ чемъ-нибудь такомъ, что противорѣчитъ его приговору... Больно должно быть диктатору видѣть въ цѣломъ обществѣ такіе тощіе плоды своего слова, особенно если онъ не только не добивался диктатуры, но даже, какъ часто бываетъ, отвергалъ благороднымъ сердцемъ всякій помысль о завоеваніи умовъ силою своего личнаго вліянія“. Что всѣ эти замѣчанія направлены противъ Бѣлинскаго,

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1846 г., ноябрь, Критика, стр. 6—7.

въ этомъ легко убѣдиться, прочитавъ окончаніе второй (и послѣдней) статьи Майкова о Кольцовѣ ¹⁾. Въ біографіи Кольцова Бѣлинскій выразилъ мнѣніе, что геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, между которыми должно быть нѣчто среднее; это среднее—геніальный талантъ, образцомъ котораго можетъ служить Кольцовъ. Майковъ возражаетъ противъ этого мнѣнія, находя, что оно увеличиваетъ „неопредѣленность и условность психологическихъ терминовъ“, ведетъ къ недоразумѣніямъ, къ „филологическимъ тонкостямъ“, вовсе не нужнымъ для правильнаго сужденія о поэтѣ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—замѣчаетъ онъ, уже прямо полемизируя съ Бѣлинскимъ,—что творческая сила вообще имѣетъ множество степеней, какъ и всякая человѣческая способность; но можно ли считать степени развитія и напряженія той или другой, можно ли сказать опредѣлительно, что ихъ всего три или четыре, десять или двѣнадцать?.. Гораздо согласнѣе съ предѣлами современныхъ познаній было бы называть каждую способность во всѣхъ ея степеняхъ однимъ и тѣмъ же существительнымъ, съ простымъ прибавленіемъ къ нему прилагательнаго по усмотрѣнію“. Этотъ примѣръ позволяетъ намъ опредѣлить точнѣе, что собственно не одобрялъ Майковъ въ критической манерѣ Бѣлинскаго, на чемъ онъ основывалъ свое мнѣніе о недостаточной доказательности его взглядовъ.

Съ перваго взгляда мнѣніе Майкова можетъ показаться совершенно непонятнымъ. Бѣлинскій никогда не вѣщалъ, не прорицалъ, не облакалъ своихъ мыслей въ форму аксіомъ, не навязывалъ ихъ силою своего авторитета; онъ всегда подвигался впередъ шагъ за шагомъ, переходилъ отъ общаго къ частному, тщательно мотивируя каждое положеніе свое и каждый выводъ. Меньше всего, повидимому, онъ заслуживалъ того упрека, съ которымъ обращается къ нему Майковъ. Чѣмъ же объяснить этотъ упрекъ? Отчасти, конечно, въ немъ отразился задоръ молодости, отразилась самоувѣренность человѣка, только-что приступающаго къ любимому дѣлу, съ запасомъ непочатыхъ силъ, съ самыми широкими намѣреніями и планами. Критическое отношеніе къ предшественнику является, при такихъ условіяхъ, какъ бы доказательствомъ собственной самостоятельности — и чѣмъ сильнѣе обаяніе всѣми признанной силы, тѣмъ рѣзче звучитъ отрицаніе ея непогрѣшимости, тѣмъ тщательнѣе подчеркиваются ея дѣйствительныя или предполагаемыя ошибки. Рядомъ съ этимъ, чисто личнымъ эле-

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1846 г., декабрь, Критика, стр. 67—69.

ментомъ, въ словахъ Майкова скрывается, однако, другой, болѣе глубокий и серьезный; онъ не бросается въ глаза только потому, что формула для него выбрана неудачно. Рѣчь идетъ, собственно говоря, не о бездоказательности взглядовъ Бѣлинскаго, а объ отвѣченности, метафизичности доказательствъ, на которыхъ они построены. Майковъ выразился бы точнѣе, еслибы сказалъ, что Бѣлинскій недостаточно подтверждаетъ свои мнѣнія соображеніями строго научнаго свойства. Недаромъ же молодой критикъ говорить о необходимости оставаться въ „предѣлахъ современныхъ познаній“, недаромъ онъ возстаетъ противъ произвольныхъ дѣленій и подраздѣленій, противъ попытокъ опредѣлить неопредѣлимое, противъ смѣшенія понятій о силѣ и о степени ея развитія. Онъ находитъ, очевидно, что русская литературная критика слишкомъ еще подвластна вліянію нѣмецкой эстетики и слишкомъ мало проникнута духомъ точнаго изслѣдованія; онъ желалъ бы создать для нея тавія точки опоры, которыя имѣли бы характеръ достовѣрности, которыя могли бы быть доказаны точно такъ же, какъ доказываются научныя истины. Отъ желанія далеко до исполненія—и Майковъ, безъ сомнѣнія, стоялъ еще въ самомъ началѣ избранной имъ дороги; но столь же несомнѣнно и то, что дорога была избрана имъ правильно. Цѣль, къ которой онъ стремился, рисовалась передъ нимъ довольно ясно—но онъ не располагалъ еще всѣми средствами, необходимыми для ея достиженія, не зналъ и всѣхъ затрудненій, сопряженныхъ съ этой задачей. Отсюда несправедливость его къ Бѣлинскому. Онъ не замѣтилъ, что у Бѣлинскаго есть множество положеній доказанныхъ—доказанныхъ настолько, насколько это было возможно по самому ихъ существу или по тогдашнему положенію наукъ, сопрягающихся съ критикой; онъ упустилъ изъ виду, что если безъ гипотезъ, безъ догадокъ, предупреждающихъ открытіе закона, не можеть обойтись даже точное знаніе, то тѣмъ менѣе мыслима безъ нихъ критика, занимающая средину между наукой и искусствомъ—и вдобавокъ критика, которой все приходилось создавать вновь, во всемъ начинать съ самаго начала. Еслибы Майкову суждено было нѣсколько лишнихъ лѣтъ жизни, онъ, вѣроятно, понялъ бы свое увлеченіе, взялъ бы назадъ сравненіе Бѣлинскаго съ диктаторомъ—но работать надъ пополненіемъ пробѣловъ, оставленныхъ Бѣлинскимъ, онъ бы не пересталъ, потому что эти пробѣлы дѣйствительно существовали, да и не могли не существовать. Не слѣдуетъ забывать, что надъ пополненіемъ ихъ постоянно трудился и самъ Бѣлинскій. Мы увидимъ, что въ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго встрѣчаются мысли, раньше вы-

сказанныя Майковымъ — встрѣчаются, конечно, не потому, чтобы учитель заимствовалъ ихъ у ученика, а потому, что къ нимъ естественно приводило движеніе русскаго творчества и русской критической мысли.

„Истекшій 1846 годъ, — говоритъ Майковъ въ первой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1847 г. ¹⁾, — носить на себѣ всѣ признаки переходной эпохи. Во все это время происходило въ русскомъ литературномъ мірѣ какое-то не совсѣмъ обыкновенное броженіе; расклеивалось множество плотныхъ массъ, распадалось и формировалось вновь множество группъ... Такіе переходные годы свидѣлствуютъ о томъ, что мысль, одушевлявшая періодъ, начинаетъ изнемогать, истощаться въ содержаніи, что общество утомляется той точкой зрѣнія, съ которой смотрѣло на вещи въ теченіе этого періода, что партіи, образовавшіяся подъ вліяніемъ духа времени, начинаютъ распадаться“. Итакъ, обладателемъ законченной системы, готовой смѣнить прежнюю и вступить во всѣ права ея, молодой критикъ себя не считалъ; онъ видѣлъ въ себѣ только участника работы, вызываемой измѣнившимися условіями и требованіями времени. Какъ онъ понималъ свое призваніе, объ этомъ можно судить по другому мѣсту той же статьи. „Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всякая эстетическая теорія налагаетъ цѣпи на творчество и задерживаетъ развитіе талантовъ. Но прежде, чѣмъ произносить такой приговоръ всѣмъ эстетическимъ теоріямъ, слѣдовало бы вспомнить, что слово теорія въ наше время получило совершенно новый смыслъ. Было время, когда оно употреблялось безъ всякаго различія въ наукахъ, посвященныхъ изученію вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ міра, и въ наукахъ практическихъ, занимающихся изслѣдованіемъ законовъ человѣческой дѣятельности. Въ то время наука прописывала свои рецепты малѣйшимъ движеніямъ души и тѣла. Вся дѣятельность человѣка — до тѣхъ поръ, впрочемъ, подчиненная другому рода авторитету, именно авторитету рутины, — съ тоскливымъ кривляньемъ полѣзла въ рамки и въ клѣтки схоластики. И долго человѣкъ сѣялъ, пахалъ, воевалъ, говорилъ, писалъ и ходилъ по теоріи. Однакожъ, этотъ порядокъ вещей кончился невозвратно. Современные намъ умы смотрятъ на теорію, какъ на изслѣдованіе условій, безъ которыхъ невозможна та или другая дѣятельность. Такъ, напримѣръ, въ чемъ состоитъ новѣйшая теорія сель-

¹⁾ Статья, изъ которой мы дѣлаемъ эту выписку, озаглавлена: „Нѣчто о русской литературѣ въ 1846 г.“ и напечатана съ слѣдующей оговоркой: „Полное, отчетливое обзорѣніе замѣчательнѣйшихъ явленій русской литературы 1846 г. не могло быть напечатано по причинамъ, отъ редакціи не зависѣвшимъ“.

каго хозяйства? Не въ чемъ иномъ, какъ въ прямомъ, ни въ чему не обязывающемъ опредѣленіи замѣченныхъ опытомъ отношеній природы къ потребностямъ человѣка. Точно то же можно отнести и къ современной эстетикѣ: и она отказалась навсегда отъ титула руководительницы художественнаго таланта. Сфера ея ограничивается опытнымъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, сопровождающихъ зачатіе, развитіе и выраженіе художественной мысли. Таковой теоріи уже нѣтъ никакой возможности обратить въ рецептъ, и потому водвореніе ея въ науку выражаетъ собою не что иное, какъ полное господство эстетической свободы¹⁾.

Провозгласивъ общее начало, Майковъ тотчасъ же дѣлаетъ изъ него весьма важный практическій выводъ. „Современная теорія, — говоритъ онъ, — никакъ не считаетъ себя въ правѣ запрещать писателю выражать свои мысли въ какой ему угодно формѣ — будетъ ли то форма строго-художественная, строго-дидактическая или, наконецъ, смѣшанная. Она не называетъ беллетриста художникомъ, но отводитъ ему такое же почетное мѣсто въ литературѣ, какъ художнику и ученому. И странно было бы поступать иначе; вѣдь чтобъ сдѣлаться хорошимъ беллетристомъ, точно такъ же не обойдешься безъ таланта, какъ и для того, чтобъ быть хорошимъ художникомъ. Такимъ образомъ, литература перестаетъ быть какимъ-то мрачнымъ святилищемъ и условія ея вполне сходятся съ условіями живой рѣчи. Если нѣтъ никакого смысла требовать отъ человѣка, чтобъ онъ въ изустной рѣчи держался или строго-художественной, или строго-дидактической формы, то какой же смыслъ требовать отъ него противоположнаго въ литературной дѣятельности, которая есть также не что иное, какъ выраженіе мысли въ словѣ? Если у васъ есть какой-нибудь талантъ — дидактическій, художественный или беллетристическій, — пишите сколько угодно и какъ угодно, только не выходите изъ предѣловъ своей способности, не думайте, что одинъ родъ таланта выше другого рода; пишите безъ претензій и безъ рецепта — современная критика признаетъ васъ талантливымъ писателемъ“. Въ то самое время, когда Бѣлинскій провозглашаетъ сатиру „ложнымъ родомъ“ (Сочин., т. VIII, стр. 70) и сравниваетъ ее съ карикатурой, Майковъ признаетъ ея равноправность съ другими произведеніями искусства, отъ которыхъ она отличается только формой¹⁾.

¹⁾ Къ мысли о законности всѣхъ родовъ искусства Майковъ возвращается неоднократно. Укажемъ, для примѣра, на одну изъ послѣднихъ статей его — о „Шуткѣ“ Меншикова, напечатанной въ № 6 „Современника“ 1847 г. („Русская литература“, стр. 89 и слѣд.).

Мысль Майкова сдѣлается для насъ еще яснѣе, если мы замѣтимъ, что первымъ современнымъ беллетристомъ онъ считаетъ Искандера, т.-е. Герцена, только-что передъ тѣмъ напечатавшаго: „Кто виноватъ?“ Вотъ что говорится о Герценѣ въ одной изъ первыхъ, по времени, библиографическихъ замѣтокъ Майкова ¹⁾: „Будучи человѣкомъ по преимуществу мыслящимъ, слѣдовательно рожденнымъ для науки, и усвоивъ себѣ все добро современной науки, онъ принялъ ее такъ близко къ сердцу, такъ энергически почувствовать истину, что для него жизнь и наука составляютъ совершенное тождество. Въ своихъ повѣстяхъ онъ поражаетъ несравненно больше умомъ, чѣмъ художественностью, такъ что на всю его художественную дѣятельность мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на средство выраженія его идей въ самой популярной формѣ, возводимой иногда наблюдательностью до художественности. Онъ никогда не употребляетъ своихъ силъ несвойственно, никогда не натагиваетъ своего таланта, умѣетъ управлять имъ, какъ искусный вождь управляетъ покорнымъ войскомъ. Въ этомъ самосознаніи и самообладаніи—вся тайна успѣшной беллетристической дѣятельности... Беллетристъ не долженъ поддѣлываться подъ художественное творчество: пусть изъ приѣмовъ искусства употребляетъ онъ тѣ, которые доступны творчеству ума и наблюдательности, пусть остается онъ, однимъ словомъ, въ предѣлахъ своего таланта,—его будутъ читать съ удовольствіемъ и цѣнить такъ же высоко, какъ и всякаго другого талантливаго челоѣка, если только въ самомъ дѣлѣ у него умъ свободный, широкій, гибкій, обогащенный плодотворными познаніями, и значительная степень наблюдательности. Если къ этому исчисленію свойствъ присоединить еще отчетливое сознаніе своихъ силъ, то мы получимъ полное опредѣленіе истиннаго беллетриста“. Беллетристикой, такимъ образомъ, Майковъ очевидно называетъ сознательное, намѣренное творчество; его беллетристъ—это, по теперешней терминологіи, тенденціозный писатель. Въ противность строгимъ эстетическимъ взглядамъ, за которые долго стоялъ Бѣлинскій, Майковъ съ самаго начала признаетъ законность тенденціозности, признаетъ ее во имя свободы творчества, во имя безконечнаго разнообразія дарованій. Бѣлинскій, въ послѣднее время своей дѣятельности, приходитъ къ тому же заключенію. Его мнѣніе о Герценѣ, высказанное въ началѣ 1848 г. ²⁾, — т.-е. полтора года спустя послѣ приведенныхъ нами замѣчаній

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1846 г., іюль, Библиографическая хроника, стр. 3.

²⁾ „Взглядъ на русскую литературу въ 1847 г.“, Сочиненія, т. XI, стр. 374—6.

Майкова,—поражаетъ сходствомъ съ этими замѣчаніями. „Главная сила Искандера,—говоритъ Бѣлинскій,—не въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанный и развитой... Такіе таланты также естественны, какъ и таланты чисто художественные. Ихъ дѣятельность образуетъ особую сферу искусства, въ которой фантазія является на второмъ мѣстѣ, а умъ—на первомъ.. Хотятъ видѣть въ искусствѣ своего рода умственный Китай, рѣзко отдѣленный точными границами отъ всего, что не искусство въ строгомъ смыслѣ слова. А между тѣмъ, эти пограничныя линіи существуютъ болѣе предположительно, нежели дѣйствительно. Искусство, по мѣрѣ приближенія къ той или другой своей границѣ, постепенно теряетъ нѣчто отъ своей сущности и принимаетъ въ себя отъ сущности того, съ чѣмъ граничитъ, такъ что, вмѣсто разграничивающей черты, является область, примиряющая обѣ стороны... Для тѣхъ поэтовъ, къ разряду которыхъ принадлежитъ Искандеръ, важенъ не предметъ, а смыслъ предмета; у нихъ опредѣленная и ясно-сознанная цѣль—впереди всего, а поэзія—только средство къ достиженію цѣли“. Болѣе полного единодушія по вопросу о тенденціозности въ искусствѣ, чѣмъ то, какое установилось между Майковымъ и Бѣлинскимъ, нельзя себѣ и представить.

Въ статьѣ Майкова о романахъ Вальтера Скотта ¹⁾ мы встрѣчаемъ нѣсколько замѣчаній о тенденціозности, противорѣчащихъ, съ перваго взгляда—но только съ перваго взгляда—сказанному имъ тремя мѣсяцами раньше, въ обзорѣ литературы 1846 г. „Для великаго художника,—говоритъ онъ по поводу „Айвенго“,—пристрастіе никогда не служить помѣхой въ созданіи образцовъ искусства. Надо только, чтобы художникъ былъ дѣйствительно великимъ. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если зараженный пристрастіемъ и односторонностью человекъ выступитъ на поприще художника съ талантомъ средней величины, горе ему и его произведеніямъ! Великій художникъ, какъ бы онъ ни былъ пристрастенъ и одностороненъ, все-таки, по существу своей артистической натуры, останется вѣрнымъ дѣйствительности и никогда не выбѣдетъ изъ колеи возсоздаванія дѣйствительной жизни и plasticaго ея изображенія. Вы будете читать его произведенія и нивагъ не отгадаете его настоящаго взгляда, его мнѣнія о той дѣйствительности, которую онъ вамъ изображаетъ; самый талантъ его не дастъ ему высказать этого взгляда, не дастъ—для того, чтобы удержать его въ предѣлахъ художественности и

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1847 г., апрѣль, Критика, стр. 49 и слѣд.

не позволить впасть въ область чистой мысли. Такимъ образомъ, умъ—или образъ мыслей—великаго художника подавляется въ немъ, во время процесса созданія, силой творчества, и чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ художественное творчество, тѣмъ менѣе возможности его мыслительной способности проявиться самостоятельно въ его произведеніяхъ. И наоборотъ: у посредственнаго таланта умъ всегда беретъ верхъ надъ творчествомъ, и потому всякое пристрастіе, всякая односторонность взгляда непременно отзовется самымъ непріятнымъ образомъ въ его сочиненіи: писатель непременно впадетъ или въ невѣрность природѣ, или въ силлогистику“. Повторяемъ: съ перваго взгляда можетъ показаться, что Майковъ опровергаетъ здѣсь самого себя, высказываясь противъ тенденціозности въ искусствѣ, признавая ее принадлежностью посредственнаго таланта, источникомъ слабости для произведенія. Такой скачокъ, сдѣланный въ такое короткое время, представляется крайне невѣроятнымъ—и дѣйствительно, стоитъ только всмотрѣться поближе въ слова Майкова, чтобы убѣдиться въ томъ, что никакого противорѣчія съ основной его идеей они въ себѣ не заключаютъ. Въ статьѣ о В. Скоттѣ, какъ и въ отзывѣ о Герценѣ, Майковъ исходитъ изъ той мысли, что каждый писатель долженъ оставаться въ предѣлахъ своего таланта. Съ чисто-художественнымъ творчествомъ тенденція, по мнѣнію Майкова, несовмѣстима; ея законное поприще—беллетристика. Насколько беллетристъ (т.-е. писатель, въ которомъ умъ преобладаетъ надъ фантазіей, сознательная мысль—надъ безсознательнымъ творчествомъ) безсильнъ создавать художественные образы, настолько же неизбежна неудача художника, проникающаго въ сферу беллетристики, т.-е. выдвигающаго на первый планъ элементъ субъективный, дающаго волю своимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Все приведенное нами изъ статьи о В. Скоттѣ относится именно къ послѣднему случаю. Нужно помнить терминологию автора, рѣзко отличающаго художественную дѣятельность отъ беллетристической—и тогда мы правильно поймемъ его восклищаніе: „горе пристрастному и одностороннему человѣку, вступающему на поприще художника съ талантомъ средней величины!“ Это не значитъ, чтобы для пристрастія, т.-е. для опредѣленныхъ симпатій и стремленій, не было мѣста въ области изящной литературы; это значитъ только, что открыто и прямо они могутъ выражаться лишь въ беллетристическѣ, а въ чисто-художественномъ творествѣ имъ слѣдуетъ оставаться подъ спудомъ. Критикъ является здѣсь не совсѣмъ свободнымъ отъ регламентаціи, столь рѣшительно отвергаемой имъ въ другомъ мѣстѣ; онъ

забываетъ допущенную имъ самимъ возможность смѣшаннаго жанра, проводить слишкомъ опредѣленную демаркаціонную черту между различными видами творчества—но не произноситъ обвинительнаго приговора надъ тенденціозностью, не признаетъ ея удѣломъ однихъ второстепенныхъ дарованій.

Колебанія въ подробностяхъ, ничуть не исключаютія твердости основного начала, встрѣчаются, по занимающему насъ теперь вопросу, и въ другихъ статьяхъ Майкова. Въ первой статьѣ о стихотвореніяхъ Кольцова (стр. 25) онъ признаетъ невозможнымъ „сохранить чистую мысль, произведеніе ума, не могущее дѣйствовать ни на что иное, какъ на тотъ же умъ,—и въ то же время одѣть эту мысль въ соответствующій ей образъ, который долженъ дѣйствовать уже не на умъ, а на живое чувство“. Въ примѣненіи къ тому, къ чему, ближайшимъ образомъ, относятся эти слова—въ примѣненіи къ аллегоріи—они совершенно справедливы; но формула, въ которую вылилась мысль Майкова, изложена въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ и потому не совсемъ точныхъ. Одѣть мысль въ соответствующій образъ и подѣйствовать одновременно на умъ и на чувство—задача совершенно исполнимая и постоянно исполняемая въ тенденціозныхъ произведеніяхъ искусства. Одной страницей дальше психологическій анализъ Майкова поражаетъ насъ, за то, своимъ остроуміемъ и глубиной. Онъ предвосхитилъ, если можно такъ выразиться, мнѣніе о бессознательности творчества, часто высказываемое въ наше время, но съумѣлъ избѣжать преувеличеній, къ которымъ оно столь легко подаетъ поводъ. „Художественная идея,—говоритъ Майковъ,—рождается въ формѣ живой любви или живого отвращенія отъ предмета изображенія. Вотъ почему художникъ очень часто и даже большею частью самъ не понимаетъ идеи своего произведенія въ ея отвлеченной формѣ... Художественная мысль—не что иное, какъ чувство тождества, чувство общенія какой бы то ни было дѣйствительности съ человѣкомъ. Какъ всякое чувство, оно возникаетъ бессознательно; но можетъ случиться и такъ, что художникъ успѣетъ разложить его анализомъ и объяснить себѣ значеніе мысли, кроющейся подъ его оболочкой. Хорошо, если не вздумаетъ онъ облечь въ форму художественнаго произведенія силлогизмъ, образовавшійся въ умѣ его въ силу такого разложенія. Хорошо, если стремленіе выразить чувство любви или отвращенія къ предмету возьметъ въ немъ верхъ надъ желаніемъ доказать возникшую въ умѣ мысль“. Итакъ, процессъ художественнаго творчества не исключаетъ со-

знательнаго отношенія къ предмету, лишь бы оно не ставило разсужденіе на мѣсто чувства, силлогизмъ—на мѣсто образа.

По вопросу о предѣлахъ искусства, о предметахъ, входящихъ въ его сферу, Майковъ является прямымъ продолжателемъ Бѣлинскаго. Заслуга молодого критика состоитъ здѣсь не столько въ дальнѣйшемъ развитіи положеній, твердо установленныхъ его предшественникомъ, сколько въ популяризаціи ихъ, въ подтвержденіи ихъ новыми доводами. Весьма любопытно, съ этой точки зрѣнія, сравнить нашего писателя сороковыхъ годовъ съ современными доктринерами французскаго нео-реализма. Чтѣ дается послѣднимъ цѣною упорнаго труда, то дѣлалось достоинствомъ перваго какъ бы само собою—и именно потому оставалось свободнымъ отъ крайностей, сплошь и рядомъ встрѣчающихся у Зола и золаистовъ. Въ пылу ожесточенной борьбы трудно, почти невозможно остановиться во время, сдержатъ напоръ и натискъ; въ спокойномъ настроеніи художественный инстинктъ неразрывно связанъ съ чувствомъ мѣры. Задачу Майкова облегчало какъ нельзя больше—помимо примѣра, поданнаго Бѣлинскимъ—громадное значеніе, приобрѣтенное, къ половинѣ сороковыхъ годовъ, произведеніями Гоголя. Нашъ русскій натурализмъ не долженъ былъ въ одно и то же время и сражаться, и выводить поученія изъ своихъ сраженій; величайшій его представитель шель, рука об руку съ великимъ истолкователемъ его стремленій—и когда выступилъ на сцену Майковъ, побѣда, въ сущности, была уже одержана; оставалось только провозгласить и разъяснить ея результаты. Это и дѣлаетъ Майковъ, преимущественно въ статьѣ о Кольцовѣ. „Нѣтъ на свѣтѣ,—говоритъ онъ,—предмета не изящнаго, не плѣнительнаго... Новѣйшая эстетика не признаетъ въ дѣйствительности ничего пошлаго, точно такъ же, какъ химія не признаетъ ничего гадкаго въ матеріи... Изображать жизнь несуществующую, значить творить не для человѣчества, живущаго дѣйствительною жизнью, въ которой столько же высокаго, грознаго, торжественнаго, наивнаго, граціознаго, сколько и низкаго, подлаго, гнуснаго. Человѣкъ, изображенный съ одной стороны, или, на оборотъ, изображенный съ наростами, такъ же мало похожъ на человѣка, какъ обгрызенное яблоко—на цѣлое яблоко, или какъ мыльный пузырь—на каплю, изъ которой его раздули“. Позиція, которую, такимъ образомъ, занимаетъ Майковъ, обращена однимъ фронтомъ противъ классицизма, другимъ—противъ романтизма; борьба съ первымъ не отдѣлима, въ глазахъ критика, отъ борьбы съ послѣднимъ. „Чтобы отрицать классицизмъ, надо понимать и нелѣпость романтизма, какъ видоизмѣненія его; надо

признавать естественность однимъ изъ условій изящества“. Классицизмъ, въ моментъ появленія Майкова, былъ уже не опасенъ,—но романтизмъ, такъ или иначе замаскированный, далеко не потерялъ еще своей силы. Критикъ преслѣдуетъ его во всѣхъ его убѣжищахъ, во всѣхъ его переодѣваніяхъ. „Наивно,—восклицаетъ онъ,—самообольщеніе тѣхъ господъ, которые отъ ложнаго блеска романтизма уходятъ въ грязь дѣйствительности, воображая, что стоитъ только описать какую-нибудь абсолютную гнусность, чтобы попасть въ геніи натуральной школы. Эти „натуралисты“ забываютъ, что романтизмъ уже подвизался на этомъ самомъ поприщѣ. Созданія этого отдѣла quasi - натуральной школы совершенно подводятся подъ одну изъ самыхъ отчаянныхъ формулъ романтической эстетики: *le beau, c'est le laid*. Въ самомъ дѣлѣ, большаго тождества и не можетъ быть: сущность и источникъ цинизма, свирѣпствовавшего во время романтизма, и того, которымъ нѣкоторые молодые люди щеголяютъ теперь—все одинаково“. Исчезнувъ на время, „цинизмъ снова явился въ литературѣ въ прежней своей роли—именно, какъ крайняя противоположность пуризму, но уже не классическому, а романтическому. Теперь онъ смѣло выдаетъ себя за натуральность и увѣренъ, что сущность ея заключается въ сладострастномъ созерцаніи и дагерротипированіи язвъ общества. Нѣтъ нужды доказывать, что этотъ классъ neo-романтиковъ развился подъ вліяніемъ Гоголя, какъ клубъ червей подъ лучами лѣтняго солнца“. Не примѣнимо ли все это, *mutatis mutandis*—а иногда и буквально—къ современному французскому ультра-натурализму? Въ широкомъ пониманіи задачъ и границъ искусства Майковъ ничуть не уступаетъ Зола,—но онъ превосходитъ его въ сигнализированіи подводныхъ камней, опасныхъ для всякой „натуральной школы“.

„Въ жизни человѣческой и вообще въ мірѣ,—говоритъ Майковъ нѣсколько дальше,—нѣтъ такого зла, которое мы имѣли бы право разсматривать и изображать въ отрѣшенномъ, изолированномъ видѣ, независимо отъ причинъ, которыя произвели его. Всякое зло, взятое отдѣльно, какъ самостоятельное явленіе—чистая ложь, потому что въ дѣйствительности зло не имѣетъ никакой самостоятельности. Но такъ какъ истинный художникъ никогда не изображаетъ дѣйствительности такъ, чтобы она не намекала на какія-нибудь явленія, съ которыми находится она въ тѣсной, органической связи и которыя приобщаютъ ее къ сферѣ человѣческихъ интересовъ, то и всякое зло, всякая грязь, всякая гнусность, пройдя сквозь призму художественнаго созерцанія, сбрасы-

ваетъ съ себя ту печать отверженія, которую налагаетъ на него обыкновенный, прозаическій взглядъ на жизнь... Все дѣло въ томъ, чтобы вы узнали въ прокаженномъ себя самого; а въ этомъ распознаваніи никто не можетъ вамъ помочь такъ, какъ истинный художникъ, если онъ вздумаетъ воспроизвести передъ вами горестное явленіе. Вотъ почему грязь, оставаясь грязью подъ кистью кописта, превращается, на картинѣ талантливаго художника, въ такую же поэзію, какъ и всякая другая дѣйствительность". Этотъ взглядъ на изображеніе грязи тѣсно связанъ съ другимъ мнѣніемъ Майкова, играющимъ важную роль въ его эстетической доктринѣ. Онъ старается доказать (въ той же статьѣ о Кольцовѣ), что „каждый изъ насъ познаетъ и объясняетъ себя все единственно по сравненію съ самимъ собою". Этому тезису противорѣчить, повидимому, интересъ, чувствуемый нами ко всему новому, чуждому, далекому; но въ основаніи такого интереса лежитъ именно „тревожное желаніе усвоить себѣ незнакомый предметъ, сравнить его съ тѣмъ, что мы знаемъ о самихъ себѣ... Подъ видимой страстью къ необыкновенному, чудесному, кроется невидимая, но дѣйствительная любовь наша къ обыкновенному и близкому". Необыкновенное — пока оно остается для насъ необыкновеннымъ — можетъ только занимать насъ; сочувствовать мы можемъ лишь тому, „въ чемъ мы дали себѣ отчетъ и нашли самихъ себя. Экцентрическое явленіе тогда только дѣлается изящнымъ или симпатическимъ, когда художникъ сумѣетъ угадать и выразить его понятную, обыкновенную сторону". Отсюда вытекаетъ, уже само собою, и опредѣленіе условій, при которыхъ изображеніе грязи становится достояніемъ искусства. Разборъ этой теоріи увлекъ бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что она, какъ нельзя болѣе, характеристична для Майкова, свидѣтельствуя о стремленіи его свести сложные законы эстетики къ простѣйшимъ психологическимъ явленіямъ. На этомъ пути можно ошибаться, но путь, во всякомъ случаѣ, избранъ счастливо, и въ самомъ его выборѣ отразилась свѣжесть и самостоятельность молодого таланта.

„Художественныя формы, — читаемъ мы все въ той же статьѣ о Кольцовѣ, — всегда останутся тождественными съ формами дѣйствительности... Художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ". Любопытно сравнить эти положенія съ заключительными тезисами извѣстной книги: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", вышедшей въ свѣтъ лѣтъ восемь спустя послѣ смерти Майкова.

„Искусство воспроизводить все, что есть интереснаго для человека въ жизни... Воспроизведеніе жизни—общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его; часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе—объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни“.. Здѣсь преобладаетъ сходство между обоими писателями; различіе между ними отражается особенно ярко въ слѣдующихъ словахъ позднѣйшаго автора: „потребность, рождающая искусство въ эстетическомъ смыслѣ слова, есть та же самая, которая очень ясно высказывается въ портретной живописи. Портретъ пишется не потому, чтобы черты живого человека не удовлетворяли насъ, а для того, чтобы помочь нашему воспоминанію о живомъ человекѣ, когда его нѣтъ передъ нашими глазами, и дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ людямъ, которые не имѣли случая его видѣть. Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается, до нѣкоторой степени, познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности“. Не смотря на близость исходныхъ точекъ, выводы получились довольно далекіе одинъ отъ другого. У позднѣйшаго писателя на первый планъ выступаетъ утилитарный характеръ искусства, почти устраняя все остальное; Майковъ не отрицаетъ служебной роли искусства, но не видитъ въ ней ни главнаго назначенія, ни кульминаціонной точки художественнаго творчества... Авторъ „Эстетическихъ отношеній“ не находитъ ничего оскорбительнаго для искусства въ наименованіи его подражаніемъ дѣйствительности. „Часто возстаютъ, — замѣчаетъ онъ, — противъ такъ-называемаго дагерротипнаго копированья дѣйствительности ¹⁾; не лучше ли было бы говорить только, что копировка, такъ же какъ и всякое человеческое дѣло, требуетъ пониманія, способности отличать существенныя черты отъ несущественныхъ?“ Майковъ подчеркиваетъ, наоборотъ, различіе между копистомъ и художникомъ. „Для кописта, — говоритъ онъ, — существуютъ однѣ бездушныя формы жизни; между нимъ и предметомъ, который онъ дагерротипируетъ, нѣтъ той тѣсной, органической связи, которая не позволяла бы ему оставаться къ нему равнодушнымъ и не побуждала бы его къ изображеніямъ, исполненнымъ любви и негодованія. Потому-то и черты, которыми думаетъ онъ обрисовать какую-нибудь дѣйстви-

¹⁾ Фотографія, о которой въ подобныхъ случаяхъ говорятъ теперь, тогда не была еще изобрѣтена.

тельность, ниважь не сливаются въ организмъ, въ цѣлое, отъ котораго нечего было бы отнять и къ которому ничего не хотѣлось бы прибавить“.

Рядомъ съ психологіей, въ критикѣ Майкова играютъ большую роль исторія и социологія. Изучая произведенія искусства, онъ старается опредѣлить отношеніе ихъ къ другимъ элементамъ общественной жизни, къ средѣ, къ которой они принадлежатъ, къ эпохѣ, которая ихъ вызвала. Его критическія статьи являются, съ этой точки зрѣнія, прямымъ продолженіемъ его этюда объ общественныхъ наукахъ. Вопросъ о значеніи народности, затронутый въ концѣ этого этюда, ставится вновь въ статьяхъ о стихотвореніяхъ Кольцова и о „Краткомъ начертаніи исторіи русской литературы“, Аскоченскаго ¹⁾. Въ первой изъ нихъ, поводомъ къ возбужденію національнаго вопроса служитъ мнѣніе тѣхъ, которые называли Кольцова „типомъ русской натуры“. Майковъ возстаетъ противъ этого мнѣнія; онъ полагаетъ, что быть типичнымъ представителемъ даннаго народа, значить соединять въ себѣ тѣ отступленія отъ общечеловѣческаго типа, которыя всего чаще встрѣчаются въ народѣ, — а подъ это опредѣленіе Кольцовъ вовсе не подходитъ. Чтобы доказать свою мысль, Майковъ сначала старается установить общій законъ, „выражающій собою отношеніе національныхъ особенностей къ челоувѣчности“, а потомъ рассматриваетъ примѣненіе этого закона къ русскому народу. Общій законъ формулируется Майковымъ такъ: „каждый народъ имѣетъ двѣ фizioноміи; одна изъ нихъ діаметрально противоположна другой; одна принадлежитъ большинству, другая — меньшинству. Большинство народа всегда представляетъ собою механическую подчиненность вліяніямъ климата, мѣстности, племени и судьбы. Меньшинство же впадаетъ въ крайность отрицанія этихъ вліяній.“ У нѣмцевъ, напримѣръ, большинство отличается безличностью, меньшинство — крайнимъ развитіемъ личности (Лютеръ, Кантъ); большинство французовъ воспринимаетъ впечатлѣнія поверхностно, меньшинство отдается имъ всецѣло и проникается крайнимъ энтузіазмомъ. Въ Россіи масса неподвижна, инертна; она сдѣлалась такою подъ вліяніемъ почвы и судьбы. „Необозримая плоскость земли, которую мы населяемъ, и татарское иго, которое мы перенесли — вотъ двѣ силы, одна постоянная, другая преходящая, которыхъ дѣйствіе отзывается въ оттѣнкахъ нашей особенности“ (при чемъ оно болѣе замѣтно въ средней и южной Россіи, чѣмъ въ бывшихъ областяхъ новгородскихъ). „Равнина

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1846 г., сентябрь, Критика.

безжизненна, особенно если она двѣ трети года покрыта снѣгомъ. Безпрестанное созерцаніе ея содѣйствуетъ усиленію потребностей и силъ; житель равнины, настраиваясь на одинъ ладъ съ природой, которая его окружаетъ, находитъ столько же наслажденія въ дремотѣ жизненности, сколько житель горъ—въ непрерывномъ ея обнаруженіи“. Что касается до меньшинства русскаго народа, то отличительная его черта—удальство. „Русскій удалецъ совпадаетъ съ французскимъ энтузіастомъ; оба они равно неразумны, русскій—въ своемъ движеніи, французъ—въ своей страстной привязанности къ идеямъ. Результатъ русскаго удалства и французскаго энтузіазма одинъ и тотъ же—односторонность, крайность во всемъ... Французамъ вообще недостаетъ русской глубины, русскимъ—французской подвижности; но не надѣйтесь найти въ энтузіастахъ-французахъ и въ русскихъ удалцахъ пополненіе того и другого національнаго недостатка. Вы найдете въ нихъ крайности противоположныя... Толку отъ русскаго удалца не добьетесь никакого. Богъ знаетъ чего онъ требуетъ, къ чему стремится, на что рассчитываетъ, а между тѣмъ, шумитъ и беспокоится онъ за все и про все. Въ увлеченіи подвижности онъ, такъ же какъ и французъ въ увлеченіи фанатизма, доводитъ всѣ извѣстныя ему идеи до послѣдней степени односторонняго развитія. Удалецъ можетъ быть чрезвычайно уменъ; но идеи, имъ развиваемыя, не устоятъ противъ анализа самаго обыкновеннаго ума. Въ первый періодъ своего возникновенія, мысль удалого человѣка можетъ быть очень глубока и справедлива, но дальнѣйшее ея движеніе увлекаетъ его, какъ вѣтеръ несчинку; онъ рабски несется за нею до тѣхъ поръ, пока сама она не истощится въ содержаніи и не остановится на крайней нелѣпости“. Изъ среды большинства исходитъ, по мнѣнію Майкова, то, что онъ называетъ дуализмомъ или двуличностью, т. е. стремленіе соединить несоединимое, совмѣстить несовмѣстимое, признать, съ надлежащею умѣренностью, справедливость двухъ противоположныхъ мнѣній. Дуализмъ—это замаскированная неподвижность; ему, по закону реакціи, обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ крайнія стремленія, а онъ этого не замѣчаетъ и возмущается ими не въ силу ихъ односторонности, а въ силу того, что онъ представляютъ собою ненавистный ему принципъ движенія. Въ Кольцовѣ Майковъ не видитъ ни дуализма, ни крайности—ни неподвижности, ни удалства. Поэзія Кольцова—это поэзія порыва, не имѣющая ничего общаго съ квіетизмомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она вполне нормальна, чужда всякой иперболичности выраженій, запечатлѣна глубокимъ здравымъ смысломъ.

Отсюда невозможность считать Кольцова представителемъ русской національности; онъ націоналенъ только въ смыслѣ вѣрности изображенія народныхъ особенностей, а не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ самъ былъ ими вполне, до исключительности, проникнутъ.

Такое пониманіе національныхъ особенностей вообще и русскихъ въ частности, какое мы видимъ у Майкова, представляется чѣмъ-то прямо противоположнымъ славянофильству. И дѣйствительно, въ спорѣ между западничествомъ и славянофильствомъ, наполнявшемъ тогда нашу литературу, Майковъ является рѣшительнымъ врагомъ славянофильства. „Въ безконечномъ множествѣ органическихъ типовъ, — говоритъ онъ, — есть типъ человѣка, не зависящій отъ принадлежности его къ тому или другому племени. Какое же право имѣемъ мы смотрѣть на хорошія стороны народа, какъ на его особенность, какъ на исключительную принадлежность его національности? Не правильнѣе ли было бы видѣть въ нихъ черты общей человѣческой натуры?.. Общій всѣмъ людямъ идеалъ человѣка составленъ изъ свойствъ положительныхъ, которыя обыкновенно называются добродѣтелями. Пороковъ въ этомъ идеалѣ нѣтъ ни одного. Изучая развитіе пороковъ и добродѣтелей въ дѣйствительной жизни, вы непременно приходите къ такому заключенію, что пороки могутъ быть объяснимы внѣшними обстоятельствами, между тѣмъ какъ добродѣтели прирождены человѣческой природѣ, какъ силы, составляющія ея сущность... Вы скажете, что есть цѣлые роды и цѣлыя племена, сохраняющіе, какъ естественное наслѣдіе предковъ, какой-нибудь характеристическій порокъ? Вы правы; родовые недостатки очень легко передаются отъ отцовъ къ дѣтямъ при воспитаніи; тотъ же фактъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, можетъ повторяться и въ цѣломъ племени. Мы отнюдь не отвергаемъ силы родового и племенного вліянія на совершенство и несовершенство человѣка, но опытъ говоритъ противъ абсолютной неизбежности этого вліянія: въ извѣстной степени оно можетъ быть отринуто могущественною личностью. Это доказывается примѣромъ людей, отрѣшенныхъ отъ слабостей, свойственныхъ роду и народу каждаго изъ нихъ. Этихъ людей называютъ великими, и только они одни и достойны этого титула... То, что считается особенностью народа, — говоритъ Майковъ въ другомъ мѣстѣ, — является сплошь и рядомъ „противодѣйствіемъ къ достиженію всѣми народами одной идеальной степени развитія“. Такимъ образомъ понимаемая, народныя особенности играютъ роль силъ, „удаляющихъ каждый народъ отъ идеала человѣка, а слѣдовательно и отъ

идеальной цивилизаціи... Дѣйствительный человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ближе къ человѣку воображаемому, идеальному, безтемпераментному. Наоборотъ, чѣмъ болѣе человѣкъ и быть его заключаетъ въ себѣ особенностей, т.-е. отступленій отъ разумнаго типа, тѣмъ ниже человѣкъ, тѣмъ неразумнѣе и быть его. Иными словами, истинная цивилизація—одна, какъ одна на свѣтѣ истина, одно добро; слѣдовательно, чѣмъ меньше особенностей въ цивилизаціи народа, тѣмъ онъ цивилизованнѣе, если только не считать особенностью то, что въ немъ могутъ быть развиты такія стороны, которыя у другихъ народовъ остаются въ неразвитіи. Напрасно вздумалъ бы кто-нибудь возражать, что англичане, французы, нѣмцы—все народы цивилизованные, а между тѣмъ каждый изъ нихъ отличается своими особенностями. Мы скажемъ, съ своей стороны, что они могутъ назваться цивилизованными, во-первыхъ, по сравненію съ первоначальнымъ своимъ неразвитіемъ, во-вторыхъ, по сравненію съ другими націями; а все-таки они будутъ цивилизованнѣе, когда будутъ болѣе походить другъ на друга. Неужели это не правда? Нѣтъ, это такая правда, что и славянофилы, шеголяющіе эксцентричностью своей логики, признають ее за правду, по крайней мѣрѣ всякій разъ, когда заведутъ рѣчь о германскомъ, а не о славянскомъ племени. Да, наконецъ, и самое ихъ пристрастіе ко всему славянскому, что оно обнаруживаетъ, когда они принимаются противопоставлять его всему германскому? Не болѣе, какъ убѣжденіе ихъ въ болѣе близости его къ человѣческому совершенству, къ идеалу цивилизаціи, т.-е. къ отсутствію особенностей“.

Претендовать на соединеніе цивилизаціи съ такъ называемыми особенностями народовъ, хлопотать въ пользу первой, усиливая послѣднія—это чистѣйшій „дуализмъ“, въ которомъ Майковъ и обвиняетъ славянофиловъ. Они причастны къ нему, правда, не въ одинаковой степени. Между ними есть и такіе, которые хотятъ безусловнаго возвращенія къ до-петровской эпохѣ, но къ этимъ послѣднимъ Майковъ не относится серьезно; онъ сравниваетъ ихъ съ крикливымъ поручикомъ, котораго описалъ Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“, и признаетъ ихъ „подлежащими не критикѣ, а поученію“. Настоящая славянофильская доктрина хочетъ возстановить въ Россіи до-петровскія формы жизни, не отказывая ей въ благахъ новѣйшей цивилизаціи. Эта доктрина происходитъ по прямой линіи отъ того западно-европейскаго дуализма, который появился въ началѣ XIX-го вѣка и задалъ себѣ задачей „соединить все историческое, все прожитое и выжитое, съ абсолютно-разумнымъ“. Реакцію противъ дуализма Майковъ

видитъ въ анализѣ, также выступающемъ на сцену въ XIX-мъ вѣкѣ, въ анализѣ, роль котораго совпадаетъ, собственно говоря, съ ролью здраваго смысла. Не ограничиваясь настоящимъ, анализъ проникъ и въ прошедшее, въ исторію; онъ разложилъ и здѣсь блестящія явленія на простыя начала, разрушивъ этимъ самымъ „всѣ химерическія понятія о соединеніи историческаго съ разумнымъ, стараго съ новымъ“. Паденія славянофильства Майковъ ожидаетъ отъ того же анализа, обращеннаго на наше настоящее и прошедшее; предвѣстіе его онъ видитъ въ трудахъ Кавелина и Соловьева. Начиная разсуждать о „дивной цивилизаціи до-петровской Россіи“, славянофилы обыкновенно дѣлають оговорку въ пользу современнаго развитія наукъ, искусствъ и общественности; „но какъ только они приступаютъ къ своему завѣтному дѣлу, такъ и выйдетъ, что все это развитіе—сущій вздоръ и чуть-чуть не смертный грѣхъ, между тѣмъ какъ въ старину все было прекрасно, умно и человѣчно“. Такое противорѣчіе не можетъ устоять противъ спокойной повѣрки, основанной на глубокомъ знаніи и безпристрастномъ пониманіи русской исторіи.

Взглядъ Майкова на народность и на славянофильство вызвалъ возраженіе со стороны Бѣлинскаго (въ обзорѣнн русскій литературы 1846 г., „Современникъ“ 1847 г., томъ первый; „Сочиненія“, т. XI, стр. 32 и слѣд.). Онъ видитъ въ этомъ взглядѣ „фантастическій космополитизмъ“, составляющій такую же крайность, какъ и увлеченіе „фантастическою народностью“. По мнѣнію космополитовъ,—говоритъ Бѣлинскій,—„національность происходитъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, выражаетъ собою все, чтó есть въ народѣ неподвижнаго, грубаго, ограниченнаго, неразумнаго, и діаметрально противопологается всему человѣческому. Чувствуя же, что нельзя отрицать въ народѣ и человѣческаго, они раздѣляютъ недѣлимую личность народа на большинство и меньшинство, приписывая послѣднему качества, діаметрально противоположныя качествамъ перваго. Такимъ образомъ, безпрестанно нападая на какой-то дуализмъ, который они видятъ всюду, даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, они сами впадаютъ въ крайность самаго отвлеченнаго дуализма... Меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ... Чтó личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, тó народность въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей, человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ. Въ отношеніи къ этому вопросу я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ,

нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что, если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики. Но къ счастью, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому... То, что называютъ резонеры человѣческимъ, противопоставляя его національному, есть, въ сущности, новое, непосредственно и логически слѣдующее изъ стараго, хотя бы оно и было чистымъ его отрицаніемъ... Источникъ всякаго прогресса, всякаго движенія впередъ заключается не въ двойственности народовъ, а въ человѣческой натурѣ, такъ же какъ въ ней заключается и источникъ коснѣнія и неподвижности“.

Оставляя разборъ этого разногласія между Майковымъ и Бѣлинскимъ до заключительнаго отдѣла нашей статьи, возвратимся къ изложенію мнѣній молодого критика. Отказываясь видѣть идеаль позади себя, въ давно-пропедшемъ, Майковъ неизбежно долженъ былъ искать его въ будущемъ, и притомъ въ будущемъ, не приуроченномъ спеціально къ судьбамъ одного народа. Содержаніе этого идеала не было, по всей вѣроятности, вполне яснымъ для самого писателя; въ его статьяхъ оно выразилось только отчасти, мимоходомъ — выразилось, напримѣръ, сочувствіемъ къ Кольцову, котораго Майковъ считаетъ „болѣе поэтомъ возможнаго и будущаго, чѣмъ поэтомъ дѣйствительнаго и настоящаго“. Поэзія Кольцова „прямо призываетъ къ полнотѣ наслажденія той жизнью, простые законы которой стремится опредѣлить и современная мудрость, путемъ критики и утопіи. Страсть и трудъ, въ ихъ естественномъ благоустройствѣ — вотъ простыя начала, изъ которыхъ сложился яркій идеаль жизни, проникшій восторгомъ здоровую натуру поэта-мѣщанина. Замѣчательно, что появленіе его стихотвореній современно появленію произведеній Гоголя, величайшаго поэта-аналитика, давашаго надолго нашей литературѣ направленіе критическое. Такъ и должно быть: сознаніе идеала одно только и можетъ дать смыслъ и крѣпость анализу и отрицанію. Эпоха критики должна быть въ то же время эпохою утопіи (принимая это слово въ его первоначальномъ, разумномъ значеніи): иначе человѣчество утратило бы всю энергію живыхъ стремленій и осталось бы безъ отвѣта на призывы бытія“. Другое мѣсто, бросающее свѣтъ на душевныя воззрѣнія Майкова, мы встрѣчаемъ въ библиографической его замѣткѣ о „Петербургскихъ Вершинахъ“ Буткова ¹⁾. Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ Бут-

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1846 г., іюль, Библиографическая хроника, стр. 12—13.

ковъ задался мыслью доказать, что бѣдность совсѣмъ не такое зло, какъ обыкновенно воображаютъ. Майковъ возстаетъ противъ этого „политико-экономическаго оптимизма“. „Современная наука, — говоритъ онъ, — принимаетъ бѣдность, какъ непреодолимое препятствіе къ развитію человѣка и общества, какъ начало золь частныхъ. Ею дознано, что для того, чтобы быть просвѣщеннымъ, цивилизованнымъ, и частный человѣкъ, и цѣлый народъ должны прежде всего жить въ довольствѣ... Въ глазахъ современной науки довольно темны вообще тѣ проекты, по которымъ должно ожидать спасенія въ прирученіи нищихъ къ бережливости (когда имъ нечего ѣсть!), въ увеличеніи ихъ мечтательныхъ политическихъ правъ (когда у нихъ нѣтъ правъ на матеріальную обеспеченность), и т. п. Еще менѣе современны оптимистическій взглядъ на богатство и бѣдность, какъ взглядъ диаметрально-противоположный современному понятію о прогрессѣ“. Въ заключеніе критикъ совѣтуетъ Буткову „заняться основательнымъ изученіемъ экономическаго міра“, мотивируя этотъ совѣтъ тѣмъ, что Бутковъ — не художникъ, а беллетристъ, т.-е. популяризаторъ идей, ложныхъ или истинныхъ, но, во всякомъ случаѣ, имѣющихъ вліяніе на умы...

Само собою разумѣется, что Майковъ ненавидѣлъ крѣпостное право и высказывалъ эту ненависть настолько ясно, насколько позволяли тогдашнія цензурныя условія. Иногда она выливается въ злой насмѣшкѣ, иногда — въ патетической, горячей рѣчи. Нѣкто Зиловъ издалъ, въ 1847 г., „Наставленіе господскимъ крестьянскимъ дѣвушкамъ“, написанное въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. На первый вопросъ: „кто ты такая?“, вопрошаемая отвѣчаетъ: „Я — христіанка. Я — господская крестьянская дѣвушка“. „Просмотрѣвъ всю книжку, — восклицаетъ Майковъ ¹⁾, — мы подумали: куда какъ легко отвѣчать на вопросы, которые самъ предлагаешь! Что, еслибъ перемѣнить декорацію — заставить крестьянскую дѣвушку поспросить кой-о-чемъ г. Зилова? Какъ бы онъ сталъ отвѣчать? Напримѣръ: вопросъ первый. Кто ты такой? Отвѣтъ. Я — христіанинъ. Я — сочинитель наставленія господскимъ крестьянскимъ дѣвушкамъ“... Нѣсколько раньше вышла въ свѣтъ брошюра Маслова: „О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи“. Критикъ не раздѣляетъ наивнаго прекраснодушія автора брошюры, ожидающаго великихъ благъ отъ одной только грамотности народа. „Каждое ученіе, — говоритъ онъ ²⁾, — хорошо лишь тогда, когда оно не остается только ученіемъ, но переходитъ

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1847 г., июль, Библиографическая хроника, стр. 55.

²⁾ „Отеч. Записки“ 1847 г., мартъ, Библиогр. хроника, стр. 21—22.

дѣло, въ жизнь, точно такъ же какъ нравственность прочна только въ томъ случаѣ, когда она не обязана измѣнять своей сущности при переходѣ изъ одного мѣста въ другое, изъ низшаго сословія въ высшее, и на оборотъ. Но если жизнь противорѣчитъ на каждомъ шагѣ словамъ книги, если одни и знать не хотятъ той нравственности, которую считаютъ чистѣйшею для другихъ, тогда надобно или жить иначе, или учиться не тому. Такъ напримѣръ, высшій законъ человѣческихъ дѣйствій внушаетъ намъ не дѣлать того другимъ, чего не хочешь себѣ. Я знаю этотъ законъ и вамъ онъ очень хорошо извѣстенъ; однакожь оба ли мы равномѣрно исполняемъ его? Я, относительно васъ, существо зависящее и пассивное: моя нравственность немного надѣлаетъ подвиговъ; вы относительно многихъ—существо активное, и ваша безнравственность натворитъ много провазъ. Заботясь о чистотѣ моей совѣсти, позаботьтесь хоть немного о моемъ счастьѣ—сначала внѣшнемъ, вещественномъ, безъ котораго мнѣ и ученіе не пойдетъ въ голову, а потомъ о внутреннемъ, о счастіи ума и сердца. Вотъ чтѣ мы думали, читая благонамѣренную брошюру г. Маслова“. Болѣе открытаго нападенія на лицемеріе, питаемое крѣпостнымъ правомъ, болѣе опредѣленнаго указанія на невозможность нравственнаго развитія поработеннаго народа—критика сороковыхъ годовъ, кажется, не представляетъ.

Задачи исторіи литературы и историко-литературной критики Майковъ понималъ весьма широко. Въ статьѣ о книгѣ Асоченскаго онъ настаиваетъ на томъ, что „исторія литературнаго произведенія заключается не только въ процессѣ созданія его подъ вліяніемъ личности писателя, характера времени и особенностей общества, но и въ степени вліянія этого произведенія на общество, въ большемъ или меньшемъ его успѣхѣ. Исходя изъ этой мысли, онъ старается объяснить, почему оды Ломоносова, трагедіи Сумарокова, эпопеи Хераскова производили, въ свое время, несравненно болѣе эффектъ, чѣмъ сатиры Кантемира, разсужденія въ прозѣ того же Сумарокова и комедіи Фонъ-Визина. Причину этого факта онъ видитъ въ полубразованности тогдашняго русскаго общества, воспринявшаго только внѣшность европеизма и способнаго оцѣнить только подражательную литературу, а отнюдь не свободный протестъ небольшого меньшинства противъ разлада между формой и содержаніемъ. Отсюда уваженіе къ Сумарокову, какъ къ поэту, и недоброжелательство къ нему, какъ къ сатирику, отражающееся иногда и на позднѣйшихъ отзывахъ о немъ. Его часто выставляютъ завистливымъ, болѣзненно-озлобленнымъ, между тѣмъ какъ въ сущности, быть

можетъ, онъ былъ только чувствителенъ къ недостаткамъ и порокамъ окружавшей его среды. „Стыдно,—воскликаетъ Майковъ,—повторять старыя обвиненія, говоря о человѣкѣ, вооружившемъ противъ себя своихъ современниковъ указаніемъ на ихъ черныя и смѣшныя стороны. Въдѣ еще и въ наше время, не смотря на всѣ успѣхи образованности и самосознанія, мысль о высоко-филантропическомъ значеніи сатиры и о благонамѣренности сатирическаго писателя далеко не дошла до сознанія большинства. Мало ли у насъ людей, считающихъ Гоголя или забавникомъ, или человѣкомъ, одержимымъ разлитіемъ желчи!“ Этому взгляду на Гоголя Майковъ противопоставляетъ, въ другомъ мѣстѣ, убѣжденіе въ томъ, что вліяніе Гоголя распространяется далеко за предѣлы изящной литературы. Говоря о научномъ анализѣ, выступающемъ въ бой противъ славянофильства, Майковъ сравниваетъ его съ анализомъ Гоголя: и тотъ, и другой былъ встрѣченъ одинаково враждебно, и тотъ, и другой начинаетъ приобретать господствующее значеніе. Кавелину и Соловьеву суждено, можетъ быть, сдѣлать для русской исторіи то же, что сдѣлалъ Гоголь для литературы. „Если несомнѣнно, что „Мертвыя души“ сообщили могущественное движеніе нашему анализу и положили вонецъ нашему женственному колебанію, то несомнѣнно и то, что эта поэма, между прочимъ, должна была имѣть рѣшительное вліяніе на идеи наши вообще, а слѣдовательно и на историческое изученіе Россіи“. Возможность такого вліянія литературы на науку доказывается съ полною очевидностью примѣромъ В. Скотта. Его романы, по мнѣнію Майкова, много способствовали повороту, совершившемуся, въ двадцатыхъ годахъ, въ западно-европейской исторіографіи. У В. Скотта, — говоритъ критикъ, — „Гизо, Тьерри, Вильменъ и Барантъ въ первый разъ прочли истинно-безпристрастный разсказъ о судьбѣ народовъ, изученіе которой составляло предметъ ихъ юношеской дѣятельности. Отвѣдавъ живой воды изъ этого чистаго родника исторической истины, они не могли не вооружиться всѣми силами противъ близорукости и пристрастія, которыя господствовали во всѣхъ сочиненіяхъ, явившихся въ свѣтъ до историческихъ романовъ В. Скотта. Достаточно было одной противоположности, одного противорѣчія между стройными картинами, вышедшими изъ-подъ гениальнаго пера его, съ безобразною путаницей, выдававшейся до него за исторію среднихъ вѣковъ, чтобы направить аналитическій духъ молодыхъ писателей къ тому роду критико-описательной исторіи, которому они положили начало“. И дѣйствительно, самъ От. Тьерри признавалъ себя во многомъ обязан-

нымъ В. Скотту; мысль о вѣковомъ антагонизмѣ между англосаксами и норманнами, изображенномъ въ „Исторіи завоеванія Англіи норманнами“, внушена историку чтеніемъ „Айвенго“.

На западѣ Европы историческій романъ былъ естественнымъ порожденіемъ эпохи, утомленной быстрымъ движеніемъ впередъ, искавшей успокоенія и точекъ опоры въ созерцаніи прошедшаго. Въ Россіи, на рубежѣ первой и второй четверти XIX-го, вѣка, не было ничего подобнаго; появленіе русскаго историческаго романа, равно какъ и его популярность, можно объяснить, по мнѣнію Майкова, только старинною нашею страстью къ подражанію и традиціоннымъ у насъ успѣхомъ подражательныхъ произведеній. „Юрій Милославскій“, пятнадцать лѣтъ спустя послѣ выхода его въ свѣтъ, производитъ впечатлѣніе сказки, дѣйствіе которой совершается вѣкъ времени и пространства. Древняя русская жизнь до крайности однообразна, бѣдна драматизмомъ. Конечно, „гдѣ живешь, тамъ и поэзія, гдѣ человѣческія отношенія, тамъ и драма; но для открытія ихъ въ тѣсномъ кругу какого-нибудь патриархальнаго затихшаго нуженъ талантъ, по крайней мѣрѣ равный таланту В. Скотта“. Что удалось Пушкину въ „Капитанской дочкѣ“, то было не по силамъ Загоскина или Булгарина... Рядомъ съ историческимъ романомъ въ западной Европѣ заняла мѣсто беллетристика—и такъ какъ русская беллетристика только что начинаетъ развиваться, а потребность въ чтеніи растетъ, то русскій книжный рынокъ наводняется переводами съ французскаго. Романы Сю и Дюма появляются одновременно въ нѣсколькихъ переводахъ; за ними слѣдуютъ романы Ж. Занда. „Каждый классъ общества,—говоритъ Майковъ ¹⁾,—имѣетъ своихъ любимыхъ писателей. Большинство—на сторонѣ Дюма; весьма немногіе почитаютъ Ж. Занда; середину между ними занимаетъ Сю. И это имѣетъ основаніе: Дюма и Ж. Зандъ—двѣ рѣзкія противоположности, два полюса современной французской беллетристики. У одного щедрою рукою разсыпаны ужасы, эффекты, несообразности, при совершенномъ отсутствіи анализа и психологическаго интереса; произведенія другой отличаются своей простотой, безъ эффектностью—это почти всегда драма, завязанная на всѣдневныхъ случаяхъ, но въ основаніи которой лежитъ глубокая, человѣческая идея. Одинъ представляетъ собою индифферента, лишеннаго всякихъ убѣжденій; другая находитъ въ душѣ своей отзывъ на каждый общественный вопросъ, страдаетъ и мучится вмѣстѣ съ своими братьями, и бальзамомъ рѣчей своихъ старается

¹⁾ „Отч. Записки“ 1847 г., январь, Библіогр. Хроника, стр. 9—10.

исцѣлить ихъ язвы. Одинъ, наконецъ, нисколько не заботится о формѣ своихъ сочиненій, другая довела ее до высокой степени художественности. Что касается до Э. Сю, то онъ—эклектикъ; онъ пишетъ нелѣпыя, но занимательныя сказки въ двадцати томахъ—а въ отступленіяхъ отъ разсказа говоритъ о современныхъ интересахъ общества, развиваетъ модныя идеи, нисколько не относящіяся къ дѣлу, не соотвѣтствующія положенію дѣйствующихъ лицъ "... Первое условіе беллетристики—воспроизведеніе дѣйствительности; лучшія мѣста въ социальномъ-общественныхъ романахъ Сю—тѣ, которыя списаны съ натуры и ярко обнаруживаютъ то или другое общественное зло.

Раздѣляя съ Бѣлинскимъ поклоненіе „Мертвымъ душамъ“, Майковъ, какъ и Бѣлинскій, не посвятилъ имъ подробнаго критическаго разбора. Онъ объясняетъ молчаніе критики самою силою впечатлѣнія, произведеннаго „поэмой“ Гоголя ¹⁾. „Радикальное, беззащитное отрицаніе“, вызванное ею въ мыслящей части общества, не могло быть сразу подвергнуто точному анализу. „Но если критика не вняла за этотъ неисчерпаемый предметъ изученія,—говоритъ Майковъ,—за то ни одинъ читатель, по прочтеніи „Мертвыхъ душъ“, не остался пассивнымъ. Каждый вынесъ изъ книги Гоголя хотя одно живое слово, какъ бы опредѣлившее его положеніе на свѣтѣ, его нравственную физіономію. Оказалась замѣчательная переменъ не только въ литературныхъ понятіяхъ, но и въ разговорномъ языкѣ, въ самомъ быту живой половины нынѣшней публики. Достаточно указать на ежедневное и неутомимое преслѣдованіе всякой маниловщины, какъ на доказательство огромнаго успѣха въ развитіи нашего общества въ послѣднее время. Мнѣнія замѣчанія о Гоголѣ разсыпаны у Майкова вездѣ; онъ относился къ нему съ пламенною любовью, не исключавшею глубокаго пониманія и потому весьма рѣдко приводившею къ преувеличеніямъ (въ родѣ черезъ-чуръ хвалебнаго отзыва о „Римѣ“). Приведемъ. для примѣра, небольшой отрывокъ, касающійся „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. „Самые завѣтные порицатели Гоголя“,—читаемъ мы въ статьѣ Майкова о Кольцовѣ (стр. 28),—сознаются, что этотъ разсказъ есть одно изъ самыхъ задушевныхъ произведеній искусства—и въ то же время рѣшаются утверждать, что въ немъ нѣтъ идеи. На чемъ основанъ этотъ приговоръ? На томъ, что читая „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, никакъ нельзя рѣшить—плѣняется ли авторъ безматежнымъ блаженствомъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, или клей-

¹⁾ „Отечественныя Записки“, 1847 г., февраль, Вибліогр. Хроника, стр. 73.

мнѣ въ ихъ лицахъ степной фамилізмъ, съ его лѣнью и чревоугодіемъ. Не хотѣтъ понять, что задача Гоголя была—показать, что какъ ни смахиваютъ изображенные имъ супруги на пару двуногихъ животныхъ, но все-таки они люди—существа, достойныя слезъ и смѣха!“

Молодыхъ, начинающихъ писателей Майковъ не успѣлъ сдѣлать предметомъ всесторонняго критическаго изученія; но когда онъ упоминаетъ о нихъ мимоходомъ, въ отзѣвахъ его всегда слышится вѣрная нота. Говоря о Достоевскомъ, только-что напечатавшемъ „Бѣдныхъ людей“ и „Двойника“, Майковъ совершенно правильно защищаетъ его отъ упрека въ подражаніи Гоголю, признаетъ оригинальность его манеры и видитъ въ немъ преобладаніе психологическаго анализа („Нѣчто о русской литературѣ въ 1846 г.“ стр. 3). „Гоголь—поэтъ по преимуществу социальный а г. Достоевскій—по преимуществу психологическій. Для одного индивидуумъ важенъ какъ представитель извѣстнаго общества или извѣстнаго круга; для другого самое общество интересно по вліянію его на личность индивидуума. Гоголь тогда только вдохновляется лицомъ, когда чувствуетъ возможность проникнуть съ нимъ въ одну изъ обширныхъ сферъ общества. У г. Достоевскаго также встрѣчаются поразительно-художественныя изображенія общества,—но они составляютъ у него фонъ картины и обозначаются большею частію такими тонкими штрихами, что совершенно поглощаются огромностію психологическаго интереса“. Несомнѣннымъ доказательствомъ поэтическаго чутья Майкова служить сочувственный отзывъ его ¹⁾ о стихотвореніяхъ Тютчева (Ө. Т.), напечатанныхъ въ „Современникѣ“ 1836—37 г. и въ то время, когда писалъ Майковъ, совершенно забытыхъ.

Критическая дѣятельность Майкова продолжалась съ небольшимъ годъ; смерть застала его еще не установившимся, не достигшимъ полнаго развитія мысли и таланта. Подобно всѣмъ другимъ выдающимся нашимъ критикамъ—Бѣлинскому, Добролюбову, Писареву,—онъ началъ писать молодымъ, очень молодымъ. Въ то время нужно было еще объяснять, что молодость не исключаетъ критической способности. „Неужели не настала пора убѣдиться,—говоритъ авторъ некролога Майкова, напечатаннаго въ „Современникѣ“,—что не число лѣтъ, даже не рядъ событій, случавъ и т. п. дѣлаютъ человека опытнымъ? Можно быть пятидесяти-

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1846 г., октябрь, Библиогр. хроника, стр. 43.

лѣтнимъ ребенкомъ и двадцатипятилѣтнимъ старикомъ. Для пріобрѣтенія опытности нужно то волшебное стекло, которое даетъ природа и сквозь которое проходятъ передъ глазами время и дѣла. Это стекло—наблюдательный, аналитическій умъ, ведущій къ сравненію и повѣркѣ всего вращающагося около насъ. Сколько есть людей, надъ головами которыхъ пронесли великія событія и которые не вынесли никакого заключенія о нихъ; сколько, напротивъ, другихъ, которые въ тиши кабинета, по окружающимъ ихъ ничтожнымъ и мелочнымъ обстоятельствамъ, научились судить міровыя дѣла и случаи“. Теперь подобныя доказательства были бы излишни; мы знаемъ очень хорошо, что знаменитыя слова корнелевскаго Сиды примѣнимы не къ одной только храбрости. Нельзя отрицать, однако, что дарованіе, даже крупное, далеко не всегда выступаетъ на сцену во всеоружіи, вполне готовымъ и окрѣпшимъ. Не всякому сразу дается въ руки самый языкъ, не всякій сразу находитъ свою писательскую манеру. Майковъ, въ этомъ отношеніи, былъ одаренъ не столь счастливо, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ. Обои́мъ послѣднимъ власть надъ словомъ была точно прирождена; самые ранніе ихъ труды, по изящной простотѣ, по прозрачной ясности формы, ни въ чемъ не уступаютъ позднѣйшимъ. Наоборотъ, у Бѣлинскаго можно замѣтить въ этомъ даже временной регрессъ—когда его статьи, въ срединѣ его карьеры, испещряются философскими терминами и метафизичность содержанія невыгодно отражается и на внѣшней формѣ. Майковъ не принадлежалъ къ числу артистовъ рѣчи, овладѣвающихъ ею безъ усилія и труда, безъ постепенныхъ переходовъ отъ хорошаго къ лучшему. Его языкъ, какъ видно и изъ приведенныхъ нами цитатъ, бывалъ, мѣстами, запутанъ и тяжеловѣсенъ; не всегда удавалась ему и конструкція статей—онъ бросался иногда изъ стороны въ сторону, возвращался по нѣскольку разъ къ одной и той же мысли, недостаточно заботился о соединеніи частей въ одно стройное цѣлое. Это указано было уже въ некрологахъ, написанныхъ его друзьями. „Недостатки Майкова,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—излишняя плодовитость и свойственная молодости непривычка распоряжаться богатствомъ силъ, раздробленность и мѣстами слишкомъ тонкая и отвлеченная изысканность анализа“... „Намъ случалось слышать,—замѣчаетъ другой,—какъ обвиняли молодого критика въ длиннотѣ его статей, въ растанутости и въ отсутствіи журнальной бойкости. Первое, если оно и было, происходило единственно отъ желанія высказать мысль какъ можно яснѣе и доказательнѣе. Майковъ имѣлъ всегда въ виду массу, которой необходимо бываетъ повторять по нѣскольку разъ и такъ

сказать разжевывать идею, для того, чтобы она приняла и усвоила ее себя... Растянутость статей Майкова была слѣдствіемъ не бесплодности ума, а напротивъ, чрезвычайной плодовитости. Что же касается до отсутствія бойкости, то это еще не недостатокъ. Бойкость пріобрѣтается опытностью, рутинной, да и не въ ней одной заключается жизнь и колоритъ статьи. Никто не назоветъ эстетическія статьи Шиллера вялыми и безцвѣтными, хотя онѣ, повидимому, вовсе лишены полемическаго задора¹⁾. Слишкомъ усердный защитникъ оправдываетъ здѣсь даже такое свойство статей Майкова, которое никакъ не можетъ быть признано ихъ отличительною чертою. Майковъ не былъ чуждъ ни бойкости, ни полемическаго задора (въ лучшемъ смыслѣ этого слова); чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть то мѣсто въ обзорѣ ній русской литературы 1846 г., гдѣ онъ побиваетъ, собственнымъ ихъ оружіемъ, противниковъ натуральной школы, или тѣ критическіе отзывы о Кольцовѣ, которые онъ влагаетъ въ уста классика и романтика. Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, специально занимавшихся „отрицаніемъ“ Гоголя и гоголевскаго натурализма, было замѣчено, что претензіи современной натуральной школы на натуральность рѣшительно неумѣстны, что натуральность—не ея изобрѣтеніе, что всѣ великія созданія искусства всегда и всюду были въ высшей степени натуральны. Майковъ подхватываетъ на лету это замѣчаніе и выводитъ изъ него, что романтическая критика сама провозгласила натуральную школу идущую по стопамъ величайшихъ художественныхъ созданій. Отсюда ясно, куда идетъ и что представляетъ собою не натуральная, романтическая школа... „Покойный классицизмъ сказалъ бы про Кольцова, что хотя и одаренъ авторъ сей изряднымъ отъ природы даромъ изображенія, но предметы его пѣснопѣнній доходятъ до простонравнаго и подлаго; а видоизмѣненіе классицизма, романтизмъ, выразился бы такъ: читая произведенія гениальнаго поэта-прасола, не можемъ не скорбѣть о томъ, что грязная существенность, отяготѣвшая надъ самимъ поэтомъ, бросила мрачную тѣнь свою и на произведенія его пера и не допустила его воображеніе въ тотъ дивный, роскошный міръ всемогущей фантазіи, въ которомъ небо сливается съ землею такъ, что земное дѣлается небеснымъ, а небесное пріемлетъ роскошный образъ земнаго, очищеннаго отъ всего грубаго, гнетущаго, прозаическаго“... Кто такъ владѣлъ ироніей, тотъ очевидно, не былъ лишенъ „журнальной бойкости“¹⁾. Что касается до растянутости, то ей спо-

¹⁾ Образцомъ тонкой насмѣшки, облеченной въ форму похвалы, можетъ служить отзывъ Майкова объ „Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей“, Ишимовой („Отеч. Записки“ 1847 г., январь, стр. 60—61).

собствовало, безспорно, желаніе Майкова быть какъ можно болѣе понятнымъ и доступнымъ; но вѣдь это желаніе одушевляло и Бѣлинскаго, и Добролюбова, а Бѣлинскій, вдобавокъ, начиналъ писать въ такое время, когда публика была гораздо меньше подготовлена къ чтенію серьезныхъ критическихъ статей. Достаточнымъ объясненіемъ формальныхъ недостатковъ Майкова не можетъ, поэтому, служить ни его молодость, ни стремленіе приспособиться къ потребностямъ читателей. Намъ кажется, что они коренятся, по крайней мѣрѣ отчасти, въ самомъ содержаніи критическихъ статей Майкова, въ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ началъ свою критическую дѣятельность.

Первое условіе яснаго, строго-последовательнаго изложенія—это ясность и опредѣленность мысли. Оно достигается сравнительно легко, когда идетъ борьба между двумя рѣзко-противоположными направленіями, когда одному взгляду, высказавшемуся вполне, противопоставляется другой, прямо его отрицающій. Таково было положеніе Бѣлинскаго и Добролюбова, при ихъ литературныхъ дебютахъ. Первый имѣлъ передъ собою обветшалыя стѣны псевдо-классической эстетики, еще болѣе распатанные пристройками и достройками въ псевдо-романтическомъ вкусѣ. Штурмъ поведенъ былъ такъ, чтобы не оставить камня на камнѣ, чтобы уничтожить самыя основы никуда негоднаго зданія. О колебаніяхъ, о соглашеніяхъ не было и рѣчи; ничто не стѣсняло молодого разрушителя, никакихъ сомнѣній относительно цѣли и плана у него не было и не могло быть. Отсюда необыкновенная сила натиска, сразу одержавшаго блистательную побѣду. Задача Добролюбова отличалась такою же цѣльностью и простотою: нужно было опрокинуть теорію чисто-художественнаго творчества и основать на ея развалинахъ новый взглядъ на искусство, какъ на могущественное орудіе борьбы, политической и соціальной. Ни Бѣлинскій, ни Добролюбовъ не стояли лицомъ къ лицу съ сильнымъ, уважаемымъ противникомъ; ни тотъ, ни другой не должны были сначала завоевать себѣ свободу—свободу отъ вліянія, добровольно, даже восторженно признаннаго,—а потомъ пользоваться ею безъ открытаго разрыва съ авторитетомъ, все еще мощнымъ. Совершенно иною была судьба Майкова. Ученикъ и отчасти продолжатель Бѣлинскаго, онъ разошелся съ нимъ не настолько, чтобы возстать противъ него со всею силой юношескаго увлеченія, но настолько, чтобы положить начало новой критической доктринѣ. Созданіе этой доктрины не могло быть завершено имъ сразу, именно потому, что она не была полной антитезой господствовавшему ученію, отдѣлялась отъ него далеко не по всемъ

пунетамъ. Пока работа обособленія не была окончена, мысль Майкова не могла выясниться вполне для него самого—не могла, слѣдовательно, и вылиться въ безусловно-опредѣленную форму. Это еще не все: окончательное установленіе взглядовъ Майкова встрѣтило задержку въ самомъ разнообразіи его свѣденій, въ самой обширности работъ, которыми онъ готовилъ себя къ критической дѣятельности. Нѣмецкая философія была для него тѣмъ, что тогда называли *ein überwundener Standpunkt* — пережитою точкой зрѣнія, — но слѣды, оставленные ею изученіемъ, сказывались еще въ его способѣ выраженій, даже въ нѣкоторыхъ его тезисахъ; точная наука притягивала его къ себѣ, но еще не вполне имъ овладѣла. Процессъ сліянія разнородныхъ элементовъ совершился въ Майковѣ быстро—но еще быстрѣе разразился надъ нимъ ударъ судьбы. Онъ былъ критикомъ переходнаго времени—и умеръ, не успѣвъ выйти изъ своей собственной переходной эпохи. Этимъ объясняются, кажется, его формальные недостатки—да и не они одни; этимъ же обусловливается шаткость нѣкоторыхъ его мнѣній—въ особенности мнѣнія его о народности, противъ котораго, какъ мы видѣли, вооружился Бѣлинскій.

Когда Майковъ писалъ свой этюдъ объ общественныхъ наукахъ, онъ смотрѣлъ на народность именно такъ, какъ ее два года спустя понималъ Бѣлинскій. Доказывая необходимость „уразумѣть народность не какъ политическое начало, раздѣляющее нации, но какъ органическое условіе ихъ единства“, онъ видѣлъ въ національномъ характерѣ—„одну изъ составныхъ частей характера человѣчества“, въ національномъ возрѣніи—„одну сторону возрѣнія, свойственного всякому человѣку“. Онъ признавалъ, что „оригинальность части не вредитъ единству цѣлаго, ибо единство въ реальности предполагаетъ извѣстную степень разнообразія“. Это очень похоже на положеніе Бѣлинскаго: „народности суть личности человѣчества“. Во взглядѣ на народность, провозглашенномъ Майковымъ два года спустя, остатки прежняго соединились съ новымъ въ такую комбинацію, отличительною чертою которой гармонія признана быть не можетъ. Исходной его точкой служить чисто метафизическое представленіе о добродѣтеляхъ, какъ о чемъ-то прирожденномъ человѣку—въ противоположность порокамъ, зависящимъ исключительно отъ внѣшнихъ условий. Оставаясь вѣрнымъ этому представленію, Майковъ долженъ былъ отнести всѣ „особенности“ народа къ слабымъ сторонамъ его. Мѣстами онъ такъ и дѣлаетъ—но мѣстами перестаетъ быть послѣдовательнымъ и признаетъ возможность „родового и племеннаго вліянія“ не только на несовершенство, но

и на совершенство человѣка. Другими словами, онъ признаетъ, что „особенности“ народа могутъ быть не только недостаткомъ, но и достоинствомъ — а если это такъ, то нельзя уже утверждать безусловно, что онѣ „противодѣйствуютъ достиженію всѣми народами одной идеальной степени развитія“, что онѣ „удаляютъ народъ отъ идеальной цивилизаціи“. Метафизическими понятіями являются, дальше, и та идеальная цивилизація, тотъ идеальный, безтемпераментный человѣкъ, о которыхъ говоритъ Майковъ. Совершенное уничтоженіе всякихъ различій между народностями представляется такою же мечтою, какъ и уничтоженіе всякихъ различій между людьми — или по меньшей мѣрѣ чѣмъ-то слишкомъ отдаленнымъ и мало достовѣрнымъ, чтобы бросить яркій свѣтъ на настоящее положеніе вопроса. Если въ отбѣнѣ географическихъ условій, какъ фактора образованія народныхъ свойствъ, Майковъ приблизился къ выводамъ современной науки (припомнимъ мѣткія замѣчанія его о русской равнинѣ), то онъ вовсе не предусмотрѣлъ ихъ по вопросу о наслѣдственности: допуская переходъ „характеристическаго порока“ отъ предковъ къ потомкамъ — какъ въ средѣ рода, такъ и въ средѣ племени, — онъ объясняетъ его только подражаніемъ, вліяніемъ воспитанія, а не непосредственной физиологической передачей... Не менѣе произвольной, чѣмъ характеристика „народныхъ особенностей“, кажется намъ и мысль Майкова о большинствѣ и меньшинствѣ, на которыя распадается каждый народъ. Такое распаденіе возможно, въ критическія минуты народной жизни, но вовсе не неизбѣжно. „Діаметральная противоположность“ между большинствомъ и меньшинствомъ, о которой говорится въ формулѣ Майкова, немислима уже потому, что меньшинство вырастаетъ на одной почвѣ съ большинствомъ и не можетъ быть свободнымъ отъ условій, которымъ подчинено послѣднее. Допустимъ, напримеръ, существованіе того контраста между неподвижной массой и „удальми“ личностями, къ которому Майковъ сводитъ русскія народныя особенности; развѣ въ неумѣнѣ остановиться, въ пассивномъ увлеченіи, свойственномъ „удальцамъ“, не отражается инерція, присущая массѣ? Если „удалецъ“ рабски слѣдуетъ за своею мыслью, какъ песчинка — за вѣтромъ, то не зависитъ ли это отъ той же причины, въ силу которой песчинки, не тронутыя вѣтромъ, вѣками остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ?.. Чрезвычайно неясно, наконецъ, намѣчена у Майкова роль великихъ людей; причисляетъ ли онъ ихъ къ меньшинству или выдѣляетъ ихъ какъ изъ большинства, такъ и изъ меньшинства — это рѣшить довольно трудно. Вѣроятнѣе послѣднее предположеніе, потому

что меньшинство опредѣляется у Майкова чертами, имѣющими крайне мало общаго съ величіемъ. А между тѣмъ, великій человѣкъ все-таки не можетъ не быть человѣкомъ своего времени и своего народа.

Неудивительно, что взглядъ на народность, до такой степени не выработанный и не законченный, встрѣтилъ рѣзкое противо-дѣйствіе со стороны Бѣлинскаго. Мы никакъ не можемъ согласиться съ высказаннымъ въ нашей литературѣ мнѣніемъ, по которому „только со статьи Майкова началась настоящая оппозиція славянофильству“. Суть славянофильства заключалась не въ признаніи народныхъ особенностей, какъ факта, со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами, а въ возведеніи ихъ на степень чего-то предопредѣленного разъ навсегда, неизмѣнимаго и не подлежащаго измѣненію. Въ этомъ былъ узелъ вопроса — и на этомъ сосредоточивалась полемика Бѣлинскаго противъ славянофильства, какъ до, такъ и послѣ статьи Майкова. Бѣлинскій вѣрилъ, что народъ можетъ идти впередъ, оставаясь самимъ собою, что онъ носитъ въ себѣ источникъ движенія и прогресса, что новое, какъ бы рѣзко оно ни отличалось отъ стараго, можетъ облечься въ національныя формы. Съ этой точки зрѣнія попытка доказать, что всякая народная особенность равносильна пороку и составляетъ преграду на пути къ истинной цивилизаціи, должна была быть отвергнута уже потому, что она переносила вопросъ на другую, метафизическую почву и усложняла его гипотезой о возможности, въ туманной дали, безтемпераментнаго человѣка и безнароднаго человѣчества. Мы убѣждены, что въ развитіи самого Майкова эта гипотеза явилась бы только переходнымъ, преходящимъ фазисомъ; не даромъ же въ составъ мотивовъ, на которыхъ она была построена, входило столько данныхъ, вполне пригодныхъ для поддержки существенно-иного взгляда. Самая мысль о большинствѣ и меньшинствѣ народа, не выдерживающая критики въ томъ абсолютномъ видѣ, въ какомъ она формулирована Майковымъ, могла стать исходнымъ пунктомъ для весьма цѣнныхъ и плодотворныхъ изысканій; она могла привести къ заключенію, что „народная особенность“ не составляетъ чего-то всегда и вездѣ равнаго самому себѣ, что она имѣетъ множество степеней и видоизмѣненій, и уже по тому одному не тяготеетъ съ фатальнымъ постоянствомъ надъ судьбой народа.

Предшественникомъ тѣхъ стремленій, которыя одержали побѣду въ критикѣ конца пятидесятихъ годовъ и начала шестидесятихъ годовъ, Майкова можно признать не иначе, какъ съ большими оговорками. Въ вопросѣ о значеніи и назначеніи искусства онъ былъ

гораздо менѣе радикаленъ, чѣмъ въ вопросѣ о народности. Исходной точкой переворота, совершенно уничтожившаго у насъ на время чисто-эстетическую критику, слѣдуетъ считать диссертацию объ „Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“; а мы уже видѣли, насколько выводы этой диссертации расходятся съ мнѣніями Майкова. Опредѣляя художественное творчество, какъ пересозданіе дѣйствительности, Майковъ вовсе не ставилъ первое ниже послѣдней, не обрекалъ его на служебную роль, не ограничивалъ его призваніе исключительно утилитарными дѣлами. Онъ допускалъ тенденціозность въ искусствѣ, но не требовалъ ея во что бы то ни стало; онъ считалъ беллетристику (мы знаемъ, что онъ понималъ подъ этимъ именемъ) только однимъ изъ видовъ искусства, столь же законнымъ, какъ и остальные. Скажемъ болѣе: въ принципѣ онъ отвергалъ всякую іерархію въ области искусства, но его симпатіи принадлежали всего больше „строغو-художественнымъ“ произведеніямъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ гораздо ближе къ своему предшественнику, Бѣлинскому (въ послѣднемъ періодѣ его дѣятельности), чѣмъ къ своимъ преемникамъ, Добролюбову и Писареву. Для того, чтобы перейти отъ прежней крайности—безусловнаго преклоненія передъ чистымъ искусствомъ,—къ другой, противоположной, наша литература и наше общество должны были еще пережить мертвое затишье 1848—55 г.—затишье, особенно рѣзко отразившееся на критикѣ, точно обезглавленной смертью Бѣлинскаго и Майкова. Отъ эстетическихъ задовъ, повторяемыхъ безъ увлеченія, безъ таланта, естественно, неизбежно было перейти къ смѣлой, прямолинейной, горячей доктринѣ, отвѣчавшей вполне новому настроенію общества, періоду розовыхъ надеждъ и большихъ ожиданій. Критика Добролюбова была кульминаціоннымъ пунктомъ движенія, возникшаго за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ и прошедшаго всѣ фазисы, отъ чисто-эстетическаго до чисто-публицистическаго взгляда на искусство; критика Писарева была уже преувеличеніемъ, утрировкой, за которою должна была наступить реакція. Она дѣйствительно наступила и продолжается до сихъ поръ, не создавъ новой школы, не выдвинувъ на сцену крупныхъ дарованій, но выражаясь въ цѣломъ рядѣ протестовъ противъ тенденціозности, противъ „направленія“, противъ субъективности въ искусствѣ, и опираясь на аналогическое движеніе въ западно-европейской литературѣ. Слѣдуетъ ли отсюда, что близокъ новый крутой поворотъ, близко возрожденіе идей, господствовавшихъ на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Борьба мнѣній переходитъ все больше и

больше на научную почву; искусство изучается какъ фактъ, какъ продуктъ разнообразныхъ психологическихъ и соціологическихъ условій—а этимъ путемъ едва ли можно придти къ осужденію цѣлыхъ областей искусства, къ объявленію ихъ внѣ закона. Критика будущаго едва ли признаетъ право на существованіе за однимъ только чистымъ искусствомъ—но едва ли и произнесетъ надъ нимъ тотъ приговоръ, мотивированію котораго было посвящено у насъ столько усилій четверть вѣка тому назадъ. Съ этой точки зрѣнія изученіе дѣятельности Валеріана Майкова кажется намъ особенно важнымъ именно теперь, какъ потому, что онъ одинъ изъ первыхъ приблизился къ современному взгляду на искусство, такъ и потому, что онъ не отдался всецѣло служенію одной крайней идеѣ. Отсутствіе односторонности, составляющее въ нашихъ глазахъ главную отличительную черту Майкова—это не половинчатость, не вялость, не эклектизмъ, пытающійся примирить непримиримое; критикъ не балансируетъ между двумя крайностями, а просто занимаетъ, вдали отъ той и другой, положеніе, наиболѣе соотвѣтствующее громадной и сложной задачѣ искусства. Это положеніе было имъ скорѣе намѣчено, чѣмъ обозначено рѣзкими, опредѣленными штрихами; для послѣдняго ему не хватило времени, да, можетъ быть, не хватило бы и данныхъ, потому что крайнія направленія не были еще исчерпаны до конца, научное отношеніе къ искусству не имѣло еще достаточно твердыхъ точекъ опоры. Какъ бы то ни было, попытка была сдѣлана, сдѣлана съ большимъ, своеобразнымъ блескомъ—и этого довольно, чтобы упрочить за Валеріаномъ Майковымъ почетное мѣсто въ исторіи русской критики.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1886 г.

Примѣненіе новыхъ правилъ о питейной торговлѣ. — Питейная монополія казны, какъ гарантія народной нравственности. — „Партія“, разыскиваемая московскими реакціонерами. — Нападенія на „законодательную технику“ и настоящій ихъ смыслъ. — Новыя законодательныя мѣры. — Уголовная статистика за 1880 и 1881 г.

Со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ о питейной торговлѣ прошло уже три мѣсяца, но практическое значеніе ихъ выяснилось еще далеко не вполне. Официальныя свѣденія, публикуемыя въ „Вѣстникѣ финансовъ“ и „Правительственномъ Вѣстникѣ“, касаются не всѣхъ сторонъ дѣла; сообщенія, идущія изъ другихъ источниковъ, появляются, большею частью, въ газетахъ, враждебныхъ министерству финансовъ, и не всегда заслуживаютъ довѣрія. Нужно будетъ не мало времени и еще больше труда, чтобы опредѣлить и оцѣнить настоящіе результаты правилъ 14 мая 1885 г. Съ достовѣрностью теперь можно сказать только одно: редакція этихъ правилъ оставляетъ желать весьма многого, и недоразумѣнія, ею возбуждаемыя, не устранены разъясненіями министерства финансовъ. Съ какою бы цѣлью ни были подхватываемы и подчеркиваемы извѣстными органами печати противорѣчія въ министерскихъ предписаніяхъ и циркулярахъ — противорѣчія эти безспорно существуютъ и свидѣлствуютъ о шаткости почвы, созданной новымъ закономъ. Въ официальныхъ изданіяхъ были обнародованы, въ декабрѣ и январѣ, данныя о числѣ селеній, въ которыхъ запрещена, съ новаго года, питейная продажа. Селенія эти распредѣлялись на двѣ группы: въ составъ первой входили тѣ, въ которыхъ запрещеніе продажи восполнѣвалось по приговорамъ сельскихъ обществъ или просьбамъ частныхъ лицъ; въ составъ второй — тѣ, въ которыхъ продажа запрещена по усмотрѣнію самихъ питейныхъ присутствій. Число послѣднихъ селеній простиралось, въ 34 губерніяхъ, до десяти тысячъ. При этомъ

со стороны министерства финансовъ не было оговорено, что присутствія вышли изъ предѣловъ предоставленной имъ власти, и что остаться въ силѣ должны только тѣ запрещенія, въ основаніи которыхъ лежали общественные приговоры или просьбы частныхъ лицъ; напротивъ того, содержаніе сообщеній ясно указывало на правильность дѣйствій питейныхъ присутствій. Къ тому же заключенію приводилъ и циркуляръ министерства финансовъ, отъ 28 сентября 1885 г., въ которомъ прямо упоминалось о правѣ присутствія не только ограничивать, но и вовсе воспрещать открытіе питейныхъ заведеній. Черезъ нѣсколько времени, однако, сдѣлалось извѣстнымъ другое (декабрьское) распоряженіе министерства финансовъ, разъяснившее, что помимо ходатайствъ сельскихъ обществъ или частныхъ лицъ, по собственному усмотрѣнію, совершенно воспрещать открытіе въ селеніяхъ питейной торговли—присутствія не въ правѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это распоряженіе было, въ сущности, не разъясненіемъ прежняго, а его отиѣной; что предѣлы полномочій, предоставленныхъ присутствіямъ закономъ 14 мая, понимались министерствомъ сначала—такъ, потомъ—иначе. Причину колебанія мы постараемся раскрыть ниже,—но отъ чего бы оно ни зависѣло, его слѣдуетъ признать весьма прискорбнымъ. Не говоримъ уже о томъ, что имъ воспользовались систематическіе враги нынѣшняго финансоваго управленія; гораздо важнѣе та неопредѣленность, которую оно внесло въ примѣненіе закона. Мы узнаемъ изъ письма предсѣдателя вологодскаго уѣзднаго присутствія („Московскія Вѣдомости“, № 66), что три изъ числа уѣздныхъ присутствій вологодской губерніи отказались принять къ свѣденію и руководству новое разъясненіе министерства, какъ противорѣчащее прежнему и не опубликованное въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Что случилось, далѣе, съ тѣми многими тысячами запрещеній, которыя состоялись до декабрьскаго распоряженія и были оглашены во всеобщее свѣденіе? Если они остаются въ силѣ, то какъ совмѣстить это съ толкованіемъ закона, на которомъ остановилось теперь министерство финансовъ? Если они отиѣнены, то къ чему же было давать поводъ думать, что питейная продажа ограничена въ гораздо болѣе мѣрѣ, нежели это оказывается на самомъ дѣлѣ?

Изъ числовыхъ данныхъ, относящихся къ обѣимъ категоріямъ запрещеній, видно, что правомъ запрещать питейную продажу по собственному усмотрѣнію питейныхъ присутствій воспользовались въ 28 губерніяхъ (изъ 34), но въ весьма различныхъ размѣрахъ. Въ восьми губерніяхъ число такихъ запрещеній не превышаетъ ста (мѣшину—семь), въ четырнадцати—колеблется между ста и пятьюстами, въ пяти—между пятьюстами и тысячей, а въ одной (вятской)

доходить до 2.369. Та же губернія превосходитъ всѣ остальные, за исключеніемъ московской, числомъ запрещеній, вызванныхъ приговорами сельскихъ обществъ и просьбами частныхъ лицъ; такихъ запрещеній насчитывается въ ней 2.349 (въ московской—2.635, въ трехъ губерніяхъ—болѣе тысячи; въ семи—отъ пятисотъ до тысячи; въ четырнадцати—отъ ста до пятисотъ; въ остальныхъ восьми—менѣе ста; на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ губерніи ставропольская, съ патью, и виленская, съ двумя запрещеніями, а всего, въ тридцати четырехъ губерніяхъ, почти восемнадцать тысячъ запрещеній). Общая цифра селеній вятской губерніи, которыхъ коснулось запрещеніе питейной продажи, простирается, такимъ образомъ, до 4.718, между тѣмъ какъ ни въ одной изъ остальныхъ губерній соответствующая цифра не доходитъ и до трехъ тысячъ. Обращаясь, для разъясненія этого поразительнаго факта, къ подробнымъ свѣденіямъ о ходѣ питейнаго дѣла въ вятской губерніи, напечатаннымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№ 41), мы узнаемъ, что вся питейная торговля сосредоточивалась здѣсь до послѣдняго времени въ рукахъ немногихъ лицъ, подѣлившихъ губернію между собою на районы, и никого другого, безъ предварительнаго соглашенія, не допускавшихъ къ торговлѣ виномъ. Изъ 1.653 питейныхъ заведеній всякаго рода, существовавшихъ въ вятской губерніи въ 1885 г., 1.174 заведенія принадлежали 41 лицу (среднимъ числомъ—по 29 заведеній на одного хозяина); одно изъ этихъ лицъ было владѣльцемъ двухсотъ тридцати пяти заведеній (и трехъ винокуренныхъ заводовъ). Главнымъ орудіемъ монополіи служили приговоры сельскихъ обществъ (о разрѣшеніи продажи), оплачивавшіеся дорогою цѣною, а недостатокъ питейныхъ заведеній восполнился безпатентною продажей вина, производившеюся съ согласія монополистовъ; никакого убытка она имъ не причиняла, потому что тайные шинкари покупали вино въ патентованныхъ питейныхъ заведеніяхъ, продавая его затѣмъ произвольными мѣрами и ниже установленной крѣпости. Изданіе закона 14 мая произвело большую тревогу между крупными виноторговцами; доступная цѣна патентовъ на винныя, ведерныя и пивныя лавки, отмена разрѣшительныхъ общественныхъ приговоровъ, открытіе заведеній по жеребью—все это уничтожало границы районовъ, такъ бережно охранявшіяся, и дѣлало питейную торговлю доступною для всѣхъ желающихъ. Поднялся вопль монополистовъ о томъ, что откроется чрезмѣрно много питейныхъ заведеній, и это поведетъ къ развитію въ народѣ пьянства; но вопль ихъ былъ, въ сущности, вовсе не о благѣ народномъ, а о томъ, что ускользаетъ отъ нихъ возможность брать съ народа за ведро вина вдвое или втрое противъ дѣйствительной его стоимости. Чтобы отстоять, хоть отчасти, свою

монополию, крупные виноторговцы стали подбивать сельскія общества къ составленію приговоровъ о запрещеніи питейной продажи, надѣясь этимъ путемъ увеличить кругъ торговой дѣятельности заведеній, доставшихся имъ по жеребьевкѣ... Изъ сопоставленія этихъ официальныхъ данныхъ съ цифрою запрещеній, приведенною нами выше, сама собою вытекаетъ догадка, что главнымъ поводомъ къ новому разъясненію закона, несогласному съ прежнимъ, послужилъ именно ходъ питейнаго дѣла въ вятской губерніи. Уже при самомъ составленіи 14 мая былъ предусмотрѣнъ тотъ случай, когда въ основаніи общественнаго приговора о недопущеніи питейной продажи будетъ лежать не желаніе противодѣйствовать пьянству, а какое-либо побочное соображеніе. Не предусмотрѣно было, по всей вѣроятности, только такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ искусственному — и, поэтому, мнимому — ограниченію питейной торговли будетъ способствовать не только накопленіе общественныхъ приговоровъ о запрещеніи продажи, но и собственная инициатива присутствій, расположенныхъ къ возможно большому уменьшенію числа питейныхъ заведеній. Оба эти элемента встрѣтились въ вятской губерніи, а также, только въ меньшей степени, и въ нѣкоторыхъ другихъ (напр., въ тамбовской, тверской, рязанской, казанской). Отсюда, быть можетъ, рѣшимость министерства финансовъ положить предѣлъ такому движенію, фактическимъ результатомъ котораго могло бы явиться укрѣпленіе монополии и развитіе тайной продажи. Если наше предположеніе не лишено основанія, цѣль министерскаго распоряженія заслуживаетъ сочувствія, но средство, выбранное для достиженія цѣли, все-таки не можетъ быть признано удачнымъ. Министерство могло обратить вниманіе присутствій на необходимость большей осторожности въ пользованіи предоставленною имъ властью, на возможность злоупотребленій, тѣсно связанныхъ именно съ излишнимъ ограниченіемъ питейной продажи; но оно не должно было вовсе отрицать однажды признанное право — право, по существу своему весьма полезное и цѣнное. Не слѣдовало обезоруживать присутствія, не слѣдовало ставить запрещеніе продажи въ исключительную зависимость отъ просьбы обществъ или частныхъ лицъ. Не трудно представить себѣ такіе случаи, въ которыхъ присутствію очень хорошо извѣстно желаніе населенія освободиться отъ питейной продажи, извѣстны и причины, мѣшающія официальному заявленію этого желанія; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ собственная инициатива присутствія представлялась бы въ высшей степени умѣстной и ничѣмъ незамѣнимой.

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее насъ жалѣть о перемѣнѣ въ толкованіи закона 14 мая. Этотъ законъ имѣетъ, очевидно, характеръ переходной мѣры, главная цѣль которой заключается въ

испытаніи, въ практической оцѣнкѣ новыхъ условій нитейной продажи. Отсюда значительный просторъ, предоставленный питейнымъ присутствіямъ и выражающійся въ безконечно-разнообразномъ способѣ дѣйствій этихъ учреждений. Если въ одной губерніи, напримѣръ, присутствіе оставляетъ безъ утвержденія 7 приговоровъ о запрещеніи продажи (на 401 утвержденный), а въ другой—383 (на 119 утвержденныхъ), то это можно объяснить только неопредѣленностью и малочисленностью обязательныхъ нормъ, установленныхъ закономъ. Обнаружить сильныя и слабыя стороны обѣихъ противоположныхъ системъ — запретительной и разрѣшительной — должна, затѣмъ, сама жизнь; указанія ея должны послужить матеріаломъ для постройки другого, болѣе совершеннаго и устойчиваго законодательнаго зданія. Но для того, чтобы производимый такимъ образомъ опытъ могъ привести къ желанной цѣли, нужно было не останавливаться на полѣ-дорогѣ, не уничтожать, съ перваго же шага, одно изъ главныхъ его условій. Сохранивъ за присутствіями право запрещать, по собственному усмотрѣнію, нитейную продажу, финансовое управленіе получило бы, черезъ нѣсколько лѣтъ, возможность судить о томъ, какое значеніе имѣютъ эти запрещенія, каковы ихъ удобства и неудобства, желательно ли, и въ какой мѣрѣ, сохранить ихъ на будущее время. Теперь эта возможность потеряна—и объ этомъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть, чѣмъ сильнѣе расходились дороги, избранныя различными питейными присутствіями. Судя по началу, мы увидѣли бы на практикѣ всѣ оттѣнки вмѣшательства и невмѣшательства — отъ полнаго *laissez faire* до избытка регламентаціи, — и результаты, достигнутые при столь разнообразныхъ взглядахъ на дѣло, заключали бы въ себѣ, безъ сомнѣнія, очень много поучительнаго.

Господствующая роль, принадлежащая питейному доходу—къ несчастію для Россіи—въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, неизбѣжно вноситъ нѣкоторую долю двойственности во всѣ законодательныя и административныя мѣры, относящіяся къ этому доходу. Стремленіе упорядочить употребленіе вина, уменьшить пьянство, всегда идетъ рука объ руку съ заботой о сохраненіи или даже увеличеніи цифры питейнаго сбора. Весьма можетъ быть, что этой заботой объясняется, между прочимъ, и декабрьское распоряженіе министерства финансовъ; весьма можетъ быть, что такая цифра запрещеній, какъ 4.718, возбудила опасеніе крупнаго недобора, крайне рискованнаго при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ. Въ газетахъ, враждебныхъ финансовому управленію, часто раздаются жалобы на непрѣмьныхъ членовъ уѣздныхъ питейныхъ присутствій, т.-е. на акцизныхъ чиновниковъ, парализующихъ, своими протестами въ губернское присутствіе, всѣ усилія уѣздныхъ присутствій по регулированію питей-

ной продажи. Точныхъ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ эти жалобы, пока еще не много; но сомнѣваться въ томъ, что опредѣленія уѣздныхъ присутствій, направленные къ стѣсненію, тѣмъ или другимъ путемъ, питейной продажи, часто отмигаются губернскими присутствіями по протесту акцизныхъ чиновниковъ, мы не видимъ никакого основанія. Могутъ ли акцизные чиновники, однако, поступать иначе, если они полагаютъ, что оставленіе въ силѣ постановленій уѣздныхъ присутствій повлечетъ за собою значительное пониженіе питейнаго дохода? Справедливо ли обвинять должностныхъ лицъ только за то, что они исполняютъ лежащую на нихъ обязанность, справедливо ли обзывать ихъ—какъ это дѣлаетъ одна газета—„специалистами по распространенію пьянства“? Пока не измѣнилась вся финансовая система, до тѣхъ поръ немислимо равнодушное отношеніе представителей „казеннаго интереса“ къ разбѣрамъ питейнаго сбора,—немислимо, слѣдовательно, и безпрепятственное проведеніе мѣръ, клонящихся къ существенному ограниченію питейной продажи. До крайности страннымъ и нелогичнымъ кажется намъ, поэтому, ожиданіе какихъ-то особыхъ нравственныхъ благъ отъ казенной питейной монополіи, проповѣдуемой, съ нѣкоторыхъ поръ, противниками финансового управленія. Отношеніе казны къ питейному дѣлу ничуть не измѣнилось бы отъ того, что изъ сборщика акциза она превратилась бы въ монополиста питейной торговли. Ей все-таки пришлось бы помышлять прежде всего о томъ, чтобы цифра питейнаго дохода не подверглась, даже на время, слишкомъ чувствительному пониженію. О матеріальныхъ выгодахъ питейной монополіи можно быть различнаго мнѣнія — но связывать съ нею вопросъ объ уменьшеніи пьянства, значить обманывать себя и другихъ, забывать опытъ прошедшаго и указанія современной дѣйствительности. Повторяемъ еще разъ, чтобы предупредить влостное перетолкованіе нашей мысли: мы вовсе не отвергаемъ пользы ограниченій питейной торговли, но думаемъ, что въ виду того мѣста, которое занимаетъ питейный доходъ въ нашей финансовой системѣ, ограниченіямъ этимъ не суждено идти дальше черты, проводимой соображеніями „казеннаго интереса“. Если незначительность средней цифры потребляемаго вина, причитающейся на человѣка, не исключаетъ у насъ довольно сильнаго, мѣстами и временами, развитія пьянства, то къ числу причинъ этого явленія принадлежить, какъ извѣстно, широкое распространеніе распивочной продажи—и притомъ не только явной, но и тайной. Съ цѣлью уменьшенія этого зла законъ 14 мая положилъ конецъ вѣковому существованію кабака или питейнаго дома и облегчилъ устройство ведерныхъ и винныхъ лавокъ, продающихъ вино только на выносъ. Едва только новыя правила успѣли

вступить въ силу, кѣмъ уже со всѣхъ сторонъ летать вѣсти объ обходѣ закона, придуманномъ любителями выпивки. Ведерныя и винныя лавки продаютъ вино въ запечатанной посудѣ, или по крайней мѣрѣ, не ниже извѣстной мѣры—но рядомъ съ ними, на улицахъ или въ избахъ, появляются всѣ приспособленія для немедленной распивки купленного вина: штопоры, стаканы, рюмки и т. п. Пускаются въ ходъ и другія хитрости, напр.: покупка вина въ складчину, съ немедленнымъ дѣлежомъ, и т. п. Спрашивается, что могла бы сдѣлать противъ всего этого казенная монополія? Допустимъ, что распивочная продажа вина была бы уничтожена совершенно (это возможно, впрочемъ, и безъ монополіи), что вино продавалось бы только на выносъ, изъ лавокъ, управляемыхъ казенными агентами; что помѣшало бы устроить возлѣ этихъ лавокъ или въ близкомъ отъ нихъ разстояніи такія же мѣста распивки, какія заводятся теперь въ разныхъ концахъ Россіи? Скажемъ болѣе: гдѣ причина думать, что казенная монополія положила бы конецъ тайной, безпатентной продажѣ? Развѣ открытіе казенной винной лавки, изъ которой вино отпускалось бы не иначе какъ въ извѣстномъ количествѣ и въ запечатанной посудѣ, уничтожило бы сразу привычку пить въ веселомъ обществѣ, покупая вино не ведрами, а чарками? Пока существуетъ привычка, найдутся и способы къ ея удовлетворенію—развѣ если оно станетъ уже черезъ-чуръ труднымъ и опаснымъ; но усиленіе предохранительныхъ и карательныхъ мѣръ противъ тайной продажи вовсе не связано съ вопросомъ о питейной монополіи. Оно можетъ не состояться при ней и состояться безъ нея, обуславливаясь всего больше устройствомъ и дѣятельностью мѣстнаго управленія. Не смѣшно ли, въ виду всего этого, говорить о казенной питейной монополіи такимъ тономъ, какъ будто бы отъ нея зависѣла народная нравственность, и напоминать противникамъ монополіи, что „измѣнническихъ партій у насъ по штату не полагается“?

Питейный вопросъ—только одинъ изъ многихъ поводовъ къ агитаціи противъ финансоваго управленія. Агитація эта принимаетъ всѣ возможныя формы, сыплетъ то насмѣшками, то комплиментами, пользуется то записками, покрытыми глубокой тайной, то корреспонденціями иностранныхъ газетъ, происхожденіе которыхъ никому неизвѣстно—и не отступаетъ иногда даже передъ предложеніемъ мира, обусловленнаго обезоруженіемъ противника. Для большой внушительности этого предложенія, ему предпосылается обвиненіе чуть не въ государственномъ преступленіи. „Есть партія“, читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ, „которая имѣетъ свои виды на вымѣняго мини-

стра финансовъ. Это партія или, точнѣе, коалиція партій и разныхъ честолюбій, потерпѣвшая поражение въ день 29 апрѣля 1881 г. Судя по заявленіямъ ея органовъ, по ея корреспонденціямъ въ иностранной печати, наконецъ, по ходу дѣлъ, ясному для всѣхъ имѣющихъ очи, она вовсе не считаетъ себя побитой. Она только посторонилась, но не оставила поля; она только уступила на время, какъ она полагаетъ, нѣкоторыя позиціи, но удержала другія, дающія ей возможность не только наблюдать за дѣлами, но и дѣятельно вмѣшиваться въ нихъ. Она видитъ себя въ силахъ не только препятствовать посредствомъ обструкціонизма въ принятіи ¹⁾ полезныхъ мѣръ во имя принципа 29 апрѣля, но и принимать свои мѣры, чтобъ его дискредитировать. Она увѣрена, что имѣетъ своихъ ревнителей и вождей въ высшихъ учрежденіяхъ. Она противъ всякаго улучшенія въ нашихъ дѣлахъ, не потому, чтобы у ней не было людей, которые не могли бы отличить блага отъ чернаго, но потому, что она не желаетъ никакого шага къ лучшему на почвѣ 29 апрѣля. Ея заправилы и глашатаи не могутъ не видѣть безобразій, созданныхъ фальшивою постановкой многихъ нашихъ учрежденій, старыхъ и новыхъ, и издѣваются надъ ними, но не дозволяютъ касаться ихъ или предлагать развивать ихъ далѣе въ томъ же фальшивомъ направленіи, конечно, для того, чтобы привести въ тупикъ режимъ 29 апрѣля... И вотъ эта-то партія, прежде возлагавшая свои надежды на народное просвѣщеніе, юстицію и финансовое управленіе, потомъ только на два послѣднія, теперь же главнымъ образомъ возлагаетъ ихъ только на послѣднее, имѣющее въ своемъ вѣденіи жизненныя силы страны". Для вѣщей иллюстраціи всѣхъ этихъ ужасовъ московская газета дѣлаетъ выписку изъ петербургской корреспонденціи „Allgemeine Zeitung“, усматривая въ ней, не зная на какомъ основаніи, аспираціи вышереченной партіи, „разсчитывающей на финансовое разстройство Россіи“. „Отъ всей души желаемъ—таково неожиданное заключеніе нашего accusateur public—чтобы Н. Х. Бунге самымъ рѣшительнымъ образомъ отнять у этой партіи всякій поводъ разсчитывать на финансовое управленіе для достиженія ея цѣлей. Пусть со всею энергіей оттолкнетъ онъ отъ себя эту партію, и онъ найдетъ въ насъ искреннихъ и усердныхъ во всемъ пособниковъ“. Итакъ, проектъ мирнаго договора готовъ; опредѣлена требуемая уступка, опредѣлено и соотвѣтствующее вознагражденіе. Министру финансовъ обѣщана, условно, неоцѣнимая помощь „Московскихъ Вѣдомостей“; „что другія всѣ награды предъ сокровищемъ такимъ?“..

¹⁾ „Препятствовать въ принятіи“? Представителямъ „русской партіи“ слѣдовало бы правильнѣе писать по-русски.

Жаль только, что до полной ясности московская газетная держава, въ своихъ дипломатическихъ переговорахъ, все-таки не договорилась.

Неяснымъ, прежде всего, остается положеніе той зловредной партіи, „энергическое“ отреченіе отъ которой является условіемъ мира. Гдѣ она, изъ кого она состоитъ, какимъ путемъ выражаетъ свои стремленія? Она увѣрена,—говорятъ намъ,—что имѣетъ своихъ ревнителей и вождей въ высшихъ учрежденіяхъ; но основательна ли эта увѣренность, и если основательна, то кто же, въ средѣ высшихъ учреждений, держится формулы: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“? Величайшему сомнѣнію подлежитъ самое существованіе этой формулы, какъ руководящаго начала каковой бы то ни было „партіи“; мы знаемъ, съ помощью какихъ приемовъ „Московскія Вѣдомости“ разыскиваютъ слѣды ея въ литературѣ—но теперь рѣчь идетъ уже не о литературѣ, а о совершенно другихъ сферахъ. Чѣмъ объясняются, дагѣ надежды, возлагаемыя партіею на министерство финансовъ? Основываются ли онѣ на мѣрахъ, уже принятыхъ, или на мѣрахъ, еще ожидаемыхъ? Если основаніемъ расчета служатъ мѣры, уже принятые, то въ чемъ же онѣ заключаются, къ какой отрасли финансоваго управленія онѣ относятся? Быть можетъ, рѣчь идетъ объ указѣ 1 января 1881 г., этой *delenda Carthago* „Московскихъ Вѣдомостей“? Но вѣдь этотъ указъ былъ изданъ въ такое время, когда „партія“, даже съ точки зрѣнія московской газеты, не имѣла еще причины исповѣдывать начало: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Тарифная политика послѣднихъ годовъ приближается все больше и больше къ протекціонизму, защищаемому „Московскими Вѣдомостями“; поземельный кредитъ устраивается въ сословномъ духѣ, и заемщики Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита скоро, повидимому, дождутся желанныхъ льготъ, конечно не безъ пожертвованій со стороны казны. Не этимъ, значитъ, обуславливается сочувствіе „партіи“ къ финансовому управленію. Остается, затѣмъ—помимо питейнаго вопроса, о которомъ мы уже говорили,—только цѣлый рядъ законовъ, направленныхъ къ облегченію народа и къ болѣе справедливому распредѣленію податного бремени. Здѣсь, слѣдовательно, и нужно искать точку соприкосновенія „партіи“ съ министерствомъ финансовъ? Но если это такъ—а другого разрѣшенія загадки мы не видимъ,—то не улетучивается ли всецѣло іезуитизмъ, приписываемый „партіи“, не исчезаетъ ли всякій разумный поводъ обвинять ее въ злорадствѣ, желающемъ всего худшаго и на исполненіи этого желанія основывающемъ всѣ свои расчеты? Не ясно ли, что между формулой: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, и защитой преобразованій, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія, нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго?.. Усиливаясь доказать какую-то солидарность между „партіей“ и министромъ фи-

нансовъ, „Московскія Вѣдомости“ доказываютъ, собственно говоря, только одно: непримиримую вражду свою къ финансовой политикѣ, ставящей интересы массы выше интересовъ того или другого сословія и протектируемыхъ частныхъ лицъ (напр., вкладчиковъ скопинскаго банка). Не даромъ же другіе, болѣе откровенные составители записокъ и газетныхъ статей прямо ставятъ въ вину министерству финансовъ пониженіе выкупныхъ платежей, отміну солянаго налога и подушной подати ¹⁾; не даромъ же была ведена съ такимъ ожесточеніемъ война противъ крестьянскаго поземельнаго банка, затихшая только недавно, и то, по всей вѣроятности, не надолго.

Одно изъ главныхъ обвиненій, взводимыхъ на „партію“, заключается въ томъ, что она противодѣйствуетъ, посредствомъ „обструкціонизма“, полезнымъ законодательнымъ мѣрамъ, проектируемымъ во имя „принципа 29 апрѣля“. Чтобы понять это обвиненіе, необходимо припомнить петербургскую корреспонденцію московской газеты, упомянутую вскользь въ прошедшей книгѣ нашего журнала. Основная мысль корреспондента—неудовлетворительность нашей законодательной техники—совершенно справедлива и давно уже была высказываема въ газетахъ и журналахъ ²⁾; оригинальна только окраска, полученная ею на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Медленность движенія дѣлъ въ высшемъ законодательномъ учрежденіи, обычай возвращенія законопроектовъ, для новой переработки, въ министерства, ихъ составившія, ненормальное распредѣленіе труда между департаментами и общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта—все это является чѣмъ-то намѣреннымъ, тенденціознымъ, направленнымъ именно къ обструкціонизму, т. е. къ подкидыванью палокъ подъ колеса законодательной машины. Для непредубѣжденнаго глаза можетъ быть ясно только одно—необходимость обновить устройство, освѣжить составъ государственнаго совѣта, увеличить его рабочую силу, облегчить исполненіе задачъ, на немъ лежащихъ; изъ аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ вытекаетъ нѣчто совершенно другое. „Весьма затруднительно, — говоритъ петербургское ихъ эхо, — было бы припомнить какой-либо законопроектъ, который что-либо выигралъ бы вслѣдствіе своего законодательнаго разсмотрѣнія; напротивъ, весьма нетрудно привести очень многіе, которые испорчены въ этомъ фазисѣ; это отнюдь не можетъ быть признано случайностью... Общее собраніе Государственнаго Совѣта утратило практическое значеніе; здѣсь почти никогда не производится измѣненій, а большею частью не бы-

¹⁾ См. въ № 17 „Гражданина“ статью, озаглавленную: „По поводу финансовыхъ записокъ“.

²⁾ См., напримѣръ, Внутреннее Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

васть и преній"... Что касается до департаментовъ, въ которыхъ сосредоточилась вся работа, то „большинство членовъ не принимаетъ дѣятельнаго участія въ преніяхъ; при первоначальномъ разсмотрѣніи дѣла оно нерѣдко, поэтому, сводится на единоборство одного или двухъ членовъ департамента съ министромъ, внесшимъ представленіе. Такимъ образомъ, одинъ или два сановника, не чувствующіе на себѣ никакой отвѣтственности по текущему управленію, являются, въ существѣ, болѣе сильными въ рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ министр. Такъ какъ между членами департамента болѣею частью встрѣчается единодушіе, то разсмотрѣніе дѣла сводится въ существѣ къ уступкамъ со стороны министра, которыя считаются необходимыми для того, чтобы онъ не былъ вынужденъ взять назадъ самый законопроектъ или даже не получилъ бы его обратно безъ собственнаго желанія. Всѣ подобныя уступки совершаются во вредъ дѣлу, такъ какъ возраженія основаны по большей части на отвлеченныхъ доктринерскихъ сужденіяхъ, не имѣющихъ никакой прямой связи съ дѣйствительными потребностями Россіи“.

Не станемъ спорить о фактической точности данныхъ, приводимыхъ корреспондентомъ, „Московскихъ Вѣдомостей“; допустимъ, что достовѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній соотвѣтствуетъ авторитетному, рѣшительному тону сообщенія, что большинство, въ департаментахъ государственнаго совѣта, не принимаетъ дѣятельнаго участія въ преніяхъ, что тѣ немногіе члены, которые составляютъ исключеніе изъ общаго правила, всегда побуждаютъ министра и увлекаютъ за собою всѣхъ своихъ товарищей. Допустимъ все это, не смотря на множество поводовъ къ сомнѣнію — и посмотримъ, къ чему клонитъ корреспондентъ, въ чемъ заключается короткій смыслъ его длинной рѣчи. Центръ тяжести ея лежитъ, очевидно, въ подчеркнутыхъ нами фразахъ. Требуется доказать, что высшее совѣщательное учрежденіе, участвуя въ законодательной работѣ, только „портитъ“ ея результаты—портитъ ихъ, во-первыхъ, потому, что члены этого учрежденія „не чувствуютъ на себѣ никакой отвѣтственности по текущему управленію“, во-вторыхъ потому, что они руководствуются, болѣею частью, „отвлеченными доктринерскими сужденіями, не имѣющими никакой прямой связи съ дѣйствительными потребностями Россіи“. Гдѣ же искать знакомства съ этими потребностями, свободы отъ „доктринерскихъ сужденій“? Очевидно—на сторонѣ тѣхъ, мнѣнія которыхъ не могутъ быть ни въ чемъ измѣнены безъ вреда для дѣла. Эти непогрѣшимые судьи — министры, которые, вдобавокъ, „чувствуютъ на себѣ отвѣтственность по текущему управленію“. Логическій выводъ отсюда — упраздненіе, за ненадобностью, государственнаго совѣта и

передача его функций комитету министровъ. Въ прецедентахъ для этого нѣтъ недостатка; многія мѣры чисто-законодательнаго свойства (назовемъ, для примѣра, хотя бы „временныя“ правила о печати 1882 г.) проходили, прежде утвержденія и обнародованія, только черезъ комитетъ министровъ... Если бы соединеніе въ лицѣ министровъ законодательной работы съ административной оказалось слишкомъ обременительнымъ, то первая изъ нихъ—съ точки зрѣнія разсматриваемой нами теоріи—могла бы быть съ удобствомъ предоставлена небольшому числу лицъ, назначенныхъ министрами и во всемъ слѣдующихъ ихъ указаніямъ. Вѣдь доказывала же московская газета, года полтора тому назадъ, необходимость полнаго, систематическаго единодушія между высшей администраціей и высшимъ административнымъ судомъ (первымъ департаментомъ сената). Если идеаломъ государственной организаціи представляется нравственная зависимость суда отъ лицъ и учреждений, дѣйствія которыхъ онъ повѣряетъ, то почему бы не подчинить администраціи и ту коллегію, на которой лежало бы разсмотрѣніе законопроектовъ? Исходя изъ того убѣжденія, что „дѣйствительныя потребности“ Россіи извѣстны только министрамъ, и что отвѣтственность за законъ неотдѣлима отъ отвѣтственности „за текущее управленіе“, не только можно, но и должно положить конецъ самостоятельной дѣятельности государственнаго совѣта. Подумавъ хорошенько, слѣдуетъ, пожалуй, пойти еще дальше и признать излишнимъ всякое вообще коллегіальное обсужденіе законопроектовъ. Что, если между министрами окажется разногласіе относительно „дѣйствительныхъ потребностей“ Россіи? Не проще ли принять за правило, что каждый министръ непогрѣшимъ въ пониманіи тѣхъ только „дѣйствительныхъ потребностей“, которыя входятъ въ кругъ его вѣдомства? При такомъ взглядѣ на дѣло, „законодательная техника“ была бы доведена до высшей степени простоты и совершенства; законопроектъ, составленный компетентнымъ министромъ, не требовалъ бы никакой дальнѣйшей повѣрки и прямо могъ бы подлежать обращенію въ дѣйствующій законъ...

Мы довели московскія мечты до абсурда—но едва ли можно утверждать, что мы въ чемъ-нибудь ихъ извратили. Изъ положеній, явно нелѣпыхъ, не могутъ не вытекать нелѣпыя заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая-нибудь разумная возможность допустить, что всѣ уступки, дѣлаемыя министрами—т.е. всѣ измѣненія, вносимыя въ законопроектъ государственнымъ совѣтомъ—совершаются во вредъ дѣлу? Дорога, ведущая въ государственный совѣтъ и въ министерскому портфелю, одна и та же; члены совѣта—часто бывшіе министры. Источники, изъ которыхъ обѣ стороны черпаютъ свою опытность, свое знакомство съ Россіей, ничѣмъ существенно не от-

личаются другъ отъ друга. Гдѣ же основаніе полагать, что въ случаѣ разногласія правъ всегда министръ, не правъ—всегда его оппоненты изъ среды государственнаго совѣта? Чувство „отвѣтственности по текущему управленію“ можетъ, иногда, подсказать правильный выходъ изъ затрудненія—но столь же легко или даже еще легче можетъ повредить спокойствію духа, необходимому для безпристрастнаго и всесторонне обдуманнаго рѣшенія. Въ существованіе какой-то особой внутренней силы, вселяющейся въ министра въ день его назначенія и покидающей его въ моментъ оставленія имъ министерскаго поста, корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ самъ едва ли вѣритъ,—а между тѣмъ, только ею можно было бы объяснить всегда одинаковую и неизмѣнную непогрѣшимость министра. Не очевидно ли, притомъ, что вся филиппика корреспондента, всѣ возгласы самой редакціи объ „обструкціонизмѣ“ состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ настоящей минутой? Что сказала бы московская газета, если бы объ стороны помѣнялись ролями, если бы активное проведеніе законопроектовъ выпало на долю теперешнихъ „оппозиціонныхъ“ (по терминологіи „Московскихъ Вѣдомостей“) членовъ государственнаго совѣта, а въ „оппозицію“ перешли бы тѣ, противъ которыхъ (опять таки по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“) она теперь ведется? Само собою разумѣется, что „оппозиція“ разомъ превратилась бы въ законную защиту „дѣйствительныхъ потребностей“ Россіи... Весь походъ противъ недостатковъ „законодательной техники“, противъ „обструкціонизма“, противъ „игры въ парламентъ“ сводится, такимъ образомъ, къ двумъ вопросамъ: къ вопросу личному и къ вопросу системы. Первая его цѣль—удаленіе лицъ, выставляемыхъ прямыми или косвенными сообщниками „партіи“; вторая цѣль—возвращеніе, по возможности рѣшительное, скорое и полное, къ до-реформеннымъ порядкамъ, устраненіе, подъ предлогомъ „фальшивой постановки“, разныхъ „новыхъ“ и даже „старыхъ учреждений“. Непосредственный поводъ къ агитаціи также извѣстенъ: онъ лежитъ въ законопроектѣ о семейныхъ раздѣлахъ, подобно тому, какъ два года тому назадъ онъ лежалъ въ проектѣ университетскаго устава.

Замѣчательно, съ какою стремительностью и быстротою поднимается, въ извѣстныхъ газетныхъ сферахъ, волна реакціи, не желающей оставить камня на камнѣ во всѣхъ приобрѣтеніяхъ послѣдняго тридцатилѣтія. Никогда, кажется, поползновенія ея не выражались съ такою беззащѣнчивою грубостью. Къ числу аксіомъ, установленныхъ одинаково прочно и практикой, и наукой, принадлежала, повидимому, необходимость такого устройства законодательнаго механизма, при которомъ каждый законопроектъ подвергался бы разсмотрѣнію со всѣхъ сторонъ, выдерживалъ бы критику, исходящую изъ самыхъ

различныхъ точекъ зрѣнія. Въ учрежденіи совѣщательномъ такая критика важнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; ничего не предпрѣвая, она увеличиваетъ лишь количество свѣта, падающаго на предметъ, и облегчаетъ произнесеніе рѣшительнаго слова. Свобода обсужденія высоко цѣнилась вездѣ, гдѣ только существовало нѣчто похожее на нашъ государственный совѣтъ; ее допускалъ и поощрялъ, въ своемъ Conseil d'Etat, даже Наполеонъ I-ый, она процвѣтала въ прусскомъ Staatsrath, даже въ эпоху Карлсбадскихъ постановленій, въ періодъ наибольшаго затишья политической жизни. Только въ средѣ, специально предназначенной для критики, могъ раздаваться у насъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, голосъ Мордвинова—и традиція, имъ созданная, развѣ только на самое короткое время исчезала безслѣдно. Nous avons changé tout cela—хотятъ сказать теперь наши газетные ультра-реакціонеры. Имъ ненавистно самостоятельное, здравое разсужденіе, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, хотя бы въ административныхъ сферахъ, если онѣ несогласны съ ихъ реакціоннымъ средо. Та самая мономанія, которая заставляетъ видѣть въ независимомъ судѣ — „судебную республику“, въ земствѣ, — олицетвореніе „самоуправства“, въ печати, сохраняющей хотя бы малѣйшую долю независимости, „орудіе упраздненія правительства“, — та самая мономанія побуждаетъ помогаться безпрекословнаго принятія всѣхъ законопроектовъ, одобренныхъ на Страстномъ бульварѣ, а въ случаѣ противодѣйствія — тотчасъ же заводить рѣчь объ „изволеніи неизвѣстныхъ народу генераловъ“...

Для подкапыванья учреждений, давно уже составляющихъ бѣльмо на глазу этихъ газетныхъ реакціонеровъ, изобрѣтентъ или усовершенствованъ, въ послѣднее время, слѣдующій приѣмъ. Изъ „либеральныхъ“ изданій тщательно заимствуются сужденія и факты, неблагоприятные для того или другого земства, для той или другой городской думы, для того или другого органа судебной власти—и затѣмъ торжественно провозглашается абсолютная негодность ненавистныхъ учреждений, признанная, будто бы, самими ихъ друзьями. При этомъ упускается изъ виду только одно: что въ „либеральную“ программу не входитъ и никогда не входила безусловная неприкосновенность судебныхъ уставовъ, городского положенія и положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Спорный вопросъ заключается не въ томъ, слѣдуетъ ли приступить къ пересмотру всѣхъ этихъ законовъ, а въ томъ, чего именно долженъ коснуться пересмотръ и съ какою цѣлью онъ долженъ быть предпринятъ. Другой предметъ разногласія—это самое значеніе закона. Все больше и больше распространяется у насъ мысль, что пробѣль, обнаружившійся въ законѣ, можетъ быть пополненъ и безъ измѣненія текста закона, отдѣльнымъ

распоряженіемъ, относящимся къ одному только данному случаю. Намъ кажется, наоборотъ, что такое отношеніе къ закону не соответствуетъ правильному теченію государственной жизни. Общее дополненіе къ закону можетъ быть достигнуто у насъ такъ легко и такъ скоро, что въ частныхъ отступленіяхъ отъ закона, при нормальныхъ условіяхъ, никогда не предстоить дѣйствительной надобности. Пояснимъ это примѣромъ. Ни городское положеніе, ни положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не предусматриваютъ распушенія земскаго собранія или городской думы раньше срока окончанія ихъ полномочій. Могутъ, однако, встрѣтиться обстоятельства, громко говоряція въ пользу распушенія собранія, въ пользу устраненія, раньше срока, избранныхъ имъ должностныхъ лицъ. Ничто не мѣшаетъ установленію, а затѣмъ и примѣненію правилъ, которыми регулировалось бы разъ навсегда, распушеніе собраній; но едва ли можно вообразить себѣ такое положеніе дѣлъ, при которомъ такая мѣра представлялась бы необходимой безъ малѣйшаго промедленія, безъ предварительнаго разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Частный, небольшой выигрышъ, получаемый, можетъ быть, отъ быстрого удаленія со сцены неправильно дѣйствующаго собранія, не уравниваетъ потери, обусловливаемой отступленіемъ отъ закона. Какъ бы справедлива ни была, сама по себѣ, исключительная мѣра, она всегда вызываетъ сомнѣнія, именно вслѣдствіе своей исключительности; невольно возникаетъ вопросъ, оказалась ли бы она неизбежной, если бы ей предшествовало соблюденіе твердо установленнаго порядка, выслушаніе обѣихъ сторонъ, точная повѣрка фактовъ. Еще важнѣе то, что каждая исключительная мѣра становится прецедентомъ, отрываятъ путь къ новымъ уклоненіямъ отъ закона. Сдѣланное сегодня по весьма уважительнымъ причинамъ можетъ быть повторено завтра на основаніи иныхъ, явно недостаточныхъ или ошибочныхъ соображеній... Практика исключеній, впрочемъ, не такъ еще опасна, какъ теорія, т.-е. возведеніе ихъ въ принципъ, въ систему, которымъ занимаются, въ послѣднее время, наши реакціонныя газеты ¹⁾. Если бы до сихъ поръ и могло еще существовать какое-либо сомнѣніе относительно примѣнимости къ нимъ этого эпитета, теперь оно сдѣлалось бы немыслимымъ: истинный консерватизмъ несовмѣстимъ съ отрицаніемъ безусловной силы закона.

¹⁾ Реакціонная доктрина о значеніи закона нигдѣ не выразилась такъ ясно, какъ въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, знаменательнѣйшія мѣста которой приведены нами въ прошлогодней декабрьской Общественной Хроникѣ (стр. 941).

Изъ числа новѣйшихъ законодательныхъ мѣръ особенное вниманіе обращаетъ на себя законъ 10 февраля, удлинняющій, для лицъ, получившихъ высшее и среднее образованіе, срокъ пребыванія въ военной службѣ. Для лицъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ или равномъ ему учебномъ заведеніи, существовать до сихъ поръ трехмѣсячный срокъ службы, если они поступали вольноопредѣляющимися, и шестимѣсячный, если они поступали въ войска по жребію. Теперь эти сроки учетверены, и различіе между высшимъ и среднимъ образованіемъ, съ точки зрѣнія воинской повинности, устранено совершенно. Сомнѣваться въ цѣлесообразности такого уравниванія можно уже потому, что высшее образованіе оканчивается гораздо позже, чѣмъ среднее. Замедлить на годъ или на два года вступленіе въ жизнь, приобрѣтеніе средствъ къ жизни, далеко не одно и то же въ двадцать лѣтъ или въ двадцать четыре года (беремъ средніе сроки окончанія курса въ гимназій или въ университетѣ). И до сихъ поръ уже нелегко было, при небольшихъ средствахъ, дотянуть до конца двѣнадцатилѣтняго гимназическаго и университетскаго курса, имѣя передъ собою долгіе годы труднаго искуса на одной изъ дорогъ, одинаково загроможденныхъ; теперь между окончаніемъ ученія и вступленіемъ на эту дорогу становится еще продолжительное отбываніе воинской повинности. Неужели молодой человѣкъ, получившій высшее образованіе, не могъ бы быть поставленъ въ условія, нѣсколько болѣе льготныя, хотя бы только потому, что онъ старше, крѣпче и слѣдовательно скорѣе можетъ приспособиться къ требованіямъ военной службы? Весьма желательнымъ, по крайней мѣрѣ, представлялось бы установленіе такого порядка, при которомъ—какъ это дѣлается, если мы не ошибаемся, въ Пруссіи—можно было бы соединять слушаніе лекцій въ университетѣ съ нахожденіемъ въ рядахъ войска; тогда молодой человѣкъ, оканчивая курсъ ученія, могъ бы быть уже свободнымъ отъ воинской повинности... Съ изданіемъ новаго закона, образованіе теряетъ часть предоставленныхъ ему правъ, но за то увеличивается разница между сословіями. Когда вольноопредѣляющіеся второго разряда и извѣстныя категоріи лицъ, поступившихъ въ войска по жребію, производятся въ офицеры, это влечетъ за собою для нихъ различныя послѣдствія, смотря по сословію, къ которому они принадлежатъ; права состоянія и гражданской службы, сопряженныя съ офицерскимъ чиномъ, предоставляются дворянамъ, на основаніи новаго закона, немедленно по производствѣ, а лицамъ остальныхъ сословій—не ранѣе, какъ по прослуженіи трехъ лѣтъ въ офицерскомъ званіи, въ рядахъ войскъ.

Новыми признаками поворота, совершившагося въ правительствен-

ной политикѣ относительно остзейскихъ губерній, является подчиненіе министерству народнаго просвѣщенія начальныхъ евангелическо-лютеранскихъ школъ и нѣмецкихъ учительскихъ семинарій, а также распоряженіе о понудительномъ, въ случаѣ надобности, отчужденіи изъ частнаго владѣнія недвижимыхъ имуществъ, необходимыхъ для устройства церквей, кладбищъ и школъ въ православныхъ приходахъ прибалтійскихъ губерній. Противъ послѣдней изъ этихъ двухъ мѣръ нельзя сказать ни слова; если полюбовное приобрѣтеніе земель, безъ которыхъ невозможна постройка церкви или школы, встрѣчало непреодолимые затрудненія, то государству не оставалось ничего другого, какъ прибѣгнуть къ понудительному отчужденію, достаточно ограждающему законныя права и интересы частныхъ лицъ. Что касается до первой мѣры, то полезнѣе было бы, быть можетъ, отложить ея осуществленіе до предстоящаго, по всей вѣроятности, введенія въ остзейскихъ губерніяхъ земскихъ учреждений; тогда легче было бы опредѣлить, какаю роль въ завѣдываніи начальными школами должна принадлежать земству, какаю—учебному вѣдомству... Переводъ нѣмецкихъ учительскихъ семинарій въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія напоминаетъ намъ о слухахъ, еще недавно появлявшихся въ печати — слухахъ о предстоящемъ преобразованіи русскихъ учительскихъ семинарій, въ смыслѣ сокращенія и сѣуженія учебнаго курса. Такое преобразованіе было бы до крайности нежелательно именно теперь, когда въ кругъ дѣйствій учебнаго вѣдомства входятъ нѣмецкія учительскія семинаріи. Одно изъ двухъ: или пришлось бы создать для послѣднихъ привилегированное положеніе, совершенно несовмѣстное съ политикою сближенія и уравненія, или поставить ихъ, наравнѣ со всѣми другими, въ такія рамки, которыя не соответствовали бы ихъ важной задачѣ. Для того, чтобы народный учитель въ остзейскомъ краѣ былъ дѣйствительнымъ просвѣтителемъ массы, а не дѣятелемъ казеннаго и бесплоднаго обрушенія, необходимо, чтобы между нимъ и окружающею его нѣмецкою интеллигенціей (дворянскою и духовною) не лежала, по отношенію къ умственному развитію, цѣлая бездна. Да и помимо остзейскихъ губерній, можно ли допустить, чтобы образованіе народнаго учителя стояло бы только одной ступенькой выше образованія, которое онъ долженъ дать своимъ ученикамъ, чтобы различіе между тѣми и другимъ было лишь количественное, а не качественное? Слухи, о которыхъ мы упоминали выше, ограничиваютъ учебный курсъ преобразованныхъ учительскихъ семинарій закономъ божіимъ, русскимъ языкомъ и ариѳметикой, т.-е. именно тѣми предметами, которые преподаются въ начальной школѣ. Конечно, въ учительской семинаріи они преподавались бы въ нѣсколько большихъ размѣрахъ—но этого

еще слишкомъ мало, чтобы приготовить народнаго учителя, который бы былъ только грамотѣемъ. Пониженіе уровня преподавателей тотчасъ отозвалось бы пониженіемъ уровня школы. Если бы учительская семинарія сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ двухкласснаго начальнаго училища, то начальная школа скоро сдѣлалась бы только школою грамотности, въ теперешнемъ, специальномъ смыслѣ этого слова.

Новый выпускъ уголовно-статистическаго свода относится заразъ къ двумъ годамъ, 1880-му и 1881-му, но не содержитъ въ себѣ обычнаго предисловія или объяснительной записки, съ заключеніями изъ сообщаемыхъ фактическихъ данныхъ. Этотъ пробѣлъ, до крайности затрудняющій пользованіе сводомъ, объясняется тѣмъ, что „въ печатающемся нынѣ и имѣющему выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени своду за 1882-ой годъ, заканчивающему первое десятилѣтіе сводовъ, будетъ приложенъ общій очеркъ, обнимающій собою главнѣйшіе уголовно-статистическіе выводы за весь истекшій періодъ“. Въ ожиданіи этого очерка, ограничимся немногими указаніями по вопросамъ особенно важнымъ и прежде всего по вопросу о строгости приговоровъ, постановляемыхъ присяжными засѣдателями. Въ 1877 г. оправдательные вердикты составляли $37\frac{1}{4}\%$ всѣхъ приговоровъ, вынесенныхъ присяжными, въ 1878 г. — $37\frac{1}{2}\%$, въ 1879 г. — $38\frac{1}{2}\%$; въ 1880 г. процентное отношеніе ихъ къ общей цифрѣ приговоровъ дошло до 40, но въ 1881 г. понизилось до $38\frac{3}{4}$, только немногимъ превышая цифру 1879 г. Очевидно, что такія незначительныя колебанія вовсе не свидѣлствуютъ объ излишней снисходительности суда присяжныхъ и не могутъ служить аргументомъ для враговъ этого учрежденія. Въ 1880 г., судъ присяжныхъ былъ введенъ въ дѣйствіе въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ: кіевской, волынской и каменецъ-подольской. Новизна дѣла вызвала значительный процентъ оправданій, отразившійся и на общей цифрѣ 1880-го года — но уже въ слѣдующемъ году юго-западные губерніи дали, наоборотъ, весьма небольшую, сравнительно, цифру оправданій. Если бы отчетъ за 1880 г. былъ обнародованъ отдѣльно, то приверженцы исключительнаго положенія западныхъ губерній, противники элементовъ еврейскаго и польскаго могли бы опласить воздухъ своими ликованіями. 60% оправданій въ житомирскомъ окружномъ судѣ, $51\frac{1}{2}\%$ — въ луцкомъ, $48\frac{1}{2}\%$ — въ уманскомъ, — всѣ эти цифры могли бы быть выставлены яснымъ доказательствомъ неспособности края къ гражданской дѣятельности. Правда, и тогда уже пришлось бы задуматься надъ цифрами оправданій по судамъ каменецъ-подольскому (34%) и кіевскому ($30\frac{1}{2}\%$) — но все же представлялась бы возможность напирать преимуще-

ственно на обратную сторону медали. Теперь нѣтъ больше мѣста для недоумѣній; отчетъ за 1881 г. показываетъ съ полною ясностью, что присяжные юго-западнаго края быстро вошли въ колею и отнеслись къ своимъ обязанностямъ со всею серьезностью, какой только могутъ желать приверженцы строгой репрессіи. Общая цифра оправданій, составлявшая въ 1880 г. для юго-западныхъ губерній $40\frac{1}{2}\%$, понизилась въ 1881 г. до $31\frac{1}{2}\%$, причемъ особенно сильнымъ пониженіе оказалось именно тамъ, гдѣ прежде было всего больше оправданій. Въ окружныхъ судахъ кievскомъ и каменецъ-подольскомъ процентъ оправданій почти не измѣнился (31 и $33\frac{3}{4}$), но въ судѣ житомирскомъ упалъ съ 60% до 35 , въ судѣ луцкомъ съ $51\frac{1}{2}$ —до 29 , въ судѣ уманскомъ съ $48\frac{1}{2}$ —до 26 . Что касается до остальныхъ судебныхъ округовъ ¹⁾, то чрезвычайнымъ обиліемъ оправдательныхъ приговоровъ по прежнему—или, лучше сказать, еще больше прежняго—отличается округъ одесской судебной палаты. Число оправдательныхъ приговоровъ, составлявшее здѣсь въ 1878 г. 49% , въ 1879 г.— $47\frac{1}{2}\%$, дошло въ 1880 г. до $52\frac{1}{4}$, въ 1881 г.—до $52\frac{1}{2}\%$. Отъ этого преимущественно и зависитъ общее повышеніе цифры оправдательныхъ приговоровъ. Между отдѣльными судами одесскаго округа оправдательные приговоры распредѣляются далеко неравномѣрно, хотя число ихъ вездѣ остается выше нормы. Въ 1880 г. оно колебалось между $46\frac{1}{2}\%$ (въ екатеринославскомъ окружномъ судѣ) и $58\frac{1}{2}$ (въ херсонскомъ окружномъ судѣ); за херсонскимъ судомъ слѣдовалъ одесскій ($54\frac{3}{4}\%$), потомъ кишиневскій (54%), таганрогскій ($52\frac{3}{4}\%$), симферопольскій (50%), елизаветградскій ($47\frac{1}{2}\%$). Всего чаще, такимъ образомъ, оправдательные приговоры встрѣчаются въ юго-западной части округа, всего рѣже—въ сѣверной его окраинѣ. Нужно полагать, что многочисленности ихъ способствуетъ смѣшанный, подвижной характеръ населенія; но это, конечно, не единственная причина явленія, повторяющагося изъ года въ годъ и заслуживающаго самаго подробнаго изученія. Не можетъ быть, чтобы оно не обратило на себя вниманіе министерства юстиціи; но съ попыткой officialнаго его объясненія мы еще ни разу не встрѣчались.

Послѣ одесскаго судебного округа всего больше оправдательныхъ приговоровъ произносится въ округахъ петербургскомъ (въ 1880 г.— 39% , въ 1881 г.— $39\frac{1}{2}\%$) и казанскомъ (38% и $39\frac{1}{2}$). Въ саратовскомъ округѣ колебаніе нѣсколько сильнѣе: въ 1880 г. процентъ

¹⁾ Каменецъ-подольскій окружный судъ отнесенъ къ округу одесской судебной палаты, окружные суды черниговскій, нѣжинскій и стародубскій перечислены изъ харьковскаго округа въ кievскій—но для того, чтобы сохранить возможность сравненія съ прежними годами, мы выдѣляемъ цифры по подольскому суду, а цифры по тремъ судамъ черниговской губерніи соединяемъ съ цифрами харьковскаго округа.

оправданій доходило до $39\frac{1}{2}\%$, въ 1881 г.—понижился до $37\frac{1}{10}\%$. Для харьковскаго округа получаютъ цифры $37\frac{1}{2}\%$ и $37\frac{1}{10}\%$, для московскаго— $37\frac{1}{2}\%$ и $36\frac{3}{4}\%$. Между отдѣльными судами вездѣ существуетъ разница, доходящая иногда до весьма значительныхъ размѣровъ. Сравнительно большимъ числомъ оправданій отличаются столичные суды; такъ, напримѣръ, въ 1880 г. процентъ оправданій въ петербургскомъ окружномъ судѣ простирался до $41\frac{1}{2}\%$, въ московскомъ—до $42\frac{1}{2}\%$; въ череновецкомъ окружномъ судѣ онъ составлялъ, въ то же самое время, только $30\frac{1}{2}\%$, въ судахъ кашинскомъ и ярославскомъ—только 30% . Едва ли, однако, паденіе и возвышеніе цифры оправданій можетъ быть объяснено однимъ лишь составомъ и характеромъ населенія. Въ двухъ окружныхъ судахъ, сосѣднихъ между собою и поставленныхъ, повидимому, въ совершенно одинаковыя условія, процентъ оправданій бываетъ, сплошь и рядомъ, совершенно различный. Возьмемъ, для примѣра, окружные суды вятскій и сарapulьскій—вятской губерніи, тверской и ржевскій—тверской губерніи, новочеркасскій и усть-медвѣдичскій—области войска донскаго. Цифры, соотвѣтствующія каждой парѣ сосѣднихъ судовъ (за 1880 г.), слѣдующія: $30\frac{1}{2}\%$ и $45\frac{1}{2}\%$, 30 и $45\frac{1}{2}\%$, 40 и $27\frac{3}{4}\%$. Весьма вѣроятно, что такіа рѣзкія, въ противоположныя стороны, увлоненія отъ нормы коренятся, между прочимъ, въ несходствѣ обстановки предварительнаго слѣдствія и самаго судебного производства.

Изъ числа приговоровъ, постановленныхъ окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей, оправдательные приговоры составляли въ 1880 г. $24\frac{1}{2}\%$, въ 1881 г.—почти 28%. Для судебныхъ палатъ, дѣйствующихъ безъ участія присяжныхъ и сословныхъ представителей, соотвѣтствующія цифры— $26\frac{1}{2}\%$ и $32\frac{1}{2}\%$. Весьма знаменателенъ высокій процентъ оправданій, постановленныхъ судебными палатами при участіи сословныхъ представителей (т.-е. по дѣламъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ и противъ порядка управленія, подвѣдомственнымъ этой формѣ суда на основаніи закона 9 мая 1878 г.); въ 1880 г. онъ составляетъ $35\frac{2}{3}\%$, въ 1881 г.—почти 53% (въ 1879 г.— $33\frac{1}{2}\%$). Не слѣдуетъ думать, чтобы это были цифры, лишенныя всякаго значенія, обуславливаемыя лишь небольшимъ числомъ подсудимыхъ по дѣламъ этого рода; нѣтъ, всѣхъ подсудимыхъ разсматриваемой нами категоріи въ 1880 г. было 717, въ 1881 г.—741, и оправдано изъ нихъ въ 1880 г.—256, въ 1881 г.—392. Очевидно, что та форма суда, которая была учреждена въ 1878 г. именно какъ болѣе благонадежная, мало чѣмъ отличается, въ сущности, отъ суда присяжныхъ.

Цифры свода, относящіяся къ мировымъ учрежденіямъ, обнаруживаютъ то же явленіе, на которое мы уже указывали неоднократно при

разборъ уголовно-статистическихъ отчетовъ за прежніе годы ¹⁾: мировые судьи назначенные оказываются, въ общей сложности, гораздо снисходительнѣе мировыхъ судей выборныхъ. Въ 1880 г. мировыми судьями 35 губерній, въ которыхъ введены въ дѣйствіе земскія учрежденія, оправдано (по дѣламъ, входящимъ въ область свода т.-е. могущимъ привести къ тюремному заключенію или къ одному изъ замѣняющихъ его наказаній) 16.509 подсудимыхъ изъ 50.165, т.-е. немного менѣе 33%; мировыми судьями одиннадцати губерній, гдѣ нѣтъ земства, а слѣдовательно и выборнаго мирового суда (девять губерній западныхъ, астраханская и оренбургская) оправдано, въ томъ же году, 9425 подсудимыхъ изъ 18.513, т.-е. почти 51%. Въ 1881 г. процентъ оправданій въ первыхъ 35 губерніяхъ не доходитъ и до 32% (16695 изъ 52312), въ послѣднихъ одиннадцати превышаетъ 50% (8414 изъ 16721). Разница поразительная, тѣмъ болѣе, что она повторяется изъ года въ годъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ второй категоріи процентъ оправданій возвышается до 60 и болѣе; такова, на примѣръ, губернія витебская (въ 1880 г.—почти 63½, въ 1881 г.—61%). На противоположномъ полюсѣ стоитъ петербургская губернія (въ 1880 г.—около 14, въ 1881 г.—менѣе 12%). Всѣ эти цифры—лучшее опроверженіе теоріи, соединяющей понятіе объ излишней мягкости—съ выборнымъ судомъ, понятіе о спасительной строгости—съ судомъ короннымъ.

Говоря объ уголовно-статистическихъ сводахъ 1878 и 1879 г., мы констатировали большое постоянство цифръ, выражающихъ собою отношеніе оправданій къ осужденіямъ по главнымъ родамъ преступленій (подвѣдомственныхъ мировому суду). Данныя 1880 и 1881 г. подтверждаютъ это заключеніе. Ниже общей средней цифры (37¾%—въ 1880 г., 36½%—въ 1881-мъ) процентъ оправданій, какъ и прежде, опускается по дѣламъ о прошеніи милости (25¾ и 24%) и по дѣламъ о кражѣ (36¾ и 35%); около нормы онъ вращается по дѣламъ о присвоеніи находки и клада (35¼ и 37¾%); выше нормы онъ поднимается по дѣламъ о мошенничествѣ (и въ 1880, и въ 1881 г.—50¼%) и по дѣламъ о присвоеніи и растратѣ чужого имущества (47 и 50¼%). Если обратиться къ отдѣльнымъ видамъ кражи и мошенничества, то и здѣсь получатся данныя, весьма близкія къ прежнимъ. Такъ, на примѣръ, по дѣламъ о кражѣ наибольшее число оправдательныхъ приговоровъ постановляется въ отношеніи къ обвиняемымъ въ кражѣ безъ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствъ (въ 1878 г.—42, въ 1879—45, въ 1880—44; въ 1881—

¹⁾ См. Внутр. Обзор. въ № 9 „Вѣстн. Евр.“ за 1880 г., № 10 за 1883, № 7 за 1884 г.

43%; дробн, для большей наглядности, мы отбрасываемъ) и къ обвиняемымъ въ покушѣ завѣдомо краденаго (76, 67, 67 и 72%); наименьшее число оправданій приходится на кражу съ увеличивающими вину обстоятельствами (13, 8, 10 и 9%) и на кражу съ обстоятельствами, уменьшающими вину (5, 3, 4 и 2%). Въ дѣлахъ о мошенничествѣ всего чаще оправдываются обвиняемые въ обыкновенномъ мошенничествѣ (51; 48, 48 и 43%) и близко подходящихъ къ нему торговыхъ обманахъ (63, 61, 57 и 63%), всего рѣже—обвиняемые въ мошенничествѣ при уменьшающихъ (9, 32, 28 и 20%) и увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (4, 7, 7 и 7%). Все это убѣждаетъ насъ еще больше въ основательности предположеній, которыми мы пытались объяснить, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, различіе въ числѣ оправданій по разнымъ родамъ дѣлъ, подсудныхъ мировому суду. Общій нашъ выводъ былъ и остается таковъ: чѣмъ шире просторъ въ выборѣ наказаній, тѣмъ меньше оправдательныхъ приговоровъ—и наоборотъ.

ДВА ЮБИЛЕЯ ВЪ БЕРЛИНѢ.

ПИСЬМО ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Въ самомъ концѣ прошлаго года и началѣ нынѣшняго (по новому стилю) въ Берлинѣ происходили два юбилейныхъ празднества: 21 декабря 1885 года, справлялась девяностая годовщина знаменитаго историка Леопольда фонъ-Ранке, а 3 января торжественно праздновался 25-лѣтній юбилей царствованія 89-лѣтняго прусскаго короля и съ 1876 г.—нѣмецкаго императора Вильгельма. Несмотря на различіе въ общественномъ положеніи маститыхъ юбиляровъ, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ король, а другой его подданный, не принимавшій даже непосредственнаго участія въ политическихъ дѣлахъ, — между этими праздниками чувствовалось какое-то сродство. Императоръ Вильгельмъ творилъ, такъ сказать, исторію, а Ранке—ее объяснялъ, и оба, каждый въ своей сферѣ, участвовали въ той политическо-культурной работѣ, которая изъ разъединенныхъ нѣмецкихъ земель создала германскую имперію, замѣнила деспотизмъ мелкихъ князей сравнительно болѣе широкой политической свободой и поставила науку и просвѣщеніе на завидную для сосѣднихъ народовъ высоту. Вслѣдствіе этого, оба праздника естественно наводили на мысль о необходимости оглянуться назадъ, анализировать смыслъ событій, которыя пережили оба маститые юбиляра, и опредѣлить, какими средствами достигнуты были столь важные результаты, и на какихъ основахъ покоится молодое еще нѣмецкое единство. Юбилейныя рѣчи получили особое значеніе, которое увеличилось еще тѣмъ, что ихъ произносили выдающіеся историки: на своемъ праздникѣ, — говорилъ самъ Ранке, а по поводу 25-лѣтія короля—Трейчке. Кромѣ того, ихъ интересъ возрасталъ въ виду нѣкоторыхъ вопросовъ текущей политики, въ которыхъ рѣзко проявились различныя теченія въ нѣмецкомъ обществѣ.

Какъ извѣстно, политическое объединеніе Германіи произошло не безъ участія „крови и желѣза“, и уже одно это обстоятельство содѣйствовало тому, что этимъ „элементамъ“ приписывали слишкомъ важное значеніе; неподлежащая никакому сомнѣнію необходимость въ нихъ для защиты молодого единства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ еще болѣе усилила эту склонность. Наконецъ, блестящее международное положеніе, созданное непрерывнымъ рядомъ дипло-

матическихъ удачъ главнаго проповѣдника этого принципа, довершило увлеченіе: „еровъ и желѣзо“ стали считать единственной основой величія Германіи, единственнымъ цементомъ нѣмецкой имперіи. Вскорѣ этотъ принципъ расширили и обобщили въ знаменитой формулѣ: „Macht ist Recht“. Попытки возраженій противъ такого взгляда были устранены криками, что все это теорія, идеологія, или, еще хуже: фразы, красивыя, можетъ быть, но безсодержательныя и не имѣющія ничего общаго съ реальной политикой, которая должна быть прежде всего практична. Въ подобныхъ крикахъ заключалась извѣстная доля истины: между теоретикомъ и государственнымъ человекомъ есть разница, и доктринерство способно причинить огромный вредъ государству; но изъ этого не слѣдуетъ, что политика должна быть безпринципна и можетъ безнаказанно игнорировать то, что люди считаютъ святымъ и непривоснованнымъ, какъ: гуманность, право и справедливость. Между тѣмъ, успѣхи политическаго матеріализма до того вскружили голову многимъ, что одна изъ партій рейхстага написала на своемъ знамени такой девизъ: „Бисмаркъ—безъ фразъ“. Это уже былъ настоящій фетишизмъ. Мало-по-малу такая политика начала однако встрѣчать все болѣе и болѣе возрастающую принципиальную оппозицію; „народъ философовъ“ не могъ примириться съ грубымъ практицизмомъ, и неудача канцлера въ рейхстагѣ, гдѣ по вопросу о пресловутыхъ „высылкахъ“ разнообразныя оппозиціонныя направленія объединились именно на теоретическо-гуманитарной почвѣ,—ясно показала, что политическіе и нравственные идеалы—такая сила, съ которой приходится считаться, и которая тѣмъ опаснѣе, что противъ нея бессильна самая могущественная армія. Бисмаркъ понялъ это и, перенеся вопросъ въ ландтагъ, обратился къ патриотизму его членовъ; идеальной силѣ была противопоставлена другая—такого же идеальнаго характера. При этомъ обнаружилось нѣчто весьма интересное. Нѣмецкій патриотизмъ всегда былъ могучей и культурной силой; въ своемъ прошломъ народъ гордился не только генералами и завоеваніями, не только численностью и естественными богатствами, но также философами, учеными, поэтами, успѣхами науки и просвѣщенія, мирными побѣдами въ тяжелой борьбѣ съ природой и съ несовершенствами, присущими человеческому общежитію. Патриотизмъ былъ могущественной поддержкой въ культурной работѣ и получилъ отъ нея свою окраску: оглядываясь назадъ, патриоты стремились впередъ, чтобы быть достойными своихъ предковъ; понятіе патриотическое сливалось съ понятіемъ прогрессивнаго. Но за послѣднія 10—15 лѣтъ, на ряду съ старымъ, доблестнымъ патриотизмомъ, появилось и новое, весьма сильное теченіе. Внушительное международное положеніе и блестящіе военные успѣхи,

явленія, непривычныя для нѣмцевъ, произвели нѣкоторое ослѣпленіе и измѣнили направленіе патріотизма: „народная гордость“ извратилась у нѣкоторыхъ въ милитаризмъ и шовинизмъ, съ одной стороны. и въ національную исключительность—съ другой: понятіе „нѣмецкій“, сдѣлалось для многихъ синонимомъ всего добраго, прекраснаго и справедливаго. Такимъ настроеніемъ воспользовался Бисмаркъ, но оно побудило вождей оппозиціи подвергнуть анализу понятіе о патріотизмѣ. „Національный принципъ,—говорилъ одинъ депутатъ въ рейхстагѣ,—который дѣйствуетъ въ томъ направленіи, чтобы одна національность исключала другую, есть побѣда варварства“. Такія разсужденія не могли, конечно, убѣдить безусловныхъ поклонниковъ политики „железа и желѣза“; но національ-либералы были вынуждены подыскать другое оправданіе для мѣръ въ Восточной Пруссіи. „Государство,—говорили они,—затронуто въ самыхъ жизненныхъ интересахъ, подвергается крайней опасности, и эти мѣры вызваны необходимостью самозащиты отъ полнаго пораженія“. *A la guerre, comme à la guerre*,—и умирающаго съ голоду человѣка нельзя строго осуждать, если онъ похититъ корку хлѣба. Этими разсужденіямъ мало кто повѣрилъ, тѣмъ не менѣе послушный ландтагъ принялъ всѣ мѣры, которыя были отвергнуты большинствомъ представителей нѣмецкаго народа въ рейхстагѣ.

Такимъ образомъ, почти непосредственно послѣ юбилеевъ, съ особенной рѣзкостью проявилось два различныхъ направленія въ пониманіи такого крупнаго историческаго событія, какъ политическое объединеніе Германіи: одни, исключительные поклонники силы и вѣшняго могущества, считаютъ его созданіемъ только войны; другіе, не отрицая важности этой стороны государственнаго строя, глубже понимаютъ его основы и шире—задачи. Къ первымъ, „скользя и извиваясь“, съ уступками и оговорками, съ пафосомъ и софизмами, расходясь съ истиной и впадая въ противорѣчія, примыкаетъ Трейчке; въ пользу второго пониманія мягко, но рѣшительно, высказывается Ранке.

Рѣчь проф. Трейчке представляетъ образецъ оффиціального краснорѣчія: въ ней больше чувства, чѣмъ логики, больше желанія произвести на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ заботы о послѣдовательности. Онъ хвалитъ все, что съ какою бы то ни было точки зрѣнія можно похвалить, и заботливо сглаживаетъ рѣзкости своихъ воззрѣній. Чтобы различить, гдѣ кончаются уступки и любезности, и начинаются собственные взгляды оратора, нужно быть знакомымъ съ общимъ его направленіемъ или съ особенной внимательностью вчитаться въ его произведеніе; тогда изъ-подъ торжественнаго благодушія обнаруживается прежде всего воинственность, восхваленіе

войны—основной мотивъ, который проходитъ черезъ всю рѣчь и не разъ приводитъ оратора въ пафосъ. Уже послѣ краткаго вступленія въ самомъ началѣ рѣчи встрѣчается слѣдующая тирада: „Всѣ нѣмецкія сердца и у позднѣйшихъ поколѣній будутъ сильнѣе биться при воспоминаніи о томъ единственномъ времени военной славы, когда въ теченіе семи лѣтъ еще разъ и съ большей удачей повторились три великія эпохи бранденбургско-прусской военной исторіи, когда наши войска впервые нашли путь къ Дюпелю и Алзену, на который имъ нѣкогда указывалъ великій курфюрстъ, но не для безплодныхъ побѣдъ, какъ прежде, а чтобы навсегда установить въ освобожденной сѣверной окраинѣ господство Германіи; когда они тотчасъ послѣ этого вступили на старую побѣдоносную дорогу великаго короля къ Богеміи и дѣйствительно выиграли ту битву при Фарсалѣ противъ австрійскаго дома, которой такъ часто желалъ король Фридрихъ,—рѣшительную битву, освободившую насъ отъ господства въ тылу получуждой державы; когда, наконецъ, объединенный нѣмецкій народъ, на этотъ разъ одинъ, въ оружіи предпринималъ походъ на Сену, на который уже дважды рѣшались герои войны за освобожденіе, и изъ кровавыхъ битвъ вынесъ нѣмецкую западную окраину, получилъ награду за побѣду, за которую давно и много боролись“ Начавъ съ барабаннымъ боемъ академическую рѣчь, профессоръ въ томъ же тонѣ ее и заканчиваетъ. Обращаясь къ оцѣнкѣ заслугъ короля, онъ говоритъ: „Какое значеніе имѣютъ слова личной похвалы теперь, когда вся великая Германія отъ Альпъ до моря взираетъ въ благородномъ умиленіи на своего императора? Одно слово выразить все (Ein Wort sagt Alles): еслибы нѣмецкая нація могла свободно избирать неваго императора своей новой имперіи, то она никогда и никого не предпочла бы побѣдителю при Седанѣ. Его геройское рѣшеніе избавило духъ нашего народа отъ гнета сомнѣній и колебаній, который нѣкогда въ тяжелые дни такъ давилъ насъ, что мы часто едва могли сохранить вѣру въ то, что добрая прусская шпага можетъ быть когда-нибудь обнажена“. Это „ein Wort sagt Alles, эти опасенія за „добрую прусскую шпагу“—чрезвычайно характерны. Конечно, историкъ Пруссіи не можетъ обойти молчаніемъ тяжелой борьбы, стоявшей громадныхъ усилій и создавшей государству почетное мѣсто въ Европѣ; но въ XIX, вѣкѣ въ войнѣ видятъ только средство для культурныхъ цѣлей, неизбежное зло, вытекающее изъ несовершенства человѣческихъ отношеній. Государственный человѣкъ долженъ заботиться объ арміи, гражданинъ долженъ выносить налагаемыя войною тяжести; но возводить средство въ цѣль, слагать тиртеевскіе гимны милитаризму и кровопролитію, это звучитъ, по меньшей мѣрѣ, анахронизмомъ. Проф. Трейчке другого мнѣнія: для

него война воспитательное средство, развивающее народныя добродѣтели. „Война охраняетъ вѣрность и вѣру,—говоритъ онъ,—она можетъ сдерживать въ границахъ дико бѣснующіяся разрушительныя силы, и ея исходъ представляется совѣсти народовъ божественнымъ приговоромъ“. Поэтическое одушевленіе оратора доходитъ до того, что онъ въ военныхъ успѣхахъ видитъ причину усиленія религіознаго чувства и благочестія: „нужда учить молиться, говоритъ старое изреченіе; но полнота счастья и славы также настраиваетъ народы къ благочестію. Кто пережилъ время, когда цвѣтъ нашей молодежи падалъ въ битвахъ на поляхъ Мозеля подобно подкошеннымъ колосьямъ, и какъ потомъ раздробленный народъ сразу сталъ во главѣ европейскихъ государствъ, тотъ долженъ быть потрясенъ до глубины души и убѣдиться въ божественномъ руководительствѣ судебъ человѣчества. Хотя борьба мѣлнѣе еще приводитъ нашу религіозную жизнь въ смутное броженіе, однако, уже прошло то время, когда насмѣшки надъ священнымъ считались остроумными“. Въ другомъ мѣстѣ ораторъ доходитъ до настоящаго апогея милитаризма, и все человѣчество представляется ему благоговѣнно взирающимъ на вѣднѣе могущество Пруссіи, „И за границей начинаютъ чувствовать,—говоритъ онъ,—что это усиленіе центра Европы есть благодать для морализаціи міра (ein Segen für die Gesittung der Welt)“. Далѣе этого идти невозможно, и проф. Трейчке опередилъ своихъ политическихъ единомышленниковъ, которые не скрываютъ отъ себя печальной истины, что столь привлекательная для нихъ политика далеко не пользуется такою же всеобщею популярностью. При обсужденіи военнаго бюджета, сторонники милитаризма оправдывали его тяжесть всеобщею ненавистью къ Германіи и открыто выставляли принципъ: „oderint, dum metuant“; на этотъ же фактъ ссылалась и оппозиція, возражая противъ массовыхъ выселокъ. Man hasst uns überall—постоянно раздается и въ парламентѣ, и въ прессѣ—и, можетъ быть, не совѣтъ безъ основанія.

Преклоняясь передъ войной, Трейчке видитъ въ ней главнѣйшую, если не исключительную творческую силу политическаго объединенія Германіи. „Конечно, не удачнымъ успѣхомъ одного только военнаго похода создана эта имперія,—говоритъ онъ:—что совершилось въ тѣ трудныя, роковыя 6 мѣсяцевъ войны, это было только послѣднимъ звеномъ въ цѣпи прусскихъ подвиговъ чести, въ длинномъ ряду тѣхъ тяжелыхъ битвъ, которыя выдерживали Гогенцоллерны въ теченіе двухъ столѣтій, чтобы очистить отъ чужеземцевъ каждую лядь нѣмецкой земли“. Но политическое объединеніе нѣмцевъ не было одностороннимъ дѣломъ Пруссіи; это было осуществленіе давнишнихъ стремленій народа, засвидѣтельствованныхъ памятниками прошлаго.

Идея единства была встрѣчена сочувственно и теперь крѣпко коренится въ народномъ сознаніи, занимая видное мѣсто и въ либеральныхъ, и въ консервативныхъ стремленіяхъ: ясно, что она имѣла свою исторію и за предѣлами Пруссіи. Намекаеть на это въ весьма своеобразной формѣ и историкъ Трейчке. „Наша конституція,—говоритъ онъ,—стара и молода въ одно и то же время. Она приняла въ себя военное устройство и многія другія учрежденія, которымъ обязана новая Пруссія своимъ величіемъ, и въ то же время дѣйствуетъ на нѣмецкія сердца стариннымъ очарованіемъ имени императора и имперіи, и сильѣе всего, можетъ быть, дѣйствуетъ она на тѣ верхненѣмецкія племена, которыя долѣе всего оставались чуждыми сѣверу и теперь съ гордостью говорятъ себѣ, что снова, какъ во дни Барбароссы, династія изъ швабскаго племени носитъ могущественнѣйшую корону. Снова, какъ въ старину, ощущаетъ нація дѣятельность стараго сана имперскаго канцлера въ Германіи; но его сила не можетъ болѣе быть грозной для императорской власти, какъ это бывало часто прежде: сообразно монархическому характеру новой имперіи, теперь онъ императорскій чиновникъ, и не смѣетъ имѣть другой воли, кромѣ воли императора. Снова опирается наша имперія на могучую домашнюю силу, но ея новое зерно — Пруссія, страна исполнѣ нѣмецкая и настолько могущественная, что не можетъ болѣе испугать алчностью (Begehrlichkeit) никого изъ мелкихъ властителей, входящихъ въ составъ имперіи. Снова, какъ въ старину, нѣмецкое княжеское сословіе толпится вокругъ своего императора, и это не послѣдняя изъ благодѣтельныхъ перемѣнъ настоящаго: свѣтлѣйшее, высшее дворянство міра, которое заняло своими храбрыми сынами большинство европейскихъ престоловъ (?), снова ищетъ чести служить имперіи“. Смыслъ этой тирады, въ которой наивность граничитъ съ сервилизмомъ и самодовольство переходитъ въ хвастовство, заключается, повидимому, въ томъ, что сочувствіе нѣмецкаго народа политическому объединенію проистекаетъ изъ старинныхъ традицій, созданныхъ средневѣковою имперію. Не совсѣмъ понятно только, какъ велико было вліяніе этой традиціи, и считаетъ ли ее ораторъ активной или только пассивной силой, и совершенно непонятна разсѣянность историка, который забылъ упомянуть о продолжительномъ умственномъ движеніи въ пользу объединенія Германіи. Какъ извѣстно, начиная съ конца XV вѣка до франко-прусской войны включительно проповѣдь объединенія наполняетъ нѣмецкую литературу и проникаетъ и въ старые рейхстаги XV вѣка и въ нѣкоторыя представительныя учрежденія XIX столѣтія. Ужели это 400-лѣтнее движеніе прошло безслѣдно? Причина этого игнорированья обнаруживается въ другихъ мѣстахъ рѣчи.

Подобно своимъ единомышленникамъ въ рейхстагѣ, Трейчке не можетъ похвалиться опредѣленностью политическихъ воззрѣній и далеко уступаетъ имъ въ откровенности. На вопросъ, что составляетъ основу и связующій элементъ нѣмецкаго единства, онъ отвѣчаетъ цѣлымъ рядомъ противорѣчій. Въ одномъ мѣстѣ онъ высказываетъ глубокое убѣжденіе въ „старой истинѣ, что государства поддерживаются тѣми же самыми силами, которыя ихъ создали“, а нѣмецкая имперія, значитъ, милитаризмъ; въ другомъ—что рѣшеніе въ политическихъ дѣлахъ должно принадлежать „могущественнѣйшему“ (*dem Mächtigen*); въ третьемъ—что прочность новыхъ порядковъ держится на чувствѣ права. Отсюда весьма характерная неустойчивость въ отзывѣхъ о важнѣйшихъ явленіяхъ внутренней политики. Такъ, относительно достоинствъ новой конституціи, онъ говоритъ: „Наконецъ, истина получила господство въ нашемъ публичномъ правѣ. Не только наша сила (*Macht*), но и характеръ нашего народа долго и тяжело страдалъ отъ страшной неправды своей конституціи, отъ противорѣчія, которое повсюду рѣзко выступало между формами права и живыми силами исторіи. Родина реформации и, на добрую половину, евангелическій народъ должны были выносить теократическій порядокъ священной римской имперіи, а когда эта ложь пала, возникъ союзъ, который отдалъ всю силу въ руки слабыхъ и вызывалъ сильнаго къ непримиримому противодѣйствию. Наконецъ, насъ обнимаетъ имперія, которая честно признала свой свѣтскій характеръ, и именно поэтому можетъ быть справедливой ко всѣмъ церквамъ, которая даже самому маленькому изъ союзниковъ гарантируетъ его мѣсто въ совѣтѣ націй, но послѣднее рѣшеніе принадлежитъ тому, который только и долженъ его давать—сильному“. Итакъ, недостатокъ германскаго союза и достоинство новой конституціи заключаются въ отношеніи силы къ праву. Но далѣе, ораторъ съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ къ только-что сказанному дѣлаетъ, повидимому, различіе между обоими понятіями. „Новый порядокъ,—говоритъ онъ,—можетъ разсчитывать на долгое будущее еще и потому, что великій переворотъ произошелъ безъ слишкомъ грубаго оскорбленія нѣмецкаго чувства права (*des deutschen Rechtsgefühls*). Истиннымъ остается на всѣ времена изреченіе многоопытнаго венеціанца Сануто: какъ не существуетъ чистаго золота, такъ нѣтъ и государства безъ узурпаціи! Безъ насилія, безъ нарушенія стараго традиціоннаго права, не могли нѣкогда орденскія земли Пруссіи превратиться въ свѣтское герцогство; не могли жители Пруссіи, Марки, Вестфаліи и Магдебурга, сдѣлаться членами одного цѣлаго. Но если старый отжившій правовой порядокъ отказывается отъ всякаго мирнаго измѣненія, тогда война является болѣе мягкимъ средствомъ,

чѣмъ революція... Теперь прусское государство въ своихъ вновь приобретенныхъ земляхъ уже излечило тѣ раны, которыя оно нанесло. Наша новая имперія стоитъ твердо въ правовомъ сознаниі націи. Несомнѣнно, что разумѣть Трейчке подѣ „нѣмецкимъ чувствомъ права“. Если оно тождественно съ общечеловѣческимъ и есть нѣчто отличное отъ силы, то ораторъ впадаетъ въ самопротиворѣчіе и лишаетъ замѣну прежняго союза новою имперіею всякой моральной и юридической основы. Если же сила есть право, то предоставлять ей еще узурпацію—уже слишкомъ большая и непужная уступка. Во всякомъ случаѣ характерно, что печальныя сдѣлки съ дѣйствительностью, которыя въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются столкновеніемъ различныхъ правъ, сами по себѣ, an und für sich возводятся въ право. Эта матеріализація политическихъ идеаловъ заставляетъ закрывать глаза на дѣйствительность: вопреки утвержденію Трейчке, раны присоединенныхъ провинцій продолжаютъ болѣть, и руководитель германской политики прибѣгаетъ для ихъ излеченія къ такимъ операціямъ, которыхъ не допускаетъ никакая хирургія, и которыя противорѣчатъ всякому праву и всякой справедливости...

Съ такою же неопредѣленностью и противорѣчіями говоритъ Трейчке о парламентскомъ режимѣ. Повидимому, вопреки своимъ единомышленникамъ, онъ не враждебенъ народному представительству. При перечисленіи заслугъ юбиляра, онъ указываетъ между прочимъ, на то, что король „создалъ посредствомъ самоуправленія округовъ и провинцій твердый фундаментъ для народнаго представительства“; въ другомъ мѣстѣ, указывая на особенности новой имперіи сравнительно съ средневѣковой, онъ говоритъ: „Между великими учрежденіями имперіи совершенно ново только то одно, что нація получила нижнюю палату, которой ей недоставало уже нѣсколько столѣтій, что она чрезъ новый рейхстагъ можетъ, какъ ей угодно, участвовать въ опредѣленіи (mitbestimmen) судьбы Германіи“. Но вслѣдъ за этимъ и совершенно неожиданно предъявляетъ онъ цѣлый обвинительный актъ противъ народнаго представительства. „Какъ съ самаго начала это государство,—говорится въ рѣчи,—было созданиемъ своихъ князей, точно также и всѣ освободительные подвиги за послѣднія 25 лѣтъ исходили отъ короны. Воля короны при противодѣйствіи ландтага произвела то преобразование нашего войска, которое сдѣлало возможнымъ измѣняющія миръ великія событія (weltverwandelnde Geschehnisse) послѣднихъ лѣтъ. Воля короны рѣшила, когда только немногіе сознавали важность минуты, войну противъ Австріи. Воля короны, поддерживаемая радостнымъ сочувствіемъ націи, по по свободному рѣшенію, предприняла борьбу съ Франціей“.

и т. д. Наконецъ, смѣшивая съ софистической ловкостью различныя понятія, Трейчке, высказывается противъ самыхъ принциповъ, на которыхъ зиждется представительное правленіе. „Историческій смыслъ нѣмцевъ,—говоритъ онъ,—не вѣруетъ ни въ политическія догмы, ни въ идеи 89 года, ни въ какую другую политическую спасительную истину (Heilswahrheit), которая должна имѣть значеніе на всѣ времена и для всѣхъ народовъ“.

Культъ силы, поклоненіе совершившемуся факту и грубый практицизмъ въ воззрѣніяхъ, характеризующіе одно изъ теченій въ современномъ германскомъ или, правильнѣе, прусскомъ обществѣ, отразились въ рѣчи Трейчке самымъ несомнѣннымъ образомъ, хотя и въ смягченномъ видѣ. Такое настроеніе проявилось и въ политическихъ мѣрахъ, и въ общественной жизни. Національная исключительность естественно приводила къ нетерпимости, которая съ особенной рѣзкостью выразилась въ антисемитизмѣ, коснувшемся и студенчества. Трейчке не могъ не замѣтить этого явленія, но сводить его къ другимъ причинамъ и киваетъ встати совсѣмъ въ другую сторону. „Нѣмецъ и въ мысли, и въ дѣйствіяхъ всегда одинаково серьезенъ; тѣневая сторона его добродѣтелей состоитъ въ томъ, что онъ, проникшись честнымъ убѣжденіемъ, съ трудомъ можетъ вѣрить въ честность иначе думающаго, и часто отравляетъ необходимую партійную борьбу свободныхъ народовъ неуступчивымъ задоромъ, неумѣренною страстью къ нападкамъ и неблагодарностью къ великой заслугѣ“. Нельзя не согласиться, что похвала ловко смѣшана здѣсь съ порицаніемъ, и любезное наставленіе друзьямъ искусно подкрѣплено указаніемъ на сомнительные недостатки противниковъ. Но убѣждая молодежь къ мягкости и терпимости, ораторъ не могъ найти никакого другого основанія для этого требованія, кромѣ ссылки на примѣръ короля. Это и понятно.

Заключеніе рѣчи Трейчке звучитъ нѣкоторымъ диссонансомъ съ ея общимъ содержаніемъ, но весьма характерно. Подъ конецъ ораторъ вспомнилъ о наукѣ и въ интересахъ народной гордости пожелалъ ея развитія. „Такой образецъ (личности императора),—говоритъ онъ,—возбуждаетъ вѣрность и жажду творчества во всякомъ призваніи, и нѣтъ призванія, болѣе необходимаго теперь для націи, какъ призваніе ученаго. Богатый характеръ нашего народа, въ которомъ столь странно смѣшаны мудрствующее глубокомысліе и смѣлое стремленіе къ жизни, не всегда умѣлъ соблюдать равновѣсіе между міромъ мысли и міромъ дѣйствій. Тотчасъ послѣ радостныхъ дней поклоненія красотѣ, когда изъ сладкихъ устъ нашихъ поэтовъ-рыцарей лились нѣжныя мелодіи, послѣдовали тѣ два могучихъ столѣтія первой нѣмецкой колонизаціи, которые завоевали для нашей націи области по ту сторону

Эльбы, но уже тогда, когда почти совершенно позабыли, за экономическими и политическими успѣхами, въ нѣгѣ наслажденій, объ идеальныхъ благахъ жизни. Теперь за золотыми днями нашей классической литературы снова слѣдуетъ время политическаго величія и экономическаго развитія. Искусство, точно такъ же, какъ и научное изслѣдованіе, должно теперь собрать всѣ свои силы, чтобы не краснѣть передъ богатой мыслями практической жизнью, и тѣмъ прекраснѣе именно въ такое время задачи науки. Наше дѣло показать міру, что нѣмцы способны выдержать счастье, что всегда было труднѣе, чѣмъ переносить несчастье, что они и въ это столѣтіе силы и богатства не перестали быть народомъ идеализма". Раздѣляя увлеченіе своихъ политическихъ единомышленниковъ, Трейчке, при перечисленіи всевозможныхъ успѣховъ Германіи за послѣднія 25 лѣтъ, позабылъ упомянуть въ своей рѣчи о развитіи философіи, науки, литературы и искусства. Впрочемъ, его званіе и аудиторія, къ которой онъ обращался, напомнили ему о другой сторонѣ народной жизни, и въ ученomъ и профессорѣ все-таки проснулись благородныя стремленія нѣмецкаго патріота стараго закала. Заключение рѣчи звучитъ утѣшительно; жаль только, что ораторъ не замѣтилъ непримиримаго противорѣчія между ея началомъ и концомъ: для процвѣтанія науки и искусства необходимо другое общественное настроеніе.

Совершенно другимъ характеромъ отличается рѣчь Ранке. Возрастъ знаменитаго ученаго, его личныя свойства и характеръ его занятій придаютъ его словамъ особенное значеніе. Франко-прусская война со всѣми связанными съ ней политическими и культурными измѣненіями застала Ранке 75-лѣтнимъ старикомъ; въ такіе годы нелегко поддаются увлеченіямъ, и нельзя ожидать сознательнаго пристрастія отъ человѣка, давно стоящаго одной ногой въ могилѣ... Кромѣ того, противъ такихъ увлеченій говорить вся его предшествующая жизнь. Старый учитель учителей, которые теперь учатъ, и въ молодости отличался широкою терпимостью и безпристрастіемъ. „Ваша цѣль при всѣхъ вашихъ наставленіяхъ,—говорилъ на юбилей его сѣдой ученикъ, знаменитый Зибель,—была всегда одинакова: приведеніе къ истинному историческому методу, возбужденіе научнаго смысла и такта, выясненіе вопроса, что мы можемъ знать и какъ мы можемъ это знать... Вы не стремились къ тому, чтобы образовать талантъ вашего ученика по опредѣленному шаблону, хотя бы это былъ наилучшій, образцовый, хотя бы это были сами вы; нѣтъ, вы имѣли въ виду возможно полное развитіе каждой индивидуальной силы, возможную подготовку для всякаго индивидуальнаго призванія, и такимъ образомъ въ науч-

ной дисциплинѣ вашей школы одинаково развивались будущіе представители самыхъ разнообразныхъ направленій: ученые и государственные люди, консерваторы и либералы, эстетики и романтики, католики и протестанты, и ваша школа сдѣлалась исторической школой Германіи". Многочисленные произведенія Ранке, указывая на эту же сторону его характера, внушаютъ особое довѣріе къ его словамъ и по другой причинѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ историковъ, которые не ограничиваются изслѣдованіемъ своего прошлаго, но изучаютъ судьбы и другихъ народовъ. Ранке писалъ, кромѣ Германіи, объ Англіи, Франціи, Италіи, славянахъ, и повсюду обнаружилъ способность глубоко входить въ жизнь изучаемаго народа и въ душу изображаемаго дѣятеля. Ко времени своего юбилея онъ выпустилъ въ свѣтъ 6-й томъ Всемирной исторіи, въ которой обнаружилъ тѣ же самыя свойства. Это обширное знаніе исторической жизни различныхъ народовъ дѣлаетъ возможнымъ для Ранке глубокое пониманіе пережитыхъ имъ самыми событіями: нельзя найти въ цѣломъ мірѣ болѣе привычнаго наблюдателя, болѣе подготовленнаго критика и болѣе авторитетнаго судью для современной Германіи.

Отвѣчая на привѣтствія своихъ учениковъ, Ранке припоминаетъ прошлое, но не желаетъ ограничиться чисто личными воспоминаніями, потому что „не изъ отдѣльныхъ событій составляется жизнь. Не школа воспитываетъ человѣка, а жизнь. Человѣкъ, какъ дерево, которое извлекаетъ свои силы не столько изъ почвы, сколько получаетъ ихъ отъ свѣта и воздуха, вѣтра и непогоды и даже бурь". Рѣчь Ранке и представляетъ краткій историческій обзоръ тѣхъ событій, подъ вліяніемъ которыхъ развивался юбиларъ; въ ней разсматривается не только политическое, но и культурное развитіе общества за послѣднія 90 лѣтъ, дѣлается краткій обзоръ происшедшихъ событій и выясняется ихъ историческій смыслъ и культурное значеніе. Основнымъ теченіемъ этого періода, къ которому сводятся всѣ остальные, Ранке считаетъ отношеніе нѣмцевъ къ французамъ. „Я не говорю здѣсь объ Англіи,—говоритъ онъ,—которая преслѣдовала и теперь преслѣдуетъ свою собственную политику, а только о французахъ и нѣмцахъ. На взаимномъ воздѣйствіи обѣихъ націй—я именно теперь много занимаюсь тѣмъ, какъ они первоначально составляли великое сотоварищество и потомъ разошлись—по большей части основывается всемірная исторія. Въ концѣ XVIII столѣтія между ними обнаружилась такая противоположность, какой до сихъ поръ еще никогда не было: она обнимала всѣ отношенія внутренней и внѣшней жизни". Это случилось въ томъ году, когда родился Ранке. „Годъ моего рожденія,—говоритъ онъ,—имѣетъ ту особенность, что онъ совпадаетъ со временемъ, когда великіе вопросы, потрясавшіе міръ, вступили въ

новую стадію. Революціонные элементы, которые возвысились въ великомъ сосѣднемъ государствѣ и получили тамъ господство, напали на другія страны, чтобы вовлечь ихъ въ свой кругъ. Противъ нихъ образовался другой союзъ, который наоборотъ поставилъ своей задачей положить конецъ этимъ революціоннымъ элементамъ тамъ, у ихъ источника. То и другое одинаково не удалось. Больше того,—обнаружилось, что ни то, ни другое направленіе не могли одержать тогда побѣды. На первый разъ были сдѣланы взаимныя уступки, и состоялось нѣкотораго рода примиреніе, но примирившіеся укрѣпились каждый въ своемъ положеніи и съ глубокой внутренней враждебностью... Обѣ націи горячо столкнулись другъ съ другомъ и хотя, наконецъ, миръ былъ заключенъ, но онъ состоялся только въ томъ предположеніи, что позже сразятся еще разъ“.

Но борьба между обѣими націями вытекала изъ противоположности не идей, осуществленныхъ во Франціи посредствомъ революціи, а въ Германіи путемъ мирнаго развитія, а только способовъ ихъ осуществленія. Идеи XVIII вѣка легли, по мнѣнію Ранке, въ основу развитія и современной Германіи. „Возбужденная общимъ теченіемъ жизни (*von dem allgemeinen Leben*) и не смущаемая непосредственнымъ шумомъ войны, литература, въ особенности въ сѣверно-нѣмецкихъ культурныхъ центрахъ, поднялась на такую высоту, какой она не достигала никогда раньше, и которая сдѣлалась образцомъ на всѣ времена. Прибавлю къ этому, что гуманитарный духъ, всесторонне разившійся въ послѣднее столѣтіе, достигъ полнаго господства, котораго нельзя было ни уничтожить, ни отгѣснить на задній планъ. Эти элементы появились въ такомъ сочетаніи, которое нигдѣ не было замѣчено, но уже господствовало надъ всѣмъ кругомъ идей націи, и потомъ помогло ей пережить времена нужды и насилія и снова приобрести независимость. Въ этомъ кругѣ идей оба принца, предназначенные къ королевскому престолу Пруссіи, вмѣстѣ съ своими незабвеннымъ по обдуманности и спокойствію отцемъ, переживали горе и радости, дѣлили съ нимъ и несчастье Іены, и работу восстановления государства“. Старый ученый, изощрившій пониманіе общественныхъ явленій многолѣтними и разнообразными историческими работами, не смѣшиваетъ революціи съ идеями, которыя она написала на своемъ знамени, и не отрицаетъ вліянія этихъ послѣднихъ на себя самого и своихъ современниковъ. „Какъ сильно дѣйствовало это,—говоритъ онъ,—на всѣ индивидуальности, а также и на не зрѣлыя, переживавшія еще годы ученья, я позволю себѣ привести одинъ примѣръ изъ моей собственной юности. Я находился тогда въ монастырской школѣ въ Дапдорфѣ, которая была предназначена для мальчиковъ и въ которой добросовѣстно велось приличное этому воз-

расту обученіе; однако, и въ тишину этой школы проникало кое-что изъ газетъ. Я припоминаю, какъ мы читали тамъ бюллетени Наполеона изъ Испаніи и нацарапывали ихъ на нашихъ грифельныхъ доскахъ. Какъ измѣнилось все это нѣсколько лѣтъ позже, когда я въ Шулльпортѣ всѣмъ существомъ жилъ среди классическихъ писателей, изучалъ, переводилъ и вообще старался усвоить по моимъ силамъ древнихъ поэтовъ, именно трагиковъ. Когда пришли извѣстія о катастрофѣ въ Россіи, я изучалъ Агриколу Тацита. Послѣ омыянныхъ побѣдою бюллетеней появились другія манифестаціи, выпедившія изъ круга идей тѣхъ націй, которыя были угнетены, но не подавлены. Я только что читалъ рѣчи Боадипен съ ихъ сочувствіемъ къ естественному состоянію народовъ и къ исконной свободѣ — я не могу описать впечатлѣнія, которое они на меня производили — и такъ какъ римскій міръ въ Наполеонѣ какъ будто бы снова былъ вызванъ къ жизни, то я въ манифестаціяхъ противъ него читалъ отраженіе и возобновленіе рѣчей королевы Боадипен“. Все поднималось само собою и съ одинаковымъ правомъ. Революція съ ея насиліями и деспотизмомъ вызвала протестъ во имя тѣхъ самыхъ идей, которыя она написала на своемъ знамени, и борьба противъ Франціи получила особенную окраску. Отчего же зависѣлъ, по мнѣнію Ранке, исходъ столкновенія?

„Нельзя было ожидать, говорить Ранке по поводу первыхъ войнъ, — чтобы Германія преодолѣла революціонные элементы. Къ этому не подходило тогдашнее положеніе имперіи, и потребность въ преобразованіяхъ была всеобщимъ чувствомъ, къ которому въ началѣ примѣшались революціонные порывы. Патріотическое одушевленіе, усиленное чувствомъ свободы, устранило вредныя примѣси и помогло Германіи добиться національной независимости; но причины, вызывавшія борьбу, не уничтожились. Наполеонъ исчезъ, революціонная мысль осталась, первая реставрація была ниспровергнута, произошла новая революція, и она не могла утвердиться, возникла республика, выступилъ новый Наполеонъ. Вторая имперія была проявленіемъ того же самаго революціоннаго цезаризма, какъ и первая, и вызывала на такую же борьбу. Чтобы одержать побѣду, Германія нуждалась въ измѣненіи строя старой имперіи и въ реформахъ вообще. Для этого необходима была прежде всего культурная работа, и выполненію этой задачи обязаны были нѣмцы за свое торжество“.

Въ короткомъ очеркѣ дѣлаетъ Ранке общій обзоръ научнаго движенія въ связи съ событіями эпохи ¹⁾ и указываетъ на сущность

¹⁾ Несмотря на то, что движеніе почти во всѣхъ областяхъ историческаго знанія стоитъ въ связи съ работами Ранке, онъ дѣлаетъ въ обзорѣ только два автобіо-

произведенныхъ реформъ. „Прусское государство,—говоритъ онъ,—возвратилось къ единственно вѣрному принципу, къ обязательной службѣ для всей націи, причемъ основные элементы стараго государства были сохранены, но дополнены и улучшены популярными учрежденіями. Этотъ принципъ и рѣшилъ исходъ послѣднихъ великихъ конфликтовъ“.

Итакъ, широкое культурное развитіе и реформы, основанныя на идеяхъ новаго времени, создали могущество объединенной Германіи. Ранке относится съ глубокимъ уваженіемъ къ тѣмъ идеямъ, которыя такъ презирають „люди“ германскаго канцлера; въ противоположность новымъ политикамъ, онъ считаетъ ихъ источникомъ своего развитія и славы, и могущества другого юбиляра, который дѣлалъ исторію. „Внутри монастырскихъ стѣнъ и среди классическихъ занятій проникалъ новый міръ въ мою голову,—говоритъ Ранке:—„естественно, что я не былъ единственнымъ въ этомъ родѣ; суть дѣла заключается въ томъ, что современность оказываетъ безконечное вліяніе на индивидуума... Лучшаго примѣра намъ никто не могъ дать, какъ прусскій король съ своими сыновьями. На школьныхъ скамьяхъ и даже въ занятіяхъ находились въ движеніи и въ взаимной борьбѣ тѣ же самые элементы, которые оживляли міръ“. Культурное значеніе нѣмецкой побѣды заключается, по мнѣнію Ранке, въ подавленіи не идей 89 года, а революціоннаго деспотизма, уничтожавшаго свободу и препятствовавшего прогрессу. „На этихъ всемірно-историческихъ событіяхъ,—говоритъ онъ,—основано то, что наука въ Германіи возвысилась до универсальнаго значенія, получила, если я не ошибаюсь, перевѣсъ надъ другими, и мы можемъ смѣло смотрѣть на будущее. Въ событіяхъ, которыя мы пережили, можно видѣть прежде всего пораженіе революціонныхъ силъ, которыя дѣлали невозмож-

графическихъ замѣчанія о собственномъ научномъ развитіи. Относительно Огюстѣна Тьерри онъ говоритъ: „Я признаюсь, что его первыя книги возбудили своей формой мое удивленіе. Я сказалъ: сдѣлать нѣчто подобное мы не въ состояніи“. Кроме того, онъ рассказываетъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ на него В.-Скоттомъ. „Я изучалъ мемуары де-Комина, и въ мелкихъ сочиненіяхъ, которыя около него группировались, нашелъ дополнявшія его надежныя извѣстія. Тогда появился Quentin Durward В. Скотта, и я сказалъ:—Боже мой, Коминъ и другія извѣстія, приложенныя къ его мемуарамъ, излагаютъ это совершенно иначе. Я былъ, такъ сказать, оскорбленъ за старыхъ государей, которымъ онъ приписываетъ другія чувства, чѣмъ они имѣли. Я почувствовалъ отвращеніе къ историческому роману, именно къ такому отношенію къ событіямъ, и пришелъ къ рѣшенію, что въ исторіи должно избѣгать всего, что существенно уклоняется отъ достовѣрной традиціи о фактахъ. Я не отрицаю, что эти соображенія укрѣпили меня въ критическомъ методѣ, который потомъ считался отличительнымъ признакомъ моихъ сочиненій, т.-е. я стоялъ на томъ, что буквально передано или что изъ этого можетъ быть выведено съ извѣстной достовѣрностью“.

нымъ правильный прогрессъ всемірной исторіи. Если бы они утвердили за собою мѣсто, то о развитіи историческихъ силъ, даже о безпристрастномъ воззрѣніи ихъ не могло бы быть и рѣчи, всемірная исторія въ объективномъ смыслѣ сдѣлалась бы невозможностью". Самоуваженіе члена культурной націи, которое проявляется въ этихъ словахъ, далеко отъ національной исключительности и связаннаго съ ней самохвальства и нетерпимости. Побѣжденная Франція для Ранке такая же культурная сила, какъ и Германія. „Я, на своемъ маленькомъ мѣстѣ никогда и не подумалъ бы писать всемірной исторіи если бы для меня задача обѣихъ міровыхъ силъ послѣ ихъ долгой борьбы и многообразныхъ пережѣнь не была вообще настолько рѣшена, чтобы можно было бросить безпристрастный взглядъ на раннія столѣтія". Эта задача, во всякомъ случаѣ, не требуетъ новой борьбы, а допускаетъ возможность совмѣстнаго развитія. „Пусть господствуетъ между обѣими націями соревнованіе, а не вражда", говоритъ Ранке. Возможность такого соревнованія обусловливается истинной культурностью не только во внѣшней жизни, но въ нравахъ и воззрѣніяхъ. На этотъ путь и указываетъ новымъ нѣмцамъ ихъ старый учитель.

Возводитъ въ идеаль дѣйствительность со всѣми ея темными сторонами—признакъ самаго грубаго практическаго матеріализма; отождествлять силу съ правомъ, это значить подрывать всѣ идеальныя основы человѣческаго общежитія, это—признакъ одичанія. Поэтому рѣчь Ранке чрезвычайно утѣшительное явленіе. Она звучитъ благовѣстомъ, который призываетъ нѣмцевъ къ знакомой имъ культурной работѣ въ интересахъ человѣчества. Можно думать, что этотъ призывъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынь: на это указываетъ и возрастающая оппозиція „политическому матеріализму", и, что всего важнѣе, все прошлое нѣмецкаго народа. Традиція у нѣмцевъ—сила, и это сила—культурная.

М. К.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1886 г.

Европейская дипломатія и болгарскій вопросъ.—Политика князя Бисмарка.—Французскія дѣла.—Рабочее движеніе и политическія партіи.—Возстаніе рабочихъ въ Бельгій.

Дипломатія великихъ державъ не могла еще до сихъ поръ покончить съ болгарскимъ вопросомъ, и чѣмъ болѣе выясняется ходъ переговоровъ со времени окончанія сербской войны, тѣмъ очевиднѣе становится ошибочность политики, усвоенной кабинетами съ самаго начала кризиса. Не странно ли видѣть, что принцъ, поставленный во главѣ Болгаріи, смѣло разстраиваетъ дипломатическія комбинаціи могущественныхъ державъ и остается настоящимъ „хозяиномъ положенія“ на Балканскомъ полуостровѣ, вопреки всѣмъ протестамъ такъ называемой „Европы“? Газеты всѣхъ оттѣнковъ указываютъ на опасности, связанныя съ поведеніемъ князя Александра: упорство этого принца поддерживаетъ воинственные планы Греціи, усиливаетъ броженіе среди христіанъ, подвластныхъ туркамъ, и можетъ въ концѣ концовъ привести къ общему взрыву, при которомъ нѣтъ ни одного кабинета, уступивъ мѣсто открытому соперничеству и вооруженной борьбѣ. Чѣмъ объяснить эту выдающуюся роль принца Баттенберга въ событіяхъ, имѣющихъ общее европейское значеніе? Люди, привыкшіе скользить по поверхности обсуждаемыхъ явленій, довольствуются обычными жалобами на иноземныя интриги, на коварство друзей и на вражду тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣятелей. Наша „патріотическая“ печать изощряется въ догадкахъ по поводу тайныхъ пружинъ, дѣйствующихъ противъ насъ въ Софіи и въ Филиппополѣ, а иностранныя газеты, въ свою очередь, обвиняютъ во всемъ Россію, ея явныхъ и скрытыхъ представителей, ея неутомимое честолюбіе и даже ея упавшіе въ цѣнѣ „рубля“. Одни нападаютъ рѣзко на князя Александра, на англичанъ и австрійцевъ; другіе усматриваютъ русское вліяніе тамъ, гдѣ его нѣтъ и слѣда.

Нельзя отрицать, что князь Александръ велъ себя очень ловко, хотя и двусмысленно, во время послѣднихъ переговоровъ; онъ приобрѣлъ симпатіи султана своею уступчивостью и предупредительностью по отношенію къ Портѣ; онъ заслужилъ одобреніе иностранныхъ дипломатовъ, враждебно или недовѣрчиво относящихся къ Россіи; онъ выставилъ себя въ глазахъ болгаръ рѣшительнымъ поборникомъ объединенія,

которому будто бы противится русское правительство; онъ успѣшно пользуется взаимнымъ антагонизмомъ державъ для достиженія своихъ цѣлей, рассчитывая на протекцію Англіи и на сочувствіе Германіи. Онъ безцеремонно мѣняетъ свою политику, смотря по обстоятельствамъ,—то признаетъ себя покорнымъ вассаломъ султана, то подчиняется Европѣ, то отрывается отъ этого подчиненія и принимаетъ тонъ самостоятельнаго государя. Несомнѣнно, что Россія не могла согласиться на первоначальную сдѣлку, которая отдавала объединенную Болгарію въ распоряженіе Турціи; нужно было найти другую формулу, болѣе согласную съ трактатами и съ законными требованіями русской дипломатіи. Князь Александръ стремился въ тому, чтобы признаніе его правителемъ восточной Румелии не было ограничено пятилѣтнимъ срокомъ или, по крайней мѣрѣ, чтобы дальнѣйшее возобновленіе его полномочій зависѣло исключительно отъ Порты, помимо контроля державъ. Россія лишилась бы тогда своего права голоса при устройствѣ болгарскихъ дѣлъ, и одно изъ существенныхъ постановленій берлинскаго конгресса было бы нарушено къ явной выгодѣ турецкой имперіи. Западно-европейскіе кабинеты ничего не имѣли бы противъ уничтоженія русскаго вліянія въ Болгаріи, но они не могли не признать формальной справедливости русскихъ возраженій, основанныхъ на точномъ смыслѣ берлинскаго трактата. Послѣ долгихъ дипломатическихъ усилій, представителямъ великихъ державъ удалось придумать проектъ, способный удовлетворить „Европу“ безъ ущерба для дѣла болгарскаго объединенія. Сущность проекта, принятаго и уполномоченнымъ Болгаріи, Цановымъ, сводится къ тому, что „князь назначается генераль-губернаторомъ Восточной Румелии, согласно 17-ой статьѣ берлинскаго договора“; здѣсь не говорится ни о пятилѣтнемъ срокѣ, ни о согласіи державъ,—хотя ссылка на берлинскій трактатъ оставляетъ въ силѣ оба эти условія. Общее соглашеніе было достигнуто; Порта извѣстила объ этомъ въ циркулярной нотѣ, приглашая кабинеты ускорить созваніе конференціи для утвержденія состоявшейся сдѣлки,—какъ вдругъ получается неожиданное свѣденіе, что князь Александръ беретъ назадъ свое согласіе, что онъ требуетъ признанія его безсрочнымъ правителемъ, безъ всякой ссылки на берлинскій договоръ, и что онъ отозвалъ изъ Константинополя своего представителя, Цанова. Вопросъ, съ такимъ трудомъ рѣшенный, выступилъ вновь въ прежнемъ видѣ, и дипломатамъ приходится опять отыскивать формулу для примиренія противоположныхъ интересовъ Болгаріи, Турціи и Россіи. Повидимому, можно было бы не обращать вниманія на протесты князя Александра, въ виду „единодушія Европы“; но соглашеніе все таки касается страны, которою управляетъ этотъ принцъ, и по-неволѣ нужно счи-

таться съ его желаніями, насколько въ нихъ выражается настроеніе народа. Навязывать болгарамъ такую сдѣлку, которую они считаютъ для себя невыгодною, значило бы создавать источникъ затрудненій и замѣшательствъ въ будущемъ; въ лучшемъ случаѣ, сдѣлка оставалась бы мертвою буквою, и вся дипломатическая работа пропала бы даромъ. Понятно поэтому, что поступокъ князя Александра вызвалъ сильное неудовольствіе заинтересованныхъ сферъ; задача дипломатіи еще болѣе затрудняется готовностью Порты согласиться на его требованія, направленные болѣе противъ Россіи, чѣмъ противъ Турціи.

Болгарія, освобожденная нами цѣною громадныхъ жертвъ, хлопочетъ теперь объ освобожденіи отъ русскаго вліянія; чувство неприязни къ Россіи усиливается въ странѣ, которая еще такъ недавно видѣла въ насъ своихъ естественныхъ покровителей и защитниковъ. Немногочисленная „русофильская“ партія, группирующаяся около бывшаго министра, Цанкова, подвергается суровымъ преслѣдованіямъ; публичное выраженіе симпатій къ Россіи считается чуть-ли не государственною измѣною. Еще ранѣе водворилось враждебное намъ настроеніе въ Сербіи, также обязанной намъ своимъ независимымъ существованіемъ; то же самое было и съ Румыніею. Балканскія народности, ради которыхъ столько крови пролито было Россіею, мало-по-малу ускользаютъ отъ ея вліянія, отказываются отъ нашей дружбы и переходятъ въ кругъ дѣйствія другихъ иностранныхъ націй, нѣмцевъ, австрійцевъ, англичанъ, не только ничего не сдѣлавшихъ для ихъ свободы, но, напротивъ, принимавшихъ всякія мѣры къ закрѣпощенію ихъ подъ игомъ турецкихъ пашей. Особенно поразительна эта метаморфоза въ созданномъ нами болгарскомъ княжествѣ: всего восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ окончена была разорительная война, предпринятая Россіею для освобожденія угнетенныхъ болгаръ, и уже тамъ отворачиваются отъ насъ, какъ отъ враговъ или неудобныхъ друзей, и наши попытки сохранить частицу своего законнаго вліянія разсматриваются, какъ недостойныя „интриги“, на которыя считаютъ себя въ правѣ горько жаловаться англійскія и австрійскія газеты, защищавшія въ свое время принципъ усмиренія болгаръ башибузукми. Въ обстоятельномъ очеркѣ болгарскихъ событій 1885 года, напечатанномъ въ журналѣ „Unsere Zeit“ (№ 3 за текущій годъ), одинъ изъ видныхъ мѣстныхъ дѣятелей, г. Спиридонъ Гопчевичъ, рассказываетъ серьезно, какъ болгарскіе министры совѣщались о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять противъ Россіи: между прочимъ, было предложено „изгнать изъ Болгаріи всѣхъ русскихъ подданныхъ, включая и консуловъ“ (1), такъ что русскимъ

запрещено было бы показываться въ Плевнѣ или на Шибѣ. Странная была бы судьба освободителей Болгаріи!

Если поставить себѣ вопросъ, почему болгары, какъ и сербы, оплачиваютъ намъ одинаково черною неблагодарностью, то трудно удовлетвориться обычнымъ отвѣтомъ, что во всемъ виноваты личности, стоящіе во главѣ этихъ небольшихъ государствъ—принцъ Баттенбергъ и его совѣтники, король Миланъ и его фавориты, и т. д. Ни князь Александръ, ни король Миланъ, не имѣютъ настолько личнаго авторитета, чтобы вліять на чувства народа и его представителей по своему усмотрѣнію; скорѣе они сами идутъ по теченію окружающаго общества, заботясь лишь о прочности своей власти. Такой общій фактъ, какъ отчужденіе балканскихъ правительствъ отъ Россіи, долженъ имѣть не случайныя, а какія-либо общія причины. Прежде всего нужно признаться, что мы всегда были слишкомъ большими идеалистами въ политикѣ; мы увлекались часто такими задачами, отъ которыхъ не могли ждать для себя ничего, кромѣ потерь и разочарованій:—мы спасали Европу отъ Наполеона, хотя не имѣли въ томъ никакой надобности; наши войска бились въ разныхъ краяхъ въ защиту Австріи и Пруссіи, величайшія жертвы приносились во имя чуждыхъ и даже враждебныхъ иностранныхъ силъ, которыя тотчасъ же обращались противъ насъ, когда событія давали къ тому возможность; мы всегда дѣйствовали какъ-будто для другихъ, чаще всего для воображаемой Европы, и неизмѣнно получали за это тяжелые уроки, въ видѣ нашествія непріятелей въ союзъ съ друзьями, отрицанія нашихъ правъ на конгрессахъ и конференціяхъ и т. п. Говоря проще, мы не имѣли своей собственной сознательной политики, вытекающей изъ интересовъ и потребностей страны; наши внѣшнія дѣла и предпріятія сохраняютъ до сихъ поръ какой-то отвлеченный характеръ,—они не имѣютъ ни точной положительной цѣли, ни послѣдовательности, ни постоянства. Мы какъ-будто не знаемъ, куда мы идемъ, повинувшись случайнымъ порывамъ или традиціонному историческому влеченію; мы не рѣшаемся отдать себѣ ясный отчетъ въ нашихъ планахъ и стремленіяхъ,—мы дѣлаемъ колоссальныя затраты въ средней Азіи, подвергаясь періодическимъ ссорамъ съ Англією, и бросаемъ всѣ наши кровавыя приобрѣтенія на Балканскомъ полуостровѣ по первому слову лорда Биконсфильда. Мы вели продолжительную и кровопролитную войну съ Турцією, поддерживаемую косвенно англичанами; послѣ немощныхъ усилій наши войска дошли безпрепятственно до самыхъ воротъ Константинополя, и паденіе турецкаго владычества на Босфорѣ было уже дѣломъ нѣсколькихъ дней; въ Европѣ всѣ готовились къ неминуемому событію и старались заранѣе привыкнуть къ

нему,—но мы не знали, гдѣ цѣль нашего предпріятія, и остановились въ нерѣшимости именно тогда, когда предстояло нанести послѣдній, самый легкій ударъ, для окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса. Быть можетъ, Константинополь не остался бы въ русскихъ рукахъ, благодаря угрозамъ Англіи и другихъ державъ,—онъ сдѣлался бы вольнымъ городомъ, подъ общою европейскою охраною; но всякій понимаетъ, что занятіемъ турецкой столицы Россія поставила бы себя въ неизмѣримо болѣе выгодное положеніе, чѣмъ въ какомъ очутилась она въ дѣйствительности послѣ роковой остановки, отнявшей у войны весь ея историческій смыслъ. Въ результатъ вышло, что мы разорались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и отдали въ жертву до двухсотъ тысячъ человѣческихъ жизней только для того, чтобы превратить турецкую провинцію въ небольшое полунезависимое княжество, управляемое иностраннымъ принцемъ, вассаломъ султана;—а развязка восточнаго вопроса отложена на неопредѣленное время, побуждая насъ къ новымъ затратамъ и предпріятіямъ при болѣе удобныхъ для Европы обстоятельствахъ. Наши патріоты негодовали на Англію и на берлинскій конгрессъ; но ни англійскіе, ни берлинскіе дипломаты не ожидали отъ насъ добровольнаго отреченія отъ всѣхъ плодовъ войны. Достигнувъ полнаго военнаго торжества, мы предоставили суду Европы, при руководящемъ участіи непріязненной намъ Англіи, опредѣлить и урѣзать политическіе результаты нашихъ побѣдъ; ни одна держава не могла бы довести свое великодушіе до подобнаго самоотверженія, ибо повсюду признается обязательнымъ руководствоваться реальными интересами государства и народа во внѣшнихъ дѣлахъ. Пруссія передѣлывала карту Европы въ 1866 и 1871 годахъ, не стѣсняясь мнѣніями и желаніями другихъ державъ,—хотя дѣло шло о полномъ уничтоженіи порядка, освященнаго всею Европою на вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года. Князь Бисмаркъ не отдалъ на судъ Европы ни вопроса объ Эльзасъ-Лотарингіи, ни вопроса о новомъ устройствѣ германской имперіи; а мы безкорыстно призывали Европу для пересмотра мирнаго договора, заключеннаго нами съ побѣжденною Турціею,—на томъ основаніи, что та же Европа судила насъ на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, когда мы были побѣждены европейскою коалиціею. Странно было-бы обвинять Англію или Германію за то, что онѣ принимали отъ насъ эти жертвы и одобряли нашу наклонность къ забывчивому идеализму; и чѣмъ больше обнаруживалась у насъ эта наклонность, тѣмъ охотнѣе и легче утилизовалась она иностранными кабинетами, что и было вполне естественно со стороны послѣднихъ. Безкорыстіе въ политикѣ—качество, весьма похвальное во время мира и для сохраненія мира; но никто не думаетъ, что война предпринимается безъ

опредѣленной положительной цѣли и безъ ожиданія какой-либо существенной пользы для государства. Нашему безкорыстію никогда не вѣрили и не могли вѣрить,—предполагая, что мы дѣйствуемъ сознательно и не станемъ тратить свои силы безъ яснаго представленія о желанномъ для насъ результатѣ. Между тѣмъ, наше безкорыстіе было искреннее, такъ какъ у насъ не было ни точныхъ политическихъ плановъ, ни ясныхъ представленій о конечныхъ цѣляхъ нашей политики. Мы одни во всей Европѣ продолжали поклоняться тому дипломатическому фантому, который именуется Европою; мы только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшались говорить прямо отъ своего имени въ дѣлахъ международной дипломатіи,—всѣ наши ноты носятъ на себѣ отпечатокъ этой анонимности, прикрываемой обще-европейскими соображеніями и ссылками на европейскіе трактаты, безъ всякаго слѣда специально-русскаго мнѣнія. Последнее считается чѣмъ-то необычнымъ для дипломатической переписки; оно выражается только изрѣдка, по особымъ чрезвычайнымъ поводамъ или при какихъ-либо серьезныхъ осложненіяхъ.

А такъ какъ западно-европейскіе дипломаты считаютъ себя болѣе компетентными въ пониманіи интересовъ Европы, то въ нашихъ безкорыстныхъ доводахъ они отыскиваютъ закулисную подкладку и скрытый смыслъ, въ духѣ предполагаемыхъ русскихъ намѣреній. Неясность нашихъ самостоятельныхъ цѣлей и дѣйствій принимается даже за признакъ лицемерія и фальши,—безъ достаточнаго къ тому основанія; то немногое, что мы дѣлаемъ за границей, приписывается нашимъ темнымъ интригамъ,—какъ будто русскіе представители не имѣютъ права дѣйствовать открыто для пользы Россіи, подобно англійскимъ или австрійскимъ представителямъ, заботящимся о выгодахъ Англіи или Австріи. Наше обычное невниманіе или пренебреженіе къ политическимъ интересамъ отражается и на частыхъ перемѣнахъ въ составѣ русскихъ дипломатовъ, дѣйствующихъ въ иностранныхъ государствахъ: чисто-служебная рутина преобладаетъ въ этой области; испытанные знатоки восточныхъ дѣлъ перемѣщаются въ Бразилію или въ Пекинъ только потому, что этого требуетъ порядокъ повышеній по службѣ, а въ минуту затрудненій оказывается, что въ такихъ важныхъ для насъ пунктахъ, какъ Бѣлградъ, Софія и Филиппополь, русскій авторитетъ представленъ лицами, мало знакомыми съ мѣстными отношеніями или вообще неподготовленными къ дѣятельной политической роли, вслѣдствіе чего дѣлается цѣлый рядъ ошибокъ и промаховъ, непоправимыхъ уже мѣрами центральной дипломатіи. Населеніе судить о странѣ по дѣйствіямъ ея уполномоченныхъ; и если эти дѣйствія неудачны или безтактны, если они безъ нужды раздражаютъ туземное общество или обнаруживаютъ внутрен-

нее безсильіе, то и обаяніе заинтересованнаго государства отчасти падаетъ въ народѣ, и мало-по-малу подготавливаются тѣ коренныя перемѣны въ отношеніяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Мы, конечно, не думаемъ утверждать, что въ данное время дѣйствительно совершаются факты въ родѣ приведенныхъ нами примѣровъ; мы указываемъ только на общій характеръ явленій за многіе годы. Многое измѣнилось, вѣроятно, за послѣднее время; но ошибки прошлаго даютъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ.

Современная балканская путаница вытекаетъ въ значительной мѣрѣ изъ общихъ недостатковъ и слабостей нашей политики. Освободивъ „цѣлокупную Болгарію“, мы допустили потомъ раздѣленіе ея на двѣ части, причемъ забалканская область, буквально завоеванная русскими войсками, была отдана въ Берлинѣ туркамъ, съ нашего согласія. Такимъ образомъ оставленъ былъ неразрѣшеннымъ даже специально-болгарскій вопросъ, ради котораго русская армія дважды переходила черезъ Балканы. Затѣмъ мы допустили назначеніе нѣмецкаго принца, проникнутаго по необходимости анти-русскими тенденціями, на важный постъ наслѣдственнаго князя Болгаріи. Эту ошибку не могло уже ослабить присутствіе русскихъ генераловъ и офицеровъ, въ качествѣ должностныхъ лицъ, при принцѣ Баттенбергѣ; напротивъ, неизбѣжныя пререканія и столкновенія порождали антагонизмъ, который не замедлил выступить наружу въ непріятныхъ для насъ формахъ. Наше отношеніе къ филиппопольскому перевороту 6 сентября было на первыхъ порахъ вполнѣ отрицательное; оно должно было измѣниться подъ вліяніемъ обстоятельствъ, но предъявленное нами требованіе о восстановленіи *status quo ante* въ силу берлинскаго трактата является значительною политическою ошибкою. Мы косвенно какъ будто оправдывали военное вмѣшательство Порты или даже Сербіи, во имя охраны порядка, нарушеннаго болгарскимъ объединеніемъ; военное торжество болгаръ не было предвидѣно нами, и оно позволило намъ стать на надлежащую точку зрѣнія, единственную возможную для освободителей Болгаріи и сторонниковъ ея національнаго развитія. Наше положеніе было несомнѣнно сомнительнымъ, когда мы защищали интересы Европы противъ европейскихъ кабинетовъ, сочувствовавшихъ болгарамъ, и когда мы опирались на букву тѣхъ постановленій берлинскаго договора, которыя были направлены противъ Россіи и противъ ея Санъ-Стефанскихъ требованій. Намъ пришлось постепенно оставить почву *status quo* и считаться съ совершившимся фактомъ, который въ принципѣ долженъ былъ вызвать наши симпатіи; но враждебная намъ личность князя Александра заставляла насъ принимать мѣры предосторожности и высказываться въ прежнемъ европейско-дипломатическомъ тонѣ, который

казался болгарамъ совершенно непонятнымъ со стороны державы, подписавшей Санъ-Стефанскій договоръ. Наши полумѣры и колебанія помогали западнымъ государствамъ, особенно Англіи, взять въ свои руки защиту національных стремленій Болгаріи, и мы казались выбитыми изъ позицій, занятыхъ нами по праву, цѣною пролитой крови. Нѣтъ сомнѣнія, что чувства въ намъ болгаръ стали нѣсколько холоднѣе съ тѣхъ поръ, какъ мы выступили противъ ихъ „самовольнаго“ объединенія. Болгары долго не хотѣли вѣрить, что мы серьезно требуемъ возвращенія турецкихъ пашей и жандармовъ въ Филиппополь; но убѣдившись, что мы стоимъ за усмиреніе румелиотовъ, которыхъ мы сами еще недавно освобождали отъ турокъ, болгарскіе патріоты должны были поневолѣ усомниться въ устойчивости и надежности нашихъ самыхъ заветныхъ политическихъ программъ. Если покойный Аксаковъ могъ возставать противъ „дерзкаго почина“ дѣятелей, пытавшихся объединить Болгарію, то какое значеніе можно было придавать принципамъ нашихъ славянофиловъ во время сербской войны, начатой „дерзкимъ починомъ“ Черняева и Милана? Недостатокъ твердости и послѣдовательности, крайняя неровность въ дѣйствіяхъ и симпатіяхъ, переѣмчивость и шаткость нашихъ политическихъ воззрѣній, все это ставитъ сильныя преграды тѣсному союзу Россіи съ родственными народностями, рассчитывающими на ея могущественную поддержку. Мы способны дѣйствовать порывами и скачками, то жертвуя собою для турецкихъ христіанъ, то относясь къ ихъ судьбѣ совершенно равнодушно. Мы сами не знали въ 1876 году, какъ далеко пойдемъ мы въ дѣлѣ помощи болгарамъ, и уже начавшаяся война представлялась намъ только экзекуціею противъ Порты по уполномочію Европы, а не настоящею самостоятельною борьбою, въ которой должна рѣшиться участь оттоманской имперіи. Мы или отдаемъ слишкомъ много, какъ расточители, или остаемся безучастными, какъ скупцы; стойкая и энергическая середина намъ неизвѣстна. Глубоко ошиблись бы сербы, еслибы изъ нашихъ дѣйствій въ 1876 году они вывели заключеніе о всегдашней готовности нашей помочь имъ противъ турокъ; такъ же точно ошиблись бы болгары, еслибы смотрѣли на насъ, какъ на постоянныхъ своихъ охранителей и союзниковъ. Непрочность нашихъ симпатій и принциповъ во внѣшней политикѣ заставила сербовъ и болгаръ искать другихъ, болѣе практическихъ друзей; такъ, замѣнили насъ австрійцы въ Сербіи, англичане и нѣмцы въ Болгаріи. Особенности нашего политическаго характера составляютъ одну изъ общихъ причинъ того факта, который вызываетъ столько безплодныхъ и безцѣнныхъ lamentaцій на страницахъ русскихъ газетъ. Личности князя Александра, Каравелова и другихъ, какъ и короля Милана и его свиты, играютъ только второстепенную

роль въ печальномъ отчужденіи балканскихъ государствъ отъ освободившей ихъ державы. Сознательная и твердая политика была бы несравненно болѣе надежною гарантіею мира, чѣмъ безконечныя разсужденія о несуществующемъ „единодушіи Европы“, возбуждающія недовѣріе въ однихъ и непріятное чувство неизвѣстности въ другихъ.

По поводу послѣднихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ не разъ упоминалось имя князя Бисмарка, какъ предполагаемаго виновника всякихъ усложненій и замѣшательствъ въ Европѣ. Проницательные публицисты не могутъ примириться съ мыслью, что политическія дѣла совершаются нерѣдко безъ участія тайнственныхъ плановъ и искусственныхъ комбинацій; эти публицисты, во что бы то ни стало, доискиваются корней интриги и по обыкновенію находятъ ихъ, смотря по вдохновенію, или въ кабинетѣ князя Бисмарка, или въ англійскихъ аристократическихъ салонахъ. Съ одной стороны, непосредственный зачинщикъ болгарскаго объединенія, князь Александръ, — бывшій офицеръ прусской службы; въ то же время онъ пользуется особенною благосклонностью англійской королевской фамиліи, съ которою его семейство породнилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Не ясно ли отсюда, что Германія и Англія руководятъ дѣйствіями предприимчиваго принца Баттенберга? Вѣдь болгарскій князь не рѣшился бы противостоять цѣлой Европѣ, если бы не чувствовалъ за собою солидной дипломатической опоры. Правда, со времени паденія кабинета лорда Сольсбюри толки объ англійскихъ интригахъ должны были прекратиться сами собою, по крайней мѣрѣ, на время; но мысль о князѣ Бисмаркѣ все еще пускается въ ходъ для эффектнаго объясненія подвиговъ болгарскихъ дѣятелей. Многіе представляютъ себѣ могущество Германіи въ такомъ видѣ, что ея знаменитый канцлеръ можетъ въ каждую данную минуту выдвинуть или потушить какой угодно политическій кризисъ въ любомъ пунктѣ Европы. На этихъ еще дняхъ нашлись газеты, которыя серьезно приписывали князю Бисмарку возбужденіе рабочаго возстанія въ Бельгіи, съ цѣлью имѣть предлогъ для занятія этой страны прусскими войсками; берлинскія оффиціозныя газеты считали долгомъ торжественно опровергнуть этотъ нелѣпный слухъ. Подобные слухи легко создаются и распространяются людьми, не умѣющими смотрѣть на вещи просто и готовыми даже въ обыкновенныхъ стихійныхъ явленіяхъ усматривать слѣды какихъ-либо хитроумныхъ козней. Естественно, что о болгарскомъ объединеніи хлопочутъ болгарскіе патріоты, и князю Бисмарку не было ни возможности, ни надобности вмѣшиваться въ исторію, не имѣющую прямого отношенія къ интересамъ

германской имперіи. Такъ же точно бельгійскіе рабочіе не нуждаются въ иноземныхъ указаніяхъ для того, чтобы почувствовать тягость своего положенія и выразить свое накопившееся недовольство въ шумныхъ протестахъ и насиліяхъ. Германское правительство имѣетъ достаточно дѣла у себя дома, и князь Бисмаркъ давно уже ограничивается пассивною наблюдательною ролью въ международной политикѣ.

Внутреннія дѣла Германіи остаются въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Имперскій канцлеръ не добился никакихъ уступокъ отъ парламента и не приобрѣлъ также поддержки партіи центра, не смотря на отміну майскихъ церковныхъ законовъ. Проектъ водочной монополіи, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ рѣшительную оппозицію и былъ отвергнутъ раньше, чѣмъ дѣло дошло до обсужденія его по статьямъ. Князь Бисмаркъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе, лично защищалъ свой проектъ въ палатѣ. Въ рѣчахъ его звучитъ то угроза, то просьба, онъ самъ, очевидно, не былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ и заранее приготовилъ себѣ отступленіе. Главный его аргументъ заключался въ томъ, что монополія дастъ государству около 300 милліоновъ дохода въ годъ, а эти средства необходимы для безопасности и величія Имперіи. Если же парламентъ отказывается въ этомъ источникѣ дохода, то пусть укажутъ другой способъ удовлетворенія возрастающихъ потребностей государства. Въ противномъ случаѣ поведеніе имперскаго сейма не будетъ соответствовать тому довѣрію, съ каковымъ вручены были ему ключи отъ народной казны. Нужно желать,—говорилъ канцлеръ въ засѣданіи 26 марта,—чтобы это чувство разочарованія не возникло въ королѣ, чтобы онъ не раскаялся въ томъ, что передалъ когда-то свои полномочія парламенту. Не думайте, впрочемъ, что, касаясь этой стороны вопроса, я намекаю на возможность государственнаго переворота. Значительная часть моихъ жизненныхъ силъ положена была на устройство имперіи, и я не имѣю ни охоты, ни склонности налагать руку на то, что мною создано. Я считаю только своимъ долгомъ не скрывать отъ васъ тѣхъ опасеній, которыя я питаю относительно будущаго, въ случаѣ, если имперскій сеймъ будетъ такъ отрицательно понимать свои обязанности". Далѣе канцлеръ старался доказать, что депутатскіе выборы не выражаютъ средняго общественнаго мнѣнія страны, причемъ ссылался на примѣры прошлаго. „Большинство палаты, насколько оно выступаетъ въ видѣ оппозиціи, представляетъ собою не многимъ болѣе половины всего числа депутатовъ, а весь парламентъ представляетъ собою около половины населенія. Эта четверть общаго числа избирателей не можетъ, конечно, выражать собою взглядъ народа, а между тѣмъ, она даетъ большинство при голосованіи въ парламентѣ. Мы можемъ ука-

затѣ на опытѣ изъ временъ конфликта 1858—1866 годовъ, тогда было нѣсколько вторичныхъ выборовъ и распущений, и каждый разъ возвращались тѣ же самые депутаты; приверженцы правительства уменьшились въ числѣ до 11 человекъ, и наибольшее число ихъ составляло отъ 30 до 60 человекъ. Можно было бы подумать, что тогдашнее прусское правительство строжайшимъ образомъ осуждалось всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ. Однако, во время датской войны можно было видѣть, какъ войска бодро сражались за своего государя; въ нихъ вовсе не было замѣтно унынія и никакого отголоска словъ: „ни гроша этому министерству“. Гораздо рѣзче замѣчалось это при началѣ столкновенія съ Австріею, которое было весьма тягостно для нѣмецкаго чувства и для меня лично. Выразился ли въ чемъ-нибудь среди вооруженнаго народа тотъ духъ недовольства, который несомнѣнно существовалъ еще во время военныхъ дѣйствій и затѣмъ послѣ заключеннаго мира при новомъ устройствѣ нѣмецкихъ дѣлъ?“ Само собою разумѣется, что указанія князя Бисмарка не уменьшаютъ ни значенія народнаго представительства, ни важности общественнаго настроенія въ сферѣ внѣшней политики. Если общенародные выборы даютъ извѣстнаго рода парламентское большинство, и если это же большинство возвращается каждый разъ послѣ распущенія палаты, то оно несомнѣнно отражаетъ въ себѣ господствующее настроеніе націи, и никакія вычисленія избирательныхъ голосовъ не измѣняютъ этого результата. По словамъ самого канцлера, число сторонниковъ правительства въ палатѣ все болѣе сокращалось въ періодъ конфликта; изъ этого видно, что образъ дѣйствій министерства осуждался даже консервативною частью нѣмецкаго общества. Еще менѣе говорятъ противъ парламентаризма самоотверженныя дѣйствія прусской арміи во время непопулярныхъ войнъ; пассивное подчиненіе и суровое исполненіе долга обезпечиваются въ арміи не только общимъ военнымъ устройствомъ, но и специальными законами, карающими смертью всякое серьезное нарушеніе дисциплины. Понятно поэтому, что прусскіе солдаты и офицеры не могли выражать своихъ мнѣній во время датской или австрійской кампаніи; но для государства весьма неудобно подвергать испытанію нравственное чувство „вооруженнаго народа“ и посылать людей въ походъ, не одобряемый національнымъ сознаніемъ,—такъ что никто въ Германіи не пожелаетъ повторенія фактовъ, упоминаемыхъ княземъ Бисмаркомъ.

Канцлеръ объяснилъ далѣе трудность обстоятельствъ, въ которыхъ находится теперь имперія, въ виду возможныхъ внѣшнихъ усложненій. Эта часть рѣчи произвела понятную сенсацію за границею и особенно въ Вѣнѣ, гдѣ всякій воинственный намекъ изъ Бер-

лина отражается болѣзненнымъ образомъ. Между тѣмъ, ничего положительнаго не высказалъ канцлеръ относительно будущихъ опасностей; онъ дѣлалъ лишь догадки и предположенія, безъ определенной связи съ происходящими или ожидаемыми событіями. „Если теперь дѣло дойдетъ до европейской войны, — говорилъ князь Бисмаркъ, — то обстоятельства будутъ гораздо сложнее, чѣмъ были они прежде; усложненія будутъ отчасти имѣть международный характеръ. При наступленіи этихъ обстоятельствъ, германская имперія должна будетъ противостоять имъ со всѣми своими силами. Мы имѣли миръ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и мы употребили это время не безъ пользы для страны; мы старались облегчить тяжесть податей и начали приводить въ исполненіе социальную реформу, хотя труднѣйшая часть послѣдней — обезпеченіе старости — остается еще впереди. Я не вижу опасностей, которыя угрожали бы намъ въ ближайшемъ будущемъ; но я долженъ сказать, даже въ ущербъ моей дипломатической репутаціи, что я не предвидѣлъ усложненій и весною 1870 года. Потому я тороплюсь въ дѣлѣ реформъ, чтобы при наступленіи кризисовъ, могущихъ подвергнуть испытанію силу нѣмецкаго политическаго строя, нельзя было обвинить насъ въ напрасной тратѣ времени въ періодъ мира. Я желалъ бы именно, чтобы въ такомъ случаѣ число недовольныхъ было какъ можно меньше въ народѣ, и особенно чтобы къ нимъ не принадлежалъ король прусскій. Конфликтъ 1858 года вызванъ былъ главнымъ образомъ невниманіемъ къ реальнымъ силамъ въ Германіи — къ правительству, къ арміи и къ финансамъ, — и я совѣтую вамъ, не потому что я въ данный моментъ принадлежу къ правительству, а ради интересовъ имперіи, не выказывать такого пренебреженія къ проектамъ правительства, какъ при обсужденіи монополіи въ парламентской комиссіи. Буду ли я еще имѣть возможность появиться въ палатѣ въ 1887 году, это зависитъ отъ Бога; но я считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ, на основаніи опыта, пріобрѣтеннаго мною на службѣ государству. Я еще сегодня просилъ бы васъ — если бы это не звучало почти ироніею: примите монополію! Принятіемъ проекта вы укрѣпляете имперію, отклоненіемъ его — вы причиняете ей ущербъ“. Въ заключеніе канцлеръ указалъ на тѣ финансовыя мѣры, которыя будутъ приняты въ случаѣ окончательнаго отклоненія проекта.

Парламентъ, какъ извѣстно, остался неумолимъ: ни просьбы, ни угрозы князя Бисмарка не подѣйствовали. Трудно было ожидать другого результата. Ни одинъ изъ проектовъ канцлера не былъ встрѣченъ съ такимъ единодушнымъ отрицаніемъ, и даже вѣрнѣйшіе приверженцы правительства сознавались, что они подаютъ голосъ за проектъ только въ виду твердаго убѣжденія канцлера въ отсутствіи

другихъ надежныхъ способовъ пополненія имперской казны. Большинство консерваторовъ раздѣляетъ въ этомъ случаѣ мнѣніе оппозиціи; то же слѣдуетъ сказать и о нѣмецкой печати. Какъ ни склонны пруссаки расширять кругъ дѣятельности государства, они все-таки не могли согласиться на передачу производства и продажи водокъ въ руки чиновничества. Быть можетъ, пруссаки слишкомъ уважаютъ чиновниковъ, чтобы допустить назначеніе ихъ на должности сидѣльцевъ въ питейныхъ домахъ; да и уваженіе къ государственной власти не допускаетъ того, чтобы спиртные напитки продавались отъ имени правительства, и чтобы питейныя заведенія украшены были эмблемами имперіи. Система казенной монополіи имѣетъ смыслъ по отношенію къ такимъ сферамъ промышленности, которыя соприкасаются съ публичными общегосударственными интересами; понятно, что желѣзныя дороги могутъ быть вполне изъяты отъ дѣйствія частной конкуренціи, такъ какъ пути сообщенія составляютъ предметъ общественной необходимости и должны подлежать контролю правительственной власти. Есть такіе промыслы, которые лежатъ какъ-будто на границѣ между частною дѣятельностью и публичною, и которые могутъ легко перейти въ разрядъ казенныхъ монополій; можно еще говорить о передачѣ правительству такихъ дѣлъ, какъ страхование и т. п.—но предлагать систему казенныхъ кабаковъ—значить уже отрицать всякое различіе между частнымъ промысломъ и общественными задачами. Производство и продажа водокъ доставляютъ много барышей отдѣльнымъ лицамъ; но если доходность предпріятій была бы достаточнымъ поводомъ для усвоенія ихъ государству, то скоро не осталось бы частныхъ общедоступныхъ профессій. Существуютъ прибыльныя занятія, гораздо болѣе приличныя, чѣмъ кабацкое дѣло, —напр., банкирскія операціи, биржевыя аферы, строительство, оптовая торговля; однако, ниѣму не придетъ въ голову вычислять громадныя доходы этихъ формъ предпріимчивости и соблазнять полученными цифрами нуждающуюся государственную казну. Увеличеніе средствъ государства возможно только однимъ путемъ—при помощи поднятія общаго народнаго благосостоянія, улучшенія податной системы и пониженія обременительныхъ налоговъ. Гдѣ народъ бѣденъ и не выноситъ податныхъ тягостей, тамъ никакія финансовыя комбинаціи не создадутъ богатства. Гдѣ масса молодого, здороваго населенія отрывается отъ производительнаго труда и содержится на счетъ остальныхъ жителей, тамъ народная бѣдность будетъ постояннымъ, хроническимъ недугомъ. Военное могущество обходится слишкомъ дорого Германіи, и озабоченность князя Бисмарка насчетъ будущаго вполне понятна. Но способы, которые предлагаетъ онъ для облегченія зла, не могли бы привести къ цѣли, а скорѣе усилили бы экон-

экономическія затрудненія: доходы государства, быть можетъ, увеличились бы, но благосостояніе значительной части народа понизилось бы, вслѣдствіе прекращенія многихъ промысловъ, имѣющихъ связь съ производствомъ и продажей спиртныхъ напитковъ. Экономическіе проекты князя Бисмарка вообще слишкомъ односторонни; заботясь о государствѣ, онъ забываетъ о народѣ, на которомъ держится въ концѣ-концовъ вся политическая и финансовая сила имперіи. Парламентская оппозиція не могла къ этимъ проектамъ относиться иначе, какъ только отрицательно, — даже при самыхъ лучшихъ отношеніяхъ между правительствомъ и большинствомъ палаты.

Министерство Фрейсина не можетъ похвалиться особенными удачами: оно до сихъ поръ встрѣчалось съ постоянными затрудненіями, возникающими то среди политическихъ партій, то независимо отъ нихъ, — и плодотворныя работы въ области законодательства и администраціи не могли еще начаться по предположенной программѣ. Парламентъ занялся было ненужнымъ вопросомъ объ изгнаніи орлеанскихъ принцевъ; многие радикалы думали обновить свою популярность посредствомъ суроваго краснорѣчія, направленного противъ замысловъ миролюбивѣйшей королевской фамиліи, какая когда-либо существовала, — но министерство успѣло доказать палатѣ, что крутыя мѣры противъ безобидныхъ гражданъ-принцевъ не оправдывались бы ничѣмъ и что публичныя пренія объ этомъ предметѣ безъ всякой надобности раздражаютъ мирные консервативные элементы, подчиняющіеся республиканскому режиму. Периодическое поднятіе такого рода вопросовъ въ парламентѣ служитъ доказательствомъ того, что традиціи прошлаго крѣпко живутъ еще во французскихъ политическихъ партіяхъ. Если можетъ идти рѣчь объ изгнаніи частныхъ лицъ только потому, что они носятъ извѣстные титулы или принадлежать къ извѣстной фамиліи, то почему считалось деспотизмомъ со стороны Наполеона III изгнаніе гражданъ, имѣвшихъ республиканскія убѣжденія, хотя и ничѣмъ не провинившихся предъ закономъ? Радикалы приписываютъ принцамъ намѣреніе возстановить монархію; такое намѣреніе вполне естественно со стороны потомства короля Луи-Филиппа и наследниковъ графа Шамбора, — но намѣренія и желанія не могутъ быть преслѣдуемы, пока они не выражены въ положительныхъ дѣйствіяхъ и приготовленіяхъ. Одно изъ двухъ: или принцы предпринимаютъ что-либо враждебное противъ республики, и тогда они подлежатъ ответственности по общимъ законамъ; или они только подозрѣваются въ намѣреніяхъ и желаніяхъ, и тогда нельзя говорить о карательныхъ мѣрахъ. Лишать кого-либо граж-

данскихъ нравъ подѣл предположить ослѣпленности даннаго лица въ будущемъ—значить давать широкій просторъ мѣрамъ, практиковавшимся при второй имперіи. Разъ допустивъ категорію лицъ подозрительныхъ или неудобныхъ для правительства, мы неизбежно доходимъ до отрицанія личныхъ нравъ вообще: если можно призывать принцевъ поддѣжащими особамъ мѣрамъ, то съ такою же основательностью можетъ затѣмъ возникнуть вопросъ объ изгнаніи всѣхъ вообще лицъ, извѣстныхъ своею преданностью принципамъ или готовыхъ содѣйствовать ихъ замысламъ: отсюда недалеко до болѣе широкаго плана—до вопроса объ изгнаніи всѣхъ вообще монархистовъ, такъ какъ они несомнѣнно мечтаютъ объ устраненіи существующаго республиканскаго режима. Другими словами, система преслѣдованій и изгнаній, пригнѣвлявшая прежде къ завѣдомымъ радикаламъ, рекомендуется теперь тѣми самыми партіями, которыя больше всего отъ нея страдали; а между тѣмъ, внутренняя политика второй имперіи вызвала горячіе протесты во имя справедливости и свободы,—и эти протесты создавали популярность будущимъ республиканскимъ дѣателямъ. Теперь радикалы предлагаютъ возстановить практику реакціонеровъ въ примѣненіи къ претендентамъ; важенъ только первый шагъ, и за нимъ пойдутъ дальнѣйшіе,—если только не будетъ отвергнуто самое начало, причинившее столько бѣдъ въ прошедшемъ. Нужно однако, сказать, что сторонниками крутыхъ мѣръ являются болѣею частью молодые дѣатели, выросшіе при полномъ господствѣ свободы и имѣющіе только смутное понятіе о политическихъ преслѣдованіяхъ; болѣе опытные и послѣдовательные республиканцы энергически встаютъ противъ увлеченій въ духѣ нетерпимости, хотя они въ принципѣ ничего не имѣли бы противъ изгнанія лицъ, играющихъ роль претендентовъ на французскую королевскую корону. Министерству Фрейсина не трудно было добиться отклоненія проекта обѣщаніемъ „стоять твердо на стражѣ интересовъ республики и принимать энергическія мѣры, когда въ нихъ встрѣтится надобность“. Щекотливый вопросъ, отнявшій у палаты много времени и послужившій предметомъ нѣсколькихъ блестящихъ рѣчей, былъ устраненъ своевременно и—надо думать—на долго.

Пренія о принципахъ происходили именно въ то время, когда рабочее движеніе въ Декавиллѣ и въ другихъ мѣстахъ приняло серьезные размѣры и указывало на общее неудовольствіе въ средѣ рабочаго класса. Страстные охотники до горячихъ политическихъ споровъ, французскіе радикальные дѣатели обнаруживаютъ мало пониманія и доброй воли въ важной области экономическихъ задачъ; они до сихъ поръ не предложили еще ни одной изъ тѣхъ социальныхъ реформъ, о которыхъ много говорится въ избирательныхъ програм-

махъ и осуществленіи, которыхъ могло ожидать отъ нихъ рабочее населеніе. Два года тому назадъ образована была парламентская коммиссія изъ сорока членовъ, подъ предѣдательствомъ Клемансо, для изслѣдованія рабочаго и промышленнаго кризиса; коммиссія выслушала множество экспертовъ изъ разныхъ областей хозяйственной дѣятельности; собрано не мало интересныхъ матеріаловъ для будущей экономической политики, но эти матеріалы лежатъ въ парламентскомъ архивѣ и о результатахъ коммиссіи ничего не слышно. Во Франціи, несмотря на республику и радикализмъ, господствуютъ все-таки богатые и зажиточные классы; остальное населеніе, пользуясь всеобщою подачею голосовъ, принимаетъ еще пассивное участіе въ политической жизни и не оказываетъ существеннаго сознательнаго вліянія на законодательство. Среднее французское общество продолжаетъ относиться недовѣрчиво къ толкамъ о социальныхъ реформахъ; оно съ трудомъ допускаетъ вмѣшательство государства въ установившіяся экономическія отношенія, опасаясь не безъ основанія, что власть можетъ увлечься въ пользу бѣдныхъ и трудящихся, въ ущербъ капиталистамъ и хозяевамъ, а при возможности радикально-соціалистическаго большинства въ парламентѣ нельзя было бы поставить точную границу для законодательныхъ увлеченій. Конечно, кромѣ палаты депутатовъ есть сенатъ, охраняющій и сдерживающій республиканскія силы; существуетъ еще вліятельная и распространенная пресса, ежедневно объясняющая и критикующая вносимые въ палату законопроекты; наконецъ, существуетъ практическій инстинктъ, свойственный французамъ и не дающій имъ забывать матеріальные интересы всѣхъ и каждаго. Соціалистическія увлеченія не могутъ имѣть прочный успѣхъ во Франціи; они слишкомъ рѣзко противорѣчатъ укоренившимся привычкамъ, взглядамъ и условіямъ жизни, они могли бы водвориться только временно, въ видѣ бурнаго потока, который не оставилъ бы даже прочныхъ слѣдовъ въ законодательствѣ и въ практической дѣятельности государства. Буря прошла бы, и рабочее движеніе вошло бы обратно въ законную колею. Когда, съ одной стороны, буржуазія строго-консервативна въ своихъ экономическихъ принципахъ, а рабочій классъ можетъ дѣйствовать только мимолетными взрывами, то положеніе страны оказывается весьма затруднительнымъ. Французскія партіи не обладаютъ способностью къ взаимнымъ сдѣлкамъ и компромиссамъ, столь сильно помогающимъ разрѣшенію труднѣйшихъ вопросовъ въ Англіи. Французскій консерваторъ ни за что не пойдетъ на встрѣчу радикалу или соціалисту, для обоюднаго миролюбиваго соглашенія; онъ счелъ бы позоромъ уступать противнику, какъ и послѣдній въ свою очередь назвалъ бы измѣною всякую уступку консерваторамъ. Партіи стоятъ, одна противъ другой,

въ положеніи непримиримыхъ лагерей; можно перейти цѣликомъ отъ одного лагеря къ другому, т-е. сдѣлаться перебѣзчикомъ, но вступить въ сдѣлку съ противниками по какому-либо общему законодательному вопросу почти немислимо. Вотъ почему во Франціи не могутъ быть приведены въ исполненіе даже такія реформы, которыя давно уже осуществлены въ Англіи, если эти реформы затрагиваютъ экономическія потребности населенія и нарушаютъ традиціонныя воззрѣнія буржуазіи. Настроеніе господствующей части общества достаточно объясняетъ то обстоятельство, что социальныя проекты не выходятъ за предѣлы избирательныхъ рѣчей и что радикалы воздерживаются отъ предложенія реформаторскихъ плановъ, касающихся рабочаго вопроса.

Печальныя традиціи нетерпимости и разлада между классами выступили наглядно по поводу волненій въ каменноугольныхъ копяхъ въ Деказвиллѣ. Положеніе рабочихъ въ рудникахъ и копяхъ мало напоминаетъ быть человѣческій; оно сопряжено съ опасностями и невзгодами, которыя должны были бы вызывать состраданіе и сочувствіе богатыхъ,—какъ это и бываетъ отчасти у англичанъ и въ другихъ странахъ, гдѣ законодательство заботится объ охранѣ жизни и интересовъ низшаго рабочаго населенія. Французскіе коммерсанты и консерваторы, напротивъ, находятъ для себя унизительнымъ обращать вниманіе на нужды и желанія этихъ рабочихъ; акціонерная компанія, къ которой принадлежатъ такіе просвѣщенные дѣятели, какъ Леонъ Сэй, распоряжалась въ Деказвиллѣ по своему усмотрѣнію и съ негодованіемъ отвергала „дерзкія“ жалобы на нѣкоторыхъ агентовъ и надзирателей, ненавистныхъ большинству рабочихъ. Акціонерная компанія избѣгала всякихъ уступокъ, которыя могли быть истолкованы въ смыслѣ слабости; она гордо соблюдала свою честь и приняла даже мѣры возмездія относительно непокорныхъ рабочихъ,—уволела однихъ, понизила плату другимъ и объявила новыя правила, обязательныя для всѣхъ. Началось броженіе, кончившееся стачкою и остановкою работъ;—компанія терпитъ громадныя убытки, но за то она сохраняетъ свою честь. Между рабочими возникли беспорядки, и жертвою ихъ сдѣлался инженеръ Ватрэнъ, особенно ненавистный большинству: несчастный былъ убитъ самымъ звѣрскимъ образомъ, причемъ убійство совершено было какъ бы въ видѣ самосуда, по приговору толпы. Инженеръ Ватрэнъ погибъ, но акціонерная компанія, которой онъ служилъ, сохранила за то свою честь. Волненія разрастались все болѣе и болѣе; многіе участники арестованы, и на мѣсто беспорядковъ посланы войска,—а компанія не поддается никакимъ увѣщаніямъ и отказывается смѣнить одного изъ служащихъ, объ удаленіи котораго давно хлопотали рабочіе. Новые

депутаты-соціалисты, принадлежащіе сами къ рабочему классу, Камелина и Басли, внесли въ палату запросъ о событіяхъ въ Декавиллѣ; но парламентскія пренія остались безъ положительнаго результата:—ничего опредѣленнаго не выработали и депутаты-соціалисты, если не считать извѣстныхъ всѣмъ общихъ требованій, не выполнившихъ въ данное время. Глава кабинета обѣщалъ внести проектъ закона для урегулированія положенія работниковъ въ рудникахъ и копяхъ, причемъ предполагается ограничить право собственности частныхъ владѣльцевъ и усилить контроль государства. Когда и въ какомъ видѣ будетъ исполнено это намѣреніе министерства Фрейсина—неизвѣстно.

Рабочее волненіе находитъ теперь значительную пищу въ общемъ промышленномъ кризисѣ, получившемъ хроническій характеръ въ бѣльшей части западной Европы. Въ Бельгіи безпорядки въ рабочихъ центрахъ развились до степени настоящаго бунта; фабрики и заводы опустошаются поджогами, многіе замки въ помѣстьяхъ превращены въ груды развалинъ; въ Люттихѣ и въ другихъ городахъ водворилась рабочая анархія, которую съ трудомъ укрощаетъ немногочисленная военная сила, посланная изъ Брюсселя въ разныя угрожаемыя пункты. Эти волненія тѣмъ болѣе серьезны, что въ основѣ ихъ лежитъ недовольство далеко не однихъ рабочихъ. Масса населенія въ Бельгіи давно уже добивается политическихъ реформъ, въ которыхъ упорно отказывается правительство, находящееся въ рукахъ клерикальной партіи. Избирательными правами пользуются въ Бельгіи только зажиточные граждане, платящіе въ годъ болѣе 40 франковъ прямого налога; такихъ во всей странѣ оказывается всего 120,000 человекъ, и эта привилегированная группа лицъ распоряжается интересами 5½ миллионѣвъ населенія, выбирая неизмѣнно консервативно-клерикальную палату, которая, въ свою очередь, даетъ власть министрамъ, крайне непопулярнымъ въ странѣ и неспособнымъ къ надлежащему управленію государствамъ. Повидимому, революціонное движеніе, вызванное долготѣнимъ политическимъ недугомъ, присоединилось теперь къ волненіямъ специально-рабочаго класса, и при такихъ обстоятельствахъ упорный консерватизмъ, не опирающійся также на военное могущество, можетъ оказаться роковымъ для нынѣшняго бельгійскаго правительства.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е апрѣля 1886.

— Географическо-статистическій Словарь Россійской Имперіи. Составилъ по порученію Импер. Рус. Геогр. Общества д. чл. общества П. Семеновъ, при содѣйствіи д. членовъ В. Звѣринскаго, Н. Филиппова, Р. Маака, Л. Майкова и И. Боза. Спб. Пять томовъ. 1863—1885.

Въ концѣ прошлаго года закончено важное изданіе, начатое двадцать-пять лѣтъ тому назадъ Географическимъ Обществомъ и заглавіе котораго мы выписали. Нечего говорить о важности такого предпріятія, необходимаго какъ для цѣлей научной географіи, такъ и въ практическомъ употребленіи для всевозможныхъ справокъ. Наша географическая литература уже и въ прошломъ столѣтіи была довольно обширна, а въ наше время разрастается до огромныхъ размѣровъ съ появленіемъ множества отдѣльныхъ описаній, и особливо спеціальныхъ ученыхъ экспедицій, снаряжавшихся Академіей наукъ, Географическимъ Обществомъ, военнымъ вѣдомствомъ и т. д. Необходимо было, наконецъ, осмотрѣться въ этомъ громадномъ матеріалѣ. „Конечно,—говорится въ предисловіи къ „Словарю“,—требованіямъ науки наиболѣе удовлетворяло бы общее систематическое сочиненіе, заключающее въ себѣ полное и при томъ достаточно подробное географическо-статистическое описаніе Россійской Имперіи, съ библіографическими ссылками на источники; но составленіе такого систематическаго сочиненія не мыслимо при нынѣшнемъ отсутствіи предварительной разработки этихъ источниковъ, для которой необходимо, прежде всего, собрать полныя библіографическія указанія по каждой отдѣльной мѣстности, сличить и оцѣнить критически всѣ разнообразныя и часто противорѣчащія одно другому данныя, и, наконецъ, группировать по каждому предмету и по каждой мѣстности всѣ имѣющіяся о нихъ свѣденія. При такой постепенной разработкѣ всей накопившейся массы фактовъ, до географіи и статистики Россіи относящихся, на первый случай удобнѣе представить сборникъ

географическихъ свѣденій о Россіи въ видѣ ряда небольшихъ отдѣльныхъ монографій, снабжая каждую изъ нихъ, по возможности, полнымъ библиографическимъ указателемъ, а для подобнаго географическаго сборника форма словаря, въ которомъ монографіи расположены въ алфавитномъ порядкѣ, есть, безъ сомнѣнія, самая удобная. Поэтому, на первый случай предпочтена была для сборника географическихъ свѣденій о Россіи форма словаря.

Первая мысль объ изданіи подобнаго труда возникла въ Географическомъ Обществѣ уже вскорѣ по его основаніи, въ 1850 году, по предложенію покойнаго А. П. Заблоцкаго; но по недостатку матеріальныхъ средствъ, до 1856 года не было приступлено ни къ какимъ работамъ. Въ томъ году составлена была по этому вопросу особая коммиссія и первая работа заключалась въ составленіи полнаго алфавита всѣхъ предметовъ, которые должны были войти въ изданіе. Этотъ трудъ, въ теченіе 1857—60, исполненъ былъ покойнымъ академикомъ Кёппеномъ, великимъ труженикомъ въ области нашей археологіи, статистики и этнографіи. Алфавитъ, составленный Кёппеномъ, заключалъ въ себѣ шестнадцать тысячъ карточекъ. Главное достоинство работы Кёппена заключалось въ томъ, что, кромѣ именъ всякаго рода географическихъ мѣстностей на его карточкахъ были уже занесены многочисленныя библиографическія указанія, для которыхъ пересмотрѣно было множество повременныхъ изданій, и кромѣ того помѣщены извлеченія изъ весьма важнаго необнародованнаго источника, а именно, приходскихъ списковъ Россійской имперіи, съ статистическими данными о населенности всѣхъ поселковъ въ имперіи, заключающихъ свыше 1,700 человекъ жителей. Библиографическія указанія Кёппена были еще далеко не полны, но болѣзнь лишила его возможности принимать участіе въ составленіи словаря и завѣдываніе этимъ предпріятіемъ поручено было П. П. Семенову. Въ 1860 — 1862 были окончены предварительныя работы, дополнены библиографическія указанія Кёппена, сдѣланы необходимыя извлеченія изъ важнѣйшихъ необнародованныхъ статистическихъ источниковъ, накопившихся въ различныхъ вѣдомствахъ, которыя предоставили редакціи „Словаря“ свободный доступъ къ собираемымъ ими матеріаламъ: такъ, лучшими статистическими данными „Словарь“ обязанъ статистическому комитету и земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ, департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, департаменту разныхъ податей и сборовъ, и первому департаменту министерства государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, „Словарь“ являлся не только сосредоточеніемъ данныхъ, уже извѣстныхъ въ печати, но и множества новыхъ свѣденій, не находившихся въ литературномъ обращеніи. По первоначальному плану

„Географическій Словарь“ обнимаетъ только Россійскую имперію безъ Царства Польскаго и Финляндіи, но со всѣми азіатскими и американскими (бывшими) владѣніями, и здѣсь заключаетъ въ себѣ: всѣ горныя системы, возвышенности и равнины; океаны и моря, острова, заливы, побережья; судоходныя и сплавыя рѣки, превышающія пятидесятиверстное протяженіе въ Россіи европейской и стоверстное въ Россіи азіатской; страны, края и пространства съ отдѣльными названіями; губерніи, уѣзды, округи; города, посады, мѣстечки, селенія, гдѣ число жителей превышаетъ 1,500 душъ; монастыри, крѣпости, заводы и фабрики, составляющіе отдѣльные поселки; орды, племена и т. д. Обстоятельность доходитъ до того, что въ „Словарѣ“ помѣщаются и такія подробности, какъ, напр., отдѣльныя горныя вершины, перевалы, горныя проходы, чѣмъ-либо замѣчательныя; отдѣльныя скалы, если онѣ или измѣрены, или особенно любопытны своей формой, или обращаютъ на себя вниманіе мѣстныхъ жителей; помѣщаются озера или болота, если они имѣютъ болѣе десяти верстъ въ діаметрѣ; урочища, развалины городовъ, валы и курганы, имѣющіе историческое значеніе или извѣстные по народнымъ преданіямъ и т. д. (Мы не нашли, впрочемъ, напр., „города Китежа“, извѣстнаго по былиннымъ преданіямъ и имѣющаго мѣстное приуроченіе).

Первоначально объемъ „Словаря“ предполагался въ три или четыре тома, всего въ 120—160 печатныхъ листовъ. Въ дѣйствительности изданіе составило 5 большихъ томовъ, почти до 270 листовъ плотной печати въ два столбца, съ обширными библиографическими указаніями мелкимъ шрифтомъ. Работа огромная, принадлежащая именно къ числу тѣхъ, какія должны быть исполняемы учеными обществами и какія составляютъ ихъ великую заслугу и — обязанность. Какъ видимъ изъ заглавія, число лицъ, принимавшихъ участіе въ этой работѣ, было очень не велико и самая исторія предпріятія свидѣтельствуетъ, какъ трудно исполнимы подобныя изданія въ условіяхъ нашей науки. Начало изданія было затруднено тѣмъ, что „не было средствъ“ на его печатаніе и первый томъ вышелъ въ свѣтъ благодаря частному пожертвованію. Имя жертвователя (А. Н. Турубаева) уже не стоитъ на послѣдующихъ томахъ; надо думать, что Географическое Общество было потомъ въ состояніи само продолжать начатое предпріятіе. Изданіе продолжалось двадцать три года, что опять указываетъ не только на трудность дѣла, но и на отсутствіе свободныхъ научныхъ силъ, такъ какъ и редакторъ и участники изданія, очевидно, могли отдавать ему только небольшую долю своего времени. Желательно было бы, конечно, чтобы подобное изданіе сдѣлано было инымъ путемъ, чтобы всѣ его части, обработанныя

одновременно, печатались развѣ три, а не двадцать три года; между тѣмъ какъ теперь между первымъ и послѣднимъ томомъ изданія лежитъ почти цѣлый историческій періодъ, въ теченіе котораго произошли, между прочимъ, и громадныя географическія перемѣны въ Россійской имперіи: успѣла измѣниться граница имперіи въ Европѣ и въ Азіи — въ Закавказьѣ и Туркестанѣ, и отпали русскія владѣнія въ Америкѣ. Въ первыхъ томахъ изданія читатель не найдетъ ни Карса и Батума, ни Ахаль-Теке, ни Мерва и т. д. Географическая литература такъ возрастаетъ, что свѣденія о мѣстностяхъ, описанныхъ въ первыхъ томахъ „Словаря“, теперь окажутся, по необходимости, неполными и запоздалыми. Такимъ образомъ, „Словарь“ не можетъ назваться цѣльнымъ, *von einem Guss*, какъ говорятъ нѣмцы; это—результатъ работъ, длившихся въ теченіе цѣлой четверти столѣтія. Изъ сказаннаго выше понятно, что мы не думаемъ сдѣлать изъ этого тѣни упрека тѣмъ лицамъ, которыя вложили въ это дѣло столько ревностнаго своего труда; мы жалѣемъ только, что русской науѣ приходится работать при такихъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, которыя не допускали иного способа исполненія.

Сдѣлаемъ еще два замѣчанія.

Въ послѣднемъ вышедшемъ недавно выпускѣ, которымъ завершился „Словарь“, мы не находимъ указанія о томъ, предполагаетъ ли редакція дать тотъ „полный списокъ источниковъ и изъясненія аббревиатуръ“, который она обѣщала (т. I, предисловіе, стр. VI) приложить къ концу перваго тома или въ концѣ изданія; между тѣмъ это было бы весьма не лишнимъ, такъ какъ библіографическія указанія сдѣланы иногда такъ кратко, что для читателя неспециалиста въ географической литературѣ они покажутся весьма темными и будутъ требовать собственныхъ розысковъ.

Далѣе, редакція замѣчаетъ (въ томъ же предисловіи), что она не принимала во вниманіе источниковъ, заключающихъ „устарѣвшія статистическія данныя“. Намъ кажется, что „устарѣвшія данныя“ въ нѣкоторыхъ, можетъ быть, во многихъ случаяхъ, могли бы, напротивъ, имѣть свою немалую цѣну, именно какъ данныя историческія. Если „Словарь“ считать нужнымъ (какъ это и было необходимо) излагать историческую судьбу описываемыхъ мѣстностей, то при этомъ обзоръ ихъ прошедшаго состоянія очень кстати были бы и старыя статистическія цифры (разумеется, если въ свое время онѣ были до извѣстной степени точны). Намъ кажется также, что можно было бы вообще въ болѣе мѣрѣ воспользоваться старымъ географическимъ матеріаломъ, который послужилъ бы для пополненія историческихъ справокъ о географическихъ мѣстностяхъ. Таковъ, напр., столь извѣстный нѣкогда географическій словарь Щекатова. Въ

заключеніе, выскажемъ еще разъ удовольствіе, что завершился, наконецъ, долгодѣйный трудъ, который составляетъ чрезвычайно важный вкладъ въ нашу ученую литературу и дѣлаетъ честь лицамъ, положившимъ на него свою работу.

— Е. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ. Томъ первый. Губернія Могилевская. Выпускъ первый и втор(о)й. Пѣсни, пословицы, загадки. Кіевъ, 1886.

Судьба западнаго русскаго края издавна была очень странная и очень печальная. Народъ, несомнѣнно русскій, рано попалъ подъ чужое господство, сначала литовское, потомъ польское, и хотя литовскіе завоеватели скоро обрусѣли, а русская старина еще долго держалась и подъ польскимъ владычествомъ, но тѣмъ не менѣе русская народность подъ властью Польши уже скоро потеряла свою полноправность: высшія сословія сдѣлались польскими, за ними болѣе или менѣе послѣдовали и среднія; старое православіе превратилось въ униатство. „Литва“, въ которую зачислены были и земли бѣлорусскаго народа, стала считаться одной изъ главныхъ частей Польши; масса русскаго народа, ставши крѣпостной, совѣтъ не принималась въ соображеніе; въ семнадцатомъ столѣтіи бѣлорусскій край принялъ извѣстное участіе въ волненіяхъ Малороссіи при Хмельницкомъ, но, разрозненный и слишкомъ угнетенный, не могъ добиться какого-нибудь облегченія своей участи. Вмѣшательства Россіи въ пользу угнѣвшаго православія поддерживали до нѣкоторой степени народное сознаніе, хотя при польской власти мало помогали въ бѣдственномъ положеніи населенія; и когда, наконецъ, наступили раздѣлы Польши, сама русская власть не признала края русскимъ, и присоединеніе политическое не повело къ освобожденію племенному. Такъ смотрѣли на этотъ край и Екатерина II, и Александръ I, и даже Николай I: уничтоженіе уни въ концѣ 1830-хъ годовъ не повело къ народному оживленію; за официальнымъ восстановленіемъ стараго церковнаго преданія не послѣдовало оживленіе народности, — для этого требовалось бы прежде всего освобожденіе крестьянъ, т. е. освобожденіе православныхъ крѣпостныхъ отъ католическихъ помѣщиковъ, а затѣмъ хоть какая-нибудь степень самостоятельности общественной, — а для нея въ тогдашнемъ режимѣ не было мѣста. Поэтому, когда произошло послѣднее польское возстаніе, и могла случиться та странность, что русское правительство и само общество сдѣлали открытіе, что западный край есть русскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что начавшіяся стремленія къ обрусенію направились не только на обрусеніе польскаго, но и на обрусеніе самого русскаго: тогдашнимъ, да

и позднѣйшимъ ревнителямъ казалось польскимъ все, что было отличнаго въ западно-русскомъ бытѣ сравнительно съ бытомъ центрально-русскимъ—между тѣмъ какъ особенности бѣлорусской жизни были созданы не однимъ польскимъ вліяніемъ, но и давней отдѣльной областной жизнью западнаго русскаго племени. Складывалось странное пониманіе отношеній, выяснить которое можно было на почвѣ защиты мѣстныхъ бытовыхъ и общественныхъ отличій (а это было чрезвычайно трудно по внѣшнимъ условіямъ) и историко-этнографическимъ изученіемъ края. Дѣйствительно, въ этой послѣдней области начались болѣе усердныя изслѣдованія чѣмъ прежде: издано было довольно много матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи западнаго края; но изслѣдованіе этнографическое до сихъ поръ остается чрезвычайно скуднымъ. До 1860-хъ годовъ бѣлорусская этнографія, можно сказать, не существовала; она представлялась только нѣсколькими книжками и статейками, болѣею частью не имѣвшими никакого научнаго значенія. Первые опыты болѣе правильнаго этнографическаго изслѣдованія появляются только послѣ усмиренія польскаго восстанія и новаго открытія русскаго народа въ западномъ краѣ; но и теперь опыты были иногда очень неудачны. Г. Романовъ, въ предисловіи къ своему сборнику, разбираетъ тѣ нѣсколько книгъ, какія вышли до сихъ поръ по бѣлорусской этнографіи и указываетъ въ большей части изъ нихъ весьма крупныя недостатки, которые заставляютъ относиться къ нимъ съ большою осторожностью. Эти недостатки отчасти были и раньше указаны критикой, и г. Романовъ подтверждаетъ ихъ еще разъ, какъ мѣстный наблюдатель. Такъ, напр., въ первомъ „Сборникѣ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ“, который изданъ былъ въ 1866 году г. Гильтебрандтомъ, оказались, между прочимъ, совсѣмъ небывалыя мнимо-народныя пѣсни, сочиненныя кѣмъ-то какъ будто для доказательства того, что у бѣлорусскаго народа сохранились преданія даже о языческихъ временахъ древней Руси. Удивительно было не столько то, что нашелся подобный сочинитель, твореніе котораго было тотчасъ разгадано людьми компетентными, сколько то, что самъ издатель не понялъ этого аляповатаго сочинительства. Въ другихъ сборникахъ, хотя не встрѣчалось подобныхъ грубыхъ поддѣлокъ, но встрѣчалось, подъ именемъ народныхъ, много ненародныхъ произведеній, ходячихъ стишковъ, книжныхъ пѣсенокъ, дурно записанныхъ текстовъ, неправильно переданнаго бѣлорусскаго языка или даже простого непониманія и искаженія народной рѣчи, доходящаго до потери смысла, и т. п. Такого рода недостатки встрѣчаются даже въ сборникѣ г. Носовича, одного изъ самыхъ заслуженныхъ дѣятелей по бѣлорусской этнографіи. Лучшими сборниками бѣлорусскихъ пѣсень г. Ро-

мановъ признаеть, и совершенно справедливо, собранія Безсонова (1871) и Шейна (1874).

Сборникъ самого г. Романова, какъ видно изъ заглавія, есть только начало обширнаго предпріятія. Настоящая книга (XI и 468 стр.) представляетъ „два выпуска“ (въ одной книгѣ) перваго тома, который будетъ заключать ихъ четыре; слѣд., предполагаются и дальнѣйшіе томы, повидимому, по губерніямъ. Число пѣсень, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ, доходитъ до 1200; онѣ расположены по извѣстнымъ отдѣламъ: семейныя, чумацкія, военныя, любовныя, веснянки, купальскія и т. д. „Къ сожалѣнію,— говоритъ издатель,— мы поздно пришли къ убѣжденію въ возможности распредѣлить пѣсни по времени ихъ пѣнія. Такое цикловое распредѣленіе ихъ установлено самимъ народомъ и ревниво имъ оберегается въ теченіе многихъ вѣковъ. Можно, не боясь ошибиться, сказать, что для каждой пѣсни существуетъ не только извѣстный періодъ, въ родѣ таянія снѣга, уборки конопли, но и извѣстный день, напр., перваго выѣзда на пашню, день прилета жаворонка и т. п. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть связи нашей пѣсни съ обрядомъ до-христіанскаго культа, не потерявшимъ своего значенія въ глазахъ бѣлорусса—жителя деревни—и до сего дня. Повторяемъ, очень сожалѣемъ о невозможности послѣдовать этому порядку. Впрочемъ, къ этому важному вопросу мы вернемся, если позволятъ обстоятельства, въ послѣдующихъ выпускахъ“.

Поправить это не мудрено; составитель сборника можетъ очень просто сдѣлать реестръ пѣсень по времени, когда онѣ поются (насколько ему это время извѣстно), со ссылками на свое, а еще лучше, если и на другія изданія бѣлорусскихъ пѣсень. Съ другой стороны, и тѣ рубрики, которыя имъ приняты и которыя онъ называетъ болѣе или менѣе произвольными, не вовсе, однако, произвольны: чумацкія пѣсни, напр., мудрено смѣшать съ военными, или свадебныя съ дѣтскими или купальскими и т. п. Вопросъ классификаціи пѣсень не однажды трактовался въ литературѣ, и г. Романовъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы на будущее время справился объ этомъ, напр., въ сочиненіяхъ Ягича и Веселовскаго. Чисто вѣншній распорядокъ пѣсень можетъ быть, какъ мы сказали, опредѣленъ даже по напечатаніи сборника. Самымъ важнымъ условіемъ, которое должно быть соблюдаемо при собираніи и изданіи пѣсень, заключается въ томъ, чтобы отмѣчать тѣ обстоятельства народнаго быта, къ которымъ пѣсня приурочивается, и тѣ обряды или настроенія, которыми она сопровождается.

Далѣе, авторъ говоритъ: „Пѣснямъ заноснымъ, великорусскимъ,— чрезъ старообрядцевъ, населяющихъ части уѣздовъ Гомельскаго,

Могилевского и Свиненскаго, и чрезъ солдатъ,—и малороссійскимъ—чрезъ сопредѣльность Бѣлой и Малой Руси—мы дали мѣсто только тѣмъ, кои получили широкую распространенность въ губерніи и чрезъ то ассимилировались съ пѣснями, несомнѣнно бѣлорусскаго творчества“. Намъ кажется, что подобному матеріалу надобно дать мѣсто не только въ видѣ исключенія, а, напротивъ, обратить на него особенное вниманіе, потому что этимъ характеризуется не только этнографическій составъ края, но и самое положеніе бѣлорусской народности. Это положеніе таково, что наши ученые долго находились въ недоумѣніи, куда отнести бѣлорусскій языкъ въ общемъ составѣ русскихъ нарѣчій, и до послѣдняго времени одни считали бѣлорусское нарѣчіе отраслью великорусскаго, другіе причисляли его къ малорусскому. На самомъ дѣлѣ, нарѣчіе бѣлорусское, въ своей основѣ, относится, безъ сомнѣнія, къ тѣмъ давнимъ разновидностямъ русскаго племени, какія упоминаются еще древнимъ начальнымъ лѣтописцемъ; въ ближайшей связи оно находится съ великорусскимъ, но исторически и по сосѣдству бѣлоруссы многоразлично связаны съ поляками, съ малоруссами, такъ что къ нимъ зашло кое-что и польское и проникло значительное количество пѣсенъ малорусскихъ, какъ теперь проникаютъ и великорусскія. Такимъ образомъ, наблюденіе чужихъ пѣсенъ получаетъ особую этнографическую важность, и мѣстному наблюдателю слѣдуетъ имѣть это въ виду: очевидно, что въ нынѣшнемъ этнографическомъ состояніи племени не могли не отразиться его давнія историческія связи.

На подобное замѣчаніе вызываютъ и другія слова автора: „Что касается произведеній псевдо-народныхъ, искусственныхъ,—говоритъ онъ,—то они рѣшительно отсутствуютъ въ нашемъ сборникѣ, при всемъ обиліи ихъ. Впрочемъ, въ III выпускѣ, приготовляемомъ къ печати, мы намѣрены дать мѣсто двумъ-тремъ такимъ произведеніямъ легендарнаго характера, доставленнымъ намъ въ спискахъ XVIII вѣка“. Изъ словъ издателя трудно понять, какія это легендарныя произведенія въ спискахъ XVIII вѣка, но замѣтимъ опять, что это могутъ быть вещи очень интересныя. Наши этнографы чрезвычайно дорожатъ старыми записями народно-поэтическихъ произведеній, хотя бы и полу-народныхъ: наши пѣсни, легенды, повѣрья и т. д., вообще живой народно-поэтической обиходъ, въ старину очень рѣдко попадали въ книгу, и если гдѣ встрѣчается на нихъ старый письменный намекъ, или ихъ отрывокъ, а тѣмъ болѣе цѣлый текстъ, эти записи бываютъ чрезвычайно цѣнны именно тѣмъ, что даютъ историческое свидѣтельство о произведеніяхъ народной поэзіи въ ихъ старой формѣ. Г. Романову слѣдовало бы опять не изъ одного спис-

хожденія давать въ своемъ сборникѣ мѣсто легендамъ XVIII-го вѣка, но розыскать ихъ возможно больше.

Вообще, трудъ г. Романова представляетъ важное пріобрѣтеніе нашей этнографической литературы и надо желать, чтобы онъ довелъ до конца свое прекрасное предпріятіе. Въ концѣ предисловія, онъ говоритъ о матеріальной трудности изданія своихъ матеріаловъ и продолженіе его ставится въ зависимость отъ успѣха первыхъ выпусковъ. Сколько мы знаемъ, книги этого рода начинаютъ возбуждать интересъ въ нашей публикѣ и покрываютъ затраты на изданіе (пусть только г. Романовъ озаботится доставить свою книгу въ оборотъ столичной книжной торговли и не оставляетъ ее только въ провинціи); но, если бы самъ г. Романовъ затруднился изданіемъ, мы не сомнѣваемся, что матеріалы его встрѣтили бы просвѣщенное вниманіе ученыхъ учреждений, какъ II отдѣленіе Академіи Наукъ, Географическое Общество въ Петербургѣ или Общество естествознанія и антропологии въ Москвѣ (котораго и самъ г. Романовъ состоитъ членомъ) и, въ крайнемъ случаѣ, могли бы быть напечатаны въ ихъ изданіяхъ.

— Сынъ. Разсказъ изъ временъ XVII вѣка. Н. Костомарова. Изданіе второе. Спб. 1886.

— Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой жизни первой половины XVIII столѣтія. Н. Костомарова. Спб. 1885.

Костомаровъ оставилъ нѣсколько опытовъ беллетристическаго изображенія различныхъ эпохъ русской исторіи: „Кудеяръ“, „Сынъ“, „Черниговка“, „Холуй“. Каждый разъ эти беллетристическіе опыты совпадали съ спеціальными работами Костомарова по той или другой эпохѣ и были какъ будто дополненіемъ къ изслѣдованіямъ собственно научнымъ. Извѣстное свойство историческаго таланта Костомарова заключалось въ наглядномъ изображеніи лицъ, эпохъ и событій; въ спеціальныхъ трудахъ онъ былъ, конечно, связанъ данными фактами, между тѣмъ его фантазія работала, ему представлялась живую прошедшая дѣйствительность, отголоски которой остались въ современныхъ памятникахъ, и ему хотѣлось изобразить нѣкоторые эпизоды этой старой жизни, какъ ему рисовало ихъ воображеніе. Результатомъ были названные разсказы.

При своемъ появленіи, они вызывали отзывы весьма различные: однимъ они нравились, какъ яркое воспроизведеніе стараго быта, другіе относились къ нимъ мало дружелюбно и, напр., „Сынъ“, при первомъ своемъ отдѣльномъ изданіи (1865), вызвалъ весьма суровое нападеніе въ газетѣ Аксакова „День“. Разсказъ Костомарова пред-

ставленъ здѣсь какъ порожденіе исторической „ипохондріи“ автора, казался критику чуть ли не каррикатурой, во всякомъ случаѣ чересчуръ мрачнымъ изображеніемъ старой жизни; въ то же время писателя упрекали въ нарушеніи требованій художественности и т. п. — Что Костомаровъ не былъ здѣсь художникомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, объ этомъ нечего и говорить; онъ и самъ не думалъ вступать на дорогу Вальтеръ Скотта и историческихъ романистовъ, и это очень просто видно изъ того, что въ основѣ его рассказовъ всего чаще лежатъ прямо дѣйствительныя событія. Такъ „Сынъ“ взятъ изъ мѣстнаго преданія, слышаннаго авторомъ, и обставленъ подробностями, собранными при изученіи эпохи Стеньки Разина и бытовой жизни великорусскаго народа XVI—XVII вѣка, которыми Костомаровъ именно въ то время занимался; сюжетъ „Черниговки“, относящійся къ первой порѣ по присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, взятъ прямо изъ дѣлъ малороссійскаго приказа. Содержаніе рассказа „Холуй“, по прямому указанію автора, взято изъ копій слѣдственнаго дѣла преображенскаго приказа, хранящейся въ Московской публичной бібліотекѣ. Такимъ образомъ, дѣло шло только о популярномъ рассказѣ дѣйствительныхъ фактовъ, обставленномъ бытовыми подробностями вѣка. Въ 1860-хъ годахъ, когда наши архивы открыты были одно время для любителей исторіи, наша литература была наводнена особаго рода архивной беллетристикой, на основаніи всякихъ уголовныхъ дѣлъ XVII и XVIII вѣка, которыя пересказывались цѣликомъ безъ всякой обработки, лишь съ немногими объясненіями. Костомаровъ не ограничивался этой сырой передачей дѣловыхъ документовъ и хотѣлъ освѣтить взятые имъ такіе же архивные сюжеты изображеніемъ общаго характера времени, быта, нравовъ и понятій, и нѣтъ сомнѣнія, что для популярнаго изученія исторіи его рассказы давали больше, чѣмъ простое изложеніе архивнаго документа. Въ его рассказахъ найдутся, дѣйствительно, не лишеныя интереса картины, напр., стараго помѣщичьяго быта на степныхъ юговосточныхъ окраинахъ Россіи, устройства тогдашнихъ окраинныхъ городовъ (въ „Сынѣ“); или стараго малорусскаго быта XVII вѣка и отношеній къ Малороссіи московскаго управленія (въ „Черниговкѣ“); или барскаго и двороваго быта въ началѣ прошлаго столѣтія и нравовъ тайной канцеляріи (въ „Холуй“), и т. п. Въ одномъ „Кудеярѣ“ Костомаровъ далъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, простора для фантазіи и руководился не одними дѣловыми данными (которыхъ было немного), но и народнымъ преданіемъ, которое само было полу-фантастическое и для котораго онъ не пожалѣлъ дополненій и украшеній. Все это былъ скорѣе только матеріалъ для романа, нежели художественное произведеніе, и едва ли Костомаровъ не былъ здѣсь правъ въ томъ

отношеніи, что ни наша старая жизнь не давала почвы для романа въ общепринятомъ смыслѣ, ни самая степень разработки нашей исторіи не была достаточна для художественнаго воспроизведенія старины. Если Гоголь могъ создать „Тараса Бульбу“, то этому помогло, кромѣ великаго таланта, еще не исчезнувшее живое преданіе о козачествѣ; если Пушкинъ далъ прекрасные образчики историческаго романа, то опять, кромѣ таланта, помогла ему близость описываемаго времени; новѣйшіе опыты нашего историческаго романа большею частью совершенно далеки отъ какой-нибудь художественности и только внѣшнимъ образомъ склеиваютъ историческіе факты съ придуманной, для большаго интереса, романической авантюрой.

Что касается исторической „ипохондри“, то Костомаровъ давно и не разъ подвергался обвиненію въ мрачномъ взглядѣ на русскую исторію, въ желаніи „развѣнчивать“ ея славныя имена и т. п., что обыкновенно приписывалось его украинофильству, пристрастію къ малорусскому насчетъ великорусскаго. Это обвиненіе не совсѣмъ основательно: Костомаровъ не очень прикрашивалъ и малорусскую исторію, и вообще былъ украинофилъ весьма умѣренный; но чловѣкъ съ большимъ запасомъ здраваго историческаго смысла, онъ именно не былъ склоненъ къ тому прикрашиванію исторіи, которое со временъ Карамзина стало слишкомъ господствующей чертой нашей исторіографіи. Начавши свою дѣятельность въ 40-хъ годахъ, въ эпоху господства официальной народности, когда ложь и лесть распространились и на изложеніе исторіи, Костомаровъ, повидимому, уже съ тѣхъ поръ получилъ антипатію къ этому извращенію исторической дѣйствительности и выбралъ себѣ ту дорогу правдиваго неприкрашеннаго разсказа, на каждомъ шагѣ подкрѣпляемаго источниками и документами, на которой и остались до конца его труды, а такъ какъ старая привычка къ условной лжи или къ національно-историческому самохвалству была еще сильна, то въ немъ и увидѣли ипохондрика. Но если онъ что-либо развѣнчивалъ, онъ дѣлалъ это именно въ видахъ исторической правды, какъ она ему представлялась, и всегда съ доказательствами въ рукахъ, которыя, конечно, открыты были критикѣ всякаго желающаго и для опроверженія которыхъ требовались только доказательства болѣе вѣскія. Въ его разсказахъ беллетристическихъ онъ точно также имѣлъ въ виду дѣйствительные факты, а не сантиментальныя фантазіи, и чтобы доказать его намѣренный мрачный взглядъ на изображаемое прошлое, надо было опровергать факты, а сдѣлать это было бы не легко.

- Volapük. Всемирный языкъ. Систематическое изложеніе основаній всемірнаго языка (съ прибавленіемъ лексикона до 3000 словъ). Составленное по V-му нѣмецкому изданію I. М. Шлейера. М. 1886.
- Volapük (всемирный языкъ). Грамматика и словари всемірнаго языка. Изданіе для русскихъ. М. 1886.

Не знаемъ, исходятъ ли обѣ названныя здѣсь книжки изъ одного источника или два разные человека заинтересовались всемірнымъ языкомъ доктора Шлейера. Одна изъ этихъ книжекъ составляетъ изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“; другая есть специальное „изданіе для русскихъ“ и кѣмъ составлена, неизвѣстно. Нѣмецкій подлинникъ, какъ намъ указываютъ, дошелъ уже до пяти изданій. Обѣ книжки похожи одна на другую, даютъ почти одинъ и тотъ же матеріалъ и обѣ настойчиво рекомендуютъ всемірный языкъ, изобрѣтенный докторомъ Шлейеромъ.

„Идея всемірнаго языка,—говоритъ первая изъ названныхъ книжекъ,—давно занимаетъ умы всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра (?).

„Нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, облегчивъ международныя сношенія, тѣмъ самымъ еще болѣе увеличилъ стремленіе къ осуществленію этой идеи.

„I. М. Шлейеръ, нѣмецкій пасторъ, послѣ долгихъ трудовъ, создалъ новый языкъ, построенный имъ на раціональныхъ началахъ, изученіе котораго не представляетъ тѣхъ трудностей, съ какими связано изученіе всѣхъ существующихъ языковъ. Цѣль этого всемірнаго языка—дать возможность техникамъ, коммерсантамъ и пр., не прибѣгая къ изученію иностранныхъ языковъ, быть понятыми во всемъ цивилизованномъ мірѣ“.

Другая книжка подробнѣе объясняетъ значеніе изобрѣтенія и его будущія благодѣянія человѣчеству. Нѣкто Г., составившій предисловіе къ „изданію для русскихъ“, пишетъ слѣдующее: „Съ идеей космополитизма всегда соединялась идея всемірнаго языка, и во всѣхъ религіозныхъ сказаніяхъ о золотомъ вѣкѣ и предсказаніяхъ о немъ—всеобщему счастью и согласію между народами сопутствуетъ общій языкъ (?). Эта идея стара, какъ міръ. Само собою понятно, что первые люди говорили однимъ языкомъ. Первые раздоры между людьми, по библейскому сказанію, произошли, наоборотъ, отъ смѣшенія языковъ, при вавилонскомъ столпотвореніи. Не основываясь на обоихъ только этихъ данныхъ (!), мы въ то же время не будемъ слишкомъ оптимистичны, признавъ, что языкъ, изобрѣтенный д-ромъ Шлейеромъ и названный имъ „Volapük“, имѣетъ блестящую будущность и что ему назначено, произведя переворотъ

въ международных сношеніяхъ, служить къ увеличенію счастья человѣчества. Если даже это изобрѣтеніе, какъ большинство важнѣйшихъ успѣховъ человѣческаго генія, въ первое время послужить только къ удешевленію труда и знанія, отнявъ источникъ существованія у массы людей, извлекающихъ средства къ жизни изъ знанія иностранныхъ языковъ, тѣмъ не менѣе, въ результатѣ, вліяніе международного языка громадное. вмѣсто того, чтобы убивать лучшіе годы подрастающихъ поколѣній на изученіе иностранныхъ языковъ, мало способствующее умственному развитію учащихся и только обременяющее его память; вмѣсто изученія нѣсколькихъ главнѣйшихъ европейскихъ языковъ, съ ихъ разнообразнымъ грамматическимъ строемъ и ужасными (!) исключеніями, стоящихъ столько труда и времени, но, при расширенныхъ международныхъ сношеніяхъ, необходимыхъ не только ученому по профессіи, но каждому интеллигентному работнику; вмѣсто этого, достаточно будетъ знать одинъ только языкъ, Волапюкъ (!), грамматику котораго можно пройти въ нѣсколько часовъ, и знаніе его замѣнитъ намъ знаніе всевозможныхъ иностранныхъ языковъ“.

Авторъ предисловія объясняетъ дальше, что „международный языкъ необходимъ для науки, которая по существу своему космополитична“, и грозитъ даже примѣромъ китайцевъ („мы знаемъ изъ примѣра китайцевъ, что бываетъ съ умственными напряженіями (?) народовъ, ведущихъ замкнутую жизнь“), если человѣчество не приметъ „волапюка“; рассказываетъ, что всего пять лѣтъ какъ докторъ Шлейеръ обнародовалъ изобрѣтенный имъ всемірный языкъ, а онъ уже имѣетъ приверженцевъ „во всѣхъ странахъ земного шара“; виртембергскій союзъ международного языка „уже имѣетъ болѣе 400 (чего?), а въ Голландіи существуетъ уже 25 такихъ союзовъ съ 40.000 слишкомъ членовъ“. Во Франціи, по словамъ того же предисловія, „волапюкъ“ введенъ даже какъ учебный предметъ въ парижской коммерческой академіи, и—на стр. V—„большинство серьезныхъ парижскихъ газетъ горячо высказалось въ пользу волапюка“, хотя къ сожалѣнію—на стр. IX—говорится о „множествѣ враговъ, воинствующихъ и презрительно молчащихъ“, объ „убійственномъ молчаніи, которое до сихъ поръ хранила большая часть печати о волапюкѣ, молчаніи, которое является для дѣла болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ самыя ярыя нападки“, и это молчаніе только „мало-по-малу нарушается“.

Изъ приведенныхъ выписокъ достаточно видно, какъ составитель „волапюка“ или его провекторы понимаютъ значеніе языка. Пока они говорятъ о „международномъ“ языкѣ для коммерсантовъ, ихъ можно еще нѣсколько понять: примѣры выдуманнаго языка бывали,

какъ, напр., языкъ нашихъ „офеней“, выдуманный языкъ воровъ и мошенниковъ; но когда они говорятъ о „всемирномъ“ языкѣ, который долженъ замѣнить нынѣшнее разнообразіе языковъ, создать космополитическое единеніе, служить для цѣлей даже науки и т. п., ихъ проповѣдь становится скучной и безвкусной чепухой. — Положимъ, что первое раздѣленіе языковъ произошло отъ вавилонскаго столпотворенія,—но потомъ языки стали органическимъ созданіемъ народовъ, которое невозможно отиѣнить или передѣлать первому встрѣчному изобрѣтателю по своему вкусу. Куда приверженцы „волапюка“ дѣнуть существующіе языки; нужно ли забросить древнія и новыя литературы или всѣ перевести на „волапюкъ“ и т. д., все это остается неизвѣстно. Должно сказать, что новоизобрѣтенный языкъ изобрѣтенъ весьма бездарно; звуки его не столько европейскіе, сколько чухонскіе—со множествомъ двугласныхъ; корни словъ придуманы какъ будто нарочно, чтобы не имѣть никакого европейскаго подобія. Беремъ на удачу нѣсколько словъ „всемирнаго языка“: выборъ—*kā-lam*, городъ—*zif*, повелѣвать—*sölön*, дарить—*gevön*, даровой—*flänik*, мечтать—*dlimön*, могу—*dälob*, цивилизація (?)—*zível*, утверждать—*lerükön* и тому подобныя безсмыслицы. Не послѣднее мѣсто между ними составляетъ то, что творецъ всемирнаго языка придумалъ новыя названія для извѣстныхъ странъ и городовъ, напр. Пруссія называется *Pleüs*, Парижъ (*Paris*)—*Päris*, Америка—*Melop*, Италия—*Täl*, и т. д. Наше собственное отечество будетъ называться *Lusän*.

Словомъ, чепуха полная, а рекомендація новаго языка напоминаетъ извѣстныя обѣщанія—что „нѣтъ болѣе мигрени, сѣдыхъ волосъ, гемороя“, и проч.—А. В.

— Маркизь О'Квичъ. Немножко философіи. Софизмы и парадоксы по поводу религіозно-философскихъ произведеній графа Л. Н. Толстого. Спб., 1886.

Неизвѣстный авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ маркиза О'Квича, предлагаетъ читателямъ рядъ легкихъ бесѣдъ и замѣтокъ по вопросамъ философіи, морали, соціологіи и даже педагогики, упоминая иногда и объ идеяхъ графа Л. Н. Толстого, къ которымъ онъ, вообще, относится отрицательно. Книжка распадается на короткія главы, написанныя безъ всякихъ научныхъ претензій, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ юмора. Остроумныя замѣчанія и сопоставленія, дѣлаемыя авторомъ, обличаютъ въ немъ человека мыслящаго, склоннаго къ оптимизму и проникнутаго вполне матеріалистическимъ міросозерцаніемъ.

Авторъ возстаётъ противъ распространеннаго взгляда на проис-

хожденіе и развитіе современнаго культурнаго человѣчества; онъ не согласенъ съ теоріею Дарвина, какъ слишкомъ узкою и одностороннею. „Развѣ не странно,—спрашиваетъ онъ,—что иные народы, какъ напр., русскій, измѣряютъ свою цивилизацію однимъ тысячелѣтіемъ: тысячу лѣтъ тому назадъ, молъ, этотъ народъ былъ полудикій; значить, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ—онъ былъ совсѣмъ дикій, а нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ—онъ, можетъ быть, сплошь состоялъ изъ однихъ обезьянъ“... Это кажется автору совсѣмъ неправдоподобнымъ; онъ полагаетъ, что люди были всегда людьми, и что „наша цивилизація—самая юная изъ миллионовъ существовавшихъ на землѣ цивилизацій“. Противъ ученія дарвинистовъ онъ выставляетъ слѣдующій оригинальный вопросъ: „Почему же тѣ обезьяны, которыя жили сотни тысячъ лѣтъ тому назадъ, обладали способностью превращаться въ людей, а жившія послѣ нихъ такъ и остались обезьянами? По той же теоріи, напротивъ, превращеніе обезьянъ въ людей должно бы происходить систематически, изъ года въ годъ, и исторія должна представлять наглядныя доказательства подобныхъ превращеній“. На это не трудно отвѣтить предположеніемъ, что нынѣшнія обезьяны происходятъ отъ предковъ низшаго ранга и что, быть можетъ, черезъ сотни тысячъ лѣтъ отъ нихъ произойдутъ люди,—если держаться теоріи, которую отвергаетъ авторъ. По его догадкѣ, гигантскіе перевороты, совершавшіеся на землѣ, могли „загонять человѣка въ лѣса и доводить его до полнаго одичанія,—и кто знаетъ, быть можетъ, обезьяна и есть этотъ одичалый человѣкъ“.

Фактическихъ доказательствъ авторъ вообще не признаетъ. „Ничѣмъ такъ нельзя убить философскую мысль или теоретическій выводъ,—разсуждаетъ онъ,—какъ ссылкою на факты и цитатами изъ ученыхъ книгъ. Я приведу тысячу фактовъ въ подтвержденіе моей мысли, фактовъ безспорно убѣдительныхъ, безусловно краснорѣчивыхъ, а мнѣ подставятъ тысячу первый фактъ, который сразу разрушитъ всю мою работу, всю мою аргументацію“. Авторъ дѣлаетъ даже въ этомъ родѣ маленький опытъ надъ „нѣмецкимъ философомъ Кантомъ“: чтобы опровергнуть ученіе о врожденности идей пространства и времени, онъ ссылается на „наглядный примѣръ“ спирита, вѣрящаго въ возможность появленія духа по первому зову изъ какаго угодно мѣста и способнаго, такимъ образомъ, отрѣшиться отъ всякаго представленія о пространствѣ и времени. По мнѣнію автора, природа не знаетъ привилегій, и во многихъ случаяхъ человѣкъ поставленъ даже хуже другихъ предметовъ внѣшняго міра: „камень и я одинаково подчиняемся закону паденія тѣлъ, но камень падаетъ и остается цѣлъ, а я падаю и убиваюсь на смерть“. Или другой примѣръ: „въ то время какъ птица свободно перелетаетъ огромныя

пространства, отыскивая пищу тамъ, гдѣ ее можно найти, и не встрѣчая на своемъ пути ни заставъ, ни таможенъ, человѣкъ вынужденъ добрыхъ двѣ-трети своего труда потратить на приспособленіе себя путей сообщенія, почтъ, телеграфовъ" и т. д.

Указывая на ограниченность человѣческаго ума, авторъ удивляется нетерпимости людей въ дѣлахъ вѣры. „Я понимаю еще,—говоритъ онъ,—если такіе реформаторы, какъ Лютеръ, Іоаннъ Гуссъ, Кальвинъ и другіе, вѣстѣ съ ихъ послѣдователями, ведутъ ожесточенную борьбу за свои ученія: они ихъ основали, взлелѣвали, распространяли, и съ ихъ стороны вполнѣ естественно стремленіе заставить весь міръ присоединиться къ ихъ убѣжденіямъ. Но я-то что сдѣлалъ для моей религіи, чтобы имѣть право ненавидѣть иновѣрца, ставшаго таковымъ столь же случайно, какъ я—христіаниномъ?“ Упомянувъ о всеобщей ненависти къ евреямъ, авторъ замѣчаетъ, что въ основѣ ея лежитъ бессознательное враждебное чувство, раздѣляемое даже каторжниками и не имѣющее, слѣдовательно, нравственной подкладки. „Чтобы побѣдить массовое чувство, будущая исторія евреевъ должна поразить человѣчество какимъ-нибудь симпатичнымъ мировымъ актомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ тотъ, который породилъ противъ нихъ вѣковое предубѣжденіе. Но такъ какъ они, кажется, расчитывать на подобный переворотъ не могутъ, то имъ остается или навсегда отказаться отъ всякихъ надеждъ на лучшее будущее и постараться окончательно смѣшаться съ своими противниками, или же окончательно погибнуть въ неравной борьбѣ“.

Собственно о взглядахъ гр. Льва Толстого мы находимъ въ книгѣ очень мало. По словамъ автора, „всѣ попытки Толстого „объять необъятное“ разрѣшаются тѣмъ же результатомъ, который получается бѣлкою отъ безконечнаго верченія въ колесѣ“. О теоріяхъ Толстого говорится вкратцѣ, какъ бы мимоходомъ, въ трехъ коротенькихъ главахъ (стр. 122—8, 131—4, 160—164). Авторъ—безспорно оптимистъ; онъ не придаетъ значенія неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, задерживающимъ развитіе страны, ибо „все это преходяще, какъ роса предъ восходомъ солнца, а прогрессъ мысли и жизни вѣченъ, какъ сама вселенная“. Больше воспитывайте, чѣмъ учитѣ,—заканчиваетъ свои бесѣды авторъ:—знанія сами придутъ, а добрыя стремленія и разумное направленіе мысли, дающіяся только воспитаніемъ, сами собою не проникнуть въ порочную душу. Именно этого не даетъ человѣчеству ни современная школа, усвоившая себѣ чисто-служебную роль, ни современная семья, пѣликомъ погруженная въ тину скоропреходящихъ житейскихъ интересовъ (стр. 167). Изъ приведенныхъ нами выдержекъ можно видѣть, что книжка, „маркиза О'Квича“ заслуживаетъ прочтенія.—Л. С.

ЗАМѢТКА.

ГАДАЛЬНЫЯ КНИГИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

— *Jeu d'amour*, французская гадальная книга XV вѣка. Издаѣ по рукописи Имп. С.-Петербург. публичной библіотеки гр. А. Бобринскій. Спб. 1886.

Текстъ, изданный гр. А. Бобринскимъ по рукописи Императорской публичной библіотеки и, кажется, до сихъ поръ неизвѣстный по другимъ спискамъ, обогащаетъ наши свѣденія не столько по литературной, сколько по бытовой исторіи старой Франціи. Бытовая сторона лежитъ въ древнемъ обычаѣ гаданія, удержавшемся по традиціи до поздняго времени, но измѣнившемъ свой первоначально обрядовый, серьезный характеръ въ примѣненіи къ новымъ общественнымъ отношеніямъ: обрядъ, таинственный спросъ судьбы, обратился въ *jeu de société*. Въ старой Руси гадали, напр., по „Гадальной книгѣ пророка и царя Давида“ (Пам. стар. русск. литер., стр. III, 161 слѣд.): это рядъ коротенькихъ статей, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ евангельскихъ, либо апокрифическихъ разсказовъ, съ иносказательнымъ толкованіемъ—въ интересахъ гадающаго. Напр.: „Святый Ѳеодоръ Тиронъ взялъ съ собою сокола птицу и сяде на коня своего и поѣхалъ въ чистое поле, и поимаетъ соколъ сокола жъ птицу, и возрадовася Ѳеодоръ улову своему. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься орудію своему, Богъ тебѣ на помощь; аще о болѣзни или о пути—въ пути тебѣ радость“ и т. д. Въ началѣ статьи выставляются три цифры: 6, 1, 1; такъ при всѣхъ статьяхъ, только что цифры мѣняются, разнообразно колеблясь въ своихъ сочетаніяхъ между 1, 1, 1 и 6, 6, 6. Очевидно—это указаніе на способъ гаданія. По „Книжкѣ царя Соломона“ (см. Ровинскій, Русск. нар. картинки, кн. II, стр. 472 слѣд.) у насъ гадали и гадаютъ такимъ образомъ: спускаютъ пшеничное зерно на средину круга, въ которомъ расположены по радіусамъ цифры, отъ 1 до 100; число, на которое падетъ зерно, указывало на соотвѣтствующій № книжки, въ которомъ и прочитывался ожидаемый отвѣтъ. Судя по французскому тексту, лежащему передъ нами, по книгѣ пророка Давида гадали инымъ способомъ: гадающій бросалъ три игральныя кости, на сторонахъ которыхъ изображены были очки, числомъ отъ 1 до 6; при каждомъ бросаніи получалось сочетаніе трехъ цифръ—и то же сочетаніе находилось въ заголовкѣ той или другой статьи гадальнаго текста, являвшейся

какъ бы отвѣтомъ на вопросъ гадающаго. Отвѣтъ могъ быть различный, смотря по составу книжки; русскому гадальщику, получавшему комбинацію: 1, 1, 1, пророкъ Давидъ провѣщаль бы такимъ образомъ: „молись Богу; можетъ Богъ желаніе твое исполнить, что хочешь, то Богъ и дастъ; токмо довѣсть имѣти любовь совершенну, убо мужъ въ добродѣтеляхъ же любовь хранить, а безъ любви ничто есть: начало благо, а конецъ потребенъ“. Иной отвѣтъ на тѣ же очки даетъ французскій *Jeu d'amour*:

Bien lait, bien fol ou laide ou folle
Est celui dont je vous parolle.
Amez cuide estre ou bien amée,
Enganes est ou enganée,
Et si n'a ami ne amie,
Ce scet toute la compaignie (CIV).

„Метали“ по книгѣ пророка Давида о „домѣ“, о „болѣзни“; смотря по качеству разгадки, въ концѣ статьи являлась иногда помѣтка: „Меть злая“, „меть добра“, „меть тебѣ недобра есть“; „и сія тебѣ мысль не на пользу, и ты, человѣче, задумай, что тебѣ другая меть скажетъ“. Меть означаетъ здѣсь то же, что рафля, въ одномъ изъ своихъ разнообразныхъ значеній. Рафли въ старой Руси—гадальная книга особаго состава, средне-греч. *ράπλιον*; средне-лат. *raffla*, старо-франц. *raffe*—особаго рода азартная игра, иначе называвшаяся: *rou-lain*, *routrain*; франц. *raffe*—патъ, ровное число очковъ въ игрѣ въ кости. Такъ напр., въ *Jeu d'amour*. въ строфѣ ССXXX, помѣченной: 6, 6, 6:

Plus grande raife ne puet nus
Jeter, ne les dés plus velus,—

т.-е. въ болѣшемъ количествѣ очковъ (сл. строфу XXXVIII). При той же комбинаціи русская книга также заключаетъ: „добра меть“. Наконецъ, *raffe* означаетъ просто: ходъ, бросокъ, какъ наше меть:

Il a geté raife moult belle (CXLVIII).

Разница между русской и французской гадальной книгой объясняется изъ настроенія общества, въ которомъ вращалась та и другая. Одна серьезно вѣрить въ добрую или злую меть; это видно по строгому характеру отвѣтовъ, по елейности наставленій и подбору эпического матеріала, отъ котораго они отвлекаются: здѣсь и царь Давидъ, и Христосъ на Оаворѣ, и Петръ, утопающій въ морѣ Тиверіадскомъ, у котораго, встати, „дно мѣдное“. Такого рода текстъ не сочиняется на ново, а унаслѣдуется.—Иначе представляется дѣло во Франціи XV-го вѣка: гаданіе спустилось на степень салонной забавы, если только позволено перенести нѣсколько условное названіе салона

въ среду, въ которой рассказывались *Cent nouvelles nouvelles* и реализм *fabliau* сплывался съ реализмомъ начинавшагося Возрожденія, и то и другое подсказывало главное содержаніе нашей гадальной книжки: она будетъ *jeu d'amour*, любви наивно плотской, но не циничной, какъ нециниченъ, съ точки зрѣнія времени, и ея лексиконъ, въ которомъ первыя вѣянія Италіи оставили свои слѣды. Доказательствомъ тому служатъ такіа слова, какъ: *babellée*, *babus*, *buseques*, *faiseux*, *gaviolle*, *gufien* и — *bergamin* въ строфѣ CLI, которое издатель оставилъ безъ объясненія, и мнѣ подсказавшагося нѣсколько случайно: тебя не любятъ; если ты женщина — иди прятъ; коли мужчина —

voit en la place
Et lavour de bergamin face.

Жители Бергамо извѣстны, какъ хорошіе носильщики, факены, выносливость которыхъ обратилась въ поговорку въ Генуѣ, гдѣ они прежде (не знаю, какъ теперь) владѣли исключительнымъ правомъ работы въ *porto-franco*. Итакъ: пойдѣ на площадь (*place-piazza*) и займись работой (*lavour-lavoro*) бергамскаго носильщика, ибо ты не умѣешь любить.

Гадальныя книжки, подобныя разбираемой французской, извѣстны были и въ Италіи. Гр. Бобринскій обратилъ мое вниманіе на одну, напечатанную въ Венеціи, въ 1540 году, подъ заглавіемъ: *Le sorti di Francesco Marcolino de Forli, intitolate Giardino de Pensieri*. Первыя страницы посвящены объясненію символическаго значенія разныхъ картъ и ихъ сочетаній, а затѣмъ начинается гаданіе по двумъ картамъ: каждому сочетанію отвѣчаетъ терцетъ, преимущественно любовнаго содержанія, въ родѣ слѣдующаго (въ картахъ двѣ десятки):

Jo ti rispondo: che'l tuo amante t'ama,
Che t'apprezza, t'adora e nel suo core
Altra che te mai non sospira e brama.

Нашъ *Jeu d'amour* не паритъ такъ высоко въ области изощреннаго любовнаго стиля: его міровоззрѣніе болѣе низменное; Ланцелотъ и Тристанъ, являющіеся въ двухъ строфахъ въ сообществѣ своихъ милыхъ, не нарушаютъ указаннаго впечатлѣнія: это не отголосокъ рыцарскаго культа женщины, а стихотворныя *chevilles*:

Onques Lancelot n'aima tant
Genevre au gentil corps plaisant (XXXIV).
Onques Tristan qui bien harpa
Sa dame Yseut si fort n'ama (CCXX).

Такихъ *chevilles* у нашего автора много, — ибо мы имѣемъ дѣло не съ унаслѣдованной гадальной тетрадкой, окруженной суевѣрнымъ

почетомъ, а съ дѣйствительнымъ сочиненіемъ, и притомъ въ стихахъ: разгадки даются въ четырехъ- и шести-строчныхъ строфахъ, не всегда ловко построенныхъ и изобилующихъ общими мѣстами и сходными запѣвами, иногда ничего не значущими, нерѣдко сознательно тривіальными:

Foy que (je) doi la queue d'un chat (XV)
 Foy que je doy à une puche (LXX)
 Foy que je doi la Madaleine (CV)
 Foy que je doi ré mi fa sol (CXXIII)
 Foy que je doy mes II osiaux (CXXVII);
 или: On t'appellera „folle i bée“ (XXVII)
 Chascun t'appelle „fol s'i fie“ (LXXIII)
 On vous appelle „maint que nient“ (CXXVII).

Въ приложеніи къ изданному имъ тексту издатель говоритъ въ особой статьѣ „объ игральныхъ костяхъ въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка“ съ цѣлью опредѣлить въ ихъ исторіи мѣсто, занимаемое его памятникомъ. Подобнаго рода труды въ области западныхъ литературъ не отвлекаютъ русскія научныя силы отъ изученія родной старины, а готовятъ къ ея болѣе зрѣлому пониманію и въ этомъ смыслѣ всегда желательны.

А-рѣ Веселовскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е апрѣля, 1886.

Подогрѣтые толки о „русской партіи“ и объявленіе о „русскомъ дѣлѣ“. — Мнимый сибирскій „сепаратизмъ“ въ связи съ вопросомъ о сибирскомъ университетѣ. — Новый фазисъ вопроса о женскихъ врачебныхъ курсахъ. — Конецъ процесса города съ обществомъ Спб. водопроводовъ.

Намъ случилось какъ-то замѣтить, что переживаемое нами время крайне благопріятно для привидѣній, для выходцевъ изъ могилы. Обанкротившіяся идеи, отжившіе предразсудки, ложныя представленія, еще недавно казавшіяся похороненными, опять выходятъ на свѣтъ и кружатся передъ нами въ какомъ-то безобразномъ танцѣ, выдавая себя иногда за самыя свѣжія произведенія минуты. Съ такою именно претензіей появился на дняхъ призракъ „русской партіи“, немислимый безъ отгѣняющаго его контраста — безъ призрака партіи нерусской;

les deux font la paire. Антрепренеры, подъ рукою которыхъ движутся эти маіонетки, позабыли предупредить зрителей, что въ устраиваемомъ ими спектаклѣ нѣтъ ничего новаго. Ровно шесть лѣтъ тому назадъ тѣ же самыя фигурки были уже выведены на сцену въ другомъ театрѣ, почти подъ тѣмъ же самымъ именемъ; онѣ назывались тогда партіями „національной“ и „антинаціональной“. Въ составъ послѣдней включались самыя разнообразныя оттѣнки — консервативный, либеральный, радикальный, — объединенныя „общимъ чувствомъ непріязни къ русскому государству и русскому народу“ ¹⁾. Теперь, повидимому, обвиненіе формулируется не такъ грозно; на мѣсто непріязни ставится скорѣе равнодушіе — но всѣ прочіе театральныя аксесуары остаются въ полной силѣ. Старая нелѣпость не сдѣлалась, конечно, менѣе нелѣпой отъ легкаго переодѣванья; „русская партія“ — такой же чудовищный абсурдъ, какъ и партія „національная“. Существова на почвѣ извѣстнаго государства, извѣстнаго народа, каждая партія — если только она заслуживаетъ этого названія, т.-е. дѣйствуетъ не въ личныхъ видахъ, а для какой-либо общей цѣли, — непременно стремится къ пользѣ этого государства, этого народа. Космополитическихъ партій, чуждыхъ всякой связи съ своимъ народомъ, нѣтъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Даже приверженцы черной и красной интернаціоналки, какъ только они пытаются образовать партію, выдвигаютъ на первый планъ интересы данной страны; чистый космополитизмъ возможенъ только въ теоретическомъ отвлеченіи, а не въ практической программѣ. Столь же немисливо, для цѣлой партіи, отрѣшеніе отъ своей національности въ пользу другой, сознательное служеніе чужимъ интересамъ. Возьмемъ, для примѣра, такой вопросъ, по которому всего легче, съ перваго взгляда, допустить возможность отступленія отъ національной точки зрѣнія; возьмемъ такъ-называемый вопросъ объ окраинахъ или, общѣе, вопросъ объ отношеніи господствующей народности къ другимъ, менѣе многочисленнымъ и сильнымъ. Представимъ себѣ, что въ средѣ господствующей народности существуетъ „партія“ или группа, убѣжденная въ необходимости охраненія особенностей окраины, насколько онѣ благопріятны для массы мѣстнаго населенія и не враждебны политическому единству государства. Неужели самый фактъ существованія такой группы достаточенъ для того, чтобы поднять крикъ о государственной измѣнѣ или, по меньшей мѣрѣ, объ отсутствіи патріотизма? Неужели нельзя предположить, что патріотизмъ не у всѣхъ отливается въ однѣ и тѣ же формы, не всѣмъ предписываетъ одно и то же? Совѣтовать господствующей народности

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

умѣренность и справедливость въ пользованіи своею силою, не значить еще помышлять только объ интересахъ окраинъ; исходной точкой для такого совѣта можетъ служить, столь же легко, и заботливость объ интересахъ центра. Можно находить, что именно эти послѣдніе интересы требуютъ политики примирительной, далекой отъ подведенія всего и всѣхъ подъ одинъ непреклонный и неподвижный знаменатель; можно видѣть въ этой политикѣ источникъ силъ не центробѣжныхъ, а центростремительныхъ. Правильнѣ ли такой взглядъ — это зависитъ отъ условій времени и мѣста; намъ нужно только показать, что въ немъ нѣтъ ничего „анти-національнаго“. Можно быть противникомъ обрусенія, оставаясь русскимъ; можно раздѣлять нѣкоторые желанія окраинъ, не будучи ни полякомъ, ни нѣмцемъ, и не служа ни специально-польскимъ, ни специально-нѣмецкимъ интересамъ... Какъ бы упорно ни было сопротивление, съ которымъ встрѣтится Гладстонъ въ своей ирландской политикѣ, никому не придетъ въ голову называть перваго министра Англіи вождемъ „не-англійской“ партіи; никто не усомнится въ томъ, что руководящимъ его началомъ и конечной его цѣлью служить благо всего государства. Усилія оппозиціи будутъ направлены только къ тому, чтобы доказать ошибочное пониманіе имъ этого блага. И дѣйствительно, къ разницѣ въ пониманіи задачъ и цѣлей, средствъ и условій сводится, въ сущности, все различіе между партіями. Пользой народа или государства онѣ задаются всѣ — но не одно и то же разумѣютъ подъ именемъ пользы и не однимъ и тѣмъ же путемъ къ ней стремятся. Если та или другая изъ нихъ, въ Западной Европѣ, называетъ себя „національною“, то это служитъ лишь намекомъ на какую-нибудь опредѣленную практическую цѣль, а отнюдь не отличіемъ отъ другихъ партій, не-національных или анти-національных. Такъ, напримеръ, если въ Пруссіи образовалось, двадцать лѣтъ тому назадъ, національ-либеральная партія, то этотъ двойной эпитетъ обнималъ собою ея программу во внѣшней и внутренней политикѣ; оставаясь вѣрною либерализму (такъ или иначе понятому), партія провозглашала свою преданность дѣлу объединенія Германіи, только-что начатому событіями 1866-го года. Теперь девизъ утратилъ свое прежнее значеніе, какъ утратила его и сама партія — но никогда, ни одного дня, онъ не означалъ чего-либо похожаго на то, что теперь хотятъ выразить словами: русская партія.

Въ самый разгаръ полемики о русской партіи, мнимая величина, подразумеваемая подъ этимъ именемъ, получила нѣкоторое приращеніе, въ видѣ вновь основанной газеты: „Русское Дѣло“. Это та самая газета, о которой мы упоминали въ предыдущей хроникѣ, говоря о возможномъ продолженіи дѣла, прерваннаго смертью И. С.

Аксакова. Нельзя не порадоваться тому, что славянофильство не останется безъ представителя въ русской печати—но первый шагъ новаго органа долженъ быть признанъ крайне неудачнымъ. Объявленіе объ изданіи „Русскаго Дѣла“, съ первой строки до послѣдней, составляетъ одну сплошную неловкость. Программой изданія является служеніе русскому дѣлу,—т.-е. фраза, пустота которой равняется только ея самонадѣянности. Русскому дѣлу, а не какому-нибудь иному, служить всякій, добросовѣстно работающій въ Россіи и для Россіи; монополія этого служенія никому не принадлежитъ и принадлежать не можетъ. Назвать свое дѣло русскимъ и считать его, затѣмъ, обрисованнымъ съ достаточною ясностью, значить объявить всѣхъ остальныхъ, трудящихся на той же почвѣ, служителями не-русскаго дѣла. Такъ далеко не шли даже изобрѣтатели „национальной“ или „русской“ партіи; они не отождествляли самихъ себя съ цѣлой партіей, не говорили, пародируя Людовика XIV-го: русское дѣло—это мы. Редакторъ-издатель новой московской газеты оказывается болѣе рѣшительнымъ и смѣлымъ; „яркій свѣточъ погасъ — восклицаетъ онъ, — но среди мрака мы зажигаемъ маленькій огонекъ, и онъ будетъ горѣть“. Итакъ, если бы не „Русское Дѣло“, мы остались бы въ не проницаемой тьмѣ; съ исчезновеніемъ „Руси“ наступилъ бы для насъ періодъ солнечнаго затмѣнія, конецъ которому положить только первые лучи восходящаго свѣтила. За однимъ сравненіемъ слѣдуетъ другое, не менѣе выспреннее; „Русское Дѣло“ — не только свѣточъ, но и храмъ, въ который „не проникнетъ ничто нечистое“. Такимъ литературнымъ храмомъ редакторъ новой газеты считаетъ „Русь“ — и выступая наслѣдникомъ И. С. Аксакова, предъявляетъ претензію и на эту часть наслѣдства. Само собою разумѣется, что казаться храмомъ „Русь“ можетъ только колѣнопреклоннымъ адептамъ, принимающимъ, въ своемъ экстазѣ, оміамъ за облака и пламя восковыхъ свѣчей за отблескъ звѣзднаго міра; но какъ ни страшенъ подобный экстазъ, онъ все-таки объяснимъ, особенно въ минуты возбужденія, вызываемаго смертью любимаго и уважаемаго человѣка. Другое дѣло — поклоненіе передъ собственнымъ „я“, провозглашеніе самого себя строителемъ и жрецомъ новаго, ничѣмъ не осквернимаго храма. Съ такой формой ослѣпленія мы еще не встрѣчались и отмѣчаемъ ее какъ курьезъ, какъ симптомъ моднаго недуга. Предметомъ спора она служить не можетъ; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно разбирать вопросъ о томъ, какія прошедшія заслуги г. Шарпова даютъ ему право на санъ первосвященника, гдѣ именно, въ какой средѣ существуетъ „потребность слышать его скромное, но вполне (?) независимое и искреннее русское слово“ (итакъ, кромѣ специально-русскаго дѣла есть еще специально-русское слово?).

Главное занятіе нѣкоторыхъ представителей „національной“ или „русской“ партіи заключается, какъ извѣстно, въ повсемѣстномъ сыскѣ „неблагонадежныхъ“ или „неблагонамѣренныхъ“ элементовъ. Такой сыскъ былъ произведенъ недавно, въ большихъ размѣрахъ, по отношенію къ Сибири и увѣнчался, повидимому, полнымъ успѣхомъ; были обнаружены газеты, находящіяся всецѣло „въ рукахъ ссыльныхъ поляковъ“, были разоблачены какія-то крамольныя стремленія — еще немного, и налицо оказался бы самый подлинный сибирскій сепаратизмъ. Мрачная картина скрашивалась только тѣмъ, что между множествомъ грѣшниковъ былъ отерты одинъ праведникъ, гонимый и тѣснимый, но все-таки стоящій за правду: это былъ издаваемый въ Томскѣ „Сибирскій Вѣстникъ“. И что же? Самъ праведникъ протестуетъ противъ своей канонизаціи, находя, должно быть, что „не поздоровится отъ этакихъ похвалъ“. Возраженіе „Сибирскаго Вѣстника“ начинается словами: „избави насъ Богъ отъ друзей, а съ врагами мы сами сочтемся“. Всѣ получепные ею комплименты газета возвращаетъ назадъ, какъ посланные не по надлежащему адресу; она не хочетъ и знать о всѣхъ „ужасахъ“, существованіе которыхъ поддерживалось ея авторитетомъ, и прямо называетъ ихъ „измышленіемъ больного воображенія“. Репримандъ, по-истинѣ неожиданный и чуть ли не единственный въ своемъ родѣ! Положеніе, въ которомъ очутились „Московскія Вѣдомости“, было бы какъ нельзя болѣе смѣшно, если бы только можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что поднятый ими шумъ прошелъ и пройдетъ безслѣдно. Сибирь все еще ожидаетъ реформъ, все еще только надѣется на приобщеніе къ общественной жизни, худо ли, хорошо ли, но во всякомъ случаѣ существующей въ европейской Россіи. Для того, чтобы эти ожиданія и надежды, наконецъ, осуществились, нужно, чтобы Сибирь была свободна отъ всякихъ подозрѣній, свободна отъ обвиненій въ родѣ тѣхъ, которыми такъ внезапно и такъ рѣшительно разразились надъ нею московскіе блюстители благочинія. Замѣтимъ, что громы Страстнаго бульвара относились преимущественно къ Томску, къ тому самому Томску, гдѣ долженъ былъ открыться, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, сибирскій университетъ. Не безразлично, конечно, на какой почвѣ суждено начаться дѣятельности новаго университета. Чѣмъ меньше увѣренность въ прочности и доброкачественности этой почвы, тѣмъ больше можетъ возникнуть сомнѣній, колебаній, опасеній. Стоитъ только явиться предположенію, что разсадникъ науки можетъ сдѣлаться средоточіемъ агитаціи — и работа многихъ лѣтъ, пожертвованія многихъ десятковъ сибиряковъ могутъ оказаться напрасными; дѣло, повидимому почти оконченное, можетъ опять повиснуть между небомъ и землею, послѣдній шагъ — быть отложеннымъ на неопредѣ-

ленное время. Мѣсяцъ тому назадъ открытіе сибирскаго университета казалось чѣмъ-то близкимъ и вполне вѣрнымъ; теперь въ газетахъ появляются слухи о новой отсрочкѣ, въ связи съ какимъ-то разногласіемъ между министромъ народнаго просвѣщенія и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и съ какими-то предположеніями о допущеніи въ сибирскій университетъ учениковъ реальныхъ училищъ. „Правительственный Вѣстникъ“ опровергаетъ существованіе только послѣднихъ предположеній, но не упоминаетъ о всемъ остальномъ, и какъ бы косвенно подтверждаетъ возможность отсрочки. Если число университетовъ, къ началу слѣдующаго учебнаго года, остается прежнее, то будущимъ историкамъ нашего времени придется опредѣлить, что именно, выражаясь словами французской поговорки, стало преградой „между губами и чашей“, что обрекло Сибирь на роль Танта, которому не дается въ руки желанное благо.

Въ одной изъ комедій Островскаго молодая купчиха предлагаетъ своимъ собесѣдникамъ заняться обсужденіемъ вопроса: что лучше—ждать и не дожидаться, или имѣть и потерять? Въ положеніи напрасно ожидающаго мы только-что видѣли Сибирь; въ положеніи потерявшаго рискуетъ очутиться вся Россія, если въ скоромъ времени не будетъ утверждено дальнѣйшее бытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ. Съ текущимъ учебнымъ годомъ заканчивается первый періодъ дѣятельности этихъ курсовъ: будетъ ли онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣднимъ? Условія, отъ которыхъ зависитъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, начинаютъ какъ будто бы слагаться болѣе благоприятно—но окончательный исходъ все еще остается неопредѣленнымъ. Далеко нерѣшительная, но все же довольно важная, роль принадлежитъ въ этомъ отношеніи, петербургской городской думѣ, которой предстоитъ на-дняхъ высказаться по докладу соединеннаго присутствія городской управы и комиссіи общественнаго здравія. Докладъ предлагаетъ подтвердить постановленіе 1882 г. о назначеніи курсамъ, изъ городскихъ средствъ, стипендіи въ 15,000 рублей, предоставить въ распоряженіе курсовъ одинъ изъ городскихъ домовъ (съ соблюденіемъ условій, не особенно, повидимому, обременительныхъ для курсовъ) и разрѣшить слушательницамъ практическія занятія во всѣхъ городскихъ больницахъ. Принятіе курсовъ въ завѣдываніе города соединенное присутствіе не признаетъ возможнымъ, вопреки мнѣнію, выраженному думой три года тому назадъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться безразличнымъ; не все ли равно, кто завѣдуетъ курсами, лишь бы только они имѣли матеріальную и юридическую возможность существованія? Конечно, все равно; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ 1862 г. готовность думы принять на себя завѣдываніе курсами обусловливалась отказомъ отъ

управленія ими, воспослѣдовавшимъ какъ со стороны военнаго министерства, такъ и со стороны другихъ вѣдомствъ, спрошенныхъ по этому предмету. Что, если такой отказъ повторится и теперь, и курсы, разрѣшенные въ принципѣ, окажутся безпріютными, никуда не приуроченными? Что, если изъ этого будетъ выведена практическая ихъ неосуществимость? Странно было бы, безъ сомнѣнія, ставить судьбу учрежденія въ зависимость отъ чисто формальнаго вопроса о сопричисленіи его къ той или другой сферѣ—но странное бываетъ иногда возможнымъ, и рискъ, въ дѣлѣ такой важности, долженъ быть предупрежденъ со всѣхъ сторонъ. Мы не видимъ причины, по которой дума не могла бы принять на себя завѣдываніе курсами, по крайней мѣрѣ условно, т.-е. на тотъ случай, если бы по прежнему не нашлось для того болѣе компетентнаго вѣдомства. Правда, женскіе врачебные курсы должны служить не одному Петербургу, а всей Россіи; но вѣдь поступленіе ихъ въ распоряженіе города ничуть не ограничило бы ихъ задачи, не ссузило бы ихъ призванія. Подобно тому, какъ далеко не всѣ ученики и ученицы земской учительской школы остаются на службѣ того земства, на средства котораго они учились, ничто не мѣшало бы слушательницамъ врачебныхъ курсовъ трудиться въ любой губерніи Россіи, хотя бы самыя курсы и состояли въ вѣденіи города Петербурга. Согласиться на расходъ и отступить передъ отвѣтственностью за управленіе—значило бы сдѣлать дѣло только на половину. Больничная часть въ Петербургѣ такъ сложна и такъ обширна, что присоединеніе къ ней женскихъ врачебныхъ курсовъ не затруднило бы существенно обязанности городского общественнаго управленія.

Вопросъ о женскихъ врачебныхъ курсахъ имѣетъ уже цѣлую небольшую литературу, заключающую въ себѣ готовый, неопровержимый отвѣтъ на всѣ возможные и невозможные обвиненія противъ курсовъ. Къ этой литературѣ прибавилась, въ послѣднее время, брошюра г. Я. Абрамова („Женскіе врачебные курсы“), очень полезная какъ историческій обзоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ арсеналь для борьбы, все еще, къ сожалѣнію, не переставшей быть необходимой. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ только въ одномъ—въ категорическомъ признаніи за женщинами-врачами превосходства надъ врачами-мужчинами. Для рѣшенія этого вопроса недостаетъ, прежде всего, указаній времени, недостаетъ фактическихъ данныхъ. Авторъ беретъ отчетъ о двухлѣтней дѣятельности 7 женщинъ и 12 мужчинъ, состоящихъ думскими врачами въ Петербургѣ—и строить на немъ свое заключеніе, упуская изъ виду и статистическій законъ большихъ чиселъ, и то простое соображеніе, что по нѣсколькимъ отдѣльнымъ примѣрамъ никогда нельзя судить о цѣлой профессіи. Для

того, чтобы оценить, какъ слѣдуетъ, приводимыя имъ цифры, нужно было бы имѣть подробныя свѣденія о томъ, каковъ уровень знаній и таланта думскихъ врачей обоого пола, сравнительно съ общимъ уровнемъ врачей-мужчинъ и врачей-женщинъ; нужно было бы принять во вниманіе, что вербовать врачей-женщинъ для Петербурга можно между самыми лучшими ученицами курсовъ, а для лучшихъ учениковъ медико-хирургической академіи открыты дороги, болѣе привлекательныя. Въ подтвержденіе своего вывода г. Абрамовъ дѣлаетъ еще общую ссылку на массу данныхъ, которыя можно было бы извлечь изъ земско-медицинскихъ отчетовъ; но такихъ данныхъ не можетъ быть масса, потому что онѣ начали накапливаться слишкомъ недавно — да и здѣсь нужно помнить, что при равенствѣ дарованій женщина-врачъ скорѣе пойдетъ на земскую службу, чѣмъ врачъ-мужчина, имѣющій, по французскому выраженію, „больше одной тетивы для своего лука“. Мы вовсе не хотимъ отрицать возможности превосходства женщинъ-врачей надъ врачами-мужчинами; мы думаемъ только, что оно не доказано и не скоро еще можетъ быть доказано — и настаиваемъ на этомъ потому, что здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, не желателенъ „избытокъ рвенія“. Утверждать уже теперь, что врачи-женщины выше врачей-мужчинъ, значитъ, возбуждать ожиданія, которыя могутъ не осуществиться — а неосуществленіе ожиданій легко становится источникомъ реакціи. Зачѣмъ, вдобавокъ, прибѣгать къ спорнымъ аргументамъ, когда есть столько безспорныхъ, прекрасно развиваемыхъ и г. Абрамовымъ — общій недостатокъ врачей, несомнѣнная способность женщинъ къ медицинской дѣятельности, необходимость женщинъ-врачей для леченія женщинъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, важная, незамѣнимая роль, которая должна принадлежать женщинамъ-врачамъ въ женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ, и многое другое?.. Рѣшеніе вопроса давно уже дано жизнью, давно уже усвоено обществомъ; остается только желать, чтобы оно, какъ можно скорѣе, было утверждено властью.

20 марта окончилось въ Сенатѣ судебное дѣло города съ Обществомъ Спб. водопроводовъ; оно началось два года тому назадъ, 20 марта 1884 г., въ окружномъ судѣ, и вскорѣ затѣмъ разбиралось по апелліаціи сторонъ въ судебной палатѣ, которая вѣнчила Обществу въ обязанность построить центральный фильтръ, и дала ему на то четырехлѣтній срокъ, со дня резолюціи, а именно съ 7 ноября 1884 г. Сенатъ отказалъ Обществу въ его кассационной жалобѣ на рѣшеніе судебной палаты, и такимъ образомъ, къ 8 ноября 1888 г. центральный фильтръ долженъ быть приведенъ въ дѣйствіе; въ слу-

чаѣ же неисполненія къ сроку обязательной для Общества работы, городъ получить право отстроить фильтръ на счетъ отвѣтчика. Такъ окончилась двухлѣтняя борьба города съ Обществомъ; для осуществленія дѣла потребуется еще два съ половиною года—время, вполне достаточное для того, чтобы отстроить фильтръ, и надобно надѣяться, что городское общественное управленіе, одержавъ побѣду, съумѣетъ также и воспользоваться ея плодами. Но едва ли можно ожидать, чтобы дѣло пошло теперь само собою, и чтобы со стороны города снова не потребовалась значительная доля энергіи,—или иначе, 8-го ноября 1888 года городское общество получить не фильтръ, а только право построить фильтръ на счетъ отвѣтчика. Но чтобы этого не случилось—необходимо принять мѣры къ тому теперь же, ни мало не медля.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи.—Получено въ Редакцію, 19 февраля, на поддержаніе сельской школы Кавелина въ тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, селѣ Ивановѣ, отъ студентовъ Т. И.—77 руб. 14 коп., и П. У.—40 руб.; отъ уѣзднаго предвод. дворянства тверской губерніи г. Родичева—25 руб.; отъ г. Леванды, изъ Оренбурга—5 руб.—всего 107 руб. 14 коп.; съ полученными же прежде 352 руб., всего—499 р. 14 к.—Сверхъ того, было доставлено на памятникъ К. Д. Кавелину—101 руб.

ПОПРАВКА.

Выше, въ статьѣ: „Философія гр. Л. Н. Толстого“, на стр. 603, въ концѣ 15 строчки сл., по недосмотру, пропущены слова: „хотя не отрицаетъ законнаго брака“.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1886.

Книга третья. — Мартъ.

	СТР.
Безъ любви.—Романъ.—Часть вторая.—ОЛЬГѢ ШАПІРЪ	5
Путачи.—Критическій очеркъ.—А. БРИКНЕРА	95
Въ землю омытую.—Стих. В. С. СОЛОВЬЕВА	114
Европейскій востокъ.—Путевые очерки.—I. На рубежъ.—II. Босфоръ.—III. Святая Софія.—IV. Обломки византійскаго величія.—V. Улицы Константинополя.—VI. Султанскія мечети.—VII. Гробы старыхъ владыкъ.—Е. Л. МАРКОВА	116
Россия и Европа въ эпоху крымской войны.—III. Посольство кн. Меншикова.—IV. Завяііе придунайскихъ княжествъ.—БАР. А. Г. ЖОМИНИ	176
Принцъ Отто.—Романъ О. Л. Стивенсона.—Книга вторая: XI—XIV.—Книга третья: I—IV.—Окончаніе.—А. Э.	243
Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ.—III-V.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА	299
Мечты.—Стих. С. ФРУГА	337
Хролика.—Пенитенціальный конгрессъ въ Римѣ.—И. Я. ФОЙНИЦКАГО	340
Внутреннее Овозрожденіе.—Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1883 г.—Борьба съ язычествомъ и магометанствомъ на востокѣ, съ католичествомъ — на западѣ Россіи.—Обращеніе въ православію въ Эстляндіи.—Положеніе раскола при дѣйствіи закона 3 мая.—Церковно-приходскія школы и школы грамотности.—Нѣсколько словъ о податной инспекціи	375
Редакціонная дѣятель.—Нашимъ звездичкамъ въ Москвѣ	398
Иностранное Овозрожденіе.—Утомительная дѣла на Востокѣ.—„Маленькіе Бисмарки“ въ Сербіи.—Внутренняя политика германскаго канцлера.—Примиреніе съ партіею центра и война съ поляками.—Австрійскія дѣла.—Случай съ барономъ Пино.—Уличныя безпорядки въ Лондонѣ	408
Литературное Овозрожденіе.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.—Отчетъ имп. Публичной Библіотеки за 1883 г.—Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, пр. В. О. Миллера.—А. Н.—Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка, Н. А. Осипина.—В. В.	415
Изъ Ощественной Хролики.—И. С. Аксаковъ, † 27 января.—Предѣлы для оцѣнки его дѣятельности.—Особенности таланта покойнаго и основныя черты его стремленій.—Будущее славянофильства.—Новая годовщина 19-го февраля	430
Византизмическій Листокъ.—Славяне, ихъ взаимныя отношенія и славя, I. Первозлѣ.—Исторія родовъ русскаго дворянства, П. Н. Петрова.—Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, Эд. Гиббона, ч. VI.—Стихотворенія С. А. Андреевскаго.—Европейская Библіотека: Назначенія въ прозѣ Гёте.—Общедоступное изданіе стихотвореній В. А. Жуковскаго	

Книга четвертая.—Апрѣль.

стр.

БѢЛЪ ЛЮБИ.—Романъ.—Часть третья.—ОДЪГИ ШАШИРЪ	445
Европѣйскій Востокъ.—Путевые очерки.—Окончаніе.—VIII. Семибашенный замокъ.—IX. Стѣны Византии.—X. Среди турецкихъ кладбищъ.—XI. Вертящіяся деревья.—XII. Принцесы острова.—XIII. Дарданеллы.—XIV. Воды Греція и боги Греція.—XV. Цикладскій архипелагъ.—Е. Л. МАРКОВА	517
Философія гр. Л. Н. Толстого.—Z.	581
Стихотвореніе.—Горе! меня обманули.—N.	606
БѢЛЫЯ ДОЛЯ.—Изъ народной жизни.—Т. А. КУЗМИНСКОЙ	617
Россия и Европа, въ эпоху крымской войны.—V. Франція и Англія наканунѣ войны.—БАР. А. Р. ЖОМИНИ	655
Другу.—Стих. Н. МИНСКАГО	735
Споръ между южанами и сѣверянами.—Вопросъ о малорусскомъ языкѣ.—А. Н. ПЫШИНА	736
Стихотвореніе.—I. Цмъ.—II. Завѣтная скамья.—Н. Н. АБАЗЫ.	777
Валеріанъ Майковъ.—Изъ исторіи критики сороковыхъ годовъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА	789
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Примѣненіе новыхъ правилъ о питейной торговлѣ.—Питейная монополія казны, какъ гарантія народной нравственности.—"Партія", разыскиваемая московскими реакціонерами.—Нападенія на "законодательную технику" и настоящій ихъ смыслъ.—Новыя законодательныя мѣры.—Уголовная статистика за 1880 и 1881 г.	824
Два юбилея въ Берлинѣ.—Письмо изъ-за границы.—М. К.	846
Иностранное Овозрѣніе.—Европейская дипломатія и болгарскій вопросъ.—Политика кн. Бисмарка.—Французскія дѣла.—Рабочее движеніе и политическія партіи.—Возстаніе рабочихъ въ Бельгіи.	861
Литературное Овозрѣніе.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, 5 томовъ.—Бѣлорусскій сборникъ, Е. Романовъ.—Сынъ, разсказъ, и Халуй, эпизодъ, Н. Костомарова.—Всемирный языкъ, I. М. Шлейера.—А. В.—Маркизь О'Квичъ. Немножко философіи.—Д. С.	879
Замѣтка.—Гадальныя книги на западѣ и у насъ А-РЪ ВЕСЕЛОВСКІЙ.	895
Изъ Общественной Хроники.—Подогрѣтые толки о "русской партіи" и объявленіе о "русскомъ дѣлѣ".—Мнимый сибирскій сепаратизмъ, въ связи съ вопросомъ о сибирскомъ университетѣ.—Новый фазисъ вопроса о женскихъ врачебныхъ курсахъ.—Конецъ процесса города съ обществомъ спб. водопроводовъ	898
Извѣщенія.—Отъ Редакціи: Пожертвованія на поддержаніе сельской школы Кавелина	906
Библиографическій Листокъ.—Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. II.—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 44, 46, 50, 51 и 52.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, сост. Ф. Мартенсъ, т. VII.—Земля и люди.—Всеобщая исторія Эл. Реклю, кн. VIII.—Горе отъ ума, А. С. Грибоедова съ предисловіемъ: "Горе отъ ума и его критика", А. С. Суворина.—Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія, выборъ лучшихъ изъ нихъ и уходъ за ними. Соч. д-ра Регеля.	

SEP 28 1949

